ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА—ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

К. МАРКС

и

Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1962

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ

22

ПРЕДИСЛОВИЕ

Двадцать второй том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса содержит произведения Энгельса, написанные в 1890—1895 гг., в последние годы его жизни.

Эти годы относятся к завершающему десятилетию в истории домонополистического капитализма. На рубеже XIX и XX веков капитализм вступил в империалистическую стадию развития. Характерными чертами последнего десятилетия прошлого века являлись быстрый рост капиталистических монополий, усиление колониальной экспансии и борьбы капиталистических держав за территориальный раздел мира, ухудшение положения широких слоев трудящихся города и деревни. Углубление противоречий капитализма сопровождалось повсеместным обострением классовой борьбы. Интенсивно шел процесс собирания сил пролетариата, всесторонней подготовки его к новым революционным боям.

Первая половина 90-х годов ознаменовалась дальнейшими успехами марксизма, все большим распространением его вширь. Как указывает В. И. Ленин, к 90-м годам победа марксизма в рабочем движении «была в основных своих чертах завершена» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 15, стр. 18). В ряды международной армии социалистов вступали все новые отряды. Возникли болгарская, венгерская, польская, румынская и итальянская социалистические партии, образовалась Независимая рабочая партия Англии и т. д. В новый, пролетарский период вступило революционное движение России, где создавалась почва для возникновения боевой марксистской партии, основание которой связано с именем В. И. Ленина.

Наряду с ростом влияния марксизма в рабочем движении наблюдалось значительное усиление оппортунистических тенденций, связанное с притоком в ряды пролетариата мелкобуржуазных элементов, образованием рабочей аристократии, воздействием на рабочий класс буржуазной идеологии. В социалистических партиях, в первую очередь в германской социал-демократии, самой влиятельной партии Второго Интернационала, активизировались два основных оппортунистических направления — «левое», сектантское, и открыто оппортунистическое, реформистское, которое к концу XIX века приняло форму ревизионизма — прямого призыва к пересмотру революционных основ марксистского учения.

В этих условиях пропаганда марксизма, защита его от извращений и вульгаризации, борьба против попыток господствующих классов расколоть с помощью оппортунистов рабочее движение, разложить его изнутри приобретали исключительную важность, составляли насущную задачу революционных марксистов.

Неоценимое значение для социалистического движения имела в то время теоретическая и политическая деятельность Энгельса. Несмотря на свой преклонный возраст, Энгельс напряженно и плодотворно трудился над- дальнейшим развитием и пропагандой марксистской философии, политической экономии, научного коммунизма. Огромный вклад он внес в разработку программы, стратегии и тактики пролетарских партий.

В последние годы жизни Энгельса важнейшей частью его научной деятельности была подготовка к печати рукописи III тома «Капитала», а также переиздание «Манифеста Коммунистической партии» и других произведений Маркса и его собственных. Одновременно с работой над III томом «Капитала» Энгельс подготовил четвертое немецкое издание I тома (1890), а затем второе немецкое издание II тома (1893). Четвертому изданию I тома «Капитала» Энгельс предпослал специальное предисловие, в котором дал достойную отповедь буржуазным экономистам, пытавшимся дискредитировать Маркса как ученого, оклеветать его, обвинив в научной недобросовестности и преднамеренной фальсификации используемых источников (см. настоящее издание, т. 23, стр. 35—40). Разоблачению подобных вымыслов Энгельс посвятил специальную работу — «Брентано contra Маркс», публикуемую в настоящем томе. Эта работа, в которой вскрывается буржуазно-апологетическая сущность взглядов кате дер-социалистов, выступивших с клеветническими нападками на марксизм, показывает, с какой

страстностью Энгельс защищал и оберегал имя и литературное наследие своего великого друга.

Огромный труд вложил Энгельс в подготовку к печати рукописи III тома «Капитала», вышедшего в свет в конце 1894 года. Он видел в нем мощное идеологическое оружие в руках социалистических партий. Третья книга, писал Энгельс Бебелю, «превосходна, блестяща. Это поистине неслыханная ломка старой экономической науки. Лишь теперь наша теория приобретает несокрушимый фундамент, и мы получаем возможность победоносно бороться с любым врагом» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 1 изд., т. XXVII, стр. 459). В предисловии к этому тому Энгельс дал решительный отпор вульгарным буржуазным экономистам, которые, стремясь опровергнуть основы экономического учения Маркса, измышляли различного рода «противоречия» между открытыми Марксом законами, действующими в капиталистической экономике (см. настоящее издание, т. 25, ч. I, стр. 3—26). Важным вкладом в марксистскую политическую экономию являются написанные Энгельсом «Дополнения к третьему тому «Капитала»», состоящие из двух работ: «Закон стоимости и норма прибыли» и «Биржа».

Из публикуемой в настоящем томе заметки «О четвертом томе «Капитала» Маркса» явствует, что Энгельс намеревался издать рукопись «Теории прибавочной стоимости» как четвертый, заключительный том основного труда Маркса. Смерть, однако, помешала Энгельсу осуществить это намерение, как и другие весьма обширные творческие планы.

Ряд вошедших в том работ свидетельствуют о том, что в процессе подготовки к печати III тома «Капитала» Энгельс внимательно следил за происходящими экономическими процессами и стремился в той или иной форме их обобщить. Он с редкой проницательностью подметил некоторые существенные изменения в капиталистической экономике.

Важное высказывание Энгельса по этому вопросу содержится в его работе «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года». Энгельс здесь обращает внимание на изменившиеся формы организации капиталистического производства при сохранении и усилении его эксплуататорской сущности, а именно на распространение акционерных обществ и особенно трестов, «которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности» (см. настоящий том, стр. 234). В. И. Ленин подчеркивал, что в этом высказывании подмечена основная черта складывавшейся новой стадии капиталистического развития — превращение капитализма в монополистический капитализм. Особенно ценными Ленин

считал эти указания Энгельса для опровержения буржуазно-реформистских утверждений, «будто монополистический или государственно-монополистический капитализм *уже не* есть капитализм, уже может быть назван «государственным социализмом» и тому подобное» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 25, стр. 414).

В статье «Президентские выборы в Америке» Энгельс отмечает значительный удельный вес в американской экономике картелей и трестов, разоряющих мелких производителей и беспощадно эксплуатирующих трудящиеся массы. С усилением роли монополий связывал Энгельс и небывалое обострение конкурентной борьбы на мировом рынке между капиталистическими державами, в частности между США и Англией. Энгельс предсказывал также обострение борьбы на мировом рынке между США и Германией, для которой американская конкуренция «будет куда ощутимее английской» (см. настоящий том, стр. 348).

Мысль о все возрастающих темпах развития молодых капиталистических стран — США, Германии, стремящихся вытеснить Англию с мирового рынка, Энгельс проводит также в предисловиях к английскому и второму немецкому изданию своей работы «Положение рабочего класса в Англии». Он называет здесь США и Германию грозными соперниками Англии, которые «все более и более подрывают промышленную монополию Англии. Их промышленность молода сравнительно с английской, но она растет гораздо более быстрым темпом» (см. настоящий том, стр. 275). В этих предисловиях Энгельс отмечает приближающееся завершение захвата «свободных» рынков сбыта капиталистическими государствами и обусловленный этим рост противоречий между ними. Энгельс указывает, что «теперь новые рынки с каждым днем становятся все большей редкостью, так что даже неграм в Конго навязывают цивилизацию в виде бумажных тканей из Манчестера, глиняной посуды из Стаффордшира и металлических изделий из Бирмингема» (см. настоящий том, стр. 283).

Подмеченные новые явления в капиталистической экономике Энгельс считал одним из источников обострения свойственных капиталистическому обществу антагонизмов, причиной грозящих ему новых, невиданных еще по своим масштабам экономических потрясений. Так, в заметках «О некоторых особенностях экономического и политического развития Англии» Энгельс пророчески говорит о назревании в капиталистическом мире гигантского кризиса. Это предвидение Энгельса оправдалось с наступлением в начале XX века первого экономического кризиса эпохи империализма.

Ряд произведений, вошедших в том, характеризуют Энгельса как страстного пропагандиста экономического учения Маркса. В связи с завершением работы над III томом «Капитала» и предстоявшим выходом его в свет Энгельс пишет для партийной печати статьи ««Капитал» Маркса. Третий том» и «О содержании третьего тома «Капитала»», в которых в доступной для массового читателя форме раскрывает значение всех томов гениального произведения Маркса. С целью распространения экономических знаний среди рабочих Энгельс подготовил новое немецкое издание популярной работы Маркса «Наемный труд и капитал» (вышло в свет в 1891 г.). Готовя это издание для массового читателя, Энгельс внес в текст некоторые изменения и дополнения, для того чтобы привести содержание работы, опубликованной в 1849 г., в соответствие с последующим развитием Марксом его экономического учения в «Капитале».

Публикуемое в томе введение Энгельса к этому изданию является образцом глубоко научной и в то же время популярной марксистской литературы для рабочих. На конкретных примерах Энгельс показывает весь механизм эксплуатации капиталистом рабочего, процесс образования прибавочной стоимости, подводит читателей к пониманию антагонистического характера классовых отношений в капиталистическом обществе, раскрывает действие открытого Марксом закона абсолютного и относительного обнищания рабочего класса при капитализме. Антагонистическое классовое общество, подчеркивает Энгельс, неизбежно будет заменено новым общественным строем, «при котором исчезнут современные классовые различия и при котором — по-видимому, после короткого, связанного с некоторыми лишениями, но во всяком случае очень полезного в нравственном отношении переходного времени — средства для существования, пользования радостями жизни, получения образования и проявления всех физических и духовных способностей в равной мере, со все возрастающей полнотой будут предоставлены в распоряжение всех членов общества благодаря планомерному использованию и дальнейшему развитию уже существующих огромных производительных сил, при одинаковой для всех обязанности трудиться» (см. настоящий том, стр. 212).

В рассматриваемый период Энгельс большое место в своих научных занятиях отводил проблемам марксистской философии и марксистской исторической науки. В ряде произведений и писем он выступает против вульгаризации и опошления марксистского диалектико-материалистического метода,

развивая при этом важнейшие положения исторического материализма: о базисе и надстройке и их взаимодействии, о роли идеологии в жизни общества, о государстве и т. д. Энгельс подготовил третье издание своего теоретического произведения «Анти-Дюринг» (вышло в 1894 г.), сделал к нему существенные добавления, написал предисловие, в котором с удовлетворением отметил, что отстаиваемые в «Анти-Дюринге» взгляды получили «широкое распространение в общественном сознании научных кругов и рабочего класса» (см. настоящее издание, т. 20, стр. 15).

Большую работу провел Энгельс, подготавливая четвертое немецкое издание своего труда «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (это издание вышло в 1891 г.). В процессе работы Энгельс обобщил новый обширный материал по истории первобытного общества, данные археологии и этнографии. Для четвертого издания Энгельс написал специальное предисловие, опубликованное также в виде отдельной статьи под заглавием «К истории первобытной семьи (Бахофен, Мак-Леннан, Морган)». Здесь Энгельс дает обстоятельный критический анализ важнейших направлений в историографии первобытного общества, особенно отмечает при этом научную ценность исследований выдающегося американского ученого, стихийного материалиста Моргана.

Статья «Вновь открытый пример группового брака» свидетельствует о большом интересе Энгельса к достижениям научной мысли в России в области разработки истории первобытного общества. В статье Энгельс дает высокую оценку открытиям видного русского этнографа и антрополога Л. Я. Штернберга, сделанным им на основе изучения общественного строя и семейных отношений сахалинских гиляков (нивхов). Новые данные русского этнографа блестяще подтвердили правильность выводов Энгельса, изложенных в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства», о характере первобытного, доклассового общества, о родовом строе, о групповом браке как форме семейных отношений, свойственных этому строю.

Из общетеоретических произведений, переизданных Энгельсом в 90-е годы с целью защиты и пропаганды марксизма, важное значение имеет его работа «Развитие социализма от утопии к науке». Энгельс подготовил четвертое немецкое издание этой работы (1891), просмотрел также перевод ее на английский язык, написал для английского издания (1892) специальное введение.

В своем введении Энгельс продолжает борьбу против враждебных марксистской философии идеалистических теорий.

Он вскрывает несостоятельность попыток примирения материализма и идеализма, проявлявшихся в форме агностицизма. Доказывая на основе данных естественных наук познаваемость мира, Энгельс развивает одно из важнейших положений марксистской теории познания — о практике как критерии истины. В этой работе Энгельс показывает сущность открытого Марксом материалистического понимания истории и впервые вводит в употребление термин «исторический материализм» для обозначения «того взгляда на ход всемирной истории, который конечную причину и решающую движущую силу всех важных исторических событий находит в экономическом развитии общества, в изменениях способа производства и обмена, в вытекающем отсюда разделении общества на различные классы и в борьбе этих классов между собой» (см. настоящий том, стр. 306).

Большое место в этом введении Энгельс отводит раскрытию исторических и социальных корней религии. Он подчеркивает, что в религии гибнущий эксплуататорский класс ищет прежде всего средство обуздания революционных устремлений народных масс и отвлечения их от борьбы против существующего строя. «Первым же и важнейшим моральным средством, которым воздействуют на массы, оставалась все та же религия», — указывает Энгельс (см. настоящий том, стр. 317—318).

Рассматривая религиозные представления, наряду с юридическими и философскими, как более близкие или отдаленные отражения господствующих в данном обществе экономических отношений, Энгельс указывает, что эти представления не могут удержаться продолжительное время после коренного изменения в экономических отношениях. Вместе с тем Энгельс отмечал живучесть религиозных предрассудков, подчеркивал несовместимость их с научным мировоззрением, относил эти предрассудки к тем традициям, которые служат тормозом исторического развития и с которыми требуется умелая и настойчивая борьба.

В публикуемой в томе работе Энгельса «К истории первоначального христианства» дано научное материалистическое освещение причин возникновения христианства, его исторических корней и социальной сущности. На основании глубокого анализа большого круга источников Энгельс показал, как из религии рабов и вольноотпущенников, из идеологии угнетенных масс, пришедших в движение в условиях кризиса рабовладельческого общества, христианство через триста лет после своего возникновения превратилось в официальную религию эксплуататорского государства, в орудие духовного и социального

порабощения трудящихся. Выводы, сделанные Энгельсом, служат отправными положениями для научного исследования многих проблем античной истории и прежде всего происхождения христианства.

Теоретические занятия Энгельс постоянно сочетал с практическим руководством классовой борьбой пролетариата. Он дал замечательный образец применения материалистической диалектики при определении тактики рабочего класса, умения конкретно подойти к проблемам рабочего движения, раскрыть и подчеркнуть неразрывное единство между его национальными задачами в отдельных странах и общими интернациональными целями всего международного пролетариата.

По-прежнему большое внимание уделял Энгельс германскому рабочему движению. Он постоянно следил за деятельностью Социал-демократической партии Германии, активно сотрудничал в ее печатных органах. Советы и указания, которые Энгельс давал руководителям германской социал-демократии, во многом относились и к социалистам других стран, затрагивали общие вопросы теории и тактики пролетарского движения. Поэтому многие его работы и статьи, помещаемые в немецкой социал-демократической печати, перепечатывались и в социалистических органах других стран.

В статьях «Выборы 1890 года в Германии» и «Что же дальше?» Энгельс расценивает итоги выборов в германский рейхстаг 20 февраля 1890 г. как крупную победу демократических сил Германии над реакционным юнкерско-буржуазным правительственным блоком, возглавляемым Бисмарком. Вскоре за поражением правительства Бисмарка на выборах последовали его отставка, а затем отмена исключительного закона против социалистов.

Отмечая важность успехов Социал-демократической партии на выборах, Энгельс в указанных статьях, а также в «Прощальном письме читателям газеты «Sozialdemokrat»» подчеркивает, что эти успехи явились результатом героической двенадцатилетней борьбы германских рабочих против реакции в годы исключительного закона, результатом гибкой тактики партии, умело сочетавшей легальные и нелегальные формы деятельности. Энгельс призывал германскую социал-демократию следовать революционным традициям, идущим еще от Союза коммунистов и издававшейся Марксом в период революции 1848— 1849 гг. «Neue Rheinische Zeitung». Энгельс предостерегал партию от парламентских иллюзий, указывал, что парламентская деятельность является важным, но не единственным оружием в руках рабочего класса. Значение парламентской

борьбы, как отмечал Энгельс во многих статьях, заключается в том, что она дает возможность социал-демократам произвести смотр своих сил, позволяет использовать парламент как трибуну для мобилизации рабочего класса и трудящихся масс. При этом Энгельс неустанно обращал внимание руководителей партии на важность внепарламентской деятельности, укрепления связей партии с массами, социал-демократической пропаганды в профессиональных союзах и других рабочих организациях, среди крестьянства, в армии.

В «Прощальном письме читателям газеты «Sozialdemokrat»» Энгельс поднимает перед германской партией вопрос о пересмотре тактики в соответствии с изменившейся обстановкой. Выбор методов борьбы Энгельс ставит в зависимость от конкретных условий, в значительной мере от характера действий господствующих классов. «Имперское правительство, — указывает он в этой связи, — хочет попытаться действовать против нас снова в рамках общего права, а поэтому и мы попытаемся использовать законные средства, которые мы вновь завоевали путем энергичного применения незаконных» (см. настоящий том, стр. 83). Однако в случае применения насилия со стороны правящих классов германская социал-демократия будет вынуждена снова встать на путь нелегальной деятельности «как на единственный, который у нее еще останется» (см. настоящий том, стр. 84). Эти ценные указания свидетельствуют о том, что Энгельс был решительным противником сектантско-догматического абсолютизирования тех или иных форм борьбы рабочего класса, что он допускал возможность применения пролетариатом различных методов и путей завоевания политической власти в зависимости от конкретных исторических условий.

Ряд произведений Энгельса, включенных в том, отражают его борьбу против левых и правых оппортунистических элементов в германской социал-демократии, активизировавшихся в связи с пересмотром программы и тактики партии в новых условиях борьбы.

В статьях «Ответ редакции «Sachsische Arbeiter-Zeitung»», «Ответ господину Паулю Эрнсту» и других Энгельс самым решительным образом выступил против «левой», полуанархистской оппозиции «молодых», которая, не считаясь с изменившейся обстановкой, отрицала важность парламентской деятельности, обвиняла партию в приверженности к «мелкобуржуазному парламентскому социализму», навязывала ей сектантскую, авантюристическую тактику. Теоретические взгляды «молодых», стремившихся вульгаризаторски соединить марксистское

учение с дюрингианством, Энгельс охарактеризовал как «до неузнаваемости искаженный «марксизм»». Отмечая непонимание лидерами «молодых» марксистской методологии, их догматизм, Энгельс указывал, что «материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроят и перекраивают исторические факты» (см. настоящий том, стр. 86). Энгельс показывает опасность авантюристической тактики, пренебрегающей фактическими условиями классовой борьбы, предостерегает, что такая тактика могла бы «погубить даже самую сильную, насчитывающую в своих рядах миллионы партию под вполне заслуженный хохот всего враждебного ей мира» (см. настоящий том, стр. 74). С едким сарказмом бичует Энгельс честолюбие и заносчивость представителей оппозиции, состоявшей в основном из недавно вступивших в партию интеллигентов. Высмеивая их претензии на особое положение в партии, он указывает, «что в нашей партии каждый должен начинать свою службу с низшей должности; что для занятия ответственных постов в партии недостаточно только литературного таланта и теоретических знаний, даже когда и то и другое бесспорно налицо, но что для этого требуется также основательное знание условий партийной борьбы и усвоение ее форм, испытанная личная честность и твердость характера и, наконец, добровольное включение себя в ряды борцов» (см. настоящий том, стр. 75). Это высказывание свидетельствует о том, какие высокие требования предъявлял Энгельс к партийным деятелям.

Боевые статьи Энгельса, а также решительные выступления Бебеля и Либкнехта против «молодых» помогли германской социал-демократии быстро справиться с этим «бунтом литераторов и студентов».

Главную опасность для социалистических и рабочих партий представляли в тот период реформистские, открыто оппортунистические элементы. В Германии ,во главе этих элементов, готовых, по словам В. И. Ленина, «воспользоваться легальностью для отречения от неурезанных лозунгов и от непримиримой тактики» (см. В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 19, стр. 267), стоял лидер баварских социал-демократов Фольмар. Оппортунисты предприняли атаку прежде всего на марксистскую теорию государства, на учение о классовой борьбе, революции и диктатуре пролетариата. Выступления Фольмара и других оппортунистов против марксистской теории государства подготовили почву для общей ревизии марксизма, с которой в конце 90-х годов выступил Бернштейн.

Ответом Энгельса на выступления правооппортунистических элементов, а также на примиренческие тенденции по отношению к ним со стороны В. Либкнехта и других руководителей германской социал-демократии было опубликование в 1891 г. рукописи Маркса «Критика Готской программы», — документа, в котором содержалась беспощадная критика реформистских лассальянских догм и были сформулированы важнейшие положения теории научного коммунизма, в том числе учения о диктатуре пролетариата. В своем предисловии Энгельс привел мотивы, побудившие его настоять на публикации этой работы (см. настоящий том, стр. 95—96). Одной из причин было стремление нанести сокрушительный удар по культу личности Лассаля, который длительное время насаждался оппортунистическими элементами в германском рабочем движении. Принимая решение о публикации рукописи, Энгельс знал, что ему придется преодолеть известное сопротивление со стороны тех руководителей германской социал-демократии, в адрес которых в свое время была обращена критика Маркса и которые, несмотря на это, пошли на принятие компромиссной программы в Готе. Но Энгельс был полон уверенности в силе самой партии, в том, что она достаточно крепка, чтобы выдержать откровенную критику Марксом ее ошибок. Для Энгельса превыше всего были принципиальные соображения, интересы партии, сохранение чистоты марксистской теории.

В обстановке обострившейся идейной борьбы в Социал-демократической партии Германии и в социалистических партиях других стран большое значение имел также выпуск в 1891 г. третьего немецкого издания труда К. Маркса «Гражданская война во Франции». В публикуемом в томе введении к этому изданию Энгельс раскрывает всемирно-историческую роль Парижской Коммуны и огромную ценность того вклада, который был внесен Марксом в учение о государстве, революции и диктатуре пролетариата на основе теоретического обобщения опыта Коммуны. В своем введении Энгельс дополняет классическую характеристику деятельности Коммуны, данную Марксом, подчеркивает на примере критики ошибок входивших в нее бланкистов и прудонистов необходимость правильного руководства овладевшим государственной властью пролетариатом со стороны теоретически зрелой революционной пролетарской партии. Он дает, по выражению В. И. Ленина, «замечательную рельефную сводку» уроков Коммуны, дополняя их обобщением опыта борьбы рабочего класса в течение последующего двадцатилетнего периода. Энгельс самым решительным образом выступает против «суеверного почтения к государству», получившего

распространение в Германии не только среди буржуазии, но и среди неустойчивых элементов социал-демократии. Отмечая важность сделанного Марксом вывода об угнетательском характере буржуазной государственной машины и необходимости слома ее, Энгельс пишет: «государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии» (см. настоящий том, стр. 200—201). В обоснование этого положения Энгельс приводит пример республиканского государственного строя и двухпартийной системы в США, где имеются «две большие банды политических спекулянтов, которые попеременно забирают в свои руки государственную власть и эксплуатируют ее при помощи самых грязных средств и для самых грязных целей» (см. настоящий том, стр. 200).

В противовес реформистским теориям об использовании буржуазного государства для мирного врастания капиталистического общества в социализм Энгельс отстаивает идею диктатуры пролетариата, создания рабочим классом нового пролетарского государства, которое будет в корне отличаться от государства эксплуататорских классов. Особенно ярко защита Энгельсом основы основ марксистской теории — учения о диктатуре пролетариата — выражена в заключительном абзаце его работы, адресованном непосредственно оппортунистическим элементам германской социал-демократии: «В последнее время социал-демократический филистер опять начинает испытывать спасительный страх при словах: диктатура пролетариата. Хотите ли знать, милостивые государи, как эта диктатура выглядит? Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата» (см. настоящий том, стр. 201).

Весьма ценные мысли высказаны Энгельсом по вопросу о судьбах государства после завоевания власти рабочим классом. Продолжая развивать выдвинутое Марксом и им положение об отмирании государства при коммунизме, Энгельс подчеркивает, что свою диктатуру,рабочий класс устанавливает не на вечные времена, что государство нового, социалистического типа будет существовать лишь до тех пор, «пока поколение, выросшее в новых, свободных общественных условиях, окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности» (см. настоящий том, стр. 201). В предисловии к сборнику «Статьи на международные темы из газеты «Volksstaat»» Энгельс, поясняя, почему Маркс и он предпочитали называть себя коммунистами, а не социал-демократами, отмечает известную неточность в научном отношении названия «социал-демократическая» для такой партии, «экономическая программа

которой является не просто социалистической вообще, а прямо коммунистической,— для партии, политическая конечная цель которой есть преодоление всего государства, а, следовательно, также и демократии» (см. настоящий том, стр. 435). Таким образом, по мысли Энгельса, будущее социалистическое государство, развиваясь в направлении все большей демократизации, в конечном счете должно с утверждением коммунистического строя полностью отмереть и будет заменено негосударственными формами общественного самоуправления.

Мысли Энгельса по вопросу о государстве были высоко оценены и развиты дальше В. И. Лениным в его труде «Государство и революция». Марксистско-ленинская теория государства получила новое творческое развитие в Программе Коммунистической партии Советского Союза, принятой XXII съездом.

Важнейшим документом, отражающим борьбу Энгельса за программные и тактические принципы научного коммунизма, против оппортунистического искажения этих принципов, является упомянутая выше работа «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года». В ней дается подробный анализ первоначального проекта программы Социал-демократической партии Германии, составленный Правлением партии к Эрфуртскому съезду, на котором предстояло принять новую программу взамен Готской программы 1875 года. В связи с критикой недостатков проекта Энгельс развивает в этой работе ряд положений марксизма: об экономических и политических задачах и целях пролетарского движения, о значении борьбы за демократические преобразования государственного строя, в том числе и местного управления, о различных путях перехода от капитализма к социализму, о пролетарском государстве и диктатуре пролетариата.

Значительное место в своей работе Энгельс отводит «критике *оппортунистических* воззрений социал-демократии в вопросах *государственного* устройства» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 25, стр. 414). Самым решительным образом выступает он против распространяемых оппортунистами иллюзий, будто при существующем в Германии полуабсолютистском политическом строе можно «идиллически-мирным путем установить республику, и не только республику, но и коммунистическое общество» (см. настоящий том, стр. 238). Отсутствие в проекте требований ниспровержения реакционного монархического строя в Германии и установления демократической республики в качестве необходимой предпосылки для завоевания пролетариатом политической власти Энгельс расценивал как «забвение великих, коренных соображений из-за минутных интересов дня», как

«принесение будущего движения в жертву настоящему» (см. настоящий том, стр. 237). Допуская возможность перехода отдельных стран от капитализма к социализму и мирным путем, Энгельс высказывает ряд принципиально важных соображений относительно условий, делающих возможным такой путь. «Можно себе представить, что старое общество могло бы мирно врасти в новое в таких странах, где народное представительство сосредоточивает в своих руках всю власть, где конституционным путем можно сделать все, что угодно, если только имеешь за собой большинство народа» (см. настоящий том, стр. 236— 237). Однако в тогдашней Германии и других странах с полицейско-деспотическим режимом, для того чтобы создать условия перехода к социализму, общество, указывает Энгельс, должно было насильственно «разбить оковы еще полуабсолютистского и к тому же невыразимо запутанного политического строя» (см. настоящий том, стр. 236).

В качестве государственной формы, при которой рабочий класс Германии мог бы прийти к власти, Энгельс указывал на демократическую республику, являющуюся «даже специфической формой для диктатуры пролетариата» (см. настоящий том, стр. 237). Лозунг «демократической республики» означал в понимании Энгельса в данном случае борьбу за завоевание подступов к диктатуре пролетариата, борьбу за создание благоприятных условий, позволяющих использовать демократический режим в целях утверждения пролетарской государственности, что, как показал в дальнейшем опыт стран народной демократии, при известных обстоятельствах может быть вполне реальным. Именно в таком смысле, в противовес оппортунистам и ревизионистам, превозносящим буржуазную демократию, понимал это высказывание Энгельса В. И. Ленин, подчеркнувший в своем труде «Государство и революция», что «Энгельс повторяет здесь в особенно рельефной форме ту основную идею, которая красной нитью тянется через все произведения Маркса, именно, что демократическая республика есть ближайший подход к диктатуре пролетариата» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 25, стр. 417).

Работа Энгельса «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года» оказала серьезное воздействие на выработку окончательного проекта программы германской социал-демократии. Однако в принятой на Эрфуртском съезде программе не были учтены некоторые важнейшие замечания Энгельса. В ней отсутствовали положение о диктатуре пролетариата, требование свержения монархии и установления демократической республики. Это свидетельствовало о том, что

влияние оппортунизма не было полностью преодолено в рядах германской социал-демократии.

Важное место в революционном наследии основоположников марксизма занимает написанное Энгельсом в 1895 г. введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», подвергшееся — еще при жизни Энгельса и особенно после его смерти — тенденциозному истолкованию в оппортунистическом духе со стороны некоторых лидеров германской социал-демократии. В этом документе Энгельс предстает как замечательный стратег и тактик революционной борьбы пролетариата.

Показав всю важность анализа хода и уроков революции 1848—1849 гг., данного в работе Маркса, Энгельс значительную часть своего введения посвящает обобщению дальнейшего опыта классовой борьбы пролетариата, прежде всего в Германии. Энгельс подчеркивает в своей работе необходимость революционного использования всех легальных средств в интересах подготовки пролетариата к социалистической революции, умелого сочетания борьбы за демократию с борьбой за социалистическую революцию, подчинения первой задачи второй. В своем введении Энгельс вновь обосновывает краеугольное положение марксизма о зависимости выбора тактических методов и форм борьбы от конкретной исторической обстановки, о необходимости замены предпочтительных для пролетариата мирных форм революционной деятельности немирными в случае применения насилия со стороны реакционных господствующих классов. Когда последние, указывает Энгельс, сами нарушат «роковую законность» и прибегнут к насилию, социал-демократия должна использовать «право на революцию». Она перенесет тогда свою деятельность «с арены парламентской борьбы на революционную арену» (см. «Ответ достопочтенному Джованни Бовио», настоящий том, стр. 287).

Главный залог успеха пролетарской партии Энгельс видит в привлечении на сторону рабочего класса широких народных масс, в первую очередь трудящегося крестьянства. Подчеркивая решающую роль масс в исторических событиях, Энгельс пишет: «Там, где дело идет о полном преобразовании общественного строя, массы сами должны принимать в этом участие, сами должны понимать, за что идет борьба, за что они проливают кровь и жертвуют жизнью. Этому научила нас история последних пятидесяти лет» (см. настоящий том, стр. 544).

Против зарождавшегося ревизионизма в германской социал-демократии и других партиях Второго Интернационала направлена публикуемая в томе работа Энгельса «Крестьянский

вопрос во Франции и Германии». Непосредственным поводом для написания Энгельсом этого произведения послужила попытка Фольмара и других оппортунистов использовать обсуждение проекта аграрной программы на Франкфуртском съезде германской социал-демократии в 1894 г. для протаскивания враждебных марксизму «теорий» об устойчивости крестьянского хозяйства в условиях капитализма, о постепенном врастании в социализм кулацких элементов деревни, эксплуатирующих наемный труд батраков, и т. д. Выступить в печати по этому вопросу Энгельса побуждало также стремление исправить ошибки французских социалистов, допустивших в своей аграрной программе (принятой на съезде в Марселе в 1892 г. и дополненной на съезде в Нанте в 1894 г.) отступления от марксизма и уступки оппортунизму.

В работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» и в непосредственно связанном с ней «Письме в редакцию газеты «Vorwarts»» Энгельс подверг обстоятельной критике оппортунистические взгляды Фольмара и ошибки французских социалистов. Он показал, что последние, обещая в угоду мелкобуржуазным собственническим иллюзиям крестьян сохранение их собственности, по существу объективно стремятся «к экономически невозможному, жертвуют принципом, встают на реакционную точку зрения» (см. настоящий том, стр. 499). Критический разбор Нантской программы дал Энгельсу повод изложить в подытоженном виде взгляды Маркса и свои на трудовое крестьянство как на основного союзника пролетариата и сделать новый шаг в обосновании тактики социалистических партий по отношению к различным категориям крестьянства, наметить в общих чертах политику в крестьянском вопросе будущего пролетарского государства.

Энгельс разъясняет необходимость дифференцированного подхода к крестьянству, важность привлечения на сторону социалистических партий широких слоев трудового крестьянства, в первую очередь сельских пролетариев и мелких крестьян — союзников рабочего класса в социалистической революции. Чтобы завоевать политическую власть, указывает он, социалисты должны сначала из города пойти в деревню, должны сделаться там силой (см. настоящий том, стр. 504). Выступая в защиту интересов крестьянских масс, социалистические партии обязаны в то же время разъяснять крестьянам их истинное положение при капитализме, который обрекает на гибель мелкое крестьянское хозяйство, постоянно подчеркивать, что только социалистическая революция открывает для трудящихся деревни перспективу освобождения от нищеты и эксплуатации.

Огромное теоретическое и практическое значение для марксистских партий имеют указания Энгельса относительно способов социалистического переустройства сельского хозяйства. «Наша задача по отношению к мелким крестьянам, — писал Энгельс о политике пролетариата, пришедшего к власти,— состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство, их собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели. И тогда у нас, конечно, будет достаточно средств, чтобы показать мелкому крестьянину выгоды, которые ему должны бы быть ясны уже и теперь» (см. настоящий том, стр. 518). Касаясь проблемы экспроприации крупных земельных собственников, Энгельс указывал, что вопрос о том, как произойдет эта экспроприация, с выкупом или без него, «будет зависеть большей частью не от нас, а от тех обстоятельств, при которых мы придем к власти, а также, в частности, и от поведения самих господ крупных землевладельцев» (см. настоящий том, стр. 523).

«Крестьянский вопрос во Франции и Германии» Энгельса относится к числу основополагающих марксистских работ по аграрному вопросу. Высказанные в ней глубокие идеи были всесторонне развиты В. И. Лениным при разработке им гениального кооперативного плана социалистического преобразования деревни.

Большое внимание Энгельс уделял рабочему движению Франции и французской Рабочей партии, о чем свидетельствуют, кроме уже упоминавшихся произведений, также ряд других статей, публикуемых в настоящем томе. Энгельс всемерно содействовал идеологическому и организационному укреплению Рабочей партии, помогал ее руководителям — Геду и Лафаргу — вырабатывать тактическую линию в важнейших вопросах, вести решительную борьбу с оппортунистическим направлением во французском рабочем движении — поссибилистами, преодолевать оппортунистические тенденции в рядах самой партии.

Считая Францию страной, где *«против воли* мелкого крестьянина никакой прочный переворот... невозможен» (см. настоящий том, стр. 517), Энгельс видел первостепенную задачу французской Рабочей партии в усилении социалистической пропаганды в деревне. Отмечая как положительный факт крупные успехи социалистов на выборах, Энгельс вместе с тем подверг критике проявившееся у некоторых руководителей партии стремление перенести центр тяжести на парламентскую деятельность. Энгельс придавал огромное значение пропаганде революционного опыта Парижской Коммуны среди французских

рабочих. С этой целью он ежегодно 18 марта публиковал на страницах газеты «Socialiste» приветствия французским рабочим, воспитывая их в духе революционных традиций и пролетарского интернационализма.

В статье «По поводу недавней проделки парижской полиции», а также в интервью корреспонденту французской газеты «Eclair» Энгельс отмечает усиление политической реакции во Франции, разоблачает организаторов полицейских репрессий против социалистического и демократического движения. Решительно осудил Энгельс террористические акты анархистов, используемые реакционными кругами и полицией в провокационных целях. Действительный смысл этих актов, указывает он, — «привести население в состояние тревоги, ввести террор и установить господство реакции» (см. настоящий том, стр. 553).

Ряд содержащихся в томе работ (предисловие к английскому изданию книги «Положение рабочего класса в Англии», статья «4 мая в Лондоне» и другие) отражают активное участие Энгельса в английском рабочем движении. Считая насущной задачей английского рабочего класса создание самостоятельной массовой революционной партии, Энгельс вскрыл причины, тормозившие осуществление этой задачи. Он отмечает кастовую замкнутость старых тред-юнионов, выражавших интересы рабочей аристократии и являвшихся проводниками ее влияния на пролетариат, укоренившееся благодаря этому у рабочих предубеждение к социализму и распространение буржуазных традиций, к числу которых относится предрассудок, «будто возможны только две партии, консервативная и либеральная, и будто рабочий класс должен добиваться своего освобождения при помощи великой либеральной партии» (см. настоящий том, стр. 319). Одной из слабых сторон английского, а также американского рабочего движения был, по мнению Энгельса, догматизм, свойственный существующим социалистическим организациям.

Важнейшее условие ликвидации раскола в английском рабочем движении Энгельс видел в преодолении сектантства Социал-демократической федерации, лидеры которой превратили марксизм «в ортодоксию» (см. настоящий том, стр. 567), а также влияния буржуазных социалистов в лице Фабианского общества. Это общество, согласно характеристике Энгельса, являлось «не более как филиалом либеральной партии» (там же).

Энгельс выражал уверенность, что «мощное движение масс положит конец всем этим сектам и группкам» и сделает возможным образование в Англии настоящей рабочей партии. Поэтому он придавал первостепенное значение организации социалисти-

ческой пропаганды среди широких слоев рабочих, особенно среди пролетарского населения лондонского Ист-Энда. Энгельс приветствовал развернувшееся в конце 80-х годов движение неквалифицированных рабочих и образование новых тред-юнионов. Начавшееся пробуждение классового сознания английского пролетариата нашло свое яркое выражение в массовой первомайской демонстрации 4 мая 1890 г. в Лондоне. Когда в Англии будет создана подлинно пролетарская партия, указывал Энгельс, она сможет «навсегда положить конец игре в качели двух старых партий, сменяющих одна другую у кормила правления и стремящихся таким путем увековечить господство буржуазии» (см. настоящий том, стр. 341). Энгельс приветствовал образование в 1893 г. Независимой рабочей партии, надеясь, что она разовьется в массовую партию. Однако в ней вскоре возобладали реформистские элементы.

Неоценимая помощь, которую оказывал Энгельс молодым отрядам международного рабочего движения — социалистическим партиям европейских стран — получила отражение в публикуемых в томе письмах руководству рабочих партий и организаций, редакциям рабочих и социалистических газет, а также в его переписке с социалистами различных стран.

Во многих своих произведениях (приветствия партийным съездам, «Речь на социал-демократическом собрании в Вене», «Приветствие австрийским рабочим по случаю ежедневного выхода «Arbeiter-Zeitung»» и другие) Энгельс отмечает крупные успехи рабочего движения в Австрии, дает советы по ряду тактических вопросов, выражает свою солидарность с мужественной борьбой австрийского пролетариата за расширение демократических свобод, за всеобщее избирательное право. Придавая первостепенное значение вовлечению в пролетарское движение рабочих всех национальностей Австро-Венгрии, их воспитанию в духе пролетарского интернационализма, Энгельс внимательно следил за формированием и развитием венгерской социал-демократической партии. В своем письме «В редакции газет «Arbeiter-Wochen-Chronik» и «Nepszava»» Энгельс подчеркнул закономерность возникновения рабочей партии как в больших, так и в малых странах. «Существование венгерской социал-демократической рабочей партии лишний раз доказывает, что современная крупная промышленность не может утвердиться ни в одной стране, не революционизируя старое докапиталистическое общество и не порождая наряду с классом капиталистов также и пролетариат, а вместе с этим классовую борьбу между ними и рабочую партию» (см. настоящий том, стр. 93).

Большое удовлетворение доставляло Энгельсу развитие рабочего движения и распространение марксизма в славянских странах Центральной и Южной Европы — Болгарии, Польше, Чехии, — о чем свидетельствуют включенные в том работы: «В редакцию болгарского журнала «Социалъ-демократъ»», «Чешским товарищам к Первому мая» и другие. Энгельс отмечает рост пролетарской солидарности между чешскими и немецкими рабочими, подчеркивает необходимость противопоставлять интернациональное единство трудящихся политике разжигания национальной ненависти и распрей, проводимой буржуазией. В предисловии к польскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» (1892) Энгельс с удовлетворением отметил быстрое распространение социалистических идей среди польских рабочих и все возрастающую роль молодого польского пролетариата в борьбе за независимость и национальное возрождение Польши. В этой работе, а также в некоторых других произведениях («Редакции газеты «Volksfreund»», «Об антисемитизме») Энгельс высказывает важные идеи по национальному вопросу, обосновывает принципы пролетарского интернационализма, показывает враждебность делу освобождения трудящихся всяких проявлений шовинистической и националистической идеологии.

В томе публикуется ряд статей Энгельса, посвященных Италии и итальянскому рабочему движению: «Об итальянской панаме», «К итальянскому читателю» (предисловие к итальянскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1893 г.), «Будущая итальянская революция и социалистическая партия», «Социализм международный и социализм итальянский (письмо в редакцию журнала «Critica Sociale»)» и другие. Эти статьи свидетельствуют о том глубоком интересе, с каким следил Энгельс за положением в Италии, борьбой итальянских трудящихся против политического и экономического гнета, а также о той большой помощи, которую оказывал Энгельс итальянским социалистам в пропаганде марксизма, в формировании итальянской социалистической партии, в определении стоящих перед ней ближайших задач. Написанные Энгельсом предисловие к испанскому изданию «Нищеты философии» Маркса, приветствие «Испанским рабочим к Первому мая 1893 года», обращение к «Английским социалистическим и рабочим организациям» показывают его тесные связи с социалистическим движением Испании.

Деятельность Энгельса по руководству международным рабочим движением значительно расширилась с основанием Второго Интернационала. Его борьба за сплочение нового между-

народного объединения социалистических и рабочих партий на основе принципов марксизма, за распространение влияния научного коммунизма на пролетариев всех стран нашла отражение во многих произведениях, вошедших в настоящий том.

Большое значение в деле мобилизации масс и укрепления международной пролетарской солидарности придавал Энгельс проведению, в соответствии с решением учредительного Парижского конгресса Второго Интернационала, празднования Первого мая. В предисловии к четвертому немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» (1890) Энгельс с гордостью отмечал, что брошенный Марксом и им в 1848 г. боевой призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» дошел до рабочих, и доказательством этому служит уже первое проведение первомайского праздника в 1890 году. В своих выступлениях по случаю пролетарского праздника («Приветствие австрийским рабочим к Первому мая 1893 года», «Германским рабочим к Первому мая 1893 года», «Вопреки всему. Приветствие французским рабочим к Первому мая 1893 года» и другие) Энгельс призывал международный пролетариат сделать традицией боевые смотры пролетарских сил 1 мая каждого года, подчеркивал ярко проявлявшееся во время этих смотров единство интернациональных и национальных задач пролетариата.

Работы «Международный рабочий конгресс 1891 года», «О Брюссельском конгрессе и о положении в Европе», «Национальному совету Социалистической рабочей партии Испании» раскрывают роль Энгельса в подготовке конгрессов Второго Интернационала, его борьбу против попыток оппортунистических элементов в лице французских поссибилистов, лидеров консервативных английских тред-юнионов и английской Социал-демократической федерации захватить в свои руки руководство международным рабочим движением. Энгельс приветствует тот отпор, который в то время давали марксисты на конгрессах Второго Интернационала как реформистским, так и анархиствующим элементам. Считая в тех условиях правый оппортунизм главной опасностью для рабочего движения, Энгельс придавал серьезное значение и борьбе против анархистских, авантюристических тенденций, проявлявшихся в псевдореволюционном фразерстве, догматизме, доктринерско-сектантском нежелании учитывать реальную обстановку. Он подчеркивал, что партия рабочего класса — это партия «борьбы», которая считается с «фактами» (см. настоящий том, стр. 244). Анархизм Энгельс называл «карикатурой на рабочее движение», указывая, что в конечном счете действия анархистских элементов играют

на руку врагам рабочего класса, правительствам Европы и Америки (см. настоящий том, стр. 433).

В своих выступлениях Энгельс постоянно отмечал значение международных связей социалистов различных стран, выработки согласованной линии на международных социалистических конгрессах, личных контактов, взаимного сотрудничества в социалистической печати. При этом он подчеркивал необходимость строгого соблюдения общих решений и принципов марксизма. В своей речи при закрытии Международного социалистического рабочего конгресса в Цюрихе Энгельс говорил: «Чтобы не выродиться в секту, мы должны допускать дискуссии, но общие принципы должны неизменно соблюдаться» (см. настоящий том, стр. 426). Энгельс неустанно призывал социалистические партии, вошедшие в новое международное объединение, следовать революционным традициям Первого Интернационала, требовал от социалистов изучения и использования его революционного опыта, надеясь, что Второй Интернационал приумножит этот опыт.

Второй Интернационал, однако, не оправдал надежд, возлагавшихся на него Энгельсом. Если в первые годы своего существования, когда Энгельс оказывал ему помощь советами и критикой, он был боевой марксистской организацией, то после смерти Энгельса все большим влиянием в нем стали пользоваться реформисты и ревизионисты, а также скрытые оппортунисты (центристы), приведшие в конце концов Второй Интернационал к позорному краху в 1914 году. Тем не менее деятельность Энгельса по распространению идей марксизма и пролетарского интернационализма в рабочем движении в первые годы Второго Интернационала принесла свои плоды. Она способствовала воспитанию подлинно революционных элементов в рядах партий Второго Интернационала, которые во главе с В. И. Лениным и революционным крылом российской социал-демократии высоко подняли знамя марксизма и пролетарского интернационализма.

В произведениях, вошедших в том, значительное место отводится России, анализу ее внутренней и внешней политики, русскому революционному движению. Жестокая политическая реакция 80-х — начала 90-х годов не поколебала уверенности Энгельса в неизбежности народной революции против царизма. Эта уверенность переросла в твердое убеждение, что революция «стучится теперь в двери России, и внутри страны у нее уже достаточно союзников, которые ждут только случая, чтобы открыть ей эти двери» (см. настоящий том, стр. 47). В поле зрения Энгельса все большее место стали занимать представи-

тели нового, марксистского поколения русских революционеров. Более тесные контакты устанавливаются у Энгельса с руководителями группы «Освобождение труда» — В. И. Засулич и Г. В. Плехановым. С большим одобрением следил Энгельс за деятельностью этих «передовых борцов русского пролетариата» по распространению марксизма в России, высоко ценил произведения Плеханова. Прозорливый вывод о назревании крупных революционных событий в России Энгельс основывал на глубоком изучении всех сторон жизни «великого и высокоодаренного народа» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 1 изд., т. XXIX, стр. 254).

В статье «Социализм в Германии», интервью корреспонденту французской газеты «Eclair» и других работах Энгельс характеризует развитие пореформенной России как глубокий экономический и социальный переворот. Энгельс подчеркивает, что смена феодально-крепостнических отношений капиталистическими сопровождалась в России массовым разорением крестьян, распадом их натурального хозяйства и кустарных промыслов, сокращением сельскохозяйственного производства, хроническими неурожаями и т. д. Вскрывая причины голода 1891 г. в России, Энгельс писал: «мы имеем здесь дело не просто с очередным голодом, а с глубоким кризисом» (см. настоящий том, стр. 264). Общий анализ русской действительности привел Энгельса к выводу, что «старая Россия безвозвратно сошла в могилу... На ее развалинах строится Россия буржуазная» (см. настоящий том, стр. 261).

Еще более полно свои взгляды на Россию Энгельс изложил в послесловии к работе «О социальном вопросе в России». В этом послесловии содержится глубокий анализ социально-экономического развития России последней трети XIX века и характеристика русского революционного движения. Подвергая критике антинаучные воззрения и иллюзии русского народничества, Энгельс воздает в то же время должное русской передовой общественной мысли, прежде всего Н. Г. Чернышевскому, этому, по его оценке, великому мыслителю, которому Россия бесконечно обязана столь многим. С чувством глубокого уважения говорит Энгельс о русских революционерах 70-х годов, мужественных борцах против царского деспотизма. Он с удовлетворением отмечает появление в русском революционном движении людей, которые порвали с народническими взглядами и усвоили теорию научного социализма.

Острие критики Энгельса направлялось против либерального народничества 80—90-х годов, идеологи которого пытались ссылками на Маркса (в частности, на его письмо в редакцию

журнала «Отечественные Записки») обосновать свои взгляды об особом, некапиталистическом развитии России, о русской крестьянской общине как якобы ячейке будущего социалистического строя. Прослеживая развитие русской экономики со времен Крымской войны, Энгельс указывает, что, вопреки народническим теориям, все ускоряющимся темпом идет «превращение России в капиталистически-промышленную страну, пролетаризация значительной части крестьян и разрушение старой коммунистической общины» (см. настоящий том, стр. 452). Энгельс вновь формулирует высказанное Марксом и им (в предисловии к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1882 г. и в других работах) положение о подготовке в России почвы для революции, призванной ниспровергнуть царское самодержавие, об огромном международном значении этой революции. Он отмечает, что русская революция даст «новый толчок рабочему движению Запада, создаст для него новые лучшие условия борьбы- и тем ускорит победу современного промышленного пролетариата» (см. настоящий том, стр. 453).

В тесной связи с перспективами развития и победы революции в России, обеспечения условий «для успехов рабочего движения на Западе» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 2, стр. 13) Энгельс рассматривал внешнюю политику царской России и других держав, проблемы международных отношений.

Точка зрения Энгельса в этих вопросах получила отражение в таких произведениях, как «Внешняя политика русского царизма», «Может ли Европа разоружиться?», «Социализм в Германии». В этих произведениях Энгельс выступает как страстный обличитель завоевательной политики господствующих классов, провозвестник борьбы против милитаризма и поборник мира между народами, стремившийся противопоставить проискам агрессивных сил общую интернациональную политику социалистических партий, направленную на предотвращение захватнических войн (см. также письмо Энгельса румынскому социал-демократу И. Надежде от 4 января 1888 г.). Подчеркивая растущее влияние социал-демократии, ставшей «великой державой», «от которой зависит больше, чем от других великих держав» (см. настоящий том, стр. 427), Энгельс постоянно указывал на организованный рабочий класс как на силу, способную противодействовать агрессивной политике буржуазии и помещиков. С позиции защиты коренных интересов пролетариата и всех трудящихся Энгельс подходил к анализу вопросов внешней политики, войны и мира.

В своих работах Энгельс с тревогой отмечал рост милитаризма и шовинизма, увеличение численности постоянных армий, невиданную гонку вооружений, образование двух военно-политических агрессивных блоков — Тройственного союза (Германии, Австрии и Италии), с одной стороны, и франко-русского союза, с другой. Анализируя развитие международных отношений после франко-прусской войны 1870—1871 гг., Энгельс приходит к выводу, что ход событий оправдывает предсказания Маркса, предвидевшего во втором воззвании Генерального Совета Первого Интернационала пагубные последствия аннексии Эльзас-Лотарингии и ограбления Франции Германией, создавших источник новых военных столкновений в Европе. Гневно обличал Энгельс действия милитаристских правящих кругов Германии, указывая, что Бисмарк и другие правители Германской империи своей политикой аннексий, гонки вооружений, разжигания шовинистической пропаганды и травли угнетенных национальностей сумели создать Германии «репутацию страны, жаждущей завоеваний» и навлекли на нее, и не без основания, «ненависть всего мира» (см. настоящий том, стр. 413). Не менее решительно разоблачал он и французских буржуазных реваншистов и шовинистов. Раскол Европы на две враждебные группировки держав, переплетение и обострение противоречий между европейскими странами, чему способствовала, как считал Энгельс, и русско-турецкая война 1877— 1878 гг., — все это, по его мнению, создавало угрозу войны невиданного еще мирового масштаба, в которую так или иначе окажутся вовлеченными как большие, так и малые государства. В этой войне, отмечает Энгельс, правящие классы видят наряду с осуществлением своих агрессивных планов также одно из средств укрепления реакционных режимов и подавления революционного движения, прежде всего разгрома социалистических партий.

Вывод Энгельса о мировом масштабе и разрушительном характере будущей войны явился подлинным образцом научного предвидения. Весьма проницательным также оказалось предсказание Энгельса о неизбежности участия Англии в будущей войне, которое он при этом считал даже обстоятельством, способным решить исход этой войны в пользу той иди другой из сторон (см. настоящий том, стр. 45 и 415). Следует при этом учесть, что при жизни Энгельса англо-германские противоречия не приобрели еще такой остроты, как впоследствии. На первом месте в международной политике были в то время франко-германские и русско-германские противоречия. Крупную роль играло соперничество между Англией и Россией на Ближнем

Востоке и в Центральной Азии, а также между Англией и Францией в Центральной Африке и других районах. Лишь на рубеже XIX и XX веков определился империалистический характер противоречий между Англией и Германией, их решающая роль в развернувшейся борьбе империалистических держав за передел колоний, рынков сбыта, источников сырья и сфер влияния, которая привела к мировой войне 1914—1918 годов.

Одной из главных агрессивных сил, создававших опасность войны в Европе, Энгельс считал русский царизм и его дипломатию. В своей статье «Внешняя политика русского царизма» — боевом обличительном памфлете, написанном в связи с просьбой русских марксистов о сотрудничестве в их журнале, — Энгельс показал огромное международное значение борьбы русских революционеров против царизма, этого оплота европейской реакции, злейшего врага русской и европейской революции. Прослеживая внешнюю политику царской России на протяжении двух столетий, Энгельс раскрывает реакционную направленность этой политики, обличает царизм как одного из главных душителей европейского революционно-демократического и национально-освободительного движения, раскрывает его захватнические устремления, колонизаторские и угнетательские методы господства в присоединенных к империи областях, козни царской дипломатии, потворство царизму со стороны западноевропейских реакционных сил. Энгельс обнажает классовую сущность внешней политики самодержавия, подчеркивает ее связь с антинародной реакционной внутренней политикой.

Указывая на заинтересованность не только русских помещиков и купцов, но и западноевропейских буржуа в сохранении царизма как орудия подавления революционного движения, Энгельс отмечал готовность европейских реакционных правительств поддержать самодержавие в случае революции в России даже силой своих штыков. «Возможно, — пророчески писал он, — они решатся даже на то, чтобы послать свои войска для восстановления царской власти, — какая ирония всемирной истории!» (см. настоящий том, стр. 51).

Ярко и метко обличая царскую дипломатию и ее западноевропейских партнеров, Энгельс, однако, в своем стремлении заострить внимание социалистов на задаче разоблачения дипломатии господствующих классов не избежал некоторых преувеличений. Так, он несколько переоценил степень влияния дипломатии на историю страны, «уступчивость» западноевропейских правительств царизму, роль иностранцев на русской дипломатической службе.

Считая, что русский царизм и в 90-е годы продолжал еще оставаться «главным оплотом», «последней твердыней» европейской реакции, Энгельс в то же время отметил и известное ослабление как внутриполитических, так и внешнеполитических позиций царского самодержавия во второй половине XIX века, падение его влияния на мировой арене. Военное и политическое поражение царизма в Крымской войне, указывает Энгельс, нанесло серьезный удар его внешней политике и дипломатии, ускорило кризис социально-экономического и политического строя России. В самой России нарастали грозные для царизма и его дипломатии революционные силы. «И русская дипломатия с ужасом видит приближение того дня, когда русский народ скажет свое слово» (см. настоящий том, стр. 47).

Энгельс призывал рабочий класс и социалистические партии отвечать на военную опасность усилением агитации за мир, активной антивоенной пропагандой, решительными выступлениями против милитаризма. Обязанностью социалистов Энгельс считал борьбу за разоружение, в которой он видел «гарантию мира» (см. настоящий том, стр. 387). Активные и согласованные действия рабочего класса и трудящихся всех стран могли бы, согласно его убеждению, даже при существовавших режимах заставить правительства под давлением народа пойти на ограничение вооружений и сорвать военные планы. В серии статей «Может ли Европа разоружиться?» Энгельс выдвинул предложение об уменьшении, а затем ликвидации постоянных армий путем повсеместного сокращения сроков военной службы и последующего перехода к милиционной системе. В этой же работе Энгельс развивает ряд важных военно-теоретических положений: о бурном развитии военной техники и революционизирующем влиянии этого развития на стратегию и тактику, о роли физического воспитания в военной подготовке, о значении морального состояния личного состава как важного фактора в войне и т. д.

Решительно отстаивая дело мира и ведя последовательную борьбу против военной опасности, Энгельс в то же время стоял за активное участие социалистов в войнах национальных, освободительных. Такую позицию, по мнению Энгельса, должны были бы занять германские социал-демократы в начале 90-х годов, если бы возникла угроза для национального существования Германии в результате нападения на нее Франции и царской России. Эту перспективу Энгельс разбирает в упоминавшейся статье «Социализм в Германии» (осень 1891 г.). Подчеркивая, что победа русского царизма в союзе с Францией над Германией в этом случае означала бы

«подавление немецкого социализма», утрату германской социал-демократией занимаемого ею в то время передового поста в международном рабочем движении, что она отбросила бы назад рабочее движение Германии, Энгельс считал в этих условиях долгом немецких социалистов «не капитулировать ни перед внешним врагом, ни перед внутренним», а защищать «завоеванный пост, за который они несут ответственность перед пролетариатом всего мира» (см. настоящий том, стр. 258). При этом Энгельс указывал, что германские социал-демократы должны будут стремиться придать такой войне подлинно национально-освободительный характер, вести ее революционными методами по образцу французских якобинцев 1893 г., отстранив реакционные правящие круги и провозгласив не только отказ от аннексий, но и освобождение угнетенных Германской империей национальностей: поляков, жителей Эльзас-Лотарингии и т. д. Как явствует из этих высказываний, Энгельс считал необходимым отличать войны захватнические от войн освободительных и в зависимости от характера и типа той или иной воины определять тактику в ней рабочей партии.

Выступления Энгельса по вопросам внешней политики подверглись углубленному изучению и дальнейшему развитию в ряде произведений В. И. Ленина, который в новую историческую эпоху разработал стройное марксистское учение о войне, мире и революции. Ведя беспощадную борьбу против царизма, характеризуя его как «постоянный и вернейший оплот всякой реакции» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 1, стр. 243), В. И. Ленин высоко ценил работы Энгельса, обличающие царское самодержавие. Статью «Внешняя политика русского царизма» Ленин относил к числу важнейших произведений Энгельса, написанных «в духе материалистического понимания истории» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 2, стр. 11).

Одобрял Ленин и позицию Энгельса в вопросе о тактике германских социал-демократов в случае нападения на Германию Франции и России в 1891 году. «В 1891 г. немецкие *социал-демократы* действительно *должны были бы* защищать отечество в войне против Буланже + Александра III. Это был бы своеобразный вариант *национальной* войны» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 35, стр. 201). Защищая взгляды Маркса и Энгельса от фальсификации и извращения в оппортунистическом духе, В. И. Ленин давал решительный отпор германским социал-шовинистам, пытавшимся оправдать свой предательский переход на сторону империалистического правительства в период первой мировой войны ссылками на тактику Маркса и Энгельса, в частности, на позицию Энгельса в 1891 году. «Все

эти ссылки, — писал Ленин, — представляют из себя возмутительное искажение взглядов Маркса и Энгельса в угоду буржуазии и оппортунистам» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 21, стр. 279). Ленин считал верхом неисторичности отождествлять и уподоблять «международные ситуации 1891 и 1914 годов». Он писал: «в 1891 г. не было империализма вообще (я старался доказать в своей брошюре, что он родился в 1898—1900 г., не раньше) и не было империалистской войны, не могло быть со стороны Германии. (Между прочим, не было тогда и революционной России; это очень важно.)». «Цезаризм во Франции + царизм в России против *неимпериалистической* Германии в 1891 г. — вот историческая обстановка 1891 года» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 35, стр. 220, 214 и 215). В связи с этим следует указать, что в известном письме И. В. Сталина «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма»» имеет место нарушение принципа историзма. К оценке этой статьи Энгельса Сталин подошел с критерием, относящимся к международной ситуации более позднего времени, допустив смешение обстановки начала 90-х годов XIX века с той, которая сложилась в эпоху империализма.

Работы последних лет жизни Энгельса проникнуты свойственным великому соратнику Маркса революционным оптимизмом, твердой убежденностью в торжестве идей марксизма, в победе международного пролетариата. Даже если реакционным господствующим классам Европы, подчеркивал Энгельс, удалось бы вовлечь человечество в истребительную войну, она не спасла бы от гибели эксплуататорский капиталистический строй. «Эта война должна либо привести к немедленной победе социализма, либо настолько потрясти старый порядок вещей и оставить после себя такую груду развалин, что существование старого капиталистического общества стало бы еще более невозможным» (см. настоящий том, стр. 259—260).

Энгельс был полон непоколебимой веры в огромные революционные возможности народных масс России, в их способность выполнить возложенную на них историей великую освободительную миссию: ниспровержение царизма и осуществление коренного преобразования всего политического и социального строя своей страны. И предвидения Энгельса полностью оправдались. Спустя менее чем семь лет после смерти Энгельса, великий продолжатель дела основоположников марксизма Ленин, определяя место и роль борьбы рабочего класса и трудящихся масс России в общем процессе мирового революционного развития, писал: «История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной*

из всех *ближайших* задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 5, стр. 345).

* * *

В состав настоящего тома включены 3 работы, не вошедшие в первое издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса: статья «Выборы 1890 года в Германии», статья «По поводу недавней проделки парижской полиции» и заметка ««Капитал» Маркса. Третий том». Из вновь включаемых работ 2 печатаются впервые на русском языке.

В разделе «Приложения» впервые на русском языке публикуются три интервью Энгельса: корреспондентам французских газет «Eclair» и «Figaro», а также корреспонденту английской газеты «Daily Chronicle». Впервые в виде факсимиле публикуются списки работ К. Маркса и Ф. Энгельса, составленные самим Энгельсом.

При работе над текстом публикуемых в томе произведений использованы все их прижизненные издания, как на языке оригинала, так и в переводах; важнейшие из разночтений отражены в подстрочных примечаниях. Опечатки и описки в именах собственных и географических названиях, датах и т. д. исправлены на основании проверки фактов. Заглавия работ даны в соответствии с оригиналом. В тех случаях, когда заглавие, отсутствующее в оригинале, дано Институтом марксизма-ленинизма, перед заглавием стоит звездочка. В конце тома дается список включенных в 1—22 тома настоящего издания работ К. Маркса и Ф. Энгельса, заглавия которых изменены по сравнению с первым изданием их Сочинений.

Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЯНВАРЬ 1890—АВГУСТ 1895

* ВЫБОРЫ 1890 ГОДА В ГЕРМАНИИ [1]

Тот, кто следил за политическим развитием Германии в течение последнего десятилетия, не мог сомневаться в том, что на всеобщих выборах 1890 г. Социал-демократическая партия Германии добьется огромного успеха. В 1878 г. германские социалисты подверглись действию сурового исключительного закона[2], на основании которого все их газеты были закрыты, собрания запрещались или распускались, организации были разгромлены, а за малейшую попытку восстановить эти организации преследовали под предлогом, будто они представляли собой «тайные общества»; в результате судебных процессов члены партии были приговорены в общей сложности более чем к тысяче лет тюремного заключения. Несмотря на это, социалистам удавалось нелегальным путем провозить в страну и регулярно, каждую неделю, распространять около 10000 экземпляров своего органа — «Sozialdemokrat»[3], издававшегося за границей, и тысячи брошюр; они сумели провести своих представителей в германский рейхстаг (девять депутатов) и во многие городские управления, в том числе и берлинское. Рост силы партии был очевиден даже для ее злейших врагов.

Однако такого успеха, которого достигли социалисты 20 февраля, не ожидали даже наиболее оптимистически настроенные среди них самих. Двадцать одно место уже завоевано, то есть в двадцати избирательных округах социалисты оказались сильнее всех других партий вместе взятых. Предстоит пятьдесят восемь перебаллотировок, это означает, что в 58 округах социалисты являются или самой сильной партией, или второй по силе среди партий, выдвинувших своих кандидатов, и новые выборы должны окончательно решить спор между двумя

кандидатами, получившими наибольшее число голосов, но не собравшими абсолютного большинства. Что касается общего числа поданных за социалистов голосов, то мы можем дать лишь приблизительный подсчет. В 1871 г. социалисты собрали не больше 102000 голосов; в 1877 — 493000; в 1884 — 550000; в 1887 — 763000; в 1890 г. они могут получить не менее 1250000 голосов, а возможно, и значительно больше. Сила партии возросла в течение трех лет по меньшей мере на 60—70 процентов.

В 1887 г. было лишь три партии с числом избирателей свыше одного миллиона: национал-либералы — 1678000, центр, или католическая партия, — 1516000 и консерваторы — 1147000[4]. На этот раз центр удержит свои позиции, консерваторы потеряли значительное, а национал-либералы — огромное количество избирателей. Таким образом, социалистов по числу избирателей все еще превосходит центр, но они, в свою очередь, или полностью сравняются с национал-либералами и консерваторами или даже превзойдут как тех, так и других.

Нынешние выборы производят настоящую революцию в положении партий Германии. Они действительно открывают новую эпоху в ее истории. Они знаменуют собой начало конца бисмарковского периода. Обстановка в настоящее время такова.

Своими указами о рабочем законодательстве и международной конференции по вопросам труда молодой Вильгельм освободился от опеки своего ментора — Бисмарка[5]. Последний счел благоразумным предоставить своему молодому повелителю достаточную свободу действий и спокойно выждать, пока Вильгельм II со своим любимым коньком — разыгрыванием из себя друга рабочих — не попадет впросак; тогда для Бисмарка наступит благоприятный момент вмешаться в качестве deus ex machina[*]. На этот раз Бисмарк не проявлял большого беспокойства по поводу того, как прошли выборы. Непослушный рейхстаг, который придется распустить, как только молодой император обнаружит свою ошибку, был бы даже выгоден Бисмарку, а значительный успех социалистов может помочь ему подготовить подходящий лозунг и преподнести его стране, когда наступит момент роспуска рейхстага. И коварный канцлер действительно получил теперь рейхстаг, с которым никто не сможет справиться. Вильгельм II очень скоро убедится в невозможности в его положении и при нынешнем настроении в кругах земельной аристократии и буржуазии осуществить даже ничтожную долю тех намерений, о которых говорится в его

[*] — буквально: «бога из машины» (в античном театре актеры, изображавшие богов, появлялись на сцене с помощью особых механизмов); в переносном смысле — неожиданно появляющееся лицо, которое спасает положение. *Ред.*

указах; в то же время выборы уже убедили его в том, что рабочий класс Германии примет все то, что он может ему предложить, лишь как частичную уплату долга, но ни на йоту не уступит в своих принципах и требованиях и не ослабит своей оппозиции правительству, которое может существовать только за счет порабощения трудящегося большинства народа.

Таким образом, вскоре возникнет конфликт между императором и рейхстагом; всю вину за происшедшее соперничающие партии свалят на социалистов, новый избирательный лозунг появится в готовом виде, и тогда Бисмарк, прочитав соответствующую нотацию своему господину и повелителю, вмешается и распустит рейхстаг.

Но Бисмарк затем увидит, что положение изменилось. Социалистические рабочие стали сильнее и решительнее, чем когда-либо прежде. На аристократию Бисмарк никогда не мог полагаться; она всегда считала его человеком, изменившим истинному консерватизму, и готова выбросить его за борт, как только император пожелал бы от него отделаться. Главной опорой Бисмарка была буржуазия, но она ему больше не доверяет. Небольшая семейная ссора между Бисмарком и императором стала достоянием гласности. Она показала, что Бисмарк уже не всемогущ и что император не застрахован от опасных причуд. Кому же из них окажет доверие немецкий буржуазный филистер? Разумный человек становится бессильным, а обладающий силой оказывается неразумным. И в самом деле, вера в прочность установленного в 1871 г. порядка вещей, вера, которая со стороны немецкой буржуазии была непоколебимой, пока царствовал старый Вильгельм, у кормила правления находился Бисмарк, а во главе армии стоял Мольтке, — эта вера исчезла и исчезла навсегда. Рост налогового бремени, удорожание жизни, вызванное нелепыми пошлинами на все предметы импорта, как на продукты питания, так и на промышленные изделия, невыносимо обременительная воинская повинность, неизменный, постоянно возрождающийся страх перед войной, причем войной общеевропейского масштаба, когда под ружье было бы поставлено 4—5 миллионов немцев, — все это оказывало свое воздействие, все больше отдаляя от правительства крестьян, мелких торговцев, рабочих — фактически всю нацию, за исключением лишь той ее небольшой части, которая получает прибыли от созданных государством монополий. Все это терпели как нечто неизбежное, пока старый Вильгельм, Мольтке и Бисмарк составляли правительственный триумвират, казавшийся непобедимым. Но теперь старый Вильгельм умер, Мольтке на пенсии, а Бисмарку приходится иметь дело

с молодым императором, у которого он же сам развил безграничное тщеславие и который поэтому считает себя вторым Фридрихом Великим, а на самом деле является всего лишь самодовольным фатом, жаждущим сбросить иго своего канцлера, и к тому же игрушкой в руках придворных интриганов. При таком положении дел народ больше не будет безропотно терпеть этот непомерный гнет. Прежняя вера в прочность положения исчезла. Сопротивление, которое раньше казалось безнадежным, теперь становится необходимостью. Так что, если этот рейхстаг кажется непослушным, то следующий, пожалуй, намного превзойдет его в этом отношении.

Таким образом, Бисмарк, видимо, плохо рассчитал свою игру. Если он распустит рейхстаг, то даже spectre rouge* — лозунг против социалистов — не поможет ему. Но зато он обладает одним несомненным качеством — безудержной энергией. Если он пустит ее в ход, он может спровоцировать восстание и испробовать действие небольшого «кровопускания». Но ему не следовало бы при этом забывать, что по крайней мере половина германских социалистов прошла через армию. Они научились там дисциплине, которая до сих пор помогала им противостоять всяким попыткам спровоцировать их на восстание. Кроме того, они научились в армии кое-чему еще.

Написано между 21 февраля и 1 марта 1890 г.

Напечатано в газете «Newcastle Daily Chronicle» 3 марта 1890 г. и с некоторыми изменениями в газете «Berliner Volksblatt» № 81, 6 апреля 1890 г.

Печатается по тексту газеты «Newcastle Daily Chronicle»

Перевод с английского

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Вопросы истории КПСС» № 6, 1960 г.

* — красный призрак. *Ред.*

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?[6]

20 февраля 1890 г. — начало конца эры Бисмарка. Союз юнкеров и денежных тузов для эксплуатации народных масс Германии, — ибо этот картель[7] был именно таким союзом и ничем иным — пожинает свои плоды. Налог на водку, премия за экспорт сахара, пошлины на хлеб и мясо, перекачивающие миллионы из народного кармана в карман юнкеров; покровительственные пошлины на промышленные изделия, введенные как раз в тот момент, когда германская промышленность собственными силами и в условиях свободной торговли завоевала себе положение на мировом рынке, пошлины, введенные явно лишь для того, чтобы фабрикант мог продавать свой товар внутри страны по монопольным ценам, а за границей — по бросовым ценам; вся система косвенных налогов, давящая всей своей тяжестью на беднейшие слои народа и почти не затрагивающая богатых; непомерно растущее налоговое бремя для покрытия расходов на непрерывно увеличивающиеся вооружения; все возрастающая вместе с вооружениями опасность мировой войны, грозящей «уложить» от четырех до пяти миллионов немцев, ибо захват Эльзас-Лотарингии бросил Францию в объятия России и тем самым сделал Россию третейским судьей Европы; неслыханная коррупция, которая господствовала в печати и посредством которой правительство каждый раз во время новых выборов в рейхстаг систематически обрушивало на публику потоки ложных панических слухов; коррумпированная полиция, применяющая подкуп или насилие, чтобы заставить жену предавать своего мужа, а детей — своего отца; система провокаций, почти неизвестная в Германии; полицейский произвол, далеко превзошедший произвол времен до

1848 года; бесстыдное попрание всякого права немецкими судами, прежде всего благородным имперским судом; превращение всего рабочего класса в бесправный класс посредством закона против социалистов — все это в свое время имело место и время это длилось достаточно долго вследствие трусости немецкого филистера, но теперь этому приходит конец. Большинство, составляющее картель, разбито, и притом окончательно и бесповоротно; так что имеется только одно средство вновь сколотить его, да и то лишь на какой-то момент, — государственный переворот.

Что же дальше? Сколотить кое-как новое большинство для поддержки старой системы? О, этого страстно хотели бы не только в правительственных кругах. Среди свободомыслящих[8] найдется немало трусов, которые скорее готовы сами войти в картель, нежели допустить возвышение злокозненных социал-демократов; похороненные вместе с Фридрихом III мечты о правительственной деятельности уже снова восстают из гроба. Но правительство не может использовать свободомыслящих, — они *пока еще* не созрели для союза с ост-эльбскими юнкерами, а ведь это самый важный класс в империи!

А центр? И в нем также имеется немало юнкеров, вестфальских, баварских и т. д., горящих желанием пасть в объятия своих ост-эльбских собратьев и восторженно голосовавших за выгодные юнкерам налоги. В рядах центра достаточно и буржуазных реакционеров, которые стремятся идти вспять еще дальше, чем это требуется правительству, которые, будь они в состоянии, вновь навязали бы нам всю средневековую цеховщину. Ведь специфически католическая партия, как и любая специфически христианская, не может не быть реакционной. Почему же в таком случае невозможен новый картель с центром?

Да просто потому, что в действительности единство центра держится не на католицизме, а на *ненависти к пруссакам.* Центр состоит сплошь из враждебных Пруссии элементов, которые, разумеется, особенно сильны в католических местностях: крестьян, мелких буржуа и рабочих прирейнских земель, южных немцев, ганноверских и вестфальских католиков. Вокруг центра группируются все прочие буржуазные и крестьянские антипрусские элементы: вельфы и другие партикуляристы, поляки, эльзасцы[9]. В тот день, когда центр станет правительственной партией, он распадется на юнкерско-цеховое реакционное крыло и крестьянско-демократическое крыло; и господа, принадлежащие к первому крылу, знают, что тогда им уже больше не придется показываться перед своими избирателями. Тем не менее, такая попытка будет предпринята, и

большинство центра пойдет навстречу этой попытке. А нам это будет только на руку. Специфически антипрусская, католическая партия сама была продуктом эры Бисмарка, порождением господства специфического пруссачества. С падением последнего неизбежно падет и первая.

Итак, временный союз центра с правительством возможен. Но центр — это не национал-либералы, напротив, это первая партия, которая вышла победительницей из борьбы с Бисмарком, приведя его в Каноссу[10]. Следовательно, картель здесь совершенно исключен, а ведь Бисмарк мог бы использовать только новый картель.

Что же будет дальше? Роспуск рейхстага, новые выборы, игра на страхе перед социал-демократическим потопом? Для этого время также уже упущено. Если бы Бисмарк хотел этого, он даже на миг не должен был бы ссориться со своим новым императором, а тем более трезвонить повсюду об этом разладе.

Пока был жив старый Вильгельм, триумвират — Бисмарк, Мольтке, Вильгельм — в глазах немецкого филистера был незыблемо прочен. Но теперь Вильгельм отошел в небытие, Мольтке вынудили уйти, а Бисмарк колеблется, ждать ли, пока ему предложат уйти, или уйти самому. Молодой же Вильгельм, занявший место старого, всем своим кратковременным правлением, а в особенности своими знаменитыми указами, показал, что солидным буржуазным филистерам на него никак нельзя положиться и что он не желает, чтобы им кто-либо управлял. Человек, в которого филистер верит, уже не обладает властью, в человека же, который обладает властью, филистер не может верить. Старая вера в вечность созданного в 1871 г. внутреннего устройства империи умерла, и никакая сила в мире уже не может ее возродить. Последняя опора прежней политики — филистер заколебался. Может ли в этих условиях помочь роспуск рейхстага?

Государственный переворот? Но он развяжет руки не только народу, он освободит также подчиненных империи монархов от обязанности соблюдать имперскую конституцию, опрокинутую этим переворотом; переворот будет означать крушение империи.

Война? Начать ее ничего не стоит. Но чем кончится однажды начатая война, предусмотреть невозможно. Если Крез перейдет Галис или Вильгельм — Рейн, он разрушит обширное царство. Но чье? Свое собственное или неприятельское? Ведь мир пока еще сохраняется лишь благодаря непрекращающейся революции в военной технике, — революции, которая никому не позволяет считать себя готовым к войне, а также благодаря всеобщему страху перед совершенно неподдающимися учету

шансами мировой войны — единственной, какая теперь только и возможна.

Помочь может лишь одно: восстание, спровоцированное жестокими мерами правительства и подавленное с удвоенной и утроенной жестокостью, повсеместное осадное положение и новые выборы в обстановке всеобщего страха. Но и это могло бы отсрочить гибель лишь на несколько лет. Однако это — единственное средство, а мы знаем, что Бисмарк принадлежит к такого рода людям, для которых все средства хороши. Да и Вильгельм разве не заявлял: при малейшем сопротивлении я прикажу перестрелять всех на месте? И поэтому этим средством наверняка воспользуются.

Немецкие социал-демократические рабочие только что одержали блестящую победу, которую они завоевали именно благодаря своей стойкости и выдержке, своей железной дисциплине, своему бодрому боевому юмору, своей неутомимости; но эта победа была, видимо, неожиданной для них самих; она привела также в изумление весь мир. С неотвратимостью естественного процесса увеличивалось число социал-демократических голосов на каждых новых выборах; насилия, полицейский произвол, подлость судей — все оказалось тщетным; вперед, все быстрее вперед продвигалась непрерывно возраставшая штурмовая колонна, — и вот она стоит теперь перед нами, эта вторая по силе партия в империи. Так неужели немецкие рабочие сами себе испортят дело, позволив втянуть себя в безнадежный путч исключительно ради того, чтобы спасти Бисмарка от смертельной опасности? В тот самый момент, когда их собственному мужеству — а оно выше всяких похвал, — способствует благоприятное сочетание внешних обстоятельств, когда все общественные и политические условия по необходимости содействуют социал-демократам, когда даже все их враги вынуждены действовать в интересах социал-демократии, словно им за это заплатили, — неужели в этот самый момент нас покинет дисциплина и самообладание, и мы сами ринемся на подставленный нам меч? Нет, этому не бывать. Закон против социалистов слишком хорошо вышколил наших рабочих, в наших рядах слишком много старых солдат, а среди них слишком много таких, которые научились, приставив ружье к ноге, выжидать под градом пуль, пока не наступит момент для атаки.

Написано между 21 февраля и 1 марта 1890 г.

Напечатано в газете «Der Sozialdemokrat» № 10, 8 марта 1890 г. и в «Arbeiter-Zeitung» № 11, 14 марта 1890 г.

Подпись: Фридрих Энгельс

Печатается по тексту газеты «Der Sozialdemokrat», сверенному с текстом «Arbeiter-Zeitung»

Перевод с немецкого

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РУССКОГО ЦАРИЗМА[11]

Написано в декабре 1889 — феврале 1890 г. (английский вариант закончен в марте 1890 г.)

Напечатано в переводе на русский язык в журнале «Социаль-демократ», книга 1 и 2, февраль и август 1890 г., в журнале «Die Neue Zeit» № 5, май 1890 г. и в переводе автора на английский язык в журнале «Time», апрель и май 1890 г.

Подпись: Фридрих Энгельс

Печатается по тексту журнала «Die Neue Zeit», сверенному с текстом английского перевода

Перевод с немецкого

I

Мы, западноевропейская рабочая партия[*], вдвойне заинтересованы в победе русской революционной партии.

Во-первых, потому, что царская Российская империя является главным оплотом, резервной позицией и вместе с тем резервной армией европейской реакции; потому, что одно уже ее пассивное существование представляет для нас угрозу и опасность.

А во-вторых, потому, — и этот момент мы, со своей стороны, все еще недостаточно подчеркивали, — что своим постоянным вмешательством в дела Запада эта империя задерживает и нарушает нормальный ход нашего развития и делает это с целью завоевания для себя таких географических позиций, которые обеспечили бы ей господство над Европой и тем самым сделали бы невозможной победу европейского пролетариата[**].

Карлу Марксу принадлежит та заслуга, что он первый указал в 1848 г. и с тех пор неоднократно подчеркивал, что именно по этой причине западноевропейская рабочая партия вынуждена бороться не на жизнь, а на смерть с русским царизмом. Выступая в том же духе, я и здесь лишь продолжаю дело моего покойного друга, выполняю то, что ему не суждено было осуществить[***].

---

[*] В английском тексте, опубликованном в журнале «Time», вместо слов «Мы, западноевропейская рабочая партия» напечатано: «Не только социалисты, но и каждая прогрессивная партия в любой стране Западной Европы». *Ред.*

[**] В английском тексте вместо слов «сделали бы невозможной победу европейского пролетариата» напечатано; «под железной пятой царя была бы уничтожена всякая возможность прогресса». *Ред.*

[***] В английской публикации вместо этого абзаца дан следующий текст: «В Англии нельзя писать о внешней политике России, не упомянув при этом имени Давида Уркарта. В течение пятидесяти лет он неутомимо рабо-

Да и среди русских революционеров обнаруживается подчас относительно слабое знакомство с этой стороной русской истории. Это объясняется, во-первых, тем, что в самой России допускается на этот счет лишь официальная легенда, а во-вторых, многие настолько сильно презирают царское правительство, что считают его неспособным ни на какие разумные действия, неспособным отчасти в силу его ограниченности, отчасти вследствие коррупции. В области внутренней политики это, впрочем, верно; тут неспособность царизма совершенно очевидна. Однако нужно знать не только слабые, но и сильные стороны противника. А внешняя политика — это безусловно та область, в которой царизм силен, очень силен. Русская дипломатия образует своего рода современный орден иезуитов, достаточно мощный, чтобы преодолеть в случае необходимости даже царские прихоти и коррупцию в своей собственной среде, чтобы тем шире распространять ее вокруг. Вначале этот орден набирался по преимуществу из иностранцев: корсиканцев, как например Поццо-ди-Борго, немцев, как Нессельроде, остзейских немцев, как Ливен; иностранкой была и его основательница, Екатерина II.

тал над тем, чтобы ознакомить своих соотечественников с целями и методами русской дипломатии — предмет, который он основательно изучил; и единственной наградой за все его старания было то, что он стал посмешищем и приобрел репутацию надоедливого человека. Правда, обыкновенный филистер называет так каждого, кто настойчиво говорит о вещах неприятных, как бы важны эти вещи ни были. Тем не менее, Уркарт, ненавидевший филистеров, но не понимавший ни их природы, ни исторической неизбежности их существования в настоящее время, был обречен на провал. Сам он — будучи тори старой школы, видевший, что до сих пор в Англии одни только тори оказывали эффективное сопротивление России и что действия английских и зарубежных либералов, а также и все революционные движения на континенте обыкновенно шли лишь на пользу этой державе, — считал, что для действительного отпора вмешательствам России надо обязательно быть тори (или же турком) и что каждый либерал и революционер является, сознательно или бессознательно, орудием России. Систематические занятия русской дипломатией привели Уркарта к убеждению, что она — всемогуща, что она и в самом деле является единственным активным фактором современной истории, все же другие правительства — лишь пассивные орудия в ее руках; так что, если бы не его столь же преувеличенная оценка силы Турции, нельзя было бы понять, почему эта всемогущая русская дипломатия давно уже не захватила Константинополь. Стремясь, таким образом, свести всю современную историю, начиная с французской революции, к дипломатической шахматной игре между Россией и Турцией, в которой другие европейские государства играют роль пешек России, Уркарт должен был выдавать себя за некоего восточного пророка, возвещающего вместо простых исторических фактов тайную, мистическую доктрину на таинственном, гиперболически-дипломатическом языке, доктрину, полную намеков на не только малоизвестные, но едва ли даже достоверно установленные факты; а в качестве верного целебного средства против преобладания русской дипломатии над английской он предлагал возобновить практику привлечения министров к суду за государственную измену и заменить кабинет тайным советом. Уркарт был человеком с большими заслугами и вдобавок изысканным англичанином старого образца; но русские дипломаты вполне могли бы сказать: «Si M. Urquhart n'existait pas, il faudrait l'inventer [Если бы г-н Уркарт не существовал, его следовало бы выдумать]». *Ред.*

Обложка журнала «Социаль-демократ»,
в котором опубликована первая глава статьи Ф. Энгельса
«Внешняя политика русского царизма»

У старорусского высшего дворянства было еще слишком много мирских интересов, частных и семейных, оно не отличалось той безусловной надежностью, какая требовалась для службы в этом новом ордене. А так как дворянство нельзя было принудить к отказу от личной собственности и к безбрачию католических священников-иезуитов, то ограничились тем, что доверили ему сначала лишь второстепенные посты, а также посты, связанные с представительством, посольской службой и т. д., постепенно подготавливая таким образом школу отечественных дипломатов. До сих пор только *один* чистокровный русский, Горчаков, занимал высший пост в этом ордене, его же преемник, фон Гирс, опять-таки носит иностранную фамилию.

Именно это тайное общество, набиравшееся вначале из иностранных авантюристов, и подняло Российскую империю до ее нынешнего могущества. С железной настойчивостью, неуклонно преследуя намеченную цель, не останавливаясь ни перед каким вероломством, предательством, убийством из-за угла, пресмыкательством, не скупясь ни на какие подкупы, не опьяняясь победами, не падая духом при поражениях, шагая через миллионы солдатских трупов и по меньшей мере через один царский труп, — эта шайка, настолько же бессовестная, насколько и талантливая, содействовала больше, чем все русские армии, расширению границ России от Днепра и Двины за Вислу, до Прута, Дуная и Черного моря, от Дона и Волги за Кавказ, к истокам Оксуса и Яксарта; это она способствовала тому, чтобы сделать Россию великой, могущественной, внушающей страх и открыть ей путь к мировому господству. Но тем самым она укрепила царскую власть и внутри страны. В глазах вульгарно-патриотической публики слава побед, следующие одно за другим завоевания, могущество и внешний блеск царизма с избытком перевешивают все его грехи, весь деспотизм, все несправедливости и произвол; шовинистическое бахвальство с лихвой вознаграждает за все пинки. И это происходит в тем большей степени, чем меньше в России известны действительные причины и подробности этих успехов, чем больше заменяются они официальной легендой, как это делается и всюду (например, во Франции и Пруссии) доброжелательными правительствами ради блага своих подданных и поощрения их патриотизма. Поэтому русский, если только он шовинист, рано или поздно падет на колени перед царизмом, как мы это уже видели на примере Тихомирова.

Однако каким образом смогла подобная шайка авантюристов приобрести такое огромное влияние на ход европейской

истории? Очень просто. Они не создали ничего нового, они лишь правильно использовали существующее положение вещей. Все успехи русской дипломатии имеют под собой весьма осязаемую материальную основу.

Представим себе Россию в середине прошлого столетия. Уже в то время она занимала огромную территорию с исключительно однородным в расовом отношении населением. Население было редким, но быстро растущим; следовательно, одно уж течение времени обеспечивало рост могущества страны. Это население находилось в состоянии духовного застоя, было лишено всякой инициативы, но в рамках своего традиционного образа жизни было пригодно решительно на все; выносливое, храброе, послушное, способное преодолевать любые тяготы и лишения, оно поставляло превосходный солдатский материал для войн того времени, когда сомкнутые массы решали исход боя. Сама страна обращена к Европе лишь одной своей западной границей и поэтому уязвима лишь с этой стороны; она не имеет такого центра, захват которого мог бы принудить ее к заключению мира, она почти абсолютно недоступна для завоевания вследствие бездорожья, протяженности территории и бедности ресурсов. Такая страна представляет собой неуязвимую мощную позицию для каждого, кто умеет ее использовать, позволяя себе отсюда безнаказанно проделывать в Европе такие вещи, которые вовлекли бы любое другое правительство в бесконечные войны.

Сильная, почти неприступная в обороне Россия была соответственно слаба в наступлении. Сбор, организация, вооружение и передвижение армий внутри страны наталкивались на серьезнейшие препятствия, и ко всем материальным затруднениям присоединялось еще безграничное взяточничество чиновников и офицеров. Все попытки сделать Россию способной к наступательным действиям большого масштаба до сих пор терпели неудачу; вероятно, и последняя, предпринятая ныне попытка, введение всеобщей воинской повинности[12], также потерпит полную неудачу. Можно сказать, что препятствия возрастают здесь почти пропорционально квадрату числа тех масс, которые требуется организовать, не говоря уже о том, что при такой малочисленности городского населения невозможно найти необходимое теперь огромное количество офицеров. Эта слабость никогда не была тайной для русской дипломатии; поэтому она всегда старалась по возможности избегать войн и допускала их только как самое крайнее средство, да и то лишь при исключительно благоприятных условиях. Ее могут устроить только такие войны, когда союзники России должны

нести основное бремя, подвергать свою территорию, превращенную в театр военных действий, опустошениям и выставлять наибольшую массу бойцов, в то время как русские войска выполняют роль резервов, которые щадят в большинстве боев, но на долю которых во всех крупных сражениях выпадает связанная со сравнительно небольшими жертвами честь решать окончательный исход дела; так это и было в войне 1813—1815 годов[13]. Но война не всегда может происходить в таких выгодных условиях, и поэтому русская дипломатия предпочитает использовать в своих целях противоречивые интересы и алчность других держав, натравливая эти державы друг на друга и извлекая из враждебных отношений между ними выгоды для завоевательной политики России. На свой страх и риск царизм ведет войну только против таких заведомо слабых противников, как шведы, турки, персы, и в этом случае ему уж не приходится делить с кем-либо свою добычу.

Однако вернемся к России 1760 года. Соседями этой однородной, неприступной страны были главным образом страны, которые, по видимости или в действительности, пришли в упадок, приближались к распаду и представляли поэтому настоящий matiere a conquetes[*]. На севере — Швеция, могущество и престиж которой были подорваны именно вследствие того, что Карл XII сделал попытку вторгнуться в Россию; этим он погубил Швецию и воочию показал неприступность России. На юге — турки и их данники, крымские татары, представлявшие собой лишь обломки прежнего величия; наступательная сила турок была сломлена еще 100 лет тому назад, оборонительная же их сила, пока еще значительная, также уменьшилась; лучшим показателем этой возрастающей слабости являлись волнения, начавшиеся среди покоренных ими христиан: славян, румын и греков, которые составляли большинство населения Балканского полуострова. Эти христиане, почти исключительно греко-православного вероисповедания, были, таким образом, единоверцами русских, а среди них славяне — сербы и болгары — к тому же и их соплеменниками. Поэтому стоило лишь России объявить о своем призвании защищать угнетенную православную церковь и порабощенное славянство, как почва для завоеваний — под маской освобождения — была уже здесь подготовлена. Точно так же к югу от Кавказского хребта под турецким владычеством находились небольшие христианские государства и исповедующие христианство армяне, по отношению к которым царизм мог провозгласить себя «освободителем».

---

[*] — объект для завоеваний. *Ред.*

К тому же здесь, на юге, алчного завоевателя прельщала такая военная добыча, равной которой не было в Европе: древняя столица Восточной Римской империи, метрополия всего православного мира, город, одно уже русское название которого Константинополь-Царьград служит выражением господства над Востоком и того авторитета, которым наделен его властитель в глазах восточных христиан.

Царьград в качестве третьей российской столицы, наряду с Москвой и Петербургом, — это означало бы, однако, не только духовное господство над восточнохристианским миром, это было бы также решающим этапом к установлению господства над Европой. Это означало бы безраздельное господство над Черным морем, Малой Азией, Балканским полуостровом. Это означало бы, что Черное море по первому желанию царя может быть закрыто для всех торговых и военных, флотов, кроме русского, что это море превращается в русскую военную гавань и место маневров исключительно русского флота, который в любой момент мог бы с этой надежной резервной позиции делать вылазки через укрепленный Босфор и снова укрываться в этой гавани. Тогда России оставалось бы только установить такое же господство, прямое или косвенное, над Зундом и обоими Бельтами, — и она была бы неприступна также и с моря.

Господство над Балканским полуостровом продвинуло бы границы России до Адриатического моря. Но эта граница на юго-западе была бы непрочной без соответствующего перенесения всей западной границы России, без значительного расширения сферы ее господства. А условия здесь были, пожалуй, еще более благоприятные.

Прежде всего Польша; эта основанная на грабеже и угнетении крестьян дворянская республика находилась в состоянии полного расстройства; ее конституция делала невозможным какое-либо общенациональное действие и в силу этого обрекала страну на положение легкой добычи соседей. С начала восемнадцатого столетия Польша, по выражению самих поляков, держалась беспорядком (Polska nierzadem stoi); иностранные войска непрерывно оккупировали всю страну или проходили через нее; она служила им постоялым двором и трактиром (karczma zajezdna, как говорили поляки), при этом, однако, они, как правило, забывали об оплате. Уже Петр Великий систематически разорял Польшу, его преемникам оставалось только протянуть руку к добыче. И для этого у них был к тому же такой предлог, как «принцип национальностей»[14]. Польша не являлась однородной страной. В те времена, когда Великороссия попала под монголь-

ское иго, Белоруссия и Малороссия нашли себе защиту от азиатского нашествия, присоединившись к так называемому Литовскому княжеству. Это княжество впоследствии добровольно объединилось с Польшей[15]. С тех пор, вследствие более высокого уровня цивилизации Польши, дворянство Белоруссии и Малороссии сильно ополячилось, а в XVI веке, когда в Польше господствовали иезуиты, православных русских подданных Польши вынуждали присоединяться к римско-католической церкви. Это давало великорусским царям желанный предлог для притязаний на территорию бывшего Литовского княжества, как на национальную русскую область, угнетенную, однако, Польшей, хотя, по крайней мере малороссы, по мнению виднейшего современного слависта Миклошича, говорят не просто на одном из русских диалектов, а на вполне самостоятельном языке; другой предлог для вмешательства состоял в том, чтобы в качестве защитников православия выступить в пользу православных униатов[16], хотя последние давно уже примирились со своим положением по отношению к римско-католической церкви.

За Польшей лежала другая страна, которая, казалось, окончательно пришла в состояние полного распада, — Германия. Со времени Тридцатилетней войны германская Римская империя являлась государством лишь номинально. Власть имперских князей все более приближалась к полному суверенитету; их право не повиноваться воле императора, заменявшее в Германии польское liberum veto, было по условиям Вестфальского мира открыто гарантировано Францией и Швецией[17]; таким образом, усиление центральной власти в Германии было поставлено в зависимость от согласия заграницы, весьма заинтересованной в том, чтобы не допустить этого усиления. К тому же, Швеция в силу своих завоеваний в Германии являлась членом Германской империи, имела место и голос в имперском сейме. В каждой войне император обнаруживал немецких имперских князей в числе союзников своих чужеземных врагов, каждая война, таким образом, являлась в то же время и междоусобной войной. Почти все более крупные и средние имперские князья были подкуплены Людовиком XIV, и экономически страна была настолько разорена, что без этого ежегодного притока французских денег, шедших на подкуп, не было бы вообще никакой возможности сохранять в стране деньги как средство обращения*. Поэтому император давно уже искал опору своей

* См. Gulich. Geschichtliche Darstellung des Handels u. Jena 1830, 2. Band, S. 201—206[18].

власти не в самой империи, которая лишь вводила его в расходы и ничего не приносила, кроме забот и тревог, а в своих австрийских — немецких и ненемецких — наследственных владениях. И рядом с австрийской династией постепенно уже начинала возвышаться в качестве ее соперницы прусская династия.

Таково было положение дел в Германии ко времени Петра Великого. Этот действительно великий человек — не чета Фридриху «Великому», покорному слуге преемницы Петра Екатерины II, — первый в полной мере оценил исключительно благоприятное для России положение в Европе. Он ясно — гораздо яснее, чем это было сделано в его так называемом завещании, составленном, по-видимому, каким-то эпигоном[19], — разглядел, наметил и начал осуществлять основные принципы русской политики как по отношению к Швеции, Турции, Персии, Польше, так и по отношению к Германии. Германия занимала Петра больше, чем любая другая страна, за исключением Швеции. Швецию он должен был разбить; Польшу он мог захватить, стоило ему только протянуть руку; до Турции было еще слишком далеко; но стать твердой ногой в Германии, занять там такое положение, которое так широко использовала Франция и использовать которое у Швеции не хватало сил, — это было для него главной задачей. Он делал все, чтобы путем приобретения какой-либо немецкой территории сделаться немецким имперским князем, но тщетно; ему удалось лишь ввести систему брачных союзов с членами немецких княжеских фамилий и использования в интересах дипломатии внутренних раздоров в Германии.

После Петра это положение еще больше изменилось в пользу России благодаря возвышению Пруссии. В ее лице у германского императора вырос внутри самой империи почти равный ему по силе противник, который увековечивал и доводил до крайности раскол Германии. Но в то же время этот противник был еще довольно слаб, чтобы обходиться без помощи Франции или России, — особенно России, — так что чем больше он освобождался от вассальной зависимости по отношению к Германской империи, тем вернее он попадал в вассальную зависимость к России.

Таким образом, в Европе оставались лишь три державы, с которыми приходилось считаться: Австрия, Франция, Англия, а для того, чтобы поссорить эти державы между собой или подкупить их, используя в качестве приманки обещание территориальных приобретений, не требовалось большого искусства. Англия и Франция по-прежнему все еще являлись соперниками

на море; Францию можно было привлечь перспективой территориальных захватов в Бельгии и Германии; Австрию можно было прельстить обещаниями всяческих выгод за счет Франции, Пруссии, а со времени Иосифа II и за счет Баварии. Таким образом, при умелом использовании сталкивающихся интересов Россия могла обеспечить поддержку любой своей дипломатической акции со стороны сильных, даже со стороны превосходящих по силе союзников. И вот, лицом к лицу с этими распадающимися соседними странами, лицом к лицу с этими тремя великими державами, раздираемыми вечными ссорами в силу своих традиций, экономических условий, политических или династических интересов или завоевательных устремлений, постоянно стремившимися друг друга перехитрить, — стояла единая, однородная, молодая, быстро возвышающаяся Россия, почти неуязвимая и совершенно недоступная для завоеваний, к тому же представлявшая собой нетронутый, крайне податливый пластический материал. Какая находка для талантливых и честолюбивых людей, для людей, стремившихся к власти, все равно, где и каким путем, лишь бы это была действительная власть, действительная арена для их таланта и честолюбия! А таких людей «просвещенный» восемнадцатый век порождал в огромном количестве; во имя служения «человечеству» эти люди разъезжали по всей Европе, посещали дворы всех просвещенных государей, — а какой государь не желал быть в то время просвещенным! — и оседали там, где находили выгодное место, образуя своего рода «не имеющий отечества» дворянско-буржуазный интернационал просвещения. Этот интернационал пал к ногам северной Семирамиды, также не имевшей отечества Софии-Августы Ангальт-Цербстской, названной в России Екатериной II, и именно из этого интернационала сама Екатерина набирала нужные ей элементы для своего иезуитского ордена русской дипломатии.

В своей работе о Томасе Море Карл Каутский[20] показал, каким образом первая форма буржуазного просвещения, «гуманизм» XV и XVI веков, в своем дальнейшем развитии превратилась в католический иезуитизм. Совершенно то же самое мы видим и здесь, когда вторая, вполне зрелая форма буржуазного просвещения в XVIII веке превращается в современный иезуитизм, в русскую дипломатию. Это превращение в свою противоположность, это достижение в конечном счете такого пункта, который полярно противоположен исходному, составляет естественно неизбежную судьбу всех исторических движений, участники которых имеют смутное представление о причинах и условиях их существования и поэтому ставят перед

ними чисто иллюзорные цели. «Ирония истории» неумолимо вносит здесь свои поправки*.

Посмотрим теперь, как действует этот иезуитский орден, как он использует непрерывно меняющиеся цели соперничающих друг с другом великих держав в качестве средства для достижения своей никогда не меняющейся, никогда не упускаемой из виду цели — мирового господства России.

* В английском тексте данный абзац опущен. *Ред.*

II

Никогда еще международное положение не было более благоприятным для завоевательных планов царизма, чем в 1762 г., когда на престол вступила, после убийства своего мужа, великая блудница Екатерина II. Семилетняя война расколола всю Европу на два лагеря[21]. Англия сломила могущество французов на море, в Америке, в Индии, а затем бросила на произвол судьбы своего континентального союзника, прусского короля Фридриха II. Этот последний находился в 1762 г. на краю гибели, когда вступивший на российский престол Петр III прекратил войну против Пруссии; Фридриху, покинутому своей последней и единственной союзницей, Англией, надолго рассорившемуся с Австрией и Францией, истощенному семилетней борьбой за существование, не оставалось другого выбора, как броситься к ногам только что взошедшей на трон царицы. Это обеспечивало ему не только могущественное покровительство, но и давало надежду на присоединение того куска Польши, который отделял Восточную Пруссию от основной части его монархии и завоевание которого стало теперь главной целью его жизни. 31 марта (11 апреля) 1764 г. Екатерина и Фридрих заключили Петербургский договор о союзе[22], согласно секретной статье которого обе стороны взяли на себя обязательство охранять силой оружия действующую польскую конституцию, — это лучшее средство разрушения Польши, — от всяких попыток реформы. Этим был предрешен будущий раздел Польши. Кусок Польши был той костью, которую царица бросила Пруссии, чтобы заставить ее смирно сидеть целое столетие на русской цепи.

Я не буду вдаваться в детали первого раздела Польши[23]. Но характерно, что он был осуществлен — против воли старомодной Марии-Терезии — в основном тремя главными столпами

европейского «просвещения»: Екатериной, Фридрихом и Иосифом. Последние два, гордясь той просвещенной государственной мудростью, с какой они попирали как предрассудок традиционные нормы международного права, были при этом достаточно глупы, чтобы не заметить, что своим участием в грабеже Польши они с головой отдавали себя во власть русского царизма.

Вряд ли кто мог оказать Екатерине большую услугу, чем эти просвещенные августейшие соседи. «Просвещение»[*] являлось таким же девизом царизма в Европе в восемнадцатом веке, каким «освобождение народов» в девятнадцатом. Любой захват территории, любое насилие, любое угнетение царизм осуществлял не иначе, как под предлогом просвещения, либерализма, освобождения народов. И по-детски наивные западноевропейские либералы, вплоть до Гладстона, верили этому[**], подобно тому как не менее наивные консерваторы также непоколебимо верят в пустые фразы о защите легитимизма[24], о поддержании порядка, религии, европейского равновесия, о святости договоров — фразы, которые одновременно твердит официальная Россия. Русской дипломатии ловко удавалось льстить обеим большим буржуазным партиям Европы. Ей, и только ей, разрешается быть в одно и то же время легитимистской и революционной, консервативной и либеральной, ортодоксальной и просвещенной. Отсюда понятно то презрение, с каким смотрит подобного рода русский дипломат на «образованный» Запад.

За Польшей наступила очередь Германии. В 1778 г. Австрия и Пруссия затеяли между собой драку из-за баварского наследства[25], и опять-таки к выгоде одной лишь Екатерины. Россия стала уже достаточно могущественной, чтобы все еще, подобно Петру, помышлять о получении прав члена Германской империи[***]; она стремилась теперь приобрести там такое же положение, которого она уже достигла в Польше и которое в Германской империи занимала Франция, — положение гаранта беспорядка в Германии против всяких попыток реформы. И этого положения она добилась. По Тешенскому миру 1779 г. Россия вместе с Францией взяла на себя гарантию как этого мирного договора, так и всех подтвержденных им прежних мирных договоров, в частности Вестфальского 1648 года. Этим

[*] В английском тексте вместо слова «Просвещение» напечатано; ««Прогресс» и «просвещение»». *Ред.*
[**] В английском тексте вместо слов «верили этому» напечатано; «верят этому по сей день». *Ред.*
[***] В английском тексте вместо слов «о получении прав члена Германской империи» напечатано; «о вхождении в состав Германской империи путем приобретения какого-нибудь небольшого немецкого княжества». *Ред.*

было закреплено бессилие Германии, и сама она была намечена в качестве объекта будущего раздела между Францией и Россией.

Не была забыта и Турция. Войны России против турок всегда приходятся на такие периоды, когда на западной границе России царит мир, а Европа в той или иной степени занята где-нибудь в другом месте. Екатерина вела две таких войны[26]. Первая привела к завоеваниям на Азовском море и провозглашению независимости Крыма, превращенного спустя четыре года в русскую провинцию. В результате второй граница России передвинулась с Буга вплоть до Днестра. Во время этих войн русские агенты подстрекали греков к восстанию против турок. Разумеется, повстанцы были в конце концов брошены русским правительством на произвол судьбы.

Во время американской войны за независимость Екатерина впервые сформулировала от своего имени и от имени своих союзников принцип «вооруженного нейтралитета» (1780 г.) — требование ограничения прав, на которые претендовала Англия для своих военных судов в открытом море. Это требование стало с тех пор постоянной целью русской политики и в основном было признано Европой и самой Англией по условиям Парижского мира 1856 года[27]. Только Соединенные Штаты Америки до сих пор не желают с ними считаться.

Разразилась французская революция, и это было новой удачей для Екатерины. Нисколько не опасаясь проникновения революционных идей в Россию, она увидела в этом событии лишь новый удобный повод перессорить между собой европейские государства, с целью обеспечения России свободы действий. После смерти обоих ее «просвещенных» друзей и соседей Фридрих-Вильгельм II в Пруссии, Леопольд в Австрии попытались вести независимую политику. Революция предоставила Екатерине прекрасный случай под предлогом борьбы с республиканской Францией вновь приковать их обоих к России и в то же время, пока они были заняты на французской границе, сделать новые приобретения в Польше. И Пруссия и Австрия попались на удочку. И хотя Пруссия — разыгрывавшая с 1787 по 1791 г. роль союзницы Польши против Екатерины — вовремя спохватилась и потребовала на этот раз более значительной доли в грабеже Польши, хотя Австрии также пришлось выделить кусок Польши, но все же львиная доля добычи опять-таки досталась Екатерине[28]. Почти вся Белоруссия и Малороссия были теперь воссоединены с Великороссией.

Но на этот раз медаль имела и оборотную сторону. Пока грабеж Польши отвлекал также силы коалиции 1792—1794 гг.[29],

ослабляя ее наступательную мощь против Франции, последняя за это время настолько окрепла, что совершенно самостоятельно одержала победу. Польша пала, но ее сопротивление спасло французскую революцию, а вместе с французской революцией началось движение, против которого бессилен и царизм. Этой роли поляков мы на Западе никогда не забудем. Впрочем, как мы увидим, это не единственный случай, когда поляки спасали европейскую революцию.

В политике Екатерины отчетливо обозначились уже все существенные черты нынешней политики России: присоединение Польши, хотя при этом на первых порах приходилось еще часть добычи уступать соседям; превращение Германии в объект будущего раздела; Константинополь как великая, никогда не забываемая, шаг за шагом осуществляемая главная цель; завоевание Финляндии для прикрытия Петербурга и присоединение, в порядке компенсации, Норвегии к Швеции, что и было предложено Екатериной во Фридрихсгаме королю Густаву III[30]; ослабление морского превосходства Англии посредством ограничительных правил международного права; возбуждение восстаний среди христиан-райя в Турции; наконец, умелое сочетание либеральной и легитимистской фразеологии, посредством которой по мере надобности Россия дурачит падких до фраз западноевропейских «образованных» филистеров и их так называемое общественное мнение.

К моменту смерти Екатерины владения России превосходили уже все, что мог требовать даже самый необузданный национальный шовинизм. Все, что носило русское имя, — за исключением незначительного числа австрийских малороссов, — находилось под скипетром ее преемника, который мог теперь с полным правом называть себя самодержцем всероссийским. Россия не только завоевала выход к морю, но и овладела как на Балтийском, так и на Черном морях обширным побережьем и многочисленными гаванями. Под русским господством находились не только финны, татары и монголы, но также литовцы, шведы, поляки и немцы. — Чего еще желать? Для любой другой нации этого было бы достаточно. Для царской же дипломатии — нацию не спрашивали — это являлось лишь базой, откуда теперь только и можно было начинать настоящие завоевания.

Французская революция отшумела, сама породив своего усмирителя — Наполеона. Она, казалось, оправдывала высокую мудрость русской дипломатии, которая не дала себя запугать грандиозным народным восстанием. Возвышение Наполеона открывало теперь перед русской дипломатией возможность

новых успехов: Германия приближалась к тому, чтобы разделить участь Польши. Но преемник Екатерины, Павел, был упрямым, своенравным человеком, на него нельзя было положиться; он ежеминутно расстраивал планы дипломатов; он стал невыносимым, его надо было устранить. Соответствующие исполнители легко нашлись среди гвардейских офицеров; наследник престола, Александр, состоял в заговоре и прикрывал его; Павел был задушен, и тотчас же началась новая кампания к вящей славе нового царя, который вследствие самого способа восшествия на престол стал пожизненным слугой иезуитской шайки дипломатов.

Эта последняя предоставила Наполеону окончательно разрушить Германскую империю и довести до крайности царивший в ней беспорядок. Однако когда дело дошло до окончательной расплаты, тут снова выступила Россия. По Люневильскому мирному договору (1801 г.)[31] Франция приобретала весь немецкий левый берег Рейна, причем было оговорено, что немецкие князья, которые в связи с этим лишались своих владений, должны получить компенсации на правом берегу Рейна за счет земель имперского духовенства: епископов, аббатов и т. п. И теперь Россия заявила, ссылаясь на полученные ею по Тешенскому договору 1779 г. права гаранта, что при распределении компенсаций решающее слово должно принадлежать ей и Франции, обоим гарантам беспорядка в Германии. А распри немецких князей, их жадность и вошедшее в привычку предательство по отношению к империи уже обеспечили то, чтобы это слово России и Франции стало действительно решающим. Дело дошло до того, что Россия и Франция составили план раздела церковных земель между лишенными владений князьями и все основные положения этого плана, составленного заграницей и в интересах заграницы, были возведены в закон Германской империи (решение имперской депутации, 1803 г.)[32].

Германская империя как союзное государство было фактически разрушено; Австрия и Пруссия стали действовать как самостоятельные европейские державы и, подобно России и Франции, рассматривали входившие в империю мелкие государства лишь как территорию для завоевания. Что же ожидало эти мелкие государства? Пруссия была еще слишком мала и слишком молода, чтобы притязать на главенство над ними, а Австрия только что утратила последние следы этого главенства. Но на наследство Германской империи претендовали также Россия и Франция. Франция разрушила старую империю силой оружия; своим соседством вдоль всего Рейна она

оказывала непосредственное давление на мелкие государства; а овеянные славой победы Наполеона и французских армий довершили остальное, — мелкие немецкие князья оказались у его ног. А Россия? Теперь, когда цель ее вековых стремлений была почти достигнута, когда Германия находилась в состоянии полного распада, была смертельно истощена, бессильна и беспомощна, — могла ли Россия именно в такой момент допустить, чтобы корсиканский выскочка вырвал у нее добычу из-под носа?

Русская дипломатия немедленно начала кампанию за установление верховенства над мелкими германскими государствами. Добиться этого, само собой разумеется, было невозможно без победы над Наполеоном. Следовательно, надо было привлечь на свою сторону немецких князей и так называемое общественное мнение Германии, насколько в то время о нем вообще могла идти речь. Князей принялись обрабатывать посредством дипломатии, филистеров — посредством литературы. В то время как при дворах щедро расточались русская лесть, угрозы, ложь и деньги на подкуп, публику засыпали таинственными брошюрами, в которых Россия превозносилась как единственная держава, способная спасти Германию и взять ее под свою действенную защиту, что в силу Тешенского договора 1779 г. составляет ее право и ее долг. И когда разразилась война 1805 г., то каждому, кто способен был хоть что-нибудь видеть, должно было стать ясным, что дело шло лишь о том, образуют ли мелкие государства французский Рейнский союз или же — русский.

Судьба хранила Германию. Русские и австрийцы были разбиты при Аустерлице, и новый Рейнский союз так и не стал форпостом царизма[33]. Французское же иго было, по крайней мере, игом современным, заставившим немецких монархов покончить с наиболее вопиющими анахронизмами в существовавшем до тех пор порядке вещей.

За Аустерлицем последовали прусско-русский союз, Йена, Эйлау, Фридланд и Тильзитский мир 1807 года[34]. Здесь снова обнаружилось, какое огромное преимущество давало России ее безопасное в стратегическом отношении положение. Разбитая в двух кампаниях, она приобрела новую территорию за счет своих бывших союзников и заключила союз с Наполеоном для раздела мира: Наполеону — Запад, Александру — Восток!

Первым плодом этого союза было завоевание Финляндии. Без всякого объявления войны, но с согласия Наполеона, русские начали наступление; неспособность и продажность шведских генералов, а также разногласия между ними обеспечили

русским легкую победу; смелый переход русских войск через замерзшее Балтийское море повлек за собой насильственный дворцовый переворот в Стокгольме и уступку Финляндии России[35]. Однако спустя три года, когда наметился разрыв с Наполеоном, царь Александр вызвал в Або маршала Бернадота, избранного наследником шведского престола, и обещал ему Норвегию, если тот присоединится к союзу Англии и России против Наполеона[36]. Так осуществился в 1814 г. план Екатерины: Финляндия — мне, Норвегия — тебе.

Но Финляндия была только прелюдией. Целью Александра, как всегда, оставался все тот же Царьград. В Тильзите и Эрфурте[37] Наполеон твердо обещал ему Молдавию и Валахию и подал надежду на раздел Турции, за исключением, однако, Константинополя. С 1806 г. Россия вела войну с Турцией; на этот раз восстали не только греки, но также и сербы[38]. Однако то, что в отношении Польши звучало лишь иронически, для Турции соответствовало действительности: она держалась беспорядком. Обладавший железной стойкостью рядовой солдат, сын наделенного такой же стойкостью турецкого крестьянина, именно вследствие этого беспорядка получал возможность выправлять то, что портили продажные паши. Турок можно было разбить, но не сломить, и русская армия продвигалась по направлению к Царьграду очень медленно.

Но ценой за эту «свободу рук» на Востоке было присоединение к континентальной системе Наполеона, разрыв всяких торговых отношений с Англией[39]. А это означало для тогдашней России полное расстройство торговли. Это было то время, когда Евгений Онегин (Пушкина) узнал из Адама Смита

Как государство богатеет
... и почему

Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет, —

меж тем как, с другой стороны,

Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог*.

Россия могла получать деньги лишь посредством морской торговли и вывоза своего сырья на главный в то время рынок, в Англию; а Россия была уже слишком европейской страной,

* Пушкин. «Евгений Онегин», глава первая, строфа VII. (В оригинале прозаический немецкий перевод Энгельса: «wie ein Staat reich wird und wie er kein Geld braucht, wenn er nur Ueberflus an Produkten hat... sein Vater das nicht begreifen konnte und ein Landgut nach dem andern vorhypothekiren muste».) *Ред.*

чтобы обходиться без денег. Торговая блокада становилась невыносимой. Экономика оказалась сильнее дипломатии и царя, вместе взятых; торговые отношения с Англией втихомолку были возобновлены; условия Тильзитского договора были нарушены, и разразилась война 1812 года.

Наполеон во главе соединенных армий всего Запада перешел русскую границу. Поляки, компетентные в этом деле судьи, советовали ему остановиться на Двине и Днепре, реорганизовать Польшу и ждать там наступления русских. Полководец такого масштаба, как Наполеон, не мог не признать, что это был правильный план. Но находясь уже на такой головокружительной высоте и при том непрочном фундаменте, на который он опирался, Наполеон уже *не мог* решиться на затяжные кампании. Ему необходимы были быстрые успехи, блистательные победы, завоеванные штурмом мирные договора; он пренебрег советом поляков, пошел на Москву и тем самым привел русских в Париж.

Уничтожение огромной наполеоновской армии при отступлении из Москвы послужило сигналом к всеобщему восстанию против французского владычества на Западе. В Пруссии поднялся весь народ, принудивший трусливого короля Фридриха-Вильгельма III к войне против Наполеона. Австрия присоединилась к России и Пруссии, как только закончила свои военные приготовления. После сражения при Лейпциге[40] от Наполеона отпал Рейнский союз, а через каких-нибудь восемнадцать месяцев после вступления Наполеона в Москву Александр вошел в Париж как властелин и повелитель Европы.

Турция, преданная Францией, заключила в 1812 г. мир в Бухаресте, уступив русским Бессарабию. Венский конгресс принес России Царство Польское[41], так что теперь к ней было присоединено почти девять десятых прежней польской территории. Однако еще более важное значение имело то положение, которое царь занимал теперь в Европе. На европейском континенте он не имел больше соперников. Австрия и Пруссия шли у него на поводу. Французские Бурбоны были обязаны ему восстановлением на престоле своей династии и поэтому также были ему послушны. Швеция получила благодаря ему Норвегию в качестве залога дружественной царю политики. Даже испанская династия обязана была своим восстановлением гораздо больше победам русских, пруссаков и австрийцев, чем победам Веллингтона, которые никогда бы не смогли сокрушить Французскую империю.

Никогда еще Россия не достигала такого могущественного положения. Но она сделала также еще один шаг за пределы

своих естественных границ. Если в отношении завоеваний Екатерины у русского шовинизма были еще некоторые извиняющие — я не хочу сказать оправдывающие — предлоги, то относительно завоеваний Александра об этом не может быть и речи. Финляндия населена финнами и шведами, Бессарабия — румынами, конгрессовая Польша[42] — поляками. Здесь уж и говорить не приходится о воссоединении рассеянных родственных племен, носящих русское имя, тут мы имеем дело с неприкрытым насильственным завоеванием чужой территории, с простым грабежом.

III

Победа над Наполеоном была победой европейских монархий над французской революцией, последней фазой которой являлась наполеоновская империя; победа эта была отпразднована восстановлением «легитимизма». Но в то время как Талейран рассчитывал посредством этой придуманной им фразы поймать на удочку царя Александра, русской дипломатии в гораздо большей степени удалось при помощи той же фразы водить за нос всю Европу. Под предлогом защиты легитимизма она основала «Священный союз», этот расширенный русско-австро-прусский союз, доведенный до степени заговора всех европейских монархов против их народов под главенством русского царя[43]. Другие монархи верили в этот предлог; но как смотрели на это царь и его дипломатия, мы сейчас увидим.

Для русской дипломатии речь шла лишь о том, чтобы использовать достигнутую в Европе гегемонию с целью дальнейшего продвижения к Царьграду. Для достижения этой цели она могла пустить в ход три рычага: румын, сербов, греков. Наиболее подходящим элементом были греки. Это был торговый народ, а купцы больше всего страдали от притеснений турецких пашей. Христианин-земледелец под турецким владычеством находился в лучших материальных условиях, чем где бы то ни было. Он сохранил свои институты, существовавшие до турецкого завоевания, и полное самоуправление; пока он платил налоги, турок, как правило, не обращал на него внимания; лишь изредка подвергался он насилиям, подобно тем, какие в средние века приходилось сносить западноевропейскому крестьянину от дворянства. Это было унизительное и едва терпимое существование, однако в материальном отношении оно было не столь обременительным и не так уж не соответствовало тогдашнему уровню цивилизации этих народов; поэтому прошло немало времени, прежде чем славянский райя

обнаружил, что подобное существование невыносимо. Напротив, греческая торговля с того времени, как турецкое господство избавило ее от разорительной конкуренции венецианцев и генуэзцев, быстро расцвела и достигла таких больших размеров, что не могла уже больше переносить и самого турецкого господства. В самом деле, турецкое, как и любое другое восточное господство несовместимо с капиталистическим обществом; нажитая прибавочная стоимость ничем не гарантирована от хищных рук сатрапов и пашей; отсутствует первое основное условие буржуазной предпринимательской деятельности* — безопасность личности купца и его собственности. Неудивительно поэтому, что греки, которые с 1774 г. предприняли уже две попытки восстания, восстали теперь еще раз[44].

Греческое восстание создало, таким образом, благоприятные возможности, но для того чтобы царская дипломатия могла здесь развернуть энергичные действия, необходимо было предотвратить вмешательство со стороны Запада, следовательно, надо было сделать так, чтобы Запад был занят своими внутренними делами. И почва для этого была великолепно подготовлена фразой о легитимизме. Легитимные монархи повсюду вызвали против себя глубокую ненависть. Попытки восстановить дореволюционные порядки привели в возбуждение буржуазию всего Запада; во Франции и Германии началось брожение, в Испании и Италии вспыхнуло открытое восстание[45]. Ко всем этим заговорам и восстаниям царская дипломатия приложила свою руку. Не то, чтобы она их устраивала или хотя бы существенно способствовала их временным успехам. Однако через своих полуофициальных агентов она делала все возможное, чтобы сеять раздоры во владениях своих легитимных союзников**. И уже совсем открыто покровительствовала она тем мятежным элементам Запада, которые выступали под маской сочувствия грекам; а кто же были эти филэллины, собиравшие деньги, посылавшие в Грецию добровольцев и целые вооруженные вспомогательные отряды, как не те же самые карбонарии и прочие либералы Запада?

Все это нисколько не мешало просвещенному царю Александру на конгрессах в Ахене, Троппау, Лайбахе, Вероне призывать своих легитимных коллег к самым энергичным действиям против их мятежных подданных и для подавления революции

---

* В английском тексте вместо выражения «буржуазной предпринимательской деятельности» напечатано: «прибыльной торговли». *Ред.*

** В английском тексте вместо слов «сеять раздоры во владениях своих легитимных союзников» напечатано: «возбуждать недовольство и раздоры среди подданных своих легитимных союзников». *Ред.*

посылать австрийцев в 1821 г. в Италию, а французов в 1823 г. в Испанию[46]; это не помешало ему даже осудить для видимости восстание греков, хотя в то же самое время он разжигал это восстание и подстрекал западноевропейских филэллинов удвоить свои усилия. Снова глупая Европа была одурачена невероятным образом; монархам и реакционерам царизм проповедовал легитимизм*, либеральным филистерам — освобождение народов и просвещение**; и те и другие верили ему.

В Вероне французский министр, романтик Шатобриан, был совершенно очарован царем, который подал французам надежду на приобретение левого берега Рейна, если только они будут послушно следовать за Россией. Этой надеждой, подкрепленной позднее, при Карле X, твердым обещанием, русская дипломатия водила на помочах Францию и направляла французскую восточную политику с небольшими перерывами вплоть до 1830 года.

Несмотря на все это, «человеколюбивая» политика царя, который под предлогом освобождения греческих христиан от мусульманского гнета стремился сам занять место мусульман, не достигала желаемых успехов***. Ибо, как писал русский посол в Лондоне, князь Ливен (депеша от 18 (30) октября 1825 г.),

«вся Европа с ужасом смотрит на этот русский колосс, гигантские силы которого ждут только сигнала, чтобы двинуться против нее. В ее интересах поэтому поддерживать турецкую державу, этого естественного врага нашей империи»[47].

Война в Греции продолжалась с переменным успехом, а между тем все попытки России добиться высокого согласия Европы на занятие Дунайских княжеств и тем самым вынудить Турцию к капитуляции терпели неудачу. Тем временем Турция получила в 1825 г. помощь из Египта; греки были повсюду разбиты, восстание почти подавлено. Русская политика стояла перед выбором: либо поражение, либо принятие смелых решений.

Канцлер Нессельроде обратился за советом к своим послам. Поццо-ди-Борго в Париже (депеша от 4 (16) октября 1825 г.) и Ливен в Лондоне (депеша от 18 (30) октября 1825 г.) высказались безоговорочно за решительные действия: следует немедленно занять Дунайские княжества, не обращая внимания

---

* В английском тексте после слова «легитимизм» добавлено: «и сохранение status quo». *Ред.*

** В английском тексте слова «и просвещение» опущены. *Ред.*

*** В английском тексте в этой фразе вместо слов ««человеколюбивая» политика царя» напечатано: «мир взирал с недоверием или в лучшем случае с равнодушием на «человеколюбивую» политику царя», а слова «не достигала желаемых успехов» опущены. *Ред.*

на Европу и даже на опасность европейской войны. Таково, очевидно, было мнение всей русской дипломатии. Но Александр был слабым и непостоянным человеком, наделенным большим самомнением, и к тому же мистиком и романтиком; он напоминал «grec du Bas-Empire»* (как называл его Наполеон) не только своей хитростью и лицемерием, но также нерешительностью и отсутствием энергии. Легитимизм он стал воспринимать всерьез, и греческие повстанцы ему уже надоели. Бездеятельный и в то время, при отсутствии железных дорог, почти неуловимый, путешествовал он по югу, около Таганрога. Внезапно пришло сообщение о его смерти. Поговаривали об отравлении. Уж не устранила ли дипломатия сына таким же образом, как некогда отца? Во всяком случае, умер он для нее как нельзя более кстати.

В лице Николая вступил на престол такой царь, лучше которого дипломатия и желать не могла: посредственный человек с кругозором взводного командира**; для него *внешняя сторона* власти была превыше всего и ради нее он готов был пойти на все. Теперь стали действовать более решительно и довели дело до войны с Турцией, избежав вмешательства со стороны Европы. Англию — либеральными фразами, а Францию — вышеупомянутыми обещаниями склонили к тому, что и та и другая, соединив свои флоты с русским, 20 октября 1827 г., вопреки состоянию мира, напали на турецко-египетский флот при Наварине и уничтожили его[48]. Англия, правда, вскоре отошла от союза, но бурбоновская Франция осталась верна России. В то время как царь объявил войну туркам и его войска 6 мая 1828 г. перешли Прут, 15000 французских солдат готовились к отплытию в Грецию, где они и высадились в августе — сентябре того же года. Для Австрии это было достаточным предостережением, чтобы не атаковать русских во фланг во время их наступления на Константинополь: последствием таких действий была бы война с Францией, и тогда вступил бы в силу русско-французский союз, предусматривавший завоевание Константинополя для одного из союзников и левого берега Рейна — для другого.

Дибич продвинулся, таким образом, до Адрианополя, но там он попал в такое положение, что ему пришлось бы спешно отступить обратно за Балканы, если бы турки продержались

* — «грека времен Восточной Римской империи», византийца. *Ред.*

** В английском тексте вместо слов «посредственный человек с кругозором взводного командира» напечатано: «самодовольный, посредственный человек, чей кругозор никогда не превосходил кругозора офицера ротного масштаба, человек, который жестокость ошибочно принимал за проявление энергии, а прихоть и упрямство за выражение силы». *Ред.*

еще каких-нибудь две недели. У него было только 20000 человек, четвертая часть которых болела чумой. Тогда в качестве посредника выступило прусское посольство в Константинополе и склонило турок к миру посредством ложного сообщения об угрожающем, в действительности же совершенно неосуществимом наступлении русских. Этим оно помогло русскому полководцу выйти, как говорит Мольтке,

«из такого положения, которому достаточно было продлиться еще, пожалуй, несколько дней, чтобы он оказался сброшенным с высоты победы в пучину гибели» (Мольтке. «Русско-турецкая кампания», стр. 390)[49].

Во всяком случае, мир принес Российской империи устья Дуная, часть территории в Азии и новые предлоги для постоянного вмешательства в дела Дунайских княжеств[50]. Последние с этого момента вплоть до Крымской войны служили в качестве «karczma zajezdna»[*] для русских войск; лишь изредка в течение этого периода княжества были свободны от них.

Прежде чем удалось использовать эти преимущества для дальнейших целей, разразилась июльская революция[51]. Теперь русским агентам пришлось на некоторое время припрятать свои либеральные фразы; речь шла в данном случае лишь о защите «легитимизма». Был уже подготовлен поход Священного союза против Франции, как вдруг вспыхнуло польское восстание, которое в течение целого года держало Россию под угрозой; так Польша вторично ценой самопожертвования спасла европейскую революцию[52].

Я не буду останавливаться на русско-турецких отношениях в период 1830—1848 годов. Важным в этих отношениях было то, что России представилась возможность впервые выступить в качестве защитницы Турции от ее мятежного египетского вассала Мухаммеда-Али, послать к Босфору 30-тысячное войско для защиты Константинополя и посредством Ункяр-Искелесийского договора фактически установить на Целый ряд лет русское господство над Турцией[53]; далее, ей удалось затем в 1840 г. вследствие предательства Пальмерстона в одно мгновение превратить угрожающую ей европейскую коалицию в коалицию против Франции[54], и наконец, она сумела подготовить аннексию Дунайских княжеств посредством непрерывной оккупации, эксплуатации крестьян[**], а также переманиванием на свою сторону бояр при помощи «Reglement organique»[55] (см. Маркс,

[*] В английском тексте после слов «karczma zajezdna» Напечатано: «(трактира)». *Ред.*

[**] В английском тексте вместо слов «эксплуатации крестьян» напечатано: «размещения своих солдат на постой среди крестьян». *Ред.*

«Капитал», т. I, гл. VIII)*. В основном же этот период был посвящен завоеванию и русификации Кавказа, что удалось, наконец, осуществить лишь в результате двадцатилетней борьбы.

Тем временем царскую дипломатию постигла тяжелая неудача: когда 29 ноября 1830 г. великий князь Константин был вынужден бежать из Варшавы от польских инсургентов, в руки последних попал весь его дипломатический архив, подлинные депеши министра иностранных дел** и официальные копии всех важных депеш послов. Весь механизм русской дипломатии 1825—1830 гг. был раскрыт***. Польское правительство переслало эти депеши через графа Замойского в Англию и Францию, и по указанию английского короля Вильгельма IV они были в 1834 г. опубликованы Давидом Уркартом в «Portfolio»[57]. Этот «Portfolio» до сих пор остается одним из главных и во всяком случае самым достоверным источником для истории тех интриг, посредством которых царизм стремится перессорить между собой западноевропейские страны, чтобы в результате этих раздоров подчинить их всех своему господству.

Русская дипломатия не только без вреда, но и с прямой выгодой для себя выдержала уже так много западноевропейских революций, что, когда разразилась февральская революция 1848 г., она могла приветствовать это как чрезвычайно благоприятное для нее событие. Революция перекинулась в Вену, не только устранив главного противника России, Меттерниха, но и пробудив от спячки австрийских славян — этих возможных союзников царизма; она охватила Берлин и тем самым излечила снедаемого жаждой деятельности, но совершенно беспомощного Фридриха-Вильгельма IV от его страстного желания стать независимым от России. Что могло быть более благоприятным? Россия была гарантирована от всякой заразы, а в Польше были расположены столь значительные силы, что она не могла и пошевельнуться. А как только революция распространилась и на Дунайские княжества[58], русская дипломатия получила то, чего хотела, — предлог для нового вторжения в Молдавию и Валахию, чтобы восстановить там порядок и еще более укрепить там русское господство.

* В английском тексте вместо слов, напечатанных в скобках, дано следующее подстрочное примечание: «Кодекс для сельского населения, отдававший в распоряжение бояр — местной земельной аристократии — бо̲льшую часть рабочего времени крестьянина, да к тому же без всякого вознаграждения. Подробнее см. Карл Маркс, «Капитал», гл. X, стр. 218—222 английского издания»[56]. *Ред.*

** — Нессельроде. *Ред.*

*** В английском тексте эта фраза дана в следующей редакции: «Весь механизм русской дипломатии и все интриги, которые она плела в 1825—1830 гг., были раскрыты». *Ред.*

Но этого мало. Австрия, самая упорная, самая непреклонная противница России на границах Балканского полуострова, была приведена на край гибели восстанием в Венгрии и Вене. Победа венгров означала, однако, новый взрыв европейской революции, а наличие большого числа поляков в венгерской армии служило гарантией того, что на этот раз революция не остановилась бы на польской границе. Поэтому Николай разыграл великодушие. Он приказал своим войскам вторгнуться в Венгрию, подавил превосходящими силами венгерскую армию и закрепил тем самым поражение европейской революции. А когда Пруссия все еще пыталась воспользоваться революцией для того, чтобы разорвать Германский союз и подчинить, по крайней мере, мелкие северогерманские государства прусской гегемонии, Николай вызвал ее и Австрию к себе на суд в Варшаву и вынес решение в пользу Австрии[59]. В благодарность за свою многолетнюю покорность России Пруссия была позорно унижена, когда она на одно мгновение обнаружила слабые поползновения к сопротивлению. Шлезвиг-гольштейнский вопрос Николай также решил не в пользу Германии и назначил наследником датского престола Кристиана Глюксбургского, убедившись предварительно в его пригодности для целей царизма[60]. Не только Венгрия, вся Европа лежала у ног царя, и это было прямым следствием революции. И разве не вправе была русская дипломатия втайне восторгаться революциями на Западе?

Но февральская революция была, тем не менее, первым похоронным звоном по царизму. Мелкая душонка ограниченного Николая не могла прийти в себя от возбуждения, вызванного этой незаслуженной удачей; он слишком торопился с продвижением к Константинополю; разразилась Крымская война; Англия и Франция пришли на помощь Турции, а Австрия горела желанием d'etonner le monde par la grandeur de son ingratitude*. Ибо Австрия знала, что в благодарность за военную помощь в Венгрии и за вынесенное в Варшаве решение от нее ждут нейтралитета или даже поддержки русских завоеваний на Дунае, а это было равносильно окружению границ Австрии Россией от Кракова до Оршовы и Землина. И на этот раз Австрия, — чего с ней почти никогда не случалось, — посмела иметь собственное мнение.

Крымская война была единственной в своем роде колоссальной комедией ошибок, когда постоянно спрашиваешь себя: кто

* — удивить мир величием своей неблагодарности (выражение, приписываемое главе австрийского правительства Щварценбергу в связи с враждебным России поворотом в австрийской политике.). *Ред.*

же тут обманут? Но эта комедия стоила несметных затрат и свыше миллиона человеческих жизней. Едва только первые отряды войск союзников высадились в Болгарии, как австрийцы вступили в Дунайские княжества, а русские отступили за Прут. Таким образом, Австрия вклинилась на Дунае между обеими воюющими сторонами; дальнейшее ведение войны в этом районе возможно было только с ее согласия. Но Австрия нужна была для войны на западной границе России. Австрия знала, что Россия никогда не простит ей этой ее черной неблагодарности; поэтому она готова была присоединиться к союзникам, но только для серьезной войны, ведущейся с целью восстановления Польши и значительного перенесения назад западной границы России. Такая война неизбежно вовлекла бы в союз и Пруссию*, через территорию которой Россия получала все свои ввозимые припасы; европейская коалиция блокировала бы Россию с суши и с моря и обрушилась бы на нее с такими превосходящими силами, что победа была бы несомненной.

Но это вовсе не входило в расчеты Англии и Франции. Наоборот. Обе они были довольны тем, что образ действий Австрии избавлял их от опасности серьезной войны. То, чего желала сама Россия, — чтобы союзники направились в Крым и основательно там застряли, — было предложено Пальмерстоном, и за это с радостью ухватился обеими руками Луи-Наполеон. Продвигаться из Крыма в глубь России было бы стратегическим безумием. Таким образом, война была благополучно превращена в войну показную, что удовлетворяло всех ее главных участников. Однако царь Николай не мог долго мириться с тем, что неприятельские войска прочно обосновались на окраине его империи на русской земле; для него показная война вскоре снова стала войной серьезной. Но если это место было наиболее благоприятным для показной войны, то для серьезной войны оно было наиболее опасным. То, что составляет силу России при обороне, — огромная протяженность ее редко населенной, бездорожной и бедной ресурсами территории, — обернулось против самой же России, как только Николай сосредоточил все свои военные силы в одном пункте периферии — в Севастополе. Южно-русские степи, которые должны были стать могилой вторгшегося неприятеля, стали могилой русских армий, которые Николай со свойственной ему жестокой и тупой беспощадностью гнал одну за другой в Крым вплоть до середины зимы. И когда последняя, наспех собранная, кое-как снаряженная и нищенски снабженная

* В английском тексте эта фраза дана в следующей редакции: «Такая война сделала бы невозможным нейтралитет Пруссии». *Ред.*

продовольствием армия потеряла в пути около двух третей своего состава — в метелях гибли целые батальоны, — а остатки ее оказались неспособными к сколько-нибудь серьезному наступлению на врага, тогда надменный пустоголовый Николай жалким образом пал духом и, приняв яд, бежал от последствий своего цезаристского безумия.

Условия мира, которые поспешно заключил его преемник*, были весьма мягкими[61]. Но тем значительнее были последствия войны для внутреннего положения страны. Чтобы самодержавно господствовать внутри страны, царизм должен был быть более чем непобедимым за ее пределами; ему необходимо было непрерывно одерживать победы, он должен был уметь вознаграждать безусловную покорность своих подданных шовинистическим угаром побед, все новыми и новыми завоеваниями. А теперь царизм потерпел жалкое крушение, и притом в лице своего внешне наиболее импозантного представителя; он скомпрометировал Россию перед всем миром, а вместе с тем и самого себя — перед Россией. Наступило небывалое отрезвление. Колоссальные жертвы, понесенные в войне, слишком глубоко взволновали русский народ, царю приходилось слишком часто взывать к его преданности, чтобы можно было сразу же вернуть народ к прежней пассивности и механической покорности. Ведь постепенно и Россия развивалась как в экономическом, так и в духовном отношении; рядом с дворянством зарождался другой просвещенный класс — буржуазия. Словом, новый царь вынужден был прикидываться либералом, но на этот раз *внутри* страны. А тем самым было положено начало внутренней истории России, движению умов среди самой нации и отражению этого движения — общественному мнению, пусть еще очень слабому, но все больше приобретающему значение и все меньше позволяющему себя игнорировать. Таким образом, у царской дипломатии появился враг, который должен с ней покончить. Ибо подобного рода дипломатия возможна лишь до тех пор, пока народ остается совершенно пассивным, не имеет другой воли, кроме воли правительства, и призван только поставлять солдат и платить налоги для осуществления целей, преследуемых дипломатами. Но поскольку в России началось внутреннее развитие, а вместе с тем и внутренняя борьба партий, завоевание конституционной формы, при которой эта борьба партий может вестись, не вызывая насильственных потрясений, является лишь вопросом времени. Но тогда и прежняя русская завоевательная политика станет делом прошлого:

* — Александр II. *Ред.*

в ходе борьбы партий за власть дипломатия утратит свою неизменную и постоянную цель, безоговорочное распоряжение силами нации окажется невозможным, — Россия попрежнему останется трудно доступной и сравнительно столь же слабой в наступлении, но во всех прочих отношениях она станет такой же европейской страной, как и другие, и специфическая сила ее прежней дипломатии будет подорвана навсегда.

La Russie ne boude pas, elle se recueille*, — сказал после войны канцлер Горчаков[62]. Он и сам не знал, как справедливы его слова. Он говорил только о дипломатической России. Но неофициальная Россия тоже сосредоточивалась. И в этом сосредоточении (recueillement) ей оказывало поддержку само правительство. Война доказала, что даже из чисто военных соображений Россия нуждается в железных дорогах и крупной промышленности. И правительство принялось выращивать класс русских капиталистов. Но такой класс не может существовать без пролетариата, а для того, чтобы создать элементы последнего, пришлось провести так называемое освобождение крестьян; личную свободу крестьянин оплатил передачей дворянству лучшей части своего земельного владения. Той земли, которая у него осталась, было слишком много, чтобы умереть, но слишком мало, чтобы существовать. Следовательно, в то время как русская крестьянская община** была подорвана в корне, развитие новой крупной буржуазии всячески поощрялось посредством привилегий железнодорожным компаниям, покровительственных пошлин и других льгот; благодаря этому в городе и в деревне началась настоящая социальная революция, которая уже не давала успокаиваться пришедшим в движение умам. Появление молодой буржуазии нашло свое отражение в либерально-конституционном движении, а зарождение пролетариата — в движении, которое обычно называют нигилизмом. Таковы были действительные результаты «recueillement» России.

Между тем дипломатия, по-видимому, еще не замечала, какой противник возник у нее внутри страны. Напротив, за пределами страны, как казалось, она одерживала победу за победой. На Парижском конгрессе 1856 г. Орлов играл главную роль, которой домогались многие***; вместо того чтобы приносить жертвы, он добился новых успехов; военные права на

* — Россия не сердится, она сосредоточивается. *Ред.*

** В оригинале русское слово, написанное готическими буквами; в английском тексте это слово написано латинскими буквами со следующим подстрочным примечанием: «Самоуправляющаяся коммуна русских крестьян». *Ред.*

*** В английском тексте конец этой фразы дан в следующей редакции: «Орлов был центральной фигурой и играл руководящую роль». *Ред.*

море, на которые претендовала Англия и которые со времен Екатерины оспаривались Россией, были окончательно аннулированы и был заключен русско-французский союз против Австрии[63]. Этот союз вступил в действие в 1859 г., когда Луи-Наполеон решил отомстить Австрии за Россию. Последствий русско-французской сделки, которая тогда была разоблачена Мадзини и согласно которой, в случае продолжительного сопротивления Австрии, одного из русских великих князей предполагалось выставить кандидатом на трон независимой Венгрии, — этих последствий Австрия избежала благодаря быстрому заключению мира. Но со времени 1848 г. народы постоянно расстраивали происки дипломатии. Италия стала независимой и единой вопреки воле и царя, и Луи-Наполеона[64].

Война 1859 г. встревожила также и Пруссию. Она почти удвоила численность своей армии и поставила у кормила правления человека, который мог помериться силами с русской дипломатией по крайней мере в одном отношении: в полной неразборчивости в выборе средств. Этим человеком был Бисмарк. Во время польского восстания 1863 г. он с театральным жестом принял сторону России против Австрии, Франции и Англии и сделал все, чтобы обеспечить победу России[65]. Этим он добился отказа царя от его обычной политики в шлезвиг-гольштейнском вопросе; с царского дозволения герцогства были в 1864 г. отторгнуты от Дании[66]. Затем последовала австро-прусская война 1866 года; и тут царю опять представился случай порадоваться новому наказанию Австрии, а также росту могущества Пруссии — этого единственного вассала, сохранившего еще верность даже после пинков 1849—1850 годов. Война 1866 г. повлекла за собой франко-прусскую войну 1870 г., и царь снова встал на сторону своего прусского «молодца дяди»[*], он держал Австрию под непосредственной угрозой и таким образом лишил Францию единственного союзника, который мог бы спасти ее от полного разгрома. Но так же, как Луи Бонапарт в 1866 г., так и Александр в 1870 г. оказался обманутым вследствие быстрых успехов немецкого оружия. Вместо затяжной войны, до предела истощающей обе воюющие стороны, последовали быстрые удары, в результате которых в течение пяти недель бонапартистская империя была ниспровергнута, а ее армии отправлены в Германию в качестве военнопленных.

[*] В оригинале русское выражение, написанное готическими буквами; в английском тексте оно написано латинскими буквами со следующим подстрочным примечанием: «Молодец дядя [Uncle's a brick] — обычное восклицание Александра II при получении им телеграмм от Вильгельма, извещавших о победах». *Ред.*

В то время в Европе было только одно место, где правильно понимали создавшееся положение: это был Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих. 9 сентября 1870 г. он выпустил воззвание[67], в котором проводилась параллель между войной 1866 г. и войной 1870 года[*]. Война 1866 г., говорилось в воззвании, велась с согласия Луи-Наполеона, но достаточно было побед Пруссии и усиления ее мощи, чтобы Франция тотчас же заняла враждебную позицию по отношению к Пруссии. Точно так же новые успехи в 1870 г. и связанное с ними новое усиление прусско-германской мощи принудят русского царя стать во враждебные отношения с Германией, хотя во время войны он и оказывал Германии дипломатическую поддержку. Необходимой предпосылкой преобладающего влияния России на Европу является ее традиционное верховенство над Германией, которое теперь было подорвано. В тот момент, когда в самой России революционное движение начинает становиться грозной силой, царь не может допустить такую потерю своего престижа вне страны. И если теперь еще Германия аннексией Эльзас-Лотарингии принудит Францию броситься в объятия России, то она должна будет либо сделаться явным орудием русских завоевательных планов, либо же после короткой передышки начать готовиться к войне одновременно и против России и против Франции, — к войне, которая легко может перерасти в расовую войну против объединенных славянской и романской рас.

Новая Германская империя оказала России услугу, отторгнув Эльзас-Лотарингию от Франции[68] и тем самым действительно толкнув Францию в объятия России. Царская дипломатия оказалась теперь в завидном положении; она сумела поставить в зависимость от России обе страны, и Францию и Германию, которые стали вследствие этого отторжения смертельными врагами. И этим благоприятным положением она снова воспользовалась для наступления на Царьград, для объявления войны Турции в 1877 году. После длительной борьбы русские войска подошли в январе 1878 г. к самым воротам турецкой столицы, как вдруг в Босфоре появились четыре английских броненосца и принудили русских, перед которыми уже виднелись купола Софийского собора, остановиться и передать выработанный ими Сан-Стефанский договор на пересмотр европейскому конгрессу[69].

[*] В английском тексте вместо изложения содержания воззвания далее до конца абзаца приводится соответствующая выдержка из него, начиная со слов: «Точно так же, как в 1865 г. Луи Бонапарт обменялся обещаниями с Бисмарком» до слов: «к войне против объединенных славянской и романской рас» (см. настоящее издание, т. 17, стр. 278—279). *Ред.*

Тем не менее казалось, что успех достигнут огромный. Румыния, Сербия, Черногория, расширившие свою территорию и получившие независимость благодаря России, были поэтому у нее в долгу; четырехугольник крепостей между Дунаем и Балканами, этот мощный бастион Турции[70], был на время разрушен; Балканы, последнее прикрытие Константинополя, отняты у турок и разоружены; Болгария и Восточная Румелия, формально вассалы Турции, стали в действительности вассалами России; возвращена потерянная в 1856 г. территория в Бессарабии; завоеваны новые важные позиции в Армении; Австрия, заняв Боснию, стала соучастницей в разделе Турции и неизбежной противницей всех стремлений Сербии к независимости и объединению; наконец, Турция вследствие потери территории, истощения и непосильных обязательств по возмещению военных издержек попала в полную зависимость от России, оказалась в таком положении, при котором она, по мнению русских, и совершенно правильному мнению[*], могла быть лишь временной хранительницей Босфора и Дарданелл для России. Таким образом, казалось, что России оставалось лишь выбрать подходящий момент, чтобы достигнуть своей великой конечной цели — овладеть Константинополем, этим «la clef de notre maison»[**].

В действительности, однако, дело обстояло совсем не так. Если отторжение Эльзас-Лотарингии заставило Францию броситься в объятия России, то наступление на Константинополь и Берлинский мир заставили Австрию броситься в объятия Бисмарка. А в результате этого все положение снова изменилось. Крупные военные державы континента разделились на два больших, угрожающих друг другу военных лагеря: Россия и Франция — с одной стороны, Германия и Австрия — с другой. Вокруг тех и других вынуждены группироваться более мелкие государства. Но это означает, что русский царизм не может сделать последнего решающего шага, не может действительно овладеть Константинополем без мировой войны с приблизительно равными шансами, войны, исход которой будет, вероятно, зависеть не от обеих начавших ее сторон, а от Англии. Ибо война Австрии и Германии против России и Франции лишила бы весь Запад подвоза русского хлеба по суше. Между тем все западноевропейские страны живут лишь за счет подвоза хлеба из-за границы. А это можно было бы

[*] В английском тексте вместо слов «по мнению русских, и совершенно правильному мнению» напечатано: «и это очень хорошо знала русская дипломатия». *Ред.*

[**] — «ключом от нашего дома» (слова Александра I, сказанные в беседе о французским послом Коленкуром в 1808 г.). *Ред.*

осуществлять тогда только по морю; превосходство же Англии на море дало бы ей возможность лишить и этого пути подвоза либо Францию, либо Германию, таким образом взять измором ту или другую страну, смотря по тому, на чью сторону она бы встала*. Но бороться за Константинополь посредством мировой войны, в которой Англия будет решать исход дела, — ведь это и есть именно то положение, избежать которого русская дипломатия стремилась в течение полутораста лет. Это уже было ее поражением**.

На деле и союз с республиканской Францией, в которой происходит постоянная смена стоящих у власти лиц, вовсе не представляется надежным для царизма и еще меньше

* В английском тексте к этому месту дано следующее подстрочное примечание: «Отсутствие тех военных прав на море, на которые Англия так долго претендовала и от которых она в конце концов отказалась согласно Парижской декларации 1856 г., Англия могла бы не почувствовать в обыкновенной войне с одной или двумя континентальными державами. Эти последние, даже будучи блокированы с моря, всегда могли бы в наш век железных дорог ввезти любое количество нужных им товаров по суше из граничащих с ними нейтральных стран; именно в этом состояла главная услуга, оказанная Пруссией России во время Крымской войны. Но в той европейской войне, которая нам теперь угрожает, весь европейский континент раскололся бы на враждебные группировки; соблюдение нейтралитета стало бы в конце концов невозможным; международная сухопутная торговля была вы почти, если не вовсе, прекращена. При таких обстоятельствах Англия могла бы пожалеть об отказе от своих военных прав на море. Но, с другой стороны, в такой войне проявилось бы в полной мере превосходство Англии на море, а больше, собственно, ничего и не требуется». *Ред.*

** В английском тексте далее добавлен следующий абзац: «Санкт-петербургские дипломаты отдавали себе отчет, насколько важно парализовать возможное сопротивление Англии окончательному утверждению России на Босфоре. После Крымской войны, а в особенности после индийского восстания 1857 г.[71], завоевание Туркестана, начатое еще в 1840 г.[72], стало неотложной задачей. В 1865 г. русские заняли Ташкент, создав, таким образом, опорный пункт на Яксарте; в 1868 г. был присоединен Самарканд, в 1875 г. — Коканд, а Бухарское и Хивинское ханства поставлены в вассальную зависимость от России. Затем началось медленное наступление на Мерв из юго-восточного района Каспийского моря; в 1881 г. был взят Геок-Тепе, первый важный форпоста пустыне; в 1884 г. сдался Мерв, и теперь Закаспийская железная дорога восполнила разрыв в русской линии коммуникаций, соединив Михайловское на Каспийском море с Чарджуем на Оксусе. Нынешняя позиция русских в Туркестане далеко еще не обеспечивает им надежной и достаточной базы для нападения на Индию. Но она во всяком случае создает очень серьезную угрозу для вторжения в будущем и вызывает постоянные волнения среди местного населения. Пока английское владычество в Индии не имело вероятных соперников, до тех пор даже восстание 1857 г. и его жестокое подавление можно было рассматривать как события, укрепляющие в конечном счете владычество англичан. Но когда в Туркестане утверждается первоклассная европейская военная держава, превращающая силой или путем уговоров в своих вассалов Персию и Афганистан и продвигающаяся медленно, но неуклонно к Гиндукушу и Солимановым горам, — тут уж дело принимает совсем другой оборот. Английское владычество перестает быть для Индии чем-то вроде неумолимого рока; перед местным населением открывается другая перспектива; то, что силой было создано, силой же может быть и разрушено; и если Англия попытается теперь преградить России путь к Черному морю, Россия постарается доставить Англии немало неприятностей в Индии. Но несмотря на все это, морское могущество Англии еще настолько велико, что в той всеобщей войне, которая, по-видимому, теперь надвигается, Англия может все еще причинить России гораздо больше вреда, чем Россия Англии». *Ред.*

соответствует его заветным желаниям. Только при реставрированной французской монархии царизм мог быть достаточно уверенным в своей союзнице в той страшной войне, какая теперь только и возможна. Вот почему за последние пять лет царизм взял Орлеанов под свое совершенно особое покровительство; они должны были даже породниться с ним посредством брака с представителем датского королевского дома, этого русского форпоста на Зунде. А для того чтобы подготовить во Франции реставрацию Орлеанов, ставших теперь тоже русским форпостом, был использован генерал Буланже, приверженцы которого во Франции сами хвастаются тем, что таинственным источником так щедро раздаваемых ими денег является не кто иной, как русское правительство, предоставившее им *пятнадцать миллионов франков* на проведение их кампании[73]. Таким образом, Россия снова вмешивается во внутренние дела западных стран, на этот раз открыто в качестве защитницы реакции, используя нетерпеливый шовинизм французской буржуазии против революционного духа французских рабочих.

Вообще именно после 1878 г. стало обнаруживаться, как сильно ухудшилось положение русской дипломатии с тех пор, как народы все больше стали позволять себе вмешиваться в дела, и притом вмешиваться с успехом. Даже на Балканском полуострове в районе, где Россия ex professo* выступает в роли освободительницы народов, ничего не удается добиться. Румыны в благодарность за то, что именно они сделали возможной победу русских под Плевной[74], вынуждены были снова уступить принадлежавшую им часть Бессарабии и теперь они вряд ли позволят прельстить себя обещаниями относительно присоединения в будущем Семиградья и Баната. Болгары сыты по горло царским методом освобождения в результате действий царских агентов, направленных в их страну; только сербы и, пожалуй, греки пока еще не запуганы — те и другие потому, что они не находятся непосредственно на пути к Константинополю. Австрийские славяне, освободить которых от немецкого гнета царь считал себя призванным, сами с тех пор заняли господствующее положение, по крайней мере в Цислейтанской части империи[75]. Фраза об освобождении народов** всемогущим царем отжила свой век, ее можно применить разве только еще в отношении Крита или Армении, но это не производит уже никакого впечатления в Европе даже на христиански благочестивых английских либералов; из-за Крита или Армении

* — специально. *Ред.*

** В английском тексте вместо слов «об освобождении народов» напечатано: «об освобождении угнетенных христианских народов». *Ред.*

уже не рискнет европейской войной даже такой поклонник царя, как Гладстон, с тех пор как американец Кеннан разоблачил[76] перед всем миром все те гнусные методы, при помощи которых царизм в собственной империи подавляет всякую попытку к сопротивлению*.

И тут мы подошли к основному вопросу. Внутреннее развитие России со времени 1856 г., поддержанное политикой правительства, оказало свое действие; социальная революция сделала гигантские успехи; Россия с каждым днем становится все более и более западноевропейской страной; развитие крупной промышленности, железных дорог, превращение всех натуральных повинностей в денежные платежи и разложение вследствие этого старых устоев общества — все это происходит в России с возрастающей быстротой. Но в той же мере все больше обнаруживается и несовместимость царского абсолютизма с новым обществом, находящимся в стадии становления. Образуются оппозиционные партии, конституционные и революционные, которые правительство может подчинить себе лишь при помощи все более грубого насилия. И русская дипломатия с ужасом видит приближение того дня, когда русский народ скажет свое слово и когда необходимость урегулирования своих собственных внутренних дел не оставит ему ни времени, ни желания заниматься такими ребяческими затеями, как завоевание Константинополя, Индии и мирового господства. Революция, остановившаяся в 1848 г. на польской границе, стучится теперь в двери России, и внутри страны у нее уже достаточно союзников, которые ждут только случая, чтобы открыть ей эти двери .

Правда, когда читаешь русские газеты, можно подумать, что вся Россия увлечена царской завоевательной политикой; повсюду — сплошной шовинизм и панславизм, призывы к освобождению христиан от турецкого ига, а славян — от немецко-мадьярского. Но, во-первых, каждый знает, какие оковы наложены на русскую прессу; во-вторых, правительство годами насаждало этот шовинизм и панславизм во всех школах; и в-третьих, эта пресса, поскольку она вообще выражает какое-либо независимое мнение, является выразителем лишь настроений городского населения, то есть народившейся буржуазии, которая, конечно, заинтересована в новых завоеваниях как в средстве расширения русского рынка. Но это городское население составляет во всей стране ничтожное меньшинство. Как только национальное собрание предоставит возможность

* В английском тексте после слов «попытку к сопротивлению» добавлено: «с тех пор как стало известно об экзекуции, которой была подвергнута г-жа Сигида, и прочих русских «зверствах»». *Ред.*

высказать свое собственное мнение подавляющему большинству русского народа, сельскому населению, — мы услышим тогда другие вещи. Опыт, который правительство проделало с земствами* и который вынудил его вновь свести эти земства к нулю[77], служит гарантией того, что русское национальное собрание, чтобы преодолеть хотя бы самые главные внутренние трудности, очень скоро должно будет решительно положить конец всем стремлениям к новым завоеваниям.

Современное положение Европы определяется тремя фактами: 1) аннексией Эльзас-Лотарингии Германией; 2) стремлением царской России к Константинополю; 3) все жарче разгорающейся во всех странах борьбой между пролетариатом и буржуазией, показателем которой служит наблюдающийся повсюду подъем социалистического движения.

Двумя первыми фактами обусловливается современное разделение Европы на два больших военных лагеря. Германская аннексия превратила Францию в союзницу России против Германии, царская угроза Константинополю превращает Австрию и даже Италию в союзниц Германии. Оба лагеря готовятся к решительной борьбе, к войне, какой еще не видел мир, к войне, в которой друг другу будут противостоять от десяти до пятнадцати миллионов вооруженных бойцов. Только два обстоятельства препятствовали тому, что эта страшная война до сих пор не разразилась: во-первых, неслыханно быстрое развитие военной техники, при котором каждый изобретенный образец оружия оказывается превзойденным новыми изобретениями раньше, чем его успеют ввести хотя бы только в *одной* армии, и, во-вторых, абсолютная невозможность рассчитать шансы, полная неизвестность, кто же в конце концов выйдет победителем из этой гигантской борьбы.

Вся эта опасность мировой войны исчезнет в тот день, когда дела в России примут такой оборот, который позволит русскому народу навсегда покончить с традиционной завоевательной политикой своих царей и вместо того, чтобы заниматься фантазиями о мировом господстве, позаботиться о своих собственных внутренних жизненных интересах, которым угрожает в высшей степени серьезная опасность.

В этот день Бисмарк** потеряет всех своих союзников против Франции, которых бросила в его объятия русская у гроза.

---

* В оригинале здесь и ниже русское слово, написанное готическими буквами: в английском тексте оно написано латинскими буквами с пояснением в скобках «(советы графств)». *Ред.*

** В английском тексте вместо слова «Бисмарк» напечатано: «Германская империя». *Ред.*

Ни для Австрии, ни для Италии не будет тогда ни малейшего интереса таскать для Бисмарка[*] каштаны из огня, участвуя в гигантской европейской борьбе. Германская империя снова окажется в том изолированном положении, при котором, по словам Мольтке, все ее боятся, но никто не любит[78], что является неизбежным результатом ее политики. И тогда взаимное сближение борющейся за свою свободу России и республиканской Франции будет настолько же естественным для положения обеих стран, насколько и безопасным для общего положения Европы. В этом случае и сам Бисмарк, или его преемник, трижды подумает, прежде чем решится развязать против Франции войну, в которой ни Россия не станет прикрывать его фланг от Австрии, ни Австрия от России, и обе будут радоваться каждому понесенному им поражению, так что весьма сомнительно, справится ли он даже с одними французами. Все симпатии были бы тогда на стороне Франции, и она даже в самом худшем случае была бы гарантирована от дальнейших территориальных потерь. Поэтому, вместо того чтобы держать курс на войну, Германская империя вскоре нашла бы, вероятно, свое изолированное положение настолько невыносимым, что стала бы искренне добиваться соглашения с Францией; тем самым грозная опасность войны была бы устранена, *Европа могла бы разоружиться,* и больше всех выиграла бы от этого сама Германия.

В тот же день Австрия утратит единственное историческое оправдание своего существования — служить барьером русскому наступлению на Константинополь. Как только Россия перестанет угрожать Босфору, Европа потеряет всякий интерес к существованию этого пестрого конгломерата народов. Утратит также свое значение и весь так называемый восточный вопрос, —вопрос о дальнейшей судьбе турецкого господства в областях со славянским, греческим и албанским населением, а также ,спор из-за обладания входом в Черное море, которым тогда уже никто не сможет монопольно завладеть и использовать против Европы. Мадьяры, румыны, сербы, болгары, арнауты[**], греки[***] и турки получат, наконец, возможность уладить без иностранного вмешательства взаимные споры, произвести размежевание своих национальных территорий, устроить свои внутренние дела по собственному усмотрению. Тогда сразу обнаружится, что главным препятствием к автономии и

[*] В английском тексте вместо слов «для Бисмарка» напечатано: «для германского императора». *Ред.*
[**] —турецкое название албанцев. *Ред.*
[***] В английском тексте после слова «греки» добавлено: «армяне». *Ред.*

свободному объединению народов и обломков различных народностей на территории между Карпатами и Эгейским морем был все тот же царизм, который использовал мнимое освобождение этих народов для маскировки своих планов мирового господства.

Франция избавится тогда от того противоестественного, вынужденного положения, в которое поставил ее союз с царем. Если царю претит союз с республикой, то революционному французскому народу гораздо более претит союз с деспотом, палачом Польши и России. В войне на стороне царя Франция в случае поражения была бы лишена возможности прибегнуть к своему великому, единственно действенному средству спасения, к целебному средству 1793 г. — революции, мобилизации всех сил народа посредством террора и революционной пропаганде во вражеской стране. В этом случае царь немедленно объединился бы с врагами Франции, так как с 1848 г. времена сильно изменились, и царь с тех пор имел возможность в самой России познакомиться на собственном опыте, что собой представляет террор. Таким образом, союз с царем вовсе не означает усиления Франции; напротив — в момент наибольшей опасности он помешает ей обнажить свой меч. Но если в России место могущественного царя займет русское национальное собрание, тогда союз новой освобожденной России с республиканской Францией будет вполне естественным и само собой разумеющимся, тогда он будет способствовать, а не мешать революционному движению во Франции, тогда он будет выгоден и борющемуся за свое освобождение европейскому пролетариату. Таким образом, и Франция выиграет в результате крушения царского всемогущества.

Вместе с этим исчезнут и все предлоги для безумной гонки вооружений, превращающих всю Европу в военный лагерь и заставляющих смотреть на войну чуть ли не как на избавление. Тогда даже германский рейхстаг вынужден был бы очень скоро отказать в постоянно возрастающих требованиях денежных ассигнований на военные цели.

И тем самым Запад, не тревожимый и не отвлекаемый иностранным вмешательством, получил бы возможность заняться своей современной исторической задачей: разрешением конфликта между пролетариатом и буржуазией и переустройством капиталистического общества в социалистическое*.

* В английском тексте вместо слов «переустройством капиталистического общества в социалистическое» напечатано: «и связанным с этим решением экономических проблем». *Ред.*

Но крушение царского самодержавия в России оказало бы и непосредственное воздействие на ускорение этого процесса. В тот день, когда падет царская власть, этот последний оплот общеевропейской реакции, — в этот день во всей Европе подует совсем другой ветер. Ибо реакционные правительства Европы* прекрасно понимают, что, несмотря на все их препирательства с царем из-за Константинополя и т. д., может наступить такой момент, когда они охотно швырнут ему Константинополь, Босфор, Дарданеллы и все, что он только потребует, лишь бы он защитил их от революции. Поэтому в тот день, когда сам этот главный оплот** перейдет в руки революции, реакционные правительства Европы потеряют последние остатки самоуверенности и спокойствия; им тогда придется рассчитывать лишь на свои собственные силы и они скоро почувствуют, насколько это меняет положение. Возможно, они решатся даже на то, чтобы послать свои войска для восстановления царской власти, — какая ирония всемирной истории!***

Таковы те обстоятельства, в силу которых Западная Европа вообще, и западноевропейская рабочая партия в особенности, заинтересованы, весьма глубоко заинтересованы, в победе

* В английском тексте вместо слов «Ибо реакционные правительства Европы» напечатано: «Ибо господа в Берлине и Вене». *Ред.*

** В английском тексте после слов «когда сам этот главный оплот» добавлено: «когда Россия». *Ред.*

*** В английском тексте вместо этой фразы напечатано: «Германский император, возможно, поддался бы искушению послать свои войска для восстановления царской власти, но это было бы верным шагом к уничтожению его собственной власти». Далее добавлен следующий абзац: «В самом деле, не может быть никакого сомнения в том, что Германия — совершенно независимо от тех или иных возможных действий со стороны России или Франции — быстро приближается навстречу революции. Последние всеобщие выборы показывают, что силы немецких социалистов через каждые три года увеличиваются вдвое, что в настоящий момент из всех партий империи социалисты представляют собой самую сильную партию, собравшую 1437000 голосов избирателей из общего числа в семь миллионов, и что все карательные и исключительные законы были совершенно бессильны помешать их успехам. Но немецкие социалисты, готовые принять как должное любые экономические уступки, какие молодой император пожелает сделать рабочему классу, в то же время полны решимости, — и эта решимость непоколебима как никогда после десятилетнего действия исключительного закона — добиться восстановления политической свободы, завоеванной в 1848 г. на баррикадах Берлина, но утраченной в значительной мере при Мантёйфеле и Бисмарке. Они понимают, что только эта политическая свобода даст им необходимые средства для достижения экономического освобождения рабочего класса. Вопреки некоторым признакам, как будто бы свидетельствующим об обратном, мы стоим накануне борьбы между немецкими социалистами и императором, представителем личной и патриархальной власти. В этой борьбе император в конце концов должен потерпеть поражение. Результаты выборов показывают, что социалисты делают быстрые успехи даже в сельских районах, крупные же города фактически ими уже завоеваны; а в такой стране, где каждый взрослый физически годный мужчина является солдатом, это означает постепенный переход армии на сторону социализма. Пусть только произойдет внезапная перемена политического строя в России — и воздействие этого события на Германию будет колоссальным; а это должно ускорить кризис и удвоить шансы социалистов». *Ред.*

русской революционной партии и в свержении царского абсолютизма. С возрастающей быстротой, как по наклонной плоскости, катится Европа в пропасть мировой войны невиданных масштаба и силы. Одно только может остановить ее: перемена политического строя в России. Что это должно произойти в ближайшие годы, — не подлежит никакому сомнению. Пусть же эта перемена произойдет своевременно, прежде чем свершится то, что без нее неизбежно.

ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ

(ИЗ ПИСЬМА ОДНОМУ ЧАСТНОМУ ЛИЦУ* В ВЕНЕ) [79]

... Но не наделаете ли вы с антисемитизмом больше вреда, чем добра, — вот о чем прошу я вас поразмыслить. Антисемитизм — это признак отсталой культуры, и поэтому имеет место только в Пруссии и Австрии, да еще в России. Если бы здесь, в Англии, или в Америке кто-нибудь вздумал проповедовать антисемитизм, его бы просто высмеяли, да и в Париже г-н Дрюмон своими сочинениями — а они несравненно умнее писаний немецких антисемитов — производит лишь ничтожную, минутную сенсацию, не оказывающую никакого действия. К тому же теперь, когда он выступает кандидатом в муниципальные советники, ему самому приходится заявлять, что он такой же противник христианского капитала, как и еврейского! А ведь г-на Дрюмона стали бы читать, если бы он даже высказывал противоположное мнение.

В Пруссии распространителем антисемитизма является мелкое дворянство, юнкерство, получающее 10000 марок дохода, а расходующее 20000 марок и попадающее поэтому в лапы ростовщиков; и в Пруссии и в Австрии антисемитам хором подпевают гибнущие от конкуренции крупного капитала мелкие буржуа: цеховые ремесленники и мелкие лавочники. И если капитал уничтожает *эти* насквозь реакционные классы общества, то он делает то, что ему надлежит делать, и делает хорошее дело — все равно, является ли он семитским или арийским, обрезанным или крещеным; он помогает отсталым пруссакам и австрийцам двигаться вперед, способствует тому, чтобы они достигли, наконец, современного уровня развития, при котором

* — И. Эренфрёйнду. *Ред.*

все прежние общественные различия растворяются в одной великой противоположности между капиталистами и наемными рабочими. Только там, где этого еще нет, где еще не существует сильного класса капиталистов, а следовательно и сильного класса наемных рабочих; где капитал еще слишком слаб, чтобы овладеть всем национальным производством, и поэтому главной ареной его деятельности является фондовая биржа; где производство, следовательно, находится еще в руках крестьян, помещиков, ремесленников и тому подобных классов, сохранившихся от средневековья, — только там капитал является преимущественно еврейским, и только там имеет место антисемитизм.

Во всей Северной Америке, где существуют миллионеры, богатство которых лишь с трудом можно выразить в наших жалких марках, гульденах или франках, среди этих миллионеров *нет ни одного еврея,* и Ротшильды являются просто нищими рядом с этими американцами. Даже здесь, в Англии, Ротшильд — это человек со скромными средствами по сравнению, например, с герцогом Вестминстерским. Даже у нас на Рейне, откуда мы 95 лет тому назад с помощью французов прогнали дворянство и создали современную промышленность, — где там евреи?

Антисемитизм, таким образом, — это не что иное, как реакция средневековых, гибнущих общественных слоев против современного общества, которое состоит в основном из капиталистов и наемных рабочих; он служит, поэтому, лишь реакционным целям, прикрываясь мнимосоциалистической маской; это уродливая разновидность феодального социализма, и мы не можем иметь с ним ничего общего. Если он оказывается возможным в какой-нибудь стране, то это лишь доказывает, что капитал там еще недостаточно развит. В настоящее время капитал и наемный труд неразрывно связаны друг с другом. Чем сильнее капитал, тем сильнее класс наемных рабочих, тем ближе, следовательно, конец господства капиталистов. Нашим немцам, а к ним я причисляю и венцев, я желаю поэтому поистине бурного развития капиталистического хозяйства и вовсе не желаю, чтобы оно коснело в состоянии застоя.

К тому же антисемитизм извращает истинное положение дел. Он даже не знает этих евреев, против которых он вопиет. Иначе ему было бы известно, что здесь, в Англии, и в Америке благодаря восточноевропейским антисемитам, а в Турции благодаря испанской инквизиции имеются тысячи и многие тысячи *еврейских пролетариев,* и именно эти еврейские рабочие подвергаются наиболее жестокой эксплуатации и влачат самое

нищенское существование. У нас здесь, в Англии, за последний год произошли три стачки еврейских рабочих[80], — как же можно говорить об антисемитизме как о средстве борьбы против капитала?

Кроме того, мы евреям очень многим обязаны. Не говоря уже о Гейне и Бёрне, Маркс был чистокровным евреем; евреем был Лассаль. Многие из наших лучших людей — евреи. Мой друг Виктор Адлер, который теперь расплачивается за свою преданность делу пролетариата заключением в венской тюрьме, Эдуард Бернштейн, редактор лондонской газеты «Sozialdemokrat», Пауль Зингер, один из наших лучших депутатов рейхстага, — все это люди, дружбой которых я горжусь, и все они — евреи! Журнал «Gartenlaube»[81] даже и меня сделал евреем, и во всяком случае, если бы мне пришлось выбирать, так лучше еврей, чем «господин *фон»!*

Лондон, 19 апреля 1890 г.

Фридрих Энгельс

Напечатано в «Arbeiter-Zeitung» № 19, 9 мая 1890 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ «МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ» 1890 ГОДА [82]

С тех пор как были написаны вышеприведенные строки[83], потребовалось новое немецкое издание «Манифеста», да и с самим «Манифестом» произошло многое, о чем следует здесь упомянуть.

В 1882 г. в Женеве появился второй русский перевод, сделанный Верой Засулич; предисловие к нему было написано Марксом и мной. К сожалению, у меня затерялся оригинал немецкой рукописи, и мне поэтому приходится переводить обратно с русского, от чего работа, конечно, мало выигрывает[84]. Вот это предисловие:

«Первое русское издание «Манифеста Коммунистической партии» в переводе Бакунина появилось в начале 60-х годов; оно было напечатано в типографии «Колокола»[85]. В то время русское издание «Манифеста» могло казаться на Западе не более как литературным курьезом. В настоящее время такой взгляд был бы уже невозможен. До какой степени ограниченную область распространения имело тогда, в период первой Публикации «Манифеста» (январь 1848 г.[*]), движение пролетариата, лучше всего показывает последняя глава «Манифеста»: «Отношение коммунистов к различным оппозиционным партиям»[**]. В ней недостает как раз России и Соединенных Штатов. Это было время, когда Россия являлась последним большим резервом всей европейской реакции, когда эмиграция в Соединенные Штаты поглощала излишек сил европейского пролетариата.

[*] В рукописи предисловия к русскому изданию 1882 г. вместо слов «январь 1848 г.» написано: «декабрь 1847 г.». *Ред.*

[**] В рукописи предисловия к русскому изданию 1882 г. далее следуют слова: «в различных странах». *Ред.*

Обе эти страны снабжали Европу сырьем и служили в то же время рынком для сбыта ее промышленных изделий. Обе они, следовательно, являлись тогда так или иначе оплотом существующего в Европе порядка.

До какой степени изменилось это теперь! Именно европейская иммиграция сделала возможным колоссальное развитие земледельческого производства в Северной Америке, которое своей конкуренцией потрясает европейскую земельную собственность — и крупную и мелкую — в самой ее основе. Она дала, кроме того, Соединенным Штатам возможность взяться за эксплуатацию их богатых источников промышленного развития в таких размерах и с такой энергией, которые в короткое время должны положить конец промышленной монополии Западной Европы и особенно Англии. Оба эти обстоятельства в свою очередь воздействуют в революционном смысле и на Америку. Мелкая и средняя земельная собственность применяющих собственный труд[*] фермеров, основа всего ее политического строя, побеждается мало-помалу конкуренцией громадных ферм; в то же время в промышленных округах впервые развивается многочисленный пролетариат и баснословная концентрация капиталов.

Перейдем к России! Во время революции 1848—1849 гг. не только европейские монархи, но и европейские буржуа видели в русском вмешательстве единственное спасение против пролетариата, который только что начал пробуждаться. Царя провозгласили главой европейской реакции. Теперь он — содержащийся в Гатчине военнопленный революции[86], и Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе.

Задачей «Коммунистического манифеста» было провозгласить неизбежно предстоящую гибель современной буржуазной собственности. Но рядом с быстро развивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующейся буржуазной земельной собственностью мы находим в России большую половину земли в общинном владении крестьян.

Спрашивается теперь: может ли русская крестьянская община[**] — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного общего владения землей — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму общего владения? Или,

[*] Слова «применяющих собственный труд» добавлены Энгельсом в немецком издании 1890 года. *Ред.*

[**] В рукописи предисловия к русскому изданию 1882 г. вместо выражения «крестьянская община» (Bauerngemeinde) латинскими буквами написано русское слово «община» (Obschtschina). *Ред.*

напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада?

Единственно возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития.

Лондон, 21 января 1882 г.».

Карл Маркс. Фридрих Энгельс

Около того же времени появился в Женеве новый польский перевод: «Коммунистический манифест»[87].

Затем появился новый датский перевод в «Socialdemokratisk Bibliothek», Копенгаген, 1885[88]. К сожалению, он не полон; некоторые существенные места, представлявшие, по-видимому, трудность для переводчика, выпущены, и вообще местами заметны следы небрежности, тем более досадные, что, судя по работе, переводчик при несколько более внимательном отношении мог бы достигнуть превосходных результатов.

В 1886 г. вышел новый французский перевод в парижской газете «Le Socialiste»; это — лучший из появившихся до сих пор переводов[89].

С этого французского перевода был сделан и издан в том же году испанский перевод, вышедший сначала в мадридской газете «El Socialista», а потом отдельной брошюрой: «Манифест Коммунистической партии» Карла Маркса и Ф. Энгельса. Мадрид. Издательство «El Socialista». Улица Эрнана Кортеса, 8[90].

В качестве курьеза упомяну еще, что в 1887 г. одному константинопольскому издателю была предложена рукопись армянского перевода «Манифеста»; однако этот добрый человек не имел мужества напечатать произведение, на котором стояло имя Маркса, и считал более подходящим, чтобы переводчик назвал в качестве автора себя, на что последний, однако, не согласился.

В Англии не раз переиздавались разные, в той или иной степени неточные переводы, сделанные в Америке. Наконец, в 1888 г. появился аутентичный перевод. Он сделан моим другом Самюэлом Муром и до сдачи в печать еще раз просмотрен совместно нами обоими. Заглавие его: ««Манифест Коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Авторизованный английский перевод, отредактированный и снабженный примечаниями Фридрихом Энгельсом, 1888, Лондон.

Sozialdemokratische Bibliothek.

XXXIII.

Das Kommunistische Manifest.

Vierte autorisirte deutsche Ausgabe.

Mit einem neuen Vorwort von Friedrich Engels.

London.
German Cooperative Publishing Co.
114 Kentish Town Road NW.
1890.

Титульный лист немецкого издания «Манифеста Коммунистической партии» 1890 года

Уильям Ривс, 185. Флит-стрит, Истерн Сентрал»[91]. Некоторые из сделанных мной к этому изданию примечаний вошли и в настоящее издание.

«Манифест» имел свою собственную судьбу. При своем появлении он был (как это доказывают переводы, отмеченные в первом предисловии[92]) восторженно встречен тогда еще немногочисленным авангардом научного социализма, но вскоре был оттеснен на задний план реакцией, начавшейся вслед за поражением парижских рабочих в июне 1848 г., и, наконец, осуждением кёльнских коммунистов в ноябре 1852 г.[93] был «на законном основании» объявлен вне закона. Связанное с февральской революцией рабочее движение исчезло с общественной арены, а вместе с ним отошел на задний план и «Манифест».

Когда рабочий класс Европы опять достаточно окреп для нового наступления на власть господствующих классов, возникло Международное Товарищество Рабочих. Его целью было объединить в одну великую армию весь борющийся рабочий класс Европы и Америки. Поэтому оно не могло *отправляться непосредственно* от принципов, изложенных в «Манифесте». Оно должно было иметь такую программу, которая не закрывала бы дверей перед английскими тред-юнионами, французскими, бельгийскими, итальянскими и испанскими прудонистами и немецкими лассальянцами*. Такая программа — мотивировочная часть к Уставу Интернационала[94] — была написана Марксом с мастерством, которое должны были признать даже Бакунин и анархисты. Что касается окончательной победы принципов, выдвинутых в «Манифесте», то здесь Маркс всецело полагается на интеллектуальное развитие рабочего класса, которое должно было явиться неизбежным плодом совместных действий и обмена мнений. События и перипетии борьбы против капитала — поражения еще больше, чем победы — не могли не показать борющимся всю несостоятельность тех всеисцеляющих средств, на которые они до того времени уповали, и сделать их головы более восприимчивыми к основательному пониманию действительных условий освобождения рабочих. И Маркс был прав. В 1874 г., когда Интернационал прекратил свое существование, рабочий класс был уже совсем иным, чем при основании его в 1864 году. Прудонизм в романских странах и специфическое лассальянство

* Сам Лассаль всегда заверял нас, что он — «ученик» Маркса и, как таковой, стоял, разумеется, на почве «Манифеста». Иначе обстояло дело с теми его последователями, которые не шли дальше его требования производительных товариществ, поддерживаемых государственным кредитом, и которые делили весь рабочий класс на сторонников государственной помощи в сторонников самопомощи.

в Германии дышали на ладан, и даже тогдашние архиконсервативные английские тред-юнионы постепенно приближались к тому моменту, когда председатель их конгресса* в 1887 г. в Суонси смог сказать от их имени: «Континентальный социализм больше нас не страшит»[95]. Но в 1887 г. континентальным социализмом была почти исключительно теория, провозглашенная в «Манифесте». Таким образом, история «Манифеста» до известной степени отражает историю современного рабочего движения с 1848 года. В настоящее время он несомненно является самым распространенным, наиболее международным произведением всей социалистической литературы, общей программой многих миллионов рабочих всех стран от Сибири до Калифорнии.

И все же в момент его появления мы не могли назвать его *социалистическим* манифестом. В 1847 г. под социалистами понимали двоякого рода людей. С одной стороны, приверженцев различных утопических систем, в особенности оуэнистов в Англии и фурьеристов во Франции, причем и те и другие уже выродились тогда в чистейшие секты, постепенно вымиравшие, С другой стороны, — всевозможных социальных знахарей, которые намеревались с помощью различных всеисцеляющих средств и всякого рода заплат устранить социальные бедствия, не причиняя при этом ни малейшего вреда капиталу и прибыли. В обоих случаях это были люди, стоявшие вне рабочего движения и искавшие поддержки скорее у «образованных» классов, Напротив, та часть рабочих, которая убедилась в недостаточности чисто политических переворотов и требовала коренного переустройства общества, называла себя тогда *коммунистической.* Это был еще плохо отесанный, лишь инстинктивный, во многом грубоватый коммунизм; однако он оказался достаточно сильным для того, чтобы создать две системы утопического коммунизма: во Франции — «икарийский» коммунизм Кабе, в Германии — коммунизм Вейтлинга. Социализм означал в 1847 г. буржуазное движение, коммунизм — рабочее движение. Социализм, по крайней мере на континенте, был вполне благопристойным, коммунизм — как раз наоборот. А так как мы уже тогда весьма решительно придерживались того мнения, что «освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса»[96], то для нас не могло быть и минутного сомнения в том, какое из двух названий нам следует выбрать. И впоследствии нам никогда не приходило в голову отказываться от него.

* — У. Бивен. *Ред.*

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — Лишь немного голосов откликнулось, когда мы сорок два года тому назад бросили в мир этот клич накануне парижской революции — первой революции, в которой пролетариат выступил с собственными требованиями. Но 28 сентября 1864 г. пролетарии большинства западноевропейских стран соединились в славной памяти Международное Товарищество Рабочих. Правда, сам Интернационал прожил всего лишь девять лет. Но что основанный им вечный союз пролетариев всех стран еще живет и стал сильнее, чем когда-либо, это лучше всего доказывается нынешним днем. Ибо сегодня, когда я пишу эти строки, европейский и американский пролетариат производит смотр своим боевым силам, впервые мобилизованным в *одну* армию, под *одним* знаменем, ради *одной* ближайшей цели — для того, чтобы добиться законодательного установления нормального восьмичасового рабочего дня, провозглашенного еще Женевским конгрессом Интернационала в 1866 г., и вторично — Парижским рабочим конгрессом в 1889 году[97]. И зрелище сегодняшнего дня покажет капиталистам и землевладельцам всех стран, что пролетарии всех стран ныне действительно соединились.

О, если бы Маркс был теперь рядом со мной, чтобы видеть это собственными глазами!

Лондон, 1 мая 1890 г.

Ф. Энгельс

Напечатано в книге: «Das Kommunistische Manifest», London, 1890

Печатается по тексту книги

Перевод с немецкого

Redaktion, Administration und Expedition: VI. Gumpendorferstraße 60 Wien, wohin sämmtliche Sendungen zu richten sind.

Offene Reklamationen portofrei.

Sprechstunden: An Wochentagen: 6–8 Uhr abends. — An Sonn- und Feiertagen: 10–12 Uhr vormittags.

Arbeiter-Zeitung.

Organ der Oesterreichischen Sozialdemokratie

Erscheint jeden Freitag.

Abonnements-Preis (mit Franko-Zusendung):

Für Oesterreich-Ungarn:
Ganzjährig . . . . fl. 3·—
Halbjährig . . . . . . „ 1·50
Vierteljährig . . . . . „ —·75
Monatlich . . . . . „ —·25
Einzelne Nummer 6 kr

Für Deutschland:
Ganzjährig . . M. 6·—
Halbjährig . . . „ 3·—
Vierteljährig . . . . „ 1·50

Für die Länder des Weltpostvereines:
Ganzjährig . . . . Frcs. 8·—
Halbjährig . . . . „ 4·—
Vierteljährig . . . „ 2·—

Nr. 21. Wien, den 23. Mai 1890. II. Jahrgang.

4 МАЯ В ЛОНДОНЕ [98]

Майский праздник пролетариата составил эпоху не только благодаря своему всеобщему характеру, который сделал его первым международным *действием* борющегося рабочего класса. Он дал также возможность констатировать в высшей степени отрадные успехи движения в отдельных странах. Как враги, так и друзья согласны в том, что *из всех стран европейского континента пролетарский праздник наиболее блестящим и достойным образом был проведен в Австрии, а из австрийских городов — в Вене,* в результате чего австрийские, и особенно венские, рабочие завоевали себе совершенно иное место в движении. Еще несколько дет тому назад движение в Австрии сошло почти на нет, рабочие немецких и славянских коронных земель были расколоты на враждующие партии и расточали свои силы во внутренней борьбе; если бы всего лишь три года тому назад кто-нибудь стал утверждать, что Вена и вся Австрия 1 мая 1890 г. покажут всем пример, как надо отмечать классовый праздник пролетариата, — его подняли бы на смех. Не следует забывать об этом факте, когда нам приходится высказывать свое суждение о тех внутренних раздорах, которые все еще поглощают силы рабочих в других странах, например во Франции. Кто же станет утверждать, что Париж не сможет сделать того, что сделала Вена?

Но 4 мая Лондон затмил Вену. Самым важным и самым грандиозным во всем майском празднике я считаю то обстоятельство, что 4 мая 1890 г. *английский пролетариат,* проснувшись от сорокалетней зимней спячки, *снова включился в движение своего класса.* Чтобы понять это, необходимо ознакомиться с предысторией 4 мая.

В начале прошлого года самый большой и самый бедный в мире рабочий квартал — лондонский Ист-Энд — стал постепенно приходить в движение. 1 апреля 1889 г. был учрежден Профессиональный союз рабочих газовых предприятий и чернорабочих (Gas Workers and General Labourers Union); в настоящее время в нем насчитывается до 100000 членов. При активном содействии главным образом этого заинтересованного союза (многие рабочие зимой работают на газовых предприятиях, а летом в доках) происходила грандиозная стачка докеров, которая вывела из состояния пассивности даже низшие слои рабочих восточной части Лондона[99]. В настоящее время среди этих большей частью необученных рабочих стали один за другим возникать профессиональные союзы, а уже имеющиеся у них союзы, до сих пор влачившие жалкое существование, быстро расцветают. Однако между этими новыми тред-юнионами и старыми была очень большая разница. Старые тред-юнионы, охватывающие «обученных» рабочих, носят замкнутый характер; они совершенно не принимают рабочих, не прошедших цеховой выучки, и этим сами создают себе конкуренцию со стороны нецеховых рабочих; они богаты, но чем богаче они становятся, тем больше они вырождаются в простые больничные и похоронные кассы; они консервативны и всячески открещиваются от «проклятого» социализма, насколько и пока это возможно. Напротив, новые союзы «необученных» рабочих принимают *каждого* товарища по профессии; они являются в основном, а союзы рабочих-газовщиков даже исключительно, союзами для проведения стачек и стачечными кассами; и если в их рядах не все еще поголовно социалисты, то во всяком случае своими руководителями они непременно желают иметь только социалистов и никого другого. А социалистическая пропаганда активно ведется в Ист-Энде уже много лет; особенно много в этом отношении сделали Элеонора Маркс-Эвелинг и ее муж Эдуард Эвелинг, которые за последние четыре года нашли в «радикальных клубах»[100], состоящих почти исключительно из рабочих, самую благодатную почву для пропаганды, которую они настойчиво проводили и, как теперь обнаружилось, с большим успехом. Во время стачки докеров г-жа Эвелинг была одной из тех трех женщин, которые занимались распределением пособий, и в благодарность за это г-н Гайндман — дезертир Трафальгар-сквера[101] — оклеветал их, объявив, будто они заставляли платить им за это из стачечной кассы по три фунта стерлингов еженедельно. Стачкой в Силвертауне, происходившей также в Ист-Энде зимой прошлого года, г-жа Эвелинг руководила почти совсем одна[102]; в комитете рабочих газовых

предприятий она представляет созданную ею же женскую секцию.

Осенью прошлого года рабочие газовых предприятий завоевали в Лондоне восьмичасовой рабочий день, но в южной части города, в результате неудачной стачки, они его снова потеряли[103] и получили достаточное доказательство, что и в северной части Лондона это завоевание обеспечено отнюдь не навсегда. Стоит ли удивляться тому, что эти рабочие о готовностью откликнулись на предложение г-жи Эвелинг провести в Лондоне в соответствии с решением Парижского конгресса майский праздник в пользу законодательного установления восьмичасового рабочего дня? Совместно с некоторыми социалистическими группами, радикальными клубами и другими тред-юнионами Ист-Энда рабочие образовали Центральный комитет, который должен был организовать с этой целью большую демонстрацию в Гайд-парке. После того как выяснилось, что всякая попытка провести эту демонстрацию в четверг 4 мая неминуемо обречена в этом году на неудачу, было решено перенести ее на воскресенье 4 мая.

Для того чтобы по возможности *все* лондонские рабочие приняли участие в демонстрации, Центральный комитет с наивным простодушием пригласил также и Лондонский совет тред-юнионов. Эта организация состоит из делегатов от лондонских тред-юнионов, притом главным образом от старых профессиональных союзов «обученных» рабочих, и в ней, как и следовало ожидать, большинство составляют пока антисоциалистические элементы. Совет тред-юнионов увидел, что движение в пользу восьмичасового рабочего дня угрожает перерасти через его голову. Старые тред-юнионы тоже выступают за восьмичасовой рабочий день, но не за его законодательное установление. Восьмичасовой рабочий день они понимают так, чтобы за восемь часов работы выплачивалась нормальная поденная плата, — столько-то за час, — но чтобы в то же время каждому было разрешено работать сверхурочно любое количество часов в день при условии повышенной оплаты каждого сверхурочно проработанного часа в размере, скажем, платы за полтора или два часа обычного времени. Следовательно, речь шла о том, чтобы направить демонстрацию по линии борьбы за восьмичасовой рабочий день, устанавливаемый по «свободному» соглашению, а не за рабочий день, превращенный в обязательное правило парламентским актом. С этой целью Совет тред-юнионов объединился с Социал-демократической федерацией вышеупомянутого г-на Гайндмана, обществом, которое действует так, будто бы оно было единоспасающей церковью английского

социализма, и которое, поступив вполне последовательно, заключило союз навеки с французскими поссибилистами[104], послав делегацию на их конгресс, и потому с самого начала сочло майский праздник, установленный марксистским конгрессом, прегрешением против духа святого. Движение перерастало через голову также и этого общества; однако примкнуть к Центральному комитету означало подчиниться руководству «марксистов»; напротив, если бы Совет тред-юнионов взял дело в свои руки и если бы празднование состоялось не 1, а 4 мая, тогда это был бы уже не злокозненный «марксистский» майский праздник, и принять в нем участие было бы возможно. И несмотря на то, что пункт о законодательном установлении восьмичасового рабочего дня содержится в программе Социал-демократической федерации, она с радостью пошла на сделку с Советом тред-юнионов.

И вот новые союзники, вступившие в это странное сожительство, подстроили Центральному комитету такую каверзу, которая в политической практике английской буржуазии была бы, пожалуй, признана не только вполне допустимой, но и очень ловкой, но которую европейские и американские рабочие сочтут, вероятно, в высшей степени подлой. Дело в том, что при устройстве народных собраний в Гайд-парке их организаторы должны заранее уведомить о своем намерении министерство общественных работ (Board of Works) и договориться с ним о деталях, в частности получить разрешение провезти по траве повозки, которые должны служить трибунами. При этом существует такое правило, что если об одном собрании уже сделано уведомление, то второго собрания в тот же день в парке устраивать не разрешается. Центральный комитет подобного уведомления еще не сделал. Как только объединившиеся против него организации узнали об этом, они тотчас же известили о намерении провести 4 мая собрание в парке и получили разрешение на устройство семи трибун, проделав все это за спиной Центрального комитета.

Совет тред-юнионов и Федерация полагали, что парк на 4 мая тем самым заарендован и победа обеспечена. Совет созвал затем собрание делегатов от тред-юнионов, на которое были приглашены также два делегата от Центрального комитета; последний послал на собрание трех своих представителей, и среди них г-жу Эвелинг. Совет тред-юнионов держал себя по отношению к ним как хозяин положения. Он заявил, что участвовать в демонстрации и нести свои знамена могут *только* профессиональные союзы, следовательно, ни социалистическим союзам, ни политическим клубам этого не разрешается; на

каком основании могла в таком случае участвовать в демонстрации Социал-демократическая федерация, — оставалось загадкой. Совет предложил собранию заранее составленный проект резолюции, из которого было *вычеркнуто* как раз требование *законодательного* установления восьмичасового рабочего дня; предложение восстановить это требование не было поставлено ни на обсуждение, ни на голосование. Наконец, Совет отказался допустить г-жу Эвелинг в качестве делегата, потому что она-де не является работником физического труда (что неверно), хотя сам председатель Совета г-н Шиптон вот уже добрых 15 лет и не думал заниматься своим ремеслом.

Рабочие из Центрального комитета были возмущены этой устроенной им каверзой. Демонстрация, казалось, окончательно попала в руки двух организаций, представлявших лишь незначительное меньшинство лондонских рабочих. И казалось, против этого не было другого средства, как взять штурмом трибуны Совета тред-юнионов, что и угрожали сделать рабочие-газовщики. Тогда Эдуард Эвелинг отправился в министерство и добился, вопреки существующим правилам, предоставления Центральному комитету права установить в парке также семь трибун. Попытка мошенническим путем использовать демонстрацию в интересах меньшинства сорвалась; Совет тред-юнионов присмирел и с радостью готов был вести с Центральным комитетом переговоры об организации демонстрации на равных началах.

Об этой предыстории надо знать, чтобы понять характер и оценить значение демонстрации. Предложенная рабочими Ист-Энда, недавно вступившими в движение, она встретила такое всеобщее сочувствие, что две организации, относившиеся друг к другу не менее враждебно, чем обе они относились к основной идее демонстрации, были вынуждены объединиться для того, чтобы захватить в свои руки руководство и использовать собрание в своих интересах. С одной стороны, консервативный Совет тред-юнионов, проповедующий равноправие капитала и труда, с другой стороны, выпячивающая свой радикализм Социал-демократическая федерация, разглагольствующая всегда, когда это безопасно, о социальной революции, — обе организации объединились для подлой каверзы, чтобы нажить себе капитал на глубоко ненавистной им обеим демонстрации. Вследствие этих событий собрание 4 мая раскололось на две части. На одной стороне — консервативные рабочие, кругозор которых не выходит за рамки системы наемного труда, и рядом с ними слабосильная, но властолюбивая социалистическая секта; на другой стороне — широкие массы недавно вступивших

в движение рабочих, которые и слышать больше не желают о манчестерстве старых тред-юнионов[105] и стремятся своими силами завоевать себе полное освобождение и завоевать его совместно с теми союзниками, которых они сами избрали, а не с союзниками, которых навязывала им маленькая социалистическая клика. На одной стороне — застой, представленный тред-юнионами, которые сами еще не вполне освободились от цеховщины, и узколобой сектой, опирающейся на самых жалких союзников; на другой стороне — живое свободное движение вновь пробуждающегося английского пролетариата. Достаточно было бросить беглый взгляд, чтобы даже самому ослепленному стало очевидным, на какой стороне этого двуликого собрания была живая жизнь, а на какой — застой. Вокруг семи трибун Центрального комитета — густые, необозримые толпы, прибывающие с музыкой и знаменами, свыше ста тысяч человек в колоннах, к которым присоединилось почти столько же пришедших в одиночку; повсюду единодушие, воодушевление и в то же время полный порядок и организованность. Напротив, у трибун объединившихся реакционеров все выглядело вяло; их колонны были гораздо малочисленное, плохо организованы, шли в беспорядке и большей частью запаздывали, так что там в некоторых местах еще только начинали, когда у Центрального комитета все уже было закончено. В то время как либеральные руководители отдельных радикальных клубов и официальные лица некоторых тред-юнионов примкнули к Совету тред-юнионов, члены тех же самых союзов и даже целых четыре филиальных отделения Социал-демократической федерации маршировали в колоннах Центрального комитета. Несмотря на это, Совет тред-юнионов достиг все же некоторого успеха, однако решающий успех был на стороне Центрального комитета.

Многочисленные буржуазные политики, наблюдавшие за демонстрацией, разошлись по домам с твердым убеждением, что английский пролетариат, который вот уже целых сорок лет был придатком и голосующим стадом великой либеральной партии, пробудился, наконец, к новой самостоятельной жизни и деятельности. Не может быть уже никакого сомнения в том, что 4 мая 1890 г. английский рабочий класс вступил в великую интернациональную армию. И это факт эпохального значения. Английский пролетариат опирается на самое передовое промышленное развитие и к тому же располагает наибольшей свободой для политического движения. Его продолжительная зимняя спячка, — следствие, с одной стороны, крушения чартистского движения 1836—1850 гг., с другой стороны, —

колоссального промышленного подъема 1848—1880 гг., — наконец, нарушена. Внуки старых чартистов вступают в боевые шеренги. Вот уже восемь лет как в широких массах то там, то здесь происходит брожение. Возникли социалистические группы, но ни одна из них не поднялась выше уровня секты; агитаторы и так называемые партийные вожди, среди которых были и просто дельцы и карьеристы, оставались офицерами без солдат. Это почти всегда напоминало знаменитую колонну имени Роберта Блюма в баденской кампании 1849 года[106]: один полковник, одиннадцать офицеров, один горнист и один рядовой. И склока между этими различными «колоннами» Роберта Блюма из-за руководства будущей пролетарской армией представляла собой малоутешительное зрелище. Теперь все это скоро прекратится, как прекратилось уже в Германии и в Австрии. Мощное движение масс положит конец всем этим сектам и группкам, вберет в свои ряды солдат и укажет надлежащие места офицерам. Кому это не нравится, может убираться. Без трений дело не обойдется, но все пойдет своим чередом; спустя более короткое время, чем многие ожидают, английская пролетарская армия станет такой же единой, хорошо организованной и решительной, как любая другая, и все товарищи на континенте и в Америке будут восторженно ее приветствовать.

Написано между 5 и 21 мая 1890 г.

Напечатано в «Arbeiter-Zeitung» № 21, 23 мая 1890 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

НАБРОСОК ОТВЕТА РЕДАКЦИИ «SACHSISCHE ARBEITER-ZEITUNG»[107]

Сложившая с себя полномочия редакция «Sachsische Aribeiter-Zeitung» в своем прощальном слове, опубликованном в № 105 (31 августа 1890 г.), заявляет, что мелкобуржуазный парламентский социализм имеет якобы теперь за собой в Германии большинство. Но большинство нередко очень быстро превращалось в меньшинство,

«и поэтому сложившая с себя полномочия редакция «Sachsische Arbeiter-Zeitung» надеется *вместе с Фридрихом Энгельсом,* что, подобно тому как был в свое время преодолен наивный государственный социализм Лассаля, точно так же благодаря здравому смыслу немецких рабочих будет быстро преодолено жаждущее успехов парламентское направление в современной социал-демократии».

Если я и мог еще в какой-то незначительной степени сомневаться относительно характера недавнего бунта студентов в нашей германской партии, то это колоссальное бесстыдство бывшей редакции одного из их главных органов должно было открыть мне глаза. Бывшая редакция «надеется вместе» со мной, — получается, будто и я надеюсь вместе с ней, — что направление, представленное такими людьми, как Ауэр, Бебель, Либкнехт, Зингер, скоро будет иметь за собой меньшинство немецких рабочих, а «принципиальное направление», представленное бывшей редакцией, будет иметь большинство. Это означает, что мне прямо-таки *клеветнически приписываются* надежды бывшей редакции, и я привлеку ее за это к персональной ответственности.

Я не испытывал никакого желания вмешиваться в склоку, затеянную господами студентами и литераторами. Однако я откровенно высказывал свое мнение каждому, кто хотел его

знать. И если господа склочники хотят и публично его услышать, то — быть по сему.

Когда эти господа начали поднимать шум против Правления партии и против фракции, я с удивлением спрашивал себя: чего, собственно, они хотят, к чему все это? Насколько я мог понять, не было решительно никакого основания для всей этой огромной шумихи. В спорном вопросе о майском празднике Правление партии, возможно, несколько медлило с изложением своей точки зрения. Но Правление состояло из пяти человек, проживавших в четырех различных и отдаленных друг от друга местах, и требовалось какое-то время, чтобы им договориться. Однако, когда Правление высказало свое мнение, это мнение оказалось правильным, единственным отвечавшим положению дел. События в Гамбурге полностью подтвердили его правильность[108].

Отдельные члены фракции или Правления партии безусловно допустили во время дискуссии промахи. Это случается всегда и всюду, и вина падает на отдельных лиц, но не на весь орган в целом. Фракция в своем проекте устава допустила некоторые вольности в отношении правил демократического этикета. Но ведь это — всего лишь проект, который партийный съезд волен принять, отклонить или исправить. Лондонская конференция Интернационала в 1871 г.[109] тоже совершила подобные нарушения некоторых формальностей, и господа бакунисты тотчас же воспользовались этим, чтобы создать из них формальный повод для своих нападок на Генеральный Совет. Несмотря на это, теперь каждому известно, что действительная демократия существовала в Генеральном Совете, а не в комитете бакунистов, которые образовали целый тайный заговорщический аппарат с целью подчинить себе Интернационал.

Когда во времена пароходной субсидии тогдашняя фракция одно время сама не знала, чего хотела, и попыталась сделать редакцию «Sozialdemokrat» козлом отпущения за свою собственную беспомощность, — тогда я со всей решительностью встал на сторону редакции против фракции[110]. То же самое я сделал бы и сейчас, если бы фракция или Правление партии совершили действительно что-нибудь такое, что представляло бы серьезную опасность для партии. Но о чем-либо подобном нет сейчас и речи...[*]

Написано около 6 сентября 1890 г.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XVI, ч. II, 1936 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

[*] На этом рукопись обрывается. *Ред.*

ОТВЕТ РЕДАКЦИИ «SACHSISCHE ARBEITER-ZEITUNG»

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «SOZIALDEMOKRAT»

Нижеподписавшийся обращается с покорнейшей просьбой напечатать следующее письмо, которое было отправлено вчера теперешней редакции «Sachsische Arbeiter-Zeitung» в Дрезден.

* * *

Сложившая с себя полномочия редакция «Sachsische Arbeiter-Zeitung» в своем прощальном слове (№ 105 от 31 августа 1890 г.) заявляет, что мелкобуржуазный парламентский социализм имеет якобы за собой в Германии большинство. Но большинство нередко очень быстро превращается в меньшинство,

> «и поэтому сложившая с себя полномочия редакция «Sachsische Arbeiter-Zeitung» надеется *вместе с Фридрихом Энгельсом,* что, подобно тому как был в свое время преодолен наивный государственный социализм Лассаля, точно так же благодаря здравому смыслу немецких рабочих будет быстро преодолено жаждущее успехов парламентское направление в современной социал-демократии».

Это заявление сложившей с себя полномочия редакции было для меня большим сюрпризом. А возможно, также и для нее самой. О том, что мелкобуржуазный парламентский социализм имеет за собой в германской партии большинство, мне до сих пор ничего не было известно. Пусть поэтому редакция и дальше «надеется» на что ей угодно и сколько ей угодно, только я не намерен надеяться «вместе» с ней.

Если бы я и мог еще сомневаться относительно характера недавнего бунта литераторов и студентов в нашей германской партии, то колоссальное бесстыдство, с которым

предпринимается данная попытка объявить меня солидарным с интригами этих господ, должно было устранить всякое сомнение.

Вся моя связь с редакцией, сложившей с себя полномочия, состояла в том, что в течение нескольких недель без всякой с моей стороны просьбы редакция посылала мне свою газету, я же не считал нужным сообщить ей, что я в ней находил. Теперь я должен ей это высказать, и высказать публично.

В теоретическом отношении я находил в ней — и это относится в общем и целом также ко всей прочей печати «оппозиции» — до неузнаваемости искаженный «марксизм», отличающийся, во-первых, явным непониманием того мировоззрения, от имени которого выступают; во-вторых, полным незнанием решающих в каждый данный момент исторических фактов; в-третьих, ярко выраженным сознанием собственного безграничного превосходства, которое столь свойственно немецкому литератору. Маркс предвидел и подобных учеников, когда заявил по поводу «марксизма», который в конце семидесятых годов был широко распространен среди некоторых французов: «tout ce que je sais, c'est que moi, je ne suis pas marxiste» — «я знаю только то, что *сам я* не «марксист»».

В практическом отношении я находил в ней полнейшее пренебрежение всеми реальными условиями партийной борьбы, безрассудное «взятие препятствий» — в воображении; это, возможно, и делает честь непреклонному юношескому пылу авторов, но если из области воображения перенестись в область действительности, это могло бы погубить даже самую сильную, насчитывающую в своих рядах миллионы партию под вполне заслуженный хохот всего враждебного ей мира. И что даже маленькая секта не может позволить себе такую достойную гимназистов политику — на сей счет эти господа убедились с тех пор на собственном опыте.

Все накопленные ими в течение месяцев жалобы на фракцию или на Правление партии сводятся в лучшем случае к сущим пустякам. Но если этим господам угодно отцеживать мошек, то отсюда ведь вовсе не следует, что немецкие рабочие в благодарность за это должны глотать верблюдов[111].

Ну, что ж, они пожали то, что посеяли. Не говоря уже о содержании поднятых вопросов, вся кампания была начата ими так ребячески, с таким наивным самообольщением насчет собственной важности, а также относительно положения дел партии и существующих в ней взглядов, что исход был предопределен с самого начала. Пусть же эти господа твердо усвоят этот урок. Некоторые из них написали вещи, которые давали

основание для кое-каких надежд. Многие из них могли бы кое-что сделать, если бы они меньше были убеждены в совершенстве достигнутой ими в данный момент ступени развития. Пусть же они поймут, что их «академическое образование», требующее к тому же основательной критической самопроверки, вовсе не дает им офицерского чина с правом на соответствующий пост в партии; что в нашей партии каждый должен начинать свою службу с низшей должности; что для занятия ответственных постов в партии недостаточно только литературного таланта и теоретических знаний, даже когда и то и другое бесспорно налицо, но что для этого требуется также основательное знание условий партийной борьбы и усвоение ее форм, испытанная личная честность и твердость характера и, наконец, добровольное включение себя в ряды борцов; одним словом, что им, этим «академически образованным» людям, в общем и целом гораздо больше надо учиться у рабочих, чем рабочим у них.

Лондон, 7 сентября 1890 г.

Фридрих Энгельс

Напечатано в газете «Der Sozialdemokrat» № 37, 13 сентября 1890 г. и в приложении к газете «Berliner Volksblatt» № 214, 14 сентября 1890 г.

Печатается по тексту газеты

«Der Sozialdemokrat», сверенному с текстом газеты «Berliner Volksblatt»

Перевод с немецкого

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РАБОЧИЙ КОНГРЕСС 1891 ГОДА [112]

На конгрессе английских тред-юнионов в Ливерпуле (сентябрь 1890)[113] Национальный совет Рабочей партии Бельгии пригласил тред-юнионы на международный конгресс, который должен состояться в будущем году в Бельгии.

Бельгийцы получили полномочия на созыв международного конгресса в Бельгии от поссибилистского конгресса. Марксистский конгресс (я употребляю такое название для краткости) дал *им* полномочия лишь на созыв конгресса, да и то *совместно со швейцарцами;* место же созыва конгресса установлено не было.

Если здесь не преднамеренная двусмысленность, то бельгийцы, следовательно, пригласили англичан на поссибилистский конгресс — единственный, на который они имели полномочие приглашать самостоятельно. И англичане приняли это приглашение с энтузиазмом.

Невозможно будет объяснить новым тред-юнионам, объединяющим неквалифицированных рабочих, что их доверие было обмануто; что в 1891 г. созываются два конгресса, один хороший и один плохой, и что они дали обещание поехать именно на плохой. Это не только мое личное мнение, это также мнение лиц, которые больше всех потрудились для вовлечения тред-юнионов в международное движение. Ту кампанию, которую в 1889 г. газета «Sozialdemokrat» провела против английских друзей поссибилистов[114], на этот раз нельзя было бы повторить с прежним успехом. Если созываются два конгресса, то почему же не пригласили нас и на другой конгресс, чтобы мы имели возможность выбирать? Теперь же слишком поздно, — вот что

скажут эти практичные люди. Они приняли приглашение бельгийцев и отправятся на конгресс, который состоится в Бельгии. И это совершенно несомненно, если только бельгийцы и поссибилисты не оттолкнут их от себя какими-нибудь невероятными глупостями; но таких глупостей они не совершат.

Создавшееся положение является неизбежным следствием ошибок, допущенных марксистским конгрессом. Оставили нерешенным самый важный вопрос, — вопрос о будущем конгрессе. Хуже того, всякое решение его сделали почти невозможным, поручив созыв конгресса *двум* национальным комитетам, бельгийскому и швейцарскому, причем без предварительного согласования их действий нельзя было предпринять ни малейшего шага, — вернейшее средство для того, чтобы ничего не было сделано. К тому же бельгийцы, как и после конференции в Гааге[115], вместо того чтобы держаться в рамках данных им полномочий, действовали в собственных интересах. Они хотели обеспечить себе созыв конгресса в Бельгии, и они его созывают, не считаясь со швейцарцами, разделявшими с ними полномочия. У меня вовсе нет желания подвергать сомнению искренность и добрые намерения бельгийского Национального совета; но фактически своей линией поведения он играет на руку поссибилистам, в ущерб нам. Вместо того чтобы осуждать других, признаемся, что мы лишь пожинаем плоды своих собственных ошибок. (Не будем осуждать бельгийцев слишком строго; полномочия, которые мы им дали, почти обязывали их не понимать их буквально.)

Мы сами завели себя в своего рода тупик, поставили себя в положение, при котором мы и шага сделать не можем, между тем как наши соперники действуют. Как же выйти из этого положения?

Прежде всего несомненно, что будут предприняты новые попытки предотвратить «скандальный факт» созыва двух соперничающих между собой рабочих конгрессов. И мы не могли бы отклонить эти попытки; напротив, для нас чрезвычайно важно, чтобы ответственность за этот «скандал», если он повторится, пала на поссибилистов и их союзников. Каждый, у кого есть хоть какой-нибудь опыт в международном движении, знает, что в случае раскола тот, кто этот раскол вызвал или кого считают вызвавшим его, всегда оказывается виновным в глазах рабочих. Поэтому, если в 1891 г. состоятся два конгресса, сделаем так, чтобы на нас не могли возложить вину за этот раскол.

Если такие попытки к объединению будут предприняты, а это несомненно, должны ли мы пассивно их ожидать? Мы

рискуем тогда тем, что в самый последний момент поссибилисты и их союзники предъявят нам ультиматум, полный явных ловушек (мы их хорошо знаем), ловушек, скрывающихся за слащавыми фразами такого сорта, что широкая публика ничего дурного в этом не увидит, между тем как для нас это будет совершенно неприемлемо; и тогда — в хорошем же мы окажемся положении: либо — принять ультиматум и с открытыми глазами идти в ловушку, либо же отклонить его и взять на себя ответственность перед рабочими за то, что в силу непомерного упрямства мы сорвали социалистическое единство!

Словом, положение для нас нетерпимое; Надо находить выход. Но как? Действием. Не будем больше полагаться на полномочия, данные бельгийцам и швейцарцам; возьмем дело в собственные руки*.

Пришлось ли бы нам сожалеть, если бы произошло объединение двух конгрессов? Рассмотрим этот вопрос.

Мы можем рассчитывать с уверенностью на 1) французских коллективистов[116] и бланкистов (число последних к тому же уменьшилось вследствие массового перехода в лагерь буланжистов), 2) немцев, 3) австрийцев, 4) испанских социалистов, 5) датских «революционеров»[117], составляющих одну пятую датских социалистов, 6) шведов и, возможно, нескольких норвежцев, 7) швейцарцев, 8) русских и польских эмигрантов.

Соперничающий с нами конгресс состоял бы из 1) французских поссибилистов; 2) английских тред-юнионов, которые были бы представлены в большем количестве, и английской Социал-демократической федерации, которая использовала бы в своих интересах общий подъем движения в Англии; 3) бельгийцев; 4) голландцев; 5) представителей испанских синдикатов Барселоны и т. д.; 6) возможно, представителей португальских синдикатов; 7) итальянцев; 8) датских «реформистов», составляющих четыре пятых всех социалистов Дании, которые привлекли бы, по-видимому, еще несколько норвежцев.

В зависимости от обстоятельств бельгийцы и голландцы могли бы направить своих представителей и к нам; напротив, швейцарцы были бы способны послать нескольких представителей на поссибилистский конгресс.

Отсюда следует, что на этот раз у поссибилистов была бы более внушительная армия, чем в 1889 году. Если к нам

---

* Следующие шесть абзацев до слов «Каковы те необходимые, с нашей точки зрения, условия» в рукописи перечеркнуты вертикальной чертой. *Ред.*

присоединятся немцы, то поссибилисты компенсируют это англичанами, которые для нас потеряны вследствие нашего бездействия и нашей неповоротливости; в остальном у них столько же национальностей, сколько и у нас, если не больше. А с их способностью фабриковать фиктивные мандаты и фиктивных представителей, они оставят нас далеко позади. Прибавьте к этому, что, если мы будем придерживаться все той же системы бездействия, которой следовали до сих пор, вина за раскол непременно падет на нас, что повлечет за собой новые потери в численном составе нашего конгресса.

Предположим теперь, что произошло слияние. Тогда наши силы увеличатся за счет всех тех, кого «скандальный факт» раскола вынуждал до сих пор держаться нейтрально, — за счет бельгийцев, голландцев, итальянцев; к нам неизбежно примкнут английские новые тред-юнионы, объединяющие прекрасные элементы, еще не вполне устойчивые, но честные и восприимчивые к знанию. Мы уже пустили среди них корни; достаточно будет контакта с французскими коллективистами и с немцами, чтобы решительно приблизить их к нам, тем более, что Социал-демократическая федерация, отталкивающая их своими диктаторскими замашками, является ревностной союзницей поссибилистов. Бельгийцам нужны лишь такие конгрессы, на которых они могут играть видную роль, что им и предоставили поссибилисты, и прежде всего — большой конгресс в Брюсселе. Если мы поможем им добиться, чтобы слияние произошло *на их земле,* то фламандцы, составляющие лучший элемент в их рядах, будут на нашей стороне и уравновесят поссибилистские тенденции брюссельцев. Голландцы — фанатические сторонники слияния, но они далеки от того, чтобы быть поссибилистами.

Каковы те необходимые, с нашей точки зрения, условия?

1) Общий конгресс должен быть созван теми, кто получил полномочия от обоих конгрессов 1889 года. Бельгийцы созовут его в силу полномочий, полученных от поссибилистов, а бельгийцы совместно с швейцарцами в силу полномочий, полученных от нас; в какой форме — это должно быть определено.

2) Конгресс должен быть полностью суверенным. Регламенты, порядок дня, резолюции предшествующих конгрессов для него не существуют. Он сам, не будучи связан какими бы то ни было прецедентами, установит свой регламент, способ проверки мандатов и свой порядок дня. Ни один комитет, назначенный ли одним из предыдущих конгрессов, или созданный во время переговоров о слиянии, не имеет права связывать конгресс чем бы то ни было.

3) Условия и нормы представительства от различных рабочих организаций устанавливаются заранее (желательны определенные предложения, но не мое дело вносить их).

4) Комитету, состав которого должен быть установлен, поручается разработать и представить на утверждение конгресса предложения о регламенте, способе проверки мандатов и порядок дня.

Написано между 9 и 15 сентября 1890 г.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т, XVI, ч. II, 1936 г.

Печатается по черновой рукописи

Перевод с французского

Der Sozialdemokrat

Organ der Sozialdemokratie deutscher Zunge.

№ 39. 27. September 1890

ПРОЩАЛЬНОЕ ПИСЬМО ЧИТАТЕЛЯМ ГАЗЕТЫ «SOZIALDEMOKRAT» [118]

Разрешите также и мне проститься с читателем.

Газета «Sozialdemokrat» должна сойти со сцены. Не только потому, что об этом очень часто заявляли перед другими партиями. В значительно большей степени еще и потому, что при изменившихся условиях газета «Sozialdemokrat» сама непременно стала бы иной, с иной задачей, иными сотрудниками, иным кругом читателей. А газета, которая играла такую определенную историческую роль, газета, особенность которой состояла в том, что на ее страницах, и только там, нашли свое отражение двенадцать самых решающих лет в жизни германской рабочей партии, — такая газета не может и не должна менять своего лица. Она должна оставаться тем, чем была, или же должна прекратить свое существование. С этим мы все согласны.

Все мы единодушны также и в том, что с прекращением издания этой газеты неизбежно должна образоваться брешь. Ни один из выходящих в Германии органов, официальных или неофициальных, не может ее заменить. Для партии это лишь относительный ущерб: она вступает в другие условия борьбы, и поэтому ей нужны другое оружие, другая стратегия и тактика. Но абсолютным ущербом это является для ее сотрудников, и в частности для меня.

Дважды в своей жизни я имел честь и удовольствие сотрудничать в газете, где мне были полностью обеспечены оба самых благоприятных условия, какие вообще могут существовать для работы в печати: во-первых, безусловная свобода печати и, во-вторых, уверенность, что тебя слушает именно та аудитория, к которой ты хочешь обращаться.

Первый раз — в 1848—1849 гг. в «Neue Rheinische Zeitung»[119]. Это было революционное время, а в такое время работать в ежедневной печати — одно наслаждение. Воочию видишь действие каждого слова, видишь, как статьи буквально бьют подобно гранатам и как разрывается выпущенный снаряд.

Второй раз — в газете «Sozialdemokrat». И это тоже было своего рода революционное время, начиная с того момента, как на Виденском съезде партия была восстановлена и после этого снова начала борьбу «всеми средствами», как законными, так и незаконными[120]. Газета «Sozialdemokrat» была воплощением этой незаконности. Для нее не существовало ни обязательной имперской конституции, ни имперского уголовного кодекса, ни прусского права. Противозаконно, вопреки имперскому и местному законодательству, проникала газета «Sozialdemokrat» каждую неделю через границы священной Германской империи; сыщики, шпионы, провокаторы, таможенные чиновники, удвоенная и утроенная пограничная стража — все оказалось бессильным; газета «Sozialdemokrat» доставлялась подписчикам в срок, чуть ли не с точностью векселя; никакой Стефан не мог помешать тому, чтобы германская имперская почта рассылала и доставляла ее по назначению. И это при наличии более десяти тысяч подписчиков в Германии; и если буржуазный читатель накануне 1848 г. оплачивал свои запрещенные издания лишь в самых редких случаях, то рабочие платили за свою газету «Sozialdemokrat» в течение двенадцати лет с величайшей аккуратностью. Как часто у меня, старого революционера, сердце радовалось при виде того, как из недели в неделю, из года в год бесперебойно осуществлялось это превосходно налаженное бесшумное взаимодействие между редакцией, экспедицией и подписчиками, проводилась эта businesslike, по-деловому организованная революционная работа!

И газета стоила тех усилий и тех опасностей, с которыми было связано ее распространение. Это была безусловно лучшая газета, которой когда-либо располагала партия. И не только потому, что лишь она одна пользовалась полной свободой печати. Принципы партии излагались и отстаивались на ее страницах с редкой ясностью и решительностью, и тактика редакции была почти без исключений правильной. К этому следует добавить еще один момент. В то время как в нашей буржуазной печати царит смертельная скука, на страницах «Sozialdemokrat» находил свое отражение тот живой юмор, с каким наши рабочие ведут обычно борьбу против полицейских козней.

При этом газета «Sozialdemokrat» была чем угодно, только не простым рупором фракции. Когда большинство фракции

в 1885 г. склонялось к голосованию за пароходную субсидию, газета решительно поддержала противоположное мнение и отстаивала свое право на это даже после того, как большинство фракции запретило ей эту линию приказом, который теперь самому большинству кажется непостижимым. Борьба продолжалась целый месяц, в течение которого редакция получала энергичную поддержку со стороны партийных товарищей в Германии и за границей. 2 апреля было объявлено запрещение, а 23 апреля газета «Sozialdemokrat» напечатала совместное заявление фракции и редакции, из которого вытекало, что фракция брала свой приказ обратно[121].

Спустя некоторое время газете «Sozialdemokrat» довелось испытать хваленое швейцарское право убежища[122]. Тут обнаружилось, как и во всех подобных случаях, начиная с 1830 г., что это право убежища дает осечку каждый раз в тот момент, когда оно действительно должно вступить в силу. В этом нет ничего нового. Со времени проведенной с 1830 г. демократизации Швейцарии, соседние великие державы разрешают этой маленькой республике демократические эксперименты внутри страны лишь при том условии, что право убежища для эмигрантов будет ею осуществляться только под контролем заинтересованной в каждом данном случае великой державы. Швейцария слишком слаба, чтобы не делать уступок. Упрекать ее за это не приходится. Именно по поводу Голландии, Швейцарии и Дании Маркс обычно говорил, что в наше время нет ничего хуже, чем положение маленькой страны, имевшей великую историю. Но в таком случае пора, наконец, прекратить болтовню о неприкосновенном праве убежища в «свободной Швейцарии».

Газета «Sozialdemokrat» была знаменем германской партии; в результате двенадцатилетней борьбы партия одержала победу. Закон против социалистов пал, Бисмарк ниспровергнут. Могучая Германская империя пустила в ход против нас все свои мощные средства; партия ответила на это презрением, пока, наконец, Германской империи не пришлось склонить свое знамя перед нашим. Имперское правительство хочет попытаться действовать против нас снова в рамках общего права, а поэтому и мы попытаемся использовать законные средства, которые мы вновь завоевали путем энергичного применения незаконных. Будет ли при этом пункт о «законных» средствах снова включен в программу или не будет, это не так уж важно. Нужно пытаться обходиться пока что законными средствами борьбы. Так действуем не только мы, так действуют все рабочие партии во всех странах, где рабочие имеют известную установленную законом свободу движения, и по той простой причине,

что таким путем достигаются наибольшие результаты. Но при этом предполагается, что и противник действует также в рамках закона. Если же посредством новых исключительных законов, или посредством противозаконных приговоров и противозаконной практики имперского суда, а также полицейского произвола или каких-либо других незаконных посягательств со стороны исполнительной власти будет предпринята попытка снова поставить нашу партию фактически вне общего права, то это вынудит германскую социал-демократию опять вступить на незаконный путь, как на единственный, который у нее еще останется. Даже у англичан, у нации, наиболее почитающей закон, первым условием соблюдения законности со стороны народа является то, что другие органы власти держатся в рамках закона; в противном случае, по английским правовым понятиям, восстание становится первой обязанностью граждан.

Ну, а если такая попытка будет предпринята, что тогда? Будет ли партия строить баррикады, апеллировать к силе оружия? Такого удовольствия она своим врагам наверняка не доставит. От этого ее предохраняет сознание собственной силы, которую придают ей каждые общие выборы в рейхстаг. Двадцать процентов поданных за нее голосов — весьма внушительная цифра, но это означает в то же время, что на долю объединенных противников приходится все еще восемьдесят процентов. И если наша партия при этом видит, что за последние три года число поданных за нее голосов удвоилось и что на следующих выборах она может рассчитывать на еще больший прирост голосов, то ей нужно было бы лишиться рассудка, чтобы в данный момент с двадцатью процентами против восьмидесяти, к тому же против армии, попытаться произвести путч, результатом которого безусловно была бы потеря всех решающих позиций, завоеванных в течение двадцати пяти лет.

У партии есть гораздо лучшее, хорошо испытанное средство. В тот день, когда станут оспаривать применимость по отношению к нам общего права, снова появится «Sozialdemokrat». Старый механизм, сохраняющийся в резерве на этот случай, снова будет приведен в действие — усовершенствованный, усиленный, налаженный заново. И одно несомненно: во второй раз Германской империи не выдержать двенадцати лет.

Фридрих Энгельс

Написано между 12 и 18 сентября 1890 г.

Напечатано в газете «Der Sozialdemokrat» № 39, 27 сентября 1890 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ОТВЕТ ГОСПОДИНУ ПАУЛЮ ЭРНСТУ

Один мой друг прислал мне магдебургскую газету «Volksstimme»[123] от 16 сентября. В этой газете в статье, опубликованной за подписью Пауля Эрнста, я нахожу следующее место:

«И если Энгельс называет теперь нашу оппозицию «бунтом студентов», то я прошу его все-таки указать, где мы отстаивали взгляды, отличающиеся от его собственных и от взглядов самого Маркса; и если я охарактеризовал нашу парламентскую социал-демократию как частично весьма мелкобуржуазную, то пусть Энгельс только посмотрит, что он сам писал в 1887 г. в предисловии к своему «Жилищному вопросу»».

Мое общение с немецкими писателями уж много лет обогащает меня весьма диковинным опытом. Но, по-видимому, этому общению суждено стать еще более приятным. Я обязан, видите ли, указать г-ну Паулю Эрнсту, где «мы» отстаивали взгляды, отличающиеся и т. д. Что касается «нас», то есть недавно с таким апломбом выступившей и так малодушно отступившей «оппозиции», которую я назвал бунтом литераторов и студентов, то можно ответить кратко: почти в каждой статье, которой она разражалась.

Что же касается самого г-на Эрнста, то я не испытываю необходимости говорить ему что-нибудь еще по этому вопросу. Я сказал ему это уже четыре месяца тому назад, а теперь волей-неволей приходится надоедать публике этой моей «эрнст»овской* перепиской.

Г-н Эрнст писал мне 31 мая этого года из Гёрберсдорфа, что г-н Герман Бар упрекает его в «Freie Buhne» в неправильном

* Игра слов: Ernst — фамилия, «ernst» — «серьезный». *Ред.*

применении марксова метода исторического исследования к скандинавскому женскому движению[124] и поэтому не мог ли бы я ему

«сообщить в двух словах, соответствует мой взгляд взгляду Маркса или нет, и, кроме того, разрешить мне использовать Ваше письмо в полемике с Баром».

На это я ему ответил 5 июня, что не могу вмешиваться в его спор с г-ном Баром и что «скандинавское женское движение» мне совершенно незнакомо. Затем я продолжал:

«Что касается Вашей попытки подойти к вопросу материалистически, то прежде всего я должен сказать, что материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроят и перекраивают исторические факты. И если г-н Бар полагает, что поймал Вас на этой ошибке, то мне думается, что тут он до известной степени прав.

Всю Норвегию и все, что там происходит, Вы подводите под одну категорию — мещанство, а затем это норвежское мещанство преспокойно подгоняете под свое представление *о немецком* мещанстве. Но тут поперек дороги встают два факта.

Во-первых, когда во всей Европе победа над Наполеоном оказалась победой реакции над революцией и когда революция только на своей родине, во Франции, внушала еще такой страх, что восстановленная легитимная монархия была вынуждена дать буржуазно-либеральную конституцию, — в это время Норвегии удалось ввести у себя гораздо более демократическую конституцию, чем все существовавшие тогда в Европе.

И, во-вторых, за последние двадцать лет Норвегия пережила такой подъем в области литературы, каким не может похвалиться за этот период ни одна страна, кроме России. Мещане они или не мещане, но эти люди создают гораздо больше, чем другие, и накладывают свою печать также и на литературу других народов, и не в последнюю очередь на немецкую.

На мой взгляд, эти факты обязывают нас в какой-то мере исследовать особенности норвежского «мещанства».

И тут Вы, вероятно, обнаружите весьма существенное различие. В Германии мещанство — это плод потерпевшей поражение революции, результат прерванного и обращенного вспять развития; благодаря Тридцатилетней войне и последовавшему за ней периоду оно приобрело свои особые, резко выраженные

характерные черты: трусость, ограниченность, беспомощность и неспособность к какой бы то ни было инициативе, между тем как почти все другие крупные народы переживали как раз в то время быстрый подъем. Эти характерные черты немецкое мещанство сохранило и в дальнейшем, когда Германия была снова подхвачена потоком исторического развития; они оказались достаточно устойчивыми, чтобы в той или иной степени наложить отпечаток и на все другие общественные классы Германии, породив своеобразный общенемецкий тип, пока наш рабочий класс не разорвал, наконец, эти узкие рамки. Немецкие рабочие и являются крайне злонамеренными людьми, «не имеющими отечества» как раз в том смысле, что они полностью стряхнули с себя немецкую мещанскую ограниченность.

Таким образом, немецкое мещанство — это вовсе не этап нормального исторического развития, а доведенная до крайности карикатура, своего рода пример вырождения, совершенно так же, как польский еврей — карикатура на еврея. Английский, французский и др. мелкий буржуа отнюдь не стоит на одном уровне с немецким.

Напротив, в Норвегии мелкое крестьянство и мелкая буржуазия, с небольшой примесью средней буржуазии, — примерно так же, как было в Англии и во Франции в XVII веке, — представляют собой нормальное состояние общества в течение многих столетий. Здесь и речи нет о насильственном отбрасывании назад к устаревшим порядкам из-за поражения крупного движения или из-за какой-либо длившейся 30 лет войны. Страна отстала вследствие своей изолированности и природных условий, однако ее общее состояние вполне соответствует ее условиям производства и поэтому является нормальным. Лишь в самое последнее время в стране начали спорадически появляться кое-какие ростки крупной промышленности, но для сильнейшего рычага концентрации капитала, биржи, здесь еще нет места. К тому же огромный размах морской торговли оказывает как раз консервирующее влияние. Ибо если во всех других странах пароход вытесняет парусные суда, то Норвегия в огромных масштабах увеличивает свое парусное судоходство и обладает если не самым большим в мире, то, несомненно, вторым по величине парусным флотом, составляющим в основном собственность мелких и средних судовладельцев, как это было, скажем, в Англии около 1720 года. Но тем не менее благодаря этому и при таком застойном состоянии началось движение, и это движение нашло свое выражение также в подъеме в области литературы.

Норвежский крестьянин никогда не был крепостным, и это придает всему развитию, — подобно тому, как и в Кастилии, — совсем другой фон. Норвежский мелкий буржуа — сын свободного крестьянина, и вследствие этого он — *настоящий человек* по сравнению с вырождающимся немецким мещанином. И каковы бы, например, ни были недостатки драм Ибсена, эти драмы отображают нам хотя и ограниченный мир средней буржуазии, но мир совершенно отличный от немецкого, — мир, в котором люди еще обладают характером и инициативой и действуют самостоятельно, хотя подчас, по понятиям иностранцев, довольно странно. Подобные вещи я предпочитаю основательно изучить, прежде чем высказывать о них свое суждение».

Таким образом, здесь я указал г-ну Эрнсту, хотя и в вежливой форме, но достаточно ясно и определенно, — «где», а именно, в присланной мне им самим статье из «Freie Buhne». Если я разъясняю ему, что он использует мировоззрение Маркса просто как шаблон, по которому кроит и перекраивает исторические факты, то это и есть как раз пример того «явного непонимания» этого мировоззрения, в котором я упрекнул господ литераторов*. Показав ему далее на приведенном им самим примере, на примере Норвегии, что применяемое им к этой стране шаблонное понимание мещанства по немецкому образцу противоречит историческим фактам, я тем самым заранее и в применении к его собственной персоне обосновал также брошенный мной этим господам упрек в «полном незнании решающих в каждый данный момент исторических фактов»**.

А теперь посмотрите, с каким жеманным целомудрием г-н Эрнст разыгрывает из себя невинную поселянку, с которой первый встречный сиятельный прохвост обошелся на улицах Берлина так, как будто она «из таковских». С видом оскорбленной добродетели выступает он предо мной спустя четыре месяца после получения вышеприведенного письма: я обязан, видите ли, указать ему — «где?» По-видимому, г-н Эрнст переживает две фазы литературных настроений. Сначала он наскакивает с такой отвагой и самоуверенностью, будто за этим и в самом деле кроется нечто другое, кроме пустой шумихи; когда же люди начинают защищаться, тогда он спешит заявить, что ничего не сказал, и жалуется на пренебрежительное и оскорбительное отношение к его лучшим чувствам. Оскорбленная добродетель — в его письме ко мне, в котором он плачется,

* См. настоящий том, стр. 74. *Ред.*

** См. там же. *Ред.*

что г-н Бар «обошелся с ним невероятно нагло»! Оскорбленная невинность — в его ответе мне, в котором он наивнейшим образом спрашивает «где?», в то время как он должен знать это уже четыре месяца тому назад. Непонятая благородная душа — в магдебургской «Volksstimme», где он тоже спрашивает «где?» у старины Бремера, заслуженно давшего ему по рукам.

Со вздохом вопрошаю: где?
Все вопрошаю: где?

Может быть, г-н Эрнст хочет знать еще «где?». — Да хотя бы, например, в его напечатанной в «Volks-Tribune» статье об «Опасностях марксизма»[125], в которой он без обиняков повторяет усвоенное им абсурдное утверждение метафизика Дюринга, будто у Маркса история делается совершенно автоматически, без всякого участия (делающих ее, однако) людей и будто экономические отношения (которые, однако, сами создаются людьми!) играют этими людьми словно простыми шахматными фигурами. Человеку, способному смешивать искажение теории Маркса таким противником, как Дюринг, с самой этой теорией, пусть помогает кто-нибудь другой, — я от этого отказываюсь.

Да будет разрешено мне больше не отвечать на дальнейшие вопросы «где?». Г-н Эрнст отличается такой плодовитостью, статьи выходят из-под его пера с такой быстротой, что на них наталкиваешься повсюду. А когда уже считаешь, что наконец-то пришел им конец, он объявляет себя автором еще той или иной анонимной статьи. Тут уж нашему брату становится невмоготу, и начинаешь испытывать желание, чтобы г-н Эрнст хотя бы на время выдохся.

Далее г-н Эрнст пишет:

«Если я и охарактеризовал нашу парламентскую социал-демократию как частично весьма мелкобуржуазную, то пусть Энгельс» и т. д.

Частично весьма мелкобуржуазную? В статье, опубликованной в «Sachsische Arbeiter-Zeitung» и вынудившей меня выступить с возражением*, сказано, что мелкобуржуазный парламентский социализм имеет теперь якобы за собой в Германии *большинство.* Но об этом, говорил я, мне ничего не известно. Теперь г-н Эрнст хочет выступить только с утверждением, что фракция является-де лишь «частично» весьма мелкобуржуазной. Снова — непонятая благородная душа, которой злые люди приписывают всевозможные постыдные поступки.

* См. настоящий том. стр. 73—75. *Ред.*

Но кто когда-либо оспаривал, что не только в составе фракции, но и вообще в партии представлено также и мелкобуржуазное направление? Правое и левое крыло имеется в каждой партии, а что правое крыло социал-демократии является мелкобуржуазным по своему характеру, это в природе вещей. Если все дело только в этом, то к чему весь этот шум? С этой старой историей нам приходится считаться уже в течение многих лет, но от этого еще очень далеко до мелкобуржуааного большинства во фракции и тем более в партии. Когда подобная опасность будет действительно угрожать, никто не станет дожидаться предостерегающих призывов со стороны этих своеобразных верных Эккартов. Но до сих пор бодрая, веселая борьба[126] пролетариата против исключительного закона и быстрое экономическое развитие все больше и больше лишали этот мелкобуржуазный элемент почвы и питательной среды, между тем как пролетарский элемент становится все могущественней.

В заключение я могу поведать г-ну Эрнсту также вот что. Гораздо опаснее, чем мелкобуржуазная фракция, которую ведь можно на следующих выборах выбросить как старый хлам, является для партии клика заносчивых литераторов и студентов, особенно когда они не в состоянии разглядеть самых простых вещей и не умеют при рассмотрении экономического или политического положения беспристрастно взвесить ни соотношения реальных фактов, ни действительного влияния борющихся сил; поэтому они хотят навязать партии совершенно безрассудную тактику, как это открыто высказывают гг. Бруно Вилле и Тейстлер, и в несколько более умеренной форме также г-н Эрнст. И эта клика становится еще опаснее, когда она объединяется в нечто вроде общества взаимного страхования и пускает в ход все средства организованной рекламы, чтобы протащить своих членов на редакторские кресла партийных газет и посредством партийной печати командовать партией. Двенадцать лет тому назад закон против социалистов избавил нас от такой опасности, надвигавшейся уже в то время. Теперь, когда этот закон пал, она появляется снова. Пусть это также послужит г-ну Паулю Эрнсту объяснением, почему я открещиваюсь руками и ногами, когда меня отождествляют с элементами, принадлежащими к подобной клике.

Лондон, 1 октября 1890 г.

Фридрих Энгельс

Напечатано в газете «Berliner Volksblatt» № 232, 5 октября 1890 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «BERLINER VOLKSBLATT»

В связи с семидесятилетием со дня моего рождения на мою долю выпало столько проявлений самого сердечного участия, столько неожиданных почестей, что я, к сожалению, не в состоянии ответить лично на каждое из этих приветствий. Это был настоящий дождь телеграмм, писем, подарков, специально мне посвященных статей в партийной прессе — и все это шло из самых различных стран, а в особенности со всех концов Германии. Разрешите мне поэтому выразить в этих строках мою самую искреннюю благодарность старым и новым друзьям, которые 28 ноября с такой доброжелательностью вспомнили обо мне.

Никто лучше меня не знает, что большей частью этих почестей я обязан не себе и не своим заслугам. Такова уж моя судьба, что мне приходится пожинать ту славу и тот почет, семена которых посеял человек, более великий, чем я, — Карл Маркс. Я же могу лишь торжественно обещать провести остаток своей жизни в активном служении пролетариату так, чтобы хотя бы в дальнейшем стать по возможности достойным оказанных мне почестей.

Лондон, 2 декабря 1890 г.

Фридрих Энгельс

Напечатано в газете «Berliner Volksblatt» № 284, 5 декабря 1890 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

1re année. — N° 14 PARAISSANT LE MERCREDI 25 Décembre 1890

LE SOCIALISTE

ORGANE CENTRAL DU PARTI OUVRIER

ABONNEMENTS
3 mois 1 fr. 50, 6 mois 3 fr., un an 6 fr.
10 CENT. le NUMÉRO

TOUT CE QUI CONCERNE LA RÉDACTION DOIT ÊTRE ADRESSÉ
AU SECRÉTAIRE du CONSEIL NATIONAL
PARIS — 14, AVENUE DE MONTSOURIS, 14 — PARIS

ADMINISTRATION
30, RUE MONTORGUEIL, 30
PARIS

НАЦИОНАЛЬНОМУ СОВЕТУ ФРАНЦУЗСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ [127]

Граждане!

Сердечно благодарю вас за поздравления, которыми вы удостоили меня по случаю семидесятилетия со дня моего рождения.

Будьте уверены, что остаток моей жизни и моих сил будет отдан борьбе за дело пролетариата. В тот момент, когда я уже не в состоянии буду вести борьбу, пусть дано мне будет умереть.

Но сражения, выигранные вами, нашими братьями в Германии, Англии, Австро-Венгрии, России, — словом, повсюду, составляют ряд таких блистательных побед, которые могли бы омолодить и более дряхлого и обессилевшего человека, чем я. При этом больше всего меня радует то искреннее братство, которое установилось, надеюсь, навсегда, между французскими и немецкими пролетариями вопреки шовинистическим воплям наших развращенных буржуа.

Ваш великий соотечественник Сен-Симон был первым, кто предвидел, что союз трех великих западных наций — Франции, Англии, Германии — есть первое международное условие для политического и социального освобождения всей Европы[128]. Я надеюсь еще увидеть, как этот союз — ядро будущего европейского союза, который навсегда покончит с войнами между правительствами и между народами, — будет осуществлен пролетариями трех наций.

Да здравствует международная Социальная Революция!

Лондон, 2 декабря 1890 г.

Фридрих Энгельс

Напечатано в газете «Le Socialiste» № 14, 25 декабря 1890 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

XVIII. évfolyam. Budapest, 1890. deczember 14. 50. szám.

NÉPSZAVA.

TÁRSADALMI ÉS KÖZGAZDASÁGI NÉPLAP.

A MAGYARORSZÁGI ÁLTALÁNOS MUNKÁSPÁRT KÖZPONTI KÖZLÖNYE.

Szerkesztőség és kiadóhivatal: VII. ker. külső dob-utcza 82. Előfizetési-díjak és kéziratok ide küldendők.

Megjelen minden vasárnap. Egyes példány ára 5 kr.

Előfizetési-díj: Egész évre 2 frt 40 kr., fél évre 1 frt 20 kr., negyedévre 60 kr., egy hóra 20 kr. Előfizetési-díjak legcélszerűbben postautalványnyal küldhetők be.

В РЕДАКЦИИ ГАЗЕТ «ARBEITER-WOCHEN-CHRONIK» И « NEPSZAVA»[129]

БУДАПЕШТ

Лондон, 3 декабря 1890 г.

Разрешите мне выразить вам мою самую искреннюю благодарность За поздравления, которыми вы удостоили меня в вашем письме от 26 ноября по случаю семидесятилетия со дня моего рождения.

Мне ведь хорошо известно, что значительнейшая часть тех почестей, которые вы и многие другие воздали мне в этот день, выпала на мою долю лишь как на представителя *Маркса,* пережившего его, и я прошу разрешения возложить их как почетный венок на его могилу. Все, что я могу сделать, чтобы в дальнейшем показать себя достойным его, будет с моей стороны сделано, — в этом вы можете быть уверены.

Сердечно благодарю за ваше любезное приглашение на венгерский партийный съезд[130]. У меня нет возможности воспользоваться этим приглашением лично, но мысленно 7 и 8 декабря я буду с вами.

Существование венгерской социал-демократической рабочей партии лишний раз доказывает, что современная крупная промышленность не может утвердиться ни в одной стране, не революционизируя старое докапиталистическое общество и не порождая наряду с классом капиталистов также и пролетариат, а вместе с этим классовую борьбу между ними и рабочую партию, стремящуюся к свержению буржуазно-капиталистического мирового порядка. Вот и в Венгрии, как я вижу из вашей любезно присланной мне газеты «Arbeiter-Wochen-Chronik», эта рабочая партия развивается и становится все сильнее; при этом она имеет то преимущество, что с самого начала

является интернациональной, объединяя в своих рядах мадьяр, немцев, румын, сербов и словаков. К я прошу вас передать этой молодой партии мои наилучшие пожелания по случаю ее съезда.

Да здравствует международная социал-демократия!

Да здравствует венгерский партийный съезд!

Фридрих Энгельс

Напечатано в газетах «Arbeiter-Wochen-Chronik» № 50, 14 декабря 1890 г. и (на венгерском языке) «Nepszavav № 50, 14 декабря 1890 г.

Печатается по тексту газеты «Arbeiter-Wochen-Chronik»

Перевод с немецкого

Nr. 18. IX. Jahrgang, I. Band 1890-91.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РАБОТЕ К. МАРКСА «КРИТИКА ГОТСКОЙ ПРОГРАММЫ» [131]

Публикуемая здесь рукопись — критика проекта программы вместе с сопроводительным письмом к Бракке — была в 1875 г., незадолго до объединительного съезда в Готе[132] отправлена Бракке с просьбой показать ее Гейбу, Ауэру, Бебелю и Либкнехту и вернуть затем обратно Марксу. Так как партийный съезд в Галле[133] поставил в порядок дня партии дискуссию по поводу Готской программы, то я полагаю, что с моей стороны было бы преступлением, если бы я и дальше продолжал откладывать опубликование этого важного документа, пожалуй, самого важного из всех, относящихся к данной дискуссии.

Но рукопись эта имеет еще и другое, более широкое значение. В ней впервые ясно и четко выражено отношение Маркса к той линии, которой придерживался Лассаль с того момента, как он начал участвовать в агитации, и притом как к экономическим принципам Лассаля, так и к его тактике.

Беспощадная резкость, с какой Маркс анализирует здесь проект программы, неумолимость, с какой он высказывает сделанные им выводы, вскрывая недостатки проекта, — все это теперь, спустя пятнадцать лет, никого уже не может задеть. Специфические лассальянцы существуют еще только за границей в виде отдельных обломков, а от Готской программы, как совершенно неудовлетворительной, отказались в Галле даже ее творцы.

Тем не менее там, где это было возможно без ущерба для дела, я опустил некоторые резкие выражения и оценки, относящиеся к отдельным лицам, заменив их точками. Маркс сам поступил бы так же, если бы публиковал теперь эту рукопись. Ее местами резкий тон был вызван двумя обстоятельствами. Во-первых, Маркс и я срослись с германским движением теснее, чем с каким-либо другим, так что решительный шаг назад, обнаружившийся в этом проекте программы, должен был возмутить нас особенно сильно. Во-вторых, мы находились тогда — после Гаагского конгресса Интернационала[134] едва прошло два года — в самом разгаре борьбы с Бакуниным и его анархистами, которые возлагали на нас ответственность за все, что происходило в германском рабочем движении, так что мы должны были ожидать, что нам припишут и тайное отцовство в отношении этой программы. Эти соображения теперь отпадают, а вместе с ними отпадает и необходимость тех мест, о которых идет речь.

Некоторые фразы заменены точками также и по цензурным соображениям. Там, где мне приходилось выбирать более мягкое выражение, я заключал его в прямые скобки. В остальном рукопись перепечатана дословно.

Лондон, 6 января 1891 г.

Фр. Энгельс

Напечатано в журнале «Die Neue Zeit», Bd. 1, № 18, 1890—1891 гг.

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

БРЕНТАНО CONTRA МАРКС

ПО ПОВОДУ МНИМОЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ЦИТАТЫ. ИСТОРИЯ ВОПРОСА И ДОКУМЕНТЫ[135]

Написано в декабре 1890 — феврале 1891 г.

Напечатано в брошюре: F. Engels. «In Sachen Brentano contra Marx wegen angeblicher Citatsfalschung. Geschichtserzahlung und Dokumente». Hamburg, 1891

Печатается по тексту издания 1891 г.

Перевод с немецкого

В предисловии к четвертому изданию первого тома «Капитала» Маркса[136] я счел необходимым вернуться к полемике против Маркса, начатой анонимным автором в берлинской «Concordia»[137] в 1872 г. и возобновленной в 1883 г. г-ном Седли Тейлором из Кембриджа в газете «Times». Анонимный автор, который был раскрыт г-ном Тейлором и оказался г-ном Луйо Брентано, обвинял Маркса в фальсификации цитаты. Сделанное мной в этом предисловии (оно напечатано среди приложенных документов под № 12[*]) краткое сообщение по этому вопросу отнюдь не ставило себе целью быть приятным для г-на Брентано; совершенно естественно, что он должен был мне ответить. И он сделал это в брошюре: *Луйо Брентано. «Моя полемика с Карлом Марксом.* Вместе с тем очерк по вопросу о прогрессе рабочего класса и его причинах». Берлин, Вальтер и Аполант, 1890[138].

Эта брошюра дает нам и слишком много и слишком мало. Слишком много потому, что она «вместе с тем» подробно говорит о взглядах г-на Брентано на «прогресс рабочего класса и его причины». Эти взгляды не имеют абсолютно никакого отношения к предмету спора. Я должен заметить только одно: постоянно повторяемое заявление г-на Брентано, что законодательство об охране труда рабочих, а также организации профессиональных союзов содействуют улучшению положения рабочего класса, ни в коем случае не является его собственным открытием. Маркс и я в своих работах, начиная с «Положения рабочего класса в Англии» и «Нищеты философии» и кончая «Капиталом» и моими последними работами, сотни раз говорили

[*] См. настоящий том, стр. 174—179. *Ред.*

об этом, но с очень большими оговорками[139]. Во-первых, благоприятное влияние сопротивления профессиональных союзов ограничивается периодами средней и высокой конъюнктуры; в периоды застоя и кризиса они сплошь и рядом дают осечку; утверждение г-на Брентано, что «они в состоянии парализовать роковое действие резервной армии», является смехотворным хвастовством. И, во-вторых, — не говоря уже о других менее важных ограничениях, — ни законодательство об охране труда, ни сопротивление профессиональных союзов не устраняют того самого существенного, что должно быть устранено: капиталистических отношений, которые постоянно вновь воспроизводят противоположность между классом капиталистов и классом наемных рабочих. Масса наемных рабочих на всю жизнь обречена на наемный труд, пропасть между ними и капиталистами становится все глубже и шире по мере того, как современная крупная промышленность овладевает всеми отраслями производства. Но так как г-н Брентано хочет сделать наемного раба *довольным* наемным рабом, ему приходится колоссально преувеличивать благоприятное влияние охраны труда, сопротивления профессиональных союзов, крохоборческого социального законодательства и т. д.; а так как мы имеем возможность противопоставить этим преувеличениям простые факты, то он гневается.

Слишком мало эта брошюра дает потому, что из документов этой полемики она сообщает только те, которые исходили непосредственно от г-на Брентано и Маркса, и совершенно ничего не говорит о тех документах по этому вопросу, которые появились позже. Чтобы дать возможность читателю составить себе обо всем этом общее суждение, я привожу в приложении: 1) инкриминируемые места из Учредительного Манифеста Генерального Совета Интернационала и из «Капитала»; 2) полемику между г-ном Брентано и Марксом; 3) полемику между г-ном Седли Тейлором и Элеонорой Маркс; 4) мое предисловие к четвертому изданию «Капитала» и возражение на него г-на Брентано; 5) то, что касается писем Гладстона г-ну Брентано. Само собой разумеется, что я при этом выпускаю те места из рассуждений Брентано, которые не касаются вопроса о фальсификации цитаты, а представляют лишь его «очерк по вопросу о прогрессе» и т. д.

I

В № 10 берлинской «Concordia» от 7 марта 1872 г. появились резкие анонимные нападки на Маркса как автора Учредительного Манифеста Генерального Совета Интернационала 1864 года[140]. В этом Манифесте Маркс будто бы сфальсифицировал цитату из бюджетной речи тогдашнего канцлера английского казначейства Гладстона от 16 апреля 1863 года.

Соответствующее место из Учредительного Манифеста напечатано в приложении, документ № 1*. Статья «Concordia» напечатана там же, документ № 3**. В этом последнем документе обвинение формулировано следующим образом.

«Каково же отношение между содержанием этой речи и цитатой Маркса? Гладстон сперва констатирует, *что* несомненно имеется налицо колоссальное увеличение доходов страны. Это, по его мнению, доказывается подоходным налогом. Но подоходный налог взимается только начиная с доходов в 150 ф. ст. и выше. Лица, имеющие меньший доход, в Англии не платят подоходного налога. Пользуясь тем фактом, что Гладстон ссылается на это попросту для правильной оценки своего масштаба, Маркс приписывает ему следующие слова: *«Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами»*. Но этой фразы нет нигде в речи Гладстона. В ней сказано прямо противоположное. *Маркс формально и по существу присочинил эту фразу!»*

Таково это обвинение, и, заметим кстати, единственное обвинение, выдвигаемое против Маркса анонимным автором, который, как теперь известно, носит имя Луйо Брентано.

Номер 10 «Concordia» был в мае 1872 г. прислан Марксу из Германии. На имеющемся еще у меня экземпляре сделана

* См. настоящий том, стр. 140—141. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 144—145. *Ред.*

пометка: «Орган немецкого союза фабрикантов». Маркс, никогда ничего не слыхавший об этом листке, принял, таким образом, автора за литературствующего фабриканта и соответственным образом отнесся к нему.

Маркс указал в своем ответе в «Volksstaat»[141] (документ № 4*), что соответствующая фраза не только цитируется профессором Бизли в 1870 г. в «Fortnightly Review»[142], но была приведена, еще до появления Учредительного Манифеста, в «Теории вексельного курса», Лондон, 1864[143], и, наконец, что отчет «Times» от 17 апреля 1863 г. формально и по существу также содержит эту фразу в том виде, в каком он ее цитирует: «Увеличение, которое я только что описал» (а именно как «это ошеломляющее увеличение богатства и мощи»), «всецело ограничивается имущими классами»[144]. Если в «Хансарде» нет этого места[145], которое в устах канцлера английского казначейства является несомненно компрометирующим, то это объясняется тем, что г-н Гладстон был столь благоразумен, что по традиционному английскому парламентскому обычаю выбросил его.

Здесь, во всяком случае, было дано доказательство, что эта фраза, якобы присочиненная, *имеется буквально* в «Times» от 17 апреля 1863 г., в отчете о речи Гладстона, произнесенной им накануне вечером. А «Times» в то время был органом г-на Гладстона.

Что же отвечает расцветающий, подобно фиалке, в тени г-н Брентано? («Concordia», 4 июля 1872 г., документ №5**.)

С отвагой, которой он никогда не позволил бы себе, если бы выступал под своим собственным именем, он повторяет обвинение, что Маркс присочинил эту фразу; обвинение это — прибавляет он —

> «было тяжелым, а будучи подкреплено неопровержимым документальным доказательством — прямо уничтожающим».

Этим документальным доказательством является не что иное, как соответствующее место из «Хансарда», где этой фразы нет. Следовательно, оно могло быть «уничтожающим» в лучшем случае лишь для самой этой злополучной фразы, помещенной в «Times» и не помещенной в «Хансарде».

Но этот победный петушиный крик должен был только прикрыть тот пренеприятный факт, что «присочиненная» фраза, как показывает отчет «Times», соответствует действительности. И чувствуя, что это документальное доказательство уже яв-

* См. настоящий том, стр. 145—149. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 149—153. *Ред.*

ляется почти «неопровержимым» и с течением времени может стать «прямо уничтожающим» для обвинения, наш аноним, оказавшийся профессором, с ожесточением набрасывается на цитату, приводимую у Бизли и в «Теории вексельного курса», всячески затуманивает вопрос, утверждая, будто Бизли цитировал по Учредительному Манифесту, а Маркс но «Теории вексельного курса» и т, д. Но все это второстепенные вещи. Если бы даже они были верны, — они ничего не доказывали бы по вопросу о том, произнес ли Гладстон эту фразу или же она выдумана Марксом. А по своему характеру эти вопросы не могли быть окончательно решены ни г-ном Брентано тогда, ни мною теперь. Они, наоборот, служат для того, чтобы отвлечь внимание от главного, а именно от злополучного отчета «Times».

Прежде чем подступиться к этому отчету, анонимный автор подкрепляет себя употреблением крепких словечек вроде: «легкомыслие, граничащее с преступлением», «эта подложная цитата» и т. д., а затем разражается следующей решительной тирадой:

«Но тут мы переходим к третьему средству защиты Маркса, *и по наглой лживости* оно далеко превосходит все, до сих пор приведенное. Так, Маркс не стесняется сослаться на «Times» от 17 апреля 1863 г., для доказательства правильности своей цитаты. *Но* «Times» от 17 апреля 1863 г., стр. 7, страница» (должно быть — столбец) «5, строка 17 и сл., передает эту речь следующим образом».

И затем следует отчет «Times», в котором сказано:

«Увеличение, которое я описал» (именно как «это ошеломляющее увеличение богатства и мощи»), «основываясь на данных, на мой взгляд совершенно точных, *всецело ограничивается теми классами, которые обладают собственностью».*

Вот и удивляйтесь теперь «наглой лживости» Маркса, который еще осмеливается утверждать, что в отчете «Times» содержится фраза: это ошеломляющее увеличение и т. д. всецело ограничивается имущими классами!

В Учредительном Манифесте говорится: «This intoxicating augmentation of wealth and power *is entirely confined to classes of property»*[*].

В «Times» говорится: «The augmentation there described»[**] (относительно этого даже г-н Брентано, анонимно или не анонимно, до сих пор не оспаривал, что здесь речь идет об указанном прежде intoxicating augmentation of wealth and power[***])

[*] — «Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами». *Ред.*
[**] — «Увеличение, которое я только что описал». *Ред.*
[***] — ошеломляющем увеличении богатства и мощи. *Ред.*

«and which is founded, I think, upon accurate returns, is an augmentation entirely confined to classes of property»*.

И вот, после того как г-н Брентано сам указывает пальцем в отчете «Times» на фразу, которую будто бы присочинил Маркс, потому что ее нет в «Хансарде», и таким образом сам доказывает свою наглую лживость, приписываемую им Марксу, — он с торжеством заявляет, что

«оба отчета» («Times» и «Хансарда») «по существу полностью совпадают. Отчет «Times» дает лишь в более сжатой форме то, что стенографический отчет «Хансарда» приводит дословно. Но несмотря на то, что и в отчете «Times» содержится нечто прямо противоположное *этому пресловутому месту* из Учредительного Манифеста, несмотря на то, что и по отчету «Times» Гладстон сказал, что, по его мнению, это ошеломляющее увеличение богатства и мощи *не* ограничивается состоятельными классами, Маркс имеет еще наглость писать в «Volksstaat» от 1 июня: «Итак, согласно отчету его собственного органа «Times» от 17 апреля 1863 г., г-н Гладстон формально и по существу заявил 16 апреля 1863 г. в палате общин, что это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами»».

Si duo faciunt idem, non est idem. Когда двое делают одно и то же, это не одно и то же.

Когда Маркс приводит слова Гладстона: это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами, то это «присочинено», это — «пресловутое место», «целиком сфальсифицированное». Когда же отчет «Times» приводит слова Гладстона: Это увеличение, которое я только что описал, как ошеломляющее увеличение богатства и мощи, всецело ограничивается имущими классами, — то это лишь «более сжато по форме», чем отчет «Хансарда», в котором данная фраза отсутствует, и «прямо противоположно этому» (а именно — тому же самому) «пресловутому месту из Учредительного Манифеста». А когда Маркс для подтверждения ссылается на это место из отчета «Times», г-н Брентано говорит:

«наконец, у него еще хватает *наглости* ссылаться на газетные отчеты, которые *прямо противоречат ему».*

Для этого надо действительно обладать совершенно особенной «наглостью». У Маркса, во всяком случае, лоб находился на лице, а не в другом месте**.

С «наглостью», действительно весьма отличающейся от марксовой, анонимный автор, сиречь Луйо Брентано, заставляет Гладстона сказать, что, «по его *мнению,* это ошеломляющее

* — «основываясь на данных, на мой взгляд совершенно точных, есть увеличение, всецело ограничивающееся имущими классами». *Ред.*

** Игра слов:. «Stirne» — «лоб», в переносном смысле — «наглость». *Ред.*

увеличение богатства и мощи *не* ограничивается состоятельными классами». В действительности же и по «Times» и по «Хансарду» Гладстон говорит, что он с болью и тревогой смотрел бы на это «ошеломляющее увеличение богатства и мощи, если бы был уверен, что оно ограничивается только состоятельными классами», а далее он говорит, по отчету «Times», что оно в самом деле «ограничивается только имущими классами».

«В самом деле», — замечает, наконец, с негодованием добродетельный анонимный автор, — «для характеристики подобного поведения можно употребить только одно слово, очень хорошо известное самому Марксу (смотри «Капитал», стр. 257): оно просто «бесчестно»».

Чье поведение, г-н Луйо Брентано?

II

Маркс в своем ответе («Volksstaat», 7 августа 1872 г., документ № 6*) настолько добродушен, что разбирает по существу. все пустяки, нагроможденные г-ном Брентано по поводу профессора Бизли, «Теории вексельного курса» и т. д.; мы оставляем это в стороне, как второстепенные вопросы. Но в заключение Маркс приводит еще два факта, имеющие решающее значение для главного вопроса. Кроме отчета «Tinies», «присочиненное» место имеется также в отчетах двух других лондонских утренних газет от 17 апреля 1863 года. Согласно «Morning Star»[146] Гладстон сказал:

«Это увеличение», — которое только что было описано как ошеломляющее увеличение богатства и мощи, — «есть увеличение, всецело ограничивающееся классами, владеющими собственностью».

Согласно «Morning Advertiser»[147]:

«Упомянутое» — только что, как ошеломляющее увеличение богатства и мощи, — «увеличение представляет увеличение, всецело ограничивающееся классами, которые обладают собственностью».

Для всякого другого противника это доказательство было бы «прямо уничтожающим». Но не для анонимного Брентано. Ответа Брентано («Concordia» от 22 августа 1872 г., документ № 7**), свидетельствующего о неуменьшающейся наглости, Маркс никогда не видел, так как после 11 июля ему больше не посылали номеров «Concordia». Я сам прочел этот ответ только в перепечатке Брентано («Моя полемика и т. д.», 1890)[148] и должен здесь поэтому волей-неволей остановиться на нем.

«*Упорная лживость,* с которой он» (Маркс) «держится за искаженную цитату... удивительна даже для человека, не брезгающего никакими средствами для осуществления своих планов ниспровержения существующего строя».

---

* См. настоящий том, стр. 153—160. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 161—164. *Ред.*

Цитата продолжает быть «ложной», и отчет «Times» «доказывает нечто прямо противоположное, поскольку отчеты «Times» и «Хансарда» полностью совпадают». Но тот апломб, с которым г-н Брентано это утверждает, еще сущие пустяки в сравнении с той «наглостью», с которой он вдруг делает нам следующее сообщение:

«Второе средство затемнить отчет «Times» состояло в том, что Маркс в своем немецком переводе просто выбросил то придаточное предложение, из которого вытекало, что Гладстон только сказал, что увеличение богатства, о котором можно судить по данным подоходного налога, *ограничивается имущими классами,* так как рабочий класс не подлежит обложению подоходным налогом, и поэтому из данных подоходного налога ничего нельзя извлечь относительно роста благосостояния рабочего класса; но он не говорил, что рабочий класс на самом деле исключен из необычайного увеличения национального богатства».

Если в «Times», таким образом, говорится, что столь часто упоминаемое увеличение ограничивается имущими классами, то там говорится противоположное «присочиненной» фразе, в которой сказано то же самое. Что же касается «просто выброшенного придаточного предложения», то оно ни в коем случае не пройдет г-ну Брентано даром, если только он соизволит проявить немного терпения. После того, как первый смелый прыжок сошел у него благополучно, ему уже легче утверждать, что черное — бело и белое — черно. После того, как он расправился с «Times», его уже мало беспокоят «Morning Star» и «Morning Advertiser».

«Ибо эти газеты даже в его» (Маркса) «передаче говорят в нашу пользу. Сказав, согласно обеим газетам, что он *не* думает» (это, как известно, утверждает Брентано), «что *это* ошеломляющее увеличение богатства и мощи ограничивается классами, находящимися в благоприятных условиях, Гладстон продолжает: *«Этот* огромный прирост богатства *совершенно не принимает во внимание* положения рабочего населения. *Упомянутое увеличение представляет увеличение, всецело ограничивающееся классами, которые обладают собственностью».* Значение и употребление слов «принимать во внимание» ясно указывают, что под этим приростом и под упомянутым увеличением подразумевается тот прирост и то упоминание» (sic![*]), «о котором можно судить на основании данных о подоходном налоге».

Иезуит, придумавший правило si duo faciunt idem, non est idem, — школьник в сравнении с анонимным Брентано. Когда «Times», «Morning Star» и «Morning Advertiser» единогласно заявляют, что «присочиненная», по утверждению Брентано, Марксом фраза действительно была сказана Гладстоном, то эти три газеты единогласно говорят «в пользу» г-на Брентано,

[*] — так! *Ред.*

а когда затем Маркс дословно приводит ту же самую фразу, то она является «подложной цитатой», «наглой лживостью», «целиком фальсифицированной», «ложью» и т. д. Когда же Маркс не может с этим согласиться, наш анонимный автор, имя которому Луйо Брентано, не может этого понять и считает это «просто бесчестным».

Но покончим, однако, раз навсегда с «присочинением», приведя отчеты всех лондонских утренних газет от 17 апреля 1863 г. по поводу этого места.

«Times», «Morning Star», «Morning Advertiser» мы уже приводили.

«Daily Telegraph»[149]:

«Я, со своей стороны, могу сказать, что я смотрел бы почти с тревогой и боязнью на *это ошеломляющее увеличение богатства и мощи,* если бы был уверен, что оно ограничивается состоятельными классами. Эта сторона проблемы богатства совершенно не принимает во внимание положения рабочего населения. *Указанное увеличение есть увеличение, всецело ограничивающееся имущими классами».*

«Morning Herald»[150]:

«Могу сказать, что я, со своей стороны, смотрел бы со страхом и тревогой на *это ошеломляющее увеличение богатства,* если бы думал, что оно ограничивается состоятельными классами. *Это огромное увеличение богатства,* которое я описал и которое основано на точных данных, *всецело ограничивается увеличением капитала* и вовсе не принимает в расчет беднейших классов».

«Morning Post»[151]:

«Могу сказать, что я, со своей стороны, смотрел бы со страхом и тревогой на это огромное увеличение богатства, если бы думал, что его блага распространяются только на состоятельные классы. *Это увеличение богатства,* которое я описал и которое основано на точных данных, *всецело ограничивается увеличением капитала* и совершенно не принимает в расчет увеличения благосостояния беднейших классов».

«Daily News»[152]:

«Могу сказать, что я, со своей стороны, смотрел бы со страхом и тревогой на *это огромное увеличение богатства,* если бы думал, что блага его распространяются только на состоятельные классы. *Это увеличение богатства,* которое я описал и которое основано на точных данных, *всецело ограничивается увеличением капитала* и не принимает в расчет увеличения благосостояния беднейших классов».

«Standard»[153]:

«Могу сказать, что я, со своей стороны, смотрел бы со страхом и тревогой на *это ошеломляющее увеличение богатства,* если бы думал, что оно ограничивается состоятельными классами. *Это огромное увеличение богатства,* которое я описал и которое основано на точных данных, *всецело ограничивается увеличением капитала* и не принимает в расчет беднейших классов».

Приведенные здесь восемь газет, насколько мне известно, единственные утренние газеты, в то время выходившие в Лондоне. Их показания «неопровержимы». Четыре из них — «Times», «Morning Star», «Morning Advertiser», «Daily Telegraph» — передают эту фразу в том же самом виде, в каком «присочинил» ее Маркс. Это увеличение, которое только что было описано как ошеломляющее увеличение богатства и мощи, *«всецело ограничивается имущими классами».* Четыре другие — «Morning Herald», «Morning Post», «Daily News», «Standard» — передают эту фразу «только в более сжатой по форме» редакции, что еще более усиливает ее; а именно указанное увеличение *«всецело ограничивается увеличением капитала».*

Все названные восемь газет имеют каждая свой особый полный штаб парламентских репортеров. Они, таким образом, представляют столько же совершенно независимых друг от друга свидетелей. Далее, все в совокупности, они не представляют мнения какой-либо партии, так как принадлежат к самым различным партийным направлениям. И за обе редакции фразы, которую никак нельзя утаить, ручаются как тори, так и виги и радикалы. Согласно четырем газетам, Гладстон сказал: всецело ограничивается имущими классами. Согласно четырем другим он сказал: всецело ограничивается увеличением капитала. Восемь неуязвимых свидетелей показывают, таким образом, что Гладстон действительно произнес эту фразу. Вопрос сводится только к тому, сказал ли он ее в приведенной Марксом более мягкой редакции или же в данной четырьмя отчетами усиливающей ее редакции»

Всем им противостоит в одиноком своем величии «Хансард». Но «Хансард» не неуязвим, как утренние газеты. Отчеты «Хансарда» подвергаются цензуре, цензуре самих ораторов, И именно поэтому в обычае цитировать по «Хансарду».

Восемь внушающих доверие свидетелей против одного внушающего подозрение! Но какое до этого дело нашему уверенному в победе анонимному автору? Именно *потому,* что отчеты всех восьми утренних газет приписывают «это пресловутое место» Гладстону, именно *поэтому* они говорят «в пользу» анонимного автора, именно *этим* они как раз доказывают, что Маркс «присочинил» это место!

Ничто, в самом деле, не может превзойти «наглости» анонимного Брентано.

III

В действительности, однако, бросающаяся в глаза наглость, которой поразил нас г-н Брентано, представляет собой только тактический маневр. Он обнаружил, что атака на «присочиненную» фразу потерпела неудачу и что ему приходится искать себе оборонительную позицию. Он ее нашел; теперь нужно только провести отступление на эту новую позицию.

Уже в своем первом ответе Марксу (документ № 5[*]) г-н Брентано, хоть и стыдливо, намекает на это свое намерение. К этому принуждает его роковой отчет «Times». Хотя отчет этот содержит «пресловутое», «присочиненное» место, но это в сущности дело второстепенное. Ибо вследствие того, что этот отчет «по существу полностью совпадает» с «Хансардом», в нем говорится «прямо противоположное этому пресловутому месту», хотя последнее содержится в нем буквально. Таким образом, важен уже не точный текст «пресловутого места», а его смысл. Теперь уже дело идет не об отрицании самого этого места, а об утверждении, что его смысл прямо противоположен тому, что в нем сказано.

И после того, как Маркс в своем втором ответе заявляет, что недостаток времени принуждает его раз навсегда прекратить приятное общение со своим анонимным противником[**]» этот последний с тем большим апломбом принимается за эту не вполне чистоплотную тему. И это он делает во втором своем возражении, перепечатанном здесь в качестве документа №7[***].

Он утверждает, что Маркс старается *затемнить* отчет «Times», по существу полностью совпадающий с «Хансардом», тремя способами. *Во-первых,* неправильным переводом выражения classes who are in easy circumstances[****], Этот пункт, как абсо-

[*] См. настоящий том, стр. 149—153. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 160. *Ред.*
[***] См. настоящий том, стр. 161—164. *Ред.*
[****] — состоятельные классы (замечания Маркса о переводе этого термина см. настоящий том, стр. 148 и 157). *Ред.*

лютно второстепенный, я оставляю в стороне, — всем хорошо известно, что Маркс совершенно иначе владел английским языком, чем г-н Брентано. Но что именно думал г-н Гладстон в то время, употребляя это выражение, — и думал ли что-либо вообще, — этого теперь, через 27 лет, не сможет сказать даже он сам.

Второй пункт заключается в том, что Маркс «просто выбросил» из отчета «Times» некое «придаточное предложение». Соответствующее место целиком приведено в предыдущей II главе, стр. 7*. Выбросив придаточное предложение, Маркс хотел будто бы скрыть от своих читателей тот факт, что увеличение богатства, которое видно из данных подоходного налога, ограничивается имущими классами, потому что рабочий класс не платит подоходного налога, и что из этих данных ничего нельзя извлечь относительно роста благосостояния рабочих; но отсюда-де не следует, что рабочий класс на самом деле исключен из необычайного увеличения национального богатства.

Фраза из отчета «Times» в собственном переводе г-на Брентано гласит:

«Увеличение, которое я описал, основываясь на данных, на мой взгляд совершенно точных, всецело ограничивается теми классами, которые обладают собственностью».

Столь злонамеренно «выброшенное» Марксом придаточное предложение состоит из слов: «основываясь на данных, на мой взгляд совершенно точных».

Маркс дважды — и, следовательно, упорно — выбрасывал эти чрезвычайно важные слова, желая якобы утаить от своих читателей, что указанное увеличение является увеличением *лишь доходов, подлежащих обложению подоходным налогом,* — другими словами, доходов «классов, которые обладают собственностью».

Уж не ослеп ли г-н Брентано от нравственного негодования в связи с тем, что он зарапортовался со своим упреком в «лживости»? Или же он думает, что может бесцеремонно утверждать что угодно, так как Маркс ведь больше не ответит? Факт тот, что инкриминируемая цитата у Маркса как в Учредительном Манифесте, так и в «Капитале» начинается следующими словами: «С 1842 по 1852 г. *подлежащий обложению доход* (the taxable income) этой страны повысился на 6%... За 8 лет, с 1853 по 1861 г., он повысился, если принять»** и т. д.

* См. настоящий том, стр. 107. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 141 и 142. *Ред.*

Известен ли г-ну Брентано какой-нибудь «подлежащий обложению доход» в Англии, кроме дохода, подлежащего обложению подоходным налогом? И прибавляло ли в высокой степени важное «придаточное предложение» хоть что-нибудь к этому четкому объяснению, что здесь речь идет исключительно о доходах, подлежащих обложению подоходным налогом? Или же, похоже, что это так, Брентано придерживается того мнения, что бюджетные речи Гладстона «фальсифицируются», что к ним «присочиняют» или из них «выбрасывают» что-нибудь, если тот, кто их цитирует, не читает при этом a la Брентано целой лекции об английском подоходном налоге, «фальсифицируя» к тому же подоходный налог, как это показал Маркс (документ № 6)[*] и как вынужден признать сам г-н Брентано? (документ № 7)[**]. И если в «присочиненной» фразе просто сказано, что это увеличение, о котором только что говорил Гладстон, ограничивается имущими классами, то разве там не сказано по существу то же самое, так как ведь только имущие классы платят подоходный налог? Но, конечно, поднимая спереди, с фасада, оглушающий адский шум по поводу этой фразы, как марксовой фальсификации и наглой лживости, г-н Брентано сам в то же время тайком впускает ее через заднюю дверь.

Брентано хорошо знал, что Маркс приводит слова Гладстона о «подлежащих обложению доходах», а не о каких-либо других. Ибо в своем первом обвинении (документ № 3) он цитирует это место из Учредительного Манифеста и даже переводит слово taxable как «подлежащий обложению»[***]. Если Брентано теперь в своем втором возражении «выбрасывает» это и если он, начиная с этого дня вплоть до своей брошюры 1890 г., продолжает вновь и вновь утверждать, что Маркс намеренно и злостно утаивает тот факт, что Гладстон говорил здесь только о доходах, подлежащих обложению подоходным налогом, то не должны ли мы бросить ему в лицо его собственные выражения: «лживый», «фальсификация», «наглая лживость», «просто бесчестно» и т. д.?

Но вернемся к тексту.

«В-третьих, наконец, Маркс старался скрыть совпадение отчета «Times» с отчетом «Хансарда», не цитируя тех фраз, в которых Гладстон даже по отчету «Times» прямо и определенно констатирует улучшение положения британского рабочего класса».

В своем втором ответе анонимному Брентано[****] Марксу пришлось доказывать, что он не *«присочинял»* «пресловутой»

---

[*] См. настоящий том, стр. 156. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 163—164. *Ред.*
[***] См настоящий том, стр. 144. *Ред.*
[****] См. настоящий том, стр. 145—149. *Ред.*

фразы, а затем опровергать наглое утверждение анонима, что в вопросе о *данном* пункте, который один только служил предметом спора, отчет «Times» и отчет «Хансарда» «по существу полностью совпадают», хотя первый дословно содержит спорную фразу, второй же полностью опускает ее. Для этого единственного пункта спора было абсолютно безразлично, что еще говорил Гладстон по поводу улучшения положения британского рабочего класса.

Напротив, в Учредительном Манифесте, — а ведь это и есть тот документ, на основании которого Брентано выдвигает обвинение в фальсификации цитаты, — на стр. 4*, всего за несколько строк до «пресловутой» фразы, прямо сказано, что канцлер казначейства (Гладстон) в период тысячелетнего царства свободной торговли заявил в палате общин:

«в положении среднего рабочего в Великобритании наступило улучшение, которое надо признать исключительным и не имевшим себе равного ни в одной стране и ни в одну эпоху».

А ведь это именно те слова, которые, согласно Брентано, злонамеренно были скрыты Марксом.

Во всей полемике, начиная с первого своего ответа Марксу в 1872 г. (документ № 5**) и кончая введением и приложениями к брошюре «Моя полемика и т. д.», 1890, г-н Брентано — с ловкостью рук, которую, конечно, мы ни в коем случае не смеем называть «наглой лживостью», — замалчивает тот факт, что Маркс в Учредительном Манифесте точно приводит торжественные заверения Гладстона об этом беспримерном улучшении положения рабочих. И в своем втором возражении, — которое, как было указано, Марксу оставалось неизвестным до самой его смерти, а мне до появления в 1890 г. брошюры «Моя полемика и т. д.» — возражении, в котором обвинение в присочинении фразы оставлено только для видимости, а на деле отброшено, в котором не только стыдливо допускается, что присочиненная фраза подлинно принадлежит Гладстону, но и утверждается, что она «говорит в нашу пользу», то есть в пользу Брентано, — в этом втором возражении Брентано отступает на новую линию обороны: Маркс-де обкарнал и исказил речь Гладстона; Маркс-де заставляет Гладстона говорить, что богатства богатых колоссально выросли, бедняки же, рабочее население в лучшем случае стало менее бедно, а между тем Глад-стон без обиняков сказал, что положение рабочих беспримерно улучшилось.

* См. настоящий том, стр. 141. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 149—153. *Ред.*

Эта вторая линия обороны оказывается прорванной благодаря тому неопровержимому факту, что именно в инкриминируемом документе, в Учредительном Манифесте, эти слова Гладстона приведены буквально. И это было *известно* Брентано. «Но что за беда? Ведь читатели» («Concordia») «не могут его контролировать!»

Впрочем, что касается того, что в самом деле говорил Глад-стон, то об этом мы еще скажем несколько слов ниже.

В заключение Брентано, чувствуя себя в безопасности, во-первых, ввиду своей анонимности и, во-вторых, ввиду заявления Маркса, что он больше не желает им заниматься, доставляет себе следующее маленькое удовольствие:

«Если под конец г-н Маркс разражается еще бранью, то мы можем его уверить, что его противнику ничто не может быть более приятным, чем заключающееся в этом признание своей слабости. Брань есть оружие того, у кого исчерпаны другие средства защиты».

Пусть читатель сам судит о том, насколько Маркс во втором своем ответе «разразился бранью». Что же касается г-на Брентано, то мы уже показали букет его вежливых словечек. Щедро бросаемые в лицо Марксу словечки вроде «ложь», «наглая лживость», «подложные цитаты», «просто бесчестно» и т. д. представляют во всяком случае назидательное «признание слабости» и безошибочный признак того, что у г-на Брентано «исчерпаны другие средства защиты».

IV

Этим заканчивается первый акт нашего главного лицедейства. Таинственный, если еще не тайный советник Брентано достиг того, на что он едва ли смел надеяться. Правда, ему не повезло с якобы «присочиненной» фразой; это первоначальное обвинение он фактически отбросил. Но он изыскал себе новую оборонительную позицию, и на этой позиции *сохранил за собой последнее слово,* а в таких случаях в немецком профессорском мире принято говорить, что поле брани осталось за ним. Он мог бы, таким образом, похваляться, — по крайней мере перед себе подобными, — что победоносно отразил нападки Маркса, а самого его литературно убил. Но несчастный Маркс не узнал ни словечка о том, что его прикончили в «Concordia»; напротив, он имел «наглость» прожить еще одиннадцать лет, одиннадцать лет все возрастающих успехов, одиннадцать лет непрерывного роста числа его последователей во всех странах, одиннадцать лет все более всеобщего признания его заслуг.

Брентано и компания мудро остерегались раскрыть глаза ослепленному Марксу на этот самообман или разъяснить ему, что он давно уже мертв. Но когда в 1883 г. он действительно скончался, они не могли уж больше вытерпеть, у них слишком сильно чесались руки. И тогда на сцену выступил Седли Тейлор с письмом в «Times» (документ № 8[*]).

Тейлор выступает ни с того ни с сего, если только он или его друг Брентано не сговорились заранее, а похоже, что это так, с Эмилем де Лавеле. Высокопарным слогом, свидетельствующим о явном сознании безнадежности своего дела, он говорит, что ему представляется «особенно поразительным, что профессору Брентано удалось спустя восемь лет разоблачить эту mala fides[**] (Маркса)». И тут начинается хвастовство по

[*] См. настоящий том, стр. 165. *Ред.*
[**] — недобросовестность. *Ред.*

поводу мастерских ударов богоподобного Брентано, по поводу вскоре последовавших за этим предсмертных судорог нечестивого Маркса и т. д. Как обстояло дело в действительности, наши читатели уже видели. В предсмертных судорогах обреталось только утверждение Брентано о присочиненной фразе. Наконец, приведем еще в заключение следующие слова:

«Когда Брентано доказал путем подробного сличения текстов, что отчеты «Times» и «Хансарда» совпадают, абсолютно исключая тот смысл, который был придан словам г-на Гладстона ловко выхваченными отдельными цитатами, тогда Маркс отказался от дальнейшей полемики под предлогом недостатка времени!»

«Подробное сличение текстов» уже совсем забавно. Анонимный Брентано цитирует *только* «Хансард». Маркс доставляет ему отчет «Times», дословно содержащий отсутствующую в «Хансарде» оспариваемую фразу. После этого г-н Брентано цитирует уже и отчет «Times», притом на три строчки дальше, чем цитировал его Маркс. Эти три строчки должны доказать, что отчеты «Times» и «Хансарда» полностью совпадают, что якобы «присочиненная» Марксом фраза *не* помещена в отчете «Times», хотя она там дословно помещена; или, по крайней мере, что если она и помещена там, то ее смысл противоположен тому, что в ней прямо сказано. Эту головоломную операцию г-н Тейлор называет «подробным сличением текстов».

Далее. Совершенно неверно, будто после этого Маркс уклонился от дальнейшего спора под предлогом недостатка времени. И г-н Седли Тейлор знал это или обязан был знать. Мы видели, что Маркс представил еще анонимному богоподобному Брентано доказательство того, что отчеты «Morning Star» и «Morning Advertiser» точно так же содержат «присочиненную» фразу. И только после этого он заявил, что не может больше уделять времени анонимному автору.

Дальнейшая полемика между г-ном Тейлором и Элеонорой Маркс (документы №№ 9, 10 и 11[*]) прежде всего доказывает, что г-н Седли Тейлор ни минуты не настаивал на первоначальном обвинении в присочинении фразы. Он позволяет себе сказать, что это «играло совершенно второстепенную роль». Опять прямое отрицание факта, который был или должен был быть ему известен.

Во всяком случае, мы принимаем к сведению его признание, что этого обвинения нельзя больше поддерживать, и поздравляем с этим его друга Брентано.

В чем же теперь состоит обвинение? Это обвинение, выдвинутое на второй линии обороны г-ном Брентано, утверждавшим,

[*] См. настоящий том, стр. 166—173. *Ред.*

что Маркс хотел извратить смысл речи Гладстона, — новое обвинение, о котором, как мы уже указывали, Марксу никогда ничего не было известно. Во всяком, случае, оно переносит нас в совершенно другую область. Сперва речь шла об определенном факте: присочинил ли Маркс эту фразу или нет? Что это обвинение победоносно было опровергнуто Марксом, теперь никто не отрицает. Но новое обвинение в извращающем смысл цитировании переносит нас в область субъективных мнений, которые неизбежно бывают различными. De gustibus non est disputandum*. То, что один считает неважным, — само по себе или для той цели, с которой приводится цитата, — то другой может считать важным и решающим. Консерватор никогда не угодит своим цитированием либералу, а либерал — консерватору, социалист же никогда не угодит ни одному из них, ни обоим вместе. Член какой-нибудь партии, против которого противники цитируют слова его собственных товарищей по партии, как правило, находит, что в цитате выпущено самое существенное место, определяющее истинный смысл сказанного. Это является столь обычным и допускает столько индивидуальных взглядов, что никто не придает ни малейшего значения подобным обвинениям. Если бы г-н Брентано воспользовался своей анонимностью для того, чтобы выставить против Маркса всего лишь это обвинение, то последний едва ли счел бы нужным ответить хоть единым словом.

Чтобы со свойственным ему изяществом придать делу этот новый оборот, г-н Седли Тейлор вынужден трижды отречься от своего друга и товарища Брентано. Он отрекается от него, во-первых, отбрасывая его первоначально единственное обвинение в «присочинении» и даже отрицает существование этого обвинения как первоначального и единственного. Затем он отрекается от него, без всякой церемонии откладывая в сторону непогрешимый «Хансард», цитирование которого в качестве исключительного источника составляет «обычай» высоконравственного Брентано, и пользуется, выражаясь словами того же Брентано, «неизбежно скверным отчетом» «Times». Он отрекается от него третий раз, — а в придачу также и от своего собственного письма в «Times», — выискивая «упомянутую цитату» не в Учредительном Манифесте, а в «Капитале». И это просто потому, что он никогда не видел в глаза Учредительного Манифеста, на который он имел «смелость» ссылаться в своем письме в «Times»! Вскоре после своего спора с Элеонорой Маркс он тщетно искал этот Манифест в Британском музее** и был

* — О вкусах не спорят. *Ред.*
** — библиотеке Британского музея. *Ред.*

там представлен своей противнице, у которой он спросил, не может ли *она* доставить ему экземпляр? Тогда я достал из своих бумаг экземпляр, который Элеонора послала ему. Ставшее для него благодаря этому возможным «подробное сличение текстов», по-видимому, убедило его, что молчание — самый лучший ответ.

И, в самом деле, было бы совершенно излишне прибавлять хотя бы одно слово ко второму ответу Элеоноры Маркс (документ №. 11[*]).

[*] См. настоящий том, стр. 170—173. *Ред.*

V

Третье действие. Напечатанное в документе № 12* необходимое извлечение из моего предисловия к четвертому изданию первого тома «Капитала» Маркса объясняет, почему я там должен был вернуться к давнишней полемике г-на Брентано и Седли Тейлора. Это предисловие заставило Брентано ответить. Ответ появился в брошюре: «Моя полемика с Карлом Марксом и т. д.», Луйо Брентано, Берлин, 1890. В этой брошюре он перепечатывает анонимные статьи из «Concordia», открыто назвав их, наконец, своими, и ответы Маркса в «Volksstaat», сопровождая все это предисловием и двумя приложениями, на которых мы волей-неволей принуждены остановиться.

Прежде всего мы констатируем, что и здесь нет больше речи о «присочиненной» фразе. На первой же странице цитируется фраза из Учредительного Манифеста, а затем идет заявление, что Гладстон, «в прямую противоположность утверждению Карла Маркса, сказал», что эти цифры относятся только к плательщикам подоходного налога (эти слова Гладстона отмечены и Марксом, так как он определенно ограничивает эти цифры *подлежащим обложению доходом),* но что положение рабочего класса в то же самое время беспримерно улучшилось (эти слова Гладстона Маркс также приводит, только девятью строками выше оспариваемой цитаты). Я предлагаю читателю самому сравнить Учредительный Манифест (документ № 1) с утверждением г-на Брентано (документ № 13)**, чтобы увидеть, как г-н Брентано или «присочиняет» противоречие, или каким-нибудь другим способом фабрикует его там, где абсолютно никакого противоречия нет. Но так как обвинение в присочиненной фразе позорно провалилось, г-н Брентано

* См. настоящий том, стр. 174—179. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 140—141 и 179—181. *Ред.*

принужден, вопреки истине, стараться внушить своим читателям, что Маркс хотел скрыть тот факт, что Гладстон говорит здесь только о «подлежащем обложению доходе» или о доходах тех классов, которые владеют собственностью. При этом г-н Брентано даже не замечает, что этим его первое обвинение превращается в свою противоположность, поскольку это второе обвинение прямо опровергает первое.

После того как *он* благополучно справился с этой «фальсификацией», он находит нужным обратить внимание «Concordia» на якобы совершенную Марксом «фальсификацию»; тогда «Concordia» предлагает ему написать статью против Маркса. Дальнейшее так восхитительно, что должно быть передано дословно:

«Статья не была мною подписана; это было сделано, с одной стороны, по желанию редакции *в интересах престижа ее газеты, с* другой стороны, я тем менее мог против этого возражать, что после той полемики, которую Маркс вел прежде, можно было ожидать, что он будет осыпать своего противника личными оскорблениями и что поэтому было бы *лишь забавно* оставить его в неведении относительно личности его противника».

Итак, редакция «Concordia» желала, чтобы «в интересах престижа ее газеты» г-н Брентано скрыл свое имя! Какой же репутацией пользуется г-н Брентано у своих собственных партийных друзей! Мы охотно верим ему, что нечто подобное с ним произошло, но что он сам повсюду об этом трубит, это просто бесподобно со стороны этого господина. Впрочем, это его дело и дело редакции «Concordia».

Так как «можно было ожидать, что Маркс будет осыпать своего противника личными оскорблениями», то было, конечно, «лишь забавно оставить его в неведении относительно личности его противника». Как можно осыпать *личными* оскорблениями человека, *не* зная кто он, до сих пор остается тайной. Личные выпады возможны лишь в том случае, если что-нибудь знаешь о данном лице. Но ставший в интересах престижа газеты анонимным, г-н Брентано избавил своего противника от этого труда. Он сам принялся развязно «оскорблять», начав с напечатанного жирным шрифтом обвинения в «присочинении», затем — в «наглой лживости», в «простой бесчестности» и т. д. Г-н Брентано, — не аноним, — допустил здесь, очевидно, явную описку. Не для того, чтобы известный Маркс мог «осыпать личными оскорблениями» неизвестного Брентано, а для того, чтобы притаившийся Брентано мог «осыпать личными оскорблениями» известного Маркса, — именно ради этого г-н Брентано «с другой стороны, тем менее мог возражать» против предписанной ему анонимности.

И это должно было быть «забавным»! В самом деле, так и случилось, но не по желанию г-на Брентано. Как Маркс, так позднее и его дочь, а теперь я, — все мы старались придать этой полемике и забавную сторону. Но тот успех, которого мы в этом достигли, — велик он или мал, — был достигнут за счет г-на Брентано. Его статьи представляют собой все что угодно, но только не нечто «забавное». Если в них и есть что-либо забавное, то только благодаря тем ударам, которые Маркс направляет на теневую сторону «оставшейся неведомою личности» Брентано и которые потерпевший хотел бы теперь задним числом обойти, как «грубости его шутовской полемики». Острую полемику Вольтера, Бомарше, Поля Луи Курье называли «грубостями шутовской полемики» их противники — юнкеры, попы, юристы и представители иных кастовых групп, — что не помешало этим «грубостям» быть признанными ныне выдающимися и образцовыми произведениями литературы. И мы получили так много удовольствия от этих и других образчиков «шутовской полемики», что и целой сотне Брентано не удастся увлечь нас в область немецкой университетской полемики, где царит только бессильная злоба немощной зависти и самая отчаянная скука.

Между тем г-н Брентано полагает, что он вновь настолько обработал своих читателей, что может теперь с развязной миной преподнести им изрядную понюшку табаку:

«А когда было доказано, что и «Times»... поместил отчет об этой» (гладстоновской) «речи, который по смыслу совпадал со стенографическим отчетом, он») (Маркс) «поступил, как писала редакция «Concordia», подобно каракатице, выпускающей в воду черную жидкость, чтобы сделать воду мутной и затруднить своему противнику преследование, то есть он изо всех сил старался затемнить предмет спора, придираясь к не имеющим никакого значения пустякам».

Если отчет «Times», который дословно содержит «присочиненную» фразу, по смыслу совпадает со «стенографическим» отчетом, то есть с «Хансардом», который прямо опускает ее, и если г-н Брентано опять хвастается, что он это доказал, так что же это может означать, как не то, что обвинение в «присочинении» фразы полностью — хотя стыдливо и втихомолку — отбрасывается и что г-н Брентано, принужденный от нападения перейти к обороне, отступает на свою вторую линию обороны? Мы только констатируем это: мы думаем, что в III и IV главах мы и эту вторую позицию прорвали в центре и нанесли ей удар с обоих флангов.

Но тут выступает подлинный университетский полемист. Когда гордый своей победой Брентано прижал таким образом своего противника к стене, тогда последний поступил как

каракатица, замутил воду и затемнил предмет спора, выдвинув на первый план не имеющие никакого значения пустяки.

Иезуиты говорят: Si fecisti, nega. Если ты нечто совершил, отрицай это. Немецкий университетский полемист идет дальше и говорит: если ты устроил какую-нибудь гнусную адвокатскую каверзу, то свали ее на твоего противника. Как только Маркс процитировал «Теорию вексельного курса» и профессора Бизли — и только потому, что они цитируют спорное место так же, как и он, — каракатица Брентано всеми присосками своих десяти ног «впился» в них и выпустил вокруг себя такое количество «черной жидкости», что нужно пристально присмотреться и принять энергичные меры, чтобы не потерять из виду действительный «предмет спора», а именно якобы присочиненную фразу. Во втором своем ответе он придерживается того же самого метода. Сперва затевается новый спор с Марксом по поводу значения выражения «classes in easy circumstances», спор, который в лучшем случае не мог кончиться ничем иным, кроме столь желательного для г-на Брентано «затемнения». Затем он опять выпускает черную жидкость по поводу знаменитого придаточного предложения, которое Маркс якобы умышленно выбросил и которое, как мы показали, отлично могло быть выпущено, так как о факте, на который оно косвенно указывало, было уже прямо ясно и определенно сказано в процитированной Марксом ранее фразе из речи Гладстона. А в-третьих, у нашей каракатицы имеется еще в запасе достаточно черной жидкости, чтобы еще раз затемнить предмет спора утверждением, будто Маркс опять выбросил несколько предложений в цитате из «Times», — предложений, которые не имеют решительно никакого отношения к единственному в *то время* пункту спора, к якобы присочиненной фразе.

Такое же извержение потока черной краски мы видим и в лежащем перед нами самовосхвалении. Сперва, конечно, опять фигурирует «Теория вексельного курса». Затем нам неожиданно преподносится лассалевский «железный закон заработной платы», хотя, как известно, Маркс имеет к нему такое же отношение, какое г-н Брентано к изобретению пороха, и хотя г-ну Брентано должно быть известно, что Маркс в I томе «Капитала» решительно отказался от какой бы то ни было ответственности за какие бы то ни было умозаключения Лассаля[154], а также, что закон заработной платы в том же томе изображается Марксом как функция различных переменных величин, как закон чрезвычайно эластичный и поэтому далеко не железный. А раз пошли в ход такие чернильные излияния, то тут уж нет удержу, тут за волосы притягивается все что угодно: съезд в Галле[155],

Либкнехт и Бебель, бюджетная речь Гладстона в 1843 г., английские профессиональные союзы, — все это, чтобы защититься против перешедшего в наступление противника посредством самовосхваления г-на Брентано и его благородных, гуманных принципов, к которым с такой иронией относятся злодеи-социалисты. Можно подумать, что «затемнению» вопроса содействует целая дюжина каракатиц.

И все потому, что г-н Брентано сам знает, что он безнадежно зарапортовался со своим утверждением о «присочиненной» фразе, и у него не хватает мужества честно и открыто отказаться от этого утверждения. «Если бы теперь» Брентано,—употребляя его собственные слова, — «просто признал, что он был введен в заблуждение этой книгой».., именно «Хансардом»,... «то, правда, можно было бы удивляться тому, что он полагался на подобные источники», как на безусловно достоверные, «но ошибка была бы, по крайней мере, исправлена. Однако об этом у него не было и речи». Вместо этого извергается для затемнения масса чернил, и если здесь мне приходится быть столь многословным, то это объясняется тем, что я вынужден сначала устранить все эти притянутые за волосы пустяки и рассеять все чернильное затемнение, чтобы выявить действительный предмет спора.

Между тем г-н Брентано имеет для нас еще in petto[*] сообщение, которое действительно может быть «лишь забавным». В самом деле, с ним сыграли такую печальную шутку, что он и теперь не знает ни минуты покоя до тех пор, пока не облегчит свое сердце от всех своих горестей. Сначала «Concordia» сняла его имя в интересах престижа своей газеты. Г-н Брентано достаточно благороден, чтобы в интересах дела пойти на такую жертву. Затем Маркс обрушивает на него грубости своей шутовской полемики. И это он проглатывает. На все это он хотел бы только «ответить дословной перепечаткой всей полемики». Но увы!

«Редакции часто имеют свое собственное мнение; специальный журнал, который я считал для этого наиболее подходящим по сравнению с другими, отказался от перепечатки, заявив, что спор этот лишен общего интереса».

Такова уж участь благородных людей в этом греховном мире: их лучшие намерения терпят неудачу вследствие испорченности и равнодушия людей. И чтобы вознаградить непризнанного добродетельного мужа за его незаслуженные неудачи, мы здесь преподносим ему «дословную перепечатку всей полемики», так как потребовалось бы еще довольно много времени, пока ему удалось бы найти редакцию, которая бы не «имела часто собственного мнения».

[*] — в запасе. *Ред.*

VI

Брошюрка г-на Брентано, кроме самовосхваления, служащего введением, содержит еще два приложения. В первом содержатся выписки из «Теории вексельного курса», которые должны доказать, что эта книга была одним из главных источников, на основании которых Маркс составил свой «Капитал». Я не буду останавливаться на этом новом извержении чернил. Я имею дело только со старым обвинением, помещенным в «Concordia». В течение всей своей жизни Маркс не мог угодить г-ну Брентано, да и не имел желания ему угождать. Поэтому у г-на Брентано есть, наверное, неиссякаемый запас жалоб против Маркса, и я был бы глупцом, если бы стал на них останавливаться. Это значило бы ему в угоду переливать из пустого в порожнее.

Наивно только, что здесь, в конце цитаты, от Маркса требуется «воспроизведение действительной бюджетной речи». Именно это г-н Брентано понимает под правильным цитированием. Конечно, если всегда необходимо воспроизводить всю действительную речь, то никогда еще ни одна речь не цитировалась без «фальсификации».

Во втором приложении г-н Брентано набрасывается на меня. Я-де в четвертом издании I тома «Капитала» присоединил к якобы неправильной цитате ссылку на «Morning Star». И этим г-н Брентано пользуется, чтобы опять с помощью извержения потока черной краски совершенно затемнить первоначальный предмет спора, а именно фразу в Учредительном Манифесте; вместо нее он берет на мушку приведенное уже г-ном С. Тейлором место из «Капитала». Чтобы доказать, что я указываю источники неправильно и что Маркс мог заимствовать «ложную цитату» только из «Теории вексельного курса», г-н Брентано печатает рядом, в параллельных столбцах отчеты «Times»,

«Morning Star», и цитату по «Капиталу». Это второе приложение перепечатано здесь в документе № 14[b*].

Г-н Брентано начинает отчет «Morning Star» словами: «Я, со своей стороны, должен сказать» и т. д. (I must say for one etc.) Этим он, таким образом, утверждает, что предшествующие фразы о росте подлежащих обложению доходов с 1842 по 1852 г. и с 1853 по 1861 г. отсутствуют в «Morning Star», откуда, конечно, следует, что Маркс пользовался не «Morning Star», а «Теорией вексельного курса».

«Ведь читатели» его брошюры, «с которыми он имеет дело, не могут его контролировать»! Но другие люди могут это сделать, и тогда они убедятся, что это место все же имеется в «Morning Star». Мы перепечатываем его здесь, а рядом с ним место из «Капитала» и по-английски и в переводе для поучения Брентано и его читателей:

«Morning Star» от 17 апреля 1863 г.	*«Капитал», т. I, 1 изд., стр. 639; 2 изд., стр. 678; 3 изд., стр. 671; 4 изд., стр. 617, примечание 103*[156].
In ten years, from 1842 to 1852 the taxable income of the country increased by 6 per cent, as nearly as I can make out — a very considerable increase in ten years. But in eight years from 1853 to 1861 the income of the country again increased from the basis taken in 1853 by, 20 per cent. The fact is so astonishing as to be almost incredible.	From 1842 to 1852 the taxable income of the country increased by 6 per cent... in the 8 years from 1853 to 1861... ... it had increased from the basis taken in 1853, 20 per cent! The fact is so astonishing as to be almost incredible.

В переводе это означает:

За десять лет, с 1842 по 1852 г., подлежащий обложению доход этой страны повысился на 6%, поскольку я могу это установить, — очень значительный рост для десяти лет. Но за восемь лет, с 1853 по 1861 г., доход страны опять повысился, если принять за основу доход 1853 г., на 20%. Факт настолько поразителен, что он представляется почти невероятным.	С 1842 по 1852 г. подлежащий обложению доход этой страны повысился на 6%... ... За 8 лет, с 1853 по 1861 г... он повысился, если принять за основу доход 1853 г., на 20%. Факт настолько поразителен, что он представляется почти невероятным.

Отсутствие этой фразы в его цитате из «Morning Star» является главным козырем г-на Брентано для доказательства

---

[*] См. настоящий том, стр. 183—184. *Ред.*

его утверждения, что Маркс цитировал по «Теории вексельного курса», а не по «Morning Star». Предположению, что цитата приведена по «Morning Star», он противопоставляет этот изобличающий пробел в стоящих рядом столбцах. А между тем фраза эта имеется в «Morning Star», и именно в той же редакции, как у Маркса, и уличающий пробел является собственной фабрикацией г-на Брентано. Если это не является «выбрасыванием», и к тому же еще «искажением», то в таком случае эти слова вообще не имеют никакого смысла.

Но если *в начале* цитаты г-н Брентано «искажает» и если теперь он остерегается утверждать, что *в середине* этой самой цитаты Маркс «присочинил» фразу, то это нисколько не мешает ему по-прежнему утверждать, что *в конце* цитаты Маркс утаил часть ее.

В «Капитале» Маркс обрывает цитату на следующем месте:

«Однако я не решусь утверждать, что крайности бедности уменьшились».

Но этим не заканчивается фраза в отчете «Times» и «Morning Star». После запятой там следуют слова:

«но положение британского рабочего в среднем — мы имеем счастье знать это — является необычайным» (в «Times»: «за последние 20 лет улучшилось в такой, как мы знаем, необычайной степени»), «так что мы можем объявить его почти беспримерным в истории всех стран и времен».

Таким образом, Маркс обрывает здесь фразу посередине, «заставляет Гладстона закончить в середине фразы», «вследствие чего фраза эта теряет всякий смысл». И уже во втором ответе (документ № 7*) г-н Брентано называет это «абсолютно бессмысленным изложением».

Фраза Гладстона: «Однако я не решусь утверждать, что крайности бедности уменьшились», представляет собой совершенно определенное законченное выражение. Если она имеет смысл, то она имеет его взятая сама по себе, в отдельности. Если же она не имеет смысла, то какое бы длинное окончание мы ни прибавили к ней посредством всяких «но», это окончание не придаст ей смысла. Если фраза эта не имеет «никакого смысла» в цитате Маркса, то в этом вина не Маркса, который ее цитирует, а Гладстона, который ее произнес.

Обратимся теперь для более глубокого расследования этого важного случая к единственному источнику, который, согласно «обычаю» г-на Брентано, принято цитировать, — к непогрешимому «Хансарду». Там, согласно собственному переводу г-на Брентано, сказано:

* См. настоящий том, стр. 161—164. *Ред.*

«Я не беру на себя смелости определить, увеличилась ли или уменьшилась по сравнению с прежними временами огромная пропасть, разделяющая полюсы богатства и бедности».

Точка. И только *после* этой точки начинается новая фраза: «Но если мы будем рассматривать в среднем положение британского рабочего» и т. д. Если Маркс здесь, таким образом, тоже ставит точку, то он делает то же самое, что и непорочный «Хансард», и если г-н Брентано создает из этой точки новое преступление Маркса и утверждает, будто Маркс обрывает Гладстона в середине фразы, то как раз он доверяет «неизбежно скверным газетным отчетам» и должен сам отвечать за последствия. Этим разбивается также утверждение, будто Маркс этой точкой сделал фразу совершенно бессмысленной; точка принадлежит не ему, а Гладстону, и пусть с ним говорит Брентано о смысле или бессмысленности этой фразы, нас это больше не касается.

Ведь г-н Брентано и без того состоит в переписке с г-ном Гладстоном. Мы, правда, не знаем, что он писал последнему, и очень немного знаем о том, что писал ему г-н Гладстон. Во всяком случае, г-н Брентано напечатал из гладстоновых писем только два тощеньких предложеньица (документ № 16*), относительно которых я в своем ответе (документ № 17**) указал, что «эта произвольная мозаика вырванных из общей связи фраз» ничего не говорит *в пользу* г-на Брентано, между тем как тот факт, что он прибегает к такому способу отрывочной публикации вместо печатания всей корреспонденции, говорит целиком и полностью *против* него.

Но предположим на один момент, что оба эти тощенькие предложеньица допускают только самое благоприятное для г-на Брентано толкование. Что же из этого следует?

«Вы совершенно правы, а Маркс абсолютно неправ». «Я не вносил никаких изменений». Таковы будто бы — ибо, насколько мне известно, г-н Гладстон не имеет обыкновения писать по-немецки — слова экс-министра.

Значит ли это: я не произнес «пресловутой» фразы и Маркс ее «присочинил»? Конечно, нет. Восемь лондонских утренних газет от 17 апреля 1863 г. единодушно изобличили бы лживость подобного утверждения. Они без всякого сомнения доказывают, что фраза эта была произнесена. Таким образом, если г-н Гладстон и не внес никаких изменений в отчет «Хансарда», — а хотя я на двенадцать лет моложе его, я не стал бы так уверенно доверять своей памяти относительно таких мелочей, имевших место 27 лет тому назад, — то отсутствие фразы в «Хансарде»

* См. настоящий том, стр. 185. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 185—186. *Ред.*

ничего не говорит в пользу г-на Брентано и говорит очень много против «Хансарда».

Если оставить в стороне этот единственный пункт о «присочиненной» фразе, то мнение г-на Гладстона здесь совершенно ничего не доказывает. Ибо, как только мы оставим в стороне этот пункт, мы попадаем в область никого не обязывающих мнений, где каждый после многолетнего спора настаивает на своей правоте. Вполне понятно, что г-н Гладстон, раз уже его цитируют, предпочитает метод цитирования г-на Брентано, своего восторженного сторонника, методу цитирования Маркса, резко его критикующего противника, — и это его бесспорное право. Для нас же и для решения вопроса, цитировал ли Маркс без злого умысла или со злым умыслом, мнение г-на Гладстона не имеет даже и такого значения, как мнение первого встречного незаинтересованного третьего лица, ибо в этом вопросе г-н Глад-стон является уже не свидетелем, а заинтересованной стороной.

VII

В заключение остановимся еще коротко на том, что сказал г-н Гладстон в ставшем действительно «пресловутым» благодаря г-ну Брентано месте своей бюджетной речи в 1863 г. и что из сказанного им Маркс цитировал и, соответственно, «присочинил» или «выбросил». Чтобы по возможности пойти навстречу г-ну Брентано, мы возьмем за основу незапятнанный «Хансард», и к тому же в его собственном переводе.

«За десятилетие, с 1842 по 1852 г. включительно, подлежащий обложению доход страны, насколько мы могли это точно установить, увеличился на 6%; но за восемь лет, с 1853 по 1861 г., доход страны опять-таки увеличился на 20% по сравнению с исходной величиной. Это настолько необычайный и поразительный факт, что он представляется почти невероятным».

Против цитирования Марксом этой фразы самому г-ну Брентано нечего возразить, кроме того, что цитата якобы взята из «Теории вексельного курса». Но по поводу цитаты г-на Брентано здесь следует заметить, что и он далек от цитирования «действительной бюджетной речи». Он опускает следующий затем экскурс г-на Гладстона о причинах этого поразительного увеличения, не отмечая даже многоточием пропущенное место. — Далее:

«Так, господин председатель, обстоит дело, поскольку речь идет о всеобщем увеличении накопления. Что же касается меня, то я должен сказать, что я смотрел бы с болью и большой тревогой на этот необычайный и почти ошеломляющий рост, если бы думал, что он ограничивается тем классом людей, который можно характеризовать как находящийся в благоприятных условиях. Цифры, которые я приводил, мало или совершенно не принимают во внимание положение тех, которые не платят подоходного налога, или, другими словами, они достаточно точны для установления истины вообще, но совершенно не принимают во внимание имущество рабочего населения и рост его дохода».

Здесь далее следует, согласно г-ну Брентано, фраза, «присочиненная» Марксом, но безусловно сказанная г-ном Гладстоном по свидетельству всех восьми утренних газет от 17 апреля:

«Увеличение, которое я описал, основываясь на данных, на мой взгляд, совершенно точных, есть увеличение, всецело ограничивающееся имущими классами» («Times», «Morning Star», «Morning Advertiser», «Daily Telegraph»). «Оно всецело ограничивается увеличением капитала» («Morning Herald», «Standard», «Daily News», «Morning Post»).

«Хансард» после слова «дохода» сразу же продолжает:

«Косвенно же *простое увеличение капитала* на деле чрезвычайно выгодно для рабочего класса, так как это увеличение удешевляет тот товар, который во всем процессе производства непосредственно вступает в конкуренцию с трудом».

Несмотря на то, что «Хансард» выпускает «пресловутую» фразу, он в этом вопросе говорит совершенно то же самое, что говорят остальные газеты: было бы очень неприятно для оратора, если бы это ошеломляющее увеличение ограничивалось classes in easy circumstances. Но хотя он очень об этом сожалеет, тем не менее описанное им увеличение *ограничивается* людьми, которые не принадлежат к рабочему классу и которые достаточно богаты, чтобы платить подоходный налог, да, это в самом деле «простое увеличение капитала»!

И здесь, наконец, раскрывается секрет гнева г-на Брентано. Он прочитывает фразу в Учредительном Манифесте, находит там роковое признание, берет версию «Хансарда», не находит там злополучной фразы и спешит объявить всему миру: Маркс формально и по существу присочинил эту фразу! — Маркс показывает ему эту фразу в «Times», «Morning Star», «Morning Advertiser». Теперь, наконец, г-н Брентано должен хотя бы для видимости заняться «подробным сличением текстов». И что же он находит? Что «Times», «Morning Star», «Morning Advertiser» «по существу полностью совпадают» с «Хан-сардом». К сожалению, он упускает из виду, что в таком случае и «присочиненная» фраза должна по существу полностью совпадать с «Хансардом» и что отсюда должно, наконец, вытекать совпадение по существу «Хансарда» с Учредительным Манифестом.

И весь этот шум был поднят только потому, что г-н Брентано пренебрег подробным сличением текстов, хотя это и приписывал ему Седли Тейлор, и в сущности не понял даже, что сказал г-н Гладстон согласно «Хансарду». Правда, это было не совсем легко, ибо, несмотря на утверждение г-на Брентано, что эта речь «вызвала внимание и восхищение всего образованного

мира, в особенности вследствие... ее ясности», читатели могли убедиться, что, судя по «Хансарду», она произнесена крайне напыщенным и путаным языком, сопровождается многими оговорками и оратор запутывается в своих собственных повторениях. В особенности чистейшим вздором является фраза о том, что увеличение капитала чрезвычайно выгодно для рабочих, потому что оно удешевляет тот товар, который в процессе производства *непосредственно вступает в конкуренцию с трудом.* Если какой-нибудь товар вступает в конкуренцию с трудом и этот товар (например, машины) становится дешевле, то первым И ближайшим результатом этого является падение заработной платы. И это, по г-ну Гладстону, было бы «чрезвычайно выгодно для рабочего класса»! Как гуманно поступили некоторые лондонские газеты, например «Morning Star», подменив в своих «неизбежно скверных отчетах» вышеупомянутую непонятную фразу тем, что г-н Гладстон, вероятно, *хотел* сказать, а именно, что увеличение капитала полезно для рабочих благодаря удешевлению основных предметов потребления!

Имел ли г-н Гладстон в виду, когда он сказал, что смотрел бы на этот ошеломляющий рост с болью и с большой тревогой, если бы убедился, что этот рост ограничен состоятельными классами, — *имел* ли он *в виду* другой рост богатства, кроме того, о котором он только что *говорил,* а именно значительно улучшившееся, по его мнению, положение всей нации; не *забыл ли* он сразу же о том, что он говорил об увеличении доходов классов, платящих подоходный налог, а не о каком-либо другом увеличении, — этого мы не можем знать. Маркс был обвинен в фальсификации, и, следовательно, стоит вопрос о тексте и о его грамматическом смысле, о том, что *было сказано* г-ном Гладстоном, а не о том, что он, может быть, *хотел* сказать. Этого последнего г-н Брентано также не знает, да и сам г-н Глад-стон через 27 лет в этом отношении тоже не компетентен. Нас же это, во всяком случае, нисколько не интересует.

Итак, совершенно ясный смысл этих слов состоит в следующем: подлежащий налоговому обложению доход вырос ошеломляющим образом. Мне было бы очень жаль, если бы это только что описанное увеличение ограничилось состоятельными классами, но оно ограничивается ими, так как рабочие не имеют подлежащих обложению доходов; это, следовательно, — простое увеличение капитала! Но и оно выгодно для рабочих, потому что оно и т. д.

Приведем теперь Маркса:

«Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи... всецело ограничивается имущими классами».

Так передана фраза в Учредительном Манифесте, который дал повод ко всему этому ожесточенному спору. Но с тех пор, как г-н Брентано не осмеливается больше утверждать, что Маркс ее присочинил, уже нет речи об Учредительном Манифесте, и все нападки направлены против цитирования этого места в «Капитале». Там Маркс прибавляет еще следующую фразу:

«но... но оно должно принести косвенную выгоду и рабочему населению, потому что оно удешевляет предметы всеобщего потребления».

«Произвольно составленная мозаика вырванных из общей связи фраз» у Маркса передает, таким образом, «по существу», «только в более сжатой форме», как раз именно то, что согласно незапятнанному «Хансарду», говорил г-н Гладстон. Единственный упрек, который можно сделать Марксу, состоит в том, что он, пользуясь «Morning Star», а не «Хансардом», придает смысл заключительной фразе г-на Гладстона, в то время как последний сказал бессмыслицу.

Далее по «Хансарду» следует:

«Но, кроме того, можно с уверенностью утверждать, что на долю массы народа выпали более непосредственные и более крупные выгоды. Глубокое и неоценимое утешение доставляет сознание, что в то время как богатые стали богаче, бедные стали менее бедны. Я не беру на себя смелости определить, увеличилась ли или уменьшилась по сравнению с прежними временами огромная пропасть, разделяющая полюсы богатства и бедности».

У Маркса сказано:

«в то время, как богатые стали богаче, бедные во всяком случае стали менее бедны. Однако я не решусь утверждать, что крайности бедности уменьшились».

Маркс передает только сжато оба тощих положительных утверждения, которые у «Хансарда» разбавлены целой массой ничего не говорящих елейных фраз. Можно с уверенностью сказать, что они от этого ничего не теряют, а, наоборот, выигрывают.

Наконец, в заключение в «Хансарде» сказано:

«Но если мы будем рассматривать в среднем положение британского рабочего, будь то крестьянин иди горнорабочий, необученный или обученный рабочий, то мы увидим из многочисленных и несомненных свидетельств, что за последние двадцать лет произошло такое увеличение его средств к жизни, которое мы имеем основание считать почти беспримерным в истории всех стран и всех времен».

Эта фраза приведена в Учредительном Манифесте несколькими строками раньше вышеприведенной «пресловутой» фразы.

Там сказано: «Таковы официальные данные, опубликованные по распоряжению парламента в 1864 г., в золотой век свободной торговли, в то самое время, когда канцлер казначейства сообщал палате общин, что

«в положении среднего рабочего в Великобритании наступило улучшение, которое надо признать исключительным и не имевшим себе равного ни в одной стране и ни в одну эпоху»».

Таким образом, все существенное приведено. Но г-н Брентано упорно скрывает от своих читателей, которые, конечно, не могут его контролировать, что это место имеется в Учредительном Манифесте, на стр. 4 первого издания. Не можем же мы преподнести каждому из его читателей по экземпляру, как Седли Тейлору.

Nota bene*: в своем втором ответе (документ № 6**) Марксу приходилось защищать только Учредительный Манифест, так как до тех пор г-н Брентано еще не включил в круг своих придирок указанное место из «Капитала». И в последовавшем после этого втором возражении (документ № 7***) нападки г-на Брентано все еще направлены против Учредительного Манифеста и защиты его Марксом.

Только после смерти Маркса делу придали новый оборот, притом это сделал не г-н Брентано, а его кембриджский оруженосец. Только теперь было открыто, что Маркс в «Капитале» скрыл звучные утверждения г-на Гладстона о беспримерном улучшении положения британских рабочих и этим придал противоположный смысл словам г-на Гладстона.

Здесь мы должны констатировать, что Маркс упустил случай воспользоваться блестящим риторическим оборотом. Весь раздел, во введении к которому была цитирована речь Гладстона, имеет целью привести доказательства того, что положение огромного большинства британского рабочего класса именно во время этого ошеломляющего увеличения богатства было тяжелым и унизительным. Какой поразительный контраст с этими извлеченными из официальных публикаций самого парламента данными о нищете масс представляли бы эти напыщенные слова Гладстона о беспримерном в истории всех стран и времен счастливом положении британского рабочего класса!

Но если Маркс не желал воспользоваться этим риторическим эффектом, то у него не было никакого основания цитировать эти слова Гладстона. Во-первых, они представляют собой лишь

* — Заметьте. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 153—160. *Ред.*

*** См. настоящий том, стр. 161—165. *Ред.*

общепринятую фразу, которую каждый британский канцлер казначейства считает своим долгом из приличия повторять в хорошие или даже сносные времена; эти слова поэтому не имеют значения. Во-вторых, Гладстон через год отказался от этих слов, когда в своей следующей бюджетной речи от 7 апреля 1864 г., в период еще большего промышленного расцвета он говорил о массах, стоящих «на краю пауперизма», и об отраслях производства, «в которых заработная плата не повысилась», и когда он заявил — согласно «Хансарду»:

«И более того, — что же представляет собой в большинстве случаев человеческая жизнь, как не борьбу за существование?»[1)]

Но эту бюджетную речь г-на Гладстона Маркс цитирует непосредственно после речи 1863 г., и если сам г-н Гладстон 7 апреля 1864 г. объявлял не существующим то беспримерное благосостояние, о наличии которого у него 16 апреля 1863 г. имелись «многочисленные и несомненные свидетельства», то для Маркса отпадал и последний повод цитировать эти восторженные, но, к сожалению, даже для г-на Гладстона только эфемерные утверждения. Он мог удовлетвориться признаниями оратора, что в то время как доходы в 150 ф. ст. и выше возросли ошеломляющим образом, бедные-де стали, во всяком случае, менее бедны, а пропасть между крайним богатством и крайней бедностью едва ли стала меньше.

Мы не станем говорить о манере официальных немецких экономистов цитировать Маркса отдельными фразами, вырванными из контекста. Если бы он после каждой такой цитаты поднимал шум на манер г-на Брентано, его возражениям не было бы конца.

Рассмотрим, однако, немного подробнее беспримерный рост жизненных средств, которыми пользовался тогда британский рабочий, крестьянин или горнорабочий, квалифицированный или неквалифицированный рабочий.

[1)] Приводим здесь дополнительно кое-что из этой речи по «Хансарду». — Число пауперов упало до 840000. «Сюда не включены те, которые получают вспомоществование от благотворительных учреждений или получают поддержку от частной благотворительности... Кроме всего этого подумайте о тех, которые находятся на краю этой области, а также о том, как многие рабочие мужественно, но с большим трудом борются за то, чтобы удержаться на уровне, который был бы выше положения пауперов». В приходе одного священника в восточной части Лондона из 13000 душ 12000 всегда находятся на грани буквальной нищеты; один хорошо известный филантроп заявил, что в восточной части Лондона имеются целые кварталы, где никогда нельзя увидеть ни омнибуса, ни кэба, никогда нельзя услышать уличной музыки или даже встретить просящего милостыню... Конечно, средства для того, чтобы вести борьбу за существование, несколько *лучше, чем прежде* (!)... Во многих местах заработная плата повысилась, но во многих других она не повысилась и т. д. — И эта иеремиада печатается через год после напыщенных заявлений о «беспримерном» улучшении положения!

«Крестьянин» в Англии и в большей части Шотландии является только сельскохозяйственным поденным рабочим. В 1861 г. имелось всего 1098261 крестьян, из них живущих на фермах в качестве челяди 204962[2)]. С 1849 до 1859 г. их денежная заработная плата повысилась на один, а в некоторых случаях на два шиллинга в неделю, однако в последнем счете это. повышение оставалось по большей части только номинальным. Каково было их положение в 1863 г., в каких поистине собачьих жилищных условиях они жили, описывает доктор Хантер («Седьмой отчет о здоровье населения» 1864[158]).

«Расходы на существование сельскохозяйственного рабочего фиксированы на том самом низком уровне, при котором он только мог бы прожить».

Согласно тому же отчету, снабжение средствами пропитания части семейств поденщиков (в особенности в восьми поименованных графствах) стоит ниже минимума, абсолютно необходимого для предотвращения болезней от голода. А профессор Торолд Роджерс, политический сторонник г-на Гладстона, заявляет в 1866 г. («История сельского хозяйства и цен»[159]), что сельскохозяйственные поденные рабочие опять стали крепостными и — как он доказывает исчерпывающим образом — крепостными, получающими плохую пищу и жилище, живущими гораздо хуже, чем их предки во времена Артура Юнга (1770— 1780 гг.) и несравненно хуже поденщиков в XIV—XV столетиях. — С «крестьянами», следовательно, Гладстону решительно не везет.

Как же обстоит дело с «горнорабочим»? По этому вопросу у нас имеется парламентский отчет за 1866 год[160]. В 1861 г. в Соединенном королевстве работало 565875 горнорабочих, из них в каменноугольных копях 246613. В последних заработная плата мужчин немного повысилась, к тому же у них по большей части восьмичасовая смена, между тем как подростки должны работать от 14 до 15 часов. Горная инспекция — чистейший фарс: на 3217 копей имеется всего 12 инспекторов. В результате этого горнорабочие массами гибнут от взрывов, которых большей частью можно было бы избегнуть. Владельцы копей обычно вознаграждают себя за небольшое повышение заработной платы вычетами из заработной платы посредством обмеривания и обвешивания. В рудниках, согласно отчету королевской комиссии за 1864 г., положение еще хуже.

[2)] Цифры взяты частью из переписи за 1861 г., частью же из отчетов Комиссии по обследованию условий детского труда, 1863—1867[157].

А как же обстоит дело с «обученным» рабочим? Возьмем металлистов, их всего 396998. В том числе от 70000 до 80000 слесарей-механиков, которые находились в самом деле в хорошем положении благодаря силе сопротивления их старого, сильного и богатого профессионального союза. Также и у других металлистов, поскольку они должны были обладать физической силой и мастерством, наблюдалось известное улучшение положения, которое было естественно в период вновь начавшегося с 1859 и 1860 гг. промышленного оживления. Наоборот, положение занятых в этом же производстве женщин и детей (в одном только Бирмингеме и окрестностях работало 10000 женщин и 30000 подростков моложе 18 лет) было достаточно бедственным, положение же кузнецов, производящих гвозди (26130) и цепи, было крайне бедственным.

В текстильной промышленности 456646 прядильщиков хлопка и ткачей, к которым надо прибавить еще 12556 набойщиков ситца, составляют большинство рабочих. И, вероятно, они очень удивились бы, услыхав, что они были беспримерно счастливы — в апреле 1863 г., во время сильнейшего недостатка хлопка и в разгар Гражданской войны в Америке, в период (октябрь 1862 г.), когда 60% веретен и 58% ткацких станков не работали, остальные же работали только 2—3 дня в неделю; когда больше 50000 рабочих хлопчатобумажной промышленности, одиночки и семейные, получали помощь от общественной благотворительности или от комитета помощи, а (март 1863 г.) 135625 получали от того же комитета за голодную плату занятие на общественных работах или в школах шитья! (Уотс. «Факты о хлопковом голоде», 1866, стр. 211[161]). — Остальным текстильным рабочим, особенно в шерстяной и льняной отраслях, жилось сравнительно неплохо, — вследствие нехватки хлопка у них стало больше работы.

Отчеты Комиссии по обследованию условий детского труда дают нам наилучшие сведения о положении дел в ряде менее крупных отраслей хозяйства. Чулочное производство — 120000 рабочих, из них только 4000 пользуются защитой фабричного закона, остальные же, в числе которых много малолетних детей,— работают сверх всякой меры; плетение кружев и аппретура, по преимуществу кустарное производство, — из 150000 рабочих только 10000 пользуются защитой фабричного закона, колоссальный чрезмерный труд детей и девушек; плетение соломы и выделка соломенных шляп — 40000, почти исключительно дети, которых постыдно изнуряют работой; наконец, производство одежды и обуви, в котором занято 370218 мастериц верхнего платья и модисток, 380716 белошвеек и — только

в Англии и Уэльсе — 573380 мужчин-рабочих, из них 273223 сапожника и 146042 портных, пятая или четвертая часть которых моложе 20 лет. Из этих $1^1/_4$ миллиона самое большее 30% мужчин, работавших на частных заказчиков, находились в более или менее сносных условиях. Остальные, — как и во всех названных здесь отраслях производства, — подвергались эксплуатации посредников, агентов, хозяйчиков, этих sweaters*, как их называют в Англии, и это одно уже характеризует их положение: колоссальный, чрезмерный труд при нищенской заработной плате.

Не лучше обстояло дело с «беспримерным» счастьем рабочих в бумажной промышленности (100000 рабочих, из которых половину составляют женщины), в гончарном деле (29000 рабочих), в шляпном деле (15000 рабочих в одной только Англии), в стекольной промышленности (15000 рабочих), в печатном деле (35000 рабочих), в производстве искусственных цветов (11000 рабочих) и т. д. и т. д.

Одним словом, Комиссия по обследованию условий детского труда потребовала, чтобы не меньше 1400000 занятых в промышленности женщин, подростков и детей были поставлены под защиту фабричного закона, чтобы оградить их от гибельного для большинства из них действия чрезмерного труда.

Наконец, число пауперов, живущих за счет общественной благотворительности, составляло в 1863 г. 1079382.

На основании этого мы можем сделать приблизительный подсчет тех рабочих, которым в 1863 г., без сомнения, очень плохо жилось: сельскохозяйственных поденных рабочих в круглых цифрах 1100000, рабочих хлопчатобумажной промышленности 469000, швей и модисток 751000, портных и сапожников — за вычетом 30% — 401000, рабочих кружевной промышленности 150000, бумажного производства — 100000, чулочного производства — 120000, мелких отраслей промышленности, обследованных Комиссией по обследованию условий детского труда, — 189000, наконец, пауперов — 1079000. Всего 4549000 рабочих, к которым в ряде случаев надо еще прибавить членов их семей.

А ведь 1863 г. был *благоприятным* для промышленности годом. От кризиса 1857 г. промышленность уже целиком оправилась, спрос быстро возрастал, почти все отрасли промышленности, за исключением хлопчатобумажной, работали полным ходом. Где же здесь «беспримерное» улучшение положения?

* — выжимателей пота. *Ред.*

Фабричное законодательство сороковых годов значительно улучшило положение охваченных им рабочих. Но в 1863 г. это относилось только к рабочим, занятым в шерстяной, полотняной и шелковой промышленности, всего круглым счетом 270000, рабочие же хлопчатобумажной промышленности голодали. В отбелочном и красильном производстве законодательная охрана труда существовала только на бумаге. Далее: в тех отраслях промышленности, в которых требовалась полная мужская сила, а часто и мастерство, сопротивление организованных в профессиональные союзы рабочих привело к тому, что последние получили свою долю в выгодах благоприятного для промышленности периода в форме более высокой заработной платы, и можно сказать, что в среднем в *этих* отраслях промышленности, требующих приложения тяжелого мужского труда, уровень жизни рабочих определенно повысился, хотя и в данном случае смешно изображать это повышение как «беспримерное». Но в то время как огромная масса производительного труда переложена на машины, которые обслуживаются слабыми мужчинами, женщинами и подростками, политики все еще изволят рассматривать в качестве рабочих только сильных, занятых тяжелым трудом мужчин и по их положению судят о положении всего рабочего класса.

Этим вышеупомянутым $4^1/_2$ миллионам находящихся в тяжелом положении рабочих и пауперов противостоят 270000 хорошо оплачиваемых текстильных рабочих в шерстяной, льняной и шелковой промышленности. Мы можем далее принять, что из 376000 рабочих-металлистов одна треть находится в хороших условиях, вторая треть — в сносных и лишь последняя треть, к которой принадлежат рабочие моложе 18 лет, гвоздари, кузнецы, изготовляющие цепи, и женщины, — в плохих. Положение 566000 горнорабочих мы можем считать более или менее сносным. Хорошим можно считать положение строительных рабочих, за исключением хлопчатобумажных районов. Из столяров-мебельщиков самое большее $^1/_3$ находилась в хороших условиях, остальная масса работала на хозяйчиков-эксплуататоров (sweaters). У железнодорожных служащих уже тогда господствовал колоссальный чрезмерный труд, который лишь в последние 20 лет вызвал организованное сопротивление. Одним словом, суммировав все данные, едва ли мы насчитаем всего-навсего один миллион рабочих, относительно которых можно сказать, что их положение улучшилось в соответствии с ростом промышленности и прибылей капиталистов; остальные находятся в среднем положении, извлекают в целом ничтожную пользу из общего улучшения состояния промышлен-

ности, или же состав их настолько неоднороден по полу и возрасту, что улучшение положения мужского труда уравновешивается чрезмерным трудом женщин и подростков.

А если сказанного еще недостаточно, то можно сравнить с этим «Отчеты о здоровье населения», которые понадобились именно потому, что «беспримерное» улучшение положения рабочего класса за последнее двадцатилетие до 1863 г. выразилось в распространении тифа, холеры и других столь же приятных эпидемий, проникших в конце концов из рабочих кварталов и в аристократические кварталы городов. В этих отчетах было произведено расследование беспримерного «роста средств к жизни» британских рабочих в отношении жилищ и питания и обнаружено, что в бесконечном числе случаев жилища их являются настоящими очагами эпидемий, а пища еле-еле достигает, или даже не достигает того уровня, ниже которого неизбежно развиваются болезни, вызываемые голодом.

Таково было, следовательно, действительное положение британского рабочего класса в начале 1863 года. Так выглядело «беспримерное» улучшение положения рабочего класса, которым хвастался г-н Гладстон. И если Маркса можно в чем-нибудь упрекнуть, то в том, что, опустив указанное хвастливое высказывание г-на Гладстона, он оказал ему незаслуженную услугу.

Выводы. Во-первых, Маркс ничего не «присочинил».

Во-вторых, он не «выбросил» ничего, на что г-н Гладстон имел бы право жаловаться.

И, в-третьих, то обстоятельство, что Брентано и К° из многих тысяч цитат в произведениях Маркса присосались наподобие пиявок только к этой единственной цитате, доказывает, что они прекрасно знают, «как цитирует Карл Маркс», — а именно, что он цитирует правильно.

ДОКУМЕНТЫ

I
ИНКРИМИНИРУЕМЫЕ ЦИТАТЫ

№ 1. УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ МАНИФЕСТ [162]

Первое издание озаглавлено: Учредительный Манифест и Временный Устав Международного Товарищества Рабочих, основанного 28 сентября 1864 г. на публичном собрании, состоявшемся в Сент-Мартинс-холле, Лонг-Эйкр, в Лондоне. Цена один пенс. Напечатано в издательстве газеты «Bee-Hive», 10, Болт-корт, Флит-стрит, 1864. Манифест начинается следующими словами:

«Что нищета рабочих масс с 1848 по 1864 г. не уменьшилась, — это факт бесспорный, а между тем, по развитию промышленности и по росту торговли этот период не имеет себе равных в истории». В виде доказательства приведены факты из «Отчетов о здоровье населения» о недостаточном питании различных групп городских и сельских рабочих. Затем Манифест продолжает:

«Such are the official statements published by order of Parliament in 1864, during the millennium of free trade, at a time when the Chancellor of the Exchequer told the House of Commons that

«the average condition of the British labourer has impoved in a degree we know to be extraordinary and unexampled in the history of any country or any age».

Upon these official congratulations jars the dry remark of the official Public Health Report:

«The public health of a country means the health of its masses and the masses will scarcely be healthy, unless, to their very base, they be at least moderately prosperous».

«Dazzled by the «Progress of the Nation» statistics dancing before his eyes, the Chancellor of the Exchequer exclaims in wild ecstasy:

«From 1842 to 1852 the taxable income of the country increased by 6 per cent, in the eight years from 1853 to 1861, it has increased from the basis taken in 1853 20 per cent! The fact is so astonishing as to be almost incredible!.. This intoxicating augmentation of wealth and power, adds Mr. Gladstone, is entirely confined to classes of property»».

В переводе это означает:

«Таковы официальные данные, опубликованные по распоряжению парламента в 1864 г., в золотой век свободной торговли, в то самое время, когда канцлер казначейства сообщал палате общин, что

«в положении среднего рабочего в Великобритании наступило улучшение, которое надо признать исключительным и не имевшим себе равного ни в одной стране и ни в одну эпоху».

Этому официальному славословию резко противоречит сухое замечание официального отчета о здоровье населения:

«Под общественным здравием страны подразумевается здоровье масс ее населения, а эти массы вряд ли будут здоровы, если вплоть до самых их низов не будет обеспечено хоть некоторое благосостояние».

Ослепленный пляской статистических цифр в отчетах о «прогрессе нации», канцлер казначейства восклицает в диком восторге:

«С 1842 по 1852 г. подлежащий обложению доход страны повысился на 6%, за восемь лет, с 1853 по 1861 г., он повысился, если принять за основу доход 1853 г., на 20%! Факт столь поразительный, что он представляется почти невероятным!.. Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи», — добавляет г-н Гладстон, — «всецело ограничивается имущими классами!»».

№ 2. «КАПИТАЛ»

Маркс, «Капитал», том первый, третье издание, стр. 670—672[163]

После этих немногих данных будет понятен торжествующий крик генерального регистратора[164] британского народа:

«Как ни быстро возрастало население, оно не поспевало за прогрессом промышленности и богатства»[101)].

Обратимся теперь к непосредственному агенту этой промышленности, или к производителю этого богатства, к рабочему классу.

[101)] «Census etc.», v. III, p. II[165].

«Одна из самых печальных черт социального положения страны», — говорит Гладстон, — «заключается в том, что в настоящее время происходит совершенно несомненное уменьшение потребительной силы народа и возрастание лишений и нищеты рабочего класса. И в то же время совершается постоянное накопление богатства у высших классов и непрерывный прирост капитала»[102)].

Так говорил этот елейный министр в палате общин 13 февраля 1843 года. Двадцать лет спустя, 16 апреля 1863 г., внося на обсуждение свой бюджет, он говорил:

«С 1842 по 1852 г. подлежащий обложению доход этой страны повысился на 6%... За 8 лет, с 1853 по 1861 г., он повысился, если принять за основу доход 1853 г., на 20%. Факт настолько поразителен, что он представляется почти невероятным... Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи... всецело ограничивается имущими классами, но... но оно должно принести косвенную выгоду и рабочему населению, потому что оно удешевляет предметы всеобщего потребления, — в то время как богатые стали богаче, бедные во всяком случае стали менее бедны. Однако я не решусь утверждать, что крайности бедности уменьшились»[103)].

Какие жалкие увертки! Если рабочий класс остался «беден», только «менее беден» в той мере, как он создавал «ошеломляющее увеличение богатства и мощи» для класса собственников, то это значит, что относительно он остался по-прежнему беден. Если крайности бедности не уменьшились, то они увеличились, потому что увеличились крайности богатства. Что же касается удешевления жизненных средств, то официальная статистика, например данные лондонского сиротского приюта, показывает? за трехлетие 1860—1862 гг. вздорожание их на 20% по сравнению с трехлетием 1851—1853 годов. В следующие три года, 1863—1865, происходило прогрессивное вздорожание мяса, масла, молока, сахара, соли, угля и многих других необходимых жизненных средств[104)]. Следующая бюджетная речь

[102)] Гладстон в палате общин 13 февраля 1843 г.: «It is one of the most melancholy features in the social state of the country, that while there was a decrease in the consuming power of the people, and an increase in the privations and distrees of the labouring class and operatives, there was at the same time a constant accumulation of wealth in the upper classes and a constant increase of capital».

[103)] «From 1842 to 1852 the taxable income of the country increased by 6 per cent... in the 8 years from 1853 to 1861, it has increased from the basis taken in 1853, 20 per cent! The fact is se astonishing as to be almost incredible... this intoxicating augmentation of wealth and power... entirely confined to classes of property... must be of indirect benefit to the labouring population, because it cheapens the commodities of general consumption — while the rich have been growing richer, the poor have been growing less poor! at any rate, whether the extremes of poverty are less, I do not presume to say». Гладстон в палате общин 16 апреля 1863 года.

[104)] См. официальные данные в Синей книге: «Miscellaneous Statistics of the Un. Kingdom», Part. VI, London, 1866, p. 260—273, passim[166].

Добавление ко 2 изданию. В качестве доказательства вместо статистики сиротских приютов и т. д. могли бы послужить также декламации министерских газет, когда они ратуют о приданом детям королевского дома. При этом они никогда не забывают о дороговизне жизненных средств.

Гладстона от 7 апреля 1864 г. представляет собой пиндаровский дифирамб прогрессу в деле наживы и счастью народа, умеряемому «бедностью». Он говорит о массах, стоящих «на краю пауперизма», об отраслях производства, «в которых заработная плата не повысилась», и в заключение резюмирует счастье рабочего класса в следующих выражениях: «Человеческая жизнь в девяти случаях из десяти есть просто борьба за существование»[105)]. Профессор Фосетт, не связанный, как Гладстон, официальными соображениями, заявляет без всяких околичностей:

«Разумеется, я не отрицаю, что денежная плата повысилась с этим увеличением капитала» (за последние десятилетия), «но этот кажущийся выигрыш в значительной степени теряется, так как многие предметы жизненной необходимости все дорожают» (по его мнению, вследствие падения стоимости благородных металлов). «... Богатые быстро становятся еще богаче (the rich grow rapidly richer), между тем как в жизни трудящихся классов незаметно никакого улучшения... Рабочие превращаются почти в рабов лавочников, должниками которых они являются»[106)].

[105)] «Think of those, who are on the border ot that region (pauperism)», «wages... in others not increased... human life is but, in nine cases out of ten, a struggle tor existence» (Гладстон в палате общин 7 апреля 1864 года.) Постоянные вопиющие противоречия в бюджетных речах Гладстона за 1863 и 1864 гг. один английский писатель характеризует следующей цитатой из Мольера[167]:

«Voila l'homme en effet. Il va du blanc au noir.
Il condamne au matin ses sentiments du soir.
Importun a tout autre, a soi meme incommode,
Il change a tous moments d'esprit comme de mode».

(«The Theory of the Exchanges etc.» London, 1864, p. 135[168]).

[106)] H. Fawcett, 1. с., p. 67, 82[169]. Что касается возрастающей зависимости рабочих от лавочников, то она является следствием учащающихся колебаний и перерывов в занятости рабочих.

II
БРЕНТАНО И МАРКС

№ 3. ОБВИНЕНИЕ

«Concordia» № 10, 7 марта 1872 г.

Как цитирует Карл Маркс

В составленном Карлом Марксом Учредительном Манифесте* Международного Товарищества Рабочих имеется следующее место:

«Ослепленный пляской статистических цифр в отчетах о «прогрессе нации», канцлер казначейства восклицает в диком восторге:

«С 1842 по 1852 г. подлежащий обложению доход страны повысился на 6%, за восемь лет, с 1853 по 1861 г., он повысился, если принять за основу доход 1853 г., на 20%! Факт столь поразительный, что он представляется почти невероятным!.. *Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи», — добавляет г-н Гладстон, — «всецело ограничивается имущими классами!»».*

Эта цитата Маркса получила широкую известность. Мы встречали ее в целом ряде статей. Само собой разумеется, авторы редко указывали на Учредительный Манифест Международного Товарищества Рабочих как на источник, из которого они ее извлекли. Они давали понять, что сами читали бюджетную речь Гладстона. Насколько это соответствовало действительности, можно судить из следующего сопоставления речи Гладстона (ср. «Парламентские дебаты Хансарда», 3 серия, том 170, стр. 243 и сл.):

«Подоходный налог в 7 пенсов с фунта в 1842—1843 гг., имевший силу только для Великобритании и взимавшийся в ней только с доходов в 150 ф. ст. и выше, в названной мною росписи был разложен на общую сумму доходов, достигавшую 156000000 фунтов стерлингов. Исчисленные на той же самой основе и с теми же самыми ограничениями доходы в 1860—1861 гг. составляли 221000000 фунтов стерлингов. И мне не известно, чтобы произошло какое-нибудь изменение в налоговом деле или какое-нибудь улучшение в способе взимания налогов, которым как-нибудь можно было бы объяснить эту разницу. Наоборот, время от времени законодательство предоставляло уступки или облегчения, которые, поскольку они имели влияние, скорее оказали бы противоположное действие. Разница составляет, однако, не меньше 65000000 ф. ст. годового дохода, или двух седьмых общего дохода страны, облагаемого налогом на указанном основании. Это — в высшей степени замечательный результат; притом одна особенность этого результата при серьезном рассмотрении еще более заслуживает внимания, а именно ускоренный рост в последнюю часть этого периода. Я еще раз прошу комитет уделить несколько минут внимания этому вопросу. Я сравниваю два периода — один до 1853 г. и второй начиная с 1853 г., когда изменилась исходная величина. За

* Перепечатан в «Volksstaat» № 5 от 17 января 1872 г. *(Примечание Брентано.)*

десятилетие, с 1842 по 1852 г. включительно, подлежащий обложению доход страны, насколько мы могли это точно установить, увеличился на 6%; но за восемь лет, с 1853 по 1861 г., доход страны опять-таки увеличился на 20% по сравнению с исходной величиной. Это настолько необычайный и поразительный факт, что он представляется почти невероятным.

Так, господин председатель, обстоит дело, поскольку речь идет о всеобщем увеличении накопления. Что же касается меня, *то я должен сказать, что я смотрел бы с болью и большой тревогой на этот необычайный и почти ошеломляющий рост, если бы думал, что он ограничивается тем классом людей, который можно характеризовать как находящийся в благоприятных условиях.* Цифры, которые я приводил, мало или совершенно не принимают во внимание положение тех, которые не платят подоходного налога, или, другими словами, они достаточно точны для установления истины вообще, но совершенно не принимают во внимание имущество рабочего населения и рост его дохода. Косвенно же простое увеличение капитала на деле чрезвычайно выгодно для рабочего класса, так как это увеличение удешевляет тот товар, который во всем процессе производства непосредственно вступает в конкуренцию с трудом. *Но, кроме того, можно с уверенностью утверждать, что на долю массы народа выпали более непосредственные и более крупные выводы. Глубокое и неоценимое утешение доставляет сознание, что в то время как богатые стали богаче, бедные стали менее бедны.* Я не беру на себя смелости определить, увеличилась ли или уменьшилась по сравнению с прежними временами огромная пропасть, разделяющая полюсы богатства и бедности. *Но если мы будем рассматривать в среднем положение британского рабочего,* будь то крестьянин или горнорабочий, необученный или обученный рабочий, ***то мы увидим из многочисленных и несомненных свидетельств, что за последние двадцать лет произошло такое увеличение его средств к жизни, которое мы имеем основание считать почти беспримерным в истории всех стран и всех времен».***

Каково же отношение между содержанием этой речи и цитатой Маркса? Гладстон сперва констатирует, что несомненно имеется налицо колоссальное увеличение доходов страны. Это, по его мнению, доказывается подоходным налогом. Но подоходный налог взимается только начиная с доходов в 150 ф. ст. и выше. Лица, имеющие меньший доход, в Англии не платят подоходного налога. Пользуясь тем фактом, что Гладстон ссылается на это попросту для правильной оценки своего масштаба, Маркс приписывает ему следующие слова: *«Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами»* Но этой фразы нет нигде в речи Гладстона. В ней сказано прямо противоположное. ***Маркс формально и по существу присочинил эту фразу!***

№ 4. ОТВЕТ МАРКСА [170]

«Volksstaat» № 44, суббота, 1 июня 1872 г.

Один друг прислал мне из Германии «Журнал по рабочему вопросу», «Concordia» № 10 от 7 марта, в котором этот «орган немецкого союза фабрикантов» напечатал передовую статью под заглавием *«Как цитирует Карл Маркс».*

В Учредительном Манифесте Международного Товарищества Рабочих я, между прочим, привожу одно место из бюджетной речи Гладстона от 16 апреля 1863 г., которого нет в полуофициальном издании «Парламентских дебатов Хансарда». Отсюда с простодушием фабрикантской логики «Concordia» прямо заключает: «Этой фразы нет нигде в речи Гладстона», и злорадно выражает свое ликование, печатая жирным шрифтом на фабрикантском немецком языке:

«Маркс формально и по существу присочинил эту фразу!»

Право, было бы в высшей степени странным, чтобы в напечатанном первоначально на английском языке в Лондоне на глазах у Гладстона Учредительном Манифесте ему приписывалась якобы вставленная мной фраза и чтобы эта фраза, беспрепятственно обойдя всю лондонскую прессу в течение семи с половиной лет, только теперь — наконец-то — была разоблачена «учеными мужами» из немецкого союза фабрикантов в Берлине.

Фраза из Учредительного Манифеста, о которой идет речь, гласит:

«This intoxicating augmentation of wealth and power is entirely confined to classes of property» (p. 6, Inaugural Address etc.). (В переводе на немецкий буквально: *«Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами».)*

В статье в «Fortnightly Review» (ноябрь 1879 г.), которая произвела большое впечатление и обсуждалась всей лондонской прессой, г-н Бизли, профессор истории в здешнем университете, цитирует на стр. 518:

«An intoxicating augmentation of wealth and power, as Mr. Gladstone observed, entirely confined to classes of property». (В переводе на немецкий: *«Ошеломляющее увеличение богатства и мощи, которое, как заметил г-н Гладстон, всецело ограничивается имущими классами».)*

Но статья профессора Бизли появилась через шесть лет после Учредительного Манифеста! Ну, что же! Обратимся к специальному изданию, исключительно предназначенному для лондонского Сити, появившемуся не только *раньше Учредительного Манифеста,* но еще *до основания Международного Товарищества Рабочих,* под заглавием: «Теория вексельного курса. Банковский акт 1844 года». Лондон, 1864, изд. Т. Котли Ньюби, Уэлбек-стрит, 30. Бюджетная речь Гладстона подвергается в ней основательной критике, и на стр. 134 из нее приведено следующее место:

«This intoxicating augmentation of wealth and power is entirely confined to classes of property». (В переводе на немецкий: «Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами».)

то есть буквально так, как цитирую я.

Этим уже неопровержимо доказано, что немецкий союз фабрикантов *«формально и по существу солгал»,* ославив эту «фразу» как «мой» фабрикат!

Заметим кстати: добропорядочная «Concordia» перепечатывает жирным шрифтом другое место, в котором Гладстон лепечет что-то о «необыкновенном и беспримерном для всех стран и времен» улучшении положения английского рабочего класса за последние 20 лет. Жирный шрифт должен доказывать, что я скрыл это место. Напротив! В Учредительном Манифесте я как раз особенно подчеркиваю вопиющий контраст этой циничной фразы с «ужасающей статистикой» («appalling statistics»), как ее правильно характеризует профессор Бизли, приводимой в английских официальных отчетах об этом периоде[1)].

Автор «Теории вексельного курса», подобно мне, цитировал не по «Хансарду», а по лондонской газете, которая напечатала бюджетную речь от 16 апреля в номере от 17 апреля. Я тщетно пытался разыскать в своем собрании выписок за 1863 г. данную выписку, а также название газеты, из которой она была сделана. Но это не меняет дела. Хотя парламентские отчеты лондонских газет всегда отличаются друг от друга, я все же был уверен, что ни одна из них не могла совершенно опустить это столь поразительное заявление Гладстона. И вот я раскрываю «Times» от 17 апреля 1863 г. — тогда, как и теперь, это был орган Гладстона — и нахожу там, на стр. 7, 5-й столбец, в отчете о бюджетной речи:

«That is the state of the case as regards *the wealth of this country.* I must say for one, I should look almost with apprehension and with pain upon *this intoxicating augmentation of wealth and power,* if it were my belief that it was confined to *classes who are in easy circumstances.* This takes no cognizance at all of the condition of the labouring population. *The augmentation I have described,* and which is founded, I think, upon accurate returns, *is an augmentation entirely confined to classes of property».*

В переводе на немецкий:

«Таково состояние *нашей страны с* точки зрения *богатства. Я* должен признаться, -что я почти с тревогой и болью взирал бы на *это ошеломляющее увеличение богатства и мощи,* если бы был уверен, что оно

[1)] С прочим апологетическим вздором из той же речи я уже разделался в своей работе «Капитал» (стр. 638—639)[171].

ограничивается только состоятельными классами[2)]. Здесь совершенно не принято во внимание положение рабочего населения. *Увеличение, которое я описал»* (которое он только что охарактеризовал как «это *ошеломляющее увеличение богатства и мощи»), «всецело ограничивается имущими классами».*

Итак, согласно отчету его собственного органа *«Times»* от 17 апреля 1863 г., г-н Гладстон *«формально и по существу»* заявил 16 апреля 1863 г. в палате общин, что «это *ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами»* и что до известной степени ему становится жутко уже при одной мысли, что этим увеличением богатства воспользовалась только часть этих классов, та часть, которая пользуется действительным благосостоянием.

«Italiam, Italiam!»[*] Наконец, мы добрались и до *«Хансарда».* Г-н Гладстон был столь благоразумным, что выбросил из этой состряпанной задним числом редакции своей речи местечко, несомненно компрометирующее его как английского канцлера казначейства; это, впрочем, обычная в Англии парламентская традиция, а вовсе не изобретение крошки Ласкера, направленное contra Бебель[173]. Точное сличение действительно произнесенной Гладстоном речи, как она фигурирует в «Times», с ее текстом, искаженным задним числом самим Гладстоном, дало бы немало забавного материала для характеристики этого елейно-велеречивого, педантичного, строго-религиозного буржуазного героя, робко выставляющего напоказ свое благочестие и свои либеральные «attitudes of mind»[**].

Моя книга *«Капитал»* вызывает особое раздражение тем, что в ней приведены для характеристики капиталистической системы многочисленные официальные данные, в которых ни один ученый до сих пор не мог найти ошибки. Об этом обстоятельстве прослышали даже господа из немецкого союза фабрикантов. Но они думали:

«И что не дается постигнуть уму,
То детскому чувству дано одному»[***].

Сказано — сделано. За справкой о кажущейся им подозрительной цитате в Учредительном Манифесте они обращаются к коллеге в Лондоне, к первому встречному Мунделла, который, будучи сам фабрикантом, поспешно шлет через Ла-Манш черным по белому написанное извлечение из «Парламентских дебатов

[2)] Слова «easy classes», «classes in easy circumstances» были впервые введены *Уайкфилдом* для обозначения собственно богатой части имущего класса[172].

[*] — «Италия! Италия!» (Вергилий. «Энеида», книга третья). *Ред.*

[**] — настроения. *Ред.*

[***] Шиллер. «Слова веры». *Ред.*

Хансарда». Теперь они узнали мой секрет производства. Я не только изготовляю текст, но фабрикую также и цитаты к нему. И, опьяненные победой, они прокричали на весь мир: *«Как цитирует Карл Маркс!»* Таким образом, мой *товар* раз навсегда лишают кредита, и притом так, как это подобает фабрикантам, обычным деловым путем, без всяких издержек на научное исследование вопроса.

Досадный эпилог покажет, может быть, членам союза фабрикантов, что, как бы хорошо они ни разбирались в фальсификации товаров, они так же мало способны судить о товаре литературном, как осел — играть на лютне.

Лондон, 23 мая 1872 г.

Карл Маркс

№ 5. ВОЗРАЖЕНИЕ АНОНИМНОГО АВТОРА

«Concordia» № 27, 4 июля 1872 г. ***Как защищается Карл Маркс***

I

Наши читатели, вероятно, помнят статью «Как цитирует Карл Маркс» в № 10 этого журнала от 7 марта сего года. Мы рассматриваем там одно место из написанного Марксом Учредительного Манифеста Интернационала, которое приобрело в известной мере славу и часто приводится, в особенности социал-демократией, как яркое доказательство безнадежного ухудшения положения рабочего класса в условиях сохранения современного государственного и общественного строя. В этом месте Маркс цитирует бюджетную речь Гладстона от 16 апреля 1863 года. В этой речи Гладстон прежде всего констатирует, нто произошел «необычайный и почти ошеломляющий рост» дохода страны, и он доказывает это увеличением подоходного налога. Но цифры, которые он для этого приводит, «очень мало или совершенно не принимают во внимание положение тех, которые не платят подоходного налога»; они «не принимают во внимание доходов рабочего населения и рост его дохода». Дело в том, что в Англии люди, имеющие меньше 150 ф. ст., не платят подоходного налога. Маркс воспользовался тем фактом, что Гладстон ссылается на это для правильной оценки своего масштаба, чтобы приписать Гладстону фразу: «Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами». Этой фразы нет, однако, нигде в речи Гладстона. Гладстон сказал как раз наоборот, что он *не* думает, чтобы это увеличение «ограничивалось тем классом людей, который можно охарактеризовать как находящийся в благоприятных условиях». И возмущенные нахальством, с которым Маркс так искаженно цитировал, мы заявили: «Маркс формально и по существу присочинил эту фразу».

Обвинение это было тяжелым, а будучи подкреплено неопровержимым документальным доказательством — прямо уничтожающим для господствующей среди нашей социал-демократии веры в никем не превзойденную основательную ученость, правдивость и непогрешимость

лондонского оракула. Поэтому оно не могло быть оставлено без опровержения или, по крайней мере, без чего-либо похожего на опровержение. В № 44 «Volksstaat» от 1 июня* Маркс пытался дать опровержение. Однако нашему противнику решительно не удалось оправдаться от упрека в mala fides** при цитировании. Способ его оправдания скорее доказывает эту mala fides, если он вообще может что-нибудь доказать. Бесстыдство, с которым он опять пользуется невозможностью для читателей «Volksstaat» проверить точность его данных, превосходит непристойность его способа цитирования.

Само собой разумеется, что Маркс не заходит так далеко, чтобы оспаривать точность нашей цитаты из стенографического отчета парламента. Прежде всего для него важно доказать свою bona fides*** при цитировании, и для этой цели он ссылается на тот факт, что другие цитировали так же, как и он. Он пишет:

«В статье в «Fortnightly Review» (ноябрьский номер 1870 г.), которая произвела большое впечатление и обсуждалась всей лондонской прессой, г-н Бизли, профессор истории в здешнем университете, цитирует на стр. 518: «Ошеломляющее увеличение богатства и мощи, которое, как заметил г-н Гладстон, всецело ограничивается имущими классами». — Но статья профессора Бизли появилась через шесть лет после Учредительного Манифеста!»

Совершенно верно. Но здесь забыли прибавить еще одно «но». Эта статья профессора Бизли касается собственно истории Интернационала и написана, как говорит сам автор во всеуслышание, на основании материала, доставленного ему самим Марксом. Более того! В том месте Бизли отнюдь не цитирует Гладстона, а лишь указывает, что Учредительный Манифест Интернационала содержит эту цитату. «От этой ужасающей статистики», пишет Бизли, *«Манифест* переходит к официальным данным о подоходном налоге, из которых видно, что подлежащий обложению доход страны за восемь лет увеличился на 20%; «ошеломляющее увеличение богатства и мощи», которое, как заметил г-н Гладстон, всецело ограничивается» и т. д. — В самом деле, великолепный способ доказательства! Подсовывают человеку, который не ведает о нашей нечестности, лживые сведения, последний доверчиво сообщает их дальше, а затем ссылаются на это сообщение, а также на честность того, кто его передает, чтобы таким образом доказать точность этих сведений и свою собственную честность! — В своей защите Маркс продолжает:

«Обратимся к специальному изданию, исключительно предназначенному для лондонского Сити, появившемуся не только раньше Учредительного Манифеста, но еще до основания Международного Товарищества Рабочих под заглавием: «Теория вексельного курса. Банковский акт 1844 года». Лондон, 1864, изд. Т. Котли Ньюби, Уэлбек-стрит, 30. Бюд-

* То есть, таким образом, почти через четверть года после появления статьи в «Concordia». Тем не менее газета «Volksstaat» имела бесстыдство уже через две недели после того, как она напечатала ответ Маркса, упрекать нас в том, что мы «геройски умолчали» об этом ответе. Мы думаем, что эта газета не имеет никакого основания так горячо желать второго и более острого опровержения ее господина и учителя. Причина задержки нашего ответа заключалась, впрочем, отчасти в том, что одного из цитируемых Марксом источников нельзя было здесь достать и пришлось выписать его из Англии, отчасти же в том, что для освещения именно этих цитат требовались более длинные выписки из указанных источников, вследствие чего данная статья оказалась необычно длинной, и из-за недостатка места мы были вынуждены несколько раз откладывать ее печатание. *(Редакция «Concordia».)*

** — недобросовестности. *Ред.*

*** — добросовестность. *Ред.*

жетная речь Гладстона подвергается в ней основательной критике, и на стр. 134 из нее приведено следующее место: «Это ошеломляющее» и т. д., то есть буквально так, как цитирую я. — Этим уже неопровержимо доказано, что немецкий союз фабрикантов «формально солгал», ославив этуу «фразу» как «мой» фабрикат!.. Автор «Теории вексельного курса», — продолжает затем Маркс, — подобно мне, цитировал не по «Хансарду», а по лондонской газете, которая напечатала бюджетную речь от 16 апреля в номере от 17 апреля».

На самом деле автор этой книги, которая, между прочим, представляет собой обыкновенный пасквиль, так же не цитировал по «Хансарду», как и Маркс. Но Маркс, как мы это сейчас покажем, не цитировал даже и по лондонской газете. Прежде всего мы должны, однако, здесь заметить, что, говоря, что Маркс присочинил указанную фразу к гладстоновской речи, мы «ни формально, ни по существу» не утверждали, что он также сам сфабриковал ее. Это было бы так лишь в том случае, если бы Маркс был сам автором этой до сих пор весьма таинственной книги, как можно было бы, пожалуй, подумать, судя по ужасному стилю, каким она написана. Источником, из которого Маркс цитирует эту фразу, является именно эта книга, и в этом-то и состоит причина, почему он, как он сам указывает, «тщетно пытался разыскать в своем собрании выписок за 1863 г. данную выписку, а также название газеты, из которой она была сделана»! Это происхождение марксовой цитаты ясно обнаруживается из сравнения того места из его книги «Капитал», в котором Маркс упоминает о речи Гладстона, с «Теорией вексельного курса». В «Капитале» на стр. 639, и в особенности в примечании 103, цитируется эта речь в том абсолютно бессмысленном изложении, которое в указанной книге приведено дословно на стр. 134. И комментарии, которые Маркс дает по доводу содержащегося в этом изложении противоречия, уже имеются в этой книге, а также и приведенная в примечании 105 на стр. 640 «Капитала» цитата из Мольера; точно так же на стр. 135 этой книги мы находим цитируемые Марксом данные лондонского сиротского приюта о вздорожании средств к жизни, достоверность которых Маркс, однако, подкрепляет ссылкой не на эту книгу, а на ее источники (см. «Капитал», стр. 640, примечание 104).

Теперь мы спрашиваем: лжет ли человек лишь в том случае, когда он сам сочиняет неправду, или же он лжет и тогда, когда повторяет ее, в то время как он знает или должен был бы знать правду? Мы думаем, что ответ напрашивается сам собой. И, во-вторых, разве Маркс, повторяя содержащуюся в «Теории вексельного курса» неправду, не делал этого, зная правду, или разве он не обязан был бы, по крайней мере, знать правду? Ответ на этот вопрос также очень прост. Первое, несомненно, хорошо известное г-ну Марксу правило всякого истолкования состоит в том, чтобы места, которые на первый взгляд содержат противоречия и поэтому лишены смысла, толковать так, чтобы отпало противоречие, или, если это оказывается невозможным для данного текста, лучше перейти к критике текста, чем верить в наличие противоречия. Тем более было это необходимо по отношению к речи, которая вызвала внимание и восхищение всего образованного мира, в особенности вследствие знания предмета и ее ясности. И, наконец, отказ от такой точности был легкомыслием, граничащим с преступлением, если автор имел ввиду вырвать из контекста место, составляющее одну половину заключающегося в этом изложении противоречия, и в виде доноса на имущих швырнуть его неимущим всего земного шара. Итак, если Карл Маркс уже в силу требований общей культуры, научности и добросовестности должен был бы воздержаться от использования вышеуказанного варианта, то преступное

легкомыслие, с которым он позволил себе привести эту подложную цитату, особенно непростительно с его стороны, потому что текст речи Гладстона был вполне доступен для него. Во-первых, английские газеты привели эту речь на следующий день после того, как она была произнесена, привели если не буквально, то во всяком случае верно по смыслу. Затем речь тотчас же после ее произнесения была дословно опубликована Гладстоном в его, обратившей на себя большое внимание книге: «Речи по финансовым вопросам», Лондон, 1863, и на стр. 403 этой книги речь передана именно так, как мы ее цитируем. Наконец, Маркс мог найти стенографический отчет этой речи в «Парламентских дебатах Хансарда». К тому же обычай таков, что следует цитировать парламентские речи по стенографическим отчетам, если даже они в неизбежно скверных газетных отчетах и не содержат противоречий.

Но тут мы переходим к третьему средству защиты Маркса, и по наглой лживости оно далеко превосходит все, до сих пор приведенное. Так, Маркс не стесняется сослаться на «Times» от 17 апреля 1863 г. для доказательства правильности своей цитаты. Но «Times» от 17 апреля 1863 г., стр. 7, страница 5, строка 17 и сл., передает эту речь следующим образом:

«Таково состояние нашей страны с точки зрения богатства. ***Я, со своей стороны, смотрел бы с тревогой и болью на это ошеломляющее увеличение богатства и мощи, если бы думал, что оно ограничивается классами, находящимися в благоприятных условиях***. Здесь совершенно не принято во внимание положение рабочего населения. Увеличение, которое я описал, ***основываясь на данных, на мой взгляд совершенно точных*** [*]***, всецело ограничивается теми классами, которые обладают собственностью»***. (Маркс цитирует «Times» до сих пор, мы цитируем его дальше.) «Но увеличение капитала представляет косвенную выгоду для рабочих, так как оно удешевляет тот товар, который вступает непосредственно в конкуренцию с трудом в процессе производства. (Слушайте! Слушайте!) Но мы чувствуем глубокое и, я должен сказать, бесценное утешение, что в то время, как богатые стали богаче, бедные стали менее бедны. Я не решусь утверждать, что крайности бедности уменьшились, но *мы так счастливы знать, что положение британского рабочего в среднем за последние 20 лет улучшилось в такой необычайной степени, которую мы можем объявить почти беспримерной в истории всех стран и времен.* (Одобрение.)»

Сравнение этого отчета «Times» с отчетом «Хансарда» в «Concordia» от 7 марта показывает, что оба отчета по существу полностью совпадают. Отчет «Times» дает лишь в более сжатой форме то, что стенографический отчет «Хансарда» приводит дословно. Но, несмотря на то, что и в отчете «Times» содержится нечто прямо противоположное этому пресловутому месту из Учредительного Манифеста, несмотря на то, что и по отчету «Times» Гладстон сказал, что, по его мнению, это ошеломляющее увеличение богатства и мощи *не* ограничивается состоятельными классами, Маркс имеет еще наглость писать в «Volksstaat» от 1 июня:

---

[*] Маркс в своей немецкой цитате в «Volksstaat» выпускает последнее придаточное предложение и зато вставляет следующее: «которое он (Гладстон) только что охарактеризовал как «это ошеломляющее увеличение богатства и мощи». Этот пропуск и вставка также продиктованы намерением ввести в заблуждение читателя относительно смысла слов Гладстона. Как доказывает выпущенное придаточное предложение и, кроме того, общий контекст, смысл речи следующий: вытекающий из данных о подоходном налоге рост богатства ограничивается только имущими классами (так как этому налогу подлежат только те лица, которые имеют 150 ф. ст. и больше дохода). что же касается рабочего класса, то мы знаем и т. д.» *(Примечание Брентано.)*

«Итак, г-н Гладстон формально и по существу заявил 16 апреля 1863 г., что «это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами»».

Даже более того! Так как мы сообщили уже публике точный текст речи по «Хансарду», а этот текст абсолютно исключает всякую возможность какого бы то ни было искажения, то это весьма роковое обстоятельство стараются устранить фразой, что «г-н Гладстон был столь благоразумным, что выбросил из этой состряпанной задним числом в «Хансарде» редакции своей речи местечко, несомненно компрометирующее его как английского канцлера казначейства». Не хватает только еще указания на то, что г-н Гладстон, вероятно, сделал это, принимая во внимание появившийся лишь в 1864 г. пасквиль: «Теория вексельного курса».

Что же можно сказать о подобных приемах! Сперва нам преподносят на основании невежественного пасквиля цитату, целиком сфальсифицированную, противоречивость ее содержания доказывает эту фальсификацию даже без сопоставления с оригиналом. Притянутый затем к ответу, Маркс заявляет, что другие так же цитировали, как и он, и в подтверждение ссылается на людей, которым раньше он сам навязал эту ложь. Далее то обстоятельство, что его мутный источник с ним созвучен, он хочет использовать как аргумент для своего оправдания и для доказательства точности своей цитаты, как будто оба черпали из одного общего безупречного третьего источника, между тем как один только списывал у другого. И, наконец, у него еще хватает наглости ссылаться на газетные отчеты, которые прямо противоречат ему. В самом деле, для характеристики подобного «поведения» можно употребить только одно слово, очень хорошо известное самому Марксу (см. «Капитал», стр. 257): оно просто «бесчестно».

«Досадный эпилог покажет, может быть, членам союза фабрикантов», — говорит в заключение своей защиты Маркс, — «что, как бы хорошо они ни разбирались в фальсификации товаров, они так же мало способны судить о товаре литературном, как осел — играть на лютне».

Мы предоставляем читателю спокойно решить, с чьей стороны имеет место фальсификация, а также досада по поводу эпилога. В другой статье мы покажем г-ну Марксу, какое значение придаем мы содержанию слов Гладстона.

Вторая статья, «Concordia» № 28, 11 июля 1872 г., не дает абсолютно ничего относящегося к делу и поэтому здесь не приводится.

№ 6. ВТОРОЙ ОТВЕТ МАРКСА [174]

«Volksstaat» № 63, 7 августа 1872 г.

В «Concordia» от 4 июля немецкий союз фабрикантов пытается мне доказать, что его «ученые мужи» так же великолепно разбираются в товарах литературных, как он сам в фальсификации товаров.

По поводу приведенного в Учредительном Манифесте Интернационала места из бюджетной речи Гладстона от 16 апреля 1863 г. орган фабрикантов (№ 10) заявил:

«Маркс формально и по существу присочинил эту фразу».

Он, таким образом, объявил, что эта фраза по форме и по содержанию является моим фабрикатом. Более того, он совершенно точно знал, как я ее сфабриковал.

«Маркс пользуется тем фактом», — говорит «Concordia», — «что Гладстон утверждает и т. д., *чтобы приписать Гладстону* и т. д.». Процитировав ту же фразу из сочинения «Теория вексельного курса», появившегося *раньше* Учредительного Манифеста, я изобличил орган фабрикантов в грубой лжи. После этого, как он сам рассказывает, он выписал из Лондона неизвестную ему ранее книгу и убедился в этом факте. При помощи какой лжи ему теперь выпутаться? Послушаем:

«Говоря, что Маркс присочинил указанную фразу к гладстоновской речи, мы ни формально, ни по существу не утверждали, *что он также сам сфабриковал ее».*

Здесь, очевидно, произошло свойственное фабрикантскому рассудку смешение понятий. Если, например, обманщик-фабрикант, договорившись со своими деловыми друзьями, распространяет катушки лент, содержащие якобы три дюжины локтей, на самом же деле — только две дюжины, то он действительно *присочинил* одну дюжину именно потому, что он *«не сфабриковал ее».* Почему же не должно произойти с присочиненными фразами то же, что и с присочиненными локтями лент? «Ум огромного большинства людей», — говорит Адам Смит, — «неизбежно развивается на их повседневных делах и исходя из них»[175], следовательно — также и ум фабрикантов.

Благодаря «Volksstaat» я обогатил научный багаж органа фабрикантов не только цитатой из «Теории вексельного курса», но и страницами моей книги «Капитал», которые касаются бюджетной речи Гладстона. И теперь этот орган пытается доказать при помощи мной же доставленного ему материала, что спорное место я цитировал не из «лондонской газеты», а из «Теории вексельного курса». Способ доказательства представляет собой новый пример фабрикантской логики.

Я рассказал журналу фабрикантов, что «Теория вексельного курса» на стр. 134 цитирует точно так же, как цитирую я, а журнал делает открытие, что я цитирую точно так же, как цитирует «Теория вексельного курса» на стр. 134.

Далее!

«И комментарии, которые Маркс дает по поводу содержащегося в этом изложении противоречия, уже имеются в этой книге».

Это просто ложь. Я связываю на стр. 639 «Капитала» мои комментарии со словами речи Гладстона: «В то время как

богатые стали богаче, бедные во всяком случае стали менее бедны. Однако я не решусь утверждать, что крайности бедности уменьшились». По этому поводу я замечаю: «Какие жалкие увертки! Если рабочий класс остался «беден», только «менее беден» в той мере, как он создавал «ошеломляющее увеличение богатства и мощи» для класса собственников, то это значит, что относительно он остался по-прежнему беден. Если крайности бедности не уменьшились, то они увеличились, потому что увеличились крайности богатства»[176]... Этих «комментариев» нет нигде в «Теории вексельного курса».

«И комментарии... уже имеются в этой книге, *а также* и приведенная в примечании 105 на стр. 640 «Капитала» цитата из Мольера».

Таким образом, «а также» я цитирую и Мольера и предоставляю возможность «ученым мужам» из «Concordia» выследить и сообщить публике, что эта цитата взята из «Теории вексельного курса»! На самом же деле в примечании 105, стр. 640 «Капитала» я прямо говорю, что автор «Теории вексельного курса» *«следующей цитатой из Мольера характеризует»* «постоянные вопиющие противоречия в бюджетных речах Гладстона».

Наконец:

«точно так же на стр. 135 этой книги мы находим цитируемые Марксом данные лондонского сиротского приюта о вздорожании средств к жизни, достоверность которых Маркс, однако, подкрепляет ссылкой не на эту книгу, а на ее источники (см. «Капитал», стр. 640, примечание 104)».

«Concordia» благоразумно забывает сказать своим читателям, что «эта книга» не дает *никаких источников*. Что хотела она доказать? Что я заимствовал из «этой книги» место из речи Гладстона, не будучи знаком с ее источником; и чем же она это доказывает? Тем, что действительную цитату из этой книги я проверяю независимо от нее по оригинальным источникам!

По поводу моей цитаты из статьи профессора Бизли в «Fortnightly Review» (ноябрь 1870 г.) «Concordia» замечает:

«Эта статья профессора Бизли касается собственно истории Интернационала и написана, как говорит сам автор во всеуслышание, на основании материала, доставленного ему самим *Марксом*».

Профессор Бизли говорит:

«Никому Товарищество столько не обязано своим успехом, как д-ру Карлу Марксу, который, как я считаю, не имеет себе равного по знанию истории и статистики промышленного движения во всех странах Европы. Я в значительной степени (largely) обязан ему содержащимися в этой статье сведениями»[177].

Весь материал, доставленный мною профессору Бизли, относился исключительно к истории Интернационала и ни одним словом не касался содержания Учредительного Манифеста, который был ему известен со времени его издания. Его вышеприведенное замечание так мало вызывает в этом отношении сомнений, что «Saturday Review», критикуя его статью[178], больше чем намекает, что *он сам* является автором Учредительного Манифеста[1)].

«Concordia» утверждает, что профессор Бизли не цитирует указанного места из речи Гладстона, а только указывает, *«что Учредительный Манифест содержит эту цитату».* Разберем дело.

Профессор Бизли говорит:

«Манифест представляет, вероятно, самую сильную и блестящую защиту интересов рабочих против буржуазии, которая когда-либо была изложена на каких-нибудь двенадцати небольших страницах. Я хотел бы иметь место для многочисленных выписок из него».

Упомянув об «ужасающей статистике Синих книг», на которые ссылается Манифест, он продолжает:

«От этой ужасающей статистики Манифест переходит к официальным данным о подоходном налоге, из которых видно, что подлежащий обложению доход страны за восемь лет увеличился на 20%; «ошеломляющее увеличение богатства и мощи», которое, *как заметил г-н Гладстон,* «всецело ограничивается имущими классами»».

Профессор Бизли, ставя слова: *«как заметил г-н Гладстон»* вне кавычек, говорит их от своего имени, и именно это служит для «Concordia» убедительным доказательством того, что бюджетную речь Гладстона он знает... только из цитаты Учредительного Манифеста! Лондонский деловой друг немецкого союза фабрикантов один только знаком с бюджетными речами Гладстона, точно так же, как только он один знает, что «лица, имеющие меньше 150 ф. ст. дохода, в Англии не платят подоходного налога» (смотри №№ 10 и 27 «Concordia»). А вот английских сборщиков податей преследует навязчивая идея, что налог не взимается только с доходов ниже ***100*** фунтов стерлингов.

По поводу спорного места в Учредительном Манифесте журнал фабрикантов писал:

«Этой фразы нет нигде в речи Гладстона». Я доказал обратное, приведя цитаты *из отчета «Times»* от 17 апреля 1863 года. Я привел эту цитату в «Volksstaat» по-английски и по-немецки, потому что утверждение Гладстона, что он «почти с тревогой

[1)] Проф. Бизли письменно обратил мое внимание на это guid pro quo [недоразумение].

и болью взирал бы на *это ошеломляющее увеличение богатства и мощи,* если бы был уверен, что оно ограничивается *«classes who are in easy circumstances»»,* — нуждается в комментарии. Ссылаясь на Уэйкфилда, я заметил, что *«classes who are in easy circumstances»* — выражение, которому в немецком языке нет точно соответствующего слова, — означает «собственно богатых», «действительно состоятельную часть» имущих классов. Уэйкфилд даже прямо называет собственно средний класс — *«the uneasy class»,* что приближается к немецкому выражению «не вполне состоятельный класс [die ungemachliche Klasse]»[2].

Добропорядочный орган фабрикантов не только замалчивает мое объяснение. Сопровождая цитируемое мною место своими словами: «Маркс цитирует «Times» до сих пор», он дает понять своим читателям, что цитирует по моему переводу, на самом же деле он переводит «classes who are in easy circumstances» в отличие от меня, не словами «состоятельные классы», а словами «классы, *находящиеся в благоприятных условиях».* Он еще допускает у своих читателей достаточно понимания, чтобы увидеть, что не все составные части имущего класса являются *«состоятельными»,* хотя обладание собственностью всегда, конечно, считается у них «благоприятным условием». Но и в том переводе моей цитаты, который дает «Concordia», г-н Гладстон характеризует описанный им прогресс капиталистического богатства как *«это ошеломляющее увеличение богатства и мощи»* и замечает, что он при этом *«совершенно не принял* во внимание положения рабочего населения»; в заключение же он говорит, что это *«увеличение ограничивается всецело теми классами, которые обладают собственностью».* Приписав г-ну Гладстону в отчете «Times» от 17 апреля 1863 г. «формально и по существу» то же самое, что я ему приписал в Учредительном Манифесте, «ученый муж» из немецкого союза фабрикантов бьет себя в благородную грудь и вопит:

> «Но, *несмотря на это, Маркс имеет еще наглость* писать в «Volksstaat» от 1 июня: «Итак, согласно отчету его собственного органа «Times» от 17 апреля 1863 г., г-н Гладстон *формально и по существу* заявил 16 апреля 1863 г, в палате общин, что *это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами»».*

«Ученый муж» немецкого союза фабрикантов, очевидно, хорошо знает, что он обязан преподносить читающей публике!

Я отмечал уже в «Volksstaat» от 1 июня, что «Concordia» пытается убедить своих читателей, будто в Учредительном Манифесте я не привел фразы Гладстона о повышении

---

[2] «The middle or uneasy class» [«средний или не вполне состоятельный класс»] («Англия и Америка», Лондон, 1833, т. I, стр. 185[179]).

жизненного уровня британского рабочего класса, в то время как я там, как раз наоборот, особенно подчеркивал вопиющее противоречие этой декламации с официально установленными фактами. В своем ответе от 4 июля орган фабрикантов повторяет тот же самый маневр. «Маркс», — говорит он, — «цитирует «Times» до сих пор, мы цитируем его дальше». Возражая ему, я должен был цитировать в сущности только спорное место. Остановимся, однако, на минуту на том, что следует «дальше».

Пропев свой гимн преумножению капиталистического богатства, Гладстон переходит к рабочему классу. Он отнюдь не говорит, что рабочий класс получил свою долю в *«ошеломляющем увеличении богатства и мощи».* Напротив, по отчету «Times», следующие слова, произнесенные Гладстоном, таковы:

«Но *увеличение капитала* представляет косвенную выгоду для рабочих и т. д.» Далее он *утешает себя* тем, «что в то время как богатые стали *богаче,* бедные стали *менее бедны».* Наконец, он уверяет, что он и его разбогатевшие парламентские друзья «так *счастливы* знать» то, о чем парламентские расследования и статистические показания сообщают противоположное, а именно,

«что положение британского рабочего в среднем за последние 20 лет улучшилось в такой, как мы знаем, необычайной степени, которую мы можем объявить почти беспримерной в истории всех стран и времен».

До г-на Гладстона все его предшественники по должности в своих бюджетных речах бывали «так *счастливы»* дополнить описание роста капиталистического богатства самодовольными речами об улучшении положения рабочего класса. Несмотря на это, он всех их обвиняет во лжи, так как тысячелетнее царство наступило только со времени введения законов о свободе торговли. Здесь, однако, дело не в правильности или неправильности имеющихся у Гладстона оснований утешать себя или поздравлять себя. Здесь речь идет просто о том, что якобы «необычайное» улучшение положения рабочего класса решительно не противоречит, с его точки зрения, «ошеломляющему увеличению богатства и мощи, которое всецело ограничивается имущими классами». Напротив, ортодоксальное учение апологетов капитала, — а одним из его наилучше оплачиваемых апологетов является г-н Гладстон, — и заключается в том, что самое испытанное средство для рабочих *улучшить свое положение* состоит в *обогащении* своих эксплуататоров.

Беззастенчивая пошлость или пошлая беззастенчивость органа фабрикантов доходит до своего апогея в утверждении, что «отчет «Times» дает только в более сжатой форме то, что

стенографический отчет «Хансарда» *приводит дословно»*[3)]. Сопоставим оба эти отчета:

I

Из речи Гладстона 16 апреля 1863 г., напечатанной в «Times» 17 апреля 1863 г.

«Таково состояние нашей страны с точки зрения богатства. Я, со своей стороны, должен сказать, что я почти с тревогой и болью взирал бы на *это ошеломляющее увеличение богатства и мощи,* если бы был уверен, что оно ограничивается только состоятельными классами (classes who are in easy circumstances). Здесь совершенно не принято во внимание положение рабочего населения. *Увеличение, которое я только что описал ... есть увеличение, всецело ограничивающееся имущими классами.* Но увеличение капитала представляет косвенную выгоду для рабочих и т. д.».

II

Из речи Гладстона 16 апреля 1863 г., *напечатанной у «Хансарда», т. 170, парламентские дебаты с 27 марта по 28 мая 1863 г.*

«Таково состояние с точки зрения всеобщего прогресса накопления, но я, со своей стороны, должен сказать, что я *взирал бы с некоторой болью* и со значительной тревогой на *этот необычайный и почти ошеломляющий рост,* если бы думал, что он ограничивается той категорией лиц, которых можно считать состоятельными (the class of persons who may be described as in easy circumstances).

Цифры, которые я приводил, мало или совершенно не принимают во внимание положение тех, которые не платят подоходного налога, *или,* другими словами, они достаточно точны для установления *истины вообще*(!), но совершенно не принимают во внимание *имущество*(!) рабочего населения *или* (!) рост его *дохода.* Косвенно же простой рост капитала на деле *чрезвычайно* выгоден для рабочего класса и т. д.».

Я предоставляю самому читателю сравнить напыщенный, запутанный, сопровождающийся массой оговорок, стиль Circumlocution Office[*] в издании «Хансарда» с отчетом «Times».

Здесь достаточно установить тот факт, что слова отчета «Times»: *«Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи... увеличение, которое я только что описал... всецело ограничивается имущими классами»,* — у «Хансарда» отчасти искажены, а отчасти опущены. Их напыщенно «дословный смысл» не ускользнул ни от одного из тех, кто слушал саму речь. Например:

«Morning Star», 17 апреля 1863 г. (бюджетная речь Гладстона от 26 апреля 1863 г.).

[3)] Газета фабрикантов, кажется, в самом деле думает, что большие лондонские газеты не пользуются стенографами для своих парламентских отчетов.

[*] — министерство околичностей (выражение Диккенса в романе «Крошка Доррит»). *Ред.*

«Я, со своей стороны, должен сказать, что смотрел бы с тревогой и болью на *это ошеломляющее увеличение богатства и мощи,* если бы думал, что оно ограничивается действительно состоятельными классами (classes who are in easy circumstances). *Это огромное увеличение богатства* (this great increase of wealth) совершенно не принимает во внимание положения рабочего населения. Это увеличение есть увеличение (The augmentation is an augmentation), *всецело ограничивающееся классами, владеющими собственностью* (entirely confined to the classes possessed of property). Но *это увеличение* (But that augmentation) должно косвенным образом быть выгодно для рабочего населения и т. д.».

«Morning Advertiser», 17 апреля 1863 г. (бюджетная речь Гладстона от 16 апреля 1863 г.).

«Я, со своей стороны, должен сказать, что смотрел бы почти с тревогой и страхом (alarm) на *это ошеломляющее увеличение богатства и мощи,* если бы думал, что оно ограничивается действительно состоятельными классами (classes who are in easy circumstances). *Этот огромный прирост богатства* совершенно не принимает во внимание положения рабочего населения. *Упомянутое увеличение* (The augmentation stated) *представляет увеличение, всецело ограничивающееся классами, которые обладают собственностью* (classes possessed of property). *Это увеличение* (This augmentation) должно быть косвенным образом выгодно для рабочего класса и т. д.».

Таким образом, Гладстон задним числом утаил в полуофициальном издании «Хансарда» его речи сказанные им в нижней палате 16 апреля 1863 г. слова: *«Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи... есть увеличение, всецело ограничивающееся имущими классами».* Поэтому «Concordia» не нашла их в извлечении, присланном лондонским деловым другом, и подняла шум:

«Но этой фразы нет нигде в речи Гладстона. ***Маркс формально и по существу присочинил эту фразу».***

Не приходится удивляться, если она теперь поучает меня, что «*в обычае»* критики цитировать парламентские речи так, как их официально сфальсифицировали, а не так, как они были действительно произнесены. Такой «обычай» в самом деле соответствует «всеобщей» берлинской «культуре» и ограниченному прусскому верноподданническому разуму немецкого союза фабрикантов. Недостаток времени заставляет меня раз навсегда прекратить приятное общение с ним, но на прощание я должен, однако, предложить его «ученым мужам» раскусить такой орешек. В какой статье и кто именно сказал по адресу противника, — по меньшей мере равного «Concordia» по положению, — следующие веские слова: «Asinus manebis in secula seculorum»[4)]?

Карл Маркс

Лондон, 28 июля 1872 г.

[4)] Ты останешься ослом во веки веков.

№ 7. ВТОРОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ АНОНИМНОГО АВТОРА

«Concordia» № 34, 22 августа 1872 г.

Еще к характеристике Карла Маркса

Г-н Маркс в «Volksstaat» от 7 августа ответил на статью «Как защищается Карл Маркс», помещенную в № 27 «Concordia». Упорная лживость, с которой он держится за искаженную цитату из бюджетной речи Гладстона от 16 апреля 1863 г., удивительна даже для человека, не брезгающего никакими средствами для осуществления своих планов ниспровержения существующего строя. В сущности ее можно объяснить только боязнью автора, что признание ложности этой цитаты, самого выигрышного места Учредительного Манифеста, при большом распространении последнего будет иметь неприятные последствия для его автора.

В своей первой защите Маркс, как известно, согласился, что стенографический отчет речи Гладстона, помещенный в «Хансарде», не содержит этой цитаты. Причина, однако, заключалась в том, что г-н Гладстон выбросил компрометирующее его место! Первое доказательство: профессор Бизли цитировал эту речь в статье в «Fortnightly Review» в таком же виде, как Учредительный Манифест.

Это могло бы вызвать у читателя мысль, что профессор Бизли цитировал эту речь г-на Гладстона в статье на какую-то другую историческую тему, помимо Интернационала. Мы поэтому заметили, во-первых, что эта статья говорит об истории Интернационала и написана на материале, который Маркс сам доставил автору. И Маркс этого даже не оспаривает. Но он уверяет, что доставленный им материал ни единым словом не касался содержания Учредительного Манифеста, известного профессору Бизли со времени его выхода в свет. Но мы этого и не говорили и даже не намекали на это. И мы верим утверждению г-на Маркса на слово. Если бы он привел профессору Бизли «Теорию вексельного курса» в виде доказательства своей цитаты, то тот, наверное, не стал бы ее перепечатывать. Во-вторых, ответили мы, и это самое главное возражение: Бизли не цитировал указанного места из речи Гладстона, а дал его только при анализе Учредительного Манифеста. Мы привели дословно указанную фразу из статьи Бизли, как можно видеть из № 27 «Concordia». Тем обстоятельством, что Бизли в своем анализе вставил слова *«как заметил г-н Гладстон»* без кавычек[*], Маркс теперь пользуется, чтобы внушить читателям, будто Бизли, неожиданно прерывая свой анализ, говорит эти слова от своего собственного имени!!

Второе доказательство того, что Гладстон позднее выбросил из своей речи указанные слова, Маркс хотел найти в том, что появившаяся еще ранее Учредительного Манифеста книга «Теория вексельного курса» цитирует речь Гладстона буквально так, как Манифест. Мы просмотрели книгу и нашли, что это верно и что все говорит за то, что Маркс сам первоначально заимствовал свою цитату из этой книги. Прежде всего на это указывает то обстоятельство, что в «Капитале» Маркса на стр. 639, в особенности в примечании № 103, речь приведена буквально в том же *абсолютно бессмысленном* изложении, в каком ее приводит «Теория вексельного

[*] Добавочное примечание при повторном издании: Профессор Бизли списал цитируемое им из Учредительного Манифеста место буквально, как оно помещено в нем. Но в последнем вводное предложение, само собой разумеется, помещено без кавычек. *(Примечание Брентано.)*

курса» на стр. 134. Это указание на «Теорию вексельного курса», как на источник марксовой цитаты, подтверждается еще тем, что г-н Маркс в том месте своей книги «Капитал», где он цитирует речь Гладстона в такой же редакции, как «Теория вексельного курса» на стр. 134, приводит еще другие цитаты, находящиеся в том же месте этой книги, и сопровождает их такими же комментариями. Что же возражает на это г-н Маркс? Во-первых, что он прибавил еще комментарии, которых нет в «Теории вексельного курса». Но этого не исключает и наше замечание. Затем, что автором цитаты из Мольера он определенно назвал автора «Теории вексельного курса». Но мы не говорим противоположного. Наконец, что касается данных лондонского сиротского приюта, которые Маркс цитирует на стр. 640 своей книги, так же как и «Теория вексельного курса» на стр. 135, то Маркс сам признает, что он буквально привел их из этой книги, а затем проверил их точность по подлинным источникам. Маркс таким образом сам доказывает, что часть комментариев, которыми он сопровождает цитаты из речи Гладстона, взята из «Теории вексельного курса». Он сам доказывает этим правильность пунктов, которыми мы поддерживаем наш главный аргумент относительно того, что и цитату из речи Гладстона он заимствовал из этой книги. Но против этого главного аргумента, а именно против замечания, что он цитирует речь Гладстона *в таком же абсолютно бессмысленном изложении,* как и «Теория вексельного курса», он ничего не приводит.

Наконец, в-третьих, Маркс старался доказать свое утверждение, что Гладстон задним числом сфальсифицировал свою собственную бюджетную речь в стенографическом отчете «Хансарда», ссылкой на отчет об этой речи, помещенный в «Times» от 17 апреля 1863 года. Но этот отчет доказывает нечто прямо противоположное, поскольку «Times» и «Хансард» по существу полностью совпадают. Чтобы затемнить это перед своими читателями, Маркс стал применять различные средства. *Первым средством,* которое вместе с тем должно было привести читателей «Volksstaat» в новое восхищение ученостью их оракула, явился филологический экскурс. И по отчету «Times», поскольку Маркс цитировал его, Гладстон определенно сказал, что он полагает, что ошеломляющее увеличение богатства и мощи, о котором он говорил, *не* ограничивается «to the classes who are in easy circumstances», то есть классами, находящимися в благоприятных условиях. Ссылаясь на Уэйкфилда, написавшего книгу «Средний или не вполне состоятельный класс», Маркс стал утверждать, что, по словам Гладстона, он не думает, что это увеличение ограничивается только «собственно богатыми», «действительно состоятельной частью» имущих классов, а так как мы не приняли во внимание всех этих рассуждений, то он теперь обвиняет нас в утайке. Но если мы молчали по поводу этой новой попытки фальсификации, то только потому, что она в самом деле была слишком очевидна. Ибо что бы Уэйкфилд ни имел в виду, называя средний класс the uneasy class, все же общий смысл речи Гладстона, даже в том виде, как ее дает отчет «Times», показывает, что Глад-стон в этом месте под «classes who are in easy circumstances» *подразумевал те классы, которые не принадлежат к рабочему населению, так как он противопоставляет их последнему.*

Второе средство затемнить отчет «Times» состояло в том, что Маркс в своем немецком переводе этого отчета просто выбросил то придаточное предложение, из которого вытекало, что Гладстон только сказал, что увеличение богатства, о котором можно судить по данным подоходного налога, ограничивается имущими классами, так как рабочий класс не подлежит обложению подоходным налогом, и поэтому из данных подоходного налога ничего нельзя извлечь относительно роста благосостояния рабо-

чего класса; но он не говорил, что рабочий класс на самом деле исключен из необычайного увеличения национального богатства. Маркс, который, как мы только что видели, совершенно без всякой нужды обвинил в утайке «Concordia», спокойно вновь выбрасывает упомянутое придаточное предложение, хотя мы указали ему на его искажение. Но мало этого. Так как мы, согласно с истиной, сказали, что отчет «Times» дает только в более сжатой форме то же самое, что стенографический отчет «Хансарда» приводит дословно, он отрицает это и осмеливается перепечатать рядом отчет по «Times» и отчет по «Хансарду», *причем он,* конечно, *опять опускает это придаточное предложение.* Но что за беда? Ведь читатели «Volksstaat», с которыми он имеет дело, не могут его контролировать!

В-третьих, наконец, Маркс старался скрыть совпадение отчета «Times» с отчетом «Хансарда», не цитируя тех фраз, в которых Гладстон даже по отчету «Times» прямо и определенно констатирует улучшение положения британского рабочего класса. Мы сделали замечание по этому поводу и цитировали спорное место отчета «Times» полностью. Несмотря на это, Маркс лжет своим читателям, утверждая, будто бы мы хотели дать понять, что цитировали «Times» по его переводу!! С другой стороны, он, само собой разумеется, скрывает наше указание (в № 28) на то, что вопиющее противоречие, в котором находятся, по мнению Маркса, утверждения Гладстона об улучшении положения британского рабочего класса с официально установленными фактами, на деле вовсе не имеет места; он, напротив, опять повторяет это обвинение.

Кроме того, Маркс в своем ответе в «Volksstaat» от 7 августа выдвигает еще двух новых свидетелей правильности своего понимания бюджетной речи Гладстона — «Morning Star» и «Morning Advertiser» от 17 апреля 1863 года. Но нам вовсе нет надобности проверять, цитировал ли Маркс обе эти газеты без новых искажений[*]. Ибо эти газеты даже в его передаче говорят в нашу пользу. Сказав, согласно обеим газетам, что он *не* думает, что *это* ошеломляющее увеличение богатства и мощи ограничивается классами, находящимися в благоприятных условиях, Гладстон продолжает: *«Этот* огромный прирост богатства *совершенно не принимает во внимание* положения рабочего населения. *Упомянутое* увеличение представляет увеличение, всецело ограничивающееся классами, которые обладают собственностью». Значение и употребление слов *«принимать во внимание»* ясно указывают, что под *этим* приростом и упомянутым увеличением подразумевается тот прирост и то упоминание, о котором можно судить на основании данных о подоходном налоге.

Но ссылка на этих двух мнимых свидетелей есть только хвастовство своей ученостью, с помощью которого должна поддерживаться вера читателей «Volksstaat» в своего оракула. Статья Маркса в «Volksstaat» от 7 августа является образчиком такого хвастовства и заслуживает того, чтобы наши читатели сами познакомились с ней. Мы должны привести еще только один пример подобного хвастовства, чтобы отнять у г-на Маркса возможность упрекать нас в том, что мы хотим скрыть от наших читателей, что он в одном второстепенном пункте исправил нас. Мы сказали, что лица, имеющие меньше 150 ф. ст. годового дохода, в Англии не платят подоходного налога. Г-н Маркс высмеивает нас за наше незнание того, что этот налог не взимается только при доходе меньше 100 фунтов стерлингов. На самом деле по закону 1842 г. от налога освобождались все доходы ниже 150 ф. ст., тогда как в 1853 г. налог был

[*] Добавочное примечание при повторном издании: И здесь также Маркс выбрасывает те же самые фразы, которые он выбросил в своей передаче отчета «Times». Смотри начало обоих отчетов. *(Примечание Брентано.)*

распространен на все доходы выше 100 ф. ст., причем, однако, вновь обложенные доходы получили льготу и облагались меньшим процентом, нем налоги в 150 ф. ст. и выше. Затем в 1863 г. пользующийся льготой класс был расширен до дохода в 200 ф. ст., и уменьшение налога сохранено в таком виде, что при всяком доходе ниже этой цифры и до 100 ф. ст. включительно всегда следует вычитать 60 ф. ст. как не подлежащие обложению.

Г-н Маркс заканчивает свою статью словами, что недостаток времени заставляет его раз навсегда прекратить свои приятные сношения с нами. Мы понимаем, что г-н Маркс с удовольствием использует возможность держаться подальше от людей, которые могут указать ему на его фальсификации. Если под конец г-н Маркс разражается еще бранью, то мы можем его уверить, что его противнику ничто не может быть более приятным, чем заключающееся в этом признание того, что он изобличен. Брань есть оружие того, у кого исчерпаны другие средства защиты.

III
СЕДЛИ ТЕЙЛОР И ЭЛЕОНОРА МАРКС

№ 8. НАПАДКИ С. ТЕЙЛОРА

«Times», 29 ноября 1883 г.

Главному редактору «Times»

Разрешите мне указать в «Times», что вводящая в заблуждение цитата из бюджетной речи г-на Гладстона от 16 апреля 1863 г., которую повторил, положившись на немецкие источники, столь выдающийся публицист, как профессор Эмиль де Лавеле, и по поводу которой он помещает разъяснение в сегодняшнем номере «Times», относится еще к 1864 г. и имеется в Манифесте, опубликованном Советом знаменитого Международного Товарищества Рабочих.

Представляется особенно поразительным, что *профессору Брентано* (тогда занимавшему кафедру в Бреславле, а теперь в Страсбурге) удалось спустя восемь лет разоблачить в одном немецком журнале ту mala fides*, которая несомненно продиктовала цитату из речи Гладстона в Манифесте Интернационала.

Г-н Карл Маркс, пытавшийся, как признанный автор Манифеста, защищать цитату, был быстро сражен мастерскими ударами Брентано и уже в предсмертных судорогах имел смелость утверждать, что г-н Гладстон состряпал отчет для «Хансарда» после того, как его речь в подлинном виде появилась в «Times» от 17 апреля 1863 г., и что он выкинул одно место, компрометирующее его как английского канцлера казначейства. Когда Брентано доказал путем подробного сличения текстов, что отчеты «Times» и «Хансарда» совпадают, абсолютно исключая тот смысл, который был придан словам Гладстона ловко выхваченными отдельными цитатами, тогда Маркс отказался от дальнейшей полемики под предлогом «недостатка времени»!

Вся переписка Брентано — Маркс в высшей степени достойна быть извлеченной из газетных коллекций и переизданной на английском языке, так как она проливает яркий свет на степень литературной порядочности последнего из указанных участников спора; это особенно необходимо в такое время, когда его главное произведение преподносится нам не более и не менее, как в качестве нового евангелия социального возрождения.

Остаюсь, милостивый государь, Вашим покорным слугой

Седли Тейлор.

Колледж Тринити, Кембридж, 26 ноября (1883 г.)

Эта статья появилась в «Times» 29 ноября 1883 года. 30 ноября младшая дочь Маркса, Элеонора, послала свой ответ

* — недобросовестность. *Ред.*

в «Times». Ответ не был напечатан. Такая же участь постигла второе письмо — главному редактору. Тогда Э. Маркс обратилась в «Daily News», опять-таки напрасно. Тогда она опубликовала как обвинение Седли Тейлора, так и свой ответ в февральском номере за 1884 г. социалистического ежемесячника «To-Day». Мы приводим здесь ее ответ[180].

№ 9. ОТВЕТ ЭЛЕОНОРЫ МАРКС

«To-Day», февраль 1884 г.

Главному редактору «Times»

В «Times» от 29 ноября Седли Тейлор упоминает некую цитату из речи Гладстона, которая

«относится еще к 1864 г. и имеется в Манифесте, опубликованном Советом знаменитого Международного Товарищества Рабочих».

Далее он продолжает (далее мною цитируется письмо Тейлора со слов «Представляется особенно поразительным» до слов «недостатка времени»).

Фактическая сторона дела коротко такова. Упомянутая цитата состоит из нескольких фраз из бюджетной речи г-на Гладстона от 16 апреля 1863 года. После описания г-ном Гладстоном необычайного роста богатства, происходившего в этой стране между 1853 и 1861 гг., ему приписываются такие слова:

«Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами».

Анонимный писатель, который теперь оказался профессором Брентано, напечатал в немецком журнале «Concordia» от 7 марта 1872 г. ответ, в котором говорилось:

«Этой фразы нет нигде в речи Гладстона. Маркс формально и по существу присочинил эту фразу».

В этом состоял единственный пункт спора между моим отцом и анонимным противником.

В своих ответах в лейпцигской газете «Volksstaat» от 1 июня и 7 августа 1872 г. Маркс цитирует следующие отчеты о речи Гладстона.

«Times», 17 апреля:

«Увеличение, которое я только что описал, основываясь на данных, на мой взгляд совершенно точных, есть увеличение, всецело ограничивающееся имущими классами».

«Morning Star», 17 апреля:

«Это увеличение есть увеличение, всецело ограничивающееся классами, владеющими собственностью».

«Morning Advertiser», 17 апреля:

«увеличение всецело ограничивается классами, которые обладают собственностью».

Анонимный Брентано «в предсмертных судорогах» «быстро сраженный» его «мастерскими ударами» старался найти защиту в обычном при подобных обстоятельствах утверждении, что, если даже цитата не фальсифицирована, она все же «вводит в заблуждение», «продиктована mala fides», «ловко выхвачена» и т. д. Я боюсь, что Вы не предоставите мне места для ответа на это обвинение г-на Брентано, повторенное теперь, через 11 лет, г-ном Тейлором. Да это, может быть, и не понадобится, так как г-н Тейлор говорит:

«Вся переписка Брентано — Маркс в высшей степени достойна быть извлеченной из газетных коллекций и переизданной на английском языке».

Я вполне приветствую это. Память о моем отце только выиграет от этого. Что же касается отклонения газетных отчетов о данной речи от отчета «Хансарда», то решение этого вопроса я предоставляю тем, кто более всего в этом заинтересован.

Из многих и многих тысяч цитат в произведениях моего отца это единственная, точность которой когда-либо оспаривалась. Довольно характерен тот факт, что профессора-экономисты постоянно возвращаются к этому изолированному и не совсем удачному примеру. Выражаясь словами г-на Тейлора,

«он проливает яркий свет на степень литературной порядочности последнего из указанных участников спора» (Маркса); «это особенно необходимо в такое время, когда его главное произведение преподносится нам не более и не менее, как в качестве нового евангелия социального возрождения».

Остаюсь, милостивый государь, преданная Вам

Элеонора Маркс.

Лондон, 30 ноября 1883 г.

№ 10. ВОЗРАЖЕНИЕ С. ТЕЙЛОРА

«To-Day», март 1884 г.

В редакцию «To-Day»

Милостивые государи! Никто не может больше меня сожалеть о том, что г-же Маркс было отказано в опубликовании ее ответа, на что она имела такое очевидное право. Я, однако, очень далек от ее мнения, что «единственный пункт спора» между доктором Марксом и профессором

Брентано состоял в том, имелась ли некая фраза в речи г-на Гладстона или нет. На мой взгляд этот вопрос играл совершенно второстепенную роль по сравнению с вопросом, была ли упомянутая цитата приведена с намерением передать смысл слов г-на Гладстона или исказить его.

Само собой разумеется, совершенно невозможно в этом письме обсудить содержание обширного спора между Брентано и Марксом, не заняв у Вас недопустимо много места. Но так как г-жа Маркс в Вашей газете назвала публично высказанный мною взгляд «клеветой» и «пасквилем»[1)], то я принужден просить Вас напечатать параллельными столбцами обе следующие цитаты, на основании которых Ваши читатели сами будут иметь возможность судить, честно или нечестно цитировал доктор Маркс в своем большом произведении «Капитал» бюджетную речь 1863 года. Читателям писем Маркса из его переписки с г-ном Брентано будет понятно, почему я пользуюсь отчетом «Times» вместо отчета «Хансарда».

«Times», 17 апреля 1863 г.

«За десять лет, с 1842 по 1852 г. включительно, подлежащий обложению доход страны, поскольку мы можем это точно установить, повысился на 6%; но за восемь лет, с 1853 по 1861 г., доход страны опять-таки повысился, если принять за основание доход 1853 г., на 20%. Это факт столь поразительный, что он представляется почти невероятным...

«... Я, со своей стороны, должен сказать, что я почти с тревогой и болью взирал бы на это ошеломляющее увеличение богатства и мощи, если бы считал, что оно ограничивается только состоятельными классами. Здесь совершенно не принято во внимание положение рабочего населения. Увеличение, которое я только что описал, основываясь на данных, на мой взгляд совершенно точных, есть увеличение, всецело ограничивающееся имущими классами. Но увеличение капитала представляет косвенную выгоду для рабочих, так как оно удешевляет тот товар, который в процессе производства вступает в прямую конкуренцию с трудом. У нас имеется, однако, то глубокое и, я должен сказать, бесценное утешение, что в то время, как богатые стали богаче, бедные стали менее

«Капитал», 2 изд., стр. 678, примечание 103.

«С 1842 по 1852 г. подлежащий обложению доход этой страны повысился на 6%...

... За 8 лет, с 1853 по 1861 г., он повысился, если принять за основу доход 1853 г., на 20%. Факт настолько поразителен, что он представляется почти невероятным...

... Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи...

... всецело ограничивается имущими классами, но... но оно должно принести косвенную выгоду и рабочему населению, потому что оно удешевляет предметы всеобщего потребления...

... в то время, как богатые стали богаче, бедные во всяком случае

[1)] В ненапечатанном здесь сопроводительном письме в редакцию «To-Day». *(Примечание Энгельса.)*

бедны. Однако я не решусь утверждать, что крайности бедности стали менее чрезмерными, чем они были, *но положение британского рабочего в среднем — мы имеем счастье знать это, — за последние 20 лет улучшилось в такой, как мы знаем, необычайной степени, которую мы можем объявить почти беспримерной в истории всех стран*

стали менее бедны. Однако я не решусь утверждать, что крайности бедности уменьшились». — Речь Гладстона в палате общин 16 апреля 1863 г.

Я прошу обратить особенное внимание на смысл подчеркнутых мною мест в отчете «Times». Фраза: *«Я, со своей стороны... состоятельными классами»* передает нам взгляд оратора, что только что описанное ошеломляющее увеличение богатства и мощи *не* ограничивается состоятельными лицами. Здесь, правда, есть словесное противоречие в сравнении со следующей фразой: «Увеличение... имущими классами», но стоящие между ними слова «здесь совершенно не принято... населения» показывают, что не может оставаться никакого сомнения относительно того, что имел в виду г-н Гладстон, а именно, что приведенные им цифры, основанные на данных подоходного налога, включают в себя только доходы, не свободные от подоходного налога*. Поэтому они ни в коем случае не показывали, насколько за исследуемый период увеличилась общая сумма доходов рабочего населения. Заключительная фраза от «но положение в среднем» до конца самым определенным образом объясняет, что г-н Глад-стон признавал на основании доказательств, не зависимых от данных подоходного налога, не подлежащим сомнению необычайное, почти беспримерное улучшение в среднем положения британских рабочих.

С какой целью эти существенные места были почти целиком вычеркнуты, вследствие чего газетный отчет был низведен до той удивительной формы, в которой он помещен в книге д-ра Маркса? По моему мнению, очевидно с той целью, чтобы произвольно сконструированная мозаика, составленная из оставшихся еще слов г-на Гдадстона, могла быть понята таким образом, будто тот утверждает, что заработки рабочего населения возросли лишь незначительно, между тем как доходы имущих классов увеличились колоссально — взгляд, который определенно опровергается выпущенными местами в пользу совершенно другого утверждения.

Я не могу также оставить без внимания тот факт, что за немецким переводом этой изуродованной цитаты в тексте «Капитала» непосредственно следует выражение презрительного удивления Маркса по поводу «жалких уверток», заключающихся в словах, фигурирующих здесь в конце фразы Гладстона, в сравнении с его прежним описанием роста богатства имущих классов.

Остаюсь, милостивые государи, искренне Ваш

Седли Тейлор.

Колледж Тринити, Кембридж, 8 февраля 1884 г.

* Свободны от подоходного налога в 1842—1853 гг. были доходы до 150 ф. ст., а с 1853 г. до 100 фунтов стерлингов. *(Примечание Брентано.)*

№ 11. ВТОРОЙ ОТВЕТ ЭЛЕОНОРЫ МАРКС [181]

«To-Day», март 1884 г.

В редакцию «To-Day»

Милостивые государи! Г-н Седли Тейлор оспаривает мое утверждение, что в то время, когда анонимный клеветник обрушился на д-ра Маркса, единственный пункт спора состоял в том, употребил ли г-н Гладстон некие слова или нет. По его мнению, вопрос на самом деле заключался в том,

«была ли упомянутая цитата приведена с намерением передать смысл слов г-на Гладстона или исказить его».

Передо мной статья из «Concordia» (№ 10, 7 марта 1872 г.): «Как цитирует Карл Маркс». В ней анонимный автор сперва цитирует Учредительный Манифест Интернационала, затем место из речи г-на Гладстона, полный текст ее по «Хансарду»; затем он резюмирует это место по-своему и к своему собственному удовлетворению; наконец, он в заключение говорит:

«Пользуясь тем фактом, что Гладстон ссылается на это попросту для правильной оценки своего масштаба, Маркс приписывает ему следующие слова: *«Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами»*. Но этой фразы нет нигде в речи Гладстона. В ней сказано прямо противоположное. ***Маркс формально и по существу присочинил эту фразу».***

В этом состоит обвинение, и единственное обвинение, выставленное против Маркса. В сущности его обвиняют в том, что он исказил смысл слов г-на Гладстона, «присочинив» целую фразу. В обвинении нет ни слова о «вводящих в заблуждение» или «ловко выхваченных» цитатах. Вопрос просто состоит в том, «имелась ли некая фраза в речи г-на Гладстона или нет».

Одно из двух. Или г-н Тейлор читал нападки г-на Брентано и ответы моего отца, и в таком случае его утверждение прямо противоречит истине, которой он не может не знать. Или же он не читал их. А что же в таком случае? В таком случае этот человек, посылающий свои письма с пометкой: колледж Тринити, Кембридж, без всякого повода берет на себя своеобразный труд оспаривать литературную добропорядочность моего покойного отца таким способом, который неизбежно сводится к «клевете», раз он не может доказать своих обвинений; он выдвигает свое обвинение на основании литературного спора 1872 г. между анонимным писателем (который, согласно Тейлору, был профессором Брентано) и моим отцом; он в пламенных выражениях описывает «мастерские удары» Георгия Победоносца — Брентано и «предсмертные судороги», до которых он быстро довел дракона Маркса; со всеми подробностями он может сообщить

нам об уничтожающих успехах, которых достиг упомянутый Георгий Победоносец «путем подробного сличения текстов», — и всем этим ставит меня в такое деликатное положение, что мне из человеколюбия приходится заранее предположить, что он никогда не читал ни строчки из того, о чем он говорит.

Если бы г-н Тейлор читал «мастерские» статьи своего анонимного друга, он нашел бы в них следующее место:

«Теперь мы спрашиваем: лжет ли человек лишь в том случае, когда он сам сочиняет неправду, или же он лжет и тогда, когда повторяет ее, в то время как он знает или должен был бы знать правду».

Так говорит «мастерский» и столь же строго добродетельный, сколь и анонимный Брентано в своем возражении на первый ответ моего отца («Concordia» № 27, 4 июля 1872 г., стр. 210). И на этой же странице он все же перед лицом всего мира утверждает, что

« и по отчету «Times» Гладстон сказал, что, по его мнению, это ошеломляющее увеличение богатства и мощи не ограничивается состоятельными классами».

Если, таким образом, и Брентано как будто абсолютно не знает, в чем состоял действительный предмет спора, то разве г-н Седли Тейлор лучше об этом осведомлен? В его письме в «Times» речь шла об одной цитате из Учредительного Манифеста Интернационала. В его письме в «To-Day» речь идет о цитате из «Капитала». Тут вопрос переносится в другую плоскость, но я на это не жалуюсь. Г-н Тейлор приводит теперь место из речи Гладстона так, как оно цитировано на стр. 678 и 679 «Капитала», параллельно с этим же самым местом по отчету не «Хансарда», а «Times».

«Читателям писем Маркса из его переписки с Брентано будет понятно, почему я пользуюсь отчетом «Times» вместо отчета «Хансарда»».

Но мы уже видели, что г-н Тейлор не принадлежит к этим «читателям». Почему он так действует, может быть понятно другим, но едва ли ему самому, если верить его собственной аргументации.

Во всяком случае, мы теперь перешли от непогрешимого «Хансарда» к тому же самому отчету, по поводу использования которого анонимный Брентано («Concordia», та же самая страница 210) упрекает моего отца за то, что он пользуется «неизбежно скверными газетными отчетами». Одно несомненно: «почему» г-на Тейлора должно быть «понятно» для его друга Брентано.

Для меня это «почему» в самом деле очень понятно. Слова, в присочинении которых был обвинен мой отец («увеличение,

всецело ограничивающееся имущими классами»), — эти слова находятся в отчете как «Times», так и других ежедневных газет, между тем как в «Хансарде» они не только «наспех выправлены», но вовсе «выброшены». Этот факт был установлен Марксом. Г-н Тейлор, который в своем письме в «Times» еще ужасно возмущался такой непростительной «дерзостью», теперь сам принужден отказаться от непогрешимого «Хансарда» и искать защиты в «неизбежно скверном», по словам Брентано, отчете «Times». Перейдем теперь к самой цитате. Г-н Тейлор обращает наше особое внимание на два подчеркнутые им места. В первом из них он соглашается:

«здесь, правда, есть словесное противоречие в сравнении со следующей фразой: «Увеличение... имущими классами», но стоящие между ними слова «здесь совершенно не принято... населения» показывают, что не может оставаться никакого сомнения относительно того, что имел в виду г-н Гладстон» и т. д.

Здесь мы явно попадаем в область теологии. Это хорошо известный стиль ортодоксального толкования библии. Это место действительно заключает в себе противоречие, но если его толковать согласно с истинной верой христианина, то можно убедиться, что его смысл не противоречит истинной вере. Если г-н Тейлор толкует г-на Гладстона таким же образом, как Гладстон толкует библию, то он не может рассчитывать ни на каких сторонников, кроме ортодоксов.

Но все же г-н Гладстон в этом частном случае либо говорил по-английски, либо нет. Если нет, то нам не поможет никакое цитирование и никакое толкование. Если да, то в таком случае он сказал, что ему было бы очень жаль, если бы это ошеломляющее увеличение мощи и богатства ограничивалось состоятельными классами, но оно всецело ограничено имущими классами. Это именно и цитировал Маркс.

Второе место представляет одну из тех избитых фраз, которые с незначительными изменениями повторяются в каждой британской бюджетной речи, за исключением плохих времен. Что Маркс думал об этом и обо всей речи, показывает следующее извлечение из его второго ответа анонимному клеветнику:

«Пропев свой гимн преумножению капиталистического богатства, Гладстон переходит к рабочему классу. Он отнюдь не говорит, что рабочий класс получил свою долю в «ошеломляющем увеличении богатства и мощи». Напротив, по отчету «Times», следующие слова, произнесенные Гладстолом, таковы: «Но увеличение капитала представляет косвенную выгоду для рабочих и т. д.». Далее он утешает себя тем, «что в то время

как богатые стали богаче, бедные стали менее бедны». Наконец, он уверяет, что он и его разбогатевшие парламентские друзья «так счастливы знать» то, о чем парламентские расследования и статистические показания сообщают противоположное, а именно,

«что положение британского рабочего в среднем за последние 20 лет улучшилось в такой, как мы знаем, необычайной степени, которую мы можем объявить почти беспримерной в истории всех стран и времен».

До г-на Гладстона все его предшественники по должности в своих бюджетных речах бывали «так счастливы» дополнить описание роста капиталистического богатства самодовольными речами об улучшении положения рабочего класса. Несмотря на это, он всех их обвиняет во лжи, так как тысячелетнее царство наступило только со времени введения законов о свободе торговли. Здесь, однако, дело не в правильности или неправильности имеющихся у Гладстона оснований утешать себя или поздравлять себя. Здесь речь идет просто о том, что якобы «необычайное» улучшение положения рабочего класса решительно не противоречит, с его точки зрения, «ошеломляющему увеличению богатства и мощи, которое всецело ограничивается имущими классами». Напротив, ортодоксальное учение апологетов капитала, — а одним из его наилучше оплачиваемых апологетов является г-н Гладстон, — и заключается в том, что самое испытанное средство для рабочих улучшить свое положение состоит в обогащении своих эксплуататоров» («Volksstaat» № 63, 7 августа 1872 г.).

Чтобы доставить удовольствие г-ну Тейлору, добавим, что упомянутое место из речи Гладстона целиком приведено в Учредительном Манифесте на стр. 5, непосредственно перед спорной цитатой. А разве не это г-н Тейлор ставил первоначально в вину Манифесту? Разве от него так же невозможно добиться указания на подлинные источники, как невозможно получить какое-нибудь разумное основание от Догбери?

«Постоянные вопиющие противоречия в бюджетных речах Гладстона» являются предметом примечания 105 на той же странице (679) «Капитала», к которой отсылает нас г-н Тейлор. Действительно, очень похоже, что Маркс специально старался по своей mala fides устранить одно из этих противоречий! В действительности Маркс не опустил ничего заслуживающего упоминания и решительно ничего не «присочинил». Но он восстановил и спас от забвения одну фразу гладстоновской речи, которая, несомненно, была сказана, но каким-то образом сумела улетучиться из отчета «Хансарда».

Элеонора Маркс

IV
ЭНГЕЛЬС И БРЕНТАНО

№12. ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ ЭНГЕЛЬСА К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ I ТОМА «КАПИТАЛА» МАРКСА[182]

Полная проверка многочисленных цитат оказалась необходимой для вышедшего за это время английского издания. Младшая дочь Маркса, Элеонора, взяла на себя труд отыскать все цитированные места в оригиналах, чтобы английские цитаты, которые составляют подавляющее большинство, появились не в виде обратного перевода с немецкого, а в том виде, какой они имели в подлинном английском тексте. Я должен был, таким образом, в четвертом издании принять во внимание этот восстановленный текст. Кое-где при этом оказались маленькие неточности: ошибочные ссылки на страницы, объясняемые частью описками при копировании из тетрадей, частью опечатками, накопившимися в течение трех изданий; неправильно поставленные кавычки или знаки пропуска — погрешность, совершенно неизбежная при массовом цитировании из тетрадей с выписками; в некоторых случаях при переводе цитаты выбрано не совсем удачное слово. Некоторые места цитированы по старым тетрадям, составленным в Париже в 1843—1845 гг., когда Маркс еще не знал английского языка и читал английских экономистов во французском переводе; там, где вследствие двойного перевода смысл цитаты приобрел несколько иной оттенок, — например цитаты из Стюарта, Юра и т. д., — я воспользовался английским текстом. Таковы же и другие мелкие неточности и погрешности. Сравнив четвертое издание с предыдущими, читатель убедится, что весь этот кропотливый процесс проверки не внес в книгу ни малейшего изменения, которое заслуживало бы упоминания. Только одной цитаты не удалось найти вовсе, а именно из Ричарда Джонса (стр. 562 четвертого издания, примечание 47); Маркс, по всей вероятности, ошибся в заглавии книги[183]. Доказательная сила всех остальных цитат сохранилась вполне или даже усилилась в их теперешнем более точном виде.

Но здесь я вынужден вернуться к одной старой истории.

Мне лично известен лишь один случай, когда была подвергнута сомнению правильность приведенной Марксом цитаты. Но так как историю с этой цитатой поднимали и после смерти Маркса, я не могу обойти ее молчанием.

В берлинском журнале «Concordia», органе союза немецких фабрикантов, появилась 7 марта 1872 г. анонимная статья под заглавием «Как цитирует Карл Маркс». Автор этой статьи, излив необычайно обильный запас морального негодования и непарламентских выражений, заявляет, будто Маркс исказил цитату из бюджетной речи Гладстона, произнесенной 16 апреля 1863 г. (цитата приведена в Учредительном Манифесте Международного Товарищества Рабочих в 1864 г. и повторена в «Капитале», т. I, стр. 617 четвертого изд., стр. 671 третьего издания). В стенографическом (квазиофициальном) отчете «Хансарда», говорит автор упомянутой статьи, нет и намека на цитируемую Марксом фразу: «это ошеломляющее увеличение богатства и мощи... всецело ограничивается имущими классами». «Но этой фразы нет в речи Гладстона. В ней сказано как раз обратное» (и далее жирным шрифтом): ***«Маркс формально и по существу присочинил эту фразу»***.

Маркс, которому этот номер «Concordia» был прислан в мае, ответил анониму в «Volksstaat» в номере от 1 июня. Так как он не мог припомнить, из какого газетного отчета он взял свою цитату, он ограничился тем, что привел совершенно аналогичные по смыслу цитаты из двух английских изданий и затем цитировал отчет «Times», согласно которому Гладстон сказал:

> «Таково состояние нашей страны с точки зрения богатства. Я должен признаться, что я почти с тревогой и болью взирал бы на это ошеломляющее увеличение богатства и мощи, если бы был уверен, что оно ограничивается только состоятельными классами. Здесь совершенно не принято во внимание положение рабочего населения. Увеличение, которое я только что описал, основываясь на данных, на мой взгляд совершенно точных, всецело ограничивается имущими классами».

Итак, Гладстон говорит здесь, что ему было бы больно, если бы это было так, но в действительности это *именно* так: это ошеломляющее увеличение мощи и богатства всецело *ограничивается* имущими классами; что же касается квазиофициального «Хансарда», то Маркс говорит далее: «Г-н Гладстон был столь благоразумным, что выбросил из этой состряпанной задним числом редакции своей речи местечко, несомненно компрометирующее его как английского канцлера казначейства; это, впрочем, обычная в Англии парламентская традиция, а вовсе не изобретение крошки Ласкера, направленное против Бебеля».

Но аноним раздражается все сильнее и сильнее. В своем ответе («Concordia», 4 июля) он отводит все источники из вторых рук, целомудренно настаивает на «обычае» цитировать парламентские речи лишь по стенографическим отчетам; но, уверяет он дальше, отчет «Times» (в котором имеется «присочиненная» фраза) и отчет «Хансарда» (где этой фразы нет) «по содержанию вполне согласуются между собой», отчет «Times» также, мол, заключает в себе заявление, «прямо противоположное пресловутому месту из Учредительного Манифеста», причем этот господин старательно замалчивает тот факт, что рядом с этим будто бы «прямо противоположным» заявлением стоит как раз «пресловутое место». Несмотря на все это, аноним чувствует, что он попался и что только новая уловка может его спасти. Свою статью, изобилующую, как только что было доказано, «наглой ложью», он начиняет самой отборной руганью, вроде: «mala fides»*, «бесчестность», «лживые ссылки», «эта лживая цитата», «наглая ложь», «целиком сфальсифицированная цитата», «эта фальсификация», «просто бесстыдно» и т. д. Но в то же время он старается незаметным образом перевести спорный вопрос в новую плоскость и обещает «показать в другой статье, какое значение придаем мы» (т. е. «нелживый» аноним) «содержанию слов Гладстона». Как будто бы его совершенно безразличное для всех мнение имеет какое-нибудь отношение к делу! Эта другая статья появилась в «Concordia» 11 июля.

Маркс еще раз ответил в «Volksstaat» от 7 августа, процитировав соответствующее место из «Morning Star» и «Morning Advertiser» от 17 апреля 1863 года. Согласно обоим этим источникам, Гладстон сказал, что он смотрел бы с тревогой и т. д. на ошеломляющее увеличение богатства и мощи, если бы был уверен, что оно *ограничивается* только состоятельными классами (classes in easy circumstances), но что увеличение это действительно касается только классов, владеющих собственностью (entirely confined to classes possessed of property); таким образом, и в этих отчетах буквально повторяется фраза, будто бы «присочиненная» Марксом. Далее Маркс путем сравнения текстов «Times» и «Хансарда» устанавливает еще раз, что фраза, подлинность которой с полной очевидностью доказывается буквальным совпадением в данном пункте отчетов трех вышедших на следующее утро не зависимых друг от друга газет, — что эта фраза отсутствует в отчете «Хансарда», просмотренном оратором согласно известному «обычаю», что Гладстон, употребляя выражение Маркса, «выкрал ее задним числом»; в заключе-

* — недобросовестность. *Ред.*

ние Маркс заявляет, что у него нет времени для дальнейшей полемики с анонимом. Последний также, кажется, получил достаточно, по крайней мере больше Марксу не присылали номеров «Concordia».

Инцидент казался окончательно исчерпанным и забытым. Правда, с тех пор раз или два от людей, имевших связи с Кембриджским университетом, до нас доходили таинственные слухи о чудовищном литературном прегрешении, якобы совершенном Марксом в «Капитале»; однако, несмотря на всю тщательность изысканий в этом направлении, не удавалось установить решительно ничего определенного. Но вот 29 ноября 1883 г., через 8 месяцев после смерти Маркса, в «Times» появляется письмо из колледжа Тринити в Кембридже, подписанное Седли Тейлором, в котором этот человечек, занимающийся самым кротким кооператорством, совершенно неожиданно доставил нам, наконец, разъяснение не только относительно сплетен Кембриджа, но и относительно лица, скрывающегося за анонимом из «Concordia».

«Представляется особенно поразительным», — пишет человечек из колледжа Тринити, — «что *профессору Брентано* (тогда занимавшему кафедру в Бреславле, а теперь в Страсбурге) удалось... разоблачить ту mala fides, которая, несомненно, продиктовала цитату из речи Гладстона в» (Учредительном) «Манифесте Интернационала. Г-н Карл Маркс... пытавшийся защищать цитату, был быстро сражен мастерскими ударами Брентано и уже в предсмертных судорогах (deadly shifts) имел смелость утверждать, что г-н Гладстон состряпал отчет для «Хансарда» после того, как его речь в подлинном виде появилась в «Times» от 17 апреля 1863 г., и что он выкинул одно место, компрометирующее его как английского канцлера казначейства. Когда Брентано доказал путем подробного сличения текстов, что отчеты «Times» и «Хансарда» совпадают, абсолютно исключая тот смысл, который был придан словам Гладстона ловко выхваченными отдельными цитатами, тогда Маркс отказался от дальнейшей полемики под предлогом недостатка времени!»

«Так вот кто в пуделе сидел!»* И какой великолепный вид приняла в производственно-кооперативной фантазии Кембриджа анонимная кампания г-на Брентано в «Concordia». Вот так стоял он, этот Георгий Победоносец союза немецких фабрикантов, так взмахивал шпагой**, нанося «мастерские удары», а у ног его «в предсмертных судорогах» испускал дух «быстро сраженный» адский дракон Маркс!

И, тем не менее, все это описание битвы в стиле Ариосто служит лишь для того, чтобы замаскировать уловки нашего Георгия Победоносца. Здесь уже нет речи о «присочиненной

* Гёте. «Фауст», часть I, сцена третья («Кабинет Фауста»). *Ред.*

** Перефразированные слова Фальстафа из драматической хроники Шекспира «Король Генрих IV» (часть I, акт II, сцена четвертая). *Ред.*

лжи», о «фальсификации», но говорится лишь о «ловком выдергивании цитат» (craftily isolated quotation). Весь вопрос переносится в совершенно иную плоскость, и Георгий Победоносец со своим кембриджским оруженосцем очень хорошо понимают, почему это делается.

Элеонора Маркс ответила Тейлору в ежемесячнике «To-Day» (февраль 1884 г.), так как «Times» отказалась принять ее статью. Она прежде всего вернула полемику к тому единственному пункту, о котором шла речь: «присочинил» Маркс упомянутую фразу или нет? Г-н Седли Тейлор ответил на это, что, по его мнению, в споре между Марксом и Брентано

«вопрос о том, имеется или нет эта фраза в речи Гладстона, играл совершенно второстепенную роль по сравнению с вопросом, сделана ли цитата с намерением передать смысл слов Гладстона или исказить его».

Он соглашается далее, что отчет «Times» «действительно заключает в себе словесное противоречие», но весь контекст, будучи истолкован правильно, то есть в либерально-гладстоновском смысле, мол, показывает, что Гладстон *хотел* сказать («To-Day», март 1884 г.). Самое комичное здесь то, что наш человек из Кембриджа упорно цитирует речь *не* по «Хансарду», что, согласно анонимному Брентано, является «обычаем», а по «Times», отчет которой, согласно тому же Брентано, «по необходимости небрежен». Да и как же иначе? Ведь фатальной фразы *нет* в «Хансарде»!

Элеоноре Маркс не стоило большого труда развенчать эту аргументацию на страницах того же самого номера «To-Day». Одно из двух. Или г-н Тейлор читал полемику 1872 г., тогда он теперь «лжет», причем ложь его заключается не только в «присочинении» того, чего не было, но и в «отрицании» того, что было. Или он вовсе не читал этой полемики, тогда он не имел права раскрывать рта. Как бы то ни было, он уже не осмелился поддерживать обвинения своего друга Брентано, что Маркс «присочинил» цитату. Наоборот, Маркс обвиняется теперь уже не в том, что он «присочинил», а в том, что он выкинул одну важную фразу. Но в действительности эта фраза цитирована на пятой странице Учредительного Манифеста несколькими строками раньше той, которая будто бы «присочинена». Что же касается «противоречия», заключающегося в речи Гладстона, то кто же иной, как не Маркс, говорит (стр. 618 «Капитала», прим. 105, стр. 672 третьего изд.) о «повторяющихся вопиющих противоречиях в бюджетных речах Гладстона за 1863 и 1864 годы»! Он только не пытается a la Седли Тейлор растворять эти противоречия в либеральном прекраснодушии. Заклю-

чительное резюме ответа Э. Маркс гласит: «В действительности Маркс не опустил ничего заслуживающего упоминания и решительно ничего не «присочинил». Но он восстановил и спас от забвения одну фразу гладстоновской речи, которая несомненно была сказана, но каким-то образом сумела улетучиться из отчета «Хансарда»».

После этого угомонился и г-н Седли Тейлор. Результатом всего этого профессорского похода, растянувшегося на два десятилетия и охватившего две великие страны, было то, что никто уже более не осмеливался затронуть литературную добросовестность Маркса. Надо думать, что впредь г-н Седли Тейлор будет столь же мало верить литературным победным реляциям г-на Брентано, как г-н Брентано — папской непогрешимости «Хансарда».

Лондон, 25 июня 1890 г.

Ф. Энгельс

№ 13. ОТВЕТ БРЕНТАНО

«Моя полемика с Карлом Марксом», Берлин, 1890 г., стр. 3—5

28 сентября 1864 г. в Лондоне в Сент-Мартинс-холле, Лонг-Эйкр, происходило публичное собрание, на котором были представлены англичане, немцы, французы, поляки и итальянцы. Карл Маркс предложил этому собранию Временный Устав международной рабочей организации, которую предстояло основать, а также составленный им Учредительный Манифест этой организации. Оба документа были приняты единогласно, и Учредительный Манифест обошел весь мир. В Манифесте имелась цитата из бюджетной речи Гладстона от 16 апреля 1863 г., которая вызвала больше внимания, чем все прочие содержавшиеся в нем данные:

«Ослепленный пляской статистических цифр в отчетах о «прогрессе нации», канцлер казначейства восклицает в диком восторге: «С 1842 по 1852 г. подлежащий обложению доход страны повысился на 6%, за восемь лет, с 1853 по 1861 г., он повысился, если принять за основу доход 1853 г., на 20%! Факт столь поразительный, что он представляется почти невероятным!.. Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи», — добавляет г-н Гладстон, — «всецело ограничивается имущими классами»».

Зимой 1871/72 г., занятый подготовкой второго тома моей работы «Современные рабочие гильдии»[184], я должен был исследовать (ср. там же, т. II, стр. 241), насколько соответствует фактам столь часто повторяемый аргумент, что повышение заработной платы уменьшает в дальнейшем спрос на труд. В предшествующие десятилетия этот аргумент постоянно выставлялся против английских профессиональных союзов, когда они требовали повышения заработной платы. Тогда я вспомнил о цитате из бюджетной речи Гладстона. Но я находил невозможным ссылаться на Манифест Интернационала и на соответствующее место из «Капитала» Маркса, т. I, 1867, стр. 639, как это делали многие другие. Я взял стенографический отчет о бюджетной речи Гладстона и нашел, что, хотя он и показывает, что повышение заработной платы за период 1842—1861 гг. нисколько не задержало роста доходов имущих и ни в малейшей степени

не уменьшило их спроса на труд, однако же Гладстон, в прямую противоположность утверждению Карла Маркса, сказал: «Цифры, которые я приводил, мало или совершенно не принимают во внимание положение тех, которые не платят подоходного налога... имущество рабочего населения и рост его дохода... Но если мы будем рассматривать в среднем положение британского рабочего, будь то крестьянин или горнорабочий, необученный или обученный рабочий, то мы увидим из многочисленных и несомненных свидетельств, что за последние двадцать лет произошло такое увеличение его средств к жизни, которое мы имеем основание считать почти беспримерным в истории всех стран и всех времен».

Ввиду большого значения, какое имела цитата из речи Гладстона для утверждения социал-демократов, что в пределах существующего государственного и общественного строя богатые неизбежно становятся все богаче, а бедные неизбежно становятся все беднее, я обратил внимание редакции выходившей в Берлине «Concordia» «Журнал по рабочему вопросу» на имевшую здесь место фальсификацию. Последняя предложила мне написать об этом статью, которая появилась в «Concordia» 7 марта 1872 года. Статья не была мною подписана; это было сделано, с одной стороны, по желанию редакции в интересах престижа ее газеты, с другой стороны, я тем менее мог против этого возражать, что после той литературной полемики, которую Маркс вел прежде, можно было ожидать, что он и на этот раз будет осыпать своего противника личными оскорблениями и что поэтому было бы лишь забавно оставить его в неведении относительно личности его противника.

По прошествии четверти года Маркс ответил в «Volksstaat». Из дальнейшего хода полемики вытекало, что Маркс не сам совершил фальсификацию, а заимствовал фальсифицированную цитату из пасквиля, появившегося анонимно в 1864 г. и озаглавленного «Теория вексельного курса. Банковский акт 1844 года. Злоупотребление принципом металлического обмена в связи с обесценением. Парламент, отраженный в дебатах, приложение к книге «Биржа и отмена акта сэра Дж. Бернарда»», Лондон, Т. Котли Ньюби, 30, Уэлбек-стрит, 1864 года. Это произведение упрямого Терсита состоит в значительной части из искаженных цитат из политико-экономических произведений и речей с вкрапленными между ними латинскими, английскими и французскими стихами и другими комментариями, служащими для издевательства. При таком характере книга, понятно, осталась совершенно неизвестной.

Если бы теперь Маркс просто признал, что он был введен в заблуждение этой книгой, и стал бы приводить после этого правильную цитату, то, правда, можно было бы удивляться тому, что он полагался на подобные источники, но ошибка была бы, по крайней мере, исправлена. Однако об этом у него не было и речи. К тому же при том широком распространении, которое получил Учредительный Манифест, устранение этого блестящего пункта вследствие исправления цитаты принесло бы большой ущерб агитации. Ведь одним из главных агитационных средств социал-демократии является то, что ее представители считают себя единственными обладателями истинной науки, и, как показал съезд в Галле, скорее готовы обвинить себя в том, что, сознавая ложность железного закона заработной платы, использовали его исключительно как агитационное средство, нем признать свою ошибку. Поэтому вместо того, чтобы отречься от своей цитаты, Маркс старался доказать, что Гладстон задним числом состряпал стенографический отчет своей бюджетной речи; грубости своей шутовской полемики он направил теперь против предполагаемого фабриканта, который при содействии английского делового друга хотел его немного поддеть, а когда было доказано, что и «Times» в своем номере,

вышедшем на следующее утро после того вечера, когда Гладстон произнес свою речь, поместил отчет об этой речи, который по смыслу совпадал со стенографическим отчетом, он поступил, как писала редакция «Concordia», подобно каракатице, выпускающей в воду черную жидкость, чтобы сделать воду мутной и затруднить своему противнику преследование, то есть он изо всех сил старался затемнить предмет спора, придираясь к не имеющим никакого значения пустякам; и, наконец, он ретировался, заявив, что из-за «недостатка времени» «он не может продолжать этой полемики». И он не ответил в свое время на помещенную мною в «Concordia» от 22 августа 1872 г. критику его второго ответа.

Тот факт, что я был автором статей в «Concordia» от 7 марта, 4 и 11 июля и 22 августа 1872 г., был многим известен, и во втором издании истории социал-демократии Меринга[185], вышедшем еще при жизни Маркса, я был официально назван их автором. Седли Тейлор из колледжа Тринити, Кембридж, обративший внимание на этот вопрос, изучил эту полемику и написал по этому поводу письмо в «Times». Это заставило выступить дочь умершего к тому времени Маркса, Элеонору Маркс, которая в социалистическом ежемесячнике «To-Day» за март 1884 г. не только защищала лояльность своего отца, но закончила замечанием, что ее отец восстановил и спас от забвения одну фразу, гладстоновской речи, которая-де, несомненно, была сказана, но каким-то образом сумела улетучиться из стенографического отчета «Хансарда».

Уже в то время я имел в виду ответить на это упорное отстаивание неправильной цитаты дословной перепечаткой всей полемики. Однако редакции часто имеют свое собственное мнение; специальный журнал, который я считал для этого наиболее подходящим по сравнению с другими, отказался от перепечатки, заявив, что спор этот лишен общего интереса. Энгельс был, очевидно, другого мнения. В предисловии к подготовленному им четвертому изданию первого тома «Капитала» он возвращается к этой полемике, но сообщает о ней в такой форме, при которой, понятное дело, не обнаруживается проявленная в ней недобросовестность Маркса. Кроме того, он сохранил в неизменном виде то место в «Капитале» (т. I, 4 изд., стр. 617), где Маркс приписывает Гладстону противоположное тому, что он действительно сказал; более того, между тем как Маркс в первом издании для своей цитаты ссылается просто: «Гладстон в палате общин 16 апреля 1863 г.», четвертое издание прибавило к этой ссылке еще ««Morning Star», 17 апреля 1863 г.», как будто отчет этой газеты содержит эту цитату в такой формулировке, в какой передал ее Маркс! Но и отчет «Morning Star» содержит все те пропущенные брошюрой «Теория вексельного курса», а за нею и Марксом, фразы, которые показывают, что там, где Гладстон говорит в своей бюджетной речи о данных подоходного налога, он говорит только о доходе тех, которые платят налог, противопоставляя их тем, которые, получая меньший доход, освобождены от этого налога; что на основании списков подоходного налога он констатирует ошеломляющее увеличение богатства и мощи и вместе с тем замечает, что констатированный на основании этих списков прирост доходов относится только к лицам состоятельным, нто совершенно естественно, так как доход остальных не внесен в эти списки; но что он, однако, *не* думает, что этот прирост ограничивается этими классами, так как из других источников известно, что одновременно положение британского рабочего улучшилось в такой степени, какой оно не достигло ни в одной стране и ни в какие времена...

(Остальное не имеет ничего общего с обвинениями и является простым «Приложением к вопросу» и т. д. — *Ф. Энгельс.)*

№ 14. ИЗ ПРИЛОЖЕНИЙ К ОТВЕТУ БРЕНТАНО

а) Из «Теории вексельного курса», Лондон, 1864, стр. 134.

«С 1842 по 1852 г. подлежащий обложению доход страны повысился на 6 процентов... за восемь лет, с 1853 по 1861 г., он повысился, если принять за основу 1853 г., на 20 процентов! Мой уважаемый друг говорит, что это произошло благодаря австралийскому золоту. Мне очень жаль, лто он впал в глубокую ересь по вопросу о золоте. Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами, но оно должно принести косвенную выгоду и рабочему населению, потому что оно удешевляет предметы всеобщего потребления, — в то время как богатые стали богаче, бедные во всяком случае стали менее бедны! Однако я не решусь утверждать, что крайности бедности уменьшились».

«Voila l'homme en effet. Il va du blanc au noir.
Il condamne au matin ses sentiments du soir.
Importun a tout autre, a lui meme incommode,
Il change a tous moments d'esprit comme de mode»*.

«Положение британского рабочего в среднем за последние 20 лет улучшилось в такой степени, которую мы признаем необычайной и беспримерной в истории всех стран и времен, это предмет величайшего удовлетворения, потому что и т. д... едва ли заработки доставляли достаточное количество предметов первой необходимости»...

Для установления связи между «Теорией вексельного курса» и рассмотренными выводами в «Капитале» Маркса (т. I, 1 изд., стр. 639) заслуживает внимания следующее. Противопоставив фразе Гладстона: «Однако я не решусь утверждать, что крайности бедности уменьшились», приведенные в этом месте из «Теории вексельного- курса» данные лондонского сиротского приюта, Маркс выступает против бюджетной речи Гладстона от 7 апреля 1864 года; «Теория вексельного курса» содержит приложение, в котором в виде добавления к только что перепечатанным страницам тоже комментируется бюджет 1864 года. Там тот же стиль, который уже достаточно хорошо известен из предыдущего. В этом экскурсе мы находим следующее место (стр. 234):

«Но канцлер красноречив насчет «бедности»... «Подумайте о тех, которые находятся на краю этой области... Заработная плата... в других отраслях, правда, не увеличилась... Человеческая жизнь в девяти случаях из десяти есть просто борьба за существование»».

Теперь сравним с этим Маркса (т. I, 1 изд., стр. 640; 4 изд., стр. 618). Здесь опять вместо передачи самой бюджетной речи буквально та же самая мозаика вырванных из общей связи фраз, как в «Теории вексельного курса». И здесь он опять-таки ссылается в качестве источника не на нее, а прямо на речь Гладстона в палате общин 7 апреля 1864 года. А затем далее говорится: «Постоянные вопиющие противоречия в бюджетных речах Гладстона за 1863 и 1864 гг. один английский писатель характеризует следующей цитатой из Мольера» (следует вышеприведенное четверостишие Мольера).

Ясно, что Маркс заимствовал из этой книги не только цитату из Мольера, но также и придуманные автором «Теории вексельного курса» «постоянные вопиющие противоречия в бюджетных речах Гладстона».

---

* Перевод стихов см. в примечании 167. *Ред.*

b) Энгельс, как было уже сказано во введении к этой перепечатке, прибавил в четвертом издании первого тома «Капитала» Маркса на стр. 617 к приведенной по-прежнему неправильно цитате из бюджетной речи Гладстона ссылку на «Morning Star» от 17 апреля 1863 года. Спорное место этой речи было уже передано выше на стр. 8—9 по стенографическому отчету «Хансарда». Хотя на стр. 13 уже было сделано сопоставление с точно совпадающим по смыслу «Хансардом» и лишь более сжатым для газеты отчетом «Times», мы все же сопоставляем здесь еще раз отчет «Times» и отчет в упоминаемом Энгельсом «Morning Star» с буквальным текстом цитаты у Маркса:*

The Times, April 17, 1863	*The Morning Star*, April 17, 1863	*Das Kapital,* I. Aufl., S. 639, Note 103
		«From 1842 to 1852 the taxable income of the country
«In ten years, from 1842 to 1852 inclusive, the taxable income of the country, as nearly as we can make out, increased by 6 per cent; but in eight years, from 1853 to 1861, the income of the country again increased from the basis taken by 20 per cent. That is a fact so strange as to be almost incredible...		increased by 6 per cent. In the eight years from 1853 to 1861, it had increased from the basis taken in 1853, 20 per cent! The fact is so astonishing as to be almost incredible...
I must say for one, I should look almost with apprehension and with pain upon this intoxicating augmentation of wealth and power, if it were my belief that it was confined to the classes who are in easy circumstances. This takes no cognizance at all of the condition of the labouring population.	«*I must say, for one, I should look with apprehension and with pain upon this intoxicating augmentation of wealth and power, if it were my belief that it was confined to the classes who are in easy circumstances.* This great increase of wealth takes no cognizance at all of the condition of the labouring population.	... This intoxicating augmentation of wealth and power
The augmentation I have described, and which is founded, I think upon accurate returns, is an augmentation entirely confined to classes of property. Now, the augmentation of capital is of indirect	The augmentation is an augmentation entirely confined to classes of property. But that augmentation must be of indirect benefit to the labouring population, because it cheapens	is entirely confined to classes of property, but must be of indirect benefit to the labouring

* Переводы цитат из «Times» и из «Капитала» см. на стр. 168—169 и 142 настоящего тома. Текст цитаты из «Morning Star» аналогичен тексту «Times». *Ред.*

benefit to the labourer, because it cheapens the commodity which in the business of production comes into direct competition with labour. (Hear, hear.) But we have this profound, and, I must say, inestimable consolation, that while the rich have been growing richer the poor have been growing less poor. Whether the extremes of poverty are less extreme than they were I do not presume to say, *but the average condition of the British labourer, we have the happiness to know, has improved during the last twenty years in a degree which we know to be extraordinary, and which we may almost pronounce to be unexampled in the history of any country and of any age.* (Cheers.)

the commodities which go to the general consumption. So that we have this profound, and I almost say, inestimable consolation while the rich have been growing richer, the poor have been growing less poor. (Hear, hear.) At any rate, whether the extremes are less than they were I do not presume to say, *but the average condition of the British labourer, we have the happiness to know to be extraordinary, and that we may almost pronounce it to be unexampled in the history of any country or any age.* (Cheers.)

population, because it cheapens the commodities of general consumption —
while the rich have been growing richer, the poor have been growing less poor! At any rate, whether the extremes of poverty are less, I do not presume to say».

Здесь, в середине фразы, как показывает вышеприведенная перепечатка, «Теория вексельного курса» обрывает цитату, чтобы вставить цитату из Мольера; Маркс, который, как показывает сопоставление, ни в коем случае не мог взять цитату из «Morning Star», а, обозначив точками пропущенное *им* место, заимствовал его дословно из «Теории вексельного курса», заставляет Гладстона закончить в середине фразы...

Из настоящего сопоставления ясно, что произвольно составленная мозаика вырванных из общей связи фраз, которую Маркс дает как бюджетную речь Гладстона, не находится ни в «Morning Star», ни в «Times», ни в «Хансарде», а ее можно найти только в «Теории вексельного курса». Приведенные выше фразы курсивом — это именно те, которые Генри Рой и — сравни последнюю фразу — тем более Карл Маркс пропустили, чтобы приписать Гладстону противоположное тому, что он сказал.

№ 15. ИЗ ПАРЛАМЕНТСКИХ ОТЧЕТОВ ЛОНДОНСКОЙ ПРЕССЫ ОТ 17 АПРЕЛЯ 1863 г.*

«Morning Herald». I may say that I for one would look with fear and apprehension at this intoxicating increase of wealth if I were of opinion that it is confined to the classes in easy circumstances. This great increase of wealth which I have described, and which is founded on accurate returns is confined entirely to the augmentation of capital, and takes no account of the poorer classes.

«Morning Post». I may say, I for one, would look with fear and apprehension when I consider this great increase of wealth if I believed that its

* Перевод приводимых цитат из газет см. на стр. 108 настоящего тома. *Ред.*

benefits were confined to the classes in easy circumstances. This augmentation of wealth which I have described, and which is founded on accurate returns is confined entirely to the augmentation of capital, and takes no account of the augmentation of wealth of the poorer classes.

«Daily Telegraph». I may say for one, that I should look almost with apprehension and alarm on this intoxicating augmentation of wealth and power if it were my belief that it was confined to the masses who are in easy circumstances. This question to wealth takes no cognizance at all of the condition of the labouring population. The augmentation stated is an augmentation entirely confined to the classes possessed of property.

«Daily News». I may say that I for one would look with tear and apprehension when I consider this great increase of wealth if I believed that its benefits were confined to the classes in easy circumstances. This augmentation of wealth which I have described, and which is founded upon accurate returns, is confined entirely to the augmentation of Capital, and takes no account of the augmentation of wealth of the poorer classes.

«Standard». I may say that I for one would look with fear and apprehension at this intoxicating increase of wealth if I were of the opinion that it was confined to the classes in easy circumstances. This great increase of wealth which I have described, and which is founded on the accurate returns is confined entirely to the augmentation of Capital, and takes no account of the poorer classes.

№ 16. ГЛАДСТОН — БРЕНТАНО

«Deutsches Wochenblatt»[186] № 49, 4 декабря 1890 г.

Сообщение

В № 45 «Deutsches Wochenblatt» профессор Луйо Брентано опубликовал статью «Моя полемика с Карлом Марксом», которая служила в то же самое время введением к перепечатке этой полемики в виде отдельной брошюры. В этой полемике главную роль играет одна парламентская речь, произнесенная в 1863 г. Гладстоном и переданная в искаженной форме Марксом в его Учредительном Манифесте при основании международной рабочей организации.

Очевидно, что самым компетентным лицом в решении спора о тексте речи Гладстона является сам Гладстон. Поэтому имеет особый интерес, что Гладстон в связи с перепечаткой полемики Брентано с Марксом послал два письма Брентано. 22 ноября Гладстон пишет Брентано: «Вы совершенно правы, а Маркс абсолютно неправ», а 28 ноября он пишет: «Я не вносил никаких изменений». Благодаря этому дело, которое проливает характерный свет на социал-демократический способ доказательства, можно считать окончательно решенным не в пользу социал-демократической точки зрения.

Раскрытие обмана явилось заслугой Брентано, и весьма своевременно было именно теперь напомнить об этом споре.

О. А.

№ 17. ОТВЕТ ЭНГЕЛЬСА НА № 16

«Neue Zeit» № 13, 1891, стр. 425

По вопросу Брентано contra Маркс[187]

В моем предисловии к четвертому изданию I тома «Капитала» Маркса я был принужден сообщить об анонимной кампании,

которую в свое время вел г-н Луйо Брентано против Маркса, выдвинув обвинение, будто Маркс сфальсифицировал цитату из одной речи Гладстона.

На это Брентано ответил в брошюре «Моя полемика с Карлом Марксом». Луйо Брентано, Берлин, Вальтер и Аполант, 1890. Я не замедлю дать ему ответ на это.

Между тем в № 49 от 4 декабря 1890 г. «Deutsches Wochenblatt» напечатана еще одна заметка по этому поводу, в которой сказано:

«Очевидно, что самым компетентным лицом в решении спора о тексте речи Гладстона является сам Гладстон. Поэтому имеет особый интерес, что Гладстон в связи с перепечаткой полемики Брентано с Марксом послал два письма Брентано. 22 ноября Гладстон пишет Брентано: «Вы совершенно правы, а Маркс абсолютно неправ», а 28 ноября он пишет: «Я не вносил никаких изменений»».

Что это должно означать? *В чем* «Вы совершенно правы» и *в чем* «Маркс абсолютно неправ»? *Во что* «я не вносил никаких изменений»? В том виде как это здесь дано, это может означать и все и ничего. Почему сообщение г-на Брентано ограничивается этими двумя короткими фразами?

Либо г-н Гладстон не позволил ему напечатать письма целиком. В таком случае это достаточное доказательство того, что они ничего не доказывают.

Либо же г-н Гладстон с самого начала написал эти письма для их опубликования и разрешил г-ну Брентано воспользоваться ими по своему усмотрению. В таком случае опубликование *только* этих ничего не говорящих извлечений именно и доказывает, что показание Гладстона в целом для г-на Брентано бесполезно, а потому и было им «состряпано» в вышеуказанном виде.

Чтобы знать, какое значение имеют две вышеприведенные фразы, мы должны были бы видеть не только оба письма г-на Гладстона, но и соответствующие письма г-на Брентано, А до тех пор, пока не опубликована вся их переписка по этому вопросу на языке оригинала, вышеприведенные отрывки не имеют абсолютно никакого значения для решения спора и не стоят той бумаги, на которой они напечатаны.

Ф. Энгельс

ПРИВЕТСТВИЕ ФРАНЦУЗСКИМ РАБОЧИМ ПО СЛУЧАЮ 20-й ГОДОВЩИНЫ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Лондон, 17 марта

Гражданки и граждане!

Ровно двадцать лет тому назад рабочий Париж поднялся как один человек на борьбу против преступного посягательства буржуа и помещиков, руководимых Тьером. Эти враги пролетариата дрожали от страха, видя, что парижские рабочие вооружились и организовались для защиты своих прав. Тьер намеревался похитить у них оружие, которое они с такой славой использовали против чужеземного вторжения и которое они впоследствии с еще большей славой применили для отражения атак версальских наемников. Чтобы сломить восставший Париж, помещики и буржуа вымаливали помощь у пруссаков и получили эту помощь. После героической борьбы Париж был раздавлен превосходящими силами противника и обезоружен.

Вот уже двадцать лет как у рабочих Парижа нет оружия, и так обстоит дело повсюду; во всех крупных цивилизованных странах пролетариат лишен материальных средств защиты. Повсюду всеми вооруженными силами распоряжаются враги и эксплуататоры рабочего класса.

Но к чему это привело?

К тому, что теперь, когда каждый здоровый мужчина про-ходит через ряды армии, эта армия начинает все больше и больше отражать настроения и мысли народа; эта армия, главное орудие подавления, становится с каждым днем все менее надежной. Руководители всех крупных государств уже с ужасом предвидят тот день, когда находящиеся под ружьем солдаты откажутся убивать своих братьев и отцов. Мы наблюдали это

в Париже, когда тонкинец[*] осмелился притязать на пост президента Французской республики; мы наблюдаем это сейчас в Берлине, где преемник Бисмарка[**] требует у рейхстага средств, чтобы укрепить дух повиновения в армии при помощи купленных за деньги унтер-офицеров, причем это обосновывается тем, что среди унтер-офицеров появилось-де слишком много социалистов![188]

Если происходит нечто подобное, если уже и в армии занимается новая заря, значит конец старого мира уже не за горами.

Пусть же свершится неизбежное! Пусть буржуазия, пришедшая в упадок, откажется от власти или погибнет, и да здравствует Пролетариат! Да здравствует международная Социальная Революция!

Ф. Энгельс

Напечатано в газете «Le Socialiste» № 27, 25 марта 1891 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

[*] — Жюль Ферри. *Ред.*
[**] — Каприви. *Ред.*

ВВЕДЕНИЕ К РАБОТЕ К. МАРКСА «ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ВО ФРАНЦИИ» [189]

Предложение переиздать воззвание Генерального Совета Интернационала «Гражданская война во Франции» и снабдить его введением было для меня неожиданным. Поэтому я могу здесь лишь вкратце затронуть важнейшие пункты.

Вышеупомянутой, большей по размерам, работе я предпосылаю оба более кратких воззвания Генерального Совета о франко-прусской войне. Во-первых, потому, что в «Гражданской войне» есть ссылки на второе воззвание, которое само по себе, без первого, не везде понятно. А также и потому, что оба эти воззвания, тоже написанные Марксом, являются не менее, чем «Гражданская война», выдающимися образцами удивительного, впервые проявившегося в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта»[190] дара автора верно схватывать характер, значение и необходимые последствия крупных исторических событий в то время, когда эти события еще только разыгрываются перед нашими глазами или только что свершились. И, наконец, потому, что нам в Германии еще и поныне приходится страдать от предсказанных Марксом последствий этих событий.

Разве не оправдалось предсказание первого воззвания, что если оборонительная война Германии против Луи Бонапарта выродится в завоевательную войну против французского народа, то все те несчастья, которые постигли Германию после так называемой освободительной войны[191], обрушатся на нее снова с еще большей силой? Разве не пережили мы после этого целых двадцать лет бисмарковского господства, а вместо преследований демагогов[192] — исключительный закон и травлю

социалистов с тем же полицейским произволом и буквально с тем же возмутительнейшим толкованием закона.

И разве не буквально оправдалось предсказание, что аннексия Эльзас-Лотарингии «бросит Францию в объятия России» и что после этой аннексии Германия должна будет либо открыто стать лакеем России, либо после короткой передышки начать готовиться к новой войне, а именно к «войне расовой, к войне против объединенных славянской и романской рас»[193]? Разве аннексия французских провинций не бросила Францию в объятия России? Разве Бисмарк не домогался тщетно целых двадцать лет благоволения царя и не прислуживал ему еще более раболепно, чем это обычно делала, припадая к стопам «святой Руси», маленькая Пруссия, до того как она стала «первой великой европейской державой»? И разве не висит постоянно над нашими головами дамоклов меч войны, которая в первый же день развеет в прах все скрепленные протоколами союзы государей, войны, относительно которой не известно ничего определенного, кроме абсолютной неопределенности ее исхода, войны расовой, которая отдаст всю Европу на поток и разграбление пятнадцати или двадцати миллионам вооруженных солдат и которая еще не разразилась только потому, что абсолютная невозможность предвидеть ее конечные результаты внушает страх даже самому сильному из крупных военных государств?

Это тем более обязывает нас сделать вновь доступными для немецких рабочих эти полузабытые документы, блестяще свидетельствующие о дальновидности интернациональной рабочей политики 1870 года.

То, что я сказал об этих двух воззваниях, относится также к воззванию «Гражданская война во Франции». 28 мая последние бойцы Коммуны пали на склонах Бельвиля в борьбе с превосходящими неприятельскими силами, а уже через два дня, 30 мая, Маркс прочел Генеральному Совету свое произведение, в котором историческое значение Парижской Коммуны было обрисовано краткими, сильными штрихами, но с такой меткостью и — главное — верностью, каких никогда не достигала вся последующая обширная литература по этому вопросу.

Благодаря экономическому и политическому развитию Франции с 1789 г. в Париже за последние пятьдесят лет сложилось такое положение, что каждая вспыхивавшая в нем революция не могла не принимать пролетарского характера, а именно: оплатив победу своей кровью, пролетариат выступал после победы с собственными требованиями. Эти требования бывали более или менее туманными и даже путанными, в зависимости

каждый раз от степени развития парижских рабочих; но все они в конце концов сводились к уничтожению классовой противоположности между капиталистами и рабочими. Как оно должно произойти, — этого, правда, не знали. Но уже самое требование, при всей его неопределенности, заключало в себе опасность для существующего общественного строя; рабочие, предъявлявшие это требование, бывали еще вооружены; поэтому для буржуа, находившихся у государственного кормила, первой заповедью было разоружение рабочих. Отсюда — после каждой завоеванной рабочими революции — новая борьба, которая оканчивается поражением рабочих.

В первый раз это произошло в 1848 году. Либеральные буржуа, принадлежавшие к парламентской оппозиции, устраивали банкеты в пользу реформы, добиваясь проведения такой избирательной реформы, которая обеспечила бы господство их партии. Борьба с правительством все больше и больше заставляла их апеллировать к народу, и им приходилось постепенно уступать первое место радикальным и республиканским слоям буржуазии и мелкой буржуазии. Но за спиной последних стояли революционные рабочие, которые с 1830 г. приобрели гораздо больше политической самостоятельности, чем это пред-полагали буржуа и даже республиканцы. В момент, когда в отношениях между правительством и оппозицией наступил кризис, рабочие начали уличную борьбу; Луи-Филипп исчез, а с ним исчезла и избирательная реформа; вместо нее возникла республика, и притом такая, которую победившие рабочие объявили даже «социальной» республикой. Что следовало понимать под этой социальной республикой — никому не было ясно, даже и самим рабочим. Но они были теперь вооружены и стали силой в государстве. Поэтому первым делом стоявших у власти буржуазных республиканцев, как только они почувствовали несколько более твердую почву под ногами, было разоружение рабочих. Это и было сделано во время июньского восстания 1848 г., на которое рабочих вынудили прямым нарушением данного им слова, явным издевательством над ними и попыткой выслать безработных в отдаленную провинцию. Правительство заранее обеспечило себе подавляющее превосходство сил. После пятидневной героической борьбы рабочие были побеждены. И тут над безоружными пленниками была учинена кровавая расправа, невиданная со времен гражданских войн, которые привели к падению Римской республики. Буржуазия впервые показала, с какой безумной жестокостью мстит она пролетариату, когда он осмеливается выступить против нее как особый класс с собственными интересами и требованиями. Но все же

1848 г. был еще детской игрой в сравнении с неистовствами буржуазии в 1871 году.

Возмездие следовало по пятам. Если пролетариат еще не мог, то буржуазия уже не могла править Францией, В то время, по крайней мере, не могла: в большинстве своем она была тогда еще монархической и при этом расколотой на три династические партии и четвертую — республиканскую. Ее внутренние раздоры позволили авантюристу Луи Бонапарту захватить все командные позиции — армию, полицию, административный аппарат — и 2 декабря 1851 г. взорвать последнюю твердыню буржуазии, Национальное собрание. Началась Вторая империя — эксплуатация Франции шайкой политических и финансовых авантюристов, но вместе с тем и такое промышленное развитие, какое было совершенно невозможно при мелочно-осмотрительной системе Луи-Филиппа, при безраздельном господстве лишь одной небольшой части крупной буржуазии. Луи Бонапарт отнял у капиталистов их политическую власть под предлогом защиты буржуазии против рабочих и, с другой стороны, рабочих против буржуазии; но зато его господство способствовало спекуляции и промышленной деятельности, короче говоря — невиданному до тех пор экономическому подъему и обогащению всей буржуазии в целом. Однако в еще большей степени происходил рост коррупции и массового воровства, центром которых стал императорский двор, и в результате которых у этого обогащения изымался значительный процент.

Но Вторая империя означала апелляцию к французскому шовинизму; она означала требование возврата потерянных в 1814 г. границ Первой империи, по меньшей мере — границ Первой республики. Французская империя в границах старой монархии и даже в еще более урезанных границах 1815 г. — такое положение не могло долго продолжаться. Отсюда необходимость время от времени вести войну и расширять границы. Но никакое расширение границ не возбуждало так сильно фантазию французских шовинистов, как расширение за счет немецкого левого берега Рейна. Одна квадратная миля на Рейне значила больше в их глазах, чем десять миль в Альпах или где-нибудь в другом месте. Пока существовала Вторая империя, требование возврата левого берега Рейна — сразу или по частям — было лишь вопросом времени. Это время наступило вместе с австро-прусской войной 1866 года. Обманутый в своих надеждах на «территориальную компенсацию» Бисмарком, а также в результате своей собственной сверххитроумной выжидательной политики Бонапарт не имел другого выхода,

кроме войны, которая вспыхнула в 1870 г. и привела его к Седану, а затем и в Вильгельмсхёэ[194].

Неизбежным следствием была революция 4 сентября 1870 г. в Париже. Империя рассыпалась, как карточный домик; снова была провозглашена республика. Но неприятель стоял у ворот; армии империи были либо осаждены в Меце, без надежды на освобождение, либо находились в плену в Германии. В этом критическом положении народ позволил парижским депутатам бывшего Законодательного корпуса провозгласить себя «правительством национальной обороны». На это согласились тем скорее, что теперь все парижане, способные носить оружие, были, в целях обороны, зачислены в национальную гвардию и вооружены, так что рабочие составляли в ней теперь огромное большинство. Но уже вскоре прорвался наружу антагонизм между правительством, состоявшим почти поголовно из буржуа, и вооруженным пролетариатом. 31 октября рабочие батальоны взяли штурмом ратушу и арестовали часть членов правительства. Предательство, прямое нарушение правительством данного им слова и вмешательство нескольких мелкобуржуазных батальонов привели к освобождению арестованных; и чтобы не дать разгореться гражданской войне в осажденном вражеской силой городе, прежнее правительство было оставлено у власти.

Наконец, измученный голодом Париж 28 января 1871 г. капитулировал. Однако капитулировал на небывалых в военной истории почетных условиях. Форты были сданы, с крепостного вала были сняты орудия, линейные полки и мобильная гвардия сдали оружие, сами они были объявлены военнопленными. Но национальная гвардия сохраняла свое оружие и пушки и заключала с победителями только перемирие. Сами победители не решались с триумфом вступить в Париж; они осмелились занять только небольшой уголок Парижа, часть которого вдобавок состояла из общественных парков, да и этот уголок они заняли всего лишь на несколько дней! И в течение этого времени победители, державшие Париж в осаде 131 день, были сами осаждены вооруженными парижскими рабочими, бдительно следившими за тем, чтобы ни один «пруссак» не перешагнул узких границ предоставленного чужеземному завоевателю уголка. Такое уважение к себе внушили парижские рабочие войску, перед которым сложили оружие все армии империи. Прусские юнкеры, пришедшие сюда, чтобы отомстить очагу революции, были вынуждены почтительно остановиться как раз перед этой вооруженной революцией и салютовать ей!

Во время войны парижские рабочие ограничивались требованием энергичного продолжения борьбы. Но теперь, когда после капитуляции Парижа был заключен мир[195], глава нового правительства, Тьер, должен был убедиться, что, пока парижские рабочие вооружены, господство имущих классов — крупных землевладельцев и капиталистов — находится в постоянной опасности. Первым его делом была попытка разоружить их. 18 марта он послал линейные войска с приказом захватить артиллерию, принадлежавшую национальной гвардии, созданную во время осады Парижа на общественные средства, которые были собраны по подписке. Эта попытка не удалась; весь Париж, как один человек, взялся за оружие с целью самообороны, и война между Парижем и находившимся в Версале французским правительством была объявлена. 26 марта была избрана и 28 марта провозглашена Парижская Коммуна. Центральный комитет национальной гвардии, который до этого момента осуществлял функции правительства и успел уже вынести постановление об упразднении скандальной парижской «полиции нравов», передал свои полномочия Коммуне. 30 марта Коммуна упразднила рекрутский набор и постоянную армию и объявила единственной вооруженной силой национальную гвардию, состоявшую из всех граждан, способных носить оружие. Коммуна аннулировала все счета по квартирной плате за время с октября 1870 г. по апрель 1871 г., с зачислением уже выплаченных сумм в счет квартирной платы на будущее время, и приостановила продажу вещей, заложенных в городском ломбарде. В тот же день были утверждены в должности выбранные в Коммуну иностранцы, так как «знамя Коммуны есть знамя всемирной республики»[196]. — 1 апреля было установлено, что жалованье служащих Коммуны, а следовательно и самих ее членов, не должно превышать 6000 франков (4800 марок). На следующий день был издан декрет об отделении церкви от государства и об отмене всех государственных расходов на религиозные цели, а также о превращении всех церковных имуществ в национальную собственность; 8 апреля было в соответствии с этим отдано распоряжение, которое и стало постепенно проводиться в жизнь, — об удалении из школ всех религиозных символов, изображений, догматов, молитв, — словом, «всего того, что касается совести каждого отдельного лица»[197], — 5 апреля, ввиду ежедневно повторявшихся расстрелов версальскими войсками пленных бойцов Коммуны, был издан декрет об аресте заложников, который однако никогда до конца не был проведен в жизнь. — 6 апреля 137-м батальоном национальной гвардии была извлечена гильотина и при всенародном ликовании пуб-

лично сожжена. — 12 апреля Коммуна постановила разрушить на Вандомской площади колонну победы, которая была отлита Наполеоном после войны 1809 г. из захваченных у неприятеля пушек, поскольку эта колонна служила символом шовинизма и вражды между народами. 16 мая это постановление было приведено в исполнение. — 16 апреля Коммуна распорядилась произвести статистический учет остановленных фабрикантами фабрик и разработать план пуска в ход этих фабрик силами занятых на них рабочих, которые должны были объединиться в кооперативные товарищества, а также разработать план объединения этих товариществ в один большой союз. — 20 апреля она отменила ночную работу пекарей и упразднила конторы по приисканию работы, которыми со времени Второй империи монопольно распоряжались назначавшиеся полицией субъекты — перворазрядные эксплуататоры рабочих; эти конторы были переданы в ведение мэрий двадцати округов Парижа. — 30 апреля она распорядилась об упразднении ломбардов, служивших средством частной эксплуатации рабочих и противоречивших праву последних на их орудия труда и на кредит. — 5 мая она постановила снести часовню, построенную во искупление казни Людовика XVI.

Так, начиная с 18 марта, стал резко и решительно проявляться чисто классовый характер парижского движения, отступавший до тех пор на задний план вследствие борьбы против вражеского вторжения. Соответственно тому, что в Коммуне заседали почти исключительно рабочие или признанные представители рабочих, и постановления ее отличались решительно пролетарским характером. Либо эти постановления декретировали такие реформы, от которых республиканская буржуазия отказалась только из подлой трусости и которые составляют необходимую основу для свободной деятельности рабочего класса. Таково проведение в жизнь принципа, что *по отношению к государству* религия является просто частным делом. Либо Коммуна издавала постановления, прямо лежащие в интересах рабочего класса, которые отчасти глубоко врывались в старый общественный порядок. Но в осуществлении всех этих мероприятий в осажденном городе могли быть сделаны в лучшем случае лишь первые шаги. Уже с начала мая все силы уходили на борьбу против все более численно возраставших войск версальского правительства.

7 апреля версальцы захватили переправу через Сену у Нейи, на западном фронте Парижа; однако 11 апреля их нападение на южный фронт было отбито генералом Эдом с большими потерями с их стороны. Те люди, которые клеймили бомбардировку

Парижа пруссаками как святотатство, теперь сами непрерывно подвергали его бомбардировке. Эти же люди умоляли теперь прусское правительство ускорить возвращение взятых в плен при Седане и Меце французских солдат, которые должны были отвоевать для них Париж. Постепенное прибытие этих войск дало версальцам в начале мая решающий перевес. Это стало ясно уже 23 апреля, когда Тьер прервал начатые по предложению Коммуны переговоры об обмене парижского архиепископа* и целого ряда других священников, задержанных в Париже в качестве заложников, на одного Бланки, дважды избранного в Коммуну, но заключенного в Клерво. Еще яснее обнаружил это изменившийся тон речей Тьера; до тех пор сдержанные и двусмысленные, они теперь стали вдруг наглыми, свирепыми, угрожающими. На южном фронте версальцы заняли 3 мая редут Мулен-Саке, 9 — форт Исси, полностью разрушенный бомбардировкой, 14 — форт Ванв. На западном фронте, занимая многочисленные деревни и строения, простиравшиеся вплоть до городской стены, они постепенно продвинулись до главного крепостного вала; 21 мая, вследствие измены и в результате беспечности находившихся здесь национальных гвардейцев, им удалось проникнуть в город. Пруссаки, занимавшие северные и восточные форты, позволили версальцам проникнуть через территорию, на которой по условиям перемирия им было запрещено находиться, в северную часть города, и предпринять отсюда наступление на широком фронте, который парижане должны были, исходя из условий перемирия, считать обеспеченным от нападения, и поэтому довольно слабо защитили. Вследствие этого и сопротивление, которое было оказано в западной половине Парижа, где в основном расположены роскошные кварталы богачей, было сравнительно слабым; оно становилось тем яростнее и упорнее, чем ближе подходили вторгшиеся войска к восточной половине столицы, к собственно рабочему району города. Лишь после восьмидневной борьбы пали последние защитники Коммуны на высотах Бельвиля и Менильмонтана, и тогда зверское истребление безоружных мужчин, женщин и детей, происходившее во все возрастающих масштабах в течение целой недели подряд, достигло своего апогея. Ружье, заряжающееся с казенной части, убивало недостаточно быстро, и побежденных расстреливали из митральез целыми сотнями. «Стена коммунаров» на кладбище Пер-Лашез, где произошло последнее массовое убийство, стоит еще и теперь как немой, но выразительный

* — Дарбуа. *Ред.*

свидетель того неистовства, на какое способен господствующий класс, когда пролетариат осмеливается выступить на защиту своих прав. Затем, когда оказалось, что перебить всех невозможно, начались массовые аресты и расстрелы жертв, произвольно выхваченных из рядов пленных; остальных уводили в большой лагерь, где они должны были ожидать военного суда. Прусским войскам, окружавшим Париж с северо-востока, было приказано не пропускать ни одного беглеца, но офицеры нередко смотрели сквозь пальцы, когда солдаты повиновались больше чувству человечности, чем приказу высшего начальства; особенно прославился своим гуманным поведением саксонский армейский корпус, пропустивший многих заведомых бойцов Коммуны.

Если мы теперь, спустя двадцать лет, взглянем на деятельность и историческое значение Парижской Коммуны 1871 г., то увидим, что к изложенному в «Гражданской войне во Франции» следует сделать еще некоторые дополнения.

Члены Коммуны разделялись на большинство, состоявшее из бланкистов, которые преобладали и в Центральном комитете национальной гвардии, и меньшинство, состоявшее из членов Международного Товарищества Рабочих, преимущественно последователей социалистической школы Пруд она. Бланкисты в основной своей массе были тогда социалистами лишь по революционному пролетарскому инстинкту; только немногие из них поднялись до более ясного понимания принципиальных положений благодаря Вайяну, который был знаком с немецким научным социализмом. Отсюда становится понятным, почему Коммуна в экономической области упустила многое такое, что, по нашим нынешним представлениям, ей необходимо было сделать. Труднее всего, разумеется, понять то благоговение, с каким Коммуна почтительно остановилась перед дверьми Французского банка. Это было также крупной политической ошибкой. Банк в руках Коммуны — ведь это имело бы большее значение, чем десять тысяч заложников. Это заставило бы всю французскую буржуазию оказать давление на версальское правительство в пользу заключения мира с Коммуной. Но гораздо более поразительно то, насколько часто Коммуна поступала правильно, несмотря на то, что она состояла из бланкистов и прудонистов. Разумеется, за экономические декреты Коммуны — и за их достоинства и за их недостатки — прежде всего несут ответственность прудонисты, а за ее политические действия и промахи — бланкисты. Как это обычно

бывает, когда власть попадает в руки доктринеров, и те и другие делали, по иронии истории, как раз обратное тому, что им предписывала доктрина их школы.

Прудон, этот социалист мелких крестьян и ремесленных мастеров, прямо-таки ненавидел ассоциацию. Он говорил, что в ней больше плохого, чем хорошего, что она по природе своей бесплодна, даже вредна, что это одна из цепей, сковывающих свободу рабочего; что это пустая догма, бесполезная и обременительная, противоречащая не только свободе рабочего, но и экономии труда; что ее невыгоды возрастают быстрее, чем ее преимущества, и что в противоположность ей конкуренция, разделение труда, частная собственность являются полезными экономическими силами. Рабочая ассоциация уместна только в исключительных случаях, — а таковыми Прудон объявляет крупную промышленность и крупные предприятия, например железные дороги (см. «Общую идею революции», 3-й этюд[198]).

Но в 1871 г. крупная промышленность уже настолько перестала быть исключением даже в Париже, этом центре художественного ремесла, что самый важный декрет Коммуны предписывал организацию крупной промышленности, и даже мануфактур, которая не только основывалась на рабочих ассоциациях, создаваемых на каждой отдельной фабрике, но и должна была объединить все эти товарищества в один большой союз; короче говоря, такая организация, как совершенно правильно замечает Маркс в «Гражданской войне», в конечном счете должна была вести к коммунизму, то есть к тому, что прямо противоположно учению Прудона. Вот почему Коммуна была в то же время могилой прудоновской социалистической школы. Эта школа теперь исчезла из среды французских рабочих; здесь теперь безраздельно господствует теория Маркса, причем среди «поссибилистов» не в меньшей мере, чем среди «марксистов». Только в кругах «радикальной» буржуазии встречаются еще прудонисты.

Не лучшая участь постигла и бланкистов. Воспитанные в школе заговорщичества, спаянные свойственной этой школе строгой дисциплиной, они полагали, что сравнительно небольшое число решительных, хорошо организованных людей в состоянии в благоприятный момент не только захватить власть, но и, действуя с огромной, ни перед чем не останавливающейся энергией, удерживать ее с помощью этого в своих руках до тех пор, пока не удастся вовлечь народные массы в революцию и сплотить их вокруг небольшой кучки вожаков. Это прежде всего предполагало строжайшую диктаторскую централизацию всей власти в руках нового революционного правительства.

Что же сделала Коммуна, большинство которой состояло именно из этих бланкистов? Во всех своих прокламациях к населению французской провинции она призывала его объединить все коммуны Франции с Парижем в одну свободную федерацию, в одну национальную организацию, которая впервые действительно должна была быть создана самой нацией. Именно та угнетающая власть прежнего централизованного правительства, армия, политическая полиция, бюрократия, которую Наполеон создал в 1798 г, и которую с тех пор каждое новое правительство перенимало, как желательное орудие, и использовало против своих противников, — именно эта власть должна была пасть всюду во Франции, как пала она уже в Париже.

Коммуна должна была с самого начала признать, что рабочий класс, придя к господству, не может дальше хозяйничать со старой государственной машиной; что рабочий класс, дабы не потерять снова своего только что завоеванного господства, должен, с одной стороны, устранить всю старую, доселе употреблявшуюся против него, машину угнетения, а с другой стороны, должен обеспечить себя против своих собственных депутатов и чиновников, объявляя их всех, без всякого исключения, сменяемыми в любое время. В чем состояла характерная особенность прежнего государства? Первоначально общество путем простого разделения труда создало себе особые органы для защиты своих общих интересов. Но со временем эти органы, и главный из них — государственная власть, служа своим особым интересам, из слуг общества превратились в его повелителей. Это можно видеть, например, не только в наследственной монархии, но и в демократической республике. Нигде «политики» не составляют такой обособленной и влиятельной части нации, как именно в Северной Америке. Там каждая из двух больших партий, сменяющих одна другую у власти, в свою очередь, управляется людьми, которые превращают политику в выгодное дело, спекулируют на депутатских местах в законодательных собраниях, как союза, так отдельных штатов, или же живут за счет агитации в пользу своей партии и после победы в качестве вознаграждения получают должности. Известно, сколько усилий затратили американцы в течение последних тридцати лет, чтобы стряхнуть это ставшее невыносимым иго, и как они, несмотря на это, все более погружаются в болото коррупции. Именно в Америке лучше всего можно видеть, как развивается это обособление государственной власти от общества, для которого она первоначально должна была служить только орудием. Там нет ни династии, ни дворянства, ни постоянной армии, за исключением горстки солдат для

наблюдения за индейцами, нет бюрократии с постоянными штатами и правами на пенсии. И все же мы видим там две большие банды политических спекулянтов, которые попеременно забирают в свои руки государственную власть и эксплуатируют ее при помощи самых грязных средств и для самых грязных целей, а нация бессильна против этих двух больших картелей политиков, которые якобы находятся у нее на службе, а в действительности господствуют над ней и грабят ее.

Против этого неизбежного во всех существовавших до сих пор государствах превращения государства и органов государства из слуг общества в господ над обществом Коммуна применила два безошибочных средства. Во-первых, она назначала на все должности, по управлению, по суду, по народному просвещению, лиц, выбранных всеобщим избирательным правом, и притом ввела право отзывать этих выборных в любое время по решению их избирателей. А во-вторых, она платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, которую получали другие рабочие. Самое высокое жалованье, которое вообще платила Коммуна, было 6000 франков. Таким образом была создана надежная помеха погоне за местечками и карьеризму, даже и независимо от императивных мандатов депутатам в представительные учреждения, введенных Коммуной сверх того.

Этот взрыв старой государственной власти и ее замена новой, поистине демократической, подробно описаны в третьем отделе «Гражданской войны». Но вкратце остановиться еще раз на некоторых чертах этой замены было здесь необходимо, потому что как раз в Германии суеверная вера в государство перешла из философии в общее сознание буржуазии и даже многих рабочих. По учению философов, государство есть «осуществление идеи» или, переведенное на философский язык, царство божие на земле, государство является таким поприщем, на котором осуществляется или должна осуществиться вечная истина и справедливость. А отсюда вытекает суеверное почтение к государству и ко всему тому, что имеет отношение к государству, — суеверное почтение, которое тем легче укореняется, что люди привыкают с детства думать, будто дела и интересы, общие всему обществу, не могут быть иначе выполняемы и охраняемы, как прежним способом, то есть через посредство-государства и его награжденных доходными местечками чиновников. Люди воображают, что делают необыкновенно смелый шаг вперед, если они отделываются от веры в наследственную монархию и становятся сторонниками демократической республики, В действительности же государство есть не что иное,

как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии. И в лучшем случае государство есть зло, которое по наследству передается пролетариату, одержавшему победу в борьбе за классовое господство; победивший пролетариат, так же, как и Коммуна, вынужден будет немедленно отсечь худшие стороны этого зла, до тех пор, пока поколение, выросшее в новых, свободных общественных условиях, окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности.

В последнее время социал-демократический филистер опять начинает испытывать спасительный страх при словах: диктатура пролетариата. Хотите ли знать, милостивые государи, как эта диктатура выглядит? Посмотрите на Парижскую Коммуну, Это была диктатура пролетариата.

Лондон, в день двадцатой годовщины Парижской Коммуны,
18 марта 1891 г.

Ф. Энгельс

Напечатано в журнале «Die Neue Zeit»,
Bd. 2, № 28, 1890—1891 гг. и в книге:
Marx. «Der Burgerkrieg in Frankreich».
Berlin, 1891

Печатается по тексту книги

Перевод с немецкого

*ПО ПОВОДУ ИСПАНСКОГО ИЗДАНИЯ КНИГИ К. МАРКСА «НИЩЕТА ФИЛОСОФИИ»

(ПИСЬМО ХОСЕ МЕСА) [199]

Лондон, 24 марта 1891 г.

Дорогой друг Меса!

С большим удовлетворением узнали мы из Вашего письма от 2 марта о том, что сделанный Вами испанский перевод «Нищеты философии» Маркса будет опубликован в ближайшее время. Само собой разумеется, мы горячо поддерживаем это издание, которое безусловно окажет самое благоприятное влияние на развитие социализма в Испании.

Прудонистская теория, в корне подорванная книгой Маркса, несомненно исчезла с горизонта с момента падения Парижской Коммуны. Но она все еще служит тем арсеналом, из которого буржуазные радикалы и псевдосоциалисты Западной Европы извлекают фразы для усыпления рабочих. А так как рабочие западноевропейских стран унаследовали от своих предшественников подобные же прудонистские фразы, то у многих из них фразеология радикалов все еще находит отклик. Так обстоит дело во Франции, где единственными еще сохранившимися прудонистами являются буржуазные радикалы или республиканцы, называющие себя социалистами. И, если я не ошибаюсь, у вас, в ваших кортесах и вашей печати, тоже имеются такие республиканцы, которые называют себя социалистами лишь потому, что они в прудонистских идеях видят вполне подходящее средство, чтобы противопоставить подлинному социализму — рациональному и сжатому выражению стремлений пролетариата — фальшивый буржуазный социализм.

Братский привет! ***Ф. Энгельс***

Напечатано в переводе на испанский язык в книге: Carlos Marx. «Miseria de la Filosofia». Madrid, 1891

Печатается по тексту книги, сверенному с черновой рукописью на французском языке

Перевод с испанского

КОМИТЕТУ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО МИТИНГА В МИЛАНЕ В ЗАЩИТУ ПРАВ ТРУДА[200]

Дорогие граждане!

Бесконечно сожалею, что не могу воспользоваться вашим столь сердечным и столь почетным для меня приглашением присутствовать на вашем митинге 12 апреля. Я тем более об этом сожалею, поскольку чувствую себя особенно связанным с вашей страной, ибо двадцать лет тому назад я занимал пост секретаря для Италии в Генеральном Совете Международного Товарищества Рабочих[201]. Этот Интернационал перестал с тех пор существовать в своей официальной форме; но в чувстве солидарности рабочего класса всех стран он жил всегда; и теперь он стал более жизнеспособным и более сильным, чем когда-либо, настолько сильным, что старая официальная форма 1864—1875 гг. была бы слишком тесной для миллионов европейских и американских рабочих, объединившихся под красным знаменем борющегося пролетариата. Я надеюсь вместе с вами, что ваш митинг 12 апреля приведет новые колонны борцов в великую армию международного пролетариата; что он даст мощный толчок к укреплению уз солидарности, связывающих итальянских рабочих с их братьями по другую сторону Альп, — с французами, немцами, славянами; и, наконец, что он откроет собой новый этап в освободительном движении итальянского пролетариата.

Мы достигли за двадцать лет огромных успехов; но предстоит еще много сделать, прежде чем мы сможем рассчитывать на немедленную и верную победу. Dunque, avanti, sempre avanti![*]

Лондон, 9 апреля 1891 г.

Ф. Э.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XVI. ч. II, 1936 г.

Печатается по черновой рукописи

Перевод с французского

[*] — Итак, вперед, всегда вперед! *Ред.*

ВВЕДЕНИЕ К ОТДЕЛЬНОМУ ИЗДАНИЮ РАБОТЫ К. МАРКСА «НАЕМНЫЙ ТРУД И КАПИТАЛ» 1891 ГОДА [202]

Предлагаемая работа была впервые опубликована в 1849 г. в ряде номеров «Neue Rheinische Zeitung», начиная с 4 апреля, в виде передовых статей. В основу ее положены лекции, читанные *Марксом* в 1847 г. в Немецком рабочем обществе в Брюсселе[203]. Полностью работа напечатана не была; хотя в № 269 в конце статьи было помещено уведомление: «Продолжение следует», публикация ее прекратилась вследствие нахлынувших тогда событий — вступления русских в Венгрию, восстаний в Дрездене, Изерлоне, Эльберфельде, Пфальце и Бадене[204], — событий, повлекших за собой запрещение (19 мая 1849 г.) самой газеты. Рукописи, являвшейся продолжением этой работы, в литературном наследии Маркса не оказалось[205].

Отдельным изданием, в виде брошюры, «Наемный труд и капитал» выпускался несколько раз, в последний раз — в 1884 г. в Хоттинген-Цюрихе «Швейцарским типографским товариществом». Во всех вышедших до сих пор изданиях точно воспроизводился текст оригинала. Но так как настоящее новое издание представляет собой брошюру пропагандистского характера и должно разойтись в количестве не менее 10000 экземпляров, передо мной встал вопрос, одобрил ли при таких условиях сам Маркс перепечатку текста без всяких изменений.

В сороковых годах Маркс еще не завершил своей критики политической экономии. Это было сделано лишь к концу пятидесятых годов. Поэтому его работы, появившиеся до выхода первого выпуска «К критике политической экономии» (1859 г.), в отдельных пунктах отклоняются от работ, написанных после 1859 г., и содержат выражения и целые фразы, которые, с точки

зрения позднейших работ, являются неудачными и даже неверными. Само собой разумеется, что в обычных изданиях, предназначенных для читающей публики вообще, должна найти себе место и эта более ранняя точка зрения автора, составляющая одну из ступеней его духовного развития, что и автор, и публика имеют бесспорное право на перепечатку этих более ранних произведений без всяких изменений. При подобном издании мне и в голову не пришло бы изменить в этих произведениях хотя бы одно слово.

Другое дело, когда новое издание предназначено, можно сказать, исключительно для пропаганды среди рабочих. В этом случае Маркс безусловно привел бы старое, относящееся к 1849 г. изложение в соответствие со своей позднейшей точкой зрения. И я уверен, что, внося *в это издание* некоторые изменения и добавления, необходимые для того, чтобы во всех существенных пунктах достигнуть такого соответствия, я действую вполне в его духе. Итак, я заранее предупреждаю читателя: эта брошюра дается здесь не в таком виде, как Маркс ее написал в 1849 г., а приблизительно в таком, как он написал бы ее в 1891 году. К тому же подлинный текст разошелся в таком большом количестве экземпляров, что этого вполне достаточно до тех пор, пока мне не представится возможность переиздать его без изменений в будущем полном собрании сочинений.

Все внесенные мной изменения относятся к одному пункту. Согласно оригиналу, рабочий за заработную плату продает капиталисту свой *труд,* согласно теперешнему тексту, — свою *рабочую силу.* По поводу этого изменения я должен дать разъяснение. Разъяснение рабочим, чтобы они видели, что здесь перед нами не пустое буквоедство, а, напротив, один из важнейших пунктов всей политической экономии. Разъяснение буржуа, чтобы они могли убедиться, насколько необразованные рабочие, для которых легко можно сделать понятными самые сложные экономические выводы, превосходят наших заносчивых «образованных» людей, для которых такие запутанные вопросы остаются неразрешимыми на всю жизнь.

Классическая политическая экономия заимствовала из промышленной практики ходячее представление фабриканта, будто он покупает и оплачивает *труд* своих рабочих. Этого представления было вполне достаточно фабриканту для ведения дел, для счетоводства и калькуляции цен. Однако, будучи наивным образом перенесено в политическую экономию, это представление породило там совершенно поразительные заблуждения и путаницу.

Политическая экономия сталкивается с фактом, что цены всех товаров, в том числе и цена того товара, который она называет «трудом», непрерывно изменяются; они повышаются и понижаются под влиянием весьма различных обстоятельств, которые часто не находятся ни в какой связи с производством самого товара, так что кажется, будто цены вообще определяются чистой случайностью. Когда политическая экономия выступила как наука, одной из первых ее задач было найти закон, который скрывается за этим кажущимся господством случайности над товарными ценами и который в действительности сам господствует над этой случайностью. В рамках непрерывных изменений товарных цен и колебаний их то вверх, то вниз наука искала устойчивый центр, вокруг которого эти изменения и колебания совершаются. Словом, она отправлялась от товарных *цен* для того, чтобы отыскать в качестве регулирующего их закона *стоимость* товаров, исходя из которой можно было бы объяснить все колебания цен и к которой все они могли бы быть в конечном счете сведены.

И вот классическая политическая экономия нашла, что стоимость товара определяется заключающимся в нем трудом, необходимым для его производства. Этим объяснением она удовольствовалась. Мы тоже можем пока на этом остановиться. И только во избежание недоразумений я считаю нужным напомнить, что в настоящее время это объяснение стало совершенно недостаточным. Маркс впервые основательно исследовал свойство труда создавать стоимость и при этом нашел, что не всякий труд, который кажется необходимым или даже действительно необходим для производства товара, при всех условиях придает этому товару стоимость такой величины, которая соответствует затраченному количеству труда. Следовательно, если мы в настоящее время вместе с такими экономистами, как Рикардо, говорим просто, что стоимость товара определяется необходимым для его производства трудом, то при этом мы всегда подразумеваем сделанные Марксом оговорки. Этого указания здесь достаточно; остальное можно найти у Маркса в работе «К критике политической экономии», 1859 г., и в первом томе «Капитала»[206].

Но как только экономисты применили определение стоимости трудом к товару «труд», они из одного противоречия впали в другое. Чем определяется стоимость «труда»? Заключающимся в нем необходимым трудом. Но сколько труда заключается в труде рабочего за один день, одну неделю, один месяц, один год? Труд одного дня, одной недели, одного месяца, одного года. Если труд есть мера всех стоимостей, то «стоимость труда»

мы можем выразить только в труде. Но мы абсолютно ничего не знаем о стоимости одного часа труда, если нам известно лишь, что она равна одному часу труда. Этим мы ни на йоту не приблизились к цели; мы продолжаем вращаться в заколдованном кругу.

Тогда классическая политическая экономия сделала попытку в другом направлении; она сказала: стоимость товара равна издержкам его производства. Но что такое издержки производства труда? Чтобы ответить на этот вопрос, экономисты должны были совершить некоторое насилие над логикой. Вместо издержек производства самого труда, которых, увы, нельзя установить, они исследуют, что представляют собой издержки производства *рабочего.* А эти издержки установить можно. Они изменяются в зависимости от времени и обстоятельств, но при данном состоянии общества, в данном месте, в данной отрасли производства они являются тоже величиной данной, по крайней мере данной в довольно узких пределах. Мы живем в настоящее время в условиях господства капиталистического производства, при котором большой и все возрастающий класс населения может существовать лишь в том случае, если он работает за заработную плату на владельцев средств производства — орудий, машин, сырья и жизненных средств. В условиях этого способа производства издержки производства рабочего заключаются в той сумме жизненных средств, — или в той их денежной цене, — которая в среднем необходима для того, чтобы сделать его трудоспособным, сохранить его трудоспособность и, когда он выходит из строя вследствие старости, болезни или смерти, заменить его новым рабочим, то есть чтобы обеспечить сохранение и увеличение в необходимом размере рабочего класса. Предположим, что денежная цена этих жизненных средств составляет в среднем 3 марки в день.

Итак, наш рабочий получает от нанимающего его капиталиста заработную плату в 3 марки в день. За это капиталист заставляет его работать, скажем, 12 часов в день. При этом капиталист делает примерно такой расчет:

Предположим, что наш рабочий, слесарь-станочник, должен изготовить такую деталь машины, которую он делает в один день. Пусть сырье — железо и латунь в необходимой предварительно обработанной форме — стоит 20 марок. Пусть потребление угля паровой машиной, износ этой паровой машины, токарного станка и всех прочих орудий, которыми работает наш рабочий, составляет, в расчете на один день и на одного рабочего, стоимость в 1 марку. Заработную плату за один день,

по нашему предположению, составляют 3 марки. Итого на нашу деталь машины затрачивается 24 марки. Но капиталист рассчитывает получить за нее от своих покупателей в среднем цену в 27 марок, то есть на 3 марки больше произведенных им затрат.

Откуда берутся эти 3 марки, которые кладет себе в карман капиталист? По утверждению классической политической экономии, товары продаются в среднем по их стоимостям, то есть по ценам, которые соответствуют содержащемуся в этих товарах необходимому количеству труда. Следовательно, средняя цена пашей детали машины — 27 марок — была бы равна ее стоимости, равна заключающемуся в ней труду. Но из этих 27 марок 21 марка составляет стоимость, которая была налицо уже до того, как наш слесарь-станочник начал работать. 20 марок заключались в сырье, а 1 марка в сожженном за время работы угле или в употреблявшихся при этом машинах и орудиях, пригодность которых к действию соответственно уменьшилась. Остается 6 марок, которые были присоединены к стоимости сырья. Но эти 6 марок, по предположению самих наших экономистов, могут возникнуть только из труда, присоединенного нашим рабочим к сырью. Его двенадцатичасовой труд создал, таким образом, новую стоимость в 6 марок. Следовательно, стоимость его двенадцатичасового труда была бы равна 6 маркам. И тем самым мы, наконец, открыли бы, что такое «стоимость труда».

Стой! — восклицает наш слесарь-станочник. — Шесть марок? Но ведь я получил только три! Мой капиталист клянется всеми святыми, что стоимость моего двенадцатичасового труда равна только трем маркам, и он подымет меня на смех, если я потребую шесть. Как же связать одно с другим?

Если и раньше с нашей стоимостью труда мы попали в заколдованный круг, то теперь мы и вовсе оказались перед неразрешимым противоречием. Мы искали стоимость труда, а нашли больше, чем нам нужно. Для рабочего стоимость двенадцатичасового труда — это 3 марки, для капиталиста — 6 марок, из которых 3 он платит рабочему в виде заработной платы, а 3 кладет себе в карман. Таким образом, труд имел бы не одну, а две стоимости, и к тому же весьма различные!

Противоречие становится еще более нелепым, если стоимости, выраженные в деньгах, мы сведем к рабочему времени. В течение 12 часов труда создается новая стоимость в 6 марок. Значит, в течение 6 часов — 3 марки, сумма, которую рабочий получает за двенадцатичасовой труд. В качестве эквивалента за двенадцатичасовой труд рабочий получает продукт 6 часов труда. Итак, либо труд имеет две стоимости, из которых одна

в два раза больше другой, либо 12 равны 6! В обоих случаях получается чистейшая нелепость.

Сколько бы мы ни изворачивались, мы не выпутаемся из этого противоречия до тех пор, пока будем говорить о купле и продаже труда и о стоимости труда. Так оно и было с экономистами. Последняя представительница классической политической экономии, школа Рикардо, потерпела крах в значительной мере из-за того, что не смогла разрешить этого противоречия. Классическая политическая экономия зашла в тупик. Человеком, нашедшим выход из этого тупика, был Карл Маркс.

То, что экономисты рассматривали как издержки производства «труда», является издержками производства не труда, а самого живого рабочего. А то, что этот рабочий продает капиталисту, представляет собой не труд рабочего. «Когда его труд действительно начинается, — говорит Маркс, — он перестает принадлежать ему и, следовательно, не может быть им продан»[207]. Итак, самое большее, что он может продать, — это свой *будущий* труд, то есть он может взять на себя обязательство выполнить определенную работу в определенное время. Но тем самым он продает не труд (который еще только должен быть выполнен), а предоставляет в распоряжение капиталиста за определенную плату на определенное время (при поденной заработной плате) или для выполнения определенной работы (при поштучной заработной плате) свою рабочую силу: он отдает в наем, иначе говоря, продает, свою *рабочую силу.* Но эта рабочая сила срослась с личностью рабочего и неотделима от нее. Поэтому издержки ее производства совпадают с издержками производства самого рабочего; то, что экономисты называли издержками производства труда, и представляет собой издержки производства рабочего, а, следовательно, — издержки производства рабочей силы. И таким образом мы можем от издержек производства рабочей силы перейти к *стоимости* рабочей силы и определить количество общественно необходимого труда, требующееся для производства рабочей силы определенного качества, — что и сделал Маркс в разделе о купле и продаже рабочей силы («Капитал», т. I, глава IV, раздел 3)[208].

Что же происходит после того, как рабочий продал капиталисту свою рабочую силу, то есть предоставил ее в распоряжение капиталиста за предварительно условленную заработную плату — поденную или поштучную? Капиталист ведет рабочего в свою мастерскую или на фабрику, где уже имеются все необходимые для работы предметы: сырье, вспомогательные материалы (уголь, красители и т. д.), орудия, машины. Здесь рабочий принимается за работу. Пусть его дневная заработная

плата составляет, как и предположено выше, 3 марки, — причем не имеет никакого значения, зарабатывает ли он их в форме поденной или поштучной заработной платы. Точно так же мы здесь опять предполагаем, что своим трудом рабочий в течение 12 часов присоединяет к использованному сырью новую стоимость в 6 марок, которую капиталист реализует при продаже готового продукта. Из них он платит рабочему его 3 марки, остальные же 3 марки оставляет себе. Но если рабочий за 12 часов производит стоимость в 6 марок, то за 6 часов он создает стоимость в 3 марки. Следовательно, проработав на капиталиста шесть часов, рабочий уже возместил капиталисту эквивалент 3 марок, содержащихся в заработной плате. По истечении 6 часов труда оба они квиты, ни один из них не должен другому ни гроша.

Стой! — кричит теперь капиталист. — Я нанял рабочего на целый день, на двенадцать часов. А шесть часов — это только половина дня. Итак, живо опять за работу, пока не кончатся и остальные шесть часов, — только тогда мы будем квиты! И рабочему в самом деле приходится выполнять свой «добровольно» заключенный договор, по которому он обязался за продукт труда, стоящий 6 рабочих часов, работать целых 12 часов.

Так же обстоит дело и при поштучной оплате. Предположим, что наш рабочий за 12 часов изготовляет 12 штук товара. Приходящиеся на каждую штуку товара сырье и износ машин обходятся в 2 марки, а каждая штука продается за $2^1/_2$ марки. Таким образом, при тех же условиях, которые предполагались выше, капиталист будет платить рабочему по 25 пфеннигов за штуку; за 12 штук это составит 3 марки, и, чтобы заработать их, рабочему требуется 12 часов. Капиталист получает за 12 штук 30 марок; за вычетом 24 марок на сырье и износ остается 6 марок, из которых он 3 марки выплачивает в виде заработной платы, а 3 кладет себе в карман. Все происходит так же, как и выше. И здесь рабочий 6 часов работает на себя, то есть для возмещения своей заработной платы (в каждый из 12 часов по $^1/_2$ часа), и 6 часов на капиталиста.

Затруднение, о которое разбивались усилия лучших экономистов, пока они исходили из стоимости «труда», исчезает, как только мы вместо этого берем за исходный пункт стоимость *«рабочей силы»*. В нашем современном капиталистическом обществе рабочая сила является товаром, таким же товаром, как и всякий другой, но все же товаром совершенно особого рода. Дело в том, что товар этот обладает особенным свойством — быть силой, создающей стоимость, источником стои-

мости, и притом — при надлежащем употреблении — источником большей стоимости, чем та, которую он сам имеет. При современном состоянии производства человеческая рабочая сила не только производит за день стоимость, превышающую ту, которую она сама имеет и в которую она обходится; с каждым новым научным открытием, с каждым новым техническим изобретением этот избыток дневного продукта рабочей силы над дневными издержками на нее возрастает; следовательно, та часть рабочего дня, в течение которой рабочий производит возмещение своей дневной заработной платы, сокращается, а, с другой стороны, та часть рабочего дня, в течение которой рабочему приходится *даром отдавать* капиталисту свой труд, не получая за это оплаты, удлиняется.

И таков экономический строй всего нашего современного общества: рабочий класс является тем единственным классом, который производит все стоимости. Ибо стоимость есть лишь иное выражение труда, такое выражение, которым в нашем современном капиталистическом обществе обозначается количество общественно необходимого труда, заключающегося в определенном товаре. Но эти производимые рабочими стоимости не принадлежат рабочим. Они принадлежат собственникам сырья, машин, орудий и авансируемых средств, которые позволяют этим собственникам покупать рабочую силу рабочего класса. Следовательно, из всей массы производимых им продуктов рабочий класс получает обратно только часть. Другая часть, которую класс капиталистов удерживает в своих руках и которой ему приходится делиться разве только с классом земельных собственников, как мы только что видели, возрастает с каждым новым изобретением и открытием, между тем как часть, достающаяся рабочему классу (в расчете на душу), либо увеличивается лишь весьма медленно и незначительно, либо вовсе не увеличивается, а при известных условиях может даже сокращаться.

Но эти все быстрее вытесняющие друг друга изобретения и открытия, эта изо дня в день возрастающая в неслыханных до сих пор размерах производительность человеческого труда создают в конечном счете конфликт, от которого должно погибнуть современное капиталистическое хозяйство. На одной стороне — несметные богатства и избыток продуктов, которыми не в силах овладеть покупатели. На другой стороне — громадная масса общества, пролетаризированная, превращенная в наемных рабочих и именно поэтому оказавшаяся не в состоянии присваивать этот избыток продуктов. Раскол общества на немногочисленный непомерно богатый класс и на огромный неимущий

класс наемных рабочих приводит к тому, что это общество задыхается в своем собственном изобилии, в то время как огромное большинство его членов едва защищено или совсем не защищено от самой крайней нужды. Такое состояние общества с каждым днем становится все более нелепым и все более ненужным. Оно *должно* быть устранено, и оно *может* быть устранено. Возможен новый общественный строй, при котором исчезнут современные классовые различия и при котором — по-видимому, после короткого, связанного с некоторыми лишениями, но во всяком случае очень полезного в нравственном отношении переходного времени — средства для существования, пользования радостями жизни, получения образования и проявления всех физических и духовных способностей в равной мере, со все возрастающей полнотой будут предоставлены в распоряжение всех членов общества благодаря планомерному использованию и дальнейшему развитию уже существующих огромных производительных сил, при одинаковой для всех обязанности трудиться. А что рабочие все больше и больше проникаются решимостью завоевать этот новый общественный строй, свидетельством тому будет по обе стороны океана наступающее завтра первое мая и воскресенье третьего мая[209].

Лондон, 30 апреля 1891 г.

Фридрих Энгельс

Напечатано в приложении к газете «Vorwarts» № 109, 13 мая 1891 г. и в брошюре: Karl Marx. «Lohnarbeit und Kapital». Berlin, 1891

Печатается по тексту брошюры

Перевод с немецкого

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ «РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИЗМА ОТ УТОПИИ К НАУКЕ» [210]

Мое предположение, что содержание этого произведения не представит для наших немецких рабочих больших трудностей, подтвердилось. По крайней мере, с марта 1883 г., когда вышло в свет первое издание, разошлись три издания, общим тиражом в 10000 экземпляров, и это в условиях господства блаженной памяти закона против социалистов. Вместе с тем это — новый пример того, насколько бессильны полицейские запреты перед лицом такого движения, как движение современного пролетариата.

Со времени первого издания вышло в свет еще несколько переводов на иностранные языки: итальянский перевод, сделанный Паскуале Мартиньетти: «Утопический социализм и научный социализм», Беневенто, 1883; русский: «Развитие научного социализма»*, Женева, 1884; датский: «Развитие социализма от утопии к науке», в «Socialistisk Bibliothek», том I, Копенгаген, 1885; испанский: «Утопический социализм и научный социализм», Мадрид, 1886; и голландский: «Развитие социализма от утопии к науке», Гаага, 1886[211].

Настоящее издание подверглось некоторым незначительным изменениям; более важные дополнения сделаны только в двух местах: в первой главе о Сен-Симоне, которому ранее было отведено слишком мало места по сравнению с Фурье и Оуэном, и в конце третьей главы, о «трестах», новой форме производства, которая тем временем приобрела важное значение[212].

Лондон, 12 мая 1891 г.

Фридрих Энгельс

Напечатано в книге: Friedrich Engels. «Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zu Wissenschaft». Berlin, 1891

Печатается по тексту книги

Перевод с немецкого

* В оригинале название книги написано по-русски латинскими буквами. *Ред.*

К ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОЙ СЕМЬИ
(БАХОФЕН, МАК-ЛЕННАН, МОРГАН)

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ РАБОТЫ «ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМЬИ, ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВА»[213]

Предыдущие издания этой книги, выходившие большими тиражами, целиком разошлись почти полгода тому назад, и издатель* давно уже просил меня подготовить новое. Более неотложные работы до сих пор мешали мне это сделать. Со времени выхода в свет первого издания прошло семь лет, и за эти годы в изучении первобытных форм семьи достигнуты большие успехи. Поэтому необходимо было сделать здесь тщательные исправления и дополнения, тем более, что предполагаемое печатание настоящего текста со стереотипа лишит меня на некоторое время возможности вносить дальнейшие изменения**.

Итак, я внимательно пересмотрел весь текст и сделал ряд добавлений, в которых, надеюсь, в достаточной мере учтено нынешнее состояние науки. Далее я даю ниже в этом предисловии краткий обзор развития взглядов на историю семьи от Бахофена до Моргана; я делаю это главным образом потому, что шовинистически настроенная английская школа первобытной истории по-прежнему делает все возможное, чтобы замолчать переворот во взглядах на первобытную историю, произведенный открытиями Моргана, нисколько не стесняясь, однако, при этом присваивать себе полученные Морганом результаты. Да и в других странах кое-где слишком усердно следуют этому английскому примеру.

Моя работа была переведена на различные иностранные языки. Прежде всего на итальянский: «Происхождение семьи,

* — И. Диц. *Ред.*

** В тексте, опубликованном в журнале «Die Neue Zeit», конец этой фразы после слов «тем более, что» дан в следующей редакции: «новое издание должно выйти большим тиражом, обычным теперь в немецкой социалистической литературе, но все еще крайне редким для немецких книгоиздательств». *Ред.*

частной собственности и государства», в просмотренном автором переводе Паскуале Мартиньетти, Беневенто, 1885. Затем на румынский: «Происхождение семьи, частной собственности и государства», перевод Иона Нэдежде; опубликовано в ясском журнале «Contemporanul» с сентября 1885 по май 1886 года. Далее — на датский: «Происхождение семьи, частной собственности и государства», издание, подготовленное Герсоном Триром. Копенгаген, 1888; французский перевод Анри Раве, сделанный с настоящего немецкого издания, находится в печати[214].

* * *

До начала шестидесятых годов об истории семьи не могло быть и речи. Историческая наука в этой области целиком еще находилась под влиянием Пятикнижия Моисея. Патриархальную форму семьи, изображенную там подробнее, чем где бы то ни было, не только безоговорочно считали самой древней формой, но и отождествляли — за исключением многоженства — с современной буржуазной семьей, так что семья, собственно говоря, вообще не переживала, якобы, никакого исторического развития; самое большее допускалось, что в первобытные времена мог существовать период неупорядоченных половых отношений. — Правда, кроме единобрачия было известно еще восточное многоженство и индийско-тибетское многомужество; но эти три формы нельзя было расположить в исторической последовательности, и они фигурировали рядом друг с другом без всякой взаимной связи. Что у отдельных народов древнего мира, как и у некоторых еще существующих дикарей, происхождение считалось не по отцу, а по матери, так что женская линия признавалась единственно имеющей значение; что у многих современных народов воспрещаются браки внутри определенных, более или менее крупных, групп, в то время еще обстоятельно не исследованных, и что этот обычай встречается во всех частях света, — эти факты были, правда, известны, и такого рода примеров накапливалось все больше. Но как к ним подойти, никто не знал, и даже еще в «Исследованиях первобытной истории человечества и т. д.» Э. Б. Тэйлора (1865)[215] они фигурируют просто как «странные обычаи» наряду с действующим у некоторых дикарей запрещением прикасаться к горящему дереву железным орудием и тому подобными религиозными пустяками.

Изучение истории семьи начинается с 1861 г., когда вышла в свет работа Бахофена «Материнское право»[216]. Автор выдвинул в этой работе следующие положения: 1) у людей первоначально существовали ничем не ограниченные половые отношения,

которые он обозначает неудачным выражением «гетеризм»; 2) такие отношения исключают всякую возможность достоверно установить отца, и поэтому происхождение можно было определять лишь по женской линии — согласно материнскому праву, — как первоначально это и было у всех народов древности; 3) вследствие этого женщины как матери, как единственные достоверно известные родители молодого поколения пользовались высокой степенью уважения и почета, доходившей, по мнению Бахофена, до полного господства женщин (гинекократии); 4) переход к единобрачию, при котором женщина принадлежала исключительно одному мужчине, таил в себе нарушение древнейшей религиозной заповеди (то есть фактически нарушение исконного права остальных мужчин на эту женщину), нарушение, которое требовало искупления или допускалось при условии выкупа, состоявшего в том, что женщина в течение определенного времени должна была отдаваться посторонним.

Доказательства этих положений Бахофен находит в многочисленных, с исключительной тщательностью собранных цитатах из классической литературы древности. Развитие от «гетеризма» к моногамии и от материнского права к отцовскому происходит, по его мнению, — в частности у греков, — вследствие дальнейшего развития религиозных представлений, вследствие водворения новых божеств, представителей новых воззрений, в традиционную группу богов, олицетворявшую старые взгляды, так что последние все более и более оттесняются на задний план первыми. Таким образом, не развитие действительных условий жизни людей, а религиозное отражение этих условий в головах тех же людей вызвало, по Бахофену, исторические изменения во взаимном общественном положении мужчины и женщины. В соответствии с этим Бахофен толкует «Орестею» Эсхила как драматическое изображение борьбы между гибнущим материнским правом и возникающим в героическую эпоху и побеждающим отцовским правом. Ради своего любовника, Эгиста, Клитемнестра убила своего супруга Агамемнона, вернувшегося с Троянской войны; но Орест, сын ее и Агамемнона, мстит за убийство отца, убивая свою мать. За это его преследуют Эринии, демонические охранительницы материнского права, по которому убийство матери — тягчайшее, ничем не искупимое преступление. Но Аполлон, который через своего оракула побудил Ореста совершить это дело, и Афина, которую призывают в качестве судьи, — оба божества, представляющие здесь новый порядок, основанный на отцовском праве, — защищают Ореста; Афина выслушивает обе стороны. Весь предмет спора сжато выражен в дебатах, происходящих между Орестом и

Эриниями. Орест ссылается на то, что Клитемнестра совершила двойное злодеяние, убив *своего* супруга и вместе с тем *его* отца. Почему же Эринии преследуют его, а не преследовали ее, гораздо более виновную.? Ответ поразителен:

«С мужем, ею убитым, она *в кровном родстве не была»*[217].

Убийство человека, не состоящего в кровном родстве, даже когда он муж убившей его женщины, может быть искуплено, Эриний оно нисколько не касается; их дело — преследовать убийство лишь среди родственников по крови, и тут, согласно материнскому праву, тягчайшим и ничем не искупимым является убийство матери. Но вот в роли защитника Ореста выступает Аполлон; Афина ставит вопрос на голосование членов ареопага — афинских присяжных; голоса делятся поровну — за оправдание и за осуждение; тогда Афина как председательница подает свой голос за Ореста и объявляет его оправданным. Отцовское право одержало победу над материнским, «боги младшего поколения», как называют их сами Эринии, побеждают Эриний, и в конце концов последние тоже соглашаются взять на себя новые обязанности, перейдя на службу новому порядку.

Это новое, но совершенно правильное толкование «Орестеи» представляет собой одно из прекраснейших и лучших мест во всей книге Бахофена, но оно в то же время доказывает, что Бахофен по меньшей мере так же верит в Эриний, Аполлона и Афину, как в свое время Эсхил; а именно — он верит, что они в греческую героическую эпоху совершили чудо: ниспровергли материнское право, заменив его отцовским. Ясно, что подобное воззрение, по которому религия имеет значение решающего рычага мировой истории, сводится в конечном счете к чистейшему мистицизму. Поэтому проштудировать книгу Бахофена — толстый том большого формата — работа трудная и далеко не всегда благодарная. Но все это не умаляет его заслуги как исследователя, проложившего новый путь; он первый вместо фраз о неведомом первобытном состоянии с неупорядоченными половыми отношениями представил доказательство наличия в классической литературе древности множества подтверждений того, что у греков и у азиатских народов действительно существовало до единобрачия такое состояние, когда, нисколько не нарушая обычая, не только мужчина вступал в половые отношения с несколькими женщинами, но и женщина — с несколькими мужчинами; он доказал, что при своем исчезновении обычай этот оставил после себя след в виде необходимости для женщины выкупать право на единобрачие ценой ограниченной определенными рамками обязанности отдаваться

посторонним мужчинам; что поэтому происхождение могло первоначально считаться только по женской линии — от матери к матери; что это исключительное значение женской линии долго сохранялось еще и в период единобрачия, когда отцовство сделалось достоверным, или во всяком случае стало признаваться; что, наконец, это первоначальное положение матерей как единственных достоверных родителей своих детей обеспечивало им, а вместе с тем и женщинам вообще, такое высокое общественное положение, какого они с тех пор уже никогда не занимали. Бахофен, правда, не сформулировал этих положений с такой ясностью, — этому помешало его мистическое мировоззрение. Но он их доказал, и это в 1861 г. означало целую революцию.

Толстый том Бахофена был написан по-немецки, то есть на языке нации, которая в то время менее всего интересовалась предысторией современной семьи. Поэтому книга осталась неизвестной. Ближайший преемник Бахофена на том же поприще, выступивший в 1865 г., даже не слыхал о нем.

Этим преемником был Дж. Ф. Мак-Леннан, прямая противоположность своему предшественнику. Вместо гениального мистика тут перед нами сухой юрист; вместо буйной поэтической фантазии — тщательно взвешенные построения выступающего в суде адвоката. Мак-Леннан находит у многих диких, варварских и даже цивилизованных народов древнего и нового времени такую форму заключения брака, при которой жених, один или со своими друзьями, должен как бы насильственно похитить невесту у ее родных. Этот обычай является, по-видимому, пережитком более раннего обычая, когда мужчины одного племени действительно насильно похищали себе жен на стороне, у других племен. Как же возник этот «брак-похищение»? Пока мужчины могли находить достаточно жен в своем собственном племени, для такого брака не было никакого повода. Но столь же часто мы находим, что у неразвитых народов существуют известные группы (в 1865 г. их еще часто отождествляли с самими племенами), внутри которых брак запрещен, так что мужчины вынуждены брать себе жен, а женщины мужей — вне этой группы; между тем у других существует обычай, требующий, чтобы мужчины, принадлежащие к определенной группе, брали себе жен только внутри своей собственной группы. Мак-Леннан называет первые группы экзогамными, вторые — эндогамными и тут же, без дальнейших околичностей, конструирует резкую противоположность между экзогамными и эндогамными «племенами». И хотя его же собственное исследование экзогамии прямо-таки носом наталкивает

его на тот факт, что эта противоположность во многих случаях, если не в большинстве или даже во всех, существует лишь в его воображении, он все же кладет ее в основу всей своей теории. Экзогамные племена могут, согласно этому, брать для себя жен только из других племен, а это при свойственном периоду дикости непрерывном состоянии войны между племенами можно сделать лишь путем похищения.

Мак-Леннан спрашивает далее: откуда произошел этот обычай экзогамии? Представления о кровном родстве и кровосмешении не имеют к этому никакого отношения: это — явления, которые развиваются лишь значительно позже. Другое дело — широко распространенный среди дикарей обычай убивать детей женского пола тотчас же после рождения. Благодаря этому в каждом отдельном племени возникает избыток мужчин, ближайшим следствием которого неизбежно должно было явиться совместное обладание несколькими мужчинами одной женой — многомужество. Отсюда, по его мнению, следует, что известно было, кто мать ребенка, но не известно, кто его отец, и поэтому счет родства велся лишь по женской линии, а не по мужской. Это было материнское право. Вторым же следствием недостатка женщин внутри племени, — недостатка, ослабляемого, но не устраняемого многомужеством, — именно и был систематический насильственный увод женщин чужих племен.

«Так как экзогамия и многомужество возникают вследствие одной и той же причины, — численного неравенства обоих полов, — то мы должны признать, что *у всех экзогамных рас первоначально существовало многомужество*... И поэтому мы должны считать бесспорным, что среди экзогамных рас первой системой родства была та, которая знала кровные узы лишь с материнской стороны» (Мак-Леннан. «Очерки по древней истории», 1886. «Первобытный брак», стр. 124)[218].

Заслуга Мак-Леннана состоит в том, что он указал на повсеместное распространение и большое значение того, что он называет экзогамией. Он вовсе не *открыл* факт существования экзогамных групп и во всяком случае не понял его. Не говоря уже о более ранних отдельных указаниях многих наблюдателей, — они-то и были источниками Мак-Леннана, — Лейтам («Описательная этнология», 1859) точно и верно описал этот институт у индийских магаров[219] и высказал мнение, что он общераспространен и встречается во всех частях света, — это место цитирует сам Мак-Леннан. Да и наш Морган еще в 1847 г. в своих письмах об ирокезах (опубликованных в «American Review») и в 1851 г. в работе «Лига ирокезов»[220] доказал наличие подобного института у этой группы племен и дал правильное описание его, между тем как адвокатский ум Мак-Леннана,

как мы увидим, внес здесь гораздо больше путаницы, чем мистическая фантазия Бахофена в области материнского права. Дальнейшая заслуга Мак-Леннана состоит в том, что он признал порядок происхождения по материнскому праву первоначальным, хотя в этом отношении, как он и сам позднее признал, Бахофен опередил его. Но и тут у него имеются неясности; он постоянно говорит о «родстве только по женской линии» (kinship through females only), все время применяя это выражение, правильное для более ранней ступени, также и к позднейшим ступеням развития, когда происхождение и право наследования, правда, считаются еще исключительно по женской линии, но родство признается и определяется также и с мужской стороны. Это — ограниченность юриста, который, создав себе твердый правовой термин, продолжает применять его в неизменном виде и к таким условиям, в которых он уже успел стать неприменимым.

Однако при всей своей основательности теория Мак-Леннана и самому ее автору представлялась, по-видимому, недостаточно прочно обоснованной. По крайней мере он сам обращает внимание на

«тот примечательный факт, что наиболее отчетливо выраженная форма» (мнимого) «похищения женщин распространена как раз у тех народов, у которых *мужское* родство» (то есть происхождение по мужской линии) «господствует» (стр. 140).

И далее:

«Странно, что детоубийство, насколько нам известно, никогда не практикуется систематически там, где существуют рядом экзогамия и древнейшая форма родства» (стр. 146).

Оба эти факта находятся в явном противоречии с его способом объяснения, и он может противопоставить им лишь новые, еще более запутанные гипотезы.

Тем не менее его теория получила в Англии горячее одобрение и широкий отклик; Мак-Леннана все считали здесь основоположником истории семьи и первым авторитетом в этой области. Его противопоставление экзогамных «племен» эндогамным, несмотря на то, что были установлены отдельные исключения и видоизменения, оставалось все же общепризнанной основой господствовавших воззрений и превратилось в шоры, делавшие невозможным всякое не предвзятое рассмотрение исследуемой области, а тем самым и всякий решительный шаг вперед. В противовес распространенной в Англии переоценке заслуг Мак-Леннана, а по английскому примеру и в других странах, следует подчеркнуть, что своим противопоставлением экзогамных и эндогамных «племен», являющимся

чистым недоразумением, он причинил больше вреда, чем принес пользы своими исследованиями.

Между тем вскоре начало обнаруживаться все больше и больше фактов, не умещавшихся в изящных рамках его теории. Мак-Леннан знал лишь три формы брака: многоженство, многомужество и единобрачие. Но уж раз на этот пункт было направлено внимание, стали находить все больше и больше доказательств, что у неразвитых народов существовали такие формы брака, когда несколько мужчин обладали сообща несколькими женщинами; и *Леббок* («Происхождение цивилизации», 1870[221]) признал этот групповой брак (Communal marriage) историческим фактом.

Вслед за тем, в 1871 г., выступил *Морган с* новым и во многих отношениях решающим материалом. Он убедился, что действующая у ирокезов своеобразная система родства была свойственна всем коренным жителям Соединенных Штатов и, следовательно, распространена на целом континенте, хотя она прямо противоречит степеням родства, фактически вытекающим из принятой там системы брака. Он побудил американское федеральное правительство собрать, на основе им самим составленных вопросника и таблиц, сведения о системах родства у прочих народов и из ответов увидел: 1) что принятая у индейцев Америки система родства существует также у многочисленных племен в Азии, а в несколько видоизмененной форме — в Африке и в Австралии; 2) что система эта получает свое полное объяснение в той форме группового брака, которая находится как раз в стадии отмирания на Гавайских и других австралийских островах и 3) что наряду с этой формой брака на тех же островах существует, однако, и такая система родства, которая может быть объяснена только еще более древней, ныне вымершей формой группового брака. Собранные сведения вместе со своими выводами из них он опубликовал в своей работе «Системы родства и свойства», 1871[222], и тем самым перенес спор в несравненно более обширную область. Исходя из систем родства, он восстановил соответствующие им формы семьи и, таким образом, открыл новый путь для исследования и возможность глубже заглянуть в предысторию человечества. Восторжествуй этот метод, и изящные построения Мак-Леннана разлетелись бы в прах.

Мак-Леннан встал на защиту своей теории в новом издании «Первобытного брака» («Очерки по древней истории», 1876). В то время как сам он конструирует историю семьи в высшей степени искусственно, опираясь на одни лишь гипотезы, от Леббока и Моргана он требует не просто доказательств для

каждого их утверждения, но доказательств неопровержимых, таких, какие только и допускаются в шотландском суде. И так поступает тот самый человек, который на основании наличия тесной связи между братом матери и сыном сестры у германцев (Тацит, «Германия», гл. 20), на основании рассказа Цезаря о том, что у бриттов каждые десять или двенадцать мужчин имеют общих жен, и всех других рассказов древних писателей об общности жен у варваров, не колеблясь, делает вывод, что у всех этих народов господствовало многомужество! Кажется, что слушаешь прокурора, который готов позволить себе любую вольность при предъявлении обвинения, а от защитника требует самого строгого, имеющего юридическую силу доказательства для каждого слова.

Групповой брак — чистейшая выдумка, утверждает он, оказываясь тем самым далеко позади Бахофена. Система родства у Моргана — по его мнению — простые правила общественной вежливости, и это доказывается тем фактом, что и к чужим — к белым — индейцы обращаются со словом: брат или отец. Это все равно, как если бы вздумали утверждать, что обозначения отец, мать, брат, сестра — просто ничего не значащие формы обращения, потому что католических духовных лиц и настоятельниц также называют отцами и матерями, а монахи и монахини и даже масоны и члены английских цеховых союзов на торжественных заседаниях обращаются друг к другу со словами: брат и сестра. Словом, защита Мак-Леннана была до крайности слаба.

Но оставался еще один пункт, в котором он был неуязвим. Противоположность между экзогамными и эндогамными «племенами», на которой покоилась вся его система, не только не была поколеблена, но была даже повсюду признана краеугольным камнем всей истории семьи. Допускали, что объяснение, которое Мак-Леннан пытался дать этой противоположности, недостаточно убедительно и противоречит фактам, приводимым им самим. Однако сама эта противоположность, существование двух взаимно исключающих видов обособленных и независимых племен, из которых племена одного вида брали для себя жен внутри племени, тогда как племенам другого вида это было абсолютно воспрещено, рассматривалась как неопровержимое евангелие. Сравни, например, Жиро-Тёлон, «Происхождение семьи» (1874) и даже Леббок, «Происхождение цивилизации» (4 издание, 1882)[223].

Против этого пункта направлено главное произведение Моргана «Древнее общество» (1877)[224], — произведение, которое положено в основу настоящей работы. То, о чем Морган в 1871 г.

лишь смутно догадывался, здесь развито с полной ясностью. Эндогамия и экзогамия вовсе не составляют противоположности; существование экзогамных «племен» до сих пор нигде не доказано. Но в то время, когда господствовал еще групповой брак, — а он, по всей вероятности, некогда господствовал повсеместно, — племя расчленялось на ряд связанных кровным родством по материнской линии групп, родов, внутри которых царило строгое запрещение браков, так что мужчины, принадлежавшие к одному роду, хотя и могли брать для себя жен внутри племени и, как правило, так и делали, но должны были брать их вне своего рода. Таким образом, если род был строго экзогамным, то племя, охватывающее совокупность родов, было так же строго эндогамным. Этим был окончательно опровергнут последний остаток искусственных построений Мак-Леннана.

Но Морган этим не ограничился. Род американских индейцев дал ему, далее, основание сделать второй решающий шаг вперед в исследуемой им области. В этом роде, организованном согласно материнскому праву, он открыл первичную форму, из которой развился более поздний род, организованный сообразно отцовскому праву, — тот род, какой мы находим у культурных народов античности. Греческий и римский род, являвшийся до того загадкой для всех историков, получил свое объяснение в индейском роде, и тем самым была найдена новая основа для всей первобытной истории.

Это вновь сделанное открытие первоначального рода, основанного на материнском праве как стадии, предшествовавшей основанному на отцовском праве роду культурных народов, имеет для первобытной истории такое же значение, как теория развития Дарвина для биологии и как теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии. Оно дало Моргану возможность впервые сделать набросок истории семьи, в котором, поскольку позволял известный до сих пор материал, были в общих чертах предварительно установлены по крайней мере классические ступени развития. Всякому ясно, что тем самым открывается новая эпоха в разработке первобытной истории. Род, основанный на материнском праве, стал тем стержнем, вокруг которого вращается вся эта наука; со времени его открытия стало понятно, в каком направлении и что следует изучать и как нужно группировать полученные результаты. А в соответствии с этим теперь в этой области делаются гораздо более быстрые успехи, чем до появления книги Моргана.

Открытия Моргана признаны или, вернее, присвоены теперь всеми историками первобытного общества также и в Англии. Но почти ни у кого из них мы не найдем открытого признания,

что именно Моргану мы обязаны этой революцией во взглядах. В Англии его книгу по возможности целиком замалчивают, а от него самого отделываются лишь снисходительной похвалой за его *прежние* работы; усердно копаются в отдельных деталях его изложения, а о его действительно великих открытиях упорно молчат. Первое издание «Древнего общества» разошлось; в Америке для подобных вещей нет должного сбыта; в Англии эту книгу, повидимому, систематически игнорировали, и единственное издание этого составившего эпоху произведения, еще имеющееся в продаже, — немецкий перевод.

В чем причина этой сдержанности, в которой трудно не усмотреть заговор молчания, особенно если иметь в виду многочисленные цитаты, приводимые просто из вежливости, и другие свидетельства уважения к коллегам, которыми пестрят сочинения наших признанных знатоков первобытной истории? Уж не в том ли, что Морган — американец, и для английских историков первобытного общества весьма неприятно, что при всем их усердии в собирании материала, заслуживающем всяческого признания, они, когда дело касалось общих исходных положений, необходимых для систематизации и группировки этого материала, короче говоря, необходимых им идей, вынуждены обращаться к двум гениальным иностранцам — к Бахофену и Моргану? С немцем можно было бы еще примириться, по с американцем! По отношению к американцу каждый англичанин становится патриотом, и в Соединенных Штатах я видел забавные примеры этого[225]. А к тому же Мак-Леннан был, так сказать, официально признанным основателем и главой английской школы первобытной истории; в этой области стало своего рода хорошим тоном говорить не иначе, как с величайшим почтением об его искусственной исторической конструкции, ведущей от детоубийства через многомужество и брак-похищение к семье, основанной на материнском праве; малейшее сомнение в существовании абсолютно исключающих друг друга экзогамных и эндогамных «племен» считалось дерзкой ересью; таким образом, Морган, рассеявший как дым все эти освященные догмы, совершил в некотором роде святотатство. К тому же он рассеял их такими доводами, которые достаточно было только высказать, чтобы они тотчас стали очевидными для всех; так что почитатели Мак-Леннана, бессильные до сих пор выбраться из противоречий между экзогамией и эндогамией, должны были чуть ли не ударить себя по лбу и воскликнуть: как могли мы быть столь глупыми, что сами этого давно не обнаружили!

А если бы даже этих преступлений было недостаточно, чтобы официальная школа отнеслась к Моргану не иначе, как холодно

отвернувшись от него, то он переполнил чашу тем, что не только подверг цивилизацию — общество товарного производства, основную форму нашего современного общества, — такой критике, которая заставляет вспомнить о Фурье, но и высказался о грядущем преобразовании этого общества в таких выражениях, которые мог бы произнести Карл Маркс. Поэтому Морган получил по заслугам, когда Мак-Леннан с возмущением бросил ему упрек в том, что «исторический метод ему совершенно антипатичен»[226], и когда женевский профессор г-н Жиро-Тёлон подтвердил это и в 1884 году. А ведь этот самый г-н Жиро-Тёлон еще в 1874 г. («Происхождение семьи») беспомощно блуждал в лабиринте мак-леннановой экзогамии, откуда его вывел только Морган!

Рассматривать здесь другие успехи, которыми обязана Моргану первобытная история, нет надобности; все необходимое на этот счет можно найти в соответствующих местах моей работы. Четырнадцать лет, истекших со времени появления главного труда Моргана, значительно обогатили наш материал по истории первобытных человеческих обществ; к антропологам, путешественникам и профессиональным историкам первобытного общества присоединились юристы, занимающиеся сравнительным правом, которые отчасти дали новый материал, отчасти выдвинули новые точки зрения. Некоторые отдельные гипотезы Моргана были в результате этого поколеблены или даже опровергнуты. Однако нигде вновь собранный материал не привел к необходимости заменить его существенные положения какими-либо другими. Система, внесенная им в первобытную историю, в основных чертах сохраняет силу до сих пор. Можно даже сказать, что она все более и более завоевывает себе общее признание, причем в такой же мере, в какой стараются утаить, что именно он является основоположником этого великого прогресса[*].

Лондон, 16 июня 1891 г.

Фридрих Энгельс

Напечатано в журнале «Die Neue Zeit», Bd. 2, № 41, 1890—1891 гг. и в книге: Friedrich Engels. «Der Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staats». Stuttgart, 1891

Печатается по тексту книги, сверенному с текстом журнала

Перевод с немецкого

[*] На обратном пути из Нью-Йорка, в сентябре 1888 г., я встретился с бывшим депутатом конгресса от Рочестерского избирательного округа, знавшим Льюиса Моргана. К сожалению, он мог рассказать мне о нем немного. Морган жил в Рочестере как частное лицо, занимаясь лишь своей научной работой. Брат его, полковник, служил в Вашингтоне, в военном министерстве; при содействии брата ему и удалось заинтересовать правительство своими исследованиями и издать несколько своих работ на государственные средства; мой собеседник в то время, когда он был депутатом конгресса, тоже, по его словам, неоднократно хлопотал об этом.

ПРИВЕТСТВИЕ ВТОРОМУ АВСТРИЙСКОМУ ПАРТИЙНОМУ СЪЕЗДУ [227]

Лондон, 26 июня 1891 г.

Уважаемые товарищи!

Примите мою самую искреннюю благодарность за любезное приглашение на второй съезд австрийской социал-демократии, а также мое сожаление по поводу того, что я не могу присутствовать лично; шлю вам вместе с тем мои лучшие пожелания успешной работы съезда.

Со времени Гайнфельда[228], когда австрийская рабочая партия снова прочно встала на ноги, вы достигли огромных успехов. Это служит лучшей гарантией того, что ваш нынешний съезд явится исходным пунктом новых, еще более значительных триумфов.

Какой несокрушимой внутренней силой обладает наша партия, она доказывает не только своими быстро следующими один за другим успехами, не только тем, что в этом году в Австрии она покончила с чрезвычайным положением, так же как в прошлом году в Германии[229]. Она доказывает свою силу еще больше тем, что во всех странах преодолевает такие препятствия и совершает такие дела, перед которыми беспомощно пасуют все прочие партии, пополняющие свои ряды из имущих классов. В то время как имущие классы Франции и Германии питают ненависть друг к другу и между ними существует непримиримая вражда, французские и немецкие пролетарии действуют рука об руку. И в то время как у вас в Австрии имущие классы различных коронных земель в слепой национальной вражде теряют последние остатки своей способности господствовать, ваш второй партийный съезд покажет им лицо той Австрии, которой чужды какие-либо национальные распри, лицо Австрии рабочих.

Фридрих Энгельс

Напечатано в «Arbeiter-Zeitung» № 27, 3 июля 1891 г. и в брошюре: «Verhandlungen des zweiten osterreichischen Parteitags, abgehalten zu Wien am 28, 29 und 30 Juni 1891», Wien, 1891

Печатается по тексту «Arbeiter-Zeitung», сверенному с текстом брошюры

Перевод с немецкого

К КРИТИКЕ ПРОЕКТА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ 1891 ГОДА[230]

Написано между 18 и 29 июня 1891 г.

Впервые опубликовано (без приложения) в журнале «Die Neue Zeit», Bd. 1, № 1, 1901—1902 гг. и полностью на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса. 1 изд., т. XVI. ч. II, 1936 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

Нынешний проект[231] весьма выгодно отличается от прежней программы[232]. Сильные остатки отжившей традиции — как специфически лассальянской, так и вульгарно-социалистической — в основном устранены, в теоретическом отношении проект в целом составлен на основе современной науки, что дает возможность обсуждать его на этой основе.

Проект делится на три раздела: I. Мотивировочная часть. II. Политические требования. III. Требования, касающиеся защиты прав рабочих.

I. МОТИВИРОВОЧНАЯ ЧАСТЬ В ДЕСЯТИ АБЗАЦАХ

В общем она страдает тем недостатком, что пытается соединить две несоединимые вещи: быть и программой, и *комментарием* к программе. Опасаются, что будет недостаточно понятно, если писать кратко и убедительно, и поэтому вставляют в текст разъяснения, которые делают изложение многословным и растянутым. На мой взгляд программа должна быть как можно более краткой и точной. Не беда, если когда и встретится какое-либо иностранное слово или же фраза, все значение которой не постигнешь с первого взгляда. Устные доклады на собраниях, письменное разъяснение в печати дадут все, что необходимо, и тогда краткая, выразительная фраза, раз понятая, запечатлеется в памяти, станет лозунгом, чего никогда не бывает с многословными рассуждениями. Нельзя жертвовать слишком многим ради популярности, нельзя недооценивать умственные способности и уровень образования наших рабочих. Они поняли гораздо более трудные вещи, чем то, что может

им дать самая краткая, самая сжатая программа; и если период исключительного закона затруднил, а местами сделал невозможным распространение всесторонних знаний среди вновь вступавших в движение масс, то теперь, когда нашу пропагандистскую литературу можно снова беспрепятственно хранить и читать, это будет быстро наверстано под руководством старых кадров.

Я попытаюсь изложить весь этот раздел более кратко и, если мне это удастся, приложу его или дошлю позже, а сейчас перейду к отдельным абзацам, от 1 до 10.

Абзац 1. — «Отделение» и т. д., «рудников, шахт, копей», — три слова для выражения одного и того же понятия, два должны отпасть. Я оставил бы *рудники* [Bergwerke], которые ведь называются у нас так, если даже они находятся и на самой плоской равнине, и обозначил бы все этим наиболее употребительным выражением. Зато я добавил бы: *«железных дорог и других* средств сообщения».

Абзац 2. — Здесь я вставил бы: «В руках *их присвоителей* (или *их владельцев) общественные* средства труда», а также ниже «зависимость... от *владельцев* (или присвоителей) средств труда» и т. д.

Что эти господа присвоили все эти средства в свое *«индивидуальное* владение», уже сказано в пункте 1 и здесь повторяется снова только потому, что хотят непременно ввести слово «монополисты». Но ни то, ни другое слово решительно ничего не прибавляет к смыслу, А то, что в программе лишнее, ослабляет ее.

«Необходимые для *существования* общества средства труда»

— это всегда как раз те, которые имеются налицо. До появления паровой машины обходились и без нее, а теперь это было бы уже невозможно. Так как в наше время все средства труда прямо или косвенно — либо по своему устройству, либо вследствие общественного разделения труда — являются *общественными средствами труда,* то эти три слова в достаточной степени выражают понятие: имеющееся налицо в данный момент, выражают правильно без всякого повода для ложного толкования.

Если конец этого пункта заимствован из мотивировочной части Устава Интернационала, то я предпочел бы, чтобы это было сделано *полностью:* «социальной обездоленности (это № 1), умственной приниженности и политической зависимости»[233]. Физический упадок входит в понятие социальной обездоленности, а политическая *зависимость* есть факт, между тем как

Начало рукописи Ф. Энгельса «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года»

политическое *бесправие* — это декламаторская фраза, правильная лишь *относительно,* а потому ей не место в программе.

Абзац 3. Первую фразу, по моему мнению, следует изменить.

«При господстве индивидуальных собственников».

Во-первых, то, о чем говорится дальше, есть экономический факт, который и объяснять надо экономически. Выражение же *«господство* индивидуальных собственников» создает ложное представление, будто то, о чем говорится, вызвано *политическим* господством этой разбойничьей банды. Во-вторых, к числу этих индивидуальных собственников принадлежат не только «капиталисты и крупные землевладельцы» (что должно означать следующие за этим «буржуа»? Что это — третий класс индивидуальных собственников? Являются ли крупные землевладельцы тоже «буржуа»? Можно ли, раз уж речь зашла о крупных землевладельцах, игнорировать те колоссальные пережитки феодализма, которые накладывают в Германии на все наше политическое свинство свой специфически реакционный отпечаток?). *Крестьяне* и *мелкие буржуа* — тоже «индивидуальные собственники», по крайней мере еще в настоящее время; но они в программе нигде не фигурируют, и поэтому следует выразиться так, чтобы их вообще не включали в категорию тех индивидуальных собственников, о которых идет речь.

«Накопление средств труда *и* создаваемого эксплуатируемыми богатства».

«Богатство» состоит из: 1) средств труда и 2) жизненных средств. Поэтому говорить сначала об одной *части* богатства, а затем не о другой его части, а о богатстве в целом, и соединять то и другое союзом *и* — это неграмотно и нелогично.

«... увеличивается... в руках *капиталистов* с возрастающей быстротой».

А куда же девались «крупные землевладельцы» и «буржуа», о которых говорилось выше? Если здесь достаточно одних капиталистов, значит и выше достаточно было упомянуть только их. Если же вдаваться в детали, то одних капиталистов вообще недостаточно.

«Численность и *нищета* пролетариев все больше возрастают».

В такой абсолютной форме, как сказано здесь, это неверно. Организация рабочих, их постоянно растущее сопротивление будут по возможности создавать известную преграду для *роста нищеты.* Но что *определенно* возрастает, это *необеспеченность существования.* Это я вставил бы.

Абзац 4. Фраза:

«Коренящееся в самом существе частного капиталистического производства отсутствие планомерности»

нуждается в значительном улучшении. Мне известно капиталистическое производство как общественная форма, как экономическая фаза, и *частное* капиталистическое производство как *явление,* встречающееся в том или ином виде в рамках этой фазы. Но что же представляет собой *частное* капиталистическое производство? — Производство, которое ведется *отдельным* предпринимателем; а ведь оно уже все больше и больше становится исключением. Капиталистическое производство, ведущееся *акционерными обществами,* это уже больше не *частное* производство, а производство в интересах многих объединившихся лиц. Если мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только *частное производство,* но и *отсутствие планомерности.* Зачеркните слово *«частное»,* и это положение будет, пожалуй, приемлемо.

«Разорение широких слоев населения».

Вместо этой декламаторской фразы, которая выглядит так, будто мы не перестаем скорбеть по поводу разорения буржуа и мелких буржуа, я бы сказал об одном простом факте: «которые вследствие разорения средних слоев города и деревни, мелких буржуа и мелких крестьян, еще больше расширяют (или углубляют) пропасть между имущими и неимущими».

Обе заключительные фразы дважды повторяют одно и то же. В приложении к разделу I я даю проект изменения*.

Абзац 5. — Вместо «причин» должно быть «его причин» — вероятно, это просто описка.

Абзац 6. — «Рудники, шахты, копи» — см. замечание выше к абзацу 1. *«Частное* производство» — см. замечание выше. Я сказал бы: «Превращение современного капиталистического производства, ведущегося в интересах отдельных лиц или акционерных обществ, в социалистическое производство, ведущееся в интересах всего общества и по заранее намеченному плану, — превращение, для которого и т. д. ... создаются ... и посредством которого только и может быть осуществлено освобождение рабочего класса, а вместе с ним и освобождение всех членов общества без исключения».

---

* См. настоящий том, стр. 242. *Ред.*

Абзац 7. — Я сказал бы так, как предлагается в приложении к разделу I*.

Абзац 8. — Вместо «классово сознательными» — хотя в наших кругах это сокращение вполне доступно для понимания — я сказал бы в интересах облегчения его понимания и перевода на иностранные языки: «с рабочими, осознавшими свое классовое положение», или что-нибудь в этом роде.

Абзац 9. — Заключительная фраза: «... ставит... и тем самым объединяет в одних руках силу экономической эксплуатации и политического угнетения».

Абзац 10. — После слов «классового господства» не хватает: «и самих классов». Уничтожение классов — наше основное требование, без него уничтожение классового господства, с экономической точки зрения, — бессмыслица. Вместо «за равное право всех» я предлагаю: «за равные права и *равные обязанности* всех» и т. д. *Равные обязанности* являются для нас особо важным дополнением к буржуазно-демократическим *равным правам,* которое лишает последних их специфически буржуазного смысла.

Заключительную фразу: «В своей борьбе ... способны» я бы лучше вычеркнул. При своей неопределенности, — «которые способны улучшить положение *народа* вообще (кто имеется в виду?) и...», — она может означать все: покровительственные пошлины и свободу торговли, цехи и свободу промышленной деятельности, земельный кредит, меновые банки, обязательное оспопрививание и запрещение оспопрививания, алкоголизм и запрещение спиртных напитков и т. д. и т. п. То, что *следовало бы* здесь сказать, уже сказано в предыдущих фразах, а особо оговаривать, что, требуя целого, мы имеем в виду и каждую отдельную его часть, нет никакой необходимости; это, я полагаю, ослабляет впечатление. Если же эта фраза желательна как переход к отдельным требованиям, то можно было бы сказать, примерно, так: «социал-демократия ведет борьбу за все требования, *которые приближают ее к этой цели»* («мероприятия и установления», как повторение, следует вычеркнуть). Или же, что еще лучше, сказать прямо, о чем идет речь, а именно, что необходимо наверстать то, что упустила сделать буржуазия; в таком духе я и сформулировал заключительную фразу в приложении I**. Я считаю это важным в связи с моими замечаниями к следующему разделу и для обоснования сделанных мной там предложений.

---

* См. настоящий том, стр. 243. *Ред.*

** См. там же. *Ред.*

II. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Политические требования проекта страдают большим недостатком. *В нем нет того,* что собственно следовало сказать. Если бы все эти 10 требований были удовлетворены, то хотя в наших руках оказалось бы больше разнообразных средств для достижения нашей главной политической цели, но не была бы достигнута сама эта цель. С точки зрения прав, предоставляемых народу и его представительству, конституция Германской империи есть простой слепок с прусской конституции 1850 г., — конституции, в статьях которой нашла свое выражение самая крайняя реакция и согласно которой правительство обладает всей полнотой власти, а палаты не имеют даже права отклонять налоги, конституции, с которой, как показал период конституционного конфликта, правительство могло делать все, что ему заблагорассудится[234]. Права рейхстага совершенно те же, что и права прусской палаты, и поэтому Либкнехт назвал этот рейхстаг фиговым листком абсолютизма. Па основе этой конституции и узаконенного ею деления на мелкие государства, на основе «союза» между Пруссией и Рейс-Грейц-Шлейц-Лобенштейном[235], когда один из союзников имеет столько же квадратных миль, сколько другой — квадратных дюймов, — на такой основе хотеть осуществить «превращение всех орудий труда в общую собственность» — очевидная бессмыслица.

Касаться этой темы опасно. Но дело, тем не менее, так или иначе должно быть двинуто. До какой степени это необходимо, показывает именно теперь распространяющийся в большой части социал-демократической печати оппортунизм. Из боязни возобновления закона против социалистов, или вспоминая некоторые сделанные при господстве этого закона преждевременные заявления, хотят теперь, чтобы партия признала теперешний законный порядок в Германии достаточным для мирного осуществления всех ее требований. Убеждают самих себя и партию в том, что «современное общество врастает в социализм», не задавая себе вопроса, не перерастает ли оно тем самым с такой же необходимостью свой старый общественный порядок; не должно ли оно разорвать эту старую оболочку так же насильственно, как рак разрывает свою, не предстоит ли ему в Германии, кроме того, разбить оковы еще полуабсолютистского и к тому же невыразимо запутанного политического строя. Можно себе представить, что старое общество могло бы мирно врасти в новое в таких странах, где народное представительство сосредоточивает в своих руках всю власть, где конституционным путем можно сделать все, что угодно, если только имеешь

за собой большинство народа: в демократических республиках, как Франция и Америка, в таких монархиях, как Англия, где предстоящее отречение династии за денежное вознаграждение ежедневно обсуждается в печати и где эта династия бессильна против воли народа. Но в Германии, где правительство почти всесильно, а рейхстаг и все другие представительные учреждения не имеют действительной власти, — в Германии провозглашать нечто подобное, и притом без всякой надобности, значит снимать фиговый листок с абсолютизма и самому становиться для прикрытия наготы.

Подобная политика может лишь, в конце концов, привести партию на ложный путь. На первый план выдвигают общие, абстрактные политические вопросы и таким образом прикрывают ближайшие конкретные вопросы, которые сами собой становятся в порядок дня при первых же крупных событиях, при первом политическом кризисе. Что может выйти из этого, кроме того, что партия внезапно в решающий момент окажется беспомощной, что по решающим вопросам в ней господствует неясность и отсутствие единства, потому что эти вопросы никогда не обсуждались? Не повторится ли снова то, что было в свое время с покровительственными пошлинами, которые тогда объявили вопросом, касающимся только буржуазии и ни в малейшей степени не затрагивающим рабочих, когда, следовательно, каждый мог голосовать, как ему вздумается, между тем как теперь многие впадают в противоположную крайность и, в противовес ударившимся в протекционизм буржуа, снова преподносят экономические софизмы Кобдена и Брайта, проповедуя под видом чистейшего социализма — чистейшее манчестерство[236]? Это забвение великих, коренных-соображений из-за минутных интересов дня, эта погоня за минутными успехами и борьба из-за них без учета дальнейших последствий, это принесение будущего движения в жертву настоящему, — может быть, происходит и из-за «честных» мотивов. Но это есть оппортунизм и остается оппортунизмом, а «честный» оппортунизм, пожалуй, опаснее всех других.

Каковы же эти щекотливые, но весьма существенные пункты?

Во-первых. Если что не подлежит никакому сомнению, так это то, что наша партия и рабочий класс могут прийти к господству только при такой политической форме, как демократическая республика. Эта последняя является даже специфической формой для диктатуры пролетариата, как показала уже великая французская революция. Ведь совершенно немыслимо, чтобы нашим лучшим людям пришлось стать министрами при императоре, подобно Микелю. Правда, с точки зрения законов,

как будто не разрешается прямо включить в программу требование республики, хотя во Франции это было возможно даже при Луи-Филиппе, а в Италии и сейчас. Но тот факт, что в Германии нельзя даже выступить с открыто республиканской партийной программой, доказывает, насколько сильна иллюзия, будто в этой стране можно идиллически-мирным путем установить республику, и не только республику, но и коммунистическое общество.

Впрочем, вопрос о республике можно, в крайнем случае, обойти. Но что на мой взгляд следует и можно включить в программу, это — требование *сосредоточения всей политической власти в руках народного представительства.* И этого пока было бы достаточно, если уж нельзя идти дальше.

Во-вторых. Преобразование государственного строя Германии. С одной стороны, необходимо покончить с делением на мелкие государства: попробуйте-ка революционизировать общество, пока еще существуют резерватные права Баварии и Вюртемберга[237], а карта нынешней Тюрингии, например, представляет собой жалкое зрелище! С другой стороны, должна прекратить свое существование Пруссия, она должна распасться на самоуправляющиеся провинции, чтобы над Германией перестало тяготеть специфическое пруссачество. Деление на мелкие государства и специфическое пруссачество— вот те две стороны противоположности, в тисках которых находится теперь Германия, причем одна из этих сторон постоянно должна служить извинением и оправданием существования другой.

Что же должно встать на место теперешней Германии? По-моему, пролетариат может употребить лишь форму единой и неделимой республики. Федеративная республика является еще и теперь, в общем и целом, необходимостью на гигантской территории Соединенных Штатов, хотя на востоке их она уже становится помехой. Она была бы шагом вперед в Англии, где на двух островах живет четыре нации и, несмотря на единство парламента, существуют друг подле друга три системы законодательства. Она давно уже сделалась помехой в маленькой Швейцарии, и если там можно еще терпеть федеративную республику, то только потому, что Швейцария довольствуется ролью чисто пассивного члена европейской государственной системы. Для Германии федералистическое ошвейцарение ее было бы огромным шагом назад. Два пункта отличают союзное государство от вполне единого государства, именно: что каждое отдельное государство, входящее в союз, каждый кантон имеет свое особое гражданское и уголовное законодательство, свое

особое судоустройство, а затем то, что рядом с народной палатой существует палата представителей от государств, и в ней каждый кантон голосует как таковой, независимо от того, велик он или мал. Первое мы благополучно преодолели и не будем столь наивными людьми, чтобы вводить это снова; второе же имеется у нас в виде Союзного совета, без чего мы можем прекрасно обойтись, да и вообще наше «союзное государство» есть уже переход к вполне единому государству. И наша задача состоит не в том, чтобы революцию сверху, произведенную в 1866 и 1870 гг., поворачивать вспять, а в том, чтобы внести в нее необходимые дополнения и улучшения движением снизу.

Итак, единая республика. Но не в смысле теперешней Французской республики, которая представляет из себя не больше, чем основанную в 1798 г. империю без императора[238]. С 1792 по 1798 г. каждый французский департамент, каждая община пользовались полным самоуправлением по американскому образцу, и это должны иметь и мы. Как следует организовать самоуправление и как можно обойтись без бюрократии, это показали и доказали нам Америка и первая Французская республика, а теперь еще показывают Австралия, Канада и другие английские колонии. И такое провинциальное и общинное самоуправление — гораздо более свободные учреждения, чем, например, швейцарский федерализм, где, правда, кантон очень независим по отношению к федеративному государству в целом, но независим также и по отношению к округу и по отношению к общине. Кантональные правительства назначают окружных начальников и префектов, чего совершенно нет в странах английского языка и что мы у себя в будущем так же решительно должны устранить, как и прусских ландратов и регирунгсратов.

Из всего этого в программу следует включить лишь немногое. Я упоминаю об этом также главным образом для того, чтобы охарактеризовать порядки в Германии, где о подобных вещах нельзя говорить открыто, и тем самым одновременно подчеркнуть самообман тех, кто желает легальным путем преобразовать подобные порядки в коммунистическое общество. Я хочу, далее, напомнить Правлению партии, что имеются еще и другие важные политические вопросы, кроме прямого участия народа в законодательстве и бесплатного правосудия, без которых мы в конце концов обойдемся. При общем неустойчивом положении эти вопросы не сегодня-завтра могут стать животрепещущими, и что будет, если мы их заранее не обсудим и не договоримся на этот счет между собой?

Что, однако, можно включить в программу и что хотя бы косвенно может послужить намеком на то, о чем нельзя говорить прямо, — так это следующее требование:

«Полное самоуправление в провинции, округе и общине через чиновников, избранных на основании всеобщего избирательного права. Отмена всех местных и провинциальных властей, назначаемых государством».

Можно ли сформулировать еще какие-нибудь программные требования в связи с рассмотренными выше пунктами, мне здесь судить труднее, чем вам там на месте. Но было бы желательно, чтобы эти вопросы были обсуждены внутри партии, пока еще не поздно.

1) Различие между «избирательным правом и правом голоса», а также между «выборами и голосованием» для меня не ясно. Если такое различие необходимо провести, то это следовало бы по крайней мере выразить более четко или разъяснить в комментарии, сопровождающем проект.

2) «Право народа на внесение и отклонение законопроектов». *К чему это относится?* Ко всем законам или к постановлениям народного представительства? Это нужно было бы добавить.

5) Полное отделение церкви от государства. Ко всем религиозным обществам без исключения государство относится как к частным объединениям. Они лишаются всякой поддержки из государственных средств и всякого влияния на государственные школы. (Ведь нельзя же запретить им создавать *собственные* школы на *собственные* средства и преподавать там свой вздор.)

6) Пункт о «светском характере школы» в таком случае отпадает, он относится к предыдущему параграфу.

8) и 9) Тут я хотел бы обратить внимание на следующее: эти пункты требуют огосударствления 1) *адвокатуры,* 2) *врачебного дела,* 3) *аптек, зубоврачевания, акушерского дела, больничного дела* и т. д. и т. д., а затем ниже выдвигается еще требование полного огосударствления страхования рабочих. Можно ли все это доверить г-ну Каприви? И согласуется ли это с провозглашенным выше отказом от всякого государственного социализма?

10) Здесь я сказал бы: «Прогрессивный... налог для покрытия всех расходов в государстве, округе, общине, поскольку для этого требуются налоги. Отмена всех косвенных государственных и местных налогов, пошлин и т. д.». Остальное — излишний ослабляющий впечатление комментарий или мотивировка.

III. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

К пункту 2. В Германии больше, чем где-либо, право союзов нуждается в охране также и от *государства.*

Заключительную фразу: «для регулирования» и т. д. надо было бы дополнить *в виде пункта 4,* придав ей соответствующую форму. В связи с этим следовало бы заметить, что с палатами труда, составленными наполовину из рабочих и наполовину из предпринимателей, мы оказались бы в дураках. В течение долгих лет большинство оказывалось бы при таком положении постоянно на стороне предпринимателей, для чего достаточно одной паршивой овцы среди рабочих. Если не будет оговорено, что в спорных случаях *обе половины отдельно* подают свое заключение, было бы гораздо лучше иметь палату предпринимателей и *рядом с ней независимую палату рабочих.*

Заканчивая, я попросил бы сравнить проект еще раз с французской программой[239], где как раз по разделу III кое-что выглядит как будто бы лучше. Испанскую программу[240] за недостатком времени я не могу, к сожалению, разыскать, она также во многих отношениях очень хороша.

ПРИЛОЖЕНИЕ К РАЗДЕЛУ I

1) «Шахты, копи» — опустить, внести «железные дороги и другие средства сообщения».

2) В руках их присвоителей (или их владельцев) общественные средства труда превратились в средства эксплуатации. Обусловленное этим экономическое подчинение рабочего присвоителями средств труда, то есть источников жизни, является основой рабства во всех его формах: социальной обездоленности, умственной приниженности, политической зависимости.

3) При господстве этой эксплуатации накопление создаваемого эксплуатируемыми богатства увеличивается в руках эксплуататоров — капиталистов, крупных землевладельцев — с возрастающей быстротой; распределение продукта труда между эксплуататорами и эксплуатируемыми становится все более неравным, численность пролетариата и необеспеченность его существования все больше возрастают и т. д.

4) *«Частное»* (производство) вычеркнуть... еще больше ухудшают... вследствие разорения средних слоев города и деревни, мелких буржуа и мелких крестьян, еще больше расширяют (или углубляют) пропасть между имущими и неимущими, возводят всеобщее неустойчивое положение в нормальное состояние общества и служат доказательством того, что класс собственников общественных средств труда утратил призвание и способность к хозяйственному и политическому руководству.

5) «его» причин.

6) ... и превращение капиталистического производства, ведущегося в интересах отдельных лиц или акционерных обществ, в социалистическое производство, ведущееся в интересах всего общества и по заранее намеченному плану, — превращение, для которого материальные и духовные условия создаются самим капиталистическим обществом и посредством

которого только и может быть осуществлено освобождение рабочего класса, а вместе с ним и освобождение всех членов общества без исключения.

7) Освобождение рабочего класса может быть только делом самого рабочего класса. Само собой разумеется, что он не может доверить дело своего освобождения ни капиталистам и крупным землевладельцам, своим противникам и эксплуататорам, ни мелким буржуа и мелким крестьянам, которые сами задавлены конкуренцией крупных эксплуататоров и поставлены перед единственным выбором: выступить либо на стороне последних, либо на стороне рабочих*.

8) ... с рабочими, осознавшими свое классовое положение и т. д.

9) ... ставит... и тем самым объединяет в одних руках силу экономической эксплуатации и политического угнетения рабочего.

10) ... классового господства и самих классов** и за равные права и равные обязанности всех без различия и т. д. ... происхождения (конец вычеркнуть). Однако ее борьбе за ... человечества мешают отсталые политические порядки Германии. Прежде всего она должна завоевать свободную арену для движения, уничтожить многочисленные пережитки феодализма и абсолютизма, короче говоря, проделать ту работу, выполнить которую не могут немецкие буржуазные партии, поскольку они были и остаются для этого слишком трусливыми. Она должна поэтому, по крайней мере в настоящее время, включить в свою программу и такие требования, которые в других культурных странах уже осуществлены самой буржуазией.

---

* Конец фразы со слов «выступить либо» написан карандашом вместо зачеркнутых слов: «либо цепляться за этих последних, либо опускаться в ряды пролетариата, следовательно, становиться либо противником рабочего класса, либо придатком его». *Ред.*

** Слова «и самих классов» написаны карандашом. *Ред.*

О БРЮССЕЛЬСКОМ КОНГРЕССЕ И О ПОЛОЖЕНИИ В ЕВРОПЕ

(ИЗ ПИСЬМА П. ЛАФАРГУ)[241]

Лондон, 2 сентября 1891 г.

БРЮССЕЛЬСКИЙ КОНГРЕСС

У нас есть все основания быть довольными Брюссельским конгрессом.

Конгресс хорошо сделал, что голосовал за исключение анархистов: старый Интернационал этим закончил, новый — с этого начинает. Тем самым спустя девятнадцать лет простонапросто подтверждены решения Гаагского конгресса[242].

Не менее важно то обстоятельство, что были широко открыты двери для английских тред-юнионов. Этот шаг свидетельствует о том, насколько правильно была понята обстановка. А результаты голосования, связавшие тред-юнионы с «классовой борьбой и уничтожением наемного труда», показывают, что с нашей стороны никаких уступок сделано не было.

Инцидент с Домела Ньювенгейсом показал, что европейские рабочие окончательно оставили позади период господства громкой фразы и что они отдают себе отчет в той ответственности, которая на них возлагается: они являются классом, организованным в партию «борьбы», в партию, которая считается с «фактами». А факты говорят, что дело принимает все более революционный оборот.

ПОЛОЖЕНИЕ В ЕВРОПЕ

В России уже наступил голод; в Германии он наступит через несколько месяцев; другие страны пострадают в меньшей степени, и вот почему: недобор урожая в 1891 г. исчисляется в $11^1/_2$ миллионов гектолитров пшеницы и в 87 или 100 миллионов гектолитров ржи, а этот последний недобор затрагивает

главным образом две страны, потребляющие рожь, — Россию и Германию.

Это обеспечивает нам мир до весны 1892 года. Россия до того времени не шевельнется; следовательно, если только в Париже или Берлине не натворят невероятных глупостей, войны не будет.

Но зато переживет ли царизм этот кризис? Я в этом сомневаюсь. В больших городах, и особенно в Петербурге, слишком много мятежных элементов, чтобы эти благоприятные обстоятельства не попытались использовать для низложения пьяницы Александра III или, по меньшей мере, для того, чтобы поставить его под контроль национального собрания; возможно, что он сам будет вынужден взять на себя инициативу созыва такого собрания. Россия — то есть правительство и молодая буржуазия — очень много потрудилась над созданием крупной национальной промышленности (см. в «Neue Zeit» статью Плеханова[243]). Развитие этой промышленности сразу приостановится, так как голод лишит ее единственного рынка сбыта — внутреннего рынка. Царь увидит, к чему приводит превращение России в самоснабжающуюся страну, независимую от заграницы: он окажется перед лицом сельскохозяйственного кризиса, усугубленного кризисом промышленным.

В Германии правительство решится, как всегда слишком поздно, на упразднение или временную отмену хлебных пошлин. Это вызовет раскол в протекционистском большинстве рейхстага. Крупные землевладельцы, «ruraux»*, не захотят больше поддерживать пошлины на промышленные изделия, они захотят покупать их как можно дешевле. Таким образом, повторится, вероятно, то, что произошло при голосовании закона против социалистов: протекционистское большинство расколется само по себе вследствие возникшей в новых условиях противоположности интересов, будучи не в состоянии прийти к соглашению по отдельным пунктам протекционистской системы. Любые предложения будут собирать лишь меньшинство голосов; должен будет произойти либо возврат к системе свободной торговли, что практически также невозможно, либо роспуск рейхстага, что повлечет за собой утрату своих позиций старыми партиями и старым большинством и образование нового фритредерского большинства, находящегося в оппозиции к нынешнему правительству. Это будет означать действительный и безусловный конец бисмарковского периода и

* — «помещичьи депутаты», «деревенщина» (презрительная кличка большинства реакционного Национального собрания 1871 г. во Франции, примененная Энгельсом к немецким юнкерам). *Ред.*

политического застоя внутри страны — я говорю здесь не о нашей партии, а о возможных правительственных партиях; начнется борьба между дворянами-землевладельцами и буржуазией, а также между промышленной буржуазией, настроенной протекционистски, и торговцами, а также той частью промышленной буржуазии, которая стоит за свободу торговли; устойчивость правительства и внутренней политики будет нарушена, начнется, наконец, движение, борьба, жизнь, и все плоды станет пожинать наша партия; если события примут такой оборот, то уже около 1898 г. наша партия сможет прийти к власти.

Таково положение дел! Я не говорю о других странах, потому что сельскохозяйственный кризис не затрагивает их так сильно. И если бы этот сельскохозяйственный кризис вызвал промышленный кризис в Англии, которого мы ждем вот уже 25 лет... тогда!

Ф. Энгельс

Напечатано в газете «Le Socialiste»
№ 51, 12 сентября 1891 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

СОЦИАЛИЗМ В ГЕРМАНИИ [244]

Написано: основная часть — в октябре 1891 г., введение и заключение к немецкому переводу — в январе 1892 г.

Напечатано в «Almanach du Parti Ouvrier pour 1892». Lille, 1892 (без введения и заключения) и в журнале «Die Neue Zeit», Bd. 1, N 19. 1891—1892 гг.

Подпись: Фр. Энгельс

Печатается: основная часть по тексту «Almanach du Parti Ouvrier pour 1892», сверенному с немецким переводом в журнале «Die Neue Zeit»; введение и заключение по тексту журнала «Die Neue Zeit»

Перевод с французского и немецкого

Нижеследующее представляет собой перевод статьи, написанной мной по просьбе наших парижских друзей на французском языке для «Almanach du Parti Ouvrier pour 1892». Я считаю себя обязанным как по отношению к французским, так и по отношению к немецким социалистам опубликовать ее также на немецком языке. По отношению к французским — потому, что в Германии должны знать, насколько откровенно можно с ними обсуждать тот случай, когда немецким социалистам безусловно пришлось бы принять участие в войне, даже и против Франции, и насколько свободны *эти* французы от шовинизма и жажды реванша, которыми так щеголяют все буржуазные партии, от монархистов до радикалов. По отношению к немецким — потому, что они имеют право узнать непосредственно от меня, что я рассказал о них французам.

Само собой разумеется, — и об этом я еще раз заявляю прямо, — что в этой статье я говорю лишь от своего собственного имени, а вовсе не от имени германской партии. Такое право принадлежит только выборным органам этой партии, ее представителям и доверенным лицам. К тому же то положение, которое я занимаю в международном движении в итоге своей пятидесятилетней деятельности, не позволяет мне выступать в качестве представителя той или иной национальной социалистической партии в противовес другим партиям, но оно и не мешает мне помнить, что я немец, и гордиться тем положением, которое раньше всех других завоевали себе наши немецкие рабочие.

I

Немецкий социализм возник задолго до 1848 года. Сначала в нем существовало два независимых течения. С одной стороны— чисто рабочее движение, ответвление французского пролетарского коммунизма; плодом этого движения был утопический коммунизм Вейтлинга, явившийся одним из этапов его развития. Затем — теоретическое движение, возникшее в результате распада гегелевской философии; в этом направлении с самого начала господствует имя Маркса. «Коммунистический манифест», появившийся в январе 1848 г., знаменует собой слияние обоих течений, слияние, которое было завершено и скреплено неразрывными узами в горниле революции, когда все они, и рабочие, и бывшие философы, одинаково рисковали своей жизнью во имя общего блага*.

После поражения европейской революции в 1849 г. социализму в Германии пришлось ограничиться нелегальным существованием. Только в 1862 г. Лассаль, ученик Маркса, снова поднял социалистическое знамя. Но это уже не был смелый социализм «Манифеста»; все, что требовал Лассаль в интересах рабочего класса, сводилось к учреждению кооперативных производительных товариществ с помощью государственного кредита, — новое издание программы той части парижских рабочих, которая до 1848 г. примыкала к «National» Марраста**, то есть к программе, выдвинутой *чистыми республиканцами*

* В тексте немецкого перевода, опубликованного в журнале «Die Neue Zeit», вместо слов «одинаково рисковали своей жизнью» напечатано: «с честью доказали на что они способны». *Ред.*

** В немецком тексте добавлено: «органу чистых республиканцев». *Ред.*

в противовес «Организации труда» Луи Блана[245]. Социализм Лассаля был, как мы видим, очень умеренным. И тем не менее его появление на сцене знаменует собой исходный пункт второго этапа развития социализма в Германии. Ибо Лассалю, благодаря его таланту, рвению, неукротимой энергии, удалось вызвать к жизни рабочее движение, с которым положительными или отрицательными, дружественными или враждебными узами связано все то, что волновало немецкий пролетариат в течение десяти лет[*].

В самом деле, могло ли чистое лассальянство, как таковое, удовлетворить социалистические требования нации, создавшей «Манифест». Это было невозможно. И поэтому вскоре, благодаря главным образом усилиям Либкнехта и Бебеля, возникла рабочая партия, открыто провозгласившая принципы «Манифеста» 1848 года[246]. Далее, спустя три года после смерти Лассаля, в 1867 г. появился «Капитал» Маркса, и с этого момента начинается упадок специфического лассальянства. Взгляды, развитые в «Капитале», все больше и больше становились достоянием всех немецких социалистов, — лассальянцев не в меньшей мере, чем других. Не раз целые группы лассальянцев с развернутыми знаменами и с барабанным боем переходили в ряды новой партии Бебеля и Либкнехта[**], именуемой эйзенахской партией. Эта партия численно постоянно росла; так что вскоре дело дошло до открытой вражды между лассальянцами и их соперниками; и наиболее остро борьба происходила, — даже с применением дубинок, — как раз в тот момент, когда между борющимися уже не было ни одного действительно спорного пункта, когда принципы, аргументы и даже средства борьбы у тех и у других во всех существенных пунктах совпадали.

А это был как раз тот момент, когда депутаты обеих социалистических фракций сидели рядом в рейхстаге и необходимость совместных действий ощущалась вдвойне. Перед лицом буржуазных депутатов[***] такая традиционная взаимная вражда выглядела явно смешной. Положение стало прямо-таки нетерпимым. И тогда, в 1875 г., произошло объединение[247]. С тех пор враждовавшие прежде братья уже постоянно составляли единую, сплоченную семью. А если и имелись еще очень небольшие шансы их разъединить, то Бисмарк весьма любезно это

[*] В немецком тексте вместо слов «все то, что волновало немецкий пролетариат в течение десяти лет» напечатано: «все, что немецкий пролетариат самостоятельно сделал в течение десяти лет». *Ред.*

[**] В немецком тексте слова «Бебеля и Либкнехта» опущены. *Ред.*

[***] В немецком тексте вместо слов «буржуазных депутатов» напечатано: «партий порядка». *Ред.*

предотвратил, издав в 1878 г. свой пресловутый исключительный закон, поставивший немецкий социализм вне закона. Преследования, которые, подобно ударам молота, обрушивались на тех и на других, окончательно выковали из лассальянцев и эйзенахцев единую однородную массу. И в настоящее время социал-демократическая партия, выпуская одной рукой официальное издание сочинений Лассаля[248], в то же время другой рукой — и при помощи бывших лассальянцев — искореняет из своей программы последние следы специфического лассальянства.

Нужно ли подробно освещать все перипетии, сражения, поражения и победы, которыми был ознаменован путь германской партии? Когда в 1866 г. всеобщее избирательное право открыло перед ней двери рейхстага, она была представлена двумя депутатами* и сотней тысяч избирателей; теперь она насчитывает 35 депутатов и полтора миллиона избирателей, то есть больше избирателей, чем было у любой партии на выборах 1890 года. В результате одиннадцатилетнего пребывания вне закона и на осадном положении ее ряды выросли вчетверо, и она превратилась в сильнейшую партию Германии. В 1867 г. буржуазные депутаты** могли еще рассматривать своих социалистических коллег как чужеродные существа, прибывшие с другой планеты; теперь, нравится это им или нет, но они вынуждены видеть в них передовой отряд той силы, которой принадлежит будущее. Социал-демократическая партия, сокрушившая Бисмарка и опрокинувшая после одиннадцатилетней борьбы закон против социалистов, партия, которая, подобно бурному потоку, сносит все плотины и наводняет города и села, вплоть до самых реакционных Вандей***, — эта партия достигла теперь такого положения, что может почти с математической точностью определить время, когда она придет к власти.

Число голосов, поданных за социалистов, составляло:

1871 г.	101 927	1884 г.	549 990
1874 г.	351 670	1887 г.	763 128
1877 г.	493 447	1890 г.	1 427 298

Со времени последних выборов правительство делало все возможное, чтобы толкнуть народные массы к социализму:

* — А. Бебелем и В. Либкнехтом. *Ред.*

** В немецком тексте вместо слов «буржуазные депутаты» напечатано; «депутаты партий порядка». *Ред.*

*** В немецком тексте вместо слова «Вандей» напечатано: «сельских районов». *Ред.*

оно преследовало профессиональные союзы и стачки, оно даже при нынешней дороговизне сохраняло пошлины, вызывавшие в интересах крупных землевладельцев повышение цен на хлеб и мясо для бедняков. На выборах 1895 г. мы можем поэтому рассчитывать по меньшей мере на $2^1/_2$ миллиона голосов; это число, однако, к 1900 г. может увеличиться до $3^1/_2$ — 4 миллионов из 10 миллионов избирателей, внесенных в списки*. Веселый «конец века» для наших буржуа!

Этой компактной и все возрастающей массе социал-демократов противостоят лишь расколотые буржуазные партии. В 1890 г. консерваторы (обе фракции вместе) имели 1377417 голосов; национал-либералы — 1177807; прогрессисты (радикалы)** — 1159915; католики*** — 1342113. Это означает такое положение, при котором солидная партия, располагающая свыше $2^1/_2$ миллионов голосов, может заставить капитулировать любое правительство.

Однако главная сила германского социализма заключается отнюдь не в количестве избирателей. Избирателем у нас становятся только в 25 лет, а солдатом — уже в 20. А так как наибольшее пополнение дает партии именно молодое поколение, то отсюда следует, что германская армия все более и более заражается социализмом. Сейчас на нашей стороне каждый пятый солдат, через несколько лет будет каждый третий, а к 1900 г. армия, которая прежде в Германии была особенно пропитана прусским духом, станет в большинстве своем социалистической. Это надвигается неотвратимо, как по велению рока. Берлинское правительство понимает это не хуже нас, но оно бессильно. Армия ускользает из его рук.

Сколько раз требовала от нас буржуазия, чтобы мы при любых обстоятельствах отказывались от применения революционных методов и оставались в рамках законности, особенно теперь, когда пал исключительный закон, восстановлено общее право для всех, в том числе для социалистов! К сожалению, мы не в состоянии сделать господам буржуа такое одолжение, хотя и верно, что в данный момент отнюдь не мы находимся в положении тех, кого «законность убивает»[249]. Напротив, она так превосходно работает в нашу пользу, что мы были бы глупцами, если бы нарушили ее, пока дело идет таким образом. Гораздо скорее возникает вопрос, не нарушит ли эту законность именно буржуазия и ее правительство, чтобы раздавить

* В немецком тексте слова «из 10 миллионов избирателей, внесенных в списки», опущены. *Ред.*

** В немецком тексте вместо слов «прогрессисты (радикалы)» напечатано: «немецкие свободомыслящие». *Ред.*

*** В немецком тексте вместо слова «католики» напечатано: «центр». *Ред.*

нас при помощи силы? Поживем — увидим. А пока: «стреляйте первые, господа буржуа!»[250]

Без сомнения, они будут стрелять первыми. В один прекрасный день немецким буржуа и их правительству надоест пассивно наблюдать все возрастающий подъем социализма; они прибегнут к беззаконию, к насильственным действиям. Что это даст? При помощи насилия можно задушить маленькую секту, действующую на ограниченной территории; но нет еще такой силы, которая была бы в состоянии уничтожить партию в два миллиона[*] человек, рассредоточенных на всем пространстве огромной империи. Насильственная контрреволюция[**] может, пожалуй, задержать на несколько лет победу социализма, но лишь для того, чтобы затем эта победа стала еще более полной и прочной.

[*] В немецком тексте вместо слов «два миллиона» напечатано: «два—три миллиона». *Ред.*

[**] В немецком тексте вместо слов «Насильственная контрреволюция» напечатано: «Временный перевес контрреволюционных сил». *Ред.*

II

Все сказанное выше имеет силу лишь при том условии, что экономическое и политическое развитие Германии будет продолжаться в условиях мира. Война изменила бы все положение дел. А война не сегодня-завтра может вспыхнуть.

Что означает в настоящее время война, знает каждый. Это означает: Франция и Россия — с одной стороны, Германия, Австрия и, возможно, Италия — с другой. Социалисты всех этих стран, призванные против воли в армию, должны были бы сражаться друг против друга; что стала бы делать в таком случае Социал-демократическая партия Германии?*

Германская империя — это монархия с полуфеодальными порядками, в которой, однако, решающую роль играют в конечном счете экономические интересы буржуазии. Эта империя допустила благодаря Бисмарку огромные ошибки. Ее полицейская, мелочная, придирчивая внутренняя политика, недостойная правительства великой нации, навлекла на нее презрение всех буржуазно-либеральных стран; ее внешняя политика вызывает недоверие, даже ненависть соседних народов. Насильственной аннексией Эльзас-Лотарингии германское правительство на долгие годы сделало невозможным какое-либо примирение с Францией, а Россию, без всякой действительной выгоды для себя, оно сделало арбитром Европы. Это было настолько очевидным, что на другой же день после Седана[251] Генеральный Совет Интернационала мог предсказать нынешнюю европейскую ситуацию. В его воззвании от 9 сентября 1870 г. говорится: «Неужели тевтонские патриоты действительно думают, что свобода и мир для Германии будут обеспечены, если они принудят Францию броситься в объятия России? Если военное счастье, опьянение своими успехами, династические интриги

* В немецком тексте добавлено: «Что стало бы с ней?». *Ред.*

толкнут Германию на путь грабительского присвоения французских областей, для нее останутся только два пути: либо она должна во что бы то ни стало сделаться явным орудием русской завоевательной политики, либо она должна после короткой передышки начать готовиться к другой «оборонительной войне», но не к одной из тех вновь изобретенных «локализованных» войн, а к войне расовой, к войне против объединенных славянской и романской рас»[252].

Несомненно, по сравнению с этой Германской империей даже и нынешняя Французская республика представляет собой революцию, — правда, лишь буржуазную революцию, но все же революцию. Но как только эта республика ставит себя в подчинение русскому царизму, — дело меняется. Русский царизм— враг всех западных народов, даже буржуазии этих народов. Если бы царские орды вторглись в Германию, они принесли бы не свободу, а рабство, не развитие, а опустошение, не прогресс, а одичание. Действуя рука об руку с царем, Франция не может принести Германии никакой освободительной идеи; французский генерал, который заговорил бы о германской республике, был бы высмеян всей Европой и Америкой. Франции пришлось бы отречься от своей революционной роли[*] и позволить бисмарковской империи разыгрывать из себя представительницу западного прогресса в противовес восточному варварству.

Но теперь за официальной Германией стоит германская Социал-демократическая партия, партия, которой принадлежит будущее, близкое будущее страны. Как только эта партия придет к власти, она не сможет ни использовать ее, ни удержать в своих руках, не исправив тех несправедливостей по отношению к другим нациям, которые были совершены ее предшественниками. Она должна будет подготовить восстановление Польши, которую в настоящее время так подло предала французская буржуазия; она должна будет предоставить Северному Шлезвигу и Эльзас-Лотарингии возможность по собственному усмотрению определить свое политическое будущее. Все эти вопросы будут, таким образом, легко разрешены, и это произойдет в ближайшем будущем, если только Германия будет предоставлена самой себе. Между социалистической Францией и социалистической Германией не может возникнуть никакого вопроса об Эльзас-Лотарингии, вопрос этот будет разрешен в мгновение ока. Речь идет лишь о том, чтобы подождать каких-либо десять лет. Во Франции, Англии, Германии весь пролетариат еще ждет своего освобождения; неужели и эльзас-лотарингские

[*] В немецком тексте вместо слов «от своей революционной роли» напечатано: «от всей своей революционной роли в истории». *Ред.*

патриоты не могут также подождать некоторое время? Неужели из-за их нетерпения целый континент должен быть опустошен и в конце концов отдан под власть царского кнута? Стоит ли игра свеч?

Если дело дойдет до войны, то прежде всего Германия, а затем и Франция станут главным театром военных действий; обе эти страны раньше других почувствуют на себе тяжесть военных расходов и опустошений. К тому же эта война с самого начала будет отличаться рядом таких взаимных предательств среди союзников, каких не было до сих пор отмечено даже в анналах архипредательницы дипломатии; и главными жертвами этих предательств будут опять-таки Франция или Германия или обе вместе. Можно сказать почти наверняка, что в связи с перспективой оказаться в таком рискованном положении ни одна из этих стран не станет провоцировать открытое столкновение. Напротив, Россия, защищенная в силу своего географического и экономического положения от наиболее губительных последствий целого ряда поражений, одна лишь официальная Россия может извлечь выгоду из этой страшной войны и именно она ведет дело к этому. Но во всяком случае при нынешнем политическом положении можно смело держать пари, что при первом пушечном выстреле на Висле французские войска двинутся к Рейну.

А тогда Германия будет бороться уже просто за свое существование, Если она победит, она нигде не найдет объекта для аннексий; на западе и на востоке она встретит лишь области с иноязычным населением, а их у нее и так уже более чем достаточно. Если Германия будет побеждена, раздавлена между французским молотом и русской наковальней, то она должна будет уступить России старую Пруссию и польские провинции, Дании — весь Шлезвиг, Франции — весь левый берег Рейна. Если бы Франция даже и отказалась от этого завоевания, его навязала бы ей Россия. *Ибо России нужен прежде всего источник постоянной вражды между Францией и Германией*[*]. Примирите эти две большие страны, и с русским преобладанием в Европе будет покончено. Но раздробленная таким путем Германия была бы не в состоянии участвовать в той миссии, которую выполняет Европа в развитии цивилизации[**]. Низведенная до положения, которое ей было навязано Наполеоном после Тильзита, она могла бы существовать лишь в том случае,

[*] В немецком тексте добавлено: «вечное яблоко раздора». *Ред.*

[**] В немецком тексте конец этой фразы после слов «была бы не в состоянии» дан в следующей редакции; «выполнить подобающую ей роль в историческом развитии Европы». *Ред.*

если бы подготовила новую войну с целью восстановления своего национального существования. А пока она оставалась бы послушным орудием царя, который не преминул бы использовать его против Франции.

Что было бы при таких обстоятельствах с Социал-демократической партией Германии? Несомненно одно: ни царь, ни французские буржуазные республиканцы, ни само германское правительство не упустили бы такого прекрасного случая, чтобы раздавить единственную партию, которая для всех троих является врагом. Мы видели, как Тьер и Бисмарк протянули друг другу руки над развалинами Парижа Коммуны, и нам довелось бы еще увидеть, как царь, Констан и Каприви (или кто-либо из их преемников) бросятся друг другу в объятия над трупом немецкого социализма.

А ведь Социал-демократическая партия Германии вследствие непрерывных тридцатилетних усилий* и принесенных за это время жертв завоевала себе такое положение, которого не занимает ни одна социалистическая партия в мире, положение, которое обеспечивает ей в течение короткого срока переход политической власти в ее руки. Социалистическая Германия занимает в международном рабочем движении самый передовой, самый почетный, самый ответственный пост; ее долг — защищать этот пост** против всякого нападения.

Но если победа русских над Германией означает подавление немецкого социализма, то в чем же будет состоять при такой перспективе долг немецких социалистов? Следует ли им пассивно подчиниться ходу событий, которые грозят их уничтожить, следует ли им без сопротивления оставить завоеванный пост, за который они несут ответственность перед пролетариатом всего мира?

Никоим образом. В интересах европейской революции они обязаны отстаивать все завоеванные позиции и не капитулировать ни перед внешним врагом, ни перед внутренним. А это они смогут выполнить лишь в непримиримой борьбе с Россией и всеми ее союзниками, кто бы они ни были. Если бы Французская республика поставила себя на службу его величеству царю и самодержцу всея Руси, то немецкие социалисты стали бы сражаться против нее с чувством сожаления, но все-таки сражались бы. По отношению к Германской империи Французская республика может, пожалуй, представлять буржуазную революцию. Но по отношению к республике какого-нибудь Констана, Рувье и даже Клемансо, а в особенности по отноше-

---

* В немецком тексте вместо слова «усилий» напечатано: «боев». *Ред.*

** В немецком тексте добавлено: «до последнего человека». *Ред.*

нию к республике, поставившей себя на службу русскому царю, немецкий социализм безусловно представляет пролетарскую революцию.

Война, в ходе которой русские и французы вторглись бы в Германию, была бы для нее борьбой не на жизнь, а на смерть, борьбой, в которой она, чтобы обеспечить свое национальное существование, должна была применить самые революционные средства. Нынешнее правительство, если только оно не будет к этому вынуждено, наверняка не развяжет революцию. Но у нас есть сильная партия, которая может его принудить к этому или в случае необходимости занять его место, — Социал-демократическая партия.

Мы не забыли того замечательного примера, который дала нам Франция в 1793 году[253]. Столетний юбилей 1793 года приближается. Если завоевательные вожделения царя и шовинистическое нетерпение французской буржуазии задержат победоносное, но мирное поступательное движение немецких социалистов, то последние — будьте в этом уверены — готовы показать всему миру, что нынешние немецкие пролетарии достойны французских санкюлотов прошлого столетия и что 1893 г. можно поставить рядом с 1793 годом. И если солдаты г-на Констана вступят на немецкую землю, они будут встречены словами «Марсельезы»:

Как, эти рати чужеземцев
Будут хозяйничать в наших домах!

Подведем итог. Мир обеспечит победу Социал-демократической партии Германии приблизительно лет через десять. Война же принесет ей либо победу через два-три года, либо полный разгром, от которого она не оправится по крайней мере лет пятнадцать — двадцать. При таких обстоятельствах немецкие социалисты должны были бы прежде лишиться рассудка, чтобы предпочесть войну, в которой все будет поставлено на карту, верной победе, обеспеченной им при сохранении мира. Более того. Ни один социалист, к какой бы национальности он ни принадлежал, не может желать ни военной победы нынешнего германского правительства, ни победы французской буржуазной республики и уж меньше всего — победы царя, которая была бы равносильна порабощению Европы. И поэтому социалисты всех стран стоят за мир. И если война все-таки разразится, тогда несомненно лишь одно: эта война, в которой от пятнадцати до двадцати миллионов вооруженных людей стали бы истреблять друг друга и опустошили бы Европу так, как она еще никогда ни была опустошена, — эта война должна либо привести

к немедленной победе социализма, либо настолько потрясти старый порядок вещей и оставить после себя такую груду развалин, что существование старого капиталистического общества стало бы еще более невозможным, чем прежде, и социальная революция, хотя и отодвинутая на десять или на пятнадцать лет, должна была бы затем одержать более быструю и основательную победу.

* * *

На этом заканчивается моя статья во французском рабочем календаре. Эта статья была написана в конце лета, когда хмель от выпитого в Кронштадте шампанского еще кружил головы французской буржуазии[254], а крупные маневры между Сеной и Марной на полях сражений 1814 г. довели патриотическое возбуждение до апогея. В то время Франция — та Франция, рупором которой является большая пресса и парламентское большинство, — была и в самом деле готова на довольно отчаянные глупости в угоду России, и возможность войны стала весьма реальной. И для того, чтобы в случае, если бы эта возможность стала действительностью, не возникло в последний момент никаких недоразумений между французскими и немецкими социалистами, я счел необходимым разъяснить первым, какую позицию должны были бы, по моему убеждению, занять вторые по отношению к подобной войне.

Но с тех пор воинственный пыл России значительно поостыл. Сначала стало известно о неурожае в России, за которым надо было ожидать голода. Затем ее постигла неудача с парижским займом[255], означающая окончательный крах русского государственного кредита. Сумма в четыреста миллионов марок была, как сообщалось, покрыта при подписке с превышением в несколько раз; но когда парижские банкиры попытались навязать публике облигации займа, то все их попытки потерпели неудачу; господам подписчикам пришлось распродавать по пониженным ценам свои полноценные бумаги, чтобы оплатить эти неполноценные, и притом в таком количестве, что вследствие этих массовых распродаж понизились цены и на других крупных биржах Европы; новые «русские» бумаги упали на несколько процентов ниже нарицательной цены, — словом, наступил такой кризис, что русское правительство было вынуждено взять обратно часть облигаций на сумму в 160 миллионов, и заем оказался покрытым только на 240 миллионов вместо 400. В результате этого жалким образом провалилась и новая попытка России заключить заем, о котором уже торжественно растру-

били на весь мир, — на этот раз заем на целых 800 миллионов марок. В результате этого обнаружилось также, что у французского капитала абсолютно нет никакого «патриотизма», но зато есть, — несмотря на все его бряцание оружием в прессе, — спасительный страх перед войной.

Тем временем неурожай действительно привел к голоду, да еще такого масштаба, какого мы в Западной Европе давно уже не знаем, к такому голоду, какой не часто случается даже в Индии, этой типичной стране подобного рода бедствий; едва ли достигал он подобных размеров и на святой Руси в прежние времена, когда еще не существовало железных дорог. Отчего это происходит? Чем это объяснить?

Очень просто. Русский голод — это не только результат неурожая, он является элементом глубокой социальной революции, происходившей в России со времени Крымской войны; он представляет собой лишь вызванное этим неурожаем превращение хронической болезни, связанной с этой революцией, в острую.

Старая Россия безвозвратно сошла в могилу в тот день, когда царь Николай, отчаявшись в себе и в старой России, принял яд. На ее развалинах строится Россия буржуазная.

Зачатки буржуазии существовали уже тогда. Это были частью банкиры и купцы-импортеры, — преимущественно немцы и обрусевшие немцы, или их потомки, — а частью сами русские, нажившиеся на внутренней торговле, главным образом откупщики питейных сборов и поставщики армии, разбогатевшие за счет государства и народа; имелось уже и некоторое количество фабрикантов. В дальнейшем эту буржуазию, особенно промышленную, стали буквально выращивать посредством щедрой государственной помощи, субсидий, премий и покровительственных пошлин, постепенно доведенных до крайних пределов. Необъятная русская империя должна была превратиться в существующую за счет собственной продукции производящую страну, способную полностью или почти полностью обходиться без иностранного ввоза. И вот для того, чтобы не только непрерывно расширялся внутренний рынок, но чтобы внутри страны производились также продукты более жарких поясов, возникает постоянное стремление к завоеваниям на Балканском полуострове и в Азии, причем конечной целью в первом случае является Константинополь, а во втором — Британская Индия. В этом секрет, в этом экономическая основа того стремления к расширению, которое так сильно охватило русскую буржуазию и которое, когда оно направлено на юго-запад, называют панславизмом.

Но с такими промышленными планами крепостная зависимость крестьян была абсолютно несовместима. Она пала в 1861 году. Но каким образом! За образец был взят прусский метод отмены личной зависимости и барщины, медленно проводившейся с 1810 по 1851 год[256]; однако в России все должно было быть закончено в несколько лет. Поэтому, чтобы сломить сопротивление крупных земельных собственников и владельцев «душ», им надо было сделать еще больше уступок, чем сделали в свое время господам помещикам прусское государство и его продажные чиновники. Что же касается продажности, то прусский бюрократ был невинным младенцем по сравнению с русским чиновником[*]. Таким образом, при разделе земли дворянство получило львиную долю, и притом, как правило, ему досталась земля, которая была сделана плодородной трудом многих поколений крестьян; крестьяне же получили лишь самые минимальные наделы, и. к тому же по большей части на плохой, заброшенной земле. Общинный лес и общинный выгон отошли к помещику; если крестьянин пожелал бы ими пользоваться, — а без них он не мог существовать, — он должен был за это платить помещику.

Для того чтобы те и другие, и помещики и крестьяне, как можно быстрее разорились, дворяне сразу получили от правительства всю капитализированную выкупную сумму в виде государственных облигаций, в то время как крестьяне были обязаны долгие годы выплачивать ее частями. Как и следовало ожидать, дворянство немедленно растранжирило большую часть полученных денег, а крестьянин вследствие непомерно возросших для его положения денежных платежей был сразу переброшен из условий натурального хозяйства в условия денежного хозяйства.

Русский крестьянин, которому раньше почти не приходилось производить платежи наличными деньгами, кроме сравнительно небольших налогов, должен теперь не только жить с этого урезанного и худшего по качеству земельного участка, который ему отведен, а также, после отмены свободного пользования лесом и пастбищем на общинных землях, кормить в течение всей зимы свой рабочий скот и улучшать свой земельный участок, но он должен еще платить повышенные налоги, да вдобавок вносить ежегодные выкупные платежи, и все, это наличными деньгами. Этим он был поставлен в такое положение, при котором он не мог ни жить, ни умереть. К тому же прибавилась еще конкуренция недавно возникшей крупной промышленности, от-

[*] В оригинале русское слово, написанное готическими буквами. *Ред.*

нявшей у него рынок для его кустарных промыслов, — а кустарные промыслы были главным источником денежных доходов для многочисленного русского крестьянства; или же, там, где дело не зашло еще так далеко, эти кустарные промыслы зависели от милости купца, то есть посредника, саксонского Verleger или английского Sweater, так что крестьяне-кустари превращались в прямых рабов капитала. Словом, кто хочет узнать, что претерпел русский крестьянин за последние тридцать лет, тому достаточно лишь прочитать в первом томе «Капитала» Маркса главу о «создании внутреннего рынка» (гл. 24, раздел 5)[257].

Разорение крестьян, вызываемое переходом от натурального хозяйства к денежному, этим главным средством создания внутреннего рынка для промышленного капитала, классически изображено Буагильбером и Вобаном на примере Франции во времена царствования Людовика XIV[258]. Но то, что в то время происходило, — это детская игра по сравнению с тем, что происходит ныне в России. Во-первых, самый масштаб раза в три-четыре больше, а во-вторых, несоизмеримо более глубок тот переворот в условиях производства, ради которого был навязан крестьянам этот переход от натурального хозяйства к денежному. Французский крестьянин медленно втягивался в сферу мануфактурного производства, русский же крестьянин сразу попадает в бурный водоворот крупной промышленности. Если мануфактурное производство било по крестьянам из кремневого ружья, то крупная промышленность бьет по ним из магазинного ружья.

Таково было положение, когда неурожай 1891 г. сразу обнажил весь переворот со всеми его последствиями, незаметно происходивший уже давно, но остававшийся не замеченным европейским филистером. Это положение было именно таково, что первый же неурожай должен был повлечь за собой кризис в масштабе всей страны. И кризис наступил — такой, какого не преодолеть в течение многих лет. Перед лицом такого голода бессильно любое правительство, но больше всего русское, которое само специально приучает своих чиновников к воровству. Старые коммунистические обычаи и порядки, имевшиеся у русского крестьянства, отчасти уничтожались после 1861 г. ходом экономического развития, отчасти систематически искоренялись самим правительством. Старая коммунистическая община распалась или во всяком случае распадается, но в тот самый момент, когда отдельный крестьянин становится на собственные ноги, у него в этот момент вырывают почву из-под ног. Удивительно ли после этого, что прошлой осенью озимые были

засеяны лишь в очень немногих уездах? А там, где они были засеяны, их большей частью погубила непогода. Удивительно ли, что рабочий скот, главное орудие крестьян, сначала сам испытывал недостаток корма, а затем, по той же неумолимой причине, был съеден самим крестьянином? Удивительно ли, что крестьянин покидает свой родной дом и бежит в город, где он тщетно ищет работу, но куда он тем вернее заносит голодный тиф?

Словом, мы имеем здесь дело не просто с очередным голодом, а с глубоким кризисом, который годами незаметно подготавливался экономической революцией и в результате неурожая принял лишь острую форму. Но этот острый кризис в свою очередь снова становится хроническим и угрожает затянуться на долгие годы. В экономическом отношении кризис ускоряет разложение старокоммунистической крестьянской общины, обогащение деревенских ростовщиков (kulaki), превращение их в крупных землевладельцев и вообще переход земельных владений дворянства и крестьян в руки новой буржуазии.

Для Европы этот кризис означает пока мир. Воинственный пыл России парализован на ряд лет. Вместо того чтобы миллионы солдат умирали на полях сражений, миллионы русских крестьян умирают с голоду. Чем, однако, все это кончится для русского деспотизма? Поживем — увидим.

РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «VOLKSFREUND» [259]

Лондон, 13 ноября 1891 г.

Дорогие товарищи!

Примите мою самую искреннюю благодарность за ваше любезное приглашение на празднование десятилетнего юбилея газеты «Volksfreund». К сожалению, я не могу на нем присутствовать лично, так как меня удерживает здесь работа над третьим томом «Капитала» Маркса, томом, который должен, наконец, выйти в свет. Так что пусть заменят меня эти строки.

Я пользуюсь, однако, возможностью, чтобы от всего сердца поздравить вас с вашим славным юбилеем. Я знаю, чего стоит в течение десяти лет поддерживать существование такого боевого социал-демократического органа, как «Volksfreund», в условиях австрийских законов о печати и других полицейских законов, и я имею представление также, по крайней мере в общих чертах, о жертвах, которые за эти десять лет пришлось ради этого принести. И *то,* что вы, вопреки всему, сумели сохранить газету, тем более делает вам честь; ведь австрийское законодательство о печати, исходящее из того, что органы *имущих* классов в общем и целом не представляют опасности, направлено, по-видимому, именно на то, чтобы посредством давления на *денежные средства* рабочих газет либо довести их до разорения, либо сделать послушными. И если рабочие Брюнна, несмотря на это финансовое давление, сумели все же выпускать свою газету в течение целых десяти лет, ни в какой мере не отрекаясь при этом от своего знамени, то это — еще одно доказательство той выдержки и того духа самопожертвования, которые можно теперь встретить только среди рабочих.

Я не могу закончить эти строки, не выразив еще раз своей великой радости по поводу того, что в то время как младочешские[260] и старонемецкие буржуа повсюду враждуют между собой, чешские и немецкие рабочие единодушно, плечо к плечу ведут борьбу за освобождение всего пролетариата.

Еще раз сердечно благодарю и поздравляю вас

Ваш старый

Фр. Энгельс

Напечатано в газете «Volksfreund» № 22, 25 ноября 1891 г.

Печатается по тексту газеты, сверенному с черновой рукописью

Перевод с немецкого

СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО К ЗАЯВЛЕНИЮ РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «DAILY CHRONICLE»

Милостивый государь!

Ради восстановления исторической правды я прошу Вас напечатать прилагаемый ответ[*] на одно из самых гнусных клеветнических измышлений, когда-либо состряпанных[261].

Я сожалею, что «Daily Chronicle», оказавшая такие большие услуги рабочему классу Англии, позволяет своим иностранным корреспондентам распространять клеветнические измышления о рабочем движении на континенте и его вождях.

С совершенным почтением

Написано 17 ноября 1891 г.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVIII. 1940 г.

Печатается по черновой рукописи

Перевод с английского

[*] См настоящий том, стр. 268—269. *Ред.*

О ПОКОЙНОЙ г-же МАРКС

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «DAILY CHRONICLE»

Милостивый государь!

Сегодня в утреннем выпуске Вашей газеты Ваш парижский корреспондент, наряду с другими ложными сообщениями, касающимися семьи моего покойного друга Карла Маркса, утверждает, что после падения Коммуны французский министр юстиции отдал приказ арестовать г-на Поля Лафарга, только что избранного депутатом в Лилле. Далее корреспондент продолжает:

«Г-жа Маркс, как говорят, в это время указала властям местонахождение одного склада оружия с условием, что оставят в покое ее зятя. После этого г-н Лафарг перешел испанскую границу».

Так как г-жи Эвелинг, дочери г-жи Маркс, в данный момент нет в Лондоне, то обязанность опровергнуть вышеуказанное клеветническое обвинение против ее матери ложится на меня. Факты таковы. Когда г-н Лафарг со своей женой* и двумя свояченицами** находился в Баньер-де-Люшоне, один дружески расположенный к нему чиновник республиканской полиции предупредил его о грозящем ему аресте. В тот же день Лафарг бежал в Испанию, перебравшись верхом через Пиренеи[262]. Г-жа Маркс находилась тогда в Лондоне, поэтому она не могла, даже если бы и имела такие намерения, вмешаться в пользу Лафарга и выдать ради этого французскому правительству

* — Лаурой Лафарг. *Ред.*
** — Женни и Элеонорой Маркс. *Ред.*

что бы то ни было. Вся эта история с мнимым складом оружия — просто басня, сочиненная для того, чтобы очернить память женщины, которая в силу присущего ей благородства и самоотверженности была совершенно не способна на низкий поступок.

Остаюсь, милостивый государь, Ваш покорный слуга

Фридрих Энгельс

122, Ридженто-парк-род, Норд-Уэст,
17 ноября

Напечатано в газете «Daily Chronicle»
№ 9269, 26 ноября 1891 г.

Печатается по тексту газеты,
сверенному с черновой рукописью

Перевод с английского

ПЕВЧЕСКОМУ КРУЖКУ ЛОНДОНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ[263]

ТОТТЕНХЕМ-СТРИТ

122, Риджентс-парк-род,
Норд-Уэст, 28 ноября 1891 г.

Уважаемые товарищи!

Г-жа Каутская только что сообщила мне, что мой друг Лесснер уведомил ее о вашем намерении устроить мне сегодня вечером музыкальное чествование по случаю семьдесят первого года со дня моего рождения. Но я еще раньше условился с одним из моих друзей провести этот вечер у него, и так как туда приглашены также и другие лица, то отменить это теперь уже абсолютно невозможно. Поэтому, как это ни жаль, но сегодня вечером я не смогу быть дома.

Таким образом, уважаемые товарищи, мне приходится лишь письменно выразить вам свою искреннюю благодарность за ваше столь дружеское и почетное для меня намерение и одновременно свое сожаление по поводу того, что я не был заранее осведомлен о вашем замысле. И Маркс и я всегда были против всяких публичных демонстраций, посвященных отдельным лицам; это допустимо разве только в том случае, когда таким путем может быть достигнута какая-нибудь значительная цель; но больше всего мы были против таких демонстраций, которые при нашей жизни касались бы лично нас. Следовательно, если бы я имел хоть малейшее представление о том, что мне готовится подобное чествование, я поспешил бы заблаговременно обратиться с покорнейшей, но самой настоятельной просьбой, чтобы товарищи певцы отказались от осуществления этого намерения. К сожалению, мне стало известно об этом только сегодня, и если я против своей воли поставлен в необходимость помешать осуществлению вашего столь дружеского

и почетного для меня замысла, то я могу лишь, насколько возможно, исправить это заверением, что те немногие годы, на которые я могу еще рассчитывать, и все те силы, которыми я еще располагаю, по-прежнему будут всецело посвящены великому делу, которому я служу вот уже почти пятьдесят лет, — делу международного пролетариата.

Искренне ваш

Фридрих Энгельс

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд.. т. XXVIII. 1940 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ «ПОЛОЖЕНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА В АНГЛИИ» 1892 ГОДА [264]

Книга, английский перевод которой выходит теперь вновь, впервые была издана в Германии в 1845 году. Автор был тогда молод, ему было двадцать четыре года, и на его произведении лежит печать его молодости с ее хорошими и плохими чертами, но ни тех, ни других ему нечего стыдиться. Это произведение было переведено на английский язык в 1886 г. американкой, г-жой Ф. Келли-Вишневецкой, и опубликовано в следующем году в Нью-Йорке. Поскольку американское издание фактически распродано, да и никогда не имело широкого распространения по эту сторону Атлантического океана, настоящее английское стереотипное издание выпущено с полного согласия всех заинтересованных сторон.

Для американского издания автор написал на английском языке новое предисловие[265], а также приложение. Предисловие имело мало отношения к самой книге; в нем речь шла о современном американском рабочем движении, и поэтому оно здесь опущено как не относящееся к делу; приложение же — первоначально написанное как предисловие — широко использовано в настоящих вступительных замечаниях.

Описанное в этой книге положение вещей, поскольку оно касается Англии, в настоящее время во многих отношениях принадлежит прошлому. Один из законов современной политической экономии, хотя в наших общепризнанных учебниках это четко и не сформулировано, состоит в том, что чем больше развито капиталистическое производство, тем меньше может оно прибегать к тем приемам мелкого надувательства и жульничества, которые характеризуют его ранние стадии. Мелкие махина-

ции польского еврея, представителя европейской торговли на самой низкой ступени ее развития, те самые махинации, которые так хорошо служат ему на его родине и широко практикуются там, оказываются устаревшими и неуместными, как только он попадает в Гамбург или Берлин. Точно так же какой-нибудь комиссионер из Берлина или Гамбурга, еврей или христианин, попав на несколько месяцев на манчестерскую биржу, обнаруживал, что для того чтобы дешево купить хлопчатобумажную пряжу или ткань, он должен лучше отказаться от тех, хотя и не столь грубых, но все-таки весьма убогих хитростей и уловок, которые у него на родине считались верхом мудрости. И действительно, эти махинации уже не оправдывают себя на крупном рынке, где время — деньги и где известный уровень коммерческой честности неизбежно развивается только для того, чтобы сберечь время и труд. И точно так же обстоит дело с отношениями между фабрикантом и его рабочими.

Оживление деловой жизни после кризиса 1847 г. послужило началом новой промышленной эпохи. Отмена хлебных законов[266] и обусловленные ею финансовые реформы предоставили английской промышленности и торговле необходимый для их развития простор. Вскоре вслед за этим были открыты золотые россыпи в Калифорнии и Австралии. Во все возраставшей степени развивалась способность колониальных рынков поглощать английские промышленные товары. В Индии миллионы ручных ткачей были окончательно уничтожены механическим ткацким станком Ланкашира. Китай становился все более и более доступным. И, самое главное, Соединенные Штаты — тогда, с коммерческой точки зрения, просто колониальный рынок, хотя и далеко превосходивший все остальные, — развивали свою экономику темпами, поразительными даже для этой страны быстрого прогресса. И, наконец, новые средства сообщения, появившиеся к концу предшествовавшего периода — железные дороги и океанские пароходы — применялись теперь в международном масштабе; они на деле создали мировой рынок, существовавший до этого лишь в потенции. Этот мировой рынок состоял сначала из некоторого числа стран, преимущественно или исключительно сельскохозяйственных, группировавшихся вокруг одного промышленного центра — Англии, которая потребляла большую часть излишков их сырья и взамен удовлетворяла большую часть их потребностей в промышленных изделиях. Не удивительно, что промышленный прогресс Англии был колоссальным, неслыханным и что то состояние, в котором она находилась в 1844 г., кажется нам теперь сравнительно примитивным и ничтожным. И в той же мере, в какой происходил этот рост,

в фабричной промышленности, по-видимому, устанавливались какие-то нормы морали. Применяемое в конкуренции фабрикантов между собой мелкое обворовывание рабочих уже не оправдывало себя. Размах дел перерос уже эти жалкие средства добывания денег; фабриканту-миллионеру не имело смысла к ним прибегать, они годились только для поддержания конкуренции между более мелкими дельцами, которые рады были подобрать хотя бы пенни, где только могли. Так была ликвидирована система оплаты труда товарами [truck-system], был принят билль о десятичасовом рабочем дне[267] и проведен целый ряд других, второстепенных реформ — совсем не в духе свободной торговли и неограниченной конкуренции, но зато целиком в интересах крупного капиталиста, который ведет конкурентную борьбу с находящимися в менее благоприятных условиях собратьями. Кроме того, чем больше предприятие и соответственно число занятых в нем рабочих, тем большие убытки и затруднения причинял всякий конфликт между хозяином и рабочими. И таким образом хозяева, особенно крупные, преисполнились новым духом. Они научились избегать ненужных препирательств, молчаливо признавать существование и силу тред-юнионов и, в конце концов, даже видеть в стачках, если они происходят в подходящий момент, мощное средство для осуществления своих собственных целей. Самые крупные фабриканты, задававшие раньше тон в борьбе с рабочим классом, теперь стали первыми проповедовать мир и гармонию. И на это у них были весьма веские основания. Все эти уступки справедливости и человеколюбию были на самом деле лишь средством ускорения концентрации капитала в руках немногих лиц, для которых жалкие вымогательства прежних лет потеряли всякое значение и стали настоящей помехой, средством наиболее быстрого и надежного уничтожения своих мелких конкурентов, которые без таких побочных доходов не могли сводить концы с концами. Итак, — по крайней мере в главных отраслях промышленности, ибо в менее важных это было далеко не так, — самого по себе развития производства на капиталистической основе было достаточно для того, чтобы устранить все те мелкие притеснения, которые делали столь тяжелой судьбу рабочего на более ранних этапах этого развития. Таким образом, становится все более и более очевидным тот великий основной факт, что причину бедственного положения рабочего класса следует искать не в этих мелких притеснениях, а *в самой капиталистической системе.* Наемный рабочий продает капиталисту свою рабочую силу за известную плату в день. В течение нескольких часов работы он воспроизводит стоимость этой платы. Но со-

гласно существу своего контракта он должен работать еще ряд часов, чтобы целиком заполнить рабочий день; стоимость, которую он создает в эти дополнительные часы прибавочного труда, составляет прибавочную стоимость, которая ничего не стоит капиталисту, но все же идет в его карман. Такова основа той системы, которая все более и более ведет к расколу цивилизованного общества на две части: с одной стороны, горстка Ротшильдов и Вандербилтов, собственников всех средств производства и потребления, а с другой — огромная масса наемных рабочих, не владеющих ничем, кроме своей рабочей силы. А что такой результат вызван не теми или иными незначительными притеснениями рабочих, а самой системой, — этот факт со всей отчетливостью раскрыт в ходе развития капитализма в Англии с 1847 года.

Далее. Все повторяющиеся вспышки холеры, тифа, оспы и других эпидемических заболеваний показали английскому буржуа настоятельную необходимость улучшения санитарного состояния его городов, если он хочет спасти себя и свою семью от опасности пасть жертвой этих болезней. Поэтому самые вопиющие злоупотребления, описанные в этой книге, в настоящее время или устранены, или же сделаны менее заметными. Проведена или улучшена канализация; через многие из наихудших «трущоб», которые мне приходилось описывать, проложены широкие улицы; исчезла «Малая Ирландия», на очереди «Семь стрелок»[268]. Но какое это имеет значение? Ведь целые районы, которые я в 1844 г. мог бы описать как почти идиллические, теперь, с ростом городов, пришли в такое же состояние упадка, запустения, нищеты. Не встретишь больше только свиней да куч отбросов. Буржуазия достигла дальнейших успехов в искусстве скрывать бедствия рабочего класса. Но в отношении жилищ рабочих никакого существенного улучшения не произошло, и это вполне доказывает отчет королевской комиссии 1885 г. «о жилищных условиях бедных»[269]. И то же самое — во всех остальных отношениях. Полицейские приказы сыплются как из рога изобилия, но они могут только ограничить нищету рабочих, а не устранить ее.

Но если Англия выросла теперь из этого описанного мною юношеского возраста капиталистической эксплуатации, то другие страны только теперь достигли его. Франция, Германия и особенно Америка — вот те грозные соперницы, которые, как я это предвидел в 1844 г., все более и более подрывают промышленную монополию Англии. Их промышленность молода сравнительно с английской, но она растет гораздо более быстрым темпом; и в настоящее время — и это весьма любопытно —

достигла почти той же ступени развития, на какой английская промышленность находилась в 1844 году. По отношению к Америке сравнение особенно разительно. Конечно, внешние условия жизни рабочего класса в Америке весьма отличны от этих условий в Англии, но и тут и там действуют одни и те же экономические законы, так что результаты, хотя и не во всех отношениях тождественные, должны все же быть одного и того же порядка. Вот почему мы находим в Америке ту же борьбу за более короткий рабочий день, за законодательное ограничение рабочего времени, в особенности для женщин и детей на фабриках; находим в полном расцвете систему оплаты труда товарами и систему коттеджей в сельских местностях[270], — системы, которые используются «боссами» как средство господства над рабочими. Когда я в 1886 г. получил американские газеты с сообщениями о крупной стачке 12000 пенсильванских горняков в Коннелсвиллском округе, мне казалось, что я читаю свое собственное описание стачки углекопов в Северной Англии в 1844 году[271]. То же самое надувательство рабочих при помощи фальшивых мер и весов; та же система оплаты труда товарами, та же попытка сломить сопротивление горняков при помощи последнего, но сокрушительного средства капиталистов — выселения рабочих из их жилищ, из коттеджей, принадлежащих компании.

Для этого перевода я не пытался довести изложение книги до настоящего времени или перечислить подробно все изменения, происшедшие с 1844 года. Не делал я этого по двум причинам: во-первых, чтобы сделать это как следует, пришлось бы почти удвоить объем книги, а во-вторых, первый том «Капитала» Карла Маркса, который имеется в английском переводе[272], дает весьма подробное описание положения рабочего класса в Англии около 1865 г., то есть в то время, когда промышленное процветание Англии достигло своего кульминационного пункта. В таком случае мне пришлось бы повторять то, что уже исследовано в знаменитом произведении Маркса.

Вряд ли необходимо отмечать, что общая теоретическая точка зрения настоящей книги в философском, экономическом и политическом отношениях не вполне совпадает с моей теперешней точкой зрения. В 1844 г. еще не существовало современного международного социализма, который с тех пор, прежде всего и почти исключительно благодаря усилиям Маркса, полностью развился в науку. Моя книга представляет собой только одну из фаз его эмбрионального развития. И подобно тому как человеческий зародыш на самых ранних ступенях своего развития воспроизводит еще жаберные дуги наших предков — рыб,

так и в этой книге повсюду заметны следы происхождения современного социализма от одного из его предков — немецкой философии. Так, в книге придается особое значение тому тезису, что коммунизм является не только партийной доктриной рабочего класса, но теорией, стремящейся к освобождению всего общества, включая и класс капиталистов, от тесных рамок современных отношений. В абстрактном смысле это утверждение верно, но на практике оно абсолютно бесполезно и иногда даже хуже того. Поскольку имущие классы не только сами не испытывают никакой потребности в освобождении, но и противятся всеми силами самоосвобождению рабочего класса, постольку социальная революция должна быть подготовлена и осуществлена одним рабочим классом. Французские буржуа 1789 г. также объявляли освобождение буржуазии освобождением всего человечества; но дворянство и духовенство не пожелали с этим согласиться, и это утверждение, — хотя оно тогда в отношении феодализма было абстрактной исторической истиной, — скоро превратилось в чисто сентиментальную фразу и совершенно исчезло в огне революционной борьбы. И сейчас есть такие люди, которые со своей «беспристрастной» высшей точки зрения проповедуют рабочим социализм, парящий высоко над их классовыми интересами и классовой борьбой и стремящийся примирить в высшей гуманности интересы обоих борющихся классов. Но это или новички, которым нужно еще многому поучиться, или злейшие враги рабочих, волки в овечьей шкуре.

Цикл больших промышленных кризисов исчисляется в моей книге пятью годами. Такой вывод о его продолжительности вытекал, по-видимому, из хода событий с 1825 до 1842 года. Но история промышленности с 1842 до 1868 г. показала, что в действительности этот период продолжается десять лет, что промежуточные потрясения носили второстепенный характер и стали все более и более исчезать. С 1868 г. положение вещей опять изменилось, но об этом ниже.

Я умышленно не вычеркнул из текста многие предсказания, в том числе предсказание близости социальной революции в Англии, на которое я отважился под влиянием своей юношеской горячности. Удивительно не то, что довольно многие из этих предсказаний оказались неверными, а то, что столь многие из них сбылись и что критическое положение английской промышленности, которое должна была вызвать континентальная и в особенности американская конкуренция, что я и предвидел тогда, — правда, имея в виду слишком короткие сроки, — теперь действительно наступило. В этом отношении я могу

и обязан привести книгу в соответствие с современным положением вещей. С этой целью я воспроизвожу здесь одну мою статью, напечатанную в лондонском журнале «Commonweal»[273] от 1 марта 1885 г. под названием «Англия в 1845 и 1885 годах». Эта статья дает в то же время краткий очерк истории английского рабочего класса за эти сорок лет. Ее текст таков:

«Сорок лет тому назад Англия стояла перед кризисом, который, по всей видимости, мог быть разрешен только насилием. Гигантское и быстрое развитие промышленности далеко опередило расширение внешних рынков и рост спроса. Каждые десять лет ход производства насильственно прерывался общим торговым кризисом, за которым после долгого периода хронического застоя следовали немногие годы процветания, всякий раз кончавшиеся лихорадочным перепроизводством и, в заключение, новым крахом. Класс капиталистов громко требовал свободной торговли хлебом и грозил добиться этого путем отправки голодающих жителей городов обратно в те сельские районы, откуда они пришли, причем, как выразился Джон Брайт, не как бедняков, выпрашивающих хлеб, а как армию, располагающуюся на территории неприятеля. Рабочие массы городов требовали для себя участия в политической власти — Народной хартии[274]; их поддерживало большинство мелкой буржуазии, и единственное разногласие между ними и ею состояло лишь в том, как надо добиваться осуществления Хартии: путем физической или моральной силы. Между тем наступили торговый кризис 1847 г. и голод в Ирландии, а вместе с ними и перспектива революции.

Французская революция 1848 г. спасла английскую буржуазию. Социалистические лозунги победоносных французских рабочих напугали английскую мелкую буржуазию и внесли дезорганизацию в движение английского рабочего класса, протекавшее в более узких рамках, но имевшее в большей степени непосредственно практический характер. Как раз в тот момент, когда чартистское движение должно было развернуться в полную силу, оно оказалось надломленным изнутри еще до того, как наступило внешнее поражение 10 апреля 1848 года[275]. Деятельность рабочего класса была отодвинута на задний план. Класс капиталистов одержал победу по всей линии.

Парламентская реформа 1831 г.[276] была победой всего класса капиталистов над землевладельческой аристократией. Отмена хлебных пошлин была победой промышленных капиталистов не только над крупным землевладением, но и над теми группами капиталистов, интересы которых были более или менее тесно связаны с интересами землевладения, то есть банкиров, бирже-

виков, рантье и т. д. Свобода торговли означала преобразование всей внутренней и внешней торговой и финансовой политики Англии в соответствии с интересами промышленных капиталистов, класса, который теперь представлял нацию. И этот класс энергично принялся за дело. Каждое препятствие промышленному производству беспощадно устранялось. В таможенном тарифе и во всей налоговой системе был произведен полный переворот. Все было подчинено одной цели, но цели в высшей степени важной для промышленных капиталистов: удешевление всех видов сырья и в особенности жизненных средств для рабочего класса, сокращение расходов на сырье и сохранение на прежнем уровне, — если не *снижение,* — заработной платы. Англия должна была стать «мастерской мира»; все другие страны должны были стать для Англии тем, чем уже была Ирландия, — рынками сбыта для ее промышленных изделий, снабжающими ее, со своей стороны, сырьем и продовольствием. Англия — великий промышленный центр сельскохозяйственного мира, то промышленное солнце, вокруг которого вращается постоянно увеличивающееся число Ирландий, производящих зерно и хлопок. Какая величественная перспектива!

Промышленные капиталисты приступили к осуществлению этой своей великой цели с тем крепким здравым смыслом и с тем презрением к традиционным принципам, которыми они всегда отличались от своих более ограниченных континентальных конкурентов. Чартизм умирал. Вновь начавшийся период процветания промышленности, естественный после того как крах 1847 г. был вполне изжит, приписывался исключительно влиянию свободы торговли. Вследствие этих двух причин английский рабочий класс оказался политически в хвосте «великой либеральной партии» — партии, которой руководили фабриканты. Это раз достигнутое выгодное положение надо было увековечить. А оппозиция чартистов не против свободы торговли как таковой, а против превращения свободы торговли в единственный жизненный вопрос нации, показала фабрикантам и с каждым днем показывает им все более, что без помощи рабочего класса буржуазии никогда не удастся добиться полного социального и политического господства над нацией. Так постепенно изменились взаимные отношения обоих классов. Фабричные законы, бывшие некогда жупелом для всех фабрикантов, теперь не только соблюдались ими добровольно, но даже были в большей или меньшей степени распространены почти на все отрасли промышленности. Тред-юнионы, которые недавно еще считались исчадием ада, теперь стали пользоваться вниманием и покровительством фабрикантов как

совершенно законные учреждения и как полезное средство для распространения среди рабочих здравых экономических воззрений. Даже стачки, которые до 1848 г. рассматривались как нечто самое гнусное, были теперь также признаны подчас весьма полезными, в особенности когда господа фабриканты в подходящий момент сами их вызывали. Из законов, которыми рабочий лишался равенства в правах со своим работодателем, были упразднены по крайней мере самые возмутительные, а некогда столь страшная «Народная хартия» стала по существу политической программой тех самых фабрикантов, которые до последнего времени выступали против нее. «Отмена имущественного ценза» и «тайное голосование» были проведены законодательным путем. Парламентские реформы 1867 и 1884 гг.[277] сильно приближаются уже к «всеобщему избирательному праву» по крайней мере в том виде, в каком оно существует теперь в Германии; новый проект закона о перераспределении мест в избирательных округах, обсуждаемый сейчас в парламенте, создает «равные избирательные округа», во всяком случае в общем не менее равные, чем во Франции или в Германии. Уже намечаются как несомненные достижения в ближайшем будущем «вознаграждение депутатам» и сокращение срока мандатов, хотя, правда, до «ежегодно переизбираемого парламента» дело еще не дошло; и при всем том находятся люди, которые говорят, что чартизм мертв.

У революции 1848 г., как и у многих ее предшественниц, были своеобразные попутчики и наследники. Те самые люди, которые ее подавили, стали, — как любил говорить Карл Маркс, — ее душеприказчиками[278]. Луи-Наполеон был вынужден создать единую и независимую Италию. Бисмарк был вынужден совершить своего рода переворот в Германии и вернуть Венгрии независимость, а английским фабрикантам пришлось дать Народной хартии силу закона.

Для Англии последствия этого господства промышленных капиталистов сначала были поразительны. Промышленность вновь ожила и стала развиваться с быстротой, неслыханной даже для этой колыбели современной индустрии. Все прежние изумительные успехи, достигнутые благодаря применению пара и машин, совершенно бледнели в сравнении с мощным подъемом производства за двадцать лет, от 1850 до 1870 г., с колоссальными цифрами вывоза и ввоза, с несметным количеством богатств, накоплявшихся в руках капиталистов, и человеческой рабочей силы, сконцентрированной в гигантских городах. Этот подъем, правда, прерывался, как и раньше, кризисами, повторявшимися каждые десять лет: в 1857 г., а также

в 1866 году; но эти рецидивы считались теперь естественными неизбежными явлениями, через которые приходится пройти, но после которых, в конце концов, все возвращается в прежнюю колею.

Каково же было положение рабочего класса в этот период? Порой наступало улучшение, даже для широких масс. Но это улучшение каждый раз опять сводилось на нет притоком огромного числа людей из резерва безработных, непрестанным вытеснением рабочих новыми машинами и приливом сельского населения, которое также все более и более вытеснялось теперь машинами.

Длительное улучшение мы находим только в положении двух «привилегированных» категорий рабочего класса. К первой категории принадлежат фабричные рабочие. Законодательное установление относительно рациональных границ их рабочего дня восстановило их физическое состояние и дало им моральное преимущество, еще усиленное их концентрацией в определенных местах. Их положение несомненно лучше, чем до 1848 года. Это больше всего подтверждается тем, что из десяти стачек, которые они проводят, девять бывают вызваны самими фабрикантами в своих собственных интересах как единственное средство обеспечить сокращение производства. Вы никогда не уговорите фабрикантов согласиться на сокращение рабочего времени, хотя бы их товары и вовсе не находили сбыта; но заставьте рабочих объявить стачку, и капиталисты все до одного закроют свои фабрики.

Вторую категорию составляют крупные тред-юнионы. Это организация таких отраслей производства, в которых применяется исключительно или, по крайней мере, преобладает труд *взрослых мужчин.* Ни конкуренция женского и детского труда, ни конкуренция машин не смогли до сих пор сломить их организованную силу. Организации механиков, плотников и столяров, каменщиков являются каждая в отдельности такой силой, что могут даже, как например каменщики и их подручные, с успехом противостоять введению машин. Несомненно, их положение с 1848 г. значительно улучшилось; наилучшим доказательством этого служит то, что в течение более пятнадцати лет не только хозяева были чрезвычайно довольны ими, но и они — хозяевами. Они образуют аристократию в рабочем классе; им удалось добиться сравнительно обеспеченного положения, и это они считают окончательным. Это образцовые рабочие господ Лиона Леви и Джиффена, и они в самом деле очень милые, покладистые люди для всякого неглупого капиталиста в отдельности и для класса капиталистов в целом.

Но что касается широкой массы рабочих, то степень ее нищеты и необеспеченности ее существования в настоящее время так же велика, как была всегда, если только не больше. Лондонский Ист-Энд представляет собой все расширяющуюся трясину безысходной нищеты и отчаяния, голода в период безработицы, физической и моральной деградации при наличии работы. То же самое, если не принимать во внимание привилегированное меньшинство рабочих, происходит и во всех других больших городах; так же обстоит дело в менее крупных городах и сельских районах. Закон, который сводит *стоимость* рабочей силы к стоимости необходимых средств существования, и другой закон, который сводит, как правило, ее *среднюю цену* к минимуму этих средств существования, — оба эти закона действуют на рабочих с непреодолимой силой автоматической машины, которая давит их между своими колесами.

Таково, стало быть, было положение, созданное установившейся в 1847 г. политикой свободы торговли и двадцатилетним господством промышленных капиталистов. Но затем наступил поворот. Действительно, за кризисом 1866 г. последовало около 1873 г. слабое и кратковременное оживление, но оно было непродолжительным. Правда, полный кризис не имел места тогда, когда его следовало ожидать, в 1877 или 1878 г., но с 1876 г. все главные отрасли промышленности находятся в состоянии хронического застоя. Не наступает ни полный крах, ни долгожданный период процветания, на который можно было рассчитывать как до краха, так и после него. Мертвящий застой, хроническое переполнение всех рынков во всех отраслях — таково состояние, в котором мы живем уже почти десять лет. Чем же это вызвано?

Теория свободы торговли основывалась на одном предположении: Англия должна стать единственным крупным промышленным центром сельскохозяйственного мира. Факты показали, что это предположение является чистейшим заблуждением. Условия существования современной промышленности — сила пара и машины — могут быть созданы везде, где есть топливо, в особенности уголь, а уголь есть, кроме Англии, и в других странах: во Франции, Бельгии, Германии, Америке, даже в России. И жители этих стран не видели никакого интереса в том, чтобы превратиться в нищих ирландских арендаторов только ради вящей славы и обогащения английских капиталистов. Они сами стали производить, причем не только для себя, но и для остального мира; и в результате промышленная монополия, которой Англия обладала почти целое столетие, теперь безвозвратно утеряна.

Но промышленная монополия Англии — это краеугольный камень существующей в Англии общественной системы. Даже во время господства этой монополии рынки не поспевали за растущей производительностью английской промышленности; результатом были кризисы через каждые десять лет. А теперь новые рынки с каждым днем становятся все большей редкостью, так что даже неграм в Конго навязывают цивилизацию в виде бумажных тканей из Манчестера, глиняной посуды из Стаффордшира и металлических изделий из Бирмингема. Что же будет тогда, когда континентальные и в особенности американские товары хлынут во все возрастающем количестве, когда львиная доля в снабжении всего мира, все еще принадлежащая английским фабрикам, станет из года в год уменьшаться? Пусть даст на это ответ свобода торговли, это универсальное средство!

Не я первый на это указываю. Уже в 1883 г. на собрании Британской ассоциации в Саутпорте председатель ее экономической секции г-н Инглис Палгрейв прямо заявил, что

«для Англии дни больших прибылей уже прошли, и дальнейшее развитие различных крупных отраслей промышленности приостановилось. *Можно почти утверждать, что страна переходит в состояние застоя»*[279].

Но каков же будет результат? Капиталистическое производство *не может* стоять на месте: оно должно расти и расширяться или же умереть. Уже теперь одно лишь ограничение львиной доли Англии в снабжении товарами мирового рынка означает застой и нищету, избыток капитала, с одной стороны, избыток незанятых рабочих рук — с другой. Что же будет тогда, когда ежегодного прироста производства совсем не будет?

Вот где уязвимое место, ахиллесова пята капиталистического производства. Постоянное расширение является необходимым условием его существования, а это постоянное расширение становится теперь невозможным. Капиталистическое производство зашло в тупик. С каждым годом перед Англией все более настойчиво встает вопрос: либо должна погибнуть страна, либо капиталистическое производство; кто из них обречен?

А рабочий класс? Если даже во время неслыханного подъема торговли и промышленности с 1848 по 1868 г. ему приходилось жить в такой нищете, если даже тогда его широкая масса в лучшем случае пользовалась лишь кратковременным улучшением своего положения, и только незначительное, привилегированное, «охраняемое» меньшинство имело длительные выгоды, то что же будет, когда этот блестящий период окончательно завершится, когда нынешний гнетущий застой не только усилится, но когда это усилившееся состояние мертвящего гнета станет

хроническим, нормальным состоянием английской промышленности?

Истина такова: пока существовала промышленная монополия Англии, английский рабочий класс в известной мере принимал участие в выгодах этой монополии. Выгоды эти распределялись среди рабочих весьма неравномерно: наибольшую часть забирало привилегированное меньшинство, но и широким массам изредка кое-что перепадало. Вот почему, с тех пор как вымер оуэнизм, в Англии больше не было социализма. С крахом промышленной монополии Англии английский рабочий класс потеряет свое привилегированное положение, он весь, не исключая привилегированного и руководящего меньшинства, окажется на таком же уровне, на каком находятся его сотоварищи рабочие других стран. И вот почему социализм снова появится в Англии».

К этой характеристике положения вещей, как я его представлял себе в 1885 г., мне остается прибавить лишь немногое. Вряд ли надо говорить, что в настоящее время действительно «социализм снова появился в Англии», причем в массовом масштабе, социализм всех оттенков: социализм сознательный и бессознательный, социализм в прозе и в стихах, социализм рабочего класса и буржуазии. И действительно, это чудовище из чудовищ, этот социализм не только стал вполне респектабельным, но он уже носит фрак и небрежно разваливается на диванах в салонах. Это показывает неисправимое непостоянство ужасного деспота «хорошего общества» — буржуазного общественного мнения, и лишний раз оправдывает то презрение, с которым мы, социалисты прошлого поколения, всегда к нему относились. Но, впрочем, у нас нет оснований быть недовольными самим этим симптомом.

Но что мне кажется гораздо важнее этой мимолетной моды в буржуазных кругах щеголять разбавленным водой социализмом и даже важнее тех действительных успехов, которых вообще социализм достиг в Англии, — это пробуждение лондонского Ист-Энда. Это огромное скопище нищеты перестало быть тем стоячим болотом, каким оно было шесть лет тому назад. Ист-Энд стряхнул с себя апатию отчаяния; он возродился к жизни и стал родиной так называемого «нового юнионизма», то есть организации широких масс «необученных» рабочих. Хотя эта организация в значительной степени и облеклась в форму старых тред-юнионов «обученных» рабочих, но по своему характеру она все же существенно отличается от них. Старые тред-юнионы сохраняют традиции той эпохи, когда они возникли; они рассматривают систему наемного труда как раз навсегда уста-

новленный вечный порядок, который они могут в лучшем случае лишь немного смягчить в интересах своих членов. Новые же тред-юнионы были основаны в такое время, когда вера в вечность системы наемного труда была уже сильно поколеблена. Их основателями и руководителями были либо сознательные социалисты, либо социалисты по инстинкту; массы, которые устремились к ним и составляют их силу, были грубы, забиты и презираемы рабочей аристократией. Но они имеют одно неизмеримое преимущество: *их психика является еще девственной почвой,* совершенно свободной от унаследованных, «почтенных» буржуазных предрассудков, которые сбивают с толку головы занимающих лучшее положение «старых» юнионистов. И теперь мы видим, как эти новые тред-юнионы захватывают руководство всем рабочим движением и все больше берут на буксир богатые и высокомерные «старые» тред-юнионы.

Несомненно, деятели лондонского Ист-Энда допустили ряд колоссальных промахов; но то же самое делали и их предшественники, то же самое допускают теперь и социалисты-доктринеры, задирающие перед ними нос. Великий класс, как и великая нация, ни на чем не учится так быстро, как на последствиях своих собственных ошибок. И несмотря на всевозможные ошибки в прошлом, настоящем и будущем, пробуждение лондонского Ист-Энда остается одним из величайших и плодотворнейших событий fin de siecle*, и я рад и горд, что мне довелось дожить до него.

Ф. Энгельс

11 января 1892 г.

Напечатано в книге: F. Engels. «The Conditionof the Working-Class in England in 1844». London, 1892

Печатается по тексту книги

Перевод с английского

* — конца века. *Ред.*

CRITICA SOCIALE

RIVISTA QUINDICINALE

di studi sociali, politici, filosofici e letterari

Nel Regno: Anno L. 8 · Semestre L. 4 - **All'Estero:** Anno L. 10 · Semestre L. 5,50

*Lettere, vaglia, cartoline-vaglia all'*Ufficio di CRITICA SOCIALE: MILANO: Portici Galleria V. E., 23 (2° piano nobile)

PER MILANO gli abbonamenti si ricevono anche presso la Libreria Fratelli Dumolard: Corso V. E., 21

Anno II - N. 4. ‖ La Rivista non si vende a numeri separati ‖ Milano, 16 febbraio 1892

ОТВЕТ ДОСТОПОЧТЕННОМУ ДЖОВАННИ БОВИО [280]

В статье, напечатанной в газете «Tribuna» от 2 февраля и др., небезызвестный Джованни Бовио упрекает итальянских депутатов-республиканцев, перешедших за последнее время в монархический лагерь, в том, что они слишком пренебрегают вопросом о форме правления. Это меня не очень трогает; но меня трогает то, что он использует мою статью о немецком социализме («Critica Sociale» 16 января 1892 г.)[*], чтобы бросить тот же упрек немецким социалистам вообще и мне в частности. Вот что он говорит по этому поводу:

«Отсюда также видно, как и почему ошибаются те социалисты, которые вместе с Фридрихом Энгельсом говорят о приходе социалистов к власти в ближайшем будущем, но не определяют, к какой власти. Энгельс доходит до того, что с цифрами в руках (а мне всегда цифры в истории казались хорошим доказательством) устанавливает тот недалекий год, когда социалистическая партия получит большинство в германском парламенте. Превосходно: а затем?

— Она возьмет власть.

— Великолепно: но какую? Будет ли это королевская власть, республиканская, или же партия вернется к утопии Вейтлинга, оставленной позади «Коммунистическим манифестом» еще в январе 1848 года?

— Форма нам безразлична.

— В самом деле?.. Но можно говорить о власти лишь тогда, когда она имеет конкретную форму. Можно считать, что новая субстанция, новая идея сама создаст форму и произведет ее из самой себя, но нельзя отвлекаться от формы».

В ответ на это я заявляю, что полностью отрицаю толкование достопочтенного Бовио.

---

[*] См. настоящий том, стр. 250—254. *Ред.*

Прежде всего я вовсе не говорил, будто «социалистическая партия получит большинство и затем возьмет власть». Напротив, я подчеркивал, что имеется десять шансов против одного, что наши правители еще задолго до этого времени применят против нас насилие; а это перенесет нас с арены парламентской борьбы на революционную арену. Но пойдем дальше.

«Она возьмет власть — но какую? Будет ли это королевская власть, республиканская, или же партия вернется к утопии Вейтлинга, оставленной позади «Коммунистическим манифестом» еще в январе 1848 года?»

Здесь я позволю себе воспользоваться одним выражением самого достопочтенного Бовио. Поистине нужно быть «оторванным от мира отшельником», чтобы питать малейшее сомнение относительно характера этой власти.

Вся правительственная, аристократическая и буржуазная Германия обвиняет наших друзей в рейхстаге в том, что они республиканцы и революционеры.

Маркс и я в течение сорока лет без конца твердили, что для нас демократическая республика является единственной политической формой, при которой борьба между рабочим классом и классом капиталистов может сначала приобрести всеобщей характер и затем завершиться решительной победой пролетариата.

Разумеется достопочтенный Бовио не настолько наивен, чтобы вообразить, что какой-нибудь германский император назначит своих министров из среды социалистической партии и что он, если бы и захотел это сделать, примет условия, предполагающие отречение его от престола, без чего эти министры не могли бы рассчитывать на поддержку своей партии. Впрочем, по правде сказать, его опасение, что мы можем «вернуться назад к утопии Вейтлинга», заставляет меня думать, что наивность лица, участвующего в диалоге со мной, действительно очень велика.

Или, может быть, достопочтенный Бовио, упомянув о Вейтлинге, хочет сказать, что немецкие социалисты придают *социальной* форме не большее значение, чем они, по его мнению, придают *политической?* В этом случае он снова ошибается. Он должен бы иметь достаточное представление о немецком социализме, чтобы знать, что немецкий социализм выдвигает требование обобществления всех средств производства. Каким образом совершится эта экономическая революция? Это будет зависеть от обстоятельств, при которых наша партия захватит власть, от момента, когда это произойдет и от способа достижения этого. Как заявляет сам же Бовио, «новая субстанция,

новая идея сама создаст форму и произведет ее из самой себя». И если, скажем, завтра вследствие какого-либо неожиданного оборота событий наша партия была бы призвана к власти, я отлично знаю, что именно предложил бы в качестве программы действия.

«Форма нам безразлична»?

Считаю необходимым заявить, что ни я, ни кто-либо из немецких социалистов никогда не говорил ни этого, ни чего-либо подобного; это высказал лишь достопочтенный Бовио. И мне хотелось бы знать, по какому праву он приписывает нам подобную «sciocchezza»*.

Впрочем, если бы достопочтенный Бовио дождался второй половины моей статьи («Critica Sociale», 1 февраля)** и прочитал ее, то он, возможно, не доставил бы себе труда смешивать немецких революционных социалистов с итальянскими монархическими республиканцами.

Фридрих Энгельс

6 февраля 1892 г.

Напечатано в журнале «Critica Sociale» № 4, 16 февраля 1892 г.

Печатается по рукописи, сверенной с текстом итальянского журнала

Перевод с французского

* — «глупость». *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 255—260. *Ред.*

Przedmowa do 2go wydania polskiego

TEN fakt, że nowe wydanie „Manifestu Komunistycznego“ stało się potrzebnem, pobudza do różnych uwag.

Najpierw godnem jest zaznaczenia, że Manifest w ostatnich czasach stał się do pewnego stopnia probierzem rozwoju wielkiego przemysłu na lądzie europejskim. W miarę, jak w pewnym kraju wzrasta wielki przemysł, wpośród robotników tego kraju wzmaga się pragnienie wyjaśnienia swego stanowiska, jako klasy robotniczej w obec klas posiadających, rozszerza się wśród nich ruch socyjalistyczny, i rośnie popyt na Manifest. W ten sposób ilością egzemplarzy Manifestu, w językn krajowym rozszerzonych, można z dostateczną ścisłością mierzyć nie

Страницы польского издания
«Манифеста Коммунистической партии» 1892 г.
с предисловием Ф. Энгельса
(первая страница)

tylko stan ruchu robotniczego, lecz również stopień rozwoju wielkiego przemysłu w każdym kraju.

Tak więc nowe wydanie polskie oznacza stanowczy postęp polskiego przemysłu. A że ten postęp w ciągu dziesięciu lat od ukazania się ostatniego wydania miał miejsce w rzeczywistości, o tem wątpić nie można. Królestwo Polskie, Kongresówka, stała się wielkim okręgiem przemysłowym państwa rossyjskiego.

Gdy wielki przemysł rossyjski rozsiany jest sporadycznie — część nad zatoką fińską, część w guberniach środkowych (Moskwa i Władimir), to znowu nad Czarnem i Azowskięm morzem, — polski przemysł skupił się na stosunkowo małej przestrzeni i korzysta zarówno z wygód, jak i niedogodności takiegoześrodkowania. Wygody uznali konkurujący fabrykanci rossyjscy, żądając przeciwko Polsce ceł ochronnych, bez względu na swe gorące chęci przerobienia Polaków na Rossyjan. Niedogodności — dla polskich fabrykantów i rossyjskiego rządu — ujawniają się w szybkim rozroście idej socyjalistycznych wśród polskich robotników i w coraz większym popycie na Manifest.

Lecz szybki rozwój polskiego przemysłu, przerastającego o głowę przemysł rossyjski, jest swoją drogą nowym dowodem niespożytej siły żywotnej polskiego ludu i nową gwarancyją przyszłego odrodzenia narodowego. Odrodzenie zaś niezależnej, silnej Polski jest sprawą, która nietylko Polaków, lecz wszystkich nas obchodzi. Szczere współdziałanie międzynarodowe ludów europejskich jest możliwem tylko wtedy, gdy każdy

Страницы польского издания
«Манифеста Коммунистической партии» 1892 г.
с предисловием Ф. Энгельса
(вторая страница)

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПОЛЬСКОМУ ИЗДАНИЮ «МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ» 1892 ГОДА [281]

Тот факт, что возникла необходимость в новом польском издании «Коммунистического манифеста», позволяет сделать целый ряд выводов.

Прежде всего примечательно, что «Манифест» в последнее время стал своего рода показателем развития крупной промышленности на европейском континенте. По мере того как в той или иной стране развивается крупная промышленность, среди рабочих этой страны усиливается стремление уяснить себе свое положение как рабочего класса по отношению к имущим классам, среди них ширится социалистическое движение и растет спрос на «Манифест». Таким образом, по количеству экземпляров «Манифеста», распространенных на языке той или иной страны, можно с достаточной точностью определить не только состояние рабочего движения, но и степень развития крупной промышленности в каждой стране.

Поэтому новое польское издание «Манифеста» свидетельствует о значительном прогрессе польской промышленности. А что такой прогресс действительно имел место за десять лет, истекших со времени выхода последнего издания, не подлежит никакому сомнению. Царство Польское, конгрессовая Польша[282], стало крупным промышленным районом Российской империи. В то время как русская промышленность разбросана в разных местах — одна часть у Финского залива, другая в центре (Москва и Владимир), третья на побережье Черного и Азовского морей, остальная рассеяна еще кое-где — польская промышленность сосредоточена на относительно небольшом пространстве и испытывает как преимущества, так

и невыгоды такой концентрации. Преимущества эти признали конкурирующие русские фабриканты, когда, несмотря на свое горячее желание русифицировать поляков, потребовали покровительственных пошлин против Польши. Невыгоды же — как для польских фабрикантов, так и для русского правительства — сказываются в быстром распространении социалистических идей среди польских рабочих и в возрастающем спросе на «Манифест».

Но, это быстрое развитие польской промышленности, оставившей позади русскую, является, в свою очередь, новым доказательством неиссякаемой жизненной силы польского народа и новой гарантией его будущего национального возрождения. А возрождение независимой сильной Польши, это, однако, дело, которое касается не только поляков, но и всех нас. Искреннее международное сотрудничество европейских наций возможно только при том условии, если каждая из этих наций полностью распоряжается в своем собственном доме. Революция 1848 г., в которой пролетарским борцам пришлось под знаменем пролетариата в конечном счете выполнить лишь работу буржуазии, осуществила вместе с тем руками своих душеприказчиков — Луи Бонапарта и Бисмарка — независимость Италии, Германии, Венгрии. Польшу же, которая за время с 1792 г. сделала для революции больше, чем все эти три страны, вместе взятые, в момент, когда она в 1863 г. изнемогала под натиском сил русских, в десять раз превосходивших ее силы, предоставили самой себе. Шляхта не сумела ни отстоять, ни вновь завоевать независимость Польши; для буржуазии эта независимость в настоящее время по меньшей мере безразлична. А всё же для гармонического сотрудничества европейских наций она является необходимостью*. Независимость эту может завоевать только молодой польский пролетариат, и в его руках она вполне обеспечена. Ибо для рабочих всей остальной Европы независимость Польши так же необходима, как и для самих польских рабочих.

Ф. Энгельс

Лондон, 10 февраля 1892 г.

Напечатано в журнале «Przedswit» № 35, 27 февраля 1892 г. и в книге: K. Marx i F. Engels. «Manifest Komunistyczny». London, 1892

Печатается по рукописи, сверенной с текстом польского издания 1892 г.

Перевод с немецкого

* В польском издании эта фраза опущена. *Ред.*

ПРИВЕТСТВИЕ ФРАНЦУЗСКИМ РАБОЧИМ ПО СЛУЧАЮ 21-й ГОДОВЩИНЫ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Лондон, 17 марта 1892 г.

Гражданки и граждане!

Сегодня исполнился 21 год с того дня, как парижский народ водрузил красное знамя, бросив одновременно вызов как французскому трехцветному знамени, развевавшемуся в Версале, так и немецкому трехцветному знамени, развевавшемуся на фортах, занятых пруссаками.

Красное знамя символизировало собой парижский пролетариат, поднявшийся на такую высоту, откуда как победители, так и побежденные становятся одинаково незримыми.

Историческое величие придал Коммуне ее в высшей степени интернациональный характер. Это был смелый вызов всякому проявлению буржуазного шовинизма. И пролетариат всех стран безошибочно это понял. Пусть буржуа празднуют свое 14 июля или свое 22 сентября[283]. Праздником пролетариата всегда и всюду будет 18 марта.

Вот почему подлая буржуазия нагромождала горы подлой клеветы на могилу Коммуны. И вот почему одно лишь Международное Товарищество Рабочих осмелилось с первого до последнего дня отождествлять себя с парижскими повстанцами, а затем — с побежденными пролетариями. Правда, когда пала Коммуна, не мог продолжать свое существование и Интернационал. Под крики «лови коммунаров!» он был разгромлен по всей Европе.

И вот сегодня исполнился двадцать один год с тех пор, как были отбиты пушки на высотах Монмартра[*]. Дети, родившиеся

[*] См. настоящий том, стр. 194. *Ред.*

в 1871 г., достигли ныне совершеннолетия, и благодаря глупости правящих классов они — *солдаты,* они обучаются умению владеть оружием, искусству организовываться и защищаться с винтовкой в руках. Коммуна, которую считали убитой, Интернационал, который считали навсегда уничтоженным, — они среди нас, они живут и в двадцать раз сильнее, чем в 1871 году. Сотни превратились в тысячи, вместо тысяч на наш призыв теперь откликаются миллионы. Союз международного пролетариата, который Первый Интернационал мог лишь предвидеть и подготовлять, сегодня стал уже действительностью. И более того, миллионы сыновей тех самых прусских солдат, которые в 1871 г. занимали форты вокруг Парижа Коммуны, в настоящее время рука об руку с сыновьями парижских коммунаров сражаются в первых рядах за полное и окончательное освобождение рабочего класса.

Да здравствует Коммуна!

Да здравствует международная Социальная Революция!

Фридр. Энгельс

Напечатано в газете «Le Sociatiste» № 79, 26 марта 1892 г.

Печатается по тексту газеты, сверенному с черновой рукописью

Перевод с французского

ВВОДНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ КО ВТОРОМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ РАБОТЫ К. МАРКСА «НИЩЕТА ФИЛОСОФИИ» [284]

По поводу второго издания я должен лишь сказать, что ошибочно указанное во французском тексте имя Гопкинс (на стр. 45) заменено правильным именем: Годскин, и там же исправлен год издания книги Уильяма Томпсона на 1824[285]. Теперь, надеемся, библиографическая совесть господина профессора Антона Менгера будет успокоена.

Фридрих Энгельс

Лондон, 29 марта 1892 г.

Напечатано в книге: Karl Marx. «Das Elend der Philosophie». Stuttgart. 1892

Печатается по тексту книги

Перевод с немецкого

ВВЕДЕНИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ «РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИЗМА ОТ УТОПИИ К НАУКЕ» [286]

Предлагаемая брошюра была сначала частью более обширного целого. Около 1875 г. д-р Е. Дюринг, *приват-доцент* Берлинского университета, внезапно в довольно крикливом тоне объявил, что он уверовал в социализм, и преподнес немецкой публике не только подробно разработанную социалистическую теорию, но и законченный практический план преобразования общества. Само собой разумеется, он обрушился на своих предшественников: больше других его внимания удостоился Маркс, на которого он излил свой гнев полной чашей.

Это случилось в то время, когда только что произошло объединение двух частей социалистической партии в Германии — эйзенахцев и лассальянцев[287] — и партия таким образом не только чрезвычайно численно выросла, но, что еще важнее, получила также возможность направить все свои силы против общего врага. Социалистическая партия в Германии быстро становилась силой. Но для того, чтобы сделать ее силой, прежде всего необходимо было не подвергать опасности только что завоеванное единство. Между тем д-р Дюринг открыто начал создавать вокруг себя секту, ядро будущей особой партии. Поэтому мы были вынуждены принять брошенный нам вызов и вступить в бой, хотели мы того или нет.

Это, однако, было делом хотя и не слишком трудным, но явно кропотливым. Хорошо известно, что нам, немцам, свойственна страшно тяжеловесная Grundlichkeit, называйте это как угодно — основательное глубокомыслие или глубокомысленная основательность. Когда кто-нибудь из нас приступает к изложению того, что, по его мнению, является новой доктриной,

SOCIALISM

UTOPIAN AND SCIENTIFIC

BY

FREDERICK ENGELS

TRANSLATED BY EDWARD AVELING

D.Sc., Fellow of University College, London

WITH A SPECIAL INTRODUCTION BY THE AUTHOR

LONDON:

SWAN SONNENSCHEIN & CO.

NEW YORK: CHARLES SCRIBNER'S SONS

1892

Титульный лист английского издания «Развития социализма от утопии к науке» 1892 г. с введением Ф. Энгельса

он считает необходимым прежде всего разработать это в виде всеобъемлющей системы. Он должен доказать, что и главные принципы логики и основные законы мироздания искони существовали только для того, чтобы в конце концов привести именно к этой новооткрытой и завершающей всё теории. И в данном отношении д-р Дюринг был вполне скроен по этой национальной мерке. Ни много, ни мало, как полная «Система философии» — философии духа, морали, природы и истории, полная «Система политической экономии и социализма» и, наконец, «Критическая история политической экономии»[288] — три толстых тома в восьмую долю листа, тяжелых как по весу, так и по содержанию, три армейских корпуса аргументов, мобилизованных против предшествующих философов и экономистов вообще и Маркса в особенности, — поистине попытка совершить полный «переворот в науке», — вот с чем пришлось мне иметь дело. Я был вынужден трактовать обо всех предметах самого разного рода: от понятия времени и пространства до биметаллизма[289]; от вечности материи и движения до преходящей природы моральных идей; от дарвиновского естественного отбора до воспитания молодежи в будущем обществе. Во всяком случае, всеобъемлющая система моего противника давала мне повод изложить в полемике с ним взгляды Маркса и мои на все эти разнообразные предметы, и притом в гораздо более связном виде, чем это приходилось делать когда-либо прежде. Это как раз и было главной причиной, вынудившей меня взяться за эту, во всех других отношениях неблагодарную, задачу.

Ответ мой сперва появился в виде серии статей в лейпцигском «Vorwarts», центральном органе Социалистической партии, а затем — в виде книги: «Herrn Eugen Duhring's Umwalzung der Wissenschaft» («Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом»)[290], второе издание которой вышло в Цюрихе в 1886 году.

По просьбе моего друга Поля Лафарга, ныне депутата от Лилля во французской палате депутатов, из трех глав этой книги я составил брошюру, которую он перевел и издал в 1880 г. под названием *«Утопический социализм и научный социализм»*[291]. Этот французский текст лег в основу польского и испанского изданий[292]. В 1883 г. наши немецкие друзья издали брошюру на том языке, на котором она первоначально была написана. Затем с этого немецкого текста были сделаны переводы итальянский, русский, датский, голландский и румынский[293]. Таким образом, включая и настоящее, английское, издание, эта брошюра получила распространение на десяти языках. Полагаю, что ни одно социалистическое произведение, не исключая даже

нашего «Коммунистического манифеста» 1848 г., и «Капитала» Маркса, не было столько раз переведено. В Германии брошюра выдержала четыре издания, общим тиражом около 20000 экземпляров.

Приложение, «Марка», было написано с целью распространения среди Социалистической партии Германии некоторых элементарных сведений относительно истории возникновения и развития земельной собственности в Германии. В то время это было тем более необходимо, что объединение партией городских рабочих было уже на верном пути к завершению, и перед партией встала задача заняться сельскохозяйственными рабочими и крестьянами. Это приложение было включено в данное переводное издание из тех соображений, что первобытные формы землевладения — общие у всех германских племен — и история их разложения еще менее известны в Англии, чем в Германии. Я оставил текст в его первоначальном виде, не касаясь гипотезы, недавно выдвинутой Максимом Ковалевским, согласно которой разделу пахотных и луговых земель между членами марки предшествовала общая совместная обработка их большой патриархальной семейной общиной, охватывающей несколько поколений (чему примером может служить еще существующая южнославянская задруга); впоследствии же, когда община разрослась и стала слишком громоздкой для совместного ведения хозяйства, произошел раздел земель общины[294]. Ковалевский, вероятно, вполне прав, однако вопрос еще находится sub judice*.

Употребляемые в этой работе экономические термины, поскольку они новы, совпадают с терминологией «Капитала» Маркса, как она дана в английском издании[295]. Под «товарным производством» мы понимаем ту фазу экономического развития, на которой предметы производятся не только для удовлетворения потребностей производителей, но и с целью обмена, то есть производятся *в качестве товаров,* а не потребительных стоимостей. Эта фаза существует с тех пор, как началось производство для обмена, и вплоть до нашего времени; своего полного развития она достигает лишь при капиталистическом производстве, то есть в тех условиях, когда капиталист, собственник средств производства, нанимает за заработную плату рабочих — людей, лишенных каких бы то ни было средств производства, кроме своей собственной рабочей силы, — кладет себе в карман разницу между продажной ценой продуктов и их издержками производства. Историю промышленного производства, начиная

* — в стадии обсуждения. *Ред.*

со средних веков, мы делим на три периода: 1) ремесло, мелкие мастера-ремесленники с их немногочисленными подмастерьями и учениками, причем каждый работник производит предмет целиком; 2) мануфактура, при которой более значительное число рабочих, собранных в одном крупном предприятии, производит весь предмет на основе разделения труда, то есть каждый рабочий выполняет одну какую-нибудь частичную операцию, так что продукт оказывается готовым лишь после того, как он последовательно пройдет через руки их всех; 3) современная промышленность, при которой продукт производится машинами, приводимыми в движение какой-либо силой, а роль рабочего ограничивается наблюдениями за действиями механизмов и их регулированием*.

Я прекрасно понимаю, что содержание этой работы будет встречено неодобрительно значительной частью британской читающей публики. Но если бы мы, жители континента, хоть сколько-нибудь считались с предрассудками британской «респектабельности»**, то дело обстояло бы еще хуже, чем сейчас. Эта книга написана в защиту того, что мы называем «историческим материализмом», а слово «материализм» оскорбляет слух подавляющего большинства британских читателей. «Агностицизм» — еще куда ни шло, но материализм — совершенно недопустимая вещь.

И все же первоначальной родиной всего современного материализма, начиная с XVII века, является именно Англия.

«Материализм — прирожденный сын Великобритании. Уже ее схоластик Дунс Скот спрашивал себя: не способна ли материя мыслить?

Чтобы сделать возможным такое чудо, он прибегал к всемогуществу божьему, то есть он заставлял самоё теологию проповедовать материализм. Кроме того, он был номиналистом[296]. Номинализм был одним из главных элементов у английских материалистов и вообще является первым выражением материализма.

Настоящий родоначальник английского материализма — это Бэкон. Естествознание является в его глазах истинной наукой, а физика, опирающаяся на чувственный опыт, — важнейшей частью естествознания. Анаксагор с его гомеомериями[297] и Демокрит с его атомами часто приводятся им как авторитеты. Согласно его учению, чувства непогрешимы и составляют источник всякого знания. Наука есть опытная наука

* В немецком тексте, опубликованном в журнале «Die Neue Zeit», начало введения до слов «их регулированием» опущено. *Ред.*

** В немецком тексте после слова «респектабельности» добавлено: «то есть британского филистерства». *Ред.*

и состоит в применении рационального метода к чувственным данным. Индукция, анализ, сравнение, наблюдение, эксперимент суть главные условия рационального метода. Первым и самым важным из прирожденных свойств материи является движение, — не только как механическое и математическое движение, но еще больше как стремление, жизненный дух, напряжение, или, употребляя выражение Якоба Бёме, «мука» [«Qual»][*] материи[**].

У Бэкона, как первого своего творца, материализм таит еще в себе в наивной форме зародыши всестороннего развития. Материя улыбается своим поэтически-чувственным блеском всему человеку. Само же учение, изложенное в форме афоризмов, еще кишит, напротив, теологическими непоследовательностями.

В своем дальнейшем развитии материализм становится односторонним. Гоббс является систематиком бэконовского материализма. Чувственность теряет свои яркие краски и превращается в абстрактную чувственность геометра[***]. Геометрия провозглашается главной наукой. Материализм становится враждебным человеку. Чтобы преодолеть враждебный человеку бесплотный дух в его собственной области, материализму приходится самому умертвить свою плоть и сделаться аскетом. Он выступает как рассудочное существо, но зато с беспощадной последовательностью развивает все выводы рассудка.

Если наши чувства являются источником всех наших знаний, — рассуждает Гоббс, отправляясь от Бэкона, — то идея, мысль, представление и т. д. — все это не что иное, как фантомы телесного мира, освобожденного в большей или меньшей степени от своей чувственной формы. Наука может только дать названия этим фантомам. Одно и то же название может быть применено ко многим фантомам. Могут даже существовать названия названий. Но было бы противоречием, с одной стороны, видеть в чувственном мире источник всех идей, с другой

[*] «Qual» — это философская игра слов. «Qual» буквально означает мучение, боль, которая толкает на какое-нибудь действие; в то же самое время мистик Бёме вносит в это немецкое слово и нечто от латинского слова qualitas [качество]; его «Qual» — это в противоположность боли, причиняемой извне, активное начало, возникающее из самопроизвольного развития вещи, отношения или личности, которые подвержены «Qual», и, в свою очередь, вызывающее к жизни это развитие. [В немецком тексте это примечание Энгельсом не дано. *Ред.]*.

[**] В немецком тексте после слова «материи» воспроизводится следующая опущенная в английском издании фраза из «Святого семейства»: «Первичные формы материи суть живые, индивидуализирующие, внутренне присущие ей, создающие специфические различия, сущностные силы». *Ред.*

[***] В немецком тексте далее воспроизводятся следующие опущенные в английском издании слова: «Физическое движение приносится в жертву механическому или математическому движению». *Ред.*

же стороны — утверждать, что слово есть нечто большее, чем только слово, что, кроме представляемых нами всегда единичных сущностей, имеются еще какие-то всеобщие сущности. Бестелесная субстанция — это такое же противоречие, как бестелесное тело. Тело, бытие, субстанция — все это одна и та же реальная идея. *Нельзя отделить мышление от материи, которая мыслит.* Материя является субъектом всех изменений. Слово бесконечный — бессмысленно, если оно не означает способности нашего духа без конца прибавлять к какой-нибудь данной величине. Так как только материальное воспринимаемо, познаваемо, то ничего не известно о существовании бога. Только мое собственное существование достоверно. Всякая человеческая страсть есть кончающееся или начинающееся механическое движение. Объекты стремлений — вот то, что мы называем благом. Человек подчинен тем же законам, что и природа. Могущество и свобода — тождественны.

Гоббс систематизировал Бэкона, но не дал более детального обоснования его основному принципу — происхождению знаний и идей из мира чувств. Локк обосновывает принцип Бэкона и Гоббса в своем сочинении о происхождении человеческого разума[298].

Как Гоббс уничтожил теистические предрассудки бэконовского материализма, так Коллинз, Додуэлл, Кауард, Гартли, Пристли и т. д. уничтожили последние теологические границы локковского сенсуализма. Деизм[299] — по крайней мере для материалиста — есть не более, как удобный и легкий способ отделаться от религии»[*].

Так писал Карл Маркс о британском происхождении современного материализма. И если в настоящее время англичане не чувствуют себя особенно польщенными этим признанием заслуг их предков, то об этом можно только пожалеть. Нельзя все же отрицать, что Бэкон, Гоббс и Локк были отцами той блестящей школы французских материалистов, которые, несмотря на все победы, одержанные немцами и англичанами на суше и на море над французами, сделали XVIII век преимущественно французским веком, и это — задолго до той венчающей конец этого века французской революции, результаты которой мы как в Англии, так и в Германии все еще стремимся акклиматизировать у себя.

Этого никак нельзя отрицать. Когда образованный иностранец переезжал в середине нашего столетия на жительство в Англию, то более всего его поражали — иначе он и не мог

[*] Маркс и Энгельс. «Святое семейство», Франкфурт-на-М. 1845, стр. 201—204[300].

воспринять это — религиозное ханжество и тупость английского респектабельного среднего класса. Мы были тогда все материалистами или, по меньшей мере, очень радикальными вольнодумцами, и для нас был непонятен тот факт, что почти все образованные люди в Англии верили во всевозможные невероятные чудеса и что даже геологи, подобно Бакленду и Мантеллу, извращали данные своей науки, дабы они не слишком сильно били по мифам Книги бытия. Казалось непостижимым то, что надо было идти к необразованной массе, к «неумытой толпе», как тогда выражались, — к рабочим, особенно к социалистам, последователям Оуэна, для того чтобы найти людей, осмеливавшихся в религиозных вопросах опираться на собственный разум.

Но с того времени Англия «цивилизовалась». Выставка 1851 г.[301] прозвучала похоронным звоном для английской островной замкнутости. Англия постепенно интернационализировалась в пище, манерах, идеях; она достигла в этом таких успехов, что мне все больше хочется выразить пожелание, чтобы некоторые английские манеры и обычаи нашли себе на континенте такое же всеобщее применение, какое нашли в Англии некоторые обычаи континента. Несомненно одно: распространение прованского масла (до 1851 г. известного только аристократии) сопровождалось роковым распространением континентального скептицизма в религиозных вопросах; дошло до того, что агностицизм, хотя он еще и не считается «первосортной вещью», вроде английской государственной церкви, стоит все же в отношении респектабельности почти на одной ступени с сектой баптистов и во всяком случае рангом выше «Армии спасения»[302]. И я не могу освободиться от мысли, что многим, кто всем сердцем сокрушается по поводу этого прогресса неверия и проклинает его, будет утешительно узнать, что эти «новоиспеченные идеи» не чужеземного происхождения, не носят на себе марки made in Germany* подобно множеству других предметов повседневного обихода; что они, напротив, староанглийского происхождения и что их британские родоначальники двести лет тому назад заходили гораздо дальше, чем на это осмеливаются их нынешние потомки.

Действительно, что такое агностицизм, как не «стыдливый», употребляя выразительное ланкаширское слово**, материализм? Взгляд агностика на природу насквозь материалистичен. Весь естественный мир управляется законами и абсолютно

* — сделано в Германии. *Ред.*

** В немецком тексте слова «употребляя выразительное ланкаширское слово» опущены. *Ред.*

исключает всякое воздействие извне. Но, добавляет агностик, — мы не в состоянии ни доказать, ни опровергнуть существование какого-либо высшего существа вне известного нам мира. Эта оговорка могла иметь известную ценность в те времена, когда Лаплас на вопрос Наполеона, — почему в «Небесной механике»[303] этого великого астронома даже не упомянуто имя творца мира, дал гордый ответ: «Je n'avais pas besoin de cette hypothèse»[*]. В настоящее же время наше представление о развитии вселенной совершенно не оставляет места ни для творца, ни для вседержителя. Но если захотели бы признать некое высшее существо, исключенное из всего существующего мира, то это само по себе было бы противоречием и к тому же, как мне кажется, незаслуженным оскорблением чувств религиозных людей.

Наш агностик соглашается также, что все наше знание основано на тех сообщениях, которые мы получаем через посредство наших чувств. Но, добавляет он, откуда мы знаем, что наши чувства дают нам верные изображения воспринимаемых ими вещей? И, далее, он сообщает нам, что когда он говорит о вещах или их свойствах, то он в действительности имеет в виду не самые эти вещи или их свойства, о которых он ничего достоверного знать не может, а лишь те впечатления, которые они произвели на его чувства. Слов нет, это такая точка зрения, которую трудно, по-видимому, опровергнуть одной только аргументацией. Но прежде чем люди стали аргументировать, они действовали. «In Anfang war die That»[**]. И человеческая деятельность разрешила это затруднение задолго до того, как человеческое мудрствование выдумало его. Проверка пудинга состоит в том, что его съедают[***]. В тот момент, когда сообразно воспринимаемым нами свойствам какой-либо вещи мы употребляем ее для себя, — мы в этот самый момент подвергаем безошибочному испытанию истинность или ложность наших чувственных восприятий. Если эти восприятия были ложны, то и наше суждение о возможности использовать данную вещь необходимо будет ложно, и всякая попытка такого использования неизбежно приведет к неудаче. Но если мы достигнем нашей цели, если мы найдем, что вещь соответствует нашему представлению о ней, что она дает тот результат, какого мы ожидали от ее употребления, — тогда мы имеем положительное доказательство,

[*] — «У меня не было надобности в этой гипотезе». *Ред.*

[**] — «В начале было дело» (Гёте. «Фауст», часть I, сцена третья («Кабинет Фауста»)). *Ред.*

[***] В немецком тексте этот афоризм приведен на английском языке: The proof of the pudding is in the eating. *Ред.*

что в этих границах наши восприятия о вещи и ее свойствах совпадают с существующей вне нас действительностью. Если же, наоборот, мы найдем, что сделали ошибку, тогда большей частью в скором времени мы умеем находить причину этой ошибки; мы находим, что восприятие, легшее в основу нашего испытания, либо само было неполно и поверхностно, либо было связано с результатами других восприятий таким образом, который не оправдывается положением дела; это мы называем ложным умозаключением*. До тех же пор, пока мы как следует развиваем наши чувства и пользуемся ими, пока мы держим свою деятельность в границах, поставленных правильно полученными и использованными восприятиями, — до тех пор мы всегда будем находить, что успех наших действий дает доказательство соответствия наших восприятий с предметной природой воспринимаемых вещей. Нет ни единого случая, насколько нам известно до сих пор, когда бы мы вынуждены были заключить, что наши научно проверенные чувственные восприятия производят в нашем мозгу такие представления о внешнем мире, которые по своей природе отклоняются от действительности, или что между внешним миром и нашими чувственными восприятиями его существует прирожденная несогласованность.

Но тут является новокантианский агностик и говорит: возможно, что мы в состоянии правильно воспринять свойства вещи, но самой вещи мы никаким, ни чувственным, ни мыслительным процессом постичь не можем. Эта «вещь в себе» находится по ту сторону нашего познания. На это уже Гегель давно дал ответ: если вы знаете все свойства вещи, то вы знаете и самую вещь; тогда остается только голый факт, что названная вещь существует вне нас и, как только ваши чувства удостоверили и этот факт, вы постигли всю без остатка эту «вещь в себе», — знаменитую кантовскую непознаваемую «Ding an sich». В настоящее время мы можем к этому только прибавить, что во времена Канта наше знание природных вещей было еще настолько отрывочным, что за тем немногим, что мы знали о каждой из них, можно было еще допускать существование особой таинственной «вещи в себе». Но с того времени эти непостижимые вещи одна за другой, вследствие гигантского прогресса науки, уже постигнуты, проанализированы и даже более того — *воспроизведены.* А то, что мы сами можем сделать, мы уж, конечно, не можем назвать непознаваемым. Подобными таинственными веществами для химии первой половины нашего столетия были органические вещества; теперь нам удается синтезировать их одно за другим

* В немецком тексте слова «это мы называем ложным умозаключением» опущены. *Ред.*

из их химических элементов и без помощи органических процессов. Современные химики утверждают: коль скоро химический состав какого-либо тела известен, оно может быть составлено из его элементов. Нам еще, правда, очень далеко до точного знания состава высших органических веществ — белковых тел; однако нет никакого основания считать, что мы и спустя столетия не сможем достигнуть этого знания и с его помощью добыть искусственный белок. Если мы этого достигнем, то вместе с тем мы воспроизведем органическую жизнь, ибо жизнь, от самых низших до самых высших ее форм, есть не что иное, как нормальный способ существования белковых тел.

Но наш агностик, сделав свои формальные оговорки, говорит и действует уже совсем как закоренелый материалист, каким он в сущности и является. Он, может быть, скажет: насколько *нам* известно, материю и движение, или, как теперь говорят, энергию, нельзя ни создать, ни уничтожить, но у нас нет никакого доказательства того, что и то и другое не было в какой-то неведомый нам момент сотворено. Но как только вы попытаетесь в каком-нибудь определенном случае использовать это признание против него — он моментально заставит вас замолчать. Если он in abstracto[*] допускает возможность спиритуализма, то in concreto[**] он об этой возможности и знать не желает. Он вам скажет: насколько мы знаем и можем знать, не существует никакого творца или вседержителя вселенной; насколько нам это известно, материю и энергию также нельзя ни создать, ни уничтожить; для нас мышление — только форма энергии, функция мозга; все, что мы знаем, сводится к тому, что материальный мир управляется неизменными законами, и т. д. и т. п. Таким образом, поскольку он человек науки, поскольку он что-либо знает, постольку он материалист; но вне своей науки, в тех областях, в которых он ничего не знает, он переводит свое невежество на греческий язык, называя его агностицизмом.

Во всяком случае несомненно одно: даже если бы я был агностиком, я не мог бы изложенный в этой брошюре взгляд на историю назвать «историческим агностицизмом». Религиозные люди высмеяли бы меня, а агностики с негодованием спросили бы: не издеваюсь ли я над ними? И я надеюсь, что и британская респектабельность[***] не будет чересчур возмущена, если я применю на английском, как и на многих других языках, выражение

[*] — в абстрактном виде. *Ред.*
[**] — в конкретном случае, на практике. *Ред.*
[***] В немецком тексте после слова «респектабельность» добавлено: «которая по-немецки называется филистерством». *Ред.*

«исторический материализм» для обозначения того взгляда на ход всемирной истории, который конечную причину и решающую движущую силу всех важных исторических событий находит в экономическом развитии общества, в изменениях способа производства и обмена, в вытекающем отсюда разделении общества на различные классы и в борьбе этих классов между собой.

Может быть, ко мне отнесутся еще более снисходительно, если я докажу, что исторический материализм может оказаться полезным даже для британской респектабельности*. Я указал на тот факт, что лет сорок или пятьдесят назад каждого образованного иностранца, поселявшегося в Англии, неприятно поражало то, что ему должно было казаться религиозным ханжеством или тупостью английского респектабельного среднего класса. Я сейчас покажу, что респектабельный английский средний класс того времени был совсем не так уж туп, как это казалось интеллигентному иностранцу. Религиозные стремления этого класса имеют свое объяснение.

Когда Европа вышла из средневековья, поднимавшийся городской средний класс** был его революционным элементом. Признанное положение, которое он завоевал себе внутри средневекового феодального строя, стало уже слишком тесным для его способностей к расширению. Развитие среднего класса, *буржуазии,* стало уже несовместимо с феодальной системой, поэтому феодальная система должна была пасть.

Но крупным интернациональным центром феодальной системы была римско-католическая церковь. Несмотря на все внутренние войны, она объединяла всю феодальную Западную Европу в одно большое политическое целое, которое находилось в противоречии одинаково как с схизматическим греко-православным, так и с мусульманским миром. Она окружила феодальный строй ореолом божественной благодати. Свою собственную иерархию она установила по феодальному образцу, и, наконец, она была самым крупным феодальным сеньором, потому что ей принадлежало не менее третьей части всех земельных владений в католических странах. Прежде чем начать успешную борьбу против светского феодализма в каждой стране и в отдельных его сферах, необходимо было разрушить эту его центральную священную организацию.

---

* В немецком тексте вместо слов «британской респектабельности» напечатано: «для респектабельности британского филистера». *Ред.*

** В немецком тексте, начиная с этого места и до абзаца, открывающегося словами; «Новый исходный пункт был компромиссом» (стр. 309 настоящего тома), употребляемые Энгельсом выражения «middle class», «bourgeoisie» переведены термином «бюргерство» («Burgerthum»); далее эти же выражения переводятся им термином «буржуазия» («Bourgeoisie»). *Ред.*

В то же время параллельно с ростом среднего класса происходило гигантское развитие науки. Стали вновь изучаться астрономия, механика, физика, анатомия, физиология. Буржуазии для развития ее промышленности нужна была наука, которая исследовала бы свойства физических тел и формы проявления сил природы. До того же времени наука была смиренной служанкой церкви и ей не позволено было выходить за рамки, установленные верой; по этой причине она была чем угодно, только не наукой. Теперь наука восстала против церкви; буржуазия нуждалась в науке и приняла участие в этом восстании.

Я коснулся, таким образом, лишь двух пунктов, в которых поднимающийся средний класс должен был прийти в столкновение с существующей церковью. Но этого будет достаточно, чтобы доказать, во-первых, что в борьбе против притязаний католической церкви наибольшее участие принимал именно этот класс — буржуазия; во-вторых, что всякая борьба против феодализма должна была тогда принимать религиозное облачение, направляться в первую очередь против церкви. Но если боевой клич исходил от университетов и торгово-предпринимательских элементов городов, то сильный отклик он неизбежно встречал в массах сельского населения, у крестьян, которые повсюду вели ожесточенную борьбу со своими духовными и светскими феодалами, и притом борьбу за самое существование.

Длительная* борьба европейской буржуазии против феодализма достигала своей высшей точки в трех крупных решающих битвах.

Первой была так называемая протестантская Реформация в Германии. Ответом на призыв Лютера к борьбе против церкви явились два политических восстания: сначала — низшего дворянства под предводительством Франца фон Зиккингена (1523), а затем — Великая крестьянская война 1525 года[304]. Оба они были подавлены главным образом вследствие нерешительности наиболее заинтересованной партии, городского бюргерства, — нерешительности, на причинах которой мы здесь не можем останавливаться. С этого момента борьба вырождилась в грызню между местными князьями и центральной властью** и имела своим последствием то, что Германия на 200 лет была вычеркнута из списка политически активных наций Европы. Лютеранская реформация установила в ней во всяком случае новую религию — именно такую, какая и нужна была абсолютной монархии. Не успели крестьяне на северо-востоке Германии

* В немецком тексте вместо слова «Длительная» напечатано: «Великая». *Ред.*

** В немецком тексте вместо слов «центральной властью» напечатано; «императорской центральной властью». *Ред.*

принять лютеранство, как они были из свободных людей низведены до положения крепостных.

Но там, где Лютера постигла неудача, победил Кальвин. Его догма отвечала требованиям самой смелой части тогдашней буржуазии. Его учение о предопределении было религиозным выражением того факта, что в мире торговли и конкуренции удача или банкротство зависят не от деятельности или искусства отдельных лиц, а от обстоятельств, от них не зависящих. Определяет не воля или действие какого-либо отдельного человека, а милосердие могущественных, но неведомых экономических сил. И это было особенно верно во время экономического переворота, когда все старые торговые пути и торговые центры вытеснялись новыми, когда были открыты Америка и Индия, когда даже наиболее священный экономический символ веры — стоимость золота и серебра — пошатнулся и потерпел крушение. Притом устройство церкви Кальвина было насквозь демократичным и республиканским; а где уже и царстве божие республиканизировано, могли ли там земные царства оставаться верноподданными королей, епископов и феодалов? Если лютеранство в Германии стало послушным орудием в руках князей[*], то кальвинизм создал республику в Голландии и деятельные республиканские партии в Англии и прежде всего в Шотландии.

В кальвинизме нашло себе готовую боевую теорию второе крупное восстание буржуазии. Это восстание произошло в Англии. Средний класс городов дал ему первый толчок, а йоменри[**] сельских районов привело его к победе. Оригинальное явление: во всех трех великих восстаниях буржуазии[***] боевой армией являются крестьяне. И именно крестьяне оказываются тем классом, который после завоеванной победы неизбежно разоряется в результате экономических последствий этой победы. Сто лет спустя после Кромвеля английское йоменри почти совершенно исчезло. А между тем исключительно благодаря вмешательству этого йоменри и *плебейского* элемента городов борьба была доведена до последнего решительного конца и Карл I угодил на эшафот, чего одна буржуазия никогда не смогла бы сделать[****]. Для того чтобы буржуазия могла

[*] В немецком тексте вместо слова «князей» напечатано: «мелких немецких князей». *Ред.*
[**] В немецком тексте вместо слова «йоменри» напечатано; «среднее крестьянство (yeomenry)». *Ред.*
[***] В немецком тексте вместо слов «восстаниях буржуазии» напечатано: «буржуазных революциях». *Ред.*
[****] В немецком тексте слова «чего одна буржуазия никогда не смогла бы сделать» опущены. *Ред.*

заполучить хотя бы только те плоды победы, которые тогда были уже вполне зрелы для сбора их, — для этого необходимо было довести революцию значительно дальше такой цели; совершенно то же самое было в 1793 г. во Франции, в 1848 г. в Германии. По-видимому, таков на самом деле один из законов развития буржуазного общества.

За этим избытком революционной активности с необходимостью последовала неизбежная реакция, зашедшая в свою очередь дальше того пункта, за которым она сама уже не могла продержаться*. После ряда колебаний установился наконец новый центр тяжести, который и послужил исходным пунктом для дальнейшего развития. Замечательный период английской истории, который респектабельность** окрестила «великим мятежом», и следующие за ним битвы завершаются сравнительно незначительным событием 1689 г., которое либеральные историки называют «славной революцией»[305].

Новый исходный пункт был компромиссом между поднимающимся средним классом*** и бывшими крупными феодальными землевладельцами. Последние, считавшиеся тогда, как и теперь, аристократией, уже давно были на пути к тому, чтобы стать тем, чем Луи-Филипп во Франции стал лишь спустя долгое время: «первыми буржуа королевства». К счастью для Англии, старые феодальные бароны перебили друг друга в войнах Алой и Белой розы[306]. Их наследники, большей частью также отпрыски этих старых фамилий, вели, однако, свой род от столь отдаленных боковых линий, что они составили совершенно новый слой; их привычки и стремления были гораздо более буржуазными, чем феодальными. Они прекрасно знали цену деньгам и немедленно принялись вздувать земельную ренту, согнав с земли сотни мелких арендаторов и заменив их овцами. Генрих VIII массами создавал новых лендлордов из буржуазии, щедро раздавая и продавая за бесценок церковные имения; к тому же результату приводили беспрерывно продолжавшиеся до конца XVII века конфискации крупных имений, которые затем раздавались всевозможным выскочкам в прямом или переносном смысле этого слова. Поэтому английская «аристократия» со времен Генриха VII не только не противодействовала развитию промышленности, но, наоборот, старалась извлекать из этого развития косвенную выгоду. И точно так же всегда

* В немецком тексте вместо слов «дальше того пункта, за которым она сама уже не могла продержаться» напечатано: «дальше своих целей». *Ред.*

** В немецком тексте вместо слова «респектабельность» напечатано: «филистерство». *Ред.*

*** В немецком тексте здесь и далее выражение «middle class» переводится, как и выражение «bourgeosie», термином «буржуазия». *Ред.*

находилась такая часть крупных землевладельцев, которая из экономических или политических побуждений соглашалась на сотрудничество с лидерами финансовой и промышленной буржуазии. Таким образом, легко мог осуществиться компромисс 1689 года. Политические трофеи — доходные и теплые местечки* — оставлялись в руках знатных дворян-землевладельцев при условии, что они в достаточной мере будут соблюдать экономические интересы финансового, промышленного и торгового среднего класса. А эти экономические интересы уже тогда были достаточно сильны, чтобы определять собой общую политику нации. Конечно, существовали раздоры по тому или другому отдельному вопросу, но в целом аристократическая олигархия слишком хорошо понимала, что ее собственное экономическое процветание неразрывно связано с процветанием промышленного и торгового среднего класса.

С этого времени буржуазия стала скромной, но все же признанной составной частью господствующих классов Англии. Вместе с остальными она была заинтересована в подавлении огромной трудящейся массы народа. Купец или фабрикант по отношению к своим приказчикам, своим рабочим, своей прислуге сам занимал положение хозяина, или, как еще недавно выражались в Англии, «естественного повелителя». Ему нужно было выжимать из них возможно большее количество труда возможно лучшего качества; с этой целью он должен был воспитывать их в надлежащей покорности. Он сам был религиозным; его религия доставила ему знамя, под которым он победил короля и лордов. Скоро он открыл в этой религии также средство для того, чтобы обрабатывать сознание своих естественных подданных и делать их послушными приказам хозяев, которых поставил над ними неисповедимый промысл божий. Короче говоря, английский буржуа с этого времени стал соучастником в подавлении «низших сословий» — огромной производящей народной массы, — и одним из применявшихся в этих целях средств было влияние религии.

К этому присоединилось еще другое обстоятельство, усиливавшее религиозные склонности буржуазии: расцвет материализма в Англии. Это новое** учение не только приводило в ужас благочестивый средний класс, — оно в довершение всего объявило себя философией, единственно подходящей для ученых и светски образованных людей, в противовес религии, которая достаточно хороша для необразованных масс, включая сюда

* В немецком тексте вместо слов «доходные и теплые местечки» напечатано: «должности, синекуры и высокие оклады». *Ред.*

** В немецком тексте после слова «новое» добавлено: «безбожное». *Ред.*

и буржуазию. Вместе с Гоббсом оно выступило на защиту королевской прерогативы и самодержавия и призывало абсолютную монархию к укрощению этого puer robustus sed malitiosus*, то есть народа[307]. Также и у последователей Гоббса — Болингброка, Шефтсбери и пр. — новая деистская форма материализма оставалась аристократическим, эзотерическим** учением, и поэтому оно было ненавистно среднему классу не только за то, что являлось религиозной ересью, но и за то, что было связано с антибуржуазным политическим направлением. Вот почему, в противоположность материализму и деизму аристократии, именно протестантские секты, которые доставляли и знамя и бойцов для борьбы против Стюартов, выставляли также главные боевые силы прогрессивного среднего класса и еще сейчас образуют становой хребет «великой либеральной партии».

Тем временем материализм перекочевал из Англии во Францию, где он нашел вторую материалистическую философскую школу — ответвление картезианства[308], — с которой он и слился. И во Франции тоже он вначале оставался исключительно аристократическим учением. Но его революционный характер вскоре выступил наружу. Французские материалисты отнюдь не ограничивались в своей критике областью религии: они критиковали каждую научную традицию, каждое политическое учреждение своего времени. Чтобы доказать всеобщую применимость своей теории, они избрали кратчайший путь: они смело применили ее ко всем объектам знания в том гигантском труде, от которого они получили свое имя, в «Энциклопедии». Таким образом, в той или иной форме, — как открытый материализм или как деизм, — материализм стал мировоззрением всей образованной молодежи во Франции. И влияние его было так велико, что во время великой революции это учение, рожденное на свет английскими роялистами, доставило французским республиканцам и сторонникам террора теоретическое знамя и дало текст для «Декларации прав человека»[309].

Великая французская революция была третьим восстанием буржуазии, но первым, которое совершенно сбросило с себя религиозные одежды и в котором борьба была проведена на открыто политической почве. Она была также первым восстанием, в котором борьба была действительно доведена до конца, до полного уничтожения одной из борющихся сторон, именно аристократии, и до полной победы другой, именно буржуазии. В Англии преемственная связь между дореволюционными и послереволюционными учреждениями и компромисс

* — здоровенного и злонравного малого. *Ред.*
** — сокровенным, предназначенным только для посвященных. *Ред.*

между крупными землевладельцами и капиталистами нашли свое выражение в преемственности судебных прецедентов, равно как в почтительном сохранении феодальных правовых форм. Во Франции, напротив, революция окончательно порвала с традициями прошлого, уничтожила последние следы феодализма и в Code civil[310] мастерски приспособила к современным капиталистическим условиям старое римское право— это почти совершенное выражение юридических отношений, соответствующих той ступени экономического развития, которую Маркс называет товарным производством, — в такой степени мастерски, что этот революционный французский кодекс законов еще и сейчас во всех других странах, не исключая и Англии, служит образцом при реформах в области права собственности. При этом, однако, не следует забывать одного. Если английское право продолжает выражать экономические отношения капиталистического общества на варварски-феодальном наречии, которое столько же соответствует выражаемому им предмету, сколько английская орфография английскому произношению — vous ecrivez Londres et vous prononcez Constantinople*, по словам одного француза, — то зато это же самое английское право является единственным, в течение веков сохранившим в неискаженном виде и перенесшим в Америку и в колонии лучшую часть тех древнегерманских свобод — личную свободу, местное самоуправление и гарантию от всякого вмешательства, кроме судебного, — которые на континенте совершенно исчезли в период абсолютных монархий и до сих пор нигде еще не восстановлены в полном объеме.

Вернемся, однако, к нашему британскому буржуа. Французская революция дала ему великолепную возможность разрушить с помощью континентальных монархий французскую морскую торговлю, захватить французские колонии и уничтожить последние притязания Франции на морское соперничество. Таково было одно из оснований, толкнувших его на борьбу с революцией. Вторым было то, что методы этой революции пришлись ему уж очень не по вкусу, — не только ее «мерзкий» террор, но даже самая ее попытка довести до крайних пределов господство буржуазии. Да и что бы стал делать британский буржуа без своей аристократии, которая и манерам его обучала — манерам, достойным учителя, — и моды для него изобретала, и доставляла ему офицеров для армии, этой охранительницы порядка внутри страны, и для флота, завоевывающего новые колониальные владения и новые внешние рынки? Впрочем,

* — пишется Лондон, а произносится Константинополь. *Ред.*

среди буржуазии было все же прогрессивное меньшинство — люди, интересы которых не особенно выигрывали от компромисса. Это меньшинство, состоявшее главным образом из менее зажиточных слоев среднего класса, относилось с симпатией к революции[311], но в парламенте оно было бессильно.

Таким образом, чем больше материализм становился символом веры французской революции, тем крепче богобоязненный английский буржуа держался своей религии. Разве времена господства террора в Париже не показали, что получается, когда народ утрачивает религию? Чем больше материализм распространялся из Франции на соседние страны и получал подкрепление от родственных теоретических течений, особенно от немецкой философии; чем больше материализм и вообще свободомыслие в действительности становились на континенте необходимым признаком образованного человека, тем упорнее держался английский средний класс за свои разнообразные религиозные вероучения. Как бы сильно они ни отличались друг от друга, но все они были ярко выраженными религиозными, христианскими вероучениями.

В то время как во Франции революция обеспечила политическое торжество буржуазии, в Англии Уатт, Аркрайт, Картрайт и другие дали первый толчок к промышленной революции, которая совершенно переместила центр тяжести экономических сил. Богатство буржуазии теперь стало расти несравненно быстрее, чем богатство земельной аристократии. Внутри самой буржуазии финансовая аристократия, банкиры и т. п. все более стали оттесняться на задний план фабрикантами. Компромисс 1689 г. даже после изменений, постепенно произведенных в пользу буржуазии, уже более не соответствовал соотношению сил участников этого соглашения. Характер участников также изменился; буржуазия 1830 г. очень сильно отличалась от буржуазии предыдущего столетия. Сохранение политической власти все еще в руках аристократии, которая использовала эту власть против притязаний новой промышленной буржуазии, стало несовместимым с новыми экономическими интересами. Необходимо было возобновить борьбу против аристократии, и эта борьба могла кончиться только победой новой экономической силы. Прежде всего под влиянием французской революции 1830 г. была проведена, несмотря на все сопротивление, парламентская реформа[312]. Это создало для буржуазии признанное и могущественное положение в парламенте. Затем последовала отмена хлебных законов, которая раз навсегда установила преобладание буржуазии, особенно ее наиболее деятельной части, фабрикантов, над земельной аристократией» Это была

величайшая победа буржуазии, но в то же время и последняя, которую она одержала исключительно в своих собственных интересах. Все ее позднейшие победы ей приходилось делить с новой социальной силой, вначале ее союзницей, но затем ставшей ее соперницей.

Промышленная революция создала класс крупных капиталистов-фабрикантов, но вместе с тем также гораздо более многочисленный класс фабричных рабочих. Этот класс непрерывно увеличивался численно по мере того, как промышленная революция захватывала одну отрасль производства за другой. Вместе с его численностью росла также и его сила, и эта сила обнаружила себя уже в 1824 г., когда она принудила упорствующий парламент отменить законы, запрещающие рабочие союзы[313]. Во время агитации за реформу рабочие составляли радикальное крыло партии реформы. Когда актом 1832 г. они были оставлены лишенными избирательного права, они изложили свои требования в Народной хартии и, в противоположность сильной буржуазной Лиге против хлебных законов[314], организовались в независимую партию чартистов, первую рабочую партию нашего времени.

Затем в феврале и марте 1848 г. вспыхнули революции на континенте, в которых рабочие сыграли такую выдающуюся роль и при этом, по крайней мере в Париже, выдвинули требования, решительно неприемлемые с точки зрения капиталистического общества. А за этим последовала всеобщая реакция. Сначала поражение чартистов 10 апреля 1848 г., потом подавление парижского восстания рабочих в июне того же года, далее неудачи 1849 г. в Италии, Венгрии, Южной Германии и, наконец, победа Луи Бонапарта над Парижем 2 декабря 1851 года. Таким образом, удалось хоть на некоторое время избавиться от рабочих требований — этого страшного пугала, но какой ценой! Если британский буржуа еще раньше был убежден в необходимости держать простой народ в религиозной узде, то насколько же сильнее должен был он чувствовать эту необходимость после всего пережитого! И не обращая ни малейшего внимания на насмешки своих континентальных собратьев, он продолжал тратить из года в год тысячи и десятки тысяч на проповедование евангелия низшим сословиям. Не довольствуясь собственным религиозным аппаратом, он обратился к «брату Джонатану», величайшему предпринимателю по части религиозных спекуляций, и импортировал из Америки ревивализм Муди, Санки и им подобных[315]; наконец, он согласился даже на то, чтобы получать опасную помощь от «Армии спасения», которая возрождает формы пропаганды, применявшиеся

ранним христианством, обращается к бедным, как к избранникам божьим, ведет борьбу с капитализмом на свой религиозный лад и таким образом развивает некоторые элементы раннехристианской классовой борьбы, которые в один прекрасный день могут доставить немало тревог богатым людям, тратящим теперь на это дело наличные деньги.

По-видимому, можно считать законом исторического развития, что ни в одной европейской стране буржуазии не удается — по крайней мере на продолжительное время — овладеть политической властью так же безраздельно, как ею владела феодальная аристократия в течение средних веков. Даже во Франции, где феодализм был полностью искоренен, буржуазия в целом лишь короткие периоды времени полностью держала в своих руках правительственную власть. При Луи-Филиппе с 1830 по 1848 г. государством правила только незначительная часть буржуазии, гораздо большая часть ее была вследствие высокого ценза лишена избирательных прав. Во время Второй республики, 1848—1851 гг., правила вся буржуазия, но всего только три года; ее неспособность проложила путь Второй империи. Только теперь, при Третьей республике, класс буржуазии в целом в течение двадцати лет держался у кормила правления, но уже сейчас он обнаруживает отрадные признаки упадка. Продолжительное господство буржуазии было возможно до сих пор только в таких странах, как Америка, где феодализма никогда не было и где общество с самого начала создавалось на буржуазной основе. И даже во Франции и Америке уже громко стучатся в двери наследники буржуазии — рабочие.

В Англии буржуазия никогда не обладала нераздельной властью. Даже ее победа в 1832 г. оставила почти исключительно в руках аристократии ведущие государственные должности. Та покорность, с которой богатый средний класс мирился с этим, оставалась мне непонятной до тех пор, пока в один прекрасный день крупный либеральный фабрикант, У. Э. Форстер, не произнес речь, обращенную к брадфордской молодежи, умоляя ее ради собственного преуспеяния изучать французский язык; при этом он, ссылаясь на собственный опыт, рассказал, как глупо он выглядел, когда, сделавшись министром, сразу попал в общество, где французский язык был по меньшей мере так же необходим, как английский! И действительно, тогдашние представители английского среднего класса были, как правило, совершенно необразованными выскочками, которые волей-неволей должны были предоставлять аристократии все те высшие правительственные посты, где требовались иные качества, чем островная ограниченность и островное чванство, сдобренные

деловой изворотливостью*. Еще и теперь бесконечные дебаты в печати на тему о буржуазном воспитании [middle-class education] обнаруживают, что английский средний класс все еще считает себя неподготовленным для лучшего воспитания, а ищет для себя чего-нибудь поскромнее. Поэтому казалось вполне естественным, что и после отмены хлебных законов те люди, которые сумели добиться победы, эти Кобдены, Брайты, Форстеры и пр., были отстранены от официального участия в управлении страной, пока двадцать лет спустя новая парламентская реформа[316] не открыла им наконец двери в кабинет министров. Даже до сих пор английская буржуазия так глубоко проникнута сознанием своего более низкого общественного положения, что она на свои собственные и на народные деньги содержит парадную касту бездельников, которая должна во всех торжественных случаях достойно представлять нацию, причем буржуа считают для себя высшей честью, когда кто-нибудь из них признается достойным получить доступ в эту избранную и привилегированную корпорацию, сфабрикованную в конце концов самой же буржуазией.

Таким образом, промышленный и торговый средний класс не успел еще окончательно отстранить земельную аристократию от политической власти, как на сцену выступил новый конкурент — рабочий класс. Реакция, наступившая после чартистского движения и континентальных революций, и присоединившийся к этому небывалый расцвет английской промышленности с 1848 по 1866 г. (этот расцвет обычно приписывают влиянию одной только свободы торговли, но он в гораздо большей степени вызван колоссальным развитием железных дорог, океан-

* Да и в деловых отношениях национально-шовинистическое чванство — очень плохой советник. До самого последнего времени заурядный английский фабрикант считал унизительным для англичанина говорить на другом языке, кроме своего собственного, и до некоторой степени гордился тем, что «бедняги» иностранцы поселяются в Англии и избавляют его от хлопот, связанных со сбытом его продуктов за границей. Он даже не замечал, что эти иностранцы, большей частью немцы, благодаря этому захватили в свои руки значительную часть британской внешней торговли — ввоз не менее, чем вывоз — и что непосредственная внешняя торговля англичан постепенно стала ограничиваться колониями, Китаем, Соединенными Штатами и Южной Америкой. Еще менее замечал он, что эти немцы торговали с другими немцами за границей, эти последние с течением времени образовали целую сеть торговых колоний по всему свету. Когда же сорок лет тому назад Германия начала серьезно производить на вывоз, эта сеть немецких торговых колоний сослужила ей прекрасную службу для превращения ее в столь короткий срок из страны, вывозящей хлеб, в перворазрядную промышленную страну. Тогда наконец лет десять тому назад английского фабриканта охватило беспокойство, и он запросил своих послов и консулов, как это случилось, что он не в состоянии удержать своих клиентов. Единодушный ответ был таков: 1) вы не изучаете языка вашего покупателя, а требуете, чтобы он говорил на вашем языке, и 2) вы не только не пытаетесь удовлетворить потребности, привычки и вкусы вашего покупателя, но требуете еще, чтобы он принял ваши, английские.

ского пароходства и вообще средств сообщения) снова поставили рабочих в зависимость от либеральной партии, в которой они, как и до чартистского движения, составляли радикальное крыло. Постепенно, однако, требования избирательных прав со стороны рабочих стали неодолимыми. Пока вигские лидеры либералов все еще трусили, Дизраэли доказал свое превосходство; побудив тори использовать благоприятный момент, он ввел в городских избирательных округах избирательное право для съемщиков жилых помещений [household suffrage]* и вместе с тем произвел перераспределение избирательных округов. Вскоре после этого было введено тайное голосование; далее, в 1884 г. избирательное право для съемщиков жилых помещений было распространено на графства и было произведено новое распределение избирательных округов, которое до некоторой степени уравнивало их между собой[317]. Благодаря всем этим мероприятиям сила рабочего класса на выборах настолько возросла, что сейчас рабочие составляют большинство избирателей по крайней мере в 150—200 избирательных округах. Но нет лучшей школы почтительного отношения к традиции, чем парламентская система! Если средний класс, преклоняясь и благоговея, взирал на то, что лорд Джон Маннерс в шутку называл «нашим старым дворянством», то и рабочая масса с уважением и почтением смотрела тогда на так называемый в то время «лучший класс», на средний класс. И действительно, примерно пятнадцать лет назад британский рабочий был образцовым рабочим, и его почтительнейшее отношение к положению его нанимателя, его самоограничение и смирение в тех случаях, когда он требовал прав для себя, лили целительный бальзам на раны, которые наносили нашим немецким экономистам из школы *катедер-социалистов*[318] неисправимо коммунистические и революционные стремления их соотечественников — германских рабочих.

Однако английский средний класс был дальновиднее немецких профессоров — он состоял из лучших дельцов, чем они. Только под давлением обстоятельств он уступил часть своей власти рабочим. Во времена чартистского движения он научился понимать, на что способен народ, этот puer robustus sed malitiosus. С того времени ему волей-неволей пришлось превратить добрую часть требований Народной хартии в закон Соединенного королевства. Больше чем когда-либо важно было теперь держать народ в узде моральными средствами. Первым же и важнейшим моральным средством, которым воздействуют на массы,

* В немецком тексте после слов «жилых помещений» добавлено: «(которое распространялось на каждого нанимателя отдельного помещения)». *Ред.*

оставалась все та же религия. Отсюда — поповское засилье в школьных советах, отсюда — возрастающее самообложение буржуазии для поддержки всякого рода ревивализма*, начиная от ритуализма[319] и кончая «Армией спасения».

И теперь наступило торжество британской респектабельности** над свободомыслием и религиозным индифферентизмом континентального буржуа. Французские и германские рабочие прониклись мятежным духом. Они повально были заражены социализмом и при этом, по весьма веским соображениям, вовсе не так уж были озабочены соблюдением законности при выборе средств для завоевания власти. Этот puer robustus действительно становился там с каждым днем все более malitiosus. Для французской и немецкой буржуазии оставалось лишь одно крайнее средство: отбросить втихомолку свое свободомыслие, подобно тому как юноша, чувствуя, что его все более и более одолевает морская болезнь, незаметно бросает зажженную сигару, которой он щеголял на борту корабля. Один за другим богохульники стали принимать внешне благочестивый облик, с почтением говорить о церкви, ее учении и обрядах и стали даже их соблюдать сами, поскольку нельзя было их обойти. Французские буржуа довольствовались maigre*** по пятницам, а немецкие буржуа по воскресеньям терпеливо выслушивали на своих скамьях в церкви длинные протестантские проповеди. Со своим материализмом буржуа попали в беду. «Die Religion muss dem Volk erhalten werden» — «Религия должна быть сохранена для народа» — таково последнее и единственное средство спасения общества от полной гибели. К несчастью для самих себя, они открыли это только тогда, когда сделали с своей стороны все возможное, чтобы навсегда разрушить религию. И тогда наступил момент, когда британский буржуа в свою очередь мог над ними посмеяться и крикнуть им: «Глупцы, это я мог бы сказать вам еще двести лет назад!»

Однако я опасаюсь, что ни религиозное тупоумие британского буржуа, ни наступившее post festum**** обращение континентального буржуа не смогут сдержать поднимающийся все выше пролетарский поток. Традиция — это великий тормоз, это vis inertiae***** в истории; но она только пассивна

* В немецком тексте вместо слов «для поддержки всякого рода ревивапизма» напечатано: «для использования всевозможных способов благочестивой демагогии». *Ред.*

** В немецком тексте вместо слов «британской респектабельности» напечатано: «британского респектабельного филистерства». *Ред.*

*** — постной пищей. *Ред.*

**** — буквально: после праздника, то есть с запозданием. *Ред.*

***** — сила инерции. *Ред.*

и потому неизбежно оказывается сломленной. Поэтому религия тоже не может долго служить оплотом капиталистического общества. Если наши юридические, философские и религиозные представления являются более близкими или более отдаленными отпрысками господствующих в данном обществе экономических отношений, то эти представления не могут удержаться продолжительное время после того, как экономические отношения в корне изменились. Либо мы должны поверить в сверхъестественное откровение, либо согласиться, что никакие религиозные догмы не в состоянии спасти гибнущее общество.

И действительно, в Англии рабочие также пришли снова в движение. Несомненно, они скованы различными традициями. Прежде всего буржуазными традициями: так, например, очень распространенным предрассудком, будто возможны только две партии, консервативная и либеральная, и будто рабочий класс должен добиваться своего освобождения при помощи великой либеральной партии. Затем — традициями самих рабочих, унаследованными со времени первых робких попыток самостоятельных выступлений рабочего класса: такой традицией является исключение из многих старых тред-юнионов всех тех рабочих, которые не прошли регулярного ученичества, а это означает только, что каждый такой профессиональный союз готовит себе собственных штрейкбрехеров. Но несмотря на все это, английский рабочий класс движется вперед, как вынужден был с прискорбием сообщить об этом своим катедер-социалистическим собратьям даже сам профессор Брентано[320]. Рабочий класс движется — как все в Англии — медленным, размеренным шагом, то колеблясь, то делая ощупью робкие, порой бесплодные попытки. Он движется местами с чрезмерным недоверием к слову «социализм», впитывая постепенно в себя его сущность. Он движется, и его движение захватывает один слой рабочих за другим. В настоящее время оно пробудило от спячки необученных рабочих лондонского Ист-Энда, и мы видели, какой великолепный толчок дали со своей стороны рабочему классу эти свежие силы. И если ход этого движения не поспевает за нетерпеливыми требованиями тех или иных лиц, то пусть они не забывают, что именно рабочий класс является хранителем лучших черт английского национального характера и что в Англии каждый шаг вперед, раз он завоеван, никогда, как правило, не пропадет. Если сыновья старых чартистов, по изложенным выше причинам, были не совсем таковы, как можно было бы ожидать, то, по всей видимости, внуки будут достойны своих дедов.

Однако победа европейского рабочего класса зависит не от одной Англии. Она может быть обеспечена только совместными

усилиями, по крайней мере, Англии, Франции и Германии. В обеих последних странах рабочее движение значительно опередило английское. В Германии можно даже уже определять время его торжества. Успехи, достигнутые там рабочим движением за последние двадцать пять лет, не имеют себе равных. Оно идет вперед со все возрастающей быстротой. Если немецкий средний класс показал свое жалкое убожество и отсутствие политических способностей, дисциплины, смелости, энергии, настойчивости, то немецкий рабочий класс вполне показал, что всеми этими качествами он обладает в достаточной мере. Почти четыреста лет тому назад Германия была исходным пунктом первого крупного восстания европейского среднего класса; если судить по теперешнему положению вещей, разве не может оказаться, что Германия станет также ареной первой великой победы европейского пролетариата?

Ф. Энгельс

20 апреля 1892 г.

Напечатано в книге: Frederick Engels. «Socialism Utopian and Scientific». London, 1892 и с некоторыми сокращениями в переводе автора на немецкий язык в журнале «Die Neue Zeit», Bd. 1, №№ 1 и 2, 1892—1893 гг.

Печатается по тексту книги, сверенному с немецким переводом

Перевод с английского

ТРЕТЬЕМУ АВСТРИЙСКОМУ ПАРТИЙНОМУ СЪЕЗДУ

Лондон, 31 мая 1892 г.

Уважаемые товарищи!

Благодарю вас за ваше любезное приглашение на дважды запрещенный партийный съезд, который, надеюсь, теперь состоится[321]. И хотя у меня нет возможности присутствовать в качестве гостя на ваших заседаниях, но я с радостью пользуюсь случаем передать собравшимся австрийским товарищам мой привет и выражение моего живейшего участия. Мы, пользующиеся здесь свободой движения в такой мере, как нигде на континенте, можем, разумеется, по достоинству оценить тот факт, что австрийские рабочие, несмотря на многочисленные препоны, затрудняющие их движение, завоевали себе то славное положение, которое они теперь занимают. И я могу вас заверить в том, что и здесь, на родине крупной промышленности, дело рабочих продвигается вперед; да и вообще самое замечательное и самое радостное явление наших дней состоит в том, что, куда бы мы ни бросили взгляд, всюду движение рабочих развивается неудержимо.

Ваш старый

Фридрих Энгельс

Напечатано в «Arbeiter-Zeltung»
№ 24, 10 июня 1892 г.

Печатается по тексту газеты, сверенному с рукописью

Перевод с немецкого

Nr. 153.

9. Jahrg.

Vorwärts

Berliner Volksblatt.

Zentralorgan der sozialdemokratischen Partei Deutschlands.

Redaktion: SW. 19, Beuth-Straße 2. | Sonntag, den 3. Juli 1892. | Expedition: SW. 19, Beuth-Straße 3.

КАРЛ ШОРЛЕММЕР [322]

Не только люди науки всех стран, но и германская социал-демократия скорбит над могилой, засыпанной сегодня на южном городском кладбище в Манчестере. Покоящийся в ней крупный химик был коммунистом еще до того, как в Германии выступил Лассаль; нисколько не скрывая своих убеждений, он был до самой смерти активным членом германской социалистической партии и регулярно платил членские взносы.

Карл Шорлеммер родился 30 сентября 1834 г. в Дармштадте; он учился в гимназии, в своем родном городе и затем изучал химию в Гисене и Гейдельберге. По завершении образования он переехал в 1858 г. в Англию, где тогда талантливым химикам школы Либиха открывались широкие возможности для карьеры. В то время как большинство его молодых коллег устремилось в область промышленности, он остался верен науке; сначала он был ассистентом у частного химика Ангуса Смита, затем у Роско, который незадолго до этого был назначен профессором химии недавно основанного колледжа Оуэнса[323]. В 1861 г. Шорлеммер, бывший до тех пор частным ассистентом Роско, получил штатную должность ассистента в лаборатории колледжа Оуэнса.

К шестидесятым годам относятся его открытия в области химии, составившие эпоху в этой науке. Органическая химия продвинулась, наконец, настолько в своем развитии, что из скопления разрозненных, более или менее несовершенных сведений о составе органических тел она могла превратиться в действительную науку. Шорлеммер избрал предметом исследования простейшие из этих тел, будучи убежденным, что здесь-то

и надо закладывать основу новой науки, а именно исследования тех тел, которые первоначально состоят лишь из углерода и водорода, но при замене части их водорода другими, простыми или сложными, веществами превращаются в совершенно другие тела с самыми разнообразными свойствами; это были парафины, из которых более известные содержатся в нефти и из которых получаются спирты, жирные кислоты, эфиры и т. д. Тем, что нам сейчас известно об этих парафинах, мы обязаны главным образом Шорлеммеру. Он исследовал имеющиеся вещества, принадлежащие к ряду парафинов, отделил одни от других и многие из них впервые получил в чистом виде; другие вещества, которые теоретически должны были существовать, но в действительности не были еще известны, были открыты и получены также им. Таким образом, он стал одним из основоположников современной научной органической химии.

Наряду с этими своими специальными исследованиями он очень много занимался и так называемой теоретической химией, то есть основными законами этой науки, и той связью, которая существует между ней и смежными науками, следовательно физикой и физиологией. И в этой области он проявил особую одаренность. Он был, пожалуй, единственным в свое время известным естествоиспытателем, который не пренебрегал изучением презираемого тогда многими, но высоко ценимого им Гегеля. И вполне справедливо. Кто желает что-либо достичь в области теоретического, общего естествознания, тот должен рассматривать явления природы не как неизменные величины. какими их считает большинство исследователей, а как величины изменчивые, текучие. А этому еще и поныне легче всего научиться у Гегеля.

Когда в начале шестидесятых годов я познакомился с Шорлеммером, — Маркс и я в короткое время тесно сдружились с ним, — он часто приходил ко мне с кровоподтеками и рубцами на лице. С парафинами ведь шутки плохи; эти тела, большей частью еще неизвестные, каждый раз взрывались у него в руках, и таким образом он получил не мало почетных ранений. Только своим очкам он был обязан тому, что не лишился при этом зрения.

В то время он был уже вполне сложившимся коммунистом, которому оставалось только воспринять от нас экономическое обоснование давно усвоенных им убеждений. Затем, познакомившись благодаря нам с успехами рабочего движения в различных странах, он постоянно и с большим интересом следил за ним, в особенности за движением в Германии, с тех пор как оно преодолело первоначальную, чисто лассальянскую стадию. Когда в конце 1870 г. я переехал в Лондон, наша

оживленная переписка по-прежнему вращалась большей частью вокруг естествознания и партийных дел.

До этого времени, несмотря на свою уже общепризнанную мировую известность, Шорлеммер, оставаясь в Манчестере, занимал очень скромное положение. Но затем дела пошли иначе. В 1871 г. его кандидатура была выдвинута в члены Королевского общества, английской академии наук; и он, — что случается не часто, — был сразу же избран; в 1874 г. колледж Оуэнса учредил, наконец, специально для него, новую профессорскую должность по органической химии, а вслед за тем университет в Глазго избрал его почетным доктором. Но внешние почести ничуть не изменили его. Это был скромнейший в мире человек именно потому, что его скромность основывалась на правильном понимании им собственного значения. И именно по этой причине он принимал эти выражения признания как нечто само собой разумеющееся и поэтому — довольно равнодушно.

Свой отпуск он регулярно проводил в Лондоне, у Маркса и у меня, за исключением того времени, которое он проводил в Германии. Еще четыре года тому назад он сопровождал меня во время «экскурсии» в Америку[324]. Но уже тогда его здоровье пошатнулось. В 1890 г. мы могли еще поехать в Норвегию и к Нордкапу, но в 1891 г., в самом начале предпринятого нами совместного путешествия[325], его здоровье оказалось подорванным, и с того времени он уже больше не приезжал в Лондон. С февраля 1892 г. он почти уже не мог выходить из дома, а с мая был прикован к постели; скончался он 27 июня от рака легких.

Этому человеку науки также пришлось испытать на себе действие закона против социалистов. Шесть или семь лет тому назад он направлялся из Швейцарии в Дармштадт. В это время где-то в руки полиции попал ящик с газетой «Sozialdemokrat», издававшейся в Цюрихе. Кто же иной мог провезти эту контрабанду, как не профессор социал-демократ? Ведь по полицейским понятиям химик — это, во всяком случае, научно вымуштрованный контрабандист. Короче говоря, был произведен обыск у его матери, у его брата; но профессор оказался в Хёхсте. Немедленно дали телеграмму; произвели обыск и там, но при этом нашли нечто совершенно неожиданное, а именно английский паспорт. Дело в том, что Шорлеммер после издания в Германии закона против социалистов принял английское подданство. Перед этим английским паспортом полиция спасовала: дипломатических осложнений с Англией всетаки остерегались. Все дело закончилось большим скандалом в Дармштадте, в ре-

зультате которого на ближайших выборах мы приобрели по меньшей мере еще 500 голосов.

От имени Правления партии я возложил на могилу верного друга и партийного товарища венок с красными лентами и с надписью: «From the Executive of the Social-Demokratic Party of Germany»*.

Лондон, 1 июля 1892 г.

Напечатано в приложении к газете «Vorwarts» № 153, 3 июля 1892 г.

Подпись: Фридрих Энгельс

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — «От правления Социал-демократической партии Германии». *Ред.*

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ «ПОЛОЖЕНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА В АНГЛИИ» 1892 ГОДА [326]

Книга, вновь предлагаемая вниманию немецкого читателя, впервые вышла в свет летом 1845 года. Как в положительных, так и в отрицательных своих чертах она носит на себе следы молодости автора. Мне было тогда 24 года; теперь я втрое старше, но, перечитывая вновь эту юношескую работу, я нахожу, что мне за нее нечего краснеть. Поэтому я и не собираюсь в какой бы то ни было мере стирать с нее эту печать юности. Я вновь предлагаю ее читателю без изменений. Я только сформулировал более отчетливо несколько не совсем ясных мест и кое-где добавил краткие подстрочные примечания, помеченные настоящим (1892) годом.

О судьбе этой книги скажу лишь, что в 1887 г. она была издана в Нью-Йорке в английском переводе (г-жи Флоренс Келли-Вишневецкой) и что перевод этот был переиздан в 1892 г. в Лондоне у Суона Зонненшайна и К°. Предисловие к американскому изданию[327] легло в основу предисловия к английскому изданию*, а это последнее — в основу настоящего предисловия к немецкому изданию. Современная крупная промышленность в такой сильной степени уравнивает экономические отношения всех тех стран, где она появляется, что едва ли я должен говорить с немецким читателем иначе, чем с читателем американским и английским.

Описанное в этой книге положение вещей, по крайней мере поскольку оно касается Англии, в настоящее время во многих отношениях принадлежит прошлому. Один из законов современ-

* См. настоящий том, стр. 272—285. *Ред.*

ной политической экономии, хотя в наших общепризнанных учебниках это четко и не сформулировано, состоит в том, что, чем больше развито капиталистическое производство, тем меньше может оно прибегать к тем приемам мелкого надувательства и жульничества, которые характеризуют его ранние стадии. Мелкие махинации польского еврея, представителя европейской торговли на самой низкой ступени ее развития, те самые махинации, которые так хорошо служат ему на его родине и широко практикуются там, ставят его в затруднительное положение, как только он попадает в Гамбург или Берлин. Точно так же какой-нибудь комиссионер из Берлина или Гамбурга, еврей или христианин, попав на манчестерскую биржу, обнаруживал, как это было по крайней мере еще недавно, что для того чтобы дешево купить хлопчатобумажную пряжу или ткань, он должен лучше отказаться от тех, хотя и не столь грубых, но все-таки весьма убогих хитростей и уловок, которые у него на родине считались верхом мудрости для дельца. Впрочем, с развитием крупной промышленности многое как будто бы изменилось также и в Германии и даже утратил свою репутацию — особенно после промышленной Йены, пережитой немцами в Филадельфии[328] — добропорядочный старонемецкий принцип, согласно которому людям только может доставить удовольствие, когда им сначала подсовывают хорошие образцы, а вслед за тем шлют недоброкачественный товар! И действительно, эти махинации уже не оправдывают себя на крупном рынке, где время — деньги и где известный уровень коммерческой честности неизбежно развивается не из порывов к добродетели, а только для того, чтобы не терять понапрасну время и труд. И точно так же происходило дело в Англии с отношениями между фабрикантом и его рабочими.

Оживление деловой жизни после кризиса 1847 г. послужило началом новой промышленной эпохи. Отмена хлебных законов и с необходимостью вытекавшие из нее дальнейшие финансовые реформы предоставили английской промышленности и торговле нужный для их развития простор. Вслед за этим были открыты золотые россыпи в Калифорнии и Австралии. Во все возраставшей степени развивалась способность колониальных рынков поглощать английские промышленные товары. В Индии миллионы ручных ткачей были окончательно уничтожены механическим ткацким станком Ланкашира. Китай становился все более и более доступным. Но быстрее всех других развивалась Америка, развивалась темпами, неслыханными даже для этой страны гигантского прогресса, а Америка — и этого не следует забывать — была тогда только колониальным рынком,

правда, превосходящим все остальные, то есть была страной, которая поставляла сырье и получала промышленные изделия извне, в данном случае из Англии.

И, наконец, новые средства сообщения, появившиеся к концу предшествовавшего периода — железные дороги и океанские пароходы — применялись теперь в международном масштабе; они на деле создали *мировой рынок,* существовавший до этого лишь в потенции. Этот мировой рынок состоял тогда еще из некоторого числа стран, преимущественно или исключительно сельскохозяйственных, группировавшихся вокруг одного крупного промышленного центра — Англии, которая потребляла большую часть излишков их сырья и взамен удовлетворяла большую часть их потребностей в промышленных изделиях. Не удивительно, таким образом, что промышленный прогресс Англии был настолько колоссальным и неслыханным, что то состояние, в котором она находилась в 1844 г., кажется нам теперь сравнительно ничтожным, чуть ли не первобытным.

И в той же мере, в какой происходил этот рост, в фабричной промышленности, по-видимому, устанавливались какие-то нормы морали. Применяемое в конкуренции фабрикантов между собой мелкое обворовывание рабочих уже не оправдывало себя. Размах дел перерос уже эти жалкие средства добывания денег; у фабриканта-миллионера были дела поважнее, чем терять время на такие махинации, они годились только для мелких, нуждавшихся в деньгах дельцов, которые должны были подбирать каждый грош, чтобы не пасть жертвой конкуренции. Так в фабричных районах была ликвидирована система оплаты труда товарами, был принят билль о десятичасовом рабочем дне и проведен целый ряд других, второстепенных реформ — в духе, прямо противоположном свободной торговле и неограниченной конкуренции, но зато целиком в интересах крупного капиталиста, который ведет конкурентную борьбу с находящимися в менее благоприятных условиях собратьями.

Кроме того, чем больше предприятие и соответственно число занятых в нем рабочих, тем большие убытки и затруднения причинял всякий конфликт с рабочими. И таким образом фабриканты, особенно крупные, со временем преисполнились новым духом. Они научились избегать ненужных препирательств, молчаливо признавать существование и силу тред-юнионов и, в конце концов, даже видеть в стачках, если они происходят в подходящий момент, действенное средство для осуществления своих собственных целей. Самые крупные фабриканты, задававшие раньше тон в борьбе с рабочим классом, теперь

стали первыми проповедовать мир и гармонию. И на это у них были весьма веские основания.

Все эти уступки справедливости и человеколюбию были на самом деле лишь средством ускорения концентрации капитала в руках немногих лиц и уничтожения мелких конкурентов, которые без таких побочных доходов не могли сводить концы с концами. Для этих немногих жалкие вымогательства прежних лет не только потеряли всякое значение, но и стали настоящей помехой в делах большого масштаба. Итак, — по крайней мере в главных отраслях промышленности, ибо в менее важных это было далеко не так, — самого по себе развития капиталистического производства было достаточно для того, чтобы устранить все те мелкие притеснения, которые делали столь тяжелой судьбу рабочего в прежние годы. Таким образом, становится все более и более очевидным тот великий основной факт, что причину бедственного положения рабочего класса следует искать не в этих мелких притеснениях, а *в самой капиталистической системе.* Рабочий продает капиталисту свою рабочую силу за известную плату в день. В течение нескольких часов работы он воспроизводит стоимость этой платы. Но согласно условиям своего контракта он должен работать еще ряд часов, чтобы целиком заполнить рабочий день; стоимость, которую он создает в эти дополнительные часы прибавочного труда, составляет прибавочную стоимость, которая ничего не стоит капиталисту, но все же идет в его карман. Такова основа той системы, которая все более и более ведет к расколу цивилизованного общества на две части: с одной стороны, горстка Ротшильдов и Вандербилтов, собственников всех средств производства и потребления, а с другой — огромная масса наемных рабочих, не владеющих ничем, кроме своей рабочей силы. А что такой результат вызван не теми или иными незначительными притеснениями рабочих, а самой системой, — этот факт ныне со всей отчетливостью раскрыт в ходе развития капитализма в Англии.

Далее. Все повторяющиеся вспышки холеры, тифа, оспы и других эпидемических заболеваний показали английскому буржуа настоятельную необходимость улучшения санитарного состояния его городов, если он хочет спасти себя и свою семью от опасности пасть жертвой этих болезней. Поэтому самые вопиющие злоупотребления, описанные в этой книге, в настоящее время или устранены, или же сделаны менее заметными. Проведена или улучшена канализация; через многие из наихудших «трущоб» проложены широкие улицы; исчезла «Малая Ирландия», на очереди «Семь стрелок». Но какое это имеет значение?

Ведь целые районы, которые я в 1844 г. мог бы описать как почти идиллические, теперь, с ростом городов, пришли в такое же состояние упадка, запустения, нищеты. Не встретишь больше только свиней да куч отбросов. Буржуазия достигла дальнейших успехов в искусстве скрывать бедствия рабочего класса. Но в отношении жилищ рабочих никакого существенного улучшения не произошло, и это вполне доказывает отчет королевской комиссии 1885 г. «о жилищных условиях бедных». И то же самое — во всех остальных отношениях. Полицейские приказы сыплются как из рога изобилия, но они могут только ограничить нищету рабочих, а не устранить ее.

Но если Англия выросла теперь из этого описанного мною юношеского возраста капиталистической эксплуатации, то другие страны только теперь достигли его. Франция, Германия и особенно Америка — вот те грозные соперницы, которые, как я это предвидел в 1844 г., все более и более подрывают промышленную монополию Англии. Их промышленность молода сравнительно с английской, но она растет гораздо более быстрым темпом; и в настоящее время достигла почти той же ступени развития, на какой английская промышленность находилась в 1844 году. По отношению к Америке сравнение особенно разительно. Конечно, внешние условия жизни рабочего класса в Америке весьма отличны от этих условий в Англии, но и тут и там действуют одни и те же экономические законы, так что результаты, хотя и не во всех отношениях тождественные, должны все же быть одного и того же порядка. Вот почему мы находим в Америке ту же борьбу за более короткий рабочий день, за законодательное ограничение рабочего времени, в особенности для женщин и детей на фабриках; находим в полном расцвете систему оплаты труда товарами и систему коттеджей в сельских местностях — системы, которые используются «боссами», капиталистами и их агентами, как средство господства над рабочими. Когда я в 1886 г. получил американские газеты с сообщениями о крупной стачке пенсильванских горняков в Коннелсвиллском округе, мне казалось, что я читаю свое собственное описание стачки углекопов в Северной Англии в 1844 году. То же самое надувательство рабочих при помощи фальшивых мер и весов; та же система оплаты труда товарами, та же попытка сломить сопротивление горняков при помощи последнего, но сокрушительного средства капиталистов — выселения рабочих из их жилищ, принадлежащих компании.

Ни в данном издании, ни в изданиях на английском языке я не пытался довести изложение книги до настоящего времени,

то есть перечислить подробно все изменения, происшедшие с 1844 года. Не делал я этого по двум причинам: во-первых, для этого пришлось бы почти удвоить объем книги, а во-вторых, первый том «Капитала» Маркса дает весьма подробное описание положения рабочего класса в Англии около 1865 г., то есть в то время, когда промышленное процветание Англии достигло своего кульминационного пункта. В таком случае мне пришлось бы повторять то, что уже сказано Марксом.

Вряд ли необходимо отмечать, что общая теоретическая точка зрения настоящей книги в философском, экономическом и политическом отношениях отнюдь не вполне совпадает с моей теперешней точкой зрения. В 1844 г. еще не существовало современного международного социализма, который с тех пор, прежде всего и почти исключительно благодаря усилиям Маркса, полностью развился в науку. Моя книга представляет собой только одну из фаз его эмбрионального развития. И подобно тому как человеческий зародыш на самых ранних ступенях своего развития воспроизводит еще жаберные дуги наших предков — рыб, так и в этой книге повсюду заметны следы происхождения современного социализма от одного из его предков — немецкой классической философии. Так, в книге, особенно в конце ее, придается большое значение тому тезису, что коммунизм является не только партийной доктриной рабочего класса, но теорией, конечной целью которой является освобождение всего общества, включая и капиталистов, от тесных рамок современных отношений, В абстрактном смысле это утверждение верно, но на практике оно в большинстве случаев не только бесполезно, но даже хуже того. Поскольку имущие классы не только сами не испытывают никакой потребности в освобождении, но и противятся всеми силами самоосвобождению рабочего класса, постольку социальная революция должна быть подготовлена и осуществлена одним рабочим классом. Французские буржуа 1789 г. также объявляли освобождение буржуазии освобождением всего человечества; но дворянство и духовенство не пожелали с этим согласиться, и это утверждение, — хотя оно тогда, в отношении феодализма, было неоспоримой абстрактной исторической истиной, — скоро превратилось в чисто сентиментальную фразу и совершенно исчезло в огне революционной борьбы. И сейчас есть такие люди, которые со своей беспристрастной высшей точки зрения проповедуют рабочим социализм, парящий высоко над всеми классовыми противоречиями и классовой борьбой. Но это или новички, которым нужно еще многому поучиться, или злейшие враги рабочих, волки в овечьей шкуре.

Цикл больших промышленных кризисов исчисляется в книге пятью годами. Такой вывод о его продолжительности вытекал, по-видимому, из хода событий с 1825 до 1842 года. Но история промышленности с 1842 до 1868 г. показала, что в действительности этот период продолжается десять лет, что промежуточные кризисы носили второстепенный характер и, начиная с 1842 г., стали все более и более исчезать. С 1868 г. положение вещей опять изменилось, но об этом ниже.

Я умышленно не вычеркнул из текста многие предсказания, в том числе предсказание близости социальной революции в Англии, на которое я отважился под влиянием своей юношеской горячности. Я вовсе не намерен изображать свою работу и самого себя в лучшем свете, чем это было тогда. Удивительно не то, что довольно многие из этих предсказаний оказались неверными, а то, что столь многие из них сбылись и что критическое положение английской промышленности, которое должна была вызвать континентальная и в особенности американская конкуренция, что я и предвидел тогда, — правда, имея в виду слишком короткие сроки, — теперь действительно наступило. В этом отношении я обязан привести книгу в соответствие с современным положением вещей в Англии. С этой целью я воспроизвожу здесь одну мою статью, напечатанную на английском языке в лондонском журнале «Commonweal» от 1 марта 1885 г. и по-немецки в «Neue Zeit» в июне того же года (номер 6).

«Сорок лет тому назад Англия стояла перед кризисом, который, по всей видимости, мог быть разрешен только насилием. Гигантское и быстрое развитие промышленности далеко опередило расширение -внешних рынков и рост спроса. Каждые десять лет ход производства насильственно прерывался общим торговым кризисом, за которым после долгого периода хронического застоя следовали немногие годы процветания, всякий раз кончавшиеся лихорадочным перепроизводством и, в заключение, новым крахом. Класс капиталистов громко требовал свободной торговли хлебом и грозил добиться этого путем отправки голодающих жителей городов обратно в те сельские районы, откуда они пришли, причем, как выразился Джон Брайт, «не как бедняков, выпрашивающих хлеб, а как армию, располагающуюся на территории неприятеля». Рабочие массы городов требовали для себя участия в политической власти — Народной хартии; их поддерживало большинство мелкой буржуазии, и единственное разногласие между ними и ею состояло лишь в том, как надо добиваться осуществления Хартии: насильственным или законным путем. Между тем наступили торговый

кризис 1847 г. и голод в Ирландии, а вместе с ними и перспектива революции.

Французская революция 1848 г. спасла английскую буржуазию. Социалистические лозунги победоносных французских рабочих напугали английскую мелкую буржуазию и внесли дезорганизацию в движение английского рабочего класса, протекавшее в более узких рамках, но имевшее в большей степени непосредственно практический характер. Как раз в тот момент, когда чартистское движение должно было развернуться в полную силу, оно оказалось надломленным изнутри еще до того, как наступило внешнее поражение 10 апреля 1848 года. Политическая деятельность рабочего класса была отодвинута на задний план. Класс капиталистов одержал победу по всей линии.

Парламентская реформа 1831 г. была победой всего класса капиталистов над землевладельческой аристократией. Отмена хлебных пошлин была победой *промышленных* капиталистов не только над крупным землевладением, но и над теми группами капиталистов, интересы которых были тождественны или тесно связаны с интересами землевладения, то есть банкиров, биржевиков, рантье и т. д. Свобода торговли означала преобразование всей внутренней и внешней торговой и финансовой политики Англии в соответствии с интересами промышленных капиталистов, класса, который теперь представлял нацию. И этот класс энергично принялся за дело. Каждое препятствие промышленному производству беспощадно устранялось. В таможенном тарифе и во всей налоговой системе был произведен полный переворот. Все было подчинено одной цели, но цели в высшей степени важной для промышленных капиталистов: удешевление всех видов сырья и в особенности всех жизненных средств для рабочего класса, производство дешевого сырья и сохранение на прежнем уровне, — если не *снижение,* — заработной платы. Англия должна была стать «мастерской мира»; все другие страны должны были стать для Англии тем, чем уже была Ирландия, — рынками сбыта для ее промышленных изделий, снабжающими ее, со своей стороны, сырьем и продовольствием. Англия — великий промышленный центр сельскохозяйственного мира, то промышленное солнце, вокруг которого вращается постоянно увеличивающееся число спутников, производящих зерно и хлопок. Какая величественная перспектива!

Промышленные капиталисты приступили к осуществлению этой своей великой цели с тем крепким здравым смыслом и с тем презрением к традиционным принципам, которыми они всегда отличались от своих более зараженных филистерством

континентальных конкурентов. Чартизм умирал. Вновь начавшийся период процветания промышленности, естественный и чуть ли не само собой разумеющийся после того как крах 1847 г. был вполне изжит, приписывался исключительно влиянию свободы торговли. Вследствие этих двух причин английский рабочий класс оказался политически в хвосте «великой либеральной партии» — партии, которой руководили фабриканты. Это раз достигнутое выгодное положение надо было увековечить. А резкая оппозиция чартистов не против свободы торговли как таковой, а против превращения свободы торговли в единственный жизненный вопрос нации, показала фабрикантам и с каждым днем показывает им все более, что без помощи рабочего класса буржуазии никогда не удастся добиться полного социального и политического господства над нацией. Так постепенно изменились взаимные отношения обоих классов. Фабричные законы, бывшие некогда жупелом для всех фабрикантов, теперь не только соблюдались ими добровольно, но даже были в большей или меньшей степени распространены на все отрасли промышленности. Тред-юнионы, которые недавно еще считались исчадием ада, теперь стали пользоваться вниманием и покровительством фабрикантов как совершенно законные учреждения и как полезное средство для распространения среди рабочих здравых экономических воззрений. Даже стачки, которые до 1848 г. преследовались, были теперь также признаны подчас весьма полезными, в особенности когда господа фабриканты в подходящий момент сами их вызывали. Из законов, которыми рабочий лишался равенства в правах со своим работодателем, были упразднены по крайней мере самые возмутительные, а некогда столь страшная Народная хартия стала по существу политической программой тех самых фабрикантов, которые до последнего времени выступали против нее. *Отмена имущественного ценза* и *тайное голосование* были проведены законодательным путем. Парламентские реформы 1867 и 1884 гг. сильно приближаются уже к *всеобщему избирательному праву* по крайней мере в том виде, в каком оно существует теперь в Германии; новый проект закона о перераспределении мест в избирательных округах, обсуждаемый сейчас в парламенте, создает *равные избирательные округа,* во всяком случае в общем не менее равные, чем во Франции или в Германии. Уже намечаются как несомненные достижения в ближайшем будущем *вознаграждение депутатам* и сокращение сроков мандатов, хотя, правда, до *ежегодно переизбираемого парламента* дело еще не дошло; и при всем том находятся люди, которые говорят, что чартизм мертв.

У революции 1848 г., как и у многих ее предшественниц, была странная судьба. Те самые люди, которые ее подавили, стали, — как любил говорить Карл Маркс, — ее душеприказчиками. Луи-Наполеон был вынужден создать единую и независимую Италию, Бисмарк был вынужден совершить своего рода переворот в Германии и вернуть Венгрии известную независимость, а английским фабрикантам не оставалось сделать ничего лучшего, как дать Народной хартии силу закона.

Для Англии последствия этого господства промышленных капиталистов сначала были поразительны. Промышленность вновь ожила и стала развиваться с быстротой, неслыханной даже для этой колыбели современной индустрии. Все прежние изумительные успехи, достигнутые благодаря применению пара и машин, совершенно бледнели в сравнении с мощным подъемом производства за двадцать лет, от 1850 до 1870 г., с колоссальными цифрами вывоза и ввоза, с несметным количеством богатств, накоплявшихся в руках капиталистов, и человеческой рабочей силы, сконцентрированной в гигантских городах. Этот подъем, правда, прерывался, как и раньше, кризисами, повторявшимися каждые десять лет: в 1857 г., а также в 1866 году; но эти рецидивы считались теперь естественными неизбежными явлениями, через которые приходится пройти, но после которых, в конце концов, все возвращается в прежнюю колею.

Каково же было положение рабочего класса в этот период? Порой наступало улучшение, даже для широких масс. Но это улучшение каждый раз опять сводилось на нет притоком огромного числа людей из резерва безработных, непрестанным вытеснением рабочих новыми машинами и приливом сельскохозяйственных рабочих, которые также все более и более вытеснялись теперь машинами.

Длительное улучшение мы находим только в положении двух привилегированных категорий рабочего класса. К первой категории принадлежат фабричные рабочие. Законодательное установление для них относительно рациональных границ нормального рабочего дня восстановило до известной степени их физическое состояние и дало им моральное преимущество, еще усиленное их концентрацией в определенных местах. Их положение несомненно лучше, чем до 1848 года. Это больше всего подтверждается тем, что из десяти стачек, которые они проводят, девять бывают вызваны самими фабрикантами в своих собственных интересах как единственное средство обеспечить сокращение производства. Вы никогда не уговорите фабрикантов согласиться на сокращение рабочего времени, хотя бы их товары и вовсе не находили сбыта; но заставьте рабочих

объявить стачку, и капиталисты все до одного закроют свои фабрики.

Вторую категорию составляют крупные тред-юнионы. Это организации таких отраслей производства, в которых применяется исключительно или, по крайней мере, преобладает труд *взрослых мужчин.* Ни конкуренция женского и детского труда, ни конкуренция машин не смогли до сих пор сломить их организованную силу. Организации механиков, плотников и столяров, каменщиков являются каждая в отдельности такой силой, что могут даже, как например каменщики, с успехом противостоять введению машин. Несомненно, их положение с 1848 г. значительно улучшилось; наилучшим доказательством этого служит то, что в течение более пятнадцати лет не только хозяева были чрезвычайно довольны ими, но и они — хозяевами. Они образуют аристократию в рабочем классе; им удалось добиться сравнительно обеспеченного положения, и это они считают окончательным. Это образцовые рабочие господ Лиона Леви и Джиффена (а также достопочтенного Луйо Брентано), и они в самом деле очень милые, покладистые люди для всякого неглупого капиталиста в отдельности и для класса капиталистов в целом.

Но что касается широкой массы рабочих, то степень ее нищеты и необеспеченности ее существования в настоящее время так же велика, как была всегда, если только не больше. Лондонский Ист-Энд представляет собой все расширяющуюся трясину безысходной нищеты и отчаяния, голода в период безработицы, физической и моральной деградации при наличии работы. То же самое, если не принимать во внимание привилегированное меньшинство рабочих, происходит и во всех других больших городах; так же обстоит дело в менее крупных городах и сельских районах. Закон, который сводит стоимость рабочей силы к стоимости необходимых средств существования, и другой закон, который сводит, как правило, ее среднюю цену к минимуму этих средств существования, — оба эти закона действуют на рабочих с непреодолимой силой автоматической машины, которая давит их между своими колесами.

Таково, стало быть, было положение, созданное установившейся в 1847 г. политикой свободы торговли и двадцатилетним господством промышленных капиталистов. Но затем наступил поворот. Действительно, за кризисом 1866 г. последовало около 1873 г. слабое и кратковременное оживление, но оно было непродолжительным. Правда, полный кризис не имел места тогда, когда его следовало ожидать, в 1877 или 1878 г., но с 1876 г. все главные отрасли промышленности находятся в состоянии

хронического застоя. Не наступает ни полный крах, ни долгожданный период процветания, на который можно было рассчитывать как до краха, так и после него. Мертвящий застой, хроническое переполнение всех рынков во всех отраслях — таково состояние, в котором мы живем уже почти десять лет. Чем же это вызвано?

Теория свободы торговли основывалась на одном предположении: Англия должна стать единственным крупным промышленным центром сельскохозяйственного мира. Факты показали, что это предположение является чистейшим заблуждением. Условия существования современной промышленности — сила пара и машины — могут быть созданы везде, где есть топливо, в особенности уголь, а уголь есть, кроме Англии, и в других странах: во Франции, Бельгии, Германии, Америке, даже в России. И жители этих стран не видели никакого интереса в том, чтобы превратиться в голодных ирландских арендаторов только ради вящей славы и обогащения английских капиталистов. Они сами стали производить, причем не только для себя, но и для остального мира; и в результате промышленная монополия, которой Англия обладала почти целое столетие, теперь безвозвратно утеряна.

Но промышленная монополия Англии — это краеугольный камень существующей в Англии общественной системы. Даже во время господства этой монополии рынки не поспевали за растущей производительностью английской промышленности; результатом были кризисы через каждые десять лет. А теперь новые рынки с каждым днем становятся все большей редкостью, так что даже неграм в Конго навязывают цивилизацию в виде бумажных тканей из Манчестера, глиняной посуды из Стаффордшира и металлических изделий из Бирмингема. Что же будет тогда, когда континентальные и в особенности американские товары хлынут во все возрастающем количестве, когда львиная доля в снабжении всего мира, все еще принадлежащая английским фабрикам, станет из года в год уменьшаться? Пусть даст на это ответ свобода торговли, это универсальное средство!

Не я первый на это указываю. Уже в 1883 г. на собрании Британской ассоциации в Саутпорте председатель ее экономической секции г-н Инглис Палгрейв прямо заявил, что

«для Англии дни больших прибылей уже прошли, и дальнейшее развитие различных крупных отраслей промышленности приостановилось. *Можно почти утверждать, что страна переходит в состояние застоя».*

Но каков же будет результат? Капиталистическое производство *не может* стоять на месте: оно должно расти

и расширяться или же умереть. Уже теперь одно лишь ограничение львиной доли Англии в снабжении товарами мирового рынка означает застой и нищету, избыток капитала, с одной стороны, избыток незанятых рабочих рук — с другой. Что же будет тогда, когда ежегодного прироста производства совсем не будет? Вот где уязвимое место, ахиллесова пята капиталистического производства. Постоянное расширение является необходимым условием его существования, а это постоянное расширение становится теперь невозможным. Капиталистическое производство зашло в тупик. С каждым годом перед Англией все более настойчиво встает вопрос: либо должна погибнуть страна, либо капиталистическое производство; кто из них обречен?

А рабочий класс? Если даже во время неслыханного подъема торговли и промышленности с 1848 по 1868 г. ему приходилось жить в такой нищете, если даже тогда его широкая масса в лучшем случае пользовалась лишь кратковременным улучшением своего положения, и только незначительное, привилегированное, «охраняемое» меньшинство имело длительные выгоды, то что же будет, когда этот блестящий период окончательно завершится, когда нынешний гнетущий застой не только усилится, но когда это усилившееся состояние мертвящего гнета станет хроническим, нормальным состоянием английской промышленности?

Истина такова: пока существовала промышленная монополия Англии, английский рабочий класс в известной мере принимал участие в выгодах этой монополии. Выгоды эти распределялись среди рабочих весьма неравномерно: наибольшую часть забирало привилегированное меньшинство, но и широким массам изредка кое-что перепадало. Вот почему, с тех пор как вымер оуэнизм, в Англии больше не было социализма. С крахом промышленной монополии Англии английский рабочий класс потеряет свое привилегированное положение, он весь, не исключая привилегированного и руководящего меньшинства, окажется на таком же уровне, на каком находятся рабочие других стран. И вот почему социализм снова появится в Англии».

Так я писал в 1885 году. В предисловии к английскому изданию, написанном 11 января 1892 г., я продолжал:

«К этой характеристике положения вещей, как я его представлял себе в 1885 г., мне остается прибавить лишь немногое. Вряд ли надо говорить, что в настоящее время действительно «социализм снова появился в Англии», причем в массовом масштабе, социализм всех оттенков: социализм сознательный и бессознательный, социализм в прозе и в стихах, социализм

рабочего класса и буржуазии. И действительно, это чудовище из чудовищ, этот социализм не только стал вполне респектабельным, но он уже носит фрак и небрежно разваливается на диванах в салонах. Это лишний раз показывает неисправимое непостоянство ужасного деспота «хорошего общества» — буржуазного общественного мнения, и лишний раз оправдывает то презрение, с которым мы, социалисты прошлого поколения, всегда к нему относились. Но, впрочем, у нас нет оснований быть недовольными этим новым симптомом.

Но что мне кажется гораздо важнее этой мимолетной моды в буржуазных кругах щеголять разбавленным водой социализмом и даже важнее тех успехов, которых вообще социализм достиг в Англии, — это пробуждение лондонского Ист-Энда. Это огромное скопище нищеты перестало быть тем стоячим болотом, каким оно было шесть лет тому назад. Ист-Энд стряхнул с себя апатию отчаяния; он возродился к жизни и стал родиной «нового юнионизма», то есть организации широких масс «необученных» рабочих. Хотя эта организация в значительной степени и облеклась в форму старых тред-юнионов «обученных» рабочих, но по своему характеру она все же существенно отличается от них. Старые тред-юнионы сохраняют традиции той эпохи, когда они возникли; они рассматривают систему наемного труда как раз навсегда установленный, вечный порядок, который они могут в лучшем случае лишь немного смягчить, в интересах своих членов. Новые же тред-юнионы были основаны в такое время, когда вера в вечность системы наемного труда была уже сильно поколеблена. Их основателями и руководителями были либо сознательные социалисты, либо социалисты по инстинкту; массы, которые устремились к ним и составляют их силу, были грубы, забиты и презираемы рабочей аристократией. Но они имеют одно неизмеримое преимущество: их психика является еще девственной почвой, совершенно свободной от унаследованных, «почтенных» буржуазных предрассудков, которые сбивают с толку головы занимающих лучшее положение «старых юнионистов». И теперь мы видим, как эти новые тред-юнионы захватывают руководство всем рабочим движением и все больше берут на буксир богатые и высокомерные «старые» тред-юнионы.

Несомненно, деятели лондонского Ист-Энда допустили ряд колоссальных промахов; но то же самое делали и их предшественники, то же самое допускают теперь социалисты-доктринеры, задирающие перед ними нос. Великий класс, как и великая нация, ни на чем не учится так быстро, как на последствиях своих собственных ошибок. И несмотря на

всевозможные ошибки в прошлом, настоящем и будущем, пробуждение лондонского Ист-Энда остается одним из величайших и плодотворнейших событий fin de siecle*, и я рад и горд, что мне довелось дожить до него».

С тех пор, как я написал эти строки, прошло полгода, и английское рабочее движение снова сделало большой шаг вперед. Парламентские выборы, закончившиеся несколько дней тому назад, нагляднейшим образом показали обеим официальным партиям, и консерваторам и либералам, что им придется отныне считаться с существованием третьей партии, партии рабочей. Эта рабочая партия еще только складывается: отдельным ее элементам приходится еще освобождаться от всевозможных унаследованных предрассудков, — буржуазных, староюнионистских и даже уже доктринерски-социалистических, — чтобы иметь, наконец, возможность объединиться на общей для них всех почве. И тем не менее объединяющий их инстинкт уже теперь так силен, что он привел к неслыханным до сих пор в Англии результатам выборов. В Лондоне выставили свои кандидатуры двое рабочих**, к тому же открыто заявивших, что они социалисты; либералы не осмелились выставить против них своего кандидата, и эти два социалиста прошли громадным и неожиданным большинством голосов. В Мидлсбро рабочий кандидат*** выступил против либерала и консерватора и одержал верх над обоими; зато те новые рабочие кандидаты, которые заключили союз с либералами, все, кроме одного, безнадежно провалились. Из прежних так называемых рабочих представителей, то есть людей, которым прощают их принадлежность к рабочему классу, потому что они сами готовы утопить это свое свойство в океане своего либерализма, самый выдающийся представитель старого юнионизма, Генри Бродхёрст, с треском провалился на выборах, потому что выступил против восьмичасового рабочего дня. В двух избирательных округах Глазго, в одном избирательном округе Солфорда и во многих других выступили независимые рабочие кандидаты против кандидатов обеих старых партий; они потерпели поражение, но и либеральные кандидаты тоже. Одним словом, в целом ряде избирательных округов крупных городов и промышленных районов рабочие решительно отказались от всякого соглашения с обеими старыми партиями и этим добились таких прямых или косвенных успехов, каких не имели до сих пор ни на одних выборах. И радость рабочих по этому поводу

* — конца века. *Ред.*
** — Дж. К. Гарди и Дж. Бёрнс. *Ред.*
*** — Дж. Х. Уилсон. *Ред.*

не поддается описанию. Они впервые увидели и почувствовали, чего могут добиться, если используют свое избирательное право в интересах своего класса. Суеверному преклонению перед «великой либеральной партией» — преклонению, которое господствовало среди английских рабочих в течение почти сорока лет, — нанесен сокрушительный удар. На убедительных примерах рабочие увидели, что они составляют в Англии решающую силу, когда хотят и знают, чего хотят, а выборы 1892 г. положили начало этому. Об остальном позаботится рабочее движение на континенте; немцы и французы, которые уже так широко представлены в парламентах и муниципальных советах, будут своими дальнейшими успехами всемерно поддерживать в англичанах дух соревнования. И когда в не столь отдаленном будущем обнаружится, что новый парламент не может приступить к делу, пока у власти г-н Гладстон, а г-н Гладстон не может ничего предпринять, пока существует этот парламент, тогда английская рабочая партия будет уже достаточно Организована, чтобы раз навсегда положить конец игре в качели двух старых партий, сменяющих одна другую у кормила правления и стремящихся таким путем увековечить господство буржуазии.

Ф. Энгельс

Лондон, 21 июля 1892 г.

Напечатано в книге: F. Engels. «Dis Lage der Arbeitenden Klasse in England». Zweite Auflage. Stuttgart, 1892

Печатается по тексту книги

Перевод с немецкого

*О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АНГЛИИ [329]

Такое постоянное, мирное, политическое развитие, как в Англии, приводит своими бесконечными компромиссами к положению, полному противоречий; в известных пределах это положение, в силу своих значительных преимуществ, практически терпимо, но его логические несуразности доставляют мыслящему разуму истинное мучение. Отсюда необходимость для всех «государственных» партий теоретической маскировки, даже оправдания, а это, разумеется, возможно только путем софизмов, извращений, наконец, просто пустых уверток. Таким образом в области политики плодят литературу, которая повторяет все жалкое лицемерие и лживость теологической апологетики и пересаживает теологические интеллектуальные пороки также и на светскую почву. Таким образом консерваторы сами удобряют, засевают и возделывают почву специфически либерального лицемерия. Таким образом для теологической апологетики открывается и такой, почерпнутый из сознания рядового человека аргумент, который в других странах у нее отсутствует: что за важность, если факты, сообщаемые в евангелиях, и догматы, проповедуемые в Новом завете, прямо противоречат друг другу? Значит ли это, что они не истинны? В английской конституции еще больше противоречий, она сплошь противоречит самой себе, а ведь она все же существует, стало быть истинна!

Отсутствие кризисов с 1868 г. обусловлено также и расширением мирового рынка, в результате которого избыточный ан-

глийский и соответственно европейский капитал распределяется в виде вложений в средства сообщения и т. д. — *по всему миру* и между множеством *сфер* приложения. Поэтому кризис оказался невозможным вследствие чрезмерной спекуляции в железнодорожном, банковском деле и т. п., в специфически американских сферах приложения капитала, в *индийской* торговле, но в то же время стали возможными небольшие кризисы, вроде аргентинского, продолжающегося уже три года[330]. Однако все это доказывает, что назревает *гигантский кризис.*

Написано 12 сентября 1892 г.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т, XVI. ч. II, 1936 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

НАЦИОНАЛЬНОМУ СОВЕТУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ ИСПАНИИ [331]

Дорогие товарищи!

Конгресс английских тред-юнионов, состоявшийся в Глазго, на своем заседании 8 сентября принял резолюцию, которую социалисты континентальной Европы вряд ли могут обойти молчанием.

Цюрихский комитет, которому поручена в соответствии с решениями Брюссельского конгресса 1891 г. подготовка следующего конгресса Интернационала в 1893 г., послал пригласительное письмо конгрессу тред-юнионов. Несмотря на неоднократные требования секретаря Союза рабочих газовых предприятий товарища Уильяма Торна, это письмо в течение трех дней заседаний конгресса не было зачитано, вследствие чего конгресс не имел возможности высказаться по поводу приглашения цюрихского комитета.

Наконец, Меткин предложил резолюцию, поручавшую Парламентскому комитету Конгресса тред-юнионов[332] созыв международного конгресса для обсуждения и принятия согласованного решения о законодательном установлении в международном масштабе восьмичасового рабочего дня.

Товарищи Парнелл (участник Парижского конгресса 1889 г.) и Квелч ответили, что в 1893 г. уже готовится созыв двух международных рабочих конгрессов: одного — в Цюрихе, другого — в Чикаго[333]; что цюрихский временный комитет пригласил Конгресс тред-юнионов принять участие в этом конгрессе и что вместо созыва третьего конгресса следовало бы принять приглашение на конгресс в Цюрих.

Представители старых консервативных тред-юнионов возразили, ссылаясь на то, что конгрессы в Цюрихе и в Чикаго

созываются не английскими тред-юнионами; что рабочие континента плохо организованы, слабы и беспомощны по сравнению с английскими рабочими; что англичанам не следует принимать на себя ответственность за всякие нелепые теории (wild theories) континентального социализма и т. п. и т. п. Лишь после всего этого было зачитано приглашение нашего цюрихского комитета.

В конце концов приглашение цюрихского комитета было отвергнуто 189 голосами против 97 и принято предложение созвать «немедленно» международный конгресс для обсуждения и принятия согласованного решения о законодательном установлении в международном масштабе восьмичасового рабочего дня.

Обе эти резолюции являются оскорблением, брошенным организованному социалистическому пролетариату всего европейского континента. Будем надеяться, что более передовые элементы английского пролетариата, которые по *чувству* уже социалисты, но пока еще испытывают страх перед этим *словом* и позволяют увлечь себя старым консерваторам, что эти более развитые и более решительные элементы сумеют на следующем конгрессе исправить допущенную ошибку.

Тем временем представляется необходимым, чтобы континентальные рабочие защитили свое достоинство от оскорблений, содержащихся в приведенных резолюциях. Я сообщил нашим друзьям во Францию и Германию о событиях в Глазго в надежде, что они придут к соглашению относительно той линии поведения, которой следует придерживаться; так как французские товарищи через несколько дней соберутся на свой съезд в Марселе[334], то они смогут там дать первый отпор тред-юнионам.

Как бывший секретарь для Испании Генерального Совета славного Интернационала я считаю своим долгом сообщить испанскому Национальному совету о событии, которое касается испанских товарищей не менее, чем товарищей в других странах.

Привет и социальная революция!

Написано 16 сентября 1892 г.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIX, 1946 г.

Печатается по черновой рукописи

Перевод с испанского

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В АМЕРИКЕ [335]

Античный мир жил под властью рока, heimarmene, неотвратимой, таинственной судьбы. Так называли греки и римляне ту непостижимую всемогущую силу, которая сводила на нет волю и стремление человека и приводила всякое его действие к совершенно иным результатам, чем он ожидал, ту непреодолимую силу, которую с тех пор называли провидением, предопределением и т. д. Эта таинственная сила постепенно приняла более постижимую форму, и этим мы обязаны господству буржуазии и капитала, первому классовому господству, которое стремилось уяснить себе причины и условия своего собственного бытия и тем самым открыло дверь к познанию неотвратимости своей собственной предстоящей гибели. Судьба, провидение, как мы теперь знаем, это экономические условия производства и обмена, объединяемые в наше время понятием *мировой рынок.*

Значение президентских выборов в Америке в том и состоит, что они для мирового рынка являются событием первостепенной важности.

Четыре года тому назад, в Бостоне на английском языке, а в Штутгарте — на немецком, была напечатана моя статья о протекционизме и свободе торговли*. Я указывал там, что промышленная монополия Англии несовместима с экономическим развитием прочих цивилизованных стран; что введенная в Америке после Гражданской войны протекционистская система свидетельствует о стремлении американцев стряхнуть

* Фр. Энгельс. «Протекционизм и свобода торговли», «Neue Zeit», июль, 1888[336].

с себя иго этой монополии; что благодаря огромным природным ресурсам, а также умственной и нравственной способности американской расы эта цель теперь уже достигнута, и в Америке не меньше, чем в Германии, протекционизм стал оковами для промышленности. Затем я говорил: если Америка введет свободу торговли, то через десять лет она побьет Англию на мировом рынке.

Итак, президентские выборы 8 ноября 1892 г. открыли путь к свободе торговли. Протекционизм в той форме, которую придал ему Мак-Кинли, превратился в невыносимые оковы; бессмысленное взвинчивание цен на всякое ввозимое сырье и продовольствие, оказывающее обратное влияние и на цены многих местных товаров, закрыло для американской промышленности большую часть мирового рынка, между тем как внутренний рынок уже страдал от избытка изделий американской промышленности. И в самом деле, протекционистская система служила последние годы лишь средством разорения мелких производителей под давлением крупных, объединившихся в картели и тресты, и предоставляла этим последним, то есть организованной монополии, распоряжаться рынком и тем самым — эксплуатировать потребляющую часть нации. Этот перманентный внутренний промышленный кризис, порожденный протекционистской системой, Америка может преодолеть, лишь открыв себе двери на мировой рынок, а для этого она должна освободиться от протекционизма, по крайней мере в его нынешней бессмысленной форме. То, что она решила это сделать, показывает тот полный поворот в общественном мнении, который обнаружился на выборах. Как только Америка утвердится на мировом рынке, она — *как* и Англия и *при посредстве* Англии — неудержимо пойдет дальше по пути свободной торговли.

И тогда мы будем свидетелями еще небывалой промышленной борьбы. На всех рынках изделия английской промышленности, в особенности текстильной и металлургической, будут вынуждены вступить в борьбу с изделиями американской промышленности и в конце концов потерпят поражение. Уже сейчас американские хлопчатобумажные и льняные ткани вытесняют английские ткани. Хотите знать, каким чудом рабочие хлопчатобумажных фабрик Ланкашира за какой-нибудь год из ярых противников законодательного установления восьмичасового рабочего дня сделались его горячими сторонниками? Откройте «Neue Zeit» № 2, за октябрь этого года, стр. 56, и там вы увидите, что американские хлопчатобумажные и льняные ткани шаг за шагом вытесняют английские с китайского рынка,

что английский импорт после 1881 г. уже никогда больше не достигал уровня американского, а в 1891 г. составил всего лишь около одной трети последнего[337]. А Китай, наряду с Индией, является главным рынком сбыта этих тканей.

Это — лишнее доказательство того, как с наступлением нового века меняются все условия. Перенесите центр тяжести текстильной и металлургической промышленности из Англии в Америку, — и Англия либо превратится во вторую Голландию, в страну, где буржуазия живет остатками былого величия, а пролетариат хиреет, либо же она реорганизуется на социалистических началах. Первое немыслимо, ибо этого не допустит английский пролетариат, для этого он уже слишком многочислен и слишком развит. Остается, следовательно, лишь второй исход. *Падение протекционистской системы в Америке означает в конечном счете победу социализма в Англии.*

А Германия? Будет ли Германия, завоевавшая себе еще в 1878 г. положение на мировом рынке, которое она теперь, вследствие своей безрассудной протекционистской политики, постепенно теряет, будет ли Германия настаивать на том, чтобы путем обложения пошлинами сырья и продовольствия по-прежнему упорно закрывать самой себе доступ на мировой рынок, да еще перед лицом американской конкуренции, которая будет куда ощутимее английской? Хватит ли у немецкой буржуазии здравого смысла и мужества, чтобы последовать примеру Америки, или же она будет все так же пассивно выжидать, пока ставшая мощной американская промышленность не раздавит протекционистский картель юнкера и крупного фабриканта[338]? И поймут ли, наконец, правительство и буржуазия, как удивительно нелепо именно в данный момент отягощать экономические силы Германии новым непомерным военным бременем, когда дело идет к тому, чтобы вступить в промышленное соревнование с самой молодой и самой сильной в мире нацией, которая за несколько лет без особых усилий уплатила свои колоссальные военные долги и правительство которой не знает, куда девать поступления от налогов?

Немецкой буржуазии, — быть может в последний раз, — представляется возможность совершить, наконец, большое дело. Сто шансов против одного, что она в силу своей чрезмерной ограниченности и трусости использует эту возможность лишь для того, чтобы показать, что ее песенка окончательно спета.

Написано между 9 и 15 ноября 1892 г.

Напечатано в газете «Vorwarts» № 269, 16 ноября 1892 г.

Подпись: Фридрих Энгельс

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

МАРКС, ГЕНРИХ КАРЛ [339]

родился 5 мая 1818 г. в Трире, в семье адвоката, впоследствии советника юстиции, Генриха Маркса, который, как явствует из метрического свидетельства его сына, в 1824 г. перешел вместе с семьей из иудейства в протестантизм. Окончив образование в трирской гимназии, Карл Маркс с 1835 г. изучал в Бонне, а затем в Берлине сначала право, а затем философию; в 1841 г. он получил в Берлине степень доктора философии, представив диссертацию о философии Эпикура[340]. В том же году он переселился в Бонн с намерением занять должность доцента; однако препятствия, которые правительство чинило его другу *Бруно Бауэру,* подвизавшемуся там же в качестве доцента теологии, и которые привели в конце концов к увольнению Бауэра из университета, вскоре ясно показали Марксу, что в прусской высшей школе для него места нет. — Около того же времени некоторые младогегельянствующие представители молодого поколения рейнской радикальной буржуазии, по соглашению с вождями либералов, *Кампгаузеном* и *Ганземаном,* решили основать в Кёльне большую оппозиционную газету; в качестве главных постоянных сотрудников были привлечены также Маркс и Бауэр. Необходимое в то время разрешение было получено втайне, окольным путем, и, таким образом, с 1 января 1842 г. начала выходить «Rheinische Zeitung». Маркс написал из Бонна в новую газету ряд больших статей; важнейшими из них были: критика дебатов рейнского провинциального ландтага, статья о положении мозельских крестьян-виноделов и другая статья о краже леса и соответствующем законодательстве[341]. В октябре 1842 г. Маркс принял на себя

руководство газетой и переселился в Кёльн. С этого момента газета приобрела резко оппозиционный характер. И в то же время руководство ею было настолько искусным, что несмотря на двойную, а затем и тройную цензуру (сначала со стороны обыкновенного цензора, затем — регирунгспрезидента, наконец, — присланного ad hoc* из Берлина г-на фон Сен-Поля), которой подвергли газету, правительство не могло справиться с такого рода прессой, и оно решило поэтому запретить с 1 января 1843 г. дальнейший выпуск газеты. Ценой последовавшего в тот же день выхода Маркса из состава редакции добились отсрочки на три месяца, но затем все же последовало окончательное запрещение газеты.

Тогда Маркс решил уехать в Париж, куда после запрещения журнала «Deutsche Jahrbucher»[342], последовавшего приблизительно в то же время, намеревался также направиться *Арнольд Руге.* Но перед этим Маркс женился в Крёйцнахе на Женни фон Вестфален, своей подруге детства, с которой он был помолвлен еще с того времени, как начал заниматься в университете. Осенью 1843 г. молодая чета прибыла в Париж, где Маркс и Руге стали издавать «Deutsch-Franzosische Jahrbucher», однако в свет вышел лишь один выпуск этого журнала; издание пришлось прекратить отчасти из-за огромных трудностей нелегального распространения журнала в Германии, а отчасти из-за очень скоро обнаружившихся принципиальных разногласий между обоими редакторами[343]. *Руге* оставался в фарватере гегелевской философии и политического радикализма, Маркс с жаром принялся за изучение политической экономии, французских социалистов и истории Франции. Результатом был его переход к социализму. В сентябре 1844 г. в Париж к Марксу приехал на несколько дней Фр. Энгельс; они вступили в переписку со времени их совместной работы в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher», и с тех пор начинается их сотрудничество, окончившееся только со смертью Маркса. Первым плодом этого сотрудничества было полемическое произведение против *Бруно Бауэра, с* которым у них в процессе распада гегелевской школы тоже произошел принципиальный разрыв, а именно: «Святое семейство. Против Бруно Бауэра и компании». Франкфурт-на-Майне, 1845[344].

Маркс принимал участие в редактировании небольшой немецкой еженедельной газеты, выходившей в Париже под названием «Vorwarts!»[345] и подвергавшей саркастическому осмеянию убожество тогдашнего немецкого абсолютизма и лжеконсти-

---

* — специально, для определенной цели. *Ред.*

Список произведений К. Маркса,
составленный Ф. Энгельсом[346]

туционализма. Это дало повод прусскому правительству потребовать от министерства Гизо высылки Маркса из Франции. Требование было удовлетворено; в начале 1845 г. Маркс переселился в Брюссель, куда вслед за ним прибыл и Энгельс. Здесь Маркс выпустил в свет: «Нищету философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона». Брюссель и Париж, 1847, а также «Речь о свободе торговли», Брюссель, 1848[347]. Кроме того, Маркс писал время от времени статьи в «Deutsche-Brusseler-Zeitung»[348]. В январе 1848 г. он составил вместо с Энгельсом «Манифест Коммунистической партии», по поручению Центрального комитета Союза коммунистов, тайного пропагандистского общества, в которое Маркс и Энгельс вступили весной 1847 года[349]. С тех пор «Манифест» выходил в бесчисленных авторизованных и неавторизованных немецких изданиях и был переведен почти на все европейские языки.

Когда разразилась февральская революция 1848 г., вызвавшая народные волнения также и в Брюсселе, Маркс был арестован и выслан из Бельгии; между тем временное правительство Французской республики пригласило Маркса снова приехать в Париж, куда он и переселился.

В Париже Маркс вместе со своими друзьями выступил прежде всего против ребяческой затеи с легионами, которая давала большинству нового правительства удобное средство избавиться от «ставших обузой» иностранных рабочих. Было ясно, что организуемые таким образом на виду у всех бельгийские, немецкие и прочие легионы были в состоянии перейти границу лишь для того, чтобы попасть в заранее подстроенную ловушку, как это фактически затем и произошло. Маркс и другие руководители Союза коммунистов добились для четырехсот безработных немцев такого же путевого пособия, как и для легионеров, так что они тоже смогли возвратиться в Германию.

В апреле Маркс переехал в Кёльн, а с 1 июня там под его руководством стала издаваться «Neue Rheinische Zeitung», последний номер которой вышел 19 мая следующего года; редакторам угрожал либо арест на основании судебного постановления, либо, если они не были прусскими подданными. высылка. Этой последней участи и подвергся Маркс, который в период своего пребывания в Брюсселе вышел из прусского подданства. За время существования газеты ему дважды пришлось предстать перед судом присяжных: 7 февраля 1849 г. за нарушение законов о печати и 8 февраля за призыв к вооруженному сопротивлению правительству (во время отказа от уплаты налогов, в ноябре 1848 г.); оба раза он был оправдан[350].

После запрещения газеты Маркс снова возвратился в Париж, однако после демонстрации 13 июня[351] он был поставлен перед выбором: либо дать интернировать себя в Бретани, либо вновь покинуть Францию. Разумеется, он предпочел последнее и отправился в Лондон, где он с тех пор постоянно и проживал.

В Лондоне он издавал «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue», Гамбург, 1850; всего вышло в свет шесть выпусков[352]. Его главная работа в этом органе: «С 1848 по 1849» посвящена выяснению причин и внутренней связи событий этих лет, особенно во Франции; кроме того, им был написан (совместно с Энгельсом) ряд рецензий и политических обзоров. За первой работой вскоре последовало, как ее продолжение, «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», Нью-Йорк, 1852; новые издания — Гамбург, 1869 и 1885[353]. Большой процесс коммунистов в Кёльне дал повод к изданию брошюры: «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», Бостон, 1853, последнее издание — Цюрих, 1885[354]. С 1852 г. Маркс состоял лондонским корреспондентом и в течение ряда лет до некоторой степени редактором европейского отдела газеты «New-York Tribune»[355]. Его статьи частью подписывались его именем, частью печатались в виде передовых; это не обычные корреспонденции, а основанные на тщательном изучении и часто состоящие из целой серии статей обстоятельные обзоры политического и экономического положения отдельных европейских стран. Среди них статьи военного характера — о Крымской войне, восстании в Индии и т. д. — написаны Энгельсом. Некоторые из статей Маркса о лорде Пальме рстоне были переизданы в Лондоне отдельными брошюрами[356]. Это сотрудничество в «Tribune» прекратилось лишь с началом Гражданской войны в Америке.

1859 г., с одной стороны, вовлек Маркса в связи с Итальянской войной в полемику с Карлом Фогтом, которая нашла свое завершение в книге: Карл Маркс. «Господин Фогт», Лондон, 1860[357]. Но с другой стороны, в этом же году появился первый плод его многолетних занятий политической экономией в Британском музее в виде первого выпуска «К критике политической экономии», Берлин, 1859[358]. Однако едва вышел в свет этот первый выпуск, как Маркс обнаружил, что он еще не вполне выяснил все детали развития основных идей следующих выпусков; сохранившаяся до сих пор рукопись является наилучшим доказательством этого[359]. Тогда он немедленно начал работу сызнова, и таким образом вместо этого продолжения лишь в 1867 г. вышел в свет «Капитал. Книга I: Процесс производства капитала», Гамбург, 1867[360].

Разрабатывая все три тома «Капитала», — второй и третий по крайней мере вчерне, — Маркс снова, наконец, получил также возможность и для практической деятельности среди рабочих. В 1864 г. было основано Международное Товарищество Рабочих. На честь быть основателями этого Товарищества притязали многие, особенно французы. Само собой разумеется, что нечто подобное не могло быть основано одним человеком. Но одно несомненно: среди всех участников был только один человек, который ясно понимал, что происходит и что нужно основать: это был тот человек, который еще в 1848 г. бросил в мир призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

При основании Интернационала Джузеппе Мадзини тоже пытался склонить объединившиеся в нем элементы на сторону провозглашенной им мистической, проникнутой духом заговорщичества демократии с ее лозунгом «Dio e popolo»[*] и использовать эти элементы в ее интересах. Но предложенный от его имени проект Устава и Учредительного Манифеста был отвергнут, и в противовес ему принят проект, составленный Марксом[361]; с тех пор руководство Интернационалом было обеспечено за Марксом. Им написаны все воззвания Генерального Совета, в числе их и изданное после падения Парижской Коммуны и переведенное на большинство европейских языков воззвание «Гражданская война во Франции»[362].

Здесь не место излагать историю Интернационала. Достаточно отметить, что Марксу удалось так составить Устав, а также принципиальную мотивировочную часть, что в этих рамках могли единодушно сотрудничать французские прудонисты, немецкие коммунисты и английские тред-юнионисты, и согласие внутри этого объединения ни разу не было нарушено, пока не выступили на сцену люди, которые с того момента пытались внести дезорганизацию во всякое рабочее движение,— анархисты, возглавляемые Бакуниным. Само собой разумеется, сила Товарищества покоилась на одном лишь неслыханном дотоле факте — на стремлении европейского и американского пролетариата к объединению; никакими другими средствами, кроме моральных, Генеральный Совет не располагал, у него не было даже и денежных средств: вместо пресловутых «миллионов Интернационала» у Совета большей частью имелись только долги. Наверное, никогда не бывало так много сделано с таким ничтожным количеством денег.

После падения Коммуны существование Интернационала в Европе стало невозможным. Продолжать борьбу в прежней

---

[*] — «Бог и народ». *Ред.*

форме против правительства и буржуазии, разъяренной в одинаковой степени во всех странах, стоило бы колоссальных жертв. К этому присоединилась борьба внутри самого Товарищества против анархистов и тяготевших к ним прудонистских элементов. Le jeu ne valait pas la chandelle*. Поэтому, после того как на Гаагском конгрессе над анархистами была одержана и формальная победа[363], Маркс предложил перенести местопребывание Генерального Совета в Нью-Йорк. Этим обеспечивалось дальнейшее существование Товарищества на тот случай, если бы изменившиеся обстоятельства сделали необходимым его восстановление в Европе. Но когда такие обстоятельства наступили, прежняя форма уже устарела; движение значительно переросло старый Интернационал.

С того времени Маркс стоял в стороне от публичной агитации, однако его участие в европейском и американском рабочем движении при этом не стало менее деятельным. Он вел переписку почти со всеми его руководителями в различных странах, которые в важных случаях обращались к нему лично, когда только было возможно, за советом; он все больше и больше становился общепризнанным и всегда готовым откликнуться советчиком борющегося пролетариата. Но вместе с тем Маркс мог теперь вновь вернуться к своим научным занятиям, область которых тем временем сильно расширилась. У этого человека, который при исследовании всякого предмета изучал его историческое происхождение и его предпосылки, каждый отдельный вопрос порождал, разумеется, целый ряд новых вопросов. Он изучал первобытную историю, агрономию, русские и американские земельные отношения, геологию и т. д., главным образом для того, чтобы в третьем томе «Капитала» разработать раздел о земельной ренте с такой полнотой, с какой до него и не пытались это сделать. В дополнение ко всем германским и романским языкам, на которых Маркс свободно читал, он изучил еще древнеславянский, русский и сербский. Но, к сожалению, все обостряющаяся болезнь помешала ему использовать собранный таким образом материал. 2 декабря 1881 г. умерла его жена**, 11 января 1883 г. — его старшая дочь***, а 14 марта того же года он тихо заснул навеки в своем кресле.

Большинство появившихся в печати биографий Маркса кишат ошибками. Достоверна только биография, напечатанная в издававшемся Бракке «Volks-Kalender» за 1878 г., вышедшем в Брауншвейге (написана Энгельсом)[364].

* — Игра не стоила свеч. *Ред.*
** — Женни Маркс. *Ред.*
*** — Женни Лонге. *Ред.*

1/ (Mit K. Marx) Die heilige Familie. Gegen Bruno Bauer & Konsorten. Von Friedrich Engels & Karl Marx. Frankfurt a/M 1844

2/ Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Nach eignen Anschauungen & authentischen Quellen. Leipzig 1845 – Englisch N. York 1887.

3/ (Mit K. Marx, anonym) Manifest der kommunistischen Partei. London 1848. in viele Sprachen übersetzt.

4/ ~~...~~ Mitarbeit nebst Chefredaktion für Vertretung von Marx, bei der Neuen Rheinischen Zeitung, Köln, 1. Juni 1848 – 19. Mai 1849.

5/ Artikel in der Neuen Rheinischen Zeitung, Revue, Hamburg 1850.

6/ Die preußische Militärfrage & die deutsche Arbeiterpartei. Hamburg 1865.

7/ Der deutsche Bauernkrieg. Abdruck aus N.R.Z. Lpzg. Genossenschaftsbuchdr. 1 Aufl. 2 Aufl. 3 Aufl. 1875.

8/ Zur Wohnungsfrage, 3 Hefte. Abdr. aus dem Volksstaat. 1 Aufl. Lpzg. G. Buchdr. 1872. 2 Aufl. ~~...~~ Hottingen-Zürich 1887.

9/ Soziales aus Rußland. Abdr. aus d. Volksstaat. Lpzg. G. Buchdr. 1875.

10/ Preußischer Schnaps im deutschen Reichstag — " — 1876.

11/ Die Bakunisten an der Arbeit. Denkschrift über den Aufstand in Spanien. Abdr. aus d. Volksstaat. Lpzg. G. Buchdr.

12/ Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft. Abdr. aus dem Vorwärts. 1 Aufl. Lpzg. G. Buchdr. 1878. 2 Aufl. Hottingen-Zürich 1885.

13/ Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft. 1 Aufl. 2 u. 3 Aufl. 1883, Zürich, franz. engl. russ. poln. ital. span. rumän. dän. holländ.

14/ Der Ursprung der Familie, des Privateigentums & des Staats. Im Anschluß an L. H. Morgans Forschungen. Zürich, Stuttgart 1884. 2 Aufl. 3. ital. rumän. dänisch.

15/ Ludwig Feuerbach & der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie. Abdr. aus Neue Zeit. Stuttgart Dietz 1888.

4/ (anonym) Po & Rhein. Berlin, F. Duncker 1859.

5/ " anonym, Savoyen, Nizza & der Rhein. Berlin, Behrend 1860.

16/ In Sachen Brentano c. Marx wegen angebl. Zitatsfälschung. Hbg 1891.

Vorreden od. Einleitungen zu:

3/ K. Marx, Das Elend der Philosophie. Antwort auf Proudhons Philosophie des Elends. Deutsch von E. Bernstein & K. Kautsky. Stuttgart. Dietz 85. (Vorrede, gegen Rodbertus)

1/ K. Marx, Das Kapital, I. 3. Aufl. 83 & Englische Übers. 90 (gegen ...)

1/ " " II. Vorrede (gegen Rodbertus) 85

Список произведений Ф. Энгельса, составленный им самим[365]

(первая страница)

Список произведений Ф. Энгельса, составленный им самим

(вторая страница)

Ниже прилагается по возможности полный перечень появившихся в печати произведений Маркса:

«Rheinische Zeitung», Кёльн, 1842: статьи о дебатах рейнского провинциального ландтага, о положении мозельских крестьян-виноделов, о краже леса; передовые статьи с октября по декабрь 1842 года. «Deutsch-Franzosische Jahrbucher», издаваемый А. Руге и К. Марксом, Париж, 1844: «Введение к критике гегелевской философии права»; «К еврейскому вопросу». — К. Маркс и Ф. Энгельс. «Святое семейство. Против Бруно Бауэра и компании». Франкфурт-на-М., 1845. — Небольшие статьи (анонимные) в парижской газете «Vorwarts», 1844. — Различные статьи, без подписи и за подписью, в «Deutsche-Brusseler-Zeitung», Брюссель, 1847—1848. — «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона», Брюссель и Париж, 1847. Немецкое издание: Штутгарт, второе издание, 1892. Испанское издание: Мадрид, 1891. — «Речь о свободе торговли», Брюссель, 1848. Английское издание: Бостон, 1888. Немецкое: в немецком издании «Нищеты философии». — Совместно с Ф. Энгельсом: «Манифест Коммунистической партии», Лондон, 1848. Последнее немецкое издание: Лондон, 1890; переведен почти на все европейские языки. — Статьи в «Neue Rheinische Zeitung», передовые и т. д., Кёльн, 1848—1849. Из них многократно печаталось отдельно: «Наемный труд и капитал», последнее издание: Берлин, 1891; издано на русском, польском, итальянском, французском языках. — «Два политических процесса», Кёльн, 1849 (две защитительные речи Маркса). — «Neue Rheinische Zeitung. Revue», Гамбург, 1850. шесть выпусков. В них статьи Маркса: «С 1848 по 1849». В сотрудничестве с Энгельсом: рецензии и месячные обзоры. — «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», Нью-Йорк, 1852. Третье издание: Гамбург, 1885. Вышло также на французском языке. — «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», Базель, 1853 (издание конфисковано); Бостон, 1853. Последнее издание: Цюрих, 1885. — Статьи в «New-York Tribune» 1852— 1861. В том числе несколько статей о Пальмерстоне вышли — в дополненном издании — в Лондоне в 1856 г. в виде отдельных памфлетов. — «Free Press», Шеффилд, июнь 1856 и Лондон, до апреля 1857: «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» (о постоянной корыстной зависимости английских вигских министров от России)[366]. — «Das Volk», Лондон, 1859: статьи о дипломатической истории Итальянской войны 1859 года[367].— «К критике политической экономии», первый выпуск, Берлин, 1859. Польское издание 1890. — «Господин Фогт», Лондон, 1860. — «Учредительный Манифест Между-

народного Товарищества Рабочих», Лондон, 1864; далее, все публикации Генерального Совета, включая и «Гражданскую войну во Франции», Лондон, 1871 (последнее немецкое издание: Берлин, 1891; издана также на французском, итальянском и испанском языках). — «Капитал. Критика политической экономии». Первый том, Гамбург, 1867; последнее, четвертое издание, 1890. Издан на русском, французском, английском, польском и датском языках. — То же. Второй том, Гамбург, 1885; второе издание печатается. Издан на русском языке. Третий том выйдет в свет в 1893 году.

Написано между 9 и 25 ноября 1892 г.

Напечатано в «Handworterbuch der Staatswissenschaften», Bd. 4, 1892

Подпись: Фридрих Энгельс

Печатается по тексту «Handworterbuch der Staatswissenschaften»

Перевод с немецкого

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «BERLINER VOLKS-TRIBUNE»[368]

Публикуемая в «Volks-Tribune» серия статей под названием «Юрская федерация и Михаил Бакунин» вынуждает меня написать краткое опровержение.

Хотя автор* как будто бы старается освещать свою тему по-деловому и беспристрастно, в действительности же он излагает ее так, как ее излагают сами господа анархисты и как им хотелось бы, чтобы она была изложена. Так, он оперирует весьма обширным бакунистским материалом; публикации же женевских противников бакунистов он использует весьма слабо, а материалы лондонского Генерального Совета вовсе не использует.

Приведу наиболее бросающиеся в глаза вымыслы лишь из *одной* статьи (X, от 12 ноября).

Неверно, будто Генеральный Совет созвал в 1871 г. «тайную» конференцию в Лондоне[369], о которой

> «не были извещены только швейцарские анархистские секции; последние, тем не менее, узнали об этом намерении» и т. д.

Конференция была в такой же мере открытой и в такой же мере тайной, как любое заседание правления любой социал-демократической партии; о ней не разглашали в газетах, и в помещение заседаний не приглашали репортеров.

Юрские секции находились в состоянии открытого восстания против Генерального Совета и не поддерживали с ним никаких официальных связей. Напротив, в Генеральный Совет

* — Л. Эритье. *Ред.*

входили *два анархиста-бакуниста,* члены бакунистского тайного общества, избранные по предложению «диктатора» Маркса: Робен и Бастелика. Как раз Робен и осуществлял связь с юрскими секциями; от их имени он уже в марте 1871 г. предложил созвать ту самую конференцию, от которой они позднее отреклись, а также осведомил их о ее созыве. Все другое — анархистская ложь.

Конференция,

«которая должна была собраться у Маркса... состоялась... на квартире Маркса».

Глупая ложь; конференция состоялась в таверне «Блюпостс», вблизи Тоттенхем Корт-род, в так называемом французском квартале.

Состав конференции тоже указан неправильно; неправильно обозначен и спорный пункт: речь шла об абзаце не из Устава, а из мотивировочного введения к Уставу. Этот абзац, гласящий: «Экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство», первый местный Парижский (прудонистский) комитет исказил в своем французском переводе следующим образом:

«... великая цель, перед которой должно отступить всякое политическое движение»[370].

В то время, когда при перевозе через Францию бонапартистской полицией были конфискованы документы Женевского конгресса[371], которые были в конце концов возвращены только благодаря вмешательству английского министерства иностранных дел, в Женеве в спешном порядке вновь отпечатали старый парижский перевод, и анархисты могли впоследствии на этом основании утверждать, будто так решил Женевский конгресс. Этому шарлатанству, — разумеется, к великому сожалению анархистов, — был положен конец изданием аутентичного английского, французского и немецкого текстов Устава, которое было выпущено в свет в 1871 г. Генеральным Советом по поручению того же Женевского конгресса[372]. Передо мной лежит тот экземпляр Устава, в который Маркс внес принятые Женевским конгрессом изменения; они ограничиваются только самими статьями Устава и абсолютно не касаются мотивировочного введения.

Неверно, далее, и то, что Лондонская конференция решила поставить

«анархистское движение Юры под команду Женевского комитета».

И здесь у меня возникают некоторые сомнения в честности намерений автора. Либо он умеет читать, либо не умеет. Если он умеет читать, то в резолюции конференции он может прочесть только следующее: 1) что у Юрского комитета отнимается (присвоенное им) *наименование* Романского комитета и это название присваивается старому Женевскому комитету; 2) что юрцев призывают уладить свои споры с женевцами; 3) если же это невозможно, то им следует создать свою собственную федерацию под названием «Юрская федерация»[373]. Таким образом, все, что сделала конференция, сводится к предоставлению как женевцам, так и юрцам целиком действовать в рамках их собственной автономии.

Одним словом, автор, являясь или прикидываясь невинным младенцем, во всем верит на слово бедной оклеветанной анархистской овечке. О том, чего не сочли нужным рассказать эти господа, наш столь авторитетный автор ровным счетом ничего не знает, следовательно ничего не знает он и о том, что составляло закулисную сторону всего спора. За *открытым* «Альянсом социалистической демократии», основанным Бакуниным, скрывался *тайный* Альянс, целью которого было добиться перехода в руки анархистов господства над всем Интернационалом[374]. Этот тайный Альянс имел широкое распространение в Юре, в Италии и Испании. Генеральный Совет получил доказательства этого раньше всего из Испании, а затем из Женевы им был получен устав и множество других документов, касающихся этого невинного заговора против европейского рабочего движения. Это и были те документы, на основании которых Гаагский конгресс выносил в 1872 г. свой приговор, выбросив Бакунина и Гильома из Интернационала[375]. Для опровержения всплывающей теперь снова анархистской фальсификации истории обо всем этом и о многом другом можно прочитать в брошюре, изданной по решению Гаагского конгресса: «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих». Лондон, Гамбург, 1873; в немецком переводе Кокоского: «Заговор против Интернационала», Брауншвейг, Бракке, 1874[376].

Фридрих Энгельс

Лондон, 15 ноября 1892 г.

Напечатано в приложении к газете «Berliner Volks-Tribune» № 47, 19 ноября 1892 г.

Печатается по тексту газеты, сверенному с черновой рукописью

Перевод с немецкого

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ ПРИМЕР ГРУППОВОГО БРАКА [377]

За последнее время у некоторых рационалистских этнографов вошло в моду отрицать существование группового брака; в связи с этим представляет интерес нижеследующий отчет, который я перевожу из московской газеты «Russkija Vjedomosti» («Русские Ведомости») от 14 октября 1892 г. старого стиля. В нем не только определенно устанавливается наличие действующего с полной силой обычая группового брака, то есть права группы мужчин и группы женщин вступать между собой в половые отношения, но и такой его формы, которая тесно примыкает к пуналуальному браку у гавайцев, то есть к наиболее развитой и классической ступени группового брака. В то время как типичная пуналуальная семья состоит из ряда братьев (единоутробных или более отдаленных степеней родства), которые находятся в брачных отношениях с рядом единоутробных или находящихся в более отдаленных степенях родства сестер, — в данном случае, на острове Сахалине, мы видим, что мужчина состоит в брачных отношениях со всеми женами своих братьев и со всеми сестрами своей жены, иначе говоря, если рассматривать это явление с женской стороны, его жена имеет право вступать в половые связи с братьями мужа и с мужьями своих сестер. Отличие от типичной формы пуналуального брака состоит, следовательно, только в том, что братья мужа и мужья сестер — это не обязательно одни и те же лица.

Следует далее заметить, что и здесь подтверждается то, что я писал в «Происхождении семьи», 4 издание, стр. 28—29, а именно, что групповой брак выглядит отнюдь не так, как его рисует себе привыкшая к публичным домам фантазия нашего

филистера; что лица, состоящие в групповом браке, вовсе но ведут открыто той развратной жизни, которую наш филистер практикует втайне; напротив, эта форма брака, по крайней мере, как это видно из всех встречающихся еще теперь примеров, на практике отличается от непрочного парного брака или от многоженства только тем, что ряд случаев половых связей, которые при других условиях строго караются, здесь дозволены обычаем[378]. То обстоятельство, что фактическое использование этих прав постепенно становится отмирающим явлением, доказывает только, что сама эта форма брака находится в стадии отмирания. И это подтверждается также и редкостью ее распространения.

В остальном все это описание интересно еще тем, что оно лишний раз показывает, как сходны, даже тождественны в своих основных чертах общественные институты первобытных народов, находящихся на почти одинаковой ступени развития. То, что рассказано об этих монголоидах с Сахалина, в большей своей части вполне можно отнести к дравидийским племенам Индии, к жителям островов Тихого океана времен их открытия, к американским краснокожим. Отчет гласит:

«В заседании антропологического отдела Общества любителей естествознания в Москве[*] 10 октября» (старого стиля; 22 октября нового стиля) «Н. А. Янчук доложил интересное сообщение г-на Штернберга о сахалинских гиляках[379], племени, мало исследованном и находящемся на ступени[**] культуры дикарей. Гиляки не знают земледелия и гончарного искусства, снискивают пропитание главным образом охотой и рыбной ловлей, разогревают воду в деревянном корыте, опуская в него раскаленные камни и т. п. Особенно любопытны их семейно-родовые учреждения. Гиляк зовет отцом не только своего родного отца, но и всех братьев последнего, а жен этих братьев, как и сестер своей матери, зовет всех матерями, детей же всех этих «отцов» и «матерей»[***] — своими братьями и сестрами. Такой же способ наименования[****] существует, как известно, и у ирокезов и других индейских племен Северной Америки, равно как и у некоторых племен в Индии, но у них он давно уже не соответствует действительности, тогда как у гиляков он служит для обозначения *до сих пор существующего порядка.* И теперь *каждый гиляк имеет супружеские права на жен своих братьев и на сестер своей жены*[*****], по крайней мере их осуществление не считается чем-то запретным[******]. Эти остатки покоящегося на родовом строе группового брака[*******]

[*] Слова «в Москве» добавлены Энгельсом. *Ред.*

[**] В «Русских Ведомостях» вместо слова «ступени» напечатано: «степени». *Ред.*

[***] В «Русских Ведомостях» вместо слов «всех этих «отцов» и «матерей»» напечатано: «всех перечисленных родственников». *Ред.*

[****] В «Русских Ведомостях» вместо слов «способ наименования» напечатано: «терминология». *Ред.*

[*****] Курсив Энгельса. *Ред.*

[******] В «Русских Ведомостях» вместо слов «чем-то запретным» напечатано: «грехом». *Ред.*

[*******] В «Русских Ведомостях» вместо слов «покоящегося на родовом строе группового брака» напечатано: «родового брака». *Ред.*

напоминают знаменитую пуналуальную семью, существовавшую еще в первой половине нашего столетия на Сандвичевых островах. Эта форма семейно-родовых[*] отношений лежит в основании общественной организации гиляков, в основании их родового устройства.

Род гиляка состоит из всех братьев его отца близких и более отдаленных степеней родства, действительных и номинальных[**], из их отцов и матерей, из детей братьев гиляка и из собственных детей гиляка. Понятно, что таким образом составляющийся род может насчитывать в своей среде огромное количество членов. Жизнь рода протекает на следующих началах. Брак внутри рода безусловно воспрещен. Жена умершего гиляка переходит по решению рода к одному из единоутробных или номинальных братьев[***] покойного. Род содержит всех неспособных к труду своих членов. «У нас нет нищих, — говорил референту один гиляк, — если кто беден, того кормит халь» (род). Члены рода связаны общими жертвоприношениями и празднествами, общим кладбищем и прочее.

Род гарантирует жизнь и безопасность каждого из своих членов от покушения на него лиц, не принадлежащих к роду[****]. Карательным средством служит кровная месть[*****], но под влиянием русских действие этого института значительно ослабилось. Из действия родовой мести совершенно исключаются женщины. — Род в некоторых случаях, впрочем весьма редких, усыновляет лиц чужого рода. По общему правилу. имущество не должно выходить из рода умершего. У гиляков в этом отношении действует буквально известное правило Двенадцати таблиц: «Si suos heredes non habet, gentiles familiam habento»» (Если не имеет своих наследников, должны наследовать сородичи)[380]. «Ни одно чрезвычайное событие в жизни гиляка не обходится без участия рода. Старший в роде сравнительно еще недавно, одно-два поколения тому назад, был общественным главой, «старостой» рода. Но в настоящее время роль старейших в роде сводится только к руководительству религиозными обрядами. Роды бывают часто рассеяны в очень отдаленных друг от друга пунктах, но, разделившись, сородичи продолжают помнить друг друга, ездят друг к другу в гости, оказывают друг другу помощь и покровительство и прочее. Впрочем, без особенной нужды гиляк не покинет своих сородичей, гробниц своего рода. Родовой быт налагает резкий отпечаток на весь духовный склад гиляка, на его характер, нравы и учреждения. Привычка все обсуждать сообща, необходимость постоянно вступаться за интересы своих сородичей, круговая порука в делах кровной мести[******], необходимость и обыкновение жить в больших юртах вместо с десятками себе подобных, так сказать, постоянно на народе, выработали в гиляке чрезвычайно общительный, разговорчивый характер. Гиляк чрезвычайно гостеприимен, он любит принимать гостей, любит и сам к ним ездить. Благородный обычай гостеприимства особенно резко проявляет себя в дни невзгоды. В черный год, когда у гиляка не хватает

[*] В «Русских Ведомостях» вместо слов «семейно-родовых» напечатано: «семейно-родственных». *Ред.*

[**] В «Русских Ведомостях» вместо слов «близких и более отдаленных степеней родства, действительных и номинальных» напечатано: «(всех степеней)». *Ред.*

[***] В «Русских Ведомостях» вместо слов «единоутробных или номинальных братьев» напечатано: «братьев (любой степени)». *Ред.*

[****] В «Русских Ведомостях» вместо слова «Род» напечатано: «Халь»; вместо слов «лиц, не принадлежащих к роду» напечатано: «лиц другого халя». *Ред.*

[*****] В «Русских Ведомостях» вместо слов «Карательным средством» напечатано: «Средством»; вместо слов «кровная месть» напечатано: «родовая месть». *Ред.*

[******] В «Русских Ведомостях» вместо слов «кровной мести» напечатано: «мести». *Ред.*

пищи ни для себя, ни для собак, он не протягивает руки за благодеянием: он уверенно отправляется в гости и кормится там иногда довольно долгое время.

Среди сахалинских гиляков почти совсем не встречается преступлений корыстного характера. Свои драгоценности гиляк хранит в амбаре, который никогда не запирается. Гиляк настолько чувствителен к позору, что уличенный в совершении чего-либо постыдного, он уходит в тайгу и вешается. Убийства у гиляков очень редки и совершаются чаще всего в раздражении; во всяком случае, они никогда не имеют корыстной цели. В своих отношениях с другими людьми[*] гиляк проявляет правдивость, верность слову и добросовестность.

Несмотря на долгое подчинение окитаившимся маньчжурам, несмотря на губительное влияние колонизации[**] Амурского края, гиляки в нравственном отношении сохранили много добродетелей, свойственных первобытному племени. Но участь их строя жизни решена бесповоротно. Еще одно-два поколения, и гиляки материка совершенно обрусеют, и вместе с выгодами культуры они усвоят и ее пороки. Сахалинские гиляки, как более или менее удаленные от центров русской оседлости, имеют шансы сохраниться в чистоте немного долее. Но и на них соседнее русское население уже начинает оказывать свое влияние. Со всех селений ездят за покупками и ходят на заработок в Николаевск, а всякий гиляк, возвращающийся с заработков в родное селение, приносит с собой такую же атмосферу, какую в русские деревни приносит рабочий из города. Кроме того, заработки в городах с их переменным счастьем все больше и больше уничтожают то первобытное равенство, которое составляет преобладающую черту несложной экономической жизни таких народов, как гиляки.

Статья г-на Штернберга, в которой собраны также данные о религиозных воззрениях гиляков, об их обрядах, правовых институтах[***], будет напечатана в *«Этнографическом обозрении»* («Etnografitscheskoje Obozrenie»)»[381].

Написано в конце ноября —
4 декабря 1892 г.

Напечатано в журнале «Die Neue Zeit», Bd. 1, № 12, 1892—1893 гг.

Подпись: Фридрих Энгельс

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

[*] В «Русских Ведомостях» вместо слов «отношениях с другими людьми» напечатано: «гражданских отношениях». *Ред.*

[**] В «Русских Ведомостях» вместо слова «колонизации» напечатано: «проходимческого населения». *Ред.*

[***] В «Русских Ведомостях» вместо слов «правовых институтах» напечатано: «юридических обычаях». *Ред.*

ПРАВЛЕНИЮ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ВЕНГРИИ [382]

Уважаемые товарищи!

Весьма благодарен вам за ваше любезное приглашение на партийный съезд венгерской социал-демократии, на котором, к сожалению, у меня нет возможности присутствовать.

Посылая вам эти строки, я не могу не выразить своего глубокого сожаления по поводу раздоров, вспыхнувших в ваших рядах. Я далек от того, чтобы вмешиваться в дела, решать которые я не только не призван, но и не имею возможности из-за недостаточного знакомства с ними. Я могу только высказать пожелание, чтобы на партийном съезде удалось уладить разногласия и[*] устранить опасность раскола.

Желаю наилучшего успеха партийному съезду.

Ваш ***Ф. Э.***

Написано в начале января 1893 г.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XVI, ч. II. 1936 г.

Печатается по черновой рукописи

Перевод с немецкого

[*] В рукописи далее зачеркнуто: «сохранить для венгерской партии такого способного сотрудника, каким несомненно является товарищ П. Энгельман». *Ред.*

ПО ПОВОДУ НЕДАВНЕЙ ПРОДЕЛКИ ПАРИЖСКОЙ ПОЛИЦИИ [383]

Парижская буржуазная пресса возвестила с большой помпой о том, что полиция будто бы раскрыла в высшей степени подлый заговор. Несколько «русских нигилистов» якобы составили заговор с целью отправить на тот свет кроткого царя и самодержца всея Руси; но полиция оказалась начеку, «преступники, являвшиеся организаторами покушения», были схвачены, великодушный отец русского отечества был спасен.

Как выясняется при внимательном рассмотрении, «русские нигилисты» только потому удостоились такого названия, что с русским нигилизмом [nihil] ничего общего у них нет. Это всего лишь поляки, имевшие несчастье родиться под скипетром петербургского царя-батюшки; они очень мирно и скромно проживали в Париже и отнюдь не были настолько наивны, чтобы устраивать заговоры с целью покушения, — это дело разумные люди предоставляют ныне полиции. Достаточно было одной лишь вынужденной огласки польских фамилий этих «русских нигилистов», чтобы сделать версию о покушении и заговоре неприемлемой даже для полиции. Она вынуждена была дать информацию своим агентствам Гавас и Рейтер о том, что эти люди лишь высылаются из Франции.

С какой же целью была повсеместно поднята эта шумиха? Очень просто.

Правители оппортунистическо-радикальной буржуазной республики — министры, сенаторы, депутаты — все без исключения замешаны в панамском скандале[384]: одни как получатели взяток, другие как соучастники и укрыватели. Однако они придерживаются того взгляда, что общественное мнение уже слишком долго уделяло внимание *этой* стороне их нечистоплотной деятельности. Они рассуждают так: весь мир уже достаточно твердил о том, что мы своими мошенническими проделками подорвали доверие к республике; покажем же теперь,

что мы в состоянии также дискредитировать эту республику и в политическом отношении, покажем, что в пресмыкательстве перед царем мы можем обставить блаженной памяти Бисмарка на сто очков. Русское посольство желает ознакомиться с бумагами польских эмигрантов, докажем же наше горячее стремление повергнуть к его стопам все, что оно пожелает, не только бумаги, но вместе с ними и самих поляков, а если необходимо, то и всю Францию!

Нам только на руку, если буржуазная республика таким путем сама готовит свою гибель. Ее наследники стоят уже у порога — это отнюдь не монархисты, которые, хотя и вновь весьма активно принялись за устройство заговоров, тем не менее не опасны; этими наследниками будут социалисты. Однако и нам может повредить глупость этих людей, нынешних правителей Франции. Они выпрашивают расположение и милость официальной России, они лижут ее сапог, они унижаются перед этой русской бандой жуликов, они возводят царя в настоящего властелина Франции и руководителя французской политики, тогда как сам царь находится в таком беспомощном положении, которое совершенно не позволяет ему оказывать какие-либо реальные услуги Франции. Нынешняя зима доказывает, что голод в России в течение ряда лет будет непрерывным; ресурсы страны на длительное время исчерпаны, финансовое положение прямо-таки отчаянное. Не Франция нуждается в России, напротив, именно Россия без моральной поддержки со стороны Франции была бы совершенно парализована. Если бы у этих французских буржуа было хоть немного здравого смысла, они могли бы принудить своего русского союзника ко всему, что не требует денег и войны. Вместо этого они валяются у него в ногах и позволяют использовать себя для государственных целей России, чего не позволяла даже Пруссия в периоды своего наибольшего унижения. И при этом им кажется, что они поступают очень хитро; они и не подозревают, как их, этих глупцов, высмеивают в Петербурге!

Paris vaut bien une messe — Париж стоит обедни, сказал Генрих IV, когда благодаря переходу в католичество добился капитуляции Парижа. La France vaut bien une Marseillaise — Франция стоит «Марсельезы», сказал Александр III, когда в самый острый момент того состояния политической беспомощности и безвыходности, в котором он находился, адмирал Жерве поверг к его ногам Францию[385].

Написано 10 января 1893 г.

Напечатано в газете «Vorwarts» № 11, 13 января 1893 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ОБ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПАНАМЕ [386]

I

«Италия, Италия, о что там за канальи!» — поется в одной немецкой студенческой песенке про итальянских клопов и блох. Но наряду с шестиногими канальями там водятся и двуногие, и la bella Italia* всячески старается показать, что она в этом отношении не отстает ни от la belle France**, страны панамы, ни от целомудренной богобоязненной Германии, страны благочестивых нравов и вельфского фонда[387].

В Италии бумажные деньги выпускаются шестью банками — двумя тосканскими, одним неаполитанским, одним сицилийским и двумя римскими: Римским банком и Национальным банком. Банкноты этих шести привилегированных банков обращаются в качестве полноценного платежного средства на основании закона, срок действия которого истек несколько лет назад, но затем из года в год продлевался вплоть до 31 декабря 1892 г. и, наконец, был продлен на три месяца — до 31 марта 1893 года.

Еще при министерстве Криспи, в 1889 г., в связи с необходимостью возобновления этой банковской привилегии, а также ввиду распространившихся тревожных слухов, было отдано распоряжение о расследовании ведения дел в этих банках. Расследование в Национальном банке было произведено сенатором Консильо, в Римском банке — сенатором Альвизи, честным человеком, в помощь которому в качестве эксперта был прикомандирован дельный чиновник министерства финансов Биаджини. О том, что обнаружил Консильо, до сих пор ничего

* — прекрасная Италия. *Ред.*
** — прекрасной Франции. *Ред.*

не известно; об отчете же Альвизи со всей приложенной к нему документацией стало известно после смерти Альвизи по одной копии, которую обычно считали не имеющей юридической силы, отсюда и возникла маленькая панама — «панамино», как называют ее итальянцы.

В то время министерство Криспи молча положило отчет Альвизи под сукно. Альвизи несколько раз упоминал об этом деле в сенате, угрожал скандалом, но каждый раз позволял, чтобы ему затыкали рот. Он хранил молчание и тогда, когда министр Мичели, распорядившийся о расследовании, сделал в парламентской комиссии, в связи с очередным продлением на год срока действия закона о банках, весьма приукрашенный отчет о Римском банке, при этом он настоятельно просил своего друга Альвизи не компрометировать своими разоблачениями его, а также кредитные учреждения страны. Вскоре Криспи пал, ему на смену пришел Рудини; затем пал Рудини, образовалось ныне правящее министерство Джолитти. Принятие окончательного закона о банках, по которому они должны были быть реорганизованы, а их привилегии продлены на шесть лет, все еще висело в воздухе. Никто не хотел идти на эту опасную приманку. Подобно тлеющей лучинке в детской игре «жив курилка!» переходил этот закон из рук в руки, пока, наконец, 21 декабря последняя искорка не была безжалостно затоптана самым противозаконным образом.

Еще 6 декабря 1892 г., по предложению Джолитти, был внесен законопроект о продлении срока банковской привилегии на *шесть лет.* Однако в связи с негласно распространявшимися тревожными слухами о грубых злоупотреблениях, имевших место в управлении банками, Джолитти уже 21 декабря потребовал продления срока действия закона всего лишь на три месяца — до 31 марта. Во время дебатов выступил депутат Колаянни и неожиданно для всех зачитал отдельные места из общего отчета Альвизи о Римском банке и из специального отчета Биаджини о результатах проведенной им проверки бухгалтерских книг и кассовой наличности. И тут обнаружились поразительные вещи! Незаконно выпущенный излишек банкнот на сумму в 9 миллионов франков; весьма удобное для директора банка и для кассира, но запрещенное уставом банка смешение банковской кассы с золотым запасом; портфель, битком набитый бронзовыми векселями, на оплату которых нельзя было рассчитывать; ссуды на 73 миллиона, выданные из фонда банка 179 привилегированным лицам, причем $33^1/_2$ миллиона были выданы всего лишь 19 лицам. Среди должников банка фигурировали директор банка Танлонго, задолжавший

свыше миллиона, и председатель наблюдательного совета банка князь Джулио Торлониа, задолжавший 4 миллиона, и т. д. и т. д. Впрочем, Колаянни ни одного имени не назвал, но дал понять, что знает больше, чем сказал, и потребовал парламентского расследования деятельности банков.

Затем другой депутат, Гавацци, прочитал из отчета Альвизи еще одно место, согласно которому Римский банк выдал крупные ссуды адвокатам, журналистам и политическим деятелям, и эти особые клиенты получили денег на сумму около 12 миллионов, которые не значились в опубликованных балансах.

Тут вскочил с места бывший министр Мичели, распорядившийся при министерстве Криспи о расследовании. Вскочили один за другим Джолитти, Криспи, Рудини, три замешанных в этом деле премьер-министра, и заявили, что все эти разоблачения — сплошная выдумка.

И с каким бурным нравственным негодованием они выступали! Более благородным гневом не мог бы воспылать даже немецкий коммивояжер, уличенный в том, что доставленный им товар, который был ему заказан по добротным образцам, оказался самого низкого качества.

В тот же день депутаты обменяли в парламентской кассе банкноты Римского банка на сумму свыше 50000 фр., а акции банка (номинальной стоимостью в 1000 фр.) упали в цене на 100 франков. Но после героических речей министров уже к вечеру биржевые дельцы снова воспрянули духом. Полагали, что скандал замят и дело похоронено.

II

А между тем каждое слово, сказанное Колаянни, было истинной правдой, и сообщил он едва ли третью часть того, что содержалось в отчете о расследовании. Директор банка Танлонго, главный кассир Лаццарони и председатель наблюдательного совета Торлониа совершенно по-семейному роздали ссуды на сумму до девяти миллионов. И вообще управление банком велось «по-семейному», — patriarcalmente, употребляя выражение Танлонго; настолько по-семейному, что из фондов, предназначенных для кредитования на льготных условиях торговли и промышленности, выдавались ссуды под ненадежные, практически необеспеченные ипотеки или же просто людям, которые под промышленностью понимали лишь одно — промышлять всевозможными аферами, выдавались под постоянно отсрочиваемые векселя и даже по открытым текущим счетам.

Управление банком велось настолько по-семейному, что постепенно почти все журналисты и не менее *ста пятидесяти членов теперешней палаты депутатов,* люди большей частью заведомо неплатежеспособные или даже живущие одними лишь долгами, стали фигурировать в бухгалтерских книгах банка в качестве должников. Список этих клиентов также был приложен к отчету Альвизи; в этом списке наряду с одним только депутатом правых Арбибом фигурируют левые депутаты почти всех оттенков, причем сумма долга каждого равняется 500— 600 тысячам франков. Среди них значится и лицо, носящее глубокоуважаемую во всем мире фамилию*, а также *два министра нынешнего правительства* — Гримальди и Мартини; Гримальди является даже одним из юрисконсультов банка с годовым окладом в 25000 франков. Этого уже вполне достаточно, но это все относилось к 1889 г., это было еще только начало и даже еще не панамино, а всего лишь панаминетто, совсем, совсем маленькая панама.

Слухи об этих и других делишках, — среди них, разумеется, были и преувеличенные, — стали один за другим постепенно распространяться среди публики после того, как речь Колаянни дала этому толчок. Публика начала изымать свои вклады из Римского банка — в течение нескольких дней было изъято свыше 9 миллионов из общей суммы вкладов в 14 миллионов — и принимать с недоверием его банкноты. Правительство почувствовало, что теперь настало время действовать. То, что столько лет одно министерство взваливало на другое — урегулирование вопроса о банках и бумажных деньгах, — теперь надо было решать в спешном порядке. В первых числах января начались переговоры о слиянии обоих римских и обоих тосканских банков в одно крупное кредитное учреждение, и одновременно министерство отдало распоряжение о новой ревизии банков. Национальный банк, который должен был составить ядро нового учреждения, отказался, разумеется, безоговорочно принять на себя все грехи Римского банка; он чинил препятствия и усиленно торговался. Все это стало известно публике; недоверие переросло в панику. Город Рим изъял из Римского банка свои вклады на сумму свыше миллиона, сберегательная касса также забрала свой вклад на сумму свыше 560000 франков. Акции Римского банка, упавшие после речи Колаянни до 670 фр., 15 января котировались уже только по 504 фр. при их номинальной стоимости в 1000 франков. На севере страны уже начали отказываться принимать банкноты этого банка.

* — Менотти Гарибальди. *Ред.*

Но тут в публику проникли слухи о еще более поразительных результатах новой ревизии Римского банка. Правда, князь Джулио Торлониа выплатил свой долг: 13 января он внес 4 миллиона, 14 января еще 600000 фр., а 15 — остальные 2 миллиона. Правда, директор Танлонго и кассир Лаццарони в погашение своих долгов передали банку все свое большое состояние. Правда, «одно очень высокопоставленное лицо» — газета «Corriere di Napoli»[388] сделала прозрачный намек на короля[*] — уплатило банковский долг министра Гримальди и членов его семьи. Правда, конституционно-радикальный депутат Фортис заявил, что ему кредит был предоставлен как юрисконсульту банка. Но какое это имело значение по сравнению с сообщением о том, что согласно данным новой *ревизии* Римский банк, имевший право выпуска банкнот на сумму в 70 миллионов, *пустил их в обращение на сумму в 133 миллиона;* что для сокрытия этого факта в книгах банка фигурировали фиктивные кредиторы, за которыми якобы числилось до 49 миллионов, и что директор Танлонго взял 25 миллионов по простой квитанции, датированной лишь 3 января 1893 г. («Secolo»[389] от 21—22 января). Поговаривали также и о том, что золотой запас, хотя и оказался в порядке, но только потому, что барон Микеле Лаццарони, племянник главного кассира, взял взаймы на несколько дней специально для этой цели некоторое количество миллионов наличными у своих деловых друзей в Швейцарии, пообещав вернуть эти деньги in natura[**] сразу же после ревизии; впрочем, это будет стоить известных усилий, так как правительство тем временем наложило арест на все фонды Римского банка. И вот повсюду поднялся шум по поводу разоблачений, имена 150 депутатов назывались с большей или меньшей точностью и определенностью, и уже нельзя было отрицать, что по крайней мере последним трем кабинетам все это дело было известно, что они регулярно и в больших количествах предоставляли деньги банка в распоряжение своих приверженцев для избирательных целей, что они часто обсуждали эти растраты в совете министров и, вполне отдавая себе отчет в той ответственности, которая ложилась на них за эти растраты, сознательно их утаивали, следовательно поощряли дальнейшие растраты.

Каким бледным выглядел после этого отчет Биаджини, опубликованный, наконец, в «Corriere di Napoli» 19—20 января! Панамино было налицо.

[*] — Умберто I. *Ред.*
[**] — в натуральном виде. *Ред.*

III

Кризиса уже нельзя было избежать. Из тех людей, которые вместе с банком занимались мошенническими делами, расходовали и транжирили его фонды — само собой разумеется посредством честного кредита — из этих лиц одни обладали государственной властью, другие не обладали. Вполне понятно, что как только им всем был приставлен нож к горлу, первые принесли в жертву вторых. Один из соучастников преступления принял возвышенное решение стать палачом другого. Совсем как во Франции. Там тоже Рувье, Флоке, Фрейсине и К° принесли в жертву тех самых Лессепса и Фонтана, которым они и их пособники так часто, по выражению Шарля Лессепса, «приставляли нож к горлу», чтобы выжать из панамы средства на политические цели. Точно так же Джолитти и Гримальди пожертвовали своим закадычным другом Танлонго, у которого прежде они и их предшественники вымогали банковские деньги на свои избирательные цели и на свою прессу, вымогали до тех пор, пока не остался лишь один выход — крах. А когда долги Гримальди были уплачены вышеупомянутым таинственным способом, он-то как раз и стал громче всех требовать ареста Танлонго.

Но Танлонго — тертый калач, прошедший огонь, воду и медные трубы старый итальянец, а вовсе не зеленый новичок в мошеннических делах, как Шарль Лессепс и прочие марионетки, которым приходилось устраивать панаму для Рейнака и К°. Танлонго — человек благочестивый, он ежедневно в 4 часа утра посещал мессу, где обделывал делишки с теми доверенными лицами и посредниками, которых ему не хотелось видеть в конторе своего банка — «меня ты, крошка, не конфузь»*; Танлонго был в прекрасных отношениях с Ватиканом, и вот Ватикану, недосягаемому для итальянской полиции, он отдал на хранение шкатулку как раз с теми документами, которые давали ему гарантию от покушений его могущественных друзей и покровителей и которые он не хотел чересчур поспешно доверить юстиции. Ибо в Италии во время панамино, так же как во Франции во время панамы, юстицию сильно подозревают в том, что домашние обыски производятся ею иной раз не для того, чтобы были обнаружены те или иные документы, а для того, чтобы они вовсе исчезли. И Танлонго решил, что определенного рода бумаги, которые должны послужить ему защитой и раскрыть истинное положение дел, будут

* Гейне. Из дополнений к циклу «Опять на родине». *Ред.*

в должной сохранности не в руках итальянского судебного следователя, а только в Ватикане.

И вот, едва только министерство достигло соглашения с Национальным банком, по которому последний принимал на себя все активы и пассивы Римского банка и обязывался уплатить акционерам за каждую акцию стоимостью в 1000 фр. по 450 франков; едва только оно почувствовало, что это соглашение служит гарантией от огласки имен политических деятелей, задолжавших банку, как бравому Танлонго пришлось тут же убедиться, что в буржуазной политике платой за услугу является неблагодарность. С вечера 16 января у его дома был выставлен караул; 19 января он и главный кассир Лаццарони были арестованы.

Это отнюдь не было для него неожиданностью. Еще раньше он сказал одному из редакторов «Parlamento»[390]:

«Они могут упрятать меня в тюрьму, но пусть они имеют в виду, что затевают плохую игру... если хотят на меня возложить ответственность за вину других, то этим меня побудят устроить скандал... Уж не хотят ли меня разорить? Тогда я придам огласке имена тех людей, *которые вымогали у меня миллион за миллионом.* Как часто я говорил, что не могу их дать, но ответ был всегда один: они необходимы (occorrono). И у меня есть доказательства... так было постоянно; чем больше услуг я им оказывал, тем больше они плевали мне в лицо; но *если я теперь паду, то я окажусь в неплохой компании»*.

И когда этого больного, старого человека, которого сперва держали под арестом в его дворце, 25 января отвозили в тюрьму Реджина Чели, он заявил сопровождавшему его чиновнику: «Я иду, но я оставляю за собой право на разоблачения». Членам своей семьи он сказал: «Им хотелось бы, чтобы я умер в тюрьме, но у меня еще достаточно сил, чтобы отомстить за себя».

Непохоже, чтобы этот человек повел себя покорно на открытом судебном процессе, подобно замешанным в парижской панаме директорам, которые, вместо того чтобы сразить своих обвинителей вдесятеро раз более тяжелыми уликами, имевшимися в их распоряжении, своим молчанием вымаливали для себя снисходительный приговор. Хотя Танлонго страдает подагрой, газеты изображают его высоким и крепким человеком, «настоящим семидесятилетним кирасиром»; все его прошлое говорит о том, что он понимает: спасти его может только жесточайшая борьба и самое упорное сопротивление. Так что в один прекрасный день знаменитая cassetta d'oro* перекочует

* — золотая шкатулка. *Ред.*

из Ватикана в зал судебных заседаний, а ее содержимое будет выложено на судейский стол. В добрый час!

Между тем в тот же день, 25 января, вновь открылась сессия парламента и скандал разразился и там. Джолитти может крикнуть своим 150 депутатам лишь то, что крикнул Рувье своим 104: если бы мы не брали этих денег, вы бы здесь не заседали! И это действительно так. Криспи и Рудини могут сказать только то же самое. Но этим дело не исчерпывается. Неизбежно последуют дальнейшие разоблачения — как в палате, так и на суде. Панамино, как и панама, находится еще только в своей начальной стадии.

Какова же мораль всей этой истории? — И панама, и панамино, и вельфский фонд доказывают, что вся нынешняя буржуазная политика — как премилые дрязги буржуазных партий между собой, так и их совместное сопротивление натиску рабочего класса, — не может проводиться без колоссальных денежных затрат, что эти огромные деньги расходуются на такие цели, о которых нельзя говорить открыто, и что правительства вследствие скупости господ буржуа все более и более оказываются вынужденными для этих скрытых целей добывать средства скрытыми путями. «Мы берем деньги там, где мы их находим», — сказал Бисмарк, человек сведущий в этом деле. А «где мы их находим», это мы только что видели.

Написано между 26 и 29 января 1893 г.

Напечатано в газете «Vorwarts» №№ 27, 28 и 29; 1, 2 и 3 февраля 1893 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

CARLO MARX e FEDERICO ENGELS

IL MANIFESTO

DEL

PARTITO COMUNISTA

CON UN NUOVO PROEMIO AL LETTORE ITALIANO

DI

FEDERICO ENGELS

Centesimi 25

MILANO
Uffici della CRITICA SOCIALE
Portici Galleria, N.° 23

1893

Титульный лист итальянского издания
«Манифеста Коммунистической партии»
1893 года

К ИТАЛЬЯНСКОМУ ЧИТАТЕЛЮ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИТАЛЬЯНСКОМУ ИЗДАНИЮ «МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ» 1893 ГОДА[391]

Опубликование «Манифеста Коммунистической партии», можно сказать, совпало с днем 18 марта 1848 г., с революциями в Милане и в Берлине — вооруженными восстаниями двух наций, из которых одна находится в центре европейского континента, другая — в центре Средиземноморья; двух наций, которые до того времени были ослаблены раздробленностью и внутренними раздорами и вследствие этого подпали под чужеземное владычество. Если Италия была подчинена австрийскому императору, то Германия находилась под не менее ощутимым, хотя и более косвенным, игом царя всея Руси. Результатом 18 марта 1848 г. было освобождение Италии и Германии от этого позора; если за время с 1848 по 1871 г. эти две великие нации были восстановлены и им в том или ином виде была возвращена самостоятельность, то это произошло, как говорил Карл Маркс, потому, что те самые люди, которые подавили революцию 1848 г., были вопреки своей воле ее душеприказчиками[392].

Повсюду эта революция была делом рабочего класса, именно он строил баррикады и расплачивался своей кровью. Но одни только парижские рабочие, свергая правительство, имели совершенно определенное намерение свергнуть и буржуазный строй. Однако, хотя они и сознавали неизбежный антагонизм, существующий между их собственным классом и буржуазией, ни экономическое развитие страны, ни духовное развитие массы французских рабочих не достигли еще того уровня, при котором было бы возможно социальное переустройство. Поэтому плоды революции достались в конечном счете классу

капиталистов. В других же странах — в Италии, Германии, Австрии — рабочие с самого начала ограничились лишь тем, что помогли буржуазии прийти к власти. Но ни в какой стране господство буржуазии невозможно без национальной независимости. Поэтому революция 1848 г, должна была привести к единству и независимости тех наций, которые до того времени их не имели: Италии, Германии, Венгрии, Очередь теперь за Польшей.

Итак, если революция 1848 г. и не была социалистической, то она расчистила путь, подготовила почву для этой последней. Благодаря бурному развитию крупной промышленности во всех странах буржуазный строй за последние сорок пять лет повсюду создал многочисленный, сконцентрированный, сильный пролетариат; он породил, таким образом, употребляя выражение «Манифеста», своих собственных могильщиков. Без установления независимости и единства каждой отдельной нации невозможно ни интернациональное объединение пролетариата, ни мирное и сознательное сотрудничество этих наций для достижения общих целей. Попробуйте представить себе какое-либо общее интернациональное действие итальянских, венгерских, немецких, польских, русских рабочих при политических условиях, существовавших до 1848 года!

Значит, битвы 1848 г. были не напрасны. Не напрасно прошли и сорок пять лет, отделяющие нас от этого революционного периода. Плоды его начинают созревать, и я хотел бы только, чтобы выход в свет этого итальянского перевода «Манифеста» явился добрым предвестником победы итальянского пролетариата, так же как выход в свет подлинника явился предвестником международной революции.

«Манифест» воздает полную справедливость той революционной роли, которую капитализм сыграл в прошлом. Первой капиталистической нацией была Италия. Конец феодального средневековья, начало современной капиталистической эры отмечены колоссальной фигурой. Это — итальянец Данте, последний поэт средневековья и вместе с тем первый поэт нового времени. Теперь, как и в 1300 г., наступает новая историческая эра. Даст ли нам Италия нового Данте, который запечатлеет час рождения этой новой, пролетарской эры?

Лондон, 1 февраля 1893 г.

Фридрих Энгельс

Напечатано в книге: Karlo Marx e Federico Engels. «Il Manifesto del Partito Comunista». Milano, 1893

Печатается по тексту книги, сверенному с черновой рукописью на французском языке

Перевод с итальянского

МОЖЕТ ЛИ ЕВРОПА РАЗОРУЖИТЬСЯ?[393]

Написано в феврале 1893 г.

Напечатано в виде серии статей (без предисловия) в газете «Vorwarts» №№ 51—56, 58 и 59; 1—5, 7, 9 и 10 марта 1893 г. и отдельной брошюрой с предисловием (от 28 марта) в конце марта 1893 г.

Подпись: Фридрих Энгельс

Печатается по тексту брошюры

Перевод с немецкого

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перепечатываемые здесь статьи были опубликованы в берлинской газете «Vorwarts», март 1893 г., во время дебатов в рейхстаге по поводу проекта военного закона.

Я исхожу в этих статьях из следующей предпосылки, которая все более завоевывает всеобщее признание: система постоянных армий во всей Европе доведена до такой крайности, что либо народы будут ею экономически разорены, не выдержав бремени военных расходов, либо она неизбежно приведет к всеобщей истребительной войне, если только постоянные армии не будут своевременно преобразованы в милицию, основанную на всеобщем вооружении народа.

Я попытаюсь доказать, что такое преобразование возможно уже теперь, даже при нынешних правительствах и при нынешнем политическом положении. Я исхожу, таким образом, из этого положения и предлагаю пока лишь такие мероприятия, которые каждое нынешнее правительство может принять без ущерба для безопасности страны. Я стремлюсь лишь установить, что с чисто военной точки зрения нет абсолютно никаких препятствий для постепенного упразднения постоянных армий и что если, тем не менее, эти армии сохраняются, то это делается не из военных, а из политических соображений, — одним словом, что армии предназначаются не столько для защиты от внешнего врага, сколько от внутреннего.

В противовес этому постепенное сокращение срока действительной военной службы посредством международного соглашения, составляющее основной пункт моих рассуждений, я считаю вообще самым простым и самым коротким путем

ко всеобщему переходу от постоянных армий к организованному в виде милиции вооружению народа. Формы такого соглашения могли бы, разумеется, видоизменяться в зависимости как от характера заключающих соглашение правительств, так и от данной политической обстановки. А обстоятельства теперь являются как нельзя более благоприятными; так что, если уже сейчас можно принять за исходный пункт *самое большее* двухгодичный срок действительной военной службы, то через несколько лет можно будет, вероятно, установить уже значительно более короткий срок.

Выдвигая в качестве важного условия перехода к новой системе обучение юного поколения мужского пола гимнастике и военному делу, я тем самым ясно даю понять, что предлагаемую здесь милиционную систему отнюдь не следует смешивать с какой бы то ни было из форм милиции, существующих в настоящее время, например со швейцарской.

Лондон, 28 марта 1893 г.

Ф. Энгельс

I

Вот уже двадцать пять лет, как вся Европа вооружается в неслыханных до сих пор размерах. Каждая великая держава стремится обогнать другую в отношении военной мощи и готовности к войне. Германия, Франция, Россия напрягают все силы, чтобы превзойти друг друга. Как раз в настоящий момент германское правительство снова требует от народа такого чрезвычайного напряжения сил, которое привело в ужас даже нынешний кроткий рейхстаг. Не глупо ли при таких обстоятельствах говорить о разоружении?

И все же во всех странах широкие слои населения, на которых почти исключительно лежит обязанность поставлять массу солдат и платить основную часть налогов, призывают к разоружению. И напряжение повсюду достигло такой степени, что силы — в одном месте рекруты, в другом деньги, в третьем и то и другое — начинают истощаться. И неужели нет другого выхода из этого тупика, кроме опустошительной войны, какой еще не видел мир?

Я утверждаю: разоружение, а тем самым и гарантия мира, возможно; оно даже сравнительно легко осуществимо, и Германия, больше чем какое-либо другое цивилизованное государство, имеет для его осуществления и возможность и призвание.

После войны 1870—1871 гг. было окончательно доказано превосходство системы всеобщей воинской повинности с резервом и ландвером[394] — даже в ее тогдашней изуродованной прусской форме — над системой рекрутского набора с правом заместительства. Все континентальные страны, с бо́льшими

или меньшими изменениями, приняли эту систему. Само по себе это не являлось бы большой бедой. Армия, главный резерв которой составляют женатые мужчины среднего возраста, по самой природе менее агрессивна, чем была армия Луи-Наполеона, сформированная на основе рекрутского набора и имеющая в своем составе большое число заместителей — профессиональных наемных солдат. Но к этому прибавилась аннексия Эльзас-Лотарингии, вследствие которой Франкфуртский мир стал для Франции всего лишь таким же перемирием, каким был Тильзитский мир для Пруссии[395]. И вот между Францией и Германией началось то лихорадочное состязание в вооружении, в которое постепенно были втянуты также Россия, Австрия, Италия.

Сначала стали удлинять срок службы в ландвере. Во Франции территориальная армия получила резерв из старших возрастов; в Германии был восстановлен ландвер второго призыва и даже ландштурм[396]. И так шаг за шагом продолжалось до тех пор, пока не достигли установленного самой природой предельного возраста и даже превысили его.

Затем был увеличен контингент призывников, и в соответствии с этим были сформированы новые кадры для обучения новобранцев; но и здесь почти или полностью достигли предельного возраста, а во Франции даже вышли за эти пределы. За последние годы во французскую армию в довольно большом количестве призывалась уже такая молодежь, которая еще недостаточно окрепла или вовсе не окрепла для несения тягот военной службы. Беспристрастные в этом отношении английские офицеры, которые присутствовали на больших маневрах в Шампани в 1891 г. и полностью признавали, подчас даже с восхищением, высокие боевые качества нынешней французской армии, единодушно отмечают, что несоразмерно большое число молодых солдат выбыло из строя во время переходов и тактических учений. В Германии, правда, еще не полностью исчерпали годный к военной службе рядовой состав запаса, но ведь с этой целью и внесен новый проект военного закона. Короче говоря, и в этом отношении мы подошли уже к пределу возможного.

Современная, *революционная* сторона прусской военной системы и заключается как раз в требовании поставить силы каждого способного носить оружие мужчины на службу делу национальной обороны в течение всего того времени, когда он по возрасту годен к военной службе. И единственная революционная черта, которую можно отметить во всем развитии армий с 1870 г., состоит именно в том, что это требование,

прежде осуществлявшееся лишь в воображении шовинистов, правительства были вынуждены — зачастую против воли — все больше проводить на деле. Как продолжительность времени, в течение которого люди остаются военнообязанными, так и зачисление на военную службу всех годных к ней молодых людей ныне является чем-то незыблемым, по крайней мере в Германии, и меньше всего это может встретить противодействие со стороны Социал-демократической партии, которая, наоборот, одна только и способна в Германии полностью осуществить на практике также и это требование.

Остается, следовательно, лишь еще один пункт, отправляясь от которого можно удовлетворить потребность в разоружении: срок действительной военной службы. Вот здесь-то именно и находится архимедова точка опоры: *международное установление,* по соглашению между великими державами континента, *максимального срока действительной военной службы* для всех родов войск, пусть сначала в два года, но с оговоркой, что этот срок в дальнейшем будет незамедлительно сокращен, как только признают это возможным, и с провозглашением *милиционной системы в качестве конечной цели.* И я утверждаю, что именно прежде всего Германия должна внести такое предложение и что именно прежде всего она получит выгоду от того, что его внесет, даже если это предложение и не будет принято.

II

Международное установление максимального срока действительной военной службы затронуло бы в равной степени армии всех держав. Общепризнано, что для армий, рядовой состав которых еще не нюхал пороху, продолжительность действительной военной службы — в известных пределах — является в первое время кампании лучшим мерилом их пригодности к действиям в любой военной обстановке, в особенности при стратегическом или тактическом наступлении. В 1870 г. наши воины достаточно познакомились с furia francese* штыковой атаки императорской пехоты, прошедшей длительную службу, и мощью кавалерийских атак под Вёртом и Седаном; но в то же время под Шпихерном, в самом начале войны, они доказали, что даже при меньшей численности они способны выбить ту же пехоту из сильно укрепленной позиции[397]. Таким образом, следует в общем признать: в известных границах, меняющихся в зависимости от национальных особенностей, срок действительной военной службы определяет степень общей боевой подготовки еще не испытанных в бою войск и особенно степень их пригодности к наступательным действиям.

Если удастся установить в международном масштабе максимальный срок действительной военной службы, то соотношение боеспособности различных армий останется приблизительно таким же, как и в настоящее время. То, что потеряет в отношении непосредственной пригодности к боевым действиям одна из них, потеряют и другие. В той мере, в какой теперь исключена возможность нападения врасплох одного государства на другое, в такой же мере это будет исключено и тогда. Разница в сроке действительной военной службы, например, во Франции и в Германии, была до сих пор так незначительна,

* — французской яростью. *Ред.*

что она не имела никакого значения; и при сокращенном сроке службы, точно так же, как и теперь, все будет зависеть от того, как будет использован в каждой из этих двух армий срок службы, установленный соглашением. Впрочем относительная численность обеих армий будет вполне соответствовать соотношению численности населения обеих стран; и когда всеобщая воинская повинность будет, наконец, действительно проведена в жизнь, в странах с одинаковым примерно уровнем экономического развития (которым обусловлен процент негодных к военной службе) численность населения всегда будет мерилом численности армии. Тогда уже не будет места таким фокусам, какие Пруссия проделывала в 1813 году; *эти* сливки уже сняты.

Однако очень многое зависит от того, как используется установленный срок военной службы. И почти во всех армиях имеются люди, которым есть что рассказать по этому поводу, если бы им это было позволено; ибо постоянный недостаток в деньгах повсюду вынуждал обучать часть призывников лишь «наспех», в течение нескольких месяцев. И тут уж приходится ограничиваться самым главным, отбрасывая в сторону целую кучу традиционного вздора, и тогда люди обнаруживают, к своему собственному удивлению, как мало требуется времени, чтобы из физически развитого молодого человека сделать солдата. О том, как были поражены этим офицеры, обучающие немецкий эрзац-резерв, Бебель рассказал в рейхстаге[398]. В австрийской армии многие офицеры прямо утверждают, что ландвер, имеющий почти такой же срок военной службы, как немецкий эрзац-резерв, превосходит по качеству линейные войска. И в этом нет ничего удивительного. В ландвере не хватает как раз того времени, которое в линейных войсках тратится попусту на традиционные и в силу этого священные глупости, и именно поэтому там время зря не тратят.

Немецкий строевой устав пехоты 1888 г. ограничивает тактические построения для боя лишь самым необходимым. Ничего нового в нем нет. Сохранять боеспособность при всех изменениях боевого порядка австрийцы умели уже с 1859 года; почти в то же время гессен-дармштадтцы ввели образование батальонных колонн всех видов путем простого соединения четырех ротных колонн, но после 1866 г. они вынуждены были отказаться от этого рационального построения по требованию Пруссии[399]. В остальном новый устав устраняет массу допотопных церемоний, столь же бесполезных, сколь и освященных обычаем; и у меня как раз нет абсолютно никакого повода придираться к этому. После войны 1870 г. я как-то позволил

себе роскошь набросать схему сомкнутых построений и передвижений роты и батальона, которые отвечали бы современному способу ведения войны, и был при этом немало удивлен, обнаружив, что этот элемент «государства будущего» чуть ли не полностью воплощен в соответствующих параграфах нового устава.

Но одно дело устав, а другое дело его выполнение. Дух шагистики, процветавший в прусской армии во все периоды мира, ведет к тому, что устраненная предписанием бесполезная трата времени вводится снова через заднюю дверь парадов. Вдруг оказывается, что плац-парадная муштра совершенно необходима как противовес ослабляющему сплоченность влиянию рассредоточенного боевого порядка, как единственное средство для установления подлинной дисциплины и т. д. и т. д. Выходит, что порядок и дисциплина могут быть установлены лишь тем, что солдат заставляют заниматься совершенно бесполезными делами. В результате упразднения одного лишь «парадного шага» высвободилось бы немало недель для разумных занятий, не говоря уже о том, что тогда иностранным офицерам не приходилось бы сдерживать смех, наблюдая немецкие военные парады.

Таким же устаревшим институтом является караульная служба, которая, согласно стародавнему представлению, также якобы содействует умственному развитию солдат, особенно их способности самостоятельно мыслить, обучая их — если только они уже раньше этого не умели — искусству в течение целых двух часов стоять на посту, решительно ни о чем не думая. При нынешнем общепринятом правиле обучать несению службы сторожевого охранения в полевых условиях потеряла всякий смысл караульная служба в городе, где ведь имеется всякого рода полиция, выполняющая службу безопасности. Упраздните караульную службу, и вы выиграете для военного обучения по крайней мере 20% срока военной службы и обеспечите безопасность гражданского населения на улицах городов.

Кроме того, повсюду имеется большое количество солдат, которых под различными предлогами, насколько возможно, освобождают от службы — это нестроевой хозяйственный персонал роты, офицерские денщики и другие. Здесь также можно

многое изменить.

Да, — но как в таком случае быть с кавалерией? Ведь для нее требуется более продолжительный срок службы? — Это в самом деле желательно, когда имеешь дело с призывниками, не умеющими ни ездить верхом, ни ухаживать за лошадьми. Однако и в этом отношении можно тоже многое сделать.

Если бы конские рационы отмеривались не так скупо — ведь перед маневрами лошадей приходится специально откармливать, чтобы они вошли в норму! — и если бы при каждом эскадроне имелось некоторое количество сверхкомплектных лошадей, чтобы солдаты могли чаще и дольше упражняться в верховой езде; короче говоря, если бы, наконец, всерьез постарались компенсировать сокращение срока военной службы более интенсивными занятиями тем, что важно, и устранением того, что является излишним, то очень скоро обнаружили бы, что и здесь дело может пойти на лад. Что касается выездки ремонтных лошадей, на которую теперь так часто ссылаются и безусловную необходимость которой я охотно признаю, то и в этом отношении можно изыскать свои средства и пути. К тому же ничто не мешает, пока считают необходимым, сохранить и распространить в кавалерии систему трех- или четырехгодичной службы для вольноопределяющихся, а также для сверхсрочников, с соответствующими компенсациями во время пребывания в запасе и ландвере, без чего это нельзя провести в жизнь.

Если прислушаться к военным авторитетам, то дело обстоит, разумеется, иначе. По их мнению, все это абсолютно неосуществимо, так как ничего нельзя изменить, не подрывая всей системы. Однако вот уже пятьдесят лет я наблюдаю, как многие военные институты, провозглашаемые сегодня неприкосновенными и священными, завтра бесцеремонно выбрасываются на свалку как старье, и притом теми же самыми авторитетами; я также часто видел, как то, что в одной армии превозносилось до небес, в другой объявлялось никуда не годным; мне пришлось на деле нередко наблюдать, как самые испытанные и наиболее высокоценимые правила и порядки оказывались перед лицом врага просто нелепостью; наконец, мне так часто приходилось убеждаться, что в каждой армии существует своя особая условная традиция, предназначаемая для нижних чинов, рядовых солдат и публики, поддерживаемая высшими чинами, но вызывающая лишь улыбку у самостоятельно мыслящих офицеров и совершенно исчезающая при первом же походе, — словом, здесь в моем распоряжении такой богатый исторический опыт, что я советовал бы каждому относиться с наибольшим недоверием именно к военному *«авторитетному мнению»*.

III

Какой удивительный контраст: наши высшие военные авторитеты как раз в своей области являются большей частью страшно консервативными, а между тем едва ли найдется сейчас другая столь же революционная область, как военная. Между гладкоствольными шестифунтовыми и семифунтовыми гаубицами, с которыми я в свое время имел дело на Купферграбене[400], и нынешними нарезными орудиями, заряжающимися с казенной части, между тогдашним крупнокалиберным гладкоствольным ружьем и нынешним пятимиллиметровым заряжающимся с казенной части магазинным ружьем как бы лежат целые столетия; и это далеко еще не предел, ежедневно техника беспощадно отбрасывает как уже негодное все, и даже то, что было только что введено в употребление. Она устраняет теперь даже романтический пороховой дым и тем самым придает сражению совершенно иной характер и иной ход, которые абсолютно невозможно заранее предвидеть. И с подобными не поддающимися учету величинами нам придется все более и более считаться в условиях этого непрерывного революционизирования технической основы ведения войны.

Еще сорок лет тому назад дальность действительного огня пехоты не превышала 300 шагов; на таком расстоянии отдельный боец мог бы без всякой опасности выдержать залп целого батальона, если даже предположить, что все стрелки действительно целились в него. Огонь полевой артиллерии практически был неэффективным уже на расстоянии 1500—1800 шагов. Во время франко-прусской войны дальность действительного огня ружья составляла 600—1000 шагов, орудия — максимум 3000—4000 шагов. А новые, пока еще не испытанные в бою малокалиберные ружья по своему радиусу действия приближаются к радиусу действия орудий, пробивная сила выпущенных из них пуль возросла в четыре-шесть раз; благо-

даря этому один взвод, вооруженный магазинными ружьями, равен по силе огня прежней роте; артиллерия, правда, не может похвалиться таким же увеличением дальности действительного огня, но зато ее разрывные снаряды начинены теперь совершенно новыми взрывчатыми веществами неслыханного ранее действия; правда, пока нельзя еще определенно сказать, кто должен выдерживать это действие — стреляющий или обстреливаемый.

И вот при таком непрерывном, все ускоряющемся перевороте во всем военном деле перед нами выступают военные авторитеты, которые еще пять лет тому назад вдалбливали своим войскам всевозможные традиционные церемониальные правила и искусственные приемы давно уже исчезнувшей с поля боя линейной тактики старого Фрица* и свято держались за устав, который учил, что можно потерпеть поражение только потому, что войска развернулись на правом фланге, а для развертывания на левом фланге не оказалось места! Те самые авторитеты, которые до сих пор еще не осмеливаются посягнуть на блестящие пуговицы и металлические обшивки обмундирования солдат — эти магниты для притяжения пуль, выпускаемых из пятимиллиметровых винтовок; авторитеты, которые посылают под ружейный огонь уланов с широкими красными нашивками на груди и кирасиров, правда, без кирас — наконец-то! — но в белых мундирах и которые с большим трудом решили, что все же лучше принести на алтарь отечества хотя и страшно безвкусные, но зато свято почитаемые эполеты, чем самих носителей этих эполет.

Мне представляется, что ни немецкий народ, ни даже немецкая армия не заинтересованы в том, чтобы в ней господствовали эти консервативные предрассудки, когда вокруг бушуют волны технической революции. Нам нужны более свежие, более смелые головы, и я впал бы в серьезное заблуждение, если бы стал утверждать, что их недостаточно среди наших наиболее способных офицеров, что не хватает таких людей, которые стремятся освободиться от рутины и духа шагистики, вновь расцветших пышным цветом за двадцать лет мирного времени. Но пока эти люди наберутся мужества и найдут удобный случай отстоять свои убеждения, мы, люди со стороны, должны вмешаться в это дело и сделать все возможное, чтобы доказать, что и мы кое-чему научились в военном деле.

Выше я пытался показать, что двухгодичный срок действительной военной службы уже сейчас можно установить для всех родов войск, если обучать солдат лишь тому, что им может

* — Фридриха II. *Ред.*

пригодиться на войне, и избавить их от бесполезной траты времени на всякое традиционное старье. Но я сразу же заранее сделал оговорку, что на двух годах не следует успокаиваться. Больше того, речь идет о том, чтобы предложение об установлении в международном масштабе двухгодичного срока военной службы явилось бы лишь первым шагом к дальнейшему постепенному сокращению срока службы — скажем, сперва до восемнадцати месяцев, — два лета и одна зима, — затем до одного года, а затем..? Тут уж начинается государство будущего, устанавливается подлинная милиционная система, но об этом мы подробнее поговорим тогда, когда делу действительно будет положено начало.

Главное в том и состоит, чтобы положить начало этому делу. Стоит только взглянуть фактам в глаза и удостовериться в том, что сокращение срока военной службы необходимо для экономического развития всех стран и для сохранения мира в Европе, как в качестве ближайшего вывода из этого вытекает убеждение о необходимости *перенесения центра тяжести военного обучения на воспитание молодежи.*

Когда после десятилетнего изгнания я снова прибыл на Рейн[401], я был приятно поражен, увидев повсюду во дворах сельских школ параллельные брусья и турники. Это было превосходно, но к сожалению, дальше этого дело не пошло. В истинно прусском духе гимнастические снаряды были приобретены согласно предписанию, но с использованием их дело никак не клеилось. Они употреблялись не так, как следовало бы, или скорее в большинстве случаев стояли вообще без употребления. Разве так много требуется, чтобы этим, наконец, занялись всерьез? Не лучше ли систематически и основательно обучать вольной гимнастике и упражнениям на гимнастических снарядах учащихся всех классов, пока их члены еще не утратили своей эластичности и гибкости, чем биться, как это делают теперь, над двадцатилетними парнями в поте их лица — и своего собственного, — тщетно пытаясь вернуть их костям, мускулам и связкам, огрубевшим от работы, прежнюю подвижность и гибкость? Любой врач скажет вам, что разделение труда калечит каждого подвергшегося его действию человека, развивая у него целый ряд одних мускулов за счет других, и что в каждой отдельной отрасли труда это проявляется различно, каждый вид труда калечит по-своему. Разве это не безрассудство — позволять сначала калечить людей, а затем позже на военной службе стараться сделать их снова стройными и подвижными? Или та истина, что солдаты будут втрое лучше, если это калечение будет своевременно предупреждено в на-

чальных и средних школах, относится к непостижимой для официального кругозора степени понимания?

Но это только начало. Учащиеся легко могут усвоить в школе правила военного построения и передвижения сомкнутым строем. Школьник от природы держится и ходит прямо, в особенности если он занимается гимнастикой; а как стоят в строю наши новобранцы и как трудно обучить их сохранять выправку, стоя на месте и при ходьбе, это каждый из нас наблюдал во время прохождения военной службы. Передвижениям в составе взвода и роты можно обучить в каждой школе, и притом с легкостью, о которой в армии не имеют представления. То, что для новобранца является ненавистным делом, зачастую почти непреодолимой трудностью, для школьника — игра и развлечение. Умение поддерживать интервал и равнение при движении развернутым строем, а также при поворотах, — то, чего так трудно добиться от взрослых новобранцев, — школьники усвоят играючи, если только эти упражнения с ними проводить систематически. Если добрую часть лета затрачивать на походы и тренировки на местности, то это принесет пользу как физическому и духовному развитию школьников, так и военному казначейству, которое благодаря этому получит экономию в несколько месяцев военной службы. Что такие военные прогулки можно отлично использовать для того, чтобы научить школьников решать задачи, связанные с полевой службой, и что эти прогулки в значительной степени содействуют умственному развитию школьников и дают им возможность в сравнительно короткий срок пройти специальную военную подготовку, — это практически доказал в своей цюрихской школе мой старый друг Бёйст, сам в прошлом прусский офицер. При сложном характере современного военного дела нечего и думать о переходе к милиционной системе без предварительной военной подготовки юношества, и как раз в этом отношении удачный опыт Бёйста имеет огромное значение.

А теперь я позволю себе затронуть специфически прусскую струну. Для прусского государства жизненно важным является вопрос, куда девать отслужившего унтер-офицера. До сих пор его использовали в качестве жандарма, пограничного стражника, швейцара, писаря, гражданского чиновника различного рода; в прусской бюрократической системе нет такой жалкой дыры, куда бы не совали унтер-офицеров, имеющих право на гражданское обеспечение. Итак, вы выбивались из сил, чтобы куда-нибудь пристроить унтер-офицеров; вы упорно ставили их на должности, для которых они не годятся, поручали им такое дело, в котором они ничего не смыслят; не пора ли,

наконец, использовать их в той области, в которой они кое-что понимают и могут принести кое-какую пользу? Пусть они станут школьными учителями, но пусть преподают при этом не чтение, письмо и арифметику, а гимнастику и строевую подготовку, — это будет полезно и для них и для учеников. И как только унтер-офицеры, покинув келейную обстановку казармы, окажутся на школьном дворе, на виду у всех, и станут подсудными не военному, а гражданскому уголовному суду, — тогда, бьюсь об заклад, наша мятежная школьная молодежь научит хорошему поведению и унтер-офицера, этого злейшего в прошлом мучителя солдат.

IV

Ниже мы еще вернемся к вопросу о том, можно ли рассчитывать на принятие подобного предложения о всеобщем, равномерном и постепенном сокращении срока военной службы посредством международного соглашения. Пока же мы исходим из предположения, что оно принято. Будет ли оно в таком случае проводиться в жизнь или останется на бумаге, будет ли оно честно выполняться всеми сторонами?

В общем и целом, несомненно, будет. Во-первых, тот или другой обход соглашения потребует немало усилий, и его никак нельзя будет скрыть. А во-вторых, население каждой страны уже само будет следить, за его соблюдением. Ни один человек не останется добровольно в казарме, если его попытаются задерживать там дольше узаконенного срока.

Что касается отдельных стран, то Австрия и Италия, а также второразрядные и третьеразрядные государства, в которых введена всеобщая воинская повинность, будут приветствовать такое соглашение как акт избавления и с удовлетворением будут соблюдать его каждую букву. О России речь пойдет в следующем разделе. Но как обстоит дело с Францией? А ведь Франция в этом отношении безусловно решающая страна.

Если Франция подпишет соглашение и ратифицирует его, то, несомненно, в общем и целом она должна будет его соблюдать. Но допустим, что стремление к реваншу, существующее у имущих классов и у несоциалистической еще части рабочего класса, временно возобладает и сможет привести к прямым или основанным на казуистических предлогах нарушениям условий соглашения. Такие нарушения никогда не могут быть значительными, иначе в Париже предпочли бы отказаться от соглашения. Германия же находится в таком счастливом положении, что может на такие мелкие уловки великодушно смотреть сквозь пальцы. Несмотря на все очень серьезные усилия

Франции добиться того, чтобы было невозможно повторение поражений 1870 г., Германия все еще имеет по сравнению с ней гораздо больше преимуществ, чем это кажется на первый взгляд. Во-первых, увеличивающийся из года в год перевес Германии в численности населения, составляющий уже теперь более двенадцати миллионов человек. Во-вторых, то обстоятельство, что в Пруссии нынешняя военная система существует уже более семидесяти лет, что население свыклось с ней, что она была проверена во всех деталях на целом ряде мобилизаций, что все возникающие при этом трудности и способы их преодоления были испытаны на практике и хорошо известны, — преимущества, которыми пользуются также и все остальные германские армии. Напротив, во Франции только еще предстоит испробовать первую всеобщую мобилизацию, и притом при соответствующей организации, которая отличается гораздо большей запутанностью. А в-третьих, во Франции введение такого недемократического института, как одногодичная служба вольноопределяющихся, натолкнулось на непреодолимые препятствия; солдаты с трехлетним сроком службы попросту выжили из армии привилегированных одногодичников. Это показывает, насколько ниже в Германии по сравнению с Францией уровень общественно-политического сознания и допускаемых им политических институтов. Но то, что с политической точки зрения является недостатком, в военном отношении оказывается в данном случае преимуществом. Совершенно бесспорно, что в сравнении с численностью населения ни одна страна не пропускает через свои средние и высшие учебные заведения такого большого количества молодых людей, как именно Германия, и каким бы недемократичным и предосудительным с политической точки зрения ни был институт вольноопределяющихся с одногодичным сроком службы, он, однако, дает в руки военному командованию превосходное средство дать большинству из этих молодых людей, уже получивших достаточную общеобразовательную подготовку, также и военное образование для выполнения офицерской службы. Кампания 1866 г. впервые наглядно показала это, и с тех пор, особенно же после 1871 г., этой стороне военной мощи Германии стало уделяться совершенно особое, чуть ли не исключительное внимание. И хотя среди немецких офицеров запаса имеется немало людей, которые за последнее время приложили все усилия к тому, чтобы сделать посмешищем свое сословие, все же несомненно, что эти офицеры в своей массе, если соответственно сопоставить их с их французскими коллегами, превосходят последних в военном отношении; и, что самое главное, среди запасных и личного состава

ландвера Германия имеет значительно больший процент лиц, подготовленных для офицерской службы, чем какая-либо другая страна.

Это своеобразное обилие офицеров позволит Германии в момент мобилизации выставить несравненно большее количество новых формирований, уже подготовленных в мирное время, чем сможет это сделать любая другая страна. Согласно утверждению Рихтера («Freisinnige Zeitung», 26 ноября 1892 г.[402]), которое, насколько мне известно, не опровергалось ни в рейхстаге, ни в военной комиссии, каждый германский пехотный полк сможет в случае войны выставить один подвижной резервный полк, два батальона ландвера и два батальона эрзац-резерва. Таким образом, каждые три батальона выставляют десять батальонов, иначе говоря 519 батальонов, составляющие 173 полка мирного времени, превращаются во время войны в 1730 батальонов, не считая при этом егерей и стрелков. И все это в такой короткий срок, какой недостижим, даже приблизительно, ни для какой другой страны.

Во Франции количество офицеров запаса, как подтвердил мне один из них, значительно меньше; однако их должно хватить для заполнения кадров новых формирований, которые предусматриваются согласно официальным заявлениям. Тот же человек признал, что половина этих офицеров мало пригодна. Однако эти новые формирования далеко не соответствуют тому, что, как указано выше, в состоянии выставить Германия. И при этом все офицеры, которых может выставить Франция, будут заняты, в то время как в Германии все еще останется излишек их.

Во всех прежних войнах недостаток в офицерах уже начинал ощущаться через несколько месяцев после начала кампании. Во всех других странах это и теперь еще будет иметь место. Одна лишь Германия располагает неисчерпаемым запасом офицеров. В таком случае разве нельзя смотреть сквозь пальцы на то, что французы будут иногда обучать своих солдат в течение двух-трех недель сверх установленного соглашением срока?

V

Обратимся теперь к России. И тут следует сказать прямо, что довольно безразлично не только то, будет ли Россия соблюдать соглашение о постепенном равномерном сокращении срока военной службы, но даже и то, будет ли она вообще участвовать в этом соглашении. С точки зрения интересующего нас вопроса мы по существу можем почти совсем не принимать во внимание Россию, и вот по каким причинам.

Российская империя насчитывает, правда, свыше ста миллионов населения, в два с лишним раза больше, чем Германская империя, однако она далека от того, чтобы хотя бы приблизительно сравниться с Германской империей в отношении военной наступательной силы. Пятьдесят миллионов населения Германии сконцентрированы на площади в 540000 квадратных километров, а те 90 или самое большее 100 миллионов населения России, которые могут нас интересовать с военной точки зрения, рассеяны — по скромному подсчету — на территории в $3^1/_2$ миллиона квадратных километров; это преимущество немцев, являющееся следствием гораздо большей плотности населения, еще больше возрастает благодаря несравненно лучшей у них железнодорожной сети. Несмотря на это, все же остается в силе тот факт, что сто миллионов могут с течением времени выставить больше солдат, чем пятьдесят миллионов. При существующем положении дел потребуется очень много времени, пока они прибудут к месту назначения; но в конце концов они все же должны прибыть. Как же быть тогда?

Для армии требуются не только призывники, но и офицеры. А с этим дело обстоит в России из рук вон плохо. Офицерство в России может вербоваться только из дворян и городского сословия; но дворянство сравнительно немногочисленно, а городов мало; из десяти жителей самое большее один живет в городе, да и из этих городов лишь немногие заслуживают на-

звания города; число средних учебных заведений и учащихся в них очень невелико; где же набрать офицеров для всего рядового состава?

Что хорошо для одного, не годится для другого. Система всеобщей воинской повинности предполагает определенный уровень экономического и духовного развития; там, где этого нет, данная система приносит больше вреда, чем пользы. И именно так, видимо, обстоит дело в России.

Во-первых, для того, чтобы из русского новобранца средних способностей сделать обученного солдата, требуется вообще довольно много времени. Русский солдат, несомненно, очень храбр. Пока тактическая задача решалась наступлением пехотных масс, действовавших сомкнутым строем, русский солдат был в своей стихии. Весь его жизненный опыт приучил его крепко держаться своих товарищей. В деревне — еще полукоммунистическая община, в городе — кооперированный труд артели, повсюду — krugovaja poruka, то есть взаимная ответственность товарищей друг за друга; словом, сам общественный уклад наглядно показывает, с одной стороны, что в сплоченности все спасенье, а с другой стороны, что обособленный, предоставленный своей собственной инициативе индивидуум обречен на полную беспомощность. Эта черта сохраняется у русского и в военном деле; объединенные в батальоны массы русских почти невозможно разорвать; чем серьезнее опасность, тем плотнее смыкаются они в единое компактное целое. Но эта инстинктивная тяга к сплочению, которая во времена наполеоновских походов была еще неоценимым достоинством и перевешивала многие другие, менее ценные качества русского солдата, — эта инстинктивная тяга стала теперь для него прямой опасностью. В настоящее время сомкнутые массы исчезли с поля боя; речь идет теперь о поддержании контакта между рассеянными стрелковыми цепями, когда войска самых различных воинских частей разбросаны вперемешку друг с другом и командование часто и довольно быстро переходит к офицерам, совершенно не знакомым большинству рядовых; теперь каждый солдат должен уметь самостоятельно сделать то, что требует момент, не теряя при этом связи со всем подразделением. Это такая связь, которая становится возможной не благодаря примитивному стадному инстинкту русского солдата, а лишь в результате умственного развития каждого человека в отдельности; предпосылки для этого мы встречаем только на ступени более высокого «индивидуалистического» развития, как это имеет место у капиталистических наций Запада. То качество, которое составляло до сих пор величайшую силу русской

армии, было превращено малокалиберным магазинным ружьем, заряжающимся с казенной части, и бездымным порохом в одну из ее величайших слабостей. Следовательно, при нынешних условиях для превращения русского новобранца в боеспособного солдата потребуется еще больше времени, чем прежде; с солдатами же Запада он уже больше не может сравниться.

А во-вторых: где взять офицеров для организации всей этой массы людей в новые формирования военного времени? Если даже Франции трудно находить достаточное количество офицеров, то как же с этим справиться России? России, где образованная часть населения, из которой только и можно получить пригодных офицеров, составляет такой несоразмерно низкий процент общего числа жителей и где к тому же для солдат, даже обученных, требуется больший процент офицеров, чем в любой другой армии?

Наконец, в-третьих: при той всеобщей системе казнокрадства и воровства, которая, как известно, распространена среди русского чиновничества, а зачастую и среди офицеров, как будет проходить в России мобилизация? Во всех прежних войнах России сразу же обнаруживалось, что даже часть армии мирного времени и часть ее снаряжения существовали лишь на бумаге. Что же получится, когда призовут под ружье уволенных в запас, а также ополчение* (ландвер), когда надо будет обеспечить их обмундированием, вооружением, боевыми припасами? А если при мобилизации не все идет гладко, не все доставляется в определенный срок и в определенное место, то наступает полная неразбериха. И разве может все идти гладко, если все проходит через руки ворующих и продажных русских чиновников? Мобилизация в России, — это будет зрелище для богов.

Другими словами: исходя даже из чисто военных соображений, мы можем позволить русским набирать столько солдат и держать их на действительной службе столько времени, сколько царю заблагорассудится. Но едва ли он сможет набрать сколько-нибудь большее количество войск сверх тех, которые уже находятся под ружьем, и вряд ли ему удастся сделать это своевременно. Эксперимент со всеобщей воинской повинностью может дорого обойтись России.

И, кроме того, в случае войны, русская армия на протяжении всей границы от Ковно до Каменца будет в своей собственной стране находиться на вражеской территории, среди поляков и евреев, ибо царское правительство превратило и евреев

* В оригинале русское слово, написанное готическими буквами. *Ред.*

в своих смертельных врагов. Стоит России проиграть одно-два сражения, — и театр военных действий передвинется с Вислы на Двину и на Днепр; в тылу германской армии, под ее защитой, сформируется войско ее польских союзников; и Пруссия будет наказана по заслугам, когда ей ради собственной безопасности придется восстановить сильную Польшу.

Рассматривая до сих пор только чисто военную сторону дела, мы убедились, что в данном вопросе Россию можно не принимать во внимание. Но это станет еще яснее, как только мы бросим взгляд на экономическое положение России вообще и особенно на ее финансовое положение.

VI

Внутреннее положение России является в настоящий момент почти отчаянным. Освобождение крестьян в 1861 г. и связанное с ним — отчасти как причина, а отчасти как следствие — развитие крупной капиталистической промышленности ввергли эту самую неподвижную из всех стран, *этот европейский Китай,* в экономическую и социальную революцию, которая теперь неудержимо идет своим ходом; и этот процесс является пока преимущественно разрушительным.

Дворянство получило при освобождении крестьян возмещение в виде государственных ценных бумаг, которые оно в кратчайший срок растранжирило. Когда с этим было покончено, новые железные дороги открыли ему рынок для сбыта леса со своих лесных угодий; дворяне занялись рубкой и продажей леса и, пока хватало вырученных денег, снова зажили в полное удовольствие. При создавшихся новых условиях обрабатываемое трудом вольнонаемных рабочих хозяйство в помещичьих имениях большей частью велось по-прежнему очень плохо; не удивительно, что русское поместное дворянство оказалось кругом в долгах, если не в состоянии прямого банкротства, и что доходность его имений скорее падает, чем возрастает.

Крестьянин получил меньше земли, чем он имел прежде, и в большинстве случаев она была худшего качества, право пользования общинным выгоном и лесом было у него отнято, что лишило его базы для содержания скота; налоги были значительно повышены, и крестьянин теперь должен был повсюду выплачивать их деньгами; кроме того, он должен был делать взносы — также деньгами — в уплату процентов и в погашение авансированной государством выкупной суммы (wykup); короче говоря, к ухудшению общего экономического положения крестьянина внезапно присоединился вынужденный переход от натурального хозяйства к денежному, что уже само по себе

достаточно для того, чтобы разорить крестьянство целой страны. В результате чрезмерно усилили эксплуатацию крестьянина сельские богатеи, зажиточные крестьяне и шинкари, mirojedy (буквально люди, объедающие общину) и kulaki (ростовщики). И, как будто всего этого было мало, появилась еще новая крупная промышленность, вконец разорившая натуральное хозяйство крестьян. Своей конкуренцией она не только подорвала кустарное производство крестьянина, рассчитанное на удовлетворение его собственных потребностей, но либо лишила крестьянина рынка сбыта для продукта его ремесла, либо в лучшем случае поставила это ремесло в зависимость от капиталиста-«скупщика» или, что еще хуже, от его посредника. Русский крестьянин с его примитивным земледелием и древне-коммунистическим общинным строем оказался вдруг в коллизии с самой развитой формой современной крупной промышленности, которой приходилось силой создавать себе внутренний рынок; при таком положении он был неизбежно обречен на гибель. Но ведь в России крестьянин — это почти девять десятых всего населения, и разорение крестьянина равносильно — по крайней мере на время — разорению России*.

Спустя двадцать лет, в течение которых продолжался этот социальный переворот, выявились также и другие его результаты. Беспощадная вырубка лесов уничтожила хранилища почвенной влаги; дождевая и снеговая вода, не успев впитаться в почву, быстро стекала ручьями и потоками, вызывая сильные наводнения; летом же реки становились мелководными и почва пересыхала. Во многих самых плодородных районах России уровень влаги в почве снизился, как сообщают, на целый метр, так что хлебные злаки своими корнями уже не достигают ее и сохнут. Таким образом, не только люди разорились, но и сама земля во многих местах истощилась по крайней мере на время жизни целого поколения.

Голод 1891 г. придал этому процессу разорения, носившему прежде хронический характер, острую форму, и тем самым обнажил его перед всем миром. И поэтому Россия с 1891 г. не выходит из голода. Этот суровый год в значительной мере погубил последнее и самое важное средство производства крестьян — их скот — и довел задолженность крестьян до такой степени, что это неизбежно должно было подорвать их последние жизненные силы.

В таком положении любая страна разве только с отчаяния могла бы начать войну. Но и для этого не хватает средств.

* Обо всем этом я уже писал год тому назад в «Neue Zeit» № 19, 1891—1892 гг. в статье «Социализм в Германии» [см. настоящий том, стр. 260—264. *Ред.*].

В России дворянство живет долгами, а теперь живет ими а крестьянин, но прежде всего существует за счет долгов само государство. Сколько денег задолжало российское государство за границей, знают все: свыше четырех миллиардов марок. Какова его задолженность внутри страны, не знает никто; во-первых, потому, что неизвестна ни сумма выпущенных займов, ни сумма находящихся в обращении бумажных денег; и во-вторых, потому, что стоимость этих бумажных денег меняется каждый день. Но одно несомненно: кредит России за границей исчерпан. Четыре миллиарда марок русских государственных облигаций переполнили через край западноевропейский денежный рынок. Англия уже давно, а Германия недавно избавилась от большей части своих «русских» бумаг. Приобретшие эти бумаги Голландия и Франция тоже оказались не в состоянии их переварить, как это обнаружилось при заключении последнего русского займа в Париже; из общей суммы займа в 500 миллионов франков его удалось разместить только на 300 миллионов, а облигации на сумму в 200 миллионов русский министр финансов должен был взять обратно у подписавшихся и превысивших сумму подписки банкиров[403]. Это доказывает, что даже во Франции какой-либо новый русский заем в ближайшее время не имеет никаких шансов на успех.

Таково положение этой страны, которая якобы непосредственно угрожает нам войной, но которая на самом деле не в состоянии развязать войну даже с отчаяния, если только мы сами не будем так глупы, чтобы бросить ей в пасть нужные для этого деньги.

Трудно понять невежество французского правительства и довлеющего над ним *буржуазного* общественного мнения Франции. Не Франция нуждается в России, — наоборот, скорее Россия нуждается во Франции. Без Франции царь со своей политикой оказался бы изолированным в Европе, и бессильный что-либо предпринять, он должен был бы мириться со всем, что происходит на Западе и на Балканах. Прояви Франция больше понимания, она могла бы добиться от России всего, что ей угодно. Но вместо этого официальная Франция пресмыкается перед царем.

Экспорт русской пшеницы уже подорван конкуренцией дешевой американской пшеницы. Главным предметом вывоза остается только рожь, а она вывозится почти исключительно в Германию. *Как только Германия начнет потреблять белый хлеб вместо черного, нынешняя официальная царско-крупнобуржуазная Россия тотчас же обанкротится.*

VII

Мы достаточно критиковали наших соседей, наших миролюбивых врагов. Но как обстоит дело у нас самих?

И тут мы должны прямо сказать, что постепенное сокращение срока военной службы может быть полезно для армии только в том случае, если раз навсегда будет положен конец *зверскому обращению с* солдатами, укоренившемуся за последние годы и вошедшему в обычай в армии в гораздо большей степени, чем это хотят признать.

Это зверское обращение с солдатами — неизменный спутник шагистики и плац-парадной муштры; то и другое получает широкое распространение в прусской армии, как только она становится на некоторый период армией мирного времени, а от пруссаков это переходит затем к саксонцам, баварцам и т. д. Такое обращение с солдатами — наследие доброго «старопрусского» времени, когда солдат был либо завербованным бродягой, либо сыном крепостного крестьянина и поэтому должен был безропотно сносить от своих офицеров-юнкеров всяческие издевательства и унижения. И именно разорившееся, обнищавшее и паразитирующее дворянство, которого не мало к востоку от Эльбы, и сейчас еще является поставщиком злейших мучителей солдат; в этом отношении с ним могут сравниться только надменные буржуазные сынки, которые любят корчить из себя юнкеров.

Это мелочно-придирчивое отношение к солдату никогда не выводилось из прусской армии. Однако прежде оно наблюдалось реже и носило более умеренный, а иногда юмористический характер. Но с тех пор как, с одной стороны, стало необходимым обучать солдат все более широкому кругу предметов, а в то же время, с другой стороны, и не подумали отбросить весь ненужный хлам. отживших и потерявших всякий смысл тактических упражнений, — с тех пор унтер-офицер

стал исподволь приобретать все более неограниченное право на применение любого метода обучения, какой только ему покажется подходящим; вместе с тем прибегать к насильственным средствам воздействия унтер-офицера косвенным образом вынуждало предписание в короткий срок основательно вдолбить своей команде те или другие военные правила. А поскольку к тому же право солдат на подачу жалоб является чистейшим издевательством над этим правом, то нет ничего удивительного в том, что излюбленный старопрусский метод вновь расцвел пышным цветом там, где солдаты покорно мирились с этим. Ибо я уверен, что в полках, сформированных в западной части страны, или в полках со значительной примесью жителей больших городов над солдатом издеваются гораздо меньше, чем в полках, сформированных преимущественно из ост-эльбских крестьян.

Против этого в прежнее время существовало — по крайней мере на практике — одно противоядие. При употреблении гладкоствольного ружья, заряжающегося с дульной части, было очень легко во время маневров вложить в ствол кусок кремня, дав ему опуститься на холостой патрон, и нередко случалось, что ненавистные начальники оказывались на маневрах застреленными по недосмотру. Бывали иногда и ошибки; я знал одного юношу из Кёльна, который в 1849 г. погиб таким образом от выстрела, предназначавшегося для его командира. Теперь же, при малокалиберном ружье, заряжающемся с казенной части, этого уже не проделаешь так легко и незаметно; зато статистика самоубийств в армии является довольно точным показателем зверского обращения с солдатами. Но когда наступит «серьезный момент» и в ход будут пущены боевые патроны, тогда уж конечно встанет вопрос, не найдутся ли вновь сторонники старой практики, что, как говорят, кое-где имело место во время последних войн; ведь это весьма способствовало бы победе[404].

Английские офицеры в своих донесениях единодушно с похвалой отмечают исключительно хорошие отношения между начальниками и солдатами, наблюдавшиеся во французской армии во время маневров в Шампани в 1891 году. В этой армии были бы совершенно невозможными явления, подобные тем, которые у нас так часто проникают из казарм на страницы печати. Еще до великой французской революции потерпела полную неудачу попытка ввести во французских войсках наказание палочными ударами по прусскому образцу. В самые худшие времена алжирских походов и Второй империи ни один начальник не посмел бы позволить себе по отношению к фран-

цузскому солдату и десятой доли того, что на глазах у всех проделывали с немецким солдатом. А теперь, когда введена всеобщая воинская повинность, хотел бы я посмотреть на того французского унтер-офицера, который осмелился бы приказать солдатам давать друг другу пощечину или плевать друг другу в лицо. Какое же презрение должны испытывать французские солдаты к своим будущим противникам, когда они слышат и читают обо всем, что те безропотно позволяют с собой делать. А о том, чтобы в каждой французской казарме солдаты читали и слышали — об этом уже есть кому позаботиться.

Во французской армии царят такой же дух и такие же отношения между офицером, унтер-офицером и солдатом, какие царили в прусской армии в 1813—1815 гг. и дважды приводили наших солдат в Париж. У нас же, напротив, все больше приближаются к порядкам 1806 г., когда солдата почти не считали даже за человека, когда его избивали палками и тиранили и когда между ним и офицером лежала непроходимая пропасть, — и эти порядки привели прусскую армию к Йене[405], а затем и во французский плен.

Как много твердят о решающем значении во время войны моральных факторов! А чем иным занимаются в мирное время, как ни тем, что почти систематически уничтожают эти факторы!

VIII

До сих пор мы исходили из предпосылки, что предложение о постепенном равномерном сокращении срока военной службы, с переходом в конце концов к милиционной системе, принято всеми. Но вопрос состоит прежде всего в том, будет ли это предложение принято.

Предположим, что Германия обратилась с таким предложением прежде всего к Австрии, Италии и Франции. Австрия охотно примет ограничение максимального срока службы двумя годами, а на практике, вероятно, еще больше сократит его у себя. В австрийской армии высказываются, как будто, гораздо откровеннее, чем в германской, о благоприятных результатах краткосрочной службы, которая практикуется для части войск. Многие австрийские офицеры прямо утверждают, что войска ландвера, проходящие службу лишь в течение двух-трех месяцев, по своим боевым качествам стоят выше, чем линейные; они во всяком случае правы в том отношении, что ландверный батальон, как уверяют, можно привести в боевую готовность в течение 24 часов, между тем как батальону линейных войск требуется для этого несколько дней. Это и понятно: в линейных войсках боятся посягнуть на отличающиеся педантизмом староавстрийские рутинные порядки, а в ландвере, где вся организация создается заново, имели мужество этой рутины не вводить. Во всяком случае в Австрии как народ, так и правительство страстно желают облегчения военного бремени, осуществить которое, как показывает им их собственный опыт, можно вернее всего путем сокращения срока военной службы.

Италия тоже обеими руками ухватится за это предложение. Она изнемогает под тяжестью военного бюджета, и при этом до такой степени, что ей необходимо найти какой-то выход, и как можно скорее. Сокращение максимального срока службы и здесь является наиболее коротким и простым путем. Таким

образом, можно сказать, что Тройственный союз[406] либо распадется, либо ему придется прибегнуть к средству, которое в большей или меньшей степени сведется к нашему предложению.

Но если Германия, опираясь на согласие Австрии и Италии, обратится с этим предложением к французскому правительству, то последнее окажется в большом затруднении. Приняв это предложение, оно нисколько не ухудшит своего военного положения по сравнению с другими странами. Наоборот, оно получит возможность относительно улучшить это положение. То обстоятельство, что всеобщая воинская повинность была введена во Франции лишь 20 лет тому назад, во многих отношениях является минусом для Франции. Но в этом минусе содержится то преимущество, что все является еще новым, что лишь недавно покончено со старомодными порядками, сохранявшимися со времен царя Гороха, что можно легко вводить дальнейшие улучшения, не натыкаясь на упрямое сопротивление укоренившихся предрассудков. Все армии проявляют необыкновенные способности к обучению после *крупных поражений.* Поэтому во Франции легче, чем где бы то ни было, можно было бы наилучшим образом использовать установленный соглашением срок военной службы; а поскольку и школа во Франции находится в таком же состоянии революционного преобразования, как и армия, то там можно будет гораздо быстрее и легче, чем где-либо, наладить и дело общей физической и специальной военной подготовки молодежи. Но это означало бы усиление военной мощи Франции по сравнению с Германией. Тем не менее, возможно и даже весьма вероятно, что шовинистическое течение, — а французский шовинизм в такой же мере туп, как и немецкий, — окажется достаточно сильным, чтобы свергнуть любое правительство, которое примет подобное предложение, в особенности если оно исходит от Германии. Итак, предположим, что Франция отклонит это предложение. Что тогда?

Тогда Германия получит огромный выигрыш уже в силу одного того, что она выступила с этим предложением. Мы не должны забывать, что двадцать семь лет хозяйничанья Бисмарка навлекли на Германию — и не без основания — ненависть всего мира. Аннексия датского Северного Шлезвига, несоблюдение и в конечном счете ликвидация жульническим образом статьи Пражского мирного договора, касающейся датчан[407], аннексия Эльзас-Лотарингии, мелочные преследования прусских поляков — все это не имеет решительно ничего общего с восстановлением «национального единства». Бисмарк сумел создать Германии репутацию страны, жаждущей завоеваний; немецкий буржуа-шовинист, который выставил вон

австрийских немцев, и тем не менее все еще превыше всего ставит желание по-братски объединить всю Германию «от Эча до Мемеля»[*], охотно присоединив при этом к Германской империи Голландию, Фландрию, Швейцарию и так называемые «немецкие» прибалтийские провинции России, — этот немецкий шовинист добросовестно помогал Бисмарку, и с таким блестящим успехом, что теперь уже никто в Европе не доверяет «честным немцам». Куда бы вы ни обратились, повсюду вы встретите симпатии к Франции и недоверие к Германии, которую считают виновницей нынешней военной опасности. Всему этому был бы положен конец, если бы Германия решилась выдвинуть наше предложение. Она бы выступила поборницей мира, и притом так, что это не вызывало бы никаких сомнений. Она показала бы свою готовность быть застрельщиком в деле разоружения, как это по праву положено стране, которая подала сигнал к вооружению. Недоверие должно было бы обратиться в доверие, антипатия — в симпатию. Реальностью стала бы не только общая фраза о том, будто Тройственный союз — это мирный союз, но стал бы реальностью и сам Тройственный союз, который теперь является лишь видимостью. Все общественное мнение Европы и Америки выступило бы на стороне Германии. И это было бы моральной победой, с избытком перевесившей все недостатки в военном отношении, какие можно было бы еще обнаружить в нашем предложении, если начать мудрствовать по поводу его различных сторон.

Напротив, Франция, отклонив предложение о разоружении, попала бы в такое же неблагоприятное положение страны, вызывающей подозрение, в каком сейчас находится Германия. Теперь мы все видим, сказал бы европейский филистер, — а он является крупнейшей из великих держав, — теперь мы все видим, кто хочет мира, а кто — войны. И если бы случилось так, что после этого во Франции пришло к власти действительно воинственно настроенное правительство, оно столкнулось бы с такой обстановкой, при которой оно сочло бы, при известном понимании вещей, войну абсолютно невозможной. Кем бы Франция ни прикидывалась, она казалась бы в глазах всей Европы той стороной, которая вызвала войну, принудила к войне. Тем самым она не только настроила бы против себя малые государства, Англию, но не могла бы даже сохранить уверенность в помощи со стороны России, в той традиционной помощи со стороны России, которая состоит в том, что та сначала втравливает своих союзников в войну, а потом бросает их на произвол судьбы.

---

[*] Перефразированные слова из «Песни немцев» Гофмана фон Фаллерслебена. *Ред.*

Не забудем, что *исход ближайшей войны будет решать Англия.* Тройственный союз, в случае войны с Россией и Францией, равно как и Франция, отделенная от России территорией противника, смогут получать необходимое для них большое количество привозного хлеба только морским путем. А на море Англия господствует безусловно. Если Англия предоставит свой флот в распоряжение одной из воюющих сторон, то другая будет просто взята измором, так как подвоз хлеба окажется отрезанным; это будет повторение парижской голодовки[408] в колоссально увеличенном масштабе, и голодающей стороне придется капитулировать, что несомненно, как дважды два — четыре.

Пойдем дальше; в настоящий момент в Англии берет верх либеральное течение, а английские либералы решительно симпатизируют Франции. К тому же старый Гладстон является другом России. Если разразится европейская война, Англия будет как можно дольше сохранять нейтралитет; но даже ее «благожелательный» нейтралитет может в силу вышеупомянутых обстоятельств означать решающую помощь одной из воюющих сторон. Если Германия выдвинет наше предложение и оно будет отклонено Францией, то Германия не только преодолеет все враждебные ей английские настроения и обеспечит для себя благожелательный нейтралитет Англии, но вдобавок она лишит английское правительство почти всякой возможности примкнуть в случае войны к противникам Германии.

Итак, мы пришли к следующему заключению:

Либо Франция примет предложение. И тогда опасность войны, порождаемая постоянным ростом вооружений, будет фактически устранена, народы обретут покой, а на долю Германии выпадет слава страны, положившей этому почин.

Либо же Франция его не примет. Тогда она настолько ухудшит свое собственное положение в Европе и настолько улучшит положение Германии, что последней больше уже совершенно не придется опасаться войны, и больше того, она сможет, не боясь никакой опасности, вместе со своими союзниками, которые только тогда и станут ее настоящими союзниками, на свой собственный страх и риск приступить к постепенному сокращению срока военной службы и к подготовке введения милиционной системы.

Хватит ли мужества, чтобы сделать этот спасительный шаг? Или же будут дожидаться до тех пор, пока Франция, уяснив, наконец, истинное положение России, сделает первый шаг и сама пожнет всю славу?

ГЕРМАНСКИМ РАБОЧИМ К ПЕРВОМУ МАЯ 1893 ГОДА

О чем более интересном могу я сегодня рассказать германским рабочим, как не о предстоящем здесь, в Англии, праздновании Первого мая, которое именно в этом году будет иметь особое значение?* Если Германия теперь уже не та «благонравная детская», о которой говорил Генрих Гейне**, то нынешняя Англия тоже уже не та образцовая страна мягкотелых немецких кате дер-социалистов, не та страна, где бравые тред-юнионы и сторонники движения в рамках закона прилагают усилия к тому, чтобы «социалистические фантазии» не имели почвы. Все это теперь раз навсегда миновало. Потребовалось много времени, прежде чем рабочий класс Англии после славных битв времен чартизма, закончившихся поражением, снова пришел в движение. И он теперь несомненно пришел в движение. Что касается здешних социалистических организаций, то они еще недавно были не более как простыми сектами, рядом с которыми старые тред-юнионы действительно могли казаться

* В рукописи этому предложению предпослан следующий абзац, отсутствующий в печатном тексте (опущен либо при переписывании рукописи, либо — ввиду изменившейся обстановки — при публикации): «В момент, когда мне предстоит направить эти строки в немецкую первомайскую газету, в Берлине ожидается кризис в связи с обсуждением проекта военного закона. Что может произойти? Если проект будет отвергнут, то последует роспуск рейхстага, и тогда избирательная кампания будет довлеть над майским праздником, затмит его, и для этого будут все основания. Теперь, правда, можно держать пари с шансами пять против одного, что столь желаемый компромисс будет все-таки достигнут, и рейхстаг продлит свое существование еще на два года. Но в то же время одной небольшой случайности может оказаться достаточно, чтобы этому помешать. Что в таком случае я могу сказать немецким рабочим к их Первому мая, если неизвестно при каких обстоятельствах им придется его отмечать?». *Ред.*

** Из стихотворения Гейне «К успокоению». *Ред.*

внушительной силой. Отсюда уверения немецких университетских пай-мальчиков, что английские рабочие стремятся не уничтожить систему наемного труда, а лишь «облагородить» ее. А как обстоит дело теперь? Рабочие массы все больше проникаются сознанием, что их спасение заключается не столько в том, чтобы в борьбе с отдельными предпринимателями добиться более высокой заработной платы и более короткого рабочего дня, а прежде всего в том, чтобы организованный в самостоятельную партию рабочий класс завоевал политические права, завоевал парламент*. Впервые это обнаружилось на всеобщих выборах 1892 года. Рабочие, борясь против *обеих* старых партий, провели трех своих кандидатов**, а кроме того в двадцати с лишним избирательных округах дали этим партиям основательно почувствовать свою еще неиспользованную силу[409]. Это необычайно укрепило у рабочих веру в себя.

В Англии даже при нынешнем ограниченном избирательном праве рабочие составляют абсолютное большинство избирателей по меньшей мере в 150 избирательных округах. Если пройдет внесенный правительством проект избирательной реформы[410], за ними будет большинство в 200 округах. А кроме того, в большинстве избирательных округов голоса рабочих уже теперь решают исход выборов. Совершенно очевидно, что означает при таких условиях пробуждение у рабочих классового сознания. Рабочим стоит только захотеть, — и Англией нельзя будет управлять вопреки их воле.

Это пробуждение классового сознания проявляется также и в подготовке к майскому празднику в нынешнем году. Впервые предварительные переговоры проходят гладко, без ссор и мелочного соперничества, при единодушии и энтузиазме участников. И что еще важнее: руководство принадлежит социалистам, и впервые этот праздник будет носить бесспорно социал-демократический характер.

Фридрих Энгельс

13 марта 1893 г.

Напечатано в опубликованном издательством газеты «Vorwarts» специальном выпуске «Mai-Feier», 1 мая 1893 г.

Печатается по тексту первомайского выпуска, сверенному с черновой рукописью

Перевод с немецкого

* В рукописи вместо слов «завоевал политические права, завоевал парламент» написано: «завоевал парламент, завоевал политическую власть». *Ред.*

** — Дж. К. Гарди, Дж. Бёрнса и Дж. Х. Уилсона. *Ред.*

ПРИВЕТСТВИЕ АВСТРИЙСКИМ РАБОЧИМ К ПЕРВОМУ МАЯ 1893 ГОДА [411]

Лондон. Меня попросили написать несколько слов австрийским товарищам для их первомайской газеты. Что я могу вам сказать? Как нужно праздновать Первое мая, вы знаете лучше меня. Вы доказали это с самого начала. С 1890 г. австрийские рабочие из года в год показывали своим братьям во всех других странах, что значит настоящий первомайский праздник в подлинно пролетарском смысле. Нигде не могли сравниться с вами или хотя бы только повторить ваш пример.

И действительно, в Австрии первомайский праздник имеет гораздо большее значение, чем где бы то ни было. В Германии можно было в 1890 г. сослаться на только что закончившиеся выборы в рейхстаг, явившиеся таким грандиозным смотром боевых сил немецкого рабочего класса, что перед этим бледнело всякое майское празднество. Во Франции с 1 мая 1892 г. совпали муниципальные выборы, проводившиеся на основе всеобщего избирательного права и также принесшие рабочим огромные победы[412]; в день Первого мая пришлось тогда поработать во имя дела пролетариата, а не праздновать. Но у вас в Австрии рабочие еще не имеют избирательного права, а как обстоит у вас дело со свободой печати и с правом союзов и собраний, видно из разъяснения, сделанного в ответ на запрос в рейхсрате, г-ном правительственным советником бароном фон Чапка[413]. И поэтому австрийские рабочие правы и еще раз правы, когда они при всех обстоятельствах настаивают на неуклонном проведении майского праздника. Для рабочих других стран этот праздник является преимущественно интернациональным делом; поэтому может случиться, что по причине специфических вну-

тренних условий он должен будет отступить на второй план. Для австрийцев он является не только интернациональным, но также, а возможно и преимущественно, внутренним делом; поэтому у них он безусловно и всегда стоит на первом плане. Пусть же и в этом году он пройдет так же блестяще, как проходил до сих пор.

Написано в марте — начале апреля 1893 г.

Напечатано в опубликованном издательством «Arbeiter-Zeitung» специальном выпуске «Zum 1. Mai 1893»

Печатается по тексту первомайского выпуска

Перевод с немецкого

ЧЕШСКИМ ТОВАРИЩАМ К ПЕРВОМУ МАЯ[414]

ВОСПОМИНАНИЕ ИЗ ВРЕМЕН 1848 ГОДА

В то время Карл Маркс встретился в Вене[415] с пражским книготорговцем Боррошем, вождем немецко-богемской фракции в австрийском Национальном собрании. Боррош горько жаловался на национальные распри в Богемии и на якобы существовавшую фанатическую вражду чехов к богемским немцам. Маркс спросил его, как же в этом отношении обстоит дело с рабочими Богемии. «Ну, — ответил Боррош, — это совсем другое дело; как только рабочие вступают в движение, этому приходит конец, и тут уж нет речи о чехах или немцах, тут уж все заодно».

То, что рабочие Богемии обеих национальностей в то время лишь *чувствовали,* они теперь *знают;* они знают, что все эти национальные распри возможны только при господстве крупных феодалов и капиталистов; что они служат только для того, чтобы увековечить это господство; что у чешских и немецких рабочих одни и те же общие интересы и что, как только рабочий класс добьется политического господства, будет устранен всякий повод к национальной розни. Ибо рабочий класс по самой своей природе интернационален, и *он снова докажет это в наступающий день Первого мая.*

Фридрих Энгельс

Лондон, 8 апреля 1893 г.

Напечатано в специальном издании: «Prvni Maj 1893». Praha

Печатается по черновой рукописи, сверенной с чешским изданием

Перевод с немецкого

ВОПРЕКИ ВСЕМУ

ПРИВЕТСТВИЕ ФРАНЦУЗСКИМ РАБОЧИМ К ПЕРВОМУ МАЯ 1893 ГОДА

Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что в этом году Первое мая не сыграет в жизни международного пролетариата той преобладающей роли, как в предыдущие три года.

Из крупных европейских стран лишь в Австрии, по-видимому, хотят придать первомайской демонстрации первостепенное значение. У австрийских рабочих действительно нет другого средства борьбы.

Во Франции несомненно, в Германии весьма вероятно, в Англии возможно, — значение Первого мая в этом году отходит на задний план по сравнению с общими выборами, на которых пролетариат должен будет завоевать новые позиции и безусловно их завоюет*.

Если, таким образом, первомайский праздник в связи с приближением всеобщих выборов кое в чем несколько проиграет, то это не должно нас беспокоить. Это вовсе не будет означать, что мы стали слабее. Наоборот.

Демонстрации — превосходная вещь, но лишь тогда, когда у нас нет еще лучших средств борьбы.

Пусть же буржуазия не торжествует раньше времени.

Мы еще встретимся с ней у избирательных урн, а затем и в Бурбонском дворце![417]

Фридрих Энгельс

Лондон, 14 апреля

Напечатано в газете «Le Socialiste» № 134, 23 апреля 1893 г.

Печатается по тексту газеты, сверенному с черновой рукописью

Перевод с французского

* В рукописи далее зачеркнут следующий абзац: «В Бельгии, непосредственно накануне Первого мая, бездарное правительство и близорукая буржуазия играют с огнем, словно они стремятся вызвать пожар, который воспламенил бы всю Европу»[416]. *Ред.*

ИСПАНСКИМ РАБОЧИМ К ПЕРВОМУ МАЯ 1893 ГОДА[418]

Пролетарская революция, по-видимому, опрокидывает все, даже хронологию. Так, по крайней мере, в Испании 1 мая следует после 2 мая[419], вопреки всякому календарю. В свое время испанские рабочие праздновали 2 мая, а теперь они отмечают 1-е число того же месяца.

От 2 мая к 1 мая, — какого большого прогресса мы достигли! В самом деле, что имело место 2 мая 1808 года? С одной стороны — иноземное вторжение, с другой — народ Мадрида*. Внешне это выглядело довольно просто. На самом деле положение было чрезвычайно запутанным. Для того чтобы бороться против иноземного вторжения и тирании Наполеона, испанский народ должен был в то же время вести борьбу против французской революции**, для того чтобы вновь завоевать свою независимость, тот же самый испанский народ вынужден был восстановить деспотизм фанатичного идиота Фердинанда VII, которого поддерживали дворянство и духовенство.

То же самое происходило и в Италии, и в Германии, даже в самой Франции. Италия и Германия могли избавиться от ига Наполеона, только выдав себя монархической, феодальной и клерикальной реакции.

* В рукописи далее зачеркнуто: «Позади иноземной армии — Наполеон, так называемый представитель буржуазной революции, в действительности же деспот внутри своей страны, завоеватель по отношению к соседним народам. Позади мадридского народа — королевская династия слабоумных Бурбонов, феодальное дворянство, духовенство. Удивительное смешение!». *Ред.*

** В рукописи далее зачеркнуто: «порождением которой был Наполеон». *Ред.*

Вот каким образом войны между народами усложняют и запутывают положение, на первый взгляд самое простое и самое ясное.

Однако насколько велик прогресс: от 2 мая к 1 мая! 1 мая знаменует собой ясную и четкую ситуацию — два резко различающихся и противостоящих друг другу лагеря: на одной стороне — международный пролетариат, идущий к победе под красным знаменем всеобщего освобождения, а на другой — имущие и реакционные классы всех стран, объединившиеся для защиты своих эксплуататорских привилегий. Борьба начата, красное знамя развернуто, победа обеспечена. Вперед!

Написано в апреле 1893 г.

Рукописный вариант впервые опубликован на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XVI, ч. II. 1936 г.

Печатается по черновой рукописи

Перевод с французского

В РЕДАКЦИЮ БОЛГАРСКОГО ЖУРНАЛА «СОЦИАЛЪ-ДЕМОКРАТЪ» [420]

Лондон, 9 июня 1893 г.
122, Риджентс-парк-род, Норд-Уэст

Дорогие товарищи!

Сердечно благодарю вас за присылку № 2 вашего журнала «Социалъ-демократъ»; надписью над этими строками я хочу показать вам, что я начинаю, по крайней мере, понимать ваш язык*. Требования, предъявляемые интернационализмом, растут с каждым годом. До 1848 г. можно было удовлетворяться тем, что в известной мере знаешь основные языки Западной и Центральной Европы, теперь же дело дошло до того, что мне на старости лет приходится еще изучать даже румынский и болгарский языки, чтобы следить за продвижением социализма на Восток и Юго-Восток. И тем не менее, мы на Западе от души радуемся этим нашим юго-восточным форпостам на границе Азии, которые несут к берегам Черного и Эгейского морей развернутое Марксом знамя современного пролетариата— о, если бы Маркс сам дожил до этого! — и которые на приманки и угрозы русского царизма отвечают тем, что царским прокламациям противопоставляют социалистические произведения передовых борцов русского пролетариата. Я очень рад был видеть перевод работ Плеханова на болгарский язык[421].

Да здравствует международный социализм!**

Ваш ***Ф. Энгельс***

Напечатано в журнале «Социалъ-демократъ» № 3, 1893 г.

Печатается по рукописи, сверенной с текстом журнала

Перевод с немецкого

* В письме Энгельса обращение в редакцию написано по-болгарски: «До редакцията на сборникъ «Социалъ-демократъ»». *Ред.*

** Слова призыва написаны Энгельсом по-болгарски: «Да живъе интернационалния социализмъ!». *Ред.*

РЕЧЬ ПРИ ЗАКРЫТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РАБОЧЕГО КОНГРЕССА В ЦЮРИХЕ 12 АВГУСТА 1893 ГОДА [422]

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ

Граждане и гражданки!

Разрешите мне перевести сказанное мной (оратор только что произнес свою речь на английском и французском языках) на мой родной немецкий язык. Неожиданно блестящий прием, который вы мне оказали и которым я был глубоко тронут, я отношу не к себе лично, а принимаю его лишь как сотрудник-великого человека, портрет которого висит вон там вверху. (Речь идет о Марксе.) Прошло как раз 50 лет с тех пор, как Маркс и я вступили в движение, опубликовав первые социалистические статьи в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher». С того времени социализм из маленьких сект развился в могучую партию, приводящую в трепет весь официальный мир. Маркс умер, но будь он теперь еще жив, не было бы ни одного человека в Европе и Америке, который мог бы с такой же законной гордостью оглянуться на дело своей жизни. Есть еще одна памятная дата. В 1872 г. состоялся последний конгресс Интернационала[423]. На нем произошли два события. Во-первых, окончательное отмежевание от анархистов. Излишне ли было это решение? Парижский, Брюссельский, настоящий конгрессы оказались вынужденными сделать то же самое[424]. Во-вторых, прекращение деятельности Интернационала в старой форме. Это было время, когда неистовства реакции, опьяненной кровью славной Коммуны, достигли апогея. Продолжение деятельности старого Интернационала привело бы только к жертвам, совершенно несоразмерным с ее результатами; Интернационал перенес свое местопребывание в Америку, то есть сошел со сцены. Пролетариату в каждой отдельной стране была предоставлена возможность организоваться в самостоятельной форме. Это осуществилось, и теперь Интернационал гораздо сильнее, чем

прежде. В таком направлении нам и следует продолжать свою деятельность на общей основе. Чтобы не выродиться в секту, мы должны допускать дискуссии, но общие принципы должны неизменно соблюдаться. Свободное объединение, добровольные контакты, поддерживаемые конгрессами, — этого достаточно, чтобы обеспечить нам победу, которую уже не вырвет из наших рук никакая сила в мире.

Особенно радует меня то обстоятельство, что здесь в таком большом количестве представлены англичане, ведь англичане были нашими учителями в деле организации рабочих; но как бы многому мы ни научились у них, они ведь тоже увидали здесь кое-что новое, чему и они могли бы поучиться.

Проезжая через Германию, я слышал, как не раз высказывалось сожаление по поводу падения закона против социалистов. Говорят, было гораздо интересней вести борьбу с полицией. С такими борцами не справится никакая полиция, никакое правительство в целом мире.

По поручению бюро объявляю конгресс закрытым. Да здравствует международный пролетариат! (Бурные приветственные возгласы всего собрания. Продолжительные овации. Присутствующие поднимаются с мест и стоя поют «Марсельезу».)

Напечатано в виде изложения или протокольной записи в ряде социалистических и рабочих газет в августе — сентябре 1893 г. а также в брошюре: «Protokoll des Internationalen Sozialistischen Arbeiterkongresses in der Tonhalle. Zurich vom 6. bis 12. August 1893». Zurich. 1894

Печатается по тексту брошюры

Перевод с немецкого

РЕЧЬ НА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ СОБРАНИИ В ВЕНЕ 14 СЕНТЯБРЯ 1893 ГОДА[425]

ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

Дорогие товарищи!

Я не могу покинуть этот зал, не выразив своей глубокой сердечной благодарности за незаслуженный прием, которого я удостоился в этот вечер. Могу лишь сказать, что славу моего покойного друга Маркса суждено пожинать, к сожалению, мне одному. И в этом смысле я принимаю ваши овации. Если мне и удалось что-нибудь сделать для движения за 50 лет, в течение которых я принимал в нем участие, то за это я не требую никакой награды. Моя лучшая награда — это вы! Наши товарищи есть всюду: в тюрьмах Сибири, на золотых приисках Калифорнии, вплоть до Австралии. Нет такой страны, нет такого крупного государства, где бы социал-демократия не была силой, с которой всем приходится считаться. Все, что делается во всем мире, делается с оглядкой на нас. Мы — великая держава, внушающая страх, держава, от которой зависит больше, чем от других великих держав. Вот чем я горжусь. Мы прожили не напрасно и можем с гордостью и с удовлетворением оглянуться на свои дела*. В Германии хотели силой подавить движение, и всякий раз социал-демократия отвечала на это совершенно неожиданным для буржуазии образом. Каждые новые выборы — это постоянный неудержимый рост социал-демократических голосов, который приводит в трепет буржуазию,

* В отчете, опубликованном в газете «Neue Freie Presse», вместо этого предложения дан следующий текст: «В настоящее время вы ведете борьбу за всеобщее избирательное право; оно является одним из важнейших орудий в руках пролетариата. Всеобщее избирательное право — единственное средство для того, чтобы проверить влияние, подсчитать силы партии. Этому нас учит история Германии за последние двадцать лет». *Ред.*

приводит в трепет Каприви, приводит в трепет всех представителей власти (бурные аплодисменты). Предыдущий оратор* заметил, что за границей социал-демократическое движение всегда недооценивалось. Дорогие товарищи, я ходил по улицам Вены, смотрел на чудесные здания, которые буржуазия была так любезна построить для пролетариата будущего (бурное оживление), и просил также показать мне великолепное здание ратуши, которой вы столь достойным образом овладели. С того дня, как вы ей овладели, никто уже больше вас не будет недооценивать (громкие аплодисменты). Этот день составил эпоху. Я был тогда в Лондоне и наблюдал ужас, охвативший корреспондентов английских газет, когда они сообщали, что 9 июля пролетариат завладел Веной[426], и завладел более умело, чем когда-либо ею завладевали. (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты. Многократно повторяющиеся возгласы: «ура Энгельсу!».)

Напечатано в газете «Neue Freie Presse» № 10440. 15 сентября 1893 г. и в «Arbeiter-Zeitung» № 38, 22 сентября 1893 г.

Печатается по тексту «Arbeiter-Zeitung», сверенному с текстом газеты «Neue Freie Presse»

Перевод с немецкого

* — Лёйтнер. *Ред.*

РЕЧЬ НА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ СОБРАНИИ В БЕРЛИНЕ 22 СЕНТЯБРЯ 1893 ГОДА [427]

ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

Товарищи!

Благодарю вас от всего сердца за блестящий и незаслуженный прием, который вы мне оказали. Я могу лишь повторить здесь то, что уже сказал в Цюрихе и Вене*. Этот прием я рассматриваю как прием, оказанный не мне лично, а мне как сотруднику и соратнику великого человека, как товарищу Карла Маркса по борьбе, и в этом смысле я принимаю оказанное мне с благодарностью. Вы знаете, я не оратор и не парламентский деятель, мне приходится работать в другой области, я работаю большей частью в своем кабинете, пером. Все же я хотел бы сказать вам несколько слов. Прошел почти 51 год с тех пор, как я последний раз видел Берлин[428]. С того времени Берлин совершенно изменился. Тогда это была маленькая так называемая «резиденция», едва насчитывавшая 350000 жителей и существовавшая за счет обслуживания двора, аристократии, гарнизона и чиновничества. Теперь это большой столичный город с населением почти в два миллиона человек, существующий за счет промышленности; пусть сегодня двор, аристократия, гарнизон и чиновники переедут в другое место, — Берлин все-таки останется Берлином. И промышленное развитие Берлина повлекло за собой и еще одну перемену. В то время в Берлине еще не было ни одного социал-демократа; тогда не знали даже, что такое социал-демократия; теперь же, несколько месяцев тому назад, здесь проходил смотр берлинской социал-демократии, и она продемонстрировала свои силы, равные

* См. настоящий том, стр. 425—428 *Ред.*

почти 160000 голосам[429]; из шести представителей, посылаемых Берлином, пять депутатов являются социал-демократами. В этом отношении Берлин идет во главе всех крупных городов Европы, он далеко опередил даже Париж.

И не только Берлин, но и вся остальная Германия проделала ту же промышленную революцию. Я не был в Германии в течение шестнадцати лет[430]. Как вам известно, — ведь вы испытали это на собственном опыте, — с 1878 г. здесь царил закон против социалистов, с которым вы теперь благополучно покончили. Пока этот закон оставался в силе, я воздерживался ездить в Германию; я хотел избавить власти от хлопот, связанных с моей высылкой, которая ведь безусловно последовала бы (веселое оживление, возглас: «наверняка!»). И вот теперь, во время моей нынешней поездки, я мог убедиться, насколько грандиозен переворот, происшедший в экономическом положении Германии. При жизни прошлого поколения Германия была земледельческой страной, в которой две трети населения состояло из сельских жителей; теперь это промышленная страна первого ранга, и вдоль всего Рейна, от голландской до швейцарской границ, я не нашел ни одного уголка, откуда не были бы видны дымящиеся фабричные трубы. На первый взгляд это касается как будто одних только капиталистов. Но капиталисты, развивая промышленность, создают тем самым не только прибавочную стоимость, они создают и пролетариев, они разоряют мелкобуржуазные и мелкокрестьянские средние слои, они доводят до крайности классовый антагонизм между буржуазией и пролетариатом, а кто создает пролетариев, тот создает и социал-демократов. Буржуазия поражается неудержимому росту социал-демократических голосов при каждых новых выборах в рейхстаг, она задает вопрос: откуда это? Будь у нее побольше ума, она должна была бы понять, что это — дело ее собственных рук! И вот получилось так, что немецкая социал-демократия является самой единой, самой сплоченной, самой сильной во всем мире, что она идет от победы к победе, благодаря спокойствию, дисциплине и бодрому духу, с которыми она ведет свою борьбу. Товарищи социал-демократы! Я убежден, что вы и впредь будете выполнять свой долг. Я заканчиваю призывом: *Да здравствует международная социал-демократия!*

Напечатано в приложении к газете «Vorwarts» № 226, 26 сентября 1893 г. и в «Arbeiter-Zeitung» № 40, 6 октября 1893 г.

Печатается по тексту газеты «Vorwarts», сверенному с текстом «Arbeiter-Zeitung»

Перевод с немецкого

ЛОНДОНСКОМУ КОММУНИСТИЧЕСКОМУ ПРОСВЕТИТЕЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ

Лондон, 1 декабря 1893 г.
122, Риджентс-парк-род, Норд-Уэст

Уважаемый товарищ!

Прошу Вас передать Правлению и членам Коммунистического просветительного общества рабочих мою искреннейшую благодарность за их любезное поздравление по случаю 73-летия со дня моего рождения. Да процветает Общество еще долгие годы и пусть всегда высоко держит то старое красное знамя, которое оно впервые развернуло здесь, в Англии!

С искренним приветом

Ф. Энгельс

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIX. 1946 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ СТУДЕНТОВ-СОЦИАЛИСТОВ [431]

Лондон, 19 декабря 1893 г.

Дорогие граждане!

Благодарю вас за ваше любезное приглашение на конгресс студентов-социалистов и чрезвычайно сожалею, что не могу им воспользоваться, так как занят важными и неотложными делами. Мне остается поэтому лишь пожелать вашему конгрессу всяческого успеха, которого он заслуживает. Пусть ваши усилия приведут к развитию среди студентов сознания того, что именно из их рядов должен выйти тот пролетариат умственного труда, который призван плечом к плечу и в одних рядах со своими братьями рабочими, занятыми физическим трудом, сыграть значительную роль в надвигающейся революции.

Буржуазным революциям прошлого от университетов требовались только адвокаты, как лучшее сырье, из которого формировались их политические деятели; для освобождения рабочего класса понадобятся, кроме того, врачи, инженеры, химики, агрономы и другие специалисты, ибо дело идет о том, чтобы овладеть управлением не только политической машиной, но и всем общественным производством, а тут уж нужны будут отнюдь не звонкие фразы, а солидные знания.

Братский привет.

Ф. Энгельс

Напечатано в газете «L'Etudiant socialiste» № 8, 25 марта — 10 апреля 1894 г.

Печатается по тексту газеты, сверенному с черновой рукописью

Перевод с французского

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ «СТАТЬИ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТЕМЫ ИЗ ГАЗЕТЫ «VOLKSSTAAT» (1871—75)» [432]

Помимо того, что все предлагаемые статьи были написаны для «Volksstaat», их объединяет еще и то, что все они посвящены внегерманским, международным вопросам.

Первая статья, *«Еще раз «господин Фогт»»,* является завершением той полемики по поводу Итальянской войны, которая велась в 1859—1860 гг. между этим мнимым естествоиспытателем и республиканцем, но настоящим вульгарно-либеральным бонапартистом и фабрикующим книги дельцом, с одной стороны, и Марксом — с другой. В этой статье упомянутый г-н Фогт окончательно заклеймен как наемный бонапартистский агент, в подтверждение чего Маркс в своем памфлете «Господин Фогт» в 1860 г. мог представить, разумеется, только косвенные доказательства[433].

Вторая статья, *«Бакунисты за работой»,* описывающая деятельность анархистов во время июльского восстания 1873 г. в Испании, появилась уже ранее в виде отдельной брошюры[434]. Хотя анархизм, эта карикатура на рабочее движение, давно уже миновал кульминационный пункт своего развития, тем не менее правительства Европы и Америки так сильно заинтересованы в дальнейшем его существовании и тратят для его поддержки так много денег, что мы не можем не обращать внимания на подвиги анархистов. Поэтому мы снова перепечатываем здесь эту статью.

«Польская прокламация»[435] касается той стороны отношений Германии к Восточной Европе, которую теперь слишком часто упускают из виду, но которой нельзя пренебрегать, если хочешь иметь правильное суждение об этих отношениях.

Критика *программы бланкистских эмигрантов* 1874 г.[436] приобрела снова особый интерес именно теперь, когда наряду с представителями других социалистических групп во французскую

палату депутатов получили доступ и несколько бланкистов, во главе с нашим другом Вайяном[437]. Со времени своего возвращения во Францию в 1880 г.[438] бланкисты один раз оказали решающее влияние на ход событий, а именно в 1887 г., в день последних президентских выборов после отставки Греви. Большинство Национального собрания стояло за избрание Жюля Ферри, самого подлого из подлых палачей Коммуны и одного из самых законченных представителей той оппортунистической буржуазии[439], которая хочет управлять Францией только для того, чтобы высасывать соки из нее и ее колоний. В Париже тогда подготовлялось восстание, которым по соглашению с депутатами радикалами должен был руководить парижский муниципальный совет; но военная организация находилась в руках бланкистов: из них вербовались офицерские кадры, а их военный руководитель генерал Коммуны Эд принял командование и расположил в одном кафе, около здания городской ратуши, свой генеральный штаб. Перед лицом угрозы восстания оппортунисты уступили и избрали президентом Карно.

Затем недавно, когда в Париже гостили моряки русского флота, еженедельник бланкистов «Le Parti socialiste»[440] отличился своим смелым поведением, дав отпор всяким шовинистическим предрассудкам. Такой образ действий дает нам гарантию, что бланкистская группа палаты под руководством Вайяна приложит все усилия к тому, чтобы обеспечить совместные действия *всех* представленных в палате социалистических групп и объединение последних в одну сильную социалистическую фракцию.

Читатель заметит, что во всех этих статьях, и особенно в этой последней, я везде называю себя не социал-демократом, а коммунистом. Это объясняется тем, что в те времена в различных странах социал-демократами называли себя такие люди, которые вовсе не писали на своем знамени лозунга о переходе всех средств производства в руки общества. Во Франции под социал-демократом разумели демократа-республиканца с более или менее прочными, но всегда неопределенными симпатиями к рабочему классу, то есть людей 1848 г. типа Ледрю-Роллена и прудонистски настроенных «радикальных социалистов» 1874 года. В Германии социал-демократами называли себя лассальянцы; но, хотя в массе своей они все более и более проникались сознанием необходимости обобществления средств производства, все же единственным официально признанным пунктом их программы оставались специфически лассалевские производительные товарищества с государственной помощью. Для Маркса и для меня было поэтому абсолютно невозможно употреблять

для обозначения специально нашей точки зрения выражение столь растяжимое. В настоящее время дело обстоит иначе, и это слово может, пожалуй, сойти, хотя оно и остается неточным для такой партии, экономическая программа которой является не просто социалистической вообще, а прямо коммунистической, — для партии, политическая конечная цель которой есть преодоление всего государства, а, следовательно, также и демократии. Названия *действительных* политических партий, однако, никогда вполне не соответствуют им, партия развивается, название остается.

Последнюю статью, *«О социальном вопросе в России»*[441], тоже появившуюся в 1875 г. в виде отдельной брошюры, теперь нельзя было переиздавать без более или менее обстоятельного послесловия*. Вопрос о будущем русской крестьянской общины больше чем когда бы то ни было занимает всех русских, задумывающихся над экономическим развитием своей страны. Цитируемое мной письмо Маркса** истолковывалось русскими социалистами самым различным образом. И в последнее время ко мне не раз обращались русские, живущие как в России, так и за границей, с просьбой высказать мои взгляды по этому вопросу. Долгое время я сопротивлялся, слишком хорошо сознавая, как недостаточно мое знакомство с особенностями экономического положения России; мог ли я в одно и то же время подготавливать к печати третий том «Капитала» и изучать поистине колоссальную литературу, в которой старая Россия, по любимому выражению Маркса, составляет перед смертью опись своего имущества? Но меня настойчиво просят переиздать работу «О социальном вопросе в России», и это обстоятельство заставляет меня попытаться в дополнение к этой старой статье сделать некоторые выводы, вытекающие из историко-сравнительного исследования нынешнего экономического положения России. Если эти выводы и не обещают безусловно русской общине великое будущее, то, с другой стороны, они послужат обоснованием того взгляда, что приближающаяся гибель капиталистического общества на Западе даст и России возможность значительно сократить свое прохождение через стадию капитализма, которое становится теперь неизбежным.

Ф. Энгельс

Лондон, 3 января 1894 г.

Напечатано в книге: F. Engels. «Internationales aus dem «Volksstaat» (1871—75)». Berlin, 1894

Печатается по тексту книги

Перевод с немецкого

---

* См. настоящий том, стр. 438—453. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 447—449. *Ред.*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «БАКУНИСТЫ ЗА РАБОТОЙ» [442]

Чтобы облегчить понимание нижеследующих записок, приведем несколько хронологических данных.

9 февраля 1873 г. королю Амадею надоела его испанская корона; он — первый король, устроивший забастовку — отрекся от престола. 12-го была провозглашена республика; вслед за тем в баскских провинциях вспыхнуло новое карлистское восстание.

10 апреля было избрано Учредительное собрание, которое открылось в начале июня и провозгласило 8 июня федеративную республику. 11-го конституировалось новое министерство с Пи-и-Маргалем во главе. Одновременно была избрана комиссия для выработки проекта новой конституции, в которую, однако, не попали крайние республиканцы, так называемые интрансиженты. И вот, когда 3 июля была провозглашена эта новая конституция, интрансиженты нашли, что она идет недостаточно далеко по линии раздробления Испании на «независимые кантоны». Ввиду этого интрансиженты немедленно подняли восстания в провинциях: с 5 по 11 июля они повсюду победили в Севилье, Кордове, Гранаде, Малаге, Кадисе, Алькое, Мурсии, Картахене, Валенсии и других местах и создали в каждом из этих городов независимое кантональное правительство. 18 июля Пи-и-Маргаль подал в отставку и его сменил Сальмерон, который тотчас же послал войска против инсургентов. После слабого сопротивления инсургенты были побеждены в течение нескольких дней; уже 26 июля вследствие падения Кадиса по всей Андалузии была восстановлена власть правительства; почти одновременно были покорены Мурсия

и Валенсия; только Валенсия проявила в борьбе некоторую энергию.

Держалась одна лишь Картахена. Этот крупнейший военный порт Испании, попавший вместе с флотом в руки повстанцев, со стороны суши был защищен, кроме крепостного вала, еще 13 отдельными фортами, и взять его поэтому было нелегко. А так как правительство остерегалось разрушить место стоянки своего собственного флота, то «суверенный кантон Картахена» продолжал существовать вплоть до 11 января 1874 г., когда он, наконец, сдался, так как ни на что другое абсолютно не был способен.

Во всем этом позорном восстании нас занимают здесь лишь еще более позорные деяния бакунистских анархистов; лишь они описаны здесь более или менее подробно в назидание современникам.

Написано в начале января 1894 г.

Напечатано в книге: F. Engels. «Internationales aus dem «Volksstaat» (1871— 75)». Berlin, 1894

Печатается по тексту книги

Перевод с немецкого

ПОСЛЕСЛОВИЕ К РАБОТЕ «О СОЦИАЛЬНОМ ВОПРОСЕ В РОССИИ»[443]

Прежде всего я должен сделать ту поправку, что г-н П. Ткачев, если говорить точно, был не бакунистом, то есть анархистом, а выдавал себя за «бланкиста». Ошибка эта была естественна, так как упомянутый г-н Ткачев, следуя тогдашнему обычаю русских эмигрантов, объявлял себя перед Западной Европой солидарным со всей русской эмиграцией и в своей брошюре действительно защищал также и Бакунина с компанией от моей критики, защищал так, как будто бы она была направлена лично против него[444].

Взгляды на русскую коммунистическую крестьянскую общину, которые он отстаивал в полемике со мной, были по существу взглядами Герцена. Этот последний, панславистский беллетрист, которого раздули в революционера, узнал из «Этюдов о России» Гакстгаузена[445], что крепостные крестьяне в его имениях не ведают частной собственности на землю, а время от времени производят между собой передел пахотной земли и лугов. Как беллетристу, ему не к чему было изучать то, что вскоре стало известно всем и каждому, а именно, что общинная собственность на землю является формой владения, которая в первобытную эпоху господствовала у германцев, кельтов, индийцев, словом у всех индоевропейских народов, в Индии существует еще и поныне, в Ирландии и Шотландии только недавно насильственно уничтожена, в Германии встречается местами даже теперь, что это отмирающая форма владения, которая на деле представляет собой явление, общее всем народам на известной ступени развития. Но как панславист, Герцен, который был социалистом в лучшем случае на словах,

Lettres de Frédéric Engels sur la Russie.

БИБЛІОТЕКА СОВРЕМЕННАГО СОЦІАЛИЗМА

Серія II. — Выпускъ III.

ФРИДРИХЪ ЭНГЕЛЬСЪ О РОССІИ

1) Отвѣтъ П. Н. Ткачеву (1875 г.)

2) Послѣсловіе къ нему (1894 г.)

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

В. ЗАСУЛИЧЪ

ЖЕНЕВА

Типографія „СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА", Route de Lancy, 6

1894

Титульный лист брошюры, изданной группой «Освобождение труда», с послесловием Ф. Энгельса к его работе «О социальном вопросе в России»

увидел в общине новый предлог для того, чтобы в еще более ярком свете выставить перед гнилым Западом свою «святую» Русь и ее миссию — омолодить и возродить, в случае необходимости даже силой оружия, этот прогнивший, отживший свой век Запад. То, чего не могут осуществить, несмотря на все свои усилия, одряхлевшие французы и англичане, русские имеют в готовом виде у себя дома.

«Сохранить общину и дать свободу лицу, распространить сельское и волостное самоуправление по городам и всему государству, сохраняя народное единство, — вот в чем состоит вопрос о будущем России, то есть вопрос той же социальной антиномии, которой решение занимает и волнует умы Запада» (Герцен. Письма к Линтону)[446].

Итак, в России, пожалуй, еще существует политический вопрос; но «социальный вопрос» для России уже разрешен.

Так же просто, как и Герцен, смотрел на дело слепо подражавший ему Ткачев. Хотя в 1875 г. он и не мог больше утверждать, будто «социальный вопрос» в России уже разрешен, однако он говорил, что русские крестьяне, как прирожденные коммунисты, стоят бесконечно ближе к социализму и, сверх того, им живется несравненно лучше, нежели бедным, забытым богом западноевропейским пролетариям. Если французские республиканцы, в силу их столетней революционной деятельности, считали свои народ избранным народом в политическом отношении, то многие из тогдашних русских социалистов провозглашали Россию избранным народом в социальном отношении; не западноевропейский пролетариат принесет-де своей борьбой возрождение старому экономическому миру, нет, это возрождение придет к нему из самых недр русского крестьянства. Против этого ребяческого взгляда и была направлена моя критика.

Однако русская община привлекла внимание и заслужила себе признание и таких людей, которые стоят несравненно выше Герценов и Ткачевых. В их числе был и Николай Чернышевский, этот великий мыслитель, которому Россия обязана бесконечно многим и чье медленное убийство долголетней ссылкой среди сибирских якутов навеки останется позорным пятном на памяти Александра II «Освободителя».

Вследствие интеллектуального барьера, отделявшего Россию от Западной Европы, Чернышевский никогда не знал произведений Маркса, а когда появился «Капитал», он давно уже находился в Средне-Вилюйске, среди якутов. Все его духовное развитие должно было протекать в тех условиях, которые были созданы этим интеллектуальным барьером. То, чего не пропускала русская цензура, почти или даже совсем не существовало для России. Поэтому, если в отдельных случаях мы

и находим у него слабые места, ограниченность кругозора, то приходится только удивляться, что подобных случаев не было гораздо больше.

Чернышевский тоже видит в русской крестьянской общине средство для перехода от современной общественной формы к новой ступени развития, которая стоит, с одной стороны, выше, чем русская община, а с другой — выше, чем западноевропейское капиталистическое общество с его классовыми противоположностями. И в том, что Россия обладает таким средством, в то время как Запад его не имеет, в этом Чернышевский видит преимущество России.

«Введение лучшего порядка дел чрезвычайно затрудняется в Западной Европе безграничным расширением прав отдельной личности... не легко отказываться хотя бы даже от незначительной части того, чем привык уже пользоваться, а на Западе отдельная личность привыкла уже к безграничности частных прав. Пользе и необходимости взаимных уступок может научить только горький опыт и продолжительное размышление. На Западе лучший порядок экономических отношений соединен с пожертвованиями, и потому его учреждение очень затруднено. Он противен привычкам английского и французского поселянина». Но «то, что представляется утопией в одной стране, существует в другой как факт... те привычки, проведение которых в народную жизнь кажется делом неизмеримой трудности англичанину и французу, существуют у русского как факт его народной жизни... Порядок дел, к которому столь трудным и долгим путем стремится теперь Запад, еще существует у нас в могущественном народном обычае нашего сельского быта... Мы видим, какие печальные последствия породила на Западе утрата общинной поземельной собственности и как тяжело возвратить западным народам свою утрату. Пример Запада не должен быть потерян для нас». (Чернышевский. Сочинения, женевское издание, т. V, стр. 16—19; цитировано у Плеханова, «Наши разногласия»*, Женева, 1885)[447].

А об уральских казаках, у которых еще господствовала общественная обработка земли с последующим разделом продукта между отдельными семьями, он говорит:

«Если уральцы доживут в нынешнем своем устройстве до того времени, когда введены будут в хлебопашество машины, то уральцы будут тогда очень рады, что сохранилось у них устройство, допускающее употребление таких машин, требующих хозяйства в огромных размерах, на сотнях десятин». (Ibidem**, стр. 131.)

Не следует только при этом забывать, что уральцы со своей общественной обработкой земли, предохраняемой от гибели из соображений военного характера (ведь и у нас существует казарменный коммунизм), стоят в России совершенно обособленно, примерно так же, как у нас подворные общины [Gehofer-

* В оригинале название книги написано по-русски латинскими буквами. *Ред.*

** — там же. *Ред.*

schaften] на Мозеле, с их периодическими переделами. И если нынешнее устройство сохранится у них до момента введения машин, то от этого получат выгоду не сами уральцы, а русский военный фиск, слугами которого они являются.

Во всяком случае, факт таков: в то время как в Западной Европе капиталистическое общество распадается и неустранимые противоречия его собственного развития грозят ему гибелью, в это самое время в России около половины всей обрабатываемой земли находится еще, как общая собственность, в руках крестьянских общин. Если на Западе разрешение противоречий посредством новой организации общества предполагает, как необходимое условие, переход всех средств производства, следовательно и земли, в собственность всего общества, то в каком же отношении к этой общей собственности, которую на Западе только предстоит создать, находится общинная собственность, уже существующая или, вернее, еще существующая в России? Не может ли она послужить исходным пунктом народного движения, которое, перескочив через весь капиталистический период, сразу преобразует русский крестьянский коммунизм в современную социалистическую общую собственность на все средства производства, обогатив его всеми техническими достижениями капиталистической эры? Или, как формулировал мысль Чернышевского Маркс в одном письме, цитируемом ниже*: «Должна ли Россия, как того хотят ее либеральные экономисты, начать с разрушения сельской общины, чтобы перейти к капиталистическому строю, или же, наоборот, она может, не испытав мук этого строя, завладеть всеми его плодами, развивая свои собственные исторические данные?»

Уже самая постановка вопроса показывает то направление, в котором нужно искать его разрешения. Русская община просуществовала сотни лет, и внутри нее ни разу не возникло стимула выработать из самой себя высшую форму общей собственности; точно так же обстояло дело с германской маркой, кельтским кланом, индийской и другими общинами с их первобытно-коммунистическими порядками. Все они с течением времени, под влиянием окружавшего их, а также и возникавшего внутри них и постепенно захватывавшего их товарного производства и обмена между отдельными семьями и отдельными лицами, все более и более утрачивали свой коммунистический характер и превращались в общины независимых друг от друга землевладельцев. Поэтому, если вообще можно ставить вопрос о том, не предстоит ли русской общине иная и лучшая судьба,

* См. настоящий том, стр. 447—449. *Ред.*

то причина этого коренится не в ней самой, а единственно в том обстоятельстве, что в одной из европейских стран она сохранила относительную жизненную силу до такого времени, когда в Западной Европе не только товарное производство вообще, но даже его высшая и последняя форма — капиталистическое производство пришло в противоречие с созданными им самим производительными силами, когда оно оказывается неспособным управлять долее этими силами и когда оно гибнет от этих внутренних противоречий и обусловленных ими классовых конфликтов. Уже из этого вытекает, что инициатива подобного преобразования русской общины может исходить исключительно лишь от промышленного пролетариата Запада, а не от самой общины. Победа западноевропейского пролетариата над буржуазией и связанная с этим замена капиталистического производства общественно управляемым производством, — вот необходимое предварительное условие для подъема русской общины на такую же ступень развития.

В самом деле: нигде и никогда аграрный коммунизм, сохранившийся от родового строя, не порождал из самого себя ничего иного, кроме собственного разложения. Сама русская крестьянская община уже в 1861 г. представляла собой сравнительно ослабленную форму этого коммунизма; совместная обработка земли, существующая еще в отдельных местностях Индии и в южнославянской домашней общине (задруге), вероятной родоначальнице русской общины, должна была уступить место ведению хозяйства отдельными семьями; общинная собственность проявлялась еще только в повторяющихся переделах земли, производившихся в различных местностях через самые различные промежутки, времени. Стоит этим переделам прекратиться самим по себе или в результате особого постановления, — и перед нами деревня парцелльных крестьян.

Но один тот факт, что, существуя бок о бок с русской крестьянской общиной, капиталистическое производство в Западной Европе приближается в то же время к моменту своей гибели и в нем самом уже имеется зародыш новой формы производства, при которой средства производства в качестве общественной собственности будут применяться в плановом порядке, — один этот факт не может вдохнуть в русскую общину силу, дающую ей возможность развить из самой себя эту новую общественную форму. Каким образом община может освоить гигантские производительные силы капиталистического общества в качестве общественной собственности и общественного орудия, прежде чем само капиталистическое общество совершит эту революцию? Каким образом может русская община показать миру, как

вести крупную промышленность на общественных началах, когда она разучилась уже обрабатывать на общественных началах свои собственные земли?

Правда, в России есть немало людей, которые хорошо знают западное капиталистическое общество со всеми его непримиримыми противоположностями и конфликтами и ясно представляют себе, где выход из этого кажущегося тупика. Но, во-первых, те несколько тысяч людей, которые это понимают, живут не в общине, а те добрых пятьдесят миллионов людей, которые в Великороссии живут еще в условиях общинной собственности на землю, не имеют обо всем этом ни малейшего понятия. Им по меньшей мере так же чужды и непонятны взгляды этих нескольких тысяч людей, как были чужды и непонятны английским пролетариям 1800—1840 гг. те планы, которые придумывал для их спасения Роберт Оуэн. И среди рабочих, которые работали на фабрике Оуэна в Нью-Ланарке, большинство состояло из людей, тоже выросших при порядках и обычаях распадающегося коммунистического родового строя, в кельтско-шотландском клане, однако Оуэн ни слова не говорил о том, что у этих людей он встретил лучшее понимание. А, во-вторых, исторически невозможно, чтобы обществу, стоящему на более низкой ступени экономического развития, предстояло разрешить задачи и конфликты, которые возникли и могли возникнуть лишь в обществе, стоящем на гораздо более высокой ступени развития. Все формы родовой общины, возникшие до появления товарного производства и частного обмена, имеют с будущим социалистическим обществом только то общее, что известные вещи, средства производства, находятся в общей собственности и в общем пользовании известных групп. Однако одно это общее свойство не делает низшую общественную форму способной создать из себя самой будущее социалистическое общество, этот последний продукт капиталистического общества, порождаемый им самим. Каждая данная экономическая формация должна решать свои собственные, из нее самой возникающие задачи; браться за решение задач, стоящих перед другой совершенно чуждой формацией, было бы абсолютной бессмыслицей. И к русской общине это относится не в меньшей мере, чем к южнославянской задруге, к индийской родовой общине или ко всякой иной общественной форме периода дикости или варварства, характеризующейся общим владением средствами производства.

Но зато не только возможно, но и несомненно, что после победы пролетариата и перехода средств производства в общее владение у западноевропейских народов те страны, которым только что довелось вступить на путь капиталистического

производства и в которых уцелели еще родовые порядки или остатки таковых, могут использовать эти остатки общинного владения и соответствующие им народные обычаи как могучее средство для того, чтобы значительно сократить процесс своего развития к социалистическому обществу и избежать большей части тех страданий и той борьбы, через которые приходится прокладывать дорогу нам в Западной Европе. Но неизбежным условием для этого являются пример и активная поддержка пока еще капиталистического Запада. Только тогда, когда капиталистическое хозяйство будет преодолено на своей родине и в странах, где оно достигло расцвета, только тогда, когда отсталые страны увидят на этом примере, «как это делается», как поставить производительные силы современной промышленности в качестве общественной собственности на службу всему обществу в целом, — только тогда смогут эти отсталые страны встать на путь такого сокращенного процесса развития. Но зато успех им тогда обеспечен. И это относится не только к России, но и ко всем странам, находящимся на докапиталистической ступени развития. В России, однако, это будет сравнительно наиболее легко, потому что здесь часть коренного населения уже усвоила себе интеллектуальные результаты капиталистического развития, благодаря чему в период революции здесь возможно будет совершить общественное переустройство почти одновременно с Западом.

Это было уже высказано Марксом и мною 21 января 1882 г. в предисловии к русскому изданию «Коммунистического манифеста» в переводе Плеханова. Мы писали там:

«Но рядом с быстро развивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующейся буржуазной земельной собственностью мы находим в России большую половину земли в общинном владении крестьян. Спрашивается теперь: может ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного общего владения землей — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму общего владения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада? Единственно возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»[448].

Не следует, однако, забывать, что упомянутое здесь далеко зашедшее разложение русской общинной собственности сделало

с тех пор значительный шаг вперед. Поражения во время Крымской войны ясно показали необходимость для России быстрого промышленного развития. Прежде всего нужны были железные дороги, а их широкое распространение невозможно без отечественной крупной промышленности. Предварительным условием для возникновения последней было так называемое освобождение крестьян; вместе с ним наступила для России капиталистическая эра, но тем самым и эра быстрого разрушения общинной собственности на землю. Обременение крестьян выкупными платежами и повышенными налогами при одновременном предоставлении им уменьшенных и худших земельных наделов неизбежно привело к тому, что крестьяне оказались в руках ростовщиков, в большинстве случаев разбогатевших членов крестьянской общины. Железные дороги открыли для многих прежде отдаленных местностей доступ к рынкам сбыта производимого ими хлеба; но зато по тем же дорогам стали доставляться туда дешевые продукты крупной промышленности, вытеснявшие кустарный промысел крестьян, которые до тех пор изготовляли подобные изделия частью для собственного потребления, а частью для продажи. Исконные хозяйственные отношения были нарушены, начался распад связей, которым повсюду сопровождается переход от натурального хозяйства к денежному, среди членов общины появились крупные имущественные различия, — бедняки попадали в кабалу к богатеям. Одним словом, здесь началось разложение русской общины в результате того же процесса проникновения денежного хозяйства, который в Афинах незадолго до Солона привел к разложению афинского рода*. Солон мог, правда, посредством революционного вторжения в тогда еще довольно юное право частной собственности освободить закабаленных должников, попросту аннулировав их долги. Но возвратить к жизни древнеафинский род он не мог, и точно так же нет такой силы в мире, которая была бы в состоянии восстановить русскую общину, как только процесс ее разложения достиг определенного уровня. К тому же русское правительство запретило устраивать переделы земли между членами общины чаще, чем раз в 12 лет, с той целью, чтобы крестьянин все больше и больше отвыкал от переделов и начинал смотреть на себя как на частного собственника своего надела.

Маркс высказался в этом духе еще в 1877 г. в одном своем письме в Россию. Некий г-н Жуковский, тот самый, который ныне в качестве кассира Государственного банка скрепляет

* См. Энгельс. «Происхождение семьи и т. д.», 5 изд., Штутгарт, 1892, стр. 109—113[449].

своей подписью русские кредитные билеты, напечатал что-то о Марксе в «Вестнике Европы» (Vestnik Jevropy), другой писатель* выступил с возражением ему в «Отечественных Записках» (Otetschestvenyja Zapiski)[450]. В качестве поправки к этой последней статье Маркс написал редактору «Записок» письмо, которое долгое время циркулировало в России в рукописных копиях с французского оригинала, а затем было опубликовано в русском переводе в 1886 г. в «Вестнике Народной Воли» (Vestnik Narodnoj Voli) в Женеве, а позднее и в самой России[451]. Письмо это, как и все, что выходило из-под пера Маркса, обратило на себя большое внимание в русских кругах и истолковывалось самым различным образом; поэтому я приведу здесь в существенных чертах его содержание.

Прежде всего Маркс отвергает навязанный ему «Отечественными Записками» взгляд, будто он, так же, как и русские либералы, считает, что для России нет более неотложного дела, как уничтожить крестьянскую общинную собственность и стремительно перейти к капитализму. Его краткое замечание о Герцене в добавлении к первому изданию «Капитала» ровно ничего не доказывает. Это замечание гласит: «Если на европейском континенте влияние капиталистического производства, которое подрывает род людской... будет развиваться, как это было до сих пор, рука об руку с конкуренцией в раздувании масштабов национальной военщины, государственных долгов, налогов, в изящном способе ведения войны и т. д., — то, пожалуй, в конце концов, станет действительно неизбежным омоложение Европы при помощи кнута и обязательного вливания калмыцкой крови, о чем столь серьезно пророчествует полу россиянин, но зато полный московит Герцен (заметим, между прочим, что этот беллетрист сделал свои открытия относительно «русского коммунизма» не в России, а в сочинении прусского регирунгсрата Гакстгаузена)» («Капитал», т. I, первое немецкое издание, стр. 763)[452]. Затем Маркс продолжает[453]: это место «ни в коем случае не может служить ключом к моим воззрениям на усилия» (далее в подлиннике следует цитата на русском языке) «русских людей найти для своего отечества путь развития, отличный от того, которым шла и идет Западная Европа» и т. д. — «В послесловии ко второму немецкому изданию «Капитала» я говорю о «великом русском ученом и критике»» (Чернышевском) «с высоким уважением, какого он заслуживает[454]. Этот ученый в своих замечательных статьях исследовал вопрос — должна ли Россия, как того хотят ее

* — Н. К. Михайловский. *Ред.*

либеральные экономисты, начать с разрушения сельской общины, чтобы перейти к капиталистическому строю, или же, наоборот, она может, не испытав мук этого строя, завладеть всеми его плодами, развивая свои собственные исторические данные. Он высказывается в смысле этого последнего решения».

«Впрочем, так как я не люблю оставлять «места для догадок», я выскажусь без обиняков. Чтобы иметь возможность со знанием дела судить об экономическом развитии России, я изучил русский язык и затем в течение долгих лет изучал официальные и другие издания, имеющие отношение к этому предмету. Я пришел к такому выводу. *Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя»*[*].

Далее Маркс разъясняет еще некоторые ошибки, в которые впал его критик; единственное место, относящееся к рассматриваемому нами вопросу, гласит:

«Итак, что же мог извлечь мой критик из этого исторического очерка в применении к России». (Речь идет о первоначальном накоплении капитала.) «Только следующее. Если Россия имеет тенденцию стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы, — а за последние годы она немало потрудилась в этом направлении, — она не достигнет этого, не превратив предварительно значительной части своих крестьян в пролетариев; а после этого, уже очутившись в лоне капиталистического строя, она будет подчинена его неумолимым законам, как и прочие нечестивые народы. Вот и все».

Так писал Маркс в 1877 году. В России в те времена было два правительства: правительство царя и правительство тайного исполнительного комитета (ispolnitel'nyj komitet) заговорщиков-террористов[455]. Власть этого второго, тайного правительства возрастала с каждым днем. Свержение царизма казалось близким; революция в России должна была лишить всю европейскую реакцию ее сильнейшего оплота, ее великой резервной армии, и тем самым дать также новый могучий толчок политическому движению Запада, создав для него вдобавок несравненно более благоприятные условия борьбы. Неудивительно, что Маркс в своем письме советует русским не особенно торопиться с прыжком в капитализм.

Революции в России не произошло. Царизм восторжествовал над терроризмом, который в данный момент даже толкнул

[*] Курсив Энгельса. *Ред.*

в объятия царизма все имущие классы, «любящие порядок». И в течение 17 лет, которые протекли с той поры, как было написано письмо Маркса, и развитие капитализма и распад крестьянской общины в России шагнули далеко вперед. Как же обстоит дело теперь, в 1894 году?

Так как после поражений в Крымской войне и самоубийства императора Николая I старый царский деспотизм продолжал существовать в неизменном виде, — оставался только один путь: как можно более быстрый переход к капиталистической промышленности. Армию погубили гигантские пространства империи, погубили продолжительные переходы к театру военных действий; необходимо было уничтожить эту отдаленность посредством сети стратегических железных дорог. Но железные дороги означают создание капиталистической промышленности и революционизирование примитивного земледелия. С одной стороны, в непосредственное соприкосновение с мировым рынком вступают земледельческие продукты даже самых отдаленных частей страны; с другой стороны, невозможно построить и эксплуатировать широкую сеть железных дорог, не имея отечественной промышленности, поставляющей рельсы, локомотивы, вагоны и т. д. Но нельзя создать *одну* отрасль крупной промышленности, не вводя вместе с ней всю систему; текстильная промышленность сравнительно современного типа, уже раньше пустившая корни в Московской и Владимирской губерниях, а также в Прибалтийском крае, получила толчок к новому подъему. За постройкой железных дорог и фабрик шло расширение уже существующих банков и основание новых; освобождение крестьян от крепостной зависимости порождало свободу передвижения, причем следовало ожидать, что вслед за тем само собой произойдет освобождение значительной части этих крестьян и от владения землей. Таким образом, в короткое время в России были заложены все основы капиталистического способа производства. Но вместе с тем был занесен топор и над корнями русской крестьянской общины.

Сетовать на это теперь — бесполезно. Если бы после Крымской войны царский деспотизм был заменен прямым парламентским господством дворянства и бюрократии, то процесс этот был бы, может быть, несколько замедлен; если бы у власти стала нарождавшаяся буржуазия, то процесс этот наверняка был бы ускорен. При сложившихся условиях иного выбора не было. В то время как во Франции существовала Вторая империя, в то время как в Англии пышно расцвела капиталистическая промышленность, нельзя же было в самом деле требовать от России, чтобы она на основе крестьянской общины

бросилась очертя голову производить сверху государственно-социалистические эксперименты. Что-то должно было произойти. И произошло то, что было возможно при таких условиях; как везде и всегда в странах товарного производства, люди действовали по большей части лишь полусознательно или же совершенно механически, не зная, что они делают.

Между тем наступил новый период, начало которому положила Германия, период революций сверху, а вместе с тем период быстрого роста социализма во всех европейских странах. Россия приняла участие в общем движении. Как и следовало ожидать, движение это приняло здесь форму решительного штурма с целью свержения царского деспотизма, с целью завоевания свободы интеллектуального и политического развития нации. Вера в чудодейственную силу крестьянской общины, из недр которой может и должно прийти социальное возрождение, — вера, от которой не был совсем свободен, как мы видели, и Чернышевский, — эта вера сделала свое дело, подняв воодушевление и энергию героических русских передовых борцов. Этих людей, которых было каких-нибудь несколько сот человек, но которые своей самоотверженностью и отвагой довели царский абсолютизм до того, что ему приходилось уже подумывать о возможности капитуляции и о ее условиях, — этих людей мы не потянем к ответу за то, что они считали свой русский народ избранным народом социальной революции. Но разделять их иллюзии мы вовсе не обязаны. Время избранных народов миновало безвозвратно.

А пока кипела эта борьба, капитализм в России бойко шел вперед и все больше и больше достигал той цели, которой не удалось достичь террористам: принудить царизм к капитуляции.

Царизму нужны были деньги. Нужны были не только для придворной роскоши, для бюрократии и прежде всего — для армии и внешней политики, основанной на подкупах, но особенно для его жалкого финансового хозяйства и соответствующей ему нелепой политики в области железнодорожного строительства. За границей больше не желали и не могли покрывать все дефициты царской казны; приходилось искать помощи внутри страны. Часть железнодорожных акций пришлось распространить в самой стране; также и часть займов. Первой победой русской буржуазии были железнодорожные концессии, по которым акционерам доставались все будущие прибыли, а государству все будущие убытки. Затем последовали субсидии и премии за учреждение промышленных предприятий, а также покровительственные пошлины в интересах отечественной

промышленности, пошлины, из-за которых ввоз многих предметов стал в конце концов совершенно невозможным. Русскому государству, при его безграничной задолженности и при его почти совершенно подорванном кредите за границей, приходится в прямых интересах фиска заботиться об искусственном насаждении отечественной промышленности. Оно постоянно нуждается в золоте для уплаты процентов по государственным долгам за границей. Но в России нет золотого обращения, — там обращаются только бумажные деньги. Некоторое количество золота поступает от таможенных пошлин, которые взимаются только в золоте, что, между прочим, повышает величину этих пошлин на 50 процентов. Но наибольшее количество золота должно поступать от превышения вывоза русского сырья над ввозом изделий иностранной промышленности; векселя, выдаваемые иностранными покупателями на сумму этого избытка, русское правительство скупает внутри России на бумажные деньги и получает по ним золото. Поэтому, если правительство не желает для уплаты процентов по заграничным долгам прибегать к новым иностранным займам, ему надо позаботиться о том, чтобы русская промышленность быстро окрепла настолько, чтобы удовлетворять весь внутренний спрос. Отсюда — требование, чтобы Россия стала независимой от заграницы, самоснабжающейся промышленной страной; отсюда — судорожные усилия правительства в несколько лет довести капиталистическое развитие России до высшей точки. Ибо если этого не произойдет, то не останется ничего другого, как тронуть накопленный в Государственном банке и казначействе металлический военный фонд или же решиться на государственное банкротство. И в том и в другом случае это был бы конец русской внешней политики.

Ясно одно: при таких обстоятельствах молодая русская буржуазия держит государство полностью в своих руках. Во всех важных экономических вопросах оно вынуждено подчиняться ее желаниям. Если она еще мирится с деспотическим самодержавием царя и его чиновников, то только потому, что это самодержавие, помимо того, что оно смягчается подкупностью бюрократии, предоставляет ей больше гарантий, чем изменения, хотя бы и в буржуазно-либеральном духе, последствия которых при нынешнем положении дел внутри России никто не может предугадать. Так и идет во все более ускоряющемся темпе превращение России в капиталистически-промышленную страну, пролетаризация значительной части крестьян и разрушение старой коммунистической общины.

Я не берусь судить, уцелела ли ныне эта община в такой мере, чтобы в нужный момент, как Маркс и я еще надеялись в 1882 г., она смогла, при сочетании с переворотом в Западной Европе, стать исходным пунктом коммунистического развития. Но одно не подлежит сомнению: для того чтобы от этой общины что-нибудь уцелело, необходимо прежде всего ниспровержение царского деспотизма, революция в России. Русская революция не только вырвет большую часть нации, крестьян из изолированности их деревень, образующих их мир*, их вселенную, не только выведет крестьян на широкую арену, где они познают внешний мир, а вместе с тем самих себя, поймут собственное свое положение и средства избавления от теперешней нужды, — русская революция даст также новый толчок рабочему движению Запада, создаст для него новые лучшие условия борьбы и тем ускорит победу современного промышленного пролетариата, победу, без которой сегодняшняя Россия ни на основе общины, ни на основе капитализма не может достичь социалистического переустройства общества.

Написано в первой половине января 1894 г.

Напечатано в книге: F. Engels. «Internationales aus dem «Volksstaat» (1871— 75)». Berlin, 1894

Печатается по тексту книги

Перевод с немецкого

* В оригинале русское слово, написанное латинскими буквами *Ред.*

«КАПИТАЛ» МАРКСА. ТРЕТИЙ ТОМ [456]

Третий том «Капитала» Маркса находится в настоящее время в печати и, надо надеяться, выйдет в свет не позднее сентября текущего года. Содержание этого долгожданного третьего тома завершит теоретическую часть всего труда, и тогда останется еще ожидать только последнего, четвертого тома, который содержит историко-критический обзор теорий прибавочной стоимости[457]. В первом томе было показано, как капиталист выколачивает прибавочную стоимость из рабочего, а во втором— как эта первоначально заключенная в товаре прибавочная стоимость реализуется в деньгах. Таким образом, в первых двух томах речь шла о прибавочной стоимости, пока она находится в руках ее первого присвоителя, промышленного капиталиста; но в руках этого первого присвоителя она остается лишь частично; в дальнейшем она распределяется между различными заинтересованными лицами в форме торговой прибыли, предпринимательского дохода, процента, земельной ренты; законы распределения прибавочной стоимости и излагаются в третьем томе. Но производством, обращением и распределением прибавочной стоимости заканчивается весь ее жизненный путь и больше о ней говорить нечего. Кроме общих законов капиталистической нормы прибыли, в этом томе исследуются: торговый капитал, капитал, приносящий проценты, кредит и банки, земельная рента и земельная собственность — вопросы, которыми вместе с темами, разработанными в двух первых томах, исчерпывается обещанная в заглавии «Критика политической экономии».

Написано около 9 января 1894 г.

Напечатано в газете «Vorwarts» № 9, 12 января 1894 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

*О СОДЕРЖАНИИ ТРЕТЬЕГО ТОМА «КАПИТАЛА»

Третий том ***«Капитала»*** *Маркса:* «Процесс капиталистического производства, взятый в целом», — как уже указывалось в газете «Vorwarts»*, выйдет в свет осенью этого года. Как известно, в первом томе рассматривался «Процесс производства капитала», тогда как во втором — исследовался «Процесс обращения капитала». В третьем томе будет исследован «Процесс капиталистического производства, взятый в целом». Таким образом, отдельные процессы производства и обращения будут здесь рассматриваться уже не каждый сам по себе, а в их связи, как предпосылки и простые звенья единого общего процесса движения капитала. Поскольку каждый из первых двух томов рассматривал лишь *одну* из двух главных сторон этого процесса, то по содержанию они нуждались в дополнении, а по форме они были односторонни и абстрактны. Это выразилось, в частности, в том, что в обоих томах прибавочную стоимость можно было исследовать лишь в той мере и лишь до того момента, пока она оставалась в руках ее первого присвоителя, промышленного капиталиста; только в общем можно было указать на то, что этот первый присвоитель вовсе не является обязательно или хотя бы только как правило ее окончательным собственником. Но наиболее очевидно, и, так сказать, на поверхности общества общее движение капитала выступает именно в распределении прибавочной стоимости между различными заинтересованными здесь сторонами, между торговцами, денежными кредиторами, земельными собственниками и т. д. Распределение прибавочной стоимости после того, как она прошла процессы, раскрываемые в первых двух томах, проходит, таким

* См. настоящий том, стр. 454. *Ред.*

образом, красной нитью через весь третий том. Законы этого распределения рассматриваются каждый в отдельности: отношение нормы прибавочной стоимости к норме прибыли; образование одинаковой средней нормы прибыли; тенденция этой средней нормы прибыли к понижению в ходе экономического развития; выделение торговой прибыли; вмешательство ссудного капитала и распадение прибыли на процент и предпринимательский доход; кредитная система, возникающая на основе ссудного капитала, с главными ее носителями, банками, и с таким ее центром спекуляции, как биржа, возникновение добавочной прибыли и превращение этой добавочной прибыли в известных случаях в земельную ренту; земельная собственность, приносящая эту ренту; как результат — общее распределение вновь созданной стоимости между тремя видами доходов: заработной платой, прибылыо (включая процент) и земельной рентой; наконец, получатели этих трех видов доходов: рабочие, капиталисты, землевладельцы, — классы современного общества. К сожалению, этот последний раздел — классы — не был Марксом разработан.

Этого краткого обзора содержания вполне, однако, достаточно, чтобы показать, что все те относящиеся к предмету исследования вопросы, которые по необходимости приходилось оставлять открытыми в обоих первых томах работы, находят здесь свое разрешение.

Написано около 9 января 1894 г.

Напечатано в журнале «Die Neue Zeit», Bd. 1, № 16, 1893—1894 гг. и в «Arbeiter-Zeitung» № 8, 26 января 1894 г.

Подпись: Ф. Э.

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

БУДУЩАЯ ИТАЛЬЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ [458]

Положение в Италии, на мой взгляд, таково.

Буржуазия, придя к власти в период борьбы за национальную независимость и позднее, не смогла и не захотела довести свою победу до конца. Она не уничтожила остатков феодализма и не реорганизовала национального производства на современный буржуазный лад. Не способная обеспечить стране относительные и временные преимущества капиталистического строя, буржуазия взвалила на нее все трудности, все тяготы этого строя. Не довольствуясь этим, она, из-за своих грязных финансовых афер, навсегда потеряла всякое уважение и доверие.

Трудовой народ — крестьяне, ремесленники, сельскохозяйственные и промышленные рабочие — зажат в тиски, с одной стороны, стародавних форм гнета, унаследованных не только от феодальных времен, но и от античного мира (mezzadria*, латифундии на юге, где скот вытесняет человека), с другой стороны — самой хищнической налоговой системы, какую когда-либо изобретал буржуазный строй. Здесь уместно сказать вместе с Марксом: «Мы, как и другие континентальные страны Западной Европы, страдаем не только от развития капиталистического производства, но и от недостатка его развития. Наряду с бедствиями современной эпохи нас гнетет целый ряд унаследованных бедствий, существующих вследствие того, что продолжают прозябать стародавние, изжившие себя способы производства и сопутствующие им *устарелые* общественные и политические отношения. Мы страдаем не только от живых, но и от мертвых. Мертвый хватает живого!»[459]

Такое положение ведет к кризису. Повсюду массы производителей приходят в возбуждение; в некоторых местах они уже восстают. Куда приведет нас этот кризис?

Очевидно, что социалистическая партия слишком молода и в силу экономических условий слишком слаба, чтобы надеяться

* — испольная система аренды. *Ред.*

на немедленную победу социализма. В стране гораздо больше сельского населения, чем городского; в городах крупная промышленность развита слабо, и вследствие этого там мало *настоящего* пролетариата; большинство составляют ремесленники, мелкие лавочники и деклассированные элементы, то есть масса, занимающая неустойчивое положение между мелкой буржуазией и пролетариатом. Это средневековая мелкая и средняя буржуазия, находящаяся в состоянии упадка и разложения, — в большинстве своем это будущие пролетарии, но еще не ставшие ими в данный момент. Только этот класс, постоянно находящийся под угрозой экономического разорения, а ныне доведенный до отчаяния, и сможет выдвинуть массу борцов и вождей революционного движения. Его поддержат крестьяне, которые в силу территориальной распыленности и неграмотности не в состоянии проявить настоящую инициативу, но которые, тем не менее, явятся сильными и необходимыми союзниками.

В том случае, если успех будет достигнут более или менее мирным путем, произойдет обычная смена правительства, и к власти придут «обращенные» республиканцы[460], Каваллотти и К°; в случае же революции возникнет буржуазная республика.

Какую же роль должна будет играть при таких обстоятельствах социалистическая партия?

Тактикой, которая начиная с 1848 г. чаще всего обеспечивала успех социалистам, была тактика *«Коммунистического манифеста».* «На различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, социалисты[*] всегда являются представителями интересов движения в целом... они борются во имя достижения ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время в движении сегодняшнего дня они отстаивают и будущность движения»[461]. — Они принимают поэтому активное участие на каждой из стадий развития борьбы между этими двумя классами, никогда не теряя из виду, что эти стадии являются лишь ступенями, ведущими к главной великой цели: к завоеванию пролетариатом политической власти как средства преобразования общества. Их место — в рядах тех, кто борется за достижение любого непосредственного успеха в интересах рабочего класса; но все эти успехи, политические или экономические, они принимают только *как уплату по частям.* Поэтому они рассматривают всякое революционное или прогрессивное движение как шаг в направлении их собственного пути; их особая задача состоит в том, чтобы

[*] При цитировании слово «коммунисты» Энгельс заменил словом «социалисты». *Ред.*

толкать вперед другие революционные партии и в случае победы одной из них отстаивать интересы пролетариата. Эта тактика, никогда не теряющая из виду великой цели, предохраняет социалистов от разочарований, которым неизбежно поддаются другие, менее дальновидные партии, будь то чистые республиканцы или сентиментальные социалисты, которые принимают за конечную цель движения то, что является простым этапом.

Применим это к Италии.

Итак, победа находящейся в состоянии разложения мелкой буржуазии и крестьян приведет, возможно, к образованию правительства «обращенных» республиканцев. Это даст нам всеобщее избирательное право и гораздо более значительную свободу для движения (свободу печати, собраний, союзов, упразднение ammonizione[*] и т. п.), то есть новое оружие, которым не следует пренебрегать.

Либо будет создана буржуазная республика во главе с теми же людьми и несколькими мадзинистами. Это еще больше расширило бы свободу и поле нашей деятельности, по крайней мере на некоторое время. Ведь буржуазная республика, говорил Маркс, есть политическая форма, в которой борьба между пролетариатом и буржуазией только и может найти свое разрешение[462]. Не говоря уже о том воздействии, какое это оказало бы на Европу.

Итак, победа нынешнего революционного движения не может произойти без того, чтобы не усилить нас и не создать для нас более благоприятной ambiente[**]. Мы совершили бы, таким образом, величайшую ошибку, если бы стали воздерживаться, если бы в нашем отношении к «affini»[***] партиям ограничились бы чисто негативной критикой. Может наступить момент, когда нам придется сотрудничать с ними положительным образом, а кто знает, когда он наступит?

Очевидно, не наше дело непосредственно подготовлять движение, не являющееся движением именно того класса, который мы представляем. Если радикалы и республиканцы считают, что настал момент выходить на улицу, пусть они и дают простор своему порыву. Что касается нас, то мы слишком часто бывали обмануты громкими обещаниями этих господ, чтобы снова попасться в ловушку. Ни их прокламации, ни их заговоры не должны нас трогать. Если мы обязаны поддерживать всякое *действительно* народное движение, то мы обязаны также не жертвовать понапрасну только что сформировавшимся ядром

[*] — полицейского надзора. *Ред.*
[**] — обстановки. *Ред.*
[***] — «соседним». *Ред.*

нашей пролетарской партии и не допускать, чтобы пролетариат истреблялся в бесплодных местных мятежах.

Напротив, если движение окажется действительно общенациональным, то наши люди займут свое место в нем раньше, чем к ним обратятся с призывом, и наше участие в таком движении само собой разумеется. Но в таком случае следует уяснить себе, и мы должны об этом заявить открыто, что мы принимаем участие *как независимая партия,* временно находящаяся в союзе с радикалами и республиканцами, но в корне отличная от них; что мы не питаем никаких иллюзий относительно результата борьбы в случае победы; что этот результат никак не может нас удовлетворить, а явится для нас только одним из достигнутых этапов, лишь новой операционной базой для дальнейших завоеваний; что в самый день победы наши пути разойдутся; что с этого дня мы составим по отношению к новому правительству *новую оппозицию,* но оппозицию не реакционную, а прогрессивную, оппозицию крайней левой, которая будет побуждать к новым завоеваниям, выходящим за пределы уже завоеванного.

После совместно одержанной победы нам, возможно, предложат несколько постов в новом правительстве, но обязательно так, чтобы мы были в *меньшинстве. В этом величайшая опасность.* После февральской революции 1848 г. французские демократы-социалисты (из газеты «Réforme», Ледрю-Роллен, Луи Блан, Флокон и др.) совершили ошибку, заняв подобные посты[463]. Составляя меньшинство в правительстве, они добровольно разделили ответственность за все подлости и предательства по отношению к рабочим, совершенные большинством, состоявшим из чистых республиканцев; в то же время присутствие этих господ в правительстве совершенно парализовало революционные действия рабочего класса, на роль представителей которого они претендовали.

Все сказанное здесь является только моим личным мнением; я высказываю его, поскольку у меня о нем спрашивают и притом с большой неуверенностью. Что касается общей тактики, то в правильности ее я убеждался в течение всей своей жизни; она ни разу меня не подводила. Что же касается применения ее к нынешним условиям Италии, то тут дело другое; этот вопрос надо решать на месте, и решать его должны те, кто находится в центре событий.

Написано 26 января 1894 г.

Напечатано в переводе на итальянский язык в журнале «Critica Sociale» № 3, 1 февраля 1894 г.

Подпись: Фридрих Энгельс

Печатается по рукописи, сверенной с итальянским переводом

Перевод с французского

НАЦИОНАЛЬНОМУ СОВЕТУ ФРАНЦУЗСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ К 23-й ГОДОВЩИНЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Лондон, 18 марта 1894 г.

Вместе с вами я поднимаю бокал за скорейшее наступление международного 18 марта, которое, принеся с собой торжество пролетариата, уничтожит классовые антагонизмы и войны между народами и осуществит мир и счастье в цивилизованных странах.

Энгельс

Напечатано в газете «Le Socialiste» № 183, 25 марта 1894 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

ЧЕТВЕРТОМУ АВСТРИЙСКОМУ ПАРТИЙНОМУ СЪЕЗДУ [464]

Лондон, 22 марта 1894 г.

Сердечно благодарю за любезно присланное мне приглашение присутствовать на австрийском партийном съезде, которым я, к сожалению, не могу воспользоваться. Вместе с тем я шлю собравшимся делегатам мои самые искренние и самые горячие пожелания успешного хода работы.

В этом году партийному съезду предстоит выполнить особенно важные задачи. В Австрии дело идет о том, чтобы завоевать всеобщее избирательное право, то оружие, которое в руках классово сознательных рабочих бьет дальше и поражает вернее, чем малокалиберное магазинное ружье в руках вымуштрованных солдат. Господствующие классы — как феодальное дворянство, так и буржуазия — всеми силами противятся тому, чтобы предоставить рабочим это оружие. Борьба будет длительной и ожесточенной. Но если рабочие проявят политическую проницательность, терпение и выдержку, единодушие и дисциплину, те качества, которым они уже обязаны столь многими блестящими успехами, то конечная победа им обеспечена. На их стороне всецело действует историческая необходимость, как экономическая, так и политическая. И хотя всеобщее и равное избирательное право нельзя завоевать одним ударом, все же мы можем уже теперь провозгласить «ура!» будущим представителям пролетариата в австрийском рейхсрате.

Ф. Энгельс

Напечатано в брошюре: «Verhandlungen des vierten osterreichischen sozialdemokratischen Parteitages». Wien, 1894

Печатается по тексту брошюры

Перевод с немецкого

ПРАВЛЕНИЮ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ВЕНГРИИ В СВЯЗИ С ТРЕТЬИМ ПАРТИЙНЫМ СЪЕЗДОМ [465]

Лондон, 15 мая 1894 г.

Уважаемые товарищи!

Ваше любезное приглашение на партийный съезд я получил 8 мая. К сожалению, временное недомогание помешало мне сразу на него ответить, и поэтому только сегодня задним числом я могу высказать вам свою благодарность и пожелать наилучшего успеха в вашей работе.

Я тоже с величайшим интересом следил за движением последнего времени в Венгрии[*]. В Венгрии, как и повсюду, капитал все более и более овладевает всем национальным производством. Он не только создает новую промышленность, он подчиняет себе и сельское хозяйство, опрокидывая его стародавние методы, разоряет независимого крестьянина, раскалывает сельское население на крупных землевладельцев и капиталистических посредников, с одной стороны, и массу неимущих сельских пролетариев — с другой. Каких успехов уже достигла эта революция, осуществляемая капиталом в Венгрии, мы видели недавно в Ходмезёвашархее[466]. Эту капиталистическую революцию нам когда-то надо пережить. Она несет с собой

[*] В рукописи далее зачеркнуто: «Оно свидетельствует о непреодолимой силе, с какой капитал повсюду овладевает национальным производством и не только в области промышленности, но и в области сельского хозяйства, а последнее в Восточной Европе является несравненно более важной отраслью». *Ред.*

невыразимые страдания для огромной массы народа, но только она и порождает те условия, которые делают возможным новый общественный строй, а также тех людей, мужчин и женщин, которые одни будут обладать достаточной силой и волей, чтобы строить это новое, лучшее общество.

С искренним приветом

Ф. Энгельс

Напечатано в газетах «Arbeiterpresse» № 20, 18 мая 1894 г. и (на венгерском языке) «Nepszava» № 20, 18 мая 1894 г.

Печатается по тексту газеты «Arbeiterpresse», сверенному с черновой рукописью

Перевод с немецкого

К ИСТОРИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ХРИСТИАНСТВА[467]

Написано между 19 июня и 16 июля 1894 г.

Напечатано в журнале «Die Neue Zeit», Bd 1, №№ I и 2, 1894—1895 гг.

Подпись: Фридрих Энгельс

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

I

В истории первоначального христианства имеются достойные внимания точки соприкосновения с современным рабочим движением. Как и последнее, христианство возникло как движение угнетенных: оно выступало сначала как религия рабов и вольноотпущенников, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов. И христианство и рабочий социализм проповедуют грядущее избавление от рабства и нищеты; христианство ищет этого избавления в посмертной потусторонней жизни на небе, социализм же — в этом мире, в переустройстве общества. И христианство и рабочий социализм подвергались преследованиям и гонениям, их последователей травили, к ним применяли исключительные законы: к одним — как к врагам рода человеческого, к другим — как к врагам государства, религии, семьи, общественного порядка. И вопреки всем преследованиям, а часто даже непосредственно благодаря им, и христианство и социализм победоносно, неудержимо прокладывали себе путь вперед. Через триста лет после своего возникновения христианство стало признанной государственной религией римской мировой империи, а социализм за каких-нибудь шестьдесят лет завоевал себе положение, которое дает ему абсолютную гарантию победы

Таким образом, если г-н профессор Антон Менгер в своей книге «Право на полный трудовой доход» выражает удивление, почему при колоссальной централизации землевладения во времена римских императоров и при безграничных страданиях тогдашнего рабочего класса, состоявшего почти исключительно из рабов, «за падением Западной Римской империи не последовал

социализм»[468], то он не замечает как раз того, что этот «социализм», в той мере, в какой он был тогда возможен, действительно существовал и даже достиг господства — в лице христианства. Дело лишь в том, что это христианство, — а в силу исторических предпосылок иначе и не могло быть, — хотело осуществить социальное переустройство не в этом мире, а в мире потустороннем, на небе, в вечной жизни после смерти, в «тысячелетнем царстве», которое должно-де было наступить в недалеком будущем.

Параллель между обоими этими историческими явлениями напрашивается уже в средние века, при первых восстаниях угнетенных крестьян и в особенности городских плебеев. Эти восстания, как и все массовые движения средних веков, неизбежно выступали под религиозной оболочкой, в форме борьбы за восстановление первоначального христианства, подвергающегося прогрессирующему вырождению[*]; но всякий раз за религиозной экзальтацией скрывались весьма осязательные мирские интересы. Ярче всего это обнаружилось в организации чешских таборитов под руководством славной памяти Яна Жижки[470]; но черта эта проходит через все средневековье, постепенно исчезая после Крестьянской войны в Германии, чтобы вновь возродиться у рабочих-коммунистов после 1830 года. Как французские революционные коммунисты, так в особенности Вейтлинг и его последователи ссылались на первоначальное христианство задолго до того, как Эрнест Ренан сказал:

[*] Своеобразную противоположность этому представляют религиозные восстания мусульманского мира, особенно в Африке. Ислам — это религия, приспособленная для жителей Востока, в особенности для арабов, следовательно, с одной стороны, для горожан, занимающихся торговлей и ремеслами, а с другой — для кочевников-бедуинов. Но в этом лежит зародыш периодически повторяющихся столкновений. Горожане богатеют, предаются роскоши, проявляют небрежность в соблюдении «закона». Бедуины, которые живут в бедности и вследствие бедности придерживаются строгих нравов, смотрят на эти богатства и наслаждения с завистью и жадностью. И вот они объединяются под предводительством какого-нибудь пророка, махди, чтобы покарать изменников веры, восстановить уважение к обрядам и к истинной вере и в качестве вознаграждения присвоить себе богатства вероотступников. Лет через сто они, естественно, оказываются точно в таком же положении, в каком были эти вероотступники; необходимо новое очищение веры, появляется новый махди, игра начинается сначала. Так обстояло дело со времен завоевательных походов африканских Альморавидов и Альмохадов в Испанию до последнего махди из Хартума, который с таким успехом сопротивлялся англичанам[469]. Так же или почти так же обстояло дело с восстаниями в Персии и в других мусульманских странах. Все эти проходившие под религиозной оболочкой движения вызывались экономическими причинами; но, даже в случае победы, они оставляют неприкосновенными прежние экономические условия. Таким образом, все остается по-старому, и столкновения становятся периодическими. Напротив, в народных восстаниях христианского Запада религиозная оболочка служит лишь знаменем и прикрытием для нападения на устаревающий экономический строй; последний в конце концов ниспровергается, его сменяет новый, мир развивается дальше.

«Если хотите представить себе, чем были первые христианские общины, присмотритесь к какой-нибудь местной секции Международного Товарищества Рабочих».

Этот французский беллетрист, сочинивший церковно-исторический роман «Происхождение христианства»[471] на основе беспримерного даже в современной журналистике бесцеремонного использования немецкой критики библии, сам не знал, сколько правды заключалось в его вышеупомянутых словах. Хотел бы я видеть бывшего деятеля Интернационала, у которого при чтении, например, так называемого Второго послания Павла к коринфянам не открылись бы старые раны, по крайней мере в одном отношении. Во всем послании, начиная с восьмой главы, звучит вечный, увы, так хорошо знакомый жалобный мотив: les cotisations ne rentrent pas — взносы не поступают! Как много самых ревностных пропагандистов шестидесятых годов с понимающим видом пожало бы руку автору этого послания, кто бы он ни был, приговаривая: «так и с тобой это бывало тоже!» Мы также можем кое-что рассказать на эту тему — и наше Товарищество кишело коринфянами; эти непоступающие взносы, которые неуловимо порхали перед нашими взорами, вызывая муки Тантала, — ведь это как раз и были знаменитые «миллионы Интернационала»!

Одним из наших лучших источников о первых христианах является Лукиан из Самосаты, этот Вольтер классической древности, который одинаково скептически относился ко всем видам религиозных суеверий и у которого поэтому не было ни религиозно-языческих, ни политических оснований относиться к христианам иначе, чем к любому другому религиозному объединению. Напротив, он их всех осыпает насмешками за их суеверие, — почитателей Юпитера не меньше, чем почитателей Христа; с его плоско-рационалистической точки зрения и тот и другой вид суеверий одинаково нелепы. Этот, во всяком случае беспристрастный, свидетель рассказывает, между прочим, историю жизни одного авантюриста, некоего Перегрина, называвшего себя Протеем, родом из Пария на Геллеспонте. Упомянутый Перегрин в молодости начал свою карьеру в Армении с прелюбодеяния, был пойман на месте преступления и согласно местному обычаю подвергнут самосуду. Счастливо спасшись бегством, он задушил в Парии своего отца и вынужден был скрыться.

«И тут случилось», — цитирую по немецкому переводу Шотта[472], — «что он познакомился также с удивительным учением христиан, встречаясь в Палестине с их жрецами и книжниками. И в скором времени он достиг таких успехов, что его учителя казались младенцами по сравнению с ним. Он стал пророком, старшиной общины, руководителем молитвенных собраний, — словом, во всем он был всем; он толковал их

писания и сам сочинял их в большом количестве, так что христиане в конце концов стали видеть в нем высшее существо, прибегали к нему как к законодателю и провозгласили его своим главой (епископом)... По этой причине» (то есть как христианин) «Протей был однажды схвачен властями и брошен в тюрьму... Пока он, таким образом, находился в оковах, христиане, которым его заключение представлялось великим несчастьем, предпринимали всевозможные попытки освободить его. Но это не удалось, и тогда они стали с исключительнейшей старательностью всячески о нем заботиться. Уже с рассвета старушки, вдовы и дети-сироты ожидали у ворот его тюрьмы; более влиятельные христиане даже подкупали тюремную стражу и проводили у него целые ночи; они приносили туда свою еду, читали у него свои священные книги, — словом, возлюбленный Перегрин (тогда он носил еще это имя) был для них по меньшей мере новым Сократом. Даже из некоторых малоазиатских городов приходили к нему посланцы от христианских общин, чтобы протянуть ему руку помощи, утешить его и выступить в роли его защитников на суде. Прямо невероятно, как быстро эти люди везде оказываются наготове, когда дело касается их общины; они не жалеют тогда ни труда, ни издержек. Таким образом, Перегрину посыпались тогда деньги со всех сторон, так что тюремное заключение стало для него источником больших доходов. Ведь эти несчастные уверили себя именно в том, что их тела и души бессмертны и что они будут жить вечно; поэтому они презирают смерть, а многие из них даже предают себя смерти добровольно. К тому же самый первый их законодатель внушил им мысль, что все они будут между собой братьями, как только обратятся в иную веру, то есть отрекутся от греческих богов и станут поклоняться тому распятому софисту и жить по его предписаниям. Поэтому они презирают все внешние блага без различия и владеют ими сообща — согласно тому учению, которое они просто приняли на веру, без всякой проверки и доказательств. И вот, когда к ним приходит ловкий обманщик, умеющий хитро пользоваться обстоятельствами, он в короткий срок может стать богатым человеком, посмеиваясь в кулак над этими простофилями. Впрочем, Перегрин был вновь выпущен на свободу тогдашним правителем Сирии».

После описания некоторых его дальнейших приключений далее говорится:

«И вот наш муж вторично отправился» (из Пария) «скитаться, причем вместо каких-либо денег на путевые расходы он довольствовался радушием христиан, которые везде служили ему охраной и благодаря которым он ни в чем не нуждался. Некоторое время кормился он таким образом. Но когда он нарушил еще и законы христиан, — по-моему, было замечено, что он ел что-то у них запрещенное, — они исключили его из своей общины»[473].

Какие воспоминания юности встают передо мной при чтении этого места у Лукиана! Вот прежде всего «пророк Альбрехт», который примерно с 1840 г. в течение нескольких лет буквально приводил в возбуждение вейтлинговские коммунистические общины Швейцарии[474]; большой, крепкий мужчина с длинной бородой, который пешком исходил всю Швейцарию в поисках слушателей для своего таинственного нового евангелия спасения мира; впрочем, это был, по-видимому, довольно безобидный путаник, и он вскоре умер. Вот его менее безобидный преемник,

«д-р» Георг Кульман из Гольштейна, который воспользовался моментом, когда Вейтлинг сидел в тюрьме, чтобы обратить в *свое* евангелие общины Французской Швейцарии, и делал это некоторое время с таким успехом, что переманил даже самого способного, хотя и самого непутевого из членов общины — Августа Беккера. Этот Кульман читал им лекции, изданные в 1845 г. в Женеве под названием: «Новый мир, или царство духа на земле. Возвещение». И в предисловии, составленном его последователями (вероятно, Августом Беккером), говорится:

«Недоставало человека, устами которого были бы выражены все наши страдания, все наши томления и надежды, — словом, все, что так глубоко волнует нашу эпоху в ее сокровеннейшей глубине... Этот человек, которого ждет наша эпоха, появился. Это — д-р Георг Кульман из Гольштейна. Он выступил с учением о новом мире, или о царстве духа, воплотившегося в действительность»[475].

Мне, разумеется, нет надобности добавлять, что это учение о новом мире — не что иное, как самый обыкновенный сентиментальный бред, облеченный в полубиблейские фразы a la Ламенне и преподнесенный со свойственным пророкам высокомерием. Это не помешало простакам вейтлингианцам носить на руках этого мошенника точно так же, как те азиатские христиане носили Перегрина. И эти самые люди, которые в своем ультрадемократизме и стремлении к уравнительности доходили до крайности, до того, что прониклись непреодолимой подозрительностью к каждому школьному учителю, журналисту, вообще station неремесленнику, видя в нем «ученого», желающего их эксплуатировать, — эти люди позволяли мелодраматическому кривляке Кульману внушать им, что в «новом мире» мудрейший, id est[*] Кульман, будет регулировать распределение благ, а поэтому уже теперь, в старом мире, ученики должны доставлять этому мудрейшему все блага полными пригоршнями, сами же — довольствоваться крохами. И Перегрин-Кульман жил на славу и в полное свое удовольствие за счет общины — до тех пор, пока это продолжалось. Правда, это продолжалось не очень долго; растущий ропот сомневающихся и неверующих, угроза преследований со стороны правительства кантона Ваадт положили конец «царству духа» в Лозанне — и Кульман исчез.

Каждому, кто по собственному опыту знал начальный период европейского рабочего движения, вспомнятся десятки подобных примеров. В настоящее время такие крайности, по меньшей мере в крупных центрах, стали невозможны, но в отдаленных местностях, где движение завоевывает новую почву, такой

[*] — то есть. *Ред.*

Перегрин в миниатюре может еще рассчитывать на временный и ограниченный успех. И если и в рабочую партию во всех странах проникают всевозможные элементы, которым нечего ожидать от официального мира или чья песенка в нем уже спета, — противники оспопрививания, поборники трезвости, вегетарианцы, антививисекционисты, врачи-натуралисты, проповедники свободных общин[476], растерявшие свои общины, авторы новых теорий о происхождении мира, бесплодные или неудачливые изобретатели, жертвы действительных или мнимых несправедливостей, прозванные бюрократами «никчемными сутяжниками», честные глупцы и бесчестные обманщики, — то так же обстояло дело и с первыми христианами. Все те элементы, которые высвободил, то есть выбросил за борт, процесс разложения старого мира, одни за другими попадали в сферу притяжения христианства, как единственного элемента, который противостоял этому процессу разложения — ибо само христианство было его собственным неизбежным продуктом — и который поэтому сохранялся и рос, тогда как другие элементы были только мотыльками-однодневками. Не было такого вида фанатизма, глупости или мошенничества, который не проник бы в молодые христианские общины, не находил бы, по крайней мере в отдельных местах и на некоторое время, благосклонных слушателей и ревностных поборников. И как наши первые коммунистические рабочие общины, так и первые христиане отличались беспримерным легковерием по отношению ко всему, что им подходило, так что у нас нет даже уверенности в том, не вкрался ли в наш Новый завет тот или иной отрывок из «большого количества писаний», сочиненных для христиан Перегрином.

II

Немецкая критика библии — единственная до сих пор научная основа наших познаний в области истории первоначального христианства — развивалась по двум направлениям.

Одно направление — *Тюбингенская школа*[477], к которой, понимая ее в широком смысле, следует причислить и Д. Ф. Штрауса. В критическом исследовании она заходит настолько далеко, насколько это возможно для *теологической* школы. Она признает, что все четыре евангелия являются не рассказами очевидцев, а позднейшими переработками утерянных писаний и что из посланий, приписываемых апостолу Павлу, подлинными являются не больше четырех и т. д. Она вычеркивает из исторического повествования как неприемлемое все чудеса и все противоречия, но из остального она пытается «спасти то, что еще можно спасти», и в этом очень ясно проявляется ее характер как школы теологов. Этим она дала возможность Ренану, опирающемуся большей частью на нее, посредством того же метода «спасти» еще гораздо больше и попытаться навязать нам в качестве исторически достоверного материала, кроме большого количества более чем сомнительных новозаветных рассказов, еще и множество прочих легенд о мучениках. Но,уж во всяком случае все то, что Тюбингенская школа отвергает в Новом завете как неисторическое или подложное, можно считать для науки окончательно устраненным.

Другое направление представлено только одним человеком — *Бруно Бауэром*[478]. Его большая заслуга состоит не только в беспощадной критике евангелий и апостольских посланий, но также и в том, что он впервые серьезно занялся исследованием не только еврейских и греко-александрийских, но также чисто греческих и греко-римских элементов, которые и проложили для христианства путь к превращению его в мировую религию. Легенда о христианстве, которое якобы сразу и в готовом

виде возникло из иудейства и которое из Палестины покорило мир своей раз навсегда установленной в главных чертах догматикой и этикой, оказалась полностью развенчанной со времени Бруно Бауэра; она может прозябать еще только на теологических факультетах и среди людей, которые хотят «сохранить религию для народа», даже в ущерб науке. Огромное влияние александрийской школы Филона и греко-римской вульгарной философии — платоновской и в особенности стоической[479] — на христианство, которое при Константине стало государственной религией, далеко еще не установлено во всех деталях, но наличие этого влияния доказано, и это — заслуга преимущественно Бруно Бауэра; он заложил основы доказательства того, что христианство не было ввезено извне, из Иудеи, и навязано греко-римскому миру, но что оно — по крайней мере в том виде, в каком оно стало мировой религией — является характернейшим продуктом этого мира. Разумеется, Бауэр, как и все, кто борется с закоренелыми предрассудками, во многом далеко хватил через край. Чтобы установить на основании также и литературных источников влияние Филона и особенно Сенеки на формирующееся христианство, а новозаветных писателей представить прямыми плагиаторами упомянутых философов, Бауэру пришлось отнести возникновение новой религии на полсотни лет позже, отбросить не согласующиеся с этим сообщения римских историков и вообще позволить себе большие вольности при изложении истории. По его мнению, христианство как таковое возникает только при императорах из династии Флавиев, а новозаветная литература — только при Адриане, Антонине и Марке Аврелии. Вследствие этого у Бауэра исчезает и всякая историческая почва для новозаветных сказаний о Иисусе и его учениках; эти сказания превращаются в легенды, в которых фазы внутреннего развития первых общин и духовная борьба внутри этих общин переносятся на более или менее вымышленные личности. По Бауэру, местами рождения новой религии являются не Галилея и Иерусалим, а Александрия и Рим.

Итак, если Тюбингенская школа в неопровергнутом ею остатке новозаветной истории и литературы дала нам предельный максимум того, что наука в настоящее время может еще согласиться признать спорным, то Бруно Бауэр дает нам максимум того, что она может в этой истории и литературе опровергать. Между этими границами лежит действительная истина. Можно ли ее установить при нынешних данных, весьма сомнительно. Новые находки, в особенности в Риме, на Востоке и прежде всего в Египте помогут в этом вопросе гораздо больше, чем какая угодно критика.

В Новом завете есть, однако, единственная книга, время составления которой можно установить с точностью до нескольких месяцев: она была написана, вероятно, между июнем 67 г. и январем или апрелем 68 года; эта книга, таким образом, относится к самым ранним временам христианства и отражает представления тогдашних христиан с самой наивной правдивостью и соответствующим идиоматическим языком; поэтому для установления, чем действительно было первоначальное христианство, она, по моему мнению, гораздо важнее всех остальных книг Нового завета, текст которых, в том виде как он дошел до нас, написан гораздо позднее. Эта книга — так называемое Откровение Иоанна; и так как эта книга, казалось бы самая туманная во всей библии, стала теперь благодаря немецкой критике самой понятной и ясной, то я хочу рассказать о ней моим читателям.

Стоит только бегло познакомиться с этой книгой, чтобы убедиться, как был экзальтирован не только ее автор, но и та «окружающая среда», в которой он действовал. Наше «Откровение» — явление не единственное в своем роде и в свое время. Начиная с 164 г. до нашего летосчисления, когда было написано первое подобное, дошедшее до нас произведение, так называемая Книга Даниила, и чуть не до 250 г. нашего летосчисления, приблизительной даты «Песни» Коммодиана[480], Ренан насчитывает не менее пятнадцати сохранившихся классических «апокалипсисов», не считая позднейших подражаний. (Я ссылаюсь на Ренана потому, что его книга даже и вне круга специалистов наиболее известна и легче всего доступна.) Это было время, когда даже в Риме и Греции, а еще гораздо более в Малой Азии, Сирии и Египте абсолютно некритическая смесь грубейших суеверий самых различных народов безоговорочно принималась на веру и дополнялась благочестивым обманом и прямым шарлатанством; время, когда первостепенную роль играли чудеса, экстазы, видения, заклинания духов, прорицания будущего, алхимия, каббала[481] и прочая мистическая колдовская чепуха. Такова была атмосфера, в которой возникло первоначальное христианство, возникло к тому же среди людей такого класса, который больше всякого другого был восприимчив к этим нелепым фантазиям о сверхъестественном. Недаром же в Египте христианские гностики[482] во втором столетии христианского летосчисления, как доказывают, между прочим, и лейденские папирусы, усердно занимались алхимией и вводили в свое учение алхимические представления. А халдейские и еврейские mathematici*, которые, согласно Тациту,

* — математики. *Ред.*

дважды — при Клавдии и, вторично, при Вителлии — изгонялись из Рима за колдовство[483], занимались только такого рода геометрией, которая, как мы увидим, составляет основное содержание Откровения Иоанна.

К этому надо добавить еще следующее. Все апокалипсисы считают себя вправе обманывать своих читателей. Они — как, например, Книга Даниила, Книга Еноха, апокалипсисы Ездры, Баруха, Иуды и др., Сивиллины книги[484] — не только, как правило, написаны совсем другими людьми, жившими большей частью гораздо позднее их мнимых авторов, но вдобавок пророчествуют в своей основной части главным образом о таких событиях, которые давно уже произошли и прекрасно известны действительному автору. Так, автор Книги Даниила в 164 г., незадолго до смерти Антиоха Епифана, вкладывает в уста Даниила, якобы жившего во времена Навуходоносора, предсказание о возвышении и гибели персидской и македонской мировой державы и о начале мирового господства римлян, чтобы этим доказательством своей пророческой силы сделать читателя восприимчивым к заключительному пророчеству о том, что народ Израиля преодолеет все страдания и в конце концов победит. Итак, если бы Откровение Иоанна действительно было сочинением его предполагаемого автора, то оно являлось бы. единственным исключением во всей апокалипсической литературе.

Иоанн, за которого выдает себя автор, был во всяком случае весьма уважаемым лицом среди малоазиатских христиан. Об этом свидетельствует тон обращений к семи общинам. Возможно, следовательно, что это — апостол Иоанн, историческое существование которого, правда, не вполне достоверно, но все же весьма вероятно. И если автором был действительно этот апостол, то это лишь подкрепило бы нашу точку зрения. Это было бы наилучшим подтверждением того, что христианство этой книги — действительно подлинное первоначальное христианство. Однако следует попутно отметить, что Откровение определенно не принадлежит тому же автору, которым составлено евангелие или три послания, также приписываемый Иоанну.

Откровение состоит из ряда видений. В первом видении появляется Христос, облаченный в одежду первосвященника; он проходит посреди семи светильников, представляющих семь азиатских общин, и диктует «Иоанну» обращения к семи «ангелам» этих общин. Здесь уже в самом начале резко проявляется различие между *этим* христианством и мировой религией императора Константина, формулированной Никейским собо-

ром[485]. Святая троица не только неизвестна, она здесь невозможна. Вместо позднейшего *одного* святого духа мы имеем здесь «семь духов божиих», сконструированных раввинами на основании Книги Исайи, гл. XI, 2. Христос — сын божий, первый и последний, альфа и омега, но отнюдь не сам бог или равный богу; напротив, он — «начало *творения* божьего», следовательно, существующая испокон веков, но подчиненная эманация бога, как и упомянутые семь духов. В гл. XV, 3, мученики поют на небе «песнь Моисея, раба божия, и песнь агнца» для прославления бога. Таким образом, здесь Христос выступает не только как подчиненный богу, но даже как поставленный в известном отношении на одну ступень с Моисеем. Христос распят в Иерусалиме (XI, 8), но воскрес (I, 5, 18); он — «агнец», принесенный в жертву за грехи мира, и его кровью искуплены перед богом верующие всех народов и языков. Здесь мы находим ту основополагающую идею, благодаря которой первоначальное христианство смогло развиться в дальнейшем в мировую религию. Всем тогдашним религиям семитов и европейцев был присущ общий взгляд, согласно которому богов, оскорбленных поступками людей, можно умилостивить жертвой; первая революционная (заимствованная у филоновской школы) основополагающая идея христианства состояла для верующих в том, что одна великая добровольная жертва, принесенная посредником, искупила раз навсегда грехи всех времен и всех людей. Вследствие этого отпадала необходимость всяких дальнейших жертв, а вместе с этим рушилось и основание для множества религиозных обрядов; но освобождение от обрядности, которая затрудняла или делала запретным общение с иноверцами, было первым условием для мировой религии. И все же обычай жертвоприношения так глубоко вкоренился в нравы народов, что католицизм, восстановивший так много языческого, счел нужным приспособиться к этому обстоятельству введением хотя бы символического приношения даров. Наоборот, относительно догмата о первородном грехе в разбираемой нами книге нет и намека.

Но самое характерное в этих обращениях, как и во всей книге, то, что автору никогда и нигде не приходит в голову называть себя или своих единоверцев иначе, как — *иудеями.* Сектантам в Смирне и Филадельфии, на которых он обрушивается, он бросает такой укор:

> «Они говорят о себе, что они иудеи, а они не таковы, но сборище сатанинское».

О пергамских сектантах сказано, что они придерживаются учения Валаама, который научил Валака вводить в соблазн

сынов Израиля, чтобы они ели животных, приносимых в жертву идолам, и предавались блуду. Итак, мы имеем здесь дело не с сознательными христианами, а с людьми, выдающими себя за иудеев; правда, их иудейство является новой ступенью развития по отношению к прежнему иудейству, но именно поэтому оно — единственно истинное. Поэтому при явлении святых перед престолом господним сначала идут 144000 евреев по 12000 от каждого колена, и только потом следует бесчисленная масса язычников, обращенных в это обновленное иудейство. Вот как мало сознавал наш автор в 69 г. христианского летосчисления, что он — представитель совершенно новой фазы развития религии, фазы, которой предстояло стать одним из революционнейших элементов в духовной истории человечества.

Итак, мы видим, что христианство того времени, еще не осознавшее само себя, как небо от земли отличалось от позднейшей, зафиксированной в догматах мировой религии Никейского собора; оно до неузнаваемости не похоже на последнее. В нем нет ни догматики, ни этики позднейшего христианства; но зато есть ощущение того, что ведется борьба против всего мира и что эта борьба увенчается победой; есть радость борьбы и уверенность в победе, полностью утраченные современными христианами и существующие в наше время лишь на другом общественном полюсе — у социалистов.

В самом деле, борьба с всесильным вначале миром и одновременно борьба новаторов между собой — одинаково присущи как первым христианам, так и социалистам. Оба великих движения созданы не вождями и пророками, — хотя у обоих имеется достаточно пророков; оба они — массовые движения. А массовые движения на первых порах по необходимости сумбурны; сумбурны в силу того, что всякое мышление масс вначале противоречиво, неясно, бессвязно; сумбурны они, однако, и в силу той роли, какую на первых порах еще играют в них пророки. Эта сумбурность проявляется в образовании многочисленных сект, борющихся друг с другом по меньшей мере с таким же ожесточением, как и с общим внешним врагом. Так было во времена первоначального христианства, так было в ранний период социалистического движения, как это ни удручало тех благомыслящих обывателей, которые проповедовали единство там, где никакого единства не могло быть.

Разве сплоченность рядов Интернационала достигалась посредством какой-либо единой догмы? Напротив. Там были коммунисты в духе французской традиции периода до 1848 г., да и те опять-таки различных оттенков; коммунисты школы Вейтлинга и коммунисты другого рода, из возрожденного Союза

коммунистов; прудонисты, преобладавшие во Франции и Бельгии; бланкисты; германская рабочая партия; наконец, анархисты-бакунисты, взявшие на короткое время верх в Испании и Италии, — и это были только главные группировки. Со времени основания Интернационала потребовалась целая четверть столетия для того, чтобы окончательно и повсеместно произошло размежевание с анархистами и могло установиться единство хотя бы в отношении самых общих экономических точек зрения. И это при наших средствах сообщения, при железных дорогах, телеграфе, гигантских промышленных городах, периодической печати и организованных народных собраниях.

Первые христиане были также расколоты на бесчисленные секты, что как раз и служило средством вызывать споры и таким образом достигать впоследствии единства. Уже в этом нашем, несомненно, самом древнем документе христианства мы находим этот раскол на секты, и наш автор ополчается против них с такой же непримиримостью и ожесточенностью, как против всего греховного внешнего мира. Тут прежде всего николаиты — в Эфесе и Пергаме; далее, те, которые говорят, что они иудеи, а они не таковы, но сборище сатанинское — в Смирне и Филадельфии; приверженцы учения лжепророка, именуемого Валаамом, — в Пергаме; те, которые говорят, что они апостолы, но не являются ими, — в Эфесе; наконец, приверженцы лжепророчицы, названной Иезавелью, — в Тиатире. Подробнее об этих сектах мы ничего не знаем, только о последователях Валаама и Иезавели говорится, что они ели то, что приносилось в жертву идолам, и предавались блуду. Все эти пять сект пытались изобразить как христиан — последователей Павла, а все эти обращения — как обращения, направленные против Павла, лжеапостола, мнимого Валаама и «Николая». Соответствующие весьма малоубедительные аргументы Собраны у Ренана, «Св. Павел», Париж, 1869, стр. 303—305, 367—370[486]. Все они сводятся к попытке объяснить эти обращения, исходя из Деяний апостолов и из так называемых посланий Павла, то есть сочинений, которые, во всяком случае в их теперешнем виде, написаны по меньшей мере на 60 лет позднее Откровения; в силу этого содержащиеся в них фактические данные не только крайне сомнительны, но к тому же они полностью противоречат друг другу. Однако решающим является то соображение, что нашему автору не могло прийти в голову давать одной и той же секте пять различных названий, притом два — для одного Эфеса (лжеапостолы и николаиты), для Пергама — тоже два (валаамиты и николаиты), и в каждом случае к тому же вполне отчетливо как двум различным сектам. Не следует, впрочем,

отрицать вероятность того, что в состав этих сект входили и такие элементы, которых в настоящее время назвали бы как паулинистские.

В тех двух случаях, где указаны некоторые подробности, обвинение сводится к употреблению в пищу животных, приносимых в жертву идолам, и совершению блуда — два пункта, относительно которых евреи — как древние, так и христиане — вели вечный спор с обращенными в иудейство язычниками. У этих язычников мясо жертвенных животных не только подавалось на праздничных трапезах, на которых отказываться от угощения было неучтиво, да и могло стать опасным, оно продавалось также на общественных рынках, где не всегда можно было разобрать, кошерное оно или нет. Под блудом же евреи понимали не только внебрачные половые связи, но и брак между родственниками, степень родства которых не допускала этого по иудейскому закону, а также брак между иудеями и язычниками; в таком именно смысле обыкновенно истолковывается это слово в гл. XV, 20 и 29 Деяний апостолов. Но у нашего Иоанна есть свой взгляд и на те половые связи, которые разрешены правоверным иудеям. В гл. XIV, 4, он говорит о 144000 пребывающих на небе евреев:

«Это те, которые не осквернились с женами, ибо они девственники».

И в самом деле, на небе нашего Иоанна нет ни одной женщины. Он принадлежит, следовательно, к тому нередко встречающемуся и в других произведениях первоначального христианства направлению, которое вообще считало половые связи греховными. И если мы примем еще во внимание, что Рим он называет великой блудницей, с которой творили блуд цари земные, пьянея от вина ее блуда, а их купцы земные разбогатели от ее великого распутства, то мы никак не сможем понимать вышеуказанное слово в том узком, смысле, который хотела бы ему придать теологическая апологетика, чтобы таким способом выискать подтверждение для толкования других мест из Нового завета. Напротив, эти места обращений ясно указывают на явление, общее всем эпохам глубоких потрясений, а именно на то, что наряду со всеми другими преградами расшатываются и традиционные запреты половых связей. И в первые века христианства наряду с аскетизмом, умерщвляющим плоть, довольно часто проявляется тенденция включить в понятие христианской свободы и более или менее неограниченные связи между мужчиной и женщиной. Так же обстояло дело и в современном социалистическом движении. Какой невероятный ужас вызвала в тридцатых годах в тогдашней Германии, этой «благонравной

детской»*, сен-симонистская «rehabilitation de la chair»**, которая в немецком переводе превратилась в «восстановление плоти» [«Wiedereinsetzung des Fleisches»]! И больше всего пришли в ужас именно те господствовавшие тогда благородные сословия (классов у нас в те времена еще не было), которые как в Берлине, так и в своих поместьях и дня не могли прожить, не занимаясь постоянно восстановлением своей плоти! Что если бы эти достопочтенные люди знали еще и Фурье, который предусматривал для плоти и не такие вольности! По мере преодоления утопизма эти экстравагантности уступили место более рациональным и в действительности гораздо более радикальным понятиям; и с тех пор как Германия из «благонравной детской» Гейне развилась в центр социалистического движения, — над лицемерным негодованием благочестивого высшего света стали только посмеиваться.

Таковы все догматы, содержащиеся в обращениях. В остальном это пламенный призыв к сотоварищам ревностно вести пропаганду, смело и гордо провозглашать себя приверженцами своей веры перед лицом противников, неустанно бороться против внешних и внутренних врагов, — и, поскольку речь идет об этом, эти обращения с таким же успехом могли бы быть написаны каким-нибудь пророчески настроенным энтузиастом из Интернационала.

* Из стихотворения Гейне «К успокоению». *Ред.*
** — «реабилитация плоти». *Ред.*

III

Обращения являются лишь вступлением к основной теме того, что наш Иоанн возвещает семи малоазиатским общинам, а посредством их и остальному реформированному иудейству 69 г., из которого позднее развилось христианство. И здесь-то мы вступаем в святую святых первоначального христианства.

Из каких людей вербовались первые христиане? Преимущественно из «страждущих и обездоленных», принадлежавших к низшим слоям народа, как и положено революционному элементу. А из кого состояли эти последние? В городах они состояли из разорившихся свободных самого различного толка, подобных mean whites* южных рабовладельческих штатов или европейским бродягам и авантюристам в колониальных и китайских портах, затем из вольноотпущенников и особенно рабов; в латифундиях Италии, Сицилии, Африки — из рабов; в сельских местностях провинций из мелких крестьян, все более и более попадавших в долговую кабалу. Для всех этих элементов абсолютно не существовало какого-либо общего пути к освобождению. Для них всех рай был утрачен, лежал позади; для разоряющихся свободных это был прежний полис, одновременно и город и государство, в котором их предки были некогда свободными гражданами; для военнопленных рабов — прежняя свободная жизнь до пленения и порабощения; для мелких крестьян — уничтоженный родовой строй и общность владения землей. Все это смел с лица земли нивелирующий железный кулак римского завоевателя. Самыми крупными общественными группировками, которых достигла античность, были племя и союз родственных племен; у варваров в основе их организации лежали родовые связи, у основавших города греков и италиков — полис, охватывающий одно или несколько родственных

* — белым беднякам. *Ред.*

племен. Филипп и Александр придали эллинскому полуострову политическое единство, но этим еще не была создана греческая нация. Нации стали возможны только в результате падения римского мирового господства. Это господство раз навсегда положило конец мелким союзам; военное насилие, римское судопроизводство, аппарат для выколачивания налогов совершенно разрушили традиционную внутреннюю организацию. К потере независимости и самобытной организации прибавились насилия, грабеж со стороны военных и гражданских властей, которые сперва отнимали у покоренных их богатства, а затем снова давали им их взаймы под ростовщические проценты, чтобы дать им возможность выплачивать новые поборы. Налоговое бремя и вызванная им потребность в деньгах в местностях, где существовало только натуральное хозяйство или оно было преобладающим, все глубже ввергали крестьян в кабальную зависимость от ростовщиков, порождали крупные имущественные различия, обогащали богатых, доводили до полной нищеты бедных. А всякое сопротивление отдельных мелких племен или городов гигантской римской мировой державе было безнадежно. Где же был выход, где было спасение для порабощенных, угнетенных и впавших в нищету — выход, общий для всех этих различных групп людей с чуждыми или даже противоположными друг другу интересами? И все же найти такой выход было необходимо для того, чтобы все они оказались охваченными единым великим революционным движением.

Такой выход нашелся. Но не в этом мире. При тогдашнем положении вещей выход мог быть лишь в области религии. И тогда открылся иной мир. Продолжение существования души после смерти тела постепенно стало повсеместно общепризнанным в римском мире элементом веры. Точно так же все более и более общепринятой становилась вера в некое воздаяние или кару для умершей души за совершенные на земле поступки. Впрочем с воздаянием дело обстояло довольно неблагонадежно; древнему миру слишком был свойствен стихийный материализм, чтобы не ценить земную жизнь бесконечно выше жизни в царстве теней; у греков загробная жизнь считалась скорее несчастьем. Но вот появилось христианство, оно всерьез приняло воздаяние и кару в потустороннем мире, создало небо и ад, и был найден выход, который вел страждущих и обездоленных из нашей земной юдоли в вечный рай. И в самом деле, только надеждой на воздаяние в потустороннем мире можно было возвести стоико-филоновское самоотречение от мира и аскетизм в один из основных этических принципов новой мировой религии, способной увлечь угнетенные народные массы.

Но этот небесный рай вовсе не открывается для верующих прямо после смерти. Мы увидим, что царство божие, столица которого — новый Иерусалим, завоевывается и раскрывается лишь после ожесточенной борьбы с силами ада. Однако в представлении первых христиан эта борьба ожидалась в близком будущем. Наш Иоанн в самом начале характеризует свою книгу как откровение того, «чему надлежит быть *вскоре»;* вслед за этим, в стихе 3, он возвещает:

«Блажен читающий и слушающий слова пророчества сего, ибо *время близко»:*

Христос повелевает написать общине в Филадельфии: «Се, гряду *скоро». А* в последней главе ангел говорит, что он указал Иоанну то, «чему надлежит быть *вскоре»,* и повелевает ему:

«Не запечатывай слов пророчества книги сей, ибо, время *близко»;*

Христос же сам говорит дважды (стих 12 и 20): «Гряду *скоро».* Дальнейшее изложение нам покажет, как скоро ожидалось это пришествие.

Апокалипсические видения, которые теперь раскрывает перед нами автор, сплошь заимствованы, и большей частью буквально, из более ранних образцов. Они заимствованы частью у классических пророков Ветхого завета, особенно у Иезекииля, частью — из позднейших иудейских апокалипсисов, составленных по образцу Книги Даниила, в особенности из Книги Еноха, тогда уже написанной, по крайней мере частично. Критика детальнейшим образом установила, откуда заимствовал наш Иоанн каждую картину, каждое грозное предзнаменование, каждое бедствие, ниспосланное неверующему человечеству, — словом, весь материал своей книги; так что Иоанн не только обнаруживает полнейшее духовное убожество, но и явно показывает, что он даже в воображении не переживал своих мнимых экстазов и видений так, как он их описывает.

Последовательность этих видений вкратце такова. Сначала Иоанн видит бога, сидящего на престоле с книгой за семью печатями в руке, а перед ним — закланного, но ожившего агнца (Христа), который признается достойным снять печати. При их снятии происходят всевозможные грозные чудесные знамения. При снятии пятой печати Иоанн видит под алтарем бога души христовых мучеников, убиенных за слово божие, и они возглашали громко:

«Доколе, владыка, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?»

После этого им дают белые одежды и уговаривают их подождать еще немного, так как нужно, чтобы было убито еще больше мучеников. — Итак, здесь и речи еще нет о «религии любви», о призыве: «Любите врагов своих, благословляйте ненавидящих вас» и т. д.; здесь проповедуется месть, неприкрытая месть, здоровая, честная месть гонителям христиан. И так во всей книге. Чем ближе надвигается кризис, чем чаще обрушиваются с неба бедствия и кары, тем с большей радостью сообщает наш Иоанн, что огромная масса людей все еще не желает покаяться в своих грехах, что еще новые бичи божьи должны обрушиться на них, что Христос должен пасти их жезлом железным и топтать точило вина ярости и гнева бога вседержителя, но что нечестивцы все же будут упорствовать в сердцах своих. Это — естественное, свободное от всякого ханжества ощущение того, что происходит борьба и что a la guerre comme a la guerre*. — При снятии седьмой печати появляются семь ангелов с трубами; каждый раз, как один из них вострубит, свершаются новые страшные знамения. После того как вострубил седьмой, на сцену выходят новые семь ангелов с семью чашами гнева господня, которые изливаются на землю; опять новые бедствия и кары, в основном это большей частью утомительное повторение того, что уже много раз говорилось. Затем появляется жена-Вавилон, великая блудница в багряной одежде, сидящая на водах, упоенная кровью святых и мучеников иисусовых; это — великий город на семи холмах, царствующий над всеми царями земли. Она сидит на звере с семью головами и десятью рогами. Семь голов означают семь холмов, а также и семь «царей». Из этих царей пять пали, один есть, а седьмой еще придет, а после него еще придет один из первых пяти, смертельно раненный, но исцеленный. Последний будет царствовать на земле 42 месяца, или $3^1/_2$ года (половина священных семи лет), будет преследовать верующих, предавая их смерти, и воцарится безбожие. Но затем последует великая решительная битва; святые и мученики будут отомщены разрушением великой блудницы-Вавилона и всех ее приверженцев, то есть огромной массы людей; дьявол будет низвергнут в преисподнюю и заключен там на тысячу лет, в течение которых воцарится Христос вместе с воскресшими из мертвых мучениками. Но по истечении тысячи лет дьявол снова освободится, и произойдет новое великое сражение духов, в котором он будет окончательно побежден. Затем последует второе воскресение из мертвых, когда и остальные мертвые пробудятся и предстанут перед судилищем бога

* — на войне, как на войне. *Ред.*

(заметьте — бога, а *не* Христа!), и верующие вступят в новые небеса, на новую землю и в новый Иерусалим для вечной жизни.

Поскольку все это построено исключительно на иудейско-дохристианском материале, здесь содержатся почти только чисто иудейские представления. С тех пор как для народа Израиля наступили в этом мире тяжкие времена, начиная с обложения данью ассирийцами и вавилонянами, разрушения обоих царств, Израиля и Иудеи, и вплоть до порабощения Селевкидами, следовательно от Исайи до Даниила, всякий раз во время бедствия предсказывается появление спасителя. У Даниила, XII, 1—3, имеется даже предсказание о сошествии Михаила, ангела-хранителя евреев, который спасет их от великого бедствия; многие воскреснут из мертвых, произойдет своего рода страшный суд, и учителя, наставлявшие народ на праведный путь, будут вечно сиять как звезды. Христианским в Откровении Иоанна является лишь резкое подчеркивание близкого наступления царства Христа и блаженства воскресших верующих, главным образом мучеников.

Объяснением смысла этого предсказания в той мере, в какой оно относится к событиям того времени, мы обязаны немецкой критике, особенно Эвальду, Люкке и Фердинанду Бенари. Благодаря Ренану это объяснение стало доступно также и небогословским кругам. Что великая блудница-Вавилон означает Рим, — город на семи холмах, — это мы уже видели. О звере, на котором она сидит, в гл. XVII, 9—11, сказано следующее:

«семь голов» (зверя) «суть семь гор, на которых сидит жена, и семь царей; из них пять пали, один есть, а другой еще не пришел, и, когда придет, не долго ему быть. И зверь, который был и которого нет, есть восьмой и из числа семи и пойдет в погибель».

Здесь зверь означает римское мировое владычество, представляемое последовательно семью императорами, из которых один был смертельно ранен и больше не царствует, но исцелился и возвратится, чтобы в качестве восьмого установить царство богохульства и святотатства. Ему будет дано

«вести войну со святыми и победить их, и поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у агнца; всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание зверя на правую руку их, или на дело их, и никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое. Число его 666» (XIII, 7—18).

Мы лишь констатируем, что здесь, таким образом, упоминается бойкот как одно из средств, применявшихся против христиан со стороны римской мировой державы, — следовательно, ясно, что это является изобретением дьявола, — и переходим к вопросу, кто же этот римский император, который уже однажды царствовал, был смертельно ранен и исчез, но вернется как восьмой по порядку и будет играть роль антихриста.

Считая Августа первым по порядку, вторым был Тиберий, третьим — Калигула, четвертым — Клавдий, пятым — Нерон, шестым — Гальба. «Пять пали, один есть». То есть Нерон уже пал, а Гальба существует. Гальба царствовал с 9 июня 68 г. до 15 января 69 года. Но вслед за его восшествием на престол восстали легионы на Рейне под предводительством Вителлия, между тем как в других провинциях военные бунты подготовлялись другими полководцами. В самом Риме подняли мятеж преторианцы, убили Гальбу и провозгласили императором Отона.

Отсюда следует, что наше Откровение было написано в царствование Гальбы. Вероятно, в конце его правления или же, самое позднее, во время трехмесячного (до 15 апреля 69 г.) царствования Отона — «седьмого». Но кто же восьмой, который был и которого нет? Это раскрывает нам число 666.

У семитов — халдеев и иудеев — было в то время в ходу магическое искусство, которое основывалось на двояком значении букв. Приблизительно за 300 лет до нашей эры древнееврейские буквы стали употребляться также в качестве чисел: a = l; b = 2; g = 3; d = 4 и так далее. Прорицатели, предсказывавшие с помощью каббалы, подсчитывали сумму цифровых значений букв какого-либо имени и таким путем пытались пророчествовать; например, составляя слова или словосочетания с тем же цифровым значением, они делали для носителя этого имени выводы, касающиеся его будущего. Тем же языком чисел выражались также тайные слова и тому подобное. Это искусство называли греческим словом gematriah, геометрия. Халдеи, занимавшиеся этим по профессии и названные Тацитом mathematici, были при Клавдии, а позже при Вителлии изгнаны из Рима, вероятно, за «грубые бесчинства».

Именно посредством такой математики возникло также и наше число 666. За ним скрывается имя одного из первых пяти римских императоров. Но Ириней в конце второго столетия знал кроме числа 666 еще вариант — 616, появившийся во всяком случае в то время, когда многим была еще известна загадка этого числа[487]. Если искомое решение подойдет одинаково к обоим этим числам, то оно тем самым будет проверено.

Это решение было дано Фердинандом Бенари в Берлине. Имя это — Нерон. Число основано на נרונ קסר, Нерон кесарь, то есть на подтверждаемом талмудом и пальмирскими надписями древнееврейском начертании греческих слов Neron Kaisar, император Нерон, — слов, которые в виде надписи значились на нероновских монетах, чеканившихся в восточной половине империи. Именно: н(нун) = 50; р(реш) = 200; в(вав) как о = 6; н(нун) = 50; к(коф) = 100; с(самех) = 60; и р(реш) = 200; в итоге = 666. Если же мы примем за основу латинское начертание Nero Caesar, то отпадает второе нун — 50, и мы получаем 666—50 = 616, то есть вариант Иринея.

Действительно, во времена Гальбы всю Римскую империю охватила внезапная смута. Сам Гальба во главе испанских и галльских легионов двинулся на Рим, чтобы свергнуть Нерона; последний бежал и приказал одному вольноотпущеннику, чтобы он его убил. Но против Гальбы были в заговоре не только преторианцы в Риме, но и военачальники в провинциях; повсюду объявлялись новые претенденты на престол, готовившиеся идти со своими легионами на столицу. Империя, казалось, была отдана во власть междоусобной войны, ее распад казался близким. Ко всему этому распространился слух, особенно на Востоке, что Нерон не убит, а только ранен, что он бежал к парфянам и вернется из-за Евфрата с войсками, чтобы начать новое, еще более кровавое и страшное правление. Ахайя и Азия были особенно напуганы этими известиями. И как раз около того времени, когда было, по-видимому, написано Откровение, появился лже-Нерон, который с довольно многочисленными приверженцами обосновался вблизи Патмоса и Малой Азии, на острове Китносе в Эгейском море (на нынешней Термии), пока — еще при Отоне — он не был убит. Можно ли удивляться тому, что среди христиан, на которых Нерон предпринял первое серьезное гонение, распространилось мнение, что он вернется как антихрист и что его возвращение и неизбежно связанная с этим еще более настойчивая попытка кровавого истребления новой секты явятся предзнаменованием и прологом второго пришествия Христа, великой победоносной битвы с силами ада, «скорого» установления тысячелетнего царства, уверенность в наступлении которого позволяла мученикам с радостью идти на смерть?

Христианская и находившаяся под влиянием христианства литература первых двух столетий дает достаточно указаний на то, что тайна числа 666 была тогда известна многим.Ириней, правда, этой тайны уже не знал, но он, как и многие другие

люди, жившие вплоть до конца третьего столетия, знал, что под апокалипсическим зверем подразумевается возвращающийся Нерон. Затем теряется и этот след, и рассматриваемое нами сочинение подвергается фантастическим,толкованиям правоверных прорицателей будущего; в детстве я сам знал еще стариков, ожидавших вслед за старым Иоганном Альбрехтом Бенгелем наступления конца света и страшного суда в 1836 году. Это пророчество сбылось, и именно в тот год. Но только страшный суд свершился не над греховным миром, а над самими благочестивыми толкователями Откровения. Ибо именно в 1836 г. Ф. Бенари дал ключ к числу 666 и тем положил страшный конец всяким пророческим манипуляциям с числами, этой новой gematriah.

Относительно царства небесного, которое ожидает верующих, наш Иоанн может дать лишь самое поверхностное описание. Новый Иерусалим довольно велик, по крайней мере по понятиям того времени; он образует квадрат, каждая сторона которого равна 12 тысячам стадий = 2227 *км,* следовательно, площадью почти в 5 миллионов квадратных километров, больше половины Соединенных Штатов Америки; построен он из чистого золота и драгоценных камней. Там обитает бог среди верных ему, он светит им вместо солнца, и там нет больше ни смерти, ни скорби, ни страданий; поток животворной воды протекает через город, и по берегам его растут древа жизни, приносящие двенадцать раз плоды, которые созревают каждый месяц; листья же «служат для исцеления язычников» (по мнению Ренана, это — вид лечебного чая. «Антихрист», стр. 542)[488]. Святые живут здесь вечно.

Так выглядело, насколько мы это знаем, христианство в Малой Азии, в своей главной резиденции, около 68 года. Нет и следа святой троицы — напротив, старый единый и неделимый Иегова позднего иудейства, когда он из иудейского национального божества превратился в единого высочайшего бога неба и земли, который претендует на господство над всеми народами, сулит милость обращенным и безжалостно сокрушает непокорных, верный античному правилу: parcere subjectis ac debellare superbos[*]. В соответствии с этим в день страшного суда в качестве судьи восседает сам этот бог, а не Христос, как изображается в позднейших евангелиях и посланиях. Согласно персидскому учению об эманации, усвоенному поздним иудейством, Христос-агнец изначала происходит от бога, а равным образом происходят — хотя они и рангом ниже — и «семь духов божиих»,

[*] — щадить покорившихся и укрощать надменных. *Ред.*

обязанных своим существованием неправильному пониманию одного поэтического места у Исайи (XI, 2). Все они — не бог и не равные богу, а подчинены ему. Агнец сам приносит себя в искупительную жертву за грехи мира и за это получает на небе определенное повышение в ранге, ибо это его добровольное самопожертвование расценивается на протяжении всей книги как исключительный подвиг, а не как нечто, с необходимостью вытекающее из самой его внутренней сущности. Само собой разумеется, что нет недостатка и в целом небесном придворном штате архангелов, херувимов, ангелов и святых. Чтобы стать религией, монотеизм с давних времен должен был делать уступки политеизму, начиная уже с Зенд-Авесты[489]. У евреев хронически происходило возвращение к языческим чувственным богам до тех пор, пока создание — после изгнания[490] — небесного придворного штата, по персидскому образцу, несколько больше приспособило религию к народной фантазии. И христианство само, даже после того, как оно заменило вечно равного себе застывшего иудейского бога внутренне расчлененным, таинственным триединым божеством, могло вытеснить у народных масс культ старых богов только посредством культа святых; так, по словам Фаллмерайера, культ Юпитера совершенно исчез на Пелопоннесе, в Майне, в Аркадии лишь около IX века («История полуострова Мореи», ч. I, стр. 227[491]). Лишь современная буржуазная эпоха с ее протестантизмом снова устраняет святых и принимает, наконец, всерьез монотеизм с расчлененным богом.

Столь же мало известно разбираемому нами сочинению учение о первородном грехе и об очищении верой. Вера этих воинствующих первых общин совсем не похожа на веру позднейшей торжествующей церкви; наряду с искупительной жертвой агнца ее важнейшим содержанием являются близкое второе пришествие Христа и грядущее в скором времени тысячелетнее царство, и вера эта утверждается лишь деятельной пропагандой, неустанной борьбой с внешним и внутренним врагом, горделивым провозглашением своей революционной точки зрения пред лицом языческих судей, готовностью умереть мученической смертью во имя грядущей победы.

Мы видели, что автор совсем еще не знает, что он — нечто иное, чем иудей. В соответствии с этим во всей книге нет нигде ни слова о крещении, да и многое другое убеждает нас в том, что крещение является институтом второго периода христианства. 144 тысячи верующих евреев подвергаются «запечатлению», а не крещению. О святых на небе и о верующих на земле говорится, что они смыли с себя грехи и омыли свои белые одежды

и убелили их кровью агнца, о купельной воде нет и речи. Оба пророка, предшествующие появлению антихриста (гл. XI), тоже никого не подвергают крещению, и, согласно гл. XIX, 10, свидетельство Иисуса — не крещение, а дух пророчества. Во всех этих случаях было бы естественно упомянуть о крещении, если бы оно тогда уже имело значение; поэтому мы можем почти с абсолютной уверенностью заключить, что наш автор не знал крещения, что оно появилось лишь тогда, когда христиане окончательно отделились от иудеев.

Столь же мало знает автор о втором, более позднем таинстве — причащении. Если в лютеранском тексте Христос обещает каждому твердому в вере тиатирцу прийти к нему и причаститься с ним, то это лишь вводит в заблуждение. В греческом тексте стоит deipneso — я отужинаю (с ним), и английская библия совершенно верно передает это словами: I shall *sup* with him. О причащении даже как о простой поминальной трапезе здесь абсолютно нет речи.

В том, что наша книга с ее столь своеобразно установленной датой — 68 или 69 г. — является самой древней из всей христианской литературы, не может быть сомнения. Нет ни одной другой книги, которая была бы написана таким варварским языком, кишащим гебраизмами, невероятными конструкциями и грамматическими ошибками. Так, в гл. I, 4, сказано дословно следующее:

«Благодать вам и мир от сущий и бывший и будущий».

То, что евангелия и Деяния апостолов представляют собой поздние переработки утерянных теперь сочинений, зыбкую историческую основу которых в настоящее время уже невозможно распознать под легендарными наслоениями; что даже так называемые «подлинные» послания апостолов являются, согласно Бруно Бауэру, либо более поздними сочинениями[*], либо в лучшем случае обработками, посредством вставок и добавлений, старых произведений неизвестных авторов, — это в настоящее время отрицают лишь профессиональные теологи или другие пристрастные историки. Тем важнее то обстоятельство, что здесь мы имеем книгу, время написания которой установлено с точностью до нескольких месяцев, — книгу, рисующую нам христианство в его неразвитой форме, в форме, в которой оно примерно так же относится к государственной религии

[*] Во французском авторизованном переводе, опубликованном в журнале «Le Devenir social», начало этого предложения дано в следующей редакции: «что даже три-четыре послания апостолов, все еще признававшихся подлинными Тюбингенской школой, являются, как показал своим глубоким анализом Бруно Бауэр, не более как поздними сочинениями»; далее, как в немецком тексте. *Ред.*

четвертого века, с ее разработанной догматикой и мифологией, как еще неустойчивая мифология германцев времен Тацита относится к развившимся под влиянием христианских и античных элементов мифам о богах, изложенным в «Эдде»[492]. Зародыш мировой религии здесь имеется, но этот зародыш еще в одинаковой степени заключает в себе тысячу возможностей развития, которые нашли свое осуществление в бесчисленных позднейших сектах. И этот древнейший памятник периода становления христианства особенно важен для нас именно потому, что он дает нам в чистом виде то, что иудейство — под сильным александрийским влиянием — внесло в христианство. Все позднейшее является западной, греко-римской примесью. Только при посредстве монотеистической иудейской религии просвещенный монотеизм позднейшей греческой вульгарной философии мог принять ту религиозную форму, в которой он только и был в состоянии увлечь массы. Но и найдя такое посредствующее звено, монотеизм мог стать мировой религией лишь в греко-римском мире, путем дальнейшего развития выработанного этим миром круга идей и слияния с ним.

АНГЛИЙСКИМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ И РАБОЧИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ [493]

Дорогие товарищи![*]

По поручению Исполнительного совета Социалистической рабочей партии Испании довожу до сведения английских рабочих и социалистических организаций, что четвертый ежегодный съезд Социалистической партии Испании состоится в Мадриде 29 августа и в последующие дни и что несколько приветственных строк по этому поводу — на испанском или французском языке, — направленных английскими друзьями по адресу, приложенному в конце этого письма, будут приняты с благодарностью.

Поскольку конгресс тред-юнионов, состоявшийся в 1893 г. в Белфасте[494], принял резолюцию, требующую социализации всех средств производства и обмена, и тем самым примкнул к международному социалистическому движению, я считаю своим долгом включить также и их орган — Парламентский комитет — в список тех организаций, которым адресуется это приглашение[**].

Это приглашение адресуется:

Лиге борьбы за восьмичасовой рабочий день,

Социал-демократической федерации,

Независимой рабочей партии,

Фабианскому обществу,

Парламентскому комитету Конгресса тред-юнионов,

Профессиональному союзу рабочих газовых предприятий и чернорабочих[495].

Уважающий вас ***Ф. Энгельс***

Пабло Иглесиасу, улица Эрнана Кортеса, 8. Мадрид

Написано 6 августа 1894 г.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIX, 1946 г.

Печатается по черновой рукописи, сверенной с вариантом, адресованным секретарю Фабианского общества

Перевод с английского

[*] В варианте, адресованном секретарю Фабианского общества, вместо слов «Дорогие товарищи!» написано: «Дорогой сэр». *Ред.*

[**] В рукописи этот абзац заключен в квадратные скобки; в варианте, адресованном секретарю Фабианского общества, он отсутствует. *Ред.*

ТРЕТЬЕМУ СЪЕЗДУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ИТАЛЬЯНСКИХ ТРУДЯЩИХСЯ

(ПИСЬМО К. ДЕЛЛ'АВАЛЛЕ)[496]

Истборн, 6 сентября

Дорогой гражданин![*]

... Но если я не имею возможности лично присутствовать на вашем съезде, я шлю вам, вместе с тем, наилучшие пожелания успеха в вашей деятельности в интересах международного социализма.

Итальянские социалисты подвергнуты действию неслыханного исключительного закона[497], который, несомненно, будет стоить им нескольких лет жестоких страданий. Что ж! И другим пришлось проходить через подобные испытания.

После падения Парижской Коммуны буржуазная реакция во Франции была опьянена кровью пролетариев, и вот результат: 50 депутатов-социалистов во французской палате.

В Германии Бисмарк в течение целых двенадцати лет держал социалистов вне закона, но социалисты опрокинули исключительный закон, они отстранили Бисмарка от власти и сейчас являются самой сильной партией в империи.

То, что сделали французские и немецкие рабочие, сделают так же и итальянские рабочие. То, чего не сумели добиться Тьер, Мак-Магон, Бисмарк, не добьется и какой-то там Криспи. Победа за вами![**]

Да здравствует международный революционный социализм!

Братский привет

Фридрих Энгельс

Напечатано в переводе на итальянский язык в газете «Lotta di classe» № 38, 22—23 сентября 1894 г.

Печатается по тексту газеты, сверенному с черновой рукописью на французском языке

Перевод с итальянского

[*] В рукописи после обращения следует текст, опущенный при публикации: «Ваше письмо от 30 августа не застало меня в Лондоне и было переслано мне сюда — этим объясняется задержка с ответом, о чем я глубоко сожалею. Благодарю лично Вас и итальянских социалистов, которых Вы представляете, за любезно присланное мне приглашение. К сожалению, я не могу им воспользоваться». *Ред.*

[**] В рукописи вместо слов «за вами!» написано; «за нами!» *Ред.*

ПРИВЕТСТВИЕ СОЦИАЛИСТАМ СИЦИЛИИ [498]

Привет и пожелания многих лет жизни вашей газете, органу сицилийских рабочих, привет вашей реорганизующейся партии*.

Природа создала из Сицилии земной рай. И этого оказалось достаточно, чтобы человеческое общество, разделенное на противоположные классы, превратило ее в ад.

Греко-римский античный мир для эксплуатации крупных поместий и рудников наградил Сицилию рабством.

Средние века заменили рабство крепостничеством и феодальным строем.

Современная эпоха, претендующая на то, что она уничтожила эти оковы, на самом деле изменила лишь их форму. Она не только сохранила в силе старые повинности; она добавила к ним новую форму эксплуатации, наиболее жестокую, наиболее безжалостную из всех — капиталистическую эксплуатацию.

Античные** поэты Сицилии, Феокрит и Мосх, воспевали идиллическую жизнь рабов-пастухов, своих современников; несомненно, это были красивые поэтические мечты. Но найдется ли современный поэт, который осмелится воспеть идиллическую жизнь «свободных» трудящихся нынешней Сицилии? Разве крестьяне этого острова не были бы счастливы, если бы они могли обрабатывать свои участки даже на тяжелых условиях римской испольной системы аренды? Вот к чему привела капиталистическая система: свободные люди оплакивают прежнее рабство!

---

* В рукописи эта фраза дана в следующей редакции; «Привет и пожелание долгой жизни органу сицилийских рабочих, только что вновь появившемуся на свет!». *Ред.*

** В рукописи вместо слова «Античные» написано: «Древнегреческие». *Ред.*

Но пусть они не падают духом. Для угнетенных классов всех стран занимается заря нового, лучшего общества. И повсюду угнетенные массы смыкают свои ряды, повсюду они договариваются друг с другом, вопреки границам, вопреки различию языков. Формируется армия международного пролетариата, — и наступающий новый век приведет ее к победе!

(Лондон) ***Ф. Энгельс***

Написано 26 сентября 1894 г.

Напечатано в переводе на итальянский язык в газете «La Riscossa» 30 июня 1895г. и в журнале «Critica Sociale» № 16, 16 августа 1895 г.

Печатается по тексту журнала, сверенному с черновой рукописью на французском языке

Перевод с итальянского

СОЦИАЛИЗМ МЕЖДУНАРОДНЫЙ И СОЦИАЛИЗМ ИТАЛЬЯНСКИЙ

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «CRITICA SOCIALE»)[499]

В момент, когда молодая социалистическая партия Италии подвергается ударам жесточайшей правительственной реакции, наш долг, долг социалистов по другою сторону Альп, попытаться оказать ей помощь. Мы не можем воспрепятствовать роспуску секций и обществ, но, может быть, не совсем бесполезным окажется наше свидетельство перед лицом гнусной и бесстыдной клеветы, распространяемой официозной и продажной прессой.

Эта пресса бросает итальянским социалистам упрек в том, что они намеренно делают вид, будто ведут марксистскую пропаганду*, чтобы скрыть под этой маской совсем иную политику, политику, провозглашающую «классовую борьбу» (которая «вернула бы нас к средневековью») и направленную на создание политической партии, цель которой — «завоевать государственную власть»; между тем социалистические партии других стран, и в особенности немецкие социалисты, «не занимаются политикой, не нападают на существующую форму правления»; одним словом, они являются совершенно безобидными добрыми малыми, над которыми можно посмеяться!

Если здесь и смеются над кем-либо, то именно над итальянской публикой. Ей не посмели бы преподносить подобные глупости, если бы не считали, что она решительно ничего не знает о том, что происходит во внешнем мире. Если итальянские социалисты провозглашают «классовую борьбу» как господствующий фактор в том обществе, в котором мы живем, если

---

* В рукописи после слова «пропаганду» добавлено: «по образцу немецких социалистов». *Ред.*

они организуются в «политическую партию, ставящую себе целью завоевать государственную власть и руководить национальными делами», то они ведут марксистскую пропаганду в подлинном смысле слова; они строго придерживаются линии, указанной в «Манифесте Коммунистической партии», опубликованном Марксом и мной в 1848 году; они действуют так же, как действуют и социалистические партии Франции, Бельгии, Швейцарии*, Испании и прежде всего Германии. Среди этих партий нет ни одной, которая не стремилась бы к завоеванию политической власти, точно так же как стремятся к этому и другие партии, консервативные, либеральные, республиканские и прочие.

Что касается «классовой борьбы», то она уводит нас не только к «средневековью», но и к внутренним конфликтам, происходившим в античных республиках — Афинах, Спарте, Риме. Все эти конфликты были классовой борьбой. Со времени разложения первобытных общин борьба между классами, из которых состоит каждое общество, всегда являлась великой движущей силой исторического развития. Эта борьба исчезнет лишь с исчезновением самих классов, то есть после победы социализма. А до тех пор противостоящие друг другу классы, пролетариат, буржуазия, земельная аристократия**, будут по-прежнему вести между собой борьбу, что бы ни говорила официозная итальянская печать.

К тому же Италия проходит в настоящее время через те же испытания, через которые прошла Германия*** в течение двенадцати лет исключительного закона. Германия одержала победу над Бисмарком. Социалистическая Италия справится с Криспи****.

Фридрих Энгельс

Лондон, 27 октября 1894 г.

Напечатано в переводе на итальянский язык в журнале «Critica Sociale» № 21, 1 ноября 1894 г.

Печатается по тексту журнала, сверенному с черновой рукописью на французском языке

Перевод с итальянского

* В рукописи слово «Швейцарии» отсутствует. *Ред.*

** В рукописи слова: «пролетариат, буржуазия, земельная аристократия» отсутствуют. *Ред.*

*** В рукописи вместо слова «Германия» написано: «социалистическая Германия». *Ред.*

**** В рукописи последняя фраза дана в следующей редакции: «Немцы победили Бисмарка, итальянцы справятся с Криспи». *Ред.*

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «VORWARTS»

По сообщениям партийной печати, товарищ Фольмар, выступая в прениях по аграрному вопросу на Франкфуртском партийном съезде 25 октября, сослался на решения съезда французских социалистов в Нанте[500], «получившие *прямое одобрение Фридриха Энгельса».* Согласно сообщению газеты «Vorwarts» от 10 ноября, это утверждение распространяет также и печать наших противников[501]. Я вынужден поэтому заявить, что в данном случае произошла ошибка и что Фольмар, очевидно, располагает в отношении меня совершенно неверной информацией.

Насколько мне помнится, я направил во Францию в связи с Нантской программой только два уведомления. Первое, сделанное *до* съезда в ответ на запрос одного французского товарища[*], сводилось к следующему: развитие капитализма неминуемо ведет к уничтожению мелкокрестьянской земельной собственности. Наша партия отдает себе в этом вполне ясный отчет, но у нее нет решительно никаких оснований собственным вмешательством еще более ускорять этот процесс. Поэтому против правильно намеченных мер, имеющих целью сделать для мелких крестьян их неизбежную гибель менее мучительной, принципиально ничего возразить нельзя; но если идут дальше, если желают навеки сохранить мелкого крестьянина, то стремятся, по моему мнению, к экономически невозможному, жертвуют принципом, встают на реакционную точку зрения.

Во втором уведомлении, *после* съезда, я высказал лишь предположение, что в кругу социалистов наши французские друзья

[*] По-видимому, П. Лафарга. *Ред.*

останутся одинокими в своей попытке увековечить не только мелкого крестьянина-собственника, но и мелкого арендатора, эксплуатирующего чужой труд.

Итак, поскольку я вообще высказывался по этому вопросу, я утверждал как раз обратное тому, что сообщили Фольмару.

Но раз уж меня впутали в это дело, то, по-видимому, мне не остается ничего другого, как высказать более определенно свои взгляды. Поэтому я предполагаю поместить в «Neue Zeit» небольшую статью с изложением и обоснованием своей точки зрения*.

Ф. Энгельс

Лондон, 12 ноября 1894 г.

Напечатано в газете «Vorwarts» № 268, 16 ноября 1894 г. и в приложении к газете «Der Sozialdemokrat» № 43, 22 ноября 1894 г.

Печатается по тексту газеты «Vorwarts»

Перевод с немецкого

* См. настоящий том, стр. 501—525. *Ред.*

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС ВО ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ[502]

Написано между 15 и 22 ноября 1894 г.

Напечатано в журнале «Die Neue Zeit», Bd. 1, № 10, 1894—1895 гг.

Подпись:Фридрих Энгельс

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

Буржуазные и реакционные партии дивятся необычайно, что в настоящее время внезапно у социалистов встал повсюду на очередь крестьянский вопрос. Им следовало бы, собственно, удивляться тому, что это не произошло уже давно. От Ирландии до Сицилии, от Андалузии до России и Болгарии крестьянин является весьма существенным фактором населения, производства и политической силы. Исключением являются только две области Западной Европы. В собственно Великобритании крупное землевладение и крупное земледелие совершенно вытеснили живущего своим хозяйством крестьянина; в ост-эльбской Пруссии происходит в течение уже нескольких столетий тот же самый процесс, и здесь также крестьянин все более и более «устраняется»* или, по крайней мере, отодвигается на задний план в экономическом и политическом отношении.

В качестве фактора политической силы крестьянин до сих пор проявляет себя в большинстве случаев только своей апатией, которая коренится в изолированности деревенской жизни. Эта апатия широкой массы населения есть сильнейшая опора не только парламентской коррупции в Париже и в Риме, но также и русского деспотизма. Но эта апатия отнюдь не непреодолима. С тех пор как возникло рабочее движение, западноевропейским буржуа, особенно в тех местах, где преобладает парцелльная крестьянская собственность, не очень-то трудно было возбуждать в крестьянах подозрение и ненависть к социа-

* Wird «gelegt». Bauernlegen — технический термин изгнания, экспроприации крестьян в истории Германии. *(Примечание В. И. Ленина к сделанному им переводу начала работы Энгельса.)*

листическим рабочим, разрисовывать этих последних перед крестьянской фантазией как partageux, как сторонников «дележки», как ленивых, жадных горожан, покушающихся на крестьянскую собственность. Неясные социалистические порывы февральской революции 1848 г. были быстро сметены реакционным голосованием французских крестьян; крестьянин, хотевший, чтобы его оставили в покое, извлек из кладезя своих воспоминаний легенду о крестьянском императоре Наполеоне и создал Вторую империю. Все мы знаем, чего стоил французскому народу один этот подвиг крестьянства; от последствий этого подвига страдает французский народ и по сю пору.

Но с тех пор многое переменилось. Развитие капиталистической формы производства перерезало жизненный нерв у мелкого производства в сельском хозяйстве, и это мелкое производство гибнет и приходит в упадок неудержимо. Конкуренция Северной и Южной Америки и Индии засыпала европейский рынок дешевым хлебом, до того дешевым, что с ним не мог конкурировать ни один европейский производитель. На крупного землевладельца и на мелкого крестьянина, на обоих одинаково надвигается гибель. А так как они оба землевладельцы и деревенские жители, то крупный землевладелец объявляет себя передовым борцом за интересы мелкого крестьянина, и мелкий крестьянин — в общем и целом — признает его борцом за свои интересы.

А между тем на Западе выросла могучая социалистическая рабочая партия. Смутные предчувствия и стремления эпохи февральской революции прояснились, стали шире и глубже, превратились в удовлетворяющую всем требованиям науки программу с определенными, осязательными требованиями; постоянно растущее число социалистических депутатов отстаивает эти требования в германском, французском, бельгийском парламентах. Завоевание политической власти социалистической партией стало делом недалекого будущего. Но чтобы завоевать политическую власть, эта партия должна сначала из города пойти в деревню, должна сделаться силой в деревне. Социалистическая партия, которая отличается от других партий ясным пониманием связи экономических причин с политическими последствиями, которая благодаря этому и открыла уже давно волчий облик под овечьей шкурой крупного помещика, навязывающегося в друзья крестьянину, — может ли эта партия спокойно оставить обреченного на гибель крестьянина в руках его лжезащитников, оставить до тех пор, пока крестьянин не будет превращен из пассивного в активного противника промышленных рабочих? И вот — мы в центре крестьянского вопроса.

I

Сельское население, к которому мы можем обратиться, состоит из весьма различных составных частей, которые в свою очередь различаются еще по отдельным местностям.

На западе Германии, как и во Франции и в Бельгии, господствует мелкое производство парцелльных крестьян, которые большей частью являются собственниками, в меньшинстве случаев — арендаторами своих кусочков земли.

На северо-западе — в Нижней Саксонии и Шлезвиг-Гольштейне — преобладают крупные и средние крестьяне, которые не могут обходиться без батраков, батрачек и даже поденщиков. То же самое — в известной части Баварии.

В ост-эльбской Пруссии и в Мекленбурге мы имеем область крупного землевладения и крупного производства с дворовой челядью, батраками и поденщиками, а кое-где, в сравнительно небольшом и постоянно убывающем числе, — мелких и средних крестьян.

В Средней Германии мы встречаем смесь всех этих форм производства и землевладения в различных пропорциях, в зависимости от местности, причем ни одна из этих форм не получает преобладания на сколько-нибудь крупной площади.

Кроме того, есть местности различных размеров, в которых собственная или арендованная пашня недостаточна для пропитания семьи и служит лишь базисом для какого-нибудь кустарного промысла, делая для него возможными низкие, непостижимо низкие без этого условия, размеры заработной платы, которые обеспечивают прочный сбыт продуктам при какой бы то ни было чужестранной конкуренции.

Какие же из этих подразделений сельского населения могут быть привлечены к социал-демократической партии? Мы исследуем этот вопрос, само собой разумеется, лишь в общих чертах; мы подвергнем рассмотрению только резко выраженные формы; недостаток места не позволяет нам остановиться на промежуточных ступенях и на случаях смешанного состава сельского населения.

Начнем с мелкого крестьянина. Из всех крестьян этот разряд — самый важный, и не только для Западной Европы вообще. Нет, и по отношению ко всему вопросу центр тяжести лежит именно в этом разряде. Раз мы выяснили себе наше отношение к мелкому крестьянину, мы имеем уже все опорные пункты для определения нашего отношения к остальным составным частям сельского населения.

Под мелким крестьянином мы понимаем здесь собственника или арендатора — в особенности собственника — кусочка земли, не больше того, что он может, по общему правилу, обработать при помощи своей собственной семьи, и не меньше того, что прокармливает его семью. Таким образом, этот мелкий крестьянин, как и мелкий ремесленник, есть рабочий, отличающийся от современного пролетария тем, что он еще владеет своими средствами труда; это, следовательно, остаток такого способа производства, который принадлежит уже прошлому. От своего предка, крепостного, зависимого или, в случаях редкого исключения, свободного, но обязанного оброком и барщиной крестьянина, он отличается в трояком отношении. Во-первых, тем, что французская революция освободила его от феодальных поборов и повинностей, которыми он обязан был помещику, и в большинстве случаев, по крайней мере на левом берегу Рейна, обеспечила ему его крестьянский участок как его свободную собственность. Во-вторых, тем, что он лишился защиты самоуправляющейся общины, членом которой он был, а вместе с тем лишился и своей доли в праве пользования старинной общинной землей. Общинная земля мошеннически была отнята у него частью бывшим его феодальным господином, частью либеральным, основанным на римском праве, бюрократическим законодательством, и современный мелкий крестьянин лишился тем самым возможности содержать свой рабочий скот без покупки кормов. А в отношении хозяйственном потеря права на общинную землю с избытком перевешивает отмену феодальных поборов; число крестьян, не имеющих возможности содержать рабочий скот, возрастает непрерывно. В-третьих, теперешний крестьянин отличается тем, что он потерял половину своей прежней производительной работы. Прежде он со своей семьей

сам производил из добытого им же сырья большую часть тех продуктов промышленности, в которых он нуждался; остальные его нужды удовлетворяли деревенские соседи, занимавшиеся ремеслом наряду с земледелием и получавшие плату большей частью в виде даваемых им в обмен продуктов или оказываемых им взаимных услуг. Семья, а еще в большей мере деревня, довлела сама себе, производила почти все, что ей было нужно. Это было почти полное натуральное хозяйство, в деньгах почти что совсем и не нуждались. Капиталистическое производство положило этому конец посредством денежного хозяйства и крупной промышленности. А если общинная земля была первым основным условием существования крестьянина, то промышленный подсобный промысел был вторым таким условием. И вот крестьянин падает все глубже и глубже. Налоги, неурожаи, разделы между наследниками, судебные процессы гонят одного крестьянина за другим к ростовщику, задолженность распространяется все шире и становится для каждого в отдельности все тяжелее, — одним словом, наш мелкий крестьянин, как и всякий пережиток отжившего способа производства, неудержимо идет к гибели. Он — будущий пролетарий.

В качестве такового он должен был бы охотно прислушиваться к социалистической пропаганде. Но этому пока еще препятствует вошедшее у него в плоть и кровь чувство собственности. Чем тяжелее становится для него борьба за его клочок земли, подвергающийся стольким опасностям, тем с более упорным отчаянием цепляется он за него, тем более склонен он видеть в социал-демократе, говорящем ему о передаче земельной собственности в руки всего общества, столь же опасного врага, как в ростовщике и адвокате. Какими средствами должна социал-демократия бороться с этим предрассудком? Что может она предложить гибнущему мелкому крестьянину, не изменяя самой себе?

Мы имеем тут практическую точку опоры в аграрной программе французских социалистов марксистского направления, и эта программа заслуживает тем большего внимания, что она исходит из классической страны мелкого крестьянского хозяйства.

На Марсельском съезде в 1892 г. была принята первая аграрная программа партии[503]. Она требует для безземельных сельскохозяйственных *рабочих* (то есть поденщиков и дворовой челяди): минимума заработной платы, установленного профессиональными союзами и общинными советами; введения сельских промысловых судов, состоящих наполовину из рабочих; запрещения продажи общинной земли и сдачу государственных земель в аренду общинам, которые должны сдавать всю эту

землю — и свою собственную и арендованную — ассоциациям семей безземельных сельскохозяйственных рабочих для совместной обработки, с запрещением применять наемных рабочих и под контролем общины; пенсий по старости и инвалидности, которые покрывались бы особым налогом на крупную земельную собственность.

Для *мелких крестьян,* к которым здесь относят также и арендаторов, программа требует: приобретения общинами сельскохозяйственных машин для сдачи их по себестоимости в наем крестьянам; создания крестьянских товариществ для покупки удобрения, дренажных труб, семян и т. п. и для продажи продуктов; отмены налога, взимаемого при переходе из одних рук в другие собственности на земельные участки, если стоимость их не превышает 5000 франков; учреждения посреднических комиссий по ирландскому образцу с целью снижения чрезмерных арендных цен и для возмещения уходящим арендаторам и издольщикам (metayers) за осуществленное ими повышение стоимости участка земли; отмены статьи 2102 Code civil*, дающей земельному собственнику право отбирать за долги урожай, и лишения кредиторов права накладывать арест на хлеб на корню; запрещения накладывать арест на определенный минимум земледельческих орудий, урожая, семян, удобрения, рабочего скота, — одним словом, всего того, без чего крестьянин не может вести свое хозяйство; ревизии давно устаревшего общего земельного кадастра, а пока — местной ревизии в каждой общине; наконец, бесплатного сельскохозяйственного специального образования и организации сельскохозяйственных опытных станций.

Мы видим, что требования, выставляемые в интересах крестьян — требований -в интересах рабочих мы здесь пока касаться не будем, — идут не очень далеко. Часть их в других странах уже осуществлена. Посреднические суды для арендаторов определенно строятся по ирландскому образцу. Крестьянские товарищества уже существуют в прирейнских областях. Ревизия кадастра составляет во всей Западной Европе постоянное благое пожелание всех либералов и даже бюрократов. Остальные пункты программы также могут быть осуществлены без особого ущерба для существующего капиталистического строя. Мы говорим это только для характеристики программы, отнюдь не в упрек ей, — наоборот.

При помощи этой программы партия добилась у крестьян самых различных областей Франции таких больших успехов,

* — Гражданского кодекса. *Ред.*

что — аппетит ведь приходит во время еды — нашим французским товарищам захотелось еще больше приспособить ее ко вкусу крестьян. При этом чувствовали, правда, что встают на опасный путь. Как можно помочь крестьянину, —не как будущему пролетарию, а как нынешнему крестьянину-собственнику, — не нарушая основных принципов общей социалистической программы? Чтобы предупредить это возражение, новым практическим предложениям предпослана теоретическая мотивировка, пытающаяся доказать, что в принципы социализма входит защита мелкой крестьянской собственности от гибели при капиталистическом способе производства, хотя самим авторам совершенно ясно, что гибель эта неизбежна. Эту мотивировку, равно как и самые требования, принятые в сентябре нынешнего года на Нантском съезде, мы рассмотрим теперь подробнее. Мотивировка начинается следующим образом:

«Принимая во внимание, что, согласно дословному тексту общей программы партии, производители могут быть свободны лишь при условии, если они владеют средствами производства;

принимая во внимание, что если в области промышленности эти средства производства уже достигли такой степени капиталистической централизации, что могут быть возвращены производителям только в коллективной или общественной форме, то — по крайней мере в нынешней Франции — дело обстоит совершенно иначе в области сельского хозяйства, где средство производства, а именно земля, в очень многих местах находится еще в качестве индивидуального владения в руках отдельных производителей;

принимая во внимание, что, хотя это положение, характеризуемое парцелльной собственностью, неминуемо обречено на гибель (est fatalement appele a disparaitre), социализм тем не менее не призван ускорять эту гибель, так как его задача состоит ведь не в том, чтобы отделять собственность от труда, а, напротив, в том, чтобы соединить в одних руках оба эти фактора всякого производства, разделение которых ведет к рабству и нищете работников, низведенных до положения пролетариев;

принимая во внимание, что если, с одной стороны, обязанность социализма состоит в том, чтобы снова ввести сельскохозяйственных пролетариев во владение — в коллективной или общественной форме — крупными имениями после экспроприации их нынешних праздных собственников, то, с другой стороны, не менее настоятельная обязанность социализма состоит в том, чтобы защищать владение живущего своим трудом крестьянина против фиска, ростовщика и против посягательств со стороны вновь возникших крупных землевладельцев;

принимая во внимание, что целесообразно также распространить эту защиту и на тех производителей, которые под именем арендаторов или издольщиков (metayers) обрабатывают чужую землю и которые, даже когда они эксплуатируют поденщиков, в известной мере вынуждены к этому эксплуатацией, тяготеющей над ними самими —

Рабочая партия, которая в противоположность анархистам не рассчитывает, для преобразования общественного строя, на рост и распространение нищеты, а ждет освобождения труда и всего общества только от организации и совместных усилий трудящихся как города, так и деревни, когда они захватят исполнительную и законодательную власть, —

эта Рабочая партия приняла следующую аграрную программу, чтобы объединить для совместной борьбы против общего врага, феодального землевладения, все элементы сельского производства, все виды деятельности, которые на различных юридических основаниях имеют прямое отношение к эксплуатации земли страны».

Рассмотрим теперь несколько подробнее эти «мотивировки».

Прежде всего, то положение французской программы, что предпосылкой для свободы производителей является владение средствами производства, следует дополнить непосредственно следующим за ним положением о том, что владение средствами производства возможно только в двух формах: либо как индивидуальное владение, которое в качестве общей формы для всех производителей не существовало никогда и нигде и которое с каждым днем все более исключается промышленным прогрессом, либо как общее владение, то есть в форме, материальные и интеллектуальные предпосылки которой созданы уже самим развитием капиталистического общества; что, следовательно, необходимо всеми средствами, какие имеются в распоряжении пролетариата, вести борьбу за переход средств производства в *общее* владение.

Таким образом, общее владение средствами производства выдвигается в программе как единственная главная цель, которой надо добиваться. И не только в области промышленности, где почва уже подготовлена, но и повсюду, а значит и в земледелии. Индивидуальное владение, согласно программе, никогда и нигде не существовало в качестве формы, общей для всех производителей; именно поэтому, а также потому, что оно и без того устраняется промышленным прогрессом, социализм заинтересован вовсе не в его сохранении, а в его устранении; ведь там, где и поскольку оно существует, становится невозможным общее владение. Уж если ссылаться на программу, то надо ссылаться на всю программу в целом, что существенно изменяет цитированное положение нантской мотивировки, ибо ставит выраженную в нем общеисторическую истину в зависимость от таких условий, при которых эта истина только и может теперь сохранять свою силу для Западной Европы и Северной Америки.

Владение отдельных производителей средствами производства не дает уже им в наше время настоящей свободы. Ремесло в городах уже подорвано, а в таких крупных городах, как Лондон, даже совершенно исчезло, заменено крупной промышленностью, потогонной системой и жалкими дельцами, для которых банкротство является источником существования. Живущий своим хозяйством мелкий крестьянин и не уверен

во владении своим клочком земли и не свободен. Как сам он, так и его дом, его двор, его небольшое поле принадлежат ростовщику; его существование более ненадежно, чем существование пролетария, которому по крайней мере хоть изредка выпадает спокойный денек, чего никогда не бывает с измученным рабом долгов. Вычеркните статью 2102 Гражданского кодекса, обеспечьте крестьянину по закону резерв земледельческих орудий, скота и т. п., который запрещается брать в залог — и вы все-таки не избавите его от безвыходного положения, когда он должен «добровольно» продавать свой скот, продаваться сам, и телом и душой, ростовщику, чтобы купить себе на короткое время отсрочку от гибели. Ваша попытка защитить мелкого крестьянина в его собственности, защищает не его свободу, а лишь особую форму его рабства; она затягивает существование такого положения, при котором он не может ни жить, ни умереть; ссылка на первый абзац вашей программы поэтому здесь совершенно неуместна.

В мотивировке говорится, что в нынешней Франции средство производства, а именно земля, в очень многих местах находится еще в качестве индивидуального владения в руках отдельных производителей; задача же социализма состоит-де не в том, чтобы отделять собственность от труда, а, напротив, в том, чтобы соединить в одних руках оба эти фактора всякого производства. — Как уже отмечено, это последнее в такой общей форме никоим образом не является задачей социализма; его задача состоит, скорее, лишь в передаче средств производства производителям в их *общее владение.* Как только мы упускаем это из виду, вышеупомянутое положение тотчас же приводит нас к той ошибочной мысли, будто социализм призван превратить нынешнюю мнимую собственность мелкого крестьянина на его поле в действительную, то есть мелкого арендатора сделать собственником, а обремененного долгами собственника превратить в собственника, свободного от долгов. Социализм, разумеется, заинтересован в том, чтобы эта ложная видимость крестьянской собственности исчезла, но не таким способом.

Во всяком случае, дело дошло до того, что в мотивировочной части программы нашли возможным прямо заявить, будто обязанность социализма, и даже его настоятельная обязанность

«защищать владение живущего своим трудом крестьянина против фиска, ростовщика и против посягательств со стороны вновь возникших крупных землевладельцев».

Тем самым мотивировка объявляет настоятельной обязанностью социализма совершить нечто такое, что в предыдущем

абзаце она признала невозможным. Она поручает ему «защищать» парцелльную собственность крестьян, хотя сама же утверждает, что эта собственность «неминуемо обречена на гибель». Фиск, ростовщик, вновь возникшие крупные землевладельцы — что же это такое, как не простые орудия, посредством которых капиталистическое производство осуществляет эту неизбежную гибель? Какими средствами должен был бы «социализм» защитить крестьянина от этой троицы, мы увидим ниже.

Но требуется защитить собственность не только мелкого крестьянина. Наряду с этим:

«Целесообразно также распространить эту защиту и на тех производителей, которые под именем арендаторов или издольщиков (métayers) обрабатывают чужую землю и которые, даже когда они эксплуатируют поденщиков, в известной мере вынуждены к этому эксплуатацией, тяготеющей над ними самими».

Здесь уж мы переходим на совсем особую почву. Социализм специально направлен против эксплуатации наемного труда. А здесь объявляется настоятельной обязанностью социализма защищать французских арендаторов, когда они *«эксплуатируют* поденщиков», — так и сказано дословно! И это потому, что эти арендаторы в известной мере вынуждены к этому «эксплуатацией, тяготеющей над ними самими»!

Как легко и приятно катиться вниз, раз уже попал на наклонную плоскость! А что если крупный и средний немецкий крестьянин придет к французским социалистам и попросит их похлопотать перед Правлением германской партии о том, чтобы Социал-демократическая партия Германии оказала ему поддержку в деле эксплуатации его батраков и батрачек, ссылаясь при этом на «тяготеющую над ним самим эксплуатацию» со стороны ростовщика, сборщика налогов, спекулянта хлебом и торговца скотом, — что они ответят ему? И кто поручится, что и наши крупные аграрий не пошлют к ним графа Каница (он ведь тоже внес аналогичное предложение о передаче импорта хлеба в руки государства), чтобы тоже испросить у социалистов поддержку в деле эксплуатации сельскохозяйственных рабочих, ссылаясь на «тяготеющую над ними самими эксплуатацию» со стороны биржи, ростовщика, спекулянта хлебом?

Надо, впрочем, сказать, что у наших французских друзей вовсе нет такого злого умысла, как это может показаться. В приведенном выше абзаце имеется в виду лишь один совершенно особый случай, а именно, следующий: на севере Франции, как и в наших производящих сахарную свеклу районах, крестьянам сдается в аренду земля с обязательством разводить сахарную свеклу на крайне обременительных условиях; они должны

продавать ее определенному сахарному заводу и по цене, установленной этим заводом, должны покупать определенные семена, вкладывать определенное количество строго предписанного удобрения, и вдобавок ко всему их еще бессовестно надувают при сдаче свеклы. Все это хорошо знакомо и нам в Германии. Но если французские социалисты имели намерение взять под свою защиту именно эту категорию крестьян, то нужно было это сказать прямо и определенно. В настоящем виде, в такой безгранично общей формулировке рассматриваемый абзац является прямым нарушением не только французской программы, но и основного принципа социализма вообще, и пусть его авторы пеняют на себя, если эта небрежная редакция будет с самых различных сторон использована в нежелательном для них смысле.

Такому же превратному толкованию могут подвергнуться и заключительные слова мотивировки, согласно которым перед социалистической рабочей партией стоит задача

«объединить для совместной борьбы против общего врага, феодального землевладения, все элементы сельского производства, все виды деятельности, которые на различных юридических основаниях имеют прямое отношение к эксплуатации земли страны».

Я решительно отрицаю, чтобы перед социалистической рабочей партией какой бы то ни было страны стояла задача принимать в свои ряды, помимо сельских пролетариев и мелких крестьян, еще и средних и крупных крестьян или даже арендаторов крупных имений, капиталистических скотоводов и других лиц, эксплуатирующих землю страны на капиталистический лад. Пусть феодальное землевладение является для них всех общим врагом. Мы можем в некоторых вопросах идти с ними вместе, можем ради достижения каких-то определенных целей бороться некоторое время на их стороне. В нашей партии могут состоять отдельные лица из любого общественного класса, но отнюдь не группы, представляющие интересы капиталистов, средней буржуазии или среднего крестьянства. И здесь не такие уже дурные намерения, как кажется; обо всем этом авторы, очевидно, просто не подумали; но, к сожалению, страсть к обобщениям их подвела, и пусть они не удивляются, если их ловят на слове.

После мотивировки следуют вновь принятые добавления к самой программе. Они обнаруживают такую же небрежность редакции, как и мотивировка.

Пункт, согласно которому общины должны приобретать сельскохозяйственные машины и по себестоимости сдавать их внаем крестьянам, изменяется в том смысле, что, во-первых,

общины получают для этой цели субсидию от государства, а во-вторых, они должны предоставлять машины в распоряжение мелких крестьян бесплатно. Эта дальнейшая уступка вряд ли будет иметь успех у мелких крестьян, поля которых и самый способ ведения хозяйства не позволяют применять большое количество машин.

Далее:

«Замена всех существующих косвенных и прямых налогов единым прогрессивным налогом на все доходы свыше 3000 франков».

Подобное требование уже много лет содержится почти в каждой социал-демократической программе. Но то, что его выставляют специально в интересах мелких крестьян, является новостью и только доказывает, как плохо понято его настоящее значение. Возьмем, например, Англию. Там государственный бюджет составляет сумму в 90 миллионов фунтов стерлингов. Из этой суммы $13^1/_2$—14 миллионов дает подоходный налог, из остальных 76 миллионов небольшая часть поступает от обложения налогом деловых операций (почта, телеграф, штемпельный сбор), но самая значительная часть поступает от налогов на предметы массового потребления, от урезывания на каждом шагу маленькими долями — незаметными, но дающими в сумме многие миллионы, — доходов всех граждан, преимущественно же более бедных. И в современном обществе вряд ли есть возможность иным способом покрывать государственные расходы. Предположим, что все эти 90 миллионов взимаются в Англии посредством прямого прогрессивного налога на доходы в 120 ф. ст. (3000 фр.) и выше. Среднее годовое накопление, ежегодное увеличение всего национального богатства, составляло, по Джиффену, в 1865—1875 гг. 240 миллионов фунтов стерлингов. Допустим, что теперь оно равняется 300 миллионам в год; налоговое бремя в 90 миллионов поглотило бы в таком случае почти треть всего накопления. Иначе говоря, ни одно правительство, кроме социалистического, не может предпринять ничего подобного; когда же к власти придут социалисты, им придется провести такие мероприятия, при которых эта налоговая реформа будет играть роль лишь временной, совершенно незначительной уплаты по частям, а перед мелкими крестьянами откроются совсем иные перспективы.

Авторы программы и сами, видимо, понимают, что крестьянам пришлось бы долго ждать этой налоговой реформы, и поэтому «пока» (en attendant) им предлагают:

«Отмену земельного налога для всех живущих своим трудом крестьян и уменьшение этого налога для всех обремененных ипотеками земельных участков».

Вторая половина этого требования может относиться только к *более крупным* крестьянским участкам, которые не могут быть обработаны силами самой семьи; таким образом, оно опять-таки выгодно тем крестьянам, которые «эксплуатируют поденщиков».

Далее:

«Свобода охоты и рыбной ловли без каких-либо ограничений, кроме вызванных необходимостью бережного отношения к дичи, рыбе и к посевам».

Это звучит очень популярно, но вторая часть фразы уничтожает первую. Много ли зайцев, куропаток, щук и карпов приходится уже теперь во всех сельских местностях на каждую крестьянскую семью? Настолько ли много, чтобы каждому крестьянину можно было выделить больше *одного* дня охоты и рыбной ловли в год?

«Понижение узаконенного и обычного процента» —

стало быть, новые законы против ростовщичества, новая попытка провести то полицейское мероприятие, которое в течение двух тысячелетий всегда и повсюду терпело крушение. Если мелкий крестьянин попадает в такое положение, когда обращение к ростовщику становится для него меньшим злом, то ростовщик всегда найдет средство высосать из него кровь, обойдя закон против ростовщичества. Это мероприятие могло бы в лучшем случае содействовать успокоению мелкого крестьянина, выгоды же оно ему не принесет; наоборот, оно затруднит ему получение кредита как раз тогда, когда он будет в нем особенно нуждаться.

«Бесплатная медицинская помощь и отпуск лекарств *по* себестоимости» —

это во всяком случае не специально крестьянское требование; германская программа идет дальше и требует также и бесплатного отпуска лекарств.

«Вознаграждение семей призванных запасных солдат во время прохождения ими службы» —

уже проводится в Германии и в Австрии, хотя и в высшей степени недостаточно, и также не является специально крестьянским требованием.

«Понижение тарифа на перевозку удобрений, сельскохозяйственных машин и продуктов» —

в основном уже проведено в Германии, и при этом главным образом в интересах крупных землевладельцев.

«Немедленная подготовка к составлению плана общественных работ по улучшению почвы и подъему сельскохозяйственного производства» —

все это не выходит за рамки неопределенности и прекрасных обещаний и тоже отвечает прежде всего интересам крупного землевладения.

Словом, после всей широковещательной теоретической мотивировки практические предложения новой аграрной программы ни в коей мере не объясняют нам, каким же образом французская Рабочая партия хочет добиться сохранения парцелльной собственности мелких крестьян, которая, по ее собственному выражению, неминуемо обречена на гибель.

II

В одном вопросе наши французские товарищи безусловно правы: *против воли* мелкого крестьянина никакой прочный переворот во Франции невозможен. Только мне кажется, что в своей попытке подойти к крестьянину они приводят в действие не те рычаги.

По-видимому, они исходят из стремления привлечь мелкого крестьянина на свою сторону не сегодня-завтра, по возможности уже на ближайших общих выборах. Они могут надеяться достичь этого только посредством очень рискованных широких обещаний, для защиты которых они вынуждены пустить в ход еще гораздо более рискованные теоретические соображения. Если же присмотреться ближе, то обнаруживается, что эти широкие обещания сами себе противоречат (обещание поддержать такое положение вещей, которое тут же объявляется неминуемо обреченным на гибель) и что отдельные мероприятия либо совершенно не могут иметь практического эффекта (законы против ростовщичества), либо являются общими требованиями рабочих, либо идут на пользу также и крупному землевладению, либо же, наконец, имеют для мелкого крестьянина весьма небольшое значение; так что чисто практическая часть программы сама исправляет ошибочное вступление и сводит грозные на вид громкие слова мотивировки к весьма безобидным на деле мероприятиям.

Скажем прямо: при тех предрассудках, которые вытекают из всего экономического положения мелкого крестьянина, из его воспитания и изолированного образа жизни и которые поддерживаются буржуазной прессой и крупными землевладельцами, мы можем с сегодня на завтра привлечь на свою сторону массу мелких крестьян, только давая им такие обещания, которых мы заведомо сдержать не сможем. Именно: мы должны обещать им не только защищать их собственность при всяких обстоятельствах против всех наступающих на нее экономических сил, но

и освободить эту собственность от того бремени, которое тяготеет над ней уже теперь: арендатора превратить в свободного собственника, а собственника, изнемогающего под тяжестью ипотек, освободить от долгов. Если бы мы и могли сделать это, то опять вернулись бы к тем порядкам, из которых неизбежно снова должны развиться нынешние порядки. Мы не освободили бы крестьянина, а только на короткое время отсрочили бы его гибель.

Но вовсе не в наших интересах привлекать крестьянина на свою сторону уже сегодня, с тем чтобы он завтра снова отошел от нас, когда мы не сможем выполнить свои обещания. Крестьянин, требующий от нас увековечения его парцелльной собственности, не нужен нам в качестве члена партии, точно так же как и мелкий ремесленный мастер, желающий увековечить свое положение как мастера. Таким людям место у антисемитов. Пусть пойдут к ним, пусть с них берут обещания спасти их мелкое хозяйство; когда они там узнают, чего стоят эти пышные фразы и какого сорта мелодии наигрывают антисемитские скрипки, суля им райское блаженство, тогда они все больше и больше начнут понимать, что мы, обещающие меньше и ищущие спасения совсем в другом направлении, что мы являемся все-таки более надежными людьми. Если бы у французов была такая же шумная антисемитская демагогия, как у нас, то они вряд ли допустили бы нантскую ошибку.

Каково же наше отношение к мелкому крестьянству? И как должны мы с ним поступить в тот день, когда в наши руки попадет государственная власть?

Во-первых, безусловно правильно положение французской программы: мы предвидим неизбежную гибель мелкого крестьянина, но ни в коем случае не призваны ускорять ее своим вмешательством.

А во-вторых, точно так же очевидно, что, обладая государственной властью, мы и не подумаем о том, чтобы насильно экспроприировать мелких крестьян (с вознаграждением или нет, это безразлично), как это мы вынуждены сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство, их собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели. И тогда у нас, конечно, будет достаточно средств, чтобы показать мелкому крестьянину выгоды, которые ему должны бы быть ясны уже и теперь.

Уже почти 20 лет назад датские социалисты, в стране которых имеется собственно один только город, Копенгаген, так что поми-

мо этого города им приходится вести пропаганду почти исключительно среди крестьян, выдвинули подобные планы. Крестьяне той или иной деревни или прихода — в Дании есть много отдельных больших дворов — должны соединить свои земли в одно крупное имение, обрабатывать его за общий счет и делить выручку пропорционально вкладам — землей и деньгами — и труду. В Дании мелкое землевладение играет лишь второстепенную роль. Но если мы применим эту идею к области парцелльного хозяйства, то мы найдем, что при соединении парцелл и при ведении крупного хозяйства на всей соединенной площади часть занятых раньше рабочих рук окажется излишней; в этом сбережении труда и состоит одно из главных преимуществ крупного хозяйства. Найти занятие для этих рабочих рук можно двумя способами: либо предоставить в распоряжение крестьянского товарищества еще другие участки земли из соседних крупных имений, либо же дать им средства и возможность для промышленного подсобного промысла, по возможности и преимущественно для собственного потребления. В обоих случаях они будут поставлены в лучшее экономическое положение, и это обеспечит в то же время центральной общественной власти необходимое влияние, чтобы постепенно перевести крестьянское товарищество в высшую форму и сравнять права и обязанности как товарищества в целом, так и его отдельных членов с правами и обязанностями остальных частей всего общества. Как осуществить это в частностях, в каждом отдельном случае, будет уже зависеть от обстоятельств данного случая и от тех обстоятельств, при которых мы завоюем политическую власть. Возможно, что мы, таким образом, окажемся в состоянии предложить этим товариществам еще большие преимущества: принятие на себя национальным банком всей суммы их ипотечного долга с сильным понижением процентной ставки; предоставление ссуды из общественных средств для организации крупного производства (ссуда не обязательно или не только деньгами, но и самыми необходимыми продуктами: машинами, искусственным удобрением и т. п.) и другие преимущества.

При всем этом главная задача состоит в том, чтобы ясно показать крестьянину, что мы можем спасти, сохранить его усадьбу и земельное владение, только превратив их в кооперативное владение и кооперативное производство. Именно единоличное хозяйство, обусловленное единоличным владением, и ведет крестьян к гибели. Если они будут настаивать на своем единоличном хозяйстве, то неминуемо лишатся и дома и усадьбы, капиталистическое крупное хозяйство вытеснит их устаревший

способ производства. Так обстоит дело. И вот приходим мы и предоставляем крестьянам возможность самим вести крупное хозяйство не в пользу капиталистов, а в свою собственную общую пользу. Разве нельзя ясно показать крестьянам, что это — в их собственных интересах, что в этом — их единственное средство спасения?

Мы никогда не можем обещать мелким крестьянам поддержать их единоличное хозяйство и единоличную собственность против превосходящих сил капиталистического производства. Мы можем обещать им только, что не будем против их воли, силой вмешиваться в их имущественные отношения. Мы можем, далее, способствовать тому, чтобы борьба капиталистов и крупных землевладельцев против мелких крестьян велась уже теперь по возможности менее несправедливыми средствами и чтобы по возможности ставились препятствия прямому грабежу и надувательству, к которым так часто теперь прибегают. Это будет удаваться лишь в виде исключения. В условиях развитого капиталистического способа производства ни один человек не разберет, где кончается честность и где начинается мошенничество. Но стоит ли политическая власть на стороне обманщика или обманутого, — это всегда будет составлять большую разницу. Мы же стоим решительно на стороне мелкого крестьянина; мы предпримем все в пределах возможного, чтобы сделать его участь более сносной, чтобы облегчить ему переход к товариществу, если он на это решается, и даже дать ему отсрочку для размышления на своей парцелле, если он не может еще принять такого решения. Мы сделаем это не только потому, что рассматриваем живущего своим трудом мелкого крестьянина как возможное пополнение наших рядов, но и в непосредственных интересах партии. Чем больше число крестьян, которых мы избавим от действительного превращения в пролетариев и которых мы сможем привлечь на свою сторону еще как крестьян, тем скорее и легче совершится общественный переворот. Нам незачем ждать этого переворота до тех пор, пока последствия развития капиталистического производства не обнаружатся повсюду в своих крайних формах, пока последний мелкий ремесленник и последний мелкий крестьянин падут жертвой крупного капиталистического производства. Материальные жертвы, которые в этом смысле придется принести из общественных средств в интересах крестьян, с точки зрения капиталистической экономики могут показаться просто выброшенными деньгами, а между тем это будет превосходное приложение капитала, потому что они сберегут, может быть, в десять раз большие суммы при расходах на общественное преобразова-

ние в его целом. В этом смысле мы можем, следовательно, быть весьма либеральными по отношению к крестьянам. Здесь не место входить в подробности, вносить определенные предложения в этом направлении; здесь может идти речь только о самых общих, основных чертах.

Итак, мы не могли бы оказать не только партии, но и самим мелким крестьянам худшей услуги, как такими обещаниями, которые давали бы хоть малейший повод подумать, что мы имеем намерение сохранить на длительный срок парцелльную собственность. Это означало бы прямо закрывать крестьянам путь к освобождению и принижать партию до уровня крикливого антисемитизма. Напротив. Обязанность нашей партии — всегда вновь и вновь разъяснять крестьянам абсолютную безнадежность их положения, пока господствует капитализм, абсолютную невозможность сохранить за ними их парцелльную собственность как таковую, абсолютную уверенность, что капиталистическое крупное производство так же раздавит их бессильное устарелое мелкое хозяйство, как железнодорожный поезд — ручную тачку. Поступая так, мы будем действовать соответственно неизбежному ходу экономического развития, а оно уже прочистит крестьянам мозги для понимания наших слов.

Впрочем, я не могу покончить с этим вопросом, не высказав убеждения, что и авторы Нантской программы по существу придерживаются тех же взглядов, что и я. Они слишком разумны, чтобы не понимать, что и земля, находящаяся сейчас в парцелльной собственности, должна будет перейти в общее владение. Они сами признают, что парцелльная собственность обречена на исчезновение. Составленный Лафаргом доклад Национального совета на Нантском съезде тоже полностью подтверждает этот взгляд. На немецком языке он опубликован в берлинской газете «Sozialdemokrat» 18 октября этого года[504]. Уже сама противоречивость формулировок Нантской программы обнаруживает, что ее авторы говорят в действительности не то, что намеревались сказать. Если их не поймут и их высказываниями станут злоупотреблять — как это в действительности уже и случилось, — то это, разумеется, их собственная вина. Во всяком случае они должны подробнее разъяснить свою программу, а следующему французскому съезду придется основательно ее пересмотреть.

Перейдем теперь к более крупным крестьянам. Здесь мы видим — главным образом вследствие дележа наследства, а также и вследствие задолженности и принудительной продажи земли — образцы промежуточных ступеней от парцелльного до крупного крестьянина, сохранившего в целости свой прежний

надел земли и даже увеличившего его. В тех местах, где средний крестьянин живет среди парцелльных крестьян, он по своим интересам и взглядам не отличается от них сколько-нибудь существенно; ведь его собственный опыт должен ему показывать, сколько ему подобных уже опустилось до положения мелких крестьян. Но там, где преобладают средние и крупные крестьяне и где ведение хозяйства повсюду требует помощи батраков и батрачек, там дело обстоит совершенно иначе. Рабочая партия, конечно, должна отстаивать в первую очередь интересы наемных рабочих, то есть батраков, батрачек и поденщиков; уже в силу одного этого она не может давать крестьянам никаких обещаний, предполагающих дальнейшее существование наемного рабства рабочих. Но пока будут существовать крупные и средние крестьяне как таковые, они без наемных рабочих обходиться не смогут. И если с нашей стороны было бы просто нелепостью поддерживать у парцелльных крестьян надежду на длительное существование их в качестве парцелльных крестьян, то обещать то же самое крупным и средним крестьянам граничило бы уже с прямой изменой.

Здесь опять-таки есть сходство с городскими ремесленниками. Хотя они в еще большей степени подверглись разорению, чем крестьяне, все же среди них еще найдутся такие, у которых наряду с учениками работают и подмастерья или у которых ученики выполняют работу подмастерьев. Те из этих ремесленных мастеров, которые хотят увековечить свое положение, пусть идут к антисемитам, пока не убедятся, что и там им не помогут. Остальные же, осознав неизбежность гибели своего способа производства, приходят к нам, но они проявляют готовность разделить в будущем ту же судьбу, которая ждет всех других рабочих. То же и с крупными и средними крестьянами. Их батраки, батрачки и поденщики интересуют нас, разумеется, гораздо больше, чем они. Если эти крестьяне хотят, чтобы им гарантировали дальнейшее существование их хозяйства, то мы этого им никак предложить не можем. Их место тогда в рядах антисемитов, членов крестьянского союза и тому подобных партий, которым доставляет особое удовольствие все обещать и ничего не выполнять. Мы твердо знаем ту экономическую истину, что и крупный и средний крестьянин тоже должен неминуемо погибнуть от конкуренции капиталистического хозяйства и дешевого заокеанского производства зерна, о чем свидетельствуют все возрастающая задолженность и повсюду заметный упадок их хозяйства. Против этого упадка мы ничего поделать не можем, разве только порекомендовать и здесь объединение их хозяйств в товарищества, в которых можно было бы все

больше и больше устранять эксплуатацию наемного труда и которые можно было бы постепенно превратить в обладающие равными правами и обязанностями составные части великого общенационального производственного товарищества. Если эти крестьяне поймут неизбежность гибели их нынешнего способа производства и сделают из этого необходимые выводы, то они придут к нам, и нашей обязанностью будет насколько возможно облегчить также и им переход к новому способу производства. В противном случае мы должны будем предоставить их собственной судьбе и обратиться к их наемным рабочим, у которых мы, конечно, найдем сочувствие. От насильственной экспроприации, вероятно, мы и тут откажемся, но сможем, впрочем, рассчитывать на то, что экономическое развитие научит уму-разуму и эти упрямые головы.

Совсем просто обстоит дело только с крупным землевладением. Здесь перед нами совершенно неприкрытое капиталистическое предприятие, а раз так, у нас уже не может быть никаких сомнений. Здесь перед нами масса сельских пролетариев и наша задача ясна. Как только наша партия овладеет государственной властью, ей надо будет просто экспроприировать крупных землевладельцев, точно так же как промышленных фабрикантов. Произойдет ли эта экспроприация с выкупом или без него, будет зависеть большей частью не от нас, а от тех обстоятельств, при которых мы придем к власти, а также, в частности, и от поведения самих господ крупных землевладельцев. Мы вовсе не считаем, что выкуп недопустим ни при каких обстоятельствах; Маркс высказывал мне — и как часто! — свое мнение, что для нас было бы всего дешевле, если бы мы могли откупиться от всей этой банды. Однако здесь мы не будем этого касаться. Возвращенные таким образом обществу крупные имения мы будем передавать в пользование под контролем общества организующимся в товарищества сельскохозяйственным рабочим, которые обрабатывают их уже и в настоящее время. На каких условиях мы будем их передавать, об этом теперь ничего определенного сказать еще нельзя. Во всяком случае, превращение капиталистического хозяйства в общественное здесь уже вполне подготовлено и может быть произведено сразу, совершенно так же, как, например, на заводе г-на Круппа или г-на фон Штумма. И пример этих земледельческих товариществ убедит в преимуществах кооперативного крупного хозяйства и последних может быть еще сопротивляющихся парцелльных крестьян, а также, вероятно, и некоторых крупных крестьян.

Здесь, стало быть, мы можем развернуть перед сельскими пролетариями такую же блестящую перспективу, какая

раскрывается перед промышленным рабочим. И поэтому завоевание на нашу сторону сельскохозяйственных рабочих ост-эльбской Пруссии для нас лишь вопрос времени — и даже очень короткого. А когда ост-эльбские сельскохозяйственные рабочие будут с нами, тотчас же во всей Германии повеет другим ветром. Фактически полукрепостное состояние ост-эльбских сельскохозяйственных рабочих есть главная основа господства прусских юнкеров, а вместе с тем и специфического прусского засилия в Германии. Именно ост-эльбские юнкеры — все более и более залезающие в долги, беднеющие, ведущие паразитическое существование на государственный и на частный счет и именно поэтому тем сильнее цепляющиеся за свое господство, — создали и поддерживают специфически прусский характер бюрократии и офицерского состава армии; их чванство, ограниченность и заносчивость сделали Германскую империю прусской нации — при всей очевидности того, что в данный момент она неизбежна как единственно осуществимая сейчас форма национального единства, — такой ненавистной у себя на родине, а за границей, несмотря на все ее блестящие победы, внушающей так мало уважения. Власть этих юнкеров основана на том, что на сплошной территории семи старопрусских провинций, — следовательно, почти на трети территории всей империи, — они имеют в своем распоряжении земельную собственность, которой здесь сопутствует общественная и политическая власть, и не только земельную собственность, но через посредство свеклосахарных и винокуренных заводов также и важнейшие отрасли промышленности этой области. Ни крупные землевладельцы, ни крупные промышленники остальной части Германии не находятся в таком благоприятном положении; ни те, ни другие не имеют в своем распоряжении целого королевства. Они рассеяны на обширном пространстве и ведут конкурентную борьбу за экономическое и политическое преобладание как между собой, так и с другими окружающими их общественными элементами. Но это могущество прусских юнкеров все более и более теряет свою экономическую основу. Задолженность и обеднение, несмотря на всю государственную помощь (а последняя со времени Фридриха II входит, как правило, в каждый нормальный юнкерский бюджет), распространяются и здесь; тонущее юнкерство держится еще на поверхности лишь благодаря санкционированным законодательством и обычаем фактически полукрепостным порядкам и обусловленной ими возможности безграничной эксплуатации сельскохозяйственных рабочих. Бросьте семена социал-демократии в среду этих рабочих, воодушевите и сплотите их на борьбу за свои права, —

и господству юнкеров придет конец. Великая реакционная сила, представляющая для Германии такой же варварский, захватнический элемент, каким русский царизм является для всей Европы, съежится, как проколотый пузырь. «Отборные полки» прусской армии станут социал-демократическими, и тогда произойдет такой сдвиг в соотношении сил, в котором заложена предпосылка полного переворота. Но именно поэтому привлечение на нашу сторону ост-эльбских сельских пролетариев имеет гораздо более важное значение, чем привлечение западногерманских мелких крестьян или даже южногерманских средних крестьян. Здесь, в ост-эльбской Пруссии, находится поле решающей для нас битвы, и поэтому правительство и юнкерство приложат все усилия, чтобы преградить нам сюда доступ. И если, как нам грозят, будут снова пущены в ход насильственные меры против распространения нашей партии, то это будет сделано прежде всего для того, чтобы оградить ост-эльбский сельский пролетариат от нашей пропаганды. Нам это все равно. Мы его все-таки завоюем.

О ЧЕТВЕРТОМ ТОМЕ «КАПИТАЛА» МАРКСА [505]

В сообщении о выходе третьего тома «Капитала» Маркса, опубликованном газетой «Vorwarts», сказано, что от издания четвертого тома, который должен содержать историю теории, придется, очевидно, отказаться, так как,

> «за исключением нескольких небольших заметок, не найдено никаких предварительных работ для заключительного тома его произведения».

Мы надеемся, что в этом отношении газета «Vorwarts» до некоторой степени ошибается. По крайней мере, Фр. Энгельс в предисловии ко второму тому «Капитала» дает нам несколько более обнадеживающие сведения. По этим сведениям, имеется относящаяся к 1861—1863 гг. рукопись: «К критике политической экономии», составляющая 1472 страницы в четвертую долю листа; в этой рукописи на стр. 220—972 имеется отдел: «Теории прибавочной стоимости», о котором Энгельс говорит: «Этот отдел содержит *подробную критическую историю* центрального пункта политической экономии, теории прибавочной стоимости... Я оставляю за собой право *опубликовать* критическую часть этой рукописи *в виде книги IV «Капитала»,* причем из нее будут устранены многочисленные места, уже исчерпанные в книгах II и III»[506].

Написано 22 ноября 1894 г.

Напечатано в журнале «Die Neue Zeit», Bd. 1, № 9, 1894—1895 гг.

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

ЛОНДОНСКОМУ КОММУНИСТИЧЕСКОМУ ПРОСВЕТИТЕЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ

Лондон, 6 декабря 1894 г.
41, Риджентс-нарк-род, Норд-Уэст

Уважаемый товарищ!

Прошу Вас передать Обществу мою искреннюю благодарность за дружеское поздравление по случаю дня моего рождения. Надеюсь, что Общество, которое четыре года тому назад уже отмечало свой полувековой юбилей, доживет до выпавших на мою долю 74 лет и что и тогда оно будет еще настолько полно сил и юношеской бодрости, чтобы отпраздновать также и свое столетие.

С искренним приветом

Ваш ***Ф. Энгельс***

Впервые опубликовано на русском, языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIX, 1946 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

ПРИВЕТСТВИЕ АВСТРИЙСКИМ РАБОЧИМ ПО СЛУЧАЮ ЕЖЕДНЕВНОГО ВЫХОДА «ARBEITER-ZEITUNG» [507]

Первая ежедневная газета всегда означает в жизни каждой партии, а в особенности рабочей партии, огромный шаг вперед![*] Это — первая позиция, с которой она может, по крайней мере в области печати, вести борьбу со своим противником равноценным оружием. Эту позицию вы для себя завоевали; теперь речь идет о завоевании второй: избирательного права, парламента. И здесь вам тоже успех обеспечен, если вы с таким же умением, какое проявляли в течение последних пятнадцати месяцев, используете все более благоприятно складывающееся для вас политическое положение, если вы сумеете своевременно перейти к решительным действиям, но столь же своевременно, как это часто бывает необходимо, выждать момент, то есть заставить обстоятельства служить вам на пользу.

Желаю счастья и успеха ежедневной «Arbeiter-Zeitung».

Фридрих Энгельс

Лондон, 27 декабря 1894 г.

Напечатано в «Arbeiter-Zeitung» № 1, 1 января 1895 г.

Печатается по тексту газеты, сверенному с черновой рукописью

Перевод с немецкого

[*] В тексте письма В. Адлеру этой фразе предпосланы следующие слова, отсутствующие в печатном тексте: «Прошу тебя передать австрийским рабочим мои поздравления с их ежедневной газетой». *Ред.*

ВВЕДЕНИЕ К РАБОТЕ К. МАРКСА «КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВО ФРАНЦИИ С 1848 ПО 1850 г.» [508]

Переиздаваемая здесь работа была первой попыткой Маркса на основе своего материалистического понимания объяснить определенную полосу истории, исходя из данного экономического положения. В «Коммунистическом манифесте» эта теория была применена в общих чертах ко всей новой истории; в статьях в «Neue Rheinische Zeitung» Маркс и я постоянно пользовались ею для объяснения текущих политических событий. Здесь же дело шло о том, чтобы на протяжении многолетнего периода исторического развития, который был критическим и вместе с тем типичным для всей Европы, вскрыть внутреннюю причинную связь и, следовательно, согласно концепции автора, свести политические события к действию причин, в конечном счете экономических.

При суждении о событиях и цепи событий текущей истории никогда не удается дойти до *конечных* экономических причин. Даже в настоящее время, когда соответствующие специальные органы печати дают такую массу материала, нет возможности даже в Англии проследить ход развития промышленности и торговли на мировом рынке и изменения, совершающиеся в методах производства, проследить их изо дня в день таким образом, чтобы можно было для любого момента подвести общий итог этим многосложным и постоянно изменяющимся факторам, из которых к тому же важнейшие большей частью действуют скрыто в течение долгого времени, прежде, чем внезапно с силой прорваться наружу. Ясной картины экономической истории какого-нибудь периода никогда нельзя получить одновременно с самими событиями, ее можно получить лишь

задним числом, после того как собран и проверен материал. Необходимым вспомогательным средством является тут статистика, а она всегда запаздывает. Поэтому при анализе текущих событий слишком часто приходится этот фактор, имеющий решающее значение, рассматривать как постоянный, принимать экономическое положение, сложившееся к началу рассматриваемого периода, за данное и неизменное для всего периода или же принимать в расчет лишь такие изменения этого положения, которые сами вытекают из имеющихся налицо очевидных событий, а поэтому также вполне очевидны. Поэтому материалистическому методу слишком часто приходится здесь ограничиваться тем, чтобы сводить политические конфликты к борьбе интересов наличных общественных классов и фракций классов, созданных экономическим развитием, а отдельные политические партии рассматривать как более или менее адекватное политическое выражение этих самых классов и их фракций.

Само собой разумеется, что такое неизбежное игнорирование совершающихся в то же время изменений экономического положения, этой подлинной основы всех исследуемых процессов, должно быть источником ошибок. Но все условия обобщающего изложения текущих событий неизбежно заключают в себе источники ошибок, что, однако, никого не заставляет отказываться писать историю текущих событий.

Когда Маркс принялся за эту работу, упомянутого источника ошибок было в еще большей мере немыслимо избежать. Во время революции 1848—1849 гг. следить за совершавшимися в то же время экономическими изменениями или даже сохранять их в поле зрения было просто невозможно. Также невозможно было это и в первые месяцы изгнания в Лондоне, осенью и зимой 1849—1850 годов. Но именно в это время Маркс и начал свою работу. И несмотря на эти неблагоприятные обстоятельства, благодаря своему точному знанию как экономического положения Франции накануне февральской революции, так и политической истории этой страны после февральской революции Маркс смог дать такое изложение событий, которое вскрывает их внутреннюю связь с непревзойденным до сих пор совершенством; и изложение это блестяще выдержало двукратное испытание, произведенное впоследствии самим Марксом.

Первое испытание произведено было в связи с тем, что с весны 1850 г. Маркс снова нашел досуг для экономических занятий и прежде всего принялся за изучение экономической истории последних десяти лет. В результате ему из самих фактов стало совершенно ясно то, что до сих пор он выводил

наполовину априорно из далеко не полного материала: а именно, что мировой торговый кризис 1847 г. собственно и породил февральскую и мартовскую революции и что промышленное процветание, постепенно снова наступившее с середины 1848 г. и достигшее полного расцвета в 1849 и 1850 гг., было живительной силой вновь окрепшей европейской реакции. Это имело решающее значение. Если в трех первых статьях (появившихся в январском, февральском и мартовском номерах журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue», Гамбург, 1850) проглядывает еще ожидание в скором времени нового подъема революционной энергии, то исторический обзор (май — октябрь), написанный Марксом и мной для последнего двойного выпуска, вышедшего осенью 1850 г., раз навсегда порывает с этими иллюзиями: «Новая революция возможна только вслед за новым кризисом. Но наступление ее так же неизбежно, как и наступление этого последнего»[509]. Однако это и было единственным существенным изменением, которое нам пришлось внести. В толковании событий, данном в прежних статьях, в причинных связях, там установленных, изменять было решительно нечего, как показывает данное в том же обзоре продолжение повествования с 10 марта по осень 1850 года. Это продолжение я включил поэтому как четвертую статью в нынешнее издание.

Второе испытание было еще более суровым. Сразу после государственного переворота, произведенного Луи Бонапартом 2 декабря 1851 г., Маркс заново разработал историю Франции от февраля 1848 г. вплоть до этого события, завершившего на время революционный период («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», третье издание, Гамбург, Мейснер, 1885 г.[510]). В этой брошюре вновь анализируется, хотя и более кратко, период, рассмотренный в переиздаваемой нами работе. Сравните это второе изложение, написанное в свете совершившегося через год с лишним решающего события, с первым изложением, и вы убедитесь, что автору пришлось изменить лишь очень немногое.

Совсем особое значение придает этой работе то обстоятельство, что в ней впервые дана формула, в которой рабочие партии всех стран мира единогласно кратко резюмируют свое требование экономического преобразования: присвоение средств производства обществом. Во второй главе, по поводу «права на труд», называемого там «первой неуклюжей формулой, в которой резюмируются революционные требования пролетариата», говорится: «Но за правом на труд кроется власть над капиталом, а за властью над капиталом — *присвоение средств производства,*

подчинение их ассоциированному рабочему классу, следовательно, уничтожение наемного труда, капитала и их взаимоотношения»[511]. Таким образом, здесь впервые сформулировано положение, которым современный рабочий социализм резко отличается как от всех разновидностей феодального, буржуазного, мелкобуржуазного и т. д. социализма, так и от туманной «общности имущества», выдвигавшейся утопическим и стихийным рабочим коммунизмом. Если впоследствии Маркс распространил эту формулу и на присвоение средств обмена, то такое расширение формулы, вытекавшее, впрочем, само собой из «Коммунистического манифеста», представляло собой лишь вывод из основного положения. Недавно некоторые мудрецы в Англии добавили еще к этому, что обществу должны быть переданы также и «средства распределения». Едва ли эти господа сумели бы сказать, что такое эти экономические средства распределения, отличные от средств производства и средств обмена; уж не имеют ли они в виду *политические* средства распределения: налоги, призрение бедных, в том числе саксенвальдские[512] и другие дотации? Но, во-первых, эти средства распределения уже и теперь являются общественным достоянием, принадлежат государству или общине, а, во-вторых, их-то мы как раз и хотим упразднить.

* * *

Когда вспыхнула февральская революция, все мы в своих представлениях об условиях и ходе революционных движений находились под влиянием прошлого исторического опыта, главным образом опыта Франции. Ведь именно она играла главную роль во всей европейской истории с 1789 г., именно ею был и теперь вновь подан сигнал ко всеобщему перевороту. Поэтому было вполне естественно и неизбежно, что наши представления о характере и ходе провозглашенной в феврале 1848 г. в Париже «социальной» революции, революции пролетариата, были ярко окрашены воспоминаниями о прообразах 1789—1830 годов. А когда парижское восстание нашло отклик в победоносных восстаниях Вены, Милана, Берлина; когда вся Европа вплоть до русской границы была вовлечена в движение; когда затем в июне в Париже произошла первая великая битва за господство между пролетариатом и буржуазией; когда даже победа ее класса настолько потрясла буржуазию всех стран, что она снова бросилась в объятия только что свергнутой монархическо-феодальной реакции, — тут уж при тогдашних обстоятельствах для нас не могло быть сомнения в том, что

начался великий решительный бой, что он должен быть доведен до конца в течение одного длительного и полного превратностей революционного периода, что завершиться, однако, он может лишь окончательной победой пролетариата.

После поражений 1849 г. мы отнюдь не разделяли иллюзий вульгарной демократии, группировавшейся in partibus* вокруг временных правительств будущего. Она рассчитывала на скорую и окончательную победу «народа» над «тиранами», мы же — на продолжительную борьбу, после устранения «тиранов», между таившимися в этом самом «народе» противоположными элементами. Вульгарная демократия со дня на день ждала нового взрыва; мы еще осенью 1850 г. заявили, что во всяком случае *первый* этап революционного периода закончился и что до наступления нового мирового экономического кризиса ничего не произойдет. Поэтому мы и были подвергнуты отлучению как изменники революции теми самыми людьми, которые впоследствии почти все без исключения пошли на примирение с Бисмарком — поскольку Бисмарк их этого удостоил.

Однако история показала, что неправы были и мы, что взгляд, которого мы тогда придерживались, оказался иллюзией. История пошла еще дальше: она не только рассеяла наше тогдашнее заблуждение, но совершенно изменила и те условия, при которых приходится вести борьбу пролетариату. Способ борьбы, применявшийся в 1848 г., теперь во всех отношениях устарел, и этот пункт заслуживает в данном случае более подробного рассмотрения.

Все прежние революции сводились к замене господства одного определенного класса господством другого; но все господствовавшие до сих пор классы являлись лишь ничтожным меньшинством по сравнению с подвластной народной массой. Таким образом, одно господствующее меньшинство свергалось, другое меньшинство становилось вместо него у кормила власти и преобразовывало государственные порядки сообразно своим интересам. Всякий раз это бывала та группа меньшинства, которая при данном состоянии экономического развития была способна и призвана господствовать, и именно поэтому — и только поэтому — при перевороте подвластное большинство либо принимало участие в перевороте в пользу этой группы, либо же спокойно примирялось с переворотом. Но если отрешиться от конкретного содержания каждого отдельного случая, общая форма всех этих революций заключалась в том, что это

* — in partibus infidelium — вне реальной действительности, заграницей (буквально: «в стране неверных» — добавление к титулу католических епископов, назначавшихся на чисто номинальные должности епископов нехристианских стран). *Ред.*

были революции меньшинства. Если большинство и принимало в них участие, оно действовало — сознательно или бессознательно — лишь в интересах меньшинства; но именно это или даже просто пассивное поведение большинства, отсутствие сопротивления с его стороны создавало видимость, будто это меньшинство является представителем всего народа.

После первого большого успеха победившее меньшинство, как правило, раскалывалось: одна часть его удовлетворялась достигнутым, другая желала идти дальше, выдвигала новые требования, соответствовавшие, по крайней мере отчасти, подлинным или воображаемым интересам широких народных масс. И в отдельных случаях эти более радикальные требования осуществлялись, но большей частью только на очень короткое время: более умеренная партия снова одерживала верх и последние завоевания — целиком или отчасти — сводились на нет; тогда побежденные начинали кричать об измене или объясняли поражение случайностью. В действительности же дело большей частью обстояло так: то, что было завоевано в результате первой победы, становилось прочным лишь благодаря второй победе более радикальной партии; как только это бывало достигнуто, а тем самым выполнялось то, что было в данный момент необходимо, радикалы и их достижения снова сходили со сцены.

Во всех революциях нового времени, начиная с великой английской революции XVII века, обнаруживались эти черты, казавшиеся неотделимыми от всякой революционной борьбы. Казалось, что они свойственны и борьбе пролетариата за свое освобождение, тем более что как раз в 1848 г. можно было по пальцам сосчитать людей, которые хоть сколько-нибудь понимали, в каком направлении следует искать это освобождение. Даже в Париже самим пролетарским массам и после победы было совершенно неясно, каким путем им следует идти. И все же движение было налицо — инстинктивное, стихийное, неудержимое. Разве это не было именно таким положением, при котором должна была увенчаться успехом революция, руководимая, правда, меньшинством, но на этот раз не в интересах меньшинства, а в самых доподлинных интересах большинства? Если во все сколько-нибудь продолжительные революционные периоды широкие народные массы так легко давали себя увлечь пустыми, лживыми приманками рвавшихся вперед групп меньшинства, то разве могли они быть менее восприимчивыми к идеям, бывшим наиболее точным отражением их экономического положения, к идеям, представлявшим собой не что иное, как ясное, разумное выражение их потребностей, еще не понятых,

но уже смутно ощущаемых ими самими? Правда, это революционное настроение масс почти всегда и большей частью очень скоро сменялось утомлением или даже поворотом в противоположную сторону, как только рассеивались иллюзии и наступало разочарование. Но здесь дело шло не о лживых приманках, а об осуществлении самых доподлинных интересов огромного большинства; эти интересы, правда, тогда еще отнюдь не были ясны этому огромному большинству, но скоро должны были в ходе своего практического осуществления, вследствие убедительной очевидности, стать для него достаточно ясными. А если к тому же, как доказано Марксом в третьей статье, к весне 1850 г. развитие буржуазной республики, возникшей из «социальной» революции 1848 г., привело к тому, что действительное господство оказалось сосредоточенным в руках крупной буржуазии, настроенной вдобавок монархически, а все другие общественные классы, крестьяне и мелкие буржуа, напротив, сгруппировались вокруг пролетариата, так что при совместной победе и после нее решающим фактором должны были оказаться не они, а умудренный опытом пролетариат, — разве при этих условиях нельзя было вполне рассчитывать на то, что революция меньшинства превратится в революцию большинства?

История показала, что и мы и все мыслившие подобно нам были неправы. Она ясно показала, что состояние экономического развития европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства; она доказала это той экономической революцией, которая с 1848 г. охватила весь континент и впервые действительно утвердила крупную промышленность во Франции, Австрии, Венгрии, Польше и недавно в России, а Германию превратила прямо-таки в первоклассную промышленную страну, — и все это на капиталистической основе, которая, таким образом, в 1848 г. обладала еще очень большой способностью к расширению. Но именно эта промышленная революция и внесла повсюду ясность в отношения между классами; она устранила множество промежуточных категорий, перешедших из мануфактурного периода, а в Восточной Европе даже из цехового ремесла, породила подлинную буржуазию и подлинный крупнопромышленный пролетариат, выдвинув их на передний план общественного развития. А вследствие этого борьба между этими двумя великими классами, происходившая в 1848 г. кроме Англии только в Париже и разве еще в некоторых крупных промышленных центрах, теперь распространилась по всей Европе и достигла такой силы, какая в 1848 г. была еще

немыслимой. Тогда — множество туманных евангелий различных сект с их панацеями, теперь — *одна* общепризнанная, до предела ясная теория Маркса, четко формулирующая конечные цели борьбы; тогда — разделенные и разобщенные местными и национальными особенностями массы, связанные лишь чувством общих страданий, неразвитые, беспомощно переходившие от воодушевления к отчаянию; теперь — *единая* великая интернациональная армия социалистов, неудержимо шествующая вперед, с каждым днем усиливающаяся по своей численности, организованности, дисциплинированности, сознательности и уверенности в победе. Если даже и эта могучая армия пролетариата все еще не достигла цели, если вместо того, чтобы добиться победы *одним* решительным ударом, она вынуждена медленно продвигаться вперед, завоевывая в суровой, упорной борьбе одну позицию за другой, то это окончательно доказывает, насколько невозможно было в 1848 г. добиться социального преобразования посредством простого внезапного нападения.

Распавшаяся на две династически-монархические фракции буржуазия[513], которая, однако, прежде всего требовала спокойствия и безопасности для своих денежных дел; против нее хотя и побежденный, но все еще грозный пролетариат, вокруг которого все более и более группировались мелкие буржуа и крестьяне — постоянная угроза насильственного взрыва, который тем не менее не подавал никаких надежд на окончательное разрешение вопроса, — таково было положение, как бы созданное для государственного переворота третьего, псевдодемократического претендента, Луи Бонапарта. 2 декабря 1851 г. он с помощью армии положил конец напряженному положению и обеспечил Европе внутреннее спокойствие, осчастливив ее зато новой эрой войн. Период революций снизу на время закончился; последовал период революций сверху.

Возврат к империи в 1851 г. дал новое доказательство незрелости пролетарских стремлений того времени. Но самой же империи предстояло создать условия, при которых они должны были достигнуть зрелости. Внутреннее спокойствие обеспечило полный простор для нового подъема промышленности; необходимость занять армию и направить революционные веяния в сторону внешней политики породила войны, посредством которых Бонапарт, под предлогом защиты «принципа национальностей»[514], старался всякими уловками добиться аннексий для Франции. Его подражатель Бисмарк усвоил ту же политику для Пруссии; в 1866 г. он произвел свой государственный переворот, свою революцию сверху по отношению к Германскому союзу и к Австрии, а также и по отношению к прусской

палате, вступившей в конфликт с правительством. Но Европа была слишком мала для двух Бонапартов, и вот, по иронии истории, Бисмарк сверг Бонапарта, а Вильгельм, король Пруссии, создал не только малогерманскую империю, но и Французскую республику. Общим же результатом было то, что самостоятельность и внутреннее единство великих европейских наций, за исключением Польши, стали действительностью, правда, в сравнительно скромных границах, но все же в границах, достаточно широких для того, чтобы процесс развития рабочего класса не тормозился более национальными осложнениями. Могильщики революции 1848 г. стали ее душеприказчиками. А рядом с ними уже грозно поднимался наследник 1848 г. — пролетариат в лице *Интернационала.*

После войны 1870—1871 гг. Бонапарт исчезает со сцены, а миссия Бисмарка оказывается выполненной, так что он снова может превратиться в заурядного юнкера. Но завершением этого периода является Парижская Коммуна. Вероломная попытка Тьера украсть у парижской национальной гвардии ее артиллерию вызвала победоносное восстание. Снова обнаружилось, что в Париже уже невозможна никакая другая революция, кроме пролетарской. После победы господство досталось рабочему классу само собой, без всякого спора. И снова обнаружилось, как невозможно было даже и тогда, через двадцать лет после периода, описываемого в предлагаемой брошюре, это господство рабочего класса. С одной стороны, Франция бросила Париж на произвол судьбы, равнодушно наблюдая, как он истекал кровью под ядрами Мак-Магона; с другой стороны, Коммуна истощалась в бесплодной борьбе двух партий, на которые она разделялась: бланкистов (большинство) и прудонистов (меньшинство), из которых ни те, ни другие не знали, что надо было делать. Легкая победа 1871 г. оказалась столь же бесплодной, как и внезапное нападение в 1848 году.

Вместе с Парижской Коммуной надеялись окончательно похоронить борющийся пролетариат. Но как раз наоборот, со времени Коммуны и франко-прусской войны начинается его наиболее мощный подъем. Зачисление всего годного к военной службе населения в армии, насчитывающие уже миллионы солдат, применение огнестрельного оружия, артиллерийских снарядов и взрывчатых веществ еще неслыханной силы действия — все это создало полный переворот во всем военном деле, сразу положивший, с одной стороны, конец бонапартистскому периоду войн и обеспечивший мирное промышленное развитие, сделав невозможной никакую другую войну, кроме

неслыханной по своей жестокости мировой войны, исход которой совершенно не поддается учету. С другой стороны, этот переворот, вызвавший увеличение в геометрической прогрессии военных расходов, неизбежно повлек за собой непомерное повышение налогов и бросил тем самым необеспеченные классы населения в объятия социализма. Аннексия Эльзас-Лотарингии, ближайшая причина бешеной гонки вооружений, могла разжечь шовинизм французской и немецкой буржуазии по отношению друг к другу, но для рабочих обеих стран она стала лишь новым связующим звеном. И день годовщины Парижской Коммуны стал первым общим праздником для всего пролетариата.

Война 1870—1871 гг. и поражение Коммуны, как предсказывал Маркс, временно перенесли центр тяжести европейского рабочего движения из Франции в Германию. Во Франции, разумеется, понадобились годы, чтобы оправиться от кровопускания, устроенного в мае 1871 года. Наоборот, в Германии, где все быстрее развивалась промышленность, поставленная вдобавок благодатными французскими миллиардами[515] в прямо-таки тепличные условия, еще быстрее и неуклоннее росла социал-демократия. Благодаря тому умению, с которым немецкие рабочие использовали введенное в 1866 г. всеобщее избирательное право, изумительный рост партии стал очевиден всему миру из бесспорных цифр: в 1871 г. — 102000, в 1874 г. — 352000, в 1877 г. — 493000 социал-демократических голосов. Затем последовало признание этих успехов свыше в форме закона против социалистов; партия была временно разбита, число полученных ею голосов упало в 1881 г. до 312000. Но это положение партия быстро преодолела, и вот под гнетом исключительного закона, без прессы, без легальной организации, без права союзов и собраний, только и начался по-настоящему быстрый рост: в 1884 г. — 550000, в 1887 г. — 763000, в 1890 г. — 1427000 голосов. Тут рука государства ослабела. Закон против социалистов исчез, число социалистических голосов увеличилось до 1787000, что составило более четверти всех поданных голосов. Правительство и господствующие классы исчерпали все свои средства — бесполезно, бесцельно, безрезультатно. Властям, от ночного сторожа до рейхсканцлера, пришлось примириться с тем, что они получили — и притом от презренных рабочих! — осязательные доказательства своего-бессилия, и доказательства эти насчитывались миллионами. Государство зашло в тупик, рабочие же только начинали свой путь.

Но наряду с этой первой услугой, которую немецкие рабочие оказали делу рабочего класса одним своим существованием

в качестве самой сильной, самой дисциплинированной и наиболее быстро растущей социалистической партии, они оказали ему еще и вторую крупную услугу. Они дали своим товарищам во всех странах новое оружие — одно из самых острых, — показав им, как нужно пользоваться всеобщим избирательным правом.

Всеобщее избирательное право давно уже существовало во Франции, но оно приобрело там дурную репутацию вследствие того, что им злоупотребляло бонапартистское правительство. После Коммуны не существовало рабочей партии, которая могла бы его использовать. В Испании оно тоже было введено со времени республики[516], но в Испании воздержание от участия в выборах было издавна общим правилом всех серьезных оппозиционных партий. Результаты швейцарского опыта со всеобщим избирательным правом тоже меньше всего могли ободрить рабочую партию. Революционные рабочие романских стран привыкли считать избирательное право ловушкой, орудием правительственного обмана. В Германии дело обстояло иначе. Уже «Коммунистический манифест» провозгласил завоевание всеобщего избирательного права, завоевание демократии, одной из первых и важнейших задач борющегося пролетариата, и Лассаль снова выдвинул это требование. Когда же Бисмарк оказался вынужденным ввести всеобщее избирательное право как единственное средство заинтересовать в своих планах народные массы, наши рабочие сразу отнеслись к делу серьезно и послали Августа Бебеля в первый учредительный рейхстаг. И с тех пор они так пользовались избирательным правом, что это принесло огромную пользу им самим и стало служить примером для рабочих всех стран. Избирательное право, говоря словами французской марксистской программы, было ими transformé de moyen de duperie qu'il a été jusqu'ici en instrument d'émancipation — превращено из орудия обмана, каким оно было до сих пор, в орудие освобождения[517]. И если бы даже всеобщее избирательное право не давало никакой другой выгоды, кроме той, что оно позволило нам через каждые три года производить подсчет наших сил; что благодаря регулярно отмечавшемуся неожиданно быстрому росту числа голосов оно одинаково усиливало как уверенность рабочих в победе, так и страх врагов, став, таким образом, нашим лучшим средством пропаганды; что оно доставляло нам точные сведения о наших собственных силах и о силах всех партий наших противников и тем самым давало ни с чем не сравнимый масштаб для расчета наших действий, предохраняя нас как от несвоевременной нерешительности, так и от несвоевременной безрассудной

смелости, — если бы это было единственной выгодой, какую давало нам право голоса, то и этого было бы уже более чем достаточно. Но оно дало гораздо больше. Во время предвыборной агитации это право дало нам наилучшее средство войти в соприкосновение с народными массами там, где они еще были далеки от нас, и вынудить все партии защищать свои взгляды и действия от наших атак перед всем народом; кроме того, в рейхстаге оно предоставило нашим представителям трибуну, с которой они могли гораздо более авторитетно и более свободно, чем в печати и на собраниях, обращаться как к своим противникам в парламенте, так и к массам за его стенами. Что толку было для правительства и буржуазии в их законе против социалистов, если предвыборная агитация и социалистические речи в рейхстаге беспрестанно пробивали в нем бреши?

Но вместе с этим успешным использованием всеобщего избирательного права стал применяться совершенно новый способ борьбы пролетариата, и он быстро получил дальнейшее развитие. Нашли, что государственные учреждения, при помощи которых буржуазия организует свое господство, открывают и другие возможности для борьбы рабочего класса против этих самых учреждений. Рабочие стали принимать участие в выборах в ландтаги отдельных государств, в муниципалитеты, промысловые суды, стали оспаривать у буржуазии каждую выборную должность, если при замещении ее в голосовании участвовало достаточное количество рабочих голосов. И вышло так, что буржуазия и правительство стали гораздо больше бояться легальной деятельности рабочей партии, чем нелегальной, успехов на выборах, — чем успехов восстания.

Ибо и здесь условия борьбы существенно изменились. Восстание старого типа, уличная борьба с баррикадами, которая до 1848 г. повсюду в конечном счете решала дело, в значительной степени устарела.

Не будем создавать себе на этот счет иллюзий: действительная победа восстания над войсками в уличной борьбе, то есть такая победа, какая бывает в битве между двумя армиями, составляет величайшую редкость. Но инсургенты столь же редко и рассчитывали на такую победу. Для них все дело было в том, чтобы поколебать дух войск моральным воздействием, которое в борьбе между армиями двух воюющих стран не играет никакой роли или во всяком случае играет гораздо меньшую роль. Если это удается, то войска отказываются стрелять, или же командиры теряют голову, и восстание побеждает. Если же это не удается, то на стороне войск, даже при меньшей их

численности, сказываются преимущества лучшего вооружения и обучения, единого командования, планомерного применения боевых сил и соблюдение дисциплины. Наибольшее, чего может достичь восстание в чисто тактическом смысле, это — сооружение и защита по всем правилам искусства какой-нибудь отдельной баррикады. Взаимная поддержка, расположение и соответственно использование резервов, — словом, согласование действий и взаимодействие отдельных подразделений, необходимые даже для защиты какого-нибудь одного городского района, не говоря уже о защите целого большого города, — достижимы лишь в очень слабой степени, а большей частью и вовсе недостижимы; сосредоточение боевых сил в одном решающем пункте отпадает здесь само собой. Поэтому преобладающей формой борьбы является пассивная оборона; если наступление кое-где и предпринимается, то лишь в виде исключения, для случайных вылазок и фланговых атак, как правило же, наступление ограничивается лишь занятием позиций, оставленных отступающими войсками. К тому же войска располагают орудиями и хорошо снаряженными и обученными инженерными частями, а у инсургентов эти средства борьбы почти всегда совершенно отсутствуют. Не удивительно поэтому, что даже те баррикадные бои, в которых был проявлен величайший героизм, — в Париже в июне 1848 г., в Вене в октябре 1848 г., в Дрездене в мае 1849 г., — заканчивались поражением восстания, как только руководители наступающих войск, отбросив всякие политические соображения, начинали действовать, исходя из чисто военной точки зрения, и могли положиться на своих солдат.

Многочисленные успехи инсургентов до 1848 г. объясняются весьма разнообразными причинами. В Париже в июле 1830 г. и в феврале 1848 г., а также в большинстве уличных боев в Испании между инсургентами и войсками стояла национальная гвардия, которая либо прямо переходила на сторону восставших, либо же своим пассивным и нерешительным поведением вызывала колебания также и в войсках и которая вдобавок доставляла восставшим оружие. Там, где эта национальная гвардия с самого начала выступала против восстания, как в Париже в июне 1848 г., восстание терпело поражение. В Берлине в 1848 г. народ победил отчасти потому, что ночью и утром 19 марта к нему присоединилось много свежих боевых сил, отчасти вследствие утомления и плохого снабжения войск, отчасти, наконец, вследствие парализующих их действия приказов. Однако во всех случаях восставшие одерживали победу потому, что войска отказывались стрелять, что у командиров

пропадала решительность или же потому, что у них были связаны руки.

Итак, даже в классические времена уличных боев баррикада оказывала больше моральное воздействие, чем материальное. Она была средством поколебать стойкость войск. Если ей удавалось продержаться до тех пор, пока эта цель бывала достигнута, — победа была одержана; если не удавалось, — борьба кончалась поражением. Вот тот главный пункт, который следует иметь в виду также при исследовании шансов, возможных в будущем уличных боев*.

Эти шансы, впрочем, были уже в 1849 г. довольно плохи. Буржуазия повсюду перешла на сторону правительств; представители «просвещения и собственности» приветствовали и угощали войска, выступавшие на подавление восстаний. Баррикада утратила свое обаяние: солдаты видели за ней уже не «народ», а мятежников, смутьянов, грабителей, сторонников дележки, отбросы общества; офицеры с течением времени освоились с тактикой уличной борьбы: они уже не шли напрямик и без прикрытия на импровизированный бруствер, а обходили его через сады, дворы и дома. И это при некоторой ловкости удавалось теперь в девяти случаях из десяти.

Но с тех пор произошло много еще и других изменений, и все в пользу войск. Если значительно выросли большие города, то еще больше возросла численность армий. Население Парижа и Берлина не увеличилось с 1848 г. в четыре раза, зато гарнизоны их увеличились более чем вчетверо. Благодаря железным дорогам численность этих гарнизонов за 24 часа может быть более чем удвоена, а за 48 часов доведена до размеров огромных армий. Вооружение этой чрезмерно возросшей армии стало несравненно более действенным. В 1848 г. — гладкоствольное ударное ружье, заряжающееся с дульной части; теперь — малокалиберное магазинное ружье, заряжающееся с казенной части, ружье, которое стреляет в четыре раза дальше и в десять раз более метко и более быстро, чем старое. Прежде — артиллерия с относительно слабо действующими ядрами и картечью; теперь — разрывные гранаты, из которых достаточно одной, чтобы разрушить самую лучшую баррикаду. Прежде — кирка сапера для проламывания брандмауеров; теперь — динамитный патрон.

Наоборот, на стороне инсургентов все условия изменились к худшему. Восстание, которому сочувствовали бы все слои народа, вряд ли повторится; в классовой борьбе средние слои

* В тексте, напечатанном в журнале «Die Neue Zeit» и в отдельном издании «Классовой борьбы во Франции» 1895 **г.**, эта фраза опущена. *Ред.*

никогда, надо полагать, не объединятся все без исключения вокруг пролетариата так, чтобы сплотившаяся вокруг буржуазии реакционная партия почти исчезла. «Народ», таким образом, всегда будет выступать разделенным, а, следовательно, не будет того могучего рычага, который оказался столь действенным в 1848 году. Если на стороне восставших окажется больше прошедших военную службу солдат, то зато вооружить их будет труднее. Охотничьи ружья и ружья с дорогой отделкой из оружейных магазинов, — даже в том случае, если их по распоряжению полиции не приведут заранее в негодность, вынув ту или иную часть затвора, — ни в коей мере не могут даже при стрельбе на близком расстоянии сравниться с солдатским магазинным ружьем. До 1848 г. можно было самим изготовлять из пороха и свинца необходимый заряд, теперь же для каждого ружья требуются особые патроны, похожие друг на друга лишь в том отношении, что все они представляют собой сложный продукт крупной промышленности и, следовательно, не могут быть немедленно изготовлены, так что большая часть ружей остается бесполезной, если нет подходящих специально к ним боевых патронов. Наконец, длинные, прямые, широкие улицы во вновь выстроенных после 1848 г. кварталах больших городов как бы нарочно приспособлены для действия новых орудий и винтовок. Безумцем был бы тот революционер, который сам избрал бы для баррикадной борьбы новые рабочие кварталы в северной и восточной частях Берлина.

Значит ли это, что в будущем уличная борьба не будет уже играть роли? Нисколько. Это значит только, что условия с 1848 г. стали гораздо менее благоприятными для бойцов из гражданского населения, гораздо более благоприятными для войск. Будущая уличная борьба может, таким образом, привести к победе лишь в том случае, если это невыгодное соотношение будет уравновешено другими моментами. Поэтому уличная борьба будет происходить реже в начале большой революции, чем в дальнейшем ее ходе, и ее надо будет предпринимать с более значительными силами. А силы эти так же, как и в течение всей великой французской революции, как и 4 сентября и 31 октября 1870 г. в Париже[518], предпочтут, надо думать, открытое наступление пассивной баррикадной тактике[*].

Понятно ли теперь читателю, почему господствующие классы хотят заманить нас непременно туда, где стреляет ружье и рубит сабля? Почему нас теперь упрекают в трусости за то, что мы не желаем немедленно без оглядки выходить на улицу,

[*] В тексте «Die Neue Zeit» и отдельного издания «Классовой борьбы во Франции» 1895 г. весь этот абзац опущен. *Ред.*

где, как мы наперед знаем, нас ожидает поражение? Почему нас так настойчиво упрашивают согласиться, наконец, сыграть роль пушечного мяса?

Эти господа совершенно напрасно расточают свои просьбы и свои вызовы. Мы не настолько глупы. С таким же успехом они могли бы потребовать в ближайшую войну от своего врага, чтобы он выстроил свои войска в линию, как во времена старого Фрица*, или в колонны из целых дивизий, как при Ваграме и Ватерлоо[519], и притом с кремневыми ружьями в руках. Если изменились условия для войны между народами, то не меньше изменились они и для классовой борьбы. Прошло время внезапных нападений, революций, совершаемых немногочисленным сознательным меньшинством, стоящим во главе бессознательных масс. Там, где дело идет о полном преобразовании общественного строя, массы сами должны принимать в этом участие, сами должны понимать, за что идет борьба, за что они проливают кровь и жертвуют жизнью**. Этому научила нас история последних пятидесяти лет. Но для того чтобы массы поняли, что нужно делать, необходима длительная настойчивая работа, и именно эту работу мы и ведем теперь, ведем с таким успехом, который приводит в отчаяние наших противников.

В романских странах тоже начинают все больше понимать, что старую тактику необходимо подвергнуть пересмотру. Повсюду немецкий пример использования избирательного права, завоевания всех доступных нам позиций находит себе подражание; повсюду неподготовленные атаки отошли на задний план***. Во Франции, где за сто с лишним лет почва какникак взрыхлена рядом революций, где нет ни одной партии, которая не отдала бы своей дани заговорам, восстаниям и всяческим другим революционным действиям; во Франции, где вследствие этого правительство никоим образом не может с уверенностью полагаться на армию и где вообще обстоятельства гораздо более благоприятны для внезапных восстаний, чем в Германии, — даже во Франции социалисты все более и более приходят к убеждению, что для них прочная победа возможна лишь в том случае, если они предварительно привлекут на свою сторону широкую массу народа, то есть в данном случае крестьян. Терпеливая пропагандистская работа и парламентская деятель-

* — Фридриха II. *Ред.*

** В тексте «Die Neue Zeit» и отдельного издания «Классовой борьбы во Франции» 1895 г. вместо слов «за что они проливают кровь и жертвуют жизнью» напечатано: «за что они должны выступать». *Ред.*

*** В тексте «Die Neue Zeit» и отдельного издания «Классовой борьбы во Франции» 1895 г. слова «повсюду неподготовленные атаки отошли на задний план» опущены. *Ред.*

ность признаны и там ближайшей задачей партии. Успехи не заставили себя ждать. Завоеван не только целый ряд муниципалитетов; в палатах заседают 50 социалистов, и они уже свергли три министерства и одного президента республики. В Бельгии рабочие в прошлом году завоевали избирательное право[520] и одержали победу в четверти избирательных округов. В Швейцарии, Италии, Дании, даже в Болгарии и Румынии социалисты имеют своих представителей в парламентах. В Австрии все партии пришли к единодушному выводу, что невозможно более преграждать нам доступ в рейхсрат. Мы непременно туда проникнем, спор идет лишь о том — через какую дверь. И даже если в России соберется знаменитый Земский собор[*] — это национальное собрание, созыву которого так тщетно противится молодой Николай, — мы можем с уверенностью рассчитывать, что будем и там иметь своих представителей.

Само собой разумеется, что из-за этого наши товарищи за границей ни в коем случае не отказываются от своего права на революцию. Ведь право на революцию является единственным *действительно* «историческим правом» — единственным, на котором основаны все без исключения современные государства, в том числе и Мекленбург, где дворянская революция закончилась в 1755 г. «договором о наследовании», этим действующим еще и поныне достославным документом феодализма[521]. Право на революцию настолько прочно вошло в общее сознание, что даже генерал фон Богуславский только на основе этого народного права и выводит право на государственный переворот для своего императора.

Но что бы ни происходило в других странах, германская социал-демократия занимает особое положение, и этим, по крайней мере на ближайшее время, определяется ее особая задача. Два миллиона избирателей, которых она посылает к урнам, а также молодежь и женщины, которые, не будучи избирателями, стоят за ними, составляют самую многочисленную, самую компактную массу, решающий «ударный отряд» интернациональной пролетарской армии. Эта масса составляет уже сейчас более четверти всех поданных голосов, и она все время растет, как доказывают дополнительные выборы в рейхстаг, выборы в ландтаги отдельных государств, в муниципалитеты и в промысловые суды. Ее рост происходит так же стихийно, так же непрерывно, так же неудержимо и вместе с тем так же спокойно, как какой-нибудь процесс, происходящий в природе. Все попытки

[*] В оригинале русское выражение, написанное латинскими буквами. *Ред.*

правительства помешать этому оказались безуспешными. Мы можем уже теперь рассчитывать на $2^1/_4$ миллиона избирателей. Если так будет продолжаться, мы завоюем к концу этого столетия большую часть средних слоев общества, мелкую буржуазию и мелкое крестьянство, и вырастем в стране в решающую силу, перед которой волей-неволей должны будут склониться все другие силы. Способствовать не покладая рук этому росту, пока он сам собой не перерастет через голову господствующей правительственной системы, не уничтожать этот крепнущий с каждым днем ударный отряд в авангардных схватках, а сохранять его в неприкосновенности до решающего дня* — вот наша главная задача. И только одно средство могло бы временно задержать и даже отбросить на некоторое время назад непрерывный рост социалистических боевых сил в Германии: крупное столкновение с войсками, кровопускание, как в 1871 г. в Париже. Со временем мы преодолели бы и это. Нельзя стереть с лица земли партию, насчитывающую миллионы, для этого не хватит всех магазинных ружей Европы и Америки. Но это задержало бы нормальный ход развития, в критический момент мы остались бы, возможно, без ударного отряда, решающая битва** была бы отсрочена, отдалена и стоила бы более тяжелых жертв.

Ирония всемирной истории ставит все вверх ногами. Мы, «революционеры», «ниспровергатели», мы гораздо больше преуспеваем с помощью легальных средств, чем с помощью нелегальных или с помощью переворота. Партии, называющие себя партиями порядка, погибают от созданного ими же самими легального положения. В отчаянии они восклицают вместе с Одилоном Барро: la legalite nous tue, законность нас убивает[522], между тем как мы при этой законности наживаем упругие мускулы и красные щеки и цветем, как вечная жизнь. И если *мы* не будем настолько безрассудны, чтобы в угоду этим партиям дать себя втянуть в уличную борьбу, то им в конце концов останется лишь одно: самим нарушить эту роковую законность.

Тем временем они составляют новые законы против переворота. Опять-таки все поставлено вверх ногами. Разве сегодняшние фанатичные враги переворота не были вчера сами

* В тексте «Die Neue Zeit» и отдельного издания «Классовой борьбы во Франции» 1895 г. слова «не уничтожать этот крепнущий с каждым днем ударный отряд в авангардных схватках, а сохранять его в неприкосновенности до решающего дня» опущены. *Ред.*

** В тексте «Die Neue Zeit» и отдельного издания «Классовой борьбы по Франции» 1895 г. слова «в критический момент мы остались бы, возможно, без ударного отряда» опущены, а вместо слов «решающая битва» напечатано: «решение». *Ред.*

ниспровергателями? Разве *мы* вызвали гражданскую войну 1866 года? Разве *мы* прогнали короля ганноверского, курфюрста гессенского, герцога нассауского из их родовых, законных, наследственных земель и захватили эти земли?[523] И эти ниспровергатели Германского союза и трех корон божьей милостью жалуются на переворот! Quis tulerit Gracchos de seditione querentes?[*] Кто может позволить поклонникам Бисмарка бранить переворот?

Но пусть они проводят свои законопроекты против переворота, пусть делают их еще более свирепыми, пусть превращают весь уголовный кодекс в каучук, — они достигнут лишь того, что представят новое доказательство своего бессилия. Для того чтобы ущемить социал-демократию всерьез, им придется прибегнуть еще к совершенно другим мерам. Против социал-демократического переворота, которому в настоящий момент идет на пользу как раз соблюдение законов, они могут пустить в ход лишь переворот со стороны партий порядка, переворот, который не может произойти без нарушения законов. Г-н Рёслер, прусский бюрократ, и г-н фон Богуславский, прусский генерал, показали им единственный способ, который можно было бы, пожалуй, пустить в ход против рабочих, не позволяющих себя вовлечь в уличную борьбу. Нарушение конституции, диктатура, возвращение к абсолютизму, regis voluntas suprema lex![**] Смелей же, господа, тут нечего болтать, тут надо действовать!

Но не забывайте, что Германская империя, как и все мелкие государства и как все современные государства вообще, — *продукт договора:* во-первых, договора между государями и, во-вторых, договора между государями и народом. Если одна сторона нарушает договор, то теряет силу договор в целом, и другая сторона также освобождается от обязательств. Это великолепно продемонстрировал нам Бисмарк в 1866 году. Если вы, следовательно, нарушите имперскую конституцию, то социал-демократия тоже будет свободна от своих обязательств и сможет поступить по отношению к вам, как она сочтет нужным. Но что именно она сделает, — эту тайну она вряд ли поведает вам теперь[***].

Почти ровно 1600 лет тому назад в Римской империи тоже действовала опасная партия переворота. Она подрывала религию и все основы государства, она прямо-таки отрицала, что

[*] — Разве терпимо, когда мятежом возмущаются Гракхи? (Ювенал, сатира вторая). *Ред.*

[**] — воля монарха — высший закон! *Ред.*

[***] В тексте «Die Neue Zeit» и отдельного издания «Классовой борьбы во Франции» 1895 г. последние три фразы этого абзаца опущены. *Ред.*

воля императора — высший закон, она не имела отечества, была интернациональной; она распространилась по всем провинциям империи, от Галлии до Азии, и проникла за ее пределы. Долгое время она действовала скрыто, вела тайную работу, но в течение довольно уже продолжительного времени она чувствовала себя достаточно сильной, чтобы выступить открыто. Эта партия переворота, известная под именем христиан, имела много сторонников и в войсках; целые легионы были христианскими. Когда их посылали присутствовать на торжествах языческой господствующей церкви для оказания там воинских почестей, солдаты, принадлежавшие к партии переворота, имели дерзость прикреплять в виде протеста к своим шлемам особые знаки — кресты. Даже обычные в казармах притеснения со стороны начальников оставались безрезультатными. Император Диоклетиан не мог долее спокойно смотреть, как подрывались в его войсках порядок, послушание и дисциплина. Он принял энергичные меры, пока время еще не ушло. Он издал закон против социалистов, — то бишь против христиан. Собрания ниспровергателей были запрещены, места их собраний были закрыты или даже разрушены, христианские знаки — кресты и т. п. — были запрещены, как в Саксонии запрещены красные носовые платки. Христиане были лишены права занимать государственные должности, они не могли быть даже ефрейторами. Так как в то время еще не было судей, как следует выдрессированных по части «лицеприятия», судей, наличие которых предполагает внесенный г-ном фон Кёллером законопроект о предотвращении государственного переворота, то христианам было просто-напросто запрещено искать защиты в суде. Но и этот исключительный закон остался безрезультатным. Христиане в насмешку срывали текст закона со стен и даже, говорят, подожгли в Никомедии дворец, в котором находился в это время император. Тогда он отомстил массовым гонением на христиан в 303 г. нашего летосчисления. Это было последнее из гонений подобного рода. И оно оказало настолько сильное действие, что через 17 лет подавляющее большинство армии состояло из христиан, а следующий самодержец всей Римской империи, Константин, прозванный церковниками великим, провозгласил христианство государственной религией.

Ф. Энгельс

Лондон, 6 марта 1895 г.

Напечатано (с сокращениями) в журнале «Die Neue Zeit», Bd. 2, №№ 27 и 28, 1894—1895 гг. и в книге: Karl Marx. «Die Klassenkampfe in Frankreich 1848 bis 1850». Berlin, 1895

Печатается по полному тексту гранок книги, сверенному с рукописью

Перевод с немецкого

В ПРАВЛЕНИЕ ЛОНДОНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ

Лондон, 11 марта 1895 г.
41, Риджентс-парк-род, Норд-Уэст

Уважаемый товарищ!

К сожалению на этот раз я не смогу принять участия в вашем мартовском празднике. Вследствие очередного приступа болезни, хотя и не серьезной, но поддающейся лечению только при условии абсолютного покоя, я опять прикован на несколько недель к дому. Надеюсь и желаю, чтобы мое отсутствие не повлияло на успех вашего праздника.

С наилучшими пожеланиями

Ваш ***Ф. Энгельс***

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIX, 1946 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

ПРАВЛЕНИЮ НЕЗАВИСИМОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ [524]

Приношу Правлению сердечную благодарность за любезное приглашение, которое я вынужден отклонить, так как мой лечащий врач именно в настоящий момент решительно возражает против того, чтобы я принимал какие бы то ни было приглашения. Так как билет может быть использован для кого-нибудь другого, то я позволю себе возвратить его при сем.

Написано во второй половине апреля 1895 г.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIX, 1946 г.

Печатается по черновой рукописи

Перевод с английского

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИНТЕРВЬЮ Ф. ЭНГЕЛЬСА КОРРЕСПОНДЕНТУ ФРАНЦУЗСКОЙ ГАЗЕТЫ «L'ECLAIR» 1 АПРЕЛЯ 1892 ГОДА [525]

... Г-н Энгельс, противник интервью, согласился сделать для нас исключение и поделиться своими впечатлениями.

— Что думаете Вы, — спросили мы Энгельса, — по поводу недавних покушений, совершенных анархистами в Париже?

— Я вижу в этом лишь дело рук платных агентов-провокаторов, пытавшихся опорочить партии, в которых они играют какую-то роль. Правительство несомненно заинтересовано в том, чтобы эти взрывы происходили, ибо они служат одновременно и интересам буржуазии вообще, и интригам определенных политических групп, в частности. Действительно, их цель — привести население в состояние тревоги, ввести террор и установить господство реакции.

Точно такой же прием был применен недавно в Германии во время «волнений в Берлине»[526]. И здесь тоже мы будем правы, усматривая в этом дело рук полиции. Правда, в первый день этих мнимосоциалистических манифестаций кое-кто из наших введенных в заблуждение друзей принял участие в движении, но они быстро раскусили подлинный характер манифестации и тотчас же ретировались.

Доказательством этому может служить разграбление нескольких лавок, принадлежащих лицам, известным как социалисты. Процесс над арестованными мятежниками показал, что зачинщиками были антисемиты, которые стремились использовать голод некоторых бедняков, чтобы заставить их кричать: «Долой евреев!».

В Италии — та же система в связи с процессом против Чиприани и других анархистов. И здесь также действия агентов-провокаторов были разоблачены перед судом присяжных.

Но это не всегда удается. В Париже нашлись два-три мерзавца, сыгравшие на руку полиции, но никто, за исключением самой полиции, не посмеет утверждать, что они принадлежат к социалистической партии.

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

— Не опасаетесь ли Вы, что все эти внутренние потрясения приведут к тому, что правительства станут искать выхода в европейской воине? Например, ваш император Вильгельм...

— Нет. Я хочу, чтобы император Вильгельм подольше жил для наибольшего блага немецких социалистов, — смеясь сказал Энгельс. — Впрочем, я не верю в немедленную войну.

— А разве союз России и Франции не внушает Вам никакого опасения на этот счет?

— Никакого. В прошлом году, возможно, у России и были агрессивные поползновения. Кронштадтские демонстрации[527] — чересчур уж явная предупредительность императорской России по отношению к республиканской Франции — могли показаться подозрительными. Концентрация войск на границе, казалось, также должна была вызывать некоторую тревогу. Но сегодня все обстоит совершенно иначе.

В самом деле, если бы Россия и захотела воевать, она не смогла бы этого сделать. В настоящий момент ей приходится вести борьбу с противником более грозным, чем все другие, — с голодом.

Этот бич не является результатом случайного неурожая, вызванного каким-либо стихийным бедствием. Это следствие новых общественных порядков в России.

Положение в России сильно изменилось после Крымской войны, во время которой целые полки гибли в снегах. Эта война означает начало великого перелома в русской истории. После полного поражения, продемонстрировавшего слабость России перед всей Европой, императору Николаю, приведенному в отчаяние жалким состоянием своей империи, ничего не оставалось, как отравиться. Александру II, вступившему на престол, необходимо было что-то предпринять, чтобы исправить ужасающее положение, в котором находилась его страна.

ПРИЧИНЫ ГОЛОДА В РОССИИ

Именно в этот период царь осуществил освобождение крепостных, освобождение, которое послужило поводом для перераспределения земли между дворянами и крестьянами.

Дворянам были отданы лучшие земли, а также лесные угодья и водоемы. Крестьянам же достались худшие земли, и к тому же в совершенно недостаточном количестве; при этом крестьяне должны были за свои наделы выплачивать в течение 49 лет определенную сумму ежегодными взносами. К чему же это привело?

Крестьяне не могли выплачивать ренту государству и вынуждены были влезать в долги; у них было слишком много, чтобы умереть, но слишком мало, чтобы жить. Банда *кулаков*[*] (ростовщиков) накинулась на этих тружеников земли, и мало-помалу они задолжали столько, что потеряли всякую надежду когда-нибудь расплатиться. Когда же ростовщики не захотели давать в долг, крестьяне вынуждены были продавать свой урожай, чтобы достать денег, и они продавали не только зерно, необходимое для их собственного пропитания, но и зерно, необходимое для посевов, и, таким образом, будущий урожай тоже оказывался под угрозой.

В этих условиях первый же плохой урожай должен был привести к настоящему голоду. И этот голод наступил, чтобы, в свою очередь, нанести тяжкий удар по сельскохозяйственному производству России. И действительно, крестьянину нечем стало кормить свой скот, и он вынужден был либо забить его, либо продать. А без рабочего скота невозможно ни обрабатывать, ни унавоживать землю. Таким образом, сельскохозяйственное производство оказывается подорванным на долгие годы.

Освобождение крестьян явилось лишь одной стороной экономической революции, которая произошла в России; другой стороной явилось искусственное создание промышленной буржуазии, которой предназначено служить промежуточным классом. Чтобы скорее прийти к этому, была установлена настоящая запретительная система, которая покровительствовала русской промышленности и способствовала необычайно быстрому ее развитию; но так как эта промышленность не могла работать на экспорт, ей необходим был внутренний рынок. Русский же крестьянин почти ничего не покупает, привыкнув изготовлять все сам: дома, инструменты, одежду и т. д.; он производил еще совсем недавно множество изделий из дерева, железа, кожи, которые продавал на ярмарках. Но когда леса были отобраны у крестьян, так как лесные угодья были переданы помещикам, деревенские кустарные промыслы пришли в упадок. Развитие фабричного производства доконало их,

[*] В оригинале русское слово, написанное латинскими буквами. *Ред.*

и крестьяне должны были покупать фабричные изделия. Но в тот момент, когда фабричная промышленность собиралась торжествовать победу, наступил голод, который нанес ей смертельный удар: крестьяне не могут больше покупать никаких фабричных изделий; разорение одних влечет за собой разорение других.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

— Итак, по Вашему мнению, экономическое положение России не позволит ей и думать о том, чтобы воевать?

— Да. Я не преувеличиваю, говоря, что картина жизни французского крестьянина семнадцатого века, нарисованная Вобаном и Буагильбером[528], может быть отнесена и к русскому крестьянину, вынужденному сегодня питаться травой. И во Франции переход от феодального строя к буржуазному проходил не без потрясений; в России же он только что вызвал кризис, который угрожает превратиться из острого в хронический. По всем этим причинам русские в настоящий момент думают гораздо больше о том, как прокормиться, чем о том, чтобы сражаться.

— Последний русский заем...

— Я как раз намеревался сказать о нем. Это колоссальный провал. Патриотизм французской буржуазии, которая очень любит говорить о реванше, оказался не настолько силен, чтобы она раскошелилась. Царское правительство просило 20 миллионов фунтов стерлингов; оно получило лишь двенадцать...

— Говорят, что Ротшильды способствовали провалу этого займа, чтобы отомстить за своих единоверцев, подвергающихся гонению со стороны русского правительства?

— Я достаточно выступал против Ротшильдов, чтобы не брать их теперь под защиту, утверждая, что они настолько глупы. Ротшильды исходили только из своих интересов, как банкиров, интересов, которые сводятся к тому, чтобы получить возможно большие комиссионные и эксплуатировать возможно большее число простофиль, вот и все.

— Итак, Вы не верите в могущество России?

— Россия сильна в обороне, но как нападающая сторона она не сильна ни на суше, ни на море. Я показал Вам, что экономическое положение не позволяет ей пускаться в опасные и дорогостоящие авантюры. Если мы посмотрим на организацию рус-

ской армии, то увидим, что и с этой стороны Россия тоже не страшна.

В случае войны, она не выставила бы солдат больше того количества, которое у нее находится под ружьем в настоящее время. Ее резервы существуют лишь на бумаге; она может, правда, получить тысячи и тысячи солдат. Но чтобы пополнить офицерские кадры, у нее нет офицеров запаса. В самом деле, где ей взять офицеров? В какой среде?

Мы имеем в Германии на 50% больше офицеров запаса, чем нам необходимо. Разве в этом отношении Франция не была бы в относительно худшем положении? — сказал наш собеседник.

СИЛЬНАЯ ФРАНЦИЯ

— Отнюдь нет, — отвечаем мы. — У нас во Франции нет излишка офицеров, но кадры укомплектованы.

— Это никоим образом не может мне быть неприятным, — ответил г-н Энгельс. — Я не хотел бы видеть немецкую армию настолько сильной, чтобы она могла завоевать всю Европу. Для достижения нашей цели, для освобождения рабочего класса Европы, необходима сильная Франция, госпожа самой себе, так же как и Германия, которая обладала бы теми же преимуществами. Ваш великий соотечественник Сен-Симон первым провозгласил необходимость союза Франции, Англии и Германии как первое условие спокойствия Европы. Вот истинный «тройственный союз»[529].

— Чтобы закончить, позвольте Вам сказать, что Вы нарисовали несколько мрачную картину положения в России.

— Нисколько. Хотите, расскажу Вам один случай? Вы знаете, что для того чтобы оказать помощь голодающим русским крестьянам, было решено отправить зерно с Кавказа, где оно было в избытке. Последовали соответствующие приказы, было свезено очень много зерна и отправлены вагоны для его перевозки. Но случилось так, что вагонов, посланных порожняком, накопилось такое количество, что образовался затор. Зерно лежало рядом с вагонами, а вагоны стояли без движения. Узнав об этом, царь* пришел в ярость и направил на место происшествия генерала; этот военный наделал много шума, объявил, что все идет хорошо, а сумел отправить только несколько составов; большая часть зерна сгнила на месте! А что было бы в случае мобилизации? В России не так уж много железных дорог, но ее офицеры даже и их не умеют использовать.

* — Александр III. *Ред.*

ВОПРОС ОБ ЭЛЬЗАС-ЛОТАРИНГИИ

— Еще один вопрос: а как быть с Эльзас-Лотарингией, этой причиной всех раздоров? Верите ли Вы в мирное разрешение этого вопроса, которое удовлетворило бы одновременно и Францию и Германию?

— Я надеюсь, что лет через десять социалистическая партия Германии придет к власти. Ее первой заботой будет предоставить жителям Эльзас-Лотарингии возможность по своему усмотрению определить свое политическое будущее. Следовательно, вопрос будет разрешен без всякого участия французских солдат. Напротив, война между Германией и Францией была бы единственным средством помешать социалистам прийти к власти. А если бы Франция в союзе с Россией напали на Германию, то последняя боролась бы не на жизнь, а на смерть, защищая свое национальное существование, в котором германские социалисты заинтересованы гораздо больше, чем буржуа. Социалисты сражались бы поэтому до последнего человека и, не колеблясь, прибегли бы к революционным средствам, примененным Францией в 1793 году.

Напечатано в газете «L'Eclair» 6 апреля 1892 г. и в сокращенном виде в газете «Le Socialiste» № 82, 16 апреля 1892 г.

Печатается по тексту газеты «L'Eclair», сверенному с текстом газеты «Le Socialiste»

Перевод с французского

На русском языке публикуется впервые

ИНТЕРВЬЮ Ф. ЭНГЕЛЬСА КОРРЕСПОНДЕНТУ ФРАНЦУЗСКОЙ ГАЗЕТЫ «LE FIGARO» 11 МАЯ 1893 ГОДА [530]

... Узнав о цели моего посещения, Энгельс заявил мне следующее:

— Германия вступает в один из самых серьезных периодов своей история, но я должен сразу же добавить, что нам, социалистам, нечего бояться создавшегося положения. Напротив, мы с успехом используем это положение в своих интересах. Военные кредиты не были утверждены главным образом благодаря нашей агитации[531]. Нас не могли игнорировать ни различные парламентские партии, ни тем более — правительство, которое прекрасно знает, что мы для него — самый опасный враг. Когда в Германии стало известно, что правительство решило добиться новых военных кредитов, население было возмущено, и на позиции, занятой при голосовании центром и радикалами[532], несомненно сказалось давление общественного мнения.

Видите ли, — прибавил Энгельс, намеренно подчеркивая свое заявление, — в Германии народ говорит: «С *нас достаточно солдат! Нужно с этим покончить!»*

— А новый рейхстаг, г-н Энгельс?

— *Сейчас, когда мы с вами беседуем,* мне кажется, что новый рейхстаг будет еще менее расположен голосовать за кредиты, чем прошлый рейхстаг. Впрочем, я не закрываю глаза и на такую возможность, что новые депутаты, у которых впереди пять лет законодательной деятельности, пойдут на сделку с правительством, которое с помощью *«мягкого насилия»* добьется компромиссного решения. Весьма вероятно, однако, что рейхстаг не утвердит кредиты, и в этом случае пришлось

бы пойти на вторичный роспуск, а это, по моему убеждению, привело бы к выборам такого рейхстага, который проявит еще большую строптивость при рассмотрении проектов правительства. Это уже окончательно обострит конфликт, и тогда еще неизвестно, кто возьмет верх — рейхстаг или император. Повторится конфликт 1864 г. между Бисмарком и прусским ландтагом, завершившийся войной с Австрией[533].

Своим ответом Энгельс навел меня на новый вопрос — как он смотрит на два возможных варианта в развитии событий, уже обсуждавшихся в европейской прессе: государственный переворот Вильгельма II внутри страны или внешняя война.

— Совершить государственный переворот в настоящее время, — живо ответил мой собеседник, — не так легко, как это было раньше. В 1864 г. во время конфликта между Бисмарком и прусским ландтагом Пруссия была централизованным государством, в то время как сейчас Германская империя — государство федеративное. Центральное правительство рисковало бы слишком многим, попытавшись совершить государственный переворот. Чтобы быть уверенным в возможности его осуществления, ему необходимо было бы *единодушное* согласие со стороны всех правительств федерации. Если хоть *одно* из них не согласится на государственный переворот, оно окажется свободным от своих обязательств по отношению к империи, а это будет означать распад федерального государства. Но это еще не все. Федеральная конституция — единственное, что гарантирует мелкие государства от господства Пруссии; нарушив ее, они тем самым отдадут себя связанными по рукам и ногам на милость центральной власти. Можно ли предположить, что Бавария пойдет на такой отказ от своих прав? Нет, и для того чтобы уточнить мою мысль, я скажу вам следующее: чтобы произвести в Германии государственный переворот, император должен был бы иметь на своей стороне либо народ, — а народ его не поддерживает, — либо все правительства федерации, — *а все они никогда не выступят за него.*

Так как последнее заявление Энгельса не убедило меня, я продолжал настаивать на возможности внутреннего государственного переворота.

— Я не утверждаю, — возразил он, — что то, что я назвал бы *«революцией сверху»,* не представляет угрозы для будущего. Бебель и другие наши друзья уже говорили, что они предвидят покушение на всеобщее избирательное право.

— И что же, в этом случае вы ответите насилием на насилие?

— Мы не так глупы, чтобы попасться в ловушку, подстроенную нам правительством; ведь германское правительство ничего

так не хочет, как восстания, чтобы нас раздавить. Нам слишком хорошо известно нынешнее соотношение сил между нами и правительством, чтобы очертя голову решиться на такой шаг. Да и осмелится ли Вильгельм II пойти на *полную* отмену всеобщего избирательного права? Я этого не думаю. Скорее, он увеличит возрастной ценз для избирателей и преподнесет нам всеобщее избирательное право, *пересмотренное и исправленное* (при этих словах Энгельс рассмеялся), с которым сейчас предстоит познакомиться Бельгии[534].

— А не опасаетесь ли Вы массовых арестов среди депутатов оппозиции?

— Нет, — воскликнул Энгельс, — никто в Германии не допускает такой возможности. Некоторые правительства федерации, например баварское, никогда не согласились бы санкционировать такое вопиющее нарушение конституции. Не забывайте, что имперская конституция и рейхстаг являются единственным оружием, с помощью которого мелкие государства могут предотвратить поглощение их Пруссией.

Мы перешли затем к гипотезе о внешней войне. Энгельс в этом вопросе далек от пессимизма.

— Разумеется, — заявил он мне, — война может возникнуть. Но кто в наше время возьмет на себя ответственность спровоцировать ее? Разве что Россия, страна, которую, в силу занимаемого ею огромного пространства, нельзя завоевать?.. Да и то еще вопрос!.. В данный момент Россия находится в таком положении, что она не выдержит и месяца войны, если не получит денег из-за границы.

* * *

После этого мой собеседник немного помолчал, а затем продолжал с едва сдерживаемым раздражением:

— Я, право, не понимаю французское правительство. Ведь не Франция нуждается в России, а Россия во Франции. Россия разорена, земли ее истощены. Если бы французское правительство понимало действительное положение вещей, оно получило бы от России все, что ему нужно, все... все... за исключением денег и эффективной военной помощи. Без Франции Россия оказалась бы изолированной, полностью изолированной... И пусть мне не говорят о военной мощи России! Вспомните турецкую войну. Без помощи румын русские были бы бессильны под Плевной...[535] Нет, чем больше я размышляю, тем меньше верю в возможность войны. В наше время так трудно

предвидеть ее исход! Армии поставлены в совершенно новые условия, абсолютно не поддающиеся учету. Появилась винтовка, делающая десять выстрелов в минуту, по дальнобойности приближающаяся к дальнобойности пушек и стреляющая пулями неслыханной пробойной силы. Появились артиллерийские снаряды, начиненные мелинитом, робуритом и т. д. Ни одно из этих грозных средств разрушения не было еще никогда испытано в ходе войны. Таким образом, мы совершенно не можем представить себе, какое влияние этот переворот в вооружении окажет на тактику и на моральный дух солдат.

Если бы Вильгельм II вздумал затеять войну, он встретил бы сопротивление в своем собственном генеральном штабе; ему дали бы *почувствовать* весь огромный риск войны. Во времена Наполеона III еще были возможны локализованные войны; в наше время война была бы всеобщей, и *Европа оказалась бы во власти Англии,* ибо Англия может по своему усмотрению морить голодом любую из воюющих сторон. Ни Германия, ни Франция не производят сами достаточного количества хлеба, они вынуждены ввозить его из-за границы. А снабжает их хлебом именно Россия. В случае войны с Россией, Германия не смогла бы получить ни одного гектолитра зерна. С другой стороны, Франция оказалась бы отрезанной от русского хлеба Центральной Европой, выступившей в воине против нее. Открытым оставался бы, следовательно, лишь морской путь. Между тем море во время войны было бы более, чем когда-либо, во власти англичан. Английское правительство благодаря обязательствам, взятым на себя компаниями, обеспечивающими различного рода трансатлантическую службу, имеет в своем распоряжении их суда, построенные *под его контролем;* таким образом, в случае объявления войны Англия располагала бы помимо ее могущественного флота еще 50—60 крейсерами, специально предназначенными для того, чтобы не пропускать торговые суда в ту или в те из воюющих стран, против которых она выступит. Даже оставаясь нейтральной, она была бы главным арбитром положения. В то время как воюющие страны истощали бы свои силы в сражениях, она выступила бы в подходящий момент, чтобы продиктовать свои условия мира. Впрочем, нечего и думать, что Вильгельм II может начать войну. Прежний воинственный пыл германского императора значительно поостыл.

* * *

Мне оставалось расспросить г-на Энгельса еще по одному важному вопросу — о шансах немецких социалистов на предстоящих выборах.

— Я убежден, — ответил он на этот вопрос, — что мы получим на 700000, а возможно и на миллион голосов больше, чем получили в 1890 году. Таким образом, мы соберем в общей сложности два с четвертью, если не все два с половиной миллиона голосов. Однако число депутатских мест, которые мы получим, не будет соответствовать этой цифре. Если бы места распределялись равномерно, мы имели бы в последнем рейхстаге, после выборов, давших нам полтора миллиона голосов, восемьдесят депутатов, вместо тридцати шести. Со времени основания империи, когда были установлены избирательные округа, распределение населения по округам изменилось не в нашу пользу. Избирательные округа были образованы по следующему принципу: один депутат на 100000 жителей. Между тем Берлин и до сих пор еще посылает в рейхстаг всего шесть депутатов, хотя население его в настоящее время превышает полтора миллиона. По правилам Берлин должен был бы избирать шестнадцать депутатов. Другой пример: в Кёльне в настоящее время насчитывается 250000 жителей, а избирает он по-прежнему только одного депутата.

— Во всех ли избирательных округах будут выдвинуты кандидаты от социалистической партии?

— Да, мы выставим кандидатов во всех 400 округах. Нам важно произвести смотр нашим силам.

— А какую вы, немецкие социалисты, ставите себе конечную цель? Энгельс посмотрел на меня, а затем сказал:

— У нас нет конечной цели. Мы *сторонники постоянного, непрерывного развития,* и мы не намерены диктовать человечеству какие-то окончательные законы. Заранее готовые мнения относительно деталей организации будущего общества? Вы и намека на них не найдете у нас. Мы будем уже удовлетворены, когда нам удастся передать средства производства в руки всего общества, но мы прекрасно понимаем, что при нынешнем монархическом и федеративном правительстве это невозможно.

Я позволил себе заметить, что время, когда немецкие социалисты смогут претворить свои теории в жизнь, представляется мне еще очень отдаленным.

— Не настолько, как Вам кажется, — возразил г-н Энгельс.— Я считаю, что уже близится время, когда наша партия будет призвана взять управление страной в свои руки... К концу века Вы, возможно, увидите, что это свершится.

И действительно! Возьмите число наших сторонников с тех пор, как мы начали парламентскую борьбу. С каждыми выборами

оно постоянно возрастает. Я лично убежден, что если бы последний рейхстаг просуществовал весь положенный ему по закону срок, другими словами, если бы выборы состоялись только в 1895 г., мы собрали бы три с половиной миллиона голосов. Но во всей Германии десять миллионов избирателей, из которых голосуют в среднем семь миллионов. Если за нами будут 3,5 миллиона избирателей из общего количества в 7 миллионов, Германская империя не сможет дальше существовать в своем теперешнем виде. И еще — не забывайте об этом, это очень важно, — число наших избирателей отражает число наших сторонников в армии. Имея *уже* полтора миллиона избирателей из десяти миллионов, мы имеем на своей стороне приблизительно седьмую часть всего населения, и можно считать, что из каждых шести солдат — один наш. Когда у нас будет три с половиной миллиона голосов, — а это время не за горами, — на нашей стороне будет половина всей армии.

Когда же я выразил свое сомнение в том, что в случае революции находящиеся под влиянием социалистов войска останутся верными своим принципам, г-н Энгельс заявил мне буквально следующее:

— Когда мы добьемся большинства, наша армия сознательно сделает то же, что инстинктивно сделала французская армия, отказавшись стрелять в народ. Да, что бы ни говорили напуганные буржуа, мы можем определить время, когда большая часть населения перейдет на нашу сторону, наши идеи распространяются повсюду как среди рабочих, так и среди учителей, врачей, юристов и пр. Если нам придется взять власть в свои руки завтра, нам потребуются инженеры, химики, агрономы. Что же! Я твердо уверен, что многие из них уже будут с нами. А через пять или десять лет у нас их будет больше, чем мы сможем использовать.

И после этих слов, преисполненных оптимизма, я распрощался с г-ном Ф. Энгельсом.

Напечатано в газете «Le Figaro»
13 мая 1893 г. и в газете «Le Socialiste»
№ 140, 20 мая 1893 г.

Печатается по тексту газеты «Le Figaro», сверенному с текстом газеты «Le Socialiste»

Перевод с французского

На русском языке публикуется впервые

ИНТЕРВЬЮ Ф. ЭНГЕЛЬСА КОРРЕСПОНДЕНТУ АНГЛИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ «DAILY CHRONICLE» В КОНЦЕ ИЮНЯ 1893 ГОДА [536]

... Я пришел к г-ну Энгельсу в его дом на Риджентс-парк-род и, разумеется, застал его в прекрасном настроении в связи с результатами выборов в германский рейхстаг.

— Мы завоевали десять мест, — сказал он в ответ на мои вопросы. — Первая баллотировка дала нам 24 места, при второй из 85 наших кандидатов были избраны 20. Мы получили 16 новых мест и потеряли шесть, таким образом, наш чистый выигрыш — 10 мест. Пять из шести кандидатов от Берлина — наши.

— Сколько всего голосов вы получили?

— Это мы узнаем лишь тогда, когда начнутся заседания рейхстага; тогда будут известны точные цифры, но и сейчас можно сказать, что мы получили свыше 2000000 голосов. В 1890 г. мы собрали 1427000 голосов. И не забывайте, что эти голоса отданы исключительно социалистам. Против нас объединились все партии, кроме небольшого числа представителей народной партии, — своего рода радикально-республиканской партии[537]. Мы выставили 391 кандидата и отказались вступить в соглашение с какой-либо другой партией. Если бы мы пожелали это сделать, мы могли бы получить еще двадцать или тридцать мест, но мы решительно отвергли какие бы то ни было компромиссы, и именно поэтому наша позиция так сильна. Ни один из наших депутатов не связан обязательством поддерживать какую-нибудь партию или какие-нибудь мероприятия, кроме программы нашей собственной партии.

— Но ведь эти ваши 2000000 голосов должны были дать вам больше мест?

— Да, здесь всему виною порочная система распределения депутатских мест. Когда рейхстаг создавался, предполагалось, что избирательные округа будут все одинаковые, и один депутат будет избираться на каждые 100000 жителей; но недочеты, допущенные при создании округов, а также рост и перемещение населения привели к тому, что в настоящее время количество избирателей в округах далеко не одинаковое. Это очень нам вредит. Возьмите хотя бы кандидатуру Либкнехта в Берлине. Он собрал 51000 голосов в округе, население которого составляет около 500000.

— А почему вы потеряли шесть мест?

— Потеря эта в каждом случае объясняется особыми обстоятельствами. Бремен мы и в 1890 г. считали не более как счастливой случайностью. В Любеке, как я только что узнал от Бебеля, много рабочих разъехалось, так что если бы выборы состоялись зимой, мы удержали бы и это место. Далее, не следует забывать, что торговый кризис задел нас сильнее, чем вас, и что нам пришлось вести борьбу с резкой враждебностью со стороны предпринимателей. Хотя голосование тайное, заинтересованные лица сумели свести тайну его на нет. У нас при голосовании не ставят на листке отметку, как у вас в Англии; каждый избиратель опускает в урну листок, который он приносит с собой. Кроме того, торговый кризис и эпидемия холеры в 1892 г. вынудили множество рабочих принять государственное пособие, а это на целый год лишает их избирательного права.

Но я горжусь нашими поражениями больше, чем нашими победами, — продолжал г-н Энгельс. В Дрездене (в сельском избирательном округе) мы получили всего на 100 голосов меньше, чем кандидат, за которого голосовали все другие партии, причем всего голосовало 32000 человек. В Оттензене наш кандидат собрал из общего количества в 27000 голосов на 500 голосов меньше своего соперника, тоже имевшего поддержку всех других партий. В Штутгарте наш кандидат получил 13315 голосов — всего на 128 голосов меньше того кандидата, который был избран. В Любеке, где голосовало 19000 человек, нам не хватило только 154 голоса. И, как я уже говорил, все это голоса, поданные за социалистов и против коалиции всех других партий.

— Скажите, какова ваша политическая программа?

— Программа наша почти полностью совпадает с программой английской Социал-демократической федерации[538], но политика наша совсем иная.

— Она, вероятно, ближе к политике Фабианского общества?

— Отнюдь нет, — с горячностью ответил г-н Энгельс, — Фабианское общество[539] я считаю не более как филиалом либеральной партии. Оно надеется добиться социального обновления лишь теми средствами, какие предлагает эта партия. Мы противостоим всем существующим политическим партиям и намерены бороться с ними. Английская Социал-демократическая федерация является лишь небольшой сектой и действует как таковая. Это — замкнутая организация. Она не поняла, как нужно возглавить рабочее движение в целом и направить его к социализму. Она превратила марксизм в ортодоксию. Так, она упорно требовала, чтобы во время забастовки в доках Джон Бёрнс поднял красный флаг, в то время как этот поступок погубил бы все движение и вместо того, чтобы привлечь портовых рабочих на нашу сторону, снова толкнул бы их в объятия капиталистов. Мы таких вещей не делаем. Тем не менее, наша программа является чисто социалистической. Наше первое требование — обобществление всех средств и орудий производства. Правда, мы принимаем все, что предлагает нам какое-либо правительство, но только в качестве уплаты долга по частям и без всякой благодарности с нашей стороны. Мы всегда голосуем против бюджета и против всяких ассигнований на армию или увеличения ее численности. В тех округах, где у нас при второй баллотировке не было своих кандидатов, паши избиратели получили указание поддерживать только тех кандидатов, которые обязались голосовать против законопроекта об армии, всяких дополнительных налогов и всяких ограничений прав народа.

— А какое влияние окажут выборы на политическое положение в Германии?

— Законопроект об армии будет принят[540]. Налицо — полнейший развал оппозиции. В самом деле, единственная реальная и сплоченная оппозиция сейчас — это мы. Национал-либералы примкнули к консерваторам. Партия свободомыслящих раскололась на две части, а после выборов от нее вообще почти ничего не осталось. Католики и мелкие партии боятся нового роспуска рейхстага и, чтобы избежать его, готовы идти на любые уступки.

— А как, по Вашему мнению, отразятся выборы на политическом положении Европы в целом?

— Если законопроект об армии пройдет, Франция и Россия, очевидно, предпримут шаги в том же направлении. Франция и сейчас уже загнала в армию все мужское население вплоть

до физически негодных к военной службе людей, но она, несомненно, займется усовершенствованием своей армии, как боевой машины. Россия встретится с трудностью пополнения офицерского состава. Австрия и Германия будут, разумеется, действовать заодно.

— Так Вы считаете, что на мир в Европе шансов мало?

— Любой незначительный инцидент может, конечно, привести к вооруженному столкновению, но я не думаю, чтобы правители этих стран хотели войны. Точность и дальнобойность нового скорострельного оружия и применение бездымного пороха знаменуют собой такой переворот в военном деле, что никто не может сказать, какова должна быть правильная тактика боя в этих новых условиях. Это будет прыжок в неизвестность. И армии, которым предстоит встретиться на поле битвы, будут так огромны, что по сравнению с будущей войной все прошлые войны покажутся детской забавой.

— А каково, по Вашему мнению, будет влияние на Европу социал-демократической партии?

— Без всякого сомнения, мы будем ратовать за мир. Мы всегда протестовали против аннексии Эльзас-Лотарингии, а после Седана мы с Марксом написали воззвание Интернационала, в котором указывали, что у немецкого народа нет причин для ссоры с Французской республикой, требовали мира на почетных условиях и предсказывали то, что действительно произошло, а именно, что эта аннексия бросит Францию в объятия России и создаст постоянную угрозу миру в Европе[541]. В рейхстаге наша партия всегда требовала, чтобы населению Эльзас-Лотарингии была дана возможность самому решить свою судьбу — либо вновь присоединиться к Франции, либо остаться в составе Германии, либо присоединиться к Швейцарии, либо стать независимым государством.

— Следовательно, Вы полагаете, что недалеко время, когда будут созданы «Соединенные Штаты Европы»?

— Разумеется; все идет к этому, так как наши идеи распространяются по всей Европе. Вот, — он достал увесистый том, — наш новый журнал для Румынии*. Такой же у нас имеется для Болгарии**. Рабочие всего мира быстро обучаются искусству объединяться.

* — «Contemporanul». *Ред.*
** — «Социалъ-демократъ». *Ред.*

— Можете Вы дать мне какие-нибудь цифры, иллюстрирующие рост социализма в Германии?

Г-н Энгельс достал тщательно составленную диаграмму, показывающую число голосов, собранных каждой партией на всех выборах, имевших место со времени создания рейхстага в его нынешнем виде.

— В 1877 г., — сказал он, — мы получили 500000 голосов; в 1881 г., в силу жестоких законов против социалистов, — только 300000; в 1884 г. — 550000 и в 1890 г. — 1427000. На последних выборах мы собрали свыше 2000000 голосов.

— Чем же Вы объясняете этот необычайно быстрый рост?

— Главным образом экономическими причинами. У нас в Германии после 1860 г. произошла такая же грандиозная промышленная революция со всеми сопутствующими ей отрицательными явлениями, как у вас в Англии — между 1760 и 1810 годами. Ваши промышленники отлично это понимают. Далее, нынешний торговый кризис отразился на нашей стране с молодой промышленностью более болезненно, чем на вашей — со старой промышленностью. Следовательно, и давление на рабочих у нас было сильнее. Когда я говорю «рабочие», я имею в виду трудящихся всех классов. Мелкие торговцы, вытесняемые крупными торговыми фирмами, конторские служащие, ремесленники, городские и сельскохозяйственные рабочие начинают чувствовать гнет нашей нынешней капиталистической системы. А мы предлагаем им научный способ борьбы с этим злом, и поскольку все они умеют читать и самостоятельно мыслить, они очень быстро делают нужные выводы и вступают в наши ряды. Организация у нас безупречная, это предмет восхищения и отчаяния наших противников. Безупречной она стала благодаря законам Бисмарка против социалистов, сильно напоминающим ваши карательные законы для Ирландии. Кроме того, огромное значение имеет наша военная подготовка и дисциплина. Всем 240000 избирателям в Гамбурге наши предвыборные обращения и литература были доставлены за четверть часа. В прошлом году власти этого города даже обратились к нам с просьбой помочь им при рассылке инструкций о борьбе с холерой.

— Значит, Вы надеетесь скоро увидеть то, что Вам так интересно увидеть — социалистическое правительство, стоящее у власти?

— А почему бы и нет? Если наша партия и впредь будет расти нормальным темпом, мы между 1900 и 1910 гг. будем иметь большинство. А тогда — можете не сомневаться, у нас

не будет недостатка ни в идеях, ни в людях, которые смогут провести их в жизнь. У вас же к тому времени будет, скорее всего, правительство, в котором г-н Сидней Вебб до седых волос будет пытаться врасти в либеральную партию. Мы не верим во врастание в буржуазные партии. Мы врастаем в народ.

Напечатано в газете «Daily Chronicle»
1 июля 1893 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

ПРИМЕЧАНИЯ
ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф. ЭНГЕЛЬСА
УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Данная статья написана Энгельсом под непосредственным впечатлением от крупной победы, одержанной Социал-демократической партией Германии в первом туре всеобщих выборов в рейхстаг 20 февраля 1890 года. В результате этого тура партия собрала 1427323 голоса и получила 20 мест (по первоначальным сведениям 21 место) в рейхстаге. 1 марта состоялся также успешный для социал-демократов второй тур голосования (перебаллотировка в тех избирательных округах, где ни один из кандидатов не набрал абсолютного большинства во время первого тура), результаты которого стали известны Энгельсу уже после написания им данной статьи. Всего в итоге обоих туров социал-демократы собрали 1427298 голосов и завоевали 35 мест в рейхстаге.

Статья была опубликована в газете «Newcastle Daily Chronicle» 3 марта 1890 г. без подписи под рубрикой: «Германские социал-демократы», при этом ей было предпослано следующее редакционное вступление: «Публикуемая ниже статья поступила от одного из самых влиятельных членов германской социалистической партии. Благодаря своим длительным связям с этой партией, личной близости к Карлу Марксу и социалистическим руководителям вообще автор имеет полное право на интерпретацию их взглядов и, пожалуй, больше, нем кто-либо другой».

Вслед за публикацией в «Newcastle Daily Chronicle» статья была напечатана в газете «Berliner Volksblatt» 6 апреля 1890 г. под заглавием «Статья Фридриха Энгельса». При публикации немецкого перевода статьи редакция несколько смягчила отдельные выражения Энгельса, указав в редакционном вводном замечании, что это было вызвано условиями, созданными исключительным законом против социалистов.

«Newcastle Daily Chronicle» («Ньюкаслская ежедневная хроника») — ежедневная английская газета, выходила с 1858 (под данным названием с 1862) по 1922 год.

«Berliner Volksblatt» («Берлинская народная газета») — ежедневная немецкая социал-демократическая газета, основана в 1884 году. С 1891 г. по решению партийного съезда в Галле стала центральным

органом Социал-демократической партии Германии и выходила под названием «Vorwarts. Berliner Volksblatt» («Вперед. Берлинская народная газета»). Главным редактором был утвержден В. Либкнехт. Сотрудничая в газете и выправляя ошибки и колебания ее редакции, Энгельс помогал ей вести борьбу с оппортунизмом. Со второй половины 90-х годов, после смерти Энгельса, редакция «Vorwarts» оказалась в руках правого крыла партии. — *3*.

[2] *Исключительный закон против социалистов* был введен в Германии 21 октября 1878 г. и действовал до 1 октября 1890 г., когда под давлением массового рабочего движения этот закон был отменен. — *3*.

[3] *«Der Sozialdemokrat»* («Социал-демократ») — немецкая еженедельная газета, центральный орган германской социал-демократической партии, выходивший в период действия исключительного закона против социалистов, с сентября 1879 по сентябрь 1888 г. в Цюрихе и с октября 1888 по 27 сентября 1890 г. в Лондоне. В 1879—1880 гг. газета выходила под редакцией Г. Фольмара, а с 1881 по 1890 г. под редакцией Э. Бернштейна. Маркс, а также Энгельс, который сотрудничал в газете в течение всего периода ее издания, активно помогали редакции газеты проводить партийную пролетарскую линию, критиковали и выправляли отдельные ее ошибки и колебания. — *3*.

[4] *Национал-либералы* — партия немецкой, в первую очередь прусской буржуазии, образовавшаяся осенью 1866 г. в результате раскола буржуазной партии прогрессистов. Национал-либералы отказались от притязаний буржуазии на политическое господство ради удовлетворения экономических интересов этого класса и ставили своей основной целью объединение немецких государств под главенством Пруссии; их политика отражала капитуляцию немецкой либеральной буржуазии перед Бисмарком. После объединения Германии национал-либеральная партия окончательно сложилась как партия крупной буржуазии, в первую очередь промышленных магнатов. Внутренняя политика национал-либералов приобретала все более верноподданнический характер, и при этом национал-либералы фактически отказались от выдвинутых ими ранее либеральных требований.

Центр — политическая партия немецких католиков, образовавшаяся в 1870—1871 гг. в результате объединения католических фракций прусского ландтага и германского рейхстага (места депутатов этих фракций находились в центре залов заседаний). Партия центра занимала, как правило, промежуточную позицию, лавируя между партиями, поддерживающими правительство, и левыми оппозиционными фракциями рейхстага. Она объединяла под знаменем католицизма различные по социальному положению слои католического духовенства, помещиков, буржуазии, части крестьянства преимущественно мелких и средних государств Западной и Юго-Западной Германии, поддерживала их сепаратистские и антипрусские тенденции. Центр находился в оппозиции к правительству Бисмарка, в то же время голосовал за его мероприятия против рабочего и социалистического движения. Подробную характеристику центра Энгельс дал в работе «Роль насилия в истории» (см. настоящее издание, т. 21, стр. 478—479), а также в статье «Что же дальше?» (см. настоящий том, стр. 8—9).

Консерваторы — партия прусского юнкерства, военщины, верхушки бюрократии и лютеранского духовенства. Вела свое происхожде-

ние от крайней правой монархической фракции в прусском Национальном собрании 1848 года. Политика консерваторов, направленная на сохранение пережитков феодализма и реакционного политического строя в стране, была проникнута духом воинствующего шовинизма и милитаризма. После создания Северогерманского союза и в первые годы после образования Германской империи они составляли оппозицию правительству Бисмарка справа, опасаясь, что его политика приведет к «растворению» Пруссии в Германии. Однако уже с 1866 г. от этой партии отделилась так называемая партия «свободных консерваторов» (или «имперская партия»), выражавшая интересы крупных аграриев и части промышленных магнатов и ставшая на позицию безоговорочной поддержки Бисмарка. — *4.*

[5] Энгельс имеет в виду два указа Вильгельма II, изданные им 4 февраля 1890 г. накануне выборов в германский рейхстаг и предназначенные служить предвыборной правительственной программой.

В первом указе на имя рейхсканцлера император предписывал ему обратиться к правительствам ряда европейских стран с предложением о созыве международной конференции с целью обсуждения вопроса о создании единого рабочего законодательства. Такая конференция действительно состоялась в марте 1890 г. в Берлине. В ней, кроме Германии, приняли участие представители правительств Англии, Франции, Австро-Венгрии, Италии и других стран. Конференция приняла ряд постановлений: о запрещении труда детей моложе 12 лет, о сокращении рабочего дня для подростков и женщин и другие. Однако эти решения не имели обязательной силы для участников конференции.

Во втором указе на имя министров общественных работ и торговли и промышленности император выражал желание подвергнуть пересмотру действующее рабочее законодательство якобы с целью улучшения положения рабочих, занятых на государственных и частных предприятиях.

Опубликование этих указов свидетельствовало о крахе бисмарковских методов борьбы против рабочего движения с помощью преимущественно карательных мер и отражало попытку правящих классов Германии остановить его рост посредством усиленной социальной демагогии и более гибкого проведения традиционной политики «кнута и пряника». — *4.*

[6] Статья *«Что же дальше?»,* как и статья «Выборы 1890 года в Германии», написана Энгельсом в связи с выборами в германский рейхстаг, первый тур которых состоялся 20 февраля 1890 года (см. примечание 1). Вслед за публикацией в газете «Sozialdemokrat» статья была перепечатана в «Arbeiter-Zeitung» № 11, 14 марта 1890 года. Последний абзац статьи был перепечатан в газете «Berliner Volksblatt» № 61, 13 марта 1890 г. в виде небольшой заметки под заглавием «Фридрих Энгельс о современном положении».

«Arbeiter-Zeitung» («Рабочая газета») — орган австрийской социал-демократии, выходила в Вене с 1889 по 1893 г. еженедельно, в 1894 г. — два раза в неделю, с 1 января 1895 г. — ежедневно. Редактором газеты был В. Адлер. В 90-х годах на страницах газеты опубликовал ряд своих статей Ф. Энгельс. В газете сотрудничали А. Бебель, Элеонора Маркс-Эвелинг и другие деятели рабочего движения. — *7.*

[7] *Картель* — поддерживавший правительство Бисмарка блок обеих консервативных партий («консерваторов» и «свободных консерваторов»)

и национал-либералов, оформившийся после роспуска Бисмарком рейхстага в январе 1887 года. Картель одержал победу на выборах в феврале 1887 г., заняв преобладающее положение в рейхстаге (220 мест). Опираясь на этот блок, Бисмарк провел ряд реакционных законов в интересах юнкеров и крупной буржуазии (введение протекционистских тарифов, увеличение ряда налогов и т. д.). Однако он не смог добиться в 1890 г. продления исключительного закона против социалистов. Обострение противоречий между входившими в картель партиями и поражение на выборах 1890 г. (получил всего 132 места) привели к распаду картеля. — *7*.

[8] Имеется в виду *Немецкая свободомыслящая партия,* образовавшаяся в 1884 г. в результате слияния прогрессистской партии с левым крылом национал-либералов. Одним из лидеров партии был депутат рейхстага Рихтер; отражая интересы средней и мелкой буржуазии, она находилась в оппозиции к правительству Бисмарка. — *8*.

[9] *Вельфы* — ганноверская партия, образовавшаяся в 1866 г. после присоединения Ганновера к Пруссии (название происходит от древнего ганноверского княжеского рода Вельфов). Партия ставила своей целью восстановление прав ганноверского королевского дома и автономии Ганновера в Германской империи. К центру примыкала главным образом из партикуляристскнх и антипрусских побуждений.

Небольшие национальные фракции германского рейхстага, в том числе эльзасцы и поляки, представлявшие угнетенные национальные меньшинства в Германской империи и недовольные проводимой правительством политикой национального гнета, поддерживали в рейхстаге крупные оппозиционные партии и нередко выступали в блоке с партией центра. — *8*.

[10] Энгельс иронически намекает на конечные результаты мероприятий правительства Бисмарка, проведенных в 70-х годах XIX в. под флагом борьбы за светскую культуру (отсюда и название «культуркампф», данное буржуазными либералами) и направленных против католической церкви и партии центра, которые поддерживали сепаратистские и антипрусские тенденции. Бисмарк, который в начале конфликта с католической церковью заявил в рейхстаге в мае 1872 года: «в Каноссу мы не пойдем», в конце 70-х годов, нуждаясь в поддержке католической партии центра для борьбы прежде всего с рабочим движением и растущим влиянием германской социал-демократической партии, отменил почти все изданные во время конфликта антикатолические законы и вынудил уйти в отставку главных сторонников антикатолической политики. Уступки, сделанные Бисмарком в 1878— 1887 гг. клерикальным кругам и папе Льву XIII, были равносильны признанию бесплодности «культуркампфа».

Выражение «идти в Каноссу» ведет свое происхождение от унизительного паломничества в замок Каносса (Северная Италия) германского императора Генриха IV в 1077 г. с целью вымолить у папы Григория VII отмену отлучения его от церкви. — *9*.

[11] Статья *«Внешняя политика русского царизма»* была написана Энгельсом в связи с обострением международной обстановки в Европе в конце 80-х — начале 90-х годов XIX в. и ростом опасности мировой войны, что было вызвано складыванием двух военно-политических блоков: Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия и Италия)

и франко-русского союза, который в момент написания работы находился в стадии окончательного оформления. Этим в первую очередь объясняется резкая направленность статьи против русского царизма. Работа Энгельса является продолжением его выступлений в печати и письмах к социалистам различных стран с разоблачением милитаризма, гонки вооружений и захватнической политики европейских держав. Непосредственным поводом к написанию работы послужило обращение к Энгельсу В. Засулич (через С. Кравчинского (Степняка)) от имени редакции подготовляемого в то время к изданию в Лондоне русского марксистского журнала «Социаль-демократ» с просьбой о сотрудничестве в этом журнале. В ответ на эту просьбу Энгельс направил свою статью редакции для публикации ее на русском языке (в переводе с немецкого), одновременно решив напечатать ее в других социалистических органах.

Первая глава работы сначала была напечатана в журнале «Социаль-демократ», книга первая, февраль 1890 года (публиковалась под заглавием «Иностранная политика русского царства»). Окончание работы вошло во вторую книгу журнала, вышедшую только в августе 1890 года. За это время первые две главы были опубликованы на языке оригинала в апрельском номере журнала «Neue Zeit», но при этом с изменениями, внесенными без ведома Энгельса редакцией журнала. Изменения шли по линии смягчения данных Энгельсом характеристик правящих кругов России и Пруссии, представителям династии Гогенцоллернов и т. д. Об этом редакционном вмешательстве Энгельс узнал после того, как получил первую книгу журнала «Социаль-демократ» (около 1 апреля 1890 г.) и сравнил перевод стать» с немецким текстом. В письмах редактору журнала Каутскому и издателю Дицу от 1 апреля 1890 г. Энгельс заявил решительный протест против подобного обращения с его текстом и потребовал вторичной перепечатки первых глав в соответствии с оригиналом. В майском номере журнала эти главы были опубликованы без изменений вместе с третьей главой, при этом редакция журнала сопроводила публикацию следующим подстрочным примечанием: «При печатании I и II глав в апрельском номере «Neue Zeit» вкрались по недоразумению некоторые отклонения от оригинала, которые существенно повлияли на характер статьи. Наши читатели, наверное, будут нам благодарны, если мы вместо того, чтобы давать исправления отдельных мест, воспроизведем еще раз всю статью в ее первоначальном виде. В данном номере она публикуется теперь целиком». В конце публикации была поставлена дата окончания работы — «Лондон, конец февраля 1890 года».

На английском языке статья была напечатана в журнале «Time» в апрельском и майском номерах 1890 года. При работе над переводом статьи для английского журнала Энгельс внес в текст ряд изменений и дополнений. Перевод второй и третьей глав для «Time», судя по содержанию некоторых внесенных в них изменений, был сделан Энгельсом позднее февраля 1890 г., по-видимому в марте того же года.

При жизни Энгельса его работа имела довольно широкое распространение; в 1893 г. она была выпущена отдельным изданием на польском языке, опубликована в румынском журнале «Contemporanul» («Современник») № 7, 1890 г., во французском журнале «Id*e*e nouvelle» («Новая мысль»), 1890 г. (первые две главы), а также в болгарском органе «Балканска зора» 21 февраля — 3 марта 1891 года.

Заключительная часть работы, освещающая положение в Европе, была опубликована в виде самостоятельной статьи в газетах: «Nord-

Wacht» («Северная стража») № 28, 13 июля 1890 г., «Wahler» («Избиратель») № 113, 1 июля 1890 года.

«Социаль-демократ» — марксистский литературно-политический журнал, издавался группой «Освобождение труда» в 1890 г. в Лондоне и в 1892 г. в Женеве; выходил нерегулярно, всего вышло четыре номера. В редакцию входили В. И. Засулич, Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод.

«Die Neue Zeit» («Новое время») — теоретический журнал германской социал-демократии, выходил в Штутгарте с 1883 до октября 1890 г. ежемесячно, затем до осени 1923 г-, еженедельно. Редактором журнала с 1883 до октября 1917 г. был К. Каутский, с октября 1917 до осени 1923 г. — Г. Кунов. В 1885—1894 гг. Ф. Энгельс опубликовал в журнале ряд своих статей и постоянно помогал своими советами редакции журнала, нередко критикуя ее за допускавшиеся в журнале отступления от марксизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Энгельса, в журнале стали систематически печататься статьи ревизионистов. В годы первой мировой войны журнал занимал центристскую позицию, фактически поддерживая социал-шовинистов.

«Time» («Время») — английский ежемесячный журнал социалистического направления; издавался в Лондоне в 1879—1891 годах. — *11.*

[12] Энгельс имеет в виду введение в России в 1874 г. всеобщей воинской повинности взамен рекрутских наборов. Согласно введенному с 1 января 1874 г. Уставу о воинской повинности все мужское население России в возрасте от 21 до 43 лет, за исключением уроженцев Средней Азии, Казахстана и ряда народностей Сибири, Поволжья и Крайнего Севера, обязано было проходить военную службу в регулярной армии, запасе или ополчении. Призыв на военную службу производился посредством жеребьевки. Эта система должна была способствовать превращению русской армии в массовую армию буржуазного типа. Однако в условиях самодержавно-дворянского строя царской России проведению в жизнь принципа всеобщей воинской повинности препятствовали сословные привилегии, многочисленные льготы, распространявшиеся лишь на имущие классы, неравные условия отбывания военной службы для различных слоев населения и т. д. — *16.*

[13] Имеются в виду войны шестой (1813—1814) и седьмой (1815) коалиций европейских государств против наполеоновской Франции. В войне 1813—1814 гг. русские войска составляли свыше трети армии союзников (России, Австрии, Пруссии и других государств) и сыграли крупнейшую роль в освобождении Германии от наполеоновского господства, а также в разгроме наполеоновских войск на территории Франции, повлекшем за собой крушение Первой империи. — *17.*

[14] Характеризуя политику царской России по отношению к Польше XVIII в., Ф. Энгельс употребляет термин, ставший выражением одного из принципов внешней политики правящих кругов бонапартистской Второй империи (1852—1870). Этот так называемый «принцип национальностей» широко использовался господствующими классами крупных государств в качестве идеологического прикрытия своих завоевательных планов и внешнеполитических авантюр. Не имея ничего общего с признанием права наций на самоопределение, «принцип национальностей» был направлен на разжигание национальной розни, на превращение национального движения, особенно движения малых

народов, в орудие контрреволюционной политики соперничающих между собой крупных государств. Разоблачение «принципа национальностей» см. в памфлете К. Маркса «Господин Фогт» (настоящее издание, т. 14, стр. 502—551) и в работе Ф. Энгельса «Какое дело рабочему классу до Польши?» (настоящее издание, т. 16, стр. 156— 166). — *18.*

[15] Речь идет о Великом княжестве Литовском — феодальном государстве, образовавшемся в начале XIII века. С середины XIII по начало XV в. под власть литовских князей подпали украинские, белорусские и западнорусские земли. Осуществляя захват этих земель, литовские феодалы использовали ослабление их, вызванное татаро-монгольским нашествием, феодальной раздробленностью и усобицами, а также стремление населения к объединению для отпора монгольским завоевателям.

Первая попытка объединения Польши и Литвы была сделана в 1385 г., когда оба государства заключили между собой так называемую Кревскую унию с целью главным образом совместной борьбы против возраставшей агрессии со стороны Тевтонского ордена. Уния предусматривала инкорпорацию Великого княжества Литовского в состав Польши и насильственное введение в Литве католичества. До середины XV в. уния несколько раз распадалась и возобновлялась. Постепенно уния превращалась из оборонительного союза в союз польских и литовских феодалов против украинского и белорусского народов. В 1569 г. была заключена Люблинская уния, согласно которой Польша и Литва образовали одно государство под названием Речь Посполитая; Литва сохраняла автономию. — *19.*

[16] *Униатами* называли христиан, которые принадлежали к так называемой униатской церкви, образовавшейся в результате унии (объединения) православной и римско-католической церкви. Уния была провозглашена по требованию польских феодалов и католического духовенства (в первую очередь иезуитов) на церковном соборе в Бресте в 1596 году. Согласно Брестской унии православное население Речи Посполитой должно было признать своим главой римского папу и принять основные догматы католицизма, хотя и сохраняло внешнюю обрядность православной церкви. Уния являлась одним из орудий укрепления власти польских магнатов и шляхты над украинским и белорусским народами. Поддержанная высшим духовенством и феодальной верхушкой Украины и Белоруссии, она была отвергнута народными массами, для которых борьба против униатства сделалась одним из лозунгов их освободительного движения. — *19.*

[17] *Liberum veto* (буквально: «свобода запрета») — действовавший в феодально-шляхетской Польше XVI—XVIII вв. принцип обязательного единогласия в сейме при решении того или иного вопроса. Согласно этому принципу любой депутат нижней палаты сейма мог воспрепятствовать принятию решения, хотя бы за него высказались все остальные депутаты. Этот принцип являлся наряду с выборностью польских королей одной из основ польской шляхетской «конституции», направленной на укрепление политических позиций польских магнатов и шляхты за счет ослабления королевской власти.

Вестфальским миром 1648 г., завершившим Тридцатилетнюю войну (1618—1648), названы два мирных договора: договор между германским императором, немецкими князьями и Швецией, заклю-

ченный в Оснабрюке, и договор между германским императором и Францией, заключенный в Мюнстере (оба эти города расположены в Вестфалии). По условиям мира, в результате сделки стран-победительниц (Швеции и Франции) с немецкими князьями, Германия лишилась значительной части своей территории. К Швеции отошла вся Западная Померания с островом Рюгеном, ряд пунктов в Восточной Померании, некоторые церковные владения и т. д. Франция получила бывшие владения Габсбургов в Эльзасе, а также подтверждение ее прав на ранее захваченные ею территории. Увеличили свои владения и некоторые немецкие княжества. Вестфальский мир закрепил политическую раздробленность Германии. Немецкие князья получили право вести самостоятельную внешнюю политику, заключать союзы между собой, а также с иностранными государствами. — *19.*

[18] G. Gulich. «Geschichtliche Darstellung des Handels, der Gewerbe und des Ackerbaus der bedeutendsten handeltreibenden Staaten unserer Zeit». Bd. 2, S. 201—206, Jena, 1830 (Г. Гюлих. «Историческое описание торговли, промышленности и земледелия важнейших торговых государств нашего времени». Т. 2, стр. 201—206, Йена, 1830). — *19.*

[19] Имеется в виду фальшивый документ, использовавшийся западноевропейскими политиками и публицистами для антирусской пропаганды. Версия о наличии «Завещания Петра Великого» была выдвинута на Западе еще в 1797 году. В 1812 г. содержание этого мнимого завещания было изложено в книге Лезюра «О росте русского государства от его возникновения до начала XIX века» (Lesur. «Des progres de la puissance russe, depuis son origine jusqu'au commencement du XIX-e siecle». Paris. 1812), а в 1836 г. этой фальшивке была придана форма документа в изданных Гайярдэ «Мемуарах кавалера д'Эона» (Gaillardet. «Memoires du chevalier d'Eon»). В XIX в. в Западной Европе было широко распространено убеждение в том, что «Завещание» является либо подлинным документом Петра I, либо составлено по поручению его преемников. — *20.*

[20] K. Kautsky. «Thomas More und seine Utopie. Mit einer historischen Einleitung». Stuttgart, 1888 (К. Каутский. «Томас Мор и его Утопия. С историческим введением», Штутгарт, 1888). — *21.*

[21] *Семилетняя война* (1756—1763) — война между двумя коалициями европейских государств: англо-прусской, с одной стороны, и франко-русско-австрийской, с другой. Война была вызвана столкновением интересов феодально-абсолютистских держав (Пруссии, Австрии, России, Франции) и колониальным соперничеством Франции и Англии. Военные действия между противниками, помимо морских сражений, велись в Европе, а также на территории их американских и азиатских колоний. В 1756—1757 гг. войска прусского короля Фридриха II одержали ряд побед над австрийцами и французами, однако победы русских войск в Пруссии в 1757—1760 гг. свели на нет результаты прусских побед и Пруссия была близка к поражению. Неожиданное изменение внешнеполитического курса России, вследствие смерти 5 января 1762 г. (25 декабря 1761 г.) императрицы Елизаветы и восшествия на престол Петра III, заключившего мир с Пруссией, дало последней возможность закончить войну и с Австрией. Семилетняя война завершилась заключением Парижского и Губертсбургского мирных договоров. По Парижскому договору Франция вынуждена

была уступить Англии свои крупнейшие колонии (Канаду, почти все французские владения в Ост-Индии и т. д.), чем было упрочено колониальное и морское могущество Англии. Губертсбургский мир восстанавливал Пруссию и Австрию в довоенных границах. — *23.*

[22] *Петербургский договор* 31 марта (11 апреля) 1764 г. — договор об оборонительном союзе между Россией и Пруссией, заключенный на 8 лет и подписанный от имени России Н. И. Паниным и вице-канцлером А. М. Голицыным, а от имени Пруссии прусским посланником в Петербурге В. Сольмсом. Договаривающиеся стороны гарантировали друг другу неприкосновенность их территорий, военную и финансовую помощь в случае нападения на одну из сторон, а также обеспечение взаимных торговых интересов. В секретных статьях договора Россия и Пруссия брали на себя обязательство не допускать изменения польской и шведской конституций. В особой секретной статье предусматривалось обязательство Пруссии поддерживать кандидата на королевский престол в Польше, предложенного Россией. Договор отражал стремление России и Пруссии воспрепятствовать усилению влияния Австрии и Франции в Польше. — *23.*

[23] Первый раздел Речи Посполитой между Пруссией, Австрией и Россией был осуществлен в 1772 году. Согласно конвенциям о разделе, подписанным в Петербурге 5 августа (25 июля) 1772 г., Австрия и Пруссия захватили часть западноукраинских и коренных польских земель: Австрия — Галицию, Пруссия — Вармию и часть Поморья, Куявии и Великой Польши. К России отошли Латгалия и часть Восточной Белоруссии. — *23.*

[24] Так называемый «принцип легитимизма» (от латинского «legitimus» — «законный») был выдвинут на Венском конгрессе (1814—1815) французским представителем Талейраном. Согласно этому принципу предусматривалось восстановление в Европе «законных» династий, свергнутых в ходе французской буржуазной революции конца XVIII в. и наполеоновских войн. — *24.*

[25] Речь идет о войне за баварское наследство (1778—1779), которая была вызвана притязаниями германских государств на различные части Баварии в связи со смертью курфюрста Максимилиана-Иосифа, не оставившего прямых наследников, и борьбой между Австрией и Пруссией за главенствующую роль в Германии. Война закончилась заключением в мае 1779 г. Тешенского мирного договора между Австрией, с одной стороны, Пруссией и Саксонией — с другой. Согласно этому договору Пруссия и Австрия получили некоторые части территории Баварии, а Саксония — денежную компенсацию. Баварский престол был передан курфюрсту Пфальцскому. Тешенский мир подтверждал ряд заключенных в прошлом германскими государствами мирных договоров начиная от Вестфальского договора 1648 г., кончая Губертсбургским договором 1763 года. Выступив вначале в качестве посредника между воюющими сторонами, Россия в специальной статье договора была объявлена вместе с Францией державой-гарантом установленного договором порядка, получив фактически право вмешательства в дела германских государств. — *24.*

[26] Энгельс имеет в виду успешные для России войны с Турцией 1768— 1774 и 1787—1792 годов. — *25.*

[27] В *Декларации, относительно вооруженного нейтралитета,* обнародованной Екатериной II 11 марта (28 февраля) 1780 г., провозглашалось право нейтральных судов в море защищать себя оружием от нападения воюющих государств, право нейтральных государств свободно торговать с воюющими державами, принцип неприкосновенности неприятельской собственности, находящейся под нейтральным флагом, признание блокады только в том случае, если вход в блокируемый порт фактически закрыт военно-морскими силами. Эта декларация, направленная против Англии в период ее войны против восставших североамериканских колоний (1775—1783), легла в основу конвенции, заключенной между Россией и рядом государств. К декларации в 1780— 1783 гг. присоединились Дания, Швеция, Голландия, Пруссия, Австрия, Португалия и Королевство Обеих Сицилий.

Эти принципы вооруженного нейтралитета были впоследствии положены в основу «Декларации о принципах морского международного права», подписанной представителями Австрии, Франции, Англии, Пруссии, России, Сардинии и Турции 16 апреля 1856 года. Декларация была приложена к Парижскому мирному договору, подписанному 30 марта 1856 г. участниками Крымской войны 1853— 1856 годов. —*25.*

[28] Имеются в виду второй и третий разделы Польши в 1793 и 1795 гг., явившиеся результатом захватнической политики Австрии, Пруссии и царской России по отношению к Речи Посполитой и средством подавления польского национального движения. По второму разделу Польши к России отошли часть Белоруссии и Правобережная Украина; Пруссия захватила Гданьск, Торунь и часть Великой Польши; Австрия во втором разделе не участвовала.

По третьему разделу Польши к России отошли Литва, Курляндия, западные районы Белоруссии и часть Волыни. Австрия захватила часть Малой Польши с Люблином и Краковом. Основная часть коренных польских земель с Варшавой была захвачена Пруссией. В результате третьего раздела Речь Посполитая прекратила свое существование как самостоятельное государство. — *25.*

[29] Речь идет о коалиции феодально-абсолютистских государств Европы против революционной Франции. В создании контрреволюционной коалиции активное участие принимала также буржуазно-аристократическая Англия. В феврале 1792 г. при поддержке Англии и царской России был заключен военный союз между Пруссией и Австрией, которые начали интервенцию во Францию. В 1793 г., после провозглашения 10 августа 1792 г. во Франции республики и казни в январе 1793 г. короля Людовика XVI, к антифранцузской коалиции открыто присоединились Англия, Голландия, Испания, Неаполь, Сардиния и ряд мелких германских и итальянских государств. Война Франции с участниками этой (первой) коалиции продолжалась до 1797 года. — *25.*

[30] Во Фридрихсгаме (Финляндия) летом 1783 г. по инициативе шведского короля Густава III состоялась его встреча с Екатериной II. Поездка во Фридрихсгам была предпринята Густавом с целью выяснения намерений Екатерины II относительно Турции и Крыма, а также ее отношения к планам захвата Швецией Норвегии. Со своей стороны Екатерина II добивалась в то время сближения со Швецией в связи с подготовкой России к войне с Турцией. — *26.*

[31] *Люневильский мирный договор* был заключен между Австрией и Францией 9 февраля 1801 г. в результате поражения второй антифранцузской коалиции европейских государств. Согласно условиям мира Австрия уступила Франции значительные территории в Германии и Италии, а также признала зависимые от Франции республики в Голландии, Швейцарии и Северной Италии. — *27.*

[32] *Решением имперской депутации* (комиссии из представителей государств Германской империи, избранной имперским сеймом в октябре 1801 г.) от 25 февраля 1803 г. было ликвидировано большое количество мелких государств Западной Германии, Территории этих государств были присоединены к более крупным германским государствам в качестве компенсации за земли на левом берегу Рейна, отошедшие по Люневильскому договору к Франции. В результате было упразднено 112 германских государств (почти все духовные владения и имперские города) с общим населением в 3 млн. человек; их владения в значительной части были переданы целиком зависевшим от наполеоновской Франции Баварии, Вюртембергу и Бадену, а также Пруссии. Решение имперской депутации было лишь официальным оформлением положений заключенной в октябре 1801 г. между Францией и Россией секретной конвенции, предусматривавшей урегулирование территориальных вопросов в прирейнской Германии в интересах наполеоновской Франции. — *27.*

[33] Сражение при *Аустерлице* (Моравия) 2 декабря (20 ноября) 1805 г. между русско-австрийскими и французскими войсками закончилось победой Наполеона I. После этого поражения Австрия вышла из третьей коалиции и заключила с Наполеоном Пресбургский мир. Россия и Англия продолжали борьбу, образовав в 1806 г. новую, четвертую, коалицию против наполеоновской Франции.

Рейнский союз — объединение государств Южной и Западной Германии, основанное под протекторатом Наполеона I в июле 1806 года. Создание такого военно-политического оплота в Германии удалось Наполеону в результате разгрома Австрии в 1805 году. После образования Рейнского союза средневековая Священная Римская империя германской нации прекратила свое существование. В состав Рейнского союза первоначально вошло 16 (Бавария, Вюртемберг, Баден и др.), а затем еще 5 государств (Саксония, Вестфалия и др.), которые стали фактически вассалами наполеоновской Франции. Войска этих государств участвовали в завоевательных походах Наполеона, в том числе в походе 1812 г. в Россию. Союз распался в 1813 г. в результате поражения наполеоновской армии. — *28.*

[34] Перечисляется ряд сражений 1806—1807 гг. в войне четвертой коалиции (Англии, России, Пруссии, заключившей в июле 1806 г. тайный союз с Россией о борьбе с Наполеоном, и Швеции) против наполеоновской Франции:

Сражение при *Йене* (Тюрингия) между прусскими и французскими войсками произошло 14 октября 1806 г. и закончилось разгромом прусской армии.

В сражении у *Прёйсиш-Эйлау* (Восточная Пруссия) 7—8 февраля (26—27 января) 1807 г. между французскими и русскими войсками Наполеон, несмотря на огромные потери французских войск, не смог добиться решающего успеха.

Сражение при *Фридланде* (Восточная Пруссия) 14 (2) июня 1807 г. между французскими и русскими войсками закончилось победой наполеоновской армии.

Тильзитский мир — мирные договоры, заключенные 7 и 9 июля 1807 г. между наполеоновской Францией и участниками четвертой антифранцузской коалиции, Россией и Пруссией, потерпевшими поражение в войне. Условия мира были крайне тяжелыми для Пруссии, которая лишилась значительной части своей территории (в том числе всех владений к западу от Эльбы). Россия не понесла никаких территориальных потерь и даже приобрела Белостокский округ, отошедший к ней от Пруссии (позднее, после победы Наполеона над Австрией в войне 1809 г., к России был присоединен Тарнопольский округ в Восточной Галиции). Однако Александр I должен был признать французские завоевания в Германии и произведенные там Наполеоном территориальные изменения, а также согласиться на образование герцогства Варшавского, явившегося французским плацдармом у границ России, и присоединиться к блокаде Англии (так называемой континентальной блокаде). Между Россией и наполеоновской Францией был заключен оборонительный и наступательный союз, направленный против Англии. За это Наполеон обещал предоставить России свободу действии в отношении Турции и Швеции. — *28.*

[35] Имеется в виду поход русской армии под командованием Барклая-де-Толли через Ботнический залив зимой 1809 г. во время русско-шведской войны 1808—1809 годов. Вступление русских войск на территорию Швеции ускорило осуществление заговора шведских аристократов против короля Густава IV с целью ограничения королевской власти в интересах аристократической олигархии. В марте 1809 г. Густав IV был низложен, и королем под именем Карла XIII вскоре был объявлен его дядя герцог Зюдерманландский. В сентябре того же года Швеция вынуждена была заключить с царской Россией Фридрихсгамский мир, уступив ей Финляндию. — *29.*

[36] В Або (Турку) в августе 1812 г. состоялась встреча Александра I и наследника шведского престола Карла-Иоанна (Бернадота). Результатом встречи явилась конвенция, подписанная Россией и Швецией 30 (18) августа 1812 г. и фактически оформившая военный союз между ними против наполеоновской Франции. Конвенция содержала также обязательство России оказать военную помощь Швеции против Дании в случае отказа последней уступить шведскому королю Норвегию. В свою очередь Швеция обязывалась поддерживать территориальные притязания царского правительства, в частности на территорию подвластного Наполеону герцогства Варшавского. — *29.*

[37] Имеется в виду свидание Наполеона I с Александром I, состоявшееся в Эрфурте 27 (15) сентября — 14 (2) октября 1808 года. Наполеон, обеспокоенный ростом национально-освободительного движения в покоренных им странах, в частности в Испании, и опасаясь выступления против него Австрии, рассчитывал добиться помощи со стороны Александра I на случаи войны с Австрией, пообещав в свою очередь Александру I поддержку притязаний России на Молдавию и Валахию. Хотя переговоры закончились подписанием секретной конвенции, предусматривавшей формально возобновление заключенного в 1807 г. в Тильзите франко-русского союза, тем не менее Александр отказался

от активной поддержки Наполеона в его борьбе с Австрией. Во время франко-австрийской войны 1809 г. Россия ограничилась оккупацией Галиции, но никаких военных действий против Австрии не предпринимала. — *29.*

[38] Русско-турецкая война началась в 1806 г. и продолжалась (с перерывом в 1807—1809 гг.) до 1812 года. Она явилась результатом обострения русско-турецких отношений, которому способствовали происки наполеоновской дипломатии. В ходе войны русские войска нанесли турецкой армии ряд тяжелых поражений на европейском и кавказском театрах войны. Война завершилась Бухарестским мирным договором, подписанным 28 (16) мая 1812 года. Согласно договору Россия получила Бессарабию до реки Прут и право торгового судоходства по Дунаю, а также ряд областей Закавказья. Договор подтверждал прежние соглашения между Россией и Турцией относительно признания за Молдавией и Валахией ряда автономных прав.

Победа России в войне объективно способствовала освобождению народов Балканского полуострова от турецкого владычества. Успешные действия русских войск на Балканах оказали существенную поддержку народному восстанию в Сербии 1804—1813 годов, которое явилось важнейшей вехой в истории многовековой национально-освободительной борьбы сербского народа против владычества турецких феодалов. В ходе восстания сербы, добившись изгнания турецких завоевателей, создали в 1805—1811 гг. свое государственное управление. По Бухарестскому договору 1812 г. Турция должна была предоставить Сербии автономию в делах внутреннего управления. Однако, воспользовавшись вторжением наполеоновской армии в Россию, султан, в нарушение договора, организовал в 1813 г. карательный поход в Сербию и на время восстановил там свое господство. В результате нового победоносного восстания сербов в 1815 г., а также дипломатической помощи России турецкое иго было свергнуто, и после русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Турция специальным фирманом султана 1830 г. вынуждена была признать автономию (фактическую независимость) Сербии. — *29.*

[39] *Континентальная система,* или континентальная блокада, объявленная Наполеоном в 1806 г., запрещала странам европейского континента вести торговлю с Англией. Присоединение России к континентальной системе было обусловлено Тильзитским договором 1807 года. — *29.*

[40] Сражение при *Лейпциге* 16—19 (4—7) октября 1813 г. — генеральное сражение между войсками участников шестой антифранцузской коалиции европейских держав (России, Австрии, Пруссии, Швеции) и наполеоновской Франции. Победа союзных войск в этом сражении, вошедшем в историю под названием «битвы народов», решила исход кампании в пользу союзников, привела к распаду Рейнского союза и освобождению Германии от наполеоновского господства. — *30.*

[41] *Бухарестский мир* 1812 г. — см. примечание 38.

Решением *Венского конгресса* европейских монархов и их министров, заседавшего с перерывами в 1814—1815 гг. после разгрома наполеоновской Франции, карта Европы была перекроена в целях реставрации легитимных монархий, вопреки интересам национального объединения и независимости народов. Польша была вновь поделена

между Австрией, Пруссией и Россией. При этом большая часть созданного Наполеоном I в 1807 г. по Тильзитскому миру герцогства Варшавского перешла к России под названием Царства Польского. — *30.*

[42] *Конгрессовая Польша* — так называли часть Польши, которая под официальным названием Царство Польское отошла к России по решениям Венского конгресса 1814—1815 годов. — *31.*

[43] *Священный союз* — реакционное объединение европейских монархов, основанное в 1815 г. царской Россией, Австрией и Пруссией для подавления революционных движений в отдельных странах и сохранения там феодально-монархических режимов. — *32.*

[44] Энгельс имеет в виду греческое восстание, начавшееся весной 1821 г. и вскоре принявшее массовый характер. В январе 1822 г. Национальное собрание, созванное в Эпидавре, провозгласило независимость Греции и приняло конституцию. Турецкий султан, будучи не в состоянии справиться своими силами с восставшими греками, призвал на помощь своего вассала, правителя Египта Мухаммеда-Али, войска которого в 1825 г. вторглись в Морею (Пелопоннес), учиняя повсюду зверскую расправу над греческим населением. В начале восстания отношение к нему держав Священного союза, в частности царской России, было резко отрицательным. Однако огромное сочувствие, которое вызвала повсюду борьба греков, а главное возможность использовать эту борьбу для упрочения своего влияния на юге Балканского полуострова побудили Англию, царскую Россию и Францию признать Грецию воюющей стороной и оказать ей военную помощь. Решающее значение для завоевания Грецией независимости имела победа России в русско-турецкой войне 1828—1829 гг., в результате которой Турция вынуждена была признать Грецию самостоятельным государством. Однако по решению правящих кругов европейских держав греческому народу в 1832 г. был навязан реакционный монархический режим. — *33.*

[45] Речь идет о буржуазных революциях в Испании (1820—1823), в Неаполитанском королевстве (1820—1821) и в Пьемонте (1821). Революционное движение в этих странах было подавлено в результате вмешательства Священного союза, направившего французские войска в Испанию и австрийские в Италию. — *33.*

[46] Перечисленные конгрессы Священного союза происходили в *Ахене* в 1818 г., в *Троппау* (Опава) в 1820 г., в *Лайбахе* (Любляна) в 1821 г. и в *Вероне* в 1822 году. Решения всех этих конгрессов были направлены на подавление буржуазных революций и национально-освободительных движений в европейских странах. — *34.*

[47] По-видимому, Энгельс цитирует «Recueil des documents relatifs a la Russie pour la plupart secrets et inedits utiles a consulter dans la crise actuelle». Paris, 1854, p. 52—53 («Собрание документов о России, большей частью секретных и неопубликованных, с которыми полезно ознакомиться в связи с современным кризисом». Париж, 1854, стр. 52—53). — *34.*

[48] Битва при *Наварине* (современный Пилос — город и порт в Греции) произошла 20 октября 1827 г. между турецко-египетским флотом и соединенными английской, французской и русской эскадрами под

командованием английского адмирала Э. Кодрингтона, направленными европейскими державами в греческие воды с целью вооруженного посредничества в войне между Турцией и греческими повстанцами. Сражение, начавшееся после отказа турецкого командования прекратить расправу с греческим населением, привело к полному разгрому турецко-египетского флота и ускорило начало успешной для России русско-турецкой войны 1828—1829 годов. — *35*.

[49] Moltke. «Der russisch-turkische Feldzug in der europaischen Turkei 1828 und 1829». Berlin, 1845, S. 390 (Мольтке. «Русско-турецкая кампания в европейской Турции в 1828 и 1829 годах». Берлин, 1845, стр. 390). — *36.*

[50] Имеется в виду Адрианопольский мирный договор, заключенный в сентябре 1829 г. между Турцией и Россией в результате успешной для последней войны 1828—1829 годов. По договору к России переходили устье Дуная с островами и значительная часть восточного побережья Черного моря к югу от устья Кубани. Турция должна была признать автономию Молдавии и Валахии, предоставив им право самостоятельного избрания господарей. Гарантия этой автономии возлагалась на Россию, что было равносильно установлению протектората царя над княжествами. Правительство Турции обязывалось также признать Грецию самостоятельным государством, связанный с Турцией лишь уплатой ежегодной дани султану, и соблюдать все предыдущие договоры в отношении автономии Сербии, узаконив эту автономию специальным фирманом. — *36.*

[51] Июльская буржуазная революция 1830 г. во Франции. — *36.*

[52] Речь идет о польском восстании 1830—1831 гг., которое было вызвано национальным и полицейским гнетом царизма. Начатое 29 (17) ноября 1830 г. в Варшаве как военный переворот, оно приобрело характер народного восстания и привело к изгнанию царских войск. Однако шляхетско-аристократические руководители польского правительства и армии проводили капитулянтскую политику и препятствовали вовлечению в национально-освободительное движение широких народных масс, обнаруживая в то же время захватнические притязания в отношении украинских и белорусских земель. Представителям буржуазно-демократических кругов не удалось добиться отмены крепостной зависимости, в результате чего восстание не получило должной поддержки со стороны крестьянства. Военные действия, начатые в феврале 1831 г., привели в конечном итоге к капитуляции 8 сентября (26 августа) 1831 г. польского правительства и сдаче Варшавы царской армии. Потерпев поражение, польское восстание тем не менее сыграло крупную роль в освободительной борьбе польского народа и имело важное международное значение. — *36.*

[53] *Ункяр-Искелесийский договор* между Россией и Турцией был заключен 8 июля (26 июня) 1833 года. Подписанию договора предшествовала высадка в районе Босфора, в местности Ункяр-Искелеси, русских десантных частей, которые были направлены в Турцию с целью оказания помощи султану против угрожавшей турецкой столице армии Ибрагима-паши, сына восставшего против султана правителя Египта Мухаммеда-Али. В мае 1833 г. Порта, при посредничестве Англии и Франции, заключила с Мухаммедом-Али мир, уступив ему Сирию и

Палестину. Несмотря на то, что непосредственная опасность для султана миновала, царская дипломатия сумела использовать напряженность обстановки и пребывание русских войск в Турции для того, чтобы побудить Порту заключить оборонительный союз с Россией, и добилась включения в Ункяр-Искелесийский договор, оформивший этот союз, секретной статьи, по которой Турция обязывалась по требованию России не пропускать через проливы иностранные военные суда. Вторая статья подтверждала Адрианопольский договор и другие русско-турецкие соглашения. Срок действия договора устанавливался в восемь лет. — *36.*

[54] Имеется в виду обострение восточного вопроса в связи с новой турецко-египетской войной (1839—1841) и усилением противоречий между Англией и Францией, которая втайне поддерживала правителя Египта Мухаммеда-Али. Опасаясь одностороннего вмешательства в конфликт России на стороне султана, Англия настояла на коллективном обращении западных держав к Порте с предложением военной помощи. 15 июля 1840 г. Англия, Россия, Пруссия, Австрия и Турция без участия Франции подписали в Лондоне конвенцию об оказании помощи турецкому султану. Возникла угроза войны между Францией и коалицией европейских держав, однако Франция не решилась на такую войну и отказалась от поддержки Мухаммеда-Али. В результате военного вмешательства Англии и Австрии последний должен был отказаться от своих владений за пределами Египта и подчиниться верховной власти султана. — *36.*

[55] *«Reglement organique»* («Органический регламент») — первая конституция Дунайских княжеств (Молдавии и Валахии), введенная в 1831 г. П. Д. Киселевым, главой русской администрации в этих княжествах, которые были оккупированы русскими войсками после русско-турецкой войны 1828—1829 годов. Согласно Органическому регламенту законодательная власть в каждом княжестве предоставлялась собранию, избираемому крупными землевладельцами, а исполнительная власть — господарям, пожизненно избираемым представителями землевладельцев, духовенства и городов. Регламент закрепил господствующее положение крупного боярства и высшего духовенства, сохранив прежние феодальные порядки, в том числе и барщину. Крестьяне ответили на такую «конституцию» рядом восстаний. В то же время Органический регламент предусматривал буржуазные преобразования: упразднение внутренних таможенных барьеров, свободу торговли, отделение суда от администрации и др. (характеристику Органического регламента Марксом см. в настоящем издании, т. 23, стр. 249— 250). — *36.*

[56] В первом английском издании первого тома «Капитала» (Лондон, 1887 г.), на которое здесь ссылается Энгельс, деление на главы не совпадает с делением на главы в немецких изданиях. — *37.*

[57] *«Portfolio»* — сокращенное название собрания дипломатических документов и материалов, издававшегося Д. Уркартом в Лондоне. Серия «The Portfolio; or a Collection of State Papers» («Портфель, или Собрание государственных документов») выходила в 1835—1837 годах; новая серия выходила в 1843—1845 гг. под названием «The Portfolio. Diplomatic Review» («Портфель. Дипломатическое обозрение»). — *37.*

[58] Речь идет о буржуазной революции 1848 г. в Молдавии и Валахии, в ходе которой развернулось широкое движение народных масс этих княжеств за полную ликвидацию зависимости от Турецкой империи, за уничтожение крепостного строя и других препятствий на пути развития капитализма. Революция была подавлена объединенными силами внутренней реакции и вооруженной интервенции султанской Турции и царской России. — *37.*

[59] Имеются в виду переговоры представителей Пруссии и Австрии, происходившие в октябре 1850 г. в Варшаве при посредничестве Николая I с целью урегулирования отношений между обеими странами, борьба которых за гегемонию в Германии обострилась после революции 1848—1849 годов. Австрия стремилась к восстановлению Германского союза — объединения германских государств, созданного Венским конгрессом и фактически распавшегося в период революции, Пруссия надеялась закрепить свое главенство путем образования союза германских государств под своей эгидой. Император Николай I, не желавший усиления Пруссии и стремившийся к сохранению феодальной раздробленности Германии, выступил в Варшаве в роли арбитра в споре между Австрией и Пруссией и дал попять, что решительно поддерживает Австрию. — *38.*

[60] Энгельс имеет в виду Лондонский договор о целостности Датской монархии, который был подписан 8 мая 1852 г. Россией, Австрией, Англией, Францией, Пруссией и Швецией совместно с представителями Дании. В основу этого документа был положен протокол, подписанный представителями упомянутых государств 4 июля 1850 г. в Лондоне. Этот протокол устанавливал принцип неразделенности владений датской короны, включая герцогства Шлезвиг и Гольштейн, создавая тем самым преграду стремлениям немецкого населения этих герцогств к отделению от Дании и объединению с Германией. Договор 1852 г., хотя и признавал за герцогствами право на самоуправление, сохранял, однако, над ними верховную власть датского короля. Преемником бездетного датского короля Фредерика VII был признан Кристиан Глюксбургский (впоследствии король Кристиан IX). — *38.*

[61] Речь идет о Парижском мирном договоре, заключенном 30 марта 1856 г. по окончании Крымской войны 1853—1856 гг. между Францией, Англией, Австрией, Сардинией, Пруссией и Турцией, с одной стороны, и Россией — с другой. Россия, потерпевшая поражение в войне, должна была уступить устье Дуная и часть южной Бессарабии, отказаться от протектората над Дунайскими княжествами и от покровительства христианским подданным Турции, согласиться на нейтрализацию Черного моря, означавшую закрытие проливов для прохода иностранных военных судов и запрещение России и Турции иметь на Черном море военно-морские арсеналы и военный флот; в обмен на Севастополь и другие города, захваченные союзниками в Крыму, Россия возвращала Турции Карс. Во время переговоров на Парижском конгрессе Англии и Австрии не удалось в полной мере осуществить свои агрессивные замыслы в отношении России. На исход переговоров повлияла героическая оборона Севастополя, поражения турецкой армии на кавказском театре войны, неудачи союзников в Балтийском море, а также умелое использование русской дипломатией англо-французских противоречий. — *40.*

[62] Выражение из циркулярной депеши А. М. Горчакова от 21 августа 1856 г. русским дипломатическим представителям за границей, в которой он определял направление внешней политики России в связи со своим вступлением в 1856 г. на пост министра иностранных дел. — *41.*

[63] Энгельс имеет в виду приложенную к Парижскому мирному договору «Декларацию о принципах морского международного права» (см. примечание 27).

Наметившееся на Парижском конгрессе сближение между бонапартистской Францией и царской Россией привело к заключению 3 марта 1859 г. по инициативе Наполеона III франко-русского секретного соглашения. Царь Александр II обязался оказывать Наполеону III дипломатическую помощь в его подготовке военного разгрома Австрии, а в случае войны придвинуть к австрийской границе русские войска, чтобы сковать часть австрийской армии на востоке. В свою очередь Наполеон, действуя в духе соглашения, продолжал поддерживать политику России на Балканском полуострове. — *42.*

[64] В 1859 г., заручившись поддержкой Александра II, Наполеон III развязал войну Франции и Пьемонта (Сардинского королевства) против Австрии. При этом он стремился под флагом «освобождения» Италии захватить новые территории и укрепить бонапартистский режим во Франции посредством успешной «локальной» военной кампании. Подлинные намерения Наполеона III были разоблачены в то время Дж. Мадзини в его манифесте «Война», подробно процитированном Марксом в статье «Манифест Мадзини» (см. настоящее издание, т. 13, стр. 381—386).

Итальянская крупная буржуазия и либеральное дворянство надеялись в результате войны осуществить объединение Италии под властью правившей в Пьемонте Савойской династии. После поражений австрийской армии при Мадженте и Сольферино Наполеон III, напуганный развивавшимся национально-освободительным движением в Италии и не желая содействовать ее объединению, сепаратно заключил с Австрией Виллафранкский прелиминарный мирный договор 11 июля 1859 года. В результате войны Франция получила Савойю и Ниццу, Ломбардия была присоединена к Пьемонту.

Однако вопреки династической политике правящей верхушки Пьемонта и проискам французских бонапартистов, в Италии в 1860 г. развернулась массовая национально-освободительная борьба за объединение страны. В результате героических военных действий волонтеров Гарибальди, поддержанных народными массами, в Сицилии и Неаполе была свергнута династия Бурбонов, и юг Италии был объединен с Пьемонтом в единое Итальянское королевство. Венецианская область продолжала до 1866 г. оставаться под властью австрийцев. Окончательное объединение Италии было завершено занятием Рима и Папской области итальянскими войсками в 1870 году. — *42.*

[65] Во время польского национально-освободительного восстания 1863— 1864 гг. прусское правительство Бисмарка, стремясь воспрепятствовать распространению восстания на захваченные Пруссией польские земли, а также желая заручиться поддержкой России в деле объединения Германии под гегемонией Пруссии, предложило царскому правительству военную помощь для подавления восстания. В феврале 1863 г. по инициативе Бисмарка была заключена конвенция между Россией и Пруссией о совместных действиях против восставших. — *42.*

[66] В 1864 г. в результате войны Австрии и Пруссии против Дании, закончившейся поражением Дании, герцогства Шлезвиг и Гольштейн были объявлены совместным владением Австрии и Пруссии, а после австро-прусской войны 1866 г. были присоединены к Пруссии. — *42.*

[67] К. Маркс. «Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне» (см. настоящее издание, т. 17, стр. 274—282). — *43.*

[68] Эльзас и восточная часть Лотарингии были уступлены Францией Германской империи, провозглашенной 18 января 1871 г., по прелиминарному мирному договору, заключенному 26 февраля 1871 г. в Версале в результате поражения Франции во франко-прусской войне 1870—1871 годов. Условия этого договора были окончательно подтверждены мирным договором, подписанным 10 мая 1871 г. во Франкфурте-на-Майне. — *43.*

[69] *Сан-Стефанский* прелиминарный мирный договор между Россией и Турцией был заключен 3 марта (19 февраля) 1878 г. в Сан-Стефано (близ Константинополя) в результате окончания русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Этот договор означал усиление влияния России на Балканах и вызвал резкий протест со стороны Англии и Австро-Венгрии при негласной поддержке Германии. Под давлением дипломатических и военных угроз русское правительство было вынуждено передать договор для пересмотра международному конгрессу, который состоялся в Берлине с 13 июня по 13 июля 1878 года; на конгрессе присутствовали представители России, Германии, Австро-Венгрии, Франции, Великобритании, Италии и Турции; в результате работы конгресса был заключен Берлинский трактат, согласно которому условия Сан-Стефанского договора были резко изменены в ущерб России и славянским народам Балканского полуострова. Территория самоуправляющейся Болгарии, предусмотренная Сан-Стефанским договором, была урезана более нем вдвое; из болгарских областей к югу от Балкан была образована автономная провинция «Восточная Румелия», остававшаяся под властью султана; значительно урезана была территория Черногории. Берлинский трактат подтвердил предусмотренное Сан-Стефанским договором возвращение России части Бессарабии, отторгнутой от нее в 1856 г., и в то же время санкционировал оккупацию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Накануне конгресса Англия захватила Кипр. Решения Берлинского конгресса способствовали созданию на Балканах очага новых международных противоречий, чреватого новыми войнами. — *43.*

[70] Энгельс имеет в виду четырехугольник крепостей на территории Болгарии: Силистрия, Рущук, Шумла и Варна. В этом районе в начале русско-турецкой войны 1877—1878 гг. были сосредоточены главные силы турецкой армии. — *44.*

[71] В 1857—1859 гг. в Индии-происходило крупнейшее народное восстание против английского владычества. Восстание вспыхнуло весной 1857 г. среди так называемых синайских частей бенгальской армии, вербовавшихся из местных жителей, и охватило крупнейшие районы Северной и Центральной Индии. Его основной движущей силой было крестьянство и ремесленная беднота городов. Руководимое местными феодалами восстание потерпело поражение из-за феодальной раздроб-

ленности Индии, религиозных и кастовых различий, а также ввиду военно-технического превосходства колонизаторов. — *45.*

[72] В ноябре 1839 г. экспедиционным отрядом под командованием оренбургского военного губернатора генерала В. А. Перовского был предпринят поход в целях завоевания Хивинского ханства. Отряд в составе 5000 человек с несколькими орудиями и продовольственным обозом оказался не подготовленным к тяжёлым условиям зимнего перехода через пустынные степи. Потеряв половину людского состава вследствие массовых заболеваний, Перовский, не дойдя до Хивы, вынужден был в 1840 г. вернуться обратно в Оренбург. — *45.*

[73] Энгельс имеет в виду связанное с именем генерала Буланже шовинистическое движение во Франции в 1886—1889 годах. Буланжисты, используя недовольство народных масс политикой буржуазных республиканцев, развернули шовинистическую и реваншистскую агитацию с целью подготовки государственного переворота и восстановления монархии во Франции. Энгельс характеризовал буланжизм, как разновидность бонапартизма, указывал на его опасность и требовал от французских социалистов решительного разоблачения демагогических реваншистских лозунгов Буланже и его сторонников. — *46.*

[74] *Плевна* (современное название: Плевен — город в Северной Болгарии) была взята союзной русско-румынской армией 10 декабря (28 ноября) 1877 г. в результате упорных боев с турецкими войсками во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов. — *46.*

[75] В результате преобразования в 1867 г. Австрийской империи в двуединую Австро-Венгерскую монархию река Лейта была признана границей двух частей монархии: Цислейтании (Австрия, Чехия, Моравия, Силезия, Штирия, Каринтия, Тироль и другие земли) и Транслейтании (Венгрия, Словакия, Хорватия, Трансильвания и некоторые другие земли). — *46.*

[76] Речь идет о серии статей американского журналиста Джорджа Кеннана «Сибирь и ссыльная система», написанных после поездки по Сибири в 1885—1886 гг. и опубликованных в издававшемся в Нью-Йорке журнале «The Century Illustrated Monthly Magazine» («Иллюстрированный ежемесячный журнал нашего века») в 1888—1890 годах. — *47.*

[77] Энгельс имеет в виду введение в России в 1864 г. ограниченного местного самоуправления — земств. Однако уже с 1866 г. царское правительство начало систематическое гонение земств, которое особенно усилилось в 80-х годах в период реакции и кровавых репрессий против революционного движения. — *48.*

[78] В речи в германском рейхстаге 16 февраля 1874 г., которая здесь имеется в виду, Мольтке должен был признать, что немцы со времени своих удачных войн «повсюду приобрели уважение, любви же не приобрели нигде». — *49.*

[79] Данное письмо является ответом Энгельса австрийскому банковскому служащему Эренфрёйнду. Последний в письме к Энгельсу от 21 марта 1890 г. сообщил, что среди членов клуба чиновников венских банковских и кредитных учреждений, к которому он принадлежит, а также

среди некоторой части населения Вены широкое распространение получает антисемитизм в форме пропаганды борьбы против еврейского капитала. Ответ Энгельса Эренфрёйнду был опубликован в «Arbeiter-Zeitung» № 19, 9 мая 1890 г. под заглавием «Фридрих Энгельс об антисемитизме». Публикация сопровождалась следующим примечанием редакции: «Едва ли нужно указывать, что мы печатаем данное письмо с обоюдного согласия как автора, так и адресата». Имя адресата в публикации не было указано.

Письмо Энгельса было перепечатано под тем же заглавием в газете «Berliner Volksblatt» № 109, 13 мая 1890 г. и в немецком социально-политическом еженедельнике «Das Recht auf Arbeit» («Право на труд») № 315, 28 мая 1890 года. — *53.*

[80] Энгельс имеет в виду следующие стачки еврейских рабочих в Лондоне: портных и меховщиков в августе — сентябре 1889 г., булочников в ноябре 1889 г. и сапожников в марте — апреле 1890 года. Эти стачки закончились удовлетворением хозяевами требований рабочих. Портные, меховщики и булочники добились установления десятичасового рабочего дня вместо четырнадцати — шестнадцатичасового, а сапожники — замены домашнего труда трудом в мастерских и согласия хозяев на введение трудового арбитража. — *55.*

[81] *«Die Gartenlaube»* («Беседка») — немецкий еженедельный литературный иллюстрированный журнал мелкобуржуазного направления, выходил в Лейпциге с 1853 года. — *55.*

[82] Данное предисловие Энгельс написал к четвертому авторизованному немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» (текст этой работы см. в настоящем издании, т. 4, стр. 419—459), вышедшему в Лондоне в мае 1890 г. в серии «Социал-демократическая библиотека». В брошюру было также включено предисловие Маркса и Энгельса к немецкому изданию «Манифеста» 1872 г. (см. настоящее издание, т. 18, стр. 89—90) и предисловие Энгельса к немецкому изданию «Манифеста» 1883 года (см. настоящее издание, т. 21, стр. 1—2). Часть нового предисловия Энгельса была воспроизведена также в передовой статье газеты «Sozialdemokrat» № 33, 16 августа 1890 г. под заглавием «Новое издание «Коммунистического манифеста»», а также в «Arbeiter-Zeitung» № 48, 28 ноября 1890 г. в передовой статье, посвященной 70-летию со дня рождения Энгельса. Четвертое издание «Манифеста Коммунистической партии» было последним авторизованным изданием. Последующие издания «Манифеста» представляли собой, как правило, перепечатку с этого издания. — *56.*

[83] Энгельс имеет в виду свое предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1883 года (см. настоящее издание, т. 21, стр. 1—2). — *56.*

[84] В послесловии к статье «О социальном вопросе в России» (см. настоящий том, стр. 446) Энгельс называет упомянутый перевод переводом Плеханова; сам Плеханов в издании «Манифеста» 1900 г. тоже указывает, что перевод сделан им.

Упоминаемый Энгельсом затерянный немецкий оригинал предисловия Маркса и Энгельса к русскому изданию «Манифеста» найден и хранится в Архиве Института марксизма-ленинизма. Он положен в основу публикации этого предисловия в настоящем издании (см.

т. 19, стр. 304—305). Для данного тома цитируемый Энгельсом текст этого предисловия в обратном переводе с русского на немецкий язык сверен с текстом упомянутой рукописи немецкого оригинала; внесенные Энгельсом при переводе с русского издания небольшие изменения по сравнению с этой рукописью отражены в тексте и подстрочных примечаниях; разночтения, обусловленные неточностью русского издания, устранены на основании рукописи. — *56.*

[85] *«Колокол»* — русская революционно-демократическая газета, издавалась в 1857—1867 гг. А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в основанном Герценом издательстве «Вольная русская типография» на русском языке и в 1868—1869 гг. на французском языке с русскими приложениями; выходила до 1865 г. в Лондоне, затем в Женеве.

Упомянутый русский перевод «Манифеста Коммунистической партии» был выпущен в Женеве в 1869 г. издательством «Вольная русская типография». — *56.*

[86] Имеется в виду обстановка, сложившаяся после убийства народовольцами 1 марта 1881 г. императора Александра II, когда вступивший на престол Александр III отсиживался в Гатчине из страха перед революционными выступлениями и возможными новыми террористическими актами Исполнительного комитета «Народной Воли». — *57.*

[87] K. Marx i Fr. Engels. «Manifest Komunistyczny 1847 r.». Genewa, 1883. — *58.*

[88] K. Marx og F. Engels. «Det. Rommunistiske Manifest». Kobenhavn, 1885. — *58.*

[89] «Манифест Коммунистической партии» во французском переводе Лауры Лафарг был опубликован в газете «Socialiste» 29 августа — 7 ноября 1885 г., а также перепечатан в качестве приложения к книге Mermeix. «La France socialiste». Paris, 1886 (Мерме. «Социалистическая Франция». Париж, 1886).

«Le Socialiste» («Социалист») — французская еженедельная газета, основана Ж. Гедом в Париже в 1885 г., до 1902 г. — орган Рабочей партии, с 1902 до 1905 г. — орган Социалистической партии Франции, с 1905 г. — орган Французской социалистической партии; в 80—90-х годах в газете сотрудничал Ф. Энгельс. — *58.*

[90] Испанский перевод «Манифеста Коммунистической партии» был опубликован в газете «Socialista» в июле — августе 1886 г., а также вышел отдельным изданием — «Manifiesto del Partido Comunista». Escrito por C. Marx y F. Engels. Madrid. Administracion de «El Socialista», 1886.

«El Socialista» («Социалист») — еженедельная газета, центральный орган Социалистической рабочей партии Испании, выходила в Мадриде с 1885 года. — *58.*

[91] «Manifesto of the Communist Party», By Karl Marx, and Frederick Engels. Authorized English Translation. Edited and Annotated by Frederick Engels. London, 1888.

Написанное Энгельсом предисловие к этому изданию (см. настоящее издание, т. 21, стр. 362—369) по содержанию во многом совпадает с данным предисловием к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1890 года. — *61.*

[92] К. Маркс и Ф. Энгельс. «Предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1872 года» (см. настоящее издание, т. 18, стр. 89—90). — *61.*

[93] *Кёльнский процесс коммунистов* (4 октября — 12 ноября 1852 г.) — провокационный процесс, организованный прусским правительством. Суду по обвинению в «носящем характер государственной измены заговоре» было предано 11 членов Союза коммунистов — первой международной коммунистической организации пролетариата (1847— 1852), возглавлявшейся Марксом и Энгельсом и принявшей в качестве своей программы «Манифест Коммунистической партии». В качестве обвинительного материала фигурировали сфабрикованная прусскими полицейскими агентами «подлинная книга протоколов» заседаний Центрального комитета и другие фальшивки, а также документы, выкраденные полицией у авантюристической фракции Виллиха — Шаппера, исключенной из Союза коммунистов. Семеро подсудимых, на основании подложных документов и лжесвидетельств, были приговорены к заключению в крепости сроком от трех до шести лет. Провокационные действия организаторов процесса и подлые методы, применявшиеся прусским полицейским государством против международного рабочего движения, были полностью разоблачены Марксом и Энгельсом (см. статью Энгельса «Недавний процесс в Кёльне» и памфлет Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», настоящее издание, т. 8, стр. 416—422, 423—491). — *61.*

[94] См. настоящее издание, т. 16, стр. 12—15. — *61.*

[95] Энгельс приводит слова из выступления председателя совета тред-юнионов города Суонси Бивена на ежегодном конгрессе тред-юнионов в 1887 г., заседавшем в этом городе; отчет об этом выступлении был напечатан в газете «Commonweal» («Общее благо») 17 сентября 1887 года. — *62.*

[96] Это теоретическое положение Маркс и Энгельс высказывали в ряде своих работ, начиная с 40-х годов XIX века; в данной формулировке оно содержится в Уставе Международного Товарищества Рабочих (см. настоящее издание, т. 16, стр. 12 и т. 17, стр. 445). — *62.*

[97] *Женевский конгресс I Интернационала* состоялся 3—8 сентября 1866 года. На нем присутствовало 60 делегатов от Генерального Совета, секций и рабочих обществ Англии, Франции, Германии и Швейцарии. Председателем конгресса был Г. Юнг. В качестве официального доклада Генерального Совета была зачитана составленная Марксом «Инструкция делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам» (см. настоящее издание, т. 16, стр. 194—203). Прудонисты, располагавшие на конгрессе одной третью голосов, противопоставили «Инструкции» свою развернутую программу по всем пунктам повестки дня. Однако по большинству обсуждаемых вопросов победа осталась за сторонниками Генерального Совета; шесть из девяти пунктов «Инструкции» (об интернациональном объединении действий, о законодательном ограничении рабочего дня 8 часами, о труде детей и женщин, о кооперативном труде, о профессиональных союзах, о постоянных армиях) было принято в качестве резолюций конгресса. Женевский конгресс утвердил также Устав и Регламент Международного Товарищества Рабочих.

В Париже 14—20 июля 1889 г. состоялся *Международный социалистический рабочий конгресс,* явившийся фактически учредительным конгрессом II Интернационала. Конгрессу предшествовала упорная борьба, которую марксисты под непосредственным руководством Энгельса вели против французских оппортунистов (поссибилистов) и их сторонников из английской Социал-демократической федерации. Оппортунисты пытались взять в свои руки подготовку конгресса с целью занять на нем руководящее положение и воспрепятствовать тем самым созданию нового международного объединения социалистических и рабочих организаций на марксистской основе. Однако конгресс был созван при преобладающем влиянии марксистских партий. Он открылся 14 июля 1889 г. — в столетнюю годовщину взятия Бастилии. На конгрессе присутствовало 393 делегата от 20 стран Европы и Америки. Поссибилисты, потерпев провал в своих попытках, созвали также 14 июля 1889 г. в Париже параллельный конгресс в противовес марксистскому. На поссибилистском конгрессе присутствовало лишь незначительное число иностранных делегатов, причем представительство большинства из них было чисто фиктивным.

Международный социалистический рабочий конгресс заслушал отчеты представителей социалистических партий о рабочем движении в их странах, разработал основы международного рабочего законодательства, приняв требование законодательного установления восьмичасового рабочего дня, наметил пути осуществления рабочих требований. Конгресс подчеркнул необходимость политической организации пролетариата и борьбы за осуществление политических требований рабочих; высказался за отмену постоянных армий и замену их всеобщим вооружением народа. Важнейшим решением конгресса было установление международного пролетарского праздника Первое мая. По всем рассматривавшимся вопросам конгресс принял в основном правильные марксистские решения, нанес удар анархистам, пытавшимся навязать конгрессу свою точку зрения. — *63.*

98 Статья *«4 мая в Лондоне»* была написана Энгельсом между 5 и 21 мая 1890 г. и посвящена первому празднованию международного праздника трудящихся Первое мая, проведенному социалистическими партиями и рабочими организациями в соответствии с решением Международного социалистического рабочего конгресса 1889 г. в Париже (о нем см. примечание 97). Массовые демонстрации и митинги, принявшие наиболее организованный характер в Австрии, проводились, согласно, постановлению конгресса, под лозунгом борьбы за законодательное установление восьмичасового рабочего дня.

Организованно проходила первая маевка и лондонских рабочих, состоявшаяся в первое воскресенье мая—4 мая 1890 г. —и послужившая специальным поводом для написания данной статьи. Вопреки попыткам реформистских лидеров тред-юнионов и английского социалиста-оппортуниста Гайндмана взять в свои руки руководство демонстрацией и провести ее под соглашательскими лозунгами, она показала готовность широких масс лондонских рабочих вести борьбу за революционные социалистические требования. За реформистами пошла лишь небольшая часть рабочих из так называемой рабочей аристократии. Основная масса участников — около 200 тысяч человек — выступила под лозунгами, выдвинутыми английскими марксистами. Главную роль в демонстрации сыграли неквалифицированные рабочие газовых предприятий и лондонских доков, первыми начавшие в 80-х годах борьбу за создание новых массовых тред-юнионов и за установление

восьмичасового рабочего дня. На митинге в Гайд-парке, завершившем демонстрацию, присутствовал Энгельс; с речами выступили видные деятели международного рабочего движения Э. Маркс-Эвелинг, Э. Эвелинг, П. Лафарг, а также представитель русской революционной эмиграции С. Кравчинский (Степняк) и другие.

Статья «4 мая в Лондоне» помимо «Arbeiter-Zeitung» была напечатана в газете «Wahler» № 85, 29 мая 1890 года. За исключением начальной части, касающейся празднования Первого мая в Австрии, статья была опубликована в газете «Berliner Volksblatt» № 123, 31 мая 1890 года. — *64.*

99 *Союз рабочих газовых предприятий и чернорабочих* — первый в истории рабочего движения Англии тред-юнион неквалифицированных рабочих, возникший в конце марта — начале апреля 1889 г. в условиях роста стачечного движения 80—90-х годов. Большую роль в организации Союза и руководстве им играли Э. Маркс-Эвелинг и Э. Эвелинг. Союз выдвинул требование установления восьмичасового рабочего дня. За короткий срок Союз приобрел большое влияние среди широких слоев рабочих; в течение года в него вступило до 100 тысяч рабочих газовых предприятий. Он принял активное участие в организации стачки лондонских докеров 1889 года.

Стачка лондонских докеров, происходившая с 12 августа по 14 сентября 1889 г., явилась одним из крупнейших событий английского рабочего движения конца XIX века. В ней участвовало 30 тысяч докеров и свыше 30 тысяч рабочих других профессий; большинство из них составляли неквалифицированные рабочие, не входившие ни в один из тред-юнионов. В результате своей стойкости и организованности стачечники добились удовлетворения своих требований о повышении заработной платы и улучшении условий труда. Стачка докеров способствовала упрочению пролетарской солидарности (в стачечный фонд было собрано около 50 тысяч фунтов стерлингов), а также дальнейшему росту организованности рабочего класса: был создан союз докеров и другие союзы, объединившие большое число неквалифицированных рабочих; общее число тред-юнионов в следующем году увеличилось более чем вдвое. — *65.*

100 *Радикальными клубами* в Англии во второй половине XIX века назывались организации, состоявшие преимущественно из рабочих и, как правило, руководимые представителями либеральной буржуазии. Клубы пользовались некоторым влиянием среди английского пролетариата. В конце 80-х годов XIX века в связи с подъемом рабочего движения в стране количество этих клубов возросло, и среди их членов получили значительное распространение идеи социализма. — *65.*

101 Намек на поведение Гайндмана во время демонстрации, организованной английскими социалистами 13 ноября 1887 г. в Лондоне на площади Трафальгар-сквер. Митинг закончился столкновениями его участников с полицией, в результате чего несколько сот человек было ранено (трое — смертельно), некоторые организаторы митинга были арестованы. Во время этих событий, вошедших в историю английского рабочего движения под именем «кровавого воскресенья», Гайндман малодушно скрылся. — *65.*

102 *Стачка в Силвертауне* (район в Ист-Энде) — происходившая в сентябре—декабре 1889 г. забастовка рабочих, занятых в производстве подводных кабелей и резиновых изделий. Бастующие, число которых

составляло около трех тысяч человек, требовали повышения почасовой и сдельной заработной платы, более высокой оплаты работы в сверхурочное и праздничное время, увеличения заработной платы женщинам и детям. Активное участие в организации стачки принимала Элеонора Маркс-Эвелинг; в ходе стачки ею был основан союз молодых работниц. Стачка, продолжавшаяся почти три месяца, была проиграна рабочими Силвертауна вследствие того, что их не поддержали другие тред-юнионы. — *65.*

[103] Энгельс имеет в виду стачку рабочих Газовой компании южной части Лондона, происходившую в декабре 1889 — феврале 1890 года. Причиной стачки явилось несоблюдение владельцами компании ранее принятого соглашения о введении восьмичасового рабочего дня, повышении заработной платы и о приеме на работу лишь членов Союза рабочих газовых предприятий и т. д. Стачка была проиграна рабочими вследствие недостаточно активной помощи со стороны других тред-юнионов, в частности союза докеров, а также в связи с начавшимся в 1890 г. спадом стачечного движения. Восьмичасовой рабочий день на предприятиях компании был отменен. — *66.*

[104] *Социал-демократическая федерация* — английская социалистическая организация, созданная в августе 1884 г., объединяла разнородные социалистические элементы, преимущественно из интеллигенции. Руководство федерации длительное время находилось в руках реформистов во главе с Гайндманом, проводившим оппортунистическую и сектантскую политику. Входившая в федерацию группа революционных марксистов (Э. Маркс-Эвелинг, Э. Эвелинг, Т. Манн и др.) в противовес линии Гайндмана вела борьбу за установление тесной связи с массовым рабочим движением. После происшедшего осенью 1884 г. раскола и образования представителями левого крыла самостоятельной организации — Социалистической лиги — влияние оппортунистов в федерации усилилось. Однако под воздействием революционных настроений масс внутри нее продолжал происходить процесс формирования революционных элементов, не довольных оппортунистическим руководством.

Поссибилисты — оппортунистическое течение во французском социалистическом движении, возглавлявшееся Бруссом, Малоном и другими, которые вызвали в 1882 г. раскол в Рабочей партии Франции. Будучи противниками революционной тактики, лидеры этого течения провозгласили принцип добиваться «возможного» (possible), отсюда название «поссибилисты». — *67.*

[105] *Манчестерство, манчестерская школа* — направление в экономической политике в первой половине XIX в., отражавшее интересы промышленной буржуазии. Сторонники этого направления, фритредеры, отстаивали свободу торговли и невмешательство государства в экономическую жизнь. Центр агитации фритредеров находился в Манчестере, где во главе этого движения стояли два текстильных фабриканта — Кобден и Брайт. В 60-х годах фритредеры составляли левое крыло либеральной партии.

Говоря о манчестерстве старых тред-юнионов, Энгельс имеет в виду буржуазно-реформистский характер их деятельности. Стремясь ограничить задачи пролетариата экономической борьбой за сокращение рабочего дня и повышение заработной платы, за некоторое изменение рабочего законодательства в пользу рабочих, лидеры этих тред-юнионов отвлекали пролетариат от классовых целей рабочего

движения, выступали против политической борьбы рабочего класса, проповедовали соглашательство и классовый мир с буржуазией. — *69.*

[106] Имеется в виду баденско-пфальцское восстание в защиту имперской конституции в мае — июле 1849 г., в котором Энгельс принимал участие; см. об этом его работу «Германская кампания за имперскую конституцию» (настоящее издание, т. 7, стр. 111—207). — *70.*

[107] *«Набросок ответа редакции «Sachsische Arbeiter-Zeitung»»* был написан Энгельсом в связи с попыткой редакции этой газеты, состоявшей из представителей оппозиционной группы «молодых», объявить его солидарным со своими выступлениями против линии руководства германской социал-демократии. Выступления газеты привели в конце августа 1890 г. к смещению ее редакции, которая в прощальной статье пыталась демагогически изобразить свою отставку как якобы следствие усиления в партии «мелкобуржуазного парламентского социализма» и бесцеремонно использовать в своих целях авторитет Энгельса. Возмущенный Энгельс решил дать публичную отповедь «молодым».

Данный вариант ответа редакции «Sachsische Arbeiter-Zeitung» не был закончен Энгельсом и сохранился в виде наброска. Написанный Энгельсом окончательный вариант ответа (см. настоящий том, стр. 73— 75) был опубликован в газетах «Sozialdemokrat» и «Berliner Volksblatt»; он сыграл крупную роль в разоблачении позиции «молодых». Ответ Энгельса был также напечатан в «Arbeiter-Zeitung» № 38, 19 сентября 1890 года.

«Молодые» — мелкобуржуазная полуанархистская оппозиционная группа в германской социал-демократии, окончательно оформившаяся в 1890 году. Основное ядро ее составляли студенты и начинающие литераторы (отсюда и название оппозиции), претендовавшие на роль теоретиков и руководителей партии. Главными лидерами «молодых» были П. Эрнст, П. Кампфмейер, Г. Мюллер, Б. Вилле и другие. Игнорируя изменившиеся после отмены исключительного закона против социалистов условия деятельности партии, «молодые» отрицали необходимость использования легальных форм борьбы, выступали против участия социал-демократии в выборах в парламент и использования парламентской трибуны, демагогически обвиняли партию и ее Правление в защите интересов мелкой буржуазии, в оппортунизме, нарушении партийной демократии. В октябре 1891 г. Эрфуртский съезд Социал-демократической партии Германии исключил часть руководителей оппозиции из партии.

«Sachsische Arbeiter-Zeitung» («Саксонская рабочая газета») — немецкая ежедневная социал-демократическая газета, в начале 90-х годов — орган оппозиционной группы «молодых»; выходила в Дрездене с 1890 до 1908 года. — *71.*

[108] Энгельс имеет в виду обращение социал-демократической фракции к германским рабочим по поводу празднования Первого мая 1890 г., опубликованное в газете «Berliner Volksblatt» 15 апреля 1890 года. Обращение содержало ответ руководства партии на требование оппозиции «молодых» о проведении в день 1 мая всеобщей забастовки. В нем указывалось на опасность принятия подобного требования в условиях действовавшего еще закона против социалистов и в сложившейся после выборов 20 февраля 1890 г. обстановке, когда существовала опасность провокаций со стороны потерпевших на выборах поражение правящих кругов, готовых использовать любой предлог для разгрома социал-демократической партии. Обращение призывало

немецких рабочих не давать повода для провокаций и отметить день 1 мая мирной демонстрацией.

В *Гамбурге* в мае — июле 1890 г. проходила забастовка рабочих-строителей, требовавших установления девятичасового рабочего дня и повышения заработной платы. Забастовка, начатая рабочими в неблагоприятный момент, была проиграна, но и предпринимателям пришлось отказаться от своего требования о неучастии рабочих в профсоюзных организациях. — *72.*

[109] *Лондонская конференция* I Интернационала состоялась 17—23 сентября 1871 года. Созванная в обстановке жестоких репрессий, обрушившихся на членов Интернационала после поражения Парижской Коммуны, она была сравнительно узкой по своему составу: в работе ее приняли участие 22 делегата с решающим голосом и 10 с совещательным. Страны, которые не смогли послать делегата на конференцию, были представлены секретарями-корреспондентами. Маркс представлял на конференции Германию, Энгельс — Италию. Всего состоялось 9 заседаний конференции, которые носили характер закрытых рабочих заседаний. Отчеты о конференции не должны были публиковаться Резолюции конференции были опубликованы в ноябре — декабре 1871 года.

Лондонская конференция знаменовала собой важный этап в борьбе Маркса и Энгельса за создание пролетарской партии. Конференция приняла резолюцию «О политическом действии рабочего класса», в которой необходимость создания самостоятельной пролетарской партии была сформулирована в качестве одного из основных принципов международного рабочего движения. Решением Гаагского конгресса Интернационала (1872) основная часть этой резолюции была включена в Общий Устав Международного Товарищества Рабочих. В ряде резолюций конференции были сформулированы важнейшие тактические и организационные принципы пролетарской партии, наносился удар по сектантству и реформизму. Лондонская конференция прошла под знаком непримиримой борьбы Маркса, Энгельса и их сторонников против бакунизма и сыграла крупную роль в деле победы принципов пролетарской партийности над анархистским оппортунизмом. — *73.*

[110] В конце 1884 г. Бисмарк в интересах активизации колониальной политики Германии потребовал от рейхстага утверждения ежегодных субсидий пароходным компаниям для организации регулярных рейсов в Восточную Азию, Австралию и Африку. Это требование правительства вызвало разногласия внутри социал-демократической фракции рейхстага. Левое крыло во главе с А. Бебелем и В. Либкнехтом, следуя указанию Энгельса, высказалось против поддержки требования правительства. Оппортунистически настроенное большинство фракции (Диц, Фроме, Грилленбергер и др.) намеревалось голосовать за субсидии под фальшивым предлогом развития международных связей. Под давлением большинства социал-демократическая фракция приняла решение, в котором вопрос о субсидиях объявлялся непринципиальным и каждому члену фракции предоставлялось право участвовать в голосовании по своему усмотрению; в решении указывалось на намерение большинства социал-демократических депутатов голосовать за субсидии.

Оппортунистическая позиция правого крыла фракции была решительно осуждена партийными массами, центральным органом партии

газетой «Sozialdemokrat», борьбу которой против оппортунистов полностью поддерживал и направлял Энгельс. В ходе дискуссии оппортунистические лидеры неоднократно пытались свалить вину за нее на редакцию «Sozialdemokrat» и принудить газету отказаться от критики их позиции. Под влиянием резкой критики большинство фракции вынуждено было несколько изменить свое отношение к правительственному проекту во время обсуждения его в рейхстаге в марте 1885 г., обусловив голосование за него принятием рейхстагом некоторых предложений фракции. Только после того, как эти требования были отклонены рейхстагом, против проекта голосовали все члены социал-демократической фракции. — *72.*

[111] *Отцеживать мошек и глотать верблюдов* — английская поговорка, заимствованная из библии; означает обращать внимание на мелочи, пренебрегая основным. — *74.*

[112] Работа *«Международный рабочий конгресс 1891 года»,* в которой Энгельс наметил тактическую линию марксистов в связи с подготовкой Брюссельского конгресса II Интернационала, является ответом на письмо к нему французского социалиста Ш. Бонье от 9 сентября 1890 года. Последний сообщил Энгельсу факты, которые свидетельствовали об оппортунистических шатаниях бельгийских социалистов, создававших угрозу перехода преобладающего влияния в международном рабочем движении в руки французских поссибилистов и других оппортунистических элементов. Воспользовавшись тем, что представители Рабочей партии Бельгии, занимавшие непоследовательную позицию еще в период подготовки Парижского конгресса 1889 г. (о нем см. примечание 97), получили полномочия на созыв следующего конгресса и от марксистского конгресса, который поручил им осуществить это совместно с социалистами Швейцарии, и от параллельного конгресса поссибилистов (о нем см. примечание 97); последние, действуя через бельгийцев, вновь пытались перехватить инициативу в деле созыва международных социалистических рабочих конгрессов.

Основные мысли своего ответа Бонье Энгельс изложил также в письме к Лафаргу от 15 сентября 1890 г. и в письме к Зорге от 27 сентября 1890 г., из которых видно, что этот ответ предназначался для руководящих деятелей марксистских партий и публикации не подлежал. Указания Энгельса помогли французским и другим марксистам расстроить интриги оппортунистических элементов и добиться созыва и проведения Международного социалистического рабочего конгресса 1891 г. в Брюсселе на марксистской основе. — *76.*

[113] Конгресс английских тред-юнионов в Ливерпуле проходил с 1 по 6 сентября 1890 года. В нем приняли участие около 460 делегатов, представлявших более 1,4 миллиона организованных в профессиональные союзы рабочих. На конгрессе впервые присутствовало значительное число представителей новых тред-юнионов, находившихся под известным влиянием английских социалистов.

Вопреки сопротивлению лидеров старых тред-юнионов, конгресс принял резолюцию, требовавшую законодательного установления восьмичасового рабочего дня, а также признал целесообразным участие тред-юнионов в деятельности международных рабочих объединений. Было принято решение о посылке делегатов на Международный рабочий конгресс, созываемый в Брюсселе. — *76.*

[114] Речь идет о двух памфлетах: «Международный рабочий конгресс 1889 года. Ответ газете «Justice»», который был опубликован в Лондоне в виде отдельной брошюры на английском языке в марте 1889 г. и на немецком языке в газете «Sozialdemokrat» №№ 13 и 14, 30 марта и 6 апреля 1889 г. (см. настоящее издание, т. 21, стр. 521—532), и «Международный рабочий конгресс 1889 года. II. Ответ на «Манифест Социал-демократической федерации»», изданный в виде брошюры на английском языке в Лондоне в июне 1889 г. (см. настоящее издание, т. 21, стр. 538—555). Отрывок из него был напечатан в газете «Sozialdemokrat» № 24, 15 июня 1889 года. В этих памфлетах, написанных редактором газеты «Sozialdemokrat» Бернштейном по инициативе и под редакцией Энгельса, разоблачались происки поссибилистов и лидеров Социал-демократической федерации в связи с созывом Международного социалистического рабочего конгресса в Париже. — *76.*

[115] Международная конференция социалистов в Гааге с участием представителей социалистического движения Германии, Франции, Бельгии, Голландии и Швейцарии состоялась 28 февраля 1889 года. Она была созвана по предложению Энгельса представителями социал-демократической фракции германского рейхстага с целью выработки условий созыва Международного социалистического рабочего конгресса в Париже. Поссибилисты отказались участвовать в конференции, несмотря на полученное приглашение, и не признавали затем ее решений. Конференция определила права, срок созыва и повестку дня конгресса (подробнее о решениях конференции см. настоящее издание, т. 21, стр. 527—529). — *77.*

[116] *Коллективистами* во французском социалистическом движении 70— 80-х годов XIX в. называли сторонников марксизма, выступавших за обобществление средств производства и активное участие рабочего класса в политической борьбе. Во главе их стояли Ж. Гед и П. Лафарг (отсюда гедисты — другое и более распространенное название французских марксистов). С момента образования в 1879 г. Рабочей партии в ее рядах происходила острая идейная борьба, приведшая в 1882 г. к расколу партии на марксистов (гедистов) и поссибилистов (см. примечание 104). За марксистами сохранилось название Рабочей партии. — *78.*

[117] *Датские «революционеры»* — революционное меньшинство Социал-демократической партии Дании во главе с Триром и Петерсеном, группировавшееся вокруг газеты «Arbeideren» («Рабочие»). «Революционеры» выступали против реформистской политики оппортунистического крыла партии, боролись за превращение ее в классовую пролетарскую партию. Исключенные из партии реформистским большинством, они основали в 1889 г. свою организацию, которая, однако, из-за сектантских ошибок руководителей не развилась в массовую пролетарскую партию. — *78.*

[118] «*Прощальное письмо читателям газеты «Sozialdemokrat»»* было написано Энгельсом в связи с прекращением ее выхода. Вслед за публикацией в «Sozialdemokrat» письмо Энгельса было напечатано в австрийском журнале «Sozialdemokratische Monatsschrift» («Социал-демократический ежемесячник») № 9, 30 сентября 1890 года. В октябре 1890 г. оно было напечатано в переводе на итальянский язык в газете «Giustizia» («Справедливость»), Без первых двух абзацев письмо было опубликовано в газете «Berliner Volksblatt» № 230, 3 октября 1890 года.

На русском языке письмо Энгельса впервые было напечатано в 1913 г. в большевистском журнале «Просвещение» № 9, сентябрь. — *81.*

119 *«Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie»* («Новая Рейнская газета. Орган демократии») — выходила ежедневно в Кёльне под редакцией Маркса с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 года. В состав редакции входил Энгельс, а также В. Вольф, Г. Веерт, Ф. Вольф, Э. Дронке, Ф. Фрейлиграт и Г. Бюргерс. Боевой орган пролетарского крыла демократии, «Neue Rheinische Zeitung» играла роль воспитателя народных масс, поднимала их на борьбу с контрреволюцией. Передовые статьи, определявшие позицию газеты по важнейшим вопросам германской и европейской революции, писались, как правило, Марксом и Энгельсом.

Несмотря на все преследования и полицейские рогатки, «Neue Rheinische Zeitung» мужественно отстаивала интересы революционной демократии, интересы пролетариата. В мае 1849 г. в обстановке всеобщего наступления контрреволюции прусское правительство, воспользовавшись тем, что Маркс не получил прусского подданства, отдало приказ о высылке его из пределов Пруссии. Высылка Маркса и репрессии против других редакторов «Neue Rheinische Zeitung» послужили причиной прекращения выхода газеты. Последний, 301-й номер «Neue Rheinische Zeitung», напечатанный красной краской, вышел 19 мая 1849 года. В прощальном обращении к рабочим редакторы газеты заявили, что «их последним словом всегда и всюду будет освобождение рабочего класса!». — *82.*

120 Съезд Социалистической рабочей партии Германии в Видене (Швейцария) проходил с 20 по 23 августа 1880 года. На нем присутствовало 56 делегатов. Это был первый нелегальный съезд германской социал-демократии, проведенный в обстановке принятого в 1878 г. исключительного закона против социалистов. Созыв съезда знаменовал собой преодоление растерянности и известных шатаний среди руководителей партии, вызванных резким изменением условий ее деятельности, возобладание под влиянием партийных масс революционной линии в партии над правооппортунистическими и анархистскими тенденциями.

На съезде обсуждались вопросы: о положении дел в партии, о позиции социал-демократических депутатов в рейхстаге, о программе и организации партии, о партийной печати, об участии в выборах, об отношении германской социал-демократии к рабочим партиям в других странах и т. д. Принятые на съезде решения имели большое значение для дальнейшего развития и укрепления партии. Съезд осудил выступления анархистских элементов во главе с Мостом и Гассельманом, отрицавших необходимость использования легальных возможностей, парламента и т. д. и вступивших на путь открытого разрыва с партией. Мост и Гассельман были исключены из партии. В то же время съезд вопреки позиции правых вычеркнул из раздела II программы, принятой в 1875 г. в Готе, в том месте, где говорилось, что партия добивается своих целей «всеми законными средствами», слово «законными», признав тем самым необходимость сочетания легальных и нелегальных форм борьбы. Съезд утвердил газету «Sozialdemokrat» официальным органом партии.

На работу съезда оказала плодотворное влияние принципиальная критика Марксом и Энгельсом всякого проявления оппортунизма в германской социал-демократии, а также примиренческого отношения к нему со стороны некоторых руководителей партии. — *82.*

[121] Энгельс имеет в виду опубликованное в газете «Sozialdemokrat» № 14, 2 апреля 1885 г. заявление социал-демократической фракции германского рейхстага в связи с разногласиями между большинством фракции и редакцией газеты по вопросу об отношении к правительственному законопроекту о субсидиях пароходным компаниям (см. примечание 110). В этом заявлении фракция оспаривала право партийного органа критиковать ее деятельность на страницах газеты, расценивая принципиальную критику оппортунистической позиции большинства социал-демократических депутатов в вопросе о пароходных субсидиях как необоснованные нападки. Однако после опубликования этого заявления в редакцию «Sozialdemokrat» стали поступать многочисленные письма от членов партии как из Германии, так и из эмиграции, и резолюции собраний местных социал-демократических организаций с решительным протестом против оппортунистической позиции большинства социал-демократической фракции и его выпадов против газеты. Большинство фракции вынуждено было отступить. В совместном заявлении редакции «Sozialdemokrat» и социал-демократической фракции, опубликованном в газете 23 апреля 1885 г., указывалось, что всякая попытка ограничить критику означала бы нарушение принципов партии и поколебала бы ее основы. Тем самым большинство социал-демократической фракции отказалось от своего прежнего заявления. — *83.*

[122] В сентябре 1888 г. швейцарский Союзный совет по настоянию германских властей выслал из Швейцарии ряд членов и сотрудников редакции газеты «Sozialdemokrat»: Бернштейна, Моттелера и других. Издание газеты было перенесено в Лондон, где она продолжала выходить с 1 октября 1888 года. — *83.*

[123] «*Volksstimme*» («Голос народа») — ежедневная социал-демократическая газета, выходила в Магдебурге с 1890 по 1933 год. — *85.*

[124] Имеется в виду статья Г. Бара «Эпигоны марксизма», опубликованная в журнале «Freie Buhne» № 17, 28 мая 1890 г. и направленная против напечатанной в том же журнале (№ 15, 14 мая 1890 г.) статьи П. Эрнста «Женский вопрос и социальный вопрос».

«Freie Buhne» («Свободная сцена») — литературный журнал, издавался в Берлине под данным названием с 1890 по 1893 г., сначала еженедельно, а с 1892 г. ежемесячно. С января 1894 г. журнал выходил под названием «Neue Deutsche Rundschau» («Новое немецкое обозрение»). — *86.*

[125] Критикуемая Энгельсом статья П. Эрнста была напечатана в газете «Berliner Volks-Tribune» 9 августа 1890 года.

«Berliner Volks-Tribune» («Берлинская народная трибуна») — еженедельная социально-политическая газета германских социал-демократов, близкая к полуанархистской группе «молодых»; выходила с 1887 по 1892 год. — *89.*

[126] Энгельс иронически перефразирует здесь выражение «бодрая, веселая война» («ein frischer frohlicher Krieg»), впервые употребленное в 50-х годах XIX в. немецким реакционным историком и публицистом Лео и получившее распространение в шовинистических и милитаристских кругах. — *90.*

[127] Данное письмо было написано Энгельсом в ответ на поздравление, посланное ему Национальным советом французской Рабочей партии по случаю семидесятилетия со дня его рождения. В поздравлении, опубликованном за подписью П. Лафарга в газете «Socialiste» № 14, 25 декабря 1890 г., говорилось:

«Дорогой гражданин!
Желаем Вам, человеку, являющемуся вместе с Марксом теоретиком международного социального движения, которое скоро добьется своих целей, человеку, сохранившему горячее сердце и юношеский задор, многих лет жизни, чтобы Вы, подобно новому Моисею, смогли увидеть, как пролетариат вступит в обетованную землю коммунизма».

Помимо газеты «Socialiste», письмо Энгельса было напечатано на немецком языке в газете «Berliner Volksblatt» № 303, 30 декабря 1890 года. — *92.*

[128] Энгельс имеет в виду две написанные Сен-Симоном совместно с его учеником О. Тьерри работы: «De la reorganisation de la societe europeenne, ou De la necessite et des moyens de rassembler les peuples de l'Europe en un seul corps politique, en concervant a chacun son independance nationale» («О реорганизации европейского общества, или О необходимости и средствах соединения народов Европы в единое политическое тело при сохранении за каждым из них его национальной независимости») и «Opinion sur les mesures a prendre contre la coalition de 1815» («Мнение о мерах, которые следует предпринять против коалиции 1815 года»); обе брошюры были изданы в Париже, первая — в октябре 1814 г., вторая — в 1815 году. — *92.*

[129] Данное письмо Энгельс написал в ответ на поздравление, посланное ему 26 ноября 1890 г. редакциями газет «Arbeiter-Wochen-Chronik» и «Nepszava» по случаю семидесятилетия со дня рождения, и одновременно на приглашение принять участие в работе съезда венгерской социал-демократии, намеченного на 7 и 8 декабря 1890 года. Зачитанное при открытии съезда приветственное письмо Энгельса, помимо указанных газет, было напечатано в брошюре: «Protokoll des Parteitages der Sozialdemokratie Ungarns in Budapest vom 7. und 8. Dezember». Budapest, 1891 («Протоколы съезда венгерской социал-демократии в Будапеште, состоявшегося 7 и 8 декабря 1890 года». Будапешт, 1891), а также в газете «Berliner Volksblatt» № 292, 14 декабря 1890 года.

«Arbeiter-Wochen-Chronik» («Рабочая еженедельная хроника») — еженедельная социалистическая газета; выходила под данным названием в 1873—1890 гг. в Будапеште, орган социал-демократов Венгрии; с января 1891 до 1894 г. выходила под названием «Arbeiter-presse» («Рабочая пресса»).

«Nepszava» («Слово народа») — еженедельная социалистическая газета, основана в Будапеште в 1873 г., с 1890 г. — орган Социал-демократической партии Венгрии. — *93.*

[130] 7 и 8 декабря 1890 г. в Будапеште проходил съезд представителей венгерских рабочих организаций, составивший важный этап в истории венгерского рабочего и социалистического движения. На съезде присутствовал 121 делегат (87 от Будапешта и 34 от провинциальных организаций). Съезд обсудил вопросы о состоянии рабочего движения в Венгрии, о политическом положении и правах рабочих, об отношении рабочих к социальным реформам, о положении сельскохозяйственных

рабочих, о профсоюзах и другие. Съезд принял декларацию о принципах (программу партии), в основе которой лежали основные положения Гайнфельдской программы австрийской социал-демократии (см. примечание 228). По решению съезда созданная в Венгрии рабочая партия стала называться Социал-демократической партией Венгрии. — *93.*

[131] Данное предисловие Энгельс написал в связи с публикацией им работы К. Маркса «Критика Готской программы» (см. настоящее издание, т. 19, стр. 9—32). Предпринимая публикацию этого важнейшего программного документа научного коммунизма, являвшегося в то время образцом непримиримой борьбы против оппортунизма, Энгельс стремился нанести удар активизировавшимся оппортунистическим элементам в германской социал-демократии, что было особенно важно в момент, когда партии предстояло обсудить и принять на Эрфуртском съезде новую программу взамен Готской. При опубликовании «Критики Готской программы» Энгельсу пришлось преодолеть известное противодействие со стороны руководителей германской социал-демократии. Сделанные им при этом небольшие купюры и замена наиболее резких выражений другими формулировками были в значительной степени вызваны позицией издателя журнала «Neue Zeit» Дица и редактора К. Каутского. После публикации работы она была неодобрительно встречена социал-демократической фракцией германского рейхстага и редакцией газеты «Vorwarts». В то же время, как и предвидел Энгельс, работа Маркса с удовлетворением была принята как в самой германской партии, так и социалистами других стран, которые рассматривали ее как программный документ для всего международного социалистического движения.

При жизни Энгельса «Критика Готской программы» и его предисловие к ней не переиздавались. Полный текст «Критики Готской программы» впервые был опубликован в 1932 г. в СССР в переводе с копии, сделанной Л. Каутской. В т. 19 настоящего издания работа впервые опубликована по полученной Институтом марксизма-ленинизма рукописи самого Маркса. — *95.*

[132] На съезде в Готе 22—27 мая 1875 г. произошло объединение обоих направлений в германском рабочем движении — Социал-демократической рабочей партии (эйзенахцев), возглавляемой А. Бебелем и В. Либкнехтом, и лассальянского Всеобщего германского рабочего союза. Объединенная партия приняла название Социалистической рабочей партии Германии. Этим был преодолен раскол в рядах германского рабочего класса. Однако предложенный Готскому съезду проект программы объединенной партии (главным составителем его был В. Либкнехт, занявший в этом вопросе соглашательскую позицию) содержал серьезные ошибки и принципиальные уступки лассальянству. Маркс и Энгельс, одобряя факт создания единой социалистической партии Германии, выступили против идейного компромисса с лассальянцами, подвергли резкой критике ошибочные положения проекта программы, который, однако, был принят съездом лишь с незначительными исправлениями. — *95.*

[133] Съезд германской социал-демократии в Галле 12—18 октября 1890 г. был первым съездом после отмены исключительного закона против социалистов. По предложению В. Либкнехта, съезд принял решение о подготовке к следующему партийному съезду в Эрфурте проекта

новой программы и опубликовании его за три месяца до съезда с целью обсуждения в местных партийных организациях и печати. — *95.*

[134] *Гаагский конгресс* Международного Товарищества Рабочих состоялся 2—7 сентября 1872 года. Конгресс по своему составу был самым представительным по сравнению с предыдущими конгрессами. На нем присутствовало 65 делегатов от 15 национальных организаций. Работой конгресса лично руководили Маркс и Энгельс. На конгрессе получила свое завершение многолетняя борьба Маркса и Энгельса и их соратников против всех видов мелкобуржуазного сектантства в рабочем движении. Раскольническая деятельность анархистов была осуждена и их лидеры исключены из Интернационала. Решения Гаагского конгресса заложили фундамент для создания в будущем самостоятельных политических партий рабочего класса в различных странах. — *96.*

[135] Работа Энгельса *«Брентано contra Маркс»* была написана непосредственно в связи с появлением в печати брошюры одного из главных представителей катедер-социализма Л. Брентано: «Моя полемика с Карлом Марксом». Одновременно с выпуском брошюры Брентано опубликовал вводную часть к ней в буржуазном журнале «Deutsches Wochenblatt» («Немецкий еженедельник»), в котором вслед за тем появилась заметка с попыткой обосновать «правоту» Брентано выдержками из писем к нему Гладстона по поводу цитаты из его речи от 16 апреля 1863 г., якобы фальсифицированной Марксом.

Эти выступления Брентано имели целью продолжить клеветническую кампанию против Маркса, начатую им анонимно еще в 1872 г. и поддержанную позднее буржуазным английским экономистом С. Тейлором. Для того чтобы полностью разоблачить клеветнические па-падки этих идеологов буржуазии, пытавшихся набросить тень на Маркса как на ученого и подорвать доверие к теории марксизма, Энгельс решил еще раз в печати дать отповедь Брентано и его единомышленникам и одновременно нанести удар догмам катедер-социалистов.

Сразу же после появления в «Deutsches Wochenblatt» заметки С выдержками из писем Гладстона к Брентано (см. настоящий том, стр. 185), Энгельс опубликовал в декабре 1890 г. ответную статью в журнале «Neue Zeit» (включена в виде приложения к брошюре Энгельса и в настоящем томе опубликована на стр. 185—186), а затем в апреле 1891 г. и всю работу.

В разделе «Документы» Энгельс опубликовал все материалы, относящиеся к полемике Маркса с Брентано, Элеоноры Маркс с Тейлором, и свои собственные выступления по этому вопросу. Отдельные документы, публикуемые в этом разделе, уже вошли в соответствующие тома настоящего издания. В настоящем томе они воспроизводятся вновь в соответствии с планом и расположением материала в брошюре Энгельса.

Катедер-социализм — одно из направлений в буржуазной идеологии в 70—90 годах XIX в., представители которого — прежде всего профессора немецких университетов — проповедовали с университетских кафедр (по-немецки Katheder) под видом социализма буржуазный реформизм. Возникновение катедер-социализма было обусловлено страхом эксплуататорских классов перед распространением марксизма и ростом рабочего движения, а также стремлением буржуазных идеологов найти новые средства, чтобы держать трудящиеся массы в подчинении. Представители катедер-социализма (А. Вагнер, Г. Шмоллер,

Л. Брентано, В. Зомбарт и др.) утверждали, что государство является надклассовым институтом, способным примирить враждебные классы и постепенно ввести «социализм», не затрагивая интересов капиталистов. Программа катедер-социализма сводилась к организации страхования рабочих от болезней и несчастных случаев, проведению некоторых мероприятий в области фабричного законодательства и т. д. и имела своей целью отвлечение рабочих от классовой борьбы. Катедер-социализм послужил одним из идейных источников ревизионизма. — *97.*

136 Четвертое немецкое издание первого тома «Капитала» Маркса, подготовленное Энгельсом, вышло в свет в 1890 г., предисловие к нему Энгельса см. в настоящем издании, т. 23, стр. 35—40. — *99.*

137 *«Concordia. Zeitschrift fur die Arbeiterfrage»* («Согласие. Журнал по рабочему вопросу») — орган крупных немецких промышленников и катедер-социалистов, основанный в 1871 г., выходил в Берлине до 1876 года. — *99.*

138 L. Brentano. «Meine Polemik mit Karl Marx. Zugleich ein Beitrag zur Frage des Fortschritts der Arbeiterklasse und seiner Ursachen». Berlin, 1890. — *99.*

139 См. Ф. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии» (настоящее издание, т. 2, стр. 231—517); К. Маркс. «Нищета философии» (настоящее издание, т. 4, стр. 65—185); К. Маркс. «Капитал», том первый (настоящее издание, т. 23); а также статьи Энгельса «Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день», «Система наемного труда», «Тред-юнионы» и другие, написанные им в мае 1881 г. для «Labour Standard» («Знамя труда»), еженедельного органа английских тред-юнионов, издававшегося в Лондоне (настоящее издание, т. 19, стр. 255—268). — *100.*

140 Текст Учредительного Манифеста см. в настоящем издании, т. 16, стр. 3—11. — *101.*

141 См. настоящее издание, т. 18, стр. 83—86, а также настоящий том, стр. 145—149.

«Der Volksstaat» («Народное государство») — центральный орган немецкой Социал-демократической рабочей партии (эйзенахцев), издавался в Лейпциге со 2 октября 1869 по 29 сентября 1876 г. (сначала два раза в неделю, с июля 1873 г. — три раза). Газета выражала взгляды революционного течения в рабочем движении Германии. За свой смелый, революционный тон газета подвергалась постоянным правительственным и полицейским преследованиям. Состав ее редакции непрерывно менялся в связи с арестами редакторов, но общее руководство газетой оставалось в руках В. Либкнехта. Значительную роль в газете сыграл А. Бебель, заведовавший издательством «Volksstaat».

Маркс и Энгельс поддерживали тесный контакт с редакцией газеты, на ее страницах систематически печатались их статьи. Придавая большое значение деятельности «Volksstaat», Маркс и Энгельс внимательно следили за ее работой, критиковали ее отдельные промахи и ошибки, выправляли линию газеты, которая благодаря этому была одной из лучших рабочих газет 70-х годов XIX века. — *102.*

[142] Имеется в виду статья Э. С. Бизли «Международное Товарищество Рабочих», напечатанная в «Fortnightly Review» № 47, 1 ноября 1870 года.

«The Fortnightly Review» («Двухнедельное обозрение») — английский журнал по вопросам истории, философии, литературы, основан в 1865 г. группой буржуазных радикалов; впоследствии буржуазно-либерального направления; под данным названием выходил в Лондоне до 1934 года. — *102.*

[143] Полное название книги: «The Theory of Exchanges. The Bank Charter Act of 1844. The Abuse of the metallic Principle to Depreciation. Parliament mirrored in Debate, supplemental to «The stock Exchange and the Repeal of sir J. Barnard's Act»». London, 1864 («Теория вексельного курса. Банковский акт 1844 года. Злоупотребления принципом металлического обмена в связи с обесценением. Парламент, отраженный в дебатах, приложение к книге «Биржа и отмена акта сэра Дж. Бернарда»», Лондон, 1864). Книга вышла анонимно, автором ее был Генри Рой. — *102.*

[144] Речь Гладстона о бюджете в палате общин 16 апреля 1863 г. была опубликована в «Times» № 24535, 17 апреля 1863 года. — *102.*

[145] См. «Hansard's Parliamentary Debates». Third Series. CLXX, p. 244 («Парламентские дебаты Хансарда». Третья серия, т. CLXX, стр. 244). — *102.*

[146] *«The Morning Star»* («Утренняя звезда») — английская ежедневная газета, орган фритредеров, выходила в Лондоне с 1856 по 1869 год. — *106.*

[147] *«The Morning Advertiser»* («Утренний уведомитель») — английская ежедневная газета, основана в Лондоне в 1794 году; в 60-х годах XIX в. буржуазно-радикальный орган. — *106.*

[148] См. стр. 21—23 указанной книги Брентано. — *106.*

[149] *«Daily Telegraph»* («Ежедневный телеграф») — английская либеральная, а с 80-х годов XIX в. — консервативная газета; под этим названием издавалась в Лондоне с 1855 по 1937 год; с 1937 г., после слияния с газетой «Morning Post» («Утренняя почта»), выходит под названием «Daily Telegraph and Morning Post». — *108.*

[150] *«The Morning Herald»* («Утренний вестник») — английская ежедневная газета консервативного направления, выходила в Лондоне в 1780— 1869 годах. — *108.*

[151] *«The Morning Post»* («Утренняя почта») — английская ежедневная консервативная газета; выходила в Лондоне в 1772—1937 годах. В середине XIX в. была органом правых элементов партии вигов, группировавшихся вокруг Пальмерстона. — *108.*

[152] *«The Daily News»* («Ежедневные новости») — английская либеральная газета, орган промышленной буржуазии; выходила под данным названием в Лондоне с 1846 по 1930 год. — *108.*

[153] *«The Standard»* («Знамя») — английская ежедневная газета консервативного направления, основана в Лондоне в 1827 году. — *108.*

[154] См. настоящее издание, т. 23, стр. 5—6. — *122.*

[155] См. примечание 133. — *122.*

[156] См. настоящее издание, т. 23, стр. 666. — *125.*

[157] «Children's Employment Commission (1862). Report (I—VI) of the Commissioners» («Комиссия по обследованию условий детского труда. Отчет (I—VI) членов комиссий»). — *135.*

[158] Речь идет о «Public Health. Seventh Report of the Medical Officer of the Privy Council. With Appendix. 1864». London, 1865 («Здоровье населения. Седьмой отчет медицинского инспектора Тайного совета. С приложением. 1864». Лондон, 1865). — *135.*

[159] J. E. Th. Rogers. «A History of Agriculture and Prices in England from the Year after the Oxford Parliament (1259) to the Commencement of the Continental War (1793)». Vol. I. Oxford, 1866 (Дж. Э. Т. Роджерс. «История сельского хозяйства и цен в Англии со времени созыва Оксфордского парламента (1259) до начала континентальной войны (1793)». Том I. Оксфорд, 1866). — *135.*

[160] Имеется в виду «Report from the Select Committee on Mines; together with the Proceedings of the Committee, Minutes of Evidence, and Appendix. Ordered by the House of Commons, to be printed, 23 July 1866» («Отчет особого комитета по рудникам и копям; труды комитета, протоколы показаний и приложение. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 23 июля 1866»). — *135.*

[161] J. Watts. «The Facts of Cotton Famine». London, 1866, p. 211. — *136.*

[162] См. настоящее издание, т. 16, стр. 3—11; приводимые Энгельсом ниже цитаты — см. стр. 3 и 5. Учредительный Манифест был впервые опубликован в газете «Bee-Hive Newspaper» № 160, 5 ноября 1864 г., а затем в том же месяце вместе с Уставом в брошюре: «Address and Provisional Rules of the Working Men's International Association, Established September 28, 1864, at a Public Meeting held at St. Martin's Hall, Long Acre, London». Price one penny. Printed at the «Bee-Hive» Newspaper Office, 10, Bolt Court, Fleet Street, 1864. — *140.*

[163] Текст данного отрывка совпадает с текстом четвертого издания первого тома «Капитала» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 666—667), за исключением некоторых примечаний, данных Энгельсом в несколько измененном виде в четвертом издании по сравнению с третьим. Третье издание первого тома «Капитала» вышло в Гамбурге в 1883 году.—*141.*

[164] *Генеральный регистратор* — так назывался в Англии чиновник, возглавляющий Центральное бюро регистрации актов гражданского состояния. Помимо своих обычных функций бюро раз в 10 лет проводило перепись населения. — *141.*

[165] «Census of England and Wales for the year 1861», London, 1863. V. III, p. 11 («Перепись в Англии и Уэльсе за 1861 год». Лондон, 1863. Том III, стр. 11). — *141.*

[166] «Различные статистические материалы Соединенного королевства», часть VI, Лондон, 1866, стр. 260—273. — *142.*

[167] Приведенная здесь и упоминаемая ниже цитата (настоящий том, стр. 151, 155, 162, 182, 184) принадлежит не Мольеру, а современнику Мольера М. Буало («Сатиры», сатира VIII). Распространенный перевод этого отрывка следующий:

«Вот этот человек, то черен он, то бел;
Что чувствовал вчера, за ночь забыть успел;
Несносен сам себе и прочим не в угоду,
Он мнения свои меняет, словно моду». — *143.*

[168] См. примечание 143. — *143.*

[169] H. Fawcett. «The Economic Position of the British Labourer». Cambridge and London, 1865, p. 67, 82 (Г. Фоссетт. «Экономическое положение британского рабочего». Кембридж и Лондон, 1865, стр. 67, 82). —*143.*

[170] В газете «Volksstaat» этот ответ Маркса был опубликован под заглавием: «В редакцию «Volksstaat»» (см. настоящее издание, т. 18, стр. 83— 86). — *145.*

[171] Маркс ссылается здесь на страницы первого немецкого издания первого тома «Капитала». 1867 (см. настоящее издание, т. 23, стр. 666— 667). — *147.*

[172] «England and America. A Comparison of the social and political State of both Nations». Vol. I—II, London, 1833 («Англия и Америка. Сравнение национального и политического положения обеих наций». Тт. I—II, Лондон, 1833). Книга Уэйкфилда вышла без указания автора, — *148.*

[173] Говоря об «изобретении крошки Ласкера», Маркс имеет в виду случай, происшедший на заседании рейхстага 8 ноября 1871 года. Буржуазный депутат национал-либерал Ласкер в полемике против Бебеля заявил, что если немецкие социал-демократические рабочие вздумают последовать примеру парижских коммунаров, то «добропорядочные и имеющие собственность граждане прикончат их дубинами». Однако публиковать это в такой формулировке оратор не решился, и уже в стенографическом отчете вместо слов «прикончат их дубинами» было сказано «удержат их в повиновении». Эту фальсификацию разоблачил Бебель. Ласкер стал предметом насмешек в рабочих кругах. За свой маленький рост он получил ироническое прозвище «крошка Ласкер». — *148.*

[174] В газете «Volksstaat» этот ответ Маркса был опубликован под заглавием: «В редакцию «Volksstaat»» (см. настоящее издание, т. 18, стр. 102—109). — *153.*

[175] A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». V. III, Dublin, 1776, p. 136 (А. Смит. «Исследование о природе и причинах богатства народов». Т. III, Дублин, 1776, стр. 136). — *154.*

[176] Здесь и ниже Маркс цитирует первый том «Капитала» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 666 и 667). — *155.*

[177] Здесь и ниже Маркс цитирует статью Бизли по «Fortnightly Review» № 47, 1 ноября 1870 года. — *155.*

[178] Имеется в виду статья «Г-н Бизли и Международное Товарищество», опубликованная без подписи в «Saturday Review» № 785, 12 ноября 1870 года.

«Saturday Review» — сокращенное название английского еженедельного консервативного журнала «The Saturday Review of Politics, Literature, Science, and Art» («Субботнее обозрение по вопросам политики, литературы, науки и искусства»), выходившего в Лондоне с 1855 по 1938 год. — *156.*

[179] См. примечание 172. — *157.*

[180] Ответ Элеоноры Маркс, опубликованный в разделе «Сообщения о международном движении трудящихся масс» под заглавием «Англия», сопровождался следующей небольшой заметкой, в которой она сообщала о возобновлении С. Тейлором клеветнической кампании против Маркса и об отказе буржуазных газет «Times» и «Daily News» опубликовать ее ответ С. Тейлору:

«Вопросов, касающихся социалистического движения в Англии, так много, что я все же колебалась, прежде чем запять эти строки текста для разговора на личную тему. Так как, однако, я не имею другой возможности опровергнуть очень серьезное обвинение, выдвинутое против моего отца, я надеюсь, что читатели «To-Day» простят мне это. 29 ноября прошлого года в «Times» появилось письмо г-на Седли Тейлора, в котором повторена была старая клевета, будто бы мой отец сознательно исказил в своих собственных целях приведенный им отрывок одной из речей Гладстона.

Никогда еще не было человека, на которого бы так много клеветали, как на моего отца, но эти клеветники, как правило, были столь презренными, что не удостаивались ответа. В этом же частном случае мой отец ответил своему анонимному обвинителю, потому что приписываемое ему искажение появилось в Учредительном Манифесте Международного Товарищества Рабочих.

Прочитав письмо г-на Тейлора, которое лишь подогревало старую историю, я сразу же написала в «Times». Я так часто читала в английских газетах о «справедливости» английской прессы, что нисколько не сомневалась в том, что мой ответ получит такую же гласность, как и обвинение г-на Тейлора. Дни шли, а письмо мое так и не было опубликовано. Все еще находясь под впечатлением, что даже «Times» мог быть честен в делах личного порядка, я вновь написала редактору. Снова безрезультатно. Тогда я обратилась в «Daily News», которую до этого считала очень справедливой газетой. Но, очевидно, живым профессорам дозволено безнаказанно пинать мертвого льва, и либеральная «Daily News» не могла распространить свой либерализм столь далеко, чтобы опубликовать мое письмо. Вот почему я публикую как письмо г-на Тейлора, так и мой собственный ответ: —». (См. «To-Day» № 2, Vol. I, 1884, p. 150—153).

«To-Day» («Сегодня») — английский ежемесячный журнал социалистического направления, выходил в Лондоне с апреля 1883 г. по июнь 1889 года; до июля 1884 г., когда редактором журнала стал Гайндман, Элеонора Маркс вела в этом журнале раздел: «Сообщения о международном движении трудящихся масс». — *166.*

[181] Второй ответ Элеоноры Маркс, как и «Возражение С. Тейлора», был опубликован в журнале «To-Day» в разделе «Корреспонденция», под заглавием: «Д-р Маркс и бюджетная речь г-на Гладстона 1863 года» (см. «To-Day» № 3, Vol. I, 1884; p. 228—235). — *170.*

[182] См. настоящее издание, т. 23, стр. 35—40. — *174.*

[183] Речь идет о книге: R. Jones. «Text-book of Lectures on the Political Economy of Nations». Hertford, 1852 (Р. Джонс. «Лекции по политической экономии народов. Хартфорд, 1852), процитированной Марксом в главе XXII первого тома «Капитала» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 611—612). Цитата и ссылка на книгу даны точно. — *174.*

[184] L. Brentano. «Die Arbeitergilden der Gegenwart». Zweiter Band. «Zur Kritik der englischen Gewerkvereine». Leipzig, 1872 (Л. Брентано. «Современные рабочие гильдии». Том второй. «К критике английских профессиональных союзов». Лейпциг, 1872). — *179.*

[185] Речь идет о книге: F. Mehring. «Die Deutsche Socialdemokratie. Ihre Geschichte und ihre Lehre». Bremen, 1878 (Ф. Меринг. «Немецкая социал-демократия. Ее история и ее доктрина». Бремен, 1878). — *181.*

[186] *«Deutsches Wochenblatt»* («Немецкий еженедельник») — буржуазный журнал, издававшийся в Берлине с марта 1888 по сентябрь 1900 года. — *185.*

[187] Данная статья была написана Энгельсом между 4 и 13 декабря 1890 г., вскоре после того, как он получил от В. Либкнехта соответствующий номер журнала «Deutsches Wochenblatt». 13 декабря Энгельс отослал эту заметку Каутскому с просьбой опубликовать ее в ближайшем номере журнала «Neue Zeit». — *185.*

[188] Во время президентских выборов во Франции в начале декабря 1887 г. в Париже проходили массовые демонстрации и митинги рабочих и демократических сил против кандидатуры бывшего премьер-министра Жюля Ферри (прозван «Ферри-тонкинцем» за организацию в 80-х годах XIX в. экспедиций с целью колониального захвата Туниса, Мадагаскара, Тонкина), которого выдвинули на пост президента умеренные буржуазные республиканцы, так называемые оппортунисты, и поддержали монархисты. Собрав в первом туре голосования незначительное количество голосов, Ферри под давлением народных масс был вынужден перед вторым туром снять свою кандидатуру. Энгельс в письме к Лафаргу от 5 декабря 1887 г. расценил провал кандидатуры Ферри как победу народа над объединенными монархистами и оппортунистами.

27 и 28 февраля 1891 г. в германском рейхстаге обсуждалась статья военного бюджета о так называемых премиях унтер-офицерам. Требование ассигнований на эти цели канцлер Каприви мотивировал необходимостью укрепления унтер-офицерского состава армии ввиду того, что после отмены закона против социалистов в армии усилилось влияние социал-демократии. Рейхстаг голосами центра, консерваторов и национал-либералов утвердил эти ассигнования в размере 80% от испрашиваемой правительством суммы. — *188.*

[189] Данное введение Энгельс написал для третьего юбилейного немецкого издания работы Маркса «Гражданская война во Франции» (см. настоящее издание, т. 17, стр. 317—370), выпущенного в 1891 г. к двадцатой годовщине Парижской Коммуны издательством газеты «Vorwarts» в Берлине. Отметив историческое значение опыта Парижской Коммуны и его теоретического обобщения Марксом в «Гражданской войне во

Франции», Энгельс в своем введении сделал также ряд дополнений, касающихся истории Парижской Коммуны, в частности деятельности входивших в Коммуну бланкистов и прудонистов. В юбилейное издание Энгельс включил также написанные Марксом первое и второе воззвания Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне (см. настоящее издание,т. 17, стр. 1—6 и 274—282). Последующие отдельные издания «Гражданской войны во Франции» на разных языках обычно публиковались вместе с введением Энгельса.

Первоначально введение Энгельса было опубликовано с его согласия в журнале «Neue Zeit», Bd. 2, № 28, 1890—1891 гг„ под заглавием «О гражданской войне во Франции». При публикации редакция допустила вмешательство в текст: в последнем абзаце выражение «социал-демократический филистер», употребленное в рукописи, было заменено словами: «немецкий филистер». Как видно из письма Фишера к Энгельсу от 17 марта 1891 г., Энгельс выразил свое неодобрение по поведу этой произвольной замены, однако, по-видимому, не желая допускать разночтений в одновременных публикациях своей работы, сохранил и в отдельном издании замененные слова. В настоящем издании восстановлен первоначальный текст.

На русском языке введение Энгельса вместе с «Гражданской войной во Франции» Маркса было впервые опубликовано в Женеве в 1893 году. В 1905 г. в издательстве «Буревестник» (Одесса) вышло издание «Гражданской войны во Франции» с введением Энгельса в переводе с третьего немецкого издания 1891 г, под редакцией В. И. Ленина. Ленин, редактируя перевод, устранил многочисленные искажения и неточности предыдущего издания 1905 г., выпущенного этим же издательством, а также восстановил те места текста «Гражданской войны во Франции» и введения, которые ранее были опущены царской цензурой. В дальнейшем В. И. Ленин сделал новые переводы ряда мест из введения, которые цитируются в труде «Государство и революция» и в других его произведениях. Отредактированные и сделанные Лениным переводы учтены при подготовке настоящего издания. — *189.*

190 См. настоящее издание, т. 8, стр. 115—217. — *189.*

191 Имеется в виду национально-освободительная война немецкого народа против наполеоновского господства в 1813—1814 годах. — *189.*

192 *Демагогами* реакционные круги в Германии называли участников оппозиционного движения, которые выступали в период, последовавший за войнами с наполеоновской Францией, против реакционного строя в немецких государствах и организовывали политические манифестации с требованиями объединения Германии. Движение получило распространение среди интеллигенции и студенчества, особенно в студенческих гимнастических обществах. Реакционные власти подвергали «демагогов» преследованиям. — *189.*

193 К. Маркс. «Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне» (см. настоящее издание, т. 17, стр. 279). — *190.*

194 1—2 сентября 1870 г. при Седане произошло одно из решающих сражений франко-прусской войны, закончившееся разгромом французских войск. Согласно акту капитуляции, подписанному французским командованием 2 сентября 1870 г., в плен сдались свыше 80 тысяч солдат,

офицеров и генералов во главе с Наполеоном III, который с 5 сентября 1870 по 19 марта 1871 г. содержался в Вильгельмсхёэ (близ Касселя) — замке прусских королей. Седанская катастрофа ускорила крах Второй империи и привела к провозглашению 4 сентября 1870 г. республики во Франции. — *193.*

[195] Речь идет о прелиминарном мирном договоре между Францией и Германией, подписанном Тьером и Ж. Фавром, с одной стороны, и Бисмарком, с другой, в Версале 26 февраля 1871 года. Согласно условиям этого договора, Франция уступала Германии Эльзас и восточную Лотарингию и уплачивала контрибуцию в размере 5 миллиардов франков; до выплаты контрибуции сохранялась оккупация части французской территории немецкими войсками. Окончательный мирный договор был подписан во Франкфурте-на-Майне 10 мая 1871 года. — *194.*

[196] Цитируется отчет комиссии по выборам в Коммуну, опубликованный в органе Коммуны «Journal Officiel de la Republique Francaise» («Официальная газета Французской республики») № 90, 31 марта 1871 года. — *194.*

[197] По-видимому, Энгельс излагает содержание приказа делегата просвещения Парижской Коммуны Э. Вайяна от 11 мая 1871 г., опубликованного в «Journal Officiel de la Republique Francaise» № 132, 12 мая 1871 года. — *194.*

[198] Имеется в виду книга Прудона «Idee generale de la Revolution au XIX siecle», Paris, 1851 («Общая идея революции в XIX веке», Париж, 1851). Критика изложенных в этой работе взглядов Прудона содержится в письме Маркса Энгельсу от 8 августа 1851 г. и в работе Энгельса «Критический разбор книги Прудона «Общая идея революции в XIX веке»» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 13—17). — *198.*

[199] Данное письмо было написано Энгельсом в ответ на просьбу (в письме от 2 марта 1891 г.) одного из руководителей Социалистической рабочей партии Испании Хосе Меса разрешить Национальному совету партии издать сделанный им испанский перевод книги Маркса «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 65—185). Работу над переводом книги Меса начал еще в 1872 году. Отрывки из нее были впервые опубликованы на испанском языке в органе мадридских секций I Интернационала газете «Emancipacion» («Освобождение») № 44, 13 апреля и №№ 68 и 69, 5 и 13 октября 1872 года. В дальнейшем Меса продолжал работу над переводом в 70—80-х годах, но практическая возможность для издания книги в Испании представилась лишь в начале 90-х годов.

В своем письме к Энгельсу от 8 апреля 1891 г. Меса, сообщая о получении письма Энгельса по поводу испанского издания «Нищеты философии», подчеркивал исключительную важность работы Маркса для борьбы против прудонистских идей, используемых буржуазными партиями с целью обмана рабочих псевдосоциалистическими фразами, а также для преодоления влияния анархизма. Письмо Энгельса было напечатано в качестве предисловия к испанскому изданию книги Маркса, вышедшему в Мадриде летом 1891 года.

В приложении к книге была напечатана программа партии, принятая на первом съезде в Барселоне в 1888 году. — *202.*

200 Данное письмо представляет собой ответ Энгельса на обращение к нему комитета по организации интернационального митинга в защиту прав труда, который предполагалось созвать в Милане 12 апреля 1891 года. Комитет был образован демократическими организациями Милана, в его состав входили видные деятели итальянского рабочего и социалистического движения. Стремясь придать намечаемому митингу широкий международный характер, комитет разослал приглашение принять участие в митинге или письменно выразить свою солидарность с ним рабочим и социалистическим организациям различных стран, в том числе Социал-демократической партии Германии, французской Рабочей партии и т. д., а также персонально многим видным социалистам. Посылая текст этого официального приглашения Энгельсу, комитет направил ему 2 апреля 1891 г. также и специальное письмо, в котором говорилось: «Вы являетесь одним из самых известных бойцов в этой битве между свободой и угнетением. Вы являетесь одним из самых выдающихся деятелей — на поприще социализма — как в Германии, так и в Англии, и Ваше письмо, выражающее солидарность с нашим митингом, окажет большое влияние на весь трудовой народ. Но еще большее влияние как на Ваших соотечественников, так и на наших товарищей из других стран оказало бы Ваше присутствие в Милане 12 апреля и, как мы надеемся, Ваше выступление в защиту свободы и независимости рабочих». — *203.*

201 Энгельс занимал пост секретаря-корреспондента Генерального Совета I Интернационала для Италии в 1871—1872 гг. и уполномоченного Генерального Совета по Италии в 1873 году. — *203.*

202 Данное введение Энгельс написал к новому отдельному изданию работы К. Маркса «Наемный труд и капитал» (см. настоящее издание, т. 6, стр. 428—459), вышедшему под его редакцией в Берлине в 1891 году. В начале своего введения Энгельс целиком воспроизвел вводное замечание, написанное им к предыдущему изданию указанной работы, выпущенному в 1884 году (см. настоящее издание, т. 21, стр. 179). Брошюра с введением Энгельса была издана большим тиражом с целью пропаганды экономического учения Маркса среди рабочих.

Введение получило широкое распространение в рабочей и социалистической прессе, печаталось в виде самостоятельной статьи. До выхода брошюры оно было опубликовано в приложении к газете «V or-warts» № 109, 13 мая 1891 г. под заглавием «Наемный труд и капитал». С некоторыми сокращениями оно было напечатано в газете «Freiheit» № 22, 30 мая 1891 г., в итальянском журнале «Critica Sociale» («Социальная критика») № 10, 10 июля 1891 г., в газете «Socialiste» № 44, 22 июля 1891 г. и в 1892 г. в альманахе французского социалистического журнала «Question Sociale» («Социальный вопрос»), а также в других органах.

Введение включалось во все последующие издания работы Маркса, выходившие на многих языках в переводе с издания 1891 года. На русском языке введение было опубликовано впервые во втором издании работы Маркса, вышедшем в Женеве в 1894 году. — *204.*

203 *Немецкое рабочее общество* в Брюсселе было основано Марксом и Энгельсом в конце августа 1847 г. с целью политического просвещения немецких рабочих, проживавших в Бельгии, и пропаганды среди них идей научного коммунизма. Под руководством Маркса и Энгельса и их соратников общество сделалось легальным центром объединения

немецких революционных пролетариев в Бельгии и поддерживало прямую связь с фламандскими и валлонскими рабочими клубами. Лучшие элементы общества входили в брюссельскую общину Союза коммунистов. Деятельность Немецкого рабочего общества в Брюсселе прекратилась вскоре после февральской буржуазной революции 1848 г. во Франции в связи с арестами и высылкой его членов бельгийской полицией. — *204.*

[204] Имеются в виду интервенция царских войск в Венгрию в 1849 г. с целью подавления венгерской буржуазной революции и восстановления власти австрийских Габсбургов, а также восстания в защиту имперской конституции (принята франкфуртским Национальным собранием 28 марта 1849 г.), явившиеся последним этапом буржуазно-демократической революции 1848—1849 гг. в Германии. Конституция была отвергнута большинством немецких правительств. — *204.*

[205] Впоследствии в рукописном наследстве Маркса был обнаружен подготовительный набросок для последней или ряда последних лекций на тему о наемном труде и капитале в виде рукописи, озаглавленной «Заработная плата» и имеющей пометку на обложке: «Брюссель, декабрь 1847 г.» (см. настоящее издание, т. 6, стр. 579—602). По содержанию эта рукопись отчасти дополняет незаконченную работу Маркса «Наемный труд и капитал». Она была впервые опубликована в 1924 г. на русском языке в журнале «Социалистическое хозяйство», а в 1925 г. на языке оригинала в журнале «Unter dem Banner des Marxismus» («Под знаменем марксизма»). Однако подготовленные для печати завершающие части работы «Наемный труд и капитал» среди рукописей Маркса не обнаружены. — *204.*

[206] См. настоящее издание, т. 13, стр. 13—38 и т. 23, стр. 43—80. — *206.*

[207] Энгельс цитирует первый том «Капитала» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 547). — *209.*

[208] См. настоящее издание, т. 23, стр. 177—187. — *209.*

[209] Энгельс имеет в виду празднование Первого мая в 1891 году. В некоторых странах (Англии, Германии) первомайский праздник отмечался в ближайшее после 1 мая воскресенье, которое в 1891 г. приходилось на 3 мая. В первомайские дни 1891 г. состоялись митинги и демонстрации рабочих во многих городах Англии, Австрии, Германии, Франции, Италии и других стран. В 1891 г. праздник международной пролетарской солидарности впервые был отмечен в России, несмотря на свирепые преследования участников маевок царскими властями. — *212.*

[210] Данное предисловие Энгельс написал для четвертого немецкого издания его работы «Развитие социализма от утопии к науке» (см. настоящее издание, т. 19, стр. 185—230), выпущенного издательством газеты «Vorwarts» в Берлине в 1891 году. Первое немецкое издание этого произведения, первоначально опубликованного на французском языке в журнале «Revue socialiste» («Социалистическое обозрение») в 1880 г., вышло в Хоттинген-Цюрихе в издательстве газеты «Sozialdemokrat» в марте 1883 г. (на титульном листе значилась дата: 1882 г.). В предисловии к нему Энгельс выразил уверенность, что содержание работы не представит больших трудностей для немецких рабочих читателей

(см. настоящее издание, т. 19, стр. 322). Второе и третье немецкие издания работы Энгельса вышли в том же издательстве в 1883 году. Четвертое издание было последним прижизненным изданием работы Энгельса на немецком языке. В приложении к этому изданию, как и к предыдущим немецким изданиям, была напечатана работа Энгельса «Марка» (см. настоящее издание, т. 19, стр. 327—345). — *213.*

211 Перечислены следующие издания: «Il socialismo utopico e il socialismo scientifico», Benevento, 1883; «Развитие научного социализма», Женева, 1884; «Socialismens Udvikling fra Utopi til Videnskab», Kobenhavn, 1885; «Socialismo utopico y socialismo cientifico», Madrid, 1886; «De ontwikkeling van het socialisme van utopie tot wetenschap», Gravenhage, 1886. — *213.*

212 Упомянутые Энгельсом дополнения к первоначальному тексту «Развития социализма от утопии к науке», в основе которого лежит текст соответствующих глав «Анти-Дюринга», в настоящем издании дополнительно воспроизведены в 20 томе, в разделе «Материалы к «Анти-Дюрингу»». Дополнение о Сен-Симоне см. т, 20, стр. 669—670; дополнение о трестах см. т. 20, стр. 672—673. — *213.*

213 Данная работа представляет собой предисловие, которое Энгельс написал к четвертому изданию своей книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (см. настоящее издание, т. 21, стр. 23—178); до выхода в свет книги предисловие было опубликовано с согласия автора в журнале «Neue Zeit» № 41, 1891 г., под заглавием «К истории первобытной семьи (Бахофен, Мак-Леннан, Морган)».

Четвертое исправленное и дополненное издание книги Энгельса вышло в Штутгарте в конце 1891 г. и в дальнейшем уже не подвергалось изменениям. Данное предисловие входило во все последующие издания книги Энгельса, выходившие как на немецком, так и на других языках. На русском языке предисловие впервые было напечатано в первом издании книги Энгельса, вышедшем в Петербурге в 1894 году. — *214.*

214 Имеются в виду следующие издания книги Энгельса: «L'origine della famiglia, della proprieta privata e dello Stato». Versione riveduta dell'autore, di Pasquale Martignetti. Benevento, 1885; «Origina familiei, proprietatei private si a statului», tradusa de Joan Nadejde, in: «Contemporanul» №№ 17, 18, 19, 20—21, 1885, №№ 22, 23—24, 1886; «Familjens, Privatejendommens og Statens Oprindelse». Dansk, af Forfatteren gennemgaaet Udgave, besoerget af Gerson Trier. Kobenhavn, 1888, L'Origine de la Famille, de la Propriete privee et de l'Etat». Paris, 1893. — *215.*

215 E. B. Tylor. «Researches into the Early History of Mankind and the Development of Civilisation». London, 1865 (Э. Б. Тэйлор. «Исследование первобытной истории человечества и возникновения цивилизации». Лондон, 1865). — *215.*

216 J. J. Bachofen. «Das Mutterrecht. Eine Untersuchung uber die Gynaikokratie der alten Welt nach ihrer religiosen und rechtlichen Natur». Stuttgart, 1861 (И. Я. Бахофен. «Материнское право. Исследование гинекократии древнего мира на основе его религиозной и правовой природы». Штутгарт, 1861). — *215.*

[217] Эсхил. «Орестея. Эвмениды». — *217.*

[218] Энгельс цитирует книгу Мак-Леннана «Studies in Ancient History comprising a Reprint of «Primitive Marriage. An Inquiry into the Origin of the Form of Capture in Marriage Ceremonies»». London and New-York, 1886, p. 124—125 («Очерки по древней истории, включающие перепечатку книги «Первобытный брак. Исследование о происхождении обряда похищения в свадебных церемониях»». Лондон и Нью-Йорк, 1886, стр. 124—125). Работа Мак-Леннана «Первобытный брак» была впервые опубликована отдельным изданием в Эдинбурге в 1865 г., а первое издание «Очерков по древней истории» (включая сюда перепечатку работы «Первобытный брак») вышло в свет в Лондоне в 1876 году. Ниже Энгельс упоминает и это издание. — *219.*

[219] R. G. Latham. «Descriptive Ethnology». Vol. I—II. London, 1859.

Магары — племя, в настоящее время народность, населяющая западные районы Непала. — *219.*

[220] Имеются в виду четырнадцать «Писем об ирокезах», опубликованных Л. Г. Морганом в журнале «American Review» («Американское обозрение»), Нью-Йорк, №№ II—XII за февраль — декабрь 1847 г., а также его книга «League of the Ho-dé-no-sau-nee or Iroquois». Rochester, 1851 («Лига Ho-dé-no-sau-nee или Ирокезов». Рочестер, 1851). — *219.*

[221] J. Lubbock. «The Origin of Civilisation and the Primitive Condition of Man. Mental and Social Condition of Savages». London, 1870 (Дж. Леббок. «Происхождение цивилизации и первобытное состояние человека. Духовное и общественное состояние диких народов». Лондон, 1870). — *221.*

[222] L. H. Morgan. «Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family». Washington, 1871 (Л. Г. Морган. «Системы родства и свойства человеческой семьи». Вашингтон, 1871). — *221.*

[223] A. Giraud-Teulon. «Les origines de la famille». Genève, Paris, 1874 (А. Жиро-Тёлон. «Происхождение семьи». Женева, Париж, 1874).

J. Lubbock. «The Origin of Civilisation and the Primitive Condition of Man. Mental and Social Condition of Savages». Fourth Ed. London, 1882. — *222.*

[224] L. H. Morgan. «Ancient Society, or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization». London, 1877 (Л. Г. Морган. «Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации». Лондон, 1877). — *222.*

[225] Энгельс совершил путешествие в Соединенные Штаты Америки и Канаду вместе с Эдуардом Эвелингом, Элеонорой Маркс-Эвелинг и К. Шорлеммером в августе — сентябре 1888 года. Путевые впечатления Энгельса от этой поездки см. в настоящем издании, т. 21, стр. 484—486. — *224.*

[226] J. F. McLennan. «Studies in Ancient History». London, 1876, p. 333. — *225.*

[227] Приветствие написано Энгельсом в ответ на приглашение принять участие в работе второго съезда Социал-демократической рабочей

партии Австрии, переданное ему Виктором Адлером в письме от 22 июня 1891 года.

II съезд Социал-демократической рабочей партии Австрии проходил в Вене с 28 по 30 июня 1891 года. На нем присутствовало 193 делегата. На съезде обсуждались вопросы о положении и деятельности партии, о движении за всеобщее, равное и прямое избирательное право, о праздновании Первого мая, об участии партии в Международном социалистическом рабочем конгрессе 1891 г. в Брюсселе, о профсоюзах, о социальной реформе в Австрии и другие. Подводя итоги работы съезда, центральный орган партии «Arbeiter-Zeitung» отмечал 3 июля 1891 г. в передовой статье «Наш партийный съезд в Вене», что австрийская социал-демократия может быть довольна своим съездом, на котором отчетливо проявился интернациональный характер партии, ясность и единство в тактических вопросах. Прения на съезде проходили в соответствии с основными положениями программы, принятой на первом съезде в Гайнфельде в 1888 году. — *226.*

[228] В Гайнфельде (Нижняя Австрия) с 30 декабря 1888 по 1 января 1889 г. проходил объединительный съезд, на котором присутствовало 73 делегата от социалистов почти всех провинций Австрии. На съезде, сыгравшем важную роль в развитии социалистического движения в Австрии, была основана Социал-демократическая рабочая партия Австрии и принята в качестве программы «Декларация о принципах», опиравшаяся в основном на положения «Манифеста Коммунистической партии». Декларация выдвигала в качестве задач партии политическую организацию пролетариата и развитие его классового самосознания, борьбу за превращение средств производства в общественную собственность, освобождение всех трудящихся от экономической зависимости, уничтожение их политического бесправия и повышение их духовного уровня и другие. Декларация провозглашала принцип пролетарского интернационализма как одну из основ организации и деятельности партии. Вместе с тем декларация содержала ряд серьезных недостатков. В ней был обойден вопрос о диктатуре пролетариата, отсутствовало требование уничтожения монархии и установления республики, по существу не был затронут аграрный вопрос, решение которого имело важное значение для развития рабочего движения в Австрии. — *226.*

[229] Энгельс имеет в виду отмену исключительных законов, введенных реакционными правительствами Германии и Австро-Венгрии для борьбы против социалистического и рабочего движения.

Об исключительном законе против социалистов в Германии см. примечание 2.

Исключительные законы против социалистов под названием «законов против анархистов» были приняты в Австрии в 1884 году. На основании этих законов социалистические и профсоюзные рабочие организации и их органы печати подвергались полицейским преследованиям и запрещению, а их руководители высылались. Однако в июне 1891 г. правительство Тааффе под влиянием роста забастовочного движения и массовых выступлений австрийских рабочих 1 мая 1890 г. вынуждено было отменить эти законы. — *226.*

[230] Работа *«К критике проекта социал-демократической программы 1891 года»,* представляющая собой важнейший документ марксизма, образец непримиримой борьбы Энгельса против оппортунизма за ре-

волюционную марксистскую программу германской социал-демократии, была написана Энгельсом между 18 и 29 июня 1891 года. Непосредственным поводом к написанию ее послужил проект программы Социал-демократической партии Германии, присланный Энгельсу от имени Правления партии Р. Фишером вместе с письмом от 18 июня 1891 года. Из письма видно, что этот проект, составленный в основном Бебелем и Либкнехтом, обсуждался на ряде заседаний Правления, на одном из которых было решено направить его Энгельсу и другим деятелям рабочего и социалистического движения.

Как следует из письма Энгельса Каутскому от 29 июня 1891 г., Энгельс, получив проект, подверг его подробному критическому анализу. Он намеревался дать свою, более сжатую формулировку мотивировочной части, однако, связанный ограниченным сроком представления замечаний, сделал набросок лишь отдельных положений (см. приложения к разделу I, настоящий том, стр. 242—243). Более резкой критике Энгельс подверг раздел проекта, посвященный политическим требованиям. Именно этот раздел, по его словам, предоставил ему повод нанести удар «по миролюбивому оппортунизму», проповедующему «бодро-скромно-весело-свободное «врастание» старого свинства в «социалистическое общество»». Критические замечания Энгельса, а также опубликованная к тому времени по его настоянию работа К. Маркса «Критика Готской программы» (см. примечание 131) оказали большое влияние на дальнейший ход обсуждения и выработки проекта программы.

О том, насколько были учтены замечания Энгельса, можно судить по проекту программы, опубликованному Правлением партии в газете «Vorwarts» 4 июля 1891 г., вскоре после получения замечаний. Текст показывает, что изменения, внесенные в проект под влиянием критики Энгельса, коснулись главным образом мотивировочной части, а также раздела экономических требований. Несмотря на критику Энгельса, раздел проекта, посвященный политическим требованиям, не подвергся сколько-нибудь значительным изменениям. В нем отсутствовали положения о завоевании политической власти пролетариатом, о демократической республике, о преобразовании государственного строя Германии и необходимости борьбы против пережитков феодализма и абсолютизма и другие.

После опубликования официального проекта программы началось его обсуждение в партийных организациях, на страницах газеты «Vorwarts» и журнала «Neue Zeit»; при этом стали поступать не только отдельные предложения и изменения, но и новые проекты программы. Предложила свой проект программы, составленный Каутским, и редакция журнала «Neue Zeit». Из писем Энгельса Каутскому от 28 сентября и Бебелю от 29 сентября 1891 г. видно, что Энгельс высказал по проекту редакции «Neue Zeit» ряд критических замечаний, но в целом считал его более удовлетворительным, нем официальный проект, и одобрил намерение Бебеля поддержать этот проект на Эрфуртском съезде.

Для рассмотрения выдвинутых проектов и предложений была создана программная комиссия под председательством В. Либкнехта; она выработала окончательный проект программы, положив в основу его проект, составленный редакцией «Neue Zeit»; были учтены также и некоторые замечания Энгельса, относящиеся к первоначальному проекту программы Правления партии.

Проект программы, составленный комиссией, был вынесен на обсуждение Эрфуртского съезда Социал-демократической партии

Германии, происходившего с 14 по 21 октября 1891 года. С докладом по этому вопросу выступал В. Либкнехт. Касаясь итогов Эрфуртского съезда, принявшего в основном марксистскую программу, Энгельс в письме к Зорге от 24 октября 1891 г. писал: «К нашему удовлетворению, марксова критика одержала полную победу».

Эрфуртская программа явилась большим шагом вперед по сравнению с Готской программой; из партийной программы были устранены реформистские лассальянские догмы, более четко формулировались политические и экономические требования. В программе давалось научное обоснование неизбежности гибели капиталистического строя и замены его социалистическим, ясно указывалось, что для социалистического переустройства общества пролетариат должен завоевать политическую власть.

Вместе с тем Эрфуртская программа имела и серьезные недостатки, главнейшим из которых являлось отсутствие положения о диктатуре пролетариата как орудия социалистического преобразования общества. Она не выдвигала также требований свержения монархии и установления демократической республики, преобразования государственного строя Германии и другие.. В этом отношении критические замечания Энгельса на первоначальный проект относятся к принятой на Эрфуртском съезде программе.

Работа Энгельса «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года» длительное время не публиковалась руководством германской социал-демократии; она была напечатана в журнале «Neue Zeit» лишь в 1901 году. В редакционном примечании, предпосланном публикации, указывалось, что рукопись Энгельса была найдена среди литературного наследства В. Либкнехта.

На русский язык переводы отдельных мест из работы «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года» впервые были сделаны В. И. Лениным и цитируются в его труде «Государство и революция». Ленинские переводы этих мест учтены при подготовке работы Энгельса в настоящем издании. На русском языке работа была впервые опубликована в брошюре «Маркс и Энгельс о программе и тактике социал-демократии», изд. «Прибой», 1930 год. — *227.*

[231] Рукописный вариант проекта программы, который был направлен Энгельсу Правлением Социал-демократической партии Германии и подвергнут им критическому анализу, до сих пор не обнаружен. Ниже приводится вариант, опубликованный Правлением («Vorwarts» № 153, 4 июля 1891 г.), в котором были учтены некоторые замечания и предложения Энгельса. Для удобства сопоставления с критическими замечаниями Энгельса в мотивировочной части в квадратных скобках отмечены номера абзацев.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА 1891 ГОДА

Проект Правления партии

[Абз. 1] Отделение рабочих от средств труда — земли, рудников, шахт, машин и орудий, средств сообщения — и их переход в индивидуальное владение части членов общества привели к расколу общества на два класса: трудящийся и имущий.

[Абз. 2] В руках их присвоителей общественные средства труда превратились в средства эксплуатации. Обусловленное этим экономическое подчинение рабочих присвоителями средств труда, то есть источников жизни, является основой рабства во всех его формах,

социальной обездоленности, умственной приниженности, политической зависимости.

[Абз. 3] При господстве этой эксплуатации накопление создаваемого эксплуатируемыми богатства увеличивается в руках эксплуататоров — капиталистов и крупных землевладельцев — с возрастающей быстротой. Распределение продукта труда между эксплуататорами и эксплуатируемыми становится все более неравным, численность пролетариата и необеспеченность его существования все больше возрастает, армия избыточных рабочих принимает все более массовый характер, все острее становится классовый антагонизм, все ожесточеннее классовая борьба, которая раскалывает современное общество на два враждебных военных лагеря и составляет общий отличительный признак всех промышленных стран.

[Абз. 4] Коренящееся в самом существе капиталистического производства отсутствие планомерности порождает те все более затяжные кризисы и перебои в производстве, которые еще более ухудшают положение рабочих, вследствие разорения средних слоев населения города и деревни — мелких буржуа и мелких крестьян — еще больше расширяют пропасть между имущими и неимущими, возводят всеобщее неустойчивое положение в нормальное состояние общества и служат доказательством того, нто класс собственников общественных средств труда утратил призвание и способность к хозяйственному и политическому руководству.

[Абз. 5] Положить конец этому состоянию, изо дня в день становящемуся все более невыносимым, путем устранения его причин и добиться освобождения рабочего класса — такова цель и задача социал-демократии.

[Абз. 6] Социал-демократическая партия Германии в соответствии с этим стремится осуществить превращение средств труда — земли, рудников, шахт, машин и орудий, средств сообщения — в общую собственность и превращение капиталистического производства в социалистическое производство — превращение, для которого материальные и духовные условия созданы и продолжают создаваться самим капиталистическим обществом и посредством которого только и может быть осуществлено освобождение рабочего класса, а вместе с ним и освобождение всех членов общества без исключения.

[Абз. 7; в тексте, которым пользовался Энгельс, — абз. 9] Социал-демократическая партия не имеет ничего общего с так называемым государственным социализмом, системой огосударствления в фискальных целях, которая ставит государство на место частного предпринимателя и тем самым объединяет в одних руках силу экономической эксплуатации и политического угнетения рабочего.

[Абз. 8; в тексте, которым пользовался Энгельс, — абз. 7] Освобождение рабочего класса может быть только делом самого рабочего класса, ибо все остальные классы и партии стоят на почве капитализма и, несмотря на столкновения их интересов между собой, имеют своей общей целью сохранение и укрепление основ современного общества.

[Абз. 9; в тексте, которым пользовался Энгельс, — абз. 8] Рабочий класс во всех странах с капиталистическим способом производства имеет одинаковые интересы; с расширением международных связей и производства для мирового рынка положение рабочих каждой страны делается все более зависимым от положения рабочих в других странах, поэтому освобождение рабочего класса является не национальной, а социальной проблемой, в разрешении которой равномерно участвуют рабочие всех культурных стран. Сознавая это, Социал-

демократическая партия Германии чувствует и объявляет себя *солидарной* с классово сознательными рабочими всех остальных стран.

[Абз. 10] Социал-демократическая партия борется не за новые классовые привилегии и преимущества, а за уничтожение классового господства и самих классов и за равные права и равные обязанности всех без различия пола и происхождения. В этой освободительной борьбе социал-демократия как представительница не только наемных рабочих, но и всех эксплуатируемых и угнетенных в целом, отстаивает все требования, мероприятия и установления, которые способны улучшить положение народа вообще и рабочего класса в особенности. Социал-демократическая партия Германии выдвигает поэтому в настоящее время следующие требования:

1. Всеобщее равное и прямое избирательное право и право голоса при тайном голосовании для всех граждан империи старше 20 лет без различия пола на всех стадиях выборов и голосования.

Введение пропорциональной системы выборов. Назначение выборов и голосования на воскресные и праздничные дни. Вознаграждение избранным представителям.

2. Прямое участие народа в законодательстве на основе права внесения и отклонения законопроектов. Самоуправление народа в империи, государстве, провинции и общине. Ежегодное вотирование налогов, право на отказ от уплаты налогов.

3. Решение вопросов о войне и мире избранными представителями парода. Учреждение международного третейского суда.

4. Отмена всех законов, которые ограничивают или сводят на нет свободу выражения мнений и право союзов и собраний.

5. Отмена всех ассигнований из государственных средств на церковные и религиозные цели. Церковные и религиозные общества следует рассматривать как частные объединения.

6. Светский характер школы. Обязательное посещение государственных народных школ. Бесплатное образование и обеспечение учебными пособиями во всех государственных учебных заведениях.

7. Воспитание всех граждан в духе готовности к обороне. Замена постоянной армии народной милицией.

8. Бесплатное судопроизводство и оказание юридической помощи. Осуществление судопроизводства судьями, избранными народом.

9. Бесплатное предоставление врачебной помощи и лечебных средств.

10. Дифференцированный прогрессивный налог на доход, капитал и наследство для покрытия всех государственных расходов, поскольку таковые подлежат покрытию за счет налогов. Отмена всех косвенных налогов, пошлин и прочих хозяйственно-политических мероприятий, которые подчиняют интересы общественного целого интересам привилегированного меньшинства.

В целях защиты прав рабочего класса Социал-демократическая партия Германии выдвигает следующие требования:

1. Действенное национальное и международное законодательство об охране труда на следующей основе:

a) Установление нормального рабочего дня продолжительностью максимум восемь часов.

b) Запрещение промышленного труда детей моложе четырнадцати лет.

c) Запрещение ночного труда, кроме таких отраслей промышленности, в которых ночной труд требуется в силу их специфики, по техническим причинам или в интересах общественного блага.

d) Предоставление каждому рабочему непрерывного времени отдыха продолжительностью минимум 36 часов еженедельно.

е) Запрещение оплаты труда товарами.

2. Надзор над всеми промышленными предприятиями и регулирование трудовых отношений в городе и деревне имперским ведомством труда, окружными бюро труда и палатами труда.

3. Уравнение в правах сельскохозяйственных рабочих и прислуги с промышленными рабочими. Отмена устава о челяди.

4. [В тексте, которым пользовался Энгельс, по-видимому, пункт 2] Охрана права союзов.

5. Передача всей системы страхования рабочих в ведение империи при решающем участии рабочих в управлении страховыми учреждениями. — *229.*

[232] Речь идет о программе германской социал-демократической партии, принятой на объединительном съезде в Готе в 1875 году. Критический разбор проекта этой программы, который лишь с небольшими изменениями был принят на съезде, Маркс дал в работе «Критика Готской программы», а Энгельс в письме к Бебелю 18—28 марта 1875 г. (см. настоящее издание, т. 19, стр. 1—8 и 9—32). — *229.*

[233] Энгельс цитирует Общий Устав Международного Товарищества Рабочих (см. настоящее издание, т. 17, стр. 445). — *230.*

[234] *Конституция 1850 г.* была принята в Пруссии в результате пересмотра конституции, октроированной (дарованной) королем Фридрихом-Вильгельмом IV 5 декабря 1848 г. после совершения контрреволюционного государственного переворота и разгона прусского Национального собрания. Стремясь уничтожить остатки демократических завоеваний, еще сохранившиеся в этой в целом весьма антидемократической конституции, король распустил в апреле 1849 г. палату представителей, а 30 мая 1849 г. издал новый избирательный закон, устанавливавший трехклассную систему выборов, основанную на высоком имущественном цензе и неравном представительстве различных слоев населения. Раболепное большинство новой палаты, избранной на основании этого закона, приняло по предложению короля новую конституцию, усугубляющую реакционные принципы октроированной конституции 1848 года. В Пруссии сохранялась верхняя палата, состоявшая преимущественно из представителей феодальной знати («палата господ»), полномочия ландтага были крайне ограничены, он был лишен законодательной инициативы. Министры назначались королем и были ответственны лишь перед ним. Конституция предоставляла правительству право создавать особые суды для рассмотрения дел о государственной измене. Конституция 1850 г. оставалась в силе в Пруссии и после образования в 1871 г. Германской империи.

Так называемый *конституционный конфликт* возник в Пруссии в начале 60-х годов между прусским правительством и буржуазно-либеральным большинством ландтага. В феврале 1860 г. это большинство отказалось утвердить внесенный военным министром фон Рооном проект реорганизации армии. Однако правительство вскоре добилось от буржуазии утверждения ассигнований на «поддержание боевой готовности армии», что означало фактически начало осуществления задуманной реорганизации. Когда в марте 1862 г. либеральное большинство палаты отказалось утвердить военные расходы и потребовало ответственного перед ландтагом министерства, правительство

распустило ландтаг и назначило новые выборы. В конце сентября 1862 г. было сформировано контрреволюционное министерство Бисмарка, которое в октябре того же года снова распустило ландтаг и начало проводить военную реформу, расходуя на это средства без утверждения ландтага. Конфликт разрешился лишь в 1866 г., когда после победы Пруссии над Австрией прусская буржуазия капитулировала перед Бисмарком.

В основу конституции Германской империи, принятой 16 апреля 1871 г., была положена конституция Северогерманского союза, утвержденная 17 апреля 1867 г. с изменениями, внесенными в нее в ноябре 1870 г. договорами о вхождении в Союз южногерманских государств (Бадена, Гессена, Баварии и Вюртемберга). Конституция 1871 г. закрепила господство Пруссии в Германии и реакционные основы государственного строя Германской империи. Законодательные полномочия рейхстага были сильно ограничены, принятые им законы вступали в силу только после их одобрения реакционным по своему составу Союзным советом и утверждения императора. Прерогативы императора и имперского канцлера, независимого от рейхстага, были чрезвычайно широки. Конституция сохраняла пережитки партикуляризма, привилегии отдельных мелких германских государств. — *236.*

[235] Энгельс иронически объединяет здесь под одним названием два карликовых «суверенных» государства, вошедшие в 1871 г. в состав Германской империи: Рейс-Грейц и Рейс-Гера-Шлейп-Лобенштейн-Эберсдорф, принадлежавшие князьям Рейс старшей и младшей линии. — *236.*

[236] Энгельс имеет в виду выступление социал-демократического депутата Кайзера с согласия всей социал-демократической фракции рейхстага в защиту правительственного проекта покровительственных таможенных тарифов в 1879 году. Маркс и Энгельс резко осудили поступок Кайзера, защищавшего в рейхстаге предложение, внесенное в интересах крупных промышленников и аграриев в ущерб интересам народных масс, а также попустительство по отношению к Кайзеру ряда руководителей германской социал-демократии.

Манчестерство — см. примечание 105. — *237.*

[237] Имеются в виду особые права южногерманских государств, главным образом Баварии и Вюртемберга, закрепленные в договорах об их вхождении в Северогерманский союз (ноябрь 1870) и в конституции Германской империи (апрель 1871). Бавария и Вюртемберг сохранили, в частности, особый налог на водку и пиво, самостоятельное управление почтами и телеграфом. Бавария, кроме того, сохранила самостоятельность в управлении своей армией и в управлении железными дорогами. Из представителей Баварии, Вюртемберга, а также Саксонии в Союзном совете была создана особая комиссия по вопросам внешней политики, обладавшая правом вето. — *238.*

[238] Речь идет о диктатуре Наполеона Бонапарта, провозгласившего себя первым консулом в результате государственного переворота 18 брюмера (9 ноября) 1799 г., который завершил процесс буржуазной контрреволюции во Франции. Этот режим сменил собой республиканский строй, установленный во Франции 10 августа 1792 года. В 1804 г. по Франции была официально установлена империя, а Наполеон провозглашен императором французов. Многие бюрократические учреждения Первой империи продолжали сохраняться во Франции,

несмотря на смену режимов, и при Третьей республике, установленной в сентябре 1870 года. — *239.*

[239] Энгельс имеет в виду программу французской Рабочей партии, принятую на съезде в Гавре в ноябре 1880 года. В мае 1880 г. один из руководителей французских социалистов Ж. Гед приехал в Лондон, где совместно с Марксом, Энгельсом и Лафаргом был выработан проект программы. Энгельс в письме к Бернштейну 25 октября 1881 г. указывал, что теоретическое введение к программе было продиктовано Геду Марксом. «Затем, — писал Энгельс, — мы обсуждали дальнейшее содержание программы; кое-что мы добавили, кое-что выбросили».

Составленное Марксом введение к программе французской Рабочей партии см. в настоящем издании, т. 19, стр. 246, текст практической части программы (программы-минимум) см. там же, стр. 574— 575. — *241.*

[240] Программа Социалистической рабочей партии Испании, которую имеет в виду здесь Энгельс, была принята на съезде в Барселоне в 1888 году. — *241.*

[241] Статья «*О Брюссельском конгрессе и о положении в Европе*» представляет собой письмо Энгельса Лафаргу от 2 сентября 1891 г., опубликованное в газете «Socialiste» № 51, 12 сентября 1891 г. с небольшими сокращениями и редакционными изменениями. Статья была напечатана в переводе на немецкий язык в газете «Vorwarts» № 216, 16 сентября 1891 г. в разделе «Политическое обозрение». В письме к Бебелю от 1 октября 1891 г. Энгельс выразил неудовлетворение качеством немецкого перевода.

Второй Международный социалистический рабочий конгресс состоялся в Брюсселе 16—22 августа 1891 года. Ему предшествовала острая борьба между марксистами и оппортунистическими элементами, предпринявшими новую попытку захватить в свои руки подготовку конгресса (см. примечание 112). Благодаря энергичной деятельности Энгельса, руководившего борьбой марксистов, поссибилистам и на этот раз не удалось расколоть международное объединение рабочих. Брюссельский конгресс, на котором присутствовало 337 делегатов от многих стран Европы и от США, был по своему составу в основном марксистским конгрессом. При обсуждении результатов проверки мандатов большинством голосов было принято решение о недопущении к участию в работе конгресса прибывших на него анархистов. На конгрессе присутствовали представители английских тред-юнионов, что рассматривалось Энгельсом как весьма положительный момент.

На повестке дня конгресса стояли вопросы о рабочем законодательстве, о стачке и бойкоте, о милитаризме.

Из решений, принятых конгрессом, Энгельс в своем письме дает оценку резолюции о рабочем законодательстве (приведенные им выражения он заимствует из вводной и заключительной части этой резолюции), а также резолюции о стачке и бойкоте. В первой из них содержался призыв к рабочим всего мира объединить все свои силы для борьбы против господства капиталистов, а там, где рабочие имеют политические права, использовать их для своего освобождения от наемного рабства. В резолюции о стачке и бойкоте конгресс рекомендовал рабочим применять эти средства борьбы. В ней подчеркивалась безусловная необходимость профессиональных организаций для рабочих.

Центральным на конгрессе был вопрос об отношении рабочего класса к милитаризму. В докладах по этому вопросу Либкнехта

и Вайяна, а также в предложенной Либкнехтом резолюции содержались положения о том, нто милитаризм является неизбежным порождением капиталистического строя, что только создание социалистического общества может положить конец милитаризму и привести к миру между народами, нто подлинной партией мира являются социалисты. Вместе с тем в резолюции не были определены конкретные задачи и средства борьбы против угрозы войны. Резолюция заканчивалась довольно расплывчатым призывом к рабочим всех стран энергично протестовать против подготовки войны и военных союзов и ускорить торжество социализма путем совершенствования международной Организации пролетариата.

Против резолюции Либкнехта выступил голландский делегат, глава полу анархистских элементов во II Интернационале Д. Ньювенгейс. Он внес резолюцию, согласно которой в случае войны социалисты всех стран должны обратиться к своим народам с призывом объявить всеобщую стачку. Анархистская фразеология Ньювенгейса не полунила поддержки конгресса. Подавляющее большинство делегатов голосовало за резолюцию, предложенную В. Либкнехтом.

Решения Брюссельского конгресса имели важное значение для международного рабочего движения. Энгельс расценил итоги конгресса «как принципиальную и тактическую победу марксистов». — *244.*

[242] Гаагский конгресс I Интернационала — см. примечание 134. — *244*.

[243] Энгельс имеет в виду статью Г. В. Плеханова «Социально-политическое положение в России в 1890 году», опубликованную в журнале «Neue Zeit» №№ 47—52, 1891 года. Часть этой статьи Плеханова была также напечатана в журнале «Социаль-демократ», книга третья, декабрь 1890 года. — *246*.

[244] Статья *«Социализм в Германии»* была написана Энгельсом между 13 и 22 октября 1891 г. и предназначалась в первоначальном виде для «Almanach du Parti Ouvrier pour 1892». Согласно объявлению о выпуске этого альманаха, опубликованному в газете «Socialiste» 26 сентября 1891 г., в нем предполагалось дать обзор состояния социалистического движения за 1891 г, в ряде стран: Австрии, Англии, Бельгии, Германии, Испании, Румынии. В качестве автора статьи о социалистическом движении в Германии указывался Энгельс. С просьбой написать статью для альманаха к Энгельсу по поручению руководства Рабочей партии обратилась 23 сентября 1891 г. Лаура Лафарг, сообщив при этом, что тему статьи предложили Ж. Гед и П. Лафарг. Эта просьба послужила Энгельсу, как он сам указывал, поводом выступить по вопросу о позиции французских и немецких социалистов в связи с угрозой возникновения войны. Направляя статью Лауре Лафарг, Энгельс в письме от 22 октября 1891 г. просил передать ее руководству партии и сообщить ему мнение руководства о статье. Как следует из письма П. Лафарга к Энгельсу от 24 октября 1891 г., статья была одобрена и включена в альманах, который вышел в свет в начале декабря 1891 года.

Вслед за этой публикацией Энгельс перевел работу на немецкий язык для журнала «Neue Zeit», при этом предпослал ей небольшое введение и написал заключительную часть.

Статья Энгельса получила широкое распространение в рабочей и социалистической печати. Первые две части были напечатаны в переводе с французского в журнале «Critica Sociale» №№ 2 и 3,

16 января и 1 февраля 1892 г., причем первая под редакционным заглавием «Неминуемая победа социализма в Германии», вторая под заглавием: «Германская социалистическая партия и мир». Заключительная часть работы была перепечатана в этом журнале (в переводе с немецкого и с небольшими сокращениями) в № 7, 1 апреля 1892 г. под заглавием: «Голод в России, его причины и значение». В том же году вышло отдельное итальянское издание работы в переводе Мартиньетти.

Статья «Социализм в Германии» была опубликована в переводе с немецкого в издававшемся в Лондоне польском журнале «Przedświt» («Рассвет») в №№ 33 и 34, 13 и 20 февраля 1892 г., а также на румынском языке, без введения, в журнале «Critica sociala» («Социальная критика»), издававшемся в Яссах, №№ 2 и 3, в январе и феврале 1892 года. В том же году работа была также опубликована на английском языке в США.

Первые русские переводы работы Энгельса печатались в 1892—1893 гг. на гектографе; в 1906 г. работа была издана в переводе с немецкого отдельными брошюрами в Петербурге и Киеве.

«Almanach du Parti Ouvrier» («Альманах Рабочей партии») — французский социалистический ежегодник, выходил в Лилле в 1892—1894 и 1896 гг. под редакцией Ж. Геда и П. Лафарга. — *247.*

[245] Так называемые «чистые» (или трехцветные) республиканцы — партия умеренных буржуазных республиканцев, опиравшихся на промышленную буржуазию и связанную с ней часть либеральной интеллигенции Франции. Органом ее была газета «Le National» («Национальная газета»), которая выходила в Париже с 1830 по 1851 год. Главным редактором ее был Арман Марраст.

«Организация труда» («Organisation du travail») — название книги Луи Блана, в которой он изложил свою мелкобуржуазно-социалистическую программу; первое издание книги вышло в Париже в 1840 году. — *251.*

[246] Имеется в виду германская Социал-демократическая рабочая партия (эйзенахцы), основанная на общенемецком съезде социал-демократов Германии, Австрии и Швейцарии 7—9 августа 1869 г. в Эйзенахе и известная в дальнейшем также под названием «партия эйзенахцев». Принятая на съезде программа, несмотря на наличие в ней некоторых незрелых и ошибочных положений, в основном исходила из принципов марксизма. — *251.*

[247] О Готском объединении см. примечание 132. — *251.*

[248] Энгельс имеет в виду принятое в 1891 г. решение Правления Социал-демократической партии Германии о выпуске полного собрания сочинений Ф. Лассаля. — *252.*

[249] Энгельс использует слова консервативного политического деятеля времен Второй республики во Франции О. Барро «законность нас убивает», отражавшие намерения представителей французской реакции в конце 1848 — начале 1849 г. спровоцировать народное восстание и, подавив его, восстановить монархию. — *253.*

[250] Энгельс перефразирует здесь слова одного из офицеров французской гвардии на поле сражения при Фонтенуа (11 мая 1745 г.), выигранного

французами во время войны за Австрийское наследство (1740—1746). При приближении к французской армии враждебных ей англо-голландско-ганноверских войск этот офицер воскликнул: «стреляйте первые, господа англичане!». — *254.*

[251] О сражении при *Седане* см. примечание 194. — *255.*

[252] Энгельс цитирует «Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне» (см. настоящее издание, т. 17, стр. 278—279). — *256.*

[253] Речь идет об отражении нашествия армий коалиции европейских держав (Австрии, Пруссии, Англии и др.) войсками французской республики в 1793 г. в период французской буржуазной революций XVIII века. — *259.*

[254] Имеется в виду торжественный прием французской эскадры в Кронштадте в июле 1891 г., превратившийся в открытую демонстрацию сближения царской России и Франции. Одновременно с этим происходили дипломатические переговоры, завершившиеся в августе 1892 г. подписанием франко-русского соглашения, по которому Франция и Россия обязались консультироваться друг с другом по вопросам международной политики и предпринять совместные действия в случае угрозы нападения на одну из сторон. Это соглашение явилось важной вехой на пути к окончательному оформлению франко-русского союза в 1893 году. — *260.*

[255] Речь идет о трехпроцентном займе, заключенном Россией во Франции в сентябре 1891 года на сумму в 125 млн. рублей золотом (или 500 млн. франков). Заем вначале имел большой успех, сумма в 125 млн. при подписке была превышена в $7^1/_2$ раз. Однако вследствие резкого падения курса русских ценных бумаг на европейских биржах, вызванного обострением экономического положения России в связи с голодом 1891 г., подписчики стали отказываться от приема облигаций займа. Русское правительство, чтобы предотвратить окончательный провал займа, вынуждено было скупить часть облигаций. В результате заем оказался реализованным лишь на сумму около 96 млн. рублей. — *260.*

[256] Об аграрных реформах в Пруссии в XIX в. и проведенной в ней «сверху» отмене крепостного права, сопровождавшейся ограблением крестьян в интересах помещиков-юнкеров, см. работу Ф. Энгельса «К истории прусского крестьянства» (настоящее издание, т. 21, стр. 246—257). — *262.*

[257] См. 5-й раздел двадцать четвертой главы первого тома «Капитала» (настоящее издание, т. 23, стр. 755—759). — *263.*

[258] Энгельс имеет в виду работы французских экономистов конца XVII —-начала XVIII века — С. Вобана «Projet d'une Dixme Royale» («Проект королевской десятины»), 1707 г. и П. Буагильбера «Le Detail de la France» («Розничная торговля Франции») (ряд изданий вышел в 1695— 1707 гг.). — *263.*

[259] Приглашение принять участие в праздновании десятилетнего юбилея газеты «Volksfreund», намечавшемся в Брюнне (чешское название:

Брно) на 22 ноября 1891 г., Энгельс получил в письме от редакции газеты, направленном ему в начале ноября 1891 года. Однако этот праздник, которому его организаторы намеревались придать характер политической демонстрации против реакционных австрийских законов о печати, был запрещен полицейскими властями.

«Volksfreund» («Друг народа») — социалистическая газета, орган Социал-демократической партии Австрии, основана в Брюнне в 1881 году. — *265.*

[260] *Младочехи* — чешская буржуазно-либеральная партия, выражавшая интересы преимущественно промышленной буржуазии; первоначально входили в состав Национальной партии, образуя в ней либеральное крыло; в 1874 г. младочехи выделились в самостоятельную «партию свободомыслящих», ставшую в 90-х годах ведущей буржуазной партией Чехии. Младочехи выдвигали требование преобразования Австро-Венгрии в триединую Австро-Венгро-Чешскую монархию, добиваясь господствующего положения в ней чешской буржуазии, укрепления ее экономических и политических позиций за счет ослабления позиций немецкой буржуазии. Младочешская партия враждебно относилась к деятельности социал-демократии, стремилась подорвать ее влияние среди трудящихся масс. — *266.*

[261] Имеется в виду корреспонденция, опубликованная в «Daily Chronicle» 17 ноября 1891 г. под заглавием «Дело г-на Лафарга».

«Daily Chronicle» («Ежедневная хроника») — английская либеральная газета, выходила в Лондоне с 1855 (под данным названием с 1877) по 1930 год; в конце 80-х — начале 90-х годов публиковала материалы о рабочем движении Англии. — *267.*

[262] О преследованиях французскими властями в августе 1871 г. Лафарга и дочерей Маркса во время пребывания их в горном курортном городке Баньер-де-Люшоне (Пиренеи) см. письмо Маркса редактору американской газеты «Sun» Дана 25 августа 1871 г. и письмо дочери Маркса Женни редактору американского еженедельника «Woodhull and Claflin's Weekly», сентябрь 1871 г. (см. настоящее издание, т. 17, стр. 404—407 и 653—663). — *268.*

[263] *Лондонское Коммунистическое просветительное общество немецких рабочих* было основано в 1840 г. К. Шаппером, И. Моллем и другими деятелями Союза справедливых. После организации Союза коммунистов руководящая роль в Обществе принадлежала местным общинам Союза. Активное участие в деятельности Общества в 1847 и 1849— 1850 гг. принимали Маркс и Энгельс. 17 сентября 1850 г. Маркс, Энгельс и ряд их сторонников вышли из Общества в связи с тем, что в борьбе между руководимым Марксом и Энгельсом большинством Центрального комитета Союза коммунистов и сектантско-авантюристским меньшинством (фракцией Виллиха—Шаппера) большая часть Общества стала на сторону меньшинства. С конца 50-х годов Маркс и Энгельс вновь приняли участие в деятельности Общества. С основанием I Интернационала Общество, одним из руководителей которого был Ф. Лесснер, вошло в Международное Товарищество Рабочих. Лондонское просветительное общество продолжало существовать до 1918 г., когда оно было закрыто английским правительством. В XX в. Общество посещалось многими русскими политическими эмигрантами. — *270.*

[264] Данное предисловие было написано Энгельсом для английского издания его книги «Положение рабочего класса в Англии» (см. настоящее издание, т. 2, стр. 231—517), выпущенного в Лондоне в 1892 году. Это издание явилось второй публикацией авторизованного английского перевода книги, впервые напечатанного в Нью-Йорке в 1887 году. Основную часть предисловия — с небольшими редакционными изменениями и отдельными купюрами — составляет написанное Энгельсом в 1886 г. приложение к американскому изданию книги (см. настоящее издание, т. 21, стр. 260—266) и включенная в состав этого приложения статья Энгельса «Англия в 1845 и 1885 годах» (см. настоящее издание, т. 21, стр. 198—205). Заключительная часть предисловия была написана Энгельсом специально для английского издания 1892 года. — *272.*

[265] См. настоящее издание, т. 21, стр. 345—353. — *272.*

[266] *Хлебные законы,* устанавливавшие в Англии высокие ввозные пошлины на хлеб и направленные на ограничение или запрещение ввоза хлеба из-за границы, были введены в интересах крупных землевладельцев-лендлордов. Борьба между промышленной буржуазией и земельной аристократией из-за хлебных законов закончилась принятием в 1846 г. билля об их отмене. Эта мера и связанное с ней снижение хлебных цен, вызвав некоторое удешевление жизни, привели в конечном счете к снижению заработной платы рабочих и увеличению прибылей буржуазии. Отмена хлебных законов явилась сильным ударом по земельной аристократии и способствовала ускорению развития капитализма в Англии. — *273.*

[267] Характеристика системы оплаты труда товарами дана Энгельсом в его работе «Положение рабочего класса в Англии» (см. настоящее издание, т. 2, стр. 408—409). Закон, запрещавший применение этой системы, был принят в 1831 году; однако многие фабриканты нарушали его.

Закон о десятичасовом рабочем дне, распространявшийся только на подростков и женщин-работниц, был принят английским парламентом 8 июня 1847 года. — *274.*

[268] *«Малая Ирландия»* («Little Ireland») — заселенный главным образом ирландцами рабочий квартал на южной окраине Манчестера; подробное описание его см. в работе Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (настоящее издание, т. 2, стр. 296—298).

«Семь стрелок» («Seven Dials») — рабочий квартал в центре Лондона. — *275.*

[269] Имеется в виду «Report of the Royal Commission on the Housing of the Working Classes. England and Wales». 1885 («Отчет королевской комиссии о жилищных условиях трудящихся классов. Англия и Уэльс». 1885). — *275.*

[270] *Система коттеджей* — предоставление фабрикантом рабочему помещения для жилья на кабальных условиях с вычетом квартирной платы из заработной платы рабочего (подробнее об этом см. настоящее издание, т. 2, стр. 409—410). — *276.*

[271] Речь идет о забастовке свыше 10000 горнорабочих в штате Пенсильвания (США), происходившей с 22 января по 26 февраля 1886 года. В ходе забастовки рабочие доменных и коксовых печей, требовавшие повышения заработной платы и улучшения условий труда, добились частнчного удовлетворения своих требований.

О *стачке углекопов в Северной Англии в 1844 г.* см. настоящее издание, т. 2, стр. 475—481. — *276.*

[272] Первый английский перевод I тома «Капитала», сделанный С. Муром и отредактированный Энгельсом, вышел в свет в 1887 году. — *276.*

[273] *«The Commonweal»* («Общее благо») — английский еженедельный журнал, выходил в Лондоне в 1885—1891 и в 1893—1894 годах; орган Социалистической лиги; в 1885—1886 гг. Энгельс поместил в журнале несколько статей. — *278.*

[274] *Народная хартия,* содержавшая требования чартистов, была опубликована 8 мая 1838 г. в качестве законопроекта, предназначенного для внесения в парламент; она состояла из шести пунктов: всеобщее избирательное право (для мужчин, достигших 21 года), ежегодные выборы в парламент, тайное голосование, уравнение избирательных округов, отмена имущественного ценза для кандидатов в депутаты парламента, вознаграждение депутатов. Три петиции чартистов с требованием принятия Народной хартии, поданные в парламент, были отклонены им в 1839, 1842 и 1849 годах. — *278.*

[275] На *10 апреля 1848 г.* в Лондоне чартистами была назначена массовая демонстрация, которая должна была направиться к зданию парламента с целью подачи третьей петиции о принятии Народной хартии. Правительство запретило демонстрацию, войска и полиция были стянуты в Лондон, чтобы воспрепятствовать ее проведению. Руководители чартистов, среди которых многие проявили колебания, решили отказаться от проведения демонстрации и уговорили массы демонстрантов разойтись. Неудача демонстрации была использована силами реакции для наступления на рабочих и репрессий против чартистов. — *278.*

[276] Речь идет о реформе избирательного права, билль о которой был принят английской палатой общин в 1831 г. и окончательно утвержден палатой лордов в июне 1832 года. Реформа была направлена против политической монополии земельной и финансовой аристократии и открыла доступ в парламент представителям промышленной буржуазии. Пролетариат и мелкая буржуазия, которые являлись главной силой в борьбе за реформу, были обмануты либеральной буржуазией и не получили избирательных прав. — *278.*

[277] В *1867 г.* в Англии под давлением массового рабочего движения была проведена вторая парламентская реформа. Активное участие в движении за реформу принял Генеральный Совет I Интернационала. По новому закону имущественный ценз для избирателей в графствах был понижен для арендаторов до 12 ф. ст. арендной платы в год, в городах право голоса было предоставлено всем домовладельцам и арендаторам домов, а также квартиронанимателям, прожившим в данном месте не менее года и вносившим квартирную плату размером не менее 10 фунтов стерлингов. В результате реформы 1867 г. число

избирателей в Англии увеличилось более чем в два раза, избирательное право получила также известная часть квалифицированных рабочих.

В *1884 г.* в Англии под давлением массового движения в сельских районах была проведена третья парламентская реформа, в результате которой на сельские округа были распространены те же условия получения права голоса, которые в 1867 г. были установлены для населения городских округов. После третьей избирательной реформы в Англии все еще не имели избирательного права значительные слои населения: сельский пролетариат и городская беднота, а также все женщины. Тайное голосование было введено в 1872 году. — *280.*

[278] Мысль о том, что реакция и после 1848 г. играла роль своеобразного душеприказчика революции, выполняя по необходимости ее требования, хотя и в карикатурно изуродованном виде, была высказана Марксом в ряде работ, в частности в статье «Эрфуртовщина в 1859 году» (см. настоящее издание, т. 13, стр. 432—434). — *280.*

[279] См. «Report of the Fifty-Third Meeting of the British Association for the Advancement of Science; held at Southport in September 1883». London, 1884, p. 608—609 («Отчет о пятьдесят третьем собрании Британской ассоциации содействия развитию науки, состоявшемся в Саутпорте в сентябре 1883 года». Лондон, 1884, стр. 608—609).

Британская ассоциация содействия развитию науки была основана в 1831 г. и существует в Англии до настоящего времени; материалы ежегодных собраний общества публикуются в виде отчетов. — *283.*

[280] Данная статья представляет собой ответ на критику итальянским буржуазным философом и политическим деятелем Дж. Бовио первой части статьи Энгельса «Социализм в Германии», напечатанной журналом «Critica Sociale» № 2, 16 января 1892 г, в итальянском переводе с текста, опубликованного в «Almanach du Parti Ouvrier pour 1892». Редактор «Critica Sociale» Ф. Турати послал 2 февраля 1892 г. Энгельсу статью Бовио, напечатанную в газете «Tribuna», с просьбой ответить на нее. Энгельс написал ответ на французском языке и направил его вместе с письмом Турати от 6 февраля 1892 года. Итальянский перевод статьи, сделанный Турати и одобренный Энгельсом, был опубликован в «Critica Sociale» № 4, 16 февраля 1892 г. под заглавием «Фридрих Энгельс — Джованни Бовио» и перепечатан рядом итальянских газет.

«Critica Sociale» («Социальная критика») — итальянский двухнедельный журнал, теоретический орган социалистической партии, под данным названием выходил в Милане с 1891 по 1924 год; редактором журнала был Ф. Турати. В 90-е годы XIX в. журнал публиковал работы Маркса и Энгельса и сыграл видную роль в распространении марксизма в Италии.

«La Tribuna» («Трибуна») — итальянская ежедневная буржуазно-либеральная газета, выходила в Риме с 1883 года. — *286.*

[281] Данное предисловие Энгельс написал на немецком языке к польскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» (текст «Манифеста» см. в настоящем издании, т. 4, стр. 419—459), вышедшему в Лондоне в 1892 году. Издание было предпринято польскими эмигрантами и выпущено издательством журнала «Przedświt». Это издание было обо-

значено как второе, поскольку предыдущее (в переводе польского социалиста Пекарского) было осуществлено в Женеве тем же издательством в 1883 году. Однако, как указывали сами Маркс и Энгельс, в предисловии к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1872 г., первый польский перевод был опубликован в Лондоне еще в 1848 году (см. настоящее издание, т. 18, стр. 89). Отправив предисловие в издательство «Przedświt», Энгельс писал 11 февраля 1892 г. Станиславу Мендельсону, что в будущем он надеется овладеть польским языком, чтобы основательно изучить развитие рабочего движения в Польше; тогда он сможет написать к следующему польскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» более обширное предисловие.

«Przedświt» («Рассвет») — польский социалистический журнал, издавался с 1880 по 1914 год. С 1891 г. выходил в Лондоне один раз в неделю. — *289.*

[282] *Конгрессовая Польша* — см. примечание 42. — *289.*

[283] *14 июля* 1789 г. — день взятия Бастилии народными массами Парижа и начала французской буржуазной революции конца XVIII века.

22 сентября 1792 г. — первый день существования Французской республики, которая была провозглашена Конвентом 21 сентября 1792 года. Этот день стал считаться первым днем революционного календаря, утвержденного Конвентом в 1793 году. — *291.*

[284] Выпущенное в 1892 г. второе немецкое издание работы Маркса «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 65—185) является перепечаткой первого немецкого издания (1885) с теми исправлениями, которые Энгельс оговорил в данном вводном замечании. В издании 1892 г. были воспроизведены предисловие Энгельса к первому немецкому изданию работы (см. настоящее издание, т. 21, стр. 180—194), а также (в приложении) работа Маркса «Речь о свободе торговли» и его статья «О Прудоне» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 404—418 и т. 16, стр. 24—31).

Упомянутое в вводном замечании место см. в настоящем издании, т. 4, стр. 102. Незначительные неточности, вкравшиеся здесь в текст французского издания 1847 г. и повторенные в немецком издании 1885 г., были использованы австрийским буржуазным социологом и юристом А. Менгером в его книге «Право на полный трудовой доход в историческом освещении» (1886) для инсинуаций против Маркса и Энгельса. В направленной против Менгера полемической работе «Юридический социализм» разоблачены также и эти инсинуации (см. об этом настоящее издание, т. 21, стр. 513). — *293.*

[285] W. Thompson. «An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth Most Conducive to Human Happiness», London, 1824 (У. Томпсон. «Исследование принципов распределения богатства, наиболее способствующих человеческому счастью», Лондон, 1824). — *293.*

[286] Данное введение было написано Энгельсом к английскому изданию его работы «Развитие социализма от утопии к науке» (см. настоящее издание, т. 19, стр. 185—230), вышедшему в Лондоне в 1892 г. в переводе Э. Эвелинга под названием «Утопический социализм и научный социализм». В приложение к этому изданию Энгельс включил также написанный им в 1882 г. очерк «Марка» (см. настоящее издание, т, 19, стр. 327—345).

В июне 1892 г. Энгельс перевел введение на немецкий язык и в июле направил его в журнал «Neue Zeit», где оно было напечатано в №№ 1 и 2, 1892 г. под заглавием «Об историческом материализме». При публикации введения редакция журнала опустила первые семь абзацев, оговорив в подстрочном примечании, что содержание их известно в Германии и якобы не представляет интереса для немецкого читателя.

Отдельные части введения под заглавием «Три битвы буржуазии против феодализма» и «Рабочая партия» были опубликованы на французском языке в газете «Socialiste» №№ 115, 116 и 118, 4, 11 и 25 декабря 1892 г. и №№ 119 и 120, 1 и 9 января 1893 года. Введение — без первых восьми абзацев — было опубликовано также на болгарском языке в журнале «Социалъ-демократъ» № 3, 1892 год.

На русском языке введение было впервые опубликовано Институтом марксизма-ленинизма в 1926 г. в книге: Ф. Энгельс. «Развитие социализма от утопии к науке». — *294.*

[287] Об объединении эйзенахцев и лассальянцев см. примечание 132. — *294.*

[288] Имеются в виду следующие книги: E. Duhring. «Cursus der Philosophie als streng wissenschaftlicher Weltanschauung und Lebensgestaltung». Leipzig, 1875 (Е. Дюринг. «Курс философии как строго научного мировоззрения и жизнеформирования». Лейпциг, 1875). E. Duhring. «Cursus der National- und Socialokonomie einschliesslich der Hauptpunkte der Finanzpolitik». 2. Aufl., Leipzig, 1876 (Е. Дюринг. «Курс политической и социальной экономии, включая основные вопросы финансовой политики». 2 изд., Лейпциг, 1876). E. Duhring. «Kritische Geschichte der Nationalokonomie und der Socialismus». 2. Aufl., Berlin, 1875 (Е. Дюринг. «Критическая история политической экономии и социализма». 2 изд., Берлин, 1875). — *297.*

[289] *Биметаллизм* — денежная система, при которой функции денег одновременно выполняют два валютных металла — золото и серебро.— *297.*

[290] Работа Энгельса «Анти-Дюринг» (ее текст см. в настоящем издании, т. 20, стр. 1—338) публиковалась в виде серии статей в газете «Vorwarts», а затем в приложении к ней в январе — мае и июле — декабре 1877 и в мае — июле 1878 года. Первое отдельное издание книги вышло в Лейпциге в 1878 году.

«Vorwarts» («Вперед») — центральный орган Социалистической рабочей партии Германии. Газета издавалась в Лейпциге с 1 октября 1876 г. по решению Готского съезда партии 1876 г. вместо газет «Volksstaat» — органа эйзенахцев и «Neuer Sozialdemokrat» («Новый социал-демократ») — органа лассальянцев; была закрыта 27 октября 1878 г. после введения исключительного закона против социалистов. — *297.*

[291] F. Engels. «Socialisme utopique et socialisme scientifique». Paris, 1880. Свою брошюру Энгельс составил из I главы «Введения» к «Анти-Дюрингу» и I и II глав третьего отдела этой работы, сделав ряд дополнительных вставок и внеся некоторые изменения. Название «Развитие социализма от утопии к науке» было дано в первом немецком издании, вышедшем в 1883 году. — *297.*

[292] E. Engels. «Socyjalizm utopijny a naukowy». Genеve, Redakcyi «Przedswitu», 1882. Об испанском издании см. примечание 211. — *297.*

[293] F. Engels. «Socialism utopic si socialism stiintific». Bucuresti, 1891. Об издании работы Энгельса на немецком, итальянском, русском, датском и голландском языках см. примечания 210 и 211. — *297.*

[294] Энгельс имеет в виду работы М. М. Ковалевского «Tableau des origines et de l'evolution de la famille et de la propriete». Stockholm, 1890 («Очерк происхождения и развития семьи и собственности». Стокгольм, 1890) и «Первобытное право, выпуск I, Род». М., 1886. — *298.*

[295] Об английском издании «Капитала» см. примечание 272. — *298.*

[296] *Номиналисты* — представители направления в средневековой философии, признававшего общие родовые понятия как имена, порождение человеческого мышления и языка, — пригодные лишь для обозначения реально существующих единичных вещей. В противоположность средневековым реалистам номиналисты отрицали существование понятий как прообразов и творческих источников вещей. Таким образом, они признавали первичность предмета и вторичность понятия. В этом смысле номинализм являлся первым выражением материализма в средние века. — *299.*

[297] *Гомеомерии* — согласно учению древнегреческого философа Анаксагора, мельчайшие качественно определенные материальные частицы, обладающие бесконечной делимостью. Анаксагор считал, что гомеомерии составляли первооснову всего существующего и из их сочетаний происходит все многообразие вещей. — *299.*

[298] J. Locke. «An Essay concerning Human Understanding» (Дж. Локк. «Опыт о человеческом разуме»). Первое издание вышло в Лондоне в 1690 году. — *301.*

[299] *Деизм* — религиозно-философское учение, признающее бога как безличную разумную первопричину мира, но отрицающее его вмешательство в жизнь природы и общества. В условиях господства феодально-церковного мировоззрения деизм нередко выступал с рационалистических позиций, критикуя средневековое теологическое мировоззрение, разоблачая паразитизм и шарлатанство духовенства. — *301.*

[300] К. Маркс и Ф. Энгельс. «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании» (цитируемый текст см. в настоящем издании, т. 2, стр. 142—144). — *301.*

[301] Имеется в виду первая всемирная торгово-промышленная выставка в Лондоне, происходившая в мае — октябре 1851 года. — *302.*

[302] *«Армия спасения»* — реакционная религиозно-филантропическая организация, основанная в 1865 г. проповедником У. Бутсом в Англии и распространившая в дальнейшем свою деятельность на другие страны (название приняла в 1880 г. после реорганизации ее по военному образцу). Пользуясь значительной поддержкой буржуазии, эта организация развернула широкую религиозную пропаганду, создала целую сеть благотворительных учреждений с целью отвлечения трудящихся масс от борьбы против эксплуататоров. Отдельные проповедники ее прибегали к социальной демагогии, к показному осуждению эгоизма богачей. — *302.*

[303] Речь идет о работе П. С. Лапласа «Traite de mecanique celeste» («Трактат о небесной механике»). Первое издание этой работы вышло в Париже в пяти томах в 1799—1825 годах. — *303.*

[304] Восстание немецкого дворянства в 1522—1523 гг. и Крестьянская война 1524—1525 гг. в Германии освещены Энгельсом в работе «Крестьянская война в Германии» (см. настоящее издание, т. 7, стр. 343—437). — *307.*

[305] Название *«славной революции»* в английской буржуазной историографии получил государственный переворот 1688 г., в результате которого в Англии была низложена династия Стюартов и установлена конституционная монархия во главе с Вильгельмом Оранским (с 1689 г.), основанная на компромиссе между землевладельческой аристократией и крупной буржуазией. — *309.*

[306] *Война Алой и Белой розы* (1455—1485) — война между представителями двух боровшихся за престол английских феодальных родов: Йорков, на гербе которых была изображена белая роза, и Ланкастеров, носивших на гербе алую розу. Вокруг Йорков группировались часть крупных феодалов более развитого в экономическом отношении юга, рыцарство и горожане; Ланкастеров поддерживала феодальная аристократия северных графств. Война привела почти к полному истреблению старинных феодальных родов и завершилась приходом к власти новой династии Тюдоров, установившей в Англии абсолютизм. — *309.*

[307] Выражение из предисловия Гоббса к его книге «De Cive» («О гражданине»), написанной в Париже в 1642 г., первоначально распространявшейся в рукописи и опубликованной в Амстердаме в 1647 году. — *311.*

[308] *Картезианская философия* — учение последователей французского философа XVII в. Декарта (по-латыни — Cartesius), сделавших из его философии материалистические выводы. — *311.*

[309] Энгельс имеет в виду принятую Учредительным собранием в 1789 г. «Декларацию прав человека и гражданина», в которой были изложены политические принципы нового буржуазного строя. Декларация была включена во французскую конституцию 1791 года; на основе ее была составлена якобинская «Декларация прав человека и гражданина» 1793 г., предпосланная первой республиканской конституции Франции, принятой Национальным конвентом в 1793 году. — *311.*

[310] *Code civil* (Гражданский кодекс) — один из пяти кодексов, составленных во Франции в 1804—1810 гг. при Наполеоне I (отсюда вошедшее в обиход обозначение Гражданского кодекса как Кодекса Наполеона) и представлявших собой общую систематизацию буржуазного права. Энгельс назвал Гражданский кодекс, принятый в 1804 г., классическим сводом законов буржуазного общества (см. настоящее издание, т. 21, стр. 311). — *312.*

[311] Энгельс имеет в виду сочувственное отношение к французской буржуазной революции конца XVIII в. со стороны радикальных слоев мелкой буржуазии и буржуазной интеллигенции Англии. Сторонники французской революции, объединившиеся в Лондонском обществе

революции и, главным образом, в Лондонском корреспондентском обществе и корреспондентских обществах других крупнейших городов Англии — среди организаторов и участников обществ были и представители рабочего класса — пропагандировали революционные идеи и выдвигали требования введения всеобщего избирательного права и других демократических реформ. Корреспондентские общества подверглись репрессиям со стороны английской правящей олигархии. — *313.*

[312] См. примечание 276. — *313.*

[313] В 1824 г. английский парламент под давлением массового движения рабочих был вынужден принять акт, отменивший запрещение рабочих союзов (тред-юнионов). Однако в 1825 г. парламентом был принят закон о союзах, или закон о рабочих коалициях, который, подтвердив отмену запрещения тред-юнионов, в то же время крайне ограничил их деятельность. В частности, простая агитация за вступление рабочих в союз и за участие в стачках рассматривалась как «принуждение» и «насилие» и каралась как уголовное преступление. — *314.*

[314] *Народная хартия* — см. примечание 274.

Лига против хлебных законов — организация английской промышленной буржуазии, была основана в 1838 г. манчестерскими фабрикантами Кобденом и Брайтом. Выставляя требование полной свободы торговли, Лига добивалась отмены хлебных законов (см. примечание 266) с целью снижения заработной платы рабочих и ослабления экономических и политических позиций земельной аристократии. В своей борьбе против землевладельцев Лига пыталась использовать рабочие массы. Однако к этому времени передовые рабочие Англии встали на путь самостоятельного политически оформленного рабочего движения (чартизм). После отмены хлебных законов Лига прекратила свое существование. — *314.*

[315] *Брат Джонатан* — ироническое прозвище, данное англичанами североамериканцам во время войны североамериканских колоний Англии за независимость (1775—1783).

Ревивализм — течение в протестантской церкви, возникшее в Англии в первой половине XVIII в. и распространившееся в Северной Америке; его приверженцы стремились путем религиозных проповедей и организации новых общин верующих укрепить и расширить влияние христианской религии. — *314.*

[316] Имеется в виду парламентская реформа 1867 г., проведенная консервативным правительством Дерби — Дизраэли (см. примечание 277). — *316.*

[317] О введении тайного голосования в Англии и о парламентской реформе 1884 г. см. примечание 277. — *317.*

[318] См. примечание 135. — *317.*

[319] *Ритуализм* (более распространенное название — пьюзиизм) — течение внутри англиканской церкви, возникшее в 30-х годах XIX века; его последователи призывали к восстановлению в англиканской церкви католической обрядности (откуда и происходит его название) и некоторых догматов католицизма. — *318.*

[320] Энгельс имеет в виду работы и выступления Л. Брентано, посвященные английским тред-юнионам (см. примечание 184). В них он всячески превозносил английский тред-юнионизм как образец организации рабочего класса, дающей якобы возможность достигнуть в условиях капитализма коренного улучшения положения рабочих и избавиться от капиталистической эксплуатации. Согласно утверждениям Брентано и других катедер-социалистов, хорошо организованные профессиональные союзы делают излишней политическую борьбу и политическую партию рабочего класса. В работе «Брентано contra Маркс» Энгельс вскрыл фальшивый характер и классовый смысл подобных утверждений. — *319.*

[321] Открытие III съезда Социал-демократической рабочей партии Австрии намечалось на 17 апреля 1892 г. в Линце. Однако 2 апреля власти запретили его проведение в этом городе. В связи с этим созыв съезда был перенесен на 5 июня 1892 г. в Вену. И хотя в конце мая австрийское правительство отменило свое запрещение, съезд тем не менее состоялся в Вене с 5 по 9 июня 1892 года. Он рассмотрел тактические и организационные вопросы социалистического движения в Австрии, принял устав и внес дополнения в программу партии. — *321.*

[322] Некролог «Карл Шорлеммер», написанный Энгельсом для газеты «Vorwarts» и опубликованный в ней 3 июля 1892 г., был напечатан также в «Arbeiter-Zeitung» № 29, 15 июля 1892 г. и в болгарском журнале «День», кн. 7, 1892 года. — *322.*

[323] *Колледж Оуэнса* — высшее учебное заведение в Манчестере, основанное в 1851 г. на средства, завещанные для этой цели манчестерским купцом Джоном Оуэнсом. — *322.*

[324] О поездке Энгельса в Соединенные Штаты Америки и Канаду см. примечание 225. — *324.*

[325] Путешествие в Норвегию, к мысу Нордкап Энгельс совершил вместе с Шорлеммером 1—26 июля 1890 года. Конец июля — август 1891 г. Энгельс провел вместе с ним на острове Уайт, откуда они намеревались поехать в Шотландию и Ирландию. Однако Шорлеммер по состоянию здоровья не смог принять участие в этой поездке; Энгельс предпринял ее вместе с племянницей своей жены М. Э. Рошер и своим секретарем Л. Каутской в сентябре 1891 года. — *324.*

[326] Данное предисловие было написано Энгельсом для второго немецкого издания его книги «Положение рабочего класса в Англии» (см. настоящее издание, т. 2, стр. 231—517), вышедшего в Штутгарте в 1892 году. В основной своей части оно представляет собой сделанный автором с небольшими редакционными изменениями перевод предисловия к английскому изданию этой работы 1892 г. (см. настоящий том, стр. 272—285). Статья «Англия в 1845 и 1885 годах», вошедшая в состав предисловия к английскому изданию, была включена Энгельсом и в данное издание в немецком варианте, опубликованном в 1885 г. в журнале «Neue Zeit» № 6. Заключительная часть предисловия была написана Энгельсом специально для немецкого издания. — *326.*

[327] Энгельс имеет в виду приложение к американскому изданию «Положения рабочего класса», первоначально задуманное в качестве пре-

дисловия к нему (см. настоящее издание, т. 21, стр. 260—266), но затем Энгельс заменил его другим, в котором осветил положение рабочего движения в Америке (см. там же, стр. 345—353). — *326.*

[328] 10 мая 1876 г. в связи со столетием со дня основания Соединенных Штатов Америки в Филадельфии открылась шестая всемирная промышленная выставка. Среди сорока стран, представленных на ней, была и Германия. Однако назначенный германским правительством в качестве председателя немецкого жюри директор берлинской промышленной академии профессор Ф. Рёло вынужден был признать, что германская промышленность значительно отстает от промышленности других стран и что она руководствуется принципом «дешево, да гнило». Это заявление вызвало многочисленные отклики в печати. Газета «Volksstaat», в частности, напечатала в июле — сентябре ряд статей, посвященных этому скандальному факту. Называя этот случай промышленной Йеной, Энгельс намекает на разгром прусской армии в сражении при Йене в октябре 1806 г. в войне с наполеоновской Францией. — *327.*

[329] Эти небольшие фрагменты были написаны Энгельсом, по-видимому, в связи с работой над вторым немецким изданием своей книги «Положение рабочего класса в Англии». — *342.*

[330] Энгельс имеет в виду финансовый кризис, разразившийся в Аргентине в 1889—1890 гг. и приведший к панике на денежном рынке, острой инфляции, массовым банкротствам и прекращению платежей по государственным долгам. Этот кризис как одно из проявлений мирового экономического кризиса 1890 г. способствовал развитию последнего в других странах, особенно в Англии, имевшей в Аргентине огромные капиталовложения. Кризис 1889—1890 гг. усилил экономическое закабаление Аргентины европейским финансовым капиталом. — *343.*

[331] Письмо Национальному, совету Социалистической рабочей партии Испании было написано Энгельсом в связи с решениями конгресса английских тред-юнионов, открывшегося в Глазго 5 сентября 1892 **г.**, об отклонении приглашения на третий Международный социалистический рабочий конгресс в Цюрихе, которое было послано организационным комитетом по созыву конгресса, и о созыве вместо него международного конгресса по вопросу о восьмичасовом рабочем дне. Этими решениями была предпринята новая попытка, на этот раз реформистским руководством консервативных английских тред-юнионов, сорвать подготовляемый марксистами третий конгресс II Интернационала, внести раскол в международное рабочее движение. Энгельс решительно выступил против раскольнических действий лидеров английских тред-юнионов; он направил в Германию, Австрию, Францию аналогичные письма, в которых рекомендовал социалистическим партиям публично осудить маневры английских тред-юнионистов.

В ответном письме к Энгельсу от 2 октября 1892 г. Национальный совет Социалистической партии Испании сообщил, что он будет протестовать против действий английских тред-юнионов, и подтвердил свое одобрение решений Парижского и Брюссельского конгрессов II Интернационала. — *344.*

[332] *Парламентский комитет* — исполнительный орган возникшего в конце 60-х годов под названием Британский конгресс тред-юнионов объединения

профессиональных союзов Англии; с 1871 г. ежегодно избирался на конгрессах тред-юнионов и в периоды между конгрессами рассматривался как их руководящий центр. В его функции входило выдвижение тред-юнионистских кандидатов в парламент, поддержка законопроектов, вносимых в интересах тред-юнионов, подготовка очередных конгрессов. В составе Комитета преобладали реформистские элементы, проводившие политику в духе старого, консервативного тред-юнионизма и опиравшиеся на рабочую аристократию. В 1921 г. Парламентский комитет был заменен Генеральным советом Британского конгресса тред-юнионов. — *344.*

[333] Речь идет о подготовлявшемся съезде Американской федерации труда, который состоялся в Чикаго в декабре 1893 года. Основным решением этого съезда было признание необходимости политической деятельности рабочего класса и принятие программы, включавшей требование законодательного установления восьмичасового рабочего дня. Принятие этого решения свидетельствовало о росте влияния в американских профсоюзах прогрессивных сил, отражавших чаяния широких масс трудящихся. — *344.*

[334] В Марселе 19—23 сентября 1892 г. состоялся съезд Национальной федерации синдикатов, на котором наряду с другими вопросами (о праздновании Первого мая, о женском и детском труде в промышленности и др.), обсуждалось решение конгресса английских тред-юнионов в Глазго. На съезде было принято решение не принимать участие в созываемом тред-юнионами международном конгрессе по вопросу о восьмичасовом рабочем дне, а пригласить их представителей на Международный социалистический рабочий конгресс в Цюрих.

24—28 сентября того же года в Марселе состоялся съезд французской Рабочей партии (см. о нем примечание 503), который принял аналогичное решение. — *345.*

[335] Статья *«Президентские выборы в Америке»* была написана Энгельсом между 9 и 15 ноября 1892 г. в связи с приходом к власти в США демократической партии, представитель которой Кливленд был 8 ноября 1892 г. избран президентом вместо республиканца Гаррисона. Со сменой администрации в США Энгельс связывал надежду на отмену протекционистского тарифа Мак-Кинли, принятого в 1890 году. Этот тариф, проведенный в интересах обеспечения высоких прибылей капиталистов, в первую очередь монополистических объединений, резко повысил пошлины на ввоз в США промышленных изделий, что способствовало в свою очередь росту цен на предметы широкого потребления и ухудшению положения рабочего класса. Демократы, выступавшие во время предвыборной кампании против тарифа Мак-Кинли, провели в 1894 г. новый тариф, который хотя и снижал ставки тарифа 1890 г., но также носил ярко выраженный протекционистский характер.

Статья «Президентские выборы в Америке», помимо публикации в газете «Vorwarts», была перепечатана в газете «Wahler» № 270, 21 ноября 1892 г. и в «Arbeiter-Zeitung» № 48, 25 ноября 1892 года. — *246.*

[336] См. настоящее издание, т. 21, стр. 372—389. — *346.*

[337] Энгельс имеет в виду заметку: «Американская текстильная промышленность на китайском рынке», опубликованную в журнале «Neue Zeit» № 2, 1892 года. — *348.*

[338] О *картеле* см. примечание 7. — *348.*

[339] Данную биографию Карла Маркса Энгельс написал для выходившего в Йене «Handworterbuch der Staatswissenschaften» («Справочник по общественно-политическим наукам») по просьбе одного из его издателей Л. Эльстера. В связи с десятой годовщиной со дня смерти Маркса эта биография была напечатана также в «Arbeiter-Zeitung» № 11, 17 марта 1893 г. под заглавием «Жизненный путь Карла Маркса» и в болгарском журнале «Социалъ-демократъ» № 3, 1893 года. — *349.*

[340] К. Маркс. «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений», М., 1956, стр. 17—98). — *349.*

[341] Речь идет о статьях К. Маркса: «Дебаты шестого рейнского ландтага (статья первая). Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания», «Дебаты шестого рейнского ландтага (статья третья). Дебаты по поводу закона о краже леса» и «Оправдание мозельского корреспондента» (см. настоящее издание, т. 1, стр. 30—84, 119—160 и 187—217).

«Rheinische Zeitung fur Politik, Handel und Gewerbe» («Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности») — ежедневная газета, выходила в Кёльне с 1 января 1842 по 31 марта 1843 года. С апреля 1842 г. Маркс стал сотрудником «Rheinische Zeitung», а с октября того же года — одним из ее редакторов. В газете был опубликован также ряд статей Ф. Энгельса. При редакторстве Маркса газета стала принимать все более определенный революционно-демократический характер. Прусское правительство ввело для «Rheinische Zeitung» особо строгую цензуру, а затем закрыло ее. — *349.*

[342] *«Deutsche Jahrbucher»* — сокращенное название литературно-философского журнала младогегельянцев «Deutsche Jahrbucher fur Wissenschaft und Kunst» («Немецкий ежегодник по вопросам науки и искусства»); под данным названием издавался в Лейпциге под редакцией А. Руге с июля 1841 года. Ранее (1838—1841) журнал выходил в Галле (Пруссия) под названием «Hallische Jahrbucher fur deutsche Wissenschaft und Kunst» («Галлеский ежегодник по вопросам немецкой науки и искусства»). В январе 1843 г. журнал «Deutsche Jahrbucher» был закрыт саксонским правительством и запрещен постановлением Союзного сейма на всей территории Германии. — *350.*

[343] *«Deutsch-Franzosische Jahrbucher»* («Немецко-французский ежегодник») издавался в Париже под редакцией К. Маркса и А. Руге на немецком языке. Вышел в свет только первый, двойной выпуск в феврале 1844 года. В нем были опубликованы произведения К. Маркса «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права. Введение», а также произведения Ф. Энгельса «Наброски к критике политической экономии» и «Положение в Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее»» (см. настоящее издание, т. 1, стр. 382—413, 414—429, 544—571, 572—597). Эти работы знаменуют окончательный переход Маркса и Энгельса к материализму и коммунизму. — *350.*

[344] См. настоящее издание, т. 2, стр. 3—230. — *350.*

[345] *«Vorwarts!»* («Вперед!») — немецкая газета, выходила в Париже с января по декабрь 1844 г. два раза в неделю. В газете печатались

статьи Маркса и Энгельса. Под влиянием Маркса, который с лета 1844 г. стал принимать непосредственное участие в редактировании газеты, она начала приобретать коммунистический характер; газета развернула острую критику реакционных порядков в Пруссии. По требованию прусского правительства министерство Гизо в январе 1845 г. издало распоряжение о высылке Маркса и некоторых других сотрудников газеты из Франции; издание «Vorwarts!» прекратилось. — *350.*

[346] Ниже дается перевод списка произведений Маркса, составленного Энгельсом в связи с работой над статьей «Карл Маркс» (описки в датах исправлены):

ПРОИЗВЕДЕНИЯ МАРКСА

1) Докторская диссертация о философии Эпикура.

2) Статьи о дебатах рейнского провинциального ландтага по поводу закона о краже леса и о мозельских крестьянах в «Rheinische Zeitung», 1842.

3) То же в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher»: «Введение к критике гегелевской философии права» и «К еврейскому вопросу», 1844.

4) Совместно с Ф. Энгельсом. «Святое семейство». Франкфурт-на-Майне, 1845.

5) Небольшие статьи в парижской газете «Vorwarts!», 1844.

6) Статьи в «Deutsche-Brusseler-Zeitung», 1846—1847 [описка следует 1847—1848].

7) «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона». Брюссель и Париж, 1847.

8) «Речь о свободе торговли». Брюссель, 1848.

9) Совместно с Ф. Энгельсом. «Манифест Коммунистической партии». Лондон, 1848. Переведено на все языки.

10) Статьи в «Neue Rheinische Zeitung», передовые статьи и т. д., «Наемный труд и капитал».

11) Защитительные речи в брошюре «Два политических процесса». Кёльн, 1849.

12) В «Neue Rheinische Zeitung, Revue», Гамбург, 1850: «С 1848 по 1849» (о февральской революции во Франции) и совместно с Энгельсом критические статьи и месячные обзоры.

13) «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Нью-Йорк, 1852 (3 издание, Гамбург, 18[85]), французский перевод 1891.

14) «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов». Бостон, 1853 (Хоттинген-Цюрих, 1885).

15) Статьи в «New-York Tribune», 1852—1861. Некоторые из них о Пальмерстоне (печатались и распространялись в Лондоне в виде памфлетов в 1856—1857).

16) «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» в газетах «Free Press» (Шеффилд, 28 июня 1856 — Лондон, 1 апреля 1857).

17) Статьи о дипломатических переговорах до и во время войны 1859 г. в газете «Volk», Лондон, 1859.

18) «К критике политической экономии». Выпуск I, Берлин, 1859.

19) «Господин Фогт». Лондон, 1860.

20) Учредительный Манифест Интернационала 1864 и все публикации Генерального Совета, включая «Гражданскую войну во Франции» 1871. Переведено почти на все европейские языки.

21) «Капитал. Критика политической экономии». Книга I, Гамбург, 1867. 4 издание, 1890. Переведено на русский, французский, английский языки.

22) (посмертно) «Капитал». Том II (книга II). Издано Ф. Энгельсом, Гамбург, 1885, 2 издание, 1893, находится в печати.

23) (посмертно) «Капитал». Том III (книга III), то же, выйдет в 1893. — *351.*

[347] См. настоящее издание, т. 4, стр. 65—185 и 404—418. — *353.*

[348] *«Deutsche-Brusseler-Zeitung»* («Немецкая брюссельская газета»), основанная немецкими политическими эмигрантами в Брюсселе, выходила с января 1847 по февраль 1848 года. Первоначально направление газеты определялось стремлением ее редактора, мелкобуржуазного демократа Борнштедта, примирить различные течения радикального и демократического лагеря. Однако уже с лета 1847 г. газета, благодаря выступлениям на ее страницах Маркса и Энгельса и их соратников, все больше становилась рупором революционно-демократических и коммунистических идей. С сентября 1847 г. Маркс и Энгельс сделались постоянными сотрудниками газеты и стали оказывать непосредственное влияние на ее направление, фактически сосредоточив в последние месяцы 1847 г. в своих руках ее редакционные дела. Под руководством Маркса и Энгельса газета стала органом формировавшейся революционной партии пролетариата — Союза коммунистов. Маркс опубликовал в газете свои статьи: «Коммунизм газеты «Rheinischer Beobachter»», «Морализирующая критика и критизирующая мораль. К истории немецкой культуры. Против Карла Гейнцена» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 194—207 и 291—321) и другие. В «Deutsche-Brusseler-Zeitung» были опубликованы также статьи Энгельса «Немецкий социализм в стихах и в прозе», «Коммунисты и Карл Гейнцен», «Движения 1847 года», «Начало конца Австрии» (см. там же, стр. 208—248, 268— 285. 460—470, 471—478) и другие. — *353.*

[349] *Союз коммунистов* — первая международная коммунистическая организация, созданная под руководством Маркса и Энгельса в начале июня 1847 г. в Лондоне в результате реорганизации Союза справедливых — возникшего в 30-х годах тайного общества рабочих и ремесленников. Руководители Союза справедливых в конце января 1847 г. предложили Марксу и Энгельсу вступить в Союз и принять участие в его реорганизации на основе провозглашенных ими принципов, на что основоположники марксизма дали свое согласие. Программные и организационные принципы Союза коммунистов были выработаны Марксом и Энгельсом и утверждены на его первом и втором конгрессах (начало июня 1847 и 29 ноября — 8 декабря 1847 г.). По поручению второго конгресса Союза Марксом и Энгельсом был написан «Манифест Коммунистической партии», опубликованный в феврале 1848 г. (см. настоящее издание, т. 4, стр. 419—459).

С началом революции во Франции Центральный комитет Союза в Лондоне передал в конце февраля 1848 г. руководство Союзом Брюссельскому окружному комитету во главе с Марксом. После высылки Маркса из Брюсселя местопребыванием нового Центрального комитета в начале марта становится Париж, куда переезжает Маркс. В состав Центрального комитета избирается также Энгельс.

Во второй половине марта — начале апреля 1848 г. Маркс, Энгельс и несколько сотен немецких рабочих, в большинстве члены Союза

коммунистов, возвращаются на родину для участия в начавшейся германской революции. Политической платформой Союза коммунистов в этой революции явились сформулированные Марксом и Энгельсом в конце марта «Требования Коммунистической партии в Германии» (см. настоящее издание, т. 5, стр. 1—3). Руководящими направляющим центром для членов Союза коммунистов явилась в это время редактируемая Марксом «Neue Rheinische Zeitung».

Хотя поражение революции и нанесло удар Союзу коммунистов, но в 1849—1850 гг. он был реорганизован и продолжал свою деятельность. В написанном Марксом и Энгельсом в марте 1850 г. «Обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов» (см. настоящее издание, т. 7, стр. 257—267) подводились итоги революции 1848—1849 гг. и выдвигалась задача создания самостоятельной партии пролетариата. Летом 1850 г. в Центральном комитете Союза коммунистов обострились принципиальные разногласия по вопросу о тактике. Большинство Центрального комитета во главе с Марксом и Энгельсом решительно выступило против предлагаемой фракцией Виллиха — Шаппера сектантской, авантюристической тактики немедленного развязывания революции без учета объективных закономерностей и реальной политической обстановки в Германии и в других странах Европы. Раскольническая деятельность фракции Виллиха — Шаппера привела к разрыву с этой фракцией в середине сентября 1850 года. Полицейские преследования и аресты членов Союза привели в мае 1851 г. к фактическому прекращению деятельности Союза коммунистов в Германии. 17 ноября 1852 г., вскоре после кёльнского процесса коммунистов, Союз по предложению Маркса объявил о своем роспуске, но члены его продолжали свою работу по выковыванию кадров для будущих революционных боев.

Союз коммунистов сыграл большую историческую роль как школа пролетарских революционеров, как зародыш пролетарской партии, предшественник Международного Товарищества Рабочих. — *353.*

[350] На судебном процессе «Neue Rheinische Zeitung» 7 февраля 1849 г. Марксу как главному редактору газеты, Энгельсу как соредактору и Г. Корфу как ответственному издателю было предъявлено обвинение в том, что в статье «Аресты», напечатанной в газете 5 июля 1848 г. (см. настоящее издание, т. 5, стр. 172—174), якобы содержались оскорбление и клевета по адресу представителей прусских властей и жандармов. Речи Маркса и Энгельса на этом процессе см. в настоящем издании, т. 6, стр. 235—247, 248—253.

На судебном процессе 8 февраля 1849 г. Маркс обвинялся как член Рейнского окружного комитета демократов в подстрекательстве к мятежу в связи с подписанием им вместе с К. Шаппером и адвокатом Шнейдером II воззвания этого комитета от 18 ноября 1848 г. об отказе от уплаты налогов (см. настоящее издание, т. 6, стр. 33). Защитительную речь Маркса на этом процессе см. там же, стр. 254—272. — *363.*

[351] *13 июня* 1849 г. в Париже мелкобуржуазная партия Горы организовала мирную демонстрацию протеста против посылки французских войск для подавления революции в Италии в нарушение конституции Французской республики, запрещавшей применять французские войска против свободы другого народа. Провал этой демонстрации, разогнанной войсками, подтвердил банкротство мелкобуржуазной демократии во Франции. После 13 июня начались репрессии против демократов, в том числе и против иностранцев. — *354.*

[352] *«Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue»* («Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение») — журнал, основанный Марксом и Энгельсом в декабре 1849 г. и издававшийся ими по ноябрь 1850 года. Журнал являлся теоретическим и политическим органом Союза коммунистов, продолжением «Neue Rheinische Zeitung». Всего с марта по ноябрь 1850 г. вышло шесть выпусков журнала, в том числе один сдвоенный выпуск (5—6). Редактировался журнал в Лондоне, печатался в Гамбурге. Подавляющая часть материалов (статьи, обзоры, рецензии) была написана Марксом и Энгельсом, которые также привлекали к сотрудничеству своих сторонников — В. Вольфа, И. Вейдемейера, Г. Эккариуса. Из произведений основоположников марксизма в журнале были опубликованы «Классовая борьба во Франции» Маркса, «Германская кампания за имперскую конституцию» и «Крестьянская война в Германии» Энгельса, а также ряд других работ. В работах, опубликованных в журнале, подводился итог революции 1848—1849 гг., содержалась дальнейшая разработка теории и тактики революционной пролетарской партии. Журнал прекратил свое существование вследствие полицейских притеснений в Германии и отсутствия материальных средств. — *354.*

[353] См. настоящее издание, т. 8, стр. 115—217. — *354.*

[354] См. настоящее издание, т. 8, стр. 423—491. — *354.*

[355] *«New-York Daily Tribune»* («Нью-йоркская ежедневная трибуна») — американская газета, выходившая с 1841 по 1924 год. До середины 50-х годов была органом левого крыла американских вигов, а затем органом республиканской партии. В 40—50-х годах газета стояла на прогрессивных позициях и выступала против рабовладения. Сотрудничество Маркса в газете началось в августе 1851 г. и продолжалось свыше 10 лет, по март 1862 года; большое число статей для «New-York Daily Tribune» было по просьбе Маркса написано Энгельсом. В прекращении сотрудничества Маркса в газете в начале Гражданской войны в США решающую роль сыграло усиление в ее редакции сторонников компромисса с рабовладельческими штатами и отход газеты от прогрессивных позиций. — *354.*

[356] К. Маркс. «Лорд Пальмерстон» (см. настоящее издание, т. 9, стр. 357— 425). — *354.*

[357] См. настоящее издание, т. 14, стр. 395—691. — *354.*

[358] См. настоящее издание, т. 13, стр. 1—167. — *354.*

[359] Энгельс имеет в виду экономические рукописи Маркса 1861—1863 годов. В настоящем издании эта работа составит т. 26, выпускаемый в трех частях. — *354.*

[360] См. настоящее издание, т. 23. — *354.*

[361] Энгельс имеет в виду борьбу, развернувшуюся при выработке программных документов Международного Товарищества Рабочих во Временном комитете, который был избран на учредительном собрании в Сент-Мартинс-холле 28 сентября 1864 г., и в назначенной этим

Комитетом для составления программных документов комиссии. Мадзини, действуя через своего сторонника Вольфа, входившего в состав Комитета, попытался 8 октября 1864 г. навязать комиссии в качестве программных документов устав итальянских рабочих обществ, составленный в духе буржуазной демократии и заговорщических принципов. На заседании Временного комитета 18 октября Маркс впервые ознакомился с мадзинистским документом и подверг его критике; по настоянию Маркса документ был фактически отклонен под предлогом необходимости передачи его комиссии для окончательной редакции. 20 октября комиссия поручила эту работу Марксу, а 27 октября одобрила написанные им два совершенно новых документа: «Учредительный Манифест Международного Товарищества Рабочих» и «Временный Устав Товарищества» (см. настоящее издание, т. 16, стр. 3—11 и 12—15). 1 ноября 1864 г. Манифест и Устав были единогласно утверждены Временным комитетом (позднее стал называться Генеральным Советом), который конституировался как руководящий орган Товарищества. — *355.*

362 См. настоящее издание, т. 17, стр. 317—370. — *355.*

363 См. примечание 134. — *356.*

364 Ф. Энгельс. «Карл Маркс» (см. настоящее издание, т. 19, стр. 105— 115).

«*Volks-Kalender»* («Народный календарь») — социал-демократический альманах, издавался в Брауншвейге с 1875 по 1879 г., главным редактором и издателем был В. Бракке. — *356.*

365 Ниже приводится перевод списка произведений Энгельса; список был составлен Энгельсом первоначально, по-видимому, в 1889 г. и позднее был им дополнен, вероятно, в конце 1892 г. (в связи с этим некоторые издания упомянутых в начальной части списка работ, вышедшие между 1889—1892 гг., не указаны; описки в датах исправлены).

1) (Совместно с К. Марксом). «Святое семейство. Против Бруно Бауэра и компании». Сочинение Фридриха Энгельса и Карла Маркса. Франкфурт-на-Майне, 1845.

2) «Положение рабочего класса в Англии. По собственным наблюдениям и достоверным источникам». Лейпциг, 1845. Английский перевод, Нью-Йорк, 1887.

3) (Совместно с К. Марксом, анонимно). «Манифест Коммунистической партии». Лондон, 1848. Переведено на все языки.

Работа в качестве соредактора, соответственно главного редактора (замещая Маркса) в «Neue Rheinische Zeitung». Кёльн, 1 июня 1848 — 19 мая 1849.

То же в «Neue Rheinische Zeitung. Revue», Гамбург, 1850.

6) «Военный вопрос в Пруссии и Немецкая рабочая партия». Гамбург, 1865.

7) «Крестьянская война в Германии». Перепечатка из № 5—6 «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue», Лейпциг, Типографское товарищество, 1 издание, [1850], 2 издание, [1870], 3 издание, 1875.

8) «К жилищному вопросу», 3 выпуска. Перепечатка из «Volksstaat». 1 издание, Лейпциг, Типографское товарищество, 1872. 2 издание, Цюрих, Народное издательство, 1887.

9) «О социальном вопросе в России». Перепечатка из «Volksstaat». Лейпциг, Типографское товарищество, 1875.

10) «Прусская водка в германском рейхстаге». Лейпциг, Типографское товарищество, 1876.

11) «Бакунисты за работой. Записки о восстании в Испании». Перепечатка из «Volksstaat». Лейпциг, Типографское товарищество, [1874].

12) «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом». Перепечатка из «Volksstaat», соответственно «Vorwarts». 1 издание, Лейпциг, Типографское товарищество, 1878. 2 издание, Цюрих, Швейцарское народное издательство, 1886.

13) «Развитие социализма от утопии к науке». 1, 2 и 3 издания, все 1883 г., Цюрих, Народное издательство (имеются французский, русский, польский, итальянский, испанский, румынский, датский, голландский переводы).

14) «Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана». Цюрих, Шабелиц, 1884. 2 издание, Штутгарт, Диц, [1886]. 3 издание подготовляется. (Ведется работа над итальянским, румынским, датским, французским переводами).

15) «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Перепечатка из «Neue Zeit». Штутгарт, Диц, 1888.

4) «По и Рейн». Берлин, Ф. Дункер, 1859.

5) «Савойя, Ницца и Рейн». Берлин, Берендс, 1860.

16) «Брентано contra Маркс, по поводу мнимой фальсификации цитаты». Гамбург, 1891.

Предисловия и введения к:

3) К. Маркс. «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» Прудона». Немецкий перевод Э. Бернштейна и К. Каутского. Штутгарт, Диц, 1885 (Предисловие, против Родбертуса).

1) К. Маркс. «Капитал», том I. К 3 изданию, 1883 и к 4 изданию (против Л. Брентано), 1890.

1) К. Маркс. «Капитал», том II. Предисловие (против Родбертуса), 1885.

4) «К. Маркс перед судом присяжных в Кёльне», 1849. Новая перепечатка из «Neue Rheinische Zeitung», 1849. Цюрих, Народное издательство, 1885 (Предисловие).

5) К. Маркс. «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов». Новая перепечатка. Цюрих, Народное издательство, 1885 (Введение: «К истории Союза коммунистов»).

6) В. Вольф. «Силезский миллиард». Перепечатка из «Neue Rheinische Zeitung», 1849. Цюрих, Народное издательство (Введение: Биография В. Вольфа и «К истории прусского крестьянства»), [1886].

7) С. Боркхейм. «На память ура-патриотам 1806—1807 годов». Цюрих, Народное издательство, 1888 (Введение: биография С. Боркхейма).

1) К. Маркс. «Капитал. Критика политической экономии». Перевод с 3 немецкого издания С. Мура и Э. Эвелинга, издано Ф. Энгельсом. Лондон, Зонненшайн, 1887 (Редакция перевода и предисловие).

2) К. Маркс. «Речь о свободе торговли, произнесенная в Брюсселе», 1846 [описка, следует 1848]. Перевод Ф. К. Вишневецкой. Бостон и Лондон, 1888 (Предисловие о свободе торговли, на немецком языке в «Neue Zeit»).

3) Ф. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии в 1844 году». Перевод Ф. К. Вишневецкой. Нью-Йорк, Лавелл, 1887 (Приложение и предисловие) (Последнее вышло также отдельным изданием: «Рабочее движение в Америке», на английском и немецком языках, 1887,

Нью-Йорк; перепечатка, Лондон, Ривс, 1887. На немецком языке также в «Neue Zeit»). *2 издание, Лондон, Зонненшайн,* 1892 (частично новый текст предисловия).

Только в журнале «Neue Zeit»: «Внешняя политика русского царизма», май 1890. (На русском языке в журнале «Социаль-демократ», Лондон, 1890, I и II, на английском языке в журнале «Time», апрель и май 1890, на французском языке в журнале «Idée nouvelle», на румынском языке в журнале «Contemporanul», май — июль 1890).

4) Ф. Энгельс. «Утопический социализм и научный социализм». — *357* и *358.*

[366] Имеется в виду написанное К. Марксом неоконченное введение к задуманному им труду по истории дипломатии Англии и России XVIII века; впервые публиковалось в газетах «Sheffield Free Press» и лондонской «Free Press» в июне 1856 — апреле 1857 г. под заглавием «Revelations of the Diplomatic History of the 18th Century». В 1899 г. издано в Лондоне в виде отдельной книги дочерью Маркса Элеонорой Эвелинг под названием «Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century» («Тайная дипломатическая история XVIII века»).

«The Free Press» («Свободная пресса»; выходила в Лондоне в 1855—1856 гг.) и *«The Sheffield Free Press»* («Шеффилдская свободная пресса»; выходила в Шеффилде в 1851—1857 гг.) — английские буржуазные газеты, издававшиеся Уркартом и его сторонниками. — *359.*

[367] Энгельс имеет в виду статьи Маркса «Шпрее и Минчо», «Эрфуртовщина в 1859 году», «Quid pro quo», опубликованные в газете «Volk» в июне — августе 1859 года (см. настоящее издание, т. 13, стр. 406—409, 432—434, 470—488).

«Das Volk» («Народ») — еженедельная газета, выходила на немецком языке в Лондоне с 7 мая по 20 августа 1859 года. Была основана как официальный орган лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих. Первый номер вышел под редакцией немецкого публициста, мелкобуржуазного демократа Эларда Бискампа. Начиная с № 2, газета выходила при ближайшем участии Маркса. С начала июля Маркс фактически сделался редактором газеты, которая становится органом пролетарских революционеров. На страницах газеты «Volk» находила свое отражение разработка Марксом и Энгельсом вопросов революционной теории и тактики. В газете анализировались с позиций пролетарского интернационализма события Итальянской войны 1859 г., вопросы объединения Германии и Италии, велась последовательная борьба против бонапартизма. Всего вышло 16 номеров газеты. Выход газеты прекратился из-за отсутствия денежных средств. — *359.*

[368] Заявление в редакцию газеты «Berliner Volks-Tribune» было написано Энгельсом в связи с публикацией на страницах этой газеты серии статей «Юрская федерация и Михаил Бакунин». В этих статьях, основанных почти исключительно на бакунистских материалах, фальсифицированно освещалась история организаций I Интернационала в Швейцарии, оправдывалась подрывная раскольническая деятельность бакунистов, особенно анархистской Юрской федерации, образованной после вызванного бакунистами на съезде в Шо-де-Фоне 4—6 апреля 1870 г. раскола в секциях Интернационала Романской Швейцарии. В статьях воспроизводился ряд клеветнических вымыслов о Генеральном Совете, о Марксе и его соратниках, в частности Иоганне Филиппе

Беккере. Особенно много искажений исторических фактов содержалось в десятой статье, опубликованной 12 ноября 1892 года. Энгельс решил выступить с опровержением, не дожидаясь окончания публикации всех статей. Направляя свое заявление в Берлин Бебелю для передачи его в редакцию «Berliner Volks-Tribune», Энгельс в письме 15 ноября 1892 г. просил Бебеля позаботиться о том, чтобы оно было напечатано в ближайшем номере газеты, ибо нельзя был® «позволить плести эту ложь и дальше».

Заявление Энгельса было опубликовано в «Berliner Volks-Tribune» 19 ноября 1892 г., а 24 декабря 1892 г. в газете появился, наряду с тринадцатой статьей, ответ автора серии, швейцарского социалиста Луи Эритье. В своем ответе на заявление, а также специальном письме к Энгельсу от 25 декабря 1892 г. Эритье пытался в довольно развязном тоне опровергнуть обвинение в извращении истории I Интернационала. 20 января 1893 г. Энгельс написал Эритье ответное письмо, в котором разоблачил его увертки и попытку снять с себя ответственность за искажение фактов и освещение их в тенденциозном бакунистском духе, дав понять,что не допустит фальсификации истории I Интернационала.—*361.*

[369] Лондонская конференция I Интернационала — см. примечание 109. — 361.

[370] Энгельс сопоставляет формулировку этого важнейшего положения, данную в мотивировочной части Временного Устава (1864), Общего Устава (1871) Международного Товарищества Рабочих (см. настоящее издание, т. 16, стр. 12 и т. 17, стр. 445), с его искаженной формулировкой во французском переводе Устава, сделанном правым прудонистом Толеном и выпущенном в 1866 году. — 362.

[371] Женевский конгресс I Интернационала — см. примечание 97. — 362.

[372] Имеется в виду «Общий Устав и Организационный регламент Международного Товарищества Рабочих», опубликованный в 1871 году (см. настоящее издание, т. 17, стр. 445—460). — 362.

[373] Энгельс излагает содержание резолюции Лондонской конференции о расколе в Романской Швейцарии (см. настоящее издание, т. 17, стр. 432—435). — 363.

[374] Альянс социалистической демократии — организация, основанная Бакуниным в Женеве в 1868 году. Члены Альянса провозгласили своей программой уравнение классов и упразднение государства. Они отрицали необходимость политической борьбы для рабочего класса. Мелкобуржуазная анархистская программа Альянса нашла поддержку в слаборазвитых в промышленном отношении областях Италии, Швейцарии, Испании и других стран. В 1869 г. Альянс обратился в Генеральный Совет с просьбой о приеме его в Интернационал. Генеральный Совет согласился принять секции Альянса при условии роспуска его как самостоятельной организации. В действительности же, вступив в Интернационал, члены Альянса сохранили свою тайную организацию внутри Международного Товарищества Рабочих и во главе с Бакуниным повели борьбу против Генерального Совета. Борьба Альянса против Интернационала усилилась после подавления Парижской Коммуны, когда Бакунин и его сторонники особенно резко выступили против идеи диктатуры пролетариата и укрепления самостоятельной политической партии рабочего класса, основанной на принципах

демократического централизма. Гаагский конгресс I Интернационала в сентябре 1872 г. подавляющим большинством голосов принял решение об исключении вожаков Альянса — Бакунина и Гильома — из Интернационала. — *363.*

[375] См. примечание 134. — *363.*

[376] Работа К. Маркса и Ф. Энгельса «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» (см. настоящее издание, т. 18, стр. 323—452) была издана на французском языке; в редактировании немецкого перевода, изданного под заглавием «Ein Complot gegen die Internationale Arbeiter-Association» («Заговор против Международного Товарищества Рабочих»), непосредственное участие принимал Энгельс. — *363.*

[377] Источником для статьи Энгельса «Вновь открытый пример группового брака» послужил опубликованный в газете «Русские Ведомости» № 284 от 14 октября 1892 г. отчет о результатах изучения русским этнографом Л. Я. Штернбергом быта и общественного устройства сахалинских гиляков (нивхов). Текст отчета был почти целиком воспроизведен Энгельсом в его статье в собственном переводе на немецкий язык с незначительными отступлениями от оригинала, вызванными стремлением уточнить и сделать более ясными отдельные места.

«Русские Ведомости» — общественно-политическая газета, орган либеральных помещиков и буржуазии; издавалась в Москве с 1863 по 1918 г., в 1863—1867 гг. выходила 3 раза в неделю, с 1868 г. — ежедневно. — *364.*

[378] См. настоящее издание, т. 21, стр. 49—50. — *365.*

[379] *Гиляки* — прежнее название нивхов, народности, живущей в районе нижнего течения Амура и в северной и средней части острова Сахалин. — *365.*

[380] *Законы Двенадцати таблиц* — древнейший памятник римского права. Были составлены в середине V в. до н. э. в результате борьбы плебеев против патрициев и заменили ранее действовавшее в Риме обычное право; эти законы отразили процессы имущественного расслоения римского общества; законы были записаны на двенадцати досках (таблицах). — *366.*

[381] *«Этнографическое обозрение»* — русский журнал, издавался этнографическим отделом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете с 1889 по 1916 г., выходил 4 раза в год.

Статья Штернберга «Сахалинские гиляки» была напечатана в № 2 журнала за 1893 год. — *367.*

[382] Данное письмо написано Энгельсом в ответ на приглашение на II съезд Социал-демократической партии Венгрии, посланное руководством партии через редакцию газеты «Arbeiterpresse» в конце декабря 1892 года.

II съезд Социал-демократической партии Венгрии состоялся в Будапеште 6—8 января 1893 года. Перед съездом и на нем развернулась борьба между оппортунистическим крылом партии, возглавляе-

мым руководством Всеобщей рабочей больничной и инвалидной страховой кассы, и революционным крылом во главе с П. Энгельманом. Использовав свое влияние на ремесленников и квалифицированных рабочих, составлявших большинство членов партии, оппортунисты добились на съезде утверждения ранее принятого ими решения (в декабре 1892 г.) об исключении Энгельмана и его сторонников из партии, ложно обвинив Энгельмана в злоупотреблении партийными средствами и в нарушении демократии. Чтобы замаскировать свою расправу с представителями революционного крыла партии, оппортунисты намеренно сводили всю борьбу к личным разногласиям, заявив об этом на съезде и в докладе партии Цюрихскому конгрессу II Интернационала 1893 года. Съезд принял также организационный устав партии.

Оппортунистическое руководство Социал-демократической партии Венгрии скрыло от съезда приветственное письмо Энгельса, в котором он высказался за мирное разрешение разногласий, и не опубликовало его в партийной печати. — *368.*

[383] Данная статья была написана Энгельсом в связи с арестами польских эмигрантов во Франции по обвинению в подготовке покушения на Александра III. Сообщение об этих арестах Энгельс получил от польской социалистки Марии Мендельсон и немедленно выступил в защиту польских революционеров с разоблачением сотрудничества французской и царской полиции. Статья была опубликована в газете «Vorwarts» № 11, 13 января 1893 г. в разделе «Политическое обозрение» без подписи. Редакция предпослала статье следующее вводное замечание: «По поводу недавней проделки парижской полиции, о которой мы уже вкратце сообщили вчера, нам пишут из самых компетентных кругов». — *369.*

[384] *Панамский скандал* — мошенническая афера, связанная с подкупом французских государственных деятелей, должностных лиц и прессы акционерной компанией Панамского канала, которая была основана во Франции по инициативе инженера и дельца Ф. Лессепса в 1879 г. для прорытия канала через Панамский перешеек. В конце 1888 г. эта компания потерпела крах, вызвав массовое разорение мелких акционеров и многочисленные банкротства. Позднее, в 1892 г., стало известно, что ради сокрытия своего истинного финансового положения и злоупотреблений с собранными средствами компания широко прибегала к подкупу и взяткам, в получении которых оказались виновными бывшие председатели совета министров Франции Фрейсине, Рувье, Флоке и другие высокопоставленные лица. Дело компании Панамского канала было замято буржуазной юстицией, ограничившейся осуждением второстепенных лиц, в том числе главы компании Лессепса. Слово «панама» стало нарицательным для обозначения крупных мошеннических афер.

Энгельс называет Французскую республику «оппортунистически-радикальной», имея в виду две основные буржуазные правящие партии Франции — умеренных буржуазных республиканцев (так называемых «оппортунистов»), выражавших интересы крупной буржуазии, и радикалов — парламентской группы, отколовшейся от «оппортунистов» и продолжавшей отстаивать ряд фактически отброшенных ими буржуазно-демократических требований; в 1901 г. радикалы организационно оформились в партию, представлявшую интересы главным образом средней и мелкой буржуазии. — *369.*

[385] Энгельс имеет в виду визит французской эскадры под командованием адмирала Жерве в Кронштадт в июле 1891 года (см. примечание 254). — *370.*

[386] Статья *«Об итальянской панаме»* была написана Энгельсом в связи с происходившими в декабре 1892 — январе 1893 г. в итальянском парламенте дебатами по вопросу о злоупотреблениях в Римском банке; поводом к дебатам послужило выступление депутата Колаянни. Раскрывшиеся в ходе дебатов скандальные аферы, в которых были замешаны некоторые государственные деятели, многие члены парламента, адвокаты, журналисты и частные лица, получили название panamino (маленькой панамы). При написании статьи Энгельс использовал материалы (парламентские отчеты, газеты), присланные ему итальянским ученым философом-социалистом Антонио Лабриолой, с которым Энгельс в то время переписывался. Учитывая, что за их перепиской следили итальянские власти, Энгельс опубликовал статью анонимно, ибо подпись, как он указывал в письме Либкнехту от 29 января 1893 г., могла «навести молодчиков в Риме на след моего итальянского осведомителя». — *371.*

[387] *Вельфский фонд* — специальный фонд, находившийся в личном распоряжении Бисмарка и предназначенный для подкупа прессы. — *371.*

[388] *«Corriere di Napoli»* («Неаполитанский курьер») — итальянская ежедневная газета умеренно-либерального направления; основана в 1888 году. — *375.*

[389] «*Il Secolo*» («Век») — итальянская ежедневная газета радикального направления; выходила в Милане с 1866 года. — *375.*

[390] *«Il Parlamento»* («Парламент») — итальянская газета умеренно-либерального направления; выходила в Турине с 1853 года. — *377.*

[391] Данное предисловие было написано Энгельсом на французском языке по просьбе Турати к отдельному итальянскому изданию «Манифеста Коммунистической партии», вышедшему в 1893 г. в Милане в издательстве журнала «Critica Sociale» в переводе П. Беттини (перевод предисловия был сделан Турати). В книгу было включено также предисловие Энгельса к четвертому авторизованному немецкому изданию «Манифеста» 1890 г., которое Энгельс также послал Турати по его просьбе в январе 1893 года. — *381.*

[392] См. примечание 278. — *381.*

[393] Работа *«Может ли Европа разоружиться?»* была написана Энгельсом в феврале 1893 г. в связи с обсуждением в германском рейхстаге внесенного правительством проекта военного закона. Проект предусматривал значительное увеличение армии и дополнительные ассигнования на военные расходы, чрезмерные размеры которых вызывали недовольство широких слоев населения; это побудило даже некоторые буржуазные партии выступить против законопроекта, и в мае 1893 г. он был отвергнут большинством рейхстага. Однако в июле 1893 г., после роспуска рейхстага и новых выборов, аналогичный проект военного закона был утвержден рейхстагом.

Непосредственным поводом к написанию работы послужило обращение к Энгельсу, Бебеля с просьбой высказать свое мнение о позиции, которую в этом вопросе должна занять социал-демократическая фракция рейхстага. Отправив рукопись в Берлин для публикации в газете «Vorwarts», Энгельс в письме к Бебелю от 24 февраля 1893 г. предложил опубликовать ее в газете в виде серии из восьми статей, что и было сделано. В конце марта 1893 г. работа была издана в виде отдельного оттиска. К этой брошюре Энгельс написал специальное предисловие.

Серия статей Энгельса была перепечатана также в социал-демократической газете «Wahler» №№ 65, 66 и 68 и в приложении к №№ 69, 70, 71, 72 и 74 от 20, 21, 23, 24, 25, 27, 28 и 30 марта 1893 года. Во вводном редакционном замечании отмечалось, что работа Энгельса представляет всеобщий интерес. — *383.*

[394] *Ландвер* — составная часть немецких военно-сухопутных сил. Ландвер, возникший в Пруссии в 1813 г. как народное ополчение в борьбе против наполеоновских войск, охватывал военнообязанных старших возрастов, отбывших свой срок службы в постоянной армии и в ее резерве. В мирное время проводились только отдельные учебные сборы частей ландвера. Во время войны ландвер использовался для пополнения действующей армии, а также — ландвер старших возрастов — для несения гарнизонной службы.

Во второй половине XIX в. организация резерва по образцу прусского ландвера была принята во многих странах, в частности в Австро-Венгрии. — *387.*

[395] *Франкфуртский мир* — см. примечание 195.

Тильзитский мир — см. примечание 34. — *388.*

[396] *Территориальная армия* — с 1872 г. часть вооруженных сил Франции, формируемая во время войны для несения тыловой, гарнизонной и охранной службы. В территориальную армию на 6 лет и на 6 лет в ее резерв зачислялись военнообязанные старших возрастов, отбывшие срок службы в постоянной армии и ее резерве.

Ландштурм — военное ополчение, возникшее в Пруссии в 1813— 1814 годах. По закону от 1867 г. ландштурм должен был формироваться из военнообязанных в возрасте от 17 до 42 лет, не проходивших службу в армии и флоте, и призываться лишь в случае угрозы иностранного вторжения. — *388.*

[397] Сражение при *Вёрте* (Эльзас) — одно из первых крупных сражений франко-прусской войны, происшедшее 6 августа 1870 г., окончилось поражением французских войск под командованием Мак-Магона.

Сражение при *Седане* — см. примечание 194.

В сражении при *Шпихерне* (Лотарингия) 6 августа 1870 г. прусскими войсками был разбит 2-й корпус французской армии под командованием генерала Фроссара. В исторической литературе сражение при Шпихерне называется также сражением при Форбахе. — *390.*

[398] Имеется в виду речь Бебеля о принципах государства будущего, произнесенная им в рейхстаге 3 февраля 1893 года.

Эрзац-резервом в прусской, а позднее в германской армий называлась часть резерва, состоявшая из лиц призывного возраста которые в мирное время по разным причинам получили отсрочку от

действительной военной службы; эрзац-резерв, срок пребывания в котором в 1874 г. был установлен в 12 лет, использовался для пополнения армии во время мобилизации. — *391.*

[399] Речь идет о принятии Гессен-Дармштадтом прусской военной системы после создания в 1867 г. во главе с Пруссией Северогерманского союза, в состав которого вошла часть территории этого герцогства. — *391.*

[400] В сентябре 1841 — октябре 1842 г. Энгельс отбывал воинскую повинность в качестве вольноопределяющегося в прусской гвардейской артиллерийской бригаде.

Купферграбен — канал в Берлине, близ которого находились казармы бригады. — *394.*

[401] Энгельс имеет в виду свою поездку в Бармен в связи со смертью отца в конце марта — начале апреля 1860 года. — *396.*

[402] Энгельс ссылается на редакционную статью «Старые уловки», напечатанную во «Freisinnige Zeitung» 26 ноября 1892 г., в которой содержалась критика проекта нового военного закона.

«Freisinnige Zeitung» («Свободомыслящая газета») — ежедневная немецкая газета, орган Немецкой свободомыслящей партии, выходила в Берлине с 1885 по 1918 год; руководителем газеты был Рихтер. — *401.*

[403] *Парижский заем* — см. примечание 255. — *408.*

[404] При публикации работы Энгельса в газете «Vorwarts» (№ 58, 9 марта 1893 г.) данный абзац был опущен. Вместо него редакция поместила в скобках следующее замечание: «Энгельс указывает здесь на последствия, до которых в прежние времена отчаяние часто доводило солдат, подвергавшихся дурному обращению. Мы не воспроизводим эти данные, какими бы объективными они ни были, потому что знакомы с судебной практикой, которая очень часто в объективном изложении фактов с целью предостережения усматривала *намерение* вызвать повторение подобных фактов».

Купюры, сделанные в тексте редакцией «Vorwarts», и соображения, побудившие ее это сделать, свидетельствуют о том, что редакция газеты была напугана революционным тоном работы Энгельса, содержащей в этом месте прямой призыв к сопротивлению против насилия и произвола, чинимого над солдатами. В отдельном оттиске опущенный абзац был восстановлен, а замечание редакции снято. — *410.*

[405] О поражении при *Йене* см. примечание 34. — *411.*

[406] *Тройственный союз* — агрессивный военно-политический блок Германии, Австро-Венгрии и Италии, направленный против Франции и России. Окончательно оформился в 1882 г. в результате присоединения Италии к австро-германскому военному союзу, заключенному в 1879 году. Договор о Тройственном союзе был подписан сроком на пять лет, но возобновлялся в 1887 и 1891 гг., а затем автоматически продлевался в 1902 и 1912 годах. Образование Тройственного союза положило начало разделению Европы на два крупных враждебных лагеря, что привело в конечном счете к первой мировой империалистической войне 1914—1918 годов. С началом войны Италия вышла из

союза и в 1915 г. примкнула к воюющим против Германии и Австро-Венгрии державам. — *413.*

[407] *Пражский мирный договор,* подписанный 23 августа 1866 г., завершил австро-прусскую войну 1866 года. Договор закрепил вынужденный отказ Австрии, потерпевшей в войне поражение, от борьбы с Пруссией за гегемонию в Германии и ее согласие на образование Северогерманского союза под прусским главенством. Согласно статье V договора Австрия уступала Пруссии все свои права на Шлезвиг-Гольштейн, находившийся со времени их победы над Данией в войне 1864 г. в совместном владении Австрии и Пруссии, причем Северный Шлезвиг должен был быть воссоединен с Данией, если его население выразит на это свое согласие путем плебисцита. Пруссия, однако, не выполнила этого условия договора и удержала Северный Шлезвиг за собой. В 1878 г. статья V Пражского договора была аннулирована. — *413.*

[408] Имеется в виду тяжелое продовольственное положение парижского населения во время осады Парижа немецкой армией в сентябре 1870 — январе 1871 гг. в период франко-прусской войны. — *415.*

[409] Парламентские выборы, проходившие в Англии летом 1892 г., закончились победой либералов. Успешно провели эту избирательную кампанию английские рабочие и социалистические организации, выставившие значительное число кандидатов. Трое из них — Дж. К. Гарди, Дж. Бёрнс и Дж. Х. Уилсон — были избраны в парламент. — *417.*

[410] Энгельс имеет в виду законопроекты о вознаграждении депутатам парламента и об установлении равного голосования, при котором каждый избиратель мог иметь только один голос, а не несколько в разных округах (по месту жительства, месту нахождения собственности и т. д.) в соответствии с действовавшей системой избирательных цензов. Эти законопроекты были внесены под давлением народных масс, стремившихся покончить с привилегиями буржуазно-аристократической верхушки, либеральным правительством Гладстона, пришедшим к власти в результате выборов 1892 года. Однако палата лордов отвергла оба законопроекта. — *417.*

[411] Приветствие австрийским рабочим Энгельс написал по просьбе редактора австрийского первомайского выпуска. «Zum 1. Mai» М. Шахерля, который обратился к Энгельсу по этому вопросу с письмом от 14 января 1893 года.

Приветствие было опубликовано под заглавием «Письмо Фридриха Энгельса». В этом же выпуске были напечатаны приветствия австрийским рабочим к Первому мая и статьи о пролетарском празднике дочерей Маркса — Лауры Лафарг и Элеоноры Маркс-Эвелинг, а также П. Лафарга, А. Бебеля, В. Либкнехта, Г. В. Плеханова и других деятелей рабочего и социалистического движения. — *418.*

[412] На муниципальных выборах 1892 г. французская Рабочая партия одержала большую победу, собрав свыше 100 тысяч голосов. — *418.*

[413] Энгельс имеет в виду признание правительственным советником Чапка на заседании австрийского рейхсрата 17 января 1893 г. — в его ответе на запрос социал-демократических депутатов — незаконности действий местных властей, нарушавших в ряде районов Австрии право союзов и собраний. — *418.*

414 Настоящая заметка была написана Энгельсом в связи с обращением к нему редакции чешской социал-демократической газеты «Socialni Demokrat» («Социал-демократ»), которая в марте 1893 г. направила Энгельсу просьбу написать заметку для специального первомайского издания, подготовлявшегося чешскими социал-демократами. В этом издании были напечатаны также приветствия чешским рабочим П. Лафарга, А. Бебеля и других деятелей. — *420.*

415 Маркс совершил поездку в Вену в конце августа — начале сентября 1848 г. с целью укрепить связи с австрийскими демократическими и рабочими организациями и побудить их к более решительной борьбе против контрреволюции в Австрии, а также в расчете получить средства для продолжения издания «Neue Rheinische Zeitung». — *420.*

416 Энгельс имеет в виду борьбу за введение всеобщего избирательного права, развернувшуюся в Бельгии в 1890—1893 годах. В результате массовых выступлений и забастовок, проведенных под руководством Рабочей партии, палата депутатов 18 апреля 1893 г. приняла закон о всеобщем избирательном праве (был утвержден сенатом 29 апреля), однако с некоторыми ограничениями в интересах господствующих классов. Этим законом в Бельгии вводилось всеобщее избирательное право для мужчин, ограниченное возрастным цензом в 25 лет и годичным цензом оседлости. Кроме того, закон устанавливал систему множественного вотума — предоставления дополнительно 1—2 голосов некоторым категориям избирателей в зависимости от их имущественного положения, образования и пребывания на государственной службе. — *421.*

417 В *Бурбонском дворце* в Париже помещается палата депутатов Франции. — *421.*

418 Первомайское приветствие испанским рабочим было написано Энгельсом по просьбе видного деятеля испанского рабочего и социалистического движения П. Иглесиаса. В апреле 1893 г. Иглесиас направил Энгельсу письмо, в котором просил написать статью для первомайского номера газеты «Socialista». — *422.*

419 2 мая 1808 г. в Мадриде произошло народное восстание против наполеоновских войск, оккупировавших Испанию. Восстание было жестоко подавлено французскими войсками. Однако оно положило начало национально-освободительной борьбе испанского народа за свою независимость. День 2 мая ежегодно отмечается народом Испании, чтящим память борцов за освобождение родины. — *422.*

420 Данное письмо написано Энгельсом в ответ на присылку ему болгарским социал-демократом Стояном Ноковым, проживавшим в Женеве, журнала «Социалъ-демократъ» № 2 за 1892 год. Через Нокова Энгельс направил свое письмо редакции, которая опубликовала его в переводе на болгарский язык в № 3 журнала «Социалъ-демократъ» за 1893 г. под заглавием «Письмо Фридриха Энгельса». Редакция сопроводила письмо Энгельса небольшим послесловием, в котором кратко осветила деятельность вождей социалистического движения, в первую очередь Энгельса, назвав некоторые произведения Энгельса, имеющие важное значение для Болгарии.

«Социалъ-демократъ» — трехмесячный болгарский общественно-литературный журнал, издавался в городе Севлиево в 1892—1893 годах. Редакторами журнала были студенты Женевского университета С. Балабанов (Христов) и К. Раковский, которые в Швейцарии готовили материалы и отсылали их для набора издателю в Болгарию. В журнале были напечатаны в переводе на болгарский язык некоторые работы Маркса и Энгельса. В № 3, кроме приводимого письма Энгельса, была напечатана написанная им биография Маркса, часть его работы «Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке»», а также раздел 3 четвертой главы первого тома «Капитала» Маркса. В журнале публиковались также статьи Г. В. Плеханова, П. Лафарга и других деятелей рабочего и социалистического движения.

Редакция журнала «Социалъ-демократъ» сделала попытку перенести в Болгарию идеи и методы западноевропейского рабочего движения. Однако теоретические взгляды издателей журнала не отличались ясностью, и они вносили путаницу во многие вопросы марксистской теории. Недостатком редакции была оторванность от общественно-политической жизни Болгарии. «Социалъ-демократъ» выступал против марксистской группы Д. Н. Благоева, которая развернула борьбу за создание революционной болгарской социал-демократической партии. — *424.*

421 В № 2 журнала «Социалъ-демократъ» за 1892 г. были напечатаны в переводе на болгарский язык работы Г. В. Плеханова: «Гегелевская философия истории» и «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России». — *424.*

422 Речь на третьем Международном социалистическом рабочем конгрессе в Цюрихе Энгельс произнес на последнем заседании 12 августа 1893 года. В Цюрих Энгельс прибыл, совершая поездку по Европе и предварительно посетив Германию. На последнем заседании бюро конгресса поручило Энгельсу в качестве почетного председателя закрыть конгресс.

Речь Энгельса получила в то время широкое распространение в рабочей и социалистической печати. Запись ее была опубликована в приложении к газете «Vorwarts» № 190, 15 августа 1893 г. и с небольшим сокращением в «Arbeiter-Zeitung» № 35, 1 сентября 1893 г., а также в газете «Socialiste» № 155, 2 сентября 1893 г. и других органах.

Третий Международный социалистический рабочий конгресс в Цюрихе состоялся 6—12 августа 1893 года. На нем присутствовало 411 делегатов от 18 стран. Значительно более крупной, чем на предыдущих конгрессах, была английская делегация, что свидетельствовало о провале попыток лидеров старых тред-юнионов воспрепятствовать участию английских рабочих в международном социалистическом движении. Как в период подготовки конгресса, так и на нем марксистам пришлось вести напряженную борьбу с анархистами. Явившись в большом количестве на конгресс, вопреки ранее принятым решениям о допущении на него только организаций, признающих необходимость политической борьбы, анархисты вынудили конгресс начать свою работу с дискуссии по вопросу о том, что понимать под «политической деятельностью»; они пытались навязать свое понимание политической деятельности как террористических актов. Конгресс принял по предложению Бебеля специальное дополнение к ранее принятым по этому вопросу решениям, согласно которому под политической деятельностью

понималось использование рабочими партиями политических прав и законодательных учреждений в интересах пролетариата и для овладения политической властью. После принятия этого дополнения анархисты были вынуждены покинуть конгресс.

Конгресс рассматривал главным образом вопросы, связанные с тактикой рабочего движения: о праздновании Первого мая, о политической тактике социал-демократов, о позиции социал-демократии в случае войны.

При обсуждении вопроса о праздновании Первого мая делегаты подвергли критике позицию представителей германской социал-демократии, настаивавших на перенесении празднования на первое воскресенье мая. Конгресс подтвердил резолюцию Брюссельского конгресса по этому вопросу. По второму вопросу была принята резолюция, признававшая необходимость сочетания парламентских и непарламентских форм борьбы. Однако чрезмерное подчеркивание важности борьбы за реформы свидетельствовало о переоценке значения парламентской деятельности, об известном росте реформистских настроений в партиях II Интернационала.

Важное место в работе конгресса занимал вопрос об отношении социал-демократии к войне. Докладчиком по этому вопросу был Г. В. Плеханов. Конгресс отверг анархистское предложение Ньювенгейса об объявлении в случае возникновения войны всеобщей стачки и подтвердил основные положения резолюции Брюссельского конгресса по этому вопросу, дополнив их пунктом, призывавшим рабочих вести борьбу за разоружение и обязывавшим социалистических депутатов в парламентах голосовать против военных кредитов. — *425.*

423 Энгельс имеет в виду Гаагский конгресс I Интернационала (см. примечание 134). — *425.*

424 См. примечания 97 и 241. — *425.*

425 Энгельс, возвращаясь вместе с Бебелем из Швейцарии (после Цюрихского конгресса), остановился на несколько дней в Вене. В связи с этим 11 сентября 1893 г. австрийские социал-демократы организовали в честь Энгельса и Бебеля торжественный вечер, на котором согласно сообщению «Arbeiter-Zeitung» от 15 сентября 1893 г. присутствовало около 600 человек. Однако желающих приветствовать Энгельса оказалось гораздо больше, и в связи с этим 14 сентября было проведено собрание, посвященное итогам Цюрихского конгресса, на котором присутствовало около 2000 человек. На нем выступали участники конгресса (В. Адлер, А. Бебель и другие). В заключение собрания выступил с речью Энгельс.

Отчет о речи Энгельса кроме «Arbeiter-Zeitung» и «Neue Freie Presse» («Новая свободная пресса») был напечатан в газете «Vorwarts» № 219, 17 сентября 1893 года. — *427.*

426 Энгельс имеет в виду грандиозную демонстрацию рабочих Вены с требованием всеобщего избирательного права, организованную 9 июля 1893 г. австрийскими социал-демократами. Во время демонстрации, в которой принимало участие свыше 40000 человек, состоялся ряд рабочих собраний, в том числе и в здании венской ратуши. — *428.*

427 Возвращаясь из Швейцарии, Энгельс после посещения Вены прибыл в Берлин, где находился с 16 по 28 сентября 1893 года. Здесь ему, как и в Вене, был оказан дружественный прием, о котором сам Энгельс

писал в письме к Зорге от 7 октября 1893 года. В то же время полицейские власти зорко следили за поездкой Энгельса, о чем свидетельствуют сохранившиеся донесения агентов венской и берлинской полиции.

Свою речь Энгельс произнес на торжественном собрании в Берлине, устроенном в его честь 22 сентября 1893 года. В собрании участвовало до 4000 человек. 26 сентября Энгельс присутствовал на товарищеском банкете, на котором с приветственной речью выступил В. Либкнехт, отметивший выдающуюся роль Энгельса в германском рабочем движении. — *429.*

[428] Энгельс имеет в виду свое пребывание в Берлине в сентябре 1841 — октябре 1842 г. во время отбывания воинской повинности в качестве вольноопределяющегося. — *429.*

[429] Имеются в виду успешные для германской социал-демократии выборы в рейхстаг в июне 1893 года. Оценка результатов этих выборов дана Энгельсом в интервью корреспонденту английской газеты «Daily Chronicle» (см. настоящий том, стр. 565—570). — *430.*

[430] До посещения Германии в 1893 г. Энгельс побывал там во второй половине июня 1876 г., совершив поездку в Гейдельберг по семейным делам. — *430.*

[431] Данное приветствие было написано Энгельсом в связи с приглашением принять участие в работе Международного конгресса студентов-социалистов и опубликовано в газете «L'Étudiant socialiste» (вместе с приветствиями Г. В. Плеханова и других деятелей социалистического движения), а также в болгарском социал-демократическом журнале «День», кн. 4—5 за 1894 год.

Международный конгресс студентов-социалистов, созванный по инициативе группы женевских студентов-социалистов, состоялся в Женеве с 22 по 25 декабря 1893 года. На нем присутствовало 26 делегатов от армянских, бельгийских, болгарских, итальянских, немецких, польских, румынских, русских, французских и швейцарских студенческих организаций. Конгресс рассмотрел вопросы об участии работников умственного труда в социалистическом движении, об антисемитизме, об анархизме, о «государственном социализме» и другие. Резолюции конгресса были выдержаны в духе решений Брюссельского и Цюрихского конгрессов II Интернационала. Конгресс также рекомендовал вести активную социалистическую пропаганду среди учащихся и постановил создать Международный секретариат в Женеве с целью установления и укрепления связей между студентами-социалистами различных стран.

«L'Étudiant socialiste» («Студент-социалист») — двухнедельная социалистическая газета, выходила в Брюсселе с 1891 года; сначала орган Федерации бельгийских студентов-социалистов, с конца 1893 г. орган Международного секретариата студентов-социалистов. — *432.*

[432] Данное предисловие было написано Энгельсом в связи с переизданием в 1894 г. в Берлине ряда его работ и статей 1871—1875 гг. отдельным сборником под названием «Internationales aus dem «Volksstaat» (1871—75)» («Статьи на международные темы из газеты «Volksstaat» (1871—75)»). На русском языке оно опубликовано впервые в издании «Знание»: Ф. Энгельс. «Статьи 1871—75 гг.». Спб., 1906, стр. 3—5. — *433.*

[433] Памфлет К. Маркса «Господин Фогт» см. в настоящем издании, т. 14, стр. 395—691; статью Ф. Энгельса «Еще раз «господин Фогт»», опубликованную в газете «Volksstaat» № 38, 10 мая 1871, см. в настоящем издании, т. 17, стр. 309—316. — *433.*

[434] Статья Энгельса «Бакунисты за работой» была опубликована в газете «Volksstaat» №№ 105, 106 и 107, 31 октября, 2 и 5 ноября 1873 г. и вслед за тем вышла отдельным изданием: «Die Bakunisten an der Arbeit. Denkschrift uber den letzten Aufstand in Spanien». Leipzig [1874] («Бакунисты за работой. Записки о последнем восстании в Испании». Лейпциг, [1874]) (см. настоящее издание, т. 18, стр. 457—474). — *433.*

[435] Речь идет о первой статье из серии «Эмигрантская литература», публиковавшейся в газете «Volksstaat» в июне 1874 — апреле 1875 года. Данная статья была напечатана в «Volksstaat» № 69, 17 июня 1874 года. Заглавие «Польская прокламация» было дано статье автором в 1894 г. при переиздании ее в составе сборника «Internationales aus dem «Volksstaat» (1871—75)» (см. настоящее издание, т. 18, стр. 503—509). — *433.*

[436] Речь идет о второй статье из серии «Эмигрантская литература», опубликованной в газете «Volksstaat» № 73, 26 июня 1874 года (см. настоящее издание, т. 18, стр. 510—517). Заглавие «Программа бланкистских эмигрантов Коммуны» было дано Энгельсом в 1894 г. при переиздании ее в составе сборника «Internationales aus dem «Volksstaat» (1871—75)». — *433.*

[437] На выборах во французскую палату депутатов, происходивших 20 августа и 3 сентября 1893 г., было избрано 5 бланкистов: Вайян, Боден, Шовьер, М. Самба, Вальтер. — *434.*

[438] В 1880 г. во Франции под влиянием рабочего и демократического движения был принят закон об амнистии коммунарам (обнародован 11 июля); это позволило многим ссыльным и эмигрантам Коммуны вернуться на родину. — *434.*

[439] Под «оппортунистической буржуазией» Энгельс имеет в виду умеренных буржуазных республиканцев, так называемых «оппортунистов» (о них см. примечание 384). — *434.*

[440] *«Le Parti socialiste. Organ du Comite Revolutionaire Central»* («Социалистическая партия. Орган Центрального революционного комитета») — еженедельник партии бланкистов; выходил в Париже с 1890 по 1898 год. — *434.*

[441] Статья «О социальном вопросе в России» — пятая, заключительная статья из серии «Эмигрантская литература» — была опубликована в газете «Volksstaat» №№ 43, 44 и 45, 16, 18 и 21 апреля 1875 г. (см. настоящее издание, т. 18, стр. 537—548) и вслед за тем вышла отдельной брошюрой: «Sociales aus Rusland», Leipzig, 1875, с небольшим введением, написанным Энгельсом для этого издания (см. там же, стр. 566—568). В состав сборника «Internationales aus dem «Volksstaat» (1871—75)» Энгельс включил как данную статью, так и введение к ней. — *485.*

[442] *Предварительное замечание к статье «Бакунисты за работой»* (см. примечание 434) было написано Энгельсом в начале января 1894 года в связи с переизданием статьи в составе сборника «Internationales aus

dem «Volksstaat» (1871—75)» (см. примечание 432). При подготовке нового издания своей статьи «Бакунисты за работой» Энгельс внес в текст ряд редакционных исправлений и дал статье новый подзаголовок: вместо «Записки о последнем восстании в Испании» — «Записки о восстании в Испании летом 1873 года».

В текст «Предварительного замечания» вкрались отдельные мелкие неточности в датировке событий. Республика в Испании была провозглашена 11 февраля 1873 г., выборы в Учредительные кортесы происходили 10 мая 1873 года. — *436.*

[443] *Послесловие к работе «О социальном вопросе в России»* (см. примечание 441) было написано Энгельсом в связи с переизданием ее в сборнике «Internationales aus dem «Volksstaat» (1871—75)». В предисловии к сборнику (см. настоящий том, стр. 435) Энгельс сообщает о причинах, побудивших его переиздать указанную работу с обстоятельным послесловием к ней.

Впервые на русском языке послесловие было опубликовано вместе с переводом работы Энгельса «О социальном вопросе в России» в брошюре «Фридрих Энгельс о России», изданной в 1894 г. группой «Освобождение труда», в типографии «Социаль-демократа» в Женеве. Перевод этой брошюры по договоренности с Энгельсом был сделан Верой Засулич, предисловие к брошюре написано Г. В. Плехановым. В дальнейшем послесловие вместе с самой работой Энгельса неоднократно переиздавалось в России под различными названиями. — *438.*

[444] Энгельс имеет в виду брошюру П. Н. Ткачева «Offener Brief an Herrn Friedrich Engels, Verfasser der Artikel «Fluchtlings-Literatur» in Nr. 117 und 118 des «Volksstaat»», Jahrgang 1874. Zurich, Typographie der Tagwacht. 1874 («Открытое письмо господину Фридриху Энгельсу, автору статей «Эмигрантская литература» в №№ 117 и 118 «Volksstaat»», 1874 года, Цюрих, типография «Tagwacht». 1874). Русский перевод этого письма помещен в книге: П. Ткачев. «Избранные сочинения на социально-экономические темы», том III, 1933, стр. 88—89.

Энгельс ответил Ткачеву четвертой и пятой статьей из серии «Эмигрантская литература» (см. настоящее издание, т. 18, стр. 527—536 и 537—548). — *438.*

[445] Речь идет о книге: A. Haxthausen. «Studien uber innern Zustande, das Volksleben und insbesondere die landlichen Einrichtungen Ruslands». Th. I—III. Hannover — Berlin, 1847—1852 (А. Гакстгаузен. «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России». Ч. I—III, Ганновер — Берлин, 1847— 1852). — *438.*

[446] Письма А. И. Герцена редактору журнала «The English Republic» («Английская республика») У. Линтону были написаны им в январе — феврале 1854 г. и впервые опубликованы в 1854 г. в третьем томе журнала Линтона на английском языке. Энгельс приводит отрывок из третьего письма Герцена Линтону, цитируя его по тексту женевского издания 1885 г. книги Г. В. Плеханова «Наши разногласия», стр. 9, поэтому и в настоящем издании текст письма Герцена дается по книге Плеханова.

Полный текст писем Герцена Линтону см. в собраниях сочинений А. И. Герцена под заглавием «Старый мир и Россия». — *441*

[447] Здесь цитируется критическая статья Н. Г. Чернышевского «Заметки о журналах», впервые опубликованная в пятом номере журнала «Современник» за 1857 год. Далее цитируется другая его статья «Исследования о внутренних отношениях народной жизни и в особенности сельских учреждениях России. Барона А. Гакстгаузена», опубликованная впервые в седьмом номере журнала «Современник» за 1857 год. Обе статьи включены в пятый том Сочинений Н. Г. Чернышевского, вышедший под общим заглавием «Об общинном владении землею», Женева, 1879 год. В книге Г. В. Плеханова «Наши разногласия» (Женева, 1885) данная цитата приведена на стр. 16—17; вторая, следующая ниже, — на стр. 15. Очевидно, Энгельс цитировал Чернышевского по книге Плеханова, и текст этих цитат приведен в соответствии с этим изданием. — *442.*

[448] См. настоящее издание, т. 19, стр. 305. Энгельс цитирует здесь предисловие к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1882 г. в обратном переводе с русского перевода Г. В. Плеханова, в связи с чем текст цитаты в оригинале несколько отличается от соответствующего немецкого текста рукописи предисловия. — *446.*

[449] См. настоящее издание, т. 21, стр. 113—116. — *447.*

[450] Речь идет о статье Ю. Г. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале», напечатанной в журнале «Вестник Европы» книга 9 за 1877 г., и ответе на нее одного из идеологов русского народничества Н. К. Михайловского, выступившего со статьей «Карл Маркс перед судом Ю. Г. Жуковского», опубликованной в журнале «Отечественные Записки» № 10 за 1877 год.

«Вестник Европы» — ежемесячный историко-политический и литературный журнал буржуазно-либерального направления; выходил в Петербурге с 1866 по 1918 год. В журнале печатались статьи, направленные против революционных марксистов. Редактором-издателем журнала до 1908 г. был М. М. Стасюлевич.

«Отечественные Записки» — литературно-политический журнал, начал издаваться в Петербурге в 1820 году; с 1839 г. становится одним из лучших прогрессивных журналов того времени. В редактировании журнала принимал участие В. Г. Белинский, в нем сотрудничал А. И. Герцен и другие. С 1846 г., после ухода из редакции Белинского, значение «Отечественных Записок» стало падать. С 1863 г., когда журнал перешел в руки Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина, наступил период нового расцвета «Отечественных Записок»; в это время журнал группировал вокруг себя революционно-демократическую интеллигенцию. После смерти Некрасова (1877) преобладающее влияние в журнале приобрели народники.

«Отечественные Записки» подвергались непрерывным цензурным преследованиям и в апреле 1884 г. были закрыты царским правительством. — *448.*

[451] Письмо в редакцию «Отечественных Записок» (см. настоящее издание, т. 19, стр. 116—121) было написано Марксом вскоре после появления в журнале статьи Н. К. Михайловского. Письмо осталось неотправленным и было найдено Энгельсом в бумагах Маркса уже после его смерти. Энгельс снял с письма копии и одну из них вместе с письмом от 6 марта 1884 г. направил в Женеву члену группы «Освобождение труда» В. И. Засулич. В Женеве письмо было опубликовано в 1886 г. в жур-

нале «Вестник Народной Воли» № 5. В русской легальной печати письмо Маркса было опубликовано в октябре 1888 г. в журнале «Юридический вестник». — *448.*

[452] K. Marx. «Das Kapital. Kritik der politischen Oekonoinie». Bd. I, Hamburg, 1867, S. 763. Это добавление опущено Марксом во втором немецком и последующих изданиях первого тома «Капитала». — *448.*

[453] Далее приводятся выдержки из письма Маркса в редакцию «Отечественных Записок» (см. настоящее издание, т. 19, стр. 116, 119 и 120). — *448.*

[454] См. настоящее издание, т. 23, стр. 17—18. — *448.*

[455] Видимо, имеются в виду руководящие органы народнических организаций «Земля и Воля» (с осени 1876 **г.** по осень 1879 г.) и «Народная Воля» (с августа 1879 г. по март 1881 г.); последняя провозгласила террор основным средством политической борьбы. — *449.*

[456] Данную заметку, как и статью «О содержании третьего тома «Капитала»», Энгельс написал в связи с предстоявшим выходом из печати подготовленного им третьего тома «Капитала», преследуя цель пропаганды экономического учения Маркса среди рабочих. Третий том вышел осенью 1894 года; предисловие к нему подписано Энгельсом 4 октября 1894 года. Работа над корректурами заняла у Энгельса несколько больше времени, чем он предполагал. В процессе проведения корректур Энгельс отсылал дубликаты их переводчику «Капитала» на русский язык Н. Ф. Даниельсону, чтобы ускорить выпуск русского издания третьего тома, которое вышло в Петербурге в 1896 году.

С выходом в свет третьего тома «Капитала» (см. настоящее издание, т. 25, части I и II) было завершено издание всех теоретических томов гениального труда Маркса и тем самым все разделы экономического учения марксизма, а вместе с тем и вся марксистская теория в целом приобрела прочный научный фундамент.

Кроме газеты «Vorwarts», заметка была напечатана в «Sozial-politisches Centralblatt» («Социально-политическая центральная газета») № 16, 14 января 1894 года. — *454.*

[457] Свое намерение издать «Теории прибавочной стоимости» Маркса по рукописи 1861—1863 гг. в качестве четвертого тома «Капитала» Энгельс не успел осуществить. В 1905—1910 гг. «Теории прибавочной стоимости» были изданы К. Каутским, однако с целым рядом произвольных отступлений от авторской рукописи, перестановок и купюр. Новое издание «Теорий прибавочной стоимости» в соответствии с планом Маркса и расположением материала в авторской рукописи было осуществлено в 1954—1961 гг. Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. См. К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости» (IV том «Капитала»), часть I (М., 1954), часть II (М., 1957), часть III (М., 1961), а также настоящее издание, т. 26. — *454.*

[458] Данная статья была написана Энгельсом в ответ на просьбу руководителей Социалистической партии итальянских трудящихся Кулишовой и Турати высказаться по вопросу о тактике партии в связи

с назревавшим в то время революционным кризисом в стране. С этой просьбой Кулишова и Турати обратились к Энгельсу в письме от 19 января 1894 года. Статья была переведена Турати на итальянский язык и опубликована в журнале «Critica Sociale» № 3, 1 февраля 1894 г., в виде письма Энгельса к Турати под редакционным заглавием «Будущая итальянская революция и социалистическая партия». При переводе Турати допустил некоторые отклонения от рукописи Энгельса.

Статья была напечатана также в немецкой газете «Sozialdemokrat» № 24, 12 июля 1894 г. под заглавием «Фридрих Энгельс о положении в Италии».

В настоящем издании письмо Энгельса публикуется по рукописи, написанной на французском языке и опубликованной в издании Института Фельтринелли в Милане: «Annali», 1958. Помимо беловой рукописи сохранился также дерновой набросок, который был использован при подготовке первой публикации этой статьи на русском языке в первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XVI, ч. II, 1936 год.

«Der Sozialdemokrat» («Социал-демократ») — немецкая еженедельная газета, орган германской социал-демократической партии; выходила в Берлине в 1894—1895 годах. — *457.*

459 Энгельс цитирует предисловие Маркса к первому изданию первого тома «Капитала» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 9). — *457.*

460 *«Обращенными»* республиканцами называли итальянских радикалов, лидером которых был Ф. Каваллотти. Выражая интересы мелкой и средней буржуазии, радикалы стояли на демократических позициях, идя в ряде случаев на соглашение с социалистами. — *458.*

461 См. настоящее издание, т. 4, стр. 437 и 458. — *458.*

462 См. настоящее издание, т. 8, стр. 127. — *459.*

463 Речь идет о временном правительстве Французской республики, образовавшемся 24 февраля 1848 г., в котором большинство постов принадлежало умеренным буржуазным республиканцам. В состав правительства, кроме того, входили три представителя партии, группировавшейся вокруг газеты «Reforme», мелкобуржуазные демократы Ледрю-Роллен и Флокон и мелкобуржуазный социалист Луи Блан, а также участник тайных революционных обществ механик Альбер. «Министры-социалисты», не говоря уже о «министрах-демократах», как это вскоре обнаружилось, сыграли роль жалкого придатка буржуазного правительства.

«La Reforme» («Реформа») — французская ежедневная газета, орган мелкобуржуазных демократов-республиканцев и мелкобуржуазных социалистов; издавалась в Париже с 1843 по 1850 год. С октября 1847 до января 1848 г. Энгельс опубликовал в этой газете ряд статей. — *460.*

464 *IV съезд Социал-демократической рабочей партии Австрии* состоялся в Вене с 25 по 31 марта 1894 года. Основным пунктом повестки дня съезда был вопрос о борьбе за всеобщее избирательное право. Съезд принял резолюцию, в которой говорилось, что австрийские рабочие будут добиваться всеобщего избирательного права всеми доступными средствами, включая всеобщую забастовку. Съезд принял также но-

вый устав партии и постановил продолжать ежегодно отмечать праздник Первого мая манифестациями в пользу восьмичасового рабочего дня, всеобщего избирательного права и международного братства трудящихся. — *462*.

[465] Данное письмо было написано Энгельсом в ответ на приглашение принять участие в работе III съезда Социал-демократической партии Венгрии. Это приглашение было направлено Энгельсу в письме редактора газеты «Arbeiterpresse» Ф. Рейша от 30 апреля 1894 года. Ответное письмо Энгельса пришло с опозданием, поэтому оно было опубликовано в газете уже после закрытия съезда.

III съезд Социал-демократической партии Венгрии состоялся в Будапеште 13—15 мая 1894 г. в условиях подъема рабочего движения в стране. На съезде произошло объединение Социал-демократической партии и Социал-демократической рабочей партии, созданной в январе 1894 г. революционным крылом Социал-демократической партии, которое было исключено из нее на II съезде в 1893 году (см. примечание 382). Объединение состоялось на основе революционных принципов; оппортунисты — чиновники Всеобщей рабочей больничной и инвалидной страховой кассы, пользовавшиеся ранее преобладающим влиянием в Правлении Социал-демократической партии, были отстранены от руководства. Однако половину мест в Правлении объединенной партии заняли представители старой Социал-демократической партии, которые, хотя и не являлись чиновниками Страховой кассы, все же придерживались умеренных позиций.

Съезд принял организационный устав партии. В качестве ближайшей политической задачи съезд выдвинул борьбу за всеобщее избирательное право, подчеркнул роль профсоюзов в политическом воспитании рабочих и важность работы партии в них, а также необходимость союза сельскохозяйственных и промышленных рабочих. Однако вопрос о союзе рабочего класса и крестьянства был обойден. — *463*.

[466] Энгельс имеет в виду события в Ходмезёвашархее 22 апреля 1894 года. Венгерские социал-демократы вели в городе и прилегающем районе среди сельскохозяйственных рабочих, находившихся в чрезвычайно тяжелых условиях и страдавших от хронической безработицы, и крестьян-бедняков активную пропаганду в защиту политических и экономических прав трудящихся. В городе был организован союз сельскохозяйственных рабочих и крестьян-бедняков, насчитывавший до 2000 человек. 21 апреля 1894 г. полиция конфисковала литературу союза, а 22 апреля арестовала руководителя рабочих Я. Санто-Ковача. В тот же день полиция и войска расстреляли в Ходмезёвашархее демонстрацию рабочих, требовавших освобождения Санто-Ковача. Союз сельскохозяйственных рабочих и крестьян-бедняков был разогнан, Санто-Ковач и многие его последователи были приговорены к тюремному заключению. — *463*.

[467] Работа Энгельса «*К истории первоначального христианства»* принадлежит к числу основополагающих произведений научного атеизма. Она явилась результатом многолетнего исследования Энгельсом проблем возникновения и сущности христианства, интерес к которым он, по его собственным словам, проявлял еще с 1841 года. Частично взгляды Энгельса на эти вопросы были изложены им в статьях: «Бруно Бауэр и первоначальное христианство» (см. настоящее издание, т. 19, стр. 306— 314) и «Книга откровения» (см. т. 21, стр. 7—13).

Написанная для журнала «Neue Zeit» и опубликованная в нем в №№ 1 и 2 за 1894 г. эта работа при жизни Энгельса была напечатана также на французском языке в журнале «Devenir social» в «№№ 1 и 2, апрель и май 1895 г., в переводе дочери Маркса Лауры Лафарг. На русском языке работа Энгельса была впервые опубликована в 1906 году.

«Le Devenir social» («Социальное развитие») — французский ежемесячный социалистический журнал; выходил в Париже с 1895 по 1898 год. — *465.*

468 A. Menger. «Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag in geschichtlicher Darstellung». Stuttgart, 1886, S. 108. Критику этой книги см. в работе «Юридический социализм» (настоящее издание, т, 21, стр. 495— 516). — *468.*

469 Энгельс имеет в виду национально-освободительное восстание нубийцев, арабов и других народностей Судана во главе с мусульманским проповедником Мухаммедом-Ахмедом, называвшим себя «махди», то есть «спасителем». Восстание началось в 1881 г. и достигло особых успехов в 1883—1884 гг., когда от войск английских колонизаторов, проникновение которых в Судан происходило с 70-х годов, была освобождена почти вся территория страны. В ходе восстания образовалось самостоятельное централизованное махдистское государство. Лишь к 1899 г. войска английских колонизаторов, используя внутреннее ослабление этого государства в результате непрекращающихся войн и межплеменной розни, а также опираясь на подавляющее превосходство в вооружении, завоевали Судан. — *468.*

470 *Табориты* — революционно-демократическое крыло в гуситском национально-освободительном и реформационном движении в Чехии (первая половина XV в.), направленном против немецких феодалов и католической церкви; свое название получили от города Табор, основанного в 1420 г. и являвшегося их политическим центром. В своих требованиях табориты отражали стремление крестьянских масс и городских низов к ликвидации всего феодального строя. Среди таборитов получили распространение облеченные в религиозную форму призывы к установлению имущественного равенства и предпринимались попытки ввести в область потребления начала уравнительного коммунизма. Создав свою военную организацию, табориты составили ядро гуситской армии, отразившей пять крестовых походов, которые были организованы против Чехии папой и германским императором. Только предательство чешских дворянско-бюргерских элементов, неоднократно выступавших против таборитов и заключивших против них компромисс с чужеземными силами феодальной реакции, привело к поражению таборитов в 1437 г., а вместе с этим и к подавлению гуситского движения. — *468.*

471 E. Renan. «Histoire des origines du christianisme». Vol. 1—8, Paris, 1863—1883 (Э. Ренан. «История происхождения христианства». Тт. 1—8, Париж, 1863—1883). — *469.*

472 Текст приводимых Энгельсом выдержек из сатиры Лукиана «О кончине Перегрина» соответствует немецкому переводу этого произведения А. Паули [см. «Lucian's Werke». Bd. 13, Stuttgart, 1831, S. 1618— 1620 и 1622. («Сочинения Лукиана». Т. 13, Штутгарт, 1831, стр. 1618— 1620 и 1622)]. — *469.*

[473] Лукиан. «О кончине Перегрина», главы 11—14 и 16. — *470.*

[474] Энгельс имеет в виду общины тайной организации немецких рабочих и ремесленников Союза справедливых, основанные Вильгельмом Вейтлингом в начале 40-х годов XIX века. Освещена история Союза справедливых в работе Энгельса «К истории Союза коммунистов» (см. настоящее издание, т. 21, стр. 214—232). — *470.*

[475] G. Kuhlmann. «Die Neue Welt oder das Reich des Geistes auf Erden. Verkundigung». Genf, 1845, S. VIII и IX.

«Пророчества» Кульмана разоблачены Марксом и Энгельсом в их работе «Немецкая идеология» (см. настоящее издание, т. 3, стр. 535— 544). — *471.*

[476] *«Свободные общины»* — общины, выделившиеся из официальной протестантской церкви в 1846 г. под влиянием движения «Друзей света» — религиозного течения, направленного против господствовавшего в протестантской церкви пиетизма, который отличался крайним мистицизмом и ханжеством. В 40-е годы XIX в. эта религиозная оппозиция была одной из форм проявления недовольства немецкой буржуазии реакционными порядками в Германии. — *472.*

[477] *Тюбингенская теологическая школа* — школа исследователей и критиков библии, основанная в первой половине XIX века. Приверженцы этой школы критиковали противоречия и исторические несообразности книг Нового завета, но стремились сохранить некоторые положения библии как якобы исторически достоверные. Однако помимо своей воли эти исследователи содействовали подрыву авторитета библии. — *473.*

[478] Критика Нового завета содержится в следующих работах Б. Бауэра: «Kritik der evangelischen Geschichte des Johannes». Bremen, 1840 («Критика евангельской истории Иоанна». Бремен, 1840) и «Kritik der evangelischen Geschichte der Synoptiker», Bd. I—II, Leipzig, 1841 («Критика евангельской истории синоптиков». Тт. I—II, Лейпциг, 1841); третий том этой книги под заглавием «Kritik der evangelischen Geschichte der Synoptiker und des Johannes» («Критика евангельской истории синоптиков и Иоанна») вышел в Брауншвейге в 1842 году. Синоптиками в литературе по истории религии называют составителей трех первых евангелий — «от Матфея», «от Марка» и «от Луки». — *473.*

[479] *Стоическая философия* возникла в Древней Греции в конце IV в. до н. э. и просуществовала до VI в. н. э.; представители этой философии колебались между материализмом и идеализмом. В эпоху Римской империи философия стоиков превратилась в реакционное религиозно-идеалистическое учение. Проявляя особый интерес к моральным проблемам, стоики трактовали их в духе мистицизма и фатализма; они отстаивали внетелесное существование души, культ покорности человека судьбе, непротивление злу, самоотречение и аскетизм и т. п.; учение стоиков оказало значительное влияние на формирование христианской религии. — *474.*

[480] Имеется в виду сочинение Коммодиана «Carmen apologeticum adversus Judaeos et gentes» («Апологетическая песнь против иудеев и язычников»). — *475.*

[481] *Каббала* (древнееврейское слово, означающее традицию, предание) — мистическое, связанное с магией, толкование старинных «священных» текстов посредством приписывания отдельным словам и числам особого символического значения; было распространено среди последователей иудаизма, откуда перешло в христианство и ислам. — *475.*

[482] *Гностики* — последователи гностицизма, религиозно-философского учения, возникшего в I—II вв. н. э. на почве объединения некоторых элементов христианства, иудаизма, языческих религий и идеалистической греко-римской философии. В основе гностицизма лежало мистическое учение о «гносисе» (древнегреческое слово, означающее «знание») — познании путем откровения божественного первоначала мира. Для гностиков были характерны подчеркивание греховности материи, проповедь аскетизма, отрицание святости Ветхого завета и двойственной, «богочеловеческой» природы мифического основателя христианства Иисуса Христа. Ортодоксальные христианские круги, объявившие гностицизм ересью, вели против гностиков ожесточенную борьбу и уничтожили почти все их сочинения. — *475.*

[483] Тацит. «Анналы», кн. 12, гл. 52 и «Истории», кн. 2, гл. 62. — *476.*

[484] *Сивиллины книги* — собрание прорицаний, приписывавшихся одной из странствующих «прорицательниц» древности (Сивилле Кумской); играли большую роль в религиозной жизни Древнего Рима. — *476*.

[485] *Никейский собор* — первый так называемый вселенский собор епископов христианской церкви Римской империи, созванный в 325 г. императором Константином I в г. Никее в Малой Азии. На Никейском соборе был принят обязательный для всех христиан символ веры (основные положения вероучения ортодоксальной христианской церкви), непризнание которого каралось как государственное преступление. В решениях собора нашли отражение тесный союз церкви и государства и превращение христианства в государственную религию Римской империи. — *477.*

[486] E. Renan. «Saint Paul». Paris, 1869. Книга составляет третий том работы Ренана о происхождении христианства (см. примечание 471). — *479.*

[487] Ириней. «Пять книг против ересей», кн. V, гл. 28—30. — *487.*

[488] E. Renan. «L'Antechrist». Paris, 1873. Книга составляет четвертый том работы Ренана о происхождении христианства (см. примечание 471). — *489.*

[489] *Зенд-Авеста* — принятое в XVIII—XIX вв. неправильное название Авесты — священной книги религии зороастризма, распространенной в Древней Персии, Азербайджане и Средней Азии. В основе зороастризма лежала дуалистическая идея борьбы в мире добра и зла. Авеста составлялась, предположительно, с IX в. до н. э. вплоть до III—IV вв. н. э. — *490.*

[490] Имеется в виду так называемое *«вавилонское изгнание»* (или «вавилонское пленение») древних евреев в VI в. до н. э. — насильственное переселение знати, чиновников, торговцев и ремесленников в Вавилон после взятия Иерусалима в 597 г. до н. э. и окончательного раз-

грома Иудейского царства вавилонским царем Навуходоносором в 586 г. до н. э. В 30-х годах VI в. до н. э. персидский царь Кир, завоевавший Вавилонское царство, разрешил большинству пленных евреев вернуться на родину. — *490.*

[491] J. Ph. Fallmerayer. «Geschichte der Halbinsel Morea wahrend des Mittelalters». Stuttgart und Tubingen; Erster Theil — 1830. Zweiter Theil — 1836 (Я. Ф. Фаллмерайер. «История полу острова Мореи в средние века». Штутгарт и Тюбинген; часть первая — 1830, часть вторая — 1836). — *490.*

[492] *Эдда* — собрание мифологических и героических сказаний и песен скандинавских народов; сохранилось в виде рукописи XIII в., открытой в 1643 г. исландским епископом Свейнсоном (так называемая «Старшая Эдда»), и в виде трактата о поэзии скальдов, составленного в начале XIII в. поэтом и летописцем Снорри Стурлусоном («Младшая Эдда»). Песни «Эдды» о языческих богах и героях отразили состояние скандинавского общества в период разложения родового строя и переселения народов. В них встречаются образы и сюжеты из народного творчества древних германцев. — *492.*

[493] Обращение к английским социалистическим и рабочим организациям было написано Энгельсом по просьбе одного из руководителей Социалистической рабочей партии Испании Пабло Иглесиаса, содержавшейся в его письме Энгельсу от *27* июля 1894 года Аналогичные обращения Энгельс направил также к социал-демократам Австрии и Германии.

В Мадриде с 29 августа по 1 сентября 1894 г. состоялся IV съезд Социалистической рабочей партии Испании, явившийся важным этапом в ее организационном и идейном укреплении. Съезд заслушал отчеты Национального совета партии и делегата на Международном социалистическом рабочем конгрессе в Цюрихе (1893), обсудил вопрос о партийной прессе и утвердил новый устав партии. В адрес съезда поступили многочисленные приветствия от социалистов Англии, Австрии, Германии и других стран, что явилось показателем роста интернациональных связей партии. — *493.*

[494] В Белфасте 4—9 сентября 1893 г. состоялся 26-й ежегодный конгресс английских тред-юнионов. Важнейшими решениями конгресса были признание — под влиянием роста революционных настроений среди рядовых членов тред-юнионов — принципа коллективной собственности на средства производства и распределения, а также требования законодательного установления восьмичасового рабочего дня. — *493.*

[495] *Лига борьбы за восьмичасовой рабочий день* была основана группой английских социалистов при участии Энгельса в 1890 году. Базой для ее создания послужил Комитет, организовавший первую в Англии майскую демонстрацию 1890 года (см. настоящий том, стр. 64—70). Лига ставила своей целью борьбу за освобождение рабочего класса, проведение в жизнь решений Парижского конгресса II Интернационала и т. д. В 1893 г. представители Лиги принимали участие в организации Независимой рабочей партии.

Социал-демократическая федерация — см. примечание 104.

Независимая рабочая партия была основана руководителями новых тред-юнионов в 1893 г. в условиях оживления стачечной борьбы

и усиления движения за самостоятельную политику рабочего класса Англии в противовес буржуазным партиям. В Независимую рабочую партию вошли члены ряда новых и старых тред-юнионов, представители интеллигенции и мелкой буржуазии, находившиеся под влиянием фабианцев. Во главе партии стоял Кейр Гарди. В свою программу партия включила борьбу за коллективное владение всеми средствами производства, распределения и обмена, установление восьмичасового рабочего дня, запрещение детского труда, введение социального страхования и пособий по безработицей другие требования. Ф. Энгельс приветствовал создание Независимой рабочей партии, надеясь,что ей удастся избежать сектантских ошибок Социал-демократической федерации и стать подлинно массовой рабочей партией. Но руководство Независимой рабочей партии с самого начала заняло буржуазно-реформистские позиции, уделяя основное внимание парламентским формам борьбы и идя на сделки с либеральной партией. Характеризуя впоследствии Независимую рабочую партию, Ленин писал, что «на деле это всегда зависевшая от буржуазии оппортунистическая партия», что она ««независима» только от социализма, а от либерализма очень зависима» (В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., т. 29, стр. 456, т. 18, стр. 331). В 1900 г. Независимая рабочая партия вошла в состав лейбористской партии.

Фабианское общество — английская реформистская организация, основанная представителями буржуазной интеллигенции в 1884 году; главными лидерами его были Сидней и Беатриса Веббы (свое название общество получило по имени римского полководца III века до н. э. Фабия Максима, прозванного «Кунктатором» (Медлителем) за его выжидательную тактику уклонения от решительных боев в войне с Ганнибалом). Членами Фабианского общества были преимущественно представители буржуазной интеллигенции; они выступали против учения Маркса о классовой борьбе пролетариата и социалистической революции и утверждали, будто возможен переход от капитализма к социализму путем мелких реформ, постепенных преобразований общества, при помощи так называемого «муниципального социализма». Фабианское общество играло и играет роль одного из проводников буржуазного влияния на рабочий класс, рассадника оппортунистических и реформистских идей в английском рабочем движении. В. И. Ленин определял фабианство как «самое законченное выражение оппортунизма и либеральной рабочей политики» (Сочинения, 4 изд., т. 21, стр. 234). В 1900 г. Фабианское общество вошло в лейбористскую партию. «Фабианский социализм» служит одним из источников идеологии ревизионизма и реформизма.

Парламентский комитет Конгресса тред-юнионов — см. примечание 332.

Союз рабочих вазовых предприятий и чернорабочих — см. примечание 99. — 492.

[496] Данное приветствие было написано Энгельсом в ответ на приглашение принять участие в третьем съезде Социалистической партии итальянских трудящихся, направленное Энгельсу одним из деятелей партии Карло Делл'Авалле в письме от 30 августа 1894 года. Третий съезд, назначенный на 7—9 сентября 1894 г. в Имоле, не состоялся, так как был запрещен полицией.

Приветствие Энгельса, как и приветствия, полученные в адрес съезда от других деятелей социалистического движения (П. Лафарга, П. Иглесиаса и др.), было зачитано на заседании Центрального коми-

тета партии 10 сентября 1894 г., а затем напечатано в газете «Lotta di classe» № 38, 22—23 сентября 1894 года.

Социалистическая партия итальянских трудящихся была основана в 1892 г. на съезде в Генуе (данное название приняла в 1893 **г.**, **с** 1895 г. называлась «Итальянская социалистическая партия»). Социалистическая партия итальянских трудящихся решительно размежевалась с анархистами и в 90-х годах, несмотря на некоторые ошибки реформистского характера, активно руководила массовым движением рабочего класса Италии.

«Lotta di classe» («Классовая борьба») — еженедельная итальянская газета, центральный орган Социалистической партии итальянских трудящихся; выходила в Милане с 1892 по 1898 год. — *494.*

[497] Энгельс имеет в виду закон об исключительных мерах по охране общественной безопасности, принятый итальянским парламентом 14 июля 1894 года. Этот закон, изданный в качестве меры, направленной якобы только против анархистов, был использован реакционным правительством Криспи для борьбы против рабочего движения и растущего влияния социалистов. На основании этого закона была запрещена Социалистическая партия итальянских трудящихся, закрыты рабочие организации, запрещены рабочие газеты и журналы; массовый характер приняли аресты, обыски, судебные процессы. Однако несмотря на жестокие репрессии, итальянские социалисты не прекратили своей борьбы и в январе 1895 г. тайно провели в Парме третий съезд Социалистической партии итальянских трудящихся. — *494.*

[498] Данное приветствие было написано Энгельсом в ответ на просьбу, с которой к нему обратился один из деятелей сицилийской социалистической партии Ф. Кольнаго в письме от 18 сентября 1894 года. В этом письме, сообщая Энгельсу о том, что, несмотря на жестокие преследования, сицилийская социалистическая партия будет реорганизована и в начале октября 1894 г. возобновит издание своей газеты «Giustizia sociale» («Социальная справедливость»), Кольнаго писал: «Не могли бы Вы, наш знаменитый учитель, прислать нам несколько слов одобрения и симпатии. Не могли бы Вы направить сицилийской социалистической партии приветствие, которое мы опубликовали бы в первом номере нашей газеты. Ваша солидарность придала бы нам большую силу перед лицом буржуазии».

Приветствие Энгельса было опубликовано, по-видимому, в связи с цензурными условиями, лишь 30 июня 1895 г. в еженедельной газете «Riscossa», которая являлась продолжением газеты «Giustizia sociale». Оно было опубликовано в переводе на немецкий язык из газеты «Riscossa» (с некоторыми сокращениями) в «Arbeiter-Zeitung» № 208, 1 августа 1895 года.

После смерти Энгельса его письмо было вторично напечатано на итальянском языке в журнале «Critica Sociale» № 16, 16 августа 1895 г. под редакционным заглавием «Последнее слово к Италии», а также (в несколько сокращенном виде) на немецком языке в «Sachsisches Volksblatt» («Саксонская народная газета») № 95, 13 августа 1895 г. под заглавием «Последнее приветствие Энгельса рабочим».

«La Riscossa» («Освобождение») — еженедельная газета, орган сицилийской социалистической партии; выходила в Палермо в 1894— 1895 годах. — *495.*

[499] Данное письмо Энгельс написал в связи с просьбой руководства Социалистической партии итальянских трудящихся (изложенной в письме

Турати от 24 октября 1894 г.) выступить на страницах журнала «Critica Sociale» с разоблачением клеветнических измышлений, распространявшихся итальянской буржуазной печатью о деятельности итальянских социалистов с целью оправдания направленных против них правительственных репрессий.

Письмо Энгельса было напечатано в журнале «Critica Sociale» № 21, 1 ноября 1894 г. под редакционным заглавием «Социализм международный и социализм итальянский», при этом редакция сопроводила публикацию следующим редакционным примечанием: «Посвящаем это письмо, присланное нам старейшиной всех социалистических партий мира, невежественным уловкам продавшейся или продающейся итальянской печати». Вслед за «Critica Sociale» письмо Энгельса в переводе с итальянского было опубликовано в «Arbeiter-Zeitung» № 89, 6 ноября 1894 г. в корреспонденции, озаглавленной «Жалкие уловки и ложь», и в газете «Vorwarts» № 263, 10 ноября 1894 г. в корреспонденции «Италия». — *497.*

[500] Во Франкфурте-на-Майне 21—27 октября 1894 г. состоялся съезд Социал-демократической партии Германии. На съезде содокладчиком по основному пункту повестки дня — аграрному вопросу — выступил лидер баварских социал-демократов Фольмар, который потребовал включения в разрабатываемую аграрную программу пунктов, отражающих интересы не только трудящегося крестьянства, но и зажиточных слоев деревни, сельской буржуазии. Хотя ряд делегатов и возражал Фольмару, в целом его оппортунистическая позиция не получила на съезде должного отпора. Съезд избрал специальную комиссию для выработки проекта аграрной программы в качестве дополнения к программе партии. Кроме аграрного вопроса, съезд заслушал отчеты Правления партии и фракции в рейхстаге и рассмотрел вопросы о роли трестов и других крупнокапиталистических объединений, о праздновании Первого мая в 1895 г. и другие.

В Нанте 14—16 сентября 1894 г. состоялся XII съезд французской Рабочей партии, проходивший в обстановке подъема крестьянского движения в стране, наступления реакции и обострения разногласий во французском социалистическом движении. Съезд отметил усиление борьбы трудящихся Франции против так называемых «злодейских законов» 1893—1894 гг., направленных против социалистов, и отмежевался от анархистов, которые своими террористическими актами дали повод к принятию этих законов. Важнейшим решением съезда было принятие мотивировочной части аграрной программы партии и внесение в нее ряда конкретных требований; некоторые из внесенных в нее положений шли вразрез с марксистской позицией в крестьянском вопросе. Критику Нантской аграрной программы Энгельсом см. в публикуемой в томе работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии». — *499.*

[501] Энгельс имеет в виду статью «Еще раз о партийном съезде», опубликованную в газете «Vorwarts» № 263, 10 ноября 1894 года. В этой статье давался отпор «Kolnische Volkszeitung» («Кёльнская народная газета»), использовавшей оппортунистические выступления Фольмара по аграрному вопросу на съезде во Франкфурте-на-Майне для клеветнических нападок на германскую социал-демократию. — *499.*

[502] Работа *«Крестьянский вопрос во Франции и Германии»,* представляющая собой важнейший документ марксизма по аграрному вопросу,

была написана Энгельсом между 15 и 22 ноября 1894 г. для журнала «Neue Zeit». Непосредственным поводом к написанию ее послужили оппортунистические выступления Фольмара по аграрному вопросу и прежде всего его содоклад об аграрной программе на Франкфуртском съезде германской социал-демократии 25 октября 1894 г. (см. примечание 500). В обоснование предложенных им мероприятий Фольмар сослался на аграрную программу французских социалистов, будто бы одобренную Энгельсом. Энгельс, уже раньше выступивший с опровержением подобного утверждения (см. настоящий том, стр. 499—500), счел необходимым в специальной статье изложить основы революционной пролетарской позиции в крестьянском вопросе и подвергнуть критике оппортунистические взгляды Фольмара, а также отступления от теории марксизма, допущенные в аграрной программе французских социалистов, которая была принята на Марсельском съезде (сентябрь 1892 г.) и дополнена на Нантском съезде (сентябрь 1894 года).

Статья Энгельса явилась ударом не только по немецкому и французскому, но и по международному оппортунизму. В Социал-демократической партии Германии под влиянием критики Энгельса позиция Фольмара, в том числе и по аграрному вопросу, была осуждена в предсъездовской дискуссии и на очередном Бреславльском съезде, состоявшемся в 1895 году. Однако в дальнейшем в результате роста оппортунистических тенденций в партиях II Интернационала взгляды Энгельса по вопросу об отношении рабочего класса к крестьянству не только не получали развития, но и были подменены различными вульгарными реформистскими и ревизионистскими концепциями аграрного вопроса. Против этих концепций решительно выступал В. И. Ленин, отстаивавший чистоту марксистского учения и развивавший его дальше.

При жизни Энгельса статья «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» была перепечатана в польском журнале «Przedświt» № 12, 1894 г. под заглавием «Крестьянский вопрос».

В феврале 1903 г. начало статьи Энгельса (см. настоящий том, стр. 503—507) было переведено на русский язык В. И. Лениным в связи с подготовкой к лекциям по аграрному вопросу, которые он читал в Русской высшей школе общественных наук в Париже (публикацию рукописи этого перевода, хранящейся в Архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, см. Ленинский сборник XIX, стр. 295—300). Ленинский перевод первой части статьи Энгельса, а также отдельных ее мест в основном воспроизведен в настоящем издании. Первое русское отдельное издание работы Энгельса вышло в 1904 г. в Женеве под редакцией и с предисловием Г. В Плеханова. — *501.*

503 В Марселе с 24 по 28 сентября 1892 г. проходил X съезд французской Рабочей партии. Съезд рассмотрел вопросы о положении и деятельности партии, о праздновании Первого мая, об участии в Международном социалистическом рабочем конгрессе в Цюрихе в 1893 г., об участии в предстоящих парламентских выборах и другие.

Важнейшим пунктом повестки дня съезда был вопрос о работе в деревне, что диктовалось подъемом крестьянского движения в стране и стремлением добиться поддержки крестьянства на парламентских выборах. Съезд принял аграрную программу, в которой выдвигался ряд конкретных требований в интересах сельского пролетариата и мелкого крестьянства. Однако программа содержала также ряд отступлений от социалистических принципов и известные уступки мелкобуржуазным иллюзиям и собственническим настроениям крестьянства

и даже эксплуататорским поползновениям его зажиточных слоев. Эти ошибки, отражающие влияние оппортунистических тенденций, были усугублены в принятых на съезде партии в Нанте мотивировочной части программы и добавлениях к ней. — *507.*

[504] Упоминаемый Энгельсом доклад Лафарга «Крестьянская собственность и хозяйственное развитие» был опубликован в приложении к газете «Sozialdemokrat» № 38, 18 октября 1894 года. — *521.*

[505] Анонимная заметка *«О четвертом томе «Капитала» Маркса»* была написана Энгельсом в ответ на опубликование редакцией газеты «Vorwarts» № 266, 14 ноября 1894 г. в сообщении о выходе третьего тома «Капитала» неправильных сведений о характере рукописи четвертого тома и необоснованного предположения об отказе Энгельса от намерения его издать.

О судьбе рукописи работы Маркса «Теории прибавочной стоимости» (IV том «Капитала») см. примечание 457. — *526.*

[506] См. настоящее издание, т. 24, стр. 4 и 7. — *526.*

[507] Данное приветствие было написано Энгельсом в связи с превращением «Arbeiter-Zeitung» с 1 января 1895 г. в ежедневную газету (до этого она выходила два раза в неделю). Направленное в письме к Адлеру приветствие Энгельса было напечатано в «Arbeiter-Zeitung» № 1, 1 января 1895 г. в корреспонденции «Ежедневная «Arbeiter-Zeitung»». При этом приветствию было предпослано следующее редакционное замечание: «Наш верный друг Фридрих Энгельс в Лондоне просит нас передать австрийским рабочим поздравления с их ежедневной газетой, а затем продолжает» (далее следовал текст приветствия). — *528.*

[508] Введение к работе Маркса *«Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»* (см. настоящее издание, т. 7, стр. 5—110) было написано Энгельсом между 14 февраля и 6 марта 1895 г. для отдельного издания работы, вышедшего в Берлине в 1895 году.

При публикации введения Правление Социал-демократической партии Германии, как видно из письма Фишера Энгельсу от 6 марта 1895 г., настоятельно просило Энгельса смягчить слишком, по мнению Правления, революционный тон работы и придать ей более осторожную форму; при этом Фишер ссылался на напряженную обстановку в стране, сложившуюся в связи с обсуждением в рейхстаге проекта нового закона против социалистов (проект так называемого «закона о предотвращении государственного переворота» был внесен в рейхстаг правительством в декабре 1894 г. и обсуждался в течение января — апреля 1895 года; в мае того же года он был отвергнут).

В ответном, пока еще не разысканном, письме Фишеру (о содержании его можно судить по письму Фишера Энгельсу от 14 марта 1895 г.), Энгельс подверг критике нерешительную позицию руководства партии, его стремление «действовать исключительно в рамках законности». Однако вынужденный считаться с мнением Правления, Энгельс согласился опустить в корректуре ряд мест и изменить некоторые формулировки, вследствие чего, по его мнению, первоначальный текст введения «несколько пострадал». (В настоящем издании эти изменения и купюры отмечены под строкой. Сохранившиеся гранки, где были сделаны эти изменения, и рукопись введения дают возможность полностью восстановить первоначальный текст.)

В то же время отдельными лидерами социал-демократии была сделана попытка представить Энгельса на основании этой работы сторонником исключительно мирного при всех обстоятельствах пути перехода власти к рабочему классу. 30 марта 1895 г. в центральном органе Социал-демократической партии Германии, газете «Vorwarts», была опубликована передовая статья под заглавием «Как делают ныне революции», в которой без ведома Энгельса приводились специально подобранные, выхваченные из контекста отдельные выдержки из его введения, создававшие впечатление, будто Энгельс был поборником «законности во что бы то ни стало». Глубоко возмущенный Энгельс заявил решительный протест редактору «Vorwarts» Либкнехту против подобного извращения его взглядов. В письме к Каутскому от 1 апреля 1895 г. Энгельс подчеркивал важность публикации подготовленного текста введения в журнале «Neue Zeit», чтобы «это позорное впечатление было изглажено». Об этой неприглядной истории с публикацией введения в «Vorwarts» Энгельс информировал также П. Лафарга в письме к нему от 3 апреля 1895 года.

Незадолго до выхода отдельного издания работы Маркса введение Энгельса было по его настоянию специально напечатано в журнале «Neue Zeit» №№ 27 и 28 за 1895 г., однако с теми же купюрами, которые пришлось сделать автору в упомянутом выше отдельном издании. Полный текст введения не был опубликован и после того, как угроза издания нового закона против социалистов в Германии миновала.

Но даже при публикации с купюрами введение целиком сохраняло свой революционный характер. Потребовалась грубая фальсификация взглядов Энгельса, чтобы истолковать этот документ в реформистском духе, как это было сделано после смерти Энгельса Э. Бернштейном (в работе «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии») и другими идеологами ревизионизма и оппортунизма. Скрыв от читателя текст введения в его полном виде, хотя рукопись работы находилась в их распоряжении, умолчав об обстоятельствах, вынудивших Энгельса сделать в корректуре некоторые сокращения, искажая содержание опубликованного текста, Бернштейн и другие ревизионисты клеветнически утверждали, будто Энгельс в своем введении, которое они выдавали за его «политическое завещание», пересмотрел свои прежние взгляды и чуть ли не встал на реформистские позиции. Фальшивыми ссылками на Энгельса ревизионисты стремились прикрыть свое отступничество от марксизма и свои нападки на революционные принципы.

Введение Энгельса было напечатано в сокращенном виде по тексту «Neue Zeit» в журнале «Critica Sociale» № 9, 1895 г. и в болгарском журнале «Дело», кн. I, 1895 года.

Впервые полный текст введения Энгельса опубликован в СССР в 1930 г. в книге: К. Маркс. «Классовая борьба во Франции 1848— 1850». — *529.*

[509] Выпуская в 1895 г. отдельное издание работы Маркса «Классовая борьба во Франции», Энгельс включил в это издание в качестве трех первых глав статьи из серии статей Маркса «С 1848 по 1849», опубликованных в журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» №№ 1, 2 и 3 (их Энгельс и упоминает в данном случае), а также в качестве четвертой статьи или главы написанный Марксом раздел о Франции из «Третьего международного обзора», составленного Марксом и Энгельсом для сдвоенного 5—6 выпуска журнала (см. настоящее издание, т. 7, стр. 446—490). Приводимая Энгельсом цитата

взята из той части обзора, которую он включил в издание работы Маркса в качестве четвертой главы (см. т. 7, стр. 467). — *531.*

[510] См. настоящее издание, т. 8, стр. 115—217. — *531.*

[511] См. настоящее издание, т. 7, стр. 40. — *532.*

[512] Имеется в виду Саксенвальд (Саксонский лес), имение близ Гамбурга, подаренное императором Вильгельмом I Бисмарку в 1871 году. — *532.*

[513] Речь идет о двух монархических партиях французской буржуазии первой половины XIX века — легитимистах и орлеанистах.

Легитимисты — сторонники свергнутой во Франции в 1792 г. старшей ветви династии Бурбонов, представлявшей интересы крупного наследственного землевладения. В 1830 г., после вторичного свержения этой династии, легитимисты объединились в политическую партию.

Орлеанисты — монархическая партия финансовой аристократии и крупной буржуазии, сторонники герцогов Орлеанских, младшей ветви династии Бурбонов, стоявшей у власти со времени июльской революции 1830 г. до революции 1848 года.

В период Второй республики (1848—1851) обе монархические группировки образовали ядро объединенной консервативной «партии порядка». — *536.*

[514] О «принципе национальностей» см. примечание 14. — 536.

[515] Имеется в виду контрибуция в 5 миллиардов франков, выплаченная Францией Германской империи по условиям Франкфуртского мира 1871 г. (см. примечание 195) после поражения во франко-прусской войне 1870—1871 годов. — 538.

[516] Всеобщее избирательное право было введено в Испании в 1868 г. в период испанской буржуазной революции 1868—1874 гг. и утверждено конституцией 1869 года. Республика в Испании после провозглашения в 1873 г просуществовала до 1874 г., когда она была уничтожена в результате монархического государственного переворота. — 539.

[517] Энгельс цитирует написанное Марксом теоретическое введение к программе французской Рабочей партии, принятой на съезде в Гавре в 1880 году (см. настоящее издание, т. 19, стр. 246). — 539.

[518] 4 сентября 1870 г. в Париже, после получения сообщения о разгроме французской армии при Седане (см. примечание 194), произошло революционное выступление народных масс, приведшее к падению режима Второй империи и провозглашению республики во главе с буржуазным правительством национальной обороны.

31 октября 1870 г., после получения известий о капитуляции Меца, поражении при Ле-Бурже и о начатых Тьером по поручению правительства национальной обороны переговорах с пруссаками, парижские рабочие и революционная часть национальной гвардии подняли восстание и, захватив городскую ратушу, создали орган революционной власти — Комитет общественного спасения — во главе с Бланки. Под давлением рабочих правительство национальной обороны было вынуждено дать обещание уйти в отставку и назначить на 1 ноября выборы в Коммуну. Однако воспользовавшись недостаточной организованностью революционных сил Парижа и разногла-

сиями между руководившими восстанием бланкистами и мелкобуржуазными демократами-якобинцами, правительство с помощью оставшихся на его стороне батальонов национальной гвардии, нарушив свои обещания об отставке, завладело ратушей и восстановило свою власть.

Характеристику упоминаемых событий см. также в настоящем томе, стр. 193. — *543.*

[519] В сражении при *Ваграме* 5—6 июля 1809 г. во время австро-французской войны 1809 г. французские войска под командованием Наполеона I нанесли поражение австрийской армии эрцгерцога Карла.

В сражении при *Ватерлоо* (Бельгия) 18 июня 1815 г. армия Наполеона была разбита англо-голландскими войсками под командованием Веллингтона и прусской армией под командованием Блюхера. Сражение при Ватерлоо сыграло решающую роль в кампании 1815 **г.**, предопределив окончательную победу антинаполеоновской коалиции европейских держав и падение империи Наполеона I. — *544.*

[520] См. примечание 416. — *545.*

[521] Энгельс имеет в виду длительную борьбу между герцогской властью и дворянством в герцогствах Мекленбург-Шверин и Мекленбург-Стрелиц, завершившуюся подписанием в 1755 г. в Ростоке конституционного договора о наследственных правах. Согласно этому договору, мекленбургское дворянство получило подтверждение своих прежних вольностей и привилегий, добилось освобождения от налогов половины своих земель, а также торговли и промыслов, фиксирования своей доли в государственных расходах и закрепило свое руководящее положение в сословных ландтагах и их постоянных органах. — *545.*

[522] См. примечание 249. — *546.*

[523] Подразумевается присоединение к Пруссии королевства Ганновер, курфюршества Гессен-Кассель и великого герцогства Нассау в 1866 г. в результате победы Пруссии в войне против Австрии и мелких германских государств в 1866 году. — *547.*

[524] Правление Независимой рабочей партии (о ней см. примечание 495) приглашало Энгельса в письме к нему от 16 апреля 1895 г. на первомайский карнавал социалистов. — *550.*

[525] Интервью корреспонденту французской газеты «Eclair» Э. Массару было дано Энгельсом 1 апреля 1892 года. 3 апреля Энгельс, просмотрев запись корреспондента, почти полностью переделал ее. В письме к Лауре Лафарг от 4 апреля 1892 г. Энгельс, касаясь этого интервью, отмечает, что в случае произвольных изменений газетой просмотренного им текста он дезавуирует действия корреспондента. Судя по тому, что интервью было перепечатано 16 апреля в органе Рабочей партии, газете «Socialiste», Энгельс, видимо, счел опубликованный текст соответствующим содержанию своих ответов корреспонденту. В «Eclair» интервью опубликовано под заглавием «Анархизм. Интервью с немецким социалистом Энгельсом»; в «Socialiste» — под заглавием «Мир из-за голода» (два последних раздела опущены).

В настоящем издании в тексте интервью опущены вводные и заключительные комментарии корреспондента.

«L'Eclair» («Молния») — французская ежедневная буржуазная газета, издавалась в Париже с 1888 по 1939 год. — *553.*

[526] Имеются в виду выступления безработных в Берлине 25—27 февраля 1892 года. — *558.*

[527] См. примечание 254. — *554.*

[528] См. примечание 258. — *556.*

[529] Энгельс противопоставляет мысли Сен-Симона о сотрудничестве народов Англии, Франции и Германии (см. примечание 128) Тройственному союзу как военно-политическому блоку (см. примечание 406). — *557.*

[530] Беседа Энгельса с корреспондентом французской газеты «Figaro» состоялась 11 мая 1893 года. 17 мая Энгельс уведомлял Зорге о том, что с его взглядами на положение дел в Германии он может ознакомиться по интервью в газете «Figaro», текст которого Энгельс отослал с той же почтой, оговариваясь, однако, что в этой записи его ответов корреспонденту, «как и во всяком интервью, в передаче отдельных выражений кое-что смазано, а в общем изложении есть пробелы, но в целом смысл передан правильно».

В газете «Figaro» интервью опубликовано под заглавием «Беседа с Фридрихом Энгельсом». Под таким же заглавием оно было опубликовано в газете «Socialiste» № 140, 20 мая 1893 года.

«Le Figaro» («Фигаро») — французская ежедневная консервативная газета, издается в Париже с 1854 года. — *559.*

[531] Речь идет об отклонении рейхстагом 6 мая 1893 г. проекта военного закона (см. о нем также примечание 393), предусматривавшего увеличение численности армии мирного времени на период 1893—1899 гг. более, чем на 80 тысяч человек и дополнительные ассигнования на военные расходы. В тот же день правительство распустило рейхстаг и затем назначило новые выборы на июнь 1893 года. — *559.*

[532] Имеется в виду часть Немецкой свободомыслящей партии (см. примечание 8), выступавшая против военного закона. — *559.*

[533] Подразумевается так называемый конституционный конфликт в Пруссии, возникший в начале 60-х годов (см. примечание 234). — *560.*

[534] См. примечание 416. — *561.*

[535] См. примечание 74. — *561.*

[536] Интервью корреспонденту английской газеты «Daily Chronicle» было дано Энгельсом в связи с состоявшимися в июне выборами в германский рейхстаг и успехами германской социал-демократии на этих выборах. Помимо английской газеты текст интервью в сокращенном виде был опубликован в газете «Socialiste» № 148, 15 июля 1893 г. и полностью в журнале «Critica Sociale» № 14, 16 июля 1893 года. В «Daily Chronicle» интервью напечатано под заглавием «Выборы в Германии. Интервью г-на Энгельса», в «Socialiste» — под заглавием «Ф. Энгельс и германские выборы», в «Critica Sociale» — «Беседа с Ф. Энгельсом о результатах выборов в германский рейхстаг». — *565.*

[537] Имеется в виду *Свободомыслящая народная партия,* образовавшаяся в мае 1893 г. в результате раскола Немецкой свободомыслящей партии.

Раскол последовал в день роспуска рейхстага, 6 мая 1893 г., в связи с разногласиями внутри партии в оценке проекта военного закона. Часть парламентской фракции этой партии во главе с Риккертом и Бартом, вставшая на путь поддержки правительства, образовала партию Свободомыслящий союз; другая часть фракции во главе с Рихтером, выступавшая против увеличения расходов на армию и отражавшая настроения радикальных элементов этой партии, стала называть себя Свободомыслящей народной партией. — *565.*

[538] О Социал-демократической федерации см. примечание 104. — *566.*

[539] О Фабианском обществе см. примечание 495. — *567.*

[540] Проект военного закона, отвергнутый в мае 1893 г., был в несколько измененном виде вновь внесен правительством на утверждение рейхстага и принят новым его составом 15 июля 1893 года.

Новый военный закон предоставлял правительству возможность увеличить ассигнования на армию и пересматривать военный бюджет в сторону увеличения не через 7 лет (как законы о септеннате 1874, 1880, 1887 гг.), а через 5 лет; в связи с этим он стал известен как «закон о квинквеннате». — *567.*

[541] Энгельс имеет в виду «Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне» (см. настоящее издание, т. 17, стр. 274—282). Воззвание было написано Марксом, но в него были включены материалы Энгельса, опровергающие притязания прусского юнкерства и немецкой буржуазии на Эльзас-Лотарингию и приводимые в этой связи военно-стратегические аргументы. — *568.*

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф. ЭНГЕЛЬСА

(январь 1890—август 1895)

1890

Январь — декабрь Энгельс отдает значительную часть своего времени и сил продолжению начатой им еще в 1885 г. работы над подготовкой к печати рукописей III тома «Капитала» Маркса; этой работой Энгельс занимается до весны 1894 года; за это время он дорабатывает некоторые отделы и главы, а отдельные главы пишет заново, составляет также ряд добавлений на основании своих собственных исследований, проводит общую редакцию текста.

Январь — март Энгельс занимается изучением внешнеполитической обстановки в Европе в связи с обострением франко-германских противоречий, наметившимся сближением между Францией и Россией и ростом опасности общеевропейской войны. Он заканчивает начатую им в декабре 1889 г. работу над статьей «Внешняя политика русского царизма» для издающегося в Лондоне, а затем в Женеве органа группы «Освобождение труда» журнала «Социаль-демократ». Статья в переводе на русский язык под заглавием «Иностранная политика русского царства» печатается в 1 (февраль) и 2 (август) книгах этого журнала за 1890 г., на немецком языке в теоретическом журнале германской социал-демократии «Die Neue Zeit» («Новое время»), а также в переводе автора на английский язык в выходящем под редакцией социалиста Б. Бакса лондонском журнале «Time» («Время») в апреле и мае.

Январь Энгельс продолжает внимательно следить за подъемом политической активности неквалифицированных рабочих Англии и деятельностью объединяющих их новых тред-юнионов, оказывая непосредственную помощь руководителям этих организаций: дочери Маркса Э. Маркс-Эвелинг, Э. Эвелингу и другим социалистам.

В письмах к деятелю немецкого и американского социалистического движения Г. Шлютеру и к одному из руководителей германской социал-демократии А. Бебелю он отмечает, что эти тред-юнионы, — в противоположность старым, выражающим интересы рабочей аристократии, — действуют в духе пролетарской солидарности и что дальнейшее их развитие может привести к отстранению реформистов от руководства Конгрессом тред-юнионов.

11 января — 8 февраля Энгельс в письмах к Шлютеру и к видному деятелю американского и международного рабочего движения Ф. А. Зорге, а также к Бебелю одобрительно отзывается об исключении осенью 1889 г. из Социалистической рабочей партии Северной Америки группы бывших ее руководителей — немецких эмигрантов-лассальянцев, проводивших сектантскую политику. Он рассматривает этот факт как одно из важных условий для образования самостоятельной социалистической партии американского пролетариата.

Около 28 января — около 25 мая Энгельс получает от одного из русских переводчиков «Капитала», экономиста-народника Н. Ф. Даниельсона, ряд писем с информацией об экономическом положении России.

Конец января — 8 февраля Энгельс читает полученную им от одного из основателей английского Фабианского общества С. Вебба книгу «Фабианские исследования о социализме» и характеризует ее как попытку опровергнуть учение Маркса на основе вульгарных экономических теорий и доказать возможность осуществления социалистических идей реформистским путем, посредством соглашения с буржуазией.

Конец января — середина февраля Энгельс по газетам и письмам руководящих деятелей германской социал-демократии изучает внутриполитическую обстановку в Германии накануне предстоящих 20 февраля выборов в рейхстаг.

17 февраля В письме к Бебелю Энгельс анализирует итоги повторных выборов во французскую палату депутатов, состоявшихся в Париже 17 февраля; он отмечает, что избрание буланжистов, связанных с монархическими и военными кругами, является следствием распространения шовинистических идей среди парижских рабочих. Энгельс считает борьбу с этими настроениями одной из важнейших задач французских социалистов.

21 февраля — 12 апреля В связи с крупными успехами социал-демократов на выборах в германский рейхстаг Энгельс в статьях для газет и письмах к Зорге, к одному из руководителей французской Рабочей партии П. Лафаргу, к деятельнице французского социалистического движения дочери Маркса Лауре Лафарг и к одному из

руководителей германской социал-демократии В. Либкнехту указывает, что выборы знаменуют собой начало конца правления Бисмарка и будут способствовать усилению освободительной борьбы народных масс. Энгельс особо подчеркивает значение известных успехов социал-демократии в сельскохозяйственных районах Северной и Северо-Восточной Германии.

Статьи Энгельса об итогах выборов печатаются: 3 марта в английской газете «Newcastle Daily Chronicle» («Ньюкаслская ежедневная хроника») без подписи, под редакционной рубрикой «Германские социал-демократы» и 8 марта в центральном органе германской социал-демократической партии газете «Der Sozialdemokrat» («Социал-демократ») под заглавием «Что же дальше?».

Между 20 и 31 марта Энгельс просматривает текст своей биографии, помещенной в 6 томе 13-го издания Энциклопедического словаря Брокгауза, и вносит в нее добавления и исправления для 14-го издания этого словаря.

Конец марта — начало апреля Энгельс читает брошюры итальянского философа-социалиста А. Лабриолы «О социализме» и «О философии истории», присланные ему автором; в письмах к Лабриоле он положительно отзывается о первой **из** них и высказывает ряд критических замечаний по поводу второй; Энгельс посылает ему также свою книгу «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии».

30 марта Энгельс пишет письмо итальянскому социалисту, переводчику ряда его работ П. Мартиньетти в связи с развернувшейся в итальянской радикальной и социалистической печати дискуссией по поводу правительственного проекта создания в итальянской колонии Эритрея крупных капиталистических латифундий. Он подчеркивает, что социалисты обязаны решительно бороться против закабаления колоний финансовыми магнатами и крупными акционерными компаниями. Отрывок из письма печатается в социалистическом журнале «Cuore e critica» («Сердце и критика») 16 апреля.

1 апреля Энгельс, убедившись в том, что при опубликовании в журнале «Neue Zeit» за апрель первой главы его статьи «Внешняя политика русского царизма» издатель журнала немецкий социал-демократ И. Диц и один из его редакторов оппортунист В. Блос допустили значительные искажения, заявляет Дицу решительный протест; в следующем, майском номере журнала статья Энгельса печатается заново в соответствии с рукописью.

3 апреля В письме к русской социалистке, члену группы «Освобождение труда» В. И. Засулич Энгельс благодарит ее за присылку журнала «Социаль-демократ», в котором помещена первая глава его работы «Внешняя политика

русского царизма»; в связи с этим он подчеркивает, что разоблачение царской дипломатии имеет большое значение для революционного движения в России.

9 апреля Получив от голландского социалиста Ф. Д. Ньювенгейса информацию о состоянии рабочего движения в Голландии, Энгельс пишет ему письмо, в котором выражает свое удовлетворение успехами голландских социалистов и сообщает о ходе своей работы по подготовке к печати рукописи III тома «Капитала».

17 апреля Энгельс в ответ на письмо Засулич, выразившей недовольство публикацией в газете «Sozialdemokrat» 5 апреля статьи русского народника Г. Бека с нападками на Г. В. Плеханова и других русских марксистов, предлагает Засулич и ее единомышленникам дать отповедь Беку на страницах газеты. Энгельс советует Засулич и другим русским социал-демократам активно сотрудничать в «Sozialdemokrat» и «Neue Zeit» в целях укрепления связей русских социалистов с социалистами других стран. Ответ Засулич Беку, написанный по совету Энгельса, публикуется в «Sozialdemokrat» 26 апреля.

19 апреля В ответ на просьбу австрийского служащего И. Эренфрёйнда высказать свое отношение к антисемитизму Энгельс пишет ему письмо, в котором раскрывает реакционную сущность антисемитизма. Письмо печатается в органе австрийской социал-демократии «Arbeiter-Zeitung» («Рабочая газета») 9 мая.

Конец апреля — начало мая Энгельс принимает деятельное участие в подготовке первомайской демонстрации и митинга в Лондоне, проводимых в соответствии с решением Международного социалистического рабочего конгресса 1889 г. под лозунгом борьбы за законодательное установление восьмичасового рабочего дня в международном масштабе; он информирует об этой подготовке Зорге, которому сообщает также об успехах социалистической агитации среди рабочих масс; часть письма к Зорге, посвященная подготовке лондонской демонстрации, печатается в американских социалистических органах «New Yorker Volkszeitung» («Нью-йоркская народная газета») и «Workmen's advocate» («Защитник рабочих»).

1 мая Энгельс пишет предисловие к четвертому авторизованному немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии», в котором дает краткий обзор развития международного рабочего движения и распространения марксизма после 1848 года. Предисловие печатается в брошюре, которая выходит в Лондоне в мае.

4 мая Энгельс участвует в первомайской демонстрации и митинге в Лондоне; о своих впечатлениях он в дальнейшем рассказывает в письмах к Бебелю и Л. Лафарг,

а также в статье «4 мая в Лондоне». Энгельс характеризует впервые проводимое празднование Первого мая как смотр боевых сил рабочего класса; он отмечает успех первомайских демонстраций в Австрии; многотысячную демонстрацию и митинг в Лондоне он расценивает как крупную победу английского рабочего движения. Статья печатается в «Arbeiter-Zeitung» 23 мая.

Конец мая 1890 — первая половина июня 1891 — Энгельс работает (с перерывами) над подготовкой четвертого издания своей книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства»; в связи с этим читает новую литературу, в частности книги русского ученого-социолога М. М. Ковалевского «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» (на французском языке) и «Современные обычаи и древние законы России» (на английском языке), вносит значительные изменения и дополнения, особенно в главу о семье, исправляет некоторые неточности; четвертое издание выходит из печати в конце октября — начале ноября 1891 года.

5 июня — В ответном письме немецкому социал-демократу, одному из лидеров полуанархистской группы «молодых» П. Эрнсту Энгельс решительно выступает против вульгаризации последним исторического материализма.

10 июня — В письме к Даниельсону Энгельс выражает свою глубокую скорбь и соболезнование по поводу смерти великого русского ученого, революционера-демократа Н. Г. Чернышевского.

25 июня — Энгельс пишет предисловие к четвертому немецкому изданию I тома «Капитала».

1—26 июля — Энгельс вместе со своим другом, крупным немецким ученым-химиком, социал-демократом К. Шорлеммером совершает путешествие по Норвегии.

Около 9 июля — около 22 сентября — Энгельс ведет переписку с бывшим членом Генерального Совета I Интернационала, польским революционером, генералом Парижской Коммуны В. Врублевским и оказывает ему материальную помощь.

Август — начало октября — Энгельс уделяет большое внимание подготовке назначенного на октябрь в Галле очередного съезда Социал-демократической партии Германии; в письмах к Либкнехту и к другим руководителям партии он указывает на необходимость борьбы против группы «молодых», выступившей с демагогической критикой партийного руководства. Энгельс знакомится также с проектом устава партии и критикует отдельные его положения, подчеркивая недопустимость того, чтобы фракция рейхстага фактически занимала господствующее положение по отношению к Правлению партии.

5 августа, 21—22 сентября и 27 октября	Энгельс в письмах к немецкому социал-демократу, философу и экономисту К. Шмидту и к немецкому студенту И. Блоху, которые обратились к нему за разъяснениями некоторых положений исторического материализма, подвергает критике вульгаризаторов теории марксизма, утверждавших, что она будто бы считает экономический фактор единственной движущей силой исторического процесса; Энгельс разъясняет, что экономический базис в конечном счете является определяющим фактором исторического развития, по что и надстройка, в свою очередь, оказывает влияние на ход истории и развитие самой экономики.
Около 14 августа — 12 сентября	Энгельс отдыхает в Фолкстоне (южное побережье Англии).
Начало сентября	Энгельс следит за ходом очередного конгресса английских тред-юнионов, происходящего в Ливерпуле с 1 по 6 сентября; принятие конгрессом, вопреки тред-юнионистским лидерам, резолюции с требованием законодательного установления восьмичасового рабочего дня Энгельс рассматривает как свидетельство значительного роста влияния новых тред-юнионов.
7 сентября	Энгельс пишет ответ на появившуюся в органе группы «молодых» «Sachsische Arbeiter-Zeitung» («Саксонская рабочая газета») редакционную статью, утверждавшую, что оценка этой группой линии руководства партии якобы соответствует его взглядам. Энгельс решительно опровергает это утверждение, характеризует взгляды «молодых» как грубое искажение марксизма. Ответ печатается в газете «Sozialdemokrat» 13 сентября.
Около 9 сентября — середина октября	Энгельс принимает активное участие в подготовке Международного социалистического рабочего конгресса, созыв которого намечен на 1891 г. в Брюсселе; ведет по этому поводу обширную переписку с деятелями социалистических партий ряда стран; Энгельс считает возможным проведение объединенного конгресса с участием поссибилистов, выражая уверенность в том, что в условиях подъема социалистического движения марксисты окажутся на конгрессе в большинстве. Предложения Энгельса целиком принимаются совещанием социалистов различных стран, состоявшимся по его совету во время съезда германской социал-демократии в Галле в середине октября.
Между 12 и 18 сентября	В связи с прекращением издания газеты «Sozialdemokrat» — нелегального органа германской социал-демократии в период действия исключительного закона против социалистов — Энгельс обращается к читателям газеты с прощальным письмом, в котором отмечает ее огромную роль в революционной борьбе пролетариата. Письмо печатается в газете «Sozialdemokrat» 27 сентября.

1 октября — Энгельс пишет статью «Ответ господину Паулю Эрнсту», в которой дает резкую отповедь новой попытке лидера группы «молодых» сослаться на авторитет Энгельса в борьбе против руководства партии. Статья печатается в социал-демократической газете «Berliner Volksblatt» («Берлинская народная газета») 5 октября.

11—19 октября — Энгельс следит за ходом съезда французской Рабочей партии, происходящего в Лилле 11 и 12 октября, а также съезда французских синдикатов (профессиональных союзов), происходящего в Кале с 13 по 18 октября. Энгельс рассматривает эти съезды, принявшие, в частности, решения о праздновании Первого мая, как показатель роста влияния французских марксистов на рабочий класс; информируя об этих съездах Зорге, он сообщает ему также о расколе внутри оппортунистической группировки французских социалистов — поссибилистов, отмечая, что обе ее фракции, возглавляемые — одна Ж. Аллеманом, а другая П. Бруссом, — находятся в состоянии распада.

Между 12 и 19 октября — Энгельс разбирает переписку Маркса за 1836—1864 годы.

Середина октября — Энгельс по газетным сообщениям и письмам Либкнехта, Э. Маркс-Эвелинг, а также члена правления Социал-демократической партии Германии Р. Фишера и других внимательно следит за ходом съезда этой партии, происходящего в Галле с 12 по 18 октября; в письмах к Зорге и Л. Лафарг он выражает удовлетворение итогами съезда, который принял новый устав партии, а также решение о разработке новой партийной программы к очередному съезду партии в 1891 году.

Около 25 октября — Энгельс получает от польского социалиста Л. Крживицкого польский перевод I тома «Капитала».

5 ноября — Энгельс сообщает Зорге о смерти своего друга и близкого друга семьи Маркса Елены Демут.

27 ноября — начало декабря — У Энгельса гостят руководители германской социал-демократии Бебель, Либкнехт и П. Зингер, прибывшие в Лондон поздравить его с семидесятилетием от имени Социал-демократической партии Германии. По инициативе Энгельса они встречаются с деятелями английского рабочего движения Э. Маркс-Эвелинг, Дж. Бёрнсом, У. Торном и Р. Каннингем-Грехемом.

28 ноября — Социалистические и рабочие партии и организации различных стран отмечают семидесятилетие Энгельса Он получает большое количество приветствий от этих партий и организаций, а также от отдельных деятелей социалистического и рабочего движения.

Декабрь 1890 — февраль 1891

Энгельс, в связи с выходом брошюры немецкого буржуазного экономиста, катедер-социалиста Л. Брентано «Моя полемика с Карлом Марксом», работает над произведением «Брентано contra Маркс», в котором окончательно разоблачает клеветнические измышления Брентано о якобы научной недобросовестности Маркса. Брошюра выходит из печати в апреле 1891 года.

Декабрь 1890 — 6 января 1891

В связи с разработкой новой программы Социал-демократической партии Германии и развернувшейся по этому вопросу дискуссией в партийной печати Энгельс подготавливает к публикации рукопись работы Маркса «Критика Готской программы», написанной в 1875 году. Энгельс считает своим долгом опубликовать этот программный документ, в котором Маркс нанес сокрушительный удар по лассальянству и наиболее полно сформулировал свои взгляды на диктатуру пролетариата и переход к коммунизму, чтобы помочь партии в создании подлинно революционной, научно обоснованной марксистской программы и в борьбе против усилившихся в ней оппортунистических элементов. Работа с предисловием Энгельса печатается в журнале «Neue Zeit» в конце января 1891 года.

Первая половина декабря

Энгельс в ответ на просьбу французского социалиста Фортена, переводчика работы Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», дает согласие на публикацию этой работы во французской газете «Le Socialiste» («Социалист»); работа печатается в газете в январе — ноябре 1891 года; в то же время Энгельс категорически возражает против намерения перепечатать произведение Маркса «Нищета философии» во французском журнале «Revue socialiste» («Социалистическое обозрение»), выходящем под редакцией поссибилиста Б. Малона.

2—3 декабря

Энгельс пишет в редакции газеты «Berliner Volksblatt», венгерских социалистических газет «Arbeiter-Wochen-Chronik» («Рабочая еженедельная хроника») и «Nepszava» («Слово народа»), а также Национальному совету французской Рабочей партии и отдельным лицам письма, в которых, выражая благодарность за поздравления ко дню семидесятилетия, отмечает огромную роль Маркса в развитии международного рабочего движения. Письма печатаются в «Berliner Volksblatt» 5 декабря, в «Arbeiter-Wochen-Chronik» и «Nepszava» 14 декабря и в «Socialiste» 25 декабря.

25 декабря

В письме к видному деятелю венгерского и международного рабочего движения Л. Франкелю Энгельс разъясняет причины борьбы между французской Рабочей партией и поссибилистами; он указывает, что преодоление раскола в социалистическом движении Франции возможно только при условии изоляции поссибилистских лидеров; одновременно он информирует

Франкеля о подготовке к Международному социалистическому рабочему конгрессу 1891 года.

1891

Январь Энгельс получает от Зорге и из других источников сведения о конфликте между лидерами Социалистической рабочей партии Северной Америки и руководством Американской федерации труда, которое заявило, что партия как политическая организация не может входить в Федерацию, и предложило членам партии вступать в нее в индивидуальном порядке, через профсоюзы; по этому же поводу он получает письмо от лидера Федерации реформиста С. Гомперса. Энгельс в письме к Шлютеру подвергает критике позицию лидеров Социалистической рабочей партии, он рассматривает их отказ от предложения Федерации и их стремление противопоставить партию этой наиболее массовой организации американских рабочих как проявление сектантства, объективно ведущего к усилению влияния реформистов в рабочем движении.

Около 10 января — 1 февраля Энгельс неоднократно встречается с высланными из Парижа польскими эмигрантами-социалистами Станиславом Мендельсоном и его женой Марией. По его совету Мендельсон обращается в орган английской Социал-демократической федерации газету «Justice» («Справедливость») с письмом, в котором предостерегает английских социалистов от возможных провокаций со стороны появившихся в Лондоне двух агентов царской охранки. Текст письма, напечатанного в этой газете 24 января, был просмотрен и отредактирован Энгельсом.

Конец января — апрель Энгельс принимает деятельное участие в подготовке празднования Первого мая; ведет по этому поводу обширную переписку с социалистическими деятелями Франции, США, Германии и других стран.

Между 31 января и 22 апреля Энгельс продолжает получать от Лафаргов подробную информацию о состоянии социалистического движения во Франции; в письмах к ним он одобряет тактику Рабочей партии по отношению к поссибилистам — не идти ни на какие принципиальные уступки во имя формального единства, но и не отказываться от практического сотрудничества в необходимых случаях.

Февраль — октябрь Энгельс систематически читает газету «Vorwarts» («Вперед»), ставшую с 1 января центральным органом Социал-демократической партии Германии; в письмах к Бебелю и другим деятелям партии он подвергает критике редакцию за колебания и ошибки оппортунистического характера.

Февраль — апрель Энгельс внимательно следит за состоянием социалистического движения в Англии, оказывая повседневную помощь Э. Маркс-Эвелинг, Э. Эвелингу и другим английским социалистам в их борьбе за создание политической партии рабочего класса.

5 февраля — 8 апреля Энгельс ведет переписку с редактором журнала «Neue Zeit» Каутским, с Зорге, Шлютером, Лафаргом и другими деятелями социалистического движения по поводу развернувшейся в Социал-демократической партии Германии дискуссии, вызванной неодобрением некоторыми ее лидерами и особенно большинством ее фракции в рейхстаге опубликования в «Neue Zeit» работы Маркса «Критика Готской программы». В своих письмах он разъясняет необходимость публикации этого произведения.

20—27 февраля Энгельс ведет переписку с Фишером в связи с предложением последнего переиздать его книгу «Развитие социализма от утопии к науке», а также работы Маркса «Наемный труд и капитал» и «Гражданская война во Франции»; Энгельс, считая, что распространение этих произведений имеет важное значение для пропаганды марксизма, дает согласие на эти издания.

Между 20 февраля и 6 марта Энгельс читает рукопись статьи Лафарга о домарксовых буржуазных теориях прибавочной стоимости и высказывает ряд критических замечаний.

Март — ноябрь Энгельс, стремясь оказать помощь в распространении марксизма в Италии, где происходило формирование социалистической партии, обсуждает в переписке с Мартиньетти вопрос об издании там своих произведений.

4 марта — 2 октября Энгельс редактирует часть перевода своей книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства» на французский язык, сделанного французским социалистом А. Раве, а также просматривает перевод остального текста, отредактированный Л. Лафарг.

7 марта Энгельс в письме к одному из лидеров итальянского социалистического движения Ф. Турати дает согласие на перевод некоторых своих работ на итальянский язык и включение их в намеченную к изданию библиотеку научного социализма; письмо печатается в итальянском социалистическом журнале «Critica Sociale» («Социальная критика») 10 марта.

17 марта Энгельс пишет приветствие французским рабочим по случаю 20-й годовщины Парижской Коммуны; он выражает уверенность в грядущей победе социалистической революции во всем мире; приветствие печатается в газете «Socialiste» 25 марта.

18 марта — Энгельс завершает работу над введением к подготовленному им к печати третьему немецкому изданию произведения Маркса «Гражданская война во Франции», приурочив его к двадцатилетию Парижской Коммуны; в этом введении, направленном против оппортунистических элементов в германской социал-демократии, он раскрывает классовую сущность буржуазного государства, противопоставляя ему Парижскую Коммуну как первую попытку установления диктатуры пролетариата. Введение печатается в марте в журнале «Neue Zeit» и в книге, которая выходит в свет в мае.

21 марта — Энгельс в письме к Шлютеру благодарит его за информацию о положении в Социалистической рабочей партии Северной Америки; он критикует руководство этой партии, продолжающее проводить сектантскую линию по отношению к «Ордену рыцарей труда» и другим массовым рабочим организациям США.

Энгельс посылает Зорге итальянское издание «Манифеста Коммунистической партии», вышедшее из печати в конце февраля — начале марта.

24 марта — В ответ на просьбу одного из руководителей Социалистической рабочей партии Испании X. Меса разрешить издание работы Маркса «Нищета философии» на испанском языке, Энгельс пишет Меса письмо, в котором дает свое согласие, отмечая при этом важность и актуальность борьбы с влиянием анархистских идей в Испании, распространяемых также и в форме прудонизма. Письмо печатается в качестве предисловия к испанскому изданию работы Маркса, которое выходит в свет летом.

Между 25 марта и 15 мая — Энгельс ведет переписку с Лабриолой, который сообщает ему некоторые данные о состоянии рабочего движения и пропаганды марксизма в Италии, в частности о событиях в Риме в связи с празднованием Первого мая, завершившимся кровавым столкновением с полицией.

Начало апреля — У Энгельса гостит Шорлеммер.

9 апреля — Энгельс в ответ на полученное им из Италии приглашение присутствовать на интернациональном митинге в защиту прав труда, намеченном на 12 апреля в Милане, пишет приветственное письмо, в котором отмечает успехи международного рабочего движения.

Между 10 и 15 апреля — Энгельс посылает свою брошюру «Брентано contra Маркс» Зорге, Фишеру, Ньювенгейсу и другим деятелям международного социалистического движения.

30 апреля — Энгельс пишет введение к подготовленному им к печати отдельному изданию работы Маркса «Наемный труд и

капитал». Введение печатается в приложении к газете «Vorwarts» 13 мая и в книге, которая выходит в свет в конце июня.

1—2 мая В письме к Бебелю Энгельс указывает на ошибочность позиции Либкнехта и некоторых других членов Правления Социал-демократической партии Германии в вопросе об опубликовании работы Маркса «Критика Готской программы», а также на известное непонимание со стороны самого Бебеля важности этой публикации. Энгельс подчеркивает значение работы Маркса для повышения идейно-теоретического уровня членов партии и преодоления влияния в партии культа личности Лассаля; он рекомендует уделять больше внимания овладению революционной теорией и ее развитию, развертыванию научных дискуссий и т. д.

3 мая Энгельс принимает участие в массовой демонстрации и митинге в Лондоне, посвященных празднованию Первого мая.

Около 6 мая Энгельс получает от Фишера подробное сообщение об успешном проведении массовых первомайских демонстраций в Берлине и других городах Германии.

12 мая Энгельс пишет краткое предисловие к четвертому, исправленному и дополненному им немецкому изданию своей книги «Развитие социализма от утопии к науке». Предисловие публикуется в книге, которая выходит из печати во второй половине года.

Вторая половина мая По просьбе одного из лидеров бельгийской Рабочей партии Э. Анселя Энгельс организует помощь бастующим бельгийским докерам со стороны английских новых тред-юнионов, ведет в связи с этим переписку с лидерами этих тред-юнионов Дж. Бёрнсом и Э. Клемом.

Около 20 мая Энгельс получает от Шлютера сообщение о состоянии рабочего движения в США, о борьбе шахтеров за восьмичасовой рабочий день, а также о распространении в США изданного там английского перевода I тома «Капитала».

Около 21 мая Энгельс по просьбе немецкого профессора-экономиста Л. Эльстера сообщает ему свои биографические данные и библиографию своих трудов для «Справочника по общественно-политическим наукам», издаваемого в Германии; присланные Энгельсом данные помещаются в 3 томе этого издания, которое выходит в Йене в 1892 году.

Июнь Энгельс читает книгу немецкого буржуазного социолога П. Барта «Философия истории Гегеля и гегельянцев до Маркса и Гартмаиа» и в письме к К. Шмидту

подвергает ее резкой критике за попытки исказить и вульгаризировать теорию исторического материализма Маркса, а также за неправильное толкование сущности философии Гегеля.

16 июня Энгельс заканчивает работу над предисловием к четвертому изданию своей книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в котором дает историографический обзор важнейших направлений в изучении истории семьи и первобытного общества, особенно подчеркивая значение исследований видного американского историка и этнографа Л. Г. Моргана. Предисловие печатается в журнале «Neue Zeit» в июне под заглавием «К истории первобытной семьи (Бахофен, Мак-Леннан, Морган)» и в книге, которая выходит из печати в конце года.

Между 18 и 29 июня Энгельс изучает проект программы Социал-демократической партии Германии, составленный в основном Либкнехтом и Бебелем по поручению Правления. Отмечая, что в проекте в общем устранены наиболее серьезные ошибки Готской программы, Энгельс в то же время подвергает критике ряд положений проекта. Он указывает на отсутствие в проекте требований завоевания пролетариатом политической власти, демократизации государственного строя и создания единой демократической республики и подчеркивает, что эти недостатки носят характер уступок оппортунизму. Свои замечания Энгельс направляет Правлению партии; проект с учетом некоторых из этих замечаний публикуется 4 июля в газете «Vorwarts», а затем в других органах партийной печати для предварительного обсуждения.

26 июня Энгельс пишет приветственное письмо второму съезду Социал-демократической рабочей партии Австрии, созываемому в Вене на 28—30 июня; он отмечает крупные успехи социалистического движения в Австрии и рост пролетарского интернационализма. Письмо печатается в «Arbeiter-Zeitung» 3 июля.

26 июня — около 24 августа Энгельс отдыхает (с перерывом) в Райде (остров Уайт), где у него гостят Шорлеммер и ветеран чартистского движения Дж. Гарни.

29 июня В письме к Каутскому Энгельс резко критикует шовинистическую речь лидера баварских социал-демократов оппортуниста Г. Фольмара, произнесенную на социал-демократическом собрании в Мюнхене 1 июня. Энгельс требует, чтобы партия лишила Фольмара права выступать от ее имени.

Начало августа Энгельс получает от Турати изданную в Италии пропагандистскую брошюру, составленную на основе ею введения к новому изданию работы Маркса «Наемный труд и капитал».

Между 3 и 18 августа	Энгельс получает от Лабриолы подробную информацию о положении в Италии и состоянии рабочего и социалистического движения, в частности о судебной расправе над участниками первомайской демонстрации и других политических процессах, а также о рабочем съезде, проходившем в Милане 2—5 августа.
Вторая половина августа — начало сентября	Энгельс, по сообщениям прессы и письмам Э. Маркс-Эвелинг, ветерана немецкого и английского рабочего движения Ф. Лесснера и других участников Международного социалистического рабочего конгресса, происходящего в Брюсселе с 16 по 22 августа, внимательно следит за работой конгресса; в письмах к Зорге, Лафаргу и другим деятелям социалистического движения он дает положительную оценку результатам его работы. Письмо Лафаргу с небольшими сокращениями публикуется в газете «Socialiste» 12 сентября.
Около 25— около 27 августа	У Энгельса гостят Бебель и один из лидеров социал-демократической партии Австрии В. Адлер; он беседует с ними об итогах Брюссельского международного социалистического рабочего конгресса.
Около 3 сентября	Энгельса посещают американские делегаты международного конгресса в Брюсселе социалисты Мак Вей и редактор нью-йоркской еврейской рабочей газеты А. Каган.
8 — около 23 сентября	Энгельс с племянницей своей жены М. Э. Рошер и своим секретарем Л. Каутской совершает поездку по Ирландии и Шотландии.
14 и 30 сентября	Энгельс информирует Зорге о конгрессе английских тред-юнионов, состоявшемся в Ньюкасле в начале сентября, рассматривает его решения как серьезный успех «новых тред-юнионов», поскольку на нем потерпели поражение попытки реформистских лидеров тред-юнионов добиться отмены резолюции предыдущего конгресса о восьмичасовом рабочем дне.
Между 24 и 28 сентября	Энгельс читает проект программы Социал-демократической партии Германии, составленный редакцией «Neue Zeit» и опубликованный в этом журнале 14 сентября; он сообщает свои замечания Каутскому. Энгельс указывает, что этот проект более приемлем, чем проект, предложенный Правлением партии.
Около 29 сентября	Энгельс после некоторого перерыва возобновляет работу над подготовкой к печати рукописи III тома «Капитала».
Октябрь — 14 ноября	Энгельс внимательно следит за политическими событиями во Франции в связи с дополнительными выборами в палату депутатов, на которых была выдвинута кандидатура Лафарга; в письмах к Лафаргам, Бебелю и Зорге Энгельс выражает свое удовлетворение избранием

Лафарга, расценивая это как серьезный успех Рабочей партии и свидетельство правильности ее тактики, направленной на сплочение социалистических сил.

Около 3 октября — 1 декабря Энгельс ведет переговоры с лондонским издательством Суон Зонненшайн об издании английского перевода его книги «Положение рабочего класса в Англии», переписывается в этой связи с переводчицей книги, американской социалисткой Ф. Келли-Вишневецкой.

Между 13 и 22 октября Энгельс пишет статью «Социализм в Германии», в которой намечает тактику социалистов в связи с угрозой общеевропейской войны; он подчеркивает, что социалисты всех стран должны решительно выступать за мир. Статья на французском языке печатается в «Almanach du Parti Ouvrier pour 1892» («Альманах Рабочей партии на 1892 год») в начале декабря.

14 октября В связи с перепечаткой в «Vorwarts» проекта программы Социал-демократической партии Германии, составленного редакцией «Neue Zeit», Энгельс пишет письмо Каутскому, решительно протестуя против включения в этот текст ранее отсутствовавшего в нем лассальянского положения о том, что все другие классы якобы представляют собой по отношению к пролетариату единую реакционную массу.

Середина октября — начало ноября Энгельс внимательно следит за работой съезда Социал-демократической партии Германии, происходящего в Эрфурте с 14 по 21 октября; он посылает приветствие съезду; в письмах к Зорге, Бебелю и другим деятелям немецкого и международного социалистического движения он одобряет решения съезда, в частности исключение из партии лидеров группы «молодых», а также осуждение делегатами съезда оппортунистических и шовинистических выступлений Фольмара; Энгельс выражает свое удовлетворение тем, что съезд принял в основном марксистскую программу партии.

24 октября В письме к Зорге, от которого он систематически получает информацию о состоянии рабочего движения в США, Энгельс отмечает, что одной из причин известного отставания этого движения от борьбы европейского пролетариата является относительно более высокий жизненный уровень рабочих — коренных жителей США.

Ноябрь—декабрь Энгельс интенсивно работает над подготовкой к печати рукописи III тома «Капитала».

Ноябрь Энгельс читает статьи Плеханова «К шестидесятилетию со дня смерти Гегеля», опубликованные в журнале «Neue Zeit»; он характеризует эти статьи как превосходные.

1 ноября Энгельс, в ответ на просьбу Шмидта оказать ему помощь в изучении трудов Гегеля, дает ему ряд советов по

этому вопросу, он подчеркивает, с одной стороны, важность правильного понимания положительных сторон гегелевской философии, а с другой — принципиальное различие между диалектическим материализмом Маркса и идеалистической диалектикой Гегеля.

Около 12 ноября Энгельс получает сообщение о смерти бывшего члена Союза коммунистов и одного из редакторов «Neue Rheinische Zeitung» («Новая Рейнская газета») Э. Дронке.

13 ноября В ответ на приглашение редакции выходящей в Брюнне (чешское название: Брно) австрийской социалистической газеты «Volksfreund» («Друг народа») принять участие в праздновании десятилетия газеты Энгельс пишет приветственное письмо редакции. Письмо печатается в этой газете 25 ноября.

17 ноября Энгельс пишет в редакцию английской либеральной газеты «Daily Chronicle» («Ежедневная хроника») заявление, в котором разоблачает клеветнические сообщения в отношении семьи Маркса, помещенные в этой газете. Заявление под названием «О покойной г-же Маркс» печатается в газете 26 ноября.

28 ноября Энгельс, в ответ на предложение певческого кружка лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих организовать его чествование по случаю дня рождения, пишет письмо, в котором подчеркивает, что он, как и Маркс, в принципе является противником публичных демонстраций по отношению к отдельным лицам; он считает их допустимыми лишь тогда, когда они имеют важное общественное значение.

3 декабря Энгельс сообщает Каутскому о том, что приступает к работе над подготовкой к печати последних отделов рукописи III тома «Капитала».

Середина декабря Энгельс совершает поездку в Райд.

1892

Январь — март Энгельс неоднократно посещает Гарни в Ричмонде, переписывается с ним и оказывает ему материальную помощь.

Январь Энгельс читает статью немецкого вульгарного буржуазного экономиста Ю. Вольфа «Загадка средней нормы прибыли у Маркса», напечатанную в 1891 г. в немецком журнале «Jahrbucher fur Nationalokonomie und Statistik» («Ежегодник по вопросам политической экономии и статистики»); в написанном позднее предисловии к III тому «Капитала» он подвергает эту статью резкой критике.

Энгельс переводит на немецкий язык свою статью «Социализм в Германии», пишет введение и заключение к ней, в котором рассматривает внутреннее положение России в связи с голодом 1891 г. в стране. Статья печатается в журнале «Neue Zeit» в феврале.

6 января — Энгельс в письме к Зорге, анализируя политическое положение в США в связи с попытками создания популистской (фермерской) партии, отмечает, что в условиях американской буржуазной двухпартийной системы создание устойчивой третьей партии фермеров и мелких буржуа в ближайшее время не имеет реальных перспектив.

11 января — Энгельс пишет предисловие к английскому изданию своей работы «Положение рабочего класса в Англии»; предисловие печатается в книге, которая выходит в свет в Лондоне в конце марта.

6 февраля — Энгельс в связи с появлением в итальянской буржуазно-либеральной газете «Tribuna» («Трибуна») статьи буржуазного публициста и философа Дж. Бовио, утверждавшего, что немецкие социалисты не придают значения форме политического господства пролетариата, пишет Бовио ответ, в котором показывает полную необоснованность его утверждений. Ответ печатается в журнале «Critica Sociale» 16 февраля.

10 февраля — Энгельс по просьбе польских социалистов-эмигрантов в Лондоне пишет предисловие к польскому изданию «Манифеста Коммунистической партии»; он отмечает, что подлинная независимость Польши может быть завоевана только пролетариатом; предисловие печатается в книге, которая выходит из печати в Лондоне, и в польском социалистическом журнале «Przedswit» («Рассвет») 27 февраля.

Середина февраля — Энгельс редактирует английский перевод своей работы «Развитие социализма от утопии к науке», сделанный Эвелингом.

19 февраля — Энгельс в письме к Адлеру сообщает о своем решении переводить весь гонорар, получаемый им в издательстве Дица, в партийную кассу Социал-демократической рабочей партии Австрии.

Около 20 февраля — Энгельс по просьбе социал-демократической фракции германского рейхстага пишет приветственный адрес Бебелю по поводу 25-летия его парламентской деятельности.

Март — апрель — В связи с приближением празднования Первого мая Энгельс оказывает помощь Эвелингу и Э. Маркс-Эвелинг и возглавляемой ими Лиге борьбы за восьмичасовой рабочий день в выработке тактической линии, направленной на единство действий с другими рабочими

и социалистическими организациями Англии; Энгельс информирует социалистических деятелей других стран о ходе подготовки к Первому мая в Лондоне.

Начало марта Энгельса посещает немецкий рабочий-горняк, социал-демократ А. Зигель, эмигрировавший из Германии ввиду преследований со стороны правительства; Энгельс помогает ему получить работу и оказывает материальную помощь.

Энгельс читает начало рукописи брошюры Каутского «Эрфуртская программа» и посылает автору свои замечания.

Между 5 и 16 марта Энгельс знакомится с рядом работ немецкого социал-демократа публициста и историка Ф. Меринга; в письме к Бебелю он дает высокую оценку этим работам, особенно труду Меринга «Легенда о Лессинге», в котором освещается история Пруссии с позиций исторического материализма.

5 марта — 19 апреля Энгельс в письмах к Лафаргам критикует действия французских марксистов, вступивших в палате депутатов в союз с группой шовинистически настроенных бланкистов — бывших буланжистов — во главе с Э. Гранже; высказываясь против такого рода союза, Энгельс рекомендует тактику сближения с бланкистами так называемой старой школы, возглавляемой Э. Вайяном.

Около 10 марта Энгельс получает от Лабриолы программу Партии итальянских трудящихся, выработанную по решению Миланского съезда, а также данные о движении безработных в Риме; подробную информацию о политическом положении и борьбе рабочего класса Италии Энгельс получает от Лабриолы и в дальнейшем.

15 марта — около 25 сентября Энгельс переписывается с Даниельсоном, от которого получает данные об экономическом положении России, а также русские экономические журналы и книги, в частности I том «Итогов статистико-экономических исследований, произведенных земствами»; в письмах к нему Энгельс отмечает, что быстрое развитие капитализма в России неизбежно ведет к развитию капиталистических отношений и в сельском хозяйстве, а, следовательно, к разложению крестьянской общины и пролетаризации значительной массы крестьян.

17 марта Энгельс пишет приветствие французским рабочим по случаю 21-й годовщины Парижской Коммуны; приветствие печатается в газете «Socialiste» 26 марта.

Около 20—26 марта Энгельс отдыхает в Райде.

29 марта Энгельс пишет вводное замечание ко второму немецкому изданию работы Маркса «Нищета философии»; издание выходит в свет в Штутгарте в 1892 году.

30 марта

Вскрывая причины, препятствующие развитию социалистического движения в США, Энгельс в письме к Шлютеру отмечает, что американская буржуазия раскалывает рабочий класс, подкупая рабочих — коренных американцев и в то же время натравливая их на рабочих-эмигрантов различных национальностей, а последних — друг на друга.

1 апреля

Энгельс дает интервью корреспонденту французской буржуазной газеты «Eclair» («Молния») Э. Массару по вопросу об отношении социалистов к важнейшим проблемам внешней и внутренней политики ряда европейских государств; касаясь взрывов, произведенных анархистами в Париже, Энгельс расценивает их как провокационные действия парижской полиции. Текст интервью, просмотренный и исправленный Энгельсом, печатается в газете 6 апреля.

Середина апреля

Энгельса посещает русский революционер-народник Н. С. Русанов, с которым он беседует об экономическом положении и некоторых вопросах социалистического движения в России; Энгельс отмечает неизбежность краха иллюзий народников, отрицающих историческую обусловленность развития капитализма в России.

20 апреля

Энгельс завершает работу над введением к английскому изданию своей книги «Развитие социализма от утопии к науке», в котором освещает с точки зрения исторического материализма важнейшие этапы развития буржуазного общества, рассматривает в этой связи некоторые проблемы истории и материалистической философии, дает характеристику агностицизма и особенностей буржуазной идеологии в период начавшегося упадка капитализма. Издание выходит в свет в Лондоне в 1892 году.

Май

Энгельс получает от Мендельсона листовки на польском языке, изданные к Первому мая во Львове и Кракове.

1 мая

Энгельс принимает участие в первомайской демонстрации и митинге в Лондоне; в последующие дни он в письмах к Л. Лафарг и Бебелю расценивает празднование Первого мая как крупный успех рабочего движения.

Между 2 и 10 мая

Энгельс следит за ходом муниципальных выборов во Франции, происходящих с 1 по 8 мая, отмечает успехи социалистов в избирательной кампании.

Около 5 мая

Энгельс получает от Лабриолы информацию о первомайских демонстрациях в различных городах Италии.

Около 14 мая — 1 июня

У Энгельса гостит Бебель, вместе с которым он неоднократно встречается с Зингером, также находящимся в это время в Лондоне; они обсуждают вопросы социалистического движения в Германии.

17 мая — июнь	В связи с тяжелым заболеванием Шорлеммера Энгельс ведет переписку с его братом и лечащими врачами, навещает его в Манчестере.
31 мая	Энгельс пишет приветственное письмо третьему съезду Социал-демократической рабочей партии Австрии; письмо печатается в «Arbeiter-Zeitung» 10 июня.
Приблизительно начало июня	Энгельс переводит на немецкий язык свое введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке». Перевод печатается в журнале «Neue Zeit» в сентябре под заглавием «Об историческом материализме».
Между 9 и 17 июня	Энгельса несколько раз посещает делегация немецких горняков, прибывшая в Лондон для участия в международном конгрессе горнорабочих; Энгельс беседует с членами делегации о положении немецких шахтеров и их борьбе за своп права.
Середина июня — 25 июля	Энгельс внимательно следит за избирательной кампанией и ходом выборов в английскую палату общин, происходящих с 7 по 24 июля; в письмах к Бебелю, Л. Лафарг и другим деятелям социалистического движения он отмечает крупный успех независимых рабочих кандидатов Гарди, Бёрнса и др. и указывает, что это будет способствовать усилению движения за создание самостоятельной политической рабочей партии.
29 июня — 2 июля	В связи со смертью Шорлеммера Энгельс совершает поездку в Манчестер, где принимает участие в его похоронах; Энгельс пишет некролог, посвященный памяти этого выдающегося ученого-революционера. Статья под заглавием «Карл Шорлеммер» печатается в газете «Vorwarts» 3 июля.
21 июля	Энгельс заканчивает предисловие ко второму немецкому изданию своей книги «Положение рабочего класса в Англии», которая выходит в свет в середине августа.
23 июля	Энгельс, в связи с новым выступлением Фольмара в защиту идей «государственного социализма» и сотрудничества социал-демократической партии с властями Германской империи, пишет Бебелю письмо, в котором подчеркивает необходимость разрыва с оппортунистами и намечает тактику борьбы с ними.
27 июля — 6 сентября	Энгельс отдыхает в Райде.
Август	Энгельс, продолжая начатое им еще в 40-х годах изучение истории первоначального христианства, читает произведения французского философа и историка Э. Ренана.

Около 2 августа Энгельс получает от датского социал-демократа Г. Трира информацию о состоянии рабочего движения в Дании.

Между 4 августа и 3 сентября Энгельс получает от Лабриолы сообщения о подготовке и ходе состоявшегося в Генуе 14—15 августа учредительного съезда Партии итальянских трудящихся.

12 августа и 4 сентября Энгельс в письмах к Каутскому выражает недовольство исключением из помещенной в журнале «Neue Zeit» статьи Эвелингов об итогах выборов в Англии тех ее разделов, в которых подвергались критике руководство Социал-демократической федерации и Фабианское общество; Энгельс характеризует это Общество как клику буржуазных «социалистов», объединенных страхом перед грядущей пролетарской революцией, стремящихся подчинить рабочий класс либеральной буржуазии и не допустить создания самостоятельной рабочей партии в Англии.

19—23 августа Энгельс в письмах к Бебелю, Зорге и Адлеру сообщает о серьезных успехах, достигнутых английскими социалистами в борьбе за восьмичасовой рабочий день; он отмечает перелом в настроениях ланкаширских текстильщиков, подавляющее большинство которых высказалось в пользу участия в борьбе за законодательное установление восьмичасового рабочего дня.

Сентябрь — октябрь Энгельс ведет переписку с бывшим членом I Интернационала немецким врачом Л. Кугельманом, получает от него некоторые давно не переиздававшиеся работы Маркса.

5—26 сентября Энгельс следит за ходом конгресса английских тред-юнионов, происходящего в Глазго с 5 по 9 сентября, дает оценку его решениям. Он расценивает принятое этим конгрессом решение об отказе от приглашения на созываемый в 1893 г. в Цюрихе Международный социалистический рабочий конгресс и о созыве вместо него международного конгресса по вопросу о восьмичасовом рабочем дне как попытку помешать новым тред-юнионам установить более тесный контакт с европейскими социалистическими партиями; в связи с этим Энгельс рекомендует социалистам Германии, Франции и других стран публично отклонить этот план и предложить отдельным тред-юнионам прислать своих делегатов в Цюрих; Энгельс просматривает также написанную Бебелем по его совету статью на эту тему для журнала «Neue Zeit» и вносит в нее некоторые исправления. По этому же вопросу Энгельс обращается к Национальному совету Социалистической рабочей партии Испании; Энгельс призывает испанских социалистов дать отпор попыткам тред-юнионистов.

12 сентября Энгельс, получив от Шмидта сообщение о новых раскольнических действиях исключенных из Социал-де-

мократической партии Германии лидеров «молодых», в письме к нему осуждает их действия, отмечает, что будучи оторванными от рабочих масс, они не встречают в Германии никакой поддержки.

Вторая половина сентября

Энгельс следит за ходом съездов французских синдикатов и французской Рабочей партии, происходящих в Марселе с 19 по 23 и с 24 по 28 сентября; оба съезда принимают — в соответствии с предложением Энгельса — решение не участвовать в международном конгрессе, созываемом английскими тред-юнионами, и еще раз пригласить их на Международный социалистический рабочий конгресс в Цюрихе; Энгельс одобряет произнесенную на съезде Рабочей партии речь Либкнехта, который подчеркнул интернационализм германской социал-демократии.

Энгельса неоднократно посещает Ковалевский.

22 сентября и 17 ноября

Энгельса посещает русский революционер-народник С. М. Кравчинский (Степняк).

Октябрь—декабрь

Энгельс после более чем полугодового перерыва возобновляет работу над подготовкой к печати III тома «Капитала» и отдает этой работе основную часть своего времени.

Первая половина октября

Энгельс читает брошюру одного из лидеров группы «молодых» Г. Мюллера «Классовая борьба в германской социал-демократии»; в письме к Бебелю Энгельс рекомендует выступить с разоблачением злобных демагогических нападок на партию, содержащихся в этой брошюре, и одновременно подвергнуть критике оппортунистические ошибки, допущенные некоторыми деятелями германской социал-демократии.

Между 6 и 15 октября

По просьбе Лафарга Энгельс помогает ему подготовить для выступления в палате депутатов речь, посвященную разоблачению французских шовинистов и разъяснению интернационалистской позиции германской социал-демократии; он посылает Лафаргу полученные им от Бебеля материалы о борьбе немецких социал-демократов против шовинизма правящих классов Германии в период франко-прусской войны.

Середина октября

Энгельс читает брошюру французского адвоката бланкиста-буланжиста Э. Прото «Шовинисты и реакционеры», направленную, в частности, против статьи «Социализм в Германии»; в письме к французскому социалисту Ш. Бонье он характеризует эту брошюру как лживую и клеветническую, написанную по заданию полицейских органов и шовинистических кругов, заинтересованных в агрессивном союзе буржуазной Франции и царской России.

6 ноября

В письме к Бебелю Энгельс указывает, что развернувшаяся в немецкой социал-демократической печати

в связи с оппортунистическими выступлениями Фольмара дискуссия приняла беспредметный, отвлеченный характер; Энгельс рекомендует привлечь Фольмара на предстоящем съезде партии к ответственности за угодничество перед Вильгельмом II и германским правительством.

Между 9 и 15 ноября — Энгельс пишет статью «Президентские выборы в Америке». Статья печатается в газете «Vorwarts» 16 ноября.

Между 9 и 25 ноября — Энгельс пишет биографический очерк о Марксе для «Справочника по общественно-политическим наукам». Очерк печатается в четвертом томе этого издания, который выходит в свет в Йене в 1892 году.

14—21 ноября — Энгельс следит за ходом съезда Социал-демократической партии Германии, проходящего в Берлине с 14 по 21 ноября; в письме к Бебелю он отмечает, что съезд прошел на более низком уровне, чем предыдущие; Энгельс указывает, что отказ съезда, вопреки обязательствам, взятым на Международном социалистическом рабочем конгрессе 1891 г. в Брюсселе, от проведения первомайской демонстрации 1 мая и перенесение ее на воскресный день будет рассматриваться другими партиями как отступление от совместно принятых решений. В то же время Энгельс одобряет принятые съездом резолюции по вопросу о «государственном социализме» и об антисемитизме.

15 ноября — Энгельс пишет в редакцию немецкой социально-политической газеты, близкой к группе «молодых», «Berliner Volks-Tribune» («Берлинская народная трибуна») заявление, в котором разоблачает фальсификацию в анархистском духе истории I Интернационала в серии статей швейцарского социалиста Эритье, опубликованных в этой газете без подписи; письмо печатается в газете «Berliner Volks-Tribune» 19 ноября.

19 ноября — 22 декабря — Энгельс в переписке с немецкими и французскими социалистами обсуждает вопрос о праздновании Первого мая в 1893 году; он разъясняет, что отход от решения Брюссельского международного социалистического рабочего конгресса об одновременном праздновании во всех странах допустим лишь в исключительных случаях.

Конец ноября — 4 декабря — Энгельс пишет статью «Вновь открытый пример группового брака», используя отчет русского ученого-этнографа Л. Я. Штернберга об исследовании им общественного строя и семейных обычаев сахалинских гиляков; статья печатается в журнале «Neue Zeit» в декабре.

Декабрь 1892 — июль 1893 — Энгельс, наряду с другими занятиями, готовит к печати второе немецкое издание II тома «Капитала».

Декабрь — Энгельс следит за политическим положением во Франции, обострившимся в результате раскрытия и предания гласности злоупотреблений при строительстве Панамского канала, в которых оказались замешанными представители французских правящих кругов; в письмах к Лафаргам он рекомендует французским социалистам использовать создавшуюся ситуацию для усиления социалистической агитации.

3—4 декабря — В связи с планами некоторых руководителей германской социал-демократии превратить «Neue Zeit» в популярный политический и литературно-художественный журнал Энгельс в письмах к Бебелю и Каутскому указывает, что в таком случае необходимо будет наряду с таким журналом издавать и теоретический орган, где разрабатывались бы вопросы теории марксизма.

24 декабря — Энгельс пишет Каутскому письмо с просьбой вернуть рукопись работы Маркса «Теории прибавочной стоимости» — IV том «Капитала», над расшифровкой которой Каутский работал по его поручению. Энгельс получает эту рукопись через Бебеля в начале января 1893 года.

1893

Январь —май — Энгельс продолжает работать над подготовкой к печати рукописи III тома «Капитала».

Начало января — В ответ на приглашение Социал-демократической партии Венгрии присутствовать на ее втором съезде Энгельс пишет на имя Правления этой партии письмо, в котором передает приветствие съезду.

Около 3—10 января — У Энгельса гостит Бебель.

10 января — Энгельс, получив от М. Мендельсон сообщение об аресте парижской полицией пяти польских революционеров-эмигрантов, пишет в связи с этим статью, которая под заглавием «По поводу недавней проделки парижской полиции» печатается в газете «Vorwarts» 13 января.

Середина января — Энгельс следит за ходом конференции социалистических организаций и групп Англии, состоявшейся 13—14 января в Брадфорде и принявшей решение о создании Независимой рабочей партии; в письме к Зорге он оценивает это событие как важный факт в истории английского рабочего движения и одобряет вступление Эвелинга в состав Исполнительного комитета новой партии.

23 января — Энгельс присутствует на вечере, посвященном годовщине лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих.

Между 26 и 29 января Энгельс пишет статью «Об итальянской панаме», в которой на основе документов и материалов, полученных от Лабриолы, разоблачает финансовые махинации крупнейших итальянских банков, тесно связанных с рядом видных политических деятелей. Статья печатается в газете «Vorwarts» 1, 2 и 3 февраля.

Февраль — март Энгельс внимательно следит за развитием английской Независимой рабочей партии и информирует об этом Бебеля, Лафарга, Зорге и других деятелей социалистического движения; в письмах к ним он отмечает ряд политических ошибок лидера этой партии Гарди, играющих на руку консерваторам; в то же время Энгельс, отмечая наличие в составе новой партии здоровых пролетарских элементов, указывает на необходимость проведения действительно независимой политики, что укрепило бы веру рабочих в свои силы, а с другой стороны, заставило бы либеральное правительство пойти на уступки.

Февраль В связи с обсуждением в германском рейхстаге проекта нового военного закона Энгельс пишет по просьбе Бебеля серию статей под названием «Может ли Европа разоружиться?». Энгельс отмечает, что гонка вооружений ложится тяжелым бременем на народы и чревата всеобщей истребительной войной; он выдвигает предложения о разоружении на основе международного соглашения и о постепенной замене постоянных армий милиционной системой. Статьи печатаются в газете «Vorwarts» с 1 по 10 марта, а также выходят в конце марта в виде отдельной брошюры.

1 февраля Энгельс пишет предисловие к итальянскому изданию «Манифеста Коммунистической партии», которое выходит в свет в Милане в 1893 году.

Около 2 февраля Энгельс по просьбе русско-еврейской эмигрантской социалистической группы в Лондоне «Прогресс» посылает ей ряд книг по теории и истории социализма.

4 февраля Энгельс, придавая большое значение привлечению активных участников борьбы рабочего класса к разработке истории рабочего движения, предлагает Гарни взяться за написание истории чартизма.

Около 6 февраля Энгельс знакомится с текстом речи Бебеля в рейхстаге от 3 февраля, в которой была выдвинута программа социалистического переустройства общества, а также с выступлениями на эту тему других социал-демократических депутатов; он рассматривает тот факт, что рейхстаг был вынужден посвятить обсуждению этой проблемы пять дней, как серьезный успех немецкого рабочего движения; Энгельс дает высокую оценку речи Бебеля и одобряет принятые меры для ее широкого распространения.

7 февраля Энгельс в ответ на просьбу русского социалиста-эмигранта В. Шмуилова помочь ему в написании биографического очерка о Марксе для издания в России дает ему ряд советов и указаний, а также посылает работы, написанные Марксом совместно с ним в период деятельности I Интернационала: «Мнимые расколы в Интернационале» и «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих».

24 февраля Энгельс в письме к Даниельсону вскрывает несостоятельность попытки последнего доказать, что развитие России идет по некапиталистическому пути; он отмечает, нто русская крестьянская община могла бы стать в известной степени ячейкой нового общественного развития лишь в том случае, если бы этому предшествовало свержение капитализма в более развитых странах; в сложившихся же условиях капиталистический путь для России неизбежен.

Конец февраля — март Энгельс в связи с начавшейся во Франции подготовкой к парламентским выборам внимательно следит за деятельностью Рабочей партии и других социалистических организаций; в письмах к Лафаргам он рекомендует французским марксистам при заключении избирательных блоков с другими социалистическими группами обязательно сохранять свободу действий и проводить самостоятельную политику.

Около 1—17 марта Энгельс отдыхает в Истборне (южное побережье Англии).

13 марта Энгельс пишет статью для германских рабочих в связи с приближающимся празднованием Первого мая; в этой статье он дает краткую характеристику состояния рабочего движения в Англии. Статья печатается 1 мая в изданном газетой «Vorwarts» специальном выпуске «Mai-Feier» («Майский праздник»).

14 марта Отвечая немецкому социалисту-эмигранту, в США Ф. Визену на вопрос, могут ли социалисты выставлять своих кандидатов на выборные посты в капиталистическом государстве, Энгельс указывает на принципиальную допустимость этого и необходимость применения различных средств и форм борьбы рабочего класса за завоевание политической власти.

Энгельс получает от собрания социалистов различных стран в Женеве, посвященного памяти Маркса в связи с десятилетием со дня его смерти, телеграмму, подписанную Плехановым и другими.

15 марта Энгельс получает от руководства Социал-демократической рабочей партии Австрии телеграмму в связи о десятилетием со дня смерти Маркса.

Середина марта Энгельс читает воспоминания Лесснера о Марксе, опубликованные в «Neue Zeit» 1 марта, и дает о них положительный отзыв.

Около 20 марта Энгельс в ответ на приглашение принять участие в международном рабочем конгрессе, созываемом в Чикаго в сентябре в связи с проведением там всемирной выставки, пишет на имя секретаря организационного комитета по созыву конгресса Г. Д. Ллойда письмо, в котором сообщает, что в силу ряда обстоятельств не может предпринять поездку на конгресс. Одновременно Энгельс посылает Ллойду английские издания «Манифеста Коммунистической партии» и «Развития социализма от утопии к науке».

21 марта Энгельс в письме к чешскому социал-демократу А. Радимскому, сообщившему ему о переводе «Манифеста Коммунистической партии» на чешский язык, выражает свое удовлетворение по этому поводу.

Около 28 марта—4 апреля У Энгельса гостит Бебель; наряду с другими вопросами они обсуждают выдвинутое Зингером предложение об издании сочинений Маркса и Энгельса отдельными выпусками. Издание осуществлено не было.

У Энгельса гостят Лафарги, которые обсуждают с ним проблемы французского рабочего движения.

31 марта В доме Энгельса происходит встреча социалистов, депутатов парламентов Германии, Франции и Англии — Бебеля, Лафарга и Бёрнса; Энгельс рассматривает самый факт такой встречи как свидетельство огромных успехов международного рабочего движения.

Апрель — начало июля Энгельса неоднократно посещает русский социал-демократ А. М. Воден, приехавший к нему с рекомендательным письмом от Плеханова; Энгельс беседует с ним об экономическом положении в России, о борьбе марксистов против народников, а также по ряду философских и экономических вопросов. Энгельс отмечает, в частности, особую важность разработки русскими марксистами аграрного вопроса и высказывает уверенность в том, что в самой России в ближайшее время выдвинутся новые энергичные вожди рабочего движения.

Апрель Энгельс пишет приветственные письма французским, австрийским и испанским рабочим ко дню Первого мая; он подчеркивает значение этого празднования для интернационального сплочения пролетариата; письма печатаются: в газете «Socialiste» под заглавием «Вопреки всему» 23 апреля, в опубликованном издательством «Arbeiter-Zeitung» специальном выпуске «Zum 1. Mai 1893» («К 1 мая 1893 г.») и в газете «El Socialista» 1 мая.

Начало апреля Энгельс получает от одного из руководителей Социалистической рабочей партии Испании П. Иглесиаса информацию о состоянии рабочего движения в стране и борьбе социалистов против анархистов и буржуаз-

ных республиканцев; подобную информацию Энгельс продолжает получать от него и в дальнейшем.

8 апреля Энгельс по просьбе редактора чешской социалистической газеты «Socialni Demokrat» («Социал-демократ») Й. Крапка пишет краткую заметку «Чешским товарищам к Первому мая. Воспоминание из времен 1848 года»; заметка, в которой подчеркивается единство интересов рабочих различных национальностей, в частности немецкого и чешского пролетариата, печатается в Праге в специальном издании «Prvni Maj 1893» («Первое мая 1893»).

24 апреля Энгельс совершает поездку в Манчестер для участия в похоронах своего друга, врача Э. Гумперта.

Около 5 мая Энгельс получает от Иглесиаса письмо, в котором тот информирует его о ходе первомайских демонстраций в Испании, а также просит его от имени Национального совета Социалистической рабочей партии Испании представлять ее на предстоящей 7 мая демонстрации в Лондоне.

Около 6 мая Энгельс получает от Плеханова и Засулич написанное ими обращение к английским рабочим для предстоящего первомайского митинга; одновременно Плеханов сообщает ему, как прошла первомайская демонстрация в Женеве.

7 мая Энгельс участвует в первомайской демонстрации в Лондоне.

11 мая Энгельс в беседе с корреспондентом французской консервативной газеты «Le Figaro» («Фигаро») дает характеристику международной обстановки и положения в Германии; интервью печатается в газете 13 мая.

17 мая Энгельс сообщает Зорге о своей работе над заключительными разделами III тома «Капитала» и о намерении написать историю Международного Товарищества Рабочих.

Около 25 мая Энгельс получает от русского социалиста-народника П. Л. Лаврова вышедшую в Женеве книгу «Основы теоретического социализма и их приложение к России», в которой напечатано письмо представителя русского революционного народничества Г. М. Лопатина о его беседе с Энгельсом в сентябре 1883 года.

27 мая Энгельс, прочитав полученную им от автора книгу русского экономиста-эмигранта в США И. А. Гурвича «Экономическое положение русской деревни», в письме к нему дает об этой работе положительный отзыв.

9 июня Энгельс пишет в редакцию болгарского журнала «Социалъ-демократъ» письмо, в котором выражает

благодарность за присланный ему экземпляр журнала и свое удовлетворение распространением марксизма и ростом рабочего движения в странах Юго-Восточной Европы. Письмо печатается в- № 3 журнала.

Около 12 июня Энгельс получает от Турати итальянский перевод I тома «Капитала».

13 июня Энгельс направляет поздравительную телеграмму Лаврову в связи с его семидесятилетием.

Середина июня Энгельс следит за ходом выборов в Германии; в письмах к Лафаргам отмечает успехи Социал-демократической партии Германии и подчеркивает неуклонный рост влияния партии, в частности в сельскохозяйственных районах.

Около 20— 27 июня Энгельс читает опубликованное в газете «Socialiste» 17 июня под заглавием «Социализм и патриотизм» воззвание Национального совета французской Рабочей партии к трудящимся Франции, написанное в связи с ростом шовинистических настроений в стране; в письмо к Лафаргу он, одобряя воззвание в целом, отмечает, что в нем неправомерно выдвигаются претензии французских социалистов на руководящую роль в международном революционном движении и тем самым нарушаются принципы интернациональных взаимоотношений между пролетарскими партиями различных стран; он указывает также, что содержащееся в воззвании безоговорочное противопоставление французской республики монархическим режимам других стран ведет к затушевыванию классовой сущности буржуазной республики.

Конец июня Энгельс беседует с корреспондентом английской либеральной газеты «Daily Chronicle» («Ежедневная хроника») по поводу выборов в германский рейхстаг. Интервью печатается в газете 1 июля.

Около 5 июля Энгельс получает от датского социал-демократа Н. Петерсена информацию об экономическом положении Дании.

14 июля Энгельс в письме к Мерингу, выражая благодарность за присланное ему отдельное издание «Легенды о Лессинге», подтверждает свою высокую оценку этой работы и на примере истории Германии и Франции обосновывает ряд положений исторического материализма. Он сообщает Мерингу о намерении переработать для нового издания свою книгу «Крестьянская война в Германии». Осуществить это намерение Энгельсу не удалось.

15 июля Энгельс пишет краткое предисловие ко второму немецкому изданию II тома «Капитала».

19 июля	Энгельс в ответе на письмо немецкого буржуазного экономиста Р. Мейера, содержащее критику некоторых положений книги Бебеля «Женщина и социализм», указывает на несостоятельность его утверждения о невозможности социалистического преобразования сельского хозяйства, подчеркивает, что важнейшим условием ликвидации противоположности между городом и деревней является обобществление средств как промышленного, так и сельскохозяйственного производства.
21—28 июля	Энгельс отдыхает в Истборне.
29 июля	Энгельс пишет завещание; часть своего имущества и библиотеку он оставляет Социал-демократической партии Германии, а большую часть имущества — дочерям и внукам Маркса.
1 августа — 29 сентября	Энгельс совершает поездку в Германию, Швейцарию и Австро-Венгрию: посещает Кёльн, затем вместе с Бебелем через Майнц и Страсбург едет в Цюрих, оттуда на несколько дней выезжает в Граубинден для встречи со своим братом Германом, после чего возвращается в Цюрих и в течение двух недель остается в Швейцарии, затем через Мюнхен и Зальцбург отправляется в Вену, а оттуда через Прагу и Карлсбад (Карловы В ары) едет в Берлин и через Роттердам возвращается в Лондон.
Середина августа	Энгельс неоднократно посещает в Цюрихе членов группы «Освобождение труда» Засулич и П. Б. Аксельрода.
12 августа	Энгельс присутствует на последнем заседании Международного социалистического рабочего конгресса в Цюрихе, выступает с краткой речью на английском, французском и немецком языках и по поручению бюро конгресса закрывает заседание; в своей речи Энгельс отмечает заслуги Маркса перед рабочим классом, характеризует успехи международного рабочего движения.
31 августа — 13 октября	В связи с состоявшимися 20 августа выборами во французскую палату депутатов Энгельс в письмах к Лафаргам выражает беспокойство по поводу того, сумеют ли депутаты от Рабочей партии, возглавляемые Гедом, сплотить вокруг себя представителей других социалистических групп; он рекомендует проводить тактику, способствующую этому сплочению.
11 сентября	Энгельс присутствует на торжественном вечере в Вене, организованном в его честь австрийскими социал-демократами.
14 сентября	Энгельс присутствует на социал-демократическом собрании в Вене, посвященном итогам Цюрихского международного социалистического рабочего конгресса,

выступает на нем с речью, в которой отмечает значительный рост влияния социалистов в Австрии, Венгрии, Германии и других странах; речь печатается в «Arbeiter-Zeitung» 22 сентября.

22 сентября Энгельс присутствует на социал-демократическом собрании в Берлине, организованном по случаю его приезда в Германию; он произносит речь, в которой указывает на огромную роль Маркса в развитии социалистического движения и отмечает успехи германской социал-демократии; речь печатается в приложении к газете «Vorwarts» 26 сентября.

Около 11 октября Энгельс получает от Лафарга информацию о происходившем в Париже с 7 по 9 октября XI съезде французской Рабочей партии.

11—21 октября Энгельс в связи с внесением консервативным правительством Э. Тааффе под давлением народных масс проекта избирательной реформы в Австрии, предусматривающего расширение избирательного права, в письмах к Адлеру, Бебелю и Л. Лафарг анализирует политическое положение в Австрии и рекомендует австрийским социал-демократам использовать политический кризис, возникший в стране в результате сопротивления большинства буржуазных партий проекту реформы, для усиления социалистической агитации.

Середина октября Энгельс внимательно следит за продолжающейся с конца июля борьбой горняков Центральной Англии против объявленного шахтовладельцами локаута; в письмах к Бебелю он сообщает о подробностях этой борьбы и о вынужденном отказе части шахтовладельцев от локаута.

14—27 октября Энгельс в связи с намерением Фортена перевести на французский язык для публикации в социалистическом журнале «L'Ere nouvelle» («Новая эра») работы Маркса «К критике гегелевской философии права» и трех глав из «Анти-Дюринга», объединенных заглавием «Теория насилия», ведет по этому поводу переписку с Фортеном и Л. Лафарг; он указывает, что перевод работы Маркса должен делать только специалист-философ, и дает согласие лишь на перевод «Теории насилия».

17 октября Энгельс, ознакомившись с книгой Даниельсона «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», присланной ему автором, а также с критической статьей русского легального марксиста П. Б. Струве об этой книге, пишет по этому поводу письмо Даниельсону. Он отмечает несостоятельность народнических взглядов Даниельсона, отрицающего прогрессивность развития капитализма в России; одновременно Энгельс критикует Струве за идеализацию капиталистического способа производства, доказывая, что развитие капи-

	тализма неизбежно связано с обнищанием широких масс, особенно в такой экономически отсталой стране, как Россия.
Между 22 и 31 октября	Энгельса несколько раз посещает русский народник Х. Раппопорт, приехавший к нему с рекомендательным письмом от Лаврова; Энгельс беседует с ним по некоторым проблемам исторического материализма, о состоянии революционного движения в России и по другим вопросам.
Около 24 октября — около 23 декабря	Энгельс продолжает систематически получать от Лабриолы информацию о политическом положении в Италии и состоянии рабочего и социалистического движения, в частности о движении трудящихся масс в Сицилии (движение «фаши»), которое поддерживают итальянские социалисты.
Между 6 и 12 ноября	Энгельс читает книгу Мейера «Капитализм конца столетия».
Около 28 ноября	Энгельс получает от деятелей социалистического движения различных стран, социал-демократической фракции германского рейхстага и других организаций и лиц поздравления по случаю дня рождения.
Декабрь	Энгельс просматривает перевод на французский язык первой половины своей работы «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», сделанный Л. Лафарг, и посылает ей свои замечания.
Первая половина декабря	Энгельс, получив сведения о плохом состоянии здоровья Ф. Вольфа, навещает его в Оксфорде.
1 декабря	Энгельс пишет на имя лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих письмо, в котором выражает свою благодарность за поздравление с днем рождения.
2 декабря	Энгельс в письме к Зорге анализирует причины, препятствующие созданию массовой социалистической партии в США; в числе этих причин он называет двухпартийную систему, позволяющую правящим партиям широко прибегать к обману масс, неоднородность рабочего класса, состоящего из коренных американцев и иммигрантов, в свою очередь расколотых на различные национальные группы, расовую дискриминацию по отношению к негритянскому населению, а также относительно высокий уровень жизни верхушечных слоев пролетариата. В том же письме Энгельс сообщает о том, что им уже подготовлена к печати значительная часть III тома «Капитала».
19 декабря	Энгельс в ответ на приглашение принять участие в Международном конгрессе студентов-социалистов в Женеве пишет приветственное письмо этому конгрессу;

Энгельс подчеркивает важную роль, которую будет играть интеллигенция в различных отраслях народного хозяйства и государственном управлении после победы социалистической революции. Письмо печатается в газете «L'Etudiant socialiste» («Студент-социалист») 25 марта — 10 апреля 1894 года.

1894

Январь — 11 мая Энгельс продолжает работать над подготовкой к печати рукописи III тома «Капитала».

Январь — март Энгельс следит за развернувшейся в Австрии борьбой за всеобщее избирательное право; в письмах к Адлеру, Зорге и другим социалистам он подчеркивает значение расширения избирательного права для развития австрийского рабочего движения.

Январь—февраль Энгельс ведет переписку с Гарни, оказывает ему материальную помощь.

Первая половина января Энгельс пишет предисловие к сборнику своих статей на международные темы из газеты «Volksstaat» («Народное государство») за 1871—1875 годы. В написанном специально для этого издания послесловии к работе «О социальном вопросе в России» Энгельс излагает свои взгляды на развитие капитализма и судьбы крестьянской общины в России. Сборник выходит из печати в конце января.

Энгельс, завершив значительную часть работы над подготовкой к печати III тома «Капитала», направляет первые четыре отдела — 20 глав (треть рукописи) — в Гамбург в издательство О. Мейснера.

3 января Энгельс знакомится с помещенным в еженедельнике французских социалистов-бланкистов «Le Parti socialiste» («Социалистическая партия») проектом разоружения, предложенным Вайяном для внесения в палату депутатов. В письме к Лафаргу он, одобряя основную идею проекта, высказывает ряд практических замечаний и рекомендует положить в основу проекта предложения, высказанные им в работе «Может ли Европа разоружиться?». Энгельс советует также французским социалистам предварительно проконсультироваться по вопросу о предлагаемом ими созыве международного конгресса по разоружению с немецкими и итальянскими социалистами.

Между 6 и 10 января Энгельс читает книгу английского писателя начала XVII века Р. Бёртона «Анатомия меланхолии», присланную ему его другом, видным английским геологом Дж. Лемпло.

Около 9 января Энгельс пишет для газеты «Vorwarts» и журнала «Neue Zeit» заметки, в которых дает краткую характеристику содержания III тома «Капитала», Заметки печатаются в «Vorwarts» 12 января и в «Neue Zeit» в январе.

25 января	Энгельс в ответ на просьбу немецкого студента из Бреславля (Вроцлава) В. Боргиуса пишет последнему письмо, в котором рассматривает некоторые положения исторического материализма, в частности об обратном воздействии политической и идеологической надстройки на экономический базис — решающий фактор исторического развития, о диалектическом взаимодействии необходимости и случайности в истории и др. Письмо было опубликовано в октябре 1895 г. в журнале «Der sozialistische Akademiker» его сотрудником Г. Штаркенбургом.
26 января	Энгельс, отвечая Турати и его жене, участнице итальянского социалистического движения А. Кулишовой, обратившимся к нему с просьбой высказаться о тактике . социалистов в условиях развертывающегося в Италии массового движения трудящихся, пишет статью, в которой, подчеркивая буржуазный характер назревающей в Италии революции, намечает тактику, которую должны проводить социалисты, чтобы обеспечить активное участие пролетариата в этой революции и сохранить его классовую самостоятельность. Статья под заглавием «Будущая итальянская революция и социалистическая партия» печатается в виде письма Энгельса Турати в журнале «Critica Sociale» 1 февраля.
Конец января	У Энгельса гостит П. Лафарг, который встречается у него с Бёрнсом.
Около 9 февраля — 1 марта	Энгельс отдыхает в Истборне.
23 февраля — 21 мая	В связи с предстоящими выборами в английский парламент Энгельс в письмах к Зорге, Адлеру, Плеханову и другим социалистам анализирует борьбу, развернувшуюся между либералами и консерваторами; он отмечает, что либералы, стремясь удержаться у власти, будут вынуждены пойти на уступки рабочему классу. Касаясь причин отсутствия в Англии самостоятельной массовой рабочей партии, Энгельс указывает, что это вызвано расколом рабочего движения и сектантским характером социалистических организаций; в качестве основной задачи английского пролетариата Энгельс выдвигает выработку своей самостоятельной политики.
Конец февраля — май	Энгельс читает полученные им от Даниельсона два тома статистических данных о промышленном и сельскохозяйственном развитии России.
6 марта	Энгельс, ознакомившись с выступлением в палате депутатов одного из лидеров реформистского крыла французских социалистов Ж. Жореса, выдвинувшего предложение об установлении государственной монополии на импорт зерна, в письме к Лафаргу подвергает это предложение критике. Энгельс указывает, что в условиях буржуазной республики любая государст-

венная монополия будет выгодна исключительно классу капиталистов; он отмечает также, что проведение каких-либо социалистических мероприятий невозможно, пока политическая власть находится в руках буржуазии.

18 марта Энгельс пишет приветствие Национальному совету французской Рабочей партии к 23-й годовщине Парижской Коммуны. Приветствие печатается в газете «Socialiste» 25 марта.

20 марта Энгельс направляет Даниельсону первые корректурные листы III тома «Капитала» для перевода на русский язык; в дальнейшем он продолжает посылать ему листы по мере их получения из типографии.

В письме к румынскому социалисту П. Мусою Энгельс благодарит его за присылку румынских изданий «Развития социализма от утопии к науке» и «Манифеста Коммунистической партии».

21 марта Энгельс сообщает Зорге о завершении работы над основной частью (приблизительно двумя третями) рукописи III тома «Капитала».

22 марта Энгельс, получив приглашение на четвертый съезд Социал-демократической рабочей партии Австрии, пишет приветствие съезду; он отмечает, что одной из насущных задач партии является борьба за всеобщее избирательное право. Приветствие печатается в брошюре: «Verhandlungen des vierten osterreichischen sozialdemokratischen Parteitages» («Протоколы четвертого австрийского социал-демократического съезда»), которая выходит в свет в апреле.

26 марта В ответном письме Иглесиасу Энгельс выражает свое удовлетворение ростом социалистического движения в Испании.

27 марта Энгельс получает приветствие от четвертого съезда Социал-демократической рабочей партии Австрии.

24 апреля Энгельс пишет председателю социал-демократического союза в Бармене К. Эберле письмо, в котором благодарит эту организацию за присланный ему альбом с видами его родного города.

6 и 7 мая Энгельса посещает деятель французской Рабочей партии А. Делькліюз.

11 мая Энгельс отсылает в издательство последнюю часть рукописи III тома «Капитала».

15 мая Энгельс пишет письмо Правлению Социал-демократической партии Венгрии в связи с третьим партийным съездом, которое печатается в социалистической газете «Arbeiterpresse» («Рабочая пресса») и на венгерском языке в газете «Nepszava» 18 мая.

23 мая	Энгельс пишет предисловие к третьему немецкому изданию своей работы «Анти-Дюринг», которая выходит в свет в июле.
1 июня	В письме к Даниельсону Энгельс благодарит его за присылку первого русского издания своей работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и дает в общем положительную оценку качеству перевода.
Середина июня	Энгельс получает от Зорге информацию о стачечном движении горняков в США.
Около 18 июня	Энгельс получает от венгерского социалиста М. Деака сообщение о подготовке перевода «Манифеста Коммунистической партии» на венгерский язык.
Около 19 июня — 2 июля	Энгельса неоднократно посещает Либкнехт, приехавший в Англию.
Между 19 июня и 16 июля	Энгельс работает над статьей «К истории первоначального христианства», являющейся итогом его предшествующих исследований, посвященных этой теме; статья печатается в журнале «Neue Zeit» в конце сентября — начале октября.
27 июня	Придавая большое значение популяризации содержания III тома «Капитала», Энгельс посылает редактору «Neue Zeit» 23 и 24 главы этого тома для их публикации; главы печатаются в журнале в июле.
19 июля — 2 августа	В связи с происходящей в Шотландии стачкой горняков и обращением к нему стачечного комитета Энгельс ведет переписку с Правлением Социал-демократической партии Германии и лондонским Коммунистическим просветительным обществом немецких рабочих относительно материальной помощи бастующим и сам оказывает им помощь.
Около 26 июля	Энгельс посылает Лабриоле третье издание своей работы «Анти-Дюринг».
Между 30 июля и 6 августа	Энгельс по просьбе Иглесиаса сообщает руководству социал-демократических партий Германии и Австрии, а также ряда английских социалистических и рабочих организаций о предстоящем в конце августа четвертом съезде Социалистической рабочей партии Испании и рекомендует им обратиться с приветствиями к съезду.
Около 7—22 августа	Ознакомившись с итогами состоявшегося 5—6 августа съезда Социал-демократической федерации, Энгельс критикует сектантскую политику ее лидеров, в частности, решение съезда созвать накануне предстоящего в 1896 г. в Лондоне Международного социалистического рабочего конгресса с участием тред-юнионов особый

«чисто социалистический» конгресс, а также решение об отказе от сотрудничества с Независимой рабочей партией, как «несоциалистической» организацией. В письмах к испанским, итальянским, французским и немецким социалистам он рекомендует им выступить в печати против осуществления этого намерения.

14 августа — 18 сентября Энгельс отдыхает в Истборне.

Между 15 и 30 августа Энгельс получает от Лабриолы информацию о положении в Италии, а также данные о выступлениях в печати итальянского буржуазного экономиста А. Лориа и его сторонников с попытками критики экономического учения Маркса; подобную информацию Энгельс продолжает получать и в последующие месяцы.

Сентябрь—ноябрь Энгельс следит за ходом японо-китайской войны; в письмах к Л. Лафарг, Зорге и другим социалистам он отмечает, что при любом исходе война послужит толчком развитию капитализма в Китае.

6 сентября Энгельс в ответ на приглашение прибыть на третий съезд Социалистической партии итальянских трудящихся пишет на имя одного из деятелей этой партии К. Делл'Авалле приветствие съезду; приветствие печатается в итальянской социалистической газете «Lotta di classe» («Классовая борьба») 22—23 сентября.

Около 9 сентября Энгельс получает от Мартиньетти сведения о выполненных им переводах «Происхождения семьи, частной собственности и государства» и других произведений Энгельса на итальянский язык и о трудностях **их** опубликования.

26 свнтября Энгельс в ответ на просьбу редакции сицилийской газеты «Giustizia sociale» («Социальная справедливость»), которую социалисты намеревались издавать в Палермо, пишет приветствие социалистам Сицилии; ввиду того что издание газеты было запрещено, приветствие печатается 30 июня 1895 г. в сицилийской социалистической газете «La Riscossa» («Освобождение»).

Октябрь—ноябрь Энгельса неоднократно посещает Плеханов, временно поселившийся в Лондоне после высылки из Швейцарии.

Октябрь Энгельс по газетам и письмам Иглесиаса следит за ходом забастовки испанских текстильщиков в Малаге; он восхищается их упорством и мужеством.

4 октября Энгельс завершает работу над предисловием к III тому «Капитала».

Вторая половина октября Энгельс следит за ходом выборов в палату депутатов в Бельгии 14 и 21 октября, в результате которых социалисты завоевали 32 мандата; в письме к одному

из лидеров Рабочей партии Бельгии Э. Вандервельде он отмечает большое значение этого события как для бельгийского пролетариата, так и для рабочего движения других стран.

27 октября Энгельс по просьбе Турати пишет в редакцию журнала «Critica Sociale» письмо, в котором дает отповедь попыткам итальянской буржуазной печати противопоставить революционную борьбу итальянских социалистов парламентской деятельности немецких социал-демократов и тем самым внести раскол в международное рабочее движение. Письмо печатается в журнале 1 ноября.

Конец октября — ноябрь Энгельс в связи с оппортунистическим выступлением Фольмара по вопросу об аграрной программе на Франкфуртском съезде Социал-демократической партии Германии, проходившем с 21 по 27 октября, в письмах к Зорге, Каутскому, Бебелю, Либкнехту и другим подвергает это выступление самой резкой критике. Он характеризует выдвинутые Фольмаром требования защиты собственнических интересов крестьянства, включая и крупных крестьян, как отход от социалистических принципов.

Начало ноября Энгельс читает французский перевод «Манифеста Коммунистической партии», напечатанный в журнале «L'Ere nouvelle», и делает свои замечания.

10 ноября Энгельс в письме к Зорге дает характеристику состояния английского рабочего движения; он отмечает необходимость создания массовой рабочей партии, противостоящей и либералам, и консерваторам; он указывает, что лидеры Социал-демократической федерации продолжают оставаться на сектантских позициях, превращая марксистскую теорию в мертвую догму, а руководство Независимой рабочей партии допускает колебания и отступления от самостоятельной пролетарской тактики, идет на сделки с буржуазными партиями.

12 ноября Энгельс пишет в редакцию газеты «Vorwarts» письмо, в котором дает резкую отповедь попыткам Фольмара извратить его позицию по аграрному вопросу; письмо печатается в этой газете 16 ноября.

Между 15 и 22 ноября Энгельс в ответ на выступления Фольмара, а также в связи с принятием съездом французской Рабочей партии, состоявшимся в сентябре в Нанте, мотивировочной части и добавлений к аграрной программе, содержавших ошибки оппортунистического характера, пишет работу «Крестьянский вопрос во Франции и Германии». Подвергая критике эти выступления и ошибки, Энгельс разрабатывает основы марксистской программы по аграрному вопросу. Работа печатается в журнале «Neue Zeit» в конце ноября.

Вторая половина ноября — первая половина декабря	Энгельс внимательно следит за развернувшейся в Социал-демократической партии Германии дискуссией по аграрному вопросу. Он дает ряд советов Бебелю в борьбе против Фольмара и критикует Либкнехта за примиренческую позицию; Энгельс доказывает, что во имя подлинного единства партии необходимо давать решительный отпор оппортунистическим и раскольническим элементам; он оценивает результаты дискуссии как победу над оппортунизмом.
22 ноября	Энгельс в связи с опубликованным в газете «Vorwarts» сообщением о том, что IV том «Капитала» не будет издан, пишет небольшую заметку, в которой опровергает это утверждение. Заметка печатается без подписи в журнале «Neue Zeit» в ноябре.
23 ноября	Энгельс пишет армянскому социалисту И. Атабекянцу письмо, в котором благодарит его за перевод на армянский язык «Развития социализма от утопии к науке» и «Манифеста Коммунистической партии», а также за сообщение о положении в Армении; Энгельс отмечает, что подлинное освобождение армянского народа возможно только в результате развертывания революционного движения в России и свержения русского царизма.
11 декабря	Энгельс дарит Плеханову только что вышедший из печати III том «Капитала» с дружественной надписью.
12 декабря	Энгельс посылает Зорге и Шлютеру экземпляры III тома «Капитала».
27 декабря	В связи с переходом «Arbeiter-Zeitung» с 1 января 1895 г. на ежедневный выпуск Энгельс пишет приветствие австрийским рабочим. Приветствие печатается в газете 1 января 1895 года.

1895

Январь — март	Энгельс получает от Лабриолы сообщение о новых выступлениях в печати Лориа и его сторонников с попытками опровергнуть экономическую теорию Маркса и оспорить положения, выдвинутые Энгельсом в предисловии к III тому «Капитала»; он получает от него также перевод этого предисловия, напечатанный в итальянском социалистическом журнале «La Rassegna» («Обозрение»).
Январь	Энгельс начинает подготовку к изданию полного собрания сочинений Маркса и своих работ; он занимается розыском ранних произведений Маркса, а также его статей, напечатанных в 50-х годах в газете «New-York Daily Tribune» («Нью-йоркская ежедневная трибуна»), ведет по этому поводу переписку с Кугельманом.

Первая половина января — Энгельс, получив сведения о тяжелом материальном положении Врублевского, в письмах к Вайяну и Лафаргу настаивает на том, чтобы французские социалисты оказывали ему регулярную материальную помощь.

1 января — Энгельс посылает III том «Капитала» Лаврову и Адлеру.

3 января — Энгельс продолжает следить за происходящей в рядах Социал-демократической партии Германии борьбой против оппортунистических элементов; в письме к немецкому социал-демократу П. Штумпфу он указывает, что одной из причин оживления оппортунистических тенденций в партии является пополнение ее рядов не только рабочими, но и мелкобуржуазными элементами; Энгельс подчеркивает необходимость борьбы с этими тенденциями и выражает уверенность в победе революционного направления.

9—28 января — Энгельс в переписке с Адлером обсуждает вопрос о руководстве «Arbeiter-Zeitung» в связи с превращением ее в ежедневную газету; он организует материальную помощь редакции, посылку корреспонденции и т. д.

Конец января — начало февраля — Энгельс, придавая большое значение окончательному разоблачению культа личности Лассаля в германской социал-демократии, поддерживаемого оппортунистами, а также восстановлению истинной картины отношения Маркса к Лассалю, готовит к печати переписку Марксе с Лассалем. Издание при жизни Энгельса осуществлено не было.

Февраль — Энгельс читает книгу Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», присланную для него автором.

Между 1 и 26 февраля — По просьбе Плеханова Энгельс организует лечение Засулич.

Первая половина февраля — Энгельс в связи с намерением издательства «Vorwarts» выпустить отдельной брошюрой серию статей Маркса из журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» («Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение») за 1850 г., посвященных революции 1848 г. во Франции и последующим событиям, ведет переписку с Фишером; он предлагает озаглавить брошюру «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», определяет ее состав и названия глав, а также ее тираж.

2 февраля — Энгельс отвечает на поступившие к нему запросы со стороны английских и польских социалистов относительно наименования очередного Международного социалистического рабочего конгресса, созыв которого

намечен в 1896 г. в Лондоне; в письме к одному из польских социалистов-эмигрантов В. Иодко выражает свое согласие с тем, чтобы этот конгресс в виде исключения назывался «Международный конгресс социалистических рабочих и тред-юнионов»; необходимость этого он обосновывает тем, что в Англии за тред-юнионами идет большинство организованных рабочих.

14 февраля — 6 марта Энгельс пишет введение к отдельному изданию работы Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». В этом введении Энгельс разрабатывает основы тактики рабочего движения в связи с изменившимися условиями борьбы пролетариата со времени революции 1848—1849 гг., в том числе и с теми изменениями, которые произошли в результате развития военного дела. По настоянию руководителей германской социал-демократии, опасавшихся, что введение даст лишний повод для возобновления закона против социалистов, Энгельс опустил в корректуре некоторые места, полностью сохранив, однако, революционное существо своей работы. Введение печатается в журнале «Neue Zeit» в конце марта — начале апреля и в книге, которая выходит в свет в середине апреля.

Вторая половина февраля Энгельс читает рукопись перевода на французский язык своей статьи «К истории первоначального христианства», сделанного Л. Лафарг, и вносит в перевод некоторые исправления.

Около 20 февраля Энгельс получает от живущего в Америке племянника своей покойной жены В. Бёрнса некоторые сведения о социалистическом и стачечном движении в США, в частности о забастовке трамвайщиков в Бруклине. Энгельс получает от Бебеля информацию о намерениях германского правительства провести через рейхстаг закон о предотвращении государственного переворота, направленный против социал-демократов, и другие реакционные законопроекты.

5 марта Энгельс, ознакомившись с полученными им от Вайяна законопроектами (о сельскохозяйственных общинных владениях, о восьмичасовом рабочем дне и минимуме заработной платы для рабочих государственных предприятий, о создании министерства труда и т. д.), которые социалисты намеревались внести во французскую палату депутатов, пишет Вайяну письмо, в котором высказывает некоторые замечания по поводу содержания этих законопроектов.

11 марта и 6 апреля В связи с опубликованием Шмидтом и немецким буржуазным экономистом В. Зомбартом рецензий на III том «Капитала», в которых давалась неправильная трактовка закона стоимости, нормы прибыли и цены производства, Энгельс в письмах к ним подвергает критике эти ошибочные взгляды и разъясняет сущность марксистского толкования этих категорий.

Около 12 марта Энгельс получает от Л. Лафарг информацию о подготовке во Франции к празднованию Первого мая.

16 марта Энгельс пишет Адлеру письмо, в котором дает ему советы и указания относительно изучения II и III томов «Капитала».

Около 18 марта Энгельс по просьбе немецкого социал-демократа К. Гирша читает его статьи о борьбе за сокращение рабочего времени в связи с интенсификацией труда, помещенные в «Sozialpolitisches Centralblatt» («Социально-политическая центральная газета»), и сообщает Гиршу свои замечания.

Конец марта — начало апреля Энгельс читает книгу Лафарга «Происхождение и развитие собственности»; в письме к нему положительно оценивает книгу в целом, одновременно критикуя отдельные суждения автора.

Апрель — май Энгельс пишет дополнение к III тому «Капитала», состоящее из двух статей: «Закон стоимости и норма прибыли» и «Биржа». В первой из них Энгельс разбирает ряд рецензий на III том «Капитала»; во второй статье, которая остается в виде чернового наброска, Энгельс анализирует изменившуюся роль биржи и быстрое распространение акционерных обществ, рассматривая это как новые характерные явления в развитии капиталистического общества. Обе статьи при жизни Энгельса напечатаны не были.

Апрель Энгельс продолжает подготовку к изданию полного собрания сочинений Маркса и своих работ, ведет по этому поводу переписку с Бебелем, Фишером в Мерингом.

1 апреля Энгельс в письме к Каутскому решительно протестует против опубликования в «Vorwarts» 30 марта без его ведома выдержек из введения к работе Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», подобранных произвольно и создающих впечатление, будто он является сторонником исключительно мирной тактики.

Начало апреля Энгельс в связи с намечаемой им подготовкой к печати IV тома «Капитала» читает присланную ему швейцарским буржуазным экономистом С. Бауэром монографию последнего «К вопросу о возникновении учения физиократов. На основе неопубликованных работ Кенэ».

Около 15 апреля Энгельс посылает только что вышедшую под его редакцией и с его введением брошюру Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» Лесснеру, Засулич, Лабриоле, Вайяну и другим деятелям социалистического движения различных стран.

15 апреля — 29 мая Энгельс ведет переписку с Фишером и Мерингом по поводу издания сборника ранних статей Маркса,

помещенных в «Rheinische Zeitung» («Рейнская газета») за 1842 год. Издание осуществлено не было.

Около 19 апреля Энгельс получает от Мартиньетти сообщение о переводе на итальянский язык его введения к работе Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». Перевод в сокращенном виде публикуется в журнале «Critica Sociale» 1 мая.

Май Энгельс читает книгу Каутского «Предшественники новейшего социализма»; в письме к нему он указывает на ее недостатки, в частности на игнорирование роли наиболее бесправных элементов средневекового города, составлявших предпролетариат, а также на недостаточную разработку вопросов, относящихся к экономическому положению Германии и других европейских государств в XV и XVI веках.

У Энгельса появляются первые ощутимые признаки болезни, послужившей причиной его смерти, — рака пищевода.

Около 18 мая Энгельс получает от чешского социалиста Геллера вышедший в Вене чешский перевод работы Маркса «Наемный труд и капитал».

21 мая Энгельс, узнав о том, что Каутский и Бернштейн готовят издание серии книг по истории социализма, не поставив его в известность, в письме к Каутскому выражает свое возмущение по этому поводу; он расценивает поведение Каутского и Бернштейна как стремление-фактически отстранить его от участия в разработке истории рабочего движения и социалистической мысли.

Июнь — 24 июля Энгельс лечится в Истборне, где его навещают Э. Маркс-Эвелинг, Л. Лафарг, Э. Эвелинг, Адлер и другие.

Около 17 июня Энгельс получает от Адлера информацию о политическом положении в Австрии.

24 июля Тяжелобольной Энгельс возвращается из Истборна в Лондон.

28 июля Энгельс, несмотря на тяжелую болезнь, беседует с Э. Маркс-Эвелинг о положении в Независимой рабочей партии Англии.

5 августа (10 часов 30 минут вечера) Смерть Фридриха Энгельса.

Между 6 и 10 августа Социалистические и рабочие партии, а также многие деятели социалистического движения различных стран в телеграммах и письмах выражают свою глубокую скорбь по поводу смерти Энгельса.

10 августа

Кремация тела Энгельса в крематории Уокинг вблизи Лондона. На траурном митинге, происходящем в здании вокзала Ватерлоо, присутствуют друзья и родственники Энгельса, представители социалистических и рабочих партий и организаций большинства европейских стран. С речами выступают близкий друг Маркса и Энгельса С. Мур, П. Лафарг, Либкнехт, Бебель, Эвелинг, Ансель и другие деятели международного социалистического движения. От имени русских социал-демократов венок на гроб Энгельса возлагает Засулич.

27 августа

Согласно завещанию Энгельса урна с его прахом опускается его ближайшими друзьями — Э. Маркс-Эвелинг, Лесснером и другими — в море около скалы в Истборне.

Приблизительно сентябрь—ноябрь

Великий продолжатель дела Маркса и Энгельса В. И. Ленин пишет статью-некролог, в которой дает всестороннюю характеристику теоретической и практической революционной деятельности Энгельса. Статья публикуется в сборнике «Работник» № 1—2 в 1896 году.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Б

В

Г

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Э

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

А

Б

* В скобках указывается название, данное на современных картах. В тех случаях, когда из текста не ясно местонахождение того или другого пункта, дано краткое пояснение.

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

Й

К

Л

М

Н

СПИСОК РАБОТ,
ЗАГЛАВИЯ КОТОРЫХ ИЗМЕНЕНЫ ПО СРАВНЕНИЮ С ПЕРВЫМ ИЗДАНИЕМ СОЧИНЕНИЙ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Александр Юнг. «Лекции о современной литературе немцев». Данциг, 1842. Герхард *т. 1, стр. 473—486*	Александр Юнг и «Молодая Германия» *т. II, стр. 246—258*
Английская точка зрения на внутренние кризисы *т. 1, стр. 496—497*	Письма из Англии. II *т. II, стр. 273—274*
Внутренние кризисы *т. 1, стр. 498—503*	Письма из Англии. I *т. II, стр. 269—272*
Позиция политических партий *т. 1, стр. 504—606*	Письма из Англии. III *т. II, стр. 274—277*
Положение рабочего класса в Англии *т. 1, стр. 507—509*	Письма из Англии. IV *т. II, стр. 277—278*
Хлебные законы *т. 1, стр. 510—511*	Письма из Англии. V *т. I (изд. 1938 г.), стр. 278—280*
Оправдание мозельского корреспондента *т. 1, стр. 187—217*	С берегов Мозеля. Оправдание мозельского корреспондента *т. I (изд. 1938 г.), стр. 291—322*

* Перечень работ дается в хронологической последовательности, по датам их написания.

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Письма из «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» *т. 1, стр. 371—381*	Из переписки 1843 года *т. I (изд. 1938 г.), стр. 335—353*
К критике гегелевской философии права *т. 1, стр. 219—368*	Критика философии государственного права Гегеля *т. I, стр. 513—626*
Успехи движения за социальное преобразование на континенте *т. 1, стр. 525—541*	Прогресс движения за социальную реформу на континенте *т. II, стр. 393—409*
Наброски к критике политической экономии *т. 1, стр. 544—571*	Очерки критики политической экономии *т. II, стр. 293—320*
Движение на континенте *т. 1, стр. 542—543*	Континентальные дела *т. II, стр. 415—416*
Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа» *т. 1, стр. 430—448*	Критические примечания к статье «Король прусский и социальная реформа» *т. III, стр. 1—20*
Быстрые успехи коммунизма в Германии *т. 2, стр. 518—531*	Опубликована в виде двух статей: 1) Быстрое развитие коммунизма в Германии; 2) Из Германии *т. II, стр. 419—423, 424—432*
Тезисы о Фейербахе *т. 3, стр. 1—4*	Маркс о Фейербахе *т. IV, стр. 589—591*
Недавняя бойня в Лейпциге. — Рабочее движение в Германии *т. 2, стр. 555—558*	Последняя бойня в Лейпциге. — Рабочее движение в Германии *т. V, стр. 1—3*
Введение и заключение к «Отрывку из Фурье о торговле» *т. 2, стр. 580—586*	Фурье о торговле *т. V, стр. 45—47, 86—89*
Празднество наций в Лондоне (В связи с годовщиной провозглашения Французской республики 22 сентября 1792 г.) *т. 2, стр. 587—599*	Праздник народов в Лондоне. (В память установления французской республики 22 сентября 1792 г.) *т. V, стр. 25—41*
Циркуляр против Криге *т. 4, стр. 1—16*	Манифест против Криге *т. V, стр. 91—108*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Письмо Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета Г. А. Кётгену *т. 4, стр. 19—21*	Маркс, Энгельс, Филипп Жиго и Фердинанд Вольф — Густаву-Адольфу Кетгену в Бармен *т. XXV, стр. 13—15*
Обращение немецких демократов-коммунистов Брюсселя к г-ну Фергюсу О'Коннору *т. 4, стр. 24—26*	Опубликовано в предисловии к тому без заглавия *т. V, стр. XIX—XX*
Конституционный вопрос в Германии *т. 4, стр. 42—60*	Конституционный вопрос в немецкой социалистической литературе *т. V, стр. 517—535*
Протекционизм или система свободы торговли *т. 4, стр. 61—64*	Покровительственные пошлины или система свободной торговли *т. V, стр. 157—160*
Аграрная программа чартистов *т. 4, стр. 340—342*	Корреспонденция в «Reforme». I *т. V, стр. 271—273*
Чартистский банкет по поводу выборов 1847 года *т. 4, стр. 343—345*	Корреспонденция в «Reforme». II *т. V, стр. 274—276*
Чартистское движение *т. 4, стр. 365—366*	Корреспонденция в «Reforme». III *т. V, стр. 277—278*
Движения 1847 года *т. 4, стр. 460—470*	Революционные движения 1847 года *т. V, стр. 239—249*
О польском вопросе. Речи на торжественном собрании в Брюсселе, посвященном 2-й годовщине краковского восстания 1846 г., 22 февраля 1848 года *т. 4, стр. 488—494*	Речи по польскому вопросу (22 февраля 1848 г.) *т. V, стр. 259—267*
Министерство Кампгаузена *т. 5, стр. 30—31*	Революция, а не эпизод *т. VI, стр. 142*
Комитет общественной безопасности в Берлине *т. 5, стр. 36—37*	Реакция *т. VI, стр. 143—144*
Согласительные дебаты *т. 5, стр. 47—51*	Вопрос об адресе *т. VI, стр. 149—153*
Согласительные дебаты в Берлине *т. 5, стр. 43—46*	Согласительные дебаты *т. VI, стр. 145—148*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Новый раздел Польши *т. 5, стр. 54—55*	Седьмой раздел Польши *т. VI, стр. 154—155*
Кабинет Ганземана *т. 5, стр. 103—104*	Министерство Ганземана *т. VI, стр. 267—268*
23 июня *т. 5, стр. 123—127*	23—24 июня в Париже. I *т. VI, стр. 211—214*
24 июня *т. 5, стр. 128—132*	23—24 июня в Париже. II *т. VI, стр. 215—219*
Июньская революция *т. 5, стр. 138—142*	Известия из Парижа. II *т. VI, стр. 198—201*
Июньская революция (Ход восстания в Париже) *т. 5, стр. 150—159*	Ход движения в Париже *т. VI, стр. 202—210*
Дебаты о предложении Якоби *т. 5, стр. 232—235*	Согласительные дебаты о предложении Якоби. I *т. VI, стр. 292—295*
Дебаты о предложении Якоби (продолжение) *т. 5, стр. 236—239*	Согласительные дебаты о предложении Якоби. II *т. VI, стр. 296—298*
Дебаты о предложении Якоби (продолжение) *т. 5, стр. 264—269*	Согласительные дебаты о предложении Якоби. III *т. VI, стр. 299—303*
Дебаты о предложении Якоби (окончание) то. *5, стр. 272—276*	Согласительные дебаты о предложении Якоби. IV *т. VI, стр. 304—308*
Законопроект об отмене феодальных повинностей *т. 5, стр. 294—299*	Законопроект о феодальных поборах *т. VI, стр. 335—340*
Министерство Ганземана и старопрусский проект уголовного законодательства *т. 5, стр. 316—218*	Министерство Ганземана и старопрусский проект уложения о наказаниях *т. VI, стр. 341—342*
Дебаты по поводу действующего законодательства о выкупе *т. 5, стр. 325—330*	Прения по поводу действующего законодательства о выкупе *т. VI, стр. 343—348*
Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте *т. 5, стр. 335—338*	Прения по польскому вопросу во Франкфурте то. *VI, стр. 368—416*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Датско-прусское перемирие *т. 5, стр. 419—424*	Перемирие с Данией. III *т. VI, стр. 427—431*
«Reforme» об июньском восстании *т. 5, стр. 466—467*	Парижская «Reforme» об июньском восстании те. *VI, стр. 227—228*
Государственный прокурор «Геккер» и «Neue Rheinische Zeitung» *т. 5, стр. 474—479*	Обер-прокурор Геккер и «Новая Рейнская газета» *т. VI, стр. 486—490*
Революция в Вене и «Kolnische Zeitung» *т. 5, стр. 488—489*	О революции в Вене *т. VI, стр. 491—492*
Последние известия из Вены, Берлина и Парижа *т. 5, стр. 490—491*	Последние известия из Вены *т. VI, стр. 493—494*
Победа контрреволюции в Вене *т. 5, стр. 492—494*	Падение Вены *т. VI, стр. 495—497*
Контрреволюция в Берлине. II *т. 6, стр. 13—15*	Европейская революция *т. VII, стр. 10—12*
Кавеньяк и июньская революция *т. 6, стр. 18*	Господин Кавеньяк. I *т. VI, стр. 501*
Вторая стадия контрреволюции *т. 6, стр. 90*	О контрреволюции *т. VII, стр. 47*
Борьба в Венгрии *т. 6, стр. 175—186*	Революционная борьба в Венгрии *т. VII, стр. 271—282*
Судебный процесс «Neue Rheinische Zeitung» *т. 6, стр. 235—253*	Первый процесс «Новой Рейнской газеты» *т. VII, стр. 229—246*
Процесс против Рейнского окружного комитета демократов *т. 6, стр. 254—272*	Второй процесс «Новой Рейнской газеты» *т. VII, стр. 249—267*
Поражение пьемонтцев *т. 6, стр. 413—423*	Война в Италии. Поражение пьемонтцев *т. VII, стр. 335—343*
Внешняя политика Французской республики *т. 6, стр. 424—425*	О внешней политике французской республики *т. VII, стр. 316—317*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Царь и его вассальные князья *т. 6, стр. 517—518*	Царь и его князьки *т. VII, стр. 352*
Наступление контрреволюции и развитие революции *т. 6, стр. 524—525*	Контрреволюция быстро надвигается *т. VII, стр. 371*
Кровавый закон в Дюссельдорфе *т. 6, стр. 528—529*	Осадное положение в Дюссельдорфе *т. VII, стр. 379—380*
Продажная низость «Kolnische Zeitung» *т. 6, стр. 532*	К сведению *т. VII, стр. 383*
Новая военно-полевая хартия *т. 6, стр. 536—542*	Новая прусская конституция *т. VII, стр. 372—378*
Полицейское уничтожение «Neue Rheinische Zeitung» *т. 6, стр. 546—549*	Военно-полевое уничтожение «Новой Рейнской газеты» *т. VII, стр. 392—394*
Революционное восстание в Пфальце и Бадене *т. 6, стр. 568—570*	Революционное движение в Пфальце и Бадене *т. VII, стр. 490—492*
Воззвание о помощи немецким политическим эмигрантам *т. 7, стр. 541—542*	Призыв к оказанию помощи немецким беженцам *т. VIII, стр. 585—580*
Извещение о выходе «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» *т. 7, стр. 1—2*	Опубликовано в предисловии редактора к тому без заглавия *т. VIII, стр. XI*
Рецензии из «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» № 2 *т. 7, стр. 208—223*	Критика и рецензии *т. VIII, стр. 263—280*
Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. *т. 7, стр. 5—110*	1848—1849. Классовая борьба во Франции *т. VIII, стр. 1—86*
Первый международный обзор *т. 7, стр. 224—237*	Международные обзоры. I *т. VIII, стр. 201—214*
Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов. Март 1850 *т. 7, стр. 257—267*	Первое обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов *т. VIII, стр. 479—489*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Второй международный обзор *т. 7, стр. 308—311*	Международные обзоры. II *т. VIII, стр. 215—218*
Рецензии из «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» № 4 *т. 7, стр. 268—307*	Критика и рецензии *т. VIII, стр. 281—317*
Письмо редактору газеты «Times» *т. 7, стр. 321*	Энгельс — редактору газеты «Times» *т. XXV, стр. 78*
Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов. Июнь 1850 *т. 7, стр. 322—328*	Второе обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов *т. VIII, стр. 490—496*
Заявление редактору «Neue Deutsche Zeitung» *т. 7, стр. 339*	Опубликовано в предисловии редактора к тому без заглавия *т. VI II (изд. 1931 г.). стр. VII—VIII*
Прусские эмигранты. Редактору газеты «Sun» *т. 7, стр. 329—330*	Маркс, Энгельс и А. Виллих — редактору газеты «The Sun» в Лондоне *т. XXV, стр. 78—80*
Сопроводительное письмо к статье «Прусские шпионы в Лондоне». Редактору «Spectator» *т. 7, стр. 331*	Маркс и Энгельс — редактору одной английской газеты *т. XXV, стр. 80—81*
Немецкие эмигранты в Лондоне *т. 7, стр. 556—557*	Немецкие беженцы в Лондоне *т. VIII, стр. 592*
Письмо редактору газеты «Globe» *т. 7, стр. 336—338*	Маркс — редактору газеты «Globe» *т. XXV, стр. 82—84*
Редакционное примечание к статье И. Г. Эккариуса «Портняжное дело в Лондоне, или борьба крупного и мелкого капитала» *т. 7, стр. 440*	Опубликовано в предисловии к тому *т. VIII, стр. XIII—XIV*
Третий международный обзор. С мая по октябрь *т. 7, стр. 446—490*	Международные обзоры. III. От мая до октября *т. VIII, стр. 219—262*
Заявление против А. Руге *т. 7, стр. 491—492*	Заявление Маркс и Энгельс — редакции «Weserzeitung» *т. VIII, сто. 595—596* то. *XXV, стр. 88—89*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Письмо редактору газеты «Times» *т. 7, стр. 493—494*	Маркс — редактору газеты «Times» *т. XXV, стр. 92—94*
Возможности и перспективы войны Священного союза против Франции в 1852 г. *т. 7, стр. 495—524*	Возможности и предпосылки войны Священного союза против Франции в 1852 г. *т. VIII, стр. 448—476*
Англия *т. 8, стр. 218—230*	Статьи об Англии *т. VIII, стр. 429—442*
Заявление в редакцию «Kolnische Zeitung» *т. 8, стр. 246*	Заявление и письма в связи с кёльнским процессом. I *т. VIII, стр. 598*
Действия Мадзини и Кошута. — Союз с Луи-Наполеоном. — Пальмерстон *т. 8, стр. 382—384*	Мадзини и Кошут. — Союз с Луи-Наполеоном. — Пальмерстон *т. IX, стр. 271—273*
Политические последствия торгового процветания *т. 8, стр. 392—396*	Политические последствия торгового оживления *т. IX, стр. 40—44*
Заявление в редакции английских газет *т. 8, стр. 397—398*	Заявление и письма в связи с кёльнским процессом. II *т. VIII, стр. 598—599*
Заявление редактору газеты «Morning Advertiser» *т. 8, стр. 399—400*	Заявление и письма в связи с кёльнским процессом. III *т. VIII, стр. 599—600*
Недавний процесс в Кёльне *т. 8, стр. 416—422*	Процесс коммунистов в Кёльне *т. VIII, стр. 497—502*
Выборы. — Финансовые осложнения. — Герцогиня Сатерленд и рабство *т. 8, стр. 521—528*	Выборы. — Печальное финансовое положение. — Герцогиня Сутерленд и рабство *т. IX, стр. 80—86*
Смертная казнь. — Памфлет г-на Кобдена. — Мероприятия Английского банка *т. 8, стр. 529—536*	Смертная казнь. — Памфлет господина Кобдена. — Постановление Английского банка *т. IX, стр. 87—93*
Оборона. — Финансы. — Вымирание аристократии. — Политика *т. 8, стр. 537—543*	Оборона. — Финансы. — Вымирание аристократии. — Политика. — Парламентская реформа *т. IX, стр. 94—100*
Итальянское восстание. — Британская политика *т. 8, стр. 544—549*	Итальянское восстание. — Амнистия Луи-Наполеона. — Британская политика *т. IX, стр. 101—105*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Британская политика. — Дизраэли. — Эмигранты. — Мадзини в Лондоне. — Турция *т. 9, стр. 1—10*	Опубликована в виде двух статей: 1) Эмигранты. — Мадзини в Лондоне; 2) Национальности в Турции *т. IX, стр. 289—290, 371—378*
Кошут и Мадзини. — Происки прусского правительства. — Торговый договор между Австрией и Пруссией. — «Times» и эмигранты *т. 8, стр. 572—578*	Кошут и Мадзини. — Прусская полиция. — Торговый договор между Австрией и Пруссией. — «Times» и эмиграция *т. IX, стр. 283—288*
Лондонская пресса. — Политика Наполеона в турецком вопросе *т. 9, стр. 16—19*	Лондонская пресса и восточный вопрос *т. IX, стр. 379—381*
Новая финансовая махинация, или Гладстон и пенсы *т. 9, стр. 44—49*	Новый финансовый фокус, или Гладстон и пенсы *т. IX, стр. 141—145*
Беспорядки в Константинополе.— Столоверчение в Германии. — Бюджет *т. 9, стр. 69—77*	Бюджет Гладстона *т. IX, стр. 134—140*
Голландские дела. — Дания. — Конверсия британского государственного долга. — Индия. — Турция и Россия *т. 9, стр. 106—111*	Опубликована в виде двух статей: 1) Хартия Ост-индской компании; 2) Турция и Россия *т. IX, стр. 321—322, 398—399*
Турецкий вопрос. — «Times». — Расширение России *т. 9, стр. 117—119*	Турецкий вопрос. — «Times». — Рост России *т. IX, стр. 400—402*
Русский обман. — Провал Гладстона. — Ост-индские реформы Чарлза Вуда *т. 9, стр. 120—129*	Опубликована в виде трех статей: 1) Провал Гладстона; 2) Ост-индские реформы; 3) Русский обман *т. IX, стр. 157—159,* *323—326,* *403—405*
Английское процветание. — Забастовки. — Турецкий вопрос. — Индия *т. 9, стр. 137—144*	Опубликована в виде двух статей: 1) Английское процветание. — Забастовки. — Восточные дела; 2) Ост-индские реформы *т. IX, стр. 165—169,* *327—329*
Турция и Россия. — Потворство России со стороны министерства Абердина. — Бюджет. — Налог на газетные приложения. — Парламентская коррупция *т. 9, стр. 145—150*	Турция и Россия. — Преступное потворство министерства Эбердина по отношению к России *т. IX, стр. 406—410*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Индийский вопрос. — Ирландское арендное право *т. 9, стр. 161—167*	Великобритания. — Ирландское арендное право *т. IX, стр. 719—725*
Русская политика по отношению к Турции. — Рабочее движение в Англии *т.. 9, стр. 168—179*	Опубликована в виде двух статей: 1) Рабочие забастовки. — Народная хартия; 2) Русская политика по отношению к Турции *т. IX, стр. 170—176, 411—416*
Вопрос о турецкой войне. — Газета «New-York Tribune» в палате общин. — Управление Индией *т. 9, стр. 180—191*	Опубликована в виде двух статей: 1) Налог на объявления. — «Нью-йоркская трибуна» в палате общин; 2) Управление Индией *т. IX, стр. 160—162, 330—337*
Запрос Лейарда. — Борьба вокруг билля о десятичасовом рабочем дне *т. 9, стр. 192—198*	Опубликована в виде двух статей: 1) Запрос Лайарда; 2) Борьба вокруг билля о десятичасовом рабочем дне *т. IX, стр. 417—419, 177—180*
Русско-турецкие осложнения. — Уловки и увертки британского кабинета. — Последняя нота Нессельроде. — Ост-индский вопрос *т. 9, стр. 199—207*	Опубликована в виде двух статей: 1) Русско-турецкие затруднения.— Смиренное и уступчивое поведение британского кабинета. — Последняя нота Нессельроде; 2) Англия, туземная аристократия и князья в Индии *т. IX, стр. 420—424, 338—341*
Война в Бирме. — Русский вопрос. — Любопытная дипломатическая переписка *т. 9, стр. 208—215*	Русский вопрос. — Любопытная дипломатическая переписка *т. IX, стр. 425—431*
Военный вопрос. — Парламентские дела. — Индия *т. 9, стр. 216—223*	Опубликована в виде двух статей: 1) Положение в Индии; 2) Россия и западные державы *т. IX, стр. 342—345, 432—435*
Будущие результаты британского владычества в Индии *т. 9, стр. 224—230*	Будущие результаты британского господства в Индии *т. IX, стр. 362—368*
Поражение правительства по финансовому вопросу. — Извозчики. — Ирландия. — Русский вопрос *т. 9, стр. 231—240*	Опубликована в виде двух статей: 1) Извозчики. — Забастовки и борьба с ними; 2) Традиционная политика России *т. IX, стр. 181—184, 436—441*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Налог на объявления. — Действия России. — Дания. — Соединенные Штаты в Европе *т. 9, стр. 248—254*	Действия России. — Дания. — Соединенные Штаты и Европа *т. IX, стр. 442—447*
Вопрос о войне. — Население Англии и торговые отчеты. — Парламентские дела *т. 9, стр. 255—267*	Опубликована в виде двух статей: 1) Русско-турецкий конфликт и западные державы. — Русское влияние при английском дворе; 2) Население Англии и торгово-промышленная статистика. — Билль об объединениях рабочих. — Лендлорды и арендаторы в Ирландии *т. IX, стр. 448—451, 185—191*
Уркарт. — Бем. — Турецкий вопрос в палате лордов *т. 9, стр. 268—275*	Уркарт. — Бем. — Турецкий вопрос в Верхней палате *т. IX, стр. 452—458*
Турецкий вопрос в палате общин *т. 9, стр. 276—288*	Турецкий вопрос в Нижней палате *т. IX, стр. 459—470*
Положение дел на континенте и в Англии *т. 9, стр. 289—295*	Положение в Англии. — Забастовки углекопов *т. IX, стр. 192—195*
Михаил Бакунин. Редактору газеты «Morning Advertiser» *т. 9, стр. 296—298*	Маркс — редактору «Morning Advertiser» в Лондоне *т. XXV, стр. 193—195*
Политические события. — Недостаток хлеба в Европе *т. 9, стр. 314—322*	Политическое положение. — Английский банк. — Нехватка хлеба в Европе *т. IX, стр. 199—206*
Западные державы и Турция. — Надвигающийся экономический кризис. — Железнодорожное строительство в Индии *т. 9, стр. 323—331*	Западные державы и Турция. I *т. IX, стр. 471—475*
Западные державы и Турция. — Симптомы экономического кризиса *т. 9, стр. 332—342*	Опубликована в виде двух статей: 1) Западные державы и Турция. II; 2) Симптомы промышленного кризиса *т. IX, стр. 476—481, 207—209*
Вопрос о войне. — Финансовые дела. — Забастовки *т. 9, стр. 426—434*	Опубликована в виде двух статей: 1) Перед войной; 2) Повышение учетного процента.— Недород и его последствия. — Забастовки. — Антирабочая лига *т. IX, стр. 482—484, 210—216*
Турецкий манифест. — Экономическое положение Франции *т. 9, стр. 435—439*	Турецкий манифест *т. IX, стр. 551—552*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Война. — Забастовки. — Дороговизна жизни *т. 9, стр. 454—462*	Опубликована в виде трех статей: 1) Открытие военных действий. — Стачечное движение и Манчестерцы; 2) Забастовки. — Локауты; 3) Дороговизна жизни *т. IX, стр. 557—558, 217—218, 219—224*
Персидская экспедиция в Афганистан и русская экспедиция в Среднюю Азию. — Дания. — Военные действия на Дунае и в Азии. — Уиганские углекопы *т. 9, стр. 463—468*	Вигенские углекопы *т. IX, стр. 225—227*
Рабочий вопрос *т. 9, стр. 479—482*	Англия. — Рабочий вопрос *т. IX, стр. 228—231*
Процветание. — Рабочий вопрос *т. 9, стр. 483—490*	Англия. — Процветание. — Рабочий вопрос *т. IX, стр. 232—238*
Речь Мантёйфеля. — Религиозное движение в Пруссии. — Воззвание Мадзини. — Лондонский муниципалитет. — Реформы Рассела. — Рабочий парламент *т. 9, стр. 528—635*	Опубликована в виде трех статей: 1) Речь Мантёйфеля. — Религиозное движение в Пруссии. — Воззвание Мадзини; 2) Лондонский городской совет.— Реформы Росселя; 3) Рабочий парламент *т. IX, стр. 659—561, 239—240, 250—253*
Турецкая война. — Промышленное бедствие *т. 9, стр. 644—547*	Опубликована в виде двух статей: 1) И опять дипломатия; 2) Промышленное бедствие *т. IX, стр. 568—569, 241—243*
Русская победа. — Позиция Англии и Франции *т. 9, стр. 558—564*	Опубликована в виде двух статей: 1) Русская победа. — Положение Франции и Англии; 2) Экономическое положение во Франции *т. IX, стр. 579—583, 244—245*
Ход турецкой войны *т. 9, стр. 569—574*	Синоп и Ахалцых *т. IX, стр. 587—592*
Западные державы и Турция *т. 10, стр. 7—16*	Державы и Турция *т. IX, стр. 593—603*
Военные действия на Востоке. — Австрийские и французские финансы. — Укрепление Константинополя *т. 10, стр. 28—33*	Военные действия в Азии. — Австрийские и французские финансы. — Персия. — Укрепление Константинополя. — Россия и Дания. — Падение цен *т. IX, стр. 610—615*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Укрепление Константинополя. — Датский нейтралитет. — Состав английского парламента. — Неурожай в Европе *т. 10, стр. 42—49*	Опубликована в виде двух статей: 1) Укрепление Константинополя.— Датский нейтралитет. — Кобден и Россия; 2) Статистика английского народного представительства. — Недород хлебов *т. IX, стр. 620—623, 246—249*
Миссия графа Орлова. — Военные финансы России *т. 10, стр. 50—54*	Военные финансы *т. IX, стр. 624—627*
Синие книги. — Парламентские дебаты 6 февраля.— Миссия графа Орлова.—Действия союзного флота.— Ирландская бригада. — К созыву Рабочего парламента *т. 10, стр. 55—61*	Документы по восточному вопросу. — Парламентские дебаты. — Миссия графа Орлова. — Действия союзного флота. — Ирландская бригада. — Манчестерцы и Рабочий парламент *т. IX, стр. 628—634*
Русская дипломатия. — Синяя книга по восточному вопросу. — Черногория *т. 10, стр. 62—68*	Русская дипломатия. — Черногория *т. IX, стр. 635—641*
Парламентские дебаты *т. 10, стр. 77—90*	Прения в парламенте *т. IX, стр. 642—654*
Парламентские дебаты 22 февраля. — Депеша Поццо-ди-Борго. — Политика западных держав *т. 10, стр. 91—99*	Кошут. — Дизраэли и Юм. — Русская политика. — Франция и Англия. — Греция *т. IX, стр. 662—670*
Военные планы Франции и Англии. — Греческое восстание. — Испания. — Китай *т. 10, стр. 107—113*	Франция и Англия. — Греческое восстание. — Азия и Россия *т. IX, стр. 655—661*
Открытие Рабочего парламента. — Военный бюджет Англии *т. 10, стр. 114—121*	Рабочий парламент. — Финансовое положение Франции. — Военный бюджет *т. IX, стр. 261—268*
Письмо Рабочему парламенту *т. 10, стр. 122—123*	Рабочий парламент. — Письмо Маркса *т. IX, стр. 259—260*
Отступление русских от Калафата *т. 10, стр. 132—136*	Русское отступление *т. IX, стр. 678—682*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Объявление войны. — К истории возникновения восточного вопроса *т. 10, стр. 165—173*	Объявление войны. — Мусульмане и христиане *т. X, стр. 5—12*
Парламентские дебаты о войне *т. 10, стр. 174—184*	Военные дебаты в парламенте *т. X, стр. 13—24*
Россия и немецкие державы. — Цены на хлеб *т. 10, стр. 185—191*	Заявления министров в Верхней и Нижней палатах. — Разоблачения избирательных подкупов. — Россия и немецкие державы. — Спекуляции на хлебе *т. X, стр. 25—31*
Война *т. 10, стр. 236—242*	Военные действия на Балтийском и Черном морях. — Англо-французская система военных операций *т. X, стр. 36—41*
Современное состояние английской армии, ее тактика, обмундирование, интендантство и т. д. *т. 10, стр. 243—249*	Современное положение английской армии. — Тактика. — Обмундирование. — Организация снабжения и т. д. *т. X, стр. 42—47*
Договор между Австрией и Пруссией. — Парламентские дебаты 29 мая *т. 10, стр. 250—255*	«Times». — Союзный договор между Австрией и Пруссией. — Перепалка в английском парламенте *т. X, стр. 48—52*
Образование особого военного министерства в Англии. — Военные действия на Дунае. — Экономическое положение *т. 10, стр. 256—261*	Образование особого военного министерства в Англии. — Задержка на Дунае. — «Орел, бульдог, петух и заяц». — Экономическое положение *т. X, стр. 55—60*
Реорганизация английского военного ведомства. — Австрийские требования. — Экономическое положение Англии. — Сент-Арно *т. 10, стр. 262—268*	Речи Кошута и Уркарта. — Новые министерские назначения. — Австрия и Россия. — Экономическое положение. — Маршал Сент-Арно *т. X, стр. 61—67*
Восстание в Мадриде. — Австро-турецкий договор. — Молдавия и Валахия *т. 10, стр. 303—311*	Опубликована в виде двух статей: 1) Восстание в Мадриде; 2) Русский заем. — Эвакуация княжеств. — Австро-турецкий договор. — Молдавия и Валахия *т. X, стр. 677, 95—102*
Война на Дунае *т. 10, стр. 312—317*	Осада Силистрии *т. X, стр. 108—112*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Подробности мадридского восстания. — Австро-прусские требования. — Новый заем в Австрии. — Валахия *т. 10, стр. 318—325*	Опубликована в виде двух статей: 1) Подробности мадридского восстания; 2) Австрия и Валахия. — Отправление балтийской дивизии *т. X, стр. 678—681, 103—107*
Возбуждение в Италии. — События в Испании. — Позиция немецких государств. — Английские судьи *т. 10, стр. 326—335*	Театр военных действий. — Возбуждение в Италии. — Русская нота к немецким державам. — Сербия и Австрия. — Позиция мелких государств *т. X, стр. 113—118*
Венское совещание. — Австрийский заем. — Воззвание Дульсе и О'Доннеля. — Министерский кризис в Англии *т. 10, стр. 336—342*	Опубликована в виде двух статей: 1) Совещание в Вене. — Дело при Журжеве. — Слухи о взятии Бухареста. — Австрийский заем.— Министерский кризис в Англии; 2) Прокламации Дульсе и О'Доннеля. — Успехи инсургентов *т. X, стр. 119—123, 682—683*
Испанская революция. — Турция и Греция *т. 10. стр. 343—348*	Опубликована в виде двух статей; 1) Испанская революция. — Борьба партий. — Пронунциаменто в Сан-Себастиане, Барселоне, Сарагоссе и Мадриде; 2) Турция и Греция *т. X, стр. 684—688, 124*
Дебаты о войне в парламенте *т. 10, стр. 349—355*	Дебаты о войне в Верхней и Нижней палате *т. X, стр. 125—131*
Политика Австрии. — Дебаты о войне в палате общин *т. 10, стр. 856—366*	Турция и Австрия. — Австрийский заем в Ломбардии. — Дебаты о войне в Нижней палате *т. X, стр. 132—141*
Эвакуация Дунайских княжеств. — События в Испании. — Новая датская конституция. — Чартисты *т. 10, стр. 383—389*	Опубликована в виде двух статей: 1) Отступление русских. — Дания. — Английская народная хартия; 2) Контрреволюция за работой *т. X, стр. 148—154, 696*
Эвакуация Молдавии и Валахии. — Польша. — Требования испанского народа *т. 10, стр. 390—396*	Опубликована в виде двух статей: 1) Эвакуация Придунайских княжеств; 2) Требования испанского народа *т. X, стр. 155—159, 697*
Восточный вопрос. — Революция в Испании. — Мадридская печать *т. 10, стр. 397—404*	Испанская революция и Россия.— Вопрос о колониях. — Коррупция общественных деятелей. — Анархия в провинции. — Мадридская печать *т. X, стр. 698—702*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Революция в Испании. — Бомарсунд *т. 10, стр. 405—411*	Опубликована в виде двух статей: 1) Созыв учредительных кортесов. — Избирательный закон.— Беспорядки в Тортозе. — Тайные общества. — Скупка правительством оружия. — Испанские финансы; 2) Взятие Бомарзунда *т. X, стр. 703—707, 160—161*
Реакция в Испании *т. 10, стр. 481—486*	Реакция в Испании. — Состояние финансов. — Конституция федеральной Иберийской республики *т. X, стр. 708—713*
Слухи об аресте Мадзини. — Австрийский принудительный заем.— Испания. — Положение в Валахии *т. 10, стр. 487—492*	Опубликована в виде двух статей; 1) Слухи об аресте Мадзини. — Австрийский принудительный заем в Павии, Триесте и пр. — Положение в Валахии. — Революция в Турции; 2) Последние мероприятия правительства. — Реакционная пресса о положении в Испании. — Избыток генералов *т. X, стр. 162—164, 714—716*
Сражение на Альме *т. 10, стр. 526—631*	Битва при Альме *т. X, стр. 174—179*
Сражение под Балаклавой *т. 10, стр. 550—557*	Битва под Балаклавой *т. X, стр. 198—205*
Инкерманское сражение *т. 10, стр. 558—563*	Битва при Инкермане *т. X, стр. 206—211*
Развитие военных действий *т. 10, стр. 571—578*	Ход войны *т. X, стр. 212—218*
Ретроспективный взгляд на крымскую кампанию *т. 10, стр.. 584—589*	Опубликована в виде двух статей: 1) Итоги; 2) Дезорганизация английского военного управления *т. X, стр. 219—221, 225—227*
Британская катастрофа в Крыму *т. 10, стр. 594—600*	Военное дело в Англии *т. X, стр. 221—235*
Торгово-промышленный кризис *т. 10, стр. 601—608*	Торговый кризис *т. X, стр. 236—243*
Владельцы пивных и соблюдение воскресного дня. — Кланрикард *т. 10, стр. 621—623*	Пивные хозяева и воскресный праздник. — Кланрикард *т. X, стр. 250—251*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Подлинная цель венских переговоров. — Полемика против Пруссии. — Снежный бунт *т. 10, стр. 627—628*	Цель переговоров. — Полемика против Пруссии. — Снежный бунт *т. X, стр. 255—256*
Открытие сессии парламента *т. 11, стр. 1—3*	Кризис кабинета. I. Открытие парламента *т. X, стр. 257—259*
К кризису кабинета *т. 11, стр. 4—5*	Кризис кабинета. II. Пояснение к кризису кабинета *т. X, стр. 259—261*
Парламентские дела *т. 11, стр. 6—9*	Кризис кабинета. III. Парламентские дела *т. X, стр. 261—265*
Два кризиса *т. 11, стр. 46—49*	Партии и клики. II *т. X, стр. 281—283*
Из парламента: выступление Глад-стона *т. 11, стр. 59—60*	Гладстон *т. X, стр. 297*
Переизбрание Герберта. — Первые шаги нового министерства. — Известия из Ост-Индии *т. 11, стр. 68—70*	Переизбрание Герберта. — Первые шаги нового правительства. — Известия из Ост-Индии *т. X, стр. 298—300*
Парламент *т. 11, стр. 71—75*	Новая сессия парламента. I *т. X, стр. 201—304*
Коалиция тори с радикалами *т. 11, стр. 76—78*	Новая сессия парламента. II *т. X, стр. 305—306*
Война, нависшая над Европой *т. 11, стр. 79—86*	Состояние армий *т. X, стр. 209—212*
Парламентские и военные дела *т. 11, стр. 87—89*	Новая сессия парламента. III *т. X, стр. 307—308*
К новому министерскому кризису *т. 11, стр. 90—92*	К новому правительственному кризису *т. X, стр. 313—315*
Торговля чинами. — Вести из Австралии *т. 11, стр. 109—112*	Торговля должностями. — Вести из Австралии *т. X, стр. 328—331*
Брюссельский мемуар *т. 11, стр. 121—122*	Следственная комиссия. — Брюссельский мемуар *т. X, стр. 337—338*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Кампания в печати против Пруссии. — День поста. — Стычки между пролетариатом и буржуазией *т. 11, стр. 128—141*	Агитация против Пруссии. — День поста. — Столкновение между пролетариатом и буржуазией *т. X, стр. 350—352*
Митинг в Лондон-таверн *т. 11, стр. 142—145*	Опубликована в составе статьи: Балаклава. — «Times». — Митинг в «Лондонской таверне» *т. X, стр. 354—357*
Сообщения английской печати *т. 11, стр. 146—147*	Опубликована в составе статьи: Балаклава. — «Times». — Митинг в «Лондонской таверне» *т. X, стр. 353—354*
Из парламента: дебаты о Пруссии в палате лордов *т. 11, стр. 148—152*	Дебаты о Пруссии в Верхней палате *т. X, стр. 358—362*
Сражение под Севастополем *т. 11, стр. 157—161*	Последние события в Крыму *т. X, стр. 363—365*
К истории союза с Францией *т. 11, стр. 162—164*	К истории англо-французского союза *т. X, стр. 366—369*
Скандал во французском Законодательном корпусе. — Влияние Друэн де Люиса. — Состояние милиции *т. 11, стр. 185—186*	Скандал во французском Законодательном собрании. — Влияние Друэн-де-Люиса. — Состояние милиции *т. X, стр. 376—377*
Заседание палаты лордов *т. 11, стр. 229—233*	Предложение лорда Элленборо в Верхней палате *т. X, стр. 403—406*
По поводу движения в пользу реформы *т. 11, стр. 249—251*	К движению в пользу реформ *т. X, стр. 414—415*
К критике положения дел в Крыму. — Из парламента *т. 11, стр. 252—255*	К критике крымских событий. — Из парламента *т. X, стр. 416—418*
Пролог к комедии, разыгранный у лорда Пальмерстона. — Ход последних событий в Крыму *т. 11, стр. 256—259*	Пролог к комедии у лорда Пальмерстона. — Ход последних событий в Крыму *т. X, стр. 419—421*
Из парламента: дебаты по предложению Дизраэли *т. 11, стр. 269—274*	Предложение Дизраэли. II *т. X, стр. 429—434*
К критике последней речи Пальмерстона *т. 11, стр. 275—277*	Предложение Дизраэли. III *т. X, стр. 434—437*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Парламентские дебаты о войне *т. 11, стр. 283—286*	Парламентские дебаты по вопросу о целях войны. I от. *X, стр. 442—445*
Дебаты в английском парламенте *т. 11, стр. 295—297*	Парламентские дебаты по вопросу о целях войны. II *т. X, стр. 445—447*
Письма Нейпира. — Комиссия Робака *т. 11, стр. 310—313*	Письма Непира. — Комитет Робека. — Митинги. — Выступление принца Альберта *т. X, стр. 448—451*
Инцидент в палате общин. — Война в Крыму *т. 11, стр. 314—316*	Инцидент в палате общин. — «Местная война». — Дебаты об административной реформе. — Доклад комитета Робека. I *т. X, стр. 462—453*
Локальная война. — Дебаты об административной реформе. — Отчет комиссии Робака *т. 11, стр. 324—328*	Инцидент в палате общин. — «Местная война». — Дебаты об административной реформе. — Доклад комитета Робека. II *т. X, стр. 453—457*
Сообщение о взятии Севастополя.— С парижской биржи. — Дебаты в палате лордов о злодеянии у Гангэ *т. 11, стр. 329—332*	С парижской биржи. — Дебаты о резне у Ганге в Верхней палате *т. X, стр. 458—460*
Неудача 18 июня. — Подкрепления *т. 11, стр. 333—337*	Неудача 18-го июня (штурм Малахова кургана) *т. X, стр. 461—464*
Волнения в связи с биллем о более строгом соблюдении воскресного дня *т. 11, стр. 358—362*	Антицерковное движение. — Демонстрация в Гайд-парке. II *т. X, стр. 470—474*
Из парламента: предложения Робака и Булвера *т. 11, стр. 371—373*	В английском парламенте. — Предложения Робека и Бульвера. — Ирландский вопрос. I *т. X, стр. 475—477*
Из парламента: предложение Булвера, ирландский вопрос *т. 11, стр. 374—377*	*В* английском парламенте. — Предложения Робека и Бульвера. — Ирландский вопрос. II *т. X, стр. 477—480*
Пальмерстон. — Физиология господствующих классов Великобритании *т. 11, стр. 397—400*	Пальмерстон. — Деятельность следственных комиссий. — Охрана труда на манчестерских фабриках *т. X, стр. 485—488*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Бирмингемская конференция: вопрос о престолонаследии в Дании и о четырех гарантиях *т. 11, стр. 427—432*	Последняя конференция в Бирмингеме *т. X, стр. 489—494*
Англо-французская война против России *т. 11, стр. 521—526*	«Непостижимая война» *т. X, стр. 524—528*
К событиям в Крыму *т. 11, стр. 566—568*	Взятие Малахова *т. X, стр. 529—531*
Франция Бонапарта Малого *т. 11, стр. 627—632*	Франция Бонапарта Маленького *т. XI, ч. I, стр. 7—12*
Речь на юбилее «The People's Paper», произнесенная в Лондоне 14 апреля 1856 года *т. 12, стр. 3—5*	Революции 1848 года и пролетариат. Речь К. Маркса на юбилее «The People's Paper» *т. XI, ч. I, стр. 5—6*
Денежный кризис в Европе *т. 12, стр. 55—59*	Экономический кризис в Европе. II *т. XI, ч. I, стр. 57—60*
Причины возникновения денежного кризиса в Европе *т. 12, стр. 60—65*	Экономический кризис в Европе. III *т. XI, ч. I, стр. 61—65*
Перспективы англо-персидской войны *т. 12, стр. 126—131*	Англия и Россия в Афганистане *т. XI, ч. I, стр. 133—138*
Парламентские дебаты о военных действиях в Китае *т. 12, стр. 140—145*	Парламентские прения о военных действиях в Китае *т. XI, ч. I, стр. 139—144*
Финансовые аферы в Англии *т. 12, стр. 204—208*	Английские биржевые плуты *т. XI, ч. I, стр. 101—104*
Восстание в индийской армии *т. 12, стр. 240—243*	Восстание в Индии. I *т. XI, ч. I, стр. 213—216*
Положение в Европе. — Финансовое положение Франции *т. 12, стр. 244—247*	Финансовое положение Франции *т. XI, ч. I, стр. 109—112*
Известия из Индии *т. 12, стр. 257—260*	Восстание в Индии. I *т. XI, ч. I, стр. 226—228*
Нынешнее состояние индийского восстания *т. 12, стр. 261—264*	Восстание в Индии. II *т. XI, ч. I, стр. 229—232*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов) *т. 12, стр. 709—738*	Введение к «Критике политической экономии» *т. XII, ч. I, стр. 173—204*
Доходы англичан в Индии *т. 12, стр. 291—295*	Доходы Индии *т. XI, ч. I, стр. 248— 251*
Индийское восстание *т. 12, стр. 296—299*	Восстание в Индии. IV *т. XI, ч. I, стр. 239—242*
Взятие Дели *т. 12, стр. 337—345*	Восстание в Индии. V *т. XI, ч. I, стр. 269—274*
Кризис во Франции *т. 12, стр. 360-365*	Торговый кризис во Франции *т. XI, ч. I, стр. 477—482*
Осада и штурм Лакнау *т. 12, стр. 366—372*	Восстание в Индии. VI *т. XI, ч. I, стр. 275—278*
Поражение Уиндхема *т. 12, стр. 395—400*	Восстание в Индии *т. XI, ч. I, стр. 292—297*
Покушение на Бонапарта *т. 12, стр. 401—406*	Начало конца Луи Наполеона *т. XI, ч. I, стр. 483—487*
Министерство Дерби. — Мнимая отставка Пальмерстона *т. 12, стр. 416—419*	Отношения между Англией и Францией *т. XI, ч.I, стр. 496—499*
Миссия Пелисье в Англии *т. 12, стр. 430—433*	Назначение Пелиссье в Англию *т. XI, ч. I, стр. 605—507*
Подробности штурма Лакнау *т. 12, стр. 477—483*	Взятие Лукноу *т. XI, ч. I, стр. 304—309*
Аннексия Ауда *т. 12, стр. 484—489*	Аннексия королевства Ауда англичанами *т. XI, ч. I, стр. 310—315*
Любопытная страничка истории *т. 12, стр. 490—496*	Интересная страничка из истории *т. XI, ч. I, стр. 417—423*
Прокламация Каннинга и вопрос о землевладении в Индии *т. 12, стр. 497—500*	Аграрный вопрос в Индии *т. XI, ч. I, стр. 316—319*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Английская армия в Индии *т. 12, стр. 507—511*	Восстание в Индии. II *т. XI, ч. I, стр. 323—326*
Политические партии в Англии. — Положение в Европе *т. 12, стр. 518—521*	Политические партии в Англии и симптомы новой революции в Европе *т. XI, ч. I, стр. 396—398*
Индийская армия *т. 12, стр. 533—537*	Восстание в Индии. III *т. XI, ч. I, стр. 327—331*
Закон 1844 г. об Английском банке *т. 12, стр. 554—558*	Отмена закона 1844 г. об Английском банке *т. XI, ч. I, стр. 404—408*
Тортовые кризисы и денежное обращение в Англии *т. 12, стр. 559—563*	Торговые кризисы и денежное обращение *т. XI, ч. I, стр. 409—412*
История торговли опиумом *т. 12, стр. 564—567*	Торговля опиумом. I *т. XI, ч. I, стр. 345—348*
История торговли опиумом *т. 12, стр. 568—571*	Торговля опиумом. II *т. XI, ч. I, стр. 349—352*
Еще одна странная глава современной истории *т. 12, стр. 572—578*	Еще одна необычайная глава современной истории *т. XI, ч. I, стр. 424—430*
Англо-китайский договор *т. 12, стр. 579—584*	Договор между Китаем и Британией. I *т. XI, ч. I, стр. 353—357*
Вопрос об отмене крепостного права в России *т. 12, стр. 605—608*	Подготовка крестьянской реформы в России *т. XI, ч. I, стр. 529—531*
Продвижение России в Средней Азии *т. 12, стр. 614—619*	Россия в Средней Азии *т. XI, ч. I, стр. 363—367*
Новый билль о парламентской реформе в Англии *т. 13, стр. 223—227*	Новый британский законопроект о парламентской реформе *т. XI, ч. II, стр. 96—100*
Сильное расстройство финансов Индии. II *т. 13, стр. 311—314*	Финансовый кризис в Индии *т. XI, ч. II, стр. 134—137*
Сражение при Монтебелло *т. 13, стр. 366—368*	Бой при Монтебелло *т. XI, ч. II, стр. 178—180*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Ход военных действий *т. 13, стр. 887—890*	Развитие военных действий *т. XI, ч. II, стр. 185—188*
Сражение при Мадженте *т. 12, стр. 899—405*	Глава из истории *т. XI, ч. II, стр. 195—201*
Отступление австрийцев к Минчо *т. 13, стр. 410—414*	Отступление австрийцев на Минчио *т. XI, ч. II, стр. 304—308*
Вести о войне *т. 13, стр. 415—418*	Известия с войны *т. XI, ч. II, стр. 209—212*
Избирательная коррупция в Англии *т. 13, стр. 649—553*	Подкупы при парламентских выборах в Англии *т. XI, ч. II, стр. 277—281*
Письмо редактору «Allgemeine Zeitung» *т. 14, стр. 692*	Маркс — редактору газеты «Allgemeine Zeitung» в Аугсбург *т. XXV, стр. 265—266*
Письмо редактору газеты «Daily Telegraph» *т. 14, стр. 703*	Маркс — редактору «Daily Telegraph» в Лондоне *т. XXV, стр. 282—283*
Письмо в редакцию «Allgemeine Zeitung» *т. 14, стр. 704—705*	Маркс — в редакцию газеты «Allgemeine Zeitung» в Аугсбург *т. XXV, стр. 292—293*
Заявление в редакции газет, «Freischutz» и «Reform» *т. 14, стр. 706*	Маркс — редакциям «Freischutz» и «Reform» в Гамбург *т. XXV, стр. 326*
События в Сирии. — Английская парламентская сессия. — Состояние британской торговли *т. 35, стр. 102—106*	Беспорядки в Сирии и интриги русского и французского правительств. — Английская парламентская сессия. — Затруднения кабинета. — Состояние британской торговли *т. XII, ч. II, стр. 109—113*
Пошлины на бумагу. — Письмо императора *т. 15, стр. 118—122*	Налог на бумагу. — Письмо императора *т. XII, ч. II,стр. 119—122*
Положение дел в Пруссии. — Пруссия, Франция и Италия *т. 15, стр. 187—191*	Положение дел в Пруссии *т. XII, ч. II, стр. 156—159*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Напряженное состояние денежного рынка *т. 15, стр. 235—236*	Великобритания. — Напряженное состояние денежного рынка *т. XII,ч. II, стр. 164—165*
Военно-морской флот *т. 14, стр. 380—394*	Флот *т. XI, ч. II, стр. 517—530*
Заявление в редакции «Allgemeine Zeitung» и других немецких газет *т. 14, стр. 707—708*	Заявление в редакцию «Reform» *т. XXII, стр. 541—542*
Волонтеры-саперы, их значение и область их деятельности *т. 15, стр. 227—241*	Инженеры-волонтеры *т. XII, ч. II, стр. 457—461*
Французские вооруженные силы *т. 15, стр. 250—254*	Французские вооружения *т. XII, ч. II, стр. 471—474*
Ротное строевое учение *т. 15, стр. 278—283*	Ротное учение *т. XII, ч. II, стр. 486—490*
Вальдерзее о французской армии *т. 15, стр. 298—308*	Генерал Вальдерзее о французской армии *т. XII, ч. II, стр. 504—514*
Отстранение Фримонта *т. 15, стр. 390—392*	Америка. — Отрешение от должности Фремона *т. XII, ч. II, стр. 269—271*
Шарлатанство французской прессы. — Экономические последствия войны *т. 15, стр. 445—446*	Вранье французской прессы. — Экономические последствия войны *т. XII, ч. II, стр. 298—299*
Общественное мнение Англии *т. 15, стр. 450—455*	Великобритания. — Общественное мнение Англии *т. XII, ч. II, стр. 219—224*
Парламентские дебаты по поводу ответного адреса *т. 15, стр. 479—483*	Прения в парламенте по поводу ответного адреса *т. XII, ч. II, стр. 318—322*
Друзья сецессионистов в палате общин. — Признание американской блокады *т. 15, стр. 494—497*	Друзья сецессионистов в Нижней палате. — Признание американской блокады *т. XII, ч. II, стр. 327—330*
Международная афера Миреса *т. 15, стр. 508—510*	Интернациональная афера Мирэ *т. XII, ч. II, стр. 343—344*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Аболиционистские выступления в Америке *т. 15, стр. 547—550*	Аболиционистские демонстрации в Америке *т. XII, ч. II, стр. 372—375*
Митинг в защиту Гарибальди *т. 15, стр. 558—560*	Митинг в честь Гарибальди *т. XII, ч. II, стр. 376—378*
Изготовление хлеба *т. 15, стр. 572—575*	Производство хлеба *т. XII, ч. II, стр. 389—392*
К положению в Северной Америке *т. 15, стр. 576—579*	К положению в Америке *т. XII, ч. II, стр. 393—396*
Письмо в редакцию «Berliner Reform» *т. 15, стр. 695*	Заметка в «Berliner Reform» *т. XIII, ч. I, стр. 289*
Кинглек о сражении на Альме *т. 15, стр. 609—624*	Кинглек о битве при Альме *т. XII, ч. II, стр. 542—559*
Воззвание лондонского Просветительного общества немецких рабочих о Польше *т. 15, стр. 596—597*	Воззвание Лондонского немецкого рабочего просветительного союза *т. XI II,ч. I, стр. 390—391*
Заявление в редакцию газеты «Social-Demokrat» *т. 16, стр. 79*	В редакцию «Social-Demokrat» *т. XIII, ч. I, стр. 78*
Резолюции Генерального Совета о конфликте в Парижской секции *т. 16, стр. 82—83*	Опубликована в письме К. Маркса Ф. Энгельсу от 13 марта 1865 г. *т. XXIII, стр. 268—269*
Заявление о причинах отказа от сотрудничества в газете «Social-Demokrat» *т. 16, стр. 86—89*	Заявление *т. XIII, ч. I, стр. 79—82*
Заявление в редакцию газеты «Berliner Reform» *т. 16, стр. 90*	В редакцию «Reform» *т. XIII, ч. I, стр. 85*
Речь на польском митинге в Лондоне 22 января 1867 года *т. 16, стр. 204—208*	Речь о Польше *т. XIII, ч. I, стр. 190—194*
Опровержение. В редакцию «Zeitung fur Norddeutschland» *т. 16, стр. 209*	В редакцию «Zeitung fur Norddeutschland» *т. XIII, ч. I, стр. 205* *т. XXV, стр. 483—484*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Запись речи К. Маркса на юбилейном празднестве лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих 28 февраля 1867 года *т. 16, стр. 550*	Отчет о речи Маркса на юбилейном празднике Лондонского немецкого рабочего просветительного союза 28 февраля 1867 г. *т. XIII, ч. I, стр. 401*
Воззвание Генерального Совета о конгрессе в Лозанне к членам, к примкнувшим обществам и ко всем рабочим *т. 16, стр. 551—553*	Обращение Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих к членам, местным организациям и ко всем рабочим *т. XIII, ч. I, стр. 402—404*
Резолюция Генерального Совета по поводу выступления Ф. Пиа *т. 16, стр. 324*	Резолюция Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих от 7 июля 1868 г. против Ф. Пиа *т. XIII, ч. I, стр. 271*
Заявление Генерального Совета по поводу отношения британского правительства к царской России *т. 16, стр. 327*	Резолюция Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих от 14 июля 1868 г. о поведении британского правительства по отношению к польским эмигрантам *т. XIII, ч. I, стр. 272*
Четвертый годовой отчет Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих *т. 16, стр. 331—336*	Отчет Генерального Совета Брюссельскому конгрессу М. Т. Р. *т. XIII, ч. I, стр. 274—278*
О связях Международного Товарищества Рабочих с английскими рабочими организациями *т. 16, стр. 345—347*	Заметка о М. Гирше *т. XIII, ч. I, стр. 284—286*
Заявление в лондонское Коммунистическое просветительное общество немецких рабочих *т. 16, стр. 351—352*	Маркс — Карлу Шпейеру *т. XXV, стр. 542—543*
Проект резолюции Генерального Совета о политике британского правительства по отношению к ирландским заключенным *т. 16, стр. 400—401*	Резолюция Генерального Совета о политике Гладстона по отношению к ирландским заключенным *т. XIII, ч. I, стр. 339*
Предисловие ко второму изданию «Крестьянской войны в Германии» *т. 16, стр. 412—420*	Предисловие к «Крестьянской войне в Германии» *т. XIII, ч. I, стр. 368—376*
Проект резолюции Генерального Совета о газете «Bee-Hive» *т. 16, стр. 442*	Резолюция Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих от 26 апреля 1870 г. против газеты «Beehive» *т. XIII, ч. I, стр. 377*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Проект резолюции Генерального Совета о «Французской федеральной секции в Лондоне» *т. 16, стр. 447*	Резолюция Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих от 10 мая 1870 г. против «Лондонской секции французской федерации» *т. XIII, ч. I, стр. 380*
Резолюция Генерального Совета о федеральном комитете Романской Швейцарии *т. 16, стр. 451*	Генеральный Совет — Романскому федеральному комитету *т. XIII, ч. I, стр. 430*
Комитету Социал-демократической рабочей партии *т. 16, стр. 449—450*	Маркс — Комитету Германской социал-демократической рабочей партии в Брауншвейг *т. XXVI, стр. 65—57*
Изложение письма К. Маркса Комитету Социал-демократической рабочей партии *т. 16, стр. 637*	Маркс — Комитету Германской социал-демократической рабочей партии в Брауншвейг *т. XXVI, стр. 59*
Повестка дня конгресса Интернационала в Майнце *т. 16, стр. 456*	Проект повестки дня конгресса Интернационала в Майнце *т. XIII, ч. I, стр. 385*
Первое воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне *т. 17, стр. 1—6*	Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих о войне *т. XIII, ч. II, стр. 6—10*
Комитету Социал-демократической рабочей партии *т. 17, стр. 268*	Маркс — Комитету Германской социал-демократической рабочей партии в Брауншвейг *т. XXVI, стр. 63—64*
Письмо Комитету Социал-демократической рабочей партии *т. 17, стр. 271—273*	Маркс — Комитету Германской социал-демократической рабочей партии в Брауншвейг *т. XXVI, стр. 68—70*
Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне *т. 17, стр. 274—282*	Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о войне *т. XIII, ч. II, стр. 93—100*
Как вести борьбу с пруссаками *т. 17, стр. 104—107*	Как разбить пруссаков *т. XIII, ч. II, стр. 110—113*
Сообщение о переговорах *т. 17, стр. 112—115*	История переговоров *т. XIII, ч. II, стр. 118—121*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Оправдания императора *т. 17, стр. 161—167*	Апология императора *т. XIII, ч. II, стр. 166—171*
Борьба во Франции *т. 17, стр. 168—172*	Бои во Франции *т. XIII, ч. II, стр. 172—176*
Прусские франтиреры *т. 17, стр. 206—210*	Прусские партизаны *т. XIII, ч. II, стр. 208—212*
Положение дел в России *т. 17, стр. 294—297*	Корреспонденция. Положение дел в России *т. XIII, ч. II, стр. 274—277*
Запись речи Ф. Энгельса о революции 18 марта в Париже *т. 17, стр. 621—622*	Сообщение о Парижской Коммуне *т. XIII, ч. II, стр. 653—654*
В редакцию газеты «De Werker» *т. 17, стр. 304*	Редактору «De Werker» Кунену *т. XIII, ч. II, стр. 280*
О забастовке рабочих-сигарочников Антверпена *т. 17, стр. 307*	Об антверпенских сигарочниках *т. XIII, ч. II, стр. 282*
Запись речи К. Маркса о Парижской Коммуне. Из протокола заседания Генерального Совета 23 мая 1871 года *т. 17, стр. 629—630*	Речь К. Маркса о Парижской Коммуне *т. XIII, ч. II, стр. 656—656*
Заявление Генерального Совета по поводу циркуляра Жюля Фавра *т. 17, стр. 372—373*	Редактору газеты «Times» *т. XIII, ч. II, стр. 339—340*
Письмо Генерального Совета в редакцию газеты «Standard» *т. 17, стр. 376*	Редактору «Standard» *т. XIII, ч. II, стр. 342*
Заявление Генерального Совета в редакцию газеты «Times» *т. 17, стр. 374—375*	Редактору «Times» *т. XIII, ч. II, стр. 343*
Заявление Генерального Совета по поводу письма Холиока *т. 17, стр. 377—378*	Редактору «Daily News» *т. XIII, ч. II, стр. 341*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Письмо Генерального Совета в редакцию газет «Spectator» и «Examiner» *т. 17, стр. 379*	Редактору «Spectator» (или «Examiner») *т. XIII, ч. II, стр. 342*
Редактору газеты «Daily News» *т. 17, стр. 380—381*	Редактору «The Eastern Post» *т. XIII, ч. II, стр. 347*
Заявление Генерального Совета по поводу писем Холиока и Лекрафта *т. 17, стр. 382—383*	Редактору «Daily News» *т. XIII, ч. II, стр. 345—346*
Редактору газеты «Neue Freie Presse» Фридлендеру *т. 17, стр. 384*	В редакцию газеты «Neue Freie Presse» *т. XIII, ч. II, стр. 344*
Редактору «Pall Mall Gazette» Гринвуду *т. 17, стр. 385*	В редакцию «Pall Mall Gazette» *т. XIII, ч. II, стр. 348*
Воззвание «Гражданская война во Франции» и английская пресса *т. 17, стр. 386—387*	Корреспонденция в «Volksstaat» *т. XIII, ч. II, стр. 349—350*
Сопроводительное письмо в редакцию газеты «Times» *т. 17, стр. 397*	Редактору «Times» *т. XIII, ч. II. стр. 357*
Испанскому федеральному совету *т. 18, стр. 52—53*	Энгельс — Испанскому федеральному совету Международного Товарищества Рабочих *т. XXVI, стр. 230—231*
Полицейский террор в Ирландии. Заявление Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих *т. 18, стр. 627—628*	Декларация Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих. Полицейский террор в Ирландии *т. XIII, ч. II, стр. 440—441*
Гражданам-делегатам национального Испанского съезда, собравшегося в Сарагосе *т. 18, стр. 58—59*	Гражданам-делегатам Сарагосского конгресса в Испании *т. XIII, ч. II, стр. 438—439*
Съезду в Сарагосе *т. 18, стр. 60*	Конгрессу в Сарагоссе *т. XIII, ч. II, стр. 439*
Заявление Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих в связи с выступлением Кокрена в палате общин *т. 18, стр. 61—66*	Листовка Генерального Совета, выпущенная в связи с выступлением Кокрэна против Интернационала *т. XIII, ч. II, стр. 442—447*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Феррарскому обществу рабочих *т. 18, стр. 67—68*	Энгельс — Феррарскому обществу рабочих в Феррару *т. XXVI, стр. 231—232*
Запись речи Ф. Энгельса о Сарагосском съезде. Из протокола заседания Генерального Совета 7 мая 1872 года *т. 18, стр. 633—636*	Доклад о Сарагосском конгрессе секций Интернационала в Испании *т. XIII, ч. II, стр. 448—451*
Заявление Генерального Совета по поводу Всемирного федералистского совета *т. 18, стр. 77—79*	Заявление Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих [относительно «Всемирного федеративного совета»] *т. XIII, ч. II, стр. 452—454*
Еще раз Стефанони и Интернационал. (Письмо в редакцию «Gazzettino Rosa») *т. 18, стр. 80—82*	Редактору «Gazzettino Rosa» *т. XIII, ч. II, стр. 455—457*
Ответ на статью Брентано *т. 18, стр. 83—86*	Брентано contra Маркс. № 4. Ответ Маркса *т. XVI, ч. II, стр. 192—195*
Комитету для освобождения рабочих классов в Парму *т. 18, стр. 98*	Комитету общества «Освобождение рабочего класса» в Парму *т. XXVI, стр. 276*
К бастующим горнорабочим Рура *т. 18, стр. 99—101*	К бастующим горнорабочим Рурской области *т. XIII, ч. II, стр. 469—471*
Ответ на вторую статью Брентано *т; 18, стр. 102—109*	Брентано contra Маркс. № 6. Второй ответ Маркса *т. XVI, ч. II, стр. 201—208*
Генеральный Совет — всем членам Международного Товарищества Рабочих *т. 18, стр. 110—115*	Генеральный Совет. Циркулярное письмо ко всем членам Международного Товарищества Рабочих *т. XIII, ч. II, стр. 475—480*
Испанским секциям Международного Товарищества Рабочих *т. 18, стр. 116—118*	О бакунистском «Альянсе». Международное Товарищество Рабочих *т. XIII, ч. II, стр. 472—474*
Обращение Генерального Совета к итальянским секциям Международного Товарищества Рабочих по поводу конференции в Римини *т. 18, стр. 120*	Энгельс — циркуляр итальянским секциям Международного Товарищества Рабочих в Риме, Ферраре, Милане и Турине *т. XXVI, стр. 285*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
О Гаагском конгрессе. Корреспондентская запись речи, произнесенной на митинге в Амстердаме 8 сентября 1872 года *т. 18, стр. 153—155*	Речь К. Маркса на митинге в Амстердаме после окончания работ Гаагского конгресса *т. XIII, ч. II, стр. 668—670*
Конгресс в Гааге. (Письмо к Биньями) *т. 18, стр. 159—164*	Письмо Ф. Энгельса к Биньями о Гаагском конгрессе *т. XIII, ч. II, стр. 511—516*
Резолюции общего конгресса, состоявшегося в Гааге 2—7 сентября 1872 года *т. 18, стр. 143—152*	Международное Товарищество Рабочих. Резолюции общего конгресса, состоявшегося в Гааге от 2 до 7 сентября 1872 г. *т. XIII, ч. II, стр. 700—708*
Письма из Лондона. IV. Митинг в Гайд-парке. — Положение в Испании *т. 18, стр. 186—188*	Письмо из Лондона *т. XIII, ч. II, стр. 524—526*
Манчестерская иностранная секция — всем секциям и членам Британской федерации *т. 18, стр. 192—196*	О Британском федеральном совете. Международное Товарищество Рабочих. Манчестерская международная секция всем секциям и членам Британской федерации *т. XIII, ч. II, стр. 530—534*
Заметки для Генерального Совета *т. 18, стр. 310—312*	Энгельс — Генеральному Совету Международного Товарищества Рабочих в Нью-Йорк *т. XXVI, стр. 316—318*
По поводу статей в «Neuer Social-Demokrat» (из письма А. Гепнеру) *т. 18, стр. S15—317*	Письмо в редакцию «Volksstaat» *т. XV, стр. 96—98*
Добавление к предисловию 1870 г. к «Крестьянской войне в Германии» *т. 18, стр. 494—500*	Предисловие к книге «Крестьянская война в Германии». [Добавление от 1874 г.] *т. XV, стр. 138—144*
Введение к брошюре «О социальном вопросе в России» *т. 18, стр. 566—568*	Опубликовано в виде примечания к работе Ф. Энгельса «Эмигрантская литература». V. Социальные отношения в России *т. XV, стр. 251—264*
Письмо Генеральному Совету Международного Товарищества Рабочих в Нью-Йорк *т. 19, стр. 33—34*	Энгельс — Генеральному Совету Международного Товарищества Рабочих в Нью-Йорк *т. XXVI, стр. 392—394*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Господин Бухер. Редактору «Daily News» *т. 19, стр. 147—148*	Письмо К. Маркса в редакцию «Daily News». [О Л. Бухере.] *т. XV, стр. 424—425*
Циркулярное письмо А. Бебелю, В. Либкнехту, В. Бракке и др. *т. 19, стр. 161—175*	Маркс и Энгельс — А. Бебелю, В. Либкнехту, В. Бракке и др. («Циркулярное письмо») *т. XXVII, стр. 47—61*
Замечания -на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии» (2 издание) том I (1879) *т. 19, стр. 369—399*	Замечания на книгу Адольфа Вагнера *т. XV, стр. 451—483*
Введение к программе французской Рабочей партии *т. 19, стр. 246*	Программа Французской социалистической рабочей партии (1881 г.) *т. XV, стр. 684*
Введение к французскому изданию брошюры Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» *т. 19, стр. 241—245*	П. Лафарг. Предисловие к французскому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке» *т. XV, стр. 682—683*
Письмо В. И. Засулич *т. 19, стр. 250—251*	Маркс — В. И. Засулич в Петербург *т. XXVII, стр. 117—118*
Председателю славянского митинга, созванного 21 марта 1881 г. в Лондоне в честь годовщины Парижской Коммуны *т. 19, стр. 252—253*	Славянскому митингу 21 марта 1881 г. в честь годовщины Парижской Коммуны *т. XV, стр. 552—553*
Письмо редактору «Daily News» *т. 19, стр. 254*	Энгельс — редактору «Daily News» в Лондон *т. XXVII, стр. 122—123*
Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» *т. 19, стр. 304—305*	Предисловие к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» *т. XV, стр. 600—601*
Бруно Бауэр и первоначальное христианство *т. 19, стр. 306—314*	Бруно Бауэр и раннее христианство *т. XV, стр. 602—610*
Георг Веерт. «Песня подмастерья» Георга Веерта (1846 г.) *т. 21, стр. 3—6*	«Песня подмастерья» Георга Веерта (1846 г.) *т. XVI, ч. I, стр. 154—157*
Предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1883 года *т. 21, стр. 1—2*	Предисловие к третьему немецкому изданию «Коммунистического Манифеста» 1883 г. *т. XVI, ч. I, стр. 158*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Маркс и Родбертус. Предисловие к первому немецкому изданию работы К. Маркса «Нищета философии» *т. 21, стр. 180—194*	Предисловие к первому немецкому изданию «Нищеты философии» *т. XVI, ч. I, стр. 174—188*
О разложении феодализма и возникновении национальных государств *т. 21, стр. 406—416*	О разложении феодализма и развитии буржуазии *т. XVI, ч. I, стр. 440—450*
Создавшаяся обстановка *т. 21, стр. 233—234*	Создавшееся положение *т. XVI, ч. I, стр. 227—228*
Заявление в редакцию «New-Yorker Volkszeitung» *т. 21, стр. 318*	Опубликовано в письме Энгельса Ф. А. Зорге от 29 апреля 1886 г. *т. XXVII, стр. 556*
Протекционизм и свобода торговли. Предисловие к брошюре: Карл Маркс. «Речь о свободе торговли» *т. 21, стр. 372—389*	Протекционизм и свобода торговли *т. XV 1,ч. I, стр. 310—327*
Из путевых впечатлений об Америке *т. 21, стр. 484—486*	Путешествие в Америку *т. XXVIII, стр. 48—50*
Извещение организационной комиссии о созыве Международного социалистического рабочего конгресса *т. 21, стр. 556—558*	Извещение о созыве Международного социалистического рабочего конгресса *т. XXVIII, стр. 423—424*
Об антисемитизме (из письма одному частному лицу в Вене) *т. 22, стр. 53—55*	Об антисемитизме (из письма к Эренфрейнду) *т. XVI, ч. II, стр. 45—47*
Предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1890 года *т. 22, стр. 56—63*	Предисловие к 4-му немецкому изданию «Коммунистического Манифеста» *т. XVI, ч. II, стр. 48—52*
Набросок ответа редакции «Sachsiszhe Arbeiter-Zeitung» *т. 22, стр. 71—72*	Черновик ответа редакции газеты «Sachsische Arbeiter-Zeitung» *т. XVI, ч. II, стр. 64—67*
В редакции газет «Arbeiter-Wochen-Chronik» и «Nep-szava». Будапешт *т. 22, стр. 93—94*	В редакцию газеты «Arbeiter-Wochen-Chronik», Будапешт *т. XVI, ч. II, стр. 80*
Приветствие французским рабочим по случаю 20-й годовщины Парижской Коммуны *т. 22, стр. 187—188*	К 20-й годовщине Парижской Коммуны (письмо в редакцию газеты «Le Socialiste») *т. XVI, ч. II, стр. 95—96*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
По поводу испанского издания книги К. Маркса «Нищета философии». (Письмо Хосе Меса) *т. 22, стр. 202*	Письмо к Хозе Меса по поводу испанского издания книги Маркса «Нищета философии» *т. XVI, ч. II, стр. 97*
Комитету по организации интернациональной митинга в Милане в защиту прав труда *т. 22, стр. 203*	Итальянским социал-демократам (в ответ на приглашение на международный рабочий митинг в Милане 12 апр. 1891 г.) *т. XVI, ч. II, стр. 98*
Введение к отдельному изданию работы К. Маркса «Наемный труд и Капитал» 1891 года *т. 22, стр. 204—212*	Введение к брошюре Маркса «Наемный труд и Капитал» *т. XVI, ч. II, стр. 129—136*
Приветствие второму австрийскому партийному съезду *т. 22, стр. 226*	Австрийскому партийному съезду в Вене 1891 г. *т. XVI, ч. II, стр. 137*
Редакции газеты «Volksfreund» *т. 22, стр. 265—266*	Редакции чешской газеты «Volksfreund» в Брюнне, к десятилетнему юбилею газеты *т. XVI, ч. II, стр. 147*
Сопроводительное письмо к заявлению редактору газеты «Daily Chronicle» *т. 22, стр. 267*	В редакцию «Daily Chronicle» в Лондон *т. XXVIII, стр. 380*
Певческому кружку лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих. Тоттенхем-стрит *т. 22, стр. 270—271*	Хоровому кружку лондонского Коммунистического рабочего просветительного союза *т. XXVIII, стр. 386—386*
Ответ достопочтенному Джованни Бовио *т. 22, стр. 286—288*	Опубликован в письме Ф. Энгельса — Филиппо Турати от 6 февраля 1892 г. *т. XXIX, стр. 15—17*
Предисловие к польскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1892 года *т. 22, стр. 289—290*	Предисловие ко второму польскому изданию «Коммунистического Манифеста» *т. XVI, ч. II, стр. 281—282*
Приветствие французским рабочим по случаю 21-й годовщины Парижской Коммуны *т. 22, стр. 291—292*	К 21-й годовщине Парижской Коммуны *т. XVI, ч. II, стр. 283—284*
Вводное замечание ко второму немецкому изданию работы К. Маркса «Нищета философии» *т. 22, стр. 293*	Предисловие ко второму немецкому изданию книги Маркса «Нищета философии» *т. XVI, ч. II, стр. 285*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Третьему австрийскому партийному съезду *т, 22, стр. 321*	Австрийскому партийному съезду в Вене 1892 г. *т. XVI, ч. II, стр. 309*
Предисловие к английскому изданию «Положения рабочего класса в Англии» 1892 года *т. 22, стр. 272—285* Предисловие ко второму немецкому изданию «Положения рабочего класса в Англии» 1892 года *т. 22, стр. 326—341*	Предисловие к английскому и ко второму немецкому изданиям книги «Положение рабочего класса в Англии» *т. XVI. ч. II, стр. 262—278*
О некоторых особенностях экономического и политического развития Англии *т. 22, стр. 342—343*	Заметки. 1. О теориях английских «государственных» партий. 2. О причинах отсутствия кризисов с 1868 г. *т. XVI, ч. II, стр. 313—314*
Национальному совету Социалистической рабочей партии Испании *т. 22, стр. 344—345*	Национальному совету Испанской социалистической партии в Мадрид *т. XXIX, стр. 123—125*
Президентские выборы в Америке *т. 22, стр. 346—348*	Выборы президента в Америке *т. XVI, ч. II, стр. 315—317*
Вновь открытый пример группового брака *т. 22, стр. 364—367*	Вновь открытый случай группового брака *т. XVI, ч. II, стр. 321—324*
Правлению Социал-демократической партии Венгрии *т. 22, стр. 368*	Правлению венгерской социал-демократической партии *т. XVI, ч. 11, стр. 325*
К итальянскому читателю. Предисловие к итальянскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1893 года *т. 22, стр. 281—382*	Предисловие к первому итальянскому изданию «Коммунистического Манифеста». Итальянскому читателю *т. XVI, ч. II, стр. 326—327*
Приветствие австрийским рабочим к Первому мая 1893 года *т. 22, стр. 418—419*	Австрийским рабочим к 1 мая 1893 г. *т. XVI, ч. II, стр. 363*
Вопреки всему. Приветствие французским рабочим к Первому мая 1893 года *т. 22, стр. 421*	Quand meme (французским рабочим к 1 мая 1893 г.) *т. XVI, ч. II, стр. 364*
Испанским рабочим к Первому мая 1893 года *т. 22, стр. 422—423*	Испанским рабочим к 1 мая 1894 г. *т. XVI, ч. II, стр. 404*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
В редакцию болгарского журнала «Социалъ-демократъ» *т. 22, стр. 424*	В редакцию болгарского сборника «Социалъ-Демократъ» *т. XVI, ч. II, стр. 367*
Речь при закрытии Международного социалистического рабочего конгресса в Цюрихе 12 августа 1893 года. Протокольная запись *т. 22, стр. 425—426*	Речь на Цюрихском конгрессе II Интернационала *т. XVI, ч. II, стр. 368—369*
Лондонскому Коммунистическому просветительному обществу немецких рабочих *т. 22, стр. 431*	Лондонскому Коммунистическому Рабочему Просветительному Союзу в Лондон *т. XXIX, стр. 267*
Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» *т. 22, стр. 438—453*	Послесловие к статье «Социальные отношения в России» *т. XVI, ч. II, стр. 388—401*
Будущая итальянская революция и социалистическая партия *т. 22, стр. 457—460*	Будущая итальянская революция и социалистическая партия. (Письмо Турати.) *т. XVI, ч. II, стр. 377—382*
Четвертому австрийскому партийному съезду *т. 22, стр. 462*	Австрийскому партийному съезду 1894 г. *т. XVI, ч. II, стр. 403*
Правлению Социал-демократической партии Венгрии в связи с третьим партийным съездом *т. 22, стр. 463—464*	Венгерскому партийному съезду 1894 г. в Будапеште *т. XVI, ч. II, стр. 405*
К истории первоначального христианства *т. 22, стр. 466—492*	К истории раннего христианства *т. XVI, ч. II, стр. 407—431*
Английским социалистическим и рабочим организациям *т. 22, стр. 493*	Английским социалистическим организациям *т. XXIX, стр. 326—327*
Третьему съезду социалистической партии итальянских трудящихся. (Письмо К. Делл'Авалле) *т. 22, стр. 494*	С. Делл'Аваллес в Милан *т. XXIX, стр. 328—329*
Приветствие социалистам Сицилии *т. 22, стр. 495—496*	Последнее слово Италии. (Письмо в редакцию сицилийского журнала «Riscossa») *т. XVI, ч. II, стр. 432—433*

Название работы во 2 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Название работы в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Лондонскому Коммунистическому просветительному обществу немецких рабочих *т. 22, стр. 527*	Лондонскому Коммунистическому Рабочему Просветительному Союзу в Лондон *т. XXIX, стр. 348*
В правление лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих *т. 22, стр. 549*	Лондонскому Коммунистическому Рабочему Просветительному Союзу в Лондон *т. XXIX, стр. 391*

СОДЕРЖАНИЕ*

* Заглавия работ, данные Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, отмечены звездочкой.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Том подготовлен к печати *А. К. Воробьевой*
Работа «Брентано contra Маркс»,
материалы к сборнику статей из «Volksstaat»
и «Приложения» подготовлены *М. Л. Острецовой*
Помощники подготовителя
Р. Г. Лебедева и Ф. Г. Рябов
Даты жизни и деятельности Ф. Энгельса
подготовлены *Б. Г. Тартаковским*
Редакторы *Л. И. Гольман* и *И. А. Арманд*

Технический редактор Ц. Л. Бейлина
Корректоры *Г. А. Карликаво,* и *Н. Д. Черединцева*

*

Сдано в набор 14/III 1962 г. Подписано
к печати 6/VIII 1962 г. Формат 60х92$^{1}/_{16}$.
Физ. печ. л. 52$^{1}/_{2}$ + 2 вклейки ($^{1}/_{4}$печ. л.).
У слоен. печ. л. 52,75. Уч.-изд. л. 62,42.
Тираж 120 тыс. экз. Заказ М 1378.
Цена 1 руб.

*

Государственное издательство
политической, литературы.
Москва, А-47, Миусская пл., 7.

*

Ленинградский Совет народного
хозяйства. Управление
полиграфической промышленности.
Типография № 1 «Печатный Двор»
имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.